

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

ТОМЪ XXXVIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXVIII

1889

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1889

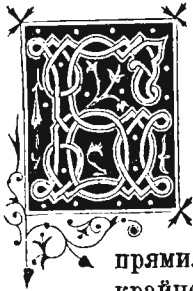

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЪ¹⁾.

Историческій романъ.

XLIII.

АРОНЪ НЕЙДШИЛЬДЪ и его дочь, ворочаясь домой, сидѣли въ каретѣ молча, задумавшись. Баронъ, подъ тяжестью своихъ размышленій, согнулся, опустил голову и глядѣлъ на коврикъ экипажа. Такъ сидятъ выздоравливающіе, или совсѣмъ дряхлые старики, или, наконецъ, убитые горемъ люди. Красавица Ева, напротивъ, какъ-то особенно выпрямилась, даже слегка закинула голову назадъ и только крайне блѣдное лицо и необычный, тревожный огонекъ въ глазахъ, всегда ясныхъ и спокойныхъ, выдавали ея нравственное настроеніе. Когда свѣтъ фонарей, уже зажженныхъ на улицѣ, освѣщаль ея фигуру въ каретѣ, она казалась не живымъ существомъ, а красивымъ привидѣніемъ.

Молча доѣхали они домой, вошли и разошлись въ столовой, направляясь въ свои горницы. Однако, черезъ нѣсколько минутъ, побродивъ по своему кабинету, баронъ вышелъ, прошелъ на половину дочери и постучался въ ея дверь.

Она откликнулась. Баронъ вошелъ и выговорилъ, какъ бы извиняясь:

— Ева, надо поговорить... Молчать хуже.

Молодая дѣвушка не отвѣчала и вздохнула.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 457.

— Надо поговорить,—повторилъ баронъ, опускаясь въ кресло.— Можетъ быть что-нибудь выяснится... Придумаемъ что дѣлать...

Ева тихо подошла, сѣла около отца и произнесла твердо:

— Нечего дѣлать, батюшка... И сколько бы мы ни говорили, придумать ничего нельзя. Вы хотите утѣшить и успокоить меня бесѣдой. Это—напрасный трудъ—я спокойна. Притомъ же я знаю, что никакія бесѣды, хотя бы онѣ длились цѣлый годъ, ничего не рѣшаютъ. Вы скажете снова мнѣ, что онъ безродный, подкинутый, или купленный пріемышь, и, что, не смотря на свое званіе флигель-адъютанта, онъ мнѣ не пара...

— Конечно, милая моя!

— Да. Но я отвѣчу вамъ, что я его люблю. Вы скажете, что онъ дурной человѣкъ, очень дурной, дурно воспитанный, съ дурными наклонностями, даже съ пороками, что въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго, что онъ человѣкъ безъ нравственности, безъ религіи, безъ сердца, не такъ ли?

— Ты знаешь, что это все видно изъ всѣхъ его поступковъ. Я говорю не наобумъ.

— Ну, да. А я отвѣчу вамъ на это, что все это вѣрно, справедливо, но... но, что я его люблю!

— Подумай! — воскликнулъ баронъ. — Если ты признаешь въ немъ все, что ты говоришь, сама убѣждена въ этомъ, а не просто повторяешь чужія слова, то подумай—за что ты любишь его? Почему?

— За что и почему, я сама не знаю! За то, что онъ—именно онъ, а не другой. Отнимите у него всѣ его недостатки и пороки, сдѣлайте его другимъ—добродѣтельнымъ—и тогда, пожалуй, я перестану любить его.

— Это ужасно, что ты говоришь!..

— Да, конечно, но повѣрьте, что чувство, которое во мнѣ, еще ужаснѣе. Мнѣ кажется иногда, что я въ борьбѣ съ какимъ-то чудовищемъ, которое овладѣло мною. Этотъ человѣкъ и мое чувство къ нему такъ мало похожи на мои прежнія грезы о счастіи, что, размышляя, я только болѣе запутываюсь. Въ немъ есть, конечно, хорошее, но сравнительно мало: недостатки и даже пороки преобладаютъ. И вотъ это все дурное въ немъ я тоже люблю. Я бы не желала, чтобъ онъ измѣнился. Быть можетъ, вы думаете—и даже вы однажды говорили,—что я напрасно надѣюсь, что онъ измѣнится, что, будучи женой его, я буду тщетно стараться его измѣнить. Вы говорили, что я ошибаюсь, мечтая объ этомъ. И вы сами ошиблись. Я объ этомъ не думаю. Я не желаю, чтобы онъ перемѣнился. Пускай остается онъ тѣмъ же дурнымъ человѣкомъ, а я буду любить въ немъ, помимо хорошаго, и все это дурное.

— Ева! Вѣдь это сумасшествіе!—снова воскликнулъ баронъ въ отчаяніи. — Ты обманываешь себя. — Твое воспитаніе, характеръ, твоя религіозность, не могутъ допустить тебя до этого!

— Все это было, — едва слышно, упавшимъ голосомъ, отозвалась Ева.

— Что было?

— Все это было,—повторила Ева.

— Да что все?

— Все что была ваша дочь Ева. все это гдѣ-то далеко, будто потеряно на дорогѣ, все это не нужно... Все это лишнее... Безъ всего этого можно жить. А теперь есть одно, чѣмъ живешь—чувство къ этому человѣку.

— Ева, что же это?! А отецъ?..

Дѣвушка двинулась съ своего мѣста, опустилась на колѣни предъ барономъ, взяла его за руки и, цѣлуя ихъ, опустила на нихъ голову и прижалась лицомъ.

— Стало быть, и меня ты любишь меньше. И я ему пожертвованъ?..

— Неправда!—отозвалась Ева.—Я чувствую, что это неправда.— Но теперь я не могу ничего разъяснить ни себѣ, ни вамъ. Не будемъ говорить объ этомъ... Время все разъяснить намъ обоимъ.

— Время! Да... Но теперь вѣдь ты несчастлива?.. Неужели разсудокъ твой не можетъ придти къ тебѣ на помощь? Тогда будемъ говорить вмѣстѣ. Чаше...

— Нѣтъ, батюшка, напротивъ. Дайте мнѣ слово, что это нашъ послѣдній разговоръ о немъ. Что мы больше объ этомъ говорить не будемъ, что мы имени его ни разу не произнесемъ. Дайте мнѣ слово! Иначе я не могу... Это, дѣйствительно, мученіе и мнѣ, и вамъ. Для меня будетъ уже маленькимъ утѣшеніемъ знать, что мы больше съ вами о немъ никогда говорить не будемъ. И вы должны мнѣ дать честное слово, что не заговорите обо всемъ этомъ долго, долго... покуда я сама не заговорю, сколько бы времени это не продолжалось. Дайте мнѣ слово! Это будетъ мое единственное утѣшеніе.

Нейдшильдъ взялъ дочь за голову, и поцѣловалъ ее въ лобъ дрожащими губами. Слезы показались на лицѣ его.

— Даете слово?—ласково спросила Ева, цѣлуя отца.

— Даю...

— Никогда ни слова ни о чемъ, какъ еслибъ его не было, какъ еслибъ ничего не случилось. Даете?..

— Даю слово.

— Ну, вотъ!—съ грустной улыбкой произнесла дѣвушка, поцѣловала руку отца, поднялась и, отойдя къ зеркалу, стала поправлять прическу.

Но ея собственное лицо, съ какимъ-то незнакомымъ ей самой выраженіемъ во взглядѣ, съ какой-то новой странной пулу-улыбкой на губахъ, вдругъ поразило ее. Она будто испугалась самой себя и быстро отошла отъ зеркала.

Нейдшильдъ, тяжело поднявшись, молча вышелъ и, придя къ себѣ въ кабинетъ, не зажигая свѣчей, сѣлъ въ кресло и произнесъ шопотомъ:

— Надо уѣхать! Увезти ее подальше, надолго... А если она не захочетъ, то надо...

Онъ загнулся и мысленно добавилъ:

— Но вѣдь это будетъ счастье на одинъ мѣсяць, на полгода... Ужасно!..

XLIV.

Тотчасъ же послѣ ухода барона, явился лакей и доложилъ барышнѣ о приходѣ Пашуты. Легкій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Евы. вмѣсто того, чтобы велѣть позвать дѣвушку, которую она уже видѣла въ этотъ день, Ева быстро двинулась сама. Пройдя въ прихожую и, увидя Пашуту, она взяла ее за руки и потянула за собой, ни слова не вымолвивъ. Усѣвшись на кушеткѣ и посадивъ Пашуту, какъ часто бывало прежде, на скамейкѣ у себя въ ногахъ, Ева выговорила тихо:

— Говори все!.. Чтò-нибудь новое есть?.. Все говори, чтò знаешь... Ты видѣла его теперь? послѣ поединка?..

— Да-съ. Послѣ...

— Чтò онъ говорить? Какъ себя чувствуетъ? Онъ не былъ въ опасности?..

— На немъ рукавъ сорочки разорвала пуля.

Ева схватила Пашуту за руку и вдругъ замерла, потомъ вздохнула, покачала головой и потупилась.

Пашута говорила чтò-то, но она не слушала.

— Какъ же это понять?—произнесла вдругъ Ева.—Когда мнѣ сказали: Фонъ-Энзе убить, со мной этого не было. А теперь, узнавъ только про рукавъ... Богъ знаетъ чтò... Ну, говори, чтò онъ? Радъ, доволенъ, что избавился отъ Фонъ-Энзе... Радуется и смѣется со своими секундантами, съ пріятелями?..

— Нѣтъ, барышня. Какъ можно! Онъ не такой, какъ всѣ... Вѣдь онъ чудной! Дверь была долго растворена къ нему въ спальню, и я все до единого слова слышала.

— Что же?

— Онъ говорилъ, такъ ему скверно, что не знаетъ, чтò лучше: убить ли, или быть убитымъ. Говорилъ, что ужъ лучше бы Фонъ-Энзе его убилъ, легче бы было. А они все надъ нимъ смѣялись... Онъ сказалъ, что и говорить объ этомъ не станетъ и поминать не хочетъ. Ужъ очень тяжело.

— Да это такъ... Это онъ!—тихо произнесла Ева.—Я такъ и думала. Это онъ! И про этого человѣка говорить, что онъ дурной,

порочный,.. И самъ онъ считаетъ себя порочнымъ. И ты вѣдь считаешь его извергомъ и злодѣемъ.

— Да, барышня, считала! А теперь и у меня умъ за разумъ зашелъ. Теперь я и сама не знаю, какой онъ человѣкъ. Должно быть, онъ, барышня, знаете что?..—вдругъ произнесла Пашута.

— Что?..

— Колдунъ онъ.

— Да, правда твоя, Пашута,—улыбнулась Ева,—именно колдунъ!

— Вотъ что, милая моя барышня,—заговорила Пашута, опуская глаза.—Я вѣдь къ вамъ не сама пришла, меня послалъ Михаилъ Андреевичъ.

Ева схватила дѣвушку за руку и сжала ее. Она не вымолвила ни слова, но глаза ея ясно сказали:

«Говори скорѣй!»

Пашута рассказала подробно свой разговоръ съ Шумскимъ, и передала то положеніе, въ которомъ онъ находится, благодаря своей послѣдней шуткѣ съ каретой. Она объяснила Евѣ, что Шумскій настолько вѣрилъ въ свою неминуемую смерть, что не побоялся дерзкой выходкой нанести страшное оскорбленіе Аракчееву. Но вышло все иначе. Онъ остался невредимъ. Карета росписная надѣлала много шуму въ Петербургѣ. А онъ ждетъ отместки отъ графа. Все сводится къ тому, признается ли онъ графу, или будетъ отрицать. А все это: погибель его, или спасеніе, зависитъ отъ нея—Евы. Если у него будетъ надежда, что прежнее возвратимо, то онъ выгородитъ себя и не сознается Аракчееву.

— Все зависитъ отъ васъ, барышня,—кончила Пашута.

— Что же я могу сдѣлать? Скажи ему, чтобы онъ надѣялся, что все еще устроится.

— Этого мало. Онъ хочетъ видѣть васъ, говорить съ вами, или у васъ, или...

Пашута запнулась и опустила глаза.

— Или у насъ, или гдѣ?—произнесла Ева.

— Понятно тамъ...

— Гдѣ тамъ?..

— У насъ,—вымолвила Пашута тихо.

Наступила пауза. И, наконецъ, Ева произнесла тихо:

— У него?

Пашута не отвѣтила.

Наступило молчаніе и длилось долго.

Пашута, державшая руку Евы въ своихъ обѣихъ рукахъ, вдругъ почувствовала, что маленькая ручка вздрагиваетъ все сильнѣе, она подняла глаза на свою дорогую барышню и увидала, что Ева плачетъ.

— Что вы, барышня? Вы оскорбились и на меня. Я передаю чужое... Это не я...—взволновано заговорила Пашута.

— Скажи ему,—заговорила Ева, но голосъ ея прерывался отъ слезъ и спазмы въ горлѣ.—Принять его въ домъ отца, я не могу безъ его позволенія. Здѣсь все его. Это значить нарушить его права. Стало быть, можно видѣться только тамъ... у васъ. Скажи, что это можетъ быть. Нескоро, но будетъ. Понимаешь? Я чувствую, что это будетъ. Но затѣмъ послѣ, тотчасъ же, все кончится благополучно, или мнѣ останется только самоубійство.

— Ахъ, что вы!—воскликнула Пашута.

— Ахъ, милая, давно ли ты говорила мнѣ сама, что жизнь можетъ такъ повернуться, что другого выбора нѣтъ. Давно ли ты говорила, рассказывая о себѣ, что это вовсе не такъ трудно, какъ кажется, что ты много думала объ этомъ, будучи въ Грүзинѣ. Ну, вотъ я теперь въ положеніи, которое, пожалуй, хуже твоего. Тебѣ грозятъ мученіями, пытками, но не душевными. Тебя будутъ наказывать, придумывать всякія истязанія, но душу твою не тронуть; а вѣдь мнѣ грозить много худшее...

Пашута молчала и волновалась. Въ головѣ ея неотступно стоялъ вопросъ: говорить ли баронессѣ все, или нѣтъ? Говорить ли, что задумалъ Шумскій? Какимъ образомъ онъ хочетъ заставить барона согласиться на ихъ бракъ. И Пашута не рѣшалась. Она будто боялась, что, испугавъ баронессу, она не выполнитъ порученія Шумскаго и предастъ ей его. Умалчивая, она ему предастъ то существо, которое обожаетъ. Давно ли она ненавидѣла этого человѣка, считала врагомъ и злодѣемъ Евы. А вдругъ теперь въ ней борьба, кого изъ двухъ предавать.

И, наконецъ, Пашута, мысленно рѣшивъ умолчать, по крайней мѣрѣ на время, произнесла:

— Барышня, позвольте мнѣ завтра опять придти?

— Конечно, приходи. Всякій день приходи. Я батюшку попрошу дозволить это. Я знаю, онъ согласится. У меня теперь только одно утѣшеніе, тебя видѣть. Но я одного боюсь, Пашута. Ты можешь всякій день, всякій часъ попасться полиціи. Тебя схватятъ и опять отвезутъ въ Грүзино, а тамъ твоя погибель. Я хочу опять просить батюшку, не боясь Аракчеева, укрыть тебя гдѣ-нибудь. Тамъ ты не въ безопасности... тамъ, на Морской... у него...

И Ева почему-то не рѣшилась назвать Шумскаго по имени.

— Тамъ тебя скорѣе розыщутъ и схватятъ. Я даже не понимаю, какъ до сихъ поръ тебя не нашли. Приходи завтра же. А я сегодня переговорю съ батюшкой. Прежде онъ не хотѣлъ, но теперь послѣ всего этого, онъ согласится укрыть тебя. Если же мы уѣдемъ къ себѣ въ Финляндію, а кажется это такъ и будетъ, то мы возьмемъ тебя съ собой. Тамъ и Аракчеевъ тебя не доставеть.

За русской границей, въ Финляндіи, ты уже не крѣпостная. Мнѣ это говорили знающіе люди.

Баронесса расцѣловала свою любимицу и, прощаясь съ ней, говоря: «до завтра», почувствовала себя нѣсколько бодрѣе.

Мысль, что завтра она снова будетъ съ Пашутой говорить все о томъ же, чѣмъ полно ея сердце, полонъ разумъ, дѣлала ее почти счастливой. Это была все-таки надежда на нѣчто, что осуществимо, что завтра непременно будетъ.

Бесѣда съ Пашутой о Шумскомъ казалась ей теперь тѣмъ же, чѣмъ когда-то, давно, было для нея свиданіе съ нимъ самимъ... съ секретаремъ Андреевымъ.

XIV.

Едва только Пашута вышла изъ дома барона и прошла нѣсколько шаговъ, какъ увидала около фонарнаго столба хорошо знакомую фигуру. Она сразу узнала ее и, пріостановившись на мгновение отъ безотчетнаго чувства страха, двинулась на встрѣчу еще быстрѣе.

Это былъ ея братъ, котораго Пашута никакъ не могла ожидать встрѣтить здѣсь въ эту минуту, такъ какъ онъ жилъ, скрываясь, у Квашнина.

— Что такое?.. Бѣда какая?!—воскликнула Пашута.

— Вѣстимо, бѣда,—отвѣтилъ Копчикъ,—а то что же другое ждать можно. Я тебя цѣлый часъ тутъ караюлю.

— Чтѣжь такое?

— Меня накрыли, чуть не взяли... И тебя ждуть у Михаила Андреевича, чтобы заарестовать.

— Полиція?..

— А то кто жъ!

— Господи, чтѣжь теперь дѣлать!—съ отчаяніемъ произнесла Пашута.—«Хоть бы дали денька два-три чужое горе уладить — подумалось ей,—а самой-то все равно».

— Ну, иди скорѣй! И тутъ негоже время терять. И сюда могутъ нагрянуть. Да вонъ смотри на извозчикахъ ѣдутъ... Вишь кивера... Поди они же и есть.

Копчикъ схватилъ сестру за руку, и они пустились быстрыми шагами въ противоположную сторону; но черезъ нѣсколько мгновений Копчикъ оглянулся и выговорилъ тревожно:

— Побѣжимъ скорѣе!

И братъ съ сестрой пустились по панели бѣгомъ. Звукъ дрожекъ замолкъ вдали, но имъ было не видно, остановились ли предполагаемые полицейскіе у дома барона, или свернули куда-либо въ сторону.

— Ну передохнемъ! Покуда миновало. Чтò-то дальше будетъ?— выговорилъ Копчикъ.

— Куда же мы, Вася?

— А вотъ сейчасъ узнаешь, все расскажу; а теперъ шагай, что есть мочи.

— Да ты скажи только куда идемъ?

— Одно у насъ мѣсто осталось, Пашута. Послѣднее. Да и то невѣдомо, пустятъ насъ, или выгонять. Думаю пустятъ. Онъ добрый, добрѣющій!..

— Кто?..

— Капитанъ Ханенко—пріятель барина. Онъ не пуститъ, пойдемъ прямо за заставу, въ поле. Больше некуда.

— Врядъ ли пуститъ. Я его разъ какъ-то мелькомъ видѣла... Былъ онъ вечеромъ у Михайла Андреевича. Хохоль вѣдь онъ? Хитрый, опасливый. Почему ты надумалъ къ нему идти?

Но Копчикъ на вопросъ сестры махнулъ рукой и выговорилъ:

— Идемъ скорѣй! Успѣю все рассказать!

И они быстрой походкой, почти бѣгомъ, двинулись далѣе, поворачивая изъ одной улицы въ другую. Черезъ полчаса ходьбы, они были уже предъ маленькимъ домикомъ, въ которомъ жилъ капитанъ. Въ окошкахъ было темно. Копчикъ зашелъ во дворъ и спросилъ денщика капитана, котораго, разумѣется, зналъ давно.

Маленькій и тщедушный солдатикъ, по имени Григорій, котораго Ханенко звалъ уменьшительнымъ «Гришуня», принялъ бѣглецовъ. Онъ впустилъ ихъ въ крошечную прихожую и объяснилъ, что капитана нѣтъ дома, да врядъ ли онъ и вернется на ночь.

— Отчего!—ахнулъ Копчикъ.

— Вамъ лучше знать!—отозвался Григорій.—Изъ-за вашего барина все приключилось. Капитанъ сказывалъ, что ему ночевать придется въ крѣпости и что если онъ на ночь не придетъ, чтобы я справлялся тамъ и первымъ дѣломъ халатъ ему снесъ. Онъ вѣдь безъ халата не можетъ! Чтò тамъ не случись на свѣтѣ, а ему халатъ. Онъ вѣдь сказываетъ завсегда: ты, говоритъ, Гришуня, коли я помру и въ гробъ смотри не забудь мнѣ халатъ положить, чтобы было въ чемъ на томъ свѣтѣ ходить.

Григорій, улыбаясь, широко раздвинулъ свой огромный ротъ съ черными зубами и удивился, что прибывшіе не размѣялись, а продолжали тревожно смотрѣть на него.

— Аль съ вами бѣда какая?—догадался онъ.

— Да... то есть особеннаго ничего...—спохватился Копчикъ.— Мнѣ... Вотъ намъ съ сестрой нужно капитана видѣть.—Даже такъ тебѣ скажу—не придетъ онъ на ночь, мы все равно его тутъ прождемъ всю ночь. Мнѣ такъ указано и сестрѣ тоже: сидѣть тутъ и ждать капитана хотя бы трое сутокъ.

— Ну что же, сидите!—нерѣшительно выговорилъ солдатъ.—

Коли приказано, такъ дѣлайте. Токмо одна бѣда, коли капитанъ не вернется сутокъ двое, трое, что же мы тогда всѣ трое-то жрать будемъ. На меня одного хватить, а на троихъ гдѣ же...

— Объ этомъ не заботься, у насъ деньги есть, а у васъ тутъ лавочки есть... Мы и тебя угостимъ.

— Ну, это дѣло иное!—быстрѣе выговорилъ солдатъ.—Оставайтесь. Эдакъ хоть мѣсяць можете ожидать. Да, вѣдь, можетъ капитанъ сейчасъ пріѣдетъ. Все это неизвѣстно. А самоварчикъ я все-таки сейчасъ поставлю.

Копчикъ съ сестрой остался въ маленькой прихожей, а Григорій отправился въ кухню, чтобы похлопотать объ угощеньи. Пашута, какъ вошла, сѣла на полуразломанный стулъ и сидѣла теперь, опустивъ голову и глубоко задумавшись. Она почти не слышала разговора брата съ денщикомъ. Копчикъ сѣлъ на какой-то сундукъ и окликнулъ сестру:

— Что ты? Устала что ли?..

— Нѣтъ, не устала. А чтожь намъ дѣлать. Онъ что говорилъ—капитана нѣтъ.

— Подождемъ, можетъ все вретъ. Да я и думаю, что вретъ. Если бы капитану приходилось садиться въ крѣпость, такъ и нашъ баринъ ужъ сидѣлъ бы, и Петра Сергѣевича уже заарестовали бы; а вѣдь полиція-то была ради меня.

— Какъ же ты все узналъ? Какъ спасся? Говори! Вѣдь я по сю пору еще ничего не знаю.

— Дѣло простое и ожидать этого надо было. Я ждалъ...

И Копчикъ рассказалъ сестрѣ, что въ сумерки, вернувшись въ квартиру Квашнина, онъ совершенно спокойно сидѣлъ въ передней. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ Квашнинъ, передалъ ему вкратцѣ подробности поединка, и объяснилъ, что ожидаетъ ареста.

Онъ только-что вернулся отъ Шумскаго, за которымъ уже пріѣзжалъ офицеръ, требуя его къ графу Аракчееву. Квашнинъ тоже предполагалъ, что въ тотъ же вечеръ, а можетъ быть на утро, его арестуютъ и посадятъ на гауптвахту, или свезутъ и прямо въ крѣпость.

Не прошло получаса, какъ въ квартирѣ Квашнина позвонили. Копчикъ выглянулъ въ окошко и увидалъ полицейскихъ. Не отворяя дверь, онъ бросился къ барину и доложилъ ему. Квашнинъ немножко смутился, но развелъ руками и выговорилъ:

— Дѣлать нечего. Пускай...

Копчикъ двинулся было отворять дверь, но кухарка Квашнина предупредила его. Въ передней слышались уже голоса и одинъ изъ полицейскихъ спрашивалъ, здѣсь ли въ домѣ крѣпостной человекъ графа Аракчеева по имени Василій. Кухарка отвѣчала, что есть какой-то человекъ, но звать его Копчикомъ, а не Василемъ.

Въ это же самое мгновеніе Квашнинъ, прислушивавшійся къ говору, схватилъ его за плечо и шепнулъ:

— Не за мной!.. Тебя!.. Удирай!

Копчикъ почти не помнилъ, теперь, какъ выскочилъ онъ изъ дому черезъ заднее крыльцо, какъ пробѣжалъ дворъ, какъ бросился на него какой-то солдатъ и задержалъ его за воротъ и какъ отмахнулся онъ, спшибъ солдата съ ногъ и вылетѣлъ за-ворота.

Первая его мысль была, конечно, о сестрѣ. Онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ на квартиру Шумскаго. Барина не было дома. Онъ былъ у графа, а Марѳуша сказала ему, что Пашута ушла къ Нейдшильдѣ. Когда Копчикъ разсказалъ ей про свое бѣгство отъ Квашнина, Марѳуша посовѣтовала ему предупредить и сестру, что она встрѣтила какого-то полицейскаго въ сосѣдней лавкѣ и узнала отъ лавочника, что его разспрашивали о жильцахъ въ квартирѣ флигель-адъютанта Шумскаго.

И Копчикъ рѣшилъ идти ждать сестру около дома барона.

— Чтò же теперь-то дѣлать?—произнесла Пашута, когда братъ замолчалъ.

— Чтò? Ничего! Рано ли, поздно ли, быть намъ въ Грүзинѣ, быть намъ изувѣченными, быть въ «Едекулѣ», быть и въ Сибири. Все будетъ! Да, Пашута, все будетъ. Не жить намъ на свѣтѣ. А съ чего все это пошло и уразумѣть-то нельзя. Все перемололось, для другихъ мука вышла, а мы все мыкаемся. Для другихъ бѣды прошли, а надъ нами все висятъ. Ты предала Михаила Андреевича, онъ тебя засадилъ въ чуланъ. Я тебя выпустилъ. Онъ насъ отвезъ къ вѣдьмѣ—Настасѣ. Мы оттуда бѣжали. Съ нимъ ты помирилась, его слугой стала. На меня онъ тоже не злобствуешь, какъ прежде. А бѣда какъ была, такъ и осталась. Даже и понять мудрено. Былъ бы онъ человѣкъ богобоязный, такъ справилъ бы теперь все, выпросилъ бы насъ обратно къ себѣ; а онъ и думать забылъ.

— Ему теперь не до того,—отозвалась Пашута.—Послѣ все какъ-нибудь уладится. Лишь бы день, два оттянуть.

Солдатъ явился звать незваныхъ гостей въ кухню пить чай. Пашута, сильно озябшая, обрадовалась возможности согрѣться. Устроивъ гостей въ кухнѣ и наливъ имъ чаю, Григорій сталъ размышлять о томъ, гдѣ и какъ устроить ихъ на ночь.

Теперь денщикъ былъ вполне уже убѣжденъ, что баринъ его къ ночи не вернется и что завтра утромъ придется ему путешествовать по всему Петербургу съ халатомъ, заглянуть и въ крѣпость, побывать и на всѣхъ гауптвахтахъ.

— А все это изъ-за вашего барина,—объяснилъ Григорій.—Нешто можно тремъ господамъ офицерамъ эдакое дѣло дѣлать. Взяли эдакого же офицера, какъ и они сами, заперли его въ темный чуланъ, да тамъ и застрѣлили.

Копчикъ, знавшій всё подробности поединка, при этомъ неожиданномъ объясненіи солдата, невольно прыснулъ со смѣху.

— Что?.. Что?..—выговорилъ онъ.—Заперли офицера въ чуланъ, да тамъ застрѣлили?..

— Вѣстимо!—отвѣтилъ солдатъ, но при этомъ уже весело улыбался.

Копчикъ счелъ было нужнымъ объяснить Григорію, какъ именно былъ убитъ Фонъ-Энзе, но въ ту же самую минуту раздался звонокъ и всё трое вскочили съ мѣстъ. Чуть не всё трое выговорили въ одинъ разъ:

— Слава Богу!

Помимо капитана звонить было некому въ такой поздній часъ. Григорій пошелъ отпирать, а Пашута, взглянувъ на брата, выговорила тихо:

— А выгнать!.. куда же тогда?

Братъ съ сестрой стояли молча и прислушивались къ голосу капитана, опрашивавшаго денщика. Квартира была настолько мала, что хотя разговоръ шелъ за три комнаты, можно было слышать все отъ слова до слова.

Ханенко удивлялся появленію бывшаго лакея Шумскаго, якобы, съ важнымъ порученіемъ. Онъ догадался, что это вздоръ. Но затѣмъ еще болѣе удивился онъ, узнавъ, что вмѣстѣ съ Копчикомъ его сестра, которую онъ видѣлъ не болѣе двухъ разъ мелькомъ, когда та приходила отъ баронессы къ Шумскому. Капитанъ помнилъ смутно смазливенькое личико и помнилъ, что эта горничная смахиваетъ на барышню.

Последнее обстоятельство заставило теперь Ханенко призадуматься. Ни разу еще въ его квартирѣ не появлялась ни одна женщина. Появленіе же въ такой поздній часъ барышни-горничной нѣсколько смутило капитана. Онъ вошелъ, насупившись, въ свою маленькую гостиную и велѣлъ позвать неожиданныхъ посѣтителей.

Григорій зажегъ свѣчку, поставилъ на столъ, и пошелъ въ кухню. Когда, при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи, появились въ горницѣ Копчикъ и Пашута, капитанъ, при видѣ блѣднаго лица и блестящихъ черныхъ глазъ красавицы Пашуты, вдругъ сразу какъ-то окрысился. Лицо его измѣнилось, голосъ сталъ грубѣе.

XLVI.

Въ дѣйствительности добряка капитана смутило совершенно особое обстоятельство. Уже лѣтъ съ десять ему не приходилось даже разговаривать съ какой бы то ни было молодой дѣвушкой, не только съ такой красивой, какъ эта, стоящая передъ нимъ. Вдобавокъ капитану какъ-то дико было видѣть среди ночи эту

молодую красавицу въ своей собственной квартирѣ. Еслибъ онъ увидалъ теперъ здѣсь медвѣдя, или даже домового, то, быть можетъ, смутился бы менѣе.

— Что тебѣ нужно? Откуда ты?—выговорилъ Ханенко грубоватымъ голосомъ, глядя въ лицо Копчика и стараясь не глядѣть на его спутницу.

Но это было невозможно, такъ какъ Пашута стояла прямо за спиной брата и черезъ его плечо блестящія и грустные глаза дѣвухи пытливо приковались къ лицу капитана.

Копчикъ смущеннымъ голосомъ, запинаясь и волнуясь, сталъ рассказывать капитану всю правду. Ханенко, послѣ своего перваго вопроса, тотчасъ же сталъ смотрѣть въ полъ. Затѣмъ еще разъ поднялъ онъ глаза на Копчика, снова увидѣлъ за его плечомъ красивую черноволосую голову и устремленный печальный взглядъ и снова, будто обозлившись, уперся глазами въ полъ.

Когда Копчикъ кончилъ свой рассказъ, умоляя капитана дозволить ему съ сестрой укрыться въ его квартирѣ дня на два, на три, чтобы избѣжать поисковъ полиціи, капитанъ началъ тяжело дышать и сопѣть. Отвѣтъ уже былъ готовъ давно, но отвѣтъ, который былъ злымъ и жестокимъ. Дѣйствительно, поступить такъ со стороны капитана—онъ понималъ это—было бы безжалостно... или странно. Онъ хотѣлъ отвѣчать Копчику, что онъ знаетъ его давнымъ давно, не разъ пользовался его услугами, привыкъ къ нему, какъ къ лакею своего хорошаго пріятеля и, слѣдовательно, готовъ всячески его одолжить, тѣмъ паче, что онъ бѣгаетъ не отъ этого молодого барина, а отъ всѣмъ ненавистнаго временщика. Что же касается до его сестры, то капитанъ долженъ наотрѣзъ отказать ей, не считая возможнымъ допустить ея присутствіе въ своей маленькой квартирѣ.

Обдумывая этотъ отвѣтъ, покуда Копчикъ рассказывалъ сестрины и свои бѣды, капитанъ самъ себя усовѣщивалъ.

«Это возмутительная мерзость—брата принять, а сестру его выкинуть на улицу ночью безъ пристанища. Понятно и онъ уйдетъ, не можетъ же онъ ее бросить среди ночи на краю города. Не ночевать же ей гдѣ-нибудь на улицѣ въ холодъ и ненастье».

И въ эту минуту было, конечно, не извѣстно, кто изъ всѣхъ троихъ былъ наиболѣе смущенъ и взволнованъ.

Копчику и Пашутѣ мерещилось, что они сейчасъ же очутятся на улицѣ и имъ придется двигаться пѣшкомъ за какую-нибудь заставу, бѣжать въ какую-нибудь чухонскую деревню, подальше отъ Петербурга. Но они уже бывали въ бѣгахъ. Какъ-нибудь, Богъ милостивъ, дѣло обойдется!

Ханенко, напротивъ, не имѣя силъ выгнать вонъ двухъ людей, ищущихъ у него убѣжища, съ ужасомъ думалъ о совершенно невѣроятномъ, диковинномъ происшествіи, съ которымъ надо прими-

риться—присутствіи въ его домѣ красавицы-дѣвушки, скорѣй барышни, чѣмъ горничной. Не только одного медвѣды—десять медвѣдей пустилъ бы капитанъ къ себѣ на ночь и былъ бы спокойнѣе, нежели теперѣ!

Въ отвѣтъ на разсказъ Копчика, Ханенко, не поднимая глазъ съ пола, неожиданно для самого себя, развелъ руками и пробурчалъ смущеннымъ голосомъ:

— Чтѣжъ тутъ дѣлать? Я ужъ и не знаю...

Но въ эту минуту, снова поднявъ глаза, онъ встрепенулся и даже сердце екнуло въ немъ. Онъ ожидалъ увидѣть за плечами Копчика то же блѣдное лицо съ красивыми черными глазами. вмѣсто этого, дѣвушка оказалась уже въ двухъ шагахъ отъ него. Онъ и видѣлъ, и чувствовалъ ея близость... И потутился снова.

— Ради Господа, не гоните насъ!—тихо, умоляюще произнесла Пашута.—Вамъ бѣды никакой не будетъ! Намъ случалось подолгу укрываться отъ полиціи. У васъ же мы пробудемъ день, два... Ну, хоть эту ночь одну позвольте остаться. Это благодѣяніе будетъ... Мы васъ не обезпокоимъ... Будьте милостивы! Михайлъ Андреевичъ спасибо вамъ скажетъ. Онъ теперь меня любитъ. Будьте милостивы! Мы тамъ въ кухнѣ ляжемъ и рано утромъ, чуть свѣтъ уйдемъ.

Капитанъ хотѣлъ отвѣчать:

«Я не знаю... не могу»...

А вмѣсто того отвѣтилъ:

— Въ кухнѣ!.. Да, въ кухнѣ!

И затѣмъ послѣ паузы, онъ снова поднялъ глаза на стоящую предъ нимъ Пашуту и выговорилъ совершенно бессмысленнымъ голосомъ:

— Кухня...

Но въ тотъ же мигъ въ добромъ хохлѣ произошелъ какой-то переломъ. Онъ будто очнулся отъ перваго неожиданно овладѣвшаго имъ чувства смущенія. Онъ глянулъ спокойнѣе, бодрѣе и выговорилъ почти обычнымъ своимъ добродушнымъ голосомъ:

— Чтѣжъ тутъ дѣлать! Дѣло понятное... Оставайтесь, живите сколько понадобится. Я полиціи не боюсь. Вотъ меня самого зарестуютъ ночью, или завтра. А меня посадятъ на гауптвахту, вы все-таки оставайтесь тутъ... Да не въ кухнѣ! Гдѣ же въ кухнѣ! Копчику можно, а вамъ нельзя. Вы вотъ тутъ въ комнатѣ устройтесь!—выговорилъ капитанъ, показывая на сосѣднюю горницу, служившую столовой.

— Нѣтъ, все равно. Я тамъ... съ братомъ, — тихо отозвалась Пашута, смущаясь.

— Какъ можно въ кухнѣ, на грязномъ полу! Вы не привыкли. Нѣтъ, нѣтъ, вы ужъ тутъ вотъ... Въ этой горницѣ,—сразу быстро и оживляясь заговорилъ капитанъ.

Но вдругъ какая-то внезапная мысль мелькнула въ его головѣ, онъ вспыхнулъ, почти побагровѣлъ лицомъ и прибавилъ:

— Ну, въ кухнѣ... Это я такъ... Вы не понимаете... Я совсѣмъ не то... Какъ хотите!..

И Ханенко, окончательно растерявшись, махнулъ рукой и двинулся въ другую комнату. Пашута и Копчикъ тоже вышли, довольные, успокоенные и снова усѣлись за столомъ въ кухнѣ. А капитанъ, сидя въ спальнѣ, среди темноты, мысленно разсуждалъ самъ съ собой.

«Вотъ такъ приключеніе! А какъ я испугался! Вотъ какая жизнь огалтѣлая! И за что такая жизнь? Чѣмъ я хуже другихъ? Отъ всѣхъ мужчинъ женщины бѣгаютъ, опасаются ихъ... А я, наоборотъ, всю жизнь отъ каждой женщины бѣгалъ? А почему бѣгалъ? Изъ ненависти?»...

— Спросите-ка почему бѣгалъ?—выговорилъ вдругъ капитанъ вслухъ, какъ бы обращаясь къ своей темной горницѣ.

«Спросите-ка, — повторилъ онъ мысленно. — То-то вотъ! Есть вотъ эдакіе обоюдные судьбой. А за что? Какое они зло кому сдѣлали? Что толсть, дурень, рожа неподобная! Такъ чтожь, я виноватъ что ли? Таковъ уродился. Да и опять добро бы отъ меня бѣгали, отъ этой богопротивной рожи Ханенковской! А то вѣдь я бѣгаю! Можетъ она и не испугалась бы... Самъ я себя пугаломъ почель».

И вдругъ капитанъ замахалъ рукой и выговорилъ вслухъ, шопотомъ:

— Полно! Полно! Пугало! Пугало! Вѣдь знаешь, давно знаешь, что пугало!

Ханенко вдругъ, быстро перешелъ снова въ гостиную, взялъ щипцы, снялъ нагаръ со свѣчи, расправилъ фитиль и когда комната освѣтилась ярче, большимъ огнемъ, онъ кликнулъ денщика. Въ лицѣ капитана видна была бодрость, рѣшимость и довольство.

Когда солдатъ явился, онъ глянулъ на него весело и выговорилъ:

— Ну, Гришуна, давай хлопотать! Дѣла немного, въ пять минутъ все перестроимъ. Зажигай другую свѣчу въ столовой!

Едва только комната, гдѣ обѣдалъ и ужиналъ капитанъ, освѣтилась, онъ вошелъ въ нее и оглядѣлся, соображая что-то. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ обѣ двери столовой, одну, ведущую въ гостиную, другую въ корридоръ, гдѣ былъ входъ въ кухню.

— Отлично!—выговорилъ онъ.—Сейчасъ все уладимъ. Позови-ка ихъ... Ну его позови... Василя... его одного...

Копчикъ тотчасъ же появился изъ кухни съ болѣе уже веселымъ лицомъ.

— Я твою сестру на грязномъ полу кухни оставить не могу. И ты гляди, что сейчасъ будетъ. Сюда мы диванъ перенесемъ и

вотъ эту дверь заколотимъ... Тутъ она и ляжетъ. Хочешь ложись съ ней тутъ же. Не хочешь—оставайся въ кухнѣ. А я ее тамъ оставить не могу. Она, вишь, какая!.. Нешто она простая горничная дѣвка... Она, вишь, какая! У баронессы, поди, на голландскомъ полотнѣ почивала, да на тюфякѣ, а тутъ въ кухнѣ, на грязномъ полу.

— Ничего-съ помилуйте! Слава Богу, что не на улицѣ,—отозвался Копчикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Нечего и толковать.

И капитанъ вдругъ бодро, оживленно, почти весело началъ распоряжаться. Тотчасъ же изъ гостиной денщикъ и Копчикъ перетащили въ столовую диванъ. Затѣмъ, не смотря на увѣщанія и просьбы Копчика просто заставить дверь въ гостиную стуломъ, или столомъ, а то и ничѣмъ, капитанъ весело смѣялся и отвѣчалъ:

— Нехорошо! Не твое дѣло! Знай помалкивай.

И потребовавъ у Григорія гвоздей и молотокъ, капитанъ съ особеннымъ удовольствіемъ, даже съ какимъ-то азартомъ началъ заколачивать дверь такъ, какъ если бы тамъ, дѣйствительно, долженъ былъ ночевать самый злой изъ медвѣдей.

Копчикъ, глядя на работу Ханенко, невольно изумлялся. Онъ рѣшительно не понималъ ничего. Капитанъ такъ задѣлывалъ дверь, что, когда надо будетъ ее раскрывать, то, конечно, придется провозиться часа два.

Когда дверь была заколочена, Ханенко послалъ денщика за Пашутой. Дѣвушка вошла, смущаясь добротой и вниманіемъ къ ней этого толстяка, котораго она всего разъ или два видѣла въ квартирѣ Шумскаго. Теперь первый разъ приглядѣлась она къ его некрасивому толстому лицу, съ удивительно-добрими сѣрыми глазами, съ милой ласковой улыбкой.

— Зачѣмъ вы беспокоитесь?—выговорила она смущаясь.—Какъ можно изъ-за меня эдакое... Стою ли я того?

— Нельзя-съ, нельзя-съ,—отозвался капитанъ.—Я вѣдь знаю... Вѣдь вы въ пріятельницахъ состояли у баронессы, а не въ горничныхъ. По васъ видать какая вы. А-то кухня! На грязномъ полу! Какъ можно! Пожалуйте, вотъ ваша комната, насколько пожелаете дней. Ну, хоть бы,—вдругъ выговорилъ капитанъ съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ,—хоть до скончанія вѣка!

Ханенко вышелъ въ противоположныя двери, черезъ корридоръ, вернулся къ себѣ въ спальню и, позвавъ денщика, тотчасъ же приказалъ ему подать чтò есть поужинать. Когда солдатъ принесъ посуду, приборъ и два холодныхъ блюда, капитанъ задумался, но затѣмъ быстрымъ движеніемъ отрѣзалъ два куска мяса, положилъ хлѣба и приказалъ нести къ Пашутѣ.

— Скажи, очень прошу покушать, не брезгать; а то обидить. Такъ и скажи: хочеть, не хочеть—пусть кушаетъ, а то обидить.

Григорій счелъ долгомъ распуснуть свой огромный ротъ, изображая улыбку, но капитанъ нахмурился при видѣ его глупой рожи.

— Чего зубы скалишь, дубина? Неси!

Черезъ нѣсколько мгновений денщикъ явился вновь и, уже не улыбаясь, заявилъ:

— Она говоритъ: «скажи—очень благодарна, очень проголодалась. Скажи, что я говорю». Я говорю: скажу.

— Скажу—говорю! Говорю—скажу!—повторилъ капитанъ, весело разсмѣявшись.—Ахъ ты, Гришуня, дура ты, дура, хоть и солдатъ. Ну, а Василью что же дать? Тутъ мало.

— А каши?

— А есть у тебя?

— Есть.

— Такъ и давай! И его накорми. Ну, пошелъ!

Черезъ полчаса въ квартирѣ капитана было уже темно и тихо. Всѣ улеглись спать, но изъ четырехъ лицъ подъ этой кровлей двое спали, а двоимъ не спалось.

Пашута, покойно устроившись на мягкомъ диванѣ, принесенномъ ради нея изъ одной горницы въ другую, думала о хозяинѣ дома. Всякое вниманіе, оказанное ей постороннимъ человѣкомъ, трогало дѣвушку глубоко. Не избалованная судьбой, она была особенно чутка на всякую ласку.

Она, обожавшая баронессу, обожала ее именно за ея ласку. Теперь этотъ толстый капитанъ, который изъ-за нея почти испортилъ дверь, да велѣлъ перетащить тяжелый диванъ, сразу тронулъ ее до глубины души.

«Славные у него глаза,—думалось Пашутѣ.—Добрый человѣкъ! Одинокій? Небось самъ всю жизнь безъ ласковаго слова прожилъ, вотъ и къ другимъ безчастнымъ ласковъ. Видно не одни крѣпостные горе мыкаютъ, и свободнымъ людямъ, дворянамъ, не всѣмъ сладко на свѣтѣ живется... Вѣдь вотъ этотъ всю жизнь и теперь бобылемъ прожилъ».

И спустя нѣсколько времени Пашута грустно улыбнулась среди темноты и подумала:

«Ишь я растрогалась! вмѣсто того, чтобы спать или о своихъ бѣдахъ думать, все о ласкѣ капитана думаю...»

Въ то же самое время толстый Ханенко, лежа на своей огромной постели, глядѣлъ тоже въ темноту во всѣ глаза. О снѣ тоже не было и помину. Но капитанъ собственно ни о чемъ не думалъ, ни о чемъ не разсуждалъ. Ему представлялась заколоченная въ столовую дверь, а въ ней диванъ. На диванѣ неожиданная гостя. Онъ видѣлъ ясно кудрявую головку съ черными, какъ смоль, завитушками, блѣдное лицо съ правильными чертами, выразительные черные глаза, искрившіеся, вспыхивающіе. Онъ вспоминалъ

послѣдній ея взглядъ, когда онъ выходилъ изъ столовой. Взглядъ, въ которомъ было столько кроткой благодарности, столько искренней радости и ласки...

— Да, диковинно!—шепталъ капитанъ.—А останься она тутъ недѣлю, двѣ, что будетъ? Бѣда! Помилуй Богъ! Бѣда будетъ. Пропаду я... Нѣтъ ужъ лучше поскорѣй съ рукъ долой. Наживешь такую бѣду, что на остатокъ дней своихъ свихнешься разумомъ. А выкупить на волю у графа? Да... А рыло себѣ самому тоже купить другое. Эхъ, спать пора!..

Графъ Е. Салиасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

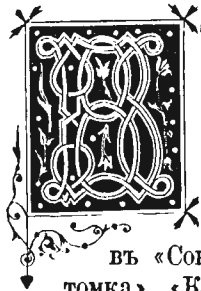

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ)¹⁾.

ХVII.

Начало литературной дѣятельности В. А. Слѣпцова. — Его горячее участіе въ женскомъ вопросѣ. — Устройство имъ популярныхъ лекцій для женщинъ. — Неудачи этихъ лекцій. — Устройство Слѣпцовымъ «комунъ». — Вечеръ въ «комунѣ». — Докторъ Сулова. — Г-жа Вокова. — Неблагопріятныя и невѣрныя сплетни о «комунѣ». — Вѣдственное положеніе женщинъ, стремившихся къ высшему образованію. — Неосуществившіяся предположенія Слѣпцова. — Литературно-музыкальный вечеръ. — Романъ Слѣпцова «Трудное время». — Любовныя похождения Слѣпцова. — Чернорѣченская Миньона. — Исторія таинственной панацеи. — Предемертная болѣзнь Слѣпцова.

ВЪ 1862 ГОДУ въ «Современникѣ» началъ сотрудничать В. А. Слѣпцовъ. Первое его произведеніе было «Письма изъ Остапкава». Молодому автору пришлось увидѣть въ печати окончаніе своихъ писемъ лишь черезъ 8 мѣсяцевъ, когда «Современникъ», отбывъ срокъ наказанія, снова сталъ выходить. Въ 1863 и 1864 году были напечатаны въ «Современникѣ» нѣсколько рассказовъ Слѣпцова: «Питомка», «Казакъ», «Постоялый дворъ», «Сцены въ больницѣ» и, кромѣ того, маленькія статейки въ «Петербургской хроникѣ». По началу литературной дѣятельности Слѣпцова можно было ждать, что онъ будетъ плодовитымъ писателемъ. Съ каждымъ новымъ рассказомъ Слѣпцовъ пріобрѣталъ расположеніе читающей публики и быстро занялъ видное положеніе между молодыми литераторами.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 475.

Слѣпцовъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ самый разгаръ женскаго вопроса и сдѣлался горячимъ его пропагандистомъ. Многіе думали, что, въ сущности, онъ относился къ этому вопросу индифферентно и если принималъ въ немъ участіе, то не серьезно, а лишь въ видѣ развлеченія, подобно другимъ тогдашнимъ молодымъ людямъ. Причина такого ошибочнаго мнѣнія проистекала изъ того, что Слѣпцовъ былъ очень застѣнчивъ, но никто не подозрѣвалъ этого, потому что застѣнчивость въ немъ маскировалась наружнымъ спокойствіемъ. Въ мало-знакомомъ обществѣ Слѣпцовъ былъ молчаливъ и только въ самомъ короткомъ кружкѣ былъ разговорчивъ и очень остроуменъ. Онъ вообще не высказывалъ шумливо своихъ взглядовъ на вещи, не выставлялъ на показъ своей дѣятельности въ пользу женскаго вопроса и не стремился завоевать себѣ видное мѣсто среди учащейся молодежи.

Между тѣмъ, если прослѣдить дѣятельность Слѣпцова въ женскомъ вопросѣ, то нельзя не убѣдиться, что такъ могъ дѣйствовать только человекъ въ высшей степени увлекающійся. Слѣпцовъ постоянно хлопоталъ примѣнять на практикѣ свои проекты въ пользу женскаго вопроса. Его увлеченіе не охлаждалось неудачами; если одинъ его проектъ терпѣлъ фiasco, онъ съ такимъ же рвеніемъ принимался за другой.

Въ 1863 году, по инициативѣ Слѣпцова устроились частныя популярно-научныя лекціи для женщинъ. На моихъ глазахъ происходили всѣ хлопоты Слѣпцова относительно организациі этихъ лекцій. Наконецъ, онѣ открылись въ квартирѣ одного господина, изъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Быть лекторами на этихъ лекціяхъ Слѣпцовъ уговорилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ сочувствующихъ женскому вопросу. Правда, что это были не ученые спеціалисты, но на столько образованные люди, что женщины могли вынести изъ ихъ лекцій элементарныя свѣдѣнія по физикѣ, химіи и гигиенѣ. Слѣпцовъ также былъ въ числѣ лекторовъ и долженъ былъ читать на первой лекціи о составѣ воды и о примѣненіи ея силы къ механикѣ. Всѣ лекторы добросовѣстно готовились къ лекціямъ.

Я пріѣхала на лекцію аккуратно въ назначенный часъ, но всѣ стулья уже были заняты слушательницами, между которыми находились дамы и дѣвицы не изъ круга учащихся. Слѣпцовъ засуетился, видя, что для меня нѣтъ стула.

— Я повытаскалъ въ залу стулья изъ всѣхъ комнатъ, — говорилъ онъ, — только въ кухнѣ осталась табуретка, — и добавилъ съ гордостью: — видите, я былъ правъ, что въ нашихъ лекціяхъ чувствуется большая потребность — сколько явилось слушательницъ! Погодите, скоро это залу окажется малымъ.

Нельзя было строго относиться къ читавшимъ лекціи, потому что никто изъ нихъ не предназначалъ себя къ этой профессіи и всѣ въ первый разъ читали публично.

Когда очередь дошла до Слѣпцова, то онъ шепнулъ мнѣ:

— Вообразите, я чувствую нервную лихорадку, мнѣ стыдно читать мою пародію на лекцію.

Я торопила его идти на импровизированную кафедру. Онъ произнесъ «осрамлюсь» и пошелъ къ столу, но сохраняя наружное спокойствіе, такъ что никто и не подозрѣвалъ, что онъ сильно оробѣлъ.

Наружность у Слѣпцова была очень эффектная и отличалась изяществомъ; у него были великолѣпные черные волосы, небольшая борода, тонкія и правильныя черты лица; когда онъ улыбался, то видны были необыкновенной бѣлизны зубы. Цвѣтъ лица былъ матово-блѣдный. Онъ былъ высокъ, строенъ и одѣвался скромно, но тщательно.

Лекція Слѣпцова была не лучше другихъ, но онъ читалъ мастерски и когда окончилъ чтеніе, то слушательницы зааплодировали.

Съ лекціи я пошла домой пѣшкомъ, Слѣпцовъ и еще двое нашихъ общихъ знакомыхъ провожали меня. Слѣпцовъ объявилъ намъ, что болѣе не будетъ читать лекцій. Мы всѣ удивились и стали его спрашивать: почему?

— Достаточно для меня и одинъ разъ испытать тѣ ощущенія, какія я сегодня испыталъ,—отвѣчалъ Слѣпцовъ.—Точно стоялъ на лобномъ мѣстѣ и подвергался позорной экзекуціи.

И Слѣпцовъ принялся смѣшить насъ, критикуя свою лекцію.

— Меня надо было освистать, прогнать изъ залы за мою лекцію,—говорилъ онъ.

— Зачѣмъ же вы такъ торопились начинать лекціи? подготовились бы хорошенько,—замѣтила я Слѣпцову.

— Надо было торопиться,—отвѣтилъ онъ,—если бы отложить начало лекцій, то одушевленіе прошло бы и тогда, пожалуй, они не удались бы; есть пословица: куй желѣзо — пока горячо! Главное дѣло сдѣлано — данъ толчокъ.

Но, къ огорченію Слѣпцова, съ каждой лекціей число слушательницъ все убывало, потому что пошли слухи, что хозяйина залы, гдѣ читались лекціи, призывали куда слѣдуетъ для объясненій о сборищахъ въ его квартирѣ и требовали, чтобы болѣе ихъ не было. Кромѣ того, учащіяся женщины утромъ были заняты, а мнимо-учащіяся (которыхъ было тогда много), побывавъ на первой лекціи, нашли, что тамъ слишкомъ много бываетъ аристократокъ. (такъ называли тогда женщинъ, хорошо одѣвающихся) и не желали сидѣть вмѣстѣ съ ними. Дамы же, которыхъ считали за аристократокъ, испугались слуховъ, что во время чтенія можетъ явиться полиція и перестали посѣщать лекціи.

Наконецъ, на одну изъ лекцій явилось всего восемь слушательницъ. Слѣпцовъ расхаживалъ по пустой залѣ въ ожиданіи не при-

будеть ли хоть еще немного публики, чтобы начать лекцію; но ожиданія его оказались напрасными. Тогда онъ сѣлъ за столъ и позвонилъ въ колокольчикъ. Присутствующіе въ залѣ прекратили разговоръ и смотрѣли на Слѣпцова, который всталъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Милостивыя государыни и милостивые государи, прошу вашего вниманія. Я долженъ сказать надгробное слово преждевременно погибшимъ нашимъ лекціямъ. Съ душевнымъ, глубокимъ прискорбіемъ я обязанъ объявить вамъ, что за отсутствіемъ слушательницъ, лекціи прекращаются. Но покидая эту залу, я, какъ Галилей, воскликну: «А все-таки эти лекціи принесли бы большую пользу женщинамъ въ общемъ ихъ образованіи».

Слѣпцовъ раскланялся и вышелъ на средину залы. Его рѣчь оживила всѣхъ, потому что присутствующіе соскучились сидѣть въ пустой залѣ около часа. Мы всѣ вмѣстѣ, разговаривая, вышли изъ залы.

Слѣпцовъ, сходя съ лѣстницы, сказалъ:

— Я, господа, не падаю духомъ, я увѣренъ, что наши лекціи еще возобновятся. Женщины хорошенько вникнутъ—какую пользу могли онѣ извлечь для себя изъ нихъ,—сами будутъ насъ просить опять ихъ открыть.

Слѣпцовъ не оставлялъ мысли продолжать лекціи, онъ хотѣлъ привлечь къ участію въ нихъ тогдашнихъ молодыхъ профессоровъ, которые очень сочувственно относились къ высшему образованію женщинъ. Но Слѣпцовъ увлекся скоро новымъ проектомъ, который поглотилъ все его вниманіе.

Надо замѣтить, что 25 лѣтъ тому назадъ одинокой женщинѣ очень трудно было найти комнату въ порядочномъ семействѣ. Тогда еще не было особенной нужды прибѣгать ко всевозможнымъ экономическимъ средствамъ, живя въ Петербургѣ, такъ что барышни или дамы, пріѣзжавшія учиться въ Петербургъ, вынуждены были нанимать комнаты въ меблированныхъ квартирахъ, которыхъ также было не много. Содержательницами дешевыхъ меблированныхъ комнатъ исключительно были тогда: устарѣлыя чиновницы, нажившіяся кухарки, которыя въ молодости, какъ говорятъ, прошли огонь и воду, такъ что съ такими особами и порядочному мужчинѣ не очень-то пріятно было имѣть дѣло, а не только женщинѣ.

Слѣпцовъ самъ испыталъ всю прелесть нанимать комнаты у такихъ квартирныхъ хозяекъ и ему пришла мысль устроить общую квартиру и поселиться въ ней вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами изъ круга своихъ знакомыхъ. Его проектъ имѣлъ много преимуществъ: во-первыхъ — живущіе избавлялись отъ безцеремонной квартирной хозяйки, которая изъ своихъ экономическихъ расчетовъ морозила жильцовъ въ нетопленныхъ комнатахъ, отравляла ихъ обѣдами изъ несвѣжей провизіи, и часто пускала такихъ жилищъ, у которыхъ

по ночамъ происходили пирушки и разныя безобразія. Во-вторыхъ— жизнь на общей квартирѣ обходилась, разумѣется, гораздо дешевле.

Будущіе члены общей квартиры собрали на меблировку и обзаведеніе хозяйства небольшую сумму денегъ, потому что всѣ они были люди, существовавшіе литературнымъ трудомъ.

Слѣпцовъ былъ мастеръ покупать все дешево и хорошо, и съ утра до ночи бѣгалъ, пріискивая подходящую квартиру и закупая подержаную мебель и разныя хозяйственныя вещи. Я удивлялась неумомимости Слѣпцова. Развѣ могъ бы все это дѣлать человѣкъ невлекающійся?

Слѣпцовъ нашелъ квартиру на Знаменской улицѣ, правда, въ самомъ верхнемъ этажѣ, но лѣстница была очень хорошая, со швейцаромъ. Слѣпцовъ сдѣлалъ нѣсколько плановъ квартиры и роздалъ ихъ будущимъ жильцамъ, чтобы они могли выбирать себѣ комнаты. Одну большую комнату Слѣпцовъ сдѣлалъ общей, гдѣ, въ извѣстный часъ, должны были всѣ собираться на утренній, вечерній чай, на обѣдъ, такъ какъ прислугу предполагалось имѣть одну и нужно было соблюдать, кромѣ порядка, и экономію въ хозяйствѣ. Общая трапеза, конечно, должна была обходиться дешевле, чѣмъ каждому отдѣльно. Для пріема гостей Слѣпцовъ также назначилъ одинъ вечеръ въ недѣлю. Кругъ знакомыхъ у всѣхъ членовъ почти былъ общій.

Слѣпцовъ при устройствѣ общей квартиры выказалъ большія организаторскія способности. Когда всѣ комнаты были заняты, оказалось, что дамскій элементъ преобладалъ; мужчинъ было только двое: Слѣпцовъ и его пріятель N.

Слѣпцовъ съ восхищеніемъ рассказывалъ мнѣ о хозяйствѣ на общей квартирѣ, и я увидѣла, что онъ разыгрывалъ роль экономки.

— У васъ не будетъ времени работать, а вамъ давно бы пора сѣсть писать, — замѣтила я ему.

— Дайте только наладить порядокъ въ хозяйствѣ, тогда я и примусь писать, — отвѣчала Слѣпцовъ.

— Вовсе не ваше дѣло налаживать порядокъ въ хозяйствѣ; ваши дамы гораздо лучше сѣмѣютъ это сдѣлать.

— Въ томъ-то и бѣда, что всѣ онѣ ничего не понимаютъ въ хозяйствѣ, — возразилъ Слѣпцовъ, но утѣшалъ себя, что дамы привыкнутъ и все пойдетъ хорошо.

Слѣпцовъ шутя назвалъ общую квартиру «комунѣй» и это названіе было усвоено всѣми знакомыми; иначе не говорили: «я былъ въ комунѣ», или: «завтра вечеромъ увидимся въ комунѣ?»

Слѣпцовъ выговаривалъ мнѣ — почему я не хочу бывать въ комунѣ въ назначенные дни, говоря:

— Съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе собирается у насъ

народу, ни стульевъ, ни чайной посуды у насъ не хватаетъ на всѣхъ гостей. Надо было бы всего прикупить, да денегъ ни у кого нѣтъ. Прислуга ворчить, что въ пріемный день ей надо разъ пять нагрѣвать нашъ небольшой самоваръ. Жаль, что у меня нѣтъ денегъ! я бы завелъ образцовое хозяйство въ нашей комунѣ.

— Вы и такъ потратили достаточно своихъ денегъ на устройство вашей коммуны, — замѣтила я, — боюсь, что вы запутаетесь съ этимъ хозяйствомъ. Гораздо лучше было бы не имѣть домашняго стола.

— Ну, это чтò же было бы! семейнаго характера не имѣла бы наша коммуна! Намъ-то это не такъ важно, а для нашихъ дамъ домашній столъ необходимъ.

Наконецъ, я собралась въ пріемный день поѣхать вечеромъ въ комуну. Когда я вошла въ залу, то нашла въ ней уже много собравшихся гостей. Я болѣе или менѣе знала почти всѣхъ членовъ коммуны, да и большую часть ихъ знакомыхъ.

Залу было довольно большое, но низковатое и плохо освѣщенное; небольшая лампа висѣла надъ длиннымъ столомъ, обитымъ клеенкой и кругомъ его сидѣли за чаемъ члены коммуны и гости; нѣкоторые изъ гостей, за неимѣніемъ стульевъ, расхаживали по комнатѣ или сидѣли на окнахъ. Кромѣ стульевъ и стола, не имѣлось другой мебели. Слѣпцова не было въ залѣ; я спросила, гдѣ онъ и мнѣ отвѣчали, что онъ въ кухнѣ ставитъ самоваръ, потому что старая прислуга отошла, а новая—еще не переѣхала. Смѣшно было видѣть Слѣпцова съ его изящной наружностью, когда онъ явился въ залу съ кипящимъ самоваромъ. Поздоровавшись со мной, онъ сказалъ:

— Какая досада, что вы застали беспорядокъ въ нашемъ хозяйствѣ. Впрочемъ, вы сами—хорошая хозяйка и знаете, что при перемѣнѣ прислуги всегда происходитъ маленькое разстройство. Новая прислуга обѣщала переѣхать сегодня утромъ и обманула.

Говоря это, Слѣпцовъ усѣлся разливать чай и затѣмъ тихонько сказалъ мнѣ:

— Ни одна изъ нашихъ дамъ не хочетъ разливать чай, находятъ, что — слишкомъ скучно.

Гости все прибывали; въ числѣ ихъ пріѣхала Сулова, только-что начавшая заниматься медициной. Она рѣзко отличалась отъ другихъ тогдашнихъ барышень, которыя тоже посѣщали лекціи въ университетъ и въ медицинской академіи. Въ ея манерахъ и разговорѣ не было кичливаго хвастовства своими занятіями и того смѣшного презрѣнія, съ какимъ относились онѣ къ другимъ женщинамъ, не посѣщающимъ лекцій. Видно было по энергичному и умному выраженію лица молодой Суловой, что она не изъ пустого тщеславія прослыть современной передовой барышней занялась медициной, а съ разумной цѣлью, и серьезно относилась къ сво-

имъ занятіямъ, что и доказала вполнѣдствіи на дѣлѣ. Когда въ Петербургѣ доступъ женщинамъ на лекціи въ медицинскую академію былъ запрещенъ, Суслова уѣхала въ Цюрихъ слушать лекціи. Въ 1868 году она первая изъ русскихъ женщинъ (и чуть ли не изъ первыхъ европейскихъ женщинъ) получила дипломъ доктора медицины и вернулась въ Петербургъ держать экзаменъ въ медико-хирургическій академіи. Какую сенцацію тогда произвела она въ обществѣ, особенно въ корпораціи докторовъ, среди которыхъ образовались двѣ партіи: одни были возмущены дерзостью женщины, претендующей сдѣлаться ихъ коллегой (тогда твердо укоренилось общее убѣжденіе, что у женщины настолько слабы умственныя способности, что она не можетъ усвоить себѣ никакой науки). Другая партія докторовъ явилась защитниками умственной равноправности женщины. Г-жа Суслова блистательно оправдала на экзаменѣ защитниковъ женщинъ, получила докторскій дипломъ и быстро приобрѣла практику. Въ 1869 году она вышла замужъ за швейцарскаго подданнаго Эрисмана, молодого ученаго, нынѣ извѣстнаго гигиениста.

Г-жа Суслова занималась также и литературой, въ 1864 году въ «Современникѣ» были напечатаны два ея произведенія: «Разсказъ въ письмахъ» и «Чудная». Понятно, что она не продолжала свою литературную карьеру, посвятивъ себя медицинской наукѣ.

Какъ пионеркѣ, Сусловой пришлось испытать и пріодолѣть массу непріятностей и препятствій на своемъ пути; надо было имѣть сильно энергическій характеръ, чтобы дойти до цѣли, не смущаясь враждебностью и оскорбительными насмѣшками.

Упомяну еще о г-жѣ Боковой, съ которой я познакомилась, когда она была еще молоденькой женщиной, также слушала лекціи въ медицинской академіи и также должна была уѣхать за границу, чтобы учиться медицинѣ, получила въ Гейдельбергѣ дипломъ на доктора-окулиста и сдѣлалась извѣстной въ Лондонѣ, какъ искусный глазной операторъ. Г-жа Бокова также занималась литературой; она перевела почти всего Брэма, котораго издавалъ выпусками молодой естественникъ В. О. Ковалевскій.

В. О. Ковалевскій часто бывалъ у насъ, онъ-то познакомилъ меня со своей невѣстой, которой тогда было всего лѣтъ семнадцать. Это была очень хорошенькая барышня, живая, веселая, но уже тогда избрала себѣ цѣлью изучить высшую математику. Теперь г-жа Ковалевская сдѣлалась профессоромъ въ Стокгольмскомъ университетѣ.

Я уклонилась отъ комунъ, но мнѣ хотѣлось показать—какіе результаты получались изъ тогдашняго женскаго вопроса.

Я была въ комунѣ не болѣе двухъ разъ, но знала отъ Слѣпцова какъ идетъ хозяйство въ ней; по всему было видно, что оно ведется не въ порядкѣ, потому что надо было соблюдать большую

экономію во всемъ, а какая можетъ быть экономія, когда гости собирались не только разъ въ недѣлю, но стали бывать въ комунѣ каждый день и утромъ и вечеромъ, обѣдали, пили чай. Благодаря разнымъ личностямъ, бывавшимъ въ комунѣ, распространялись всякія сплетни о живущихъ въ ней. Когда я стала говорить Слѣпцову объ этихъ слухахъ, онъ отвѣчалъ:

— Не стоитъ обращать на это вниманія, пусть себѣ болтаютъ всякій вздоръ, избѣжать этого трудно. Всѣ отлично знаютъ, что женщины жили прежде въ мебелированной квартирѣ точно также вмѣстѣ съ мужчинами, да еще Богъ знаетъ съ какими. Рутинна въ общественной жизни такъ сильна, что какое бы не явилось въ ней полезное исключеніе, оно производитъ гвалтъ! покричатъ, поболтаютъ и перестанутъ.

Но невыгодные слухи о комунѣ принимали все большіе и большіе размѣры. Увѣряли, будто бы въ комунѣ каждый день бываетъ большое сборище мужчинъ и женщинъ, которые пируютъ всю ночь, что заужиномъ разливное море вина, посѣтители и хозяева напиваются до безобразія, и гости только на другой день расходятся по домамъ.

А между тѣмъ въ комунѣ, кромѣ чаю, никакихъ другихъ угощеній не подавалось гостямъ. Если впослѣдствіи появилось въ печати невѣрное описаніе жизни членовъ въ комунѣ, то это можно приписать лишь галлюцинаціи автора, видѣвшаго описанное имъ во снѣ.

Въ городѣ распространились слухи, будто образовалась новая секта, подъ названіемъ «комуна», и что культъ этой секты самая безнравственная разнузданность. Городовые безсмѣнно торчали у подъѣзда квартиры комуны. Прислуга, которой отказывали въ комунѣ или за безцеремонное воровство при покупкѣ провизіи, или за большое количество кумовьевъ, торчащихъ постоянно въ кухнѣ, вымѣщала свою злобу, рассказывая небывальщину о своихъ бывшихъ хозяевахъ.

Нѣкоторыя дамы, опасаясь компрометировать себя, выѣхали изъ комуны, а остальнымъ слишкомъ дорого обходилась жизнь на общей квартирѣ и комуна распалась.

Мнѣ жаль было Слѣпцова, потому что всѣ подсмѣивались надъ нимъ и его неудавшейся комуной, но онъ кладнокровно относился къ этимъ насмѣшкамъ и говорилъ мнѣ по этому поводу:

— Не стоитъ смущаться неудачей въ полезныхъ общественныхъ дѣлахъ, потому что большинство общества податливо на усвоеніе пустыхъ рутинныхъ обычаевъ въ общественной жизни, и чуть возникаетъ новизна, хоть и полезная, она вызываетъ рутинеровъ на глумленіе. Не слѣдуетъ робѣть передъ этимъ, иначе въ общественной жизни не было бы никакого прогресса. Прогрессъ только и можетъ быть тогда, когда люди дѣйствуютъ на перекоръ рутинѣ.

Посмотрите какъ большинство возстаетъ теперь противъ высшаго образованія женщинъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ это же большинство будетъ пользоваться плодами высшаго образованія женщинъ.

Я не встрѣчала другого человѣка, который подобно Слѣпцову, могъ бы относиться такъ спокойно, когда сидѣлъ безъ гроша денегъ. А надо замѣтить, что Слѣпцовъ очень любилъ комфортъ, но никогда не раздражался отъ затруднительнаго своего финансоваго положенія, напротивъ, бывало смѣшнить до упаду, рассказывая свои объясненія съ квартирной хозяйкой, требующей у него денегъ за комнату, или съ своимъ дешевымъ портнымъ, явившимся къ нему со счетомъ. Слѣпцовъ имѣлъ даръ съ ними разговаривать такъ, что кредиторы разставались съ своимъ должникомъ самымъ миролюбивымъ образомъ. Гдѣ бы Слѣпцовъ не поселялся въ меблированной квартирѣ, прислуга чувствовала къ нему особенное расположеніе и всѣми силами старалась угодить ему. Вообще, у Слѣпцова въ голосѣ было что-то ласкающее, такъ что люди изъ простаго класса, изъ самыхъ мрачныхъ и молчаливыхъ, дѣлались съ нимъ разговорчивыми до откровенности. Я очень любила слушать, когда Слѣпцовъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ этого класса людей; съ каждымъ изъ нихъ, у него былъ особенный слогъ, который совпадалъ съ языкомъ какого-нибудь мастерового, мужика-рабочаго, или торговли-бабы. Онъ такъ умѣлъ шутить съ ними, что они отъ души смѣялись.

Слѣпцовъ не унимался и продолжалъ возиться съ новыми своими проектами. Онъ хлопоталъ устроить женскую переплетную мастерскую, открыть контору переводовъ съ иностранныхъ языковъ и переписки рукописей, чтобы доставлять работу женщинамъ, которыхъ тогда много съѣхалось въ Петербургъ изъ провинціи, чтобы получить высшее образованіе. Многія барышни явились въ столицу безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ однѣми надеждами, что достанутъ себѣ уроковъ или переводовъ, обезпечить ими свое существованіе и будутъ учиться. Но конкуренція на этотъ трудъ такъ понизила плату, что и тѣ, кому посчастливилось получить уроки или переводъ, должны были испытывать большія лишенія. Никакимъ заработкомъ не брезгали барышни—шли даже въ наборщицы въ типографіи. Слѣпцовъ былъ правъ, говоря, что надо придумать хоть какой-нибудь заработокъ нуждающимся въ немъ женщинамъ. Будь деньги у Слѣпцова, онъ навѣрно устроилъ бы мастерскія для женщинъ, но къ несчастію у него ихъ не было, и онъ самъ постоянно нуждался: возьметъ впередъ изъ редакціи деньги, уплатить долги и опять сидитъ безъ гроша. Слѣпцову хотѣлось составить общество изъ людей достаточныхъ, которые на словахъ очень сочувственно относились къ женскому вопросу, но онъ только терялъ время на эти хлопоты.

— Странное дѣло,—говорилъ онъ,—на всякій пустякъ люди

бросаютъ деньги, а чуть коснется чего-нибудь полезнаго, такъ не уломаетъ ихъ принять участіе. Является какая-то недовѣрчивость въ полезность дѣла, боятся, что пропадутъ деньги, точно дѣло идетъ не о нѣсколькихъ стахъ рублей, а о цѣломъ состояніи! А какъ слушаешь ихъ, такъ они, кажется, готовы пожертвовать даже своей жизнью изъ-за своихъ принциповъ. Ну, да обойдемся и безъ нихъ: съ міру по ниткѣ—голому рубашка.

Слѣпцовъ устроилъ частный литературно-музыкальный вечеръ въ пользу двухъ пріѣзжихъ барышень, которыя очутились въ безвыходномъ положеніи. На этомъ вечерѣ участвовалъ композиторъ Сѣровъ, двѣ сестры музыканши (фамиліи ихъ не помню), Минаявъ читалъ стихи и еще кто-то изъ новичковъ-литераторовъ. Самъ Слѣпцовъ для этого вечера написалъ маленькій рассказъ «Спичка», подражаніе сказкамъ Андерсона.

Билетовъ было роздано очень много черезъ знакомыхъ, такъ что зала, въ квартирѣ одного семейства, не могла вмѣстить всей публики и многіе должны были слушать чтеніе и музыку изъ со-сѣднихъ комнатъ.

Сборъ оказался изрядный, потому что многіе давали въ пять разъ болѣе за билетъ. Слѣпцовъ проектировалъ дать нѣсколько такихъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, чтобы на сборъ съ нихъ открыть женскую переплетную мастерскую. Но его планы рушились, потому что получены были достовѣрныя свѣдѣнія, что на него обращено особенное вниманіе за устройство комунъ и за нимъ зорко слѣдятъ, какъ за организаторомъ разныхъ сборищъ подъ видомъ частныхъ лекцій и литературныхъ чтеній; ему совѣтовали на время умѣрить свою организаторскую дѣятельность.

— Принимайтесь-ка писать свои рассказы, давнымъ-давно не было въ «Современникѣ» вашего имени,—сказала я Слѣпцову по этому поводу.

— Я хочу не рассказъ писать, а романъ,—отвѣчалъ Слѣпцовъ,—онъ у меня обдуманъ.

— У васъ давно задумано много рассказовъ, да какой толкъ изъ этого?—замѣтила я.

— Мнѣ хочется въ своемъ романѣ изобразить современные отношенія между супругами, людьми развитыми,—говорилъ Слѣпцовъ.

— Лѣтъ черезъ десять мы прочтемъ вашъ романъ?—спросила я, смѣясь.

— Не черезъ десять, я очень скоро его напишу,—улыбаясь, отвѣчалъ Слѣпцовъ и предложилъ мнѣ держать пари.

Я охотно согласилась, въ полной увѣренности, что выиграю.

Слѣпцову очень нравился у меня старинный бронзовый под-свѣчникъ изящной работы, а онъ былъ большой любитель до изящныхъ вещей. Въ случаѣ проигрыша, я должна была отдать ему этотъ подсвѣчникъ.

— Если я проиграю, что невѣроятно, то сдѣлаю вамъ оригинальный портфель для бумагъ,—сказалъ Слѣпцовъ.

Надо замѣтить, что Слѣпцовъ и въ мелочахъ способенъ былъ увлекаться. Онъ придумалъ заказать токарю для своего письменнаго стола березовые подсвѣчники, покрытые лакомъ, носился съ своимъ изобрѣтеніемъ, показывая короткимъ знакомымъ эти подсвѣчники, и былъ очень доволенъ, если кто-нибудь просилъ его заказать такіе же подсвѣчники или канделябры. Слѣпцовъ самъ давалъ токарю рисунки и слѣдилъ за его работой, а когда токаръ взялся въ лѣтнемъ помѣщеніи приказчицыяго клуба украсить танцевальное зало люстрами изъ березы, то Слѣпцовъ до такой степени былъ озабоченъ, какъ будто самъ взялъ этотъ заказъ. Каждый день онъ бѣгалъ къ токарю, наблюдалъ за его работой, давалъ совѣты, дѣлалъ рисунки.

Я позабыла о пари. Но что-то очень вскорѣ послѣ этого, Слѣпцовъ пришелъ ко мнѣ обѣдать и, увидавъ двухъ своихъ пріятелей, которые также пришли къ обѣду, сказалъ:

— А я заходилъ къ вамъ обоимъ, чтобы вмѣстѣ идти къ Авдотѣ Яковлевнѣ.

Я не обратила на его слова вниманіе, потому что Слѣпцовъ и оба его пріятеля часто вмѣстѣ обѣдали у меня.

Когда мы напились кофею послѣ обѣда, Слѣпцовъ спросилъ насъ:

— Способны вы слушать чтеніе первой части моего романа?

Мы были удивлены и обрадованы.

Я, кажется, уже упоминала, что Слѣпцовъ замѣчательно хорошо читалъ свои произведенія, такъ что слушать его было большое наслажденіе.

Прочитавъ первую часть своего романа «Трудное время», онъ разсказалъ конспектъ второй части.

Уходя домой, Слѣпцовъ сказалъ мнѣ:

— Какъ видите, вашъ подсвѣчникъ скоро будетъ стоять у меня на письменномъ столѣ.

Я согласилась, что проиграла пари и отдала ему подсвѣчникъ; но оказалось, что я поторопилась, потому что Слѣпцовъ долго не принимался за вторую часть и Богъ знаетъ когда бы она была написана, если бы Некрасовъ настоятельно не требовалъ второй части, чтобы начать печатать романъ въ «Современникѣ».

Когда Слѣпцовъ окончилъ вторую часть и прочелъ ее намъ, то мы всѣ откровенно ему высказали, что онъ скомкалъ вторую часть, и у него вышло совсѣмъ не то, что онъ намъ разсказывалъ.

— Не могу положительно писать, когда запродаю себя,—оправдывался Слѣпцовъ.—Я самъ чувствую, что вторая часть у меня вышла плохо!.. Нѣтъ, теперь ни за что не возьму впередъ денегъ изъ редакціи, пока не окончу вещь!—воскликнулъ онъ и самъ раз-

смѣялся своему зароку, потому что забранныя впередъ деньги за романъ были давно истрачены и онъ сидѣлъ безъ гроша.

Въ 1865 году романъ былъ напечатанъ въ «Современникѣ», а въ слѣдующемъ году вышелъ отдѣльно.

Слѣпцовъ намѣревался передѣлать вторую часть, но остался при одномъ своемъ намѣреніи. Ему нужны были деньги и онъ торопился пустить въ продажу свой романъ.

Я часто стыдила Слѣпцова за лѣность его къ работѣ и онъ, смѣясь, увѣрялъ, что никто его такъ не распекаетъ, какъ я.

Разъ онъ и его два пріятели должны были обѣдать у меня; мы сговорились вечеромъ ѣхать вмѣстѣ кататься по Невѣ.

Приходятъ его пріятели и на мой вопросъ о Слѣпцовѣ отвѣчаютъ, что онъ сейчасъ кончитъ работу и явится.

Я обрадовалась и воскликнула:

— Слава Богу, наконецъ-то принялся за писанье!

Но пріятели меня разочаровали, сказавъ, что они застали Слѣпцова совсѣмъ за другой работой,—онъ обшивалъ новой тесьмой свой пиджакъ.

Всѣ короткіе знакомые имѣли доказательства необыкновенныхъ способностей Слѣпцова къ разному мастерству. Онъ могъ сдѣлать все, что угодно и такъ хорошо, точно нѣсколько лѣтъ обучался этому мастерству.

Я хотѣла побранить Слѣпцова, за то, что онъ тратитъ время на пустяки, а не занимается дѣломъ, но была обезоружена его самодовольствіемъ, когда онъ поздоровавшись со мной, спросилъ:

— Хорошо обшить мой пиджакъ?

— Отлично, но какъ вамъ не стыдно заниматься такой работой, когда бы могли отдать это сдѣлать своему портному.

— Никакъ не могъ,—отвѣчалъ Слѣпцовъ,—во-первыхъ, у меня не хватило бы денегъ для уплаты за работу; а во-вторыхъ, пиджакъ равнѣ завтрашняго вечера не могъ быть готовъ. А я, какъ видите, въ нѣсколько часовъ его обшилъ и такъ хорошо, что мой портной сначала не повѣрилъ, а потомъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе быть его подмастерьемъ.

— Если бы вы цѣлое утро писали, то заработали бы себѣ денегъ на новый пиджакъ,—замѣтила я.

— Да я не могъ себя видѣть въ пиджакѣ съ отрепанной тесьмой, а теперь онъ какъ новенькій,—говорилъ улыбаясь Слѣпцовъ.

Онъ часто въ подобныхъ случаяхъ напоминалъ мнѣ мальчика довольнаго и гордаго тѣмъ, что счумѣлъ сдѣлать самъ себѣ игрушку.

Кромѣ увлеченій, Слѣпцову много мѣшала въ литературныхъ занятіяхъ и обстановка его жизни. Если его хоть на минуту отрывали отъ работы, онъ уже не могъ снова садиться за писаніе, а попавъ въ центръ тогдашняго круга учащихъ женщинъ и пропагандистовъ женскаго вопроса, онъ, поневолѣ, завелъ обширное зна-

комство: то одинъ забѣжить къ нему утромъ, то другой, да кромѣ того пососѣдству съ его комнатою развлекалъ его какой-нибудь типичный разговоръ жильцовъ, или въ корридорѣ крикливый голосъ чухонки, квартирной хозяйки, которая цѣлыми днями бранилась то съ своей прислугой, то съ жильцами.

Слѣпцову нужно было уединеніе, чтобы его ничто не развлекало.

Въ первое время по приѣздѣ въ Петербургъ, онъ писалъ много, потому что знакомство еще было небольшое и онъ не втянулся еще въ тотъ водоворотъ, который закруживалъ молодыхъ людей, увлекавшихся тогдашними современными вопросами. Слѣпцовъ жилъ тогда на квартирѣ у одного своего пріятели, котораго по утрамъ не было дома и никто не мѣшалъ ему писать. Конечно, не малую роль играла и лѣнь Слѣпцова, къ несчастью, только къ писанію, потому что въ другихъ случаяхъ онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ. Много также мѣшали Слѣпцову и его отношенія къ женщинамъ. Такъ какъ я упоминала, что онъ былъ очень красивъ, то въ него влюблялось много женщинъ. Но всѣ его сердечные романы были кратковременны и оканчивались всегда неприятнымъ для него образомъ. Онъ не могъ выносить ревности, а ему попадались именно женщины очень ревнивыя. Слѣпцовъ не хотѣлъ притворяться и обманывать и выводилъ женщинъ изъ себя тѣмъ, что сохранялъ полное хладнокровіе въ бурныхъ сценахъ ревности. Онъ былъ такъ набалованъ побѣдами, что едва успѣвалъ покончить романъ съ одной женщиной, какъ являлись другія въ него влюбленныя. Слѣпцовъ не придавалъ большого значенія скоро-воспалительной любви въ женщинахъ и имѣлъ неосторожность всегда это высказывать, чѣмъ, конечно, женщины оскорблялись и считали его за самаго сухого эгоиста.

Слѣпцовъ переѣхалъ на лѣто на дачу на Черную рѣчку, гдѣ нанялъ себѣ мезонинъ у бѣдной чиновницы во флигелѣ, во дворѣ.

Уѣзжая на дачу, онъ просилъ меня и своихъ двухъ пріятелей приѣхать къ нему поскорѣй пить чай. Мы собрались втроемъ и насилу отыскали Слѣпцова. Дѣти, игравшіе на дворѣ, указали намъ деревянную, темную лѣстницу съ шатающимися ступеньками. Мы взобрались по ней. Дверь въ мезонинъ была отворена настежь и намъ представилась слѣдующая картина. Слѣпцовъ стоялъ на опрокинутой кадкѣ и наклеивалъ обои. Рукава его рубашки были засучены по локоть, голова у него была повязана носовымъ платкомъ и онъ былъ опоясанъ какимъ-то ситцевымъ линючимъ передникомъ. Мезонинъ былъ съ очень низкимъ потолкомъ и съ полукруглымъ окномъ. Хаосъ въ мезонинѣ царилъ ужасный; обрѣзки обоевъ валялись по полу, ветхая мебель сдвинута на средину, на клеенчатомъ диванѣ лежалъ чемоданъ, платье, зеркало, на полнѣняхъ стояла доска и горшокъ съ клейстеромъ.

Слѣпцовъ стоялъ спиной къ двери и такъ былъ занятъ работою, что не обратилъ вниманіе на нашъ приходъ, пока мы его не окликнули. Держа конецъ обоевъ въ рукѣ, онъ повернулъ голову и, улыбаясь, произнесъ:

— Сейчасъ доклею! видите какой кусочекъ остался. Развѣ я дурно оклеилъ комнату, потолокъ-то, посмотрите, точно мраморный? А если бы видѣли, какой онъ былъ загрязненный, стѣны въ дыркахъ, дуло страшно, я законопатилъ ихъ; теперь будетъ чисто и тепло.

Говоря это, Слѣпцовъ доклеилъ кусокъ, соскочилъ съ кадки и добавилъ:

— Не могу руки протянуть вамъ, сейчасъ васъ проведутъ въ садъ и я немедленно явлюсь къ вамъ въ благообразномъ видѣ.

Онъ высунулся въ дверь и крикнулъ внизъ:

— Пашенька, пожалуйста ко мнѣ!—и обратясь къ намъ произнесъ:—господа, вы сейчасъ увидите Миньону Черной рѣчки.

Явилась очень молодая, бѣлокурая дѣвушка, чуть не въ лохмотьяхъ, плотнаго сложенія, высокаго роста; она не была красива и имѣла очень простодушное выраженіе.

Мы едва могли удержаться отъ смѣха, взглянувъ на такую Миньону. Слѣпцовъ обратился къ ней со словами:

— Проводите, Пашенька, моихъ гостей въ садъ, принесите стулья и столъ и поставьте самоваръ.

Пашенька, улыбаясь, кивала ему головой. Мы пошли за Миньонной, которая привела насъ въ небольшой садикъ, очень запущенный, а черезъ минуту принесла довольно большой деревянный кухонный столъ на головѣ и четыре стула въ рукахъ, такъ ловко, точно самую легкую ношу. Слѣпцовъ изъ мезонина распорядился куда лучше поставить столъ и велѣлъ Миньонѣ попросить у хозяйки чистую скатерть и чайную посуду.

Скоро Слѣпцовъ явился къ намъ джентльменомъ и извинился, что заставилъ насъ ждать.

— Для чего вы подняли такую возню на какихъ-нибудь два мѣсяца, да и того менѣе?—спросила я его.

— Не могъ ни спать, ни работать, въ такой грязной комнатѣ. Сегодня какъ только всталъ, махнулъ въ городъ, купилъ обоевъ, искалъ здѣсь маляра, не нашелъ, и принялся самъ оклеивать; какъ видите все готово.

Пашенька радостно улыбалась, когда Слѣпцовъ хвалилъ ее за расторопность, съ какой она прислуживала намъ.

Я спросила Слѣпцова, почему онъ назвалъ дѣвушку Миньонной Черной рѣчки.

Онъ рассказалъ намъ слѣдующую ея біографію: Пашенька осталась послѣ родителей круглой сиротой семи лѣтъ; единственный ея родственникъ, пьянчуга дядя, крестьянинъ Черной рѣчки,

запродать сироту за пустяшную плату въ годъ шарманщику; этотъ одѣль ее мальчикомъ, выучилъ кувыряться и стоять на головѣ. Зимой шарманщикъ бродилъ по дворамъ въ Петербургѣ, заставляя дѣвочку выкрикивать подѣ шарманку «Подѣ вечерѣ осенью ненастной», а въ портерныхъ пѣть болѣе игривыя пѣсенки. Но, вѣроятно, вслѣдствіе акробатическихъ упражненій дѣвочка быстро росла и развивалась, такъ что уже нельзя было выдавать ее за мальчика. Тогда ловкій шарманщикъ началъ заставлять ее показывать силу: держать въ зубахъ стулъ, играть чугунными шарами и, бросивъ ихъ въ верхъ, подставлять грудь и спину. Но въ прошломъ году антрепренеръ-шарманщикъ и пьяница-дядя перепились, подрались и оба высидѣли въ полиціи сутки. Дядя такъ озлобился на антрепренера, что отнялъ у него свою племянницу и закабалить ее въ услуженіе къ чиновницѣ, беря себѣ жалованье. Жизнь бывшей артистки у чиновницы оказалась гораздо хуже, чѣмъ у шарманщика, потому что чиновница съ презрѣніемъ относилась къ ея артистическому прошлому, иначе не звала ее какъ «уличная плясунья». Многочисленное семейство чиновницы безчеловѣчно оскорбляло кроткую по натурѣ дѣвушку, при томъ еще съ раннихъ лѣтъ привыкшую видѣть себя какой-то вещью, которую дядя запродавалъ въ полное владѣніе то шарманщику, то чиновницѣ.

Слѣпцовъ такъ мастерски разсказалъ намъ біографію дѣвушки, что я ему замѣтила:

— Вамъ стоитъ только заняться нѣсколько дней и у васъ будетъ готовъ разсказъ.

— Непремѣнно напишу! — отвѣчалъ мнѣ Слѣпцовъ. — Теперь у меня комната сдѣлалась чистенькая и мнѣ пріятно будетъ работать. Я освобожу Пашеньку отъ эксплуатаціи пьянчуги-дяди; я уже познакомился съ нимъ, угощалъ водкой и соблазнилъ его тѣмъ, что онъ можетъ получать вдвое, если отпустить свою племянницу на мѣсто въ Петербургъ. Какъ только онъ выправитъ ей видъ, я помѣщу ее въ одно хорошее семейство, гдѣ ее защитятъ.

Слѣпцовъ точно освободилъ дѣвушку отъ дяди, но разсказа не написалъ.

Мы еще разъ пили чай на дачѣ у Слѣпцова и уже въ его мезонинѣ, который онъ превратилъ въ уютную комнатку.

— Ну, что ваша Миньона? — спросила я.

— Пока еще таскаетъ воду, рубить дрова, стряпаетъ, стираетъ, но скоро чиновница лишится ее. Я въ такой дружбѣ съ ея пьянчугой-дядей, что онъ каждый день является ко мнѣ бесѣдовать, т. е. выпить водки.

— А разсказъ о Миньонѣ Черной рѣчки пишете? — спросила я.

— Нѣтъ, еще не принимался за него. Не могу я работать, когда чѣмъ-нибудь другимъ занятъ.

Я махнула рукой и больше ужъ не спрашивала Слѣпцова о разсказѣ.

Въ 1866 году, послѣ 4-го апрѣля, Слѣпцовъ былъ арестованъ, но черезъ недѣлю выпущенъ. Своимъ арестомъ онъ былъ обязанъ устройству комуны.

Слѣпцовъ на лѣто опять переѣхалъ на дачу въ Новую Деревню, нанявъ себѣ комнату у дачниковъ съ отдѣльнымъ ходомъ.

Не прошло и мѣсяца его дачной жизни, какъ Слѣпцовъ пріѣхалъ къ намъ разсказать какое наканунѣ вечеромъ было съ нимъ происшествіе. Онъ вернулся съ прогулки, напился чаю и намѣревался лечь спать, какъ вдругъ кто-то постучался въ дверь. Слѣпцовъ отворилъ дверь и увидаль женщину, закутанную въ платокъ, такъ что нельзя было хорошо разглядѣть ея лица. Она сдѣлала ему вопросъ: «никто не придетъ сюда, мнѣ нужно переговорить съ вами?»

Слѣпцовъ отвѣчалъ незнакомкѣ, что никто не придетъ. Тогда она переступила порогъ комнаты и потребовала, чтобы онъ заперъ дверь на ключъ.

Незнакомка скинула платокъ и оказалась молодой, высокой женщиной лѣтъ 25, недурной собой. Она объяснила, что обратила на Слѣпцова вниманіе тотчасъ какъ онъ переѣхалъ на дачу, но видя, что онъ ее не замѣчаетъ, рѣшилась явиться къ нему. Незнакомка разсказала свое прошедшее и настоящее, призналась, что не любитъ своего мужа потому, что это грубый, дурной человекъ и постоянно дѣлаетъ ей невѣрности, что онъ чиновникъ и часто ночуетъ въ городѣ, что она зачитывается литературными произведеніями Слѣпцова.

Такъ какъ тогда господствовала общая паника, то Слѣпцову совѣтовали быть осторожнымъ съ незнакомкой, которая всѣмъ казалась подозрительной. Но вышло, что у страха глаза велики. Все лѣто она бывала у Слѣпцова и все обошлось благополучно. Слѣпцовъ въ августѣ переѣхалъ съ дачи, а чиновница осталась въ Новой Деревнѣ до начала октября, потому что у ея мужа не было средствъ перевезти жену и дѣтей въ городъ. Слѣпцовъ послѣ этого уже не видѣлся съ ней.

Однажды, зимой, я съ мужемъ и съ Слѣпцовымъ пріѣхали въ художническій клубъ, который тогда посѣщала масса публики. Мы снимали при входѣ верхнее платье, какъ вдругъ вошла высокая женщина въ легонькомъ, старенькомъ драповомъ пальто, не смотря на довольно сильный морозъ. Она видимо обрадовалась, встрѣтись съ Слѣпцовымъ. Когда она сняла свое холодное пальто, то и ея черное шерстяное платье оказалось также довольно поношеннымъ. Она была очень худая, блѣдная женщина, но съ развязными манерами. Мы пошли въ зало. Слѣпцовъ, догнавъ насъ, спросилъ меня:

— Замѣтили ли вы даму, съ которой я разговаривалъ? это и

есть та самая чиновница, которая такъ оригинально познакомилась со мной на дачѣ.

— Значить ваше знакомство возобновится?

— Приглашала къ себѣ, но я не намѣренъ знакомиться съ ея супругомъ.

Мѣсяца черезъ три или четыре Слѣпцовъ за обѣдомъ у насъ сообщилъ, что недавно, идя по Морской, увидѣлъ даму, ѣхавшую въ парныхъ саняхъ въ бархатной шубѣ; дама остановила кучера и поманила Слѣпцова къ себѣ. Оказалось, что это его чиновница, пополнѣвшая и сіявшая самодовольствіемъ. Она дала ему свой адресъ, чтобы онъ непременно пришелъ къ ней, говоря, что у нея своя половина и мужъ не смѣетъ являться къ ней, когда у нея сидятъ гости.

Слѣпцовъ изъ любопытства посѣтилъ старую знакомую чиновницу, которая очень дружески его приняла въ своемъ салонѣ и рассказала ему, нисколько не стѣняясь, что въ нее влюбился пожилой господинъ, очень извѣстное чиновное лицо въ Петербургѣ, и намѣренъ на ней жениться.

— А мужъ?— спросилъ Слѣпцовъ.

— Стоитъ ли объ немъ говорить, развѣ онъ теперь смѣетъ слово мнѣ сказать,—получилъ хорошее чрезъ меня мѣсто, живетъ въ отличной квартирѣ. Ему дадутъ денегъ и онъ будетъ очень доволенъ.

— Значить, кромѣ богатства, вы приобрѣтете и чинъ генеральши? Когда же свадьба?—спросилъ Слѣпцовъ.

— Я еще со свадьбой погожу, сначала приберу хорошенько генерала въ руки, чтобы онъ какъ маріонетка плясалъ по моему желанію.

И точно, чиновница, женивъ на себѣ генерала, такъ забрала его въ руки, что всѣ нуждавшіеся въ немъ должны были подносить ей цѣнные подарки, чтобы достигъ своихъ цѣлей у вліятельнаго генерала. Весь Петербургъ это зналъ и въ пріемные дни въ салонѣ у счастливой генеральской четы являлась масса дамъ и мужчинъ изъ средняго свѣтскаго круга и всѣ оказывали большое вниманіе генеральшѣ, которая въ короткое время такъ растолстѣла, что изъ нея можно было выкроить десять такихъ женщинъ, какой я видѣла ее въ художническомъ клубѣ въ поношенномъ драповомъ пальто, посинѣвшіе отъ холода.

Всѣ знали въ итальянской оперѣ эту генеральшу, необычайно величественно сидѣвшую въ ложѣ, разодѣтую и распространявшую сіяніе отъ брилліантовъ, которые были на ней надѣты.

Разъ въ антрактѣ ко мнѣ подошелъ М. Е. Салтыковъ и сказалъ своимъ ворчливымъ тономъ, указывая на генеральшу:

— Мужъ сохнетъ, а жену все распираетъ...

Слѣпцовъ въ началѣ 1871 или 1872 года помѣстилъ начало

своего романа «Хорошій человекъ» уже въ «Отечественныхъ Запискахъ», когда «Современникъ» сочетался бракомъ съ этимъ журналомъ. Романъ такъ и остался неоконченнымъ.

Здоровье Слѣпцова сильно пошатнулось; онъ очень исхудалъ и доктора совѣтовали ему уѣхать изъ Петербурга въ болѣе теплый климатъ, но онъ поселился въ Москвѣ и оттуда поѣхалъ на Кавказъ.

Я долго не видала Слѣпцова; весной 1876 года онъ вдругъ является ко мнѣ. Я хотя и знала, что онъ постоянно боленъ, но все-таки не ожидала, что увижу его въ такомъ болѣзненномъ состояннн. Онъ едва передвигалъ ногами и долженъ былъ тотчасъ же, какъ вошелъ, сѣсть, но и сидѣть ему было трудно. Худъ онъ былъ страшно; и прежде у него былъ блѣдный цвѣтъ лица, но теперь онъ былъ совершенно желтый.

— Въ какомъ плачевномъ состояннн вы видите меня,—сказалъ Слѣпцовъ,—совѣмъ калѣкой сдѣлался. Приѣхалъ по очень неприятному дѣлу въ Петербургъ — для операціи. Что дѣлать, пусть меня рѣжутъ, если это нужно!

Пошли разговоры о разныхъ старыхъ знакомыхъ и меня удивило, что Слѣпцовъ при такой тяжкой болѣзни весело шутилъ, рассказывая о своей жизни въ Москвѣ, на Кавказѣ. Уходя, онъ мнѣ сказалъ:

— Когда же мы свидимся? Послѣ операціи мнѣ придется лежать въ постели, такъ вы ужъ навѣщайте меня.

Операція очень облегчила страданія Слѣпцова и онъ лежалъ въ постели въ прежнемъ веселомъ настроеннн. Больного Слѣпцова навѣщали немногіе изъ его прежнихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Впрочемъ, изъ прежнихъ его пріятелей многіе не по своей волѣ уѣхали на жительства очень далеко изъ Петербурга, а тѣ, которые находились въ Петербургѣ, до смѣшного боялись встрѣчаться со Слѣпцовымъ, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пропагандировали женскій вопросъ. Они воображали, что знакомство съ бывшимъ организаторомъ комунны, можетъ скомпрометировать ихъ чиновную карьеру, такъ что лишь четверо изъ старыхъ знакомыхъ навѣщали больного Слѣпцова, въ томъ числѣ и я.

Какъ-то разъ я заговорила съ Слѣпцовымъ о томъ, какъ онъ мало написалъ въ продолженіе всего времени, какъ выступилъ въ литературѣ.

— У меня не хватило силъ создать чтѣ-нибудь очень хорошее, а писать посредственныя вещи не было охоты. Первое время я сгоряча писалъ, но потомъ созналъ, что не стоитъ наводнять литературу своими рассказами. Романы у меня также ничѣмъ не отличались. Я рѣшилъ, что пока не напишу чтѣ-нибудь очень хорошее, до тѣхъ поръ ничего не печатать. У меня есть планъ написать большую повѣсть и, мнѣ кажется, она можетъ наконецъ мнѣ удасться. Тогда я напечатаю ее.

— А романъ «Хорошій человекъ» такъ и не окончите?—спросила я.

— Пишу, да все не вытанцовывается у меня, да и болѣзнь помѣшала. Вотъ выздоровѣю, уѣду въ деревню къ матери и тамъ буду работать. Я теперь поугомонился, во мнѣ нѣтъ той разбросанности, которая мѣшала мнѣ сосредоточиваться на предметахъ. Нѣтъ той жажды изучить характеръ людей, съ которыми сталкивался. У меня большой запасъ матеріала для созданія психическихъ сторонъ современнаго общества.

Разъ я прихожу къ Слѣпцову и вижу на столѣ, около его дивана, на которомъ онъ лежалъ, букетъ цвѣтовъ и коробка конфектъ.

Слѣпцовъ улыбаясь спросилъ меня:

— Угадайте-ка, кто мнѣ сегодня приподнесъ все это изъ моихъ старыхъ знакомыхъ женщинъ!

Я отвѣчала, что у него было такое множество знакомыхъ дамъ, что трудно угадать; но вспомнила о бывшей бѣдной чиновницѣ Новой Деревни, которая сдѣлалась милліонершей и назвала ее.

Слѣпцовъ засмѣялся и отвѣчалъ:

— Вотъ захотѣли, чтобы она теперь вспомнила обо мнѣ. Ей теперь нужно общество гвардейскихъ офицеровъ.

— Однако, она постоянно приглашала васъ къ себѣ, когда встрѣчала на улицѣ, вы сами не хотѣли поддерживать съ ней знакомства,—замѣтила я.

Слѣпцовъ на это отвѣчалъ мнѣ:

— Очень мнѣ противно было ея самодовольство, что она такъ ловко поймала милліонера-чиновника, и онъ мнѣ противенъ, разыгрываетъ роль честнѣйшаго человека и всѣ притворяются, что вѣрятъ въ его гражданскую честность... Нѣтъ, этотъ букетъ и конфекты я получилъ отъ моей Миньоны Черной рѣчки. Помните бѣдную дѣвушку, которую я освободилъ изъ кабалы дяди-пьяницы. Она сегодня утромъ явилась ко мнѣ. Я ни за что бы не узналъ ее, если бы она сама не назвала себя. Расплакалась; мы по старому дружески побесѣдовали. Вѣдь она уѣхала въ деревню съ одной богатой больной барыней, нѣсколько лѣтъ прожила у нея и пріѣхала съ ней въ Петербургъ, чтобы ѣхать за границу. Выучилась читать, писать и, вообразите, даже прочла всѣ мои рассказы.

— Какъ же она отыскала васъ?

— А ея барыня наняла меблированную квартиру здѣсь же. Вотъ и прочла мою фамилію на доскѣ, распросила и явилась сегодня утромъ ко мнѣ, такая разодѣтая, при часахъ. А послѣ своего ухода прислала мнѣ букетъ и конфекты.

Я смѣясь замѣтила, что обѣ дачныя его знакомыя сдѣлали себѣ блистательную карьеру.

— Въ нравственномъ отношеніи моя Пашенька слишкомъ высоко стоитъ передъ милліонершей. Она на свои трудовыя деньги

купила мнѣ цвѣты и конфекты. Ей-то скорѣй было бы извинительно, если бы она такимъ же путемъ, какъ генеральша, обезпечила свою будущность. Я очень доволенъ, что, хоть случайно, но такъ удачно оказалъ помощь бѣдной дѣвушкѣ.

Пашенька навѣщала Слѣпцова и постоянно приносила ему разныхъ лакомствъ и дорогого вина, которое ему предписывали доктора.

Слѣпцовъ говорилъ мнѣ, что запретилъ было Пашенькѣ дѣлать такія траты для него, но она страшно расплакалась, что онъ гнушается принимать отъ нея такіе пустяки, ибо она получаетъ хорошее жалованье и ей доставляетъ большое удовольствіе хоть чѣмъ-нибудь выказать свою благодарность ему за все то, что онъ для нея сдѣлалъ.

Въ самомъ дѣлѣ благодарность дѣвушки къ Слѣпцову не имѣла границъ. Она мнѣ говорила, что считаетъ его за своего отца.

— Вѣдь со мной обращались всѣ не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ бездомной собакой. Съ перваго дня, какъ В. А. переѣхалъ въ мезонинъ, я услышала первое ласковое слово. Господи, да я ни на минуту не забывала его, живя столько лѣтъ далеко отъ него. Приѣхавъ въ Петербургъ непремѣнно хотѣла розыскать его и посмотреть, какъ онъ живетъ. Чуть съ ума не сошла отъ радости, что онъ стоитъ въ томъ же домѣ, гдѣ мы заняли квартиру... У Спасителя молебень служила, чтобъ скорѣе онъ выздоровѣлъ... Не опасна ли его болѣзнь, скажите мнѣ ради Христа. Если опасная, такъ я брошу мѣсто и буду ходить за нимъ. Я успокоила Пашеньку, говоря, что Слѣпцовъ поѣдетъ къ матери въ деревню, гдѣ уходъ за нимъ будетъ хорошій, и что болѣзнь его не опасна.

Тогда никто не зналъ, что у Слѣпцова началъ развиваться ракъ. Онъ уѣхалъ въ 1876 году, ранней осенью, изъ Петербурга въ Саратовъ, а весной, 1877 года, перевезли его къ матери въ деревню, гдѣ В. А. поздней осенью и умеръ.

А. Головачева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АЛЕКСАНДРЪ АРДАЛІОНОВИЧЪ ШИШКОВЪ 2-Й.

1799—1833.

АЛЕКСАНДРЪ Ардаліоновичъ Шишковъ принадлежитъ къ числу писателей совершенно забытыхъ въ нашей литературѣ, гдѣ въ свое время имя его пользовалось,—и не даромъ,—нѣкоторой извѣстностью. Имя это, почти съ той самой поры, какъ оно перестало оглашаться на житейской сценѣ, покрылось мертвымъ молчаніемъ среди современниковъ и, тѣмъ болѣе, среди смѣнившаго ихъ поколѣнія. Новые люди его совсѣмъ не знаютъ, или, если даже случайно припоминаютъ по переводамъ Шиллеровыхъ трагедій, то не иначе какъ съ искаженіемъ отчества, которое называютъ не по отцу переводчика, а по дядѣ... Странный и грустный удѣлъ двойной смерти постигъ даровитаго чловѣка, носившаго это имя, упраздненное сперва его насильственною кончиной, а потомъ опалою полувѣкового забвенія. Въ то время, какъ дожившій благополучно до маститой старости кровный родичъ, соименникъ и однофамилецъ Шишкова 2-го, Александръ Семеновичъ Шишковъ 1-й, пожиналъ лавры заслуженной извѣстности, въ качествѣ не только государственнаго дѣятеля-патріота, но и труженика на «бранномъ» полѣ «славено-россійской» словесности, подвизаясь въ ярой враждѣ ко всему новому и живому въ родномъ языкѣ и словѣ,—въ то самое время Шишковъ младшій, съ его болѣе свѣжими литературными стремленіями и болѣе сильными способностями, едва заявивъ себя нѣсколькими удачными опытами,—заглохъ для насъ какъ бы безъ слѣда, выкинутый изъ ряда дѣятелей. Напрасно искать какихъ-нибудь біографическихъ о немъ свѣдѣній: по крайней мѣрѣ, ихъ нѣтъ ни въ одномъ справочномъ

или энциклопедическомъ словарѣ, ни въ одной спеціальной книгѣ по исторіи русской словесности. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого поголовнаго молчанія нашей печати являются «Воспоминанія» покойнаго старика С. Т. Аксакова, гдѣ мелькаютъ тамъ и сямъ кое-какія отрывочныя (хотя и весьма цѣнныя для пытливаго изслѣдователя) сказанія объ интересующей насъ личности. А между тѣмъ, Александръ Ардаліоновичъ Шишковъ 2-й, сверстникъ, пріятель и послѣдователь Пушкина, близкій всѣмъ литературнымъ кружкамъ, всѣмъ умственнымъ вѣяніямъ своей эпохи, выросшій, такъ сказать, въ писательской сферѣ подъ кровомъ пресловутаго словесника,—т. е. дяди своего, Александра Семеновича Шишкова 1-го,—былъ человѣкъ съ блестящимъ образованіемъ, съ хорошо развитыми дарованіями, съ горячей любовью къ литературѣ, съ богатыми задатками на свѣтлую будущность въ жизни... Пусть остались задатки эти далеко не оправданными, а жизнь, испорченная увлеченіями, безвременно погублена рукою убійцы, но и то небольшое, что успѣлъ сдѣлать Шишковъ 2-й, какъ писатель второстепенный и не докончившій себя, все же даетъ ему право на сочувственную отмѣтку въ лѣтописяхъ русской литературы. Да будетъ же это поминальное слово посильнымъ, хотя и запоздалымъ съ нашей стороны, приношеніемъ въ память забытаго несчастливца.

Приступая къ дѣлу, мы должны, однако, сдѣлать необходимую оговорку.

Съ крайними и не всегда благодарными усиліями откапывали мы скудные источники для задуманнаго очерка, поневолѣ ограничившись тѣмъ, что могли найти въ области печати, вдобавокъ столько небогатой дѣльными библиографическими указаніями. Приходилось добираться до нѣкоторыхъ нужныхъ справокъ чутьемъ и догадкой... Вообще, бѣдна и скупа оказалась на разъясненія недавняго прошедшаго печать двухъ царствованій, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ герой этого скромнаго очерка: черезчуръ строго приучена она была держать языкъ за зубами и публичнымъ словомъ отнюдь не пробалтываться, особенно когда дѣло шло о какомъ-нибудь событіи въ Россіи моложе полутора вѣка. Почти столь же безнадежными представились для насъ поиски свидѣтельствъ устныхъ или показаній очевидцевъ, т. е. людей восьмисотъ двадцатыхъ, тридцатыхъ годовъ: нынче ихъ уже не стало. Объ архивахъ же, въ особенности официальныхъ, гдѣ лежатъ подъ спудомъ и гніютъ громадныя кучи дѣлъ, обреченныя вѣчной безгласности или конечному истребленію «за ненадобностію»,—и говорить нечего;—они намъ недоступны¹⁾...

¹⁾ Считаемо излишнимъ привести краткій перечень печатныхъ матеріаловъ, бывшихъ въ нашемъ пользованіи:—«Опытъ россійской библиографіи», В. Со-

У бывшего государственнаго секретаря, министра народнаго просвѣщенія, президента российской академіи и члена государственнаго совѣта, адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754—1841), было три родныхъ брата: Николай, Ардаліонъ и Дмитрій. Изъ нихъ Ардаліонъ Семеновичъ и жена его Софія Александровна (рожденная Хвостова) имѣли четырехъ сыновей: Александра (род. 1799 г., ум. 1833 г.), — о которомъ и идетъ наша рѣчь,—Семена, Дмитрія и Владиміра. Изъ этого слѣдуетъ неоспоримо, что по отцу всѣ они должны именоваться Ардаліоновичи¹⁾ и что старшій сынъ,—т. е. Александръ,—очевидно по чьей-то ошибкѣ, закравшейся въ нѣкоторыя печатныя изданія²⁾, названъ «Александровичемъ».

Надо полагать, что родители новаго поколѣнія Шишковыхъ «Ардаліоновичей»—были люди небогатые или, по крайней мѣрѣ, затруднявшіеся въ воспитаніи своихъ дѣтей, судя по тому, что трое изъ этихъ отроковъ, то-есть Александръ, Дмитрій и потомъ Владиміръ, отданы были въ домъ бездѣтнаго дяди ихъ, Александра Семеновича, человѣка съ умѣреннымъ достаткомъ, но постояннаго петербургскаго жителя, въ крупныхъ чинахъ и большомъ почетѣ,—однимъ словомъ, человѣка вліятельнаго и вообще уважаемаго за свои качества. Судя съ нравственной точки зрѣнія, воспитаніе племянниковъ не могло быть ввѣрено въ лучшія руки. Казалось, въ домѣ роднаго дяди совмѣщались всѣ условія для дѣльной вы-

пикова. Спб. 1813—1821 г.—«Роспись российскимъ книгамъ магазина и библиотеки для чтенія» А. Ф. Смирдина, съ прибавленіями и отдѣльнымъ «реестромъ». Спб. 1828, 1829—1840 г.—«Московский Вѣстникъ» (Погодина), 1827—1830 г.—«Атеней» (Погодина же), 1830 г.—«Московский Телеграфъ» (Полевого), 1831 г.—«Телескопъ» (Надеждина), 1830—1831 г.—«Молва», 1832 г.—«Сѣверная Пчела» 1832 г.—«Одесскій альманахъ» на 1831 г.—Всѣ отдѣльно вышедшія съ 1824 по 1835 г. сочиненія и переводы А. А. Шишкова 2-го.—«Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго» (А. А. Бестужева), изданія 1838 г., часть XI.—«Списокъ всѣхъ произведеній А. С. Пушкина», составл. Г. Н. Геннади (Спб. 1860 г.).—Сочиненія Пушкина, въ изданіи Анненкова (Спб. 1855 г.), т. II и въ изданіи Литературнаго Фонда (Спб. 1887 г.), томы I и VII.—«Российская родословная книга», изданная княземъ П. В. Долгоруковымъ. Часть четвертая (Спб. 1857 г.).—«Семейная хроника и воспоминанія», С. Т. Аксакова, Спб. 1856 г. (Перв. изд.).—«Современникъ», 1856 г. (Редакція Панаева и Некрасова).—«Библиографическія Записки», 1858 г., т. I.—«Русскій Архивъ», 1880 г. (т. III), 1884 г. (вып. 6) и 1886 г. (т. III, № 11).—«Русская Старина», 1874 г. (т. III), 1881 г. (№ 10, т. III), 1882 г. (№ 7), 1883 г. (№ 8), 1884 г. (т. III).—«Историческій Вѣстникъ» 1888 г. кн. 9 (т. IV).

¹⁾ См. «Российскую родословную книгу», кн. П. В. Долгорукова, ч. IV, стр. 221—222 (Спб. 1857 г.). Тамъ можно видѣть всѣ генеалогическія справки о родѣ дворянъ Шишковыхъ.

²⁾ Такъ, напримѣръ, ошибка эта сперва допущена была Н. В. Гербелемъ въ его извѣстномъ изданіи Шиллера въ русскихъ переводахъ (Спб. 1860 г.), а потомъ повторилъ ее и г. Морозовъ въ послѣднемъ изд. сочиненій Пушкина, изд. Лит. Фонда, Спб. 1887 г., т. VII.

держки мальчиковъ и для попеченій о нихъ; но вышло не совсѣмъ такъ. Сановитый дядя, съ виду суровый и непривѣтливый, а въ сущности младенчески-незлобивый и чистый сердцемъ, хотя замѣчательно стойкій въ завѣтныхъ убѣжденіяхъ, ни во что не вникалъ около себя и все свое свободное отъ службы время посвящалъ уединенно-кабинетнымъ занятіямъ надъ изысканіями славянскихъ корней, которые иногда перемежались скучнѣйшими за-сѣданіями «Бесѣды любителей россійскаго слова», гдѣ въ одномъ изъ ея отдѣленій старикъ важно предсѣдательствовалъ. Эти свойства, привычки и «упраженія» достопочтеннѣйшаго Александра Семеновича, и вдобавокъ поразительная его разсѣянность, беззаботность и неумѣлость въ будничныхъ мелочахъ практической жизни, разумѣется, не допускали никакого личнаго вмѣшательства съ его стороны въ такое сложное и хлопотливое дѣло, какъ воспитаніе отроковъ-племянниковъ. Оно не могло быть, поэтому, направлено и доведено до конца твердою мужскою рукой, но всецѣло попало въ женскія руки, и даже до той переходной поры, когда подросткамъ перестаютъ быть полезны односторонне-нѣжныя попеченія, хотя бы они исходили отъ добрѣйшей въ мірѣ и благодушнѣйшей женщины. Такою именно была первая супруга Александра Семеновича, Дарья Алексѣевна, рожденная Шельтингъ († 1825 г.). Происхожденіемъ голландка, лютеранка по вѣроисповѣданію, она вышла за Шишкова вдовою ¹⁾. Разсудительная и практичная хозяйка дома, она сумѣла быть не только заботливою нянькой своего вѣчнаго младенца-мужа, но истинно второю матерью его племянниковъ, такихъ же какъ онъ дѣтей, только малолѣтнихъ, стало быть еще болѣе нуждавшихся въ самомъ внимательно-бдительномъ уходѣ. Со всею горячностью любящаго женскаго сердца она привязалась къ нимъ какъ бы къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, которыхъ Богъ ей не далъ; сама наблюдала, насколько умѣла, за ихъ воспитаніемъ и образованіемъ, слѣдила за ними, однимъ словомъ, входила во всѣ ихъ нужды ²⁾. Особеннымъ любимцемъ ея былъ старшій изъ мужниныхъ племянниковъ, Александръ, соименный дядѣ своему и впослѣдствіи различенный отъ него въ литературѣ приставкою нумера къ родовой фамиліи: «Шишковъ 2-й». Тетка просто боготворила его всѣми силами своей души, и, дѣйствительно, этотъ ребенокъ былъ необыкновенно симпатиченъ,

¹⁾ Объ этой достойной личности мы находимъ вѣрныя сказанія какъ въ книгѣ С. Т. Аксакова (служащей основнымъ матеріаломъ настоящей статьи), такъ и въ любопытномъ дневникѣ К. С. Сербиновича, напечатанномъ въ «Русской Старинѣ» 1874 года. (См. т. III, стр. 71, 249 и 251).

²⁾ Между прочимъ, она занимала для своихъ питомцевъ француза-губернера, бывшаго при нихъ постоянно (Аксаковъ, стр. 472—474 изд. I), что казалось, по тогдашнимъ понятіямъ, непреложнымъ условіемъ всякаго «бютовнаго» воспитанія дѣтей.

не по лѣтамъ умственно развитъ и восторгаль не одну Дарью Алексѣевну, но и всѣхъ видѣвшихъ его. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ отзывается о немъ С. Т. Аксаковъ, познакомившійся съ семействомъ Шишковыхъ въ 1808 году (то-есть когда «Саша» Шишковъ былъ девяти лѣтъ): «Съ молодыми племянниками Шишкова, или лучше сказать, со старшимъ, съ Сашей (иначе называть его не позволяли), братъ мой скоро подружился меньшій же, Митя, былъ слишкомъ молодъ, да и какъ-то страненъ. Саша, извѣстный впоследствии въ русской литературѣ подъ именемъ «Шишкова 2-го», былъ тогда блистательнымъ и очаровательнымъ мальчикомъ. Много возбуждалъ онъ великихъ надеждъ своимъ рановременнымъ умомъ и яркими признаками литературнаго таланта. Тетка обожала его, какъ говорится, и не смотря на свою практическую разсудительность, совершенно испортила своего любимца. Исключительно женское воспитаніе рѣдко удается.—Вообще онъ съ избыткомъ былъ надѣленъ способностями, обѣщавшими развернуться во всю ихъ ширь, и при этомъ одаренъ живымъ и впечатлительнымъ умомъ, воображеніемъ пылкимъ и затѣйливымъ. Рано онъ умѣлъ подмѣтить слабыя струны дяди и мастерски пользовался ими, примѣняясь къ извѣстнымъ причудамъ старика. Еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Саша Шишковъ, конечно, въ угоду дядѣ, скропалъ въ стихахъ «Преложеніе дванадесятаго псалма», чѣмъ тотъ былъ несказанно утѣшенъ и поспѣшилъ тиснуть въ печати этотъ «піитическій» опытъ малолѣтняго автора, вѣроятно, не безъ собственныхъ поправокъ ¹⁾. Кромѣ того, со словъ С. Т. Аксакова, мы знаемъ и о другихъ стихахъ Саши «По случаю ожиданія фейерверка», гдѣ хитрый мальчикъ нарочно употребилъ тѣ обветшалые славянизмы, которые такъ нравились старому словеснику напримѣръ, «очеса» вм. «очи» ²⁾. Плутишка-племянникъ, по мѣрѣ

¹⁾ Это было въ 1811 году. См. у Сопикова № 8924: «Преложеніе дванадесятаго псалма двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ Александромъ Шишковымъ, въ 1811 году». Спб. 1811 (8). Названное «Преложеніе» теперь составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость.

²⁾ ...«Наступила ночь, назначенная для сожженія великолѣпнаго фейерверка акого давно не видали въ Петербургѣ... Шишковъ имѣлъ большую галерею или балконъ въ адмиралтействѣ, откуда почти также было хорошо смотрѣть какъ изъ дворца. Племянникъ Саша съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого праздника и написалъ даже стихи: «Ожиданіе фейерверка». Всѣхъ стиховъ не помню, но помню, что ловкій мальчикъ умѣлъ принаровиться ко вкусу дяди. Вотъ уцѣлѣвшіе у меня въ памяти первые четыре стиха:

«Насталъ, насталъ желанный день!
«Спѣвши скорѣе ночи тѣнь,
«Чтобъ огненные чудеса
«Мои уарѣли очеса».

«Стихи очень понравились старику. Племянникъ не скрывалъ отъ насъ, что написалъ такія вирши только для того, чтобы угодить дядѣ. Подроставшій Саша начиналъ понимать Александра Семеныча и, когда хотѣлъ, умѣлъ поддѣлываться къ нему» (Аксаковъ, стр. 487, 1-го изд.).

того, какъ выросталъ, не прочь былъ изподтишка потѣшиться на счетъ дядюшки, особенно на счетъ его литературнаго старовѣрчества, раздѣляя въ душѣ воззрѣнія Карамзинистовъ, которымъ молодой человекъ и слѣдовалъ потомъ въ продолженіе своей недолгой писательской карьеры. Есть еще характеристичный рассказъ автора «Семейной хроники», какъ прочитывалась вслухъ при старикѣ Шишковѣ добытая секретно Сашею пародія Батюшкова на «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, гдѣ зло осмѣивались члены «Бесѣды» съ ея предсѣдателемъ во главѣ. Приведемъ здѣсь подлинный рассказъ объ этомъ событіи. «Въ это время (въ 1814 г.) ходила по Петербургу пародія извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго: «Пѣвецъ въ станѣ воиновъ», написанная на Шишкова и на всю вообще «Бесѣду русскаго слова». Одинъ разъ племянникъ Александра Семеныча, Саша Шишковъ, бывъ со мной въ кабинетѣ у дяди, сказалъ мнѣ на ухо:—«Еслибъ дядя зналъ, что у меня въ карманѣ!»—«Что же у тебя такое?»—спросилъ я.—«Пародія на дядю и на всю «Бесѣду», написанная Батюшковымъ». Я пробѣжалъ пародію и положилъ въ карманъ, сказавъ Сашѣ, что я прочту ее дядѣ, который выслушаетъ ее съ удовольствіемъ. Саша умолялъ меня не дѣлать этого; но я не послушалъ и, обратившись къ Александру Семенычу, сказалъ:—«Знаете ли вы, что по Петербургу ходитъ пародія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» на васъ и на всѣхъ членовъ Бесѣды?»—«Нѣтъ, не знаю. Да хороша ли?»—«Всѣ хвалятъ»,—сказалъ я,—«хотите я вамъ прочту?»—«Прочтите, пожалуста». И я при всѣхъ, кто были въ кабинетѣ, торжественно прочелъ пародію. Александръ Семенычъ былъ очень доволенъ, улыбался, и когда я кончилъ, сказалъ:—«Это забавно. Дайте мнѣ, пожалуста, списокъ». Саша очень струсилъ, что я отдамъ тотъ, по которому я читалъ, написанный его рукою, но я вывелъ его изъ затрудненія, отдавъ ему списокъ и сказавъ:—«Саша вамъ спешетъ». Изъ этой баллады уцѣлѣли въ моей памяти слѣдующіе стихи:

•Да здравствуетъ бесѣды царь,
 •Цвѣти твоя держава!
 •Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
 •Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава!
 •Не измѣнимъ, мы отъ отцовъ
 •Пріяли глупость съ кровью.
 •Сумбуръ! Здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
 •Къ тебѣ горимъ любовью.
 •Нашъ каждый писарь—славянннъ,
 •Галиматьею дышетъ,
 •Бѣжитъ предатель ихъ дружинъ
 •И галлицизмы пишетъ».

«Вотъ конецъ куплета, непосредственно относившагося къ Александру Семенычу, а начала не помню:

«Ошую пусть сидить съ тобой
 «Осьмое чудо свѣта,
 «Твой сынъ, наперстникъ и клеветь,
 «Шихматовъ безглагольный ¹⁾:
 «Какъ ты, славянъ краса и цвѣтъ,
 «Какъ ты, собой довольный».

Какъ видно, въ нашемъ будущемъ юномъ литераторѣ рано сказывалось, хотя робкими поползновеніями, тяготѣніе къ новой средѣ писателей, чуждой затхлыхъ понятій о законахъ языка и литературнаго вкуса, какія упрямо проповѣдывались ветхозавѣтными уставщиками словесности, въ лицѣ стараго Шишкова. И племянникъ его вскорѣ примкнулъ съ живымъ сочувствіемъ къ группѣ молодыхъ талантовъ, между которыми, ярко восходящею звѣздой, уже выдѣлялся гений Пушкина. Ровестникъ по лѣтамъ великаго поэта и увлекающійся имъ со всеѣмъ пыломъ юности, Александръ Шишковъ 2-й сблизился съ нимъ, когда тотъ былъ еще въ лицѣѣ, подружился, сталъ его усерднымъ, хотя не всегда удачнымъ подражателемъ,—какъ въ стихотвореніяхъ, такъ и въ шалостяхъ,—писалъ ему рѣмованныя посланія и получалъ на нихъ отвѣты и т. п. Доказательство этихъ поэтическихъ сношеній мы находимъ въ стихотвореніи (лицейскомъ) Пушкина 1816 г., помѣщенномъ, впрочемъ, не въ полномъ видѣ, въ послѣднемъ изданіи его сочиненій (Изд. Лит. ф., т. I, стр. 154—155) ²⁾.

А. А. Шишкову.

«Шалунъ, увѣнчанный Эротой и Венерой,
 «Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 «Въ помѣстье мирное межъ Пяндомъ и Цытерой,
 «Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни.
 «Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
 «Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль.
 «Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 «Твою счастливую качали колыбель.
 «И нынѣ въ памяти прекрасной
 «Съ тобою вѣрныя сопутницы твои;
 «Бряцай, о трубадуръ, на арфѣ сладострастной
 «Ты гимны счастливой любви!
 «Пой сердца юнаго кипящее желанье,
 «Красавицы твоей упорство, трепетанье,
 «Со груди сорванный завистливый покровъ,
 «Стыдливости послѣднее роптанье,
 «И страсти торжество на ложѣ изъ цвѣтовъ!
 «Пой, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи,

¹⁾ У Шихматова почти не было рѣмъ на глаголы. (Аксаковъ, изд. 1-е стр. 507—509.

²⁾ Такъ какъ стихотвореніе это тамъ напечатано съ большими сокращеніями (по причинамъ, для насъ непонятнымъ), то мы здѣсь приводимъ его въ полнѣйшемъ видѣ:

«Тебѣ подвластныя красы,
 «Въ ся объятіяхъ исчезнувшія ночи—
 «Любви безцѣнные часы.
 «Мой другъ, она твоя, она твоя награда,
 «Тайственной любви безцѣнная отрада!
 «Но мнѣ ли радость воспѣвать,
 «Когда гнететъ меня страданье,
 «Когда на каждый стихъ, на каждое мечтанье
 «Унынье черную кладетъ свою печать...
 «Но я... друзей любить открытою душою,
 «Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою:
 «Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ.
 «Но милый, сжался надо мною,
 «Не требуй отъ меня стиховъ!
 «Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
 «Докучной истины я повдній вижу свѣтъ.
 «По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
 «Мечтѣ, шепнувшей: ты поэтъ,
 «И, презря мудрые угрозы и совѣты,
 «Съ небрежной лѣнностью нализывалъ куплеты,
 «Игрушкою себя невинной веселилъ,
 «Угодникъ Бахуса, я, трезвый межъ друзьями,
 «Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
 «Мечтательныхъ Доридъ и славилъ, и бранилъ,
 «Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
 «И сонные стихи въ просонкахъ величало.
 «И даже каюсь я—пустынникъ согрѣшилъ,
 «Я первый пѣлъ любви невинное начало,
 «Но такъ тайственно, съ такимъ разборомъ словъ,
 «Съ такою скромностью стыдливой,
 «Что не краснѣя боязливо,
 «Меня бы выслушала и дѣвственный К—въ.
 «Но долго ль юношу дѣлѣять Аполлонъ?
 «Душѣ наскучили Парнасскія забавы;
 «Не долго снялись мнѣ мечтанья музъ и славы:
 «И, строгимъ опытомъ неволью пробужденъ,
 «Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
 «Увидѣлъ, что еще не генія печать—
 «Охота смертная на римахъ лепетать,
 «Сравнивъ стихи твои, съ моими, улыбнулся:
 «И полно мнѣ писать».

(«Библиограф. Записки» 1858 г., т. I, стр. 318; «Списокъ произведеній А. Пушкина», сост. Г. Н. Геннади (Спб. 1860) и «Русск. Старина», 1884 г., № 3, стр. 647).

Здѣсь пушкинское посланіе воспѣваетъ веселья похождения «шалуна, увѣнчаннаго Эротой и Венерой»... Доброму товарищу преподносится отъ поэта слава эротическихъ подвиговъ... Однако, читатель въ правѣ счесть это славословіе не за одну лишь обычную поэтическую гиперболу, не за одну дань модѣ. «Сашѣ» Шишкову было тогда уже семнадцать лѣтъ отъ роду, а судя по воспоминаніямъ С. Т. Аксакова, юноша началъ давно пошалавать, подъ уютнымъ крылышкомъ пристрастно-нисходительной къ нему те-

тушки Дарьи Алексѣевны. Женское баловство, закрывавшее слѣпо глаза на всѣ продѣлки племянника,—а заслонять эти грѣшки было очень легко при такомъ кабинетномъ сиднѣ, каковъ былъ глава семьи, ни на кого въ домѣ не обращающій вниманія, кромѣ своихъ излюбленныхъ занятій,—женское баловство это въ конецъ испортило юношу и даже въ послѣдствіи сгубило его жизнь, какъ увидимъ далѣе ¹⁾.

Вмѣстѣ съ замѣчательно успѣшнымъ развитіемъ умственныхъ способностей, изощренныхъ отличнымъ по тогдашнему времени образованіемъ ²⁾, молодой Шишковъ не выросилъ въ себѣ ни силы воли для борьбы съ самимъ собою и обстоятельствами, ни уваженія къ требованіямъ долга, ни даже вѣры въ какія-либо нравственныя правила. Огромною прорѣхой въ его выдержкѣ съ самаго дѣтства, прорѣхой, которую ничѣмъ зачинить было нельзя, явились эти безобразныя изьяны въ его характерѣ. Жить по прихоти своихъ первыхъ побужденій, дѣлая не то, что должно, а все чего хочется,—вотъ какую привычку усвоилъ себѣ впечатлительный и порывистый юноша: съ нею онъ вступилъ въ жизнь дѣйствительную, съ нею и покончилъ свой недолгій вѣкъ. Еще въ домѣ дяди (конечно, «на сторонѣ» и потихоньку) онъ повадился поигрывать въ карты «по большой» и кутить-бражничать съ пріятелями-повѣсами... Само собою разумѣется, что эти проказы тщательно держались въ секретѣ отъ старика-дяди, который счелъ бы многія изъ дѣяній милаго шалуна (напримѣръ, картежные подвиги и тайныя попойки въ кружку собутыльниковъ)—за непростительныя преступленія; но добрѣйшая тетка, хотя и осуждала подобныя шалости,—такъ сказать, теоретически и болѣе по принципу, чтобы не отступать отъ правилъ «морали», часто журуя повѣсу,—но въ душѣ извиняла его и помогала ему прятать концы въ воду...

Наконецъ, бѣдная Дарья Алексѣевна выбилась изъ силъ. «Черезъ нѣсколько лѣтъ, говоритъ С. Т. Аксаковъ, не могла она сладить съ Сашей, и онъ поступилъ въ военную службу, прямо въ офицеры молодой гвардіи и прямо въ адъютанты, кажется, къ генералу Каблукову... Все это никуда не годилось. Дядя имѣлъ слабость и неосторожность выпросить у государя такую вредную для юноши и оскорбительную для другихъ милость... Саша немедленно сдѣлался отчаяннымъ повѣсою, былъ сосланъ на Кавказъ, ушелъ изъ-подъ караула и, будучи арестантомъ, увезъ молодую дѣвушку

¹⁾ Что касается до сношеній съ Пушкинымъ, то дальнѣйшія обстоятельства жизни обоихъ пріятелей развели ихъ въ разныя стороны, прекративъ между ними эти личныя близкія сношенія. Потомъ, не прежде 1824 года, возстановилась ихъ связь, въ видѣ переписки, о которой мы и скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Между прочимъ, Шишковъ 2-й отлично владѣлъ нѣсколькими иностранными языками: французскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ.

и женился на ней, жилъ въ крайней бѣдности, погубилъ свой замѣчательный талантъ, работая для денегъ, и, наконецъ, погибъ трагическою всѣмъ извѣстною смертью» («Сем. хрон.», 1-е изд., стр. 475—476).

Сколько бурныхъ походовъ, вплоть до внезапной катастрофы, уничтожившей эту недолговѣчную, но полную тревоженій, жизнь! Приведенный выше очеркъ охватилъ все ея пространство нѣсколькими чертами такъ размашисто и лаконично, что мы считаемъ нужнымъ прибавить сюда хотя немногія подробности, какія только можно было найти въ печати и, отчасти, въ собственныхъ сочиненіяхъ Шишкова 2-го, впрочемъ, съ большими перерывами и недомолвками. Авось дополнить все недосказанное чья-либо будущая, болѣе удовлетворительная работа.

Александръ Ардалионовичъ Шишковъ былъ переведенъ, тѣмъ же чиномъ, въ маѣ 1818 года, въ Грузію и отправленъ съ фельдъегеремъ въ распоряженіе генерала Ермолова. Вѣроятно, это наказаніе заслужено было какою-нибудь серьезною шалостью, — т. е. выходящею изъ ряда тѣхъ проказъ, которыя были такъ обыкновенны между тогдашнею военной молодежью. На эту мысль наводитъ соображеніе, что дядя провинившагося, адмиралъ Шишковъ, стоялъ въ то время на высшихъ ступеняхъ служебно-іерархической лѣстницы и, безъ сомнѣнія, своимъ вліяніемъ и связями, могъ бы, если бъ хотѣлъ, выручить изъ бѣды девятнадцатилѣтняго племянника. Но, вѣроятно, извѣстное прямодушіе честнаго старика и пониманіе всей важности дисциплинарныхъ отношеній не позволяли ему вступаться за юнаго родича, такъ плохо оправдавшаго выпрошенное уже прежде преимущество рановременнаго производства въ офицеры, и даже внушили старику убѣжденіе, что строгій урокъ будетъ молодому человѣку скорѣе полезенъ, чѣмъ вреденъ. Однако, виновный принялъ урокъ этотъ не безъ огорченія, какъ видно изъ обильнаго намеками собственнаго его разсказа о товарищескихъ проводахъ передъ предстоящимъ невольнымъ отъѣздомъ изъ столицы. Вотъ что читаемъ мы въ его «Восточной лютнѣ» (М. 1824), въ статьѣ «Перечень писемъ изъ Грузіи», стр. 37—55:

«Ты непременно хочешь, другъ мой, чтобъ я описалъ тебѣ худо или хорошо мою поѣздку въ полуденную Сибирь: такъ угодно тебѣ называть Грузію. Съ удовольствіемъ исполняю твое желаніе... Начнемъ съ того времени:

«Когда въ послѣдній разъ
 •Шлагбаумъ загремѣлъ цѣпями,
 •И понесла къ рогаткѣ насъ
 •Повозка съ борвыми конями!
 •Гдѣ въ скучный расставанья часъ,
 •Готовая въ путь тяжелый дальній,
 •Я завтракъ заказалъ прощальный».

«Помнишь ли, другъ мой, съ какимъ чувствомъ прощался я тогда съ тобою и съ прочими товарищами прежнихъ радостей. Помнишь ли, какъ вы всѣ наперерывъ старались пожимать мнѣ руку? Тогда, не смотря на притворное ваше хладнокровіе, я видѣлъ ясно, что вы прощались со мною какъ бы на вѣки. Ты ѣдешь въ Грузію, говорилъ мнѣ добрый ***! тяжела дорога, тяжелъ климатъ, но тяжелѣе еще, милый братъ, будетъ для тебя отдаленіе отъ людей, которыхъ ты любишь привыкъ и которые тебя любить привыкли.— Выпьемъ, подхватишь рѣзвый Ч***, выпьемъ за здорovie оставляющаго насъ товарища. Пусть дни его будутъ свѣтлы, какъ шампанское въ этомъ стаканѣ. — Вы пили, и я хотѣлъ благодарить васъ.

«Но чтожь? Едва, друзья мои,
 «Въ стаканѣ шумное аи
 «Заискрилось кипящей пѣной,
 «Тяжелый вздохъ непринужденной
 «Изъ груди вырвался, и вдругъ
 «Вашъ твердый, неслезливый другъ
 «Слезой, въ глазахъ его дрожащей,
 «Взмутить стаканъ, виномъ кипящій..
 «Потомъ, стыдяся невольныхъ слезъ,
 «Рукой я смѣлой чашу ванесъ,
 «И, осуша ея трикраты,
 «Вдохнулъ о счастье прежнихъ дней,
 «И тѣмъ почтилъ моихъ друзей
 «И васъ, хранители Пенаты!»

«Еще разъ обнялись мы — и вдругъ сиповатый голосъ моего аргуса Иванова закричалъ: пошолтъ! Я оглянулся назадъ и въ облакахъ пыли, поднявшейся за колесами, едва уже могъ видѣть, какъ ты махалъ бѣлымъ твоимъ султаномъ, въ знакъ долгой, а можетъ быть и вѣчной разлуки.

«Печальны были мои мысли, голова моя кружилась; я ничего не видалъ около себя, ничего не слышалъ. И кто бы на моемъ мѣстѣ былъ хладнокровнѣе? О, если бъ я ѣхалъ путешествовать для того, чтобъ, возвратясь на родину, раскрасить все мною видѣнное цвѣтами собственнаго воображенія... описывать каждую лужу кристалловиднымъ, тихоколеблющимся озеромъ, каждый мужицкій домъ счастливой хижиной Палемона и Бавкиды, и, наконецъ, на каждомъ шагу

«Ронять, какъ новый Стернь,
 «Жемчужную слезу на шелковистый дернъ»:

то я былъ бы покоенъ. На хорошей, не тряской повозкѣ, ѣдучи шагомъ, а гдѣ вздумается, рысью, разсматривалъ бы я красы или ужасы природы, и всегда бы вертѣлась въ головѣ моей мысль: ты свободенъ возвратиться когда захочешь. Но путешествовать на быстрыхъ фельдъегерскихъ коняхъ, безъ малѣйшаго же-

ланія путешествовать и не знать, когда возвратишься подъ сѣнь родимой кровли, даже не имѣть къ тому ни малѣйшей надежды — это слишкомъ жестоко!

«Не буду (тебѣ) дѣлать никакого описанія тѣхъ городовъ, чрезъ которые я не проѣхалъ, но промчался. Ни въ одномъ изъ нихъ, кромѣ Москвы, до самаго центра Кавказской линіи я не останавливался болѣе часу, и ни въ одномъ не видалъ ничего, кромѣ почтовыхъ домовъ и станціонныхъ смотрителей.

«... (Въ Москвѣ,) остановаюсь въ трактирѣ у Баца, спѣшилъ я запереться въ уединенную комнату, чтобы хоть немного отдохнуть; но сонъ отъ меня бѣжалъ, и мечты увлекли къ любезнымъ моему сердцу. Большая часть представляла мнѣ пріятныя минуты въ кругу откровенныхъ пріятелей.

«... 19 мая (1818 г.) былъ я уже на грязной улицѣ главнаго города Кавказской линіи, Георгіевска. Городъ самъ по себѣ не стоить ни малѣйшаго вниманія, но занимателенъ для человѣка рожденнаго на Сѣверѣ. Тутъ исчезаетъ почти все европейское... Съ ужасомъ и нетерпѣніемъ ожидалъ я той минуты, когда скажу: и я на вершинѣ Кавказа! какъ вдругъ Ивановъ прервалъ мои мечтанія, сказавъ, что мы теперь еще не поѣдемъ въ Грузію, а влѣво по Тереку до станицы Червленной, гдѣ имѣеть повелѣніе представить меня генералу Ермолову...

«...Переночевавъ въ станицѣ Червленной, рано поутру переправились мы на правый берегъ рѣки Терека и прибыли съ конвоемъ 50 гребенцовъ въ отрядъ, состоявшій подъ личною командою генерала Ермолова, противу ущелья, Ханкале называемаго. Ущелье это служить, такъ сказать, воротами въ лѣса, населенные чеченцами или мечегитами, народомъ дикимъ, необузданнымъ, едва имѣющимъ вѣру, но никакихъ нравовъ, ничего, чтобы могло отличить его отъ дикаго звѣря...

«...«Вотъ, другъ мой, краткое начертаніе нравовъ того народа, вблизи котораго долженъ я былъ провести восемь мѣсяцевъ.

«Не думаю, чтобы нужно было описывать тебѣ жизнь мою на бивакахъ. Такая жизнь не есть для тебя нѣчто новое... Я почти то же дѣлалъ въ Чечнѣ, что ты подъ стѣнами Лейпцига, или на высотахъ Монмартрскихъ. То-есть:

- «Когда прервется ратныхъ сонъ,
- «И снова ясенъ небосклонъ,
- «И снова лагерь встрепетаетъ,
- «Тогда твой другъ къ коню стрѣлой,
- «Съ уздечкой крѣпкою несется,
- «Звеза блестящей полосой.
- «Когда жъ станъ шумный облечется
- «Покровомъ тишины ночной;
- «Онъ, сброся ратные доспѣхи,

«Поетъ товарищей успѣхи,
 «Поетъ минувшихъ лѣтъ утѣхи
 «И пьетъ изъ чаши круговой.
 «И пьетъ изъ чаши онъ дотолѣ,
 «Что иль вина не станетъ болѣ,
 «Иль силъ управиться съ виномъ,
 «И послѣ богатырскимъ сномъ
 «Онъ засыпаетъ въ чистомъ полѣ...»

На Кавказѣ молодой Шишковъ, переведенный въ Кабардинскій пѣхотный полкъ, служилъ лѣтъ около десяти. Справедливость требуетъ сказать, при этомъ, что новая жизнь ничуть его не исправила. Александръ Ардалионовичъ остался тѣмъ же отчаяннымъ и задорнымъ шалуномъ, какъ и прежде, въ чемъ свидѣтельствуемъ сурово-правдивый Н. Н. Муравьевъ (Карскій), тогдашній капитанъ корпуса колонновожатыхъ (т. е. генеральнаго штаба), состоявшій при Ермоловѣ. Въ своихъ дневныхъ замѣткахъ, теперь напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1884—1888 гг., онъ иногда рассказываетъ кое-что, безъ малѣйшаго лицепріятія, о поведеніи Шишкова 2-го. Такъ, на примѣръ, онъ передаетъ подробный рассказъ о ссорѣ съ товарищами, которую затѣялъ Шишковъ въ трактирѣ, на одной полупьяной вечеринкѣ, и о вызовѣ имъ на дуэль всѣхъ товарищей, особенно барона Ренненкампа¹⁾, за то, что тотъ сказалъ въ полголоса на счетъ нашего юнаго воина, «что его надо высѣчь, какъ ребенка»... Къ счастью, дѣло это уладилось благополучно, благодаря усиліямъ самого Муравьева, графа Н. А. Самойлова и Н. П. Воейкова²⁾. Случай этотъ, впрочемъ, такъ незначителенъ, что о немъ и говорить не стоило бы; но онъ же, въ дословной передачѣ Муравьева, указываетъ нѣчто несравненно худшее, а именно, что Шишковъ не стѣснялся пользоваться дружескимъ содѣйствіемъ такихъ лицъ какъ артиллеристъ Беклемишевъ, который будто бы, «приводилъ къ нему, Шишкову, людей, которыхъ онъ обыгрываетъ». Въ другой разъ, въ замѣткѣ отъ 16-го марта 1821 г., Муравьевъ записалъ слѣдующее: «Вечеру я былъ у коменданта; онъ сказалъ мнѣ, что послѣ многихъ палостей, дерзостей и безпорядковъ, учиненныхъ Шишковымъ, онъ принужденъ былъ его силою взять на гауптвахту, гдѣ онъ просидитъ долгое время. Развратное поведеніе сего человѣка не имѣетъ мѣры»³⁾. Эта неодобрительная аттестація слишкомъ выразительна въ устахъ стараго служаки Ермоловскихъ временъ, конечно, видѣвшаго на своемъ вѣку не мало всякаго народа среди кавказскихъ офицеровъ, во-

¹⁾ Баронъ Павелъ Яковлевичъ. (См. «Русск. Архивъ», 1886 г., № 12, стр. 444—445).

²⁾ Графъ Николай Александровичъ Самойловъ и Николай Павловичъ Воейковъ.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1888 г., № 1, стр. 74.

обще не отличавшихся излишнимъ служебнымъ педантизмомъ,—особенно при такомъ начальникѣ, каковъ былъ А. П. Ермоловъ.

Къ этому ли времени относится бракъ Александра Ардаліоновича, или позднѣе 1821 г.,—мы указать не можемъ; но извѣстно, что женитьба Шишкова произошла именно тѣмъ эксцентрическимъ образомъ, какъ описано у С. Т. Аксакова. Неисправимый повѣса женился, очертя голову. Онъ похитилъ, во-первыхъ, самого себя... уйдя изъ-подъ ареста съ гауптвахты, а во-вторыхъ — и молодую дѣвушку, увезенную изъ дома ея родителей, разумѣется, съ согласія самой невѣсты, отвѣчавшей на любовь «суженаго». Дѣвическая фамилія похищенной была Твардовская, а имя ея—Катерина. Она была полька, дочь какого-то бѣднаго шляхтича. Какъ отдѣлался отъ бѣды новобрачный, подвергнутый слѣдствію и суду за двойной проступокъ—самовольный уходъ изъ-подъ караула и увозъ невѣсты—намъ невѣдомо, но дядя-адмиралъ принялъ весьма серьезно извѣстіе о новыхъ подвигахъ племянника, сильно разгнѣвался на него и оставилъ молодую чету безъ помощи, въ большой нуждѣ. Александръ Ардаліоновичъ, дѣйствительно, долженъ былъ литературными работами добывать средства для содержанія семьи; только никакъ нельзя согласиться съ замѣчаніемъ покойнаго Аксакова, что будто вслѣдствіе необдуманной женитьбы Александръ Ардаліоновичъ сгубилъ свой литературный талантъ, работая изъ денегъ. Напротивъ, мы видимъ, что въ позднѣйшіе годы жизни онъ мало того, что значительно усилилъ свою литературную дѣятельность, участвуя во многихъ тогдашнихъ журналахъ и сборникахъ, какъ-то: «Московскомъ Вѣстникѣ» (1828—1830 гг.), «Телескопѣ» (1830 г.), Погодинскомъ «Атенѣ» (1830 г.) и «Одесскомъ Альманахѣ» (1831 г.), но что именно къ этой порѣ относятся едва ли не лучшія его стихотворныя пьесы (изъ числа немногихъ оригинальныхъ). Наконецъ, онъ попалъ, въ это же самое время, на свою настоящую дорогу: на поэтическіе переводы замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ писателей, переводы, исполненные очень добросовѣстно и съ рѣдкимъ воспроизведеніемъ всѣхъ достоинствъ оригинала. Прекрасно зная языкъ подлинниковъ и глубоко изучивъ духъ переводимыхъ произведеній, онъ приобрѣлъ неоспоримое право на добрую память о себѣ въ русской словесности, какъ одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ Шиллера, напримѣръ, трагедій: «Марія Стюартъ», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна»¹⁾. Шишковъ 2-й включилъ эти пьесы въ свой «Избранный нѣмецкій театръ», изданный въ четырехъ томахъ въ 1831 году, а въ 1832 г. вышли

¹⁾ Переводъ первой изъ названныхъ трагедій (исполненный въ стихахъ, какъ и всѣхъ прочихъ пьесъ) держится донинѣ на нашей сценѣ, благодаря чему имя переводчика А. А. Шишкова 2-го не вовсе исчезло изъ памяти тѣхъ немногихъ представителей русской публики, кто сохранилъ обыкновение обращать вниманіе на имя переводчика.

его переводы: трагедіи Вернера «Двадцать четвертое февраля» и большой драмы А. Дюма: «Наполеонъ Бонапарте»,—последніе переводы Шишкова изъ отдѣльно напечатанныхъ, не выдерживающіе, однако, никакого сравненія съ изданными прежде. Но зато поэтического таланта, сколько-нибудь самобытнаго и оригинальнаго, у него рѣшительно не было. Самые снисходительные изъ современныхъ критиковъ единогласно признавали въ его произведеніяхъ только подражательность, да относительныя достоинства внѣшней формы, гладкость и звучность стиха ¹⁾, достоинства, весьма обыкновенныя у послѣдователей Пушкинской школы, за которыя даже въ то время не легко доставалась популярность въ средѣ мыслящей части читателей. Слѣдуетъ, притомъ, обратить вниманіе, что справедливыя замѣчанія журнальныхъ критиковъ высказывались по поводу стихотвореній, изданныхъ въ первой порѣ литературной дѣятельности автора (1824, 1828 гг.), и что, поэтому, позднѣйшія семейныя невзгоды, сколько бы ни были онѣ тяжелы, не могли повліять на упадокъ его дарованія до крайней степени окончательнаго паденія (если и допустить, что дарованіе это въ самомъ дѣлѣ существовало), какъ утверждаетъ С. Т. Аксаковъ.

Возвращаемся къ прерванной рѣчи о службѣ Александра Ардалионовича. Оставивъ кавказскія войска, онъ, въ 1824—1826 гг., состоялъ адъютантомъ при генералѣ Рудзевичѣ, впоследствии командирѣ 3-го пѣхотнаго корпуса ²⁾. Очень скоро онъ умѣлъ сдѣ-

¹⁾ Образчики такихъ отзывовъ: 1) Александра Бестужева (Марлинскаго): «Похвалю въ «Восточной лютнѣ», г. Шишкова 2-го звонкость стиха и плавность языка для того, чтобы похвалить въ ней что-нибудь. Впрочемъ, въ авторѣ, порою, проглядываетъ даръ къ поэзіи, но вѣчно въ веригахъ подражанія». («Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 гг.»). Въ сочиненіяхъ Марлинскаго, изд. 1838 г., т. XI, стр. 197). 2) С. П. Шевырева (Рецензія на «Опыты» 1828 года): «Преимущественное достоинство стихотвореній г. Шишкова заключается въ отдѣлкѣ стиховъ, и онъ идетъ по тропѣ, избитой нашими подражателями. Къ сему замѣчанію мы прибавимъ сожалѣніе наше, что г. Шишковъ, столь владѣющій стихомъ, не обогащаетъ содержанія своей поэзіи. Мы внимательно прислушивались къ гармоніи стиховъ его и находимъ въ ней, что стихотворецъ не безъ внутренняго наслажденія пишетъ ихъ. Чтеніе писателей отечественныхъ, иноземныхъ, исторія, размышленіе, ученіе—вотъ средства къ обогащенію поэзіи. Если къ нимъ прибѣгнетъ г. Шишковъ, то мы смѣемъ обѣщать ему, что стройный стихъ его не прозвучитъ даромъ, какъ пустой звукъ. Эта пріятная надежда заставила насъ особенное обратить вниманіе на «Опыты» г. Шишкова 2-го и отдѣлить его произведенія отъ шести предъидущихъ» (т. е. отъ разныхъ плохихъ стихотвореній) «Московскій Вѣстникъ», 1828 г., № 16.

²⁾ Генералъ отъ инфантеріи Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ († 1828 г.), старый воинъ, начавшій службу при Екатеринѣ II и продолжавшій ее при Павлѣ и Александрѣ I, при которомъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ. Въ 1812 г., въ чинѣ генералъ-маіора, находился въ отрядѣ Чичагова (подъ командою Чаплица), дѣйствовавшемъ на Березинской переправѣ; а въ 1813 г. за болѣзнію Чаплица, начальствовалъ авангардомъ арміи. Въ 1821 г. онъ уже ко-

латься приближеннымъ человѣкомъ и любимцемъ генерала, которому посвятилъ перво-изданное собраніе своихъ стихотвореній: «Восточная лютня» (М. 1824 г.), при посланіи, довольно высокопарномъ и льстивомъ, какія подобало въ былое время преподносить превосходительнымъ особамъ... За всѣмъ тѣмъ, искательный и вкрадчивый, хотя не по натурѣ своей, Александръ Ардалионовичъ былъ настолько неостороженъ и не предусмотрителенъ, что не останавливался ни передъ нескромными выходками въ либеральномъ смыслѣ, слѣдя модному тогда направленію, ни передъ связями или просто знакомствами съ людьми, раздѣлявшими убѣжденія декабристовъ... Такъ или иначе, но не сомнѣнно то, что онъ навлекъ на себя подозрѣнія въ умѣ будущаго новаго государя, о чемъ можно судить по слѣдующимъ словамъ изъ письма Николая Павловича къ Дибичу, отъ 12 декабря 1825 г.: «Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь (т. е. въ Петербургѣ), подъ предлогомъ просьбы въ отставку: я за нимъ также присмотрю»¹⁾. Однако, подозрѣнія эти, можетъ быть, вызванныя только случайнымъ приѣздомъ въ Петербургъ Шишкова въ смутные дни краткаго междуцарствія, передъ самымъ разгромомъ декабрскаго бунта,—на дѣлѣ фактически не подтвердились и, повидимому, не имѣли послѣдствій. Есть и еще одно важное указаніе на невыгодное мнѣніе о Шишковѣ 2-мъ, относительно его «политической неблагонадежности». Въ перепискѣ вел. кн. цесаревича Константина Павловича съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ, изъ Варшавы, отъ 16 (28) іюля 1827 г., читаются такія строки (въ переводѣ съ французскаго): «Что касается стиховъ, которые, какъ вы мнѣ сообщаете, были найдены у адъютанта генерала Рудзевича, г. Шишкова, а также у одного изъ студентовъ Московскаго университета, то я полагаю, что этотъ Шишковъ, сколько могу припомнить, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ Россіи, и именно въ южномъ обществѣ, что вамъ не трудно будетъ провѣрить»²⁾.

О какихъ стихахъ, будто бы оказавшихся въ это время у Шишкова, идетъ здѣсь рѣчь, мы не имѣемъ ни малѣйшаго свѣдѣнія;

мандовалъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, предназначеннымъ было къ походу въ Италію. Въ 1828 г., въ царствованіе Николая I, во время турецкой кампаніи, послѣ переправы на запорожскихъ лодкахъ черезъ Дунай, онъ занялъ крѣпость Исажчу, а потомъ облагалъ Шумлу, будучи въ званіи командира 3-го пѣхотнаго корпуса, составлявшаго правое крыло войскъ, стянутыхъ передъ этою сильною крѣпостью. Рудзевичъ слылъ въ арміи большимъ интриганомъ и, между прочимъ, питалъ неприязнь и къ генералу П. Д. Киселеву, и къ принцу Евгенію Виртембергскому, и къ самому главнокомандующему Дибичу, который, въ свою очередь, невыгодно аттестовалъ его передъ императоромъ Николаемъ, обвиняя въ медленности и неуспѣшности, что было незадолго до смерти стараго генерала. Рудзевичъ пользовался репутаціею храбраго война, отличнаго стрѣлка и удалого охотника.

¹⁾ «Русская Старина» 1882 г., іюль, стр. 195.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1884 г., выпускъ 6, стр. 296.

знаемъ только одно: въ опубликованныхъ документахъ и спискахъ участниковъ тайныхъ обществъ, ни гдѣ имени Шипкова не упоминается. Слѣдовъ какой-либо его прикосновенности къ дѣлу заговора также не осталось. Пожалуй, въ современныхъ произведеніяхъ нашего молодого поэта развѣ слишкомъ придирчивый цензоръ могъ бы найти нѣчто, обличающее духъ негодующаго протеста противъ народнаго рабства, какъ, напримѣръ, въ концѣ стихотворенія «къ Метеллію»:

«Гдѣжь правда? Гдѣжь трудовъ стяжанье в награда?
 «Отчаянье въ поляхъ, коварство въ нѣдрахъ града,
 «И веси отцвѣли, какъ въ осень злакъ полей.
 «Едва въ поту лица, въ кругу своихъ дѣтей
 «Полвѣка протрудясь надъ непокорной нивой,
 «Осмотреть свой запасъ старикъ трудолюбивой
 «И, въ скирды уложивъ стараній тяжкихъ плодъ,
 «Довольный оботреть съ чеда кровавый потъ,
 «Какъ алчность вѣчная несытаго владѣльца,
 «Пожреть надежду, трудъ и счастье земледѣльца.
 «Закона гласъ молчить! подъ сѣнь его влѣдѣй
 «Спокойно кроется отъ дремлющихъ судей.
 «О! скоро ль громъ небесъ, сей мститель справедливый,
 «Злодѣйства сильнаго раздастся надъ главою,
 «Исчезнетъ власть твоя, диктаторъ горделивый,
 «И въ Римѣ процвѣтетъ свобода и покой?
 «Метеллій! доживу ль минуты толь счастливой?
 «Иль кончу скорбный вѣкъ среди Римлянъ-рабовъ!
 «Нѣтъ, нѣтъ! настанетъ день. Свободный отъ оковъ,
 «Какъ аравійскій конь, при звукахъ близкой брани,
 «Воспрянетъ Римлянинъ, мечемъ въ кровавой длани
 «Омоетъ свой поворъ и стыдъ своихъ отцовъ!
 «И скоро! Но дотоль, спокойный и бевѣстный,
 «Наслѣдья скромнаго сокроюсь въ уголъ тѣсный,
 «И тамъ въ дали суетъ, вблизи домашнихъ ларъ,
 «Свободой и собой твой Муцій насладится,
 «Доколь настанетъ день, доколь не разразится
 «Отмщенья грознаго рѣшительный ударъ».

(«Восточн. лютия», стр. 59—60).

Но такъ, какъ эти стихи, будто бы взятые изъ древне-римскаго соціального быта, а въ сущности направленные противъ крѣпостнаго права на Руси, были напечатаны еще въ 1824 году, съ цензурнаго разрѣшенія Алексѣя Ѳедоровича Мералякова, то они благополучно проскользнули мимо всякихъ подозрѣній политическаго свойства ¹⁾).

Между тѣмъ, даже братья А. А. Шипкова не были изъяты, послѣ тяжелыхъ декабрьскихъ дней, отъ тайнаго надзора. За ними

¹⁾ Дубоватый складъ этого стихотворенія не даетъ полнаго понятія о позд-

слѣдили во всѣ глаза, не гласнымъ, впрочемъ, образомъ. Объ одномъ изъ братьевъ Шишкова 2-го, Владимірѣ Ардаліоновичѣ, извѣстный тогда директоръ канцеляріи Третьяго Отдѣленія, Михайло Максимовичъ Фокъ, доносилъ шефу жандармовъ А. Х. Бекендорфу, отъ 5 августа 1826 года: «Доставленныя нѣкоторыми лицами свѣдѣнія дають о Владимірѣ Шишковѣ самое неблагопріятное понятіе относительно того, что составляетъ характеръ полезнаго и благонамѣреннаго челоуѣка. Образъ его мыслей и его нравственность

нѣйшей лирической манерѣ автора. Въ образчикъ приведемъ здѣсь читателю одно изъ стихотвореній послѣдняго времени (1831 г.): «Агриппина».

«На гладкомъ озерѣ играли
 «Лучи серебряной луны,
 «И всла мѣрно разсѣкали
 «Поверхность дремлющей волны.
 «Склонясь на ткани дорогія,
 «Горда, какъ молодой орелъ,
 «Когда впервые онъ взлетѣлъ,
 «Взвился подъ тучи громовыя
 «И устремилъ довольный взоръ
 «На мракъ лѣсовъ, на темя горъ,—
 «Лежала молча мать Нерона;
 «Трирема тихо съ ней плыла,
 «И молодая Ацерона
 «Къ ногамъ царицы прилегла.
 «Сбылись желанья, Агриппина,
 «Британникъ встрѣтилъ свой конецъ;
 «Ты на чело младаго сына
 «Вложила Августовъ вѣнецъ.
 «И твой Неронъ тебя ласкаетъ,
 «Нечистыхъ устъ коснулась ты—
 «Онъ такъ усердно выполняетъ
 «Твои блестящія мечты!
 «Тебѣ весь міръ, и нѣтъ преграды!
 «Ты взоромъ жизнь и смерть несешь,—
 «И вотъ на торжество Паллады
 «Нерономъ званая, плывешь.
 «Лежала молча мать Нерона
 «Трирема медленно плыла,
 «И молодая Ацерона
 «Къ ногамъ царицы прилегла.
 «Но кормчій бдительный не дремлетъ
 «Во мракѣ взоръ его горитъ—
 «Чему такъ пристально онъ внемлетъ,
 «Кого такъ чутко сторожить?
 «Къ богамъ прибѣгни, Агриппина!
 «Прострись, молящая, въ слезахъ,
 «Да избѣжишь объятій сына,
 «Тебѣ отверстыхъ въ сихъ водахъ...
 «Но поздно! Поданъ знакъ условный—
 «Ты узнаешь ли сына, мать?...
 «И раступившіяся волны
 «Надъ судномъ сдвинулись опять».

также, говорятъ, достойны сильнаго порицанія, и надо удивляться тому, что такой уважаемый человѣкъ, какъ адмиралъ Шишковъ терпитъ около себя подобную личность. Этотъ молодой человѣкъ считаетъ себя умнымъ, такъ какъ перевелъ «Освобожденный Иерусалимъ» Тасса. («Русск. Стар.» 1881 г., сентябрь, стр. 189).

На чемъ основывался столь неодобрительный отзывъ—неизвѣстно. Личность же и качества Владиміра Ардаліоновича намъ совершенно не знакомы: печатное слово ни съ какой стороны ихъ доселѣ не коснулось. Тѣмъ менѣе для насъ понятно, по какому случаю русскій переводъ знаменитой поэмы Тасса, принадлежащій несомнѣнно неуклюжему перу самого Александра Семеновича Шишкова 1-го и выпущенный въ свѣтъ подъ собственнымъ его именемъ (Спб. 1818—1819, 2 т. въ 4^о), приписанъ племяннику его, Владиміру. Должно быть потому, что литература и библиографія не входили въ спеціальность господина Фока...

Въ концѣ своего пребыванія на Кавказѣ (1823 г.), А. А. Шишковъ 2-й вспомнилъ о своихъ петербургскихъ старыхъ пріятеляхъ и въ томъ числѣ о Пушкинѣ, съ которымъ судьба, кажется, и разъединила его, чтобы породнить обоихъ сходной отчасти участью. И тотъ, и другой томились въ изгнаніи, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ и съ разнаго времени. Внутреннюю потребность возобновить когда-то столь отрадную юношескую связь ощутилъ въ себѣ первый Александръ Ардаліоновичъ; но онъ, дѣлая этотъ шагъ къ новому сближенію съ знаменитымъ уже нашимъ поэтомъ, невольно чувствовалъ нѣкоторую неловкость при сознаніи всего неравенства ихъ обоюдныхъ положеній въ мірѣ читающей публики: тотъ стоялъ уже слишкомъ высоко, а Шишковъ сдѣлалъ такъ мало для своей извѣстности! Результатомъ всѣхъ этихъ колебаній и движеній щекотливаго самолюбія вышло вѣжливо-церемонное письмо къ Пушкину, въ Одессу. Содержаніе его намъ извѣстно только по отвѣту, прелестному по своей простотѣ и задушевности тона. Это письмо Пушкина, изданное теперь Литературнымъ фондомъ (т. 7, стр. 67) такъ характеристично, что мы считаемъ необходимымъ вновь привести его, такъ какъ оно обрисовываетъ личности и отношенія вступившихъ въ переписку пріятелей:

«Съума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: «Милостивый государь», «лестное ваше знакомство», «честь имѣю», «покорнѣйшій слуга», — такъ что я не узналъ моего царскосельскаго товарища. Если заблаго-разсудишь писать ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ, не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничать, и въ язычки постучать. Впрочемъ, судьба наша, кажется, одинакова и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ пріятель,

Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ знаетъ почему. Помири насъ.

«Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ свѣгами Эльбруса, подъ тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что-нибудь, пришли мнѣ — право, сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.

«А. Пушкинъ.

«Недавно я узналъ, что ты знакомъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу (Казначееву). Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами—любить тебя есть ему время, а писать къ тебѣ—наврядъ»¹⁾.

Такое теплое и дружеское письмо разомъ успокоило всѣ сомнѣнія Шишкова и повернуло на прежнюю стать отношенія обоихъ пріятелей. Съ той поры они уже не прекращались до самой смерти одного изъ двухъ, хотя, разумѣется, не завязывались въ постоянную переписку, что не мѣшало имъ оставаться сердечными, какъ въ былые дни первой молодости. Знаемъ только одно письмо А. А. Шишкова къ Пушкину, при которомъ посылался 1-й томъ «Избраннаго нѣмецкаго театра»:

«Надѣясь на твое снисхожденіе къ трудамъ моимъ, милый мой Александръ Сергѣевичъ, посылаю тебѣ 1-й томъ моихъ переводовъ; второй же томъ доставлю съ первой почтой. Прими его: порой онъ напомнитъ тебѣ товарища дѣтскихъ лѣтъ твоихъ и отчасти бурной молодости. Посылая второй томъ, буду писать къ тебѣ подробно о многомъ, теперь же слѣшу чтобъ не опоздать на почту. Не забывай меня, милый другъ, и сохрани ко мнѣ хоть сотую долю той дружбы, которою я гордился нѣкогда. И такъ до первой почты. Обнимаю тебя и почитаю излишнимъ увѣрять тебя въ чувствахъ глубокаго уваженія и преданности, которую всегда питалъ къ тебѣ и питать не перестану. Душевно преданный тебѣ

«Ал. Шишковъ»²⁾.

«Останкино, 6-го октября 1831 г.

Съ своей стороны Пушкинъ, получивъ остальные томы той же книги, писалъ, между прочимъ, къ М. П. Погодину (отъ 11-го іюля 1832 г.): «Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната!»³⁾. Впоследствии же мы увидимъ новыя доказательства благороднаго уча-

¹⁾ Казначеевъ — правитель канцеляріи графа Воронцова.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1880 г., т. 3, стр. 447—448.

³⁾ «Фортунатъ» — драматическая сценка Людвигъ Тика, очень удачно переведенная, въ стихахъ и прозѣ, А. А. Шишковымъ, въ 3-й части «Избраннаго нѣмецкаго театра» (4 части, М. 1831).

стія Пушкина къ бѣдственному положенію осиротѣвшей семьи Александра Ардаліоновича.

Литературныя занятія и сношенія съ пишущею братіей наполняли досуги Шишкова гораздо менѣе, чѣмъ, къ несчастію, разгульныя связи и картежныя знакомства. Семейная жизнь у него сложилась какъ-то дико, на свой особенный ладъ: она ничуть не оттянула его отъ прежнихъ безшабашныхъ холостыхъ привычекъ и, можетъ быть, еще болѣе привлекла къ нимъ. Карты служили легкимъ средствомъ добывать, а чаще сбывать деньги... Помощи отъ дяди или откуда-нибудь ждать было нельзя. Дѣла шли худо и молодой четѣ частенько приходилось бороться съ горькою нуждой, которая сильнѣе почувствовалась, когда родился дитя. По крайней мѣрѣ былъ ли Александръ Ардаліоновичъ счастливъ супружествомъ въ извѣстномъ смыслѣ счастья душевнаго, независимо отъ скудной матеріальныхъ благами обстановки семейнаго быта?— Мы ничего объ этомъ не знаемъ. Замѣтно только, что въ послѣдніе годы жизни, А. А. Шишковъ чаще и чаще отдавался мрачному, меланхолическому настроенію въ своихъ стихахъ, какъ бы предчувствуя близкую бѣду. Приведемъ здѣсь изъ нихъ нѣсколько небольшихъ выдержекъ:

1.

Послѣдняя пѣснь.

- Родился я, и грудью нанятою
•Меня чужая накормила мать,
•И, колыбель качая съ сиротою,
•Лѣнливая, старалась усыпить.
- Я отрокомъ не зналъ родныхъ объятій,
•Наставникомъ наемникъ мнѣ служилъ,
•И лучъ небесной, чистой благодати
•Мнѣ вѣры теплой въ сердце не пролилъ.
- Я возмужалъ. Какъ путникъ, въ часъ полночи,
•Брелъ ощупью невѣдомымъ путемъ,
•Напрасно въ мракъ ночной вперяя очи,
•Все болѣе тонулъ, терялся въ немъ.
- И вотъ теперь я, старецъ посѣдѣлый,
•Какъ истуканъ надъ бездною стою;
•Но страха нѣтъ въ душѣ оледенѣлой:
•Надъ бездною пѣснь послѣднюю пою¹⁾.

¹⁾ Субъективный характеръ этого стихотворенія, конечно, во многомъ не выдержанъ, не сходясь вполнѣ съ дѣйствительностію. Послѣ этого, удивительно ли, если доброй Дарьѣ Алексѣевнѣ, замѣнявшей автору, въ его отроческіе годы, истинно-нѣжную мать,—не отведено даже и мѣстечка для благодарнаго воспоминанія?

2.

Незванный гость.

«Незванный гость на пирѣ свѣта,
 «Я встрѣтилъ жизни у дверей
 «Холодность гордаго привѣта
 «Меня чуждавшихся людей:
 «Я покраснѣлъ, взошедъ безъ зова,
 «И вышелъ, и за мною снова
 «Виномъ заискрился бокаль,
 «И каждый пѣлъ и пироваль...
 «Но имя гостя убылова
 «Никто въ пиру не вспоминалъ».

3.

Полночь. 31-го декабря, 1829 года.

«Счастливымъ, или врагомъ ко мнѣ
 «Слетаешь ты съ туманнаго зѣбра,
 «Нежданный гость? Въ сердечной глубинѣ
 «Зажжешь ли свѣточъ радости и мира,
 «Иль, новый врагъ, мнѣ горести однѣ
 «Приносишь изъ надоблачнаго міра?
 «О! если вѣсть не радостна твоя,
 «Будь, будь послѣднимъ гостемъ у меня!»

Такъ шла жизнь А. А. Шишкова, омрачаемая разными невзгодами, тревоженіями и скорбнымъ сознаниемъ пережитыхъ оплошкѣ, слабостей, непрерывныхъ увлеченій. Правительство все-таки попрежнему смотрѣло на него съ подозрѣніемъ, тяготѣвшимъ надъ нимъ до конца. За что, по какому поводу—не знаемъ; но должны отмѣтить это печальное обстоятельство, какъ фактъ достовѣрный. Шишковъ вѣчно слылъ въ числѣ тайныхъ недруговъ правительства и репутація чловѣка «неблагонамѣреннаго» сопровождала его въ могилу¹⁾. Служба его, однако, продолжалась хотя съ грѣхомъ пополамъ, и по смерти покровителя его, генерала Рудзевича, умершаго зимою 1828 года, во время Турецкой кампаніи, въ которой Шишковъ, безъ сомнѣнія, участвовалъ, въ званіи адъютанта. Предубѣжденія ли противъ него со стороны высшей власти, какъ противъ отмѣченнаго «вольнодумцемъ», или что другое,—задерживали видимымъ образомъ его служебную карьеру: въ чинахъ и прочихъ знакахъ отличія онъ туго подвигался, дослужившись передъ концомъ своего земного поприща только до капитанскаго чина. Прослѣдить же всѣ его служебныя передвиженія мы окончательно не беремъ, не имѣя въ виду точныхъ къ тому данныхъ; но съ 1829 г.,

¹⁾ Просимъ читателя обратить вниманіе на письмо Н. И. Греча къ Пушкину, ниже приводимое.

судя по надписямъ на его сочиненіяхъ о мѣстахъ пребыванія автора, мы видимъ его, то въ Динабургѣ, то въ извѣстномъ подмосковномъ селѣ Останкинѣ, имѣннѣ графа Шереметева (1831 г.), то, наконецъ, въ Твери, гдѣ квартировала та часть войскъ, въ которой онъ состоялъ на службѣ, кажется въ должности ротнаго командира какого-то пѣхотнаго полка. Тамъ А. А. Шишковъ все-таки не измѣнялъ беспорядочнаго образа жизни и обыкновенныхъ своихъ привычекъ, шибко играя въ карты цѣлыя ночи напролетъ, входя въ долги и часто забывая объ уплатѣ ихъ, либо спуская за карточнымъ столомъ вещи, не только свои или женины, но и пріятельскія, если попадались ему въ руки¹⁾: фактъ знаменательный и наглядно свидѣтельствующій ту ветхозавѣтную истину, что нѣтъ такой глубины нравственнаго униженія, куда не могла бы опустить человѣка злополучная страсть къ игрѣ...

Роковая развязка не заставила себя долго ждать. Передъ наступленіемъ весны 1833 года (кажется въ концѣ января или въ началѣ февраля), въ Твери, Шишковъ 2-й былъ заколотъ убійцей,—вѣроломно, врасплохъ!.. Кто былъ виновникъ гнуснаго преступленія и по какому именно поводу совершилъ его,—мы долго не знали. Газеты и журналы того времени, по обыкновенію, не обмолвились ни одною строчкой объ этомъ происшествіи,—и дѣло надолго замерло. Даже впоследствии упомянулъ о немъ печатно въ первый разъ С. Т. Аксаковъ (въ своей, часто цитуемой нами, книгѣ), да и то не прежде 1856 года и, при томъ, какъ-то вскользь, въ общихъ выраженіяхъ, какъ о дѣлѣ, будто бы, всѣмъ извѣстномъ, что, разумѣется, такъ и было въ свое время; но для насъ, для людей болѣе поздняго поколѣнія, оно оставалось въ элементарныхъ своихъ подробностяхъ совершенно закрытымъ и невѣдомымъ. Жизнь Александра Ардаліоновича Шишкова 2-го, казалось, канула какъ на дно,—темно, безслѣдно и безгласно... Но вотъ теперь только появилось въ печати интересное письмо современника, отчасти бросающее лучъ свѣта на это дѣло. Мы говоримъ о письмѣ Сергѣя Львовича Пушкина, отца поэта, къ своей дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлицевой, помѣщенномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго 1888 года (IX кн., стр. 474—475). Оказывается, что убійца Шашкова—нѣкто Ч—въ (Черновъ?), къ сожалѣнію, не названный полнымъ именемъ, по опущенію ли самого автора письма, или по усмотрѣнію огласившаго теперь этотъ документъ Л. Н. Павлицева. Какъ видно изъ письма, этотъ Ч—въ имѣлъ уже до своего зло-

¹⁾ Одинъ, по крайней мѣрѣ, подобный случай намъ сдѣлался извѣстнымъ изъ совершенно достовѣрныхъ источниковъ. Александръ Ардаліоновичъ выпросилъ у С. Т. Аксакова, лучшаго изъ друзей дядиной семьи, какой-то экипажъ (карету или коляску), чтобы доѣхать въ немъ съ женою и маленькой дочерью отъ Москвы до Твери и, доѣхавъ до мѣста, преспокойно проигралъ чужой экипажъ въ карты.

дѣянiя дуэль съ какимъ-то Н—вымъ (Новосильцовымъ?), котораго и уложилъ наповаль. Происшествiе же съ Шишковымъ описывается такъ: однажды Ч—въ, при самомъ Шишковѣ, отозвался о его женѣ въ обидныхъ для мужа выраженiяхъ, за что получилъ отъ послѣдняго заслуженное оскорбленiе, какъ дерзкій клеветникъ. Тогда Ч—въ потребовалъ, чтобы Шишковъ отправился вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ со всѣми бывшими тутъ свидѣтелями, и Шишковъ, въ увѣренности, что за этимъ требованiемъ послѣдуетъ дуэль, исходъ которой неизбѣжно будетъ смертельный, пошелъ, въ сопровожденiи прочихъ... Какъ вдругъ Ч—въ, еще не дойдя до своей квартиры, тутъ же, на улицѣ, кидается на Шишкова, прежде чѣмъ тотъ могъ принять какiя-нибудь оборонительныя мѣры, и закалываетъ несчастнаго нѣсколькими ударами кинжала,—послѣ чего самъ заявляетъ кому слѣдуетъ о своемъ преступленiи ¹⁾).

Послѣ убитаго остались вдова и единственная дочь ихъ, Софья. Свѣдѣнiй о дальнѣйшей судьбѣ той и другой у насъ нѣтъ. Знаемъ только, что сперва онѣ очутились въ совершенно безвыходномъ положенiи, но скоро нашли средства кое-какъ перемогаться, со дня на день, въ скромной пенсiи, пожалованной имъ милостiю государя. Вдобавокъ, добрые люди, по почину Н. И. Греча и А. С. Пушкина, приняли въ нихъ дѣятельное участiе, выхлопотавъ изданiе сочиненiй и переводовъ покойника на счетъ Россiйской Академiи, въ пользу осиротѣлой семьи. Любопытны во многихъ отношенiяхъ письма къ Пушкину по этому поводу, опубликованныя «Русскимъ Архивомъ» (1880 г., т. 3, стр. 447—448, 452—453) изъ бумагъ поэта. Вотъ эти письма:

¹⁾ Съ позволенiя г. Павлицева, мы здѣсь приводимъ вновь это любопытное письмо С. Л. Пушкина (писанное въ подлинникѣ пофранцузски):

«Здѣсь произошло надняхъ ужасное событiе: молодой Шишковъ, прелестный поэтъ, которому Александръ (Пушкинъ) нѣкогда посвятилъ посланiе, палъ мертвымъ, пораженный кинжаломъ на улицѣ среди бѣлаго дня. Несчастнаго отправилъ на тотъ свѣтъ г. Ч—ъ, который уже убилъ на дуэли г. Н—ва. Убийца позволилъ себѣ отозваться, въ присутствiи Шишкова, не совсѣмъ лестно о женѣ послѣдняго. Шишковъ, въ порывѣ негодованiя, нанесъ послѣ того наглому клеветнику должное возмездiе. Ч—ъ настоялъ, чтобы Шишковъ слѣдовалъ за нимъ со всѣми наличными свидѣтелями. Всѣ отправились вслѣдъ за враждовавшими въ полномъ, само собою разумѣется, убѣжденiи, что злополучная исторiя закончится не иначе какъ поединкомъ не на животь, а на смерть; но Ч—въ, прежде нежели дойти до своей квартиры, внезапно бросается на Шишкова и зарѣзываетъ его нѣсколькими ударами... Затѣмъ отдаетъ самъ себя въ руки правосудiя, въ качествѣ убійцы! Можешь себѣ представить, какой въ городѣ произошелъ переполохъ! Александру ничего однако не пишу; не желаю, чтобы онъ первый узналъ отъ меня объ ужасной кончинѣ чловѣка, къ которому былъ искренно расположенъ. Сообщая тебѣ объ этомъ неслыханномъ злодѣянiи, поддерживаюсь отъ дальнѣйшихъ по этому предмету разсужденiй.

«Катастрофа меня поразила!.. происшествiе невеселое, нечего сказать, но заставляющее меня немало призадумываться и приводящее въ содроганiе».

1) Н. И. Греча.

«Почтеннѣйшій Александръ Сергѣевичъ.

«Безпокою васъ симъ письмомъ, я увѣренъ, что вы не оставите его безъ вниманія: оно адресуется къ вашему сердцу. Къ вамъ явится несчастная вдова Шишкова 2-го; не оставьте ее вашимъ пособіемъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Единственнымъ наслѣдіемъ ея дочери остались нѣкоторые литературные труды покойнаго: неоконченный грузинскій романъ, переводъ нѣмецкихъ трагиковъ и разныя стихотворенія. Напечатаніе ихъ станетъ до шести тысячъ рублей. Книгопродавцы за это не берутся, ибо книги сіи не доходныя. Пособите ей убѣдить Академію сдѣлать первое, если не умное, то доброе дѣло, напечатавъ все это на счетъ царскихъ щедротъ, ежегодно отпускаемыхъ или опускаемыхъ въ кладезь мрачный. А. С. Шишковъ боится предложить это, ибо дѣло идетъ о его внука. Да чѣмъ же виновата бѣдная, что она его внука? Довольно тяжести носить до замужества загроможденное славою и корнями имя варяго-русскаго пугалы. Предложите нашимъ субботникамъ помочь несчастнымъ сиротамъ и попросите дядю, чтобы онъ, на основаніи генеральнаго регламента, яко близкій родственникъ подсудимыхъ Академіи за хорошіе стихи, не принималъ участія въ сужденіи. Васъ уважаютъ и боятся, слѣдственно послушаютъ. Я попрошу Крылова, Лобанова, А. А. Перовскаго поддержать вашу потію. Можно ли лучше употребить казенныя деньги? Говорятъ, что покойника чуждаются за его образъ мыслей!! Вдова и дочь несчастнаго получаютъ пенсію отъ тѣхъ, которые болѣе всѣхъ имѣли бы причины не дѣлать имъ добра. Если нельзя благородными побужденіями склонить вашихъ сенаторовъ, недвижимыхъ въ курульскихъ креслахъ, то постарайтесь убѣдить ихъ, что сей подвигъ будетъ подражаніемъ, что онъ близокъ къ лести и даже отъ нѣкоторыхъ метеорологовъ нравственной непогоды можетъ заслужить названіе подлости. Неужели и тогда не согласятся? Вы одинъ, къ кому Шишкова можетъ прибѣгнуть съ успѣхомъ! Вы конечно успѣете въ этомъ и докажете, что благородный человекъ и въ Россійской Академіи можетъ быть полезенъ ближнимъ, что и тамъ талантъ и доброе сердце могутъ возвысить голосъ на пользу несчастныхъ. Вамъ душою преданный Н. Гречъ.»

13-го марта 1833.

2) Вдовы А. А. Шишкова.

(Безъ числа).

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

«Послѣ того, какъ я васъ видѣла, я все время больна и потому не могла васъ видѣть и что-нибудь доброе услышать. Вчера я только отъ Александра Семеновича узнала, что по вашему пред-

ложенію, многіе члены согласны на то, чтобы все, что я хотѣла издать послѣ моего мужа, было напечатано въ Академіи. Я вчера была у васъ, чтобы лично благодарить васъ, какъ виновника этого благодарѣнія и въ лицѣ вашемъ всѣхъ господъ членовъ Россійской Академіи, которые были такъ милостивы, что не отвергли помочь, сколько отъ нихъ зависѣло. Сколь ни горька моя участь, но эта черта меня поддерживаетъ. Не помощь, конечно, сдѣланная мнѣ; нѣтъ, она меня не можетъ сдѣлать счастливой; могу ли быть покойной отъ нея; но меня утѣшаетъ то, что есть люди, принимающіе во мнѣ участие, объ которыхъ въ самыхъ моихъ бѣдотвіяхъ я могу сказать, что я не совсѣмъ одна. Благодарность моя столь велика, сколь много можетъ чувствовать смертный.

«Я бы желала васъ видѣть, чтобы посоветоваться на счетъ подписки; но не знаю, въ которое время можно застать васъ дома. Я надѣюсь, что если вамъ время позволить, то вы не откажете посѣтить меня, чѣмъ много, премного обяжете.

«Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь, готовая къ услугамъ вашимъ,
К. Шишкова».

Ходатайство передъ Академіей увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Ею были изданы на свое иждивеніе, въ пользу вдовы и дочери покойника, «Сочиненія и переводы капитана А. А. Шишкова» въ четырехъ частяхъ. (См. далѣе: перечень литературныхъ его трудовъ, № 8). Изданіе это теперь сдѣлалось библіографическою рѣдкостью, что въ книжномъ дѣлѣ у насъ случается не только съ книгами, охотно раскупаемыми, но и съ тѣми, которыя залеживаются и сбываются потомъ на обертки...

Самыми лучшими, по нашему мнѣнію, трудами Шишкова 2-го можно признать, во-первыхъ, переводъ въ стихахъ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ», до сихъ поръ еще не сходящій со сцены русскаго театра, и, во-вторыхъ,—мало кому извѣстный и къ сожалѣнію оставшійся не оконченнымъ оригинальный романъ изъ грузинской жизни (безъ заглавія, въ прозѣ, XI главъ). По своему времени, а еще болѣе по достоинству, романъ этотъ, написанный языкомъ живымъ и легкимъ, представляетъ удачный опытъ воспроизведенія нравовъ и обычаевъ грузинской аристократіи въ началѣ текущаго вѣка, когда подъ едва водворившимся русскимъ владычествомъ, новопріобрѣтенный край, волнуемый крамольными замыслами бѣглаго грузинскаго царевича Александра, колебался между поползновеніями мѣстной знати вернуть себѣ, ради сословныхъ цѣлей, политическую самобытность и стремленіемъ народа оставаться въ подданствѣ русскои державѣ. Если бы романъ Шишкова былъ оконченъ, то авторъ его, можетъ быть, успѣлъ бы обратиться на себя болѣе вниманіе публики и упрочить за своимъ име-

немъ большую извѣстность въ русской литературѣ. Но, увы! отчасти по собственной его винѣ, а болѣе по злополучному стеченію обстоятельствъ, счастливой доли этому человѣку не выпало, ни на литературномъ, ни на житейскомъ поприщѣ. Такимъ заключеніемъ мы должны закончить нашъ блѣдный очеркъ, передавъ въ немъ все то, что могли собрать изъ свѣдѣній по данному предмету, отрывочно разбросанныхъ въ русской печати. Къ этому мы присоединяемъ также библиографическій перечень сочиненій и переводовъ Александра Ардалионовича Шишкова 2-го.

1) Преложеніе дванадцатаго псалма двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ Александромъ Шишковымъ, въ 1811 году, Спб. 1811 г. (8°). (Сопиковъ, № 8924).

2) «Восточная лютня», Ал. Шишкова. М. Въ университетск. тип. 1824 г. (8°), 80 страницъ. (Десять стихотвореній, въ томъ числѣ письмо въ прозѣ и стихахъ). Съ эпиграфомъ:

«Люблю минувшихъ лѣтъ дѣянья
Изъ ночи мертвой вызывать
И въ пѣсняхъ вновь передавать
«Востока давнія преданья».

Рецензія: Краткій отзывъ объ этой книгѣ А. А. Бестужева (Марлинскаго) въ статьѣ его, первоначальной въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 года: «Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началъ 1825 годовъ». (См. «Полное собр. сочин. А. Марлинскаго», изд. 1838 г. т. XI, стр. 197).

3) «Опыты» Александра Шишкова 2-го, 1828 года. М. Въ университетск. тип. 1828 г. (12°), 47 стр. (12 стихотв.).

Рецензія: С. Ш. (С. П. Шевырева), въ «Московскомъ Вѣстн.» 1828 г., № 16.

4) На взятіе Варшавы. Чувствованія русскаго при громѣ Кремлевскихъ пушекъ. Соч. А. Шишкова 2-го. М. Въ тип. Лазаревыхъ института восточныхъ языковъ, 1831 г. (8°).

5) Избранный нѣмецкій театръ. Переводъ Александра Шишкова 2-го. М. Въ унив. тип. 1831 г. (8°). 4 тома. Стр. 317+II.+322.+II.+361+322. Въ первомъ томѣ двѣ трагедіи Шиллера, каждая въ 5 дѣйств., въ стихахъ: «Николомини» и «Смерть Валленштейна». Во второмъ томѣ двѣ пятиактныя же трагедіи въ стихахъ: Шиллера «Марія Стюартъ» и Раупаха—«Князья Хованскіе». Въ третьемъ томѣ драматическая сказка Людвигъ Тика, въ двухъ частяхъ, каждая изъ 5 дѣйств., въ прозѣ и стихахъ, съ особымъ предисловіемъ переводчика (3 стр.). Въ четвертомъ томѣ двѣ пьесы въ стихахъ: «Аттила», романтич. трагедія, соч. Вернера, въ 5 дѣйств. и «Тони» драма Кёрнера, въ 3 дѣйствіяхъ.

Рецензіи и критич. статьи: «Телескопъ», 1831 г., 4-я ч., отд. 8-е, стр. 239—244.—«Московский Телеграфъ», 1831 г., ч. 40-я, стр. 94—97.—«Сѣверная Пчела», 1832 г., № 108—109. (Статья В. А. Ушакова).—Отзывъ В. К. Кюхельбекера въ его «дневникѣ» за 1834 г., напечат. въ «Русской Старинѣ», 1883 г. кн. 8, стр. 261—362.

6) «Двадцать четвертое февраля». Трагедія въ 1-мъ дѣйствіи. Соч. Э. Вернера (въ прозѣ). Переводъ съ нѣм. А. Шишкова 2-го. М. Въ тип. Лазаревыхъ института восточныхъ языковъ, 1832 г. (12°) 87 страницъ.

Рецензія: «Сѣверная Пчела», 1832 г., № 196. (Статья А. А. А.).

7) «Наполеонъ Бонапарте, или тридцать лѣтъ изъ исторіи Франціи». Драма въ 6-ти дѣйств. Соч. А. Дюма. Переводъ съ франц. А. Ш., М. Въ тип. Н. Степанова, при Императорскомъ театрѣ, 1832 г. (8°) 321 стр.

Рецензія: «Молва» 1832 г., № 76.

8) Сочиненія и переводы капитана А. А. Шишкова. Въ 4-хъ частяхъ. Спб. Въ тип. Императорской российской академіи. 1834—1835 г. (8°). Стран. 130+72+143+138.

Содержаніе: Въ первой части заключаются 33 стихотворенія, а именно: 1) На прибытіе Государя Наслѣдника въ Москву; 2) На взятіе Варшавы (Чувствованія русскаго при громѣ Кремлевскихъ пушекъ); 3) Александру Яковлевичу Рудзевичу; 4) Эльфа; 5) Агриппина; 6) Египтянка; 7) Гл...ѣ (Изъ Ламартина); 8) Спящая дѣва (изъ Шенье); 9) Украйна; 10) Таясь; 11) Пирра (подражаніе Горацию); 12) Н. Т. А.....у; 13) Щ.....у; 14) Х.....у; 15) Къ Зайцевскому; 16) Ф. Н. Г.; 17) Жизнь (Элегія); 18) Отрывокъ изъ пѣси Вайделота (изъ «Конрада Валленрода» Мицкевича); 19) Глазъ страдальца; 20) Другу утѣшителю (Элегія); 21) Три слова или путь жизни (Надежда, покорность, терпѣнье); 22) Бардъ на полѣ битвы (изъ времянь владычества Мавровъ въ Испаніи); 23) Османъ; 24) Къ Метеллю (отрывокъ); 25) Къ Эмилию (отрывокъ); 26) Демонъ къ К—у; 27) Къ Молвѣ; 28) Ощипанная ворона (басня); 29) Прозанку; 30) Директоръ театра (первый прологъ изъ Гётева «Фауста»); 31) Отрывокъ изъ описательной поэмы: «Лонской»; 32) Дагестанская узница; 33) Перечень писемъ (изъ Грузіи).

Во второй части: «Лжедмитрій»—не оконченная драматическая поэма въ двухъ дѣйств. и отрывокъ изъ другой драматической пьесы безъ названія.

Въ третьей части: Неоконченный же романъ (въ прозѣ) изъ грузинскаго быта, безъ заглавія, съ предисловіемъ автора, въ одиннадцати главахъ, именно: I) Кавказъ, II) Кетевана, III) Магнетизмъ, IV) Начало романа, V) Первая любовь, VI) Армянская честность, VII) Воздушный бой, VIII) Секретный постъ, IX) Джамасть, X) и XI)—безъ заглавій.

Въ четвертой части: переводы въ прозѣ повѣстей или сказокъ Л. Тика: 1) Эльфы, 2) Вѣлкурый Экбертъ, 3) Рунненбергъ, 4) Чары любви⁴⁾.

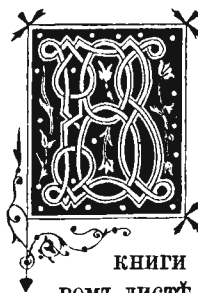
Д. Рябининъ.

⁴⁾ Въ это собраніе «Сочиненій и переводовъ», не считая отдѣльно изданныхъ: «Избраннаго нѣмецкаго театра» (№ 5), трагедіи Вернера (№ 6) и драмы А. Дюма (№ 7), не были еще слѣдующія сочиненія: 1) Повѣсть въ стихахъ «Рагмиръ и Свѣтлана», изъ которой пѣнь 1-я и отрывокъ изъ 2-й были напечатаны въ «Восточной лютнѣ» (№ 2); 2) «Ермакъ», повѣсть въ стихахъ, напечатано въ «Опытахъ» 1828 г. (№ 3); 3) напечатанныя тамъ же «Мадагогъ и баядера», индійская пѣсня и 4) стихотвореніе «Родина». Сверхъ того, въ этомъ же академическомъ изданіи пропущены, почему-то нѣкоторыя пьесы, помѣщенныя въ журналѣ Погодина «Московскій Вѣстникъ»: 5) Сцена изъ «Лжедмитрія» (Монастырь-келя); 6) «Ночной сторожъ», драматическій отрывокъ изъ Кёрнера (1830 г., ч. 6, кн. 24); 7) Стихотворенія: «Незванный гость» (1830 г., ч. 2, кн. 7), 8) «Полночь, 31 декабря 1829 г.» (1830 г., ч. 3, кн. 9) и 9) «Послѣдняя пѣнь».

Переводныя повѣсти изъ сочиненій Тика, помѣщенныя въ четвертой части академическаго изданія, первоначально печатались въ журналѣ Н. И. Надеждина «Телескопъ», а впоследствии появились въ составѣ изданнаго тѣмъ же редакторомъ сборника литературныхъ статей, подъ общимъ заглавіемъ: «Сорокъ одна повѣсть», 12 частей, М. 1836 г. (12°).

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО БИБЛІОТЕКАРЯ.

ВЪ ЧИСЛѢ рѣдкостей Императорской Публичной Библиотеки, находится русская книга, на первомъ листѣ которой, еще раньше заглавнаго листа, сказано: «Съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ напечатано въ числѣ двухъ экземпляровъ. Другой экземпляръ находится у барона Модеста Андреевича Корфа». У книги этой нѣтъ никакого заглавія; вмѣсто него, на первомъ листѣ отпечатаны слова: «Барону Модесту Андреевичу Корфу въ день 50-лѣтія его службы 9 іюня 1867 года».

Въ 1867 году баронъ М. А. Корфъ уже не былъ болѣе директоромъ Императорской Публичной Библиотеки, но его связи съ нею не были порваны. Онъ, все попрежнему, продолжалъ интересоваться ея внутреннею жизнью, ея широкимъ процвѣтаніемъ, часто посѣщаль ея, полонъ былъ всѣми ея интересами; со своей стороны, персоналъ библиотеки не переставалъ сохранять къ нему все прежнее чувство глубокой любви, преданности, можно сказать—обожанія. Поэтому, когда наступала пора чествовать 50-лѣтіе государственной службы барона Корфа, бывшіе сослуживцы его по библиотекѣ задумали ознаменовать этотъ день чѣмъ-то такимъ, что было бы всего достойнѣе истинно-исторической долготѣней дѣятельности ихъ бывшаго директора, и что всего лучше выразило бы участіе библиотеки въ такомъ чествованіи. Они и напечатали книгу на 30 языкахъ — на всѣхъ главнѣйшихъ доступныхъ имъ языкахъ міра. Тутъ явились, въ научно-систематичной послѣдовательности племень, тексты на слѣдующихъ языкахъ: китайскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, финскомъ, эстскомъ,

еврейскомъ, сирійскомъ, арабскомъ, эѳіопскомъ, зендскомъ, санскритскомъ, афганскомъ, армянскомъ, грузинскомъ, греческомъ, латинскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, шведскомъ, датскомъ, англійскомъ, литовскомъ латышскомъ, польскомъ, церковно-славянскомъ (глаголицей), русскомъ. Эта книга была роскошно отпечатана въ типографіи Академіи Наукъ. Содержаніе большинства текстовъ было характера поздравительнаго и привѣтственнаго, и всѣ они были довольно кратки. Исключенія составляли единственно только тексты французскій и нѣмецкій, имѣвшіе видъ небольшихъ фельетоновъ въ прозѣ и стихахъ. Но на русскомъ языкѣ были напечатаны уже настоящія статьи, историческаго характера, касающіяся бібліотеки и бывшаго ея начальника, барона Корфа. Одна изъ этихъ статей, озаглавленная: «Воспоминанія стараго бібліотекаря», была самая обширная, самая дѣльная и самая интересная. Ее написалъ бібліотекарь Соболичиковъ. Она представляетъ столько важнаго историческаго матеріала, характеризующаго Николаевское время, и заключаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такіе мастерски набросанные портреты и характеристики, напримѣръ, Крылова (когда-то бібліотекаря Публичной бібліотеки), директора бібліотеки Бутурлина, курьезнаго чловѣка Николаевскаго времени и покроя, барона Корфа, князя Одоевскаго и разныхъ другихъ личностей прежняго времени,—наконецъ, эти «Воспоминанія» написаны такъ живо, даровито и изящно, что заслуживаютъ того, чтобъ сдѣлаться извѣстными всей русской публикѣ. Жаль было бы, еслибъ ихъ зналъ только тотъ ограниченный кругъ читателей, который до сихъ поръ, въ теченіе 22 лѣтъ, одинъ только и имѣлъ возможность вѣдать о существованіи ихъ.

Но я считаю необходимымъ изложить здѣсь, въ короткихъ словахъ, біографическія данныя объ авторѣ этихъ «Воспоминаній».

Василій Ивановичъ Соболичиковъ родился въ Витебскѣ, 13-го января 1813 года, въ средѣ русскаго старообрядческаго семейства, еще при Екатеринѣ II переселившагося изъ Москвы въ западныя наши губерніи. Отецъ Соболичикова былъ богатый купецъ, державшій въ Витебскѣ лавку самыхъ разнообразныхъ товаровъ, отъ гвоздей и до галантерейныхъ вещей, въ родѣ маленькаго базара. Сынъ его, пройдя поль-курса въ витебской гимназіи, отъ 13 до 18 лѣтъ торговалъ въ лавкѣ вмѣстѣ съ отцомъ, и въ то же время, сообразно съ порядками той эпохи, служилъ писцомъ въ витебскомъ губернскомъ правленіи. Въ 1830 году онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ канцелярію римско-католической духовной коллегіи, по рекомендаціи польскихъ своихъ знакомыхъ изъ Витебска. Въ Петербургѣ онъ почувствовалъ, еще больше прежняго, необходимость образованія себя, такъ какъ научился слишкомъ немногому въ гимназіи, и съ жаромъ принялся учиться самъ, безъ учителей, фран-

цузскому и нѣмецкому языкамъ и читать книги научнаго содержанія. Чтобъ лучше выполнить это послѣднее намѣреніе, онъ добился, послѣ долгихъ усилій, возможности поступить на службу въ канцелярію Императорской Публичной Библіотеки. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ рукописнаго отрывка автобіографіи, начатой Собољщиковымъ въ 50-хъ годахъ и оставшейся недоконченною. Дальнѣйшая дѣятельность его въ Публичной Библіотекѣ, съ 30-хъ и по 1867 годъ, описана имъ въ его «Воспоминаніяхъ». Онъ прослужилъ при четырехъ директорахъ съ совершенно различными направленіями и дѣятельностью (Оленинъ, Бутурлинъ, баронъ Корфъ, Деляновъ), и при всѣхъ оказалъ самыя значительныя услуги не только библіотекѣ, но и огромной массѣ русской публики. Къ числу главныхъ заслугъ его относится устройство, по мысли и указаніямъ барона Корфа, «отдѣленія иноязычныхъ писателей о Россіи», пользующагося почетнѣйшею извѣстностью и въ Россіи, и въ Европѣ, такъ какъ это есть учрежденіе дѣйствительно совершенно непримѣрное въ Европѣ и высшей степени полезное для русской науки. Главное основаніе напечатанному впослѣдствіи каталогу этого отдѣленія «Rossica» было положено Собољщиковымъ. Но, сверхъ того, будучи не только бібліотекаремъ, но и архитекторомъ Императорской Публичной Библіотеки, онъ во время директорства барона М. А. Корфа и И. Д. Делянова, предложилъ и выполнилъ двѣ коренныя перестройки въ библіотекѣ, одну въ началѣ 50-хъ, другую—въ началѣ 60-хъ годовъ. Послѣ довершенія первой, баронъ Корфъ писалъ въ «Путеводителѣ библіотеки»: «Въ 1851 году вся внутренность зданія библіотеки была передѣлана, и, такъ сказать, возсоздана по проектамъ завѣдующаго и хозяйственною частью, старшаго бібліотекаря Собољщикова». Въ разныхъ мѣстахъ «Воспоминаній» читатель можетъ также видѣть, какъ высоко цѣнилъ баронъ М. А. Корфъ своего всегдашняго помощника по всяческому бібліотечному дѣлу. Главнымъ же результатомъ второй серіи архитектурной дѣятельности Собољщикова явилась громадная читальная зала библіотеки, сочиненная и построенная имъ вмѣстѣ съ его родственникомъ (зятемъ) и другомъ, И. И. Горностаевымъ. Эта зала возведена по предложенію и проекту Собољщикова, и, на основаніи не только многочисленныхъ техническихъ и матеріальныхъ своихъ достоинствъ, но и изящества, справедливо признается третьею читальною залю всей Европы (послѣ лондонской и парижской).

Печатные труды Собољщикова: 1) Напечатанная въ 1860 году, послѣ большого путешествія по Европѣ, книга на русскомъ и французскомъ языкѣ: «Обзоръ большихъ библіотекъ Европы въ 1859 году». Эта книга содержитъ критическое, необыкновенно основательное разсмотрѣніе вопроса о лучшемъ способѣ содержанія, храненія и каталогизаціи большихъ библіотекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она излагаетъ ту простую

и необыкновенно удобную систему, которая по предложенію Соболевцова введена въ Императорской Публичной Библіотекѣ при баронѣ Корфѣ; 2) напечатанная въ 1865 году брошюра: «Печное мастерство»; 3) напечатанная въ 1870 году книга: «Что надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и духоты». Два изданія двухъ послѣднихъ книгъ быстро раскупились, а модель изобрѣтенной Соболевцовымъ печи удостоилась на всемірной парижской выставкѣ 1867 года, почетнаго отзыва.

Соболевцовъ скончался, отъ разрыва сердца, 19 октября 1872 года. Онъ лишь нѣсколько недѣль не дожидь до открытія построенной имъ римско-католической духовной консисторіи, съ обширною церковью въ романскомъ стилѣ.

По всей своей дѣятельности, Соболевцовъ былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, полезныхъ и одаренныхъ оригинальною собственною инициативою дѣятелей Императорской Публичной Библіотеки, за все время ея существованія, особливо за время блестящей реформаторской дѣятельности барона М. А. Корфа. Онъ вѣчно что-нибудь важное и полезное изобрѣталъ, придумывалъ, предлагалъ, и потомъ—осуществлялъ.

В. Стасовъ.

I.

Мое поступленіе на службу въ Публичную Библіотеку писцомъ.—Состояніе библіотеки въ 1834 году.—Мои отношенія къ библіотечному начальству.—Иванъ Андреевичъ Крыловъ.—Тогдашніе порядки въ библіотекѣ.—Директоръ А. Н. Оленинъ.—Мое знакомство съ архитекторомъ В. П. Стасовымъ и его послѣдствія для меня.—Новое зданіе библіотеки.—Посѣщеніе библіотеки императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Новый директоръ Д. П. Бутурлинъ.—Мое повышеніе въ должность подбибліотекаря.—Порученіе привести въ порядокъ гравюры.—Результатъ трехлѣтнихъ занятій этой работой.—Проектъ архитектора Щедрина перестройки стараго зданія библіотеки.—Назначеніе меня архитекторомъ библіотеки и порученіе построить флигель для служащихъ.—Столкновеніе съ Бутурлинымъ.—Вѣщій сонъ.—Каталогизація историческаго отдѣленія.—Разсказъ Вругша.—Каталогизація отдѣленій изящныхъ искусствъ.

Служить я началъ пограждански: былъ чиновникомъ присутственнаго мѣста, и хотя удостоился чести занять вакансію столна начальника, когда мнѣ не было еще и 20-ти лѣтъ, но не по вкусу былъ мнѣ этотъ родъ службы. Окруженный форменными бумагами и имѣя передъ собою большой шкафъ съ дѣлами, я сидѣлъ во мракѣ и не видѣлъ выхода на свѣтъ Божій. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1834 года показалась заря на темномъ горизонтѣ моей служебной карьеры—я былъ опредѣленъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Мнѣ казалось, что я поступаю въ учебное заведеніе, гдѣ буду учиться, пройду извѣстный курсъ и сдѣлаюсь человѣкомъ годнымъ на дѣло,

лучшее, нежели канцелярская переписка. Если мнѣ хотѣлось учиться, значить, я сознавалъ убожество своихъ знаній. Такое сознаніе очень похвально во всякомъ молодомъ человѣкѣ, а тогда я былъ очень молодъ: въ эпоху вступленія моего въ бібліотеку я только что началъ переживать свой 21-годъ.

Запасъ свѣдѣній моихъ былъ очень невеликъ, но и неучемъ меня нельзя было назвать: я вступилъ на службу изъ пятого класса гимназіи. Русскую грамоту я зналъ порядочно, а изъ иностранныхъ языковъ мнѣ хорошо былъ извѣстенъ одинъ только польскій, потому что я родился въ Витебскѣ и въ тамошнюю гимназію вступилъ тогда еще, когда она принадлежала къ виленскому учебному округу. Преподавали все на польскомъ языкѣ; товарищи мои были большею частью поляки. Пофранцузски я читалъ очень плохо, того чтó читалъ не понималъ совершенно, но захотѣлъ понимать и добился этого очень скоро. Въ нѣмецкой азбукѣ меня затрудняли буквы г и х по большому ихъ сходству, но это затрудненіе не было для меня продолжительно: въ 1842 году, когда мнѣ поручено было привести въ порядокъ собраніе эстамповъ, я пользовался уже нѣмецкими книгами.

Библіотеку я засталъ въ большомъ нетлижѣ. Залы, обращенныя на Александринскую площадь, не были еще окончательно отстроены, а въ залахъ стараго зданія всѣ свободныя мѣста завалены были грудями ящиковъ съ книгами, привезенными изъ усмиреной Польши. Публика въ бібліотеку не допускалась, и бібліотекари пользовались каникулами нѣсколько лѣтъ сряду. Нѣкоторые изъ нихъ приходили одинъ только разъ въ мѣсяць, чтобы оставить свой автографъ въ манускриптахъ казначея, но двое бывали ежедневно; одинъ—Востоковъ, постоянно работавшій въ хранилищѣ рукописей, которыхъ онъ былъ хранителемъ; онъ тогда занимался приготовленіемъ къ изданію святыни бібліотечной: Остромирова Евангелія. Другой ежедневный посѣтитель бібліотеки былъ англичанинъ Аткинсонъ, приходившій всегда только въ залу канцеляріи, и сядившійся у того стола, гдѣ лежали иностранныя газеты. Библіотека получала тогда по почтѣ: «Journal des Débats», «Gazette de France», «Journal de Francfort», «Allegemeine Zeitung» и «Göttingische gelehrte Anzeigen». Аткинсонъ нѣмецкихъ газетъ не читалъ, а Востоковъ просматривалъ всѣ, но «Anzeigen» уносилъ читать домой: въ бібліотекѣ онъ дорожилъ временемъ.

Первоначальное положеніе мое въ бібліотекѣ было такое неважное, что менѣ важнаго, для коллежскаго регистратора, кажется, нигдѣ не существовало. Я былъ писцомъ при дѣлахъ казначейскихъ, и обязанности мои были такъ немногосложны, что очень часто я могъ бы вовсе не приходиться въ бібліотеку, но я приходилъ: меня очень интересовали верхнія залы, наполненныя кни-

гами. Пользуясь отсутствіемъ занятій въ канцеляріи, я проводилъ все свое время въ верхнихъ залахъ. Начальство, на первыхъ порахъ, относилось ко мнѣ внушительно, но скоро оно замѣтило, что ко мнѣ такъ относиться вовсе не нужно: я дѣлалъ свое дѣло, не ожидая напоминаній и, въ обращеніи со старшими стараго покроя, не рисовался, не давалъ мѣста внушеніямъ. Мало того, я счумѣлъ завладѣть благорасположеніемъ ближайшаго моего начальника, бібліотекаря и казначея ¹⁾). Сей нарочито надменный и высокомерный мужъ простиралъ ко мнѣ благосклонность свою до того, что иногда приглашалъ меня къ себѣ пить чай, въ тѣ дни, когда я, въ качествѣ дежурнаго, оставался ночевать въ бібліотекѣ.

Прочіе бібліотекари также начали обращать на меня лестное свое вниманіе и даже удостоивали чести отвѣчать на мои вопросы, когда я всепочтительнѣйше осмѣливался вмѣшиваться въ ихъ бесѣду о городскихъ новостяхъ. О Востоковѣ я этого сказать не могу. Его привѣтствія были очень просты и не манерны. Даже Владимірскій крестъ, привязанный къ его шеѣ всегда туго, пользовался совершенной независимостью и очень часто торчалъ сбоку.

Я не могу положительно сказать, почему начальство, т. е. бібліотекари, были со мной болѣе любезны и разговорчивы, нежели съ остальными членами канцеляріи. Я былъ откровененъ и болтливъ. Мои взгляды и сужденія я высказывалъ съ дѣтской откровенностью. Можетъ быть ихъ забавляла моя наивность. Что же касается до меня, то я находилъ всѣхъ этихъ почтенныхъ людей до крайности скучными. Интересы, возбуждавшіе ихъ разговоры, были такъ сухи и обыденны, что я очень охотно оставлялъ ихъ кругъ, чтобы удалиться въ верхнія залы. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ разговора, которымъ удостоилъ меня одинъ бібліотекарь, членъ Россійской Академіи ²⁾).

Въ ожиданіи чего-то мы стояли у окна и смотрѣли на движеніе по Невскому проспекту. Тянулась погребальная процессія. Дроги везли шестерикомъ.

— А!—значительно воскликнулъ мой собесѣдникъ,—вы знаете, что значитъ шесть лошадей?

Пожаривъ въ умѣ и, не найдя ничего, я отвѣтилъ:

— Поддюжины, я думаю.

— Нѣтъ, вы, значить, не понимаете значенія этой почести. Покойникъ былъ, по крайней мѣрѣ, статскій совѣтникъ.

— А-а-а!

¹⁾ Степ. Вас. Василевскій, въ 1833—4 году бібліотекарь и исправляющій должность эконома и казначея Императорской Публичной Библіотеки. В. С.

²⁾ Мих. Естаф. Лобановъ, бібліотекарь Императорской Публичной Библіотеки и членъ Россійской Академіи Наукъ. Любопытныя и характерныя подробности о немъ читатель можетъ найти въ «Дневникѣ» А. В. Никитенко, напечат. въ «Русской Старинѣ». В. С.

— Я по чину не имѣю, конечно, права на такую почесть, но по званію члена Россійской Академіи и т. д.

Посмотрѣлъ я на моего собесѣдника съ большимъ вниманіемъ. Желанія его показались мнѣ довольно умѣренными.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ толстъ и важенъ. Когда онъ приходилъ получать жалованье, то на поклонъ мой онъ отвѣчалъ только улыбкой. Кланяться онъ мнѣ не могъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ давно былъ статскій совѣтникъ, а я свѣжій коллежскій регистраторъ и, во-вторыхъ, для тучнаго человѣка одно киваніе головой есть уже трудъ, а у Крылова голова-то была очень большая. Впрочемъ, со мной онъ всегда былъ любезенъ и обращался всегда со словами: «мой милый». Въ это время всѣ статскіе совѣтники такъ говорили, обращаясь къ канцелярскому чиновнику. Крыловъ являлся за жалованьемъ каждый мѣсяцъ очень аккуратно, но скоро ему это надоѣло, и онъ попросилъ меня приносить ему жалованье на квартиру. Онъ жилъ въ казенной квартирѣ, которую теперь занимаетъ г. Генъ ¹⁾. Наконецъ, ему надоѣло росписываться каждый мѣсяцъ, и онъ попросилъ, чтобы вносили его въ списокъ по третямъ. Случилось однажды, что казначей куда-то отлучился, оставивъ у меня на рукахъ довольно большую сумму денегъ для раздачи жалованья чиновникамъ, а въ томъ числѣ и Крылову. Отсчитавъ слѣдовавшую ему порцію, я, по своей вѣтрености, ошибся, и когда, росписавшись, онъ взялъ у меня деньги и бросилъ ихъ въ столъ, не сосчитавъ, вѣроятно также по вѣтрености, тогда я ему сказалъ:

— Иванъ Андреевичъ, вы, который пустили въ ходъ столько новыхъ пословицъ, не внемлете совѣту старой: деньги любятъ счетъ.

— Эхъ, мой милый, вы не станете меня обманывать.

— Умышленно не стану, но я могу ошибиться и обмануть васъ также, какъ и себя.

— Ну, ну, хорошо.

Онъ пересчиталъ деньги и оказалось, что я не додалъ ему 100 руб. Старикъ сконфузился, а я еще больше. Кажется, послѣдовало даже рукопожатіе, въ первый и въ послѣдній разъ въ моихъ съ нимъ отношеніяхъ.

Этотъ ничтожный случай не совсѣмъ хорошо рекомендуетъ казначейскія мои способности, но современемъ я самъ сдѣлался казначеемъ, и не разъ случалось мнѣ не додавать денегъ получателямъ, но они были не Крыловы и, получая, считали. Они до такой степени были не Крыловы, что получая лишнее, не возвращали, а это-таки случалось при моей крайне-слабой страсти къ деньгамъ.

¹⁾ 1867. Квартира эта въ домѣ бібліотеки, на В. Садовой, надъ книжнымъ магазиномъ Глазунова.

Съ товарищами моими по канцеляріи я не очень былъ близокъ. Они считали меня какимъ-то франтомъ. По костюму они имѣли полное право считать меня франтомъ: въ костюмѣ моемъ были всегда части, обличавшія присутствіе на мнѣ бѣлья, а у нихъ признаковъ этихъ не бывало. Франтовство мое они полагали не въ костюмѣ, а въ нравственномъ моемъ развращеніи. Я пытался иногда говорить съ Аткинсономъ пофранцузски, но, что всего хуже, я на русскомъ языкѣ высказывалъ иногда ужасъ наводящую якобинщину. Однажды подбибліотекаръ, бывшій помощникомъ секретаря ¹⁾ (секретаремъ былъ Ал. Ив. Красовскій ²⁾) подалъ директору записку, въ которой просилъ помѣстить его на вакансію бібліотекаря. Директоръ отказалъ, совершенно, впрочемъ, справедливо. Очень естественно, что отказъ ожесточилъ просителя, и онъ, пользуясь отсутствіемъ старшихъ, выражалъ свою печаль предъ товарищами слѣдующими словами:

— Я, 17 лѣтъ, здоровье свое, можетъ быть жизнь свою, полагалъ на службу. Каждый день, не смотря ни на какую погоду, отъ Смоленскаго кладбища ходилъ въ бібліотеку, и вотъ награда за самопожертвованіе.

— Помилуйте, — сказалъ я, — какое же тутъ самопожертвованіе? Вы ходили въ бібліотеку для того, чтобы имѣть право получить жаловье и имъ удовлетворить ваши нужды. Кромѣ жалованья, вы получали чины, и вотъ у васъ знакъ св. Станислава въ петлицѣ. А знаете ли вы, что значитъ чинъ и крестъ? Вѣдь эти награды имѣютъ значеніе государственное. Онѣ возводятъ насъ на высшія степени, и возводятъ навсегда; а вы, кромѣ обыкновенныхъ канцелярскихъ занятій, ничего вѣдь не произвели такого, что отдѣлялось бы и видѣлось навсегда, какъ вашъ чинъ и крестъ. Я самъ получилъ первый чинъ за отличіе, но по совѣсти долженъ сознаться, что за мои ребячьи заслуги такой важной награды давать не слѣдовало, хотя я очень радуюсь тому, что мнѣ ее дали.

Противникъ мой всталъ и, торжественно указывая на меня, сказалъ своимъ товарищемъ: «вотъ эти франты сядутъ намъ на голову!»

Личность, высказавшая это пророчество была до того темная, что въ тѣ даже времена, не смотря на его чинъ титулярнаго совѣтника, ближайшій начальникъ, А. И. Красовскій, обращался съ нимъ почти безчеловѣчно. Бумагъ въ канцеляріи писалось очень не много, слѣдовательно чиновникъ этотъ былъ часто безъ дѣла. Газеты его не интересовали, и онъ предавался чтенію все больше

¹⁾ Алексѣй Егоровичъ Протопоповъ, сынъ священника при Смоленскомъ кладбищѣ. В. С.

²⁾ Александръ Ивановичъ Красовскій — извѣстный по разнымъ любопытнымъ анекдотамъ, цензоръ времени Николая I. В. С.

отъ божественнаго. Когда Красовскій приходилъ въ бібліотеку и замѣчалъ, что чиновникъ, отвѣсивъ поклонъ, ожидалъ приказаній, то за неимѣніемъ дѣла нужнаго, онъ доставалъ какую-нибудь книгу и давалъ ему переписать страницы двѣ-три, смотря по количеству часовъ, сколько тотъ долженъ былъ оставаться въ должности.

Къ публикѣ, желавшей пользоваться бібліотекой, чиновники канцеляріи относились крайне недружелюбно. Однажды, войдя въ канцелярію, я замѣтилъ какого-то посторонняго, который смотрѣлъ въ хранилище рукописей сквозь стекла двери, а потомъ сталъ ходить по залѣ и читать кое-какія надписи и правила для посѣтителей, вывѣшенныя въ рамкахъ. Я подошелъ къ нему спросить, что ему нужно, и узналъ, что онъ французскій путешественникъ и что онъ желалъ бы видѣть бібліотеку. Мнѣ не случилось еще показывать бібліотеку посѣтителѣмъ, и я не рѣшился самъ собою повести француза, а подошелъ къ вышеописанному старцу испросить его совѣта. Я ожидалъ, что онъ непременно скажетъ: «почему же нѣтъ, покажите», но вмѣсто того онъ огорошилъ меня отвѣтомъ: «нѣтъ, никакъ нельзя». Не смотря на положительность этого отказа, я все-таки повелъ француза по заламъ, вполне сознавая, что вреда этимъ я никакого бібліотекѣ не сдѣлаю и никакой тайны иностранцу не открою. Я ободрялъ себя такимъ сознаніемъ, но могъ, однакожъ, ожидать, что о своевольствѣ моемъ будетъ доведено до свѣдѣнія высшаго начальства. Въ силу соображеній такого рода, я, прощаясь съ гостемъ, попросилъ его написать свою фамилію, мотивируя мою просьбу тѣмъ, что я долженъ буду донести начальству о его посѣщеніи. Я видѣлъ, что гость былъ не парикмахеръ, и дѣйствительно, онъ, написавъ свою фамилію, прибавилъ: «*Pair de France*». Я подошелъ къ старцу, читавшему, кажется, житія святыхъ, и, извиняясь въ томъ, что не послушался его совѣта, сказалъ ему, что французъ этотъ былъ перъ Франціи. — «Много этихъ перовъ слоняется вонъ тамъ, по Невскому, — замѣтилъ старецъ, — тутъ слугъ для нихъ нѣтъ; да ладно». Вздохнулъ старецъ, и паки углубился въ чтеніе. Вздохнулъ онъ, конечно, не о перѣ Франціи, а о томъ, что онъ вычитывалъ въ ту минуту, когда я съ своимъ извиненіемъ оторвалъ его отъ книги.

Я называю его старцемъ, хотя въ то время онъ вовсе не былъ старъ, но старцемъ онъ сдѣлался смолоду, предаваясь съ особеннымъ тщаніемъ божественному, ходилъ сгорбась, волочилъ ноги, притворялся близорукимъ и носилъ шляпу съ широкими полями, подложенными зеленымъ плюшемъ.

Директоръ (Оленинъ) въ то время былъ для меня недостижимъ, и, если бы мнѣ не было приказано ходить къ нему два раза въ недѣлю дежурить по утрамъ, на случай могущей встрѣтиться необходимости переписать что-нибудь, то я никогда и не видѣлъ бы его. Дежурства мои у директора давали мнѣ случаи получать лично

отъ него разные приказанія, и я, какимъ-то манеромъ, самъ ужъ не знаю какъ, удостоился благосклоннаго его вниманія, и даже, къ великому соблазну моихъ товарищей, раза два или три обѣдалъ въ кругу его семейства. Въ то время честь эта была не только великая, а даже неслыханная. Не даромъ же бібліотечная канцелярія называла меня франтомъ.

Тогда директоръ бібліотеки былъ вмѣстѣ и президентомъ Академіи Художествъ. Бывая у него, я познакомился со многими художниками и самъ началъ порисовывать у себя дома въ свободное время. Директоръ, замѣтивъ, что у меня есть каллиграфическія замашки и способность владѣть карандашемъ, поручилъ мнѣ сдѣлать, по древнимъ русскимъ образцамъ, заголовки къ официальнымъ бумагамъ бібліотеки. Эта ничтожная работа имѣла для меня послѣдствія очень важныя. Приѣхалъ разъ въ бібліотеку Василій Петровичъ Стасовъ. Ему нужно было написать вязью нѣсколько словъ на проектѣ медали по случаю возобновленія имъ собора въ Смольномъ, и онъ хотѣлъ поискать образцовъ вязи въ рукописяхъ. Онъ встрѣтилъ, прежде всѣхъ, знакомаго ему, того бібліотекаря (Лобанова), который желалъ быть похороненнымъ въ качествѣ члена Россійской Академіи. Сей стражъ русскаго слова подвелъ Стасова ко мнѣ, какъ къ искуснику, почерпнувшему уже мудрость свою изъ рукописей и сдѣлавшему заголовки. Въ тотъ же день я сдѣлалъ для Стасова, что было нужно, и эта ничтожная вещь была поводомъ къ моему съ нимъ знакомству. Когда, на другой день, я принесъ ему свой рисунокъ, то онъ хотѣлъ-было заплатить мнѣ, но я посовѣтился взять у него 2—3 мѣдныхъ рубля и сказалъ, что личное мое знакомство съ нимъ есть плата слишкомъ достаточная за мой ничтожный трудъ. Тогда Стасовъ посадилъ меня, и мы провели въ бесѣдѣ нѣсколько завѣтныхъ для меня минутъ. По совѣту его, и при содѣйствіи директора-президента, я началъ посѣщать Академію Художествъ.

Войдя въ кругъ художниковъ, я возмечталъ, что вотъ я кончу ученье въ академіи и поѣду даже въ Италію совершенствоваться. Большинство академической молодежи помышляетъ объ Италіи, но очень немногіе ѣдутъ туда, и хорошо дѣлаютъ, потому что итальянская жизнь вообще мало приноситъ пользы молодымъ нашимъ художникамъ. Какъ ни отдаленна была для меня въ то время поѣздка въ Италію, но я началъ къ ней готовиться: пригласилъ signor'a Valerio (автора очень хорошей итальянской грамматики) учить меня поитальянски. Приготовленія эти послужили только къ тому, что теперь я говорю немножко поитальянски и итальянскія книги—не чужія мнѣ книги, а Италія... Я встрѣтилъ 13-ти-лѣтнюю дѣвицу, въ которой угадалъ свою жену и съ нею забылъ про Италію. Совѣстно немножко признаться въ этомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень пріятно.

Въ годъ поступленія моего въ бібліотеку было окончено новое ея строеніе, украшающее теперь Александринскую площадь. Книги, привезенныя изъ Польши ¹⁾, вынули изъ ящиковъ и разставили въ шкафы. Привезенныя книги были взяты изъ нѣсколькихъ бібліотекъ: Варшавской публичной, Общества любителей наукъ (Société philomatique), Пулавской князя Чарторижскаго, бібліотеки пана Домбровскаго и князя Сапѣги. Послѣднія три бібліотеки были такъ не полны, что ихъ скорѣе можно было назвать отрывками бібліотекъ. До занятія нашими войсками тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ находились, поляки успѣли увезти изъ нихъ все, что было лучшее. Каждая бібліотека стояла у насъ отдѣльно.

Когда всѣ эти приращенія были разставлены, мнѣ открылось для изученія новое, очень обширное, пространство бібліотеки. Молодой, цѣпкій и физически неутомимый, я лазилъ по шкафамъ и удовлетворялъ, какъ умѣлъ, жажду знанія. Въ утреннее время, когда не было дѣла въ канцеляріи, я уходилъ въ новыя залы, а въ дни дежурства я оставался въ нихъ до сумерекъ. Года въ два-три я ознакомился съ бібліотекой очень хорошо. Зналъ, гдѣ что стояло въ старыхъ залахъ, зналъ всѣ привезенныя изъ Польши собранія книгъ и, когда бібліотеку открыли для публики, а бібліотекари попрежнему оставались закрытыми, я одинъ могъ удовлетворять всѣ требованія читателей, изъ всѣхъ отдѣленій на иностранныхъ языкахъ. Въ отдѣленіи книгъ русскихъ былъ всегда на лицо помощникъ Крылова, Иванъ Павловичъ Быстровъ.

Предъ открытіемъ читальной залы для публики, бібліотеку посѣтилъ государь императоръ. Это произошло совершенно неожиданно. Въ жаркій лѣтній день ²⁾, часу во второмъ, побѣжалъ въ залу канцеляріи министръ графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ и, не снимая ни шляпы, ни своего плаща съ коротенькимъ воротничкомъ, побѣжалъ прямо къ казначейскому столу и быстро спросилъ меня: «гдѣ архитекторъ?» (Щедринъ). Когда я отвѣтилъ, что Щедрина нѣтъ въ бібліотекѣ, министръ побѣжалъ назадъ, сказавъ: «сію минуту государь будетъ сюда». Изъ старшихъ чиновниковъ былъ на лицо одинъ только Востоковъ; но и тотъ, услышавъ, что государь будетъ, бросился домой надѣвать мундиръ. Онъ жилъ на дачѣ въ Емельяновкѣ, за Екатерингофомъ. Я побѣжалъ на верхъ убрать со стола книги, которыми я въ то утро занимался, и только-что успѣлъ смахнуть платкомъ пыль, оставшуюся на столѣ, какъ увидѣлъ идущаго государя съ министромъ и Щедринымъ. Я былъ въ вицмундирѣ, но остальное на мнѣ было свѣтлое, лѣтнее. Я зналъ, что государь не любилъ такихъ вольностей въ форменномъ костюмѣ, но отступать было поздно. Государь

¹⁾ Послѣ Польскаго возстанія 1830 года.

В. С.

²⁾ 5 іюля 1835 года.

В. С.

прошелъ, я поклонился, и по малой лѣстницѣ спустился въ залу канцеляріи. Когда я сказалъ чиновникамъ канцеляріи, что государь уже въ бель-этажѣ, то они совершенно растерялись. Старецъ буквально дрожалъ. Нѣсколько минутъ спустя государь прошелъ въ хранилище рукописей, а еще минуту спустя, оттуда выбѣжалъ Щедринъ и спросилъ, гдѣ Ардебильскія рукописи ¹⁾? Старшихъ никого не было, но тутъ помогло мое всегдашнее любопытство: я зналъ, гдѣ стояли рукописи. Подбѣжать къ столу Востокова, вытащить изъ ящика ключи, подтащить къ шкафу лѣстницу (я не могъ достать ключемъ до замочной скважины) и отпереть шкафъ было для меня дѣломъ полуминуты. Когда государь началъ разсматривать рукописи, я поспѣшилъ уйти: неисправный костюмъ конфузиль меня. Только-что государь уѣхалъ, въ бібліотеку начали стекаться власти. Приѣхали директоръ и бібліотекари съ дачъ, явился и Востоковъ, изъ Емельяновки, усталый и въ мундирѣ. Въ это посѣщеніе государь приказалъ называть одну изъ большихъ залъ бель-этажа—Ларинскою, а для восточныхъ рукописей сдѣлать тѣ шкафы, которые и теперь закрываютъ собою два среднихъ столба хранилища рукописей.

Вслѣдъ за посѣщеніемъ государя, бібліотеку открыли для публики. Читатели допускались только три раза въ недѣлю. Занятія въ читальной залѣ начались вяло. Посѣтители требовали русскихъ книгъ очень не много, а иностранныхъ еще меньше, потому что новыхъ книгъ бібліотека тогда вовсе почти не покупала, русскихъ же печаталось мало, да и публика въ тѣ времена читала вообще далеко не такъ охотно, какъ теперь. Стоить оглянуться на журналистику прошлаго времени, чтобы получить понятіе о тогдашней любознательности нашей публики. Чтеніе есть важный симптомъ общественной жизни, и бібліотека, какъ мѣсто для чтенія, есть наудобнѣйшій инструментъ для наблюденія надъ движеніемъ умственной дѣятельности общества въ извѣстный періодъ времени. Само собою разумѣется, что всякія наблюденія могутъ быть вѣрны тогда только, когда инструментъ находится въ исправности, когда всѣ части его чисты, не засорены, хорошо отполированы и смазаны елеемъ. Чтеніе не есть безслѣдная забава, какъ танцы, игра въ карты и т. п. За чтеніемъ слѣдуетъ непремѣнно работа мозга, вызывающая слово. Если обѣ эти функціи совершаются у тысячи особей, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ отразятся на всемъ, чѣмъ общество занимается. Мы, старики, говоримъ, что теперь у насъ вздоръ говорятъ и вздоръ пишутъ, но, отрѣшась немного отъ настоящаго и воротясь къ тому времени, когда мы сами были молоды,

¹⁾ Восточныя рукописи знаменитой Ардебильской бібліотеки (при мечети) были взяты и доставлены въ Россію въ 1828 г., генераль-адъютантомъ графомъ Сухтеленемъ.

мы не затруднимся вспомнить, что и у насъ были свои старики, и они съ сожалѣніемъ покачивали на насъ головами. Всякое настоящее приходится для того, чтобы уступить мѣсто будущему, которое выразить послѣдствія всего, что дѣлается въ настоящемъ, а кто знаетъ, какія будутъ послѣдствія нашего настоящаго? Какъ бы то ни было, но, сидя въ бібліотекѣ съ 1834 года, и наблюдая ея читальную залу, можно убѣдиться, что интересы читающей публики страшно измѣнились въ 30 слишкомъ лѣтъ, и кто скажетъ, что наше общество идетъ назадъ, тотъ немножко ошибется, а если кто вздумаетъ проводить въ общество что-нибудь изъ преданій прошлаго, тотъ еще немножко ошибется.

Лѣнность тогдашнихъ бібліотекарей была выше лѣнности публики. Читатели очень мало требовали, а бібліотекари (кроме Ив. Павл. Быстрова) ничего не давали. Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ, писцу при казначейскихъ дѣлахъ, пришлось быть главнымъ дѣятелемъ по удовлетворенію читателей иностранными книгами. Можно себѣ представить, какъ не велики и не затѣйливы были требованія читателей, когда я въ состояніи былъ удовлетворять ихъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ занимался этимъ дѣломъ, потому что я понималъ важность его. Никто не обращалъ вниманія на то, что я дѣлаю, и мнѣ странно показалось, что Ал. Хр. Востоковъ написалъ къ директору письмо, въ которомъ просилъ его прибавить мнѣ жалованья и сравнять меня съ подбібліотекарями. Я узналъ объ этомъ тогда только, когда на письмо Востокова послѣдовалъ отказъ, и этотъ честный челоуѣкъ показалъ мнѣ его, выражая сожалѣніе, что хлопоты его не удались.

У насъ теперь въ читальной залѣ есть наборъ молодыхъ людей, носящихъ собирательное названіе «дежурства». Названіе это, по моему, не совсѣмъ сродно тому предмету, которому оно присвоено, но оно вѣрно по своему историческому происхожденію. Въ былыя времена всѣ бібліотекари, старшіе и младшіе, и всѣ писцы дежурили въ бібліотекѣ по цѣлымъ суткамъ, и на ихъ обязанности лежало выдавать читателямъ заранѣе приготовленныя книги. Въ дѣлѣ этомъ было прежде много патріархальнаго. Я уже не засталъ того времени, когда дежуривалъ Ив. Андр. Крыловъ, но мнѣ рассказывали, что, придя дежурить послѣ обѣда, онъ ложился обыкновенно на диванъ и читалъ лежа, а когда приходили посѣтители, то онъ, не вставая, указывалъ имъ на шкафъ съ приготовленными для нихъ книгами, и просилъ брать, что кому нужно. Точно также, или почти также, поступали и другіе бібліотекари изъ разряда высшаго. Когда бібліотеку открыли для публики, въ мое уже время, высшіе бібліотекари большею частью не дежурили лично: обязанности эти исполняли за нихъ младшіе, за деньги, конечно.

Въ 1842 г., за смертью А. Н. Оленина, назначенъ былъ директоромъ бібліотеки Д. П. Бутурлинъ, и общіе каникулы кон-

чилися. Въ новомъ директорѣ я долго не видѣлъ человѣка. Въ дѣлахъ служебныхъ онъ сохранялъ неприступную важность и чрезвычайную сухость въ обращеніи. Что всѣхъ бібліотекарей онъ заставлялъ работать, это хорошо, но что онъ заставлялъ ихъ молчать, это не хорошо. Онъ былъ изъ военныхъ и любилъ, конечно, дисциплину. Дисциплина вещь хорошая, но въ гражданскомъ, а тѣмъ паче въ ученomъ дѣлѣ, она должна быть совсѣмъ не такая, какъ во фронтѣ, а бібліотекари узнали фронтъ. Повиновались всѣ, нечего сказать, и хорошо повиновались, но изъ одного повиновенія проку, какъ извѣстно, бываетъ не много. Обуянные страхомъ бібліотекари вели себя такъ, что съ способностями и знаніями ихъ Д. П. Бутурлинъ не имѣлъ возможности ознакомиться. Осмотрѣвшись на первыхъ порахъ, онъ убѣдился, что прежде всего нужно каталогизировать рукописи, и скомандовалъ всѣмъ бібліотекарямъ: маршъ въ хранилище рукописей! Онъ не остановился на томъ, всѣ ли бібліотекари годны для каталогизированія рукописей. Они носили званіе бібліотекарей и этого для него было достаточно. Онъ заставилъ ихъ писать, а самъ очень добросовѣстно наблюдалъ, чтобы они не лѣнились. Очень понятно, что далеко не всѣ бібліотекари были подготовлены для такой важной работы, а нѣкоторые были положительно не годны, но размышлять и подготавливаться никто не думалъ, потому что этого не требовалось да и некогда было. Вѣрно было описывать рукописи, всѣ и пошли описывать. Работы произведено было много, бумаги исписано также много, но все это продѣлано безъ всякаго участія мысли. Не было совокупной научной дѣятельности, совѣщаній, размѣна впечатлѣній, не было, наконецъ, критики, безъ которой многосложное дѣло бібліографіи и въ особенности каталогизація рукописей хорошо идти не могутъ. Всякій старался сдѣлать какъ можно больше, чтобы заслужить благосклонную улыбку директора, всякій дорожилъ временемъ и не вникалъ поглубже въ то, что дѣлалъ. Чтобы сдѣлать хорошо, нужно остановить вниманіе на предметѣ работы, изучить его; но останавливаться и изучать — значитъ терять время, и за потерю казеннаго времени получить выговоръ. Бібліотекари рассказывали, что одинъ изъ нихъ, встрѣтивъ рукопись крайне неразборчивую и, не имѣя возможности изучить ее, ограничился слѣдующимъ упоминаніемъ въ каталогѣ: *manuscrit historique*.

Въ эпоху вступленія Д. П. Бутурлина въ управленіе бібліотекой я все еще былъ писцомъ при казначейскихъ дѣлахъ. Узнавъ, что я художникъ, онъ поручилъ мнѣ привести въ порядокъ собраніе эстамповъ и возвелъ меня въ званіе подбібліотекаря. Работа съ эстампами принесла мнѣ много пользы: я ознакомился съ историческимъ значеніемъ гравюры. Эта была какъ бы отдѣльная каеэдра въ курсѣ моего бібліотечнаго образованія.

Работая съ гравюрами, я подмѣтилъ въ себѣ очень важный недостатокъ—незнаніе англійскаго языка. Я предвидѣлъ, что недостатокъ этотъ будетъ ставить меня въ неловкое положеніе современемъ, когда я, въ качествѣ подбібліотекаря, окончивъ эстампы, займусь другими работами. Я пріискалъ англійскаго учителя и, когда въ скромной квартирѣ моей, жена моя въ одной комнатѣ брала уроки на фортепіано у извѣстнаго тогда въ Петербургѣ пианиста Фердинанда Шиллера, я, въ другой комнатѣ, при помощи мистера Бошмана, усвоивалъ себѣ формы англійскаго языка.

Принимаясь за эстампы, я имѣлъ осторожность представить директору предварительное объясненіе плана, которому я предполагалъ слѣдовать въ своей работѣ; я даже опредѣлилъ трехгодичный срокъ для совершеннаго окончанія дѣла. Дѣйствительно, я провелъ три года надъ изученіемъ гравюры и вмѣстѣ надъ размѣщеніемъ по школамъ всего нашего собранія. Работалъ я одинъ въ залѣ существовавшего тогда верхняго этажа, слитаго теперь мною съ бель-этажемъ¹⁾. Д. П. заходилъ ко мнѣ иногда, и, всегда строгій, всегда важный, посматривалъ на мою работу, не вникая, однакожъ, никогда въ то, что я дѣлалъ, и такъ ли дѣлалъ, какъ обѣщано было въ предварительно представленномъ мною планѣ.

Кончивъ мой трудъ, я показалъ его Д. П.—чу и получилъ отъ него строжайшій выговоръ за то, что во главѣ всей коллекціи лежала маленькая, но рѣдкая, гравюра Мартина Шёна, занумерованная не первымъ, а какимъ-то большимъ номеромъ, по систематическому списку (Мартинъ Шёнъ выставленъ теперь въ витринѣ, какъ замѣчательное произведеніе, и знатоки останавливаются передъ нимъ). Не входя въ подробное разсмотрѣніе всего моего труда, Д. П. сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ и возвыся голосъ: «Вмѣсто того, чтобы привести эстампы въ порядокъ, вы привели ихъ въ беспорядокъ». Когда голосъ его возвышался, то никакія объясненія не могли имѣть мѣста. Передавая это грустное прошлое, я не могу, однакожъ, сказать съ укоромъ: «таковъ былъ Д. П. Бутурлинъ», но, съ признательностью къ настоящему, я могу сказать: «таковъ былъ у насъ духъ времени 20 лѣтъ тому назадъ». Есть и теперь грозные начальники, но они стали рѣдки, и это все больше такія особы, на которыхъ духъ времени не дѣйствуетъ: природа заклемила ихъ, а тогда и умнѣйшіе люди нерѣдко были грубы.

Выговоръ, и притомъ очень строгій, въ самомъ финалѣ моей работы, могъ имѣть очень невыгодныя для меня послѣдствія въ дальнѣйшей моей службѣ въ бібліотекѣ. Я видѣлъ, что Д. П. заблуждался вслѣдствіе незнанія, но какъ же мнѣ было объяснять ему, когда дисциплина требовала покорности и молчанія! Счастли-

¹⁾ Капитальные перестройки бібліотеки были совершены въ 50-хъ и 60-хъ годахъ—Собольчиковымъ. В. С.

вая мысль озарила меня. Я обратился къ Н. И. Уткину, знаменитому граверу и хранителю эрмитажной коллекціи. Осмотрѣвъ все, что я сдѣлалъ, Уткинъ объявилъ, что и планъ моей работы, и исполненіе, несравненно лучше, нежели въ Эрмитажѣ, гдѣ этимъ дѣломъ занимался 40 лѣтъ нѣкій Нотъ, и сдѣлалъ такъ, что ничего найти нельзя. Мнѣніе Уткина было, конечно, уважено, и я получилъ приказаніе описать гравюры въ томъ порядкѣ, какъ онѣ разложены. Описаніе это я сдѣлалъ, и представилъ 10 томовъ in-fol.

Д. П. находилъ, что старая часть зданія бібліотеки въ конструкціи своей имѣетъ слишкомъ много дерева, и по этому она не довольно безопасна для такого учрежденія. Онъ началъ хлопотать о перестройкѣ, и добился того, что архитектору министерства народнаго просвѣщенія, А. Ѳ. Щедрину, поручено было составить проектъ. Щедринъ взглянулъ на дѣло слишкомъ консервативно. вмѣсто внутреннихъ деревянныхъ колонъ онъ нарисовалъ чугунныя, вмѣсто деревянныхъ хоръ проектировалъ желѣзныя, и, наконецъ, деревянные балки гладкаго потолка предположилъ замѣнить желѣзными, кованными. О полахъ, дверяхъ, окнахъ и шкафахъ не было и помину, а сумма расхода выразилась въ цифрѣ 500.000 руб. ассигнаціями. Сумма оказалась слишкомъ круглая, и Д. П.—чу отказали. Мое дѣло было тогда молчать и смотрѣть, какъ старшіе дѣйствуютъ. Щедринъ удостоилъ, однакожь, меня чести посмотрѣть на его проектъ, и мнѣ померещилось, что я сдѣлалъ бы иначе; но я былъ глубоко убѣжденъ, что моя мысль есть фантазія, а настоящее-то, хорошее дѣло, замышляетъ онъ, Щедринъ. Дома я попробовалъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что фантазія мнѣ диктовала. Если предъ начальствомъ я долженъ былъ молчать, то вѣдь это не значитъ, что и дома я не долженъ чертить. Я чертилъ, думалъ, соображалъ, и, позабывшись, бросилъ свои эскизы въ портфель, а чрезъ 20 лѣтъ мнѣ пришлось ихъ искать. Въ послѣдніе три года ¹⁾ я исполнилъ точь въ точь то же самое (кромѣ полукруга, гдѣ сидитъ Вольтеръ), что роилось въ моей головѣ во времена Д. П. Бутурлина.

Служители бібліотеки помѣщались такъ дурно, что Д. П. началъ ходатайствовать о постройкѣ для нихъ новаго флигеля. Это ходатайство его было уважено, и онъ поручилъ архитектору бібліотеки составить проектъ; но архитекторъ проектовъ дѣлать не умѣлъ, и нашелъ болѣе удобнымъ совсѣмъ отказаться отъ такого мѣста, на которомъ вздумали заставлять его дѣлать проектъ. Д. П. обратился къ Щедрину, а тотъ указалъ на меня. Д. П.—чу казалось страннымъ, чтобы человѣкъ, разбирающій эстампы, могъ также строить, но онъ послушался Щедрина, и съ тѣхъ поръ

¹⁾ 1865—1867 гг.

я—архитекторъ бібліотеки. Составивъ проектъ, я началъ строить тотъ флигель, въ которомъ служители живутъ и теперь. Первый годъ постройки прошель благополучно, но при отдѣлкѣ флигеля случилась у меня съ Д. П. встрѣча сильная. Я умолчу о ея подробностяхъ, потому что она грустная, и притомъ мнѣ пришлось бы рассказывать, какъ сильный и притомъ умный человѣкъ, впалъ въ ошибку, допустивъ себя повѣрить тому, что очень похоже на правду. Скажу только, что было подозрѣніе возмутительное; было, если не формальное слѣдствіе, то по крайней мѣрѣ очень строгое разслѣдованіе или дознаніе. Послѣ всего этого, Д. П. скинулъ предо мною свою грозную внѣшность и явился человѣкомъ добрымъ и даже ласковымъ. Въ то время я не постигалъ, какое сильное вліяніе имѣла на него его ошибка относительно меня, но когда, послѣ его смерти, я, какъ архитекторъ, имѣлъ довольно серьезныя дѣла съ покойной его супругой, которой я ни разу не видалъ при его жизни, когда она ласково, почти нѣжно, приняла меня въ Парижѣ въ 1859 г., не задолго до ея кончины, когда, наконецъ, я сталъ получать чрезъ русскихъ путешественниковъ поклоны отъ его сына, поселившагося за границей—тогда я понялъ, что Д. П. должно быть искренно сожалѣлъ о прошломъ, и передавалъ въ своемъ семействѣ подробности моего дѣла. Какую неизмѣримую разницу увидѣлъ я между грознымъ начальникомъ, пушившимъ меня за эстампы, и человѣкомъ, протянувшимъ мнѣ руку!

Вспоминая начало моей архитектурной дѣятельности въ бібліотекѣ, не могу не рассказать одного необыкновеннаго психическаго явленія, мною тогда испытаннаго. Снилось мнѣ однажды, что въ темномъ углу 6-й залы происходитъ пожаръ. Сновидѣніе было не страшное, но я до того отчетливо запомнилъ всѣхъ людей, которые были на пожарѣ и всѣ слова, которыя они говорили, что даже рассказалъ свой сонъ женѣ. Спустя нѣсколько дней, снится мнѣ тотъ же пожаръ, и въ томъ же углу 6-й залы, но съ такой тревогой и такой бѣготней, что я даже проснулся отъ волненія. Второй сонъ я также рассказалъ женѣ. Прошло еще, можетъ быть, съ недѣлю, какъ тотъ же зловѣщій сонъ представился мнѣ, но уже въ размѣрахъ ужасающихъ: я видѣлъ пожарную команду, государя. Съ крикомъ вскочилъ я съ постели и, придя въ бібліотеку, отправился прямо въ 6-ю залу, чтобы осмотрѣть темный ея уголь. Надъ шкафомъ по стѣнѣ тянулася темная полоса копоти. Такіе полосы бываютъ у душниковъ, но, хотя подъ этой полосой дѣйствительно былъ душникъ, но она показалась мнѣ чернѣе, и я попросилъ эконома приказать не топить коробовой печи, стоявшей въ подвалѣ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тревожные признаки были обнаружены. Одну печь можно было перестать топить, потому что, было такое время года, что холодовъ ужъ можно было не бояться. Съ наступленіемъ времени ремонтныхъ работъ я разо-

бралъ шкафъ и, въ соединеніи стѣны съ плитною выстилкой подъ шкафами, нашелъ щель, сквозь которую огонь проникалъ изъ дымовой трубы прямо подъ шкафъ. Нижняя сторона нижней полки уже превратилась въ уголь: не доставало небольшого отверстія, чтобы раздуть пламя. Сдѣлали все, что было нужно, чтобы совершенно устранить опасность. Экономъ не рѣшился доложить директору ни о грозившей бѣдѣ, ни о мѣрахъ, принятыхъ къ ея устраненію. Дѣйствительно, случай этотъ могъ сильно встревожить директора и произвести такую исторію, отъ которой пострадалъ бы, можетъ быть, и строитель зданія, Щедринъ, между тѣмъ какъ, по справедливости, его никакъ нельзя было обвинять. Строителю не было никакой возможности усмотрѣть то, что я нашелъ совершенно случайно. Могъ ли строитель, или его помощникъ, наблюдать, какъ клали плитную выстилку, которая, со множествомъ другихъ болѣе важныхъ работъ, производилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ одно и то же время? Поднявъ плиту, я нашелъ разбитую шайку, сломанныя носилки и рогожу. Все это было уже сгорѣвшее, и только по группамъ угля можно было угадать, какіе это были предметы.

Когда я работалъ съ эстампами, прочіе бібліотекари, покончивъ съ рукописями, принялись за печатныя книги. Дѣло началось съ перестановки всей бібліотеки. Старое собраніе книгъ, состоявшее изъ бібліотекъ братьевъ Залусскихъ, князя Лобанова-Ростовскаго, Вязмитинова и полоцкой поіезуитской, сливалось съ бібліотеками, привезенными изъ Польши. Въ это же время поступило къ намъ великолѣпное собраніе книгъ графа Сухтелена, также потонувшее въ общей массѣ. Все это необозримое море книгъ долго колыхалось и переносилось съ одного мѣста на другое, пока наконецъ не образовало нынѣшнихъ главныхъ отдѣленій. Общая переноска книгъ была работа титановъ, и когда наконецъ она была окончена, всѣмъ бібліотекарямъ приказано было работать опять вмѣстѣ, и начать каталогизацію отдѣла наукъ историческихъ. Д. П. Бутурлинъ любилъ порядокъ и отчетливость, и вовсе не былъ склоненъ полагаться на добросовѣстность своихъ подчиненныхъ. Чтобы удостовѣриться, сколько можетъ сдѣлать ежедневно одинъ бібліотекарь, онъ самъ лично сѣлъ работать съ ними, и проработавъ 4 часа, опредѣлилъ, чтобы каждый бібліотекарь изготавлялъ въ теченіе недѣли извѣстное количество карточекъ и сдавалъ ихъ эконому. Работа закипѣла, но ее производили люди разнородные и по способностямъ, и по свѣдѣніямъ. Имъ, конечно, не было дано мѣста выказать свои способности и познанія: велѣно было только списывать заглавія цѣликомъ, списывать съ дипломатическою точностію, и еженедѣльно передавать эконому установленное количество листковъ. Начальникъ относился къ дѣлу безучастно, и требовалъ только цифры; подчиненные работали также безучастно, и, въ свою очередь, хлопотали также объ одной только

цифрѣ, старались списывать возможно большее число заглавій. Кто успѣвалъ написать больше, нежели было установлено, тотъ излишекъ свой пряталъ въ запасъ, и не сдавалъ эконому. Явилось на сцену школьничество. Нѣкоторые бібліотекари приходили украдкой, въ праздничные дни, пораньше, и подбирали для себя книги съ короткимъ заглавіями, а свои, съ длинными заглавіями, подсылали товарищамъ. Многотомныя сочиненія, имѣвшія короткія заглавія, разставляли въ разные шкафы, каждый томъ отдѣльно, чтобы потомъ писать для каждаго тома отдѣльную короткую карточку. Вслѣдствіе этихъ продѣлокъ, когда всѣ карточки были написаны и приведены въ азбучный порядокъ, то, конечно, карточки всѣхъ частей многотомныхъ сочиненій соединились. По указаніямъ листковъ, разбросанные томы отыскивались и ставились вмѣстѣ, а лишнія карточки выбрасывались.

Въ эпоху всеобщаго писанія карточекъ для отдѣленія историческихъ наукъ, послѣдовало личное мое сближеніе съ Д. П. Бутурлинымъ и окончаніе инвентарной описи собранія эстамповъ. Я предвидѣлъ, что и меня сошлютъ въ историческую артель, но, къ великому моему счастью, мнѣ позволено было заниматься одному въ отдѣленіи изящныхъ искусствъ, и даже не было предписано сдавать свою работу понедѣльно эконому. Это былъ признакъ довѣрія ко мнѣ. Само собою разумѣется, что въ искусствахъ я принялся дѣлать совершенно то же самое, что прочіе товарищи дѣлали въ исторіи.

Въ первоначальной разстановкѣ книгъ, на полкахъ господствовалъ азбучный порядокъ, но при перестановкѣ «Историческаго отдѣленія» во время слитія всѣхъ бібліотекъ, порядокъ этотъ былъ оставленъ по идеѣ Шреттингера (Schröttinger, Versuch eines vollständigen Lehrbuchs der Bibliothek-Wissenschaft). Допуская такую важную реформу, бібліотекари совершили, однакожъ, поклоненіе рутинѣ и сохранили раздѣленіе на форматы, а не поставили книгъ просто по ихъ величинамъ. Книги одного формата бываютъ, какъ извѣстно, разныхъ величинъ, вслѣдствіе чего верхи ихъ на полкѣ не имѣютъ прямой горизонтальной линіи. Отъ этого между полками бываетъ много неправильныхъ пустотъ, которыя, въ общей массѣ, составляютъ большія незанятые пространства. Когда бібліотекой сталъ управлять баронъ М. А. Корфъ, и новыя книги обильнымъ потокомъ полились въ нее, тогда въ отдѣленіи исторіи вдругъ оказался недостатокъ мѣста. Бібліотекари обратились къ начальству съ просьбой построить новые шкафы, а начальство призвало на совѣтъ меня, какъ архитектора; но я, не пускаясь въ архитектурскія соображенія, заговорилъ прежде, какъ бібліотекарь, и посоветовалъ прекратить поклоненіе формату, не имѣющему, по личнымъ моимъ убѣжденіямъ, ни малѣйшаго значенія въ разстановкѣ книгъ, подобрать книги строго по ихъ величинамъ, для того, чтобы

верхнія ихъ оконечности представляли горизонтальную линію, къ которой можно было бы опустить слѣдующую полку. Бібліотекари возстали противъ такого вандализма, но изъ всѣхъ доказательствъ, приведенныхъ ими, самое сильное было то, что во всѣхъ бібліотекахъ Европы книги ставятся по форматамъ, и большія книги in 4° никогда не смѣшиваются съ малыми фоліантами, а малыя in 4° — съ большими октавами. Доказательство это было, однакожь, не такъ сильно, какъ велика была польза, предусматриваемая въ экономіи мѣста. Послѣ долгихъ споровъ рѣшено было переставить книги по величинамъ. Переставили, и получили свободнаго мѣста болѣе 40% въ двухъ обширныхъ залахъ: 12-й и 14-й. Извѣстная теорія была безжалостно возложена на алтарь предъ здоровою и свѣжею силою практики. Не смотря на весь вандализмъ этой мѣры, въ «Историческомъ отдѣленіи» книгу никогда не ищутъ, а идутъ по указанію каталога прямо къ тому мѣсту, гдѣ она стоитъ и берутъ ее, не теряя ни секунды на поиски. Какъ ни практична такая разстановка, но сила привычки такъ велика, что ученѣйшіе бібліотекари подтруниваютъ надъ ея изобрѣтателемъ и называютъ ее «солдатскою разстановкой». Въ дѣлѣ, практически полезномъ насмѣшки очень сносны, а иногда онѣ даже забавляютъ, когда бываютъ остроумны. Насмѣшка идетъ къ своей скромной цѣли, а практическое и притомъ хорошее дѣло довольно краснорѣчиво говорить само за себя.

Насмѣшки надъ нашей разстановкой книгъ не замкнулись въ нашей бібліотекѣ, а перешли и въ Германію. Одинъ ученый путешественникъ, Бругшъ¹⁾, изобразилъ ее въ очень смѣшномъ видѣ. Въ книгѣ его: «Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861», въ первомъ томѣ, на стр. 91—93, помѣщенъ небольшой разсказъ о бібліотекѣ кавказскаго намѣстника, и такой интересный, что я выписываю его вполнѣ.

«Der Fürst schickte mir die Kataloge seiner Bibliothek, eine Zusammenstellung nach verschiedenen Prinzipien geordneter buntgefärbter Zettel, die sehr sauber und übersichtlich in Cartons niedergelegt waren. Der Statthalter liess mir zugleich den Wunsch aussprechen, ein Urtheil über diese neuerdings erst von seinem Bibliothekar geordneten Kataloge zu fällen.

«Ich hatte kaum die Kasten geöffnet, als ein braver Offizier der kaukasischen Armee mich eilends zu sprechen beehrte.

«Es war der Rittmeister Corradini. Das Georgenkreuz auf seiner Brust, das Annenkreuz am Säbel sagten mir deutlich genug, dass ich die Ehre hatte einen der Tapferen zu sehen, die Tscherkessenkugeln und Tscherkessenmessern furchtlos entgegengehen.

«Ah, Monsieur, sagte er mir im geläufigsten Französisch, vous

¹⁾ Знаменитый египтологъ.

allez me perdre sans le savoir peut-être! ayez pitié de moi! vous avez les catalogues de notre prince?»

«Mir wurde bei den hastig und athemlos gesprochenen Worten selber angst und bange. Ich bejahte die Frage.

«Sie wissen vielleicht noch nicht, fuhr er fort, dass ich der Bibliothekar des Fürsten bin. Wenn Sie ihn kennen würden! er ist wie ein Kind so gütig, so zärtlich, aber auch streng und zornig, wie der Löwe. Ich habe die Bibliothek ordnen und die Form und Anordnung der Kataloge geradezu erst erdenken müssen, um dem Fürsten das Finden und Holen eines Buches ohne Zeitverlust noch Missverständniss zu gestalten. Welche Arbeit für mich! Lieber vor einer Batterie stehen, als vor solchen pappenen Soldaten».

«Sie wissen, der Fürst leidet zeitweise so furchtbar an Rheumatismus, fuhr er fort, dass er nicht im Stande ist, ein Glied zu rühren, geschweige sich von seinem Sessel zu erheben. Er will ein Buch haben. Nehmen wir an Lamartine's Poesien. Er klingelt den Kosaken. Der bringt ihm die Farbentafel. Jeder Wissenschaft habe ich eine besondere Farbe zugetheilt».

— «So findet man die Theologie im... «schwarzen Kasten?» fiel ich ein.

— «Ganz recht, im schwarzen, die Medicin im rothen, u. s. w. Der Poesie habe ich die rosenrothe Farbe gegeben. Der rosenrothe Kasten wird geholt, unter L findet sich Lamartine und die Nummer des Buches. Der Kosak geht zum rosenrothen Spinde, sucht Nummer so und so heraus, und das gewünschte Buch wird dem Fürsten gebracht».

«Lachend stimmte ich dem Systeme des guten Rittmeisters bei und verstand nun die farbigen Zettel.

— «Ja, draussen in Europa ist die Sache leichter, aber denken Sie nur daran, dass hier im Kaukasus Lesen und Schreiben beim gemeinen Mann etwas seltenes ist. Der Kosak kann nur Zahlzeichen erkennen, die Farben weiss er ja zu unterscheiden, somit ist das Suchen eines Buches ohne die geringste Schwierigkeit verknüpft, und, was die Hauptsache ist, der Fürst verliert nicht die Geduld».

«Ich konnte nur von neuem das System des Rittmeisters loben.

— «Also Sie werden meine Kataloge beim Fürsten nicht tadeln?»

— «Im Gegentheile, erwiderte ich, in der verdienten Weise bestens loben.

— «Oh, sie machen mich unendlich glücklich! Rechnen Sie auf jede Art von Dienstleistung meinerseits».

Весь этот милый рассказ, въ которомъ храбрый ротмистръ умоляетъ ученаго путешественника, какъ школьникъ учителя, нуженъ былъ только какъ грунтъ для картины, изображающей въ общихъ чертахъ нашу бібліотеку. Жаль только, что ученый не съумѣлъ назвать вещь своимъ именемъ и употребилъ слово *Système* тамъ, гдѣ системы вовсе не было. Это даетъ мѣсто подозрѣнію, что г. Бругшъ, при всей учености своей, не знаетъ бібліотечной но-

менклатуры, но ктожь это замѣтитъ? Вѣдь г. Бругшъ, въ разсказѣ своемъ, трактуеть не о серьезномъ предметѣ, а скромно передаетъ подробности о томъ, какъ онъ облагодѣтельствовалъ храбраго русскаго ротмистра Коррадини. Насмѣшки надъ Россіей и русскими сдѣлались общимъ мѣстомъ у всѣхъ путешественниковъ средней руки, такъ съ какой же стати г. Бругшу заглядываться на тѣхъ, которые пишутъ свои путешествія размышляя? Въ разсказѣ о ротмистрѣ видна хвастливость, а то, что я сейчасъ приведу о нашей бібліотекѣ, очень похоже на сказку, которой повѣрять только люди, стоящіе не выше г. Бругша. Вотъ его финаль къ разсказу о ротмистрѣ.

«Hätte ich die nach guten und schlechten Einbänden, so wie nach ihrem Inhalt, geordnete kaiserliche Bibliothek einer der ersten Hauptstädte Russlands ein Jahr früher gesehen, anstatt ebensoviel Zeit später, so hätte ich die Kühnheit gehabt bei S. D. dem Fürsten Statthalter den gehorsamsten Antrag zu stellen, den tapfern Rittmeister Corradini auf einige Zeit als Muster-Oberbibliothekar nach..... und die gelehrten Herren der gemeinten Bibliothek nach den Schlachtfeldern des Kaukasus zu senden.

«Die Bibliothek würde gewonnen, der Kaukasus freilich verloren haben».

Когда я прочелъ эти строки, то мнѣ показалось: не подшутилъ ли кто-нибудь изъ нашихъ бібліотекарей надъ довѣрчивымъ нѣмцемъ? Когда ему разсказали, какъ варварски разставлены у насъ книги, то онъ непременно долженъ былъ удивиться и непременно долженъ былъ спросить: «какъ же вы, злосчастные, отыскиваете книги?» Очевидно, ему не пришло въ голову сдѣлать этого самаго естественнаго вопроса, потому что еслибъ онъ его сдѣлалъ, то ему показали бы каталоги такіе, какихъ не только во всей Европѣ, но даже за Кавказомъ у Коррадини онъ не нашель бы. Я видѣлъ каталоги многихъ иностранныхъ бібліотекъ, видѣлъ систематическую разстановку и могу, положа руку на сердце, сказать, что хорошихъ каталоговъ я не видалъ, а систематической разстановки, такой, какую я понимаю, также не видалъ.

Систематическую разстановку я такъ уважаю, что когда мнѣ случилось приводить въ порядокъ небольшую, тысячь въ десять томовъ, бібліотеку князя С. М. Воронцова, то я разставилъ ее въ систематическомъ порядкѣ. Но въ такомъ громадномъ собраніи, какъ бібліотека Императорская Публичная, я эту разстановку признаю невозможною, при ея непрерывномъ и довольно сильномъ возрастаніи. Что же будетъ со временемъ, когда содержаніе ея удвоится, когда явятся бібліотекари вдвое умнѣе и практичнѣе насъ? Неужели они воскресятъ въ ней систематическую разстановку, попоранную нами въ то время, когда во всей Германіи она

прочтѣтала? Неестественнаго въ подобной будущности ничего не предвидится, но возможнаго предвидится очень и очень мало.

Начавъ каталогизировать отдѣленіе искусствъ, я присматривался къ приемамъ старѣйшихъ, подвизавшихся въ историческомъ отдѣленіи, но потомъ, когда историки написали послѣднее заглавіе и Д. П. Бутурлина не стало, а у меня было сдѣлано немного, я все снова передѣлалъ и передѣлалъ потому, что новый директоръ бібліотеки, баронъ М. А. Корфъ, нашель почему-то болѣе удобнымъ позволить бібліотекарямъ размышлять и судить о томъ, что они дѣлають. Онъ, конечно, имѣлъ уже опредѣленный планъ дѣйствія, но всякое свое намѣреніе подвергалъ критикѣ бібліотечарей, и такимъ образомъ знакомился съ ними. Мы всѣ тогда были начинающими учениками, потому что въ прошломъ, послѣ тунелдства при А. Н. Оленинѣ, мы проработали 8 лѣтъ въ качествѣ писарей. О бібліологіи не было рѣчи. Кто изъ работавшихъ въ «Историческомъ отдѣленіи» былъ одаренъ способностью размышлять и наблюдать, тотъ, не смотря на то, что размышленія и наблюденія его не были вызываемы для пользы дѣла, все-таки наблюдалъ, все-таки размышлялъ, и если не сдѣлался бібліографомъ, то по крайней мѣрѣ получилъ значительную подготовку, чтобы сдѣлаться имъ впослѣдствіи. Были, конечно, и такіе, которыхъ сама природа отличила косностью. Они, какъ куколки, оставались запутанными паутиной машинальной переписки въ «Историческомъ отдѣленіи». Сквозь эту паутину они ничего не видѣли, кромѣ цифры, которую къ субботѣ должна была представить недѣльная ихъ работа. Они едва ли подвинулись сколько-нибудь въ бібліотечной работѣ, и, когда открылось поле для приложенія мысли къ дѣлу, то они... но всѣ они такіе милые, что я останавливаю мое о нихъ повѣствованіе.

В. Собољщиковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА ХВОЩИНСКАЯ.

(Изъ воспоминаній стараго журналиста).

В ЯНВАРЯ 1847 года я принялъ редакцію «Литературной Газеты», задумавъ возобновить изданіе этого листка, основаннаго, или скорѣе преобразованнаго А. А. Краевскимъ изъ «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду». Посвятить все свое время редакціи «Отечественныхъ Записокъ», Краевскій не могъ издавать вмѣстѣ съ тѣмъ еженедѣльную газету и прекратилъ ее, не лишаясь права собственности на свое изданіе. Въ доброе старое время это право не уничтожалось новыми «временными» правилами о печати, уже болѣе четверти столѣтія запрещающими всякій журналъ, не появившійся въ теченіе года. Изданіе возобновленной газеты взялъ на себя И. П. Песоцкій, болѣе юркій, чѣмъ предприимчивый книгопродавецъ, не обладавшій капиталами, но достаточно дѣятельный и ловкій, чтобы пріобрѣсти ихъ тамъ, гдѣ представится случай. Андрей Александровичъ отдалъ ему газету на самыхъ льготныхъ условіяхъ, съ уплатою небольшой суммы, когда изданіе достигнетъ извѣстной цифры подписчиковъ. Со мною, какъ съ юнымъ редакторомъ, условія заключены еще болѣе льготныя и газета явилась въ свѣтъ въ первый четвергъ 1847 года, украшенная подписями двухъ цензоровъ и одного редактора, заявившаго себя въ литературномъ мірѣ нѣсколькими журнальными статьями серьезнаго и беллетристическаго содержанія и нѣсколькими піесами, дававшими не безъ успѣха на подмосткахъ Александринскаго театра.

«Литературная газета» пошла недурно, конечно по причинѣ ея прежней извѣстности. Эта же причина вѣроятно повліяла и на

то, что редакція была завалена присылкою статей, особенно из провинціи. Предстояло не мало труда разбираться въ массѣ корреспонденцій. Болѣе всего свирѣпствовали поэты, и редакціи всѣхъ журналовъ могли убѣдиться еще съ двадцатыхъ годовъ, что ко всѣмъ эпитетамъ русской націи: твердой, выносливой, вѣрной, мужественной и т. п. положительно необходимо прибавить еще эпитетъ не поэтической — что было бы черезчуръ притязательно — а стихокропательной, даже не стихолюбивой, потому-что у насъ гораздо больше любятъ писать стихи, чѣмъ читать ихъ и въ этомъ отношеніи отечество наше является довольно любопытной страной, гдѣ писателей больше чѣмъ читателей. Поэтому современная критика напрасно жалуется, что нынче такъ много поэтовъ: ихъ было не меньше и въ прежніе годы. Только тогда они писали больше для себя и своихъ, а теперь считаютъ долгомъ знакомить соотечественниковъ съ плодами своего вдохновенія. Между множествомъ стихотворныхъ посланій, въ редакцію «Литературной Газеты» прислана была лѣтомъ цѣлая тетрадь изъ Рязани со стихами, подписанными неизвѣстнымъ въ литературѣ женскимъ именемъ. Хотя на столѣ редакціи возвышались кипы одиночныхъ стихотвореній, но правило: *place pour dames!* требовало немедленнаго одоленія болѣе чѣмъ полсотни пьесъ, писанныхъ мелкимъ, явно женскимъ, но въ то же время чрезвычайно своеобразнымъ почеркомъ. Съ недовѣрчивостью и предубѣжденіемъ, плодами горькой, редакторской опытности, принялся я за доставленную тетрадь — и съ первыхъ же строкъ былъ пораженъ несомнѣннымъ дарованіемъ поэтессы. Подъ формою стиха далеко не безукоризненнаго, мѣстами вовсе не отдѣланнаго, скрывалась вездѣ оригинальная мысль, высказывалось неподдѣльное, искреннее чувство. Это былъ положительный талантъ, самородокъ, алмазъ, въ которомъ надо было только кое-гдѣ сгладить шероховатость граней, чтобы онъ явился настоящимъ брилліантомъ. Въ десяти нумерахъ газеты я помѣстилъ почти всѣ присланныя стихотворенія и, въ концѣ октября, получилъ письмо безъ всякихъ «многоуважаемыхъ» въ заголовкѣ и безъ увѣреній «въ совершенномъ почтеніи и преданности», а подписанное просто: Н. Хвоцинская. Въ письмѣ, благодаря за помѣщеніе стихотвореній, она говорила: «посылаю вамъ еще нѣсколько пьесъ, но прошу только объ одномъ: печатать ихъ безъ измѣненія. Отдаваясь на судъ публики, мнѣ бы хотѣлось, чтобы она могла судить и достоинства мои, если она найдетъ ихъ, а равно и мои недостатки; вамъ угодно было прикрыть ихъ — благодарю за вашу свисходительность, за ваше вниманіе, но опять убѣдительно прошу васъ: не дѣлайте этого... Если вы найдете, что какое-нибудь изъ моихъ стихотвореній слабо и требуетъ болѣе внимательной отдѣлки — не печатайте его совсѣмъ, вашъ совѣтъ въ этомъ случаѣ будетъ лучшее исправленіе: онъ послужитъ мнѣ въ будущемъ». Въ этихъ словахъ,

непохожихъ на тѣ, какими современные поэты сопровождаютъ обыкновенно свои посланія къ редакторамъ, предоставляя ихъ глубокому знанію и опытности всякія поправки въ стихахъ — видна была своего рода гордость, увѣренность въ своихъ силахъ, съ трудомъ принимающая совѣты, а не исправленія. Я отвѣчалъ поэтессѣ, что если она права съ своей точки зрѣнія, то и я, какъ болѣе опытный въ литературѣ, могъ позволить себѣ незначительныя измѣненія нѣкоторыхъ выраженій, что публикѣ нѣтъ никакого интереса изучать недостатки писателя, особенно если эти недостатки легко устранимы, что никто не начиналъ прямо съ гениальныхъ созданій и въ стихотворствѣ есть своя техническая сторона, приобретаемая навыкомъ, болѣе зрѣлымъ взглядомъ, и которою нельзя пренебрегать, что, наконецъ, неровность грани, сглаженная ударомъ рѣзца, придаетъ болѣе блеску драгоценному камню. Не скажу, чтобы Надежда Дмитриевна сразу согласилась съ моими доводами; въ нѣсколькихъ письмахъ она оспаривала ихъ, возражала горячо и настойчиво и только послѣ многихъ указаній, основанныхъ на духѣ и свойствахъ русскаго языка, послѣ ссылокъ на лучшихъ нашихъ поэтовъ, примирилась съ необходимостью сглаживать неловкіе обороты и исправлять неясные эпитеты и бѣдныя рѣшмы. Но эта стилистическая переписка съ теченіемъ времени превратилась между нами въ постоянную корреспонденцію, продолжавшуюся до послѣднихъ годовъ и до переселенія Надежды Дмитриевны въ Петербургъ. Въ своихъ письмахъ, она касалась нерѣдко общественныхъ и литературныхъ вопросовъ, говорила о предметахъ, интересующихъ образованныхъ людей, объ эстетическихъ и критическихъ мнѣніяхъ, объ историческихъ фактахъ. Письма эти характеризуютъ, какъ тогдашнее время, такъ въ особенности симпатичную личность писательницы, ея взгляды и сужденія, объясняютъ многое, какъ въ ея произведеніяхъ, такъ и въ характерѣ. Къ сожалѣнію, письма эти, хотя ихъ и не мало, обнимаютъ собою только десятилѣтній періодъ нашего знакомства (1847—1857). Вся послѣдующая, гораздо болѣе обширная, корреспонденція была, пожеланію Надежды Дмитриевны, возвращена ей въ 1867 году, когда произошелъ переломъ въ ея жизни—и, какъ она писала мнѣ—уничтожена ею. Но выборка изъ ея первыхъ писемъ, вмѣстѣ съ ея критическими и другими статьями, помѣщавшимися въ моей «Иллюстрированной Газетѣ» и въ разныхъ изданіяхъ,—для полной характеристики писательницы, должна явиться какъ дополненіе къ изданію ея беллетрическихъ произведеній. Необходимо также издать и ея избранныя стихотворенія, мало извѣстныя и неоцѣненныя по достоинству. Неоцѣнила и вообще наша критика ни степени дарованія писательницы, ни ея значенія въ литературѣ. О ея романахъ и повѣстяхъ выказывались только короткія сужденія, стереотипныя похвалы, общія мѣста. При жизни ея объ ней явились только двѣ большія статьи:

одна въ «Женскомъ образованіи», другая въ «Вѣстникѣ Европы» г. Арсеньева. По смерти ея, болѣе серьезный, хотя и очень короткий очеркъ особенностей ея таланта сдѣланъ былъ г. Чуйко въ «Наблюдателѣ».

А талантъ этотъ, своеобразный и выдающійся, выказался въ ея первыхъ же произведеніяхъ. Большого труда стоило мнѣ убѣдить ее попробовать свои силы въ прозаическомъ разсказѣ. Видя, что форма стиха стѣсняетъ ее, что замкнутая жизнь поэтессы не даетъ достаточнаго простора лирическому настроенію, что ея индивидуальныя ощущенія и впечатлѣнія ограничиваются узкимъ семейнымъ кругомъ міровоззрѣнія, сторонящимся отъ общественныхъ интересовъ, я совѣтовалъ ей заняться сначала изображеніемъ провинціального быта. Что онъ былъ очень хорошо изученъ ею — свидѣтельствовали въ ея письмахъ многія меткія характеристики окружающихъ ее лицъ. Она долго не соглашалась выступить на литературное поприще въ роли романистки, но, наконецъ, прислала мнѣ первую свою повѣсть, которую я тотчасъ же отнесъ въ «Отечественныя Записки». «Литературная газета» въ то время уже не существовала: 1848-й годъ убилъ ее окончательно, и въ 1849 году она скончалась на тринадцатомъ номерѣ не отъ «независящихъ обстоятельствъ», а скорѣе отъ «равнодушія публики», которой ровно нечего было читать въ газетѣ, послѣ того какъ ее прочиталъ цензоръ Елагинъ, этотъ идеаль благонамѣреннѣйшаго цензorstва, непостижимаго для простого смертнаго, невозможнаго даже и по тому времени. Возобновленіе газеты стало немислимо послѣ того какъ въ томъ же апрѣлѣ редакторъ ея, въ одно прекрасное утро, часу въ четвертомъ, пробужденный отъ сладкихъ сновидѣній, былъ принужденъ, по случаю своего знакомства съ Петрашевскимъ, сдѣлать неожиданную поѣздку къ памяtnому зданію у Цѣпного моста, а оттуда черезъ Троицкій мостъ въ еще болѣе достопамятное зданіе съ историческими рavelинами...

Повѣсть Надежды Дмитріевны подъ названіемъ «Анна Михайловна» явилась въ июньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1850 г.; подписана она была псевдонимомъ В. Крестовскій. Почему именно эту фамилію писательница выбрала для своихъ повѣстей — она и сама не знала. Этотъ псевдонимъ послужилъ поводомъ къ другой, оригинальной перепискѣ между Над. Дм. и одной изъ ея поклонницъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ самомъ разгарѣ извѣстности писательницы, въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» получено было письмо изъ провинціи, съ просьбою передать его В. Крестовскому. Я послалъ письмо въ Рязань. Вскорѣ сама Над. Дм. пріѣхала въ Петербургъ и показала мнѣ это письмо, полное восторженныхъ похвалъ автору столькихъ прекрасныхъ произведеній. Между похвалами проскальзывало желаніе познакомиться съ авторомъ. Над. Дм. отвѣчала на это письмо, писала корреспон-

денткѣ и изъ Петербурга, послала ей визитную карточку съ именемъ «Владимира Михайловича Крестовскаго», которую я напечаталъ въ типографіи журнала. Переписка продолжалась. Я читалъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ и отвѣты на нихъ. Корреспондентка была, очевидно, очень молодая, неопытная дѣвушка, большая энтузіастка, легко увлекающаяся, и вскорѣ дошла въ своихъ восторгахъ къ автору до признаній въ нѣжномъ чувствѣ къ нему, сначала туманныхъ, а потомъ и открытыхъ. Отвѣты были очень умные, чисто литературные, даже холодные. Совѣтовали быть благоразумной, не увлекаться, различать любовь къ произведеніямъ писателя отъ поклоненія его личности, можетъ быть вовсе не привлекательной ни съ нравственной, ни съ физической стороны. Все было напрасно. Корреспондентка увлекалась все болѣе и болѣе, говорила о неотразимомъ влеченіи, о родствѣ душъ, о ничѣмъ непобѣдимой симпатіи. Крестовскій попробовалъ въ своихъ письмахъ прикинуться вертопрахомъ, петербургскимъ жуиромъ, говорилъ о своемъ непостоянномъ характерѣ, неспособномъ къ прочной привязанности, о своей разгульной жизни, намекалъ даже, что у него въ столицѣ не одна, а нѣсколько подругъ. Ничто не помогло. Энтузіастка отвѣчала, что никакія самообвиненія не заставятъ ее отказаться отъ своего глубокаго, искренняго чувства, говорила, что она свободна въ выборѣ своего сердца, что послѣдуетъ его влеченію, прибавляла, что она одна дочь у матери, помѣщицы одной изъ южныхъ губерній и мать дѣлаетъ все, что угодно дочери; наконецъ, прямо предлагались—сердце, рука, столько-то душъ и десятинь чернозема. Надежда Дмитриевна раскрыла тогда свой псевдонимъ, утѣшала, успокаивала бѣдную корреспондентку, просила у нея прощенія въ томъ, что позволила себѣ длить мистификацію долѣе чѣмъ слѣдовало. Отвѣтъ получился такого рода: «я давно слышала, что Крестовскій—женщина, но кто же этому повѣритъ?» Нужно было пустить въ ходъ неопровержимыя доказательства, чтобы разубѣдить энтузіастку. Она долго не могла утѣшиться, и о дальнѣйшей судьбѣ ея Надежда Дмитриевна ничего не узнала. Я совѣтовалъ ей написать разсказъ въ письмахъ изъ этой странной исторіи, — нѣкоторыя изъ писемъ обѣихъ корреспондентокъ были очень интересны въ литературномъ и психологическомъ отношеніи, но тонкое женское чутье и понятная деликатность чувства не позволили писательницѣ воспользоваться какъ литературнымъ матеріаломъ — этимъ романическимъ эпизодомъ своей жизни, о которомъ она долго вспоминала.

Я писалъ ей, что этимъ же псевдонимомъ режиссеръ Александринскаго театра Ник. Ив. Куликовъ подписываетъ свои водевили и не лишеныя остроумія стихотворенія, но она упорно держалась однажды принятаго ею рѣшенія и не измѣнила его даже и тогда, когда на ея разсказы обратила вниманіе вся чи-

тающая публика и когда явился настоящій Крестовскій, Всеволодъ Владиміровичъ, которому въ 1850-мъ году было десять лѣтъ. Упорство было если не отличительною, то весьма замѣтною чертою въ характерѣ Над. Дм. Съ трудомъ измѣняла она свои сужденія и намѣренія, и вліяніе надъ нею пріобрѣсти было не легко. Первая повѣсть ея была замѣчена публикою и въ концѣ года явилась въ томъ же журналѣ вторая—«Сельскій учитель», еще болѣе содержательная и оригинальная. Надъ нею порядочно потрудился цензоръ «Отечественныхъ Записокъ», Андрей Ив. Фрейгангъ, человѣкъ безспорно умный, далекій отъ елагинскихъ воззрѣній, доходившихъ до абсурда, но тѣмъ не менѣе неуступчивый, подозрительный, враждебно относившійся ко всякому выраженію, сколько-нибудь выходящему изъ общепринятаго, рутиннаго литературнаго языка, такъ мѣтко названнаго впоследствии Салтыковымъ—эпоповскимъ и рабскимъ. Произведенія Над. Дм. были, впрочемъ, такого рода, что не возбуждали цензурныхъ опасеній предосудительной смѣлостью мыслей и, благополучно пройдя сквозь Каудинскія фуркулы правительственнаго благочинія, не слишкомъ уродовались и калечились на Прокрустовомъ ложѣ официальной благонамѣренности. Писательница изображала картины провинціальной жизни, мелкіе интересы мелкихъ людей, съ которыми приходилось бороться выдающимся личностямъ, не мирившимся съ слишкомъ прѣсными семейными и общественными отношеніями. Таковы были темы послѣдующихъ произведеній Над. Дм., явившихся въ 1852 и 1853 годахъ, романа въ двухъ частяхъ «Ктожь остался доволенъ», трехъ повѣстей: «Искушеніе», «Еще годъ» и «Нѣсколько лѣтнихъ дней» и драматической сцены «Рѣшительный шагъ». Все это было написано прекраснымъ языкомъ, вѣрно подмѣчено, передано съ большимъ талантомъ, съ теплотою чувства, мѣстами съ увлеченіемъ, но кругозоръ автора былъ слишкомъ узокъ, содержаніе рассказовъ, характеристика лицъ, вращавшихся въ тѣсномъ кружку среднихъ классовъ нашей провинціи—слишкомъ бѣдно и однообразно. Авторъ не хотѣлъ изображать того, чего не видалъ, а онъ до того времени никуда не выѣзжалъ изъ своего родного города. Познакомиться съ Петербургомъ было необходимо. На мое приглашеніе пріѣхать сюда, отвѣтъ получился такого рода: для автора, конечно, интересно увидѣть столицу, хоть это и очень затруднительно, но надо еще знать: интересно ли столицѣ видѣть его, если лица, принимающія, по ихъ словамъ, большое участіе въ развитіи его таланта, не считаютъ нужнымъ ближе узнать его, въ личной бесѣдѣ, которую никогда не замѣнитъ самая усердная корреспонденція. Это было совершенно справедливо и, послѣ пятилѣтней усердной переписки, лѣтомъ 1852 года, я также никогда не выѣзжавшій изъ Петербурга дальше его окрестностей и заваленный журнальной работой, собрался, наконецъ, въ Рязань.

Желѣзная дорога, только-что открытая въ Москву, оканчивалась въ этомъ городѣ. Я провелъ въ немъ только сутки, хотя видѣлъ его въ первый разъ и отправился дальше черезъ Коломну, въ мальпостѣ. Оку пришлось переѣзжать на паромѣ. Рязань не привлекала меня ни своимъ историческимъ прошедшимъ, ни настоящимъ, довольно мизернымъ видомъ. Я спѣшилъ въ скромный, деревянный домикъ недалеко отъ соборной площади, за большимъ оврагомъ. Въ небольшой, чистой, но далеко не роскошно убранной комнатѣ меня встрѣтила дѣвушка не первой молодости, просто одѣтая, невысокаго роста, съ смуглыми, неправильными чертами лица, но съ большими, выразительными черными глазами. Встрѣча была простая, радушная, душевная. Мы разговорились какъ старые друзья, какими и были на самомъ дѣлѣ, хоть и не видали въ глаза другъ друга. Также скоро сошелся я и со всѣмъ семействомъ. Оно состояло изъ отца, начальника чего-то по вѣдомству государственныхъ имуществъ, матери, сохранившей и подъ старость привлекательныя черты польскаго типа, и двухъ сестеръ, Софьи и Прасковьи, моложе Надежды Дмитріевны. Былъ у нихъ еще младшій братъ, Кесарь, армейскій офицеръ, съ которымъ я познакомился позже. Онъ потомъ очень рано женился, скоро умеръ и оставилъ своихъ дѣтей на попеченіе старшей сестры. Вся семья приняла меня чрезвычайно радушно, какъ добраго, стараго знакомаго, и я сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ ея въ теченіе трехъ недѣль, которые провелъ въ Рязани въ кругу этого привѣтливаго, патріархальнаго семейства. Мы проводили вмѣстѣ цѣлые дни, гуляли, читали, ѣздили въ деревню ихъ родныхъ, въ Данковскій уѣздъ, совершили поѣздку въ Богословскій монастырь. Больше чѣмъ съ другими, я бесѣдовалъ, конечно, съ Надеждой Дмитріевной, стараясь ближе узнать ее, изучить особенности ея дарованія, познаній, своеобразнаго характера. Въ ея разговорѣ видны были философскій умъ, знаніе свѣта, большая начитанность, глубокая симпатія ко всѣмъ, кто страдаетъ и терпитъ, искреннее отвращеніе отъ всякой неправды, низости, насилья, гуманное отношеніе ко всѣмъ слабостямъ, ошибкамъ, заблужденіямъ, проступкамъ. Въ ней самой, какъ въ ея романахъ, не было ни желанія рисоваться, ни афектаціи, ни утрировки. Это была, дѣйствительно, натура, заслуживающая изученія. Какимъ образомъ она могла развиться въ глуши провинціи, въ средѣ далеко не избраннаго общества, въ семьѣ небогатой, чиновничьей, чуждой высшаго образованія? Отецъ былъ добродушный, весьма не глупый человѣкъ, но и по службѣ недалеко ушедшій и рано удалившійся въ отставку съ какими-то начетами по должности, которые отозвались потомъ тяжело на его матеріальномъ благосостояніи и были причиною того, что все семейство принуждено было вести самый скромный образъ жизни. Дмитрій Кесаревичъ вскорѣ же умеръ, далеко не достигнувъ старости. Мать отлично знала фран-

цузскій языкъ и передала это знаніе дочери. Но откуда развился у нея, получившей скромное, домашнее воспитаніе, поэтическій и литературный талантъ? Она много читала, самоучкой изучила въ совершенствѣ итальянскій языкъ. Ведя тихую семейную жизнь, почти никуда не выѣзжая, гдѣ она могла пріобрѣсти такое тонкое знаніе людей, сокровенныхъ психическихъ движеній? Какъ выработались у нея блестящій, своеобразный языкъ, правильный, гуманный взглядъ на жизнь, вѣрное пониманіе общественныхъ отношеній, слабостей, заблужденій? Откуда, наконецъ, у нея этотъ глубокій, совершенно не женскій умъ, составляющій отличительное свойство ея богато одаренной натуры? Этотъ, чисто философскій умъ, пробивающійся чуть не на каждой страницѣ ея произведеній свѣтлыми мыслями, оригинальными сужденіями, неожиданными выводами, выдвигаетъ ее далеко впередъ между современными литераторами, а между женщинами-писательницами ставить положительно на первое мѣсто въ ряду всѣхъ 1286-ти умершихъ и здравствующихъ дамъ, перечисленныхъ въ «Словарѣ русскихъ писательницъ» кн. Голицына.

Понимая необходимость изученія болѣе обширнаго класса людей и сближенія съ литературнымъ, интеллигентнымъ и свѣтскимъ обществомъ, Надежда Дмитриевна, уже въ концѣ того же 1852 года, пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ, какъ и въ Москвѣ, были у нея родные, принадлежавшіе къ высшему кругу. Они благосклонно относились къ родственницѣ, имѣвшей уже почетное имя въ русской литературѣ. Одна изъ кузинъ писательницы была очень близкимъ лицомъ къ канцлеру Горчакову. Въ ея салонѣ я встрѣчалъ и блестящихъ придворныхъ и русскаго посланника, горячо отстаивавшаго на вѣренномъ ему посту—нѣмецкіе интересы, и жену его, претендовавшую на роль политической дамы Эгеріи, министра иностранныхъ дѣлъ враждебной намъ державы. Усерднымъ почитателемъ являлся тутъ и скромный по виду, хотя важный по чину, одинъ изъ будущихъ министровъ не русскаго происхожденія, отличавшійся потомъ такими же не русскими взглядами на управление своимъ министерствомъ. Къ сожалѣнію, писательница не выводила эти любопытные типы въ своихъ романахъ, рѣдко изображая въ нихъ лица, принадлежащія къ высшимъ административнымъ кругамъ. Но сфера ея наблюдательности замѣтно расширилась и въ послѣдующихъ ея произведеніяхъ стали уже появляться петербургскіе типы, очерченные не менѣе удачно, чѣмъ провинціальныя. Въ 1854 году она напечатала романъ въ трехъ частяхъ «Испытаніе», а въ 1856 г. два романа «Послѣднее дѣйствіе комедіи» и «Свободное время», занявшіе пять книжекъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ томъ же журналѣ печатались и ея стихотворенія, а въ «Пантеонѣ» драматическая фантазія «Джуліо» и повѣсть въ стихахъ «Деревенскій случай», вышедшая потомъ и от-

дѣльной книжкой. Но къ похваламъ, какими до того времени осыпали писательницу, присоединились и осужденія. На одно изъ ея стихотвореній, помѣщенное въ «Отечеств. Запискахъ» и начинавшееся стихами: «солнце сегодня за тучею черной такой закатилось... Страшно, проглянетъ ли завтра оно?» «Новый поэтъ» «Современника» и старый хлыщъ Панаевъ тиснули пародію, въ которой успокоивалъ поэтессу увѣреніями, что солнце встанетъ и на другой день, какъ всегда, по заведенному порядку. Дальше этого заведеннаго порядка глубокомысленный критикъ ничего не понялъ въ глубоко-прочувствованной пьесѣ и его глумленіе вызвало въ «Пантеонѣ» замѣтку о томъ, что фактъ ежедневнаго солнечнаго восхода извѣстенъ, вѣроятно, и не одному господину Панаеву. При этомъ приводился извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Наполеону I болтливый мэръ началъ говорить рѣчь: «солнце, освѣщавшее когда-то Александра Македонскаго...» но императоръ прервалъ его словами: «то же солнце освѣщаетъ и всѣхъ дураковъ». О поэмѣ «Деревенскій случай» «Современникъ» далъ такой отзывъ: «прочитавъ до конца и, признаемся, не безъ труда произведеніе г-жи Хвоцинской, мы невольно задали себѣ вопросъ: почему все это написано стихами, а не прозой?» На этотъ странный вопросъ можно бы отвѣчать другимъ: почему самъ г. Панаевъ пишетъ не только стихи, но и прозу? Но онъ писалъ только пародіи, глумился надъ выдающимися произведеніями, тогда какъ другой бездарный поэтъ, но заслуживающій полнаго уваженія библіографъ и издатель, Гербель, въ своемъ сборникѣ «Русскихъ поэтовъ въ біографіяхъ и образцахъ», называя стихотворенія г-жи Хвоцинской прекрасными, позволилъ себѣ, цитируя ихъ, исказить урѣзками, отбрасывая начало и конецъ пьесы, значеніе которой теряется именно отъ этихъ сокращеній. Въ томъ же изданіи этотъ усердный, трудолюбивый, но не одаренный эстетическимъ вкусомъ писатель, только по поводу послѣднихъ произведеній Надежды Дмитріевны рѣшился сказать, что за нею утвердилось окончательно имя первой изъ русскихъ беллетристокъ, «еще колебавшееся между нею и Маркомъ Вовчкомъ». Надо было обладать очень мелкимъ литературнымъ и критическимъ чутьемъ, чтобы сравнивать бѣдные по мысли и содержанію рассказы М. Вовчка съ огромнымъ дарованіемъ В. Крестовскаго.

Съ возрожденіемъ въ 1857 году «Иллюстраціи» подъ моею редакцію, Надежда Дмитріевна приняла въ ней дѣятельное участіе, помѣщала свои стихотворенія, писала отзывы о новыхъ книгахъ, о художественныхъ произведеніяхъ. Она очень недурно рисовала и набрасывала нерѣдко акварелью, сепією, карандашемъ, содержательные эскизы. Черезъ десять лѣтъ ея литературной дѣятельности, А. А. Краевскій издалъ въ 1859 году шесть томовъ ея романовъ и повѣстей; седьмой и восьмой вышли позже, какъ до-

полненіе. Изданіе было плохо въ типографскомъ отношеніи и расходилось туто, но она продолжала работать также быстро и неутомимо. Литературный заработокъ давалъ ей возможность помогать своему семейству, находившемуся по смерти отца въ стѣсненномъ положеніи. Надежда Дмитріевна горячо любила свою семью, ничего для нея не жалѣла, жила только для нея и, не желая разстаться съ нею, не хотѣла переселяться въ Петербургъ. Мать въ послѣдніе годы потеряла зрѣніе и дочь ходила за нею съ непримѣрнымъ самоотверженіемъ. Ея любящая, сильно чувствующая натура, хотя и сосредоточенная въ себѣ, доходила до героизма въ привязанности къ сестрѣ и матери. Когда Софья Дмитріевна, уже составившая себѣ имя въ литературѣ, подъ псевдонимомъ Весеньева, а въ живописи портретомъ художника Ал. А. Иванова, бывшемъ на академической выставкѣ—умерла почти внезапно, въ 1865 году, отъ мучительной болѣзни, Надежда Дмитріевна пришла въ такое отчаяніе, что внушала сильныя опасенія за расстройство ея здоровья. Потеря любимой сестры произвела такое гнетущее впечатлѣніе на ея до крайности разстроенное воображеніе, что она рѣшилась на поступокъ, поразившій своею неожиданностью всѣхъ, знавшихъ ее. Не задолго до смерти Софьи Дмитріевны, въ Рязани поселился сосланный туда изъ Варшавы, замѣшанный въ возстаніи 1863 года, молодой полякъ, докторъ Заіончковскій. Онъ познакомился съ семействомъ Хвоцинскихъ и началъ лечить больную. Но болѣзнь не уступала никакимъ медицинскимъ средствамъ. Когда была потеряна всякая надежда, умирающая сказала сестрѣ, что докторъ признался въ томъ, что полюбилъ Надежду Дмитріевну. «Мы не можемъ достаточно вознаградить его за безкорыстное леченіе, за самоотверженный уходъ во время болѣзни,—говорила Софья Дмитріевна,—заплати ему за все, выйдя за него замужъ. Сдѣлай его счастливымъ хоть на короткое время, потому что ты знаешь также какъ и онъ самъ, что у него чахотка въ послѣднемъ градусѣ». Желаніе сестры Надежда Дмитріевна считала священнымъ завѣтомъ, и странный бракъ былъ совершенъ, несмотря на то, что невѣста перешла уже возрастъ опредѣляемый для замужества и была гораздо старше жениха. Отправленный вслѣдъ затѣмъ врачами въ южную Европу, докторъ не доѣхалъ до мѣста назначенія и умеръ въ Марсели.

Этотъ эпизодъ частной жизни писательницы, о которомъ она не любила вспоминать, не отразился на ея произведеніяхъ, пріостановившихся только со смертью сестры. Послѣ повѣстей «Баритонъ» и «Въ ожиданіи лучшаго» (послѣдняя—въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года), явились въ 1868 году и слѣдующемъ: «Два памятныхъ дня» и «Первая борьба». Сильное впечатлѣніе произвелъ въ особенности романъ «Большая Медвѣдица», напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» 1870 года,—это едва ли не лучшее произве-

деніе Надежды Дмитріевны. Высоко-художественною отдѣлкою подробностей замѣчательны также рассказы, печатавшіеся въ томъ же журналѣ 1874—75 г. подъ общимъ названіемъ «Альбомъ, группы и портреты» и послѣдніе очерки, помѣщенные въ «Отеч. Запискахъ» въ началѣ 80-хъ годовъ и затрогивающіе наше нигилистическое движеніе. Переселившись въ это же время, по смерти матери, въ Петербургъ, романистка продолжала усердно работать, несмотря на приближающуюся старость, много переводила съ итальянскаго, посылала критическія статьи и литературныя монографіи въ разныя газеты. Жизнь вела она почти затворническую, видясь только съ немногими старыми пріятельницами, съ немногими лицами журнальнаго міра. Средства ея къ жизни были очень скромны. Ее поддержало нѣсколько новое полное собраніе ея сочиненій, предпринятое А. С. Суворинымъ, гдѣ систематизированы всѣ ея произведенія. Но и этотъ сборникъ расходился не бойко и только одинъ томъ его «Альбомъ, группы и портреты» вышелъ вторымъ изданіемъ—и то уже по смерти автора.

Смерть эта была неожиданною, хотя Надежда Дмитріевна никогда не отличалась крѣпкимъ здоровьемъ. Въ молодости она страдала болѣзнью сердца, увеличившеюся отъ куренья, но прекратившеюся какъ скоро она бросила эту вредную для нея привычку, и хотя вернулась къ ней въ старости, но въ могилу свела ее болѣзнь не грудной, а желудочной области—какъ ея сестру. Тѣмъ не менѣе смерть писательницы и ея похороны были поразительны по своей обстановкѣ. Переѣхавъ на дачу въ Петергофъ, чтобы подышать лѣтомъ чистымъ воздухомъ, Надежда Дмитріевна умерла почти внезапно, на рукахъ подруги, уже нѣсколько лѣтъ дѣлившей съ ней ея уединеніе. Съ трудомъ собраны были не большія средства на сколько-нибудь приличное погребеніе. Ни общество, ни литература не позаботились о томъ, чтобы достойно почтить память первой русской писательницы—въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Рѣзкое порицаніе этого равнодушія явилось только въ провинціальныхъ газетахъ. Вотъ какіе справедливые упреки высказалъ столицѣ «Южный Край»:

«Наше образованное общество»... Иногда такъ пишутъ серьезно, безъ кавычекъ, не въ насмѣшку. Но вѣдь «образованное общество» умѣетъ цѣнить заслуги, даже и самыя не большія, но вѣдь образованное общество слѣдитъ за духовной жизнью своей родины, въ чемъ бы она, эта духовная жизнь, ни выражалась... А «наше образованное общество»... къ нему-то именно болѣе всего можно примѣнить слова Гамлета:

«Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ»...

«Да хотя бы «презрѣніе», а то просто не знаютъ: читаютъ газеты, да романы, какіе подъ руку попадутся. Вотъ почему такія писательницы, какъ умершая надняхъ Крестовская-псевдонимъ, проходятъ рѣшительно незамѣченными. На похоронахъ всего на все было нѣсколько литераторовъ; въ домѣ послѣ

покойной писательницы всего восемьдесят копѣекъ осталось, такъ что если бы не прислалъ литературный фондъ сто рублей, да редакция «Вѣстника Европы» столько же, то и похоронить не на что было бы. Картина знакомая! По обыкновенію, «образованное общество» отсутствовало, въ обширѣйшемъ смыслѣ слова: «словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, вѣденіемъ и невѣденіемъ».

«А вѣдь Крестовская была не послѣдней спицей въ колесницѣ; вѣдь ея произведенія такъ «обращали на себя вниманіе», выражаясь языкомъ журнальных рецензій. Была она, эта Крестовская, писателемъ, настоящимъ писателемъ, однимъ изъ «хранителей огня на алтарѣ»—и вотъ, похоронили ее, какъ нищую, да и то потому, что вступились литературный фондъ да редакция «Вѣстника Европы»...

«Странная она была писательница, эта Крестовская. Подчинялась она всякимъ «вѣяніямъ» и «вліяніямъ», но талантъ у нея былъ живой и живенный, наблюдательностью она обладала тонкою, чувствомъ отзывчивымъ и изящнымъ. За это ее цѣнили не только сторонники того образа мыслей, котораго она придерживалась, но и противники ея взглядовъ. Мы помнимъ сочувственные отзывы о ея произведеніяхъ, появившіеся даже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Талантъ у нея былъ несомнѣнный и живой—и вотъ этого-то таланта не сумѣло оцѣнить «наше образованное общество». Вотъ что обидно. Будто у насъ уже такъ много талантовъ, что хотя бы одинъ, хотя бы самый небольшой, можно пропускать мимо? «Жестокіе нравы въ нашемъ городѣ, сударь», какъ говоритъ Кулигинъ въ «Грозѣ» Островскаго.

«Тѣмъ болѣе обидно это равнодушіе къ Крестовской, что у насъ женщины-то писательницы и вовсе нѣтъ: одна она и была. И хорошо «дамъ» описывала: всю подноготную знала; и недолюбливала же покойница эту, описанную ею много разъ и въ разнообразныхъ видахъ, «интеллигентную» даму—и видѣла она насквозь, что скрывается подъ этою «интеллигентностью». Эти типы особенно ярки у Крестовской—и уже за одно это она заслуживаетъ величайшей благодарности: за это соскабливаніе, такъ сказать, «интеллигентности», за это обличеніе нашего женскаго воспитанія, создающаго базарныхъ тарговокъ, облеченныхъ въ костюмъ «интеллигентныхъ» дамъ, за это обличеніе «дамскаго» бездѣльничанья, этого «интеллигентнаго» «препровожденія времени»,—за это обличеніе и притомъ художественное, черстваго эгоизма, прикрытаго нервной сентиментальностью, тонкой «чувствительности», свидѣтельствующей объ отсутствіи чувства,—звѣринныхъ инстинктовъ, замаскированныхъ личиною «семейныхъ добродѣтелей»...

«Но мы коснулись лишь отрицательной стороны произведеній покойной писательницы. Была у нея и положительная сторона. Она выражалась не такъ ярко. Но и здѣсь просачивалось теплое чувство, человѣчное отношеніе ко всему падшему и угнетенному, стремленіе найти въ человѣкѣ хоть что-нибудь доброе, хотя одну черту, примиряющую съ нимъ... И этою стороною своихъ произведеній Крестовская, конечно, могла бы благотворно вліять на «наше образованное общество», среди котораго самая распространенная мораль—это папуасская мораль, гласящая: «хорошо украсть чужого вола—дурно, если украдутъ твоего».

Мы сдѣлали эту длинную выписку, изъ которой исключили болѣе рѣзкія мѣста, какъ потому что наша столичная печать обращаетъ, вообще, мало вниманія на литературныя мнѣнія провинціи, такъ и потому, что въ сужденіяхъ харьковской газеты вы-

сказывается вѣрный взглядъ на отличительныя стороны дарованія романистки. Петербургскіе органы печати, даже и по смерти писательницы, не сочли нужнымъ представить оцѣнку писательницы. Лучшіе отзывы помѣщены во «Всемирной Иллюстраціи» и «Сѣверѣ». Первая газета сдѣлала вѣрное замѣчаніе, что талантъ Хвоцинской не поражалъ, не увлекалъ читателя сразу, не исчерпывалъ мысль со всѣхъ сторонъ, но ему присуще спокойное творчество, безъ увлеченій, безъ стремительныхъ успѣховъ. Такіе таланты, ровные, умѣренные въ самомъ вдохновеніи, благоразумно распоряжающіеся своими средствами и потому никогда не истощающіеся, пріобрѣтаютъ симпатію читателей постепенно, привлекаютъ къ себѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе знакомишься съ ними. Въ статьѣ газеты «Сѣверъ» критикъ различаетъ два періода въ дѣятельности романистки: одинъ, оканчивается романомъ «Въ ожиданіи лучшаго», изображающимъ жизнь большого свѣта, гдѣ нѣтъ ни крупныхъ злодѣйствъ, ни голой грязи, но такая же душная и мертвящая атмосфера, какъ въ провинціальномъ мірѣ, изображенномъ въ первыхъ рассказахъ, гдѣ автору особенно удалось отрицательные типы: семейные деспоты, неисправимые фразеры, жестокосердые эгоисты обоого пола, закоснѣлые въ предрасудкахъ невѣжды, слабохарактерныя созданья, вообще всякіе дрянные люди, какими кишитъ провинція. Во второмъ періодѣ своей дѣятельности, раздвинувъ шире рамки своего міросозерцанія, романистка разрабатываетъ такіе общественные вопросы, которыхъ она почти не касалась раньше, вращаясь преимущественно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Напрасно только критикъ считаетъ слишкомъ мелкими ея послѣдніе рассказы, дѣйствительно незначительнаго объема, но всегда глубокіе по мысли, замѣчательные по художественной отдѣлкѣ характеровъ. Но еще болѣе несправедливъ къ писательницѣ критикъ «Нивы», утверждающій, что, увлекшись вліяніями шестидесятыхъ годовъ, Надежда Дмитріевна стала затрогивать въ своихъ романахъ такіе общественные вопросы и мотивы, которые шли въ разрѣзъ съ требованіями чистаго искусства; «она нерѣдко рѣшала ихъ крайне односторонне и старалась выдвигать впередъ тенденцію, хотя и модную, но узкую, фальшивую». Съ такимъ сужденіемъ, конечно, не согласится никто, близко знакомый съ произведеніями романистки. За то «Нива» дала лучшій портретъ Надежды Дмитріевны вмѣстѣ съ ея автографомъ и фототипіей одного изъ ея рисунковъ. Не дуренъ также ея портретъ въ «Сѣверѣ», гораздо хуже въ «Живописномъ Обзорѣніи», но во «Всемирной Иллюстраціи» просто невозможенъ, и напоминаетъ почти карикатуру, помѣщенную въ итальянскомъ словарѣ современныхъ писателей Анджело де-Губернатиса, въ біографіи синьоры Hvostchinsky.

Въ мой очеркъ Надежды Дмитріевны Хвоцинской, какъ жен-

щины и писательницы, не входитъ оцѣнка ея произведеній. Это заняло бы слишкомъ много времени и мѣста. Авторъ 8-ми большихъ романовъ, 22-хъ повѣстей и 13-ти мелкихъ очерковъ, сценъ и рассказовъ, не говоря уже о ея стихотворныхъ опытахъ, ждетъ еще серьезной и всесторонней оцѣнки своего выдающагося и разнообразнаго таланта. Но чтобы дать понятіе объ отзывчивости этого таланта на всѣ «злобы дня», скажемъ нѣсколько словъ о ея послѣднемъ рассказѣ, явившемся въ январѣ нынѣшняго года въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Объ этомъ рассказѣ ни одно изъ нашихъ періодическихъ изданій не обмолвилось ни словомъ. Въ той же газетѣ, уже по смерти автора, явилась превосходная характеристика Жанъ-Поля Рихтера, принадлежащая къ серьезнымъ критическимъ этюдамъ Надежды Дмитриевны. Оригинальный рассказъ ея называется «Вьюга». Въ глухомъ поселкѣ «не столь отдаленныхъ мѣсть», у бѣднаго дьячка живетъ поселенецъ, «человѣкъ поконченный». Молодость его оборвана семь лѣтъ тому назадъ. Трудъ и знаніе, животворящіе идеалы, настойчивыя стремленія, страстные порывы, общеніе съ лучшими людьми, ихъ совѣтъ и руководство, поддержка честной дружбы, беззаботное веселье товарищества, неясныя мечты еще неизвѣданной любви—гдѣ все это?.. Да ужъ и было ли это?» Ссылный вспоминаетъ, какъ вслѣдъ за нимъ, въ томъ же году, пріѣхала къ нему мать, но скоро умерла, не вынесла такой жизни. Да и онъ получилъ чахотку. Вдругъ въ эту глушь, въ ноябрьскую вьюгу, пріѣзжаетъ его бывший товарищъ Заборовскій, съ молодой женою, почти дѣвочкой, энтузиасткой, вздумавшей совершить свадебное путешествіе късылному Вотякову, хотя прежде никогда не видала его. Но Заборовскій говорилъ, что онъ его другъ, «у нихъ все было за одно, они вмѣстѣ пропадали, но его Богъ помиловалъ». Онъ рассказывалъ, что его, какъ присяжнаго повѣреннаго, выписалъ въ Сибирь богатый заводчикъ, дочь котораго, рано потерявшую мать, воспитывалъ мастеръ-англичанинъ, дасылный полякъ. Когда старые товарищи остаются одни, Заборовскій очень развязно признается, что хотя они и не сходились въ убѣжденіяхъ и не были на ты, но онъ воспользовался тѣмъ, что исправникъ, пріѣхавшій къ заводчику, расхваливалъ Вотякова,—и сталъ увѣрять молодую энтузиастку, за которой неудачно ухаживалъ, что былъ съ нимъ другъ, раздѣлялъ его убѣжденія и вмѣстѣ пострадалъ. «Я долженъ быть тебѣ благодаренъ,—прибавляетъ онъ: отчасти одолженъ тебѣ—какъ это говорится?—моимъ семейнымъ счастьемъ, любовью и прочее. Твое имя все рѣшило. Я не теряя времени—къ папашѣ. Вообрази: не польщенъ! Но я вытащилъ его тогда изъ петли и не перешелъ на другую сторону. Удалось. Только денегъ плутъ не даетъ въ руки; приходится ублажать дочку до поры до времени. Везу ее въ Питеръ. Схватимъ кусо-

чекъ желѣзно-дорожной концесіи». Вотяковъ пораженъ такою наглостью. «Вы забыли,—кричалъ онъ,—что я не хотѣлъ васъ знать! Повторить, что я сказалъ вамъ въ лицо?»—Некогда, любезнѣйшій, да и неучтиво: я съ дамой! Воздержитесь!—Возвращается жена, бесѣдовавшая съ хозяевами. Она находитъ, что Вотяковъ очень блѣденъ, что его надо перевести, гдѣ потеплѣе да получше. «Вѣдь можно тамъ напомнить про него. Неужели не сдѣлають? Я сама пойду просить». Заборовскій отвѣчаетъ, что изъ такихъ избъ прямо въ Петербургъ не перелетаютъ и идетъ готовить все къ дальнѣйшему путешествію. «Любишь ли ты его?»—спрашиваетъ онъ.—Боюсь,—отвѣчаетъ она и обращается къ его положенію: «знаешь, что всего ужаснѣе? Вотъ ты теперь радъ, тебѣ весело, будто темноту разорвало, свѣтъ проглянулъ на минутку. И ты знаешь, что это на минуту, что сейчасъ темнота опять все заволочетъ, все уходитъ, не воротится, а завтра и дальше все такая же тьма, пустота, безконечность... И все уплываетъ, а надежды нѣтъ». Ему же приходится утѣшать ее. Она составляетъ планъ какъ купить деревню, въ теплѣ, въ цвѣтахъ, гдѣ они будутъ жить вмѣстѣ, радоваться, дѣлать всякому добро. Она осматриваетъ его уголокъ, находитъ книгу со стихами:

«Будь мы угодны предъ царемъ созданья,
 «Мы бъ помолились о тебѣ за то,
 «Что жалостливъ ты къ грѣшному созданью».

Это переводъ стиховъ изъ пятой пѣсни дантовскаго «Ада», взятыхъ эпиграфомъ къ разсказу. Оканчивается онъ также печально, какъ и начался. Вотякинъ умираетъ весною. «Молодая женщина умирала также черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ вьюгой померанцовыхъ цвѣтовъ, въ далекой чужой сторонѣ, куда ее роскошно отправили «поправляться». «Видно есть созданія, для которыхъ острая житейская толкотня, сытая, жадная, бессмысленная, безжалостная, для которыхъ существованіе безъ привѣта и человѣческаго слова—тяжки столько же, сколько снѣговая вьюга».

И эти поэтическія строки, эти потрясающія сцены, полная драматизма и трезвой житейской правды, согрѣтыя теплымъ чувствомъ милосердія къ забытымъ, къ страждущимъ,—писала шестидесяти-четыре-лѣтняя женщина за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти. И эта женщина, сама немного знавшая радостей въ жизни, никогда не измѣняла своимъ гуманнымъ убѣжденіямъ, своему искреннему, глубокому сочувствію къ униженнымъ и оскорбленнымъ, ко всему высокому, прекрасному, сомоотверженному. Иные могутъ называть этотъ эскизъ — который любой борзописецъ растянулъ бы въ многотомный романъ — тенденціознымъ, фальшивымъ, либеральнымъ, проникнутымъ вѣяніемъ шестидесятихъ годовъ. Но Надежда Дмитріевна принадлежала къ пи-

сателямъ сороковыхъ годовъ и уже въ то время высказывала тѣ же убѣжденія, какъ въ теченіе всей ея свыше сорокалѣтней, честной, плодотворной литературной дѣятельности... Народится же наконецъ въ русской журналистикѣ серьезный критикъ, который достойно оцѣнить яркій, симпатичный, своеобразный талантъ первой русской писательницы—Надежды Дмитриевны Хвощинской.

Вл. Зотовъ.

РЯЗАНСКИЙ АРХИЕПИСКОПЪ МИСАИЛЬ.

В ЭПОХУ наибольшаго развитія тамбовской колонизаціи, въ XVII вѣкѣ, мѣстные инородцы: татары, мордва и мещера, постепенно и массами стали принимать православіе. Иногда это движеніе было вынужденное и, слѣдовательно, болѣе или менѣе притворное, когда на сцену являлись не миссіонеры, а воеводы и другіе служилые люди. Иногда же наши инородцы охотно и съ полною искренностію принимали крещеніе. Это было, конечно, тогда, когда за дѣло брались такіе свѣтлые и энергичные люди, какъ, напримеръ, знаменитый архіепископъ Мисаиль.

Рязанскій архіепископъ Мисаиль (онъ же управлялъ и нынѣшнюю тамбовскую епархію), любимецъ и ставленникъ патріарха Никона, безъ всякаго сомнѣнія, былъ главнымъ просвѣтителемъ нашихъ инородцевъ. Мисаиль прибылъ въ свою епархію въ 1652 году и сразу обратилъ особенное вниманіе на религіозно-нравственную жизнь своей разноплеменной паствы. Его въ особенности огорчала крайне нетрезвая жизнь духовенства окраинъ тогдашней Рязанской епархіи, именно, уѣздовъ: Шацкаго, Тамбовскаго, Кадомскаго и Темниковскаго. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ городскіе и сельскіе пастыри не только упивались виномъ дома, но свободно расхаживали по кабакамъ и заѣзжимъ дворамъ. Многіе священники, пренебрегая пастырскими обязанностями, занимались отхожими промыслами: рѣчными, лѣсными и торговыми. А церкви Божіи подолгу стояли безъ пѣтя-четья, прочитатъ и пропѣтъ было некому. Когда же промышленники-священно-служители возвращались изъ своихъ промышленно-коммерческихъ экскурсій домой и приходили

въ свои церкви, то вели себя неблагочинно и пьяно, читали и пѣли не единоголосно, а голоса въ два и въ три. Въ то же время многія духовныя лица, подобно мордвѣ, одѣвались въ зипуны съ ожерельями, а нѣкоторые вдовцы-священники вступали во вторые браки. Вслѣдъ за духовенствомъ шли и міряне и даже превосходили его своими пороками. Многіе мірскіе люди тамбовскаго края лѣтъ по 30—40 и болѣе не бывали у исповѣди и св. причастія. Между тѣмъ въ храмовые праздники, бывая другъ у друга, они предавались безмѣрному и душепагубному пьянству по недѣлѣ и болѣе, при чемъ къ приходскимъ храмамъ, для цущаго веселья, приходили скоморохи съ медвѣдями, гудками, бубнами, волынками, домрами, а надъ всѣмъ этимъ дикимъ весельемъ, по словамъ современныхъ актовъ, поощрительно раздавалась шумная и сквернословная брань пьяныхъ безумцевъ, позорившихъ родную рѣчь дикими, бессмысленными и смрадными словами... Подгулявшіе добрые русскіе молодцы, а вслѣдъ за ними иноземная мордва и татарва, входили въ церковныя ограды и ожесточенно, смертно бились на кулачки, или же, пріютившись въ какомъ-либо уголкѣ церковнаго двора, азартно съ искаженными жадностію и злобою лицами играли въ зернь, карты, шахматы и разныя другія игры. Сюда же являлись знахари и ворожеи гадать про будущее и творить надъ больными и надъ дѣтьми разныя чары, и тутъ-то, по словамъ нашихъ источниковъ, сшивалась лесть, сплетались козни, разлучались съ отцами и матерями любимыя дѣти, съ женихами—невѣсты, и были великіе вредъ и погубленіе людямъ¹⁾. Не особенно покорно въ нашей сторонѣ справляли день Рождества Христова. Въ этотъ день старики, мужики и парни сходились къ женщинамъ для чародѣйства, бл... и кобылокъ. Вообще же въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена всѣ наши жители, при крайнемъ религіозномъ индефферентизмѣ, тщательно соблюдали всѣ суевѣрные обычаи: святочные, весенніе, купальскіе и иные. А которые люди крестились, говорится въ нашихъ документахъ,—изъ мордовскіе вѣры въ крестьянскую вѣру, и тѣ въ домѣхъ своихъ жили съ некрещеными женами и дѣтьми, съ братьями и съ сестрами, и святыя посты и среды и пятки не имѣли и въ церковь Божию не ходили и отцовъ у себя духовныхъ не имѣли²⁾.

Прибывъ въ свою разноязычную и нравственно-неустойчивую епархію, архіепископъ Мисаилъ немедленно обратился къ своей рязанской и тамбовской паствѣ съ увѣщательною грамотою, которая свидѣтельствуетъ о немъ, по ея простотѣ, силѣ и искрен-

¹⁾ Рукопись, которою мы въ данномъ случаѣ пользовались, хранится въ Темниковскомъ соборѣ.

²⁾ Ibid.

ности, какъ о пастырѣ того нравственно-высокаго и умственно-свѣтлаго типа, какими была столь обильна древняя малокнижная, но сильная духомъ непоколебимой вѣры наша Русь... Эту грамоту я привожу съ самыми незначительными сокращеніями.

«Благословеніе великаго господина, — писалъ нашъ архипастырѣ, — преосвященнаго Мисаила... всѣмъ игуменамъ, и соборнымъ и городскимъ и посадскимъ и уѣзднымъ попомъ и дьякономъ нашея Рязанскія архієпископіи, Шацкія и Кадомскія десятины. Указалъ мнѣ, богомольцу своему, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, по избранію великаго господина и стца нашего святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи и всего освященнаго собора, быти въ Переяславлѣ Рязанскомъ архієпископомъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ молили всецѣдраго Господа Бога и Пречестую Богородицу и всѣхъ святыхъ о многолѣтнемъ здравіи царскомъ, царя Алексѣя Михайловича, и христоролюбивой царицы Марьи Ильиничны и о его государевыхъ сестрахъ и о его государевѣ дщери. И подалъ бы Господь великому государю свыше побѣду и одолѣніе на вся видимые и невидимые враги, и царство бѣ его безмятежно устроилъ, да и насъ бы сыновѣмъ нашего смиренія во святыхъ своихъ молитвахъ въ забвеніи не учинить. Да вы бѣ игумены у себя въ монастыряхъ на погребѣхъ и на ледникахъ и въ кельяхъ вина и пива и медовъ хмѣльныхъ и брагъ пьяныхъ не держали, и въ вотчинахъ бы своихъ монастырскихъ заказъ крѣпкій учинили, чтобы крестьяне къ праздникамъ вина не курили, пиво и брагъ не варили и медовъ хмѣльныхъ не ставили. А будетъ въ которыхъ монастыряхъ сыщется хмѣльное питье и мы указали на тѣхъ править пеню по государеву указу и грамотѣ. А вы бѣ, соборные и иные священники и дьяконы, потому жъ хмѣльнаго питья въ домѣхъ своихъ не держали и по кабакамъ не ходили бѣ и въ иныхъ мѣстахъ нигдѣ не пили. А въ церквахъ бы Божіихъ вездѣ у васъ во вся дни безъ всякаго церковнаго пѣнія не было, и дѣтей бы своихъ духовныхъ учили страху Божію и на кабакъ имъ ходить не велѣли и всякаго хмѣльнаго питья держать заказали. А будетъ учнутъ попы насъ ослушаться и заливаться и церкви Божіи будутъ у нихъ безъ пѣнія, и вы бѣ, игумены, тѣхъ пьяныхъ поповъ и дьяконовъ и церковныхъ дьячковъ велѣли имать и сажать въ смиренье..., и выпустя послѣ шести недѣль имали бѣ по нихъ крѣпкія поруки съ записми. А въ церквахъ Божіихъ пѣть и говорить имъ, понамъ дьяконамъ и церковнымъ дьячкамъ, единогласно. А будетъ которые попы и дьяконы учнутъ въ церквахъ пѣть и говорить не единогласно, и тѣмъ служить не велѣти и отъ церквей отказывати, и о томъ бы есте къ намъ писали, и мы учнемъ къ тѣмъ церквамъ по своему разсмотрѣнію ставить въ попы людей добрыхъ,

неупойчивыхъ и учительныхъ. А буде вы, игумены, не учнете по нашему указу поповъ смирать и мы васъ самихъ за ваше ослушаніе и презрѣніе отъ Бога данныя намъ власти отлучимъ отъ священства во вѣки и учнемъ въ дальніе города въ подначала крѣпкія ссылатъ».

Всѣ эти приведенныя нами слова рязанскій архипастырь относилъ ко всей своей паствѣ. Далѣе у него идетъ рѣчь собственно о нашемъ краѣ.

«Да вѣдомо намъ учинилось,—пишетъ Мисаилъ,—что въ Шацкомъ и въ Кадомѣ и въ уѣздахъ православные христіане съ своими женами и дѣтьми лѣтъ по тридцати и по сороку и по пятьдесятъ и больше посты не постятся и у священниковъ не поновляются и не причащаются. И вамъ бы, священникамъ, въ своихъ приходахъ учинить о томъ заказъ крѣпкій. И кто будетъ не достоинъ къ причастию и вамъ бы велѣти говѣти имъ въ иные посты. А которые будутъ православные христіане ослушаться и мы учнемъ писать про нихъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи. Да сказали бѣ есте въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и въ черныхъ волостяхъ и во всякихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ старостамъ и цѣловальникамъ и крестьянамъ: какъ доведется имъ посылать къ намъ ставленниковъ и они бѣ посылали къ намъ ставленниковъ срослыхъ, въ попы 30 лѣтъ, а во дьяконы 25 лѣтъ. А люди были бѣ добрые и благочинные и искусны и грамотъ учены, а не здорцики и не косторы и не бражники и не ярыжники. А молодыхъ ставленниковъ и воровъ и бражниковъ къ намъ не присылатъ».

Слѣдующія слова нашего достославнаго архипастыря ясно указываютъ на бытъ нашихъ предковъ.

«Да сказать бы въ міръ всея Рязанскія архіепископіи, Шацкія и Кадомскія десятины всякихъ чиновъ людѣмъ, чтобъ они впредь безо всякія вражія мечты въ праздники качелей и релей не ставили и всякія игры оставили и смуты не дѣлали. Да которые посадскіе и уѣздные люди будутъ откупати кабаки въ Шацкомъ и Кадомѣ для своей бездѣльной корысти, и того бы они не дѣлали, и вамъ бы про то сказывати. И жили бѣ въ нашихъ городахъ посадскіе люди и всѣ православные христіане благочинно по заповѣди отцовъ своихъ духовныхъ и приходили бѣ ко святымъ церквамъ Божиимъ по вся дни. А будетъ которые учнутъ кабаки откупати и игры чинити и мы такихъ не велимъ въ церковь Божию пушати и приносу принимать, а въ дома ихъ со всякою святынею входить, а которые отыдутъ сего свѣта и мы такихъ не велимъ у святыхъ Божіихъ церквей хоронити».

Сильный духомъ и ревностію по вѣрѣ архіепископъ Мисаилъ энергично боролся главнымъ образомъ противъ народнаго повальнаго пьянства и противъ религіознаго индифферентизма, проявляв-

шагося въ крайней и массовой холодности къ господствующей церкви. Эта черта дѣятельности архіепископа Мисаила довольно ясно и опредѣленно выражаетъ его отрицательное отношеніе къ современному ему русскому обществу и наводитъ насъ на мысль, что старая Русь, разными добродѣтелями которой иногда колятъ глаза настоящему вѣку, въ дѣйствительности была далеко не примѣрною въ религіозно-нравственномъ отношеніи и слѣдовательно извѣстное наименованіе: старая святая Русь надо понимать больше въ поэтическомъ смыслѣ, чѣмъ въ историческомъ.

Въ слѣдующихъ строкахъ увѣщательной грамоты архіепископъ Мисаилъ обращается непосредственно къ изображенію быта духовенства нашего края.

«Да сказали бѣ есте дьячкамъ и пономарямъ, чтобъ они впредь зипуновъ съ ожерельями не носили, а носили бѣ однорядочки или сермяжки черныя или сѣрыя, а за неволю бѣлыя, и зипуны бѣ оставили... А которые вдовыя попы и дьяконы скуфьи съ себя сметывали и женились на иныхъ женахъ, и вы бѣ, игумены и протопопы, такихъ въ церковь Божию не пущали» ¹⁾.

Съ перваго же года своего архипастырства архіепископъ Мисаилъ обнаружилъ выдающуюся неутомимую дѣятельность. Онъ отечески вникалъ въ частную жизнь подчиненнаго ему духовенства и во всѣ праздники звалъ братію свою къ своему архіепископскому столу. Какъ разъ передъ его пріѣздомъ въ Переяславль-Рязанскій самозванецъ-попъ Евсей Степановъ изъ корыстныхъ видовъ крестилъ нѣсколько мордовскихъ семействъ, и архіепископу Мисаилу пришлось нѣсколько недѣль сряду самолично распутывать это небывалое дѣло и снова крестить (поновлять) мордву. Многіе корыстные торговцы, не слушаясь царскихъ и патріаршихъ указовъ, великимъ постомъ и на Пасху продавали въ кабакахъ вино и систематически спаивали народъ, особенно инородцевъ. Тогда ревностный нашъ владыка съ силою многою возсталъ противъ корчемниковъ и ихъ досмотрщиковъ и изгналъ ихъ изъ епархіи. Продолжая дѣло исправленія паствы, Мисаилъ всѣхъ вдовыхъ поповъ, подававшихъ поводъ къ соблазну, силою постригалъ и отсылалъ въ монастыри и понемногу бывшіе разгульные мірскіе соблазнители становились степенными и трезвыми служителями церкви. Только одинъ изъ нихъ попъ Алексѣй, постриженный въ Солотчинскомъ монастырѣ, бѣжалъ оттуда, платье черное съ себя скинулъ и женился.

Но особенно тяжело было нашему архипастырю бороться съ повальной нравственною распущенностью среди русскихъ мірянъ и

¹⁾ Окр. гр. арх. Мисаила хранится въ Моск. Румянц. музеѣ. Своевременно ее читали, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, каждый праздникъ и воскресенье, во всѣхъ церквахъ бывшей рязанской епархіи.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1889 г., т. XXXVIII.

преимущественно среди новокрещенной мордвы. Познакомившись съ этою мордвою, во время епархіальныхъ ревизій по теченію Мокши, Цны, Хопра и Вороны, Мисаиль близко принялъ къ сердцу и мордву языческую и рѣшилъ особенно посвятить себя миссіонерскому дѣлу.

Еще въ іюнѣ перваго года своего святительства архіепископъ Мисаиль посылалъ уже въ Шацкій уѣздъ, именно въ присудъ села Конобеево-Березово, іеромонаха Артемія для крещенія тамошней мордвы, и нѣсколько мордовскихъ семействъ крестилось. Между тѣмъ самъ святитель пока уклонялся отъ непосредственной миссіонерской проповѣди, такъ какъ усиленно занятъ былъ въ своемъ кафедральномъ городѣ неотложными епархіальными дѣлами и вскорѣ отозванъ былъ патріархомъ Никономъ въ Москву на соборъ для исправленія старопечатныхъ церковныхъ книгъ. И уже по возвращеніи съ собора Мисаиль предпринялъ относительно нашей мордвы непосредственное свое миссіонерское служеніе.

Съ царскаго дозволенія и патріаршаго благословенія, въ сопровожденіи чернѣвскаго архимандрита Василія и многихъ священниковъ, а также думнаго дьяка Саввы Звѣрева, преосвященный Мисаиль отправился въ Шацкій уѣздъ. Это было зимою 1654 года. Не торопясь онъ переѣзжалъ изъ одного мордовскаго селенія въ другое, вездѣ лично проповѣдывалъ и, наконецъ, прибылъ въ дворцовое село Конобеево, откуда часто наѣзжалъ въ деревни Ямбирную и Устье. Апостольскіе труды Мисаила, къ величайшей его радости, на первыхъ порахъ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: имъ обращено было въ православіе 316 человекъ мордвы. Тогда ревностный проповѣдникъ извѣстилъ жителей села Березова и деревень Агламазова, Ракова и Ерневой, чтобъ и они явились для слушанія проповѣди и для крещенія въ село Конобеево. Но язычники-мордовцы ослушались приказанія и архипастырь отправился къ нимъ самъ. Прикрытый архіерейской мантией и съ крестомъ въ рукѣ, нашъ миссіонеръ приближался къ мордовскимъ селитбамъ и въ снѣжномъ полѣ встрѣченъ былъ многосотенною мордовскою толпою. На всѣ увѣщанія святителя язычники твердили одно, что они послали къ государю челобитчиковъ и безъ его указа креститься не станутъ и что они не знаютъ русскаго языка, а потому и въ русскія церкви ходитъ имъ не для чего. Мисаиль вернулся въ Конобеево. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о верхоценской мордвѣ, проживавшей въ окрестностяхъ Тамбова, будто она желаетъ креститься, и немедленно, на спѣхъ, отправился въ Тамбовъ и въ Тамбовскій уѣздъ, гдѣ и окрестилъ нѣсколько десятковъ мордовскихъ семействъ. Изъ Тамбова, не заѣзжая въ Шацкъ и село Конобеево, архіепископъ Мисаиль на короткое время возвратился въ Переяславль и оттуда подробно донесъ царю и патріарху объ успѣхахъ своей проповѣди.

«Я—богомалець вапъ,—писалъ онъ,—по вашему указу ѣздилъ и милостію Божіею и Пречистой Богородицы и при молитвѣ святыхъ въ Шацкомъ и Тамбовскомъ вѣдомства моего уѣздѣхъ окрестилъ 4015 человекъ мордвы и татаръ».

Въ 1655 году архієпископъ Мисаилъ снова ѣздилъ въ Москву для соборнаго книжнаго исправленія. И тогда же снова просилъ у патріарха благословенія отправиться на проповѣдь Евангелія въ Шацъ и Кадомъ и въ ихъ уѣзды, гдѣ многія тысячи мордвы еще продолжали совершать въ своихъ лѣсныхъ трупцахъ суевѣрныя моленія и приносить жертвы передъ истуканами и старыми деревьями. Получивъ патріаршее благословеніе и щедрую царскую помощь, нашъ миссіонеръ вернулся домой и тщательно сталъ готовиться къ послѣднему и самому трудному своему подвигу. Въ февралѣ 1656 года Мисаилъ съ чернѣвскимъ архимандритомъ Василиемъ опять прибылъ въ Шацкій уѣздъ и именно въ тѣ самыя мѣста, гдѣ прежде встрѣчали его такъ враждебно. Въ помощь ему присланъ былъ царемъ думный дворянинъ Ив. Павловичъ Матюшкинъ, который привезъ нашей модвѣ увѣщательную царскую грамоту. Но мордва упорствовала и не слушалась ни Мисаила, ни самого царя. Пославъ объ этомъ увѣдомленіе въ Москву, архієпископъ поселился въ мордовскомъ селѣ Березовѣ и жилъ тамъ четыре недѣли, почти безъ всякой свиты. Царь узналъ объ этомъ и чрезъ дворянина Алтухова писалъ нашему владыкѣ, чтобы онъ поберегся и чтобы являлся къ мордвѣ съ нужнымъ числомъ государевыхъ служилыхъ людей. Однако, владыка не берегся. Однажды съ малою свитою и съ боярскимъ сыномъ Бахолдинымъ, онъ отправился для проповѣди въ шацкую деревню Ямбирную, которая отличалась особеннымъ языческимъ упорствомъ и ненавистію жителей къ святителю. Дорогою архієпископу Мисаилу дали знать, что фанатическая мордва, не желая слушать его проповѣдь, рѣшилась на самыя крайнія мѣры и въ количествѣ болѣе 500 человекъ сговорилась дать ему вооруженный отпоръ и съ этою цѣлью съ ружьями, луками и дубинами, ослопьемъ, рогатинами и топорками, захватила пустые срубы и клѣти, стоявшіе передъ деревней. Однако, архипастырь не утратился своихъ враговъ и смѣло, памятуя апостольское пѣшее хожденіе и изнуреніе, двинулся впередъ къ роковому мѣсту на свой послѣдній и величайшій подвигъ. Одѣвшись въ архієрейскую мантию, съ посохомъ въ лѣвой и съ крестомъ въ правой рукѣ, архієпископъ Мисаилъ пошелъ пѣшкомъ къ невѣрнымъ. Труденъ былъ путь его. Въ то время была ранняя, мартовская весна и нашъ доблестный миссіонеръ поневолѣ долженъ былъ пробираться по дорогѣ, гдѣ жидкой грязью, гдѣ льдомъ и снѣгомъ, гдѣ холодной водой. Промокала его обувь и продували его кафтанъ, рясу и мантию буйныя весенніе шацкіе вѣтры, а

онъ шель сосредоточенный, усталый и духовно-радостный и дорогою пѣлъ съ своими спутниками 26-й, 80-й, 90-й псалмы. Приближалась деревня Ямбирная. Смутно рисовались впереди деревенскіе срубы и клѣти. Думалъ нашъ миссіонеръ-святитель близъ этихъ клѣтей и срубовъ мирно бесѣдовать съ дикою, но милою отеческому его сердцу мордвою. И вотъ показались косматыя мордовскія головы и искаженныя страхомъ и злобой лица. Мисаиль, осѣнивъ ихъ крестомъ, быстро подошелъ къ нимъ и началъ было свою рѣчь, но его прервали неистовымъ крикомъ, громкою и грубою мордовскою бранью и заглушали его апостольскую проповѣдь усиленнымъ свистомъ пуль и стрѣлъ... Нѣкоторыя лица архіерейской свиты, въ томъ числѣ и чернѣвскій архимандритъ Василій, немедленно были убиты ¹⁾. Государевы служилые люди, правда—не многочисленные, разбѣжались. Въ это время къ Мисаилу подбѣжалъ высокій пожилой мордвинъ и хотѣлъ ударить его копьемъ, но боярскій сынъ Бахолдинъ отвелъ ударъ и оттолкнулъ фанатика. Тѣмъ не менѣе мужественный святитель не хотѣлъ отступать и снова началъ проповѣдывать. И едва онъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ мордовская стрѣла поразила его въ лѣвую руку и сердце. Обливаясь кровью, проповѣдникъ упалъ на землю, но вѣрный Бахолдинъ, ни на минуту не покидавшій своего архипастыря, съ опасностію для своей жизни, поднялъ его и бережно вынесъ изъ толпы, при чемъ одною рукою держалъ крайне ослабѣвшаго святителя, а другою отражалъ нападавшихъ. Между тѣмъ подоспѣли опомнившіеся отъ испуга царскіе ратные люди и разогнали злодѣевъ... Что касается мученика-архіепископа Мисаила, то его положили въ сани, гдѣ онъ немедленно исповѣдался и причастился св. таинъ, и привезли въ село Агламазово въ избу къ священнику. Здѣсь онъ велѣлъ поставить передъ собой образъ Спасителя и, смотря на ликъ Его, началъ плакать и умывать своею кровію голову и лицо и благодарить Бога, что сподобилъ его омыться кровію отъ грѣховъ и немощей человѣческихъ ²⁾. Это было 1-го апрѣля, во вторникъ на страстной недѣлѣ...

Среди чрезвычайныхъ нравственныхъ и физическихъ страданій, Мисаиль прожилъ еще 9 дней. Онъ скончался въ четвергъ на святой недѣлѣ, 10-го апрѣля. Свидѣтели его кончины рассказывали, что святитель опочилъ отъ своихъ трудовъ безъ агоніи, спокойно, ясно и радостно. 21-го мая тѣло святителя привезли въ Переяславль-Рязанскій. Погребальное шествіе на всемъ пути отъ Агламазова и до мѣста отличалось особенною торжественностію. За гробомъ шли игумены, священники, діаконы и множество народа.

¹⁾ Архимандритъ Василій погребенъ въ своемъ Чернѣвскомъ монастырѣ. Любопытно знать помнитъ ли монастырь своего знаменитаго настоятеля и въ какомъ состояніи содержитъ его могилу.

²⁾ Историч. обзор. Ряз. іер. Воздвиженскаго.

3-го іюня 1654 года епископъ Мисаилъ преданъ былъ землѣ въ Архангельскомъ соборѣ. Близъ гробницы святителя и теперь сохраняется его мантия, на трехъ прошибинахъ которой видна кровь нашего священно-мученика, твердо помнившего и разумѣвшаго слова Спасителя, что пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.

По убіеніи архіепископа Мисаила, какъ и должно было быть, началось обширное судное дѣло. Возмутители большею частію были схвачены и отвезены въ Переяславль, Шацкъ и Кадомъ. Между слѣдственными показаніями свидѣтелей убіенія особеннаго вниманія заслуживаетъ показаніе уже извѣстнаго намъ домоваго сына боярскаго Акиндина Бахолдина. Поэтому мы приводимъ его почти полностью, съ небольшими сокращеніями и измѣненіями въ слогѣ.

«По указу великаго государя,—показывалъ Бахолдинъ,—посланъ былъ преосвященный Мисаилъ архіепископъ въ Шацкой городъ и въ Шацкій уѣздъ крестить мордву... И егда учалъ архіепископъ крестити и они мордва учинились сильны и непослушны и во крещеніе не пошли. И преосвященный Мисаилъ архіепископъ писалъ о томъ къ Москвѣ и великій государь указалъ послать свою великаго государя грамоту о крещеніи... И послѣ того поѣхалъ преосвященный Мисаилъ архіепископъ вторгіе мордву во крещеніе приводити и стоялъ въ селѣ Березовѣ четыре недѣли. И взявъ съ собою государевыхъ служилыхъ людей въ Шацкомъ уѣздѣ въ селѣ Конобеевѣ, сколько человекъ пригоже, поѣхалъ тотъ архіепископъ къ мордвѣ, въ мордовскую деревню Ямбирную, и въ той деревнѣ на пажити стояли срубы и избы и клѣти и въ тѣхъ срубяхъ, избахъ и клѣтяхъ залегли многіе мордовскіе люди съ ружьемъ, человекъ 500 и больши... И какъ я, Акиндинъ, былъ въ тѣ поры конюшимъ и выѣхалъ въ околицу и они мордва учили за мной гонять съ ружьемъ, и онъ, архіепископъ, мимо домовыхъ людей поѣхалъ къ мордвѣ самъ и хотѣлъ прочитатъ великаго государя указъ о крещеніи. И въ то число вышли многіе люди, мордва, съ ружьемъ и дубьемъ изъ срубовъ и насъ домовыхъ людей всѣхъ разогнали, а въ то время былъ снѣгъ глубокъ и убѣжати отъ мордвы было не мочно, а они всѣ гонятъ на лыжахъ и учили по архіепископѣ Мисаилѣ изъ луковъ стрѣлять, одинъ же человекъ мордвинъ хотѣлъ архіепископа ударить копьемъ и я, Акиндинъ, видѣвъ его великаго господина единаго, и хотя за него умереть, самъ поѣхалъ на страшную смерть и того мордвина съ копьемъ не допустилъ до архіепископа и сколотъ не далъ. А онъ, архіепископъ, мордовскаго беззаконнаго убійства не убоился, прочь не поѣхалъ и въ то время одинъ мордвинъ преосвященнаго архіепископа изъ лука прострѣлилъ въ лѣвую руку и пройде стрѣла сквозъ руку подъ мышку въ сердце. И онъ, преосвященный, ту

стрѣлу изъ себе велѣлъ вынуть и я, Акидинъ, тое стрѣлу вынулъ. И въ то время прибѣжалъ мордвинъ на лыжахъ и хотѣлъ государя сколоть копіемъ и унести и я, Бахолдинъ, съ тѣмъ мордвиномъ схватился и учалъ архіепископа отводить. И прибѣжалъ иной мордвинъ на лыжахъ и кинулъ въ меня копьемъ и то копье прииде въ шапку, и шапку съ меня спшибъ и воткнулось то копье съ шапкою въ снѣгъ и прибѣжали многіе люди—мордва и учили мою шапку шибать и за мною въ тылъ метать. А иной мордвинъ ударилъ меня дубинкою по сѣдлу и у сѣдла отшибъ заднюю луку и доски, а меня въ то число Богъ сохранилъ. И я отъ той мордвы побѣжалъ и доѣхалъ по господина, а онъ отъ той раны вельми изнемогъ, валится, и сталъ мнѣ рукавки свои отдавать и я одну принималъ, а другую уронилъ. И ухватилъ я архіепископа подъ руку, а онъ за меня ухватился вельми крѣпко, и скоро повезъ его, крѣпко держучи, и—мочи моей не стало... Тутъ прибѣжалъ ризничій Варлаамъ и подхватилъ его подъ другую руку и такъ мы ушли... И какъ приказной человѣкъ Левъ Тереховъ съ домовыми людьми и съ образомъ ѣхали и вся модва разбѣжалася. А мы тѣло архіепископа положили въ сани и онъ въ санѣхъ исповѣдался, а послѣ исповѣди привезли его въ село Агламазово... И велѣлъ архіепископъ передъ собою поставить Спасителя образъ и учалъ, на него зря, плакати и святыя молитвы возсылати и кровію своею главу свою и лицо омывати... А убить онъ преосвященный архіепископъ во вторникъ страстей Христовыхъ и волею Божіею въ четвертокъ на свѣтлой недѣлѣ преставился. И велѣлъ себя положить въ Шацкомъ уѣздѣ, близъ Чернѣва монастыря, у церкви св. мученика Мины, на пустѣ мѣстѣ въ лѣсу, и лежалъ у той церкви многое время... И по указу великаго государя, а по благословенію святѣйшаго патріарха, архіепископа Мисаила тѣло взято въ Переяславль Рязанскій и лежало непогребенное годъ. И какъ указалъ великій государь и святѣйшій патріархъ тѣло его погребсти отцу его духовному Спасскому архимандриту Боголѣпу, то погребенъ онъ за 8 дней до году убіенія его. А тѣло его, новаго мученика преосвященнаго архіепископа Мисаила, цѣло и невредимо. Погребенъ въ церкви архистратига Михаила на правой сторонѣ у южныхъ воротъ¹⁾). Главнымъ слѣдователемъ по поводу убіенія архіепископа Мисаила былъ стольникъ Левъ Ермолаевъ. По обычаямъ прежнихъ лѣтъ, слѣдствіе волочилось очень долго и окончилось только въ 1684 году. Большинство подсудимыхъ приняло православіе.

По смерти святителя Мисаила, какъ это всегда бываетъ, начались во всей Рязанской епархіи и въ Шацкой и Кадомской де-

¹⁾ Это показаніе Бахолдина хранится въ Моск. Румянц. музеѣ. Подлинная его копія передана мною въ Тамб. архивн. комиссію.

сятинахъ усиленные толки о нравственныхъ качествахъ покойника. И оказалось, что доблестный миссіонеръ былъ истиннымъ отцемъ для паствы и особенно для духовенства, къ которому въ горькія минуты жизни смѣло можно было обращаться, съ увѣренностію въ нравственной и матеріальной помощи. Въ 1655 году тамбовскій край много терпѣлъ отъ татарскихъ набѣговъ. Всюду по Цнѣ, Воронѣ, Воронежу и Челновой, горѣли села и среди дымившихся избъ слышались вопли и стоны несчастныхъ жертвъ татарскаго изуверства. По степнымъ и лѣснымъ тамбовскимъ тропинкамъ шли торжествующіе татарскіе загоны, а за ними грузно тянулись обозы съ награбленнымъ добромъ и съ толпами связанныхъ плѣнниковъ, бывшихъ обывателей нашихъ сель и деревень. То было время общаго по всему тамбовскому краю унынія... Отцы и матери плакали о дѣтяхъ своихъ, убитыхъ и полоненыхъ; и малыя дѣти, случайно забытыя татарами, тщетно звали родителей своихъ... Въ эти поистинѣ тяжкіе дни святитель Мисаилъ былъ всѣмъ страдальцамъ замѣсто отца и матери. Изъ многихъ обычныхъ писемныхъ къ нему обращеній того времени приведу два.

Тамбовской Дмитровской посадской церкви попъ Евдокимъ писалъ Мисаилу:—«Приходили подъ Тамбовъ воинскіе люди татарове и прихожанъ моихъ многихъ порубили и въ полонъ побрали и многіе дворы отъ того разоренія опустѣли и мнѣ, богомольцу твоему, кормиться стало нечѣмъ».

Другой тамбовскій же священникъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, обратился къ Мисаилу съ письмомъ такого содержанія:— «Снова приходили къ намъ въ Тамбовъ предъ земляной валъ воинскіе люди многіе татарове и къ городу приступали и на всѣ посады и слободы били, и на вылазкѣ тамбовскихъ полковыхъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ и пушкарей порубили, многихъ въ полонъ поимали и хлѣбъ въ полѣ потолочили. А осадя городъ, плѣнили уѣздъ верстъ на 50 и больши, по рѣку Челновую до села Вирятина да до села Кулеватова, и многихъ тамъ порубили и полонили, и стада конскія и мелкую скотину отогнали. А въ селѣ Вирятинѣ въ церкви были, иконамъ поругались и церковь осквернили. И прибывала къ татарамъ новая сила и чаяли тамбовцы разоренія до остатку»¹⁾).

Объ эти жалобы, подобно многимъ другимъ, горячо были приняты владыкою къ сердцу. Отзывчивый на чужую бѣду архипастыръ пожелалъ видѣть просителей у себя на дому, обласкалъ ихъ, искренно и дружески утѣшилъ и постарался обезпечить ихъ съ семействами лучшими приходами.

Къ доброму рязанскому святителю часто приходили слезныя прошенія и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ епархіи и на всѣ эти прошенія онъ обращалъ самое серьезное вниманіе.

¹⁾ Указанныя двѣ жалобы хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ 1652 году Мисаилъ получилъ изъ Усмани такую просьбу неизвѣстнаго намъ лица:—«Великимъ постомъ приходили къ намъ на Усмань татарове и на поляхъ поимали у усманскихъ стрѣльцовъ и казаковъ женъ съ дѣтьми и съ племянниками. Также и у женъ мужей полонили». По этому поводу рязанскій владыка, между прочимъ, сдѣлалъ такое общее распоряженіе, чтобы всѣ насильственно разведенные супруги, если желаютъ, вновь вступали въ бракъ съ иными лицами. А между тѣмъ по всей епархіи шелъ усиленный сборъ подаеній на выкупъ полоняниковъ и въ числѣ самыхъ крупныхъ вкладчиковъ въ эту кассу былъ самъ Мисаилъ.

Въ особенности обнаружилось любвеобильное архипастырское сердце Мисаила во время сильнаго мороваго повѣтрія въ нашемъ краѣ въ 1654—55 годахъ. Многіе дворы въ Шацкой и Кадомской десятинахъ, въ Тамбовѣ и Козловѣ, и въ Верхоценской волости были выморные. Избы и клѣти стояли пустыя. Даже вопля человѣческаго не было слышно, такъ велико было тогдашнее подавляющее общее горе... Надъ всѣмъ краемъ пронеслась грозная и неотвратимая смерть, подъ впечатлѣніемъ которой всѣ какъ бы оцѣпенѣли... Тутъ-то и явился доблестный пастырь къ своему испуганному стаду. Бѣдняку, поневолѣ забросившему хозяйство, онъ оказывалъ матеріальную помощь. Нравственно изможденному и горемъ убитому человѣку онъ отечески, властно и цѣлительно говорилъ святаго Евангельскія утѣшенія, въ которыхъ вся наша сила, все наше спасеніе отъ давящаго и недоумѣннаго житейскаго горя.

Архіепископъ Мисаилъ богослуженіе любилъ совершать торжественно и пышно. Онъ самъ умѣлъ хорошо пѣть и требовалъ, чтобы его пѣвчіе дѣяки къ дѣлу своему относились старательно, умѣло и живо. Бывши въ частной жизни строгимъ монахомъ, воздержнымъ и скуднымъ, нашъ архипастырь во время церковной службы одѣвался въ дорогія одежды, желая и внѣшнимъ образомъ прославить господствующую церковь. Такъ, во время праздничныхъ богослуженій онъ надѣвалъ драгоцѣнную, золотую съ камнями и жемчуги, митру, присланную ему самимъ царемъ. Митра стояла по тогдашнему счету тысячу рублей.

Кстати, нельзя не обратить вниманія на миссіонерскую дѣятельность архіепископа Мисаила и относительно мѣстныхъ татаръ, которыхъ особенно много было въ Кадомскомъ уѣздѣ, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста грамоты Іоанна IV отъ 1570 года къ турецкому султану Селиму:

«Въ Кадомскомъ уѣздѣ»,—писалъ царь,—«многіе приказные государевы люди мусульманскаго закона и въ тѣхъ Мещерскихъ городѣхъ (...Шацкѣ, Елатъмѣ, Темниковѣ и Кадомѣ) мусульманскія вѣры люди по своему обычаю мизгити и кошени держать и

государь ихъ ничѣмъ отъ ихъ вѣры не нудить и молебницъ ихъ не рушить; всякій иноземецъ по своей вѣрѣ живетъ ¹⁾...»

Архієпископъ Мисаилъ, во время миссіонерскихъ своихъ путешествій, нерѣдко лично уговаривалъ татаръ принять православіе и, случалось, его внушеніямъ татары поддавались цѣлыми семьями, хотя, вообще говоря, мусульманскій элементъ въ нашемъ краѣ былъ гораздо устойчивѣе языческаго мордовскаго.

Между прочимъ, нашъ знаменитый миссіонеръ крестилъ въ Шацкомъ уѣздѣ сибирскаго царевича Алтанаева и касимовскаго царевича Сеидбурхана. Но особенно удачна была его проповѣдь къ татарамъ Верхоценовской волости. Верхоценоскіе татары сами пожелали видѣть и слышать святителя, который охотно исполнилъ ихъ желаніе, прибывъ къ нимъ въ окрестности Тамбова и крестилъ ихъ. Въ настоящее время слѣды татарскаго населенія по верховьямъ Цны почти изгладились, во всемъ Тамбовскомъ уѣздѣ находится только одно татарское село, Татарщина, и главнымъ дѣятелемъ этой могущественной ассимиляціи, безъ всякаго сомнѣнія, былъ архієпископъ Мисаилъ. А было время, преимущественно въ XIV вѣкѣ, когда татарскій элементъ былъ господствующимъ въ нашемъ краѣ. Тогда вся восточная часть нынѣшней Тамбовской губерніи входила въ составъ особаго татарскаго владѣнія, основаннаго мурзою Тагаемъ. Столица этой орды была въ Наровчатѣ, а русскіе сторожи, наблюдавшіе за Тагайской границей, стояли по рѣкѣ Ваду. Даже турки въ былые годы проникали въ наши мѣста, считая ихъ коренными мусульманскими. Такъ, въ 1594 году къ Шацку подходили воинскіе люди, ногаи и азовскіе турки, но были отражены шацкимъ воеводою княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ ²⁾.

И. Дубасовъ.

¹⁾ Исторія Карамзина, т. VIII.

²⁾ Гор. посел. въ Россійской имперіи, т. V.

КЪ ИСТОРИИ РИМСКАГО КАТОЛИЦИЗМА ВЪ РОССІИ.

(Тираспольская или Саратовская латинская епархія) ¹⁾.

ВИЗДАВНА Русское государство слыветъ въ Европѣ невѣротерпимымъ. Живущіе у насъ иновѣрцы и, главнымъ образомъ, римско-католики не только не опровергаютъ столь несправедливаго мнѣнія, но, напротивъ, поддерживаютъ его и даже подбираютъ разныя негѣщныя и измышленныя доказательства о мнимыхъ гоненіяхъ, взводимыхъ будто бы у насъ на лицъ, не принадлежащихъ къ православной церкви, о насильственныхъ яко бы обращеніяхъ иновѣрцевъ въ православіе и т. п. Въ этомъ направленіи особенное стараніе прилагали и прилагаютъ наши привислинскіе братья-славяне, какъ бы въ отмщеніе за утрату ими собственнаго автономическаго строя.

Господствующая въ Россіи вѣра православная, сохранившая въ своихъ догматахъ и канонахъ свой апостольскій первообразъ, совершенно чуждый прозелитизма, дѣйствуетъ въ духѣ христіанской любви и свободы по точному смыслу ученія Христова. Доказательствомъ служить отсутствіе у насъ миссіонерскихъ учреждений съ спеціальною цѣлью обращенія въ православіе инославныхъ христіанъ и многочисленные примѣры уваженія со стороны нашего духовенства къ иновѣрчеству. Правительство, дѣйствуя въ томъ же направленіи, никого не стѣсняетъ и не преслѣдуетъ за вѣру. Стоитъ указать на допущеніе свободнаго отправленія богослуженія для всѣхъ рѣшительно исповѣданій и вѣрованій, не ис-

¹⁾ Приносимъ глубокую благодарность П. Н. Батюшкову за разрѣшеніе воспользоваться принадлежащими ему бумагами, послужившими матеріаломъ для настоящей статьи. М. Г.

ключая языческихъ. Русскій народъ... но какая же нація можетъ похвалиться такимъ благодушіемъ и снисходительностію, какими отличаемся въ этомъ отношеніи мы, россіяне, и нужны ли и для этого доказательства?

Но однимъ изъ существеннѣйшихъ доводовъ, свидѣтельствующихъ о нашей вѣротерпимости, можетъ послужить еще не занесенная въ лѣтописныя страницы исторія римско-католической епархіи, извѣстной подъ названіемъ Тираспольской. Вотъ матеріалы для этой исторіи.

До 1847 года въ Россіи, не считая Привислинскаго края, было шесть римско-католическихъ епархій: Могилевская, Виленская, Тельшевская, Минская, Луцко-Житомирская и Каменецкая.

По условію, заключенному въ Римѣ 22-го іюля (3-го августа) 1847 г. уполномоченными отъ русскаго двора—графомъ Д. Блудовымъ и А. Бутеневымъ и отъ римскаго папы—кардиналомъ Ламбрускини, образована новая седьмая епархія—Херсонская, заключающая въ себѣ область Бессарабскую, губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Таврическую и Астраханскую и земли, составляющія Закавказскій край, съ назначеніемъ въ городѣ Саратовѣ особаго суффрагана (викарнаго епископа). Послѣ подписанія и утвержденія сего условія, по особому съ римскимъ дворомъ соглашенію, постановлено, что въ епархіи Херсонской, вмѣсто одного, должно быть два суффрагана.

Поводомъ къ посылкѣ графа Блудова въ Римъ послужила возникшая тамъ тревога по случаю возсоединенія, въ 1839 году, западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью. Въ бытность свою, въ 1840 году, въ Римѣ государь Николай Павловичъ, при свиданіи съ папой Григоріемъ XVI, общалъ ему начать съ нимъ переговоры съ цѣлью заключенія конкордата объ обезпеченіи римско-католиковъ въ Россіи. Съ Блудовымъ былъ посланъ въ Римъ сенаторъ Губе, ультра-католикъ и полякъ-патріотъ. Губе и былъ главнымъ руководителемъ переговоровъ съ Римомъ.

Вслѣдъ за договоромъ 1847 года, папа Пій IX издалъ буллу отъ 5-го іюля 1848 г. Въ ней римскій владыка прежде всего выражаетъ свою заботливость, во имя «отеческой любви ко всѣмъ христіанамъ, гдѣ бы они ни обрѣтались», «о пользѣ святой нашей вѣры и духовномъ благоденствіи вѣрующихъ, даже въ отдаленнѣйшихъ отъ сей святѣйшей столицы странахъ». Эту заботливость папа обратилъ и «на обширнѣйшія государства Россійской имперіи, гдѣ проповѣдники слова Божія, посылаемые и латинскою церковью, обречены съ непоколебимымъ мужествомъ и постоянствомъ на величайшіе труды и опасности, или стяжавъ даже торжественную корону мучениковъ, еще въ самыя древнѣйшія времена, первые объявили и распространили спасительную Христову вѣру и истоцили всѣ усилія къ тому, чтобы погруженные во мракъ за-

блужденій народы озарить свѣтомъ католической истины...» ¹⁾ (Нами) «положено: существующія уже въ Россійской имперіи помянутыя шесть латинскаго исповѣданія епархій разграничить новыми предѣлами и основать новое епископство въ городѣ Херсонѣ съ двумя сѹффраганствами, съ тою цѣлю, дабы епископы въ преобширныхъ странахъ сихъ легче и удобнѣе могли пещись о душе-спасеніи паствы своей.. Вмѣстѣ съ симъ мы заблагоразсудили, чтобы городъ Херсонъ, главный городъ Херсонской губерніи, у Чернаго моря лежащій, украшенъ былъ епископскимъ достоинствомъ, какъ по уваженію благоприятности мѣстоположенія онаго, такъ и по плодородію почвы, многолюдности, удобству морской гавани, по множеству и изящности зданій и по другимъ обстоятельствамъ, поставляющимъ его по всей справедливости въ число знаменитѣйшихъ городовъ, лежащихъ на берегу Чернаго моря. Вслѣдствіе сего, по собственному побужденію (*motu proprio*), на основаніи точныхъ свѣдѣній и апостолическаго нашего полновластія, въ силу настоящей грамоты, возвышаемъ помянутый городъ Херсонъ на степень епископской столицы и присвоаемъ ему всѣ вообще и особенныя права, почести, привилегіи, преимущества и индульты (*indulti*), коими обычно пользуются прочія въ Россійской имперіи канонически учрежденныя епископскія церкви...» «Мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы еще и еще не повторить начальнику херсонской церкви, чтобы онъ каждый разъ, какъ того потребуетъ нужда его паствы, разсылалъ по всей епархіи священниковъ, которые, исполняя обязанности миссіонеровъ, могли бы доставлять католикамъ всѣ духовныя пособія. Что впрочемъ для сего же начальника тѣмъ удобоисполнительнѣе, что таковыхъ священниковъ уже постановлено содержать на счетъ правительства» ²⁾.

Вотъ все, что мы нашли въ обширной буллѣ Пія IX въ объясненіе цѣли учрежденія новой латинской каѳедры въ Россіи. Не считая общей и весьма растяжимой потребности въ попеченіи и заботливости «о душеспасеніи паствы», нельзя не заключить, что главнѣйшая обязанность новаго латинскаго епископа, согласно папской буллы, должна состоять въ пропагандѣ римскаго католицизма. Это проглядываетъ и въ начальныхъ фразахъ буллы объ «отеческомъ» попеченіи «о всѣхъ христіанахъ» и о благоденствіи «вѣрующихъ» самыхъ отдаленныхъ странъ; этимъ объясняется несогласное съ исторіей указаніе на первоначальную проповѣдь латинскихъ патеровъ среди русскихъ; съ этою же цѣлю, мимоходомъ, но уже въ выраженіяхъ, недопускающихъ сомнѣнія, настоятельно

¹⁾ По этой цитатѣ выходитъ, что Россія озарена вѣрой Христовой трудами латинскихъ патеровъ! М. Г.

²⁾ «Акты и грамоты объ устройствѣ и управленіи римско-католической церкви въ имперіи Россійской и царствѣ Польскомъ», Спб. 1849 г.

подтверждается необходимость разсылки «миссіонеровъ», благо содержать ихъ будетъ русская казна.

Императоръ Николай I, по своей дальновидности, вскорѣ однако понялъ истинное значеніе договора 1847 года и, признавая его вреднымъ для русской православной церкви, повелѣлъ передать договоръ въ Сенатъ на храненіе, а назначенному на херсонскую латинскую кафедру епископу Геланъ-Кану приказалъ быть членомъ римско-католической коллегіи въ Петербургѣ.

Послѣ кончины Николая Павловича дѣло открытія латинской епархіи приняло другой оборотъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что городъ Херсонъ, не смотря на «благопріятность мѣстоположенія» и «изящность зданій», оказался неудобнымъ для помѣщенія латинской епископіи; по этому поводу было сдѣлано сношеніе съ римскимъ дворомъ, и папа согласился на то, чтобы пребываніе епископа было въ Тирасполѣ, уѣздномъ городѣ Херсонской губерніи, при чемъ самая епархіа получила наименованіе Тираспольской. Но и здѣсь встрѣтилось затрудненіе: въ Тирасполѣ не оказалось ни костела, ни помѣщеній для епископа, капитула, консисторіи и семинаріи; а постройка соответственныхъ для того зданій не могла быть произведена на счетъ казны по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ. Сторонники папизма вышли изъ этого затрудненія съ полнымъ торжествомъ. Они устроили такъ, что по всеподданѣйшему докладу министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ 11-го февраля 1856 г. открыта была временно въ городѣ Саратовѣ семинаріа для Тираспольской римско-католической епархіи, а вслѣдъ затѣмъ, по высочайше утвержденному 3-го марта 1856 г. журналу комитета по дѣламъ римско-католической церкви, тираспольскому епископу и епархіальному управленію назначено пребывать, на первый разъ, въ городѣ Саратовѣ съ обращеніемъ тамошняго костела, также временно, въ кафедральную церковь.

Появленіе латинскаго епископа съ консисторскимъ и семинарскимъ штатами въ русской приволжской губерніи, заселенной сплошь православными съ примѣсю старообрядцевъ и раскольниковъ, сразу обратило на себя вниманіе русскаго общества. Чтобы ближе выяснить дѣло, въ 1857 году былъ командированъ въ Саратовъ вице-директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій П. Н. Батюшковъ ¹⁾, который изслѣдовалъ вопросъ во всей его полнотѣ.

Признаемъ безусловно необходимымъ привести цѣликомъ результаты этого изслѣдованія по черновой запискѣ, сохранившейся въ домашнемъ архивѣ П. Н. Батюшкова. Необходимость эта вытекаетъ, кромѣ возможно точнаго выясненія сущности дѣла, еще

¹⁾ Нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ, почетный опекунъ.

изъ того положенія, что подлинная записка, представленная въ свое время по начальству, въ числѣ другихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сгорѣла во время пожара въ маѣ 1862 года.

Вотъ что писалъ П. Н. Батюшковъ графу С. С. Ланскому.

«Цѣль существованія кафедръ римско-католическихъ епископовъ, съ ихъ административными и учебными учрежденіями, въ русскомъ православномъ царствѣ должна быть не въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, дабы удовлетворять религіознымъ потребностямъ и нуждамъ живущихъ въ Россіи римско-католиковъ. Все, что было бы допущено далѣе или выше этой цѣли и сверхъ удовлетворенія этихъ нуждъ клонилось бы прямымъ или косвеннымъ способомъ къ успѣхамъ распространенія, утвержденія и благопрощтанія папизма въ Русскомъ православномъ царствѣ и, по мѣрѣ сихъ успѣховъ, къ ослабленію и вреду господствующей въ немъ вѣры православной.

«Соображаясь съ означенною цѣлью, рѣшительно надлежитъ утверждать, что для самаго папизма, если онъ не хочетъ ставить себя въ противоборство съ пользою православной церкви и видами русскаго правительства, никакой не было и нѣтъ нужды въ утвержденіи и существованіи въ Саратовѣ кафедры латинскаго епископа съ полною ея администраціею и семинаріею. Принимая въ расчетъ большинство римско-католическаго населенія другихъ южныхъ губерній (составляющихъ Тираспольскую епископію),—Саратовъ и Саратовскую губернію можно считать пограничнымъ мѣстомъ въ отношеніи къ этому большинству населенія и притомъ такимъ мѣстомъ, которое, судя сравнительно, весьма мало населено римско-католиками и наполнено народомъ греко-россійскаго исповѣданія. Римско-католическій епископъ, носящій титулъ Тираспольскаго, живя въ отдаленномъ отъ римско-католическаго населенія Саратовѣ,—можетъ ли онъ не затруднить самъ себя и свою администрацію въ удовлетвореніи духовнымъ нуждамъ обширной своей паствы, растянутой отъ приволжья, гдѣ самъ обитаетъ, до Каспійскаго моря и отъ Каспійскаго до Чернаго моря на пространствѣ нѣсколькихъ губерній? Какая настоятъ ему нужда, оставивъ центральныя мѣста своей епархіи, имѣть свою резиденцію въ Саратовѣ, когда здѣшняя паства его, сосредоточенная почти вся (до 20,000 обоого пола) въ одномъ Камышинскомъ уѣздѣ, легко можетъ быть управляема нѣсколькими ксендзами?

«Но духъ папизма не будетъ конечно даромъ, а тѣмъ менѣе со вредомъ для себя оставлять свои центральныя мѣста и строиться на периферіи. Чего же онъ хочетъ достигнуть чрезъ такое стремленіе? Очевидно желаетъ онъ образовать новые для себя центры тамъ, гдѣ были доселѣ его оконечности. Такое стремленіе католицизма къ расширенію своихъ предѣловъ безъ сомнѣнія будетъ соотвѣтствовать сокровеннымъ его видамъ и цѣлямъ; но оно явно

будетъ идти вопреки видамъ правительства и пользамъ церкви православной. Такъ, а не иначе надобно понимать скрытныя намѣренія и умышленное желаніе католиковъ утвердить центральное управленіе епископской власти на краю осѣдлости католическаго населенія, среди народа издревле исповѣдующаго греко-россійскую вѣру (въ Саратовѣ). Судя по тому значенію, какое Саратовъ уже и нынѣ имѣетъ въ народной жизни и дѣятельности и особенно какое будетъ имѣть впослѣдствіи съ открытіемъ желѣзной дороги, этотъ многочислѣннѣйшій изъ губернскихъ городовъ можетъ служить для папизма важнымъ, весьма удобнымъ, такъ сказать, операционнымъ пунктомъ для распространенія скрытыхъ сѣтей латинской пропаганды по распространенію и проникновенію папизма туда, гдѣ не было доселѣ ни малѣйшаго его вліянія и духа.

«По мѣстнымъ условіямъ Саратовскаго края, учрежденіе здѣсь каѳедры римско-католическаго епископа, съ духовною его администраціею, сколько представляется безвыгоднымъ для самого римскаго католицизма (какъ выше было сказано), столько же положительно вредно для православія здѣшняго края.

«Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующіе опыты и соображенія:

а) По малочисленности въ Саратовѣ римско-католиковъ, дѣятельность ихъ епископа и окружающихъ его духовныхъ лицъ естественно сосредоточивается въ кругу православныхъ жителей г. Саратова и, на первый разъ, преимущественно въ кругу видныхъ въ здѣшнемъ обществѣ лицъ изъ сословія дворянскаго и служащаго въ присутственныхъ мѣстахъ. Со времени открытія въ Саратовѣ каѳедры латинскаго епископа едва исполнился только одинъ годъ, а знакомство какъ самого епископа, такъ и составляющихъ его курію лицъ до того уже скрѣпилось съ нѣкоторыми православными семействами саратовскихъ чиновниковъ и дворянъ, что латинцы по вѣрѣ сдѣлались въ этихъ семействахъ, можно сказать, людьми домашними. Причиною такого опаснаго и вреднаго для православія сближенія со стороны латинянъ—навязчивое и крайне льстивое ихъ обращеніе съ людьми, соединенное съ хитрымъ искусствомъ вкрадываться въ расположеніе тѣхъ, съ кѣмъ они обращаются, а со стороны православныхъ—русское простодушіе и гостепріимство, которыя нисколько не предохраняются опасеніемъ того вреда для ихъ вѣры, какой можетъ произойти изъ тѣснаго сближенія съ людьми иновѣрнаго исповѣданія. Если и теперь успѣло католическое духовенство завязать столь тѣсное знакомство съ русскими семействами въ Саратовѣ, то какихъ плодовъ надобно ожидать отъ такого сближенія впослѣдствіи времени, если принять во вниманіе, кромѣ сказаннаго простодушія и гостепріимства русскихъ дворянъ, ихъ религіозную простоту, т. е. ихъ невѣдѣніе правоты своей православной вѣры и заблужденій папизма, ихъ религіозный индеферентизмъ и холодность къ святой вѣрѣ отцовъ сво-

ихъ, ихъ неуваженіе и даже явное пренебреженіе къ уставамъ своей православной церкви, не дѣлающей той поблажки для человѣческой чувственности, которую дозволяетъ папизмъ, унижающій себя иногда до угожденія страстямъ человѣческимъ?

б) Если не всё, то бѣлая часть изъ саратовскихъ чиновниковъ и дворянъ (полагаю и не саратовскихъ только), при означенныхъ религіозныхъ недостаткахъ, носятъ только имя чадъ православной церкви, а по жизни, несообразной съ уставами церкви, суть латинцы, какими и называется ихъ простой народъ, и особенно такъ называютъ нашихъ дворянъ ревнители старообрядства. Смотри съ этой точки на тѣсное сближеніе римско-католическаго духовенства съ саратовскими дворянами и чиновниками, нельзя не видѣть, что это сближеніе служить явнымъ поводомъ къ пагубному соблазну для саратовскихъ купцовъ и мѣщанъ и вообще для всего простого народа, живущаго въ окрестностяхъ Саратова, а въ особенности для явныхъ раскольниковъ и людей, скрытно преданныхъ расколу, которыми наполнены не только эти окрестности, но и вся Саратовская губернія. А этотъ соблазнъ и предразсудокъ старообрядчества, утверждая его въ ложномъ мнѣніи объ отступленіи будто бы русской церкви отъ древняго православія, вооружая его противъ православія, нарушаемаго въ ея уставахъ высшими сословіями, служить для православнаго духовенства непреодолимою преградой къ успѣшному содѣйствію въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ чадъ церкви изъ среды низшихъ сословій. Сего мало: съ сердечною скорбію должно сказать, что соблазнъ, производимый сближеніемъ римско-католическаго духовенства съ саратовскимъ православнымъ обществомъ, можетъ еще усиливаться въ людяхъ, немощныхъ совѣстью, при видѣ невольныхъ и неизбѣжныхъ встрѣчъ духовенства православнаго съ римско-католическимъ. Внѣшнее, одно только внѣшнее сообщеніе православнаго священника, а тѣмъ паче епископа съ ксендзомъ или латинскимъ епископомъ не подастъ ли повода грубому раскольникову заподозрить и самое духовенство православное въ содружествѣ съ латинскимъ, опасномъ для православія? Можетъ ли не соблазниться старообрядецъ, когда увидитъ смиреннаго православнаго епископа сидящимъ объ руку съ гордымъ латинскимъ, положимъ, за обѣденнымъ столомъ у начальника губерніи въ высокаторжественный день? ¹⁾).

в) Кромѣ зла, заключающагося въ самомъ соблазнѣ, отъ котораго, по слову Христа Спасителя, горе міру, отсюда происходитъ

¹⁾ Авторъ «Записки» передавалъ намъ, что православный епископъ саратовскій получалъ въ то время около 800 руб., а латинскому епископу отпускалось до 5.000 руб. въ годъ. Нашему епископу не на что было приобрести соответственнаго экипажа и онъ довольствовался чѣмъ-то въ родѣ тарантаса, въ то время какъ епископъ Канъ съ триумфомъ разъѣзжалъ въ богатомъ экипажѣ и при томъ съ польскою упряжью. М. Г.

то вредное слѣдствіе, что этотъ соблазнъ, укореняя въ раскольникахъ предрасудки и заблужденія касательно уклоненія будто бы церкви Христовой отъ древняго православія и отступленія будто бы отъ нея благодати Божіей, служить для православнаго духовенства непреодолимою преградой къ успѣшному дѣйствованію въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ чадъ церкви въ нѣдра православія. Старобрядцы всегда будутъ указывать на тѣсное общеніе православныхъ съ латинами какъ на живой примѣръ уклоненія первыхъ на сторону послѣднихъ. И какъ исправить такой взглядъ старообрядцевъ на сближеніе русскихъ православныхъ съ папистами, когда онъ будетъ утверждаться на видимомъ опытѣ уклоненія высшихъ нашихъ сословій отъ уставовъ православной церкви?

г) Непосредственнаго сближенія римско-католическаго духовенства съ купеческимъ и мѣщанскимъ сословіями (подобно какъ съ дворянами и чиновниками) въ Саратовѣ еще не замѣчается. Но уже открывался случай къ такому сближенію, который въ свое время предотвращенъ мѣрою довольно рѣшительною и не совѣмъ пріятною для нѣкоторыхъ лицъ (этотъ случай сообщенъ словесно). Никакъ нельзя, конечно, утверждать, что впредь не будутъ повторяться подобные случаи. Но хотя бы и не было особенныхъ къ тому случаевъ, можно ли ручаться, что иезуитская вкрадчивость латинскаго духовенства не проложитъ себѣ сначала тайныхъ, потомъ и явныхъ путей въ семействахъ саратовскихъ купцовъ и мѣщанъ, даже самихъ раскольниковъ? Кому не извѣстна та горестная, но опытомъ доказанная истина, что наши раскольники свободнѣе открываютъ себѣ доступы всякому разномыслящему съ ними въ вѣрѣ, охотнѣе разсуждаютъ о ней со всякимъ разновѣрцемъ, чѣмъ съ православнымъ проповѣдникомъ истины, способнѣе привить къ своимъ понятіямъ и усвоить всякую ложь отъ духа лестчаго, чѣмъ истину отъ обитающаго въ святой церкви Духа Христова? А вотъ дошло до моего слуха, что у саратовскихъ раскольниковъ уже идетъ толкъ, что римская церковь древнѣе русской. Происхожденіе этого толка мнѣ неизвѣстно; но откуда бы онъ не возникъ, подъ вліяніемъ латинства можетъ имѣть весьма вредныя послѣдствія. Нельзя при семъ оставить безъ замѣчанія и слѣдующаго обстоятельства: для помѣщенія латинской семинаріи нанимается домъ купца Артамонова, брата котораго закоренѣлые раскольники поморской секты, а самъ онъ изъ этой секты обратился въ единоувѣріе, не столько, впрочемъ, по убѣжденію, сколько по коммерческимъ расчетамъ, и въ душѣ остался больше поморцемъ, чѣмъ единоувѣрцемъ. Судя по тому, что доселѣ онъ чуждается близкаго общенія съ православными и особенно съ лицами духовнаго званія, никакъ нельзя думать, чтобы онъ домъ свой, въ которомъ и самъ живетъ, отдалъ въ наемъ для помѣщенія духовнаго православнаго училища, а между тѣмъ сдать его подъ квартиру латинской семи-

наріи не воспротивило ему разновѣріе. Вотъ примѣръ на выше-сказанную истину, что раскольники къ пагубѣ своей свободѣ могутъ дозволить себѣ общеніе съ духовными лицами другого исповѣданія, чѣмъ православнаго. Была также попытка у одного саратовскаго купца, впрочемъ, православнаго, живущаго возлѣ квартиры римско-католическаго епископа, отдать своего сына для образованія въ латинскую семинарію, но эта попытка тотчасъ была остановлена духовною властію».

Записка П. Н. Батюшкова имѣла успѣхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ С. С. Ланской, доложилъ ее государю и на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра послѣдовала высочайшая резолюція: «Сообразить немедленно о переводѣ тираспольскаго епископа изъ Саратова въ Тирасполь, или другое мѣсто, которое окажется болѣе удобнымъ».

Обсуждая этотъ вопросъ, графъ С. С. Ланской нашель, что изъ всѣхъ мѣстностей, въ которыя можетъ быть перенесено тираспольское епархіальное управление, самымъ удобнымъ представляется г. Тирасполь, находящійся вблизи римско-католическихъ колоній, и гдѣ чисто русское населеніе въ незначительномъ числѣ и нѣтъ православнаго архіерея. Кромѣ того, министръ принялъ во вниманіе, что римскій дворъ еще въ 1856 году домогался оставить тираспольскую латинскую кафедру навсегда въ Саратовѣ; это желаніе по высочайшей волѣ было отклонено; для перемѣщенія сей кафедры въ другой какой-либо городъ, кромѣ Тирасполя, необходимо согласіе папы, между тѣмъ переводъ кафедры въ Тирасполь можетъ быть произведенъ административнымъ порядкомъ, въ силу состоявшагося уже договора съ папой. По докладѣ этихъ соображеній государю, состоялось въ августѣ 1858 г. высочайшее повелѣніе: временно помѣщенное въ г. Саратовѣ тираспольское римско-католическое епархіальное управление перевести во всемъ его составѣ въ г. Тирасполь; о чемъ въ то же время было сообщено новороссійскому генералъ-губернатору, графу А. Г. Строгонову, къ исполненію.

Не можемъ не привести здѣсь еще одного документа, служащаго достойной оцѣнкой соображеній, приведенныхъ въ запискѣ П. Н. Батюшкова о тираспольской епархіи. Записка эта была послана авторомъ къ графу Д. А. Толстому, который, занимая въ то время постъ директора канцеляріи морского министерства, былъ уже достаточно знакомъ съ иновѣрнымъ вопросомъ въ Россіи по предшествовавшей должности вице-директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и подготовлялъ тогда матеріалы для появившагося впоследствии замѣчательнаго историческаго изслѣдованія своего: «Римскій католицизмъ въ Россіи»¹⁾. Графъ Толстой прислалъ автору записки слѣдующій отвѣтъ:

¹⁾ Сочиненіе это первоначально было издано въ Парижѣ, въ 1863 и 1864 годахъ, на французскомъ языкѣ, а въ 1876 году напечатано въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ.

«Честь вамъ и слава! Вѣрьте, что современемъ ваше дѣло будетъ оцѣнено русскими. Еслибы вы были дама, то расцѣловаль бы всѣ ваши пальчики; теперь могу только сказать, что, по мѣрѣ чтенія этой записки, все болѣе и болѣе проникался уваженіемъ къ вамъ. Вы поступили какъ честный человѣкъ; тогда какъ тѣ, которые дѣйствовали наоборотъ, дѣйствовали какъ п..... Имъ нужно было угодить разнымъ с..... Нессельроде и К^о, которые при случаѣ поддержали бы ихъ. Позвольте вамъ дать совѣтъ: не ожидайте постройки зданій въ Тирасполѣ,—въ три года камарилья польская все передѣлаетъ. Я бы вотъ что сдѣлалъ: подъ предлогомъ объясненія съ Каномъ¹⁾ по дѣламъ службы, вызвалъ бы его въ Петербургъ, и уже отсюда ни за что не пустилъ (бы его) опять въ Саратовъ, а отправилъ бы въ Тирасполь, а за нимъ и всю прелатскую свиту. Не жалѣйте денегъ, только поскорѣе избавьте Саратовъ отъ Нессельроде-Хрущовскаго²⁾ блудодѣянія.

«Искренно уважающій васъ Д. Толстой»³⁾.

13 сентября 1858 г.

Не смотря, однако, на категорическое высочайшее повелѣніе о перенесеніи управленія латинской епархіи изъ Саратова въ Тирасполь, мѣстопробываніе епископа и подвѣдомыхъ ему учреждений было оставлено и остается до настоящей поры въ Саратовѣ.

Вслѣдъ за распоряженіемъ о переводѣ латинской епископіи въ Тирасполь была назначена сумма въ одинъ милліонъ рублей для возведенія въ этомъ городѣ каедральнаго костела и другихъ зданій, а составленіе проекта построекъ было возложено на новороссійскаго генераль-губернатора; но графъ А. Г. Строгоновъ представилъ обширный проектъ грандіозныхъ зданій съ смѣтой въ три милліона рублей! Сумма, на которую возможно было застроить чуть не цѣлый городъ. Такой суммы въ то время, конечно, наготовѣ не оказалось.

Намъ кажется, однако, что ужасающее впечатлѣніе, произведенное трехмилліоннымъ проектомъ, значительно ослабѣло бы если бы смѣта была подвергнута строгой критикѣ, а самый проектъ сооруженій былъ низведенъ до степени дѣйствительной потребности. Во всякомъ случаѣ, сколько бы ни стоили сооруженія, государственныя соображенія и интересы православія должны бы были взять перевѣсъ надъ финансовыми расчетами. Наконецъ,

¹⁾ Фердинандъ Геланъ-Канъ — первый епископъ Тираспольской латинской епархіи.

²⁾ Д. П. Хрущовъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, вполнѣдствіи товарищъ министра государственныхъ имуществъ.

³⁾ Письмо это служить еще и еще однимъ доказательствомъ высокаго патриотизма недавно почившаго русскаго дѣятеля на поприщѣ государственной службы и науки.

заботливость о благолѣпіи костела и излишествахъ въ постройкахъ возможно было предоставить самому епископу и его паствѣ, которая нашла же возможность соорудить (въ 1880 году) своими средствами каѳедральный костель въ Саратовѣ.

При чтеніи всего описаннаго, могутъ быть поставлены въ упрекъ: невѣрное освѣщеніе цѣли римскаго двора въ устройствѣ въ Россіи новой латинской епархіи и бездоказательность и ошибочность опасеній за существованіе такой епархіи среди сплошнаго русскаго православнаго населенія.

Отвѣтимъ на это цифровыми данными.

По вѣдомости, доставленной епископомъ Каномъ въ 1857 году, въ Тираспольской епархіи числилось прихожанъ обоого пола:

римско-католиковъ	103.473
армяно-католиковъ	11.808
всего	115.281

Въ 1888 году число прихожанъ возросло до слѣдующихъ цифръ:

римско-католиковъ	221.476
армяно-католиковъ	23.434
всего	244.910 ¹⁾

Оставляя въ сторонѣ численность прихожанъ армяно-католическаго исповѣданія, увеличившуюся вслѣдствіе присоединенія къ Россіи нѣкоторыхъ мѣстностей отъ Турціи по берлинскому трактату, остановимся на числѣ собственно римско-католиковъ. Оказывается, что за 30 лѣтъ число это увеличилось на 118.003, т. е. на 46%! Такого увеличенія отъ естественнаго прироста населенія едва ли могло произойти, а объ усиленномъ развитіи колонизаціи римско-католиковъ въ данной мѣстности мы что-то не слышали. Откуда же такой ростъ?

Допустимъ, однако, что увеличеніе прихожанъ Тираспольской епархіи не составляетъ результата миссіонерской дѣятельности латинскихъ патеровъ, той миссіонерской дѣятельности, которая особенно рекомендовалась епископу въ папской буллѣ 1848 года, и произошло не на счетъ православнаго или старообрядческаго населенія. Но нельзя отрицать того, что такой ростъ не могъ бы имѣть мѣста, если бы не было создано новой латинской епархіи; нельзя отрицать того, что такое развитіе латинскаго населенія среди православнаго народа можетъ послужить только ко вреду послѣдняго и въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Частности намъ показываютъ удивительные результаты учрежденія въ Россіи

¹⁾ «Directorium horarum canonicarum et sacrarum missarum ad usum Dioecesis Tiraspolensis. Saratoviae. 1888».

латинской епархіи. Мѣстами въ Тираспольской епархіи число католиковъ увеличилось за 30 лѣтъ въ 10 и больше разъ! (Ростовъ съ 158 до 1.066 прихожанъ, Эйхвальдъ—съ 400 до 4.073, Керчь—съ 333 до 3230, Симферополь—съ 336 до 4125). За то же время образовались новые римско-католическіе приходы (Либенталь въ 2.720 душъ, Николаевка въ 2.045 душъ и проч.). Сооружались каменные костелы даже для такихъ приходовъ, какъ Маріуполь, имѣющій всего только 96 прихожанъ обоего пола. Усиливался наконецъ и личный составъ латинскаго духовенства¹⁾.

Желательно ли все это съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ, церковныхъ и общественныхъ интересовъ? Желательно ли вообще имѣть и возможно ли выносить чуть не въ центрѣ Россіи, среди сплошнаго православнаго населенія, латинское епархіальное управленіе съ епископомъ во главѣ и подвѣдомыми ему кафедральнымъ капитуломъ, консисторіею, семинаріею и цѣлымъ сонмомъ прелатовъ, канониковъ и миссіонеровъ? Какія цифры прихожанъ будутъ занесены въ саратовскій «Directorium» еще черезъ 30 лѣтъ? Еще до принятія св. Владиміромъ христіанства римскій папа навязывалъ русскому народу свою латинскую вѣру. Не утратилъ Римъ и послѣ того надежды на обращеніе русскихъ въ католичество: цѣлый рядъ посольствъ и предложеній отъ римскаго владыки проходятъ черезъ всю нашу древнюю и новую исторію. Но никакія соблазны и обѣщанія мнимыхъ благъ небесныхъ и земныхъ не побороли духовной твердости нашихъ князей, царей и императоровъ. Какимъ же образомъ могла произойти уступка вѣковымъ стремленіямъ папства въ 1847 году учрежденіемъ Тираспольской или, вѣрнѣе, Саратовской епархіи?

Въ Россіи есть нѣсколько губерній съ сплошнымъ иновѣрнымъ населеніемъ. Что бы заговорили въ Европѣ если бы въ одной изъ такихъ мѣстностей была открыта православная епархіа въ удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ горсти живущихъ тамъ русскихъ? Мы дѣйствуемъ иначе. Съ поразительною осторожностію, чтобы не сказать болѣе, мы дѣйствуемъ въ дѣлѣ религіи тамъ, гдѣ рѣшительность и послѣдовательность оправдывались бы правомъ хозяина. Прибужная полоса Подляшья, заселенная воссоединенными униатами, давно уже ожидаетъ особаго епископа православнаго; на Волыни, по границѣ съ Австріей, среди православнаго населенія, красуется безъ всякой надобности цѣлый рядъ костеловъ; древнѣйшія православныя иконы (Островратская въ Вильнѣ и Ченсто-

¹⁾ Число духовенства съ 1857 по 1888 г. увеличилось не на особенно большую цифру—съ 118 до 153-хъ; но если превышекъ въ 35 лицъ сопряженъ съ образованіемъ такого же числа римско-католическихъ приходовъ и тѣмъ именно и объясняется, то это явленіе принимаетъ уже другой характеръ. М. Г.

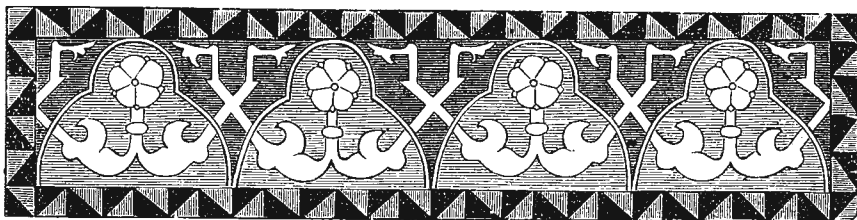
ховская), насильно захваченныя католиками, свободно остаются у нихъ. Мы опасаемся обидѣть католиковъ закрытіемъ какого-нибудь лишняго костела, но спокойно оставляемъ процвѣтать и благоденствовать латинской епархіи въ Саратовѣ въ ущербъ православію и при томъ на правительственныя суммы ¹⁾.

М. Городецкій.

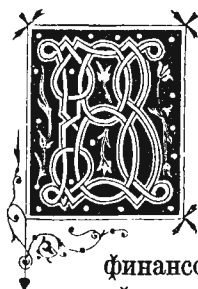

¹⁾ Въ 1857 году расходы по содержанию Тираспольской епархіи въ Саратовѣ слагались изъ слѣдующихъ статей: содержаніе епископа 4.480 р. и его суффрагана 2.000 р., на кафедральный костель 4.120 р., на консисторію 2.500 р., на семинарію и ея воспитанниковъ 6.625 р., наемъ помѣщеній для епископа, семинаріи и всего епархіального управления 4.350 р., итого 24.075 р. въ годъ. Во что обходилось содержаніе приходскаго духовенства Тираспольской епархіи—свѣдѣній не имѣемъ.

М. Г.

ОСТЯЦКІЯ „ЗНАМЕНА“ XVII ВѢКА.

В НАШЕЙ исторической литературѣ очень мало собрано матеріаловъ по бытовой исторіи сибирскихъ инородцевъ, сослужившихъ Россіи своею «ясачною» повинностію не маловажную службу: обогащая московское правительство цѣнною «мягкою рухлядью», эти скромныя инородческія племена значительно содѣйствовали поднятію русскихъ финансовъ XVII вѣка... Во имя уже одной этой заслуги не мѣшало бы русскимъ историкамъ повнимательнѣе относиться къ прошлому первоначальниковъ Сибири. Въ свое оправданіе историки не могутъ сослаться даже на обычную въ подобныхъ случаяхъ отговорку—на «отсутствіе матеріаловъ». Напротивъ, этихъ матеріаловъ—непочатый уголь и въ обнародованныхъ уже документахъ по исторіи Сибири (напр.—въ изданіяхъ Археографической Комиссіи), и еще болѣе въ мало тронутыхъ архивныхъ богатствахъ Сибирскаго Приказа и подвѣдомственныхъ ему мѣстныхъ административныхъ учрежденій (въ Моск. архивахъ м-ва юстиціи и м-ва иностр. дѣлъ, въ «портфеляхъ» сибирскаго историографа Миллера, хранящихся въ Академіи Наукъ и проч.). Въ XVII—XVIII вв. жизнь малочисленнаго тогда въ Сибири русскаго населенія такъ тѣсно переплеталась съ жизнью инородцевъ, что большая часть сибирскихъ документовъ того времени имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ исторіи остяковъ, тунгусовъ, якутовъ, бурятовъ, камчадаловъ и пр. и пр. Немудрено, поэтому, что въ сибирскихъ актахъ находится масса разнообразныхъ данныхъ и по бытовой исторіи инородцевъ. Для примѣра остановлюсь на одномъ—мелкомъ на первый взглядъ, но въ сущности довольно цѣнномъ и любо-

пытномъ матеріалѣ, очень рѣзко бросающемся въ глаза при изученіи сибирскихъ архивныхъ документовъ XVII в.

Извѣстно, что неграмотные сибирскіе (какъ и другіе) инородцы замѣняли письменныя рукоприкладства (подписи) грамотныхъ людей на различныхъ актахъ—«знаменами», т. е. изображеніями различныхъ фигуръ, знаковъ, начертаній и проч., которыя писались на актахъ въ назначенныхъ для подписи мѣстахъ. Каждый представитель семьи, или точнѣе каждый взрослый инородецъ имѣлъ свое «знамя», которымъ и пользовался въ необходимыхъ случаяхъ. Это были, такъ сказать, именные печати, отчасти даже фамильные гербы (тамга у монгольскихъ племенъ), не имѣвшіе, впрочемъ, характера вѣчной принадлежности инородческихъ родовъ и семей: рисунки «знаменъ» не рѣдко мѣнялись по произволу употреблявшихъ ихъ лицъ. Притомъ, иногда видимъ, что однимъ и тѣмъ же знаменемъ пользовалась группа лицъ изъ разныхъ родовъ или семей, соединившихся для какой-нибудь временной цѣли (напр.—для подачи царю общей «челобитной» и т. п.). Словомъ, это были только зачатки гербовъ и печатей.

На знамена прежде всего нужно смотрѣть, какъ на зародыши примитивнаго искусства живописи у этихъ бѣдныхъ дѣтей природы. Извѣстно, что знамена всегда (можетъ быть за рѣдкими исключеніями) рисовались на актахъ самими инородцами. Представляя разнаго рода фигуры изъ міра животнаго или растительнаго, или изъ предметовъ домашней обстановки и проч., знамена—своими робкими, неопредѣленными и невѣрными штрихами очень близки именно къ первымъ попыткамъ карандаша въ дѣтскихъ рукахъ.

Но гораздо болѣе цѣнны знамена въ томъ отношеніи, что они рисуютъ съ нѣкоторыхъ сторонъ жизнь и міросозерцаніе инородцевъ: чтó ихъ болѣе всего интересовало въ окружающемъ мірѣ, что они находили тамъ наиболѣе пригоднаго для себя, надъ чѣмъ болѣе всего работала ихъ мысль и взглядъ, то, несомнѣнно, они и избирали своимъ «знаменемъ», т. е.—своей эмблемой, гербомъ. Такимъ образомъ, изображенія знаменъ даютъ намъ отчасти понятіе о мірѣ, окружавшемъ инородцевъ, объ ихъ интересахъ, занятіяхъ, даже отчасти объ ихъ взглядахъ на міръ. Животныя, орудія борьбы съ ними, растенія, домашняя обстановка, средства передвиженія, даже религіозныя вѣрованія и проч.—все это находимъ въ знаменахъ. Правда, въ рисункахъ знаменъ мы видимъ скорѣе намеки на изображаемые предметы, чѣмъ дѣйствительныя копии самихъ предметовъ, но и эти намеки въ большинствѣ случаевъ настолько ясны, что смыслъ ихъ очевиденъ съ перваго взгляда.

Въ дѣлахъ Сибирскаго Приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ м-ва юстиціи, эти «знамена» встрѣчаются въ большомъ количествѣ главнымъ образомъ на «челобитныхъ» яса-

ныхъ людей, подававшихся царю (чрезъ воеводъ, рѣдко лично) по разнымъ случаямъ. Немало также знаменъ и въ «сыскахъ» («обыскахъ»), когда «сыщикамъ» (слѣдователямъ), посланнымъ для разслѣдованія извѣстнаго дѣла, приходилось снимать со свидѣтелей и околныхъ людей такъ называемыя «сыскныя (обыскныя) рѣчи». Для примѣра остановлюсь на знаменахъ, находящихся въ «сыскомъ дѣлѣ», производившемся въ 1628—32 гг. въ Приказѣ Казанскаго двorca (предшественникъ Сибирскаго приказа) о переписи «вотчинъ» остяцкихъ князей Михаила и Лобана Алачевыхъ¹⁾. Сущность дѣла въ слѣдующемъ:

Въ 1628 году посланные изъ Tobольска «письменный голова» Василій Теприцкой и подъячій Иванъ Костюринъ производили въ Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ перепись вотчинъ князей Алачевыхъ. Въ 1629 году кн. Алачевы неожиданно (безъ разрѣшенія правительства) приѣхали въ Москву съ жалобами на «дозорщиковъ» Теприцкаго и Костюрина, которые будто бы изъ корыстолюбивыхъ побужденій (требовали у князей «посулу» 300 р., но получили отказъ), невѣрно составили «дозорныя книги» Алачевскихъ вотчинъ, именно: въ число ясачныхъ людей внесли многихъ умершихъ остяковъ, старыхъ, увѣчныхъ и «недорослей», еще «не послѣвшихъ въ ясакъ», а также княжескихъ «дворовыхъ людей», (всѣ эти лица обыкновенно исключались изъ ясака). Кн. М. Алачевъ представилъ свою «роспись» ясачныхъ людей, въ которой оказалось много разностей съ «дозорными книгами» Теприцкаго и Костюрина. Послѣдніе, наоборотъ, увѣрили, что Алачевы «утаили» въ своей «росписи» 260 ясачныхъ людей и допустили другія неправильности. Князья требовали посланки новыхъ «дозорщиковъ» и новой переписи своихъ вотчинъ. Въ 1630 г. и были посланы для этого, по просьбѣ Алачевыхъ—изъ Москвы, а не изъ Tobольска—боярскій сынъ Александръ Воейковъ и подъячій помѣстнаго приказа Максимъ Козловъ.

Въ 1632 г. они вернулись въ Москву и подали Приказу Казанскаго Дворца свой «сыскъ» въ Березовскомъ и Сургутскомъ уѣздахъ объ обстоятельствахъ «дозора» Теприцкаго и Костюрина и о дѣйствительномъ количествѣ ясачныхъ людей въ Алачевскихъ вотчинахъ. «Сыскъ» состоитъ главнымъ образомъ изъ «обыскныхъ рѣчей» ясачныхъ остяковъ разныхъ волостей—о количествѣ ясачныхъ людей у Алачевыхъ, объ убыли и прибыли ихъ и проч. Согласно «наказу», данному Воейкову и Козлову въ Москвѣ и требовавшему, чтобы дозорщики «къ тѣмъ (обыскнымъ) рѣчамъ велѣли имъ (остякамъ) знамена свои приложить»—всѣ «обыскныя рѣчи» или «скаска» (лл. 277—413) остяковъ наполнены на оборотѣ листовъ разнообразными «знаменами».

¹⁾ Сибирскаго Приказа столбецъ № 26, лл. 1—455.

Остяки подали 16 «скасокъ». На первой сказкѣ (остяковъ Бѣлогородской волости Березовскаго уѣзда) находится 14 «знаменъ», на 2-й—9 знаменъ, на 3-й—21 знамя и т. д. Всего на 16 сказкахъ находится болѣе 300 знаменъ. Всѣ они нагромождены въ безпорядкѣ на оборотной (чистой отъ текста) сторонѣ листовъ и не сопровождаются никакими надписями, какія часто встрѣчаются при знаменахъ въ другихъ документахъ. Надписи эти дѣлались подьячими и другими лицами, писавшими «обыскныя рѣчи». Въ надписяхъ говорится—кому именно принадлежитъ данное знамя. Но особенно цѣнны тѣ надписи, гдѣ, кромѣ имени лица, приводятся еще объясненія и смысла знаменъ.

При знаменахъ Алачевскаго дѣла нѣтъ такихъ объясненій, но они встрѣчаются въ другомъ почти одновременномъ «сыскѣ» остяковъ Березовскаго уѣзда, именно—въ «сыскѣ» 1640 г., который производилъ Березовскій служилый человекъ Константинъ Чюкоминъ объ убылыхъ (умершихъ, убитыхъ, старыхъ, увѣчныхъ и проч.) и прибылыхъ (недоросляхъ, «поспѣвшихъ въ ясакъ») ясачныхъ людяхъ уѣзда¹). Многія знамена этого «сыска» повторяются въ Алачевскомъ «сыскѣ», такъ что является возможность объяснить документально смыслъ многихъ не понятныхъ по одному рисунку знаменъ послѣдняго сыска. Кромѣ «сыска» Чюкомина, пользуюсь объяснительными надписями и нѣкоторыхъ другихъ современныхъ Алачевскому сыску документовъ.

Изъ 300 знаменъ Алачевскаго сыска выбираю и снимаю 83 знамени—изъ наиболѣе характерныхъ и интересныхъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ.

Самыми любимыми фигурами въ остяцкихъ знаменахъ XVII вѣка слѣдуетъ признать фигуры изъ міра животныхъ: изъ 83 знаменъ почти половина—36 знаменъ представляютъ именно изображенія разнаго рода земноводныхъ, птицъ и рыбъ. Это вполне понятно: въ животномъ царствѣ заключалось и главное богатство остяковъ, и главный предметъ ихъ интересовъ и стремленій. Добыть звѣря и для уплаты ясака, и для собственнаго пропитанія и одѣянія—это была существенная задача въ жизни остяковъ.

Представляю прежде всего рядъ «знаменъ», изображающихъ оленей—самыхъ близкихъ и полезныхъ домашнихъ животныхъ остяка. Хотя они нарисованы очень примитивно, тѣмъ не менѣе ихъ сразу можно узнать, особенно по тѣмъ линіямъ у головъ, которыя должны представлять рога этихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ фигурахъ рога очень недурно вырисованы. Начинаю съ трехъ очень похожихъ другъ на друга оленей, представленныхъ безъ хвостовъ—

¹) Сибирскаго Приказа столбецъ 105, лл. 174—191.

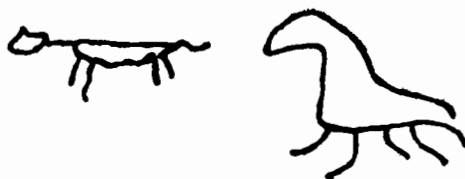
Два слѣдующихъ оленя съ хвостами, при чемъ у второго невѣроятный хвостъ—въ формѣ какой-то затычки.

Но всего страннѣе послѣдній олень—по головѣ съ характерными рогами—это, несомнѣнно, олень, но у него всего двѣ ноги пять боковыхъ отростковъ (ребра?), не считая хвоста. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фантазіей рисовальщика...

Изъ другихъ домашнихъ животныхъ иногда встрѣчаются собака и конь, напримѣръ—

Перехожу къ звѣрямъ. Чаще всего попадаютъ въ знаменахъ изображенія столь дорогихъ остякамъ соболей. Они изображались очень разнообразно, такъ что по однимъ рисункамъ нельзя было бы узнать ихъ. Но изъ объяснительныхъ надписей «сыска» Чюкомина и другихъ документовъ оказывается, что подъ этими неопредѣленными фигурами остяки разумѣли именно «соболей»—

Затѣмъ перѣдки изображенія «розсомакъ» (россомахъ) въ такомъ видѣ—

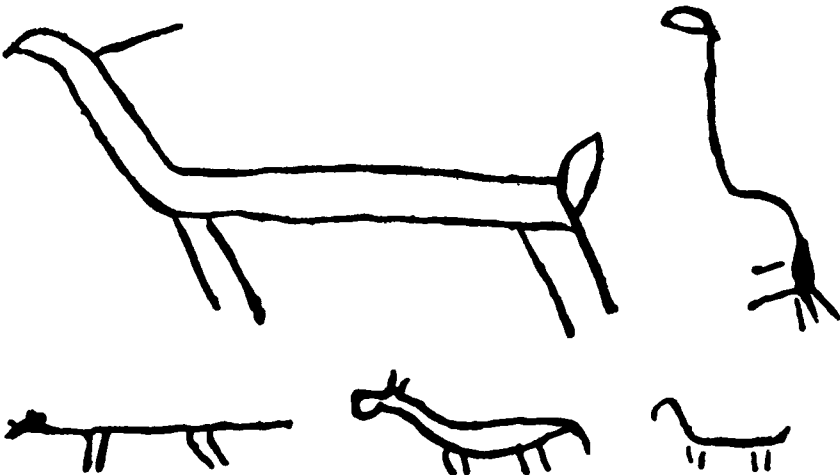
Въслѣдую-
щемъ зна-
мени мож-
но видѣть
лисицу —

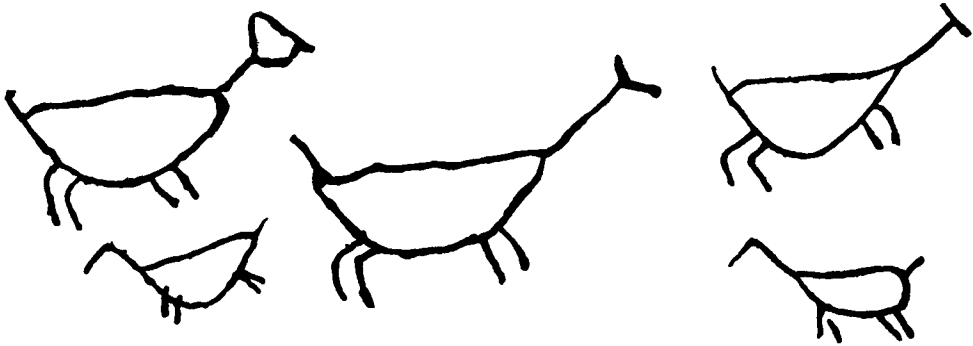
Медвѣдь изображался въ такомъ родѣ —

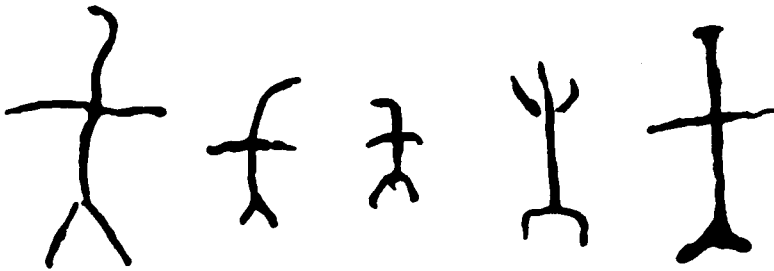
Что именно изображаютъ остальные фигуры животныхъ—трудно сказать рѣшительно: онѣ такъ неопредѣленны, что подъ ними можно разумѣть, что угодно, а объяснительныхъ надписей къ нимъ мнѣ не приходилось встрѣчать. Вотъ группа этихъ не понятныхъ фигуръ, среди которыхъ особенно бросается въ глаза какое-то гигантское животное (быть можетъ — преданіе о находимыхъ въ тѣхъ краяхъ замерзшихъ допотопныхъ мамонтахъ?..) —

Особенно часто попадаются въ Алачевскомъ дѣлѣ неопредѣленныя животныя (по туловищу напоминающія птицъ) слѣдующаго типа—

Но собственно птицы изображались остяками другимъ манеромъ—очень примитивнымъ. Нижеслѣдующія крестообразныя фигуры, менѣе всего напоминающія птицъ, оказываются—съ точки зрѣнія остяковъ—именно изображеніями птицъ. Именно такого рода фигуры, но съ нѣкоторыми незначительными приставками (завитушками и проч.) и другими видоизмѣненіями, носятъ въ объяснительныхъ надписяхъ «сыска» Чюкомина такія названія: «птица», «пташка», «пичюшка», иногда болѣе опредѣленно—«птица плиска», «дятель» и проч. Вотъ эти остяцкія «пташки»—

Наивный смыслъ этихъ рисунковъ все-таки понятенъ. Очевидно, мысль и взглядъ остяковъ болѣе всего поражались летательными способностями птицъ, и, именно, это птичье качество они и силились изобразить крестообразными фигурами, отчасти напоминающими летящихъ и распростертыхъ въ воздухѣ птицъ.

Кромѣ этихъ неопредѣленныхъ «пташекъ», часто встрѣчается среди знаменъ вѣроятно хорошо знакомая остякамъ птица—«ейлинъ». Но она изображалась иначе и довольно оригинально (напоминая скорѣе черепаху), именно такъ—

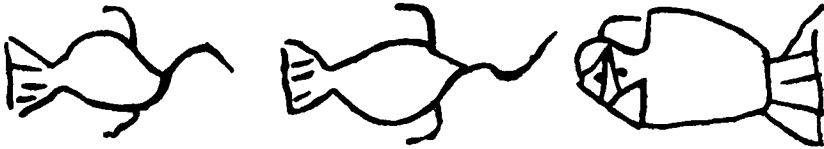
Къ міру животныхъ относится еще одно знамя, недурно изображающее лапу какого-то животного или птицы:

Особенно удачно и красиво рисовались остяками рыбы:

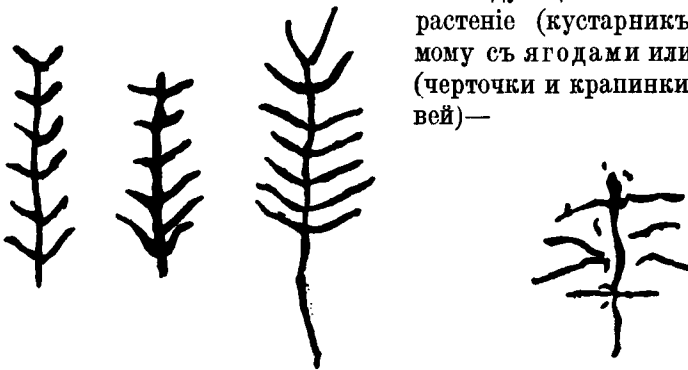
Въ слѣдующую группу ставлю повидимому морскихъ животныхъ:

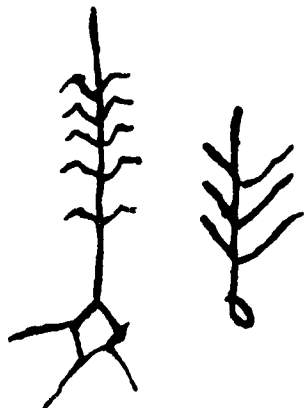
Всѣ трое по корпусу и хвосту напоминаютъ рыбъ, но въ двухъ первыхъ нѣтъ головъ, а изъ мѣста ея расположенія выходитъ какой-то отростокъ. Третья фигура имѣетъ голову съ 2 глазами. Если перевернуть эту фигуру и поставить ее на хвостъ, головою вверхъ, то вся она напоминаетъ поясную фигуру средневѣкового воина въ латахъ и шлемѣ...

Перехожу къ знаменамъ изъ царства растительнаго. Скучная сѣверная растительность не обращала на себя большого вниманія остяковъ, такъ какъ не доставляла имъ большой пользы. Оттого растенія довольно рѣдко фигурируютъ въ остяцкихъ знаменахъ. Формы ихъ, какъ и въ дѣйствительности — очень однообразны. Вотъ знамена, изображающія «ели» —

Слѣдующее знамя изображаетъ растеніе (кустарникъ), повидимому съ ягодами или цвѣтами (черточки и крапинки около вѣтвей) —

Два знамени представляютъ какіе-то корнеплоды, вѣроятно употреблявшіеся въ пищу неприхотливыми и не избалованными дарами природы остяками:

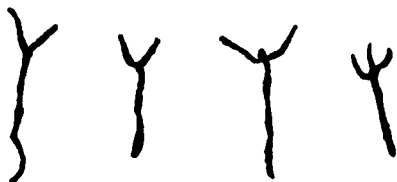
Болѣ любопытна другая рисуемая знаменами область—предметы окружавшей остяковъ обстановки. Изъ этой области всего чаще встрѣчаются въ знаменахъ «луки»—самое главное оружіе остяковъ для борьбы съ людьми и животными. Первые два рисунка луковъ (съ наложенной стрѣлой на первомъ) очень недурны. Точное повтореніе перваго знамени встрѣчается въ «сыскѣ» Чюкомина съ такою объяснительною надписью: «знамя Ворлима Окрасова—лукъ».

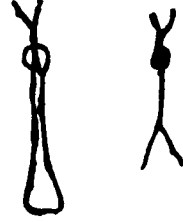
Другіе рисунки луковъ менѣе удачны и неполны, напримѣръ—

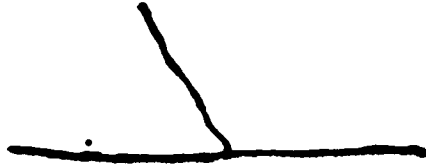
Изъ другихъ орудій остяковъ нерѣдко встрѣчаются остроги (орудіе ловли крупныхъ морскихъ животныхъ) различныхъ формъ, чаще всего—двузубцы, рѣже трезубцы.

Попадаютъ иногда двузубцы съ какими-то шарами на концѣ, передъ зубцами. Можетъ быть это намекъ на свернутую веревку, на какой посылають издали острогу въ крупныхъ рыбъ и морскихъ животныхъ...

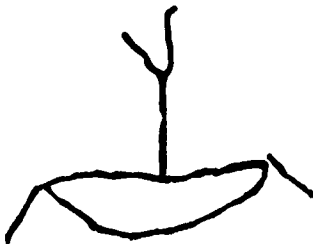
Къ числу такихъ же орудій ловли слѣдуетъ отнести и слѣдующую, нерѣдко встрѣчающуюся въ знаменахъ—тоже своего рода острогу:

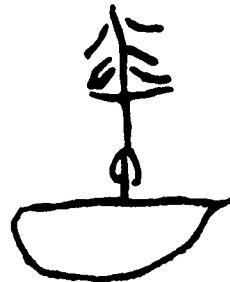
Нерѣдки также въ знаменахъ изображенія лодокъ и ихъ принадлежностей. На первыхъ двухъ лодкахъ возвышаются какъ будто мачты. На верху мачты второй лодки изображенъ какой-то шаръ—можетъ быть намекъ на свернутый парусъ...

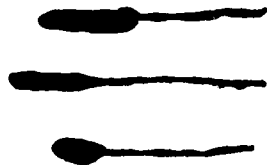
На палубѣ слѣдующей лодки воткнута острога зубцами вверхъ, а съ кормы и носа опущено по веслу.

На палубѣ другого судна воткнуть какой-то корнеплодный кустарникъ, вѣроятно намекъ на какой-нибудь обрядъ, или церемонію...

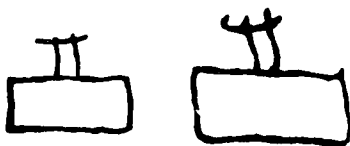
Знамена, изображающія весла—довольно правильного рисунка. Въ двухъ веслахъ концы удлиненные, а въ третьемъ—короткій и широкій конецъ.

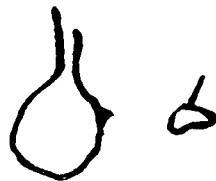
Встрѣчаются среди знаменъ и предметы домашней рухляди остяковъ. Такъ, первое знамя представляетъ, несомнѣнно, каменный топоръ. Вторая фигура очень часто встрѣчается между знаменами и, по-видимому, должна изображать остяцкія нарты (сани).

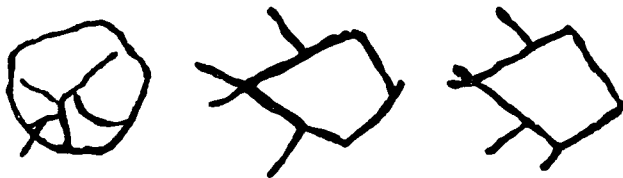
Нерѣдки въ знаменахъ слѣдующіе непонятные предметы—какъ бы ящички какіе—

Мало понятны и слѣдующія знамена. Впрочемъ, въ первомъ можно видѣть сосудъ съ удлиненнымъ горлышкомъ, а во второмъ—или сосудъ, или камень на веревкѣ (въ качествѣ оружія?..).

Совсѣмъ ужъ непонятны слѣдующія знамена, изображающія по-видимому какіе-то предметы:

Первое знамя изображаетъ кругъ съ какими-то линейными начертаніями на поверхности его, остальные—неправильные четырехугольники съ выходящими съ двухъ боковъ линиями. Последнія фигуры довольно часты между знаменами.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1889 г., т. XLVIII.

Также нерѣдка слѣдующая неправильная крестообразная фигура—

Она очень напоминаетъ тѣ знамена, которыя въ «сыскѣ» Чюкомина очень часто встрѣчаются и носятъ названія—«скобель», «скобелька», «скобленица», «скребеница». Впрочемъ, въ «сыскѣ» Чюкомина «скобли» больше имѣютъ нѣсколько иную фигуру, именно—правильнаго креста, четыре конца котораго оканчиваются или перекладинами, или прямыми крючками. «Скобли» же безъ этихъ прилатковъ рѣдки. Такія «скобли» встрѣчаются также и въ формѣ правильныхъ крестовъ, напримѣръ—

Эти кресты въ «сыскѣ» Чюкомина носятъ слѣдующее остяцкое названіе: «знамя Волипала Бордакова, имя ему (т. е. знамени)—яидъ». Тоже остяцкое слово «яидъ» встрѣчается въ объяснительной надписи и другого простѣйшаго знамени (стоящаго въ «сыскѣ» Чюкомина вслѣдъ за первымъ), изображающаго 2 вертикальныя черты: ||. Иногда, Впрочемъ, послѣднее знамя называется нѣсколько иначе: «знамя..., имя ему аедъ».

Оба эти знамена—«яидъ» (крестъ) и «аедъ» (2 черты)—встрѣчаются въ другомъ «сыскѣ» тѣхъ же Березовскихъ остяковъ, но уже съ русскимъ переводомъ ихъ значенія. Именно, въ «сыскѣ» 1642 г. ¹⁾ тотъ же остякъ В. Бордаковъ опять поставилъ своимъ знаменемъ крестъ, подлѣ котораго стоитъ такая подпись: «знамя Волипала Бордакова, имя ему—знамя накрестъ». Остальныя надписи при томъ же знамени повторяютъ тоже объясненіе—«накрестъ». Другое же близкое по созвучію названіе знамени «аедъ» (2 черты) переводятся въ «сыскѣ» 1642 г. такъ: «знамя..., имя ему—два рубежи» (черты), или просто: «имя ему—рубежи». Такъ какъ въ «сыскѣ» 1642 г. оба эти знамена принадлежатъ тѣмъ же лицамъ, которыя употребляли ихъ и на «сыскѣ» Чюкомина, то полагаю, что русскія объясненія перваго «сыска» соотвѣтствуютъ значенію остяцкихъ словъ—«яидъ» и «аедъ».

Перехожу къ самому интересному знамени, изображающему отвлеченное религиозное представленіе остяковъ. Какъ въ «сыскѣ» по Алачевскому дѣлу, такъ особенно же въ «сыскѣ» Чюкомина (и въ другихъ подобныхъ документахъ) очень часто встрѣчается слѣдующее очень простое по рисунку знамя, но съ очень глубокимъ смысломъ:

¹⁾ Сибир. Приказа столбецъ № 111, лл. 90—98.

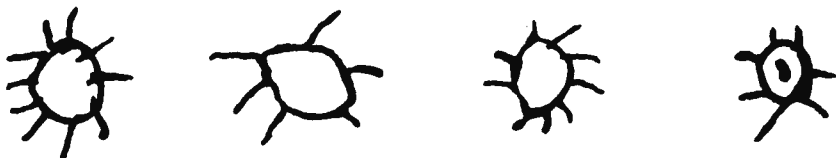
Оказывается, что эти три скромныя черты обозначают «шайтана» — остяцкаго (и другихъ сибирскихъ инородцевъ) духа тьмы. Въ частности же, какъ говорятъ объяснительныя надписи «сыска» Чюкомина — это знамя изображало въ представленіи остяковъ ни что иное, какъ «шайтанову рожу» («рожа» на языкѣ XVII в. — не въ нашемъ обидномъ смыслѣ, а въ значеніи всякаго вообще человѣческаго и человѣкообразнаго лица). При этихъ знаменахъ стоятъ такого рода надписи: «Ахматка Уждентыковъ знамя свое приложилъ — шайтанову рожу», или такъ: «знамя (такого-то...), имя ему — шайтанова рожа».

«Шайтанова рожа» изображалась чаще всего именно такъ, какъ выше снято, т. е. — тремя вертикальными чертами, какъ бы напоминающими 2 глаза и носъ лица. Но иногда эти 3 черты клались и горизонтально: — Очень рѣдко встрѣчается еще болѣе простѣйшая форма «шайтановой рожи», когда всѣ 3 черты клались горизонтально же, но въ одинъ рядъ:

Первыя двѣ формы «шайтана» такъ часты въ «сыскѣ» Чюкомина, что рѣшительно преобладаютъ надъ всѣми остальными знаменами этого «сыска». Очень любопытно это странное влеченіе остяковъ къ изображеніямъ духа тьмы...

Встрѣчается въ «сыскѣ» Чюкомина одна надпись при «шайтановой рожѣ», свидѣтельствующая, что у остяковъ существовали идолы, именно: «знамя Шила Кодаева сына, имя ему — болванъ» (истуканъ).

Отчасти къ области религіозныхъ же вѣрованій остяковъ нужно отнести и слѣдующія фигуры, очень часто употреблявшіяся въ качествѣ знаменъ:

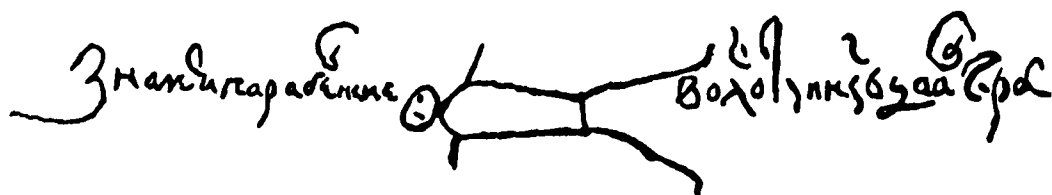

Изъ «сыска» Чюкомина видно, что въ этихъ фигурахъ нужно видѣть примитивныя изображенія солнца. Подлѣ одного подобнаго знамени читаемъ такую надпись: «знамя Кандаси Ротопова, имя ему — сонце». Живительное свѣтило — источникъ свѣта и тепла — не могло не привлекать взоровъ и мыслей остяковъ, болѣе всего обихинныхъ природою именно относительно свѣта и тепла.

Въ одной остяцкой «скасѣ» Алачевскаго «сыска» подлѣ знамени, изображающаго солнце, стоитъ другое знамя, въ которомъ слѣдуетъ видѣть луну. По крайней мѣрѣ въ «сыскѣ» Чюкомина находимъ подобное же знамя съ яснымъ обозначеніемъ, что это — «месець».

Вотъ и всѣ 83 знамени Алачевскаго «сыска», на которыя я считалъ нужнымъ обратить вниманіе. Любопытно, что между всѣми 300 остяцкими знаменами этого «сыска» не встрѣчалось ни одной человѣческой фигуры. Но онѣ встрѣчаются въ другихъ документахъ, напр. на «челобитной» царю ясачныхъ людей Нарымскаго уѣзда объ облегченіи ихъ ямской повинности, 1635 г.¹⁾ На оборотѣ челобитной находится 12 знаменъ, изъ нихъ—2 знамени изображаютъ человѣческія фигуры. Первую фигуру привожу съ сопровождающею ее надписью:

Надпись читается такъ: «знамя Парабельской волости князьца Алгира».

Слѣдующее знамя, какъ показываетъ надпись, принадлежало «князьцу» Тогурской волости:

Знамя «князьца» Алгира повторяется и въ другомъ позднѣйшемъ документѣ, именно—на челобитной ясачныхъ людей того же Нарымскаго уѣзда, поданной царю въ 1641 г.²⁾ И здѣсь «знамя князьца Алгира съ товарищи» представляетъ ту же самую человѣческую фигуру, но только безъ глазъ и съ болѣе рѣзко выдвинутыми линіями, обозначающими ступни ногъ.

Остановлюсь еще на одномъ видѣ знаменъ, имѣющемъ отношеніе къ вопросу о происхожденіи этихъ остяцкихъ іероглифовъ. На вышеупомянутомъ Березовскомъ «сыскѣ» 1642 г.³⁾ встрѣчаются 4 слѣдующихъ простѣйшихъ знамени: |, /, !, \. Оказывается, что эти—одна прямая и три косыхъ линій не простые «рубежи» (черты), но особенные знаки, имѣвшие большой смыслъ для клавшихъ ихъ остяковъ. Подлѣ этихъ знаменъ стоятъ такія объяснительныя надписи: «знамя..., имя ему—рубець, порѣзано на рукѣ».

Очевидно—у этихъ 4 остяковъ были какіе-то рубцы отъ порѣзанія рукъ и эти-то рубцы, почему-либо особенно памятные остякамъ (воспоминаніе о какомъ-нибудь «боѣ» съ людьми или звѣрями и т. п.), они и сдѣлали своимъ «знаменемъ». Отсюда слѣдуетъ за-

¹⁾ Сибир. Приказа столбець № 40, лл. 243—244.

²⁾ Сибир. Приказа столбець № 112, л. 427—428.

³⁾ Ibid. № 111, лл. 90—98.

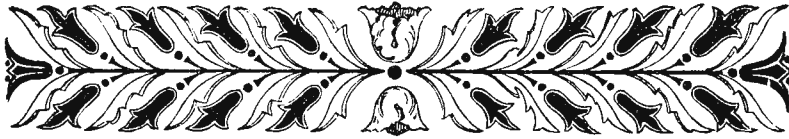
ключить, что и въ другихъ случаяхъ остяки, выбирая своимъ знаменемъ тѣ или другіе одушевленные и неодушевленные предметы, или какіе-либо символическіе знаки, выразившіе извѣстныя понятія и представленія, основывались въ своемъ выборѣ именно на личномъ значеніи для нихъ этихъ предметовъ представленій и проч.

Остается еще замѣтить, что рѣдкія сибирскія инородческія племена не употребляли знаменъ. Такой рѣдкій случай представляетъ челобитная «князьцовъ» Красноярскихъ «подгородныхъ ясачныхъ татаръ», перекочевавшихъ «изъ киркизъ» въ 1641 г. и просившихъ отсрочить имъ внесеніе ясака за этотъ годъ до зимы слѣдующаго 1742 г.¹⁾ Челобитная ихъ на оборотѣ совершенно чистая—не имѣетъ ни знаменъ, ни письменныхъ рукоприкладствъ. Воевода, представляя въ Москву эту необычайную челобитную, такъ объясняетъ въ своей «отпискѣ» (л. 564) отсутствіе на ней знаменъ: «знаменъ, государь у тое ихъ челобитные нѣтъ никакихъ, потому что истари не повелося» у этихъ «татаръ» ставить знамена на документахъ.

Н. Оглоблинъ.

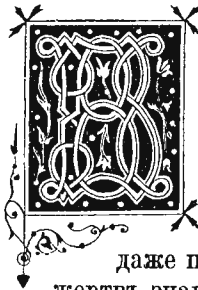
¹⁾ Сибир. Приказа столбецъ № 112, л. 567.

ЭРИКЪ XIV ¹⁾.

(Историческій разсказъ Ксавье Мармье).

VIII.

О ВРЕМЯ БѢГСТВА Эрика, смотритель замка, истолковавъ по своему намѣренію короля, умертвилъ всѣхъ заключенныхъ. Узнавъ объ этомъ, Эрикъ былъ глубоко огорченъ и старался всѣми возможными способами смягчить горестъ осиротѣлыхъ семействъ казненныхъ. По старымъ скандинавскимъ традиціямъ, въ видѣ искупленія, Эрикъ даже предложилъ вдовѣ Штюре и родственникамъ другихъ жертвъ значительныя суммы денегъ. Онъ умолялъ простить ему его бѣшенныя вспышки и даже дошелъ до того, что обвинилъ во всемъ Персона, какъ подстрекателя ко всѣмъ жестокостямъ.

Видя такое благодушное настроеніе короля, друзья герцога Иоанна сочли возможнымъ ходатайствовать о его помилованіи. Эрикъ даровалъ ему прощеніе. Послѣ четырехлѣтней разлуки, братья свидѣлись въ Свартіое. Эрикъ упалъ передъ братомъ на колѣни, называя его своимъ господиномъ и королемъ. Иоаннъ тоже бросился на колѣни передъ Эрикомъ и говорилъ:

— Вы мой верховный повелитель, а я только жалкій заключенный, которому нужно было ваше королевское милосердіе. Затѣмъ оба обнялись, высказывая другъ другу самую искреннюю привязанность; но не смотря на всѣ дружескія эти изліянія, оба не довѣряли одинъ другому и послѣшили разстаться. Иоаннъ возвратился къ своему семейству въ замокъ Виндгольмъ; Эрикъ же

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 602.

рѣшился выступить противъ датскаго генерала Ранцау, который съ небольшимъ войскомъ, страдавшимъ притомъ отъ заразительныхъ болѣзней, проникъ до самой Остроготіи, т. е. почти въ сердце королевства. Эрикъ собралъ значительныя силы и, дѣйствительно, успѣлъ оттиснуть до самыхъ шведскихъ границъ неустрашимаго датскаго генерала; но вся честь этой кампаніи безспорно принадлежала Ранцау, который, зайдя такъ далеко, умѣлъ самое отступленіе свое сдѣлать страшнымъ. Король, однако, счелъ себя побѣдителемъ, и воображаемый успѣхъ его, упоеніе власти, снова вернули его гордость и запальчивость характера; онъ уже раскаявался, что слишкомъ милостиво отнесся къ фамилии Штюре, освободилъ Горона Персона отъ предстоящаго суда и сталъ грозить, что прерветъ дружбу съ Іоанномъ.

Въ такія минуты реакціи все трепетало передъ нимъ; никто изъ самыхъ преданныхъ ему людей не дерзалъ подать какой-либо совѣтъ, изъ опасенія быть обвиненнымъ въ измѣнѣ. Одна только Катерина могла укрощать его гнѣвъ, успокоивать подозрительность и предупреждать запальчивость; ея кроткій молодой голосъ, печальный взглядъ, пробуждали въ немъ укоры совѣсти и благородныя намѣренія. При ней онъ становился кроткимъ, нѣжнымъ и застѣнчивымъ; при ней онъ готовъ былъ отречься отъ скипетра и власти лишь бы вымолить у нея одну улыбку; онъ любовался ею, какъ дитя, и обожалъ ее, какъ поэтъ.

Любовь его къ Катеринѣ только росла съ годами и стала еще сильнѣе, когда она родила ему сына. Эрикъ окончательно рѣшилъ прекратить всѣ попытки къ заключенію брака съ какой-нибудь иностранной принцессой и задумалъ возвести на престолъ скромную молодую дѣвушку. Она испугалась, когда онъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи, и старалась отговорить его, пустивъ въ дѣло и слова любви, и голосъ разсудка.

— Вы избрали меня,—говорила она,—изъ всѣхъ женщинъ вашего королевства, чтобы обогатить меня вашими дарами и облагородить вашей любовью. Не подумайте, что блескъ короны прибавитъ что-нибудь къ моей славѣ или къ моему счастью; счастье мое было безконечно въ тотъ день, когда мнѣ показалось, что я приношу вамъ какую-нибудь пользу. Подумайте только, что всѣ тѣ принцы, у кого вы просили въ замужество или дочь или сестру, будутъ глубоко обижены, если вы дадите предпочтеніе мнѣ. Знатныя шведскія дамы, также имѣвшія надежду привлечь ваши взоры не простятъ вамъ, если вы накинете свою королевскую мантию на плечи бывшей торговли фруктами. Откажитесь же отъ намѣренія, исполненіе котораго принесетъ мнѣ мало радостей, а создастъ только новыхъ враговъ; оставьте меня, постарому, при себѣ; позвольте мнѣ любить васъ смиренной и преданной любовью, остаться вашей слугою.

Но смиренное сопротивление Катерины только усиливало настойчивость Эрика. Онъ объявилъ, что она будетъ королевой, и она съ горестью покорилась ему, точно предчувствуя, что настанетъ день, когда этотъ бракъ и коронаваніе послужатъ еще однимъ поводомъ къ осужденію Эрика. Но король, ослѣпленный любовью, мечталъ только о счастіи возвести на престолъ женщину, взятую имъ изъ народа, и закрывалъ глаза на будущее. Онъ велѣлъ возвѣстить по всему королевству о днѣ коронаванія и пригласилъ присутствовать при этомъ торжествѣ принцевъ, братьевъ своихъ, и всю шведскую знать. Всѣ обѣщали, но въ назначенный день никто изъ принцевъ не явился и даже не удостоили написать извинительныхъ писемъ. Король сначала былъ непріятно пораженъ ихъ отсутствіемъ, но потомъ, взявъ за руку Катерину, проговорилъ:

— Что за бѣда! Вы все-таки будете королевой Швеціи передъ Богомъ и передъ людьми.

И съ этимъ онъ отправился въ церковь.

Торжественная церемонія была обставлена всей пышностью, которую Эрикъ любилъ выказывать въ особенно важныхъ случаяхъ. Костюмъ невѣсты блисталъ золотомъ и драгоценностями. Трое дворянъ несли впереди нея знаки королевскаго достоинства; четверо другихъ несли надъ нею бархатный расшитый золотомъ и съ золотыми кистями балдахинъ. Двое знатнѣйшихъ вельможъ королевства держали на рукахъ незаконнаго сына Эрика и Катерины, котораго въ этотъ день предполагалось объявить наследникомъ престола; затѣмъ шло множество рыцарей и знатныхъ дамъ; они всѣ шли, понуривъ головы, не смѣя явно роптать, но въ глубинѣ души возмущенные тѣмъ, что сопровождаютъ такимъ образомъ дочь народа.

Что же касается Катерины, то она глубоко страдала и чувствовала непреодолимое смущеніе, видя себя предметомъ такой помпы и такого собранія. Она шла медленно, опустивъ голову, съ тревогой въ глазахъ; и если повременамъ она пробовала улыбнуться или бросала вокругъ себя быстрый взглядъ, то можно было подумать, что этой кроткой, грустной улыбкой, этимъ робкимъ и прелестнымъ взглядомъ она какъ бы просила прощенія у окружающихъ за свою долю, за свой непрошенный триумфъ. Во всемъ этомъ многолюдномъ собраніи одинъ только Эрикъ гордо несъ голову и шелъ съ веселымъ лицомъ. Женясь на Катеринѣ, онъ какъ будто отмстилъ этимъ всѣмъ тѣмъ принцессамъ, которыя отказали ему въ рукѣ, а къ удовольствію возвести на престолъ любимую женщину примѣшивалось, повидимому, желаніе уязвить еще такимъ путемъ гордость дворянства. Но это была кратковременная радость, ощущаемая только имъ однимъ и ни въ комъ изъ своихъ придворныхъ онъ не могъ бы найти въ данномъ случаѣ сочувствія, развѣ только въ завистливой душѣ Горона Персона. Весь этотъ богато

убранный кортежъ безмолвно слѣдовалъ по дорогѣ, а народъ, удивленный новостью зрѣлица, этимъ страннымъ романомъ бѣдной торговли фруктами, призванной теперь на престолъ Вазы, держался на извѣстномъ разстояніи и то же безмолствовалъ.

По прибытіи въ церковь, любовники преклонили колѣна передъ архіепископомъ Лаврентіемъ Петри, который и совершилъ брачный обрядъ; потомъ король даровалъ дворянство родственникамъ Катерины и пожаловалъ ихъ рыцарями, ударивъ каждаго шпагой по плечу и сказавъ тогдашнюю формулу: «Сначала ты былъ язычникомъ, потомъ христіаниномъ, теперь же сталъ рыцаремъ».

Послѣ этой церемоніи, процессія вернулась въ замокъ, гдѣ король велѣлъ приготовить блестящее празднество; но роскошное убранство его комнатъ, обиліе всякихъ яствъ и напитковъ не могли преодолѣть непріятнаго настроенія, въ которомъ находились гости съ самого утра. Къ концу обѣда, Нильсъ Гиленштирна, который стоялъ за Катериной, держа въ рукахъ корону, уронилъ ее на полъ. Этотъ случай навелъ невыразимый ужасъ на всѣхъ присутствующихъ, уже настроенныхъ въ духъ печальныхъ предчувствій. Сама Катерина, нисколько не суевѣрная, не могла подавить движеніе испуга. Уже съ самаго утра она чувствовала себя не весело и не свободно; костюмъ казался ей слишкомъ тяжелъ, головной уборъ давилъ ее; видя короля веселымъ и беззаботнымъ, она въ первый разъ еще не могла раздѣлить его радость; она видѣла безмолвныхъ и сконфуженныхъ гостей, и ей казалось, что на ихъ мрачныхъ лицахъ отражается ея лицо. Какъ только получилась возможность удалиться, Катерина поспѣшила въ свою комнату, сняла свое королевское платье и надѣла вчерашнее; и когда Эрикъ пришелъ къ ней, онъ засталъ ее у окна: склонившись головой на руки, она горько рыдала.

IX.

Внезапная печаль Катерины была только предверіемъ глубокихъ страданій, предстоявшихъ ей въ непродолжительномъ времени. Обливаясь слезами въ вечеръ своей свадьбы, она не знала, что черезъ нѣсколько дней будетъ плакать еще горше и уже безутѣшно. Новая буря собиралась надъ Швеціей, и этой бурѣ предстояло окончательно разбить судьбу Эрика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его Катерины.

Мы сказали уже, что герцогъ Іоаннъ, по освобожденіи своемъ, удалился съ семьей своей въ замокъ Виндгольмъ. Но онъ все еще боялся подозрительности своего брата и живя повидимому мирной и скромной жизнью, придумывалъ средства, какъ бы отмстить за прошлое и обезпечить себя въ будущемъ. Нѣсколько недовольныхъ разгадали его намѣренія и предложили ему поддержку. Король

черезъ своихъ шпионовъ разузналъ, что въ домѣ брата его замышляется какой-то заговоръ и вопреки своему обычаю, вмѣсто того, чтобы сразу принять крутыя мѣры, прибѣгнувъ къ окольнымъ путямъ. При дворѣ его въ то время находился провансальскій дворянинъ Понтій де-ла-Гарди, оставившій Францію изъ-за преслѣдованій, которымъ въ то время подвергались тамъ протестанты. Поступивъ сначала на службу къ датскому королю, онъ затѣмъ перешелъ въ Швецію и во многихъ случаяхъ отличился своимъ умомъ и мужествомъ. Эрикъ рѣшился послать его подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ въ замокъ брата для наблюденія затѣмъ, что тамъ происходитъ. Горонъ Персонъ былъ противъ такого назначенія, и на этотъ разъ коварный министръ былъ правъ, но Эрикъ настоялъ на своемъ, и Понтій-де-ла-Гарди уѣхалъ.

Это былъ умный и проницательный человѣкъ. Присматриваясь, во время своей поѣздки, къ настроенію народа и къ движенію недовольныхъ, онъ угадалъ, что царству Эрика приходитъ конецъ и скоро наступитъ владычество Иоанна. Вмѣсто того, чтобы исполнить возложенную на него миссію, онъ принялъ сторону Иоанна и убѣдилъ его поднять знамя бунта. Иоаннъ ждалъ только получить согласіе брата своего принца Карла. Карлъ принялъ сдѣланныя ему предложенія и борьба противъ короля была рѣшена, война объявлена. Оба герцога соединили свои войска въ окрестностяхъ Эскильштуны и рѣшили начать кампанію осадой замка Вадстена, который былъ въ то время одной изъ лучшихъ крѣпостей Швеціи. Едва только стало извѣстно объ этомъ возстаніи въ странѣ, какъ всѣ тѣ, кого давно уже тяготило иго Эрика, всѣ, пострадавшіе отъ его несправедливостей, запальчивости, поспѣшили присоединиться къ арміи бунтовщиковъ. Такъ, однажды, къ нимъ присоединился цѣлый кавалерійскій отрядъ подъ командою человѣка внушительнаго роста и съ угрюмымъ лицомъ.—Я, объявилъ, онъ начальникъ нѣмецкой кавалеріи; король однажды оскорбилъ меня въ самый день сраженія; я хочу отмстить ему и присоединяюсь къ вамъ.

На другой день пришелъ отрядъ шведскихъ дворянъ; у каждаго изъ нихъ была золотая цѣпь на шеѣ и шляпа съ султаномъ.

— Я сенаторъ Лейонгуфвальдъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Король посадилъ меня въ Упсальскій замокъ, какъ злоумышленника; я желаю мстить и иду съ вами. Въ скоромъ времени изъ лагеря бунтовщиковъ увидѣли приближающуюся старую сѣдую женщину; она шла важной, медленной походкой; впереди ея шли два оруженосца, а позади ѣхали нѣсколько телѣгъ. Старуха была въ глубокомъ траурѣ и покрыта длиннымъ вуалемъ. Когда она своей старческой, исхудалой рукой откинула складки вуаля, присутствующіе увидѣли лицо, изможденное страданіями еще больше, чѣмъ лѣтами, и глаза совершенно красные отъ пролитыхъ слезъ.

— Я вдова Сванте Штюре,—сказала она,—и мать Нильса. Мое имя говоритъ вамъ о всѣхъ моихъ страданіяхъ. Никакая мечь не въ силахъ заплатить мнѣ за все, что я выстрадала и утолить печаль, съѣдающую меня; но тиранъ долженъ пасть, и я приношу въ помощь вамъ золото, которое онъ далъ мнѣ въ вознагражденіе за смерть моего супруга и за убійство сына.

Получивъ всѣ эти подкрѣпленія, принцы немедленно приняли мѣры, необходимыя для успѣшнаго окончанія своего предпріятія. Для того чтобы не имѣть помѣхи извнѣ, они заключили мирный трактатъ съ Даніей. Для регулярной уплаты жалованья войскамъ они захватили богатство брата своего Магнуса, отъ природы слабоумнаго, и съ помощью его денегъ, да еще тѣхъ, которые доставила имъ вдова Штюре, начеканили монеты, которой хотѣли дать названіе Вадштенскіе боллоны; но народъ назвалъ ее кровавый боллонъ. Порвыя попытки ихъ увѣнчались успѣхомъ. Герцогъ Карль почти безъ выстрѣла овладѣлъ Вадштенскимъ замкомъ. Іоаннъ произнесъ рѣчь къ народу, который принялъ ее съ восторгомъ и обѣщаль вооружиться поголовно, чтобы свергнуть съ престола того, котораго еще такъ недавно величали на официальномъ языкѣ «христіаннѣйшій король», а теперь иначе не называли, какъ тиранъ.

Эрикъ, занятый еще свадебными празднествами, обманутый своимъ легкомысліемъ, упоенный радостями любви, разомъ узналъ о возмущеніи братьевъ, о взятіи замка Вадстена и о возрастающихъ успѣхахъ арміи инсургентовъ. Онъ вышелъ изъ своего упоенія, чтобы облечься въ военные доспѣхи, выступилъ противъ союзниковъ, встрѣтилъ ихъ близъ Никопинга и атаковалъ съ отчаяннымъ мужествомъ. Но народъ началъ уже отставать отъ него, и ему едва оказывали кое-какую поддержку. Численность войскъ его съ каждымъ днемъ уменьшалась, а братья безпрестанно получали новыя подкрѣпленія. Онъ оставилъ наступательныя дѣйствія, ограничился оборонительными и отступилъ къ столицѣ, оставивъ тѣмъ не менѣе подъ начальствомъ Штейнкорса значительный отрядъ, для того, что бы задержать или, по крайней мѣрѣ, замедлить движеніе непріятели. Штейнкорсъ былъ разбитъ и, нѣсколько дней спустя, войско мятежниковъ уже расположилось лагеремъ у воротъ Стокгольма.

Эрикъ взошелъ на укрѣпленія батареи Трехъ Коронъ, расположенной на сѣверной сторонѣ города, и съ чувствомъ глубокой горести глядѣлъ на вражеское войско. Сколько могъ охватить глазъ черезъ длинную равнину, отдѣляющую Упсалу отъ Стокгольма, повсюду видны были правильно расположенные батальоны, бивачные огни, разбросанные тамъ и сямъ и развѣвающіяся вездѣ знамена. Отъ времени до времени видно было, какъ герцогъ Карль ѣздилъ верхомъ между рядами войскъ, лично отдавая приказанія

офицерамъ, и ободряя солдатъ. Войска, при его приближеніи, махали оружіемъ и отвѣчали на его слова восторженными криками. Можно было подумать, что шведы, при видѣ его, угадывали въ немъ будущаго короля, которому современемъ предстояло придать новый блескъ престолу Вазы.

При видѣ этой многочисленной и сильной арміи, Эрикъ совершенно упалъ духомъ. Вернувшись въ замокъ, онъ рѣшился лучше умереть, чѣмъ подвергнуть себя позору не равной борьбы, а потому призвалъ своего врача и приказалъ ему открыть себѣ вены. Но докторъ отказался наотрѣзъ, объявивъ, что на обязанности его лежитъ забота о продолженіи жизни короля, а не сокращеніе ея. Въ эту минуту доложили Эрику, что непріятель снялся съ лагеря и въ совершенномъ порядкѣ двигается къ столицѣ. При этомъ извѣстіи, Эрикъ, перейдя отъ упадка духа къ сильному возбужденію, сѣлъ на коня и во главѣ своей гвардіи помчался на встрѣчу мятежникамъ. Онъ встрѣтилъ первые батальоны ихъ на Брюнкебергской площади, кинулся въ средину ихъ съ такой стремительностью и съ такимъ мужествомъ, что они отступили. Онъ искалъ де-ла-Гарди, но не могъ найти его, предлагалъ драться на поединкѣ братьямъ Иоанну или Карлу, но оба они отказались отъ этого. Заставивъ непріятели отступить на прежнія позиціи, онъ вернулся съ своими войсками и проѣхалъ, между ранеными и убитыми черезъ ту самую Брюнкебургскую площадь, на которой семь лѣтъ тому назадъ, его встрѣчали восторженные крики народа.

Между тѣмъ, непріятельская армія все ближе и ближе подходила къ городу и дѣлалась все грознѣе. Оба принца, предвидя скорую побѣду, начинали намѣчать свои жертвы и составлять условія капитуляціи. Они потребовали отъ горожанъ выдачи Горона Персона. Буржуазія охотно готова была исполнить это, ибо недостойный министръ короля былъ предметомъ глубокой ненависти, но Эрикъ хотѣлъ защищать его. Долго пришлось вести съ нимъ переговоры. Наконецъ, общія убѣжденія городскихъ сановниковъ, офицеровъ и дворянства, понудили его выдать своего совѣтника на судъ народный. Персона арестовали во дворцѣ и выдали принцамъ, которые заставили его перенести всѣ роды мученій. Его сперва пытали, потомъ повѣсили. Отрѣзали ему уши и привѣсили къ столбу вмѣстѣ съ его дворянской грамотой. Потомъ, когда замѣтили, что онъ еще живъ, палачъ снялъ его съ висѣлицы, перерубилъ члены, отрѣзалъ голову, а солдаты разбили камнями его туловище. Мать его была арестована одновременно съ нимъ и осуждена на такія же муки, но когда ее везли изъ города, она кинулась съ лошади и расшибла себѣ голову о мостовую.

Казнь эта была лишь удовлетвореніемъ народной ненависти; но принцы требовали еще сдачи города и отреченія Эрика; взамѣнъ короны, они предлагали ему княжество Аландское и Борг-

ское. Эрикъ хотѣлъ защищать свой престолъ до послѣдней крайности. Чтобы возбудить недовѣріе къ своимъ братьямъ въ народѣ, Эрикъ приказалъ вывѣсить на главной площади письма ихъ, въ которыхъ они клялись ему въ вѣчной вѣрности. Онъ самъ показывалъ эти письма горожанамъ, говоря:—«Посмотрите, можно ли вѣрить ихъ словамъ!» Онъ всячески поддерживалъ мужество у дворянъ, говорилъ рѣчи солдатамъ, бросался на укрѣпленіе Трехъ Коронъ и распоряжался стрѣльбой съ батареей. Но всѣ его усилія не измѣняли его ужаснаго положенія и только отсрочивали его погибель. Каждый день какое-нибудь новое извѣстіе отъ непріятели увеличивало страхи буржуазіи и смущало усердіе солдатъ, съ каждымъ днемъ принцы все болѣе и болѣе приобрѣтали власти. Самыя отдаленныя провинціи признавали ихъ господство, коменданты крѣпостей сдавались прежде, чѣмъ отъ нихъ того требовали. Они сами собою отказывались отъ короля и принимали сторону мятежниковъ. Эрикъ все еще хотѣлъ бороться, а Швеція уже не принадлежала ему: вся Швеція мало-по-малу покинула его, ему оставался одинъ Стокгольмъ, да и то власть его въ этомъ городѣ становилась сомнительна. Горожане съ тоскою считали пушечные выстрѣлы съ крѣпости и боялись, что дальнѣйшее сопротивление навлечетъ на городъ тяжкія репрессалии. Интересы дворянства страдали въ этой долгой борьбѣ и дворяне только и думали, какъ бы выйти изъ этого положенія. Было нѣсколько случаевъ побѣговъ. Офицеры, посланные въ непріятельскій лагерь парламентарями, не возвращались. Другихъ посылали защищать какой-нибудь городъ или замокъ, и они, тотчасъ по прибытіи на свой постъ, сдавали его. На улицахъ простолудины шопотомъ передавали другъ другу новости дня. Въ замкѣ придворные и гвардейскіе офицеры съ безпокойствомъ наблюдали одинъ за другимъ и при встрѣчахъ какъ будто спрашивали: «Что вы намѣрены дѣлать?»—Тѣмъ временемъ случилось происшествіе, которое еще болѣе усилило ужасъ населенія столицы. Къ набережной подплыла лодка. Три женщины сошли въ нее, привѣтливо раскланиваясь съ собравшимися вокругъ народомъ. Это были мать и двѣ сестры Эрика. Подъ предлогомъ прогулки, онѣ перѣхали на другую сторону Мелара, гдѣ ихъ ожидалъ герцогъ Саксонскій, и отправились въ непріятельскій лагерь.

Эрикъ только-что вернулся съ объѣзда городскихъ постовъ, когда ему сообщили это извѣстіе. При входѣ въ замокъ, онъ увидѣлъ Катерину, которая съ самаго начала этой несчастной войны слѣдила съ нимъ съ безпокойствомъ матери, страшящейся потерять своего сына.

— Ну, Катерина, —сказалъ Эрикъ,—можетъ быть и вы окажетесь на столько же предусмотрительны, какъ моя мать и сестры? По видимому, покинуть меня теперь дѣло весьма благоразумное.

— О, мой король! —вскричала молодая женщина,—съ тѣхъ

поръ, какъ я узнала васъ, вся моя жизнь принадлежитъ вамъ, и если цѣлый міръ, если самъ Богъ, покинетъ васъ, ваша бѣдная Катерина останется вѣрна вамъ.

Между тѣмъ, принцы снова потребовали сдачи города, обѣщая, если на этотъ разъ требованіе будетъ исполнено, не производить никакихъ репрессалій и не допускать разграбленія города. Депутаты отъ буржуазіи еще разъ обратились къ Эрику съ просьбами прекратить бесполезную борьбу; но онъ остался непреклоненъ. У него, говорилъ онъ, осталось еще 50,000 дукатовъ, и если онъ будетъ вынужденъ оставить Стокгольмъ, то удалится въ какую-нибудь отдаленную провинцію Швеціи и будетъ защищаться до послѣдней минуты. Вслѣдствіе такого заявленія, въ домѣ одного негодянта собрались многіе офицеры и дворяне и рѣшили покончить борьбу, дальнѣйшее продолженіе которой страшило всѣхъ. На этомъ совѣщаніи находился и архіепископъ, который объявилъ, что въ виду опасныхъ обстоятельствъ, онъ разрѣшаетъ шведовъ отъ присяги, данной Эрику. Такимъ образомъ, совѣтъ каждаго была успокоена и потому рѣшено было ночью отворить городскія ворота и выдать короля брату его Карлу. Одного офицера тотчасъ же отправили предупредить принцевъ, и заговорщики такъ строго держали тайну этого засѣданія, что никто не узналъ о немъ.

На другой день Эрикъ былъ въ церкви, спокойно слушая проповѣдь, которую пасторъ, участникъ заговора, можетъ быть умышленно, затянулъ дольше обыкновеннаго, какъ вдругъ одинъ изъ служителей короля вбѣжалъ въ церковь и крикнулъ:

— Къ оружію, государь, вамъ измѣнили!

Король выскочилъ на улицу со шпагою въ рукѣ, увидѣлъ, что толпы мятежниковъ уже на площади и побѣжалъ въ замокъ, чтобы прійти туда раньше ихъ. Но въ ту же минуту его схватилъ Степъ Лейнфвальдъ, который, приставивъ ему къ горлу сѣдельный пистолетъ, крикнулъ:

— Сдайтесь, государь! дѣло идетъ о вашей жизни!..

Эрикъ подалъ ему руку и отвѣчалъ:

— Пусть такъ, я вашъ плѣнникъ.

Но одинъ изъ гвардейцевъ, бросился на Степа и насквозь прокололъ его саблей. Вдругъ Эрикъ видитъ передъ собою Ла-Гарди, яростно кидается на него, ударомъ шпаги прокалываетъ ему руку, затѣмъ вбѣгаетъ въ замокъ и велитъ заложить ворота. Онъ собираетъ вокругъ себя своихъ далекарлійцевъ, напоминаетъ имъ славу, добытую Далекарліей подъ знаменами Густава и спрашиваетъ у нихъ согласны ли они покинуть сына своего прежняго короля.

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричали доблестные солдаты,—мы не играемъ присягой. Мы будемъ биться за васъ до послѣдняго часа!

Эрикъ горячо поблагодарилъ ихъ, обнялъ ихъ командира и побѣжалъ въ арсеналь за новымъ вооруженіемъ. Въ ту минуту,

какъ онъ стягиваль кирасу, ему пришли сказать, что принцъ Карль уже у воротъ замка и хочетъ говорить съ нимъ. Король вышелъ на террасу и увидѣлъ улицы запруженныя войсками.

— Значить у меня уже нѣтъ болѣе королевства, завѣщаннаго мнѣ отцемъ?—сказаль онъ.—Все въ вашихъ рукахъ, даже городъ этотъ, въ которомъ я хотѣлъ лучше умереть, чѣмъ сдаться. Тѣ, что поклялись мнѣ въ вѣчной вѣрности, побоялись за свое достоиніе и призвали васъ на помощь. Швеція избрала себѣ другихъ владыкъ, а старшій сынъ Густава теперь все равно, что лишень наслѣдства въ пользу братьевъ. Но нѣтъ,—закончилъ онъ, гордо выпрямляясь,—мнѣ еще остается моя шпага, есть еще храбрые и вѣрные солдаты, и если вы не обезпечите приличнымъ образомъ судьбу мою и тѣхъ, кто служилъ мнѣ вѣрой и правдой, я буду биться на этой террасѣ, въ этомъ замкѣ, въ этой башнѣ, до тѣхъ поръ пока буду совсѣмъ уничтоженъ.

Карль пообѣщаль ему княжества Швартзіе и Ферингее и пригласилъ идти въ церковь писать условія договора. Эрикъ сошелъ внизъ. Но едва онъ вошелъ въ церковь, какъ раздались противъ него крики ненависти и мести. Тѣмъ временемъ Петръ Брагге уговорилъ далекарлійцевъ сдаться. Тогда несчастный король, всѣми покинутый, одинъ среди своихъ враговъ, кладетъ оружіе, склоняетъ голову, покоряется своей участи, но вмѣсто того, чтобы дать ему княжество, его осуждаютъ на пожизненное заключеніе. Карль оставилъ его въ церковномъ придѣлѣ подъ карауломъ и вездѣ разставилъ часовыхъ. Ни одинъ другъ не пришелъ пожать ему руку, чтобы сказать слово утѣшенія. Но вечеромъ, блѣдная небрежно одѣтая женщина, слабой рукой постучалась въ церковную дверь.

— Что вамъ нужно?—спросилъ часовой.

— Войти въ тюрьму моего супруга.

— Этого нельзя.

Молодая женщина разорвала золотую цѣпь у себя на шеѣ и подала ему.

— Нельзя,—повторилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ посидѣть на этомъ мѣстѣ, гдѣ сидятъ бѣдняки.

Сказавъ это, она сѣла на каменные церковныя ступеньки, и растроганный часовой отошелъ подальше, чтобы не слышать ея рыданій.

X.

Катерина просидѣла такъ до утра, окутавъ голову покрываломъ и почти околѣная отъ холода. Утромъ явились два офицера съ приказаніемъ Іоанна отпереть церковь и отвести Эрика

въ замокъ. Молодая женщина хотѣла броситься къ нему, когда онъ показался изъ церкви, но солдаты не пустили ее.

Эрикъ поглядѣлъ на нее съ невыразимымъ чувствомъ любви и печали.

— Прощай, Катерина!—сказалъ онъ.—Мы еще увидимся.

Затѣмъ онъ твердыми шагами направился къ замку. Катерина провожала его глазами, пока было видно его, а когда онъ скрылся изъ глазъ, она, больная, совсѣмъ разбитая, вернулась туда, гдѣ оставила своего сына.

Въ этотъ самый день, Иоаннъ торжественно вступилъ въ Стокгольмъ и принялъ присягу отъ Сената и буржуазіи. Первою мыслью его по вѣсшествіи на престолъ было отнять у брата всякую надежду къ спасенію. Онъ созвалъ государственные штаты и потребовалъ суда надъ Эрикомъ. Обвинительный актъ, составленный противъ несчастнаго государя, къ нѣсколькимъ справедливымъ фактамъ присоединилъ массу клеветъ и ложныхъ предположеній. Эрику не трудно было опровергнуть какъ недостойную ложь массу взведенныхъ на него преступленій. Онъ защищался съ большимъ талантомъ и твердостью. Но судьи его, сначала тронутые его благородной и мужественной манерой, его словами, трогательными и энергичными, скоро вернулись къ первоначальному рѣшенію и осудили его на пожизненное заключеніе. Они только настаивали, чтобы это заключеніе было обставлено извѣстными удобствами и чтобы Эрикъ пользовался тѣмъ почтеніемъ, какое подобааетъ бывшему королю Швеціи.

Иоаннъ показалъ видъ, что согласенъ на все, но ничего не исполнилъ. Эрика заключили въ тѣсную и темную келію, запиравшуюся тяжелыми, окованными желѣзомъ дверями и лишенную всего, что могло бы хоть сколько-нибудь смягчить его одиночество. Сторожами къ нему приставили такихъ людей, которые во время его царствованія имѣли основательныя причины быть недовольными и теперь жестоко мстили ему. Одинъ потребовалъ желѣза и мѣди, чтобы выковать ему цѣпи; другой нарочно, въ холодныя зимнія ночи, отнималъ у него платье, чтобы полюбоваться, какъ онъ дрожитъ отъ холода на своей постели; третій привязалъ ему къ ногѣ огромный желѣзный брусокъ, который и до сихъ поръ показываютъ въ Або.

Эрикъ любилъ чтеніе и музыку: ему не оставили ни книгъ, ни инструментовъ, ни чернилъ, ни перьевъ. Онъ настоятельно просилъ дать ему хоть Библію, но и въ этомъ было отказано. Какъ величайшей милости просилъ онъ, чтобы ему хоть изрѣдка позволено было на нѣсколько минутъ выходить изъ тюрьмы на свѣжій воздухъ, посидѣть между стражей, походить въ своихъ цѣпяхъ по двору; но тюремщики остались непреклонны. Очинивъ себѣ деревянное перо и разведя уголь въ водѣ вмѣсто чернилъ, онъ успѣлъ

написать нѣсколько писемъ къ брату Іоанну. Онъ говорилъ ему: «Я не могу допустить мысли, что вы приказывали такъ мучить меня. Каждый день приносить мнѣ новое страданіе, новую пытку. Сжальтесь надо мною. Неужели міръ такъ тѣсенъ, что мы не можемъ жить между собою мирно? Обѣщаю вамъ ничего не предпринимать противъ васъ, вести жизнь самую скромную и покорную. Но протяните же мнѣ руку помощи во имя нашего отца и не допустите брата вашего страдать отъ дурного обращенія низкаго тюремщика».

Послѣ многихъ просьбъ, ему дали, наконецъ, нѣсколько книгъ и кое-какіе музыкальные инструменты. Но дали ихъ лишь затѣмъ, чтобы онъ сильнѣе почувствовалъ лишеніе ихъ: спустя два дня ихъ безжалостно отняли у него. Эрикъ снова остался въ тяжеломъ безмолвіи своей тюрьмы, въ тоскѣ одиночества, въ бездѣйствіи мысли.

Между тѣмъ въ народѣ мало-по-малу стало извѣстно, на какія мученія осужденъ былъ бывшій король, и чувства глубокой жалости замѣнили то озлобленіе, какое еще недавно вызывали воспоминанія о его царствованіи. Самые враждебные ему люди находили, что искупленіе слишкомъ сурово, тѣ же, кто и послѣ его паденія сохранилъ къ нему чувства привязанности и благодарности, были глубоко потрясены. Нѣкоторые рѣшались ходатайствовать передъ Іоанномъ объ облегченіи участи Эрика, но Іоаннъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ просьбы. Другіе рѣшались освободить его; но умыселъ ихъ былъ открытъ и великодушныя намѣренія послужили лишь къ тому, что тюремщики Эрика стали еще недобѣрчивѣе, а содержаніе его еще строже. Каждый разъ, какъ Іоанну мерещился хотя признакъ заговора въ пользу его брата, онъ пересылалъ Эрика въ новую тюрьму и окружалъ его строжайшимъ надзоромъ. Сначала онъ былъ заключенъ въ Стокгольмскомъ замкѣ; затѣмъ онъ сидѣлъ въ Або, въ Кестльгольмѣ, въ Грипсгольмѣ, въ Вестерасѣ и, наконецъ, посаженъ былъ въ Орбигузъ.

Въ эти долгіе дни одиночества и безконечные часы мучительной тоски, Эрикъ часто думалъ о Катеринѣ. Воспоминанія объ этой любимой женщинѣ улыбаются его поэтическому воображенію. Величайшимъ его желаніемъ было соединиться съ нею; единственнымъ утѣшеніемъ были рѣдкія минуты, когда ей удавалось обмануть бдительность часовыхъ и подойти къ его тюрьмѣ. Въ тотъ день, когда Іоаннъ вступилъ въ Стокгольмъ съ королевской короной на головѣ, Катерина ушла изъ замка, ничего не спрашивая изъ принадлежавшаго ей богатства и унеся съ собой только сына. Оба принца, хотя и негодовали на брата за то, что онъ далъ ей титулъ королевы, но тѣмъ не менѣе отдавали должное ея высокимъ качествамъ и предложили ей приличное убѣжище въ одной изъ шведскихъ провинцій съ обезпеченіемъ средствъ къ жизни.

Но Катерина только просила позволенія раздѣлить заключеніе Эрика, и Иоаннъ отказалъ ей въ этомъ. Тогда она поселилась въ скромномъ домикѣ въ Стокгольмѣ. Отсюда она ежедневно бродила вокругъ замка. Когда часовой поворачивалъ въ сторону, она подходила къ окну темницы, гдѣ томился ея супругъ, наскоро бросала ему нѣсколько любовныхъ словъ и убѣгала, когда солдаты, замѣтивъ ее, гнали ее прочь, а минуту спустя опять возвращалась. Вечеромъ, она какъ тѣнь скользила вдоль стѣнъ замка, ни съ кѣмъ ни говоря, покрывъ лицо вуалью, когда думала, что на нее смотрятъ, съ одною мыслью, съ единственнымъ желаніемъ услышать голосъ любимаго человѣка, увидѣть дорогія черты черезъ желѣзную рѣшетку, обмѣняться съ нимъ взглядомъ, словомъ утѣшенія. Нѣкоторые солдаты, тронутые такою преданностію, вопреки своему долгу, притворялись, что не видятъ ея, когда она робкими шагами подходила къ замку. Тогда Катерина прижималась къ стѣнѣ, стараясь уцѣпиться своими маленькими руками за каменный выступъ Эрикова окна, звала Эрика и бѣдный заключенный въ эти короткія мгновенія забывалъ всѣ свои дневныя страданія. Тѣ часы, которые она проводила дома, она посвящала своему сыну. Она учила его читать и молиться; она рассказывала ему, какъ когда-то ей самой рассказывалъ дѣдъ, лучшія страницы изъ шведской исторіи и говорила ему объ Эрикѣ съ любовью и горестью. Такимъ образомъ, вся жизнь ея посвящена была любви и покорности волѣ Божіей. Весь міръ ея заключался между тюрьмой короля и комнатою ребенка.

Когда Эрика повезли въ Або, она побѣжала на набережную, чтобы увидѣть его; она хотѣла послѣдовать за нимъ въ Финляндію. Она умоляла капитановъ судовъ взять ее съ собою, но это имъ было строго запрещено. Цѣлый годъ Эрика продержали въ Финляндіи. Все это время бѣдная женщина безвыходно просидѣла дома, никого не видя и не интересуясь никакими событіями. Для Катерины какъ будто пересталъ существовать цѣлый городъ, съ той поры, какъ Эрика тамъ не было.

Когда бѣднаго плѣнника опять перевезли въ Швецію и заключили въ Грипсгольмѣ, Катерина получила разрѣшеніе видѣть его. Супруги, рыдая, бросились другъ другу въ объятія, не будучи въ состояніи говорить. Потомъ они сѣли на узенькую тюремную дубовую скамейку и стали передавать другъ другу все, что они страдали въ разлукѣ, но это и такъ было видно по ихъ исхудалымъ лицамъ, по впалымъ отъ слезъ и бессонницы глазамъ. Сынъ ихъ былъ тутъ же, не понимая ихъ горести, но онъ плакалъ потому, что видѣлъ слезы матери.

— Бѣдный мальчикъ!—проговорилъ Эрикъ, положивъ ему руку на головку, — я надѣялся, что онъ вступитъ послѣ меня на престолъ, а теперь не знаю, какую судьбу готовить ему Провидѣніе.

— О, не жалѣйте о томъ, что онъ не будетъ королемъ! — воскликнула Катерина, — эта власть погубила васъ; лучше быть сыномъ совсѣмъ бѣднаго, простаго человѣка, чѣмъ пользоваться этой пышностью со всеми ея терзаніями. Я учу его молиться, полагаться во всемъ больше на Бога, чѣмъ на людей. Онъ каждый день молится за васъ, и его невинный голосокъ дойдетъ до неба и сократитъ ваши страданія.

Услышавъ, что мать говоритъ о молитвѣ, ребенокъ скрестилъ на груди ручки и началъ молитву, которую повторялъ каждое утро и каждый вечеръ:

— Господи Боже мой! Помилуй моего бѣднаго отца, защити отъ враговъ его, поддержи его въ скорбяхъ, возврати ему радость и свободу!

Разстроганный Эрикъ обнялъ сына и прижалъ его съ любовью къ сердцу; но въ эту минуту тюремщикъ, считавшій, по приказанію свыше, минуты свиданія, съ шумомъ отворилъ дверь и положилъ конецъ трогательной сценѣ. Наконецъ, Іоаннъ, захотѣлъ улучшить положеніе заключеннаго брата. Онъ далъ ему менѣе суровыхъ сторожей и позволилъ Катеринѣ жить въ комнаткѣ, находившейся подъ его келіей. Давно уже молодая женщина не испытывала такой радости. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда вся Швеція, послѣ долгой зимы, сбрасываетъ траурную одежду, радуется и оживаетъ, покрывается цвѣтами и зеленью. Съ самага утра Катерина выходила изъ своей комнаты и шла съ сыномъ подъ навѣсъ старой ели, какъ разъ напротивъ темницы Эрика, который съ своей стороны спѣшилъ къ окну. Они были слишкомъ далеко другъ отъ друга, чтобы разговаривать, но, по крайней мѣрѣ, видѣли другъ друга, дѣлали другъ другу знаки, и для злополучнаго плѣнника, столь давно уже одинокаго, было громаднымъ утѣшеніемъ имѣть передъ глазами то, что было у него самага драгоценнаго въ мірѣ — жену и сына, глядѣть на мать, сидѣвшую на лужайкѣ съ работой, которую она часто оставляла, чтобы посмотрѣть на темницу, на ребенка, игравшаго возлѣ нея, или по складамъ разбиравашаго книгу. Дождливые дни не мѣшали Катеринѣ приходиться на обычное мѣсто. Но иногда тюремщикъ изъ-за каприза не позволялъ Эрику смотрѣть по обыкновенію изъ-за рѣшетки своего окна. Его привязывали въ самомъ углу его тюрьмы и тогда онъ впадалъ въ самую мрачную меланхолію. Однажды, когда его, такимъ образомъ, задержали, лишивъ всего, что составляло его утѣшеніе и отраду, онъ запѣлъ псаломъ, который и понынѣ существуетъ въ шведской книгѣ псалмовъ. Вотъ онъ:

«О, Боже мой! Кому повѣдаю я скорбь души моей, я, бѣдный грѣшникъ? Увы! За грѣхи, совершенные мною, я могу быть прощенъ только во имя Иисуса Христа.

«Я злополучный узникъ, заключенный въ этомъ мірѣ, какъ

овца на островѣ. Я не могу отсюда выйти; я могу обрѣсти себѣ свободу только смертію.

«День и ночь сердце мое обвиняетъ меня. Я падаю предъ собственнымъ судомъ. Господи! спаси меня отъ козней Сатаны, помилуй меня отъ отчаянія!

«Боже мой! Какова бы ни была судьба моя, въ руки твои предаю душу мою и жизнь мою. Ахъ! Я никогда не думалъ, что упаду такъ низко, когда все шло такъ хорошо».

Въ ту минуту, какъ онъ оканчивалъ эту жалобную пѣснь, онъ увидѣлъ Катерину, она дѣлала ему знаки, которые такъ умѣютъ понимать сердца страждущія или любящія. Въ этотъ день въ движеніяхъ Катерины была какая-то особенная живость и легкость; глаза ея блистали весельемъ, которое, по мимо ея воли, выдавало какую-то счастливую тайну. Катерина только-что узнала, что Карль Морней задумалъ освободить Эрика, и планъ этого новаго заговора, мужество и благоразуміе человѣка руководившаго имъ, внушали Катеринѣ надежду, которой до сихъ поръ у нея не было. Карль де-Морней былъ посланъ въ Шотландію вербовать солдатъ. Возвратившись оттуда, онъ предложилъ Іоанну показать ему одинъ военный танецъ, пляску со шпагами, знаменитую въ то время въ Шотландіи. Среди этого танца, по данному сигналу, часть заговорщиковъ должна была броситься на главнѣйшихъ враговъ Эрика, другая часть должна была мчаться въ Грипсгольмъ и освободить царственного плѣнника. Что касается Морнея, онъ бралъ на себя овладѣть Іоанномъ. Этотъ странный танецъ, вѣроятно, возбудилъ какое-нибудь подозрѣніе, ибо Іоаннъ, сначала очень желавшій посмотреть на него, потомъ не хотѣлъ даже о немъ слышать. Спустя нѣсколько времени сами шотландцы разоблачили заговоръ и Морней заплатился жизнью за желаніе возвратитъ свободу своему прежнему повелителю.

Этотъ заговоръ, такъ хорошо, повидимому, задуманный и подававшій такія надежды Катеринѣ, только навелъ новый ужасъ на подозрительнаго Іоанна и тѣмъ самымъ навлекъ новыя бѣдствія на несчастнаго Эрика. Его перевезли изъ Грипсгольма въ Вестеросъ, а оттуда въ Оребигусъ, въ замокъ, солидно построенный, одиноко стоящій среди длинной равнины. Въ одномъ изъ угловъ этого замка, подъ подземнымъ сводомъ, и теперь еще существуетъ нѣчто въ родѣ галлерей, сырой и мрачной. Въ концѣ этой галлерей есть келія въ нѣсколько квадратныхъ футовъ, съ голыми стѣнами и дурно вымощеннымъ поломъ. Тяжелая дубовая дверь затворяетъ входъ въ эту комнату, а свѣтъ проходитъ лишь сквозь отдушину. Эрика помѣстили въ эту могильную келью, а стражи его расположились въ галлерей. Ему дали простой сосновый столъ, одинъ стулъ, четыре доски для постели: въ этомъ состояла вся мебелировка. По ту и по другую сторону замка онъ могъ бы видѣть озеро, очень

красивое и веселое лѣтомъ, но жестокіе тюремщики взяли за правило лишать его всякаго подобія удовольствія и развлеченія. Его разлучили съ женой и сыномъ; еще разъ отняли книги и инструменты. Дозволить ему видѣть небо было бы слишкомъ большой милостью; отнынѣ онъ видѣлъ только черныя стѣны своей тюрьмы, да слышалъ мѣрные шаги часовыхъ.

Не смотря на такія предосторожности, Иоаннъ все-таки трепеталъ, какъ бы не освободили его брата и не сдѣлали вновь королемъ. Чтобы покончить съ этой постоянной тревогой, онъ созвалъ штаты, изобразилъ передъ ними неоднократныя попытки къ освобожденію Эрика и смуты, порождаемыя въ королевствѣ этими неудачными заговорами, и потребовалъ новаго приговора надъ братомъ—смертнаго приговора. Штаты согласились, и Иоаннъ сталъ думать какъ бы привести его въ исполненіе.

Узнавъ объ этомъ ужасномъ рѣшеніи, Катерина наскоро собралась и поѣхала въ Оребигусъ, чтобы предупредить Эрика. Не дождая нѣсколько верстъ, она оставила свои сани, чтобы не такъ замѣтно добраться до своей цѣли. Стоялъ февраль мѣсяць. Снѣгъ толстымъ слоемъ покрывалъ землю, густой туманъ окутывалъ горизонтъ. День былъ темный и печальный какъ ночь. Ни одинъ солнечный лучъ не игралъ на небѣ, сквозь густыя облака не просвѣчивало ни клочка голубого неба. На сколько хваталъ глазъ, видѣлась лишь пустынная гладь, сосновый лѣсъ, безмолвный и мрачный, да кое-гдѣ замершія болота. Глаза молодой женщины напрасно искали повсюду хоть бы признакъ жилья, пріюта; все кругомъ было безмолвно; ничего не было видно и по дорогѣ, слышался только шумъ вьюги, отъ времени до времени подымавшей тучи снѣга, которыя, подобно облакамъ, неслись въ воздухѣ и кружились какъ смерчъ.

Катерина съ трудомъ тащиалась по дурно укатанной дорогѣ, которую можно было узнать только по соснамъ, посаженнымъ по обѣимъ сторонамъ. Порой она падала въ сугробы, иногда скользила по болотному льду, иногда же боялась задохнуться въ вихрѣ. При видѣ подымающагося столба снѣга, она падала на землю и выкидала пока онъ пройдетъ. Затѣмъ, опять шла. Оставивъ сани, она рассчитывала, что часа въ два, или три дойдетъ до Оребигуса; но трудности пути, вѣтеръ, холодъ, темнота, обманули всѣ ея надежды. Каждую минуту она должна была останавливаться, чтобы перевести духъ. Она вела за руку сына, который шелъ за ней слабыми шагами и только замедлялъ ея путешествіе. Вдругъ усталый мальчикъ упалъ на снѣгъ, заплакалъ и крикнулъ:

— Мама, оставь меня здѣсь! я больше не могу идти.

При этомъ воплѣ, бѣдная мать пришла въ отчаяніе: ей было такъ же далеко ворочаться назадъ, какъ и идти къ своей цѣли; она видѣла передъ собою блѣднаго, неподвижнаго, окоченѣлаго

отъ холода, сына и задавала себѣ вопросъ, какъ вести его дальше. Но мысль, что дѣло шло о жизни ея мужа, что предупредивъ его о приговорѣ, она, можетъ быть, спасетъ его, эта мысль о долгѣ и любви воскресила ея энергію. Она подняла глаза къ небу, поручила душу свою Богу, потомъ, взявъ на спину сына, съ нечеловѣческой силой пустилась впередъ.

Около полуночи добралась она до крестьянской хижины.

— Далеко ли отсюда до Оребигуса?—спросила она, входя.

— Съ милю,—отвѣчалъ ей старикъ.

— Значитъ нельзя дойти туда сегодня! — вскричала Катерина и упала въ изнеможеніи на стулъ, который поспѣшила подать ей крестьянка.

Вся семья встала при входѣ ея и дала ей свободное мѣсто у очага. Никто не смѣлъ разспрашивать ее, кто она такая и какія причины побудили ее пуститься зимою съ ребенкомъ въ такой тяжкій путь; но всѣ угадывали, что въ такой рѣшимости таилось тяжкое горе и смотрѣли на нее съ состраданіемъ и добротой. Нѣсколько минутъ спустя уже вся эта добрая семья окружила ее своими попеченіями и старалась оказать ей помощь, въ чемъ она видимо нуждалась. Старикъ принесъ ей свою овчинную шубу, чтобы обогрѣть ее; молодая дѣвушка стала передъ нею на колѣни, чтобы снять съ нея обувь, и пока хозяйка подвѣшивала на таганчикъ горшокъ полный молока, двое парней подбросили въ печь связку дровъ. Катерина, казалось, не сознавала всѣхъ этихъ изъясненій великодушнаго гостепрѣимства; она держала на рукахъ сына, вытирала ему мокрая отъ снѣга ноги, отогрѣвала въ своихъ рукахъ его ручки и цѣловала его, нашептывая ему нѣжныя рѣчи. А когда увидѣла, что онъ повеселѣлъ, улыбнулся, когда онъ выпилъ большую чашку теплаго молока, она стала понимать, что дѣлается вокругъ нея и горячо благодарила хозяевъ хижины за всѣ ихъ заботы. Потомъ она сама отнесла сына на убогую постель, приготовленную для нея, и улеглась рядомъ съ нимъ на доскахъ, застланныхъ овчинами.

Съ утра она пустилась въ путь къ Оребигусу; но убійца, посланный Иоанномъ для исполненія приговора, прибылъ раньше ея. Сообщивъ Эрику о безповоротномъ рѣшеніи, онъ предложилъ ему на выборъ или задушить его подушкой, или открыть жилы, или же принять за завтракомъ ядъ. Эрикъ выбралъ послѣднее, поручилъ душу свою Богу, написалъ нѣсколько словъ для жены и сына и скоро почувствовалъ дѣйствіе яда. Въ это самое время Катерина, наконецъ, достигла замка; она стала на колѣни надъ отдушиной тюрьмы, попробовала просунуть голову сквозь желѣзныя прутья и крикнула:

— Эрикъ! Эрикъ!

Жалобный голосъ, слабые звуки котораго она едва могла ра-

зобратъ, произнесъ ея имя. Она еще разъ назвала мужа, но на этотъ разъ услышала только глухой стонъ и подавленное рыданіе. Охваченная страшнымъ ужасомъ, растерянная, внѣ себя, она схватилась обѣими руками за желѣзныя полосы окна, попробовала сломать ихъ и вскричала раздирающимъ душу голосомъ:

— Эрикъ! слышишь ли ты меня? берегись тѣхъ, кто тебя окружаетъ, берегись убійць, тебя хотять умертвить. Эрикъ! ради самаго Господа, если слышишь меня еще — отзовись!

Но Эрикъ уже ничего не отвѣчалъ.

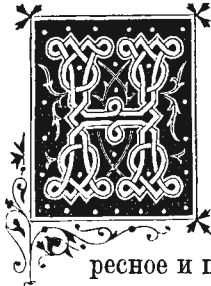

ФРАНЦІЯ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ¹⁾.

III.

Французская комедія подѣ управленіемъ Гуссе.— Почему его выбрали директоромъ театра?— Безполезный протестъ актеровъ.— Влестящая труппа и ловкій директоръ.— Рашель.— Семейство Брoganъ.— Оригинальная лотерея.— Маменька вмѣсто дочки.— Исторія Маріи Лопесъ.— Приятности наполеоновскаго режима.— Какъ Гуссе нажилъ свои миллионы.

А ТРЕТЬЕМЪ томѣ мемуаровъ, посвященномъ времени управленія Арсеномъ Гуссе театромъ «Французской комедіи», не придется долго оставаться вниманіе читателей. Для соотечественниковъ автора, въ особенности для интересующихся исторіею «перваго театра Франціи» томъ этотъ представляетъ, конечно, чрезвычайно интересное и поучительное чтеніе, но русскихъ читателей не могутъ занять воспоминанія о томъ, какъ именно была поставлена и разыграна въ Парижѣ та или другая пьеса сорокъ лѣтъ тому назадъ, а изъ подобныхъ отчетовъ и состоитъ на половину третій томъ мемуаровъ. Однако и здѣсь Гуссе кстатѣ и мимоходомъ сообщаетъ то характеристичный анекдотъ, то любопытную черту изъ жизни какого-нибудь выдающагося сценическаго или литературнаго дѣятеля, и мы воспользуемся этимъ въ короткомъ пересказѣ.

Первыя главы тома болѣе любопытны и въ нихъ излагается исторія назначенія Гуссе директоромъ театра. Назначеніе это состоялось въ 1849 году, въ президентство Луи-Наполеона. Нашъ авторъ старается объяснить полученіе этого мѣста лишь своими личными литературными заслугами, да желаніемъ знаменитой актрисы Рашель, «всевластной тогда въ Елисейскомъ дворцѣ и распорядившейся тамъ какъ настоящая, хотя и временная хо-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII. стр. 628.

зайка». Однако, самъ же Гуссе дальше говоритъ, что зналъ въ то время Рашель очень мало и только два или три раза обѣдалъ съ нею у графа Валевскаго и графа Обрескова. Что это за невиданный русскій графъ—мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ Гуссе имѣлъ слишкомъ мало оснований для ходатайства за него актрисы, притомъ столь горячаго и усерднаго, какимъ онъ его описываетъ. Что же до литературныхъ заслугъ Гуссе, то онѣ бесспорно были слишкомъ незначительны для доставленія мѣста директора чело-вѣку, никогда не писавшему для театра или о театрѣ и притомъ слишкомъ молодому для серьезнаго и отвѣтственнаго административнаго поста, такъ какъ въ 1849 году онъ былъ всего 33-хъ лѣтъ. Ясно, что подкладка этой кандидатуры была совсѣмъ иная и хотя, разумѣется, самъ Гуссе тщательно о ней умалчиваетъ, но изъ другихъ, и гораздо болѣе безпристрастныхъ источниковъ мы хорошо знаемъ, что литературныя заслуги новаго директора были тутъ совершенно непричемъ и что мѣсто дано было ему президентомъ республики за заслуги иного рода. Въ настоящее время является положительно доказаннымъ, что Луи-Наполеонъ не только занимая президентское кресло, но еще переходя границу Франціи, уже имѣлъ сознательное и чутко-поддерживаемое въ немъ тѣсной шайкой сообщниковъ намѣреніе рано или поздно взять въ свои руки императорскій скипетръ. Президентство было первымъ шагомъ къ престолу, но прежде чѣмъ сдѣлать второй и послѣдній шагъ, надо было тщательно изслѣдовать поле предстоящей битвы, зондировать почву во всѣхъ направленіяхъ и, главное, приобрѣтать возможно болѣе сторонниковъ во всѣхъ слояхъ и классахъ общества, путемъ подговоровъ, подкуповъ, соблазновъ всякаго рода. Смѣтливый, умный, легко мирившійся съ своею совѣстью, Арсенъ Гуссе скоро понялъ, извѣстныя впрочемъ многимъ, намѣренія президента и подъ рукою предложилъ свои услуги въ качествѣ вербовщика и агента. Дѣла его въ данную минуту были болѣе чѣмъ плохи: неважные романы его совсѣмъ перестали раскупаться, основанный имъ въ сообществѣ съ нѣсколькими другими молодыми писателями художественный журналъ «Артистъ» совершенно погибалъ «въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики» и Гуссе самъ признается въ мемуарахъ, что вскорѣ послѣ февральской революціи, т. е., слѣдовательно, незадолго до полученія мѣста директора, онъ размѣнялъ послѣдній свой банковый билетъ въ 500 франковъ и черезъ мѣсяць остался рѣшительно безъ копѣйки. Такимъ образомъ, заработокъ былъ необходимъ, литература не давала ничего, а Гуссе былъ изъ тѣхъ людей, которые хорошо знаютъ, что «деньги никогда не имѣютъ запаха». Съ другой стороны и онъ, съ своею энергіею, съ обширными знакомствами и связями и въ литературномъ мѣрѣ и во всевозможныхъ парижскихъ кружкахъ, былъ очень полезенъ шайкѣ заговорщиковъ Елисейскаго дворца. Торгъ состоялся, Гуссе взялся

вести агитацію, набирать сообщниковъ, вообще обезпечивать успѣхъ готовящагося переворота, а ему за это предоставлено было мѣсто директора театра, такъ какъ во-первыхъ расчелливый президентъ понималъ, что выгоднѣе платить жалованье изъ государственнаго казначейства, чѣмъ изъ собственнаго, и весьма въ то время тощаго, бумажника, а во-вторыхъ, занимая это мѣсто, Гуссе могъ совершенно безпрепятственно, на глазахъ республиканской полиціи, принимать у себя и вести переговоры, подъ видомъ устройства и веденія дѣлъ театра, съ самыми разнообразными субъектами всевозможныхъ общественныхъ классовъ, начиная отъ капиталиста и кончая простымъ рабочимъ.

Однако, Луи-Наполеонъ нѣсколько поторопился, назначивъ Гуссе директоромъ театра, такъ какъ тотчасъ вслѣдъ за подписаніемъ о томъ указа оказалось, что самое назначеніе сдѣлано въ прямое нарушеніе закона. Извѣстно, что Наполеонъ I, находясь въ 1812 г. въ стѣнахъ Москвы, составилъ и утвердилъ тамъ правила, на основаніи которыхъ должны были управляться сцена и все хозяйство парижскаго театра Французской комедіи. Этотъ «московскій декретъ» предоставлялъ актерамъ-общникамъ театра значительную долю самоуправленія и, между прочимъ, новымъ директоромъ правительство могло назначить только такое лицо, на принятіе котораго было предварительно изъявлено согласіе комитетомъ актеровъ. Назначая директоромъ Гуссе, не хотѣли или забыли спросить согласіе актеровъ и послѣдніе, понятю, возмущились такимъ грубымъ нарушеніемъ законно принадлежащихъ имъ правъ. Гуссе, когда онъ явился въ помѣщеніе театра, поданъ былъ коллективный протестъ, а сами актеры отправились всѣмъ комитетомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Барро съ формальною жалобою. Дѣло становилось серьезнымъ, его подхватили газеты, въ палатѣ уже мотивировали запросъ министерству, и Луи-Наполеону, казалось бы, всего благоразумнѣе было уступить, сознавшись въ своей ошибкѣ. Но ближайшіе друзья президента убѣдили его сдѣлать изъ этой исторіи, такъ сказать, пробный шаръ своей власти и вліянія своего имени. По ихъ настояніямъ Луи-Наполеонъ отказалъ актерамъ въ ихъ просьбѣ отмѣнить назначеніе Гуссе и дѣло, дѣйствительно, такъ и не имѣло никакого результата. Министръ Барро не далъ хода жалобѣ, запросъ въ палатѣ не состоялся въ виду ясно выраженного большинствомъ нежеланія создавать президенту—тогда еще пользовавшемуся симпатіею—затрудненія по такому маловажному поводу; актеры, грозившіе вовсе прекратить спектакли, перейти въ другое помѣщеніе и т. п., тоже очень скоро угомонились, примирившись съ нанесеннымъ имъ оскорбленіемъ, и Гуссе остался директоромъ театра. Но на ряду съ президентомъ, открыто нарушающимъ законъ, министромъ, кладущимъ подъ сукно формально врученную ему жалобу и близорукоугодливую палату, опасая-

щекся огорчить правительство неприятнымъ для него запросомъ, едва ли не самая некрасивая роль принадлежала во всей этой исторіи именно новому директору. Назначенный на мѣсто прямо незаконнымъ путемъ, встрѣченный насмѣшками газетъ (прозванныхъ его «директоромъ на часъ», такъ всѣ были увѣрены, что назначеніе это будетъ кассировано), получивъ отъ комитета актеровъ единодушное заявленіе о нежеланіи признавать его директоромъ, Гуссе все-таки не отказался отъ мѣста самъ, что въ его положеніи сдѣлалъ бы всякій другой, болѣе чуткій въ вопросахъ собственнаго достоинства, и мы разумѣется не ошибемся, признавъ, что рѣшимость его поддерживало столько же затронутое самолюбіе, сколько и нежеланіе лишиться сопряженнаго съ мѣстомъ жалованья въ 18000 франковъ, свалившагося прямо съ неба на совершенно обнищавшаго писателя. Такъ или иначе, но Гуссе сохранилъ за собою предоставленную ему въ общей дѣлежкѣ часть добычи и пѣлыхъ семь лѣтъ оставался директоромъ Французской комедіи. И мы не можемъ не отдать справедливости его способностямъ и обнаруженному имъ такту: онъ оказался весьма на своемъ мѣстѣ и если, разумѣется, преувеличиваетъ въ мемуарахъ свое значеніе, то мы во всякомъ случаѣ знаемъ, что именно ему театръ обязанъ былъ тѣмъ, что дѣла его вскорѣ же совершенно поправились и онъ возвратилъ себѣ достоинство «первой сцены Франціи». А дѣла театра до вступленія въ должность Гуссе были, дѣйствительно, крайне незавидны: на театрѣ лежалъ долгъ въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, ежегодные значительные дефициты стали хроническимъ явленіемъ и общники труппы уже нѣсколько лѣтъ сряду не производили дѣлежа барышей. Труппа составлена была положительно образцово и почти сплошь состояла изъ такихъ крупныхъ, памятныхъ и до нашего времени талантовъ, какъ Сансонъ, Прово, Мобанъ, Бовалле, Ренье, актрисы Алланъ, Броганъ, Фаваръ, Терикъ и въ главѣ ихъ знаменитая Рашель. И не смотря на это бывали дни, когда домъ Мольера «представлялъ печальную пустыню и общій сборъ въ кассѣ достигалъ всего... 53-хъ франковъ!» Гуссе удалось сразу разгадать главную причину ненормальнаго положенія дѣлъ. Онъ освѣжилъ репертуаръ, не побоялся затратить довольно крупныя суммы на полное обновленіе слишкомъ мизерной и совершенно обветшалой сценической обстановки, значительно усилилъ оркестръ, пригласивъ, между прочимъ, капельмейстеромъ прославившагося впоследствии Жака Оффенбаха, тогда еще только задумавшаго свою музыкальную революцію. Въ особенности много борьбы и хлопотъ потребовало измѣненіе и расширеніе репертуара Французской комедіи. Театръ совершенно застылъ на Мольерѣ, Корнельѣ и Расинѣ съ ихъ ближайшими послѣдователями, съ священнымъ ужасомъ сторонясь отъ современнаго репертуара. Гуссе круто повернулъ дѣло и, на второй же годъ его директорства, въ

число исполняемыхъ авторовъ стали входить: сперва Эмиль Ожье, дебютировавшій съ огромнымъ успѣхомъ драмою «Габріель», затѣмъ Понсаръ, извѣстную трагедію котораго «Шарлотту Корде» долгое время колебались поставить, думая видѣть въ ней апологію первой революціи, наконецъ Гюго, котораго «Анджело» и «Маріона Делормъ» вызвали цѣлую бурю неистовыхъ восторговъ и произвели настоящій переворотъ во взглядахъ на условія и потребности сценическаго исполненія. Артисты сперва вовсе не сочувствовали начинаніямъ своего директора, тѣмъ болѣе, что рутинные взгляды ихъ на достоинство и значеніе театра совершенно не мирились съ такими нововведеніями. Однако, и имъ скоро сдѣлалось понятно, что эффектная, живая роль современныхъ пьесъ выдвигаютъ ихъ самихъ гораздо болѣе, чѣмъ ходульные образы классическаго репертуара и они, рассказываетъ Гуссе, «стали усердно помогать моимъ стараніямъ, забывъ свою недавнюю злобу и под- сказанное имъ моими врагами негодованіе. Мы сдѣлались лучшими друзьями и стали согласно работать въ своемъ скромномъ міркѣ, слава о которомъ однако вскорѣ распространилась даже за предѣлы Франціи». Дѣйствительно, замѣчательною группою ѣздили любоваться даже изъ другихъ государствъ и, кромѣ того, Гуссе, какъ онъ увѣряетъ, ввелъ впервые обычай ѣздить лучшимъ представителямъ труппы по сосѣднимъ странамъ, давая представленія на родномъ языкѣ и со всею собственною обстановкой. Парижская публика разумѣется тоже была чрезвычайно довольна всѣми этими перемѣнами, театръ постоянно былъ полонъ, несмотря даже на сдѣланное Гуссе повышеніе цѣнъ на мѣста и дѣла Французской комедіи поправились такъ быстро, что на второй же годъ актеры-общники могли раздѣлить довольно значительную прибыль, а еще черезъ два года всѣ долги театра были уплачены. Гуссе не заблуждается, приписывая болѣе выдающуюся роль въ этомъ полномъ обновленіи театра могучему таланту знаменитой Рашели. Онъ вообще много говоритъ объ этой прославленной артисткѣ, въ отдѣльной главѣ рассказываетъ ея біографію и, кромѣ того, на многихъ страницахъ этого тома передаетъ то какой-нибудь анекдотъ о ней, то черту, характеризующую ее какъ женщину или какъ актрису. Біографія Рашели извѣстна настолько, что передавать ее мы не будемъ. Гуссе ставитъ талантъ ея чрезвычайно высоко, говоритъ, что сама артистка сознавала все значеніе своей дѣятельности и искренно сожалѣла о томъ, что отъ всего ея дарованія не останется ничего, кромѣ воспоминаній, мало-по-малу угасающихъ и блѣднѣющихъ, и что изъ всѣхъ художниковъ именно однимъ лишь сценическимъ дѣятелямъ суждено жить исключительно въ тѣсномъ кругу современниковъ, не оставляя рѣшительно ничего позднѣйшимъ поколѣніямъ. «Живописецъ, музыкантъ, послѣдній кропатель стихковъ—говорила она—оставляютъ свои произведе-

ніа если не всему потомству, то хоть своей семьѣ, сыновьямъ и внукамъ,—и долго послѣ смерти можно вспоминать о нихъ, цѣнить ихъ и любить. А мы артисты—какіе-то паріи въ мірѣ искусства; насъ знаетъ только тотъ, кто видитъ и слышитъ, и самый восторженный мой поклонникъ, конечно, не сьумѣетъ дать обо мнѣ никакого понятія тому, кто самъ меня не видалъ. Тотчасъ послѣ смерти меня стануть забывать—и не по тому, чтобы не хотѣли помнить, не оцѣнили моего таланта, а просто потому, что видѣвшіе меня тоже умрутъ въ свою очередь, а не видѣвшіе перестанутъ вѣрить оставшимся въ живыхъ. На насъ лежитъ какое-то проклятіе: актеры могутъ быть извѣстными, знаменитыми даже, но бессмертными стать они не могутъ». Много подобныхъ же здравыхъ мыслей о театрѣ и объ искусствѣ вообще приписывается Рашели въ мемуарахъ, но едва ли большинство ихъ не дано артисткѣ, такъ сказать, на прокатъ самимъ авторомъ. Онъ не мало говоритъ о ея умѣ и всестороннемъ развитіи, но о томъ и другомъ изъ другихъ біографическихъ свѣдѣній мы ничего не слыхали, да и положительно негдѣ было особенно развиться дѣвушка изъ самой жалкой, нищенской среды, всю жизнь занятой исключительно своею сценической дѣятельностью и изъ учебныхъ заведеній бывшей только въ парижской консерваторіи, откуда, впрочемъ, ее скоро же удалили преподававшій тамъ актеръ Прово «по совершенному отсутствію сценическаго дарованія». Притомъ все, что сообщаетъ Гуссе на другихъ страницахъ мемуаровъ о личныхъ вкусахъ и привычкахъ Рашели, о ея полномъ равнодушіи къ политическимъ и общественнымъ интересамъ, о ея вовсе не гармонирующемъ съ образованностью суевѣріи: боязни дурныхъ встрѣчъ, черныхъ глазъ и опрокинутыхъ солонокъ—все это прямо противорѣчитъ свидѣтельству автора. Какъ женщину, Гуссе ее также превозноситъ и хотя не можетъ скрыть, что нравственность Рашели была далеко не безупречна и что она заставляла поклонниковъ дорого оплачивать свою благосклонность, однако, старается защитить ее тѣмъ наивнымъ доводомъ, что «собирая одною рукою, она раздавала другою и принимая все отъ богатыхъ, зато не отказывала ни въ чемъ бѣднякамъ». Не говоря уже о томъ, что доброта и состраданіе къ бѣднымъ еще вовсе не оправдываютъ и не объясняютъ продажу ласкъ за деньги, мы знаемъ, что Рашель далеко не составила себѣ репутаціи такой щедрой благодѣтельницы, и самъ же Гуссе приводитъ отзывы о ней ея товарищей по сценѣ, конечно, хорошо знавшихъ характеръ артистки. Отзывы эти совсѣмъ другого рода и рисуютъ Рашель, напротивъ, особою очень расчетливою, склонною болѣе къ накопленію, нежели къ раздачѣ богатствъ. «За одно ночное представленіе она требуетъ больше, чѣмъ за десять вечернихъ», говоритъ критикъ Ренье. «Она не жидовка, а настоящій жидъ», характеризовала ее актриса Жюдитъ,

имѣя для такого рѣзкаго отзыва весьма достаточныя основанія. А между тѣмъ Рапшель получала огромныя деньги: доля ея какъ общницы театра доходила до 40000 франковъ въ годъ; до 100000 франковъ приносилъ ей ежегодный трехмѣсячный отпускъ, во время котораго она ѣздила по Европѣ, давая представленія и исполняя гастролы, и, конечно, по крайней мѣрѣ вдвое, какъ намекаетъ Гуссе, приносили ей ея другія «несценическія» занятія. Изъ всего этого, при скромной, далеко не роскошной жизни артистки, составлялись, разумѣется, весьма крупныя суммы и Рапшель еще увеличивала ихъ счастливой биржевой игрою, такъ какъ и Гуссе, въ доказательство разносторонности ея ума, утверждаетъ, что она отлично понимала весь механизмъ биржевыхъ операцій и внимательно слѣдила за положеніемъ и колебаніями денежнаго рынка. Внезапная, неожиданная смерть, прибавляетъ Гуссе, развѣяла все какъ дымъ и хотя у Рапшели осталась семья, наследники, но о капиталахъ ея какъ-то сразу стало вовсе не слышно.

Изъ другихъ представительницъ труппы Французской комедіи Гуссе много говоритъ объ артистическомъ семействѣ Брганъ, состоявшемъ изъ матери, Сюзанны, и двухъ дочерей—Огюстины и Мадлены, превосходныхъ актрисъ въ комедіяхъ какъ классическаго, такъ и современнаго репертуара. Послѣдняя изъ нихъ дебютировала уже въ 1850 г., во время директорства Гуссе и дебютъ ея въ піесѣ Скриба «Сказки королевы Наваррской», сопровождавшійся колоссальнымъ успѣхомъ, подробно описывается въ мемуарахъ. Мадлена Брганъ окончила курсъ съ первою наградой въ парижской консерваторіи, пользовалась практическими совѣтами старшей сестры и матери, выросши за кулисами, съ дѣтства привыкла къ театру и потому появилась на сценѣ не какъ робкая дебютантка, но совершенно законченною и чрезвычайно даровитою артисткою. Къ этому присоединялись всѣ сценическія данныя: изящная фигура, гибкій, богатый интонаціями голосъ и идеально красивая головка: понятенъ поэтому восторгъ парижанъ, всегда ревниво относящихся къ успѣхамъ родной сцены и теперь изъ-за дебютовъ артистки даже позабывшихъ на время о всеобщемъ недовольствѣ и броженіи, которыя не покидали Францію съ самой февральской революціи. «Любопытноѣ всего—рассказываетъ Гуссе—что на ряду съ платоническими поклонниками Мадлены, какъ артистки, образовался цѣлый кружокъ ухаживателей уже съ иными цѣлями и нѣкоторые изъ нихъ сулили матери ея, Сюзаннѣ, чуть не цѣлыя горы золота за разрѣшеніе добиваться благосклонности новой сценической звѣздочки. Но Сюзанну это нисколько не соблазняло: она осталась такимъ же «честнымъ человѣкомъ», какимъ была въ теченіе всей жизни. Сама она не отказывалась пошлать ни въ молодости, ни даже въ зрѣломъ возрастѣ, но всегда была изумительно безкорыстна и отъ своихъ счастливыхъ поклонниковъ — а

несчастливымъ она не дѣлала, кажется, никого—не принимала ничего, кромѣ ужина и букета цвѣтовъ. И когда одинъ «осчастливленный» богачь-аристократъ вздумалъ на другое утро прислать ей скромный букетъ въ роскошнѣйшей, драгоценной севрской вазѣ, представлявшей собою чуть не цѣлое состояніе, она приняла цвѣты и тутъ же при посланномъ, разбивъ въ дребезги вазу, возвратила ему осколки для передачи обратно. Такъ же неумолима была она и теперь. «Дочь моя не ребенокъ и можетъ распоряжаться собою какъ захочетъ, отвѣчала она ухаживателямъ, желавшимъ купить ея посредничество. Если она захочетъ полюбить и отдаться послѣдному театральному ламповщику, я мѣшать ей не стану. Но купить ея любовь не хватитъ состоянія у всѣхъ королей Европы, если даже они сложатся вмѣстѣ». Встрѣчая такое сопротивление и не видя надежды добиться успѣха непосредственно отъ Мадлены, такъ какъ актриса была еще слишкомъ молода и любила пока исключительно одну сцену, богатые поклонники ея, цвѣтъ тогдашней аристократической молодежи, составили настоящій заговоръ и рѣшили просто-на-просто выкрасть Мадлену послѣ представленія, увезти на приготовленныхъ заранѣе лошадяхъ въ уединенный замокъ одного изъ заговорщиковъ и тамъ... разыграть красавицу въ лотерею между присутствующими, вручивъ ее выигравшему, а ей поднеся 1.200,000 франковъ—цѣну двѣнадцати билетовъ по числу участниковъ. Однако, и въ этомъ заговорѣ, какъ почти всегда, нашелся свой Гуда, и Сюзанна Брoganъ была въ-время предувѣдомлена о грозящей ея дочери опасности. Однако, она, повидимому, не приняла съ своей стороны никакихъ мѣръ защиты и похищеніе совершилось, какъ было условлено. Актрису поджидали ночью въ темномъ переулкѣ у театральнаго подъѣзда, накинули ей на голову платокъ, не давъ ей возможности даже вскрикнуть, посадили въ ожидавшую тутъ же карету и умчали въ замокъ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ столицы. Здѣсь заговорщики, мчавшіеся вслѣдъ за каретой, сдали похищенную, все время бывшую въ обморокѣ, заботамъ заранѣе приглашенной камеристки, а сами разыграли свою необыкновенную лотерею и всю толпой двинулись въ комнату актрисы со счастливецомъ въ главѣ, несимъ въ рукахъ золотой подносъ съ грудой банковыхъ билетовъ на миллионъ франковъ слишкомъ. Актриса встрѣтила ихъ убитая, закутанная въ мантилью, но когда процессія торжественно приблизилась къ ней, выбитый ловкимъ ударомъ подносъ полетѣлъ на полъ со всѣмъ своимъ богатствомъ, раздался знакомый хохотъ, мантилья была сброшена и предъ глазами одураченныхъ заговорщиковъ появилась не дочь, а веселая, разбитная маменька. Она тутъ же, издѣваясь надъ ихъ вытянутыми, сконфуженными лицами, объяснила, что такой водевильной развязкой задуманнаго ими преступленія она прежде всего спасала ихъ отъ весьма серьезной отвѣтствен-

ности, такъ какъ если бы вмѣсто того повела дѣло судебнымъ и полицейскимъ путемъ, то послѣдствія похищенія могли быть для нихъ очень печальны. Снисходя къ руководившей ихъ дѣйствіями страсти, она простила ихъ, но въ наказаніе потребовала, чтобы лотерейный милліонъ пожертвованъ былъ ими въ пользу пострадавшихъ тогда отъ наводненія городовъ южной Франціи, и такъ какъ вино и ужинъ все равно были приготовлены, то ничего болѣе не оставалось, какъ сѣсть всѣмъ за столъ, кисло улыбаясь. Исторія объ этомъ скоро разнеслась по Парижу и злые языки увѣряли, что въ концѣ концовъ заговорщики изъявили желаніе замѣнить Сюзанной Мадлену и что—лотерейный выигрышъ достался всѣмъ присутствовавшимъ».

Исторію совершенно иного рода, и уже вовсе не веселую, передаетъ Гуссе про другую актрису театра, Марію Лопесъ, испанку по происхожденію. Она играла второстепенныя роли въ пьесахъ классическаго репертуара и съ своей эффектной фигурой, обдуманной и нѣсколько холодной декламаціей была въ особенности на мѣстѣ въ трагедіяхъ Корнеля. Въ частной жизни скромная, хорошо образованная женщина, она уже нѣсколько лѣтъ была вѣрной и преданной подругой извѣстнаго писателя Шарля Блана. Это послѣднее обстоятельство и было главною причиною постигшаго ее несчастія. Бланъ былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ болѣе выдающихся дѣятелей строго-республиканской партіи, сильно не довѣрявшей президентству Луи-Наполеона и съ презрѣніемъ смотрѣвшей на окружавшую его жадную шайку крайне подозрительной камарильи въ родѣ Морни, Персиньи, Флѣри и имъ подобныхъ. Этимъ господамъ, уже заранѣе дѣлившимъ между собою добычу ограбленной ими отчизны, конечно, не нравилось легальное и систематическое противодѣйствіе такихъ выдающихся, уважаемыхъ личностей ихъ преступнымъ вождельніямъ и разыгрывавшимся апетитамъ. Но связанные пока еще республиканскимъ образомъ правленія, они не могли развернуться вполнѣ, дать волю накипавшему въ нихъ бѣшенству власти и произвола, и потому, не смѣя прямо нападать на своихъ политически безупречныхъ противниковъ, старались наносить имъ тысячи мелкихъ, косвенныхъ уколовъ. Чтобъ досадить брату республиканца Луи-Блану, Шарлю Блану, взялись за Марію Лопесъ, зная привязанность писателя къ актрисѣ. Подъ плохо придуманнымъ, но достаточнымъ въ данномъ случаѣ предлогомъ обвиненія въ государственномъ преступленіи, въ составленіи политическаго заговора, Лопесъ была арестована префектомъ полиціи Карлье, причемъ самый арестъ произведенъ былъ въ крайне грубыхъ формахъ и актрисѣ даже не дали докончить исполняемой ею въ тотъ вечеръ роли, такъ что пришлось наскоро замѣнить ее выходною актрисой. Куда ее спрятали, первое время было неизвѣстно и этого

не объявляли ни роднымъ актрисы, ни тѣмъ болѣе—Шарлю Блану. Гуссе говоритъ, что даже онъ, отправившись къ Карлье за объясненіемъ, въ качествѣ директора, не могъ ничего добиться. Уже впоследствии оказалось, что молодую женщину, какъ она была, въ театральномъ костюмѣ, бросили въ смрадный подвалъ при зданіи центральной префектуры, гдѣ помѣщали, и то на самое короткое время, до перевоза въ соответственные тюрьмы, только важныхъ грабителей и убійцъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, и здѣсь держали цѣлыхъ 22 дня безъ свѣта, почти безъ воздуха, не допуская къ ней никого и не требуя ее ни къ какому допросу или разслѣдованію. Шарль Бланъ чуть не помѣшался, мучительно беспокоясь объ участи своей подруги, и только когда, не выдержавъ, онъ слегъ въ постель, несчастную актрису выпустили на свободу, о чемъ префектъ Карлье и увѣдомилъ официально Гуссе коротенькимъ донесеніемъ, самаго нахальнаго тона, приводимымъ въ мемуарахъ и въ которомъ только и значится, что «Артистка театра Французской комедіи Марія Лопесь, арестованная по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи, была задержана на время производства о ней надлежащаго дознанія, нынѣ же, за обнаружившеюся на слѣдствіи полною ея въ томъ невинностью, освобождается отъ дальнѣйшаго заключенія». И только—какъ будто поступить такимъ образомъ съ явно неповинною женщиною и 22 дня держать ее въ тюрьмѣ, ни разу не потребовавъ къ допросу, дѣло самое обыкновенное. Можетъ показаться, что вся эта исторія происходила не въ государствѣ западной Европы, да еще во время республиканскаго режима, а въ какомъ-нибудь Аннамѣ или въ одномъ изъ негритянскихъ государствъ внутренней Африки. Гуссе не сообщаетъ въ мемуарахъ — былъ ли заявленъ въ какой-либо формѣ протестъ противъ этой возмутительной исторіи, но, вѣроятно, никакого протеста и не было. Палата депутатовъ почти сплошь состояла изъ ничтожествъ, угодничавшихъ передъ президентомъ и заботившихся лишь объ обдѣльваніи собственныхъ дѣлишекъ, печать, по буквѣ закона свободная, была обставлена на дѣлѣ цѣлою сѣтью предостереженій, штрафовъ, налоговъ, а частью закуплена субсидіями и не гласными пособіями; общественное мнѣніе непробудно спало въ тинѣ узкихъ, исключительно матеріальныхъ интересовъ—Франція неудержимо шла къ той позорной, кровавой западнѣ, которая въ современной исторіи носитъ названіе «декабрскаго переворота»... Разказавъ эту тяжелую исторію, Гуссе съ возмутительнымъ спокойствіемъ сытаго философа прибавляетъ: «Бѣдная Лепесь пострадала отъ своего несчастья можетъ быть даже болѣе, чѣмъ хотѣли ея преслѣдователи. Вѣроятно, отъ страха и волненія, вызванныхъ въ ней неожиданнымъ арестомъ и тяжелымъ заключеніемъ, она по возвращеніи на свободу стала немного заикаться въ разговорѣ, а такъ какъ это разумѣется не-

удобно для актрисы, а Лопесъ не была ни общницею, ни пенсионеркою театра, то я и вынужденъ былъ уволить ее изъ состава труппы». Прочитавъ посвященный этому событію страницы мемуаровъ, невольно спрашиваешь себя: почему вообще Гуссе передаетъ о немъ, да еще такъ подробно? Не рациональнѣе ли было такому завязтому бонапартисту, возвысившемуся вмѣстѣ со второю имперіею и вмѣстѣ съ нею же теперь забытому, вовсе умолчать объ этой исторіи, которая бросаетъ лишнюю темную тѣнь на наполеоновскій режимъ и совершенно была бы позабыта безъ такого напоминанія. Слѣдуетъ ли считать подобную откровенность безразличнымъ равнодушіемъ человѣка, уже стоящаго на порогѣ смерти и одинаково спокойно констатирующаго всѣ событія протекшей жизни, будутъ ли они положительнаго или отрицательнаго характера; или же въ этой откровенности кроется отгѣнокъ намѣреннаго развѣнчиванья павшаго кумира и той холодной, мстительной жестокости, съ какою такіе люди, какъ Гуссе, пачкаютъ знамя, которому сами служили, разъ оно упало навсегда и не можетъ быть поднято?.. Ознакомившись съ характеромъ и личностію Гуссе, мы склонны скорѣе думать послѣднее.

Въ 1856 г. Гуссе оставилъ театръ и свое мѣсто директора, не желая, какъ онъ говоритъ, подчиняться требованію министра, извѣстнаго Ашиля Фульда, желавшаго, чтобы Гуссе сдѣлалъ общницей театра одну второстепенную актрису, которой министръ сильно и не безкорыстно покровительствовалъ. Такова ли была дѣйствительная причина увольненія Гуссе, мы не знаемъ, но замѣтимъ лишь, что избраніе въ общники зависѣло исключительно отъ согласія на то остальныхъ актеровъ и все вліяніе директора въ ту, или другую сторону могло въ данномъ случаѣ значить очень мало, а потому и несогласіе его съ министромъ, именно на этой почвѣ, едва ли могло повлечь за собою его оставку. Но такъ или иначе, а Гуссе удалился въ частную жизнь, и слѣдующія главы 3-го тома посвящаетъ повѣствованію лично о себѣ, о своей семейной жизни, смерти первой жены и т. п. Всѣ эти страницы не представляютъ для насъ никакого интереса и мы остановимся только на разсказѣ Гуссе о томъ, какъ онъ приобрѣлъ свои милліоны. Дѣйствительно, въ 60-хъ годахъ даже избалованный, ко всему присмотрѣвшійся Парижъ не мало толковалъ о богатствѣ и роскоши окружающей писателя обстановки. Выстроенный имъ отель, отличавшійся артистическаго вкуса убранствомъ, привлекалъ всеобщее вниманіе, а давасмые имъ балы, обѣды и маскарады собирали въ его гостиныхъ все, что было богатаго, знатнаго и выдающагося въ столицѣ. Министры, посланники, иностранные принцы охотно съѣзжались сюда, а маскарады нерѣдко, конечно, подъ маской и въ домино, посѣщали и самъ Луи-Наполеонъ, если ему надо было, въ тайнѣ отъ приближенныхъ, переговорить съ какимъ-нибудь дипломатомъ

или хотѣлось секретно поухаживать за тою или другою красавицею, къ чему этотъ коронованный бандитъ всегда имѣлъ большую склонность. Быстрое пріобрѣтеніе значительнаго богатства литературные враги и политическіе противники Гуссе объясняли какъ полученными имъ въ разное время отъ правительства подачками за негласныя услуги, такъ и до подозрительности счастливою игрою на биржѣ. Послѣднюю причину приводитъ въ объясненіе и самъ Гуссе, причемъ, разумѣется, называетъ свою постоянную удачу въ игрѣ чистою случайностью. Онъ рассказываетъ, что всегда былъ сторонникомъ энергическихъ мѣръ и смѣлыхъ рѣшеній и потому, желая разбогатѣть, попробовалъ играть на биржѣ еще до декабрьскаго переворота. Но тогда постигла его полная неудача, онъ проигралъ всѣ 100.000 франковъ приданаго своей жены и поневолѣ долженъ былъ отступить. «Въ 1852 году—это подлинныя его слова—я понялъ, однако, что наступило время снова попробовать счастья. Я поставилъ все на карту, очертя голову, и въ первую же мѣсячную ликвидацію биржевой маклеръ Деваль отсчиталъ мнѣ 525.000 франковъ разницы. Я продолжалъ играть съ тѣмъ же слѣпымъ упорствомъ, и съ тѣмъ же счастьемъ. Но такъ какъ я не игрокъ въ душѣ и игралъ исключительно для пріобрѣтенія состоянія, то послѣ нѣсколькихъ биржевыхъ сезоновъ, въ теченіе которыхъ случались, разумѣется, и частныя неудачи; видя себя обладателемъ двухъ милліоновъ, я окончательно раскланялся съ биржею». Это дѣйствительно, такъ и происходило, только Гуссе обходитъ совершеннымъ молчаніемъ причину своей необыкновенной удачи. А въ ней-то все и дѣло, такъ какъ она дорисовываетъ окончательно нравственную фizioномію Гуссе и служить лучшею иллюстраціею продажной и безнравственной эпохи наполеонскаго режима. Воцареніе Луи-Наполеона и слѣдовательно захватъ власти въ руки шайки его сообщниковъ были для нихъ лучшимъ средствомъ поправить свои личныя, крайне запутавшіяся, дѣла. Начался буквальный грабежъ государственнаго достоянія, въ которомъ не участвовалъ только лѣнивый; но этого оказалось мало—апетиты все распаялись и умнымъ, ловкимъ авантюристомъ Морни была придумана цѣлая система быстрого обогащенія при помощи биржевой игры и эксплуатированія государственныхъ секретовъ. Голосъ Франціи раздавался въ то время съ особенною силой и значеніемъ въ международномъ хорѣ европейской политики и на этомъ основали свои расчеты государственные шуллера. Видя, что рѣшенія французскаго правительства по тѣмъ или другимъ вопросамъ общаго значенія немедленно отражаются и на колебаніяхъ биржи, недаромъ прозванной политическимъ барометромъ, они зная такія рѣшенія заранѣе, а иногда и непосредственно вліяя на ихъ постановку, сообразно съ ними и направляли свою биржевую игру, веденную чрезвычайно широко, цѣлою сѣтью подставленныхъ аген-

товъ и переходившую то на повышение, то на пониженіе, согласно съ обстоятельствами и всегда, разумѣется, вполне удачно. Душою этой остроумной операціи былъ Морни и прибѣгать къ ея выгодамъ, шуллерски подтасовывать заранѣе выигрывающія карты не отказывались самые приближенныя къ императору лица, не исключая и его родственниковъ. Къ участию въ такомъ выгодномъ дѣлѣ допускались, съ строгимъ конечно выборомъ, и лица, стоявшія собственно внѣ правительственной шайки, но почему-либо угодныя или нужныя императору или его приспѣшникамъ. Въ числѣ ихъ и Гуссе за свои услуги и приверженность къ бонапартизму, получилъ довольно крупную долю барышей. Въ этомъ-то и разгадка его постоянного счастья на биржѣ; истинная подкладка дѣла была тогда же известна многимъ, поэтому совершенно понятно, что большинство лучшихъ и неподкупныхъ представителей литературы и журналистики прямо отвернулось отъ писателя-спекулянта. Онъ не можетъ скрыть этого фанга въ своихъ мемуарахъ, хотя наивно пытается объяснить его исключительно завистью къ чужому успѣху и благосостоянію. «Бѣда писателю сдѣлаться милонеромъ!» — восклицаетъ онъ съ дерзкимъ аллоббомъ.—«Онъ долженъ признать себя добычею своихъ литературныхъ друзей, стать полною ихъ собственностью со всѣми своими карманами и кошельками, или же неминуемо увидѣть злѣйшаго врага въ каждомъ, кому не бросилъ подачки, или бросилъ слишкомъ маленькую, не соответствующую его аппетиту!»

IV.

Реабилитація Луи-Наполеона Арсеномъ Гуссе.—Отличительныя черты характера императора.—Фердинандъ Барро.—Факты изъ исторіи 1866 года.—Планы 1870 года.—Императрица Евгенія.—Просперъ Мериме.—Посѣщеніе тюрьмы Сен-Лазаря.—Придворныя дамы и интриги.—Принцесса Матильда.—Принцъ Наполеонъ.—Герцогъ Морни.—Персинья и Велевскій.—Руэръ.—Дѣятели второй имперіи.—Заключительная ложь мемуаровъ Гуссе.

Послѣдній, 4-й томъ мемуаровъ посвященъ исключительно времени второй имперіи, причемъ въ отдѣльныхъ главахъ авторъ набрасываетъ портреты Луи-Наполеона, императрицы Евгеніи и главнѣйшихъ приближенныхъ императора, а также касается общественной и литературной жизни Парижа въ данную эпоху. Луи-Наполеону отведено сравнительно небольшое число страницъ, хотя они довольно содержательны и любопытны, если только помнить, что ко всѣмъ похваламъ, разсыпаемымъ авторомъ воспоминаній, никакъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, потому что ему натурально желалось представить фигуру императора возможно симпатичнѣе, чтобы читатели могли объяснить преданность писа-

теля дѣлу бонапартизма не одними лишь, какъ было на самомъ дѣлѣ, корыстными побужденіями. Впрочемъ, Гуссе прямо говоритъ, что въ своей книгѣ онъ только даетъ поверхностную характеристику любимаго имъ монарха, но имѣетъ въ своемъ распоряженіи и вполнѣдствіи обнаружитъ много чрезвычайно важныхъ документовъ, способныхъ пролить совершенно новый свѣтъ на личность Луи-Наполеона и на всю исторію его царствованія. «Настоящая глава — не страница исторіи, — говоритъ онъ между прочимъ, — мой трудъ гораздо скромнѣе. Я зналъ императора близко, старался изучить его и въ концѣ концовъ научился уважать душевно. Часть впечатлѣній моихъ, которыя я вынесъ о немъ, скорѣе какъ о человѣкѣ, чѣмъ правителѣ, я и постараюсь передать здѣсь, чтобы противопоставить хоть эти немногія строки возмутительнымъ клеветамъ, распространявшимся о немъ. Нѣтъ враговъ, неумолимѣе политическихъ противниковъ: зависть къ власти, жадность честолюбія ничего не прощаютъ. Притомъ слѣпая толпа такъ охотно награждаетъ ударами копытъ всякое павшее величіе: всегда пріятно сбросить на чужія плечи обвиненіе въ собственномъ ничтожествѣ и малодушіи и сдѣлать отвѣтственнымъ за грѣхи цѣлой націи одного человѣка!» Впрочемъ, Гуссе отлично понимаетъ, что безусловныя похвалы прямо повели бы къ недовѣрію въ ихъ искренности и потому сознается въ нѣкоторыхъ недостаткахъ Луи-Наполеона какъ монарха. «Воодушевленный лучшими намѣреніями — говоритъ онъ — императоръ далеко не всегда умѣлъ выбирать своихъ приближенныхъ. Людей рѣшительныхъ, смѣлыхъ, отважныхъ было вокругъ него пожалуй даже слишкомъ много, но въ людяхъ высоко честныхъ, искренно преданныхъ и ему и государству, всегда оказывался недостатокъ. И виною неудачнаго выбора было, строго говоря, не равнодушіе или непониманіе монарха, а исключительно доброта, крайняя снисходительность къ людямъ, недостатки которыхъ онъ видѣлъ ясно, но отъ которыхъ не имѣлъ силы отвернуться. Можно ли повѣрить, что этотъ усатый, широкоплечій крѣпышъ съ его глухимъ басовымъ голосомъ и безучастно скользящимъ взглядомъ, былъ мягокъ и добръ почти до сентиментальности. Его постояннымъ желаніемъ было все по возможности сгладить, смягчить, примирить и эта-то склонность его и погубила. Онъ не хотѣлъ помнить, что и «сто дней» Наполеона I кончились фiasco только потому, что императоръ желалъ примиренія и шелъ на уступки. Въ примиреніи всегда кроется элементъ нерѣшительности, а нерѣшительность есть та ржавчина, которая быстро и безнадежно разъѣдаетъ всякую власть». «Другою отличительною чертою характера императора — говорится далѣе — была его стойкая, непоколебимая увѣренность въ себя, въ своемъ предназначеніи. Кто не знаетъ, сколько тяжелыхъ минутъ пришлось ему пережить: среди тревожныхъ приключеній въ Америкѣ, бѣдствій лондонской

жизни, въ изгнаніи, въ Гамской тюрьмѣ,—но онъ оставался неизмѣнно спокоенъ, какъ-то фаталистически равнодушенъ, точно зная, что ожидающая его участь все равно отъ него не уйдетъ. Когда послѣ неудавшейся Булонской высадки, онъ былъ схваченъ, привезенъ въ Парижъ и брошенъ въ тюрьму Консьержери, къ нему явился, въ качествѣ назначеннаго защитника, молодой адвокатъ Барро, братъ знаменитаго Одилона Барро. Претендентъ вяло, почти неохотно объяснялся съ нимъ объ основаніяхъ защиты и вдругъ прервалъ его замѣчаніемъ, что помѣщенія тюрьмы крайне неудобны и что вообще съ арестованными обращаются недостаточно внимательно. «Когда я достигну власти, я все это устрою иначе»,—прибавилъ онъ задумчиво. Барро посмотрѣлъ на него съ нескрываемымъ удивленіемъ: положеніе Луи-Наполеона было очень опасно, надо было спасать голову, а вовсе не мечтать о власти и толковать о перестройкѣ тюрьмы. Нѣсколько лѣтъ спустя, Фердинанда Барро потребовали въ Елисейскій дворецъ. Вывѣнчанный арестантъ, теперь президентъ республики, завтрашній императоръ, принялъ его чрезвычайно любезно. «Вы, конечно, не помните,—произнесъ онъ,—что я говорилъ вамъ о моихъ намѣреніяхъ, когда достигну власти. Теперь власть, какъ видите, въ моихъ рукахъ и я назначаю васъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, прося прежде всего заняться вопросомъ о тюрьмахъ и о переработкѣ слѣдственной части». Такая увѣренность въ самомъ себѣ внушала ему то неизмѣнное спокойствіе, которое для незнавшихъ его могло казаться безучастіемъ, доходящимъ до полной апатичности. Онъ былъ такъ же спокоенъ, медителенъ въ движеніяхъ и въ апогеѣ своей власти и могущества, какъ спокойно ставилъ все на карту, рискуя и честью, и жизнью, когда отдавалъ для напечатанія полковнику Бевалю, наканунѣ 2-го декабря, подписанный указъ о распущеніи національнаго собранія и государственнаго совѣта,—какъ будто дѣло шло о какомъ-нибудь самомъ мелкомъ и ординарномъ распоряженіи. Говорить онъ тоже не любилъ, прежде всего сознавая, что никакія слова не въ состояніи отклонить того, что неминуемо должно совершиться. И молчаливость эта сослужила ему хорошую службу, создавъ ему репутацію особенно глубокомысленнаго правителя, какого-то политическаго сфинкса. Но говорить Луи-Наполеонъ умѣлъ хорошо въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда что-нибудь особенно его оживляло; гости его интимныхъ обѣдовъ и ужиновъ сохраняютъ о немъ воспоминаніе, какъ объ интересномъ, остроумномъ рассказчикѣ, такъ много видѣвшемъ въ жизни и отлично знавшемъ человѣческое сердце. Вообще такіе обѣды, всего человѣкъ на 10—12 приближенныхъ, были любимымъ отдыхомъ императора. Не стану скрывать, что онъ очень цѣнилъ тонкій столъ, хорошія вина, выдержанныя сигары и отлично зналъ толкъ во всѣхъ этихъ вещахъ. Красивыхъ женщинъ онъ присоединялъ къ той же категоріи матерьяльныхъ

благъ, не разъ и не два, можетъ быть, измѣнялъ клятвѣ вѣрности, данной передъ алтаремъ своей супругѣ (какъ вѣроятно и всѣ женатые читатели моихъ воспоминаній), но въ этомъ ничего общаго не было съ тою волчьей жадностью и обезьяньей похотливостью, въ которой его такъ неудачно думали обвинить его противники. Скорѣе же, спокойный во всемъ, онъ былъ холоднаго темперамента; по крайней мѣрѣ, истинно сердечныхъ склонностей я у него не знаю и повидимому онъ вовсе не былъ способенъ привязаться къ женщинѣ. Въ жену свою онъ былъ пылко влюбленъ, но охладѣлъ очень скоро и близости между ними было немного: онъ хорошо видѣлъ ея недостатки, но по своей добротѣ не давалъ и замѣчать ей о томъ и скорѣе даже подчинялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея вліянію, хотя оно безспорно было вредно для него лично и пагубно для всей Франціи. Вообще, заключаетъ Гуссе свой портретъ императора, это былъ человѣкъ безспорно умный, благомыслящій, способный; люди близкіе знали его хорошо и потому любили, но открывался онъ не многимъ и не умѣлъ быть достаточно ко всѣмъ любезенъ и привѣтливъ, какъ бы слѣдовало истинному монарху. Отчизну, что бы ни говорили, любилъ онъ искренно, исполненъ былъ лучшихъ плановъ и желаній, въ особенности симпатизировалъ низшему, рабочему классу и былъ даже гораздо болѣе социалистомъ, чѣмъ это прилично императору—все-таки правителю всѣхъ сословій, а не одного какого-либо исключительно».

Связной политической картины всего царствованія Луи-Наполеона Гуссе не даетъ вовсе и только набрасываетъ нѣсколько отдѣльныхъ сценъ, въ которыхъ императору приписываются совершенно иныя цѣли и намѣренія, чѣмъ мы привыкли до сихъ поръ думать. Такъ извѣстно ходячее обвиненіе, что Бисмаркъ совершенно обошелъ Наполеона, не далъ ему замѣтить чрезвычайно быстрого роста Пруссіи и, усиливъ ее побѣдами надъ Даніей и Австріей, явился грознымъ и, какъ оказалось, гибельнымъ противникомъ Франціи до сихъ поръ владѣвшей гегемоніей Европы. По словамъ Гуссе, однако, императоръ ясно сознавалъ всѣ ходы прусской политики, началъ сильно тревожиться уже послѣ датской кампаніи, а когда дѣло дошло до конфликта Пруссіи съ Австріей, то первый предложилъ секретно союзъ императору Францу-Иосифу, который тотъ въ непонятномъ ослѣпленіи колебался принять, рассчитывая подавить врага собственными силами и даже за великодушную помощь Франціи требуя еще себѣ же территоріальныхъ вознагражденій на счетъ Италіи. Союзный договоръ не осуществился, война разразилась и быстрѣе чѣмъ могли ожидать закончилась Кѣнигсгрецскимъ погромомъ. Когда депеша о томъ долетѣла до Франціи, Луи-Наполеонъ немедленно же, не смотря на ночное время, собралъ совѣтъ изъ стоявшихъ тогда во власти Руэра, Друена де-Люи, маршала Рандона и Флѣри. «Вотъ каково положеніе, объявилъ имъ им-

ператоръ, прочтя депешу. Австрія отвергла нашъ союзъ, но теперь намъ слѣдуетъ вступиться за нее даже противъ ея воли. Иначе Кёнигсгрецская битва можетъ и намъ стоить береговъ Рейна. Облѣнившійся, устарѣвшій Рандонъ съ ужасомъ отшатнулся отъ перспективы объявленія войны. «Да я могу выставить въ строй развѣ 30,000 готовыхъ солдатъ, — возразилъ онъ: На войну нельзя ѣхать какъ на пикникъ». — «Что за бѣда! — воскликнулъ пылкій Флѣри, едва ли не лучше всѣхъ приближенныхъ понимавшій широкіе планы своего повелителя. — Пусть только 30,000; этого вполне достаточно, чтобъ замаскировать недостатокъ той арміи, которую Франція дастъ намъ черезъ недѣлю. Впередъ! другого нѣтъ исхода»... Этотъ смѣлый возгласъ былъ голосомъ государственной мудрости; но есть еще мудрость ежедневнаго обихода, не видящая ничего дальше завтрашняго дня и презрительно отворачивающаяся отъ болѣе широкихъ горизонтовъ. Эта мудрость положена была на вѣсы торжественно ничтожнымъ Руэромъ; мушинныя крылья министровъ не могли подняться за орлинымъ полетомъ мысли императора и объявленіе войны не состоялось въ виду того, что Руэръ и Рандонъ грозили возвратить немедленно портфели, бросивъ отчисну въ минуту серьезной опасности... И такимъ-то образомъ, еще за четыре года до нашествія пруссаковъ, Франція была разбита на голову собственными же министрами!»

Равнымъ образомъ Гуссе старается оправдать Луи-Наполеона и за несчастную кампанію 1870 года, веденную имъ, по общему отзыву, крайне неумѣло и бездарно. Теперь уже доказано, что собственно императоръ вовсе не хотѣлъ этой войны и она была объявлена лишь по проiscaмъ придворной партіи и согласно желанію почти всей націи. Гуссе, кромѣ того, увѣряетъ, что Наполеономъ составленъ былъ прекрасный планъ кампаніи, вѣроятно увѣнчавшійся бы успѣхомъ, еслибы имѣли смѣлость его исполнить. Императоръ видѣлъ далѣе, чѣмъ маршалы и полководцы по ремеслу. Онъ понималъ, что въ сравненіи съ врагомъ, мало подготовленной Франціи почти невозможно бороться, руководясь обычными стратегическими соображеніями и потому составилъ планъ, который могъ спасти все. Онъ думалъ въ главѣ лучшихъ войскъ вторгнуться немедленно въ Баварію: это, во-первыхъ, разстроило бы планъ непріятели и заставило его разъединить свои силы, а во-вторыхъ, несомнѣнно вовлекло бы въ общую войну и Австрію, которая тогда не устояла бы уже отъ искушенія снова скрестить оружіе съ пруссаками, недавняя побѣда которыхъ отзывалась еще болью и озлобленіемъ. Это былъ ходъ до головокруженія смѣлый, но неспособные, интриговавшіе между собою генералы отказались отъ него, забывая, что и Наполеонъ I зачастую вырывалъ побѣду изъ рукъ враговъ подобными же отважными планами. Война пошла тѣмъ путемъ, который предписанъ учебниками тактики и кампанія была

проиграна заранѣе. И когда Луи-Наполеонъ больной, истомленный страданіемъ за гибнущую Францію хотѣлъ вернуться въ Парижъ, чтобы попытаться поправить дѣло и спасти, что можно, его встрѣтило на дорогѣ письмо императрицы, оставленной въ столицѣ регентшею, письмо безпримѣрное по своей жестокости и полному непониманію смысла совершающихся событій. «Не думайте возвратиться сюда,—говорилось въ этомъ письмѣ,—если не хотите быть причиной и первою жертвою кровавой революціи. Это мнѣніе также Руэра и Шейро, которыхъ я видѣла сегодня утромъ. Здѣсь скажутъ, что вы оставили армию, чтобъ избѣжать опасности. Евгенія». Письмо это убивало послѣднюю надежду: ѣхать теперь въ Парижъ, чтобъ прежде всего бороться съ императрицей и отнимать неосторожно врученную ей власть, было немислимо. Спокойный въ своемъ фатализмѣ Луи-Наполеонъ безмолвно повернулъ коня: Франція еще могла спастись, но династія погибла безвозвратно».

Но если Гуссе съ такою симпатіею относится къ императору, то приписывая ему широкіе планы и благія намѣренія, то съ умысломъ почти вовсе не касаясь такихъ темныхъ страницъ въ его жизни, какъ неоправдываемая ничѣмъ, кромѣ честолюбія и алчности, исторія самаго переворота, доставившаго ему престолъ Франціи,—за то онъ не жалѣетъ обидныхъ словъ и злостныхъ обвиненій, набрасывая портретъ императрицы Евгеніи. Рассказывая въ короткихъ словахъ ея біографію до выхода замужъ, онъ прямо называетъ отцомъ ея извѣстнаго писателя Проспера Мериме. «Положимъ, графиня-мать—прибавляетъ онъ—своимъ поведеніемъ дала право не одному десятку жуировъ считать молодую красавицу своею дочерью, но всѣ остальные не заботились поддерживать знакомство съ нею, тогда какъ писатель остался другомъ дома до преклонныхъ лѣтъ графини и въ судьбѣ Евгеніи принималъ явно отеческое участіе». И Гуссе рассказываетъ, какъ Мериме, что называется свелъ будущую императрицу съ Луи-Наполеономъ, устроилъ ея появленіе на одномъ изъ осеннихъ охотничьихъ праздниковъ въ Компьенѣ, училъ дѣвушку кокетничать съ влюбчивымъ монархомъ, диктовалъ ей адресуемыя къ нему страстныя письма и признанія. Интрига увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, такъ какъ Наполеонъ оказался далеко не столь дальновиднымъ и предусмотрительнымъ, какимъ хочетъ изобразить его авторъ въ своихъ мемуарахъ. «Женитба императора, говоритъ Гуссе, была для Франціи неожиданнымъ ударомъ. Думали, что онъ возьметъ какую-нибудь маленькую иностранную принцессу, какихъ въ Германіи былъ цѣлый рынокъ, или—еще резоннѣе и патріотичнѣе—возведетъ на престолъ молодую француженку, хотя бы даже изъ самаго скромнаго семейства. Но раздѣлить свой тронъ съ иностранкой, дочерью женщины завѣдомо запятаннаго поведенія, едва достойной развѣ ранга фаворитки—это было слишкомъ

смѣло и неожиданно». И, по словамъ Гуссе, Евгенія не сдѣлала ничего, чтобы пріобрѣсти уваженіе или привязанность націи, заставить извинить свое незаслуженное возвышеніе. «Она мечтала только о развлеченіяхъ, о туалетахъ и балахъ, окружила себя льстецами и ничтожествами; вдобавокъ эта испанка была такъ же горда и самовластна, какъ та «австрійка», которая столкнула-таки въ пропасть своего добродушнаго коронованнаго супруга». «Евгенія была можетъ быть и добра—говоритъ Гуссе въ другомъ мѣстѣ— по крайней мѣрѣ довольно крупныя суммы расходовались отъ ея имени на разныя благотворительныя дѣла и учрежденія; но все это дѣлалось точно по обязанности, на показъ и вѣроятнѣе всего— по внушенію всегда сострадательнаго къ чужому горю императора. А какъ смотрѣла сама она на лучшую обязанность королевы—доброту, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, была злопамятна и мстительна, покажетъ лучше всего слѣдующая небольшая исторія. Кто-то внушилъ императрицѣ желаніе посѣтить тюрьму Сен-Лазарь, гдѣ, какъ извѣстно, содержатся проститутки, какъ подслѣдственныя, такъ и обвиненныя въ разныхъ мелкихъ проступкахъ. Объявлено было объ этомъ тогдашнему префекту полиціи Буателю, отставному военному, человѣку, немного рѣзкому на словахъ, но весьма не глупому и симпатичному. «Ваше величество, попытался возразить онъ—едва ли умѣстно тамъ ваше появленіе. Не лучше ли послать отъ васъ извѣстную сумму или даровать заключеннымъ какія-нибудь льготы вашимъ именемъ?—Вы призваны сюда, отрѣзала ему вспылившая императрица, вовсе не для того, чтобы давать совѣты, а только выслушать мое приказаніе!—Префектъ молча и почтительно поклонился. На другой день Евгенія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ свиты и Буателя, пріѣхала въ Сен-Лазарь и застала арестантокъ за обѣдомъ. Попробовать пищу, какъ это всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ высокими посѣтителями, она побрезговала, но спросила—изъ какихъ блюдъ состоитъ обѣдъ.—Какъ! воскликнула она, выслушавъ отвѣтъ, съ наивностью, годящеюся развѣ для палеройяльскаго водевиля—у нихъ въ обѣдѣ нѣтъ сладкаго блюда! Съ своей военной откровенностью, Буатель не могъ удержаться отъ смѣха.—Помилуйте, произнесъ онъ, если ихъ угощать пирожнымъ, что же останется для честныхъ женщинъ?—Вы забываетесь, г. префектъ, со злобой сказала императрица.—Ступайте, я не желаю больше вашего сопровожденія. Скандалъ вышелъ слишкомъ громокъ и хотя онъ выставилъ Евгенію совершенно безтактною, но Буатель все-таки потерялъ мѣсто, какъ Луи-Наполеонъ ни любилъ его и ни цѣнилъ его дѣятельность».

Въ доказательство того, что Евгенія вовсе не могла быть добра въ душѣ, Гуссе рассказываетъ также, что, будучи страстной любительницей охоты, она съ особеннымъ наслажденіемъ доканчи-

вала ударомъ ножа затравленнаго оленя. «Ей тотчасъ давали знать, гдѣ онъ упадетъ, она мчалась туда и соскочивъ съ коня вонзала ножъ въ грудь бѣднаго животнаго, плакавшаго слезами трогательнѣе человѣческихъ. Она вся точно преображалась, глаза сверкали, лицо выражало такую злобную радость, что смотрѣть на нее было и страшно, и омерзительно. Придворная челядь думала видѣть въ этой жестокости какое-то мужество, особую силу воли. О, эта женщина будетъ стойко, до послѣдней возможности защищать свои права въ минуту опасности, говорили про нее. И что же? когда эта минута наступила, сама же испортивъ окончательно все дѣло своими необдуманнѣйшими и какъ всегда безтактными распоряженіями, она первая растерялась и ослабѣла до того, что всю блѣдную, почти безъ сознанія, ее вывели изъ дворца и посадили въ наемный фіакръ Меттернихъ и кавалеръ Нигра—ея лучшіе друзья, оба иностранцы—потому что между французами друзей у нея не было!»

Все, что говоритъ Гуссе о роскошной жизни Евгеніи и всего двора, объ этой нескончаемой смѣнѣ баловъ, охотъ, спектаклей, маскарадовъ, увеселительныхъ поѣздокъ—не ново и мало характеристично. Мимоходомъ перечисляетъ онъ имена приближенныхъ къ императрицѣ придворныхъ дамъ, прославившихся блескомъ туалетовъ, шумомъ походовъ и напомнившихъ красотою и беззастѣнчивостію памятный въ исторіи Франціи «летучій эскадронъ королевы». Это были главнымъ образомъ герцогиня Морни и Персиньи, княгиня Меттернихъ, маркиза Галлифе и графини Валевская, Агуадо и Кастильоне. «Вредное во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе императрицы Евгеніи сказалось и тутъ, читаемъ мы въ мемуарахъ: императоръ, человѣкъ благоразумный и вкусовъ очень скромныхъ, понималъ, что не слѣдовало безъ отдыха оскорблять страну безумной роскошью придворныхъ праздниковъ, всегда возмущающею бѣдняковъ и поселяющею глухое недовольство въ обездоленныхъ жизнью. Но онъ былъ слишкомъ добръ и снисходителенъ, позволимъ себѣ въ данномъ случаѣ даже сказать—слишкомъ слабъ и къ женѣ, и ко всѣмъ приближеннымъ, и рѣдко участвуя лично въ праздникахъ, не запрещалъ другимъ веселиться, тогда какъ несомнѣнно слѣдовало бы внушить имъ болѣе осторожности и умѣренности. И чѣмъ далѣе время шло впередъ, тѣмъ Евгенія все съ большею жадностію искала новыхъ удовольствій; пріѣвшіяся развлеченія смѣнялись все болѣе пряными, туалеты дамъ становились всѣ откровеннѣе, разговоры кавалеровъ непристойнѣе. Скоро придворный кругъ—и прежде всего благодаря императрицѣ—заслуженно пріобрѣлъ репутацію чего-то крайне разгульнаго, распущеннаго, и это, между прочимъ, сильно пошатнуло престижъ наполеоновскаго имени, да и до сихъ поръ заставляетъ многихъ отклоняться отъ самой мысли о возстановленіи династіи Бонапартовъ. Да, Евгенія была положительно злымъ гениемъ не только

своего мужа, но и всей династїи. Царствуя, она не берегла своего имени и отталкивала отъ двора людей скромныхъ и спокойныхъ, во время послѣдней войны помѣшала императору спасти хоть престоль, если не судьбу кампанїи и точно чтобъ довершить крушеніе отдала наслѣднаго принца, не смотря на всѣ увѣщанїя Руэра и другихъ корифеевъ партїи, на службу Англїи, чтобъ онъ погибъ безславно въ далекой Африкѣ подъ копьями зулусовъ... однако, позволившихъ спастись сопровождавшимъ принца его англійскимъ товарищамъ».

Особая глава мемуаровъ посвящена родственникамъ Наполеона III—принцессѣ Матильдѣ и принцу Наполеону. Къ первой Гуссе относится вообще симпатично, рисуя ее бесспорно доброй женщиной, искренно любимой тѣснымъ кружкомъ своихъ приближенныхъ, занимавшейся рисованіемъ, любившей посплетничать и угощавшей своихъ гостей вкусными ужинами. Она дѣлала тайкомъ не мало добра, говоритъ писатель; между прочимъ, выдавала изъ собственныхъ средствъ Теофилю Готье ту пенсію, что обѣщаль ему, но потомъ забылъ назначить Наполеонъ. Поэтъ до самой смерти полагаль, что пенсія уплачивается ему государствомъ и что по особой любезности министерства ему разрѣшено получать ее изъ рукъ благоволившей къ нему принцессы. Но выдачею денежныхъ пособій и ограничивалась дѣятельность принцессы. Она никогда не хотѣла пользоваться своимъ родствомъ съ императоромъ и рѣшительно отказывалась ходатайствовать у него о мѣстахъ и наградахъ для кого бы то ни было. «Я не хочу, чтобы мою гостиную считали дворцовой передней; я принимаю друзей, а не просителей, говорила она съ благородною гордостью. Только разъ въ жизни выхлопотала она Сент-Беву мѣсто сенатора, даже вопреки желанію императора... Но вѣроятно знаменитый критикъ имѣлъ въ своемъ арсеналѣ особо-убѣдительныя средства, чтобъ заставить принцессу отказаться для него отъ своего руководящаго правила». Въ похвалахъ Гуссе принцессѣ Матильдѣ сквозитъ однако полупрезрительная нота: въ сущности онъ считаетъ ее, при всей добротѣ, женщиной ничтожной, слишкомъ занятой своими узкими, личными интересами и потому не оставившей по себѣ никакого слѣда въ исторїи политической жизни Франціи.

Принца Наполеона, напротивъ, авторъ мемуаровъ называетъ человѣкомъ богато одареннымъ и превосходно образованнымъ. «Прекрасный ораторъ, поклонникъ и знатокъ искусства, археологъ, ботаникъ—онъ имѣлъ понятіе рѣшительно обо всемъ и, конечно, за что бы ни принялся, во всемъ имѣлъ бы успѣхъ. Только онъ ни за что не хотѣлъ приниматься сколько-нибудь серьезно. Судьба поставила его слишкомъ близко къ трону, чтобы ему было необходимо трудиться, а скептически-развитой умъ подсказываль ему, что гораздо спокойнѣе скрестить руки на груди—благо это

излюбленная наполеоновская поза — и смотрѣть какъ работаютъ другіе. И вотъ изъ всѣхъ философскихъ системъ, тоже когда-то довольно основательно имъ изученныхъ, выбравъ эпикурейскую, онъ добровольно устранился отъ всякаго участія въ общественной жизни, балагурилъ съ пріятелями, ужиналъ съ актрисами и мало-по-малу растолстѣлъ, обрюзгъ и опустился до того, что когда историческими судьбами, за смертью императорскаго принца, онъ остался представителемъ бонапартистской династіи, то почти вся партія съ нелестнымъ для него удивленіемъ посмотрѣла на такого страннаго претендента и за нимъ остался лишь съ десятокъ смѣшныхъ фанатиковъ, а огромное большинство или перешло къ его сыну принцу Виктору или вовсе признало дѣло партіи погибшимъ».

Слѣдующая глава мемуаровъ посвящена портретамъ любимцевъ Луи-Наполеона и главныхъ дѣятелей его царствованія. Изъ нихъ Гуссе въ особенности останавливается на герцога Морни, незаконномъ сынѣ той же королевы Гортензій и пользовавшемся большимъ вліяніемъ на императора, вслѣдствіе ли такого родства или просто по перевѣсу своей пылкой, энергичной натуры надъ холоднымъ, нѣсколько апатичнымъ характеромъ авантюриста. Именно Морни, что признаетъ и Гуссе, принудилъ долго колебавшагося президента произвести наконецъ задуманный переворотъ и оригинальнѣе всего, что авторъ мемуаровъ не видитъ ничего предосудительнаго въ объясненіи подобной смѣлости и настойчивости Морни, даже оправдываетъ его тѣмъ, что денежныя дѣла его страшно запутались и въ успѣхѣ переворота онъ видѣлъ прежде всего возможность поправить ихъ, получивъ свободный доступъ къ «казенному ящику». Гуссе, не стѣсняясь, передаетъ слѣдующую исторію, называемую имъ, правда, анекдотомъ, но которая слишкомъ похожа на истину, чтобъ быть придуманною. Наканунѣ 2-го декабря, Морни, уже нѣсколько дней спасавшійся отъ преслѣдованія кредиторовъ и потому, изъ боязни быть арестованнымъ, ночевавшій не дома, а у своихъ друзей или, еще чаще, подругъ — пробрался въ квартиру маленькой, но хорошенькой актрисы, давно уже ему симпатизировавшей, и просилъ гостепріимства до утра. Однако, нанятому кредиторами сыщику удалось объ этомъ узнать и съ первыми лучами зари, пригласивъ съ собою полицейскихъ, онъ постучался у дверей гостепріимной актрисы. «Арестую васъ именемъ республики! торжественно произнесъ онъ вышедшему на звонокъ должнику. — Вы опоздали, милѣйшій, равнодушно отвѣтилъ Морни, хорошо знавшій о томъ, что должно было произойти ночью. Республики уже нѣтъ болѣе, а императорское правительство охотно возьмется удовлетворить моихъ кредиторовъ!». Вообще Гуссе, бывшій въ душѣ и самъ такимъ же беззастѣнчивымъ авантюристомъ, безусловно расхваливаетъ герцога Морни, увѣряя, что «онъ оклеветанъ политическими врагами и свѣтскими завистниками, не

переносившими его успѣховъ и подавляющаго превосходства. Не въ его пользу можно сказать развѣ только, что онъ не всегда внимательно относился къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ черпалъ средства для своей полной блеска и изящества жизни и что, сознавая себя близкимъ, хоть и не признаннымъ родственникомъ императора, полагалъ, что имѣеть право на участіе въ государственныхъ доходахъ, собственною энергіею доставляя себѣ то, въ чемъ отказывало ему недогадливое правительство». Деликатнѣе нельзя поставить человѣку обвиненіе въ казнокрадствѣ и цѣлой денежной распущенности. Это, какъ мы знаемъ, и было преобладающею чертою характера блестящаго герцога и мы ранѣе указывали на цѣлую систему изобрѣтеннаго имъ биржевого шулерства. Однако, при всемъ томъ нельзя не согласиться и съ Гуссе, что Морни былъ во всякомъ случаѣ личностью выдающеюся, богато одаренною. «Красивый, умный, хорошо образованный, обладавшій личною храбростію, которую доказалъ, пріобрѣтя крестъ и эполеты въ Африкѣ, гдѣ отличился въ Маскарской экспедиціи, а при взятіи Константины спасъ жизнь генералу Трезелю и былъ раненъ четырьмя пулями—онъ имѣлъ все, чтобы стать идоломъ женщинъ, кумиромъ общества; онъ прошелъ свой жизненный путь шумно, весело, изящно, не оглядываясь назадъ, не падая ни силъ своихъ, ни золота и сжигая свою жизнь какъ свѣчу, съ обоихъ концовъ!»

Но если, при всемъ пристрастіи къ Морни, Гуссе не можетъ пройти молчаніемъ его слишкомъ философскаго отношенія къ государственному достоянію, за то другого ближайшаго помощника Наполеона III—герцога Персиньи онъ называетъ человѣкомъ совершенно другого закала и прежде всего безусловно честнымъ, «не позволявшимъ себѣ ни прямо, ни косвенно участвовать въ какой бы то ни было денежной или биржевой операціи, изъ боязни бросить хотя бы малѣйшую тѣнь на свою незапятнанную репутацію». Но все это, разумѣется, одни только слова и Персиньи не меньше другихъ попользовался при дѣлежѣ добычи, доставшейся всей шайкѣ. Правда, что онъ не былъ такимъ ничтожествомъ какъ большинство лицъ окружавшихъ императора; онъ не смотрѣлъ на жизнь, подобно Морни, какъ на вѣчную масляницу, работалъ энергично, хоть и въ извѣстномъ направленіи, управлялъ дѣлами своего министерства и если не былъ, какъ увѣряетъ Гуссе «безкорыстнымъ фанатикомъ наполеоновской идеи», то все же выдавался среди толпы бездарныхъ негодяевъ, составлявшихъ ядро императорской партіи.

Къ числу такихъ ничтожествъ и самъ Гуссе не можетъ не отнести прежде всего графа Валевскаго, побочнаго сына Наполеона I-го. Занимая постъ посланника, затѣмъ министра, онъ точно стремился доказать: какимъ именно не слѣдуетъ быть ни дипло-

мату, ни государственному дѣятелю; назначенный предсѣдателемъ парижскаго конгресса, онъ кое-какъ справился съ своей ролью лишь потому, что императоръ строжайше приказалъ ему ни на шагъ не выходить изъ заранѣе опредѣленной рамки не только словъ, но и самыхъ междометій. Нося польскую фамилію, онъ полагалъ, что тѣмъ самымъ имѣлъ права на польскую корону и серьезно мечталъ о ней, не желая справляться ни съ исторіей, ни съ современнымъ политическимъ положеніемъ и долго дулся на Луи-Наполеона за то, что тотъ недостаточно сочувствуетъ его планамъ и не хочетъ приняться рѣшительно за ихъ осуществленіе. Но и этого мало: не довольствуясь лаврами политическаго дѣятеля, онъ желалъ еще быть писателемъ и понимая, что удачная піеса прославитъ человѣка скорѣе чѣмъ десять романовъ, написалъ комедію въ пять актовъ «Свѣтская школа». Піесу приказано было дать на сценѣ Французской комедіи, обставлена она была блестящимъ образомъ, разыграна лучшими силами труппы—и, конечно, торжественно провалилась. «Зачѣмъ вы это сдѣлали! утѣшались озадаченнаго автора маленькій Тьеръ своимъ язвительно-сладенкиимъ тономъ. Вѣдь такъ трудно написать большую пяти-актную комедію и такъ легко было совсѣмъ не писать такой комедіи». Въ довершеніе всего, вялый, путавшійся въ словахъ, пухлый и сонливый, Валевскій имѣлъ еще претензію нравиться женщинамъ. Онъ успѣлъ, однако, покорить кажется одну только Рашель, которой, разумѣется, не слѣдовало бы спускаться до подобной связи. Актриса стояла ему громаднхъ денегъ, но искушала свою связь хоть тѣмъ, что вовсе не давала себѣ труда оставаться ему вѣрной».

Знаменитаго дѣятеля второй половины царствованія Луи-Наполеона—министра Руэра Гуссе считаетъ если не столь же ничтожнымъ, то принесимъ зато гораздо болѣе вреда и династіи и самому государству. «Это былъ во всю свою жизнь только адвокатъ, а никакъ не государственный дѣятель; да и адвокатъ, не обладавшій ни сколько-нибудь широкими взглядами, ни вообще образованіемъ, кромѣ узко спеціальнаго. Пылкій, энергичный Морни, во всемъ составлявшій полную ему противоположность, былъ личнымъ его противникомъ и когда Руэръ впервые вступилъ въ составъ министерства, герцогъ говорилъ громко въ кругу своихъ друзей: «Императоръ набираетъ себѣ въ сотрудники слишкомъ много адвокатовъ, и рано или поздно они погубятъ имперію, какъ погубили Наполеона I генералы и маршалы, Карла X герцоги и перы, а Луи-Филиппа профессора и журналисты. И когда стануть рыть могилу имперіи, Руэръ первый возьмется за лопату». Предсказаніе умнаго человѣка оправдалось буквально и мы уже говорили, какъ своимъ близорукимъ упорствомъ Руэръ отклонилъ смѣлое и политически дальновидное намѣреніе Наполеона вмѣшаться въ борьбу Австріи съ Пруссіей. «А между тѣмъ это былъ чело-

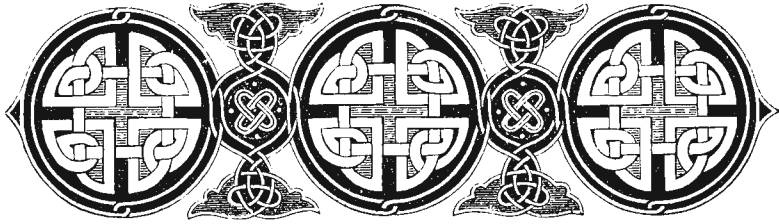
вѣкъ дѣятельный, не боящійся труда, искренно расположенный и лично къ императору, и къ интересамъ монархіи вообще. Онъ былъ только совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ и тамъ, гдѣ необходима была извѣстная смѣлость взглядовъ и широта намѣреній, могъ примѣнять лишь свою воловью старательность и слѣпоту крота, немолчно работающаго, но неизмѣнно подрывающаго ту почву, среди которой приходится ему дѣйствовать. Между прочимъ, главная его ошибка состояла въ томъ, что онъ былъ безусловнымъ слугою всѣхъ намѣреній императрицы Евгеніи и упорно поддерживалъ ея себялюбивые планы, гдѣ ханжество сплеталось съ личною мстительностью, а самогнѣніе рождалось съ изумительною пустотою и непониманіемъ происходящаго. Зато—заключаетъ Гуссе—призваніе и удерживаніе Руэра во власти было также едва ли не главной и самой прискорбной ошибкой всего правленія Наполеона III».

Затѣмъ идетъ рядъ характеристикъ второстепенныхъ дѣятелей второй имперіи; изъ нихъ, для полноты картины, слѣдуетъ упомянуть имена генерала Флѣри, впоследствии посланника въ Петербургѣ, хотя и дѣятельно участвовавшаго въ самомъ совершеніи декабрскаго переворота, но всегда остававшагося лишь наемнымъ орудіемъ въ рукахъ императорской партіи,—да сенскаго префекта барона Гаусмана, украсившаго Парижъ роскошными зданіями и перестроившаго его улицы, конечно, въ видахъ удобства жителей, однако, съ тѣмъ тонкимъ расчетомъ, чтобы на концѣ каждаго бульвара помѣщалась «на всякій случай» казарма какого-нибудь полка, изъ которой было бы удобно обстрѣливать всю улицу при первой вспышкѣ народнаго волненія. Слѣдующая глава мемуаровъ посвящена портретамъ литературныхъ дѣятелей второй имперіи; здѣсь говорится о Дюма-сынѣ, Эдмондѣ Абу, Альфонсѣ Каррѣ, разсказывается печальная смерть Нервала, повѣсившагося ночью въ глухомъ предмѣстьи Парижа, задѣвается мимоходомъ нѣсколькими насмѣшками Тьеръ, конечно, принадлежавшій совершенно къ другому лагерю и не удостоивавшій Гуссе своимъ знакомствомъ, передается нѣсколько спетень объ актрисахъ Дозъ и Дорваль. Но утомленіе видимо овладѣваетъ авторомъ и послѣднія главы 4-го тома, не давая сколько-нибудь цѣльной и интересной картины общественной жизни Франціи въ эпоху второй имперіи, свидѣтельствуютъ лишь о желаніи Гуссе закончить свой трудъ и положить перо.

Времени послѣ паденія имперіи отведено въ мемуарахъ еще мѣнѣе страницъ и авторъ останавливается только на эпохѣ осады Парижа прусскими войсками, во время которой Гуссе добровольно, вмѣстѣ съ своимъ взрослымъ сыномъ, вступилъ въ отрядъ мобилей, участвовалъ въ нѣсколькихъ стычкахъ подъ стѣнами столицы, а въ своемъ городскомъ домѣ устроилъ больницу для раненыхъ, дѣйствительно стоившую ему значительныхъ суммъ и принесшую не малую пользу. Наконецъ, послѣдняя глава воспоминаній посвя-

цена прощанію автора съ читателями. Гуссе впадаетъ здѣсь въ минорный тонъ, говоритъ о бренности всего земного, болѣе всего, впрочемъ, сожалься объ утратѣ молодости и возможности наслажденія жизнью, и въ заключеніе рассказываетъ о себѣ совершенно нелѣпую исторію, сочиненную имъ, по всей вѣроятности, съ цѣлью показать читателямъ, какъ заслуги его цѣнятся даже въ чужихъ, далекихъ странахъ и какъ грубо-несправедливы къ нему соотечественники, не избравшіе его до сего времени въ члены французской академіи, попасть куда, сдѣлаться однимъ изъ сорока безсмертныхъ, всегда составляло завѣтную, но тщетную мечту автора мемуаровъ. «Правительство императора Александра II, говоритъ Гуссе, не указывая однако, въ какомъ именно году это случилось—предложило мнѣ, на весьма лестныхъ и выгодныхъ условіяхъ, управленіе императорскими театрами въ Петербургѣ. Я отказался—не желая разставаться съ Франціей, можетъ быть и не столь чуткой въ моей оцѣнкѣ, какъ эта страна далекаго сѣвера, но все-таки для меня дорогой и незамѣнимой. И что же?—вмѣсто справедливаго, казалось бы, гнѣва на мой отказъ отъ столь лестнаго предложенія, я получилъ дипломъ на званіе члена русской академіи и звѣзду одного изъ русскихъ орденовъ, усыпанную бриллиантами». Нѣтъ сомнѣнія, что все въ этой исторіи сплошная ложь отъ начала до конца. Своєю выдумкою Гуссе могъ разсчитывать ослѣпить парижанъ, крайне мало знакомыхъ съ условіями русской жизни, но русскимъ, разумѣется, совершенно ясно, что ничего подобнаго не было и быть не могло. Гуссе не могли предложить сдѣлаться директоромъ всѣхъ императорскихъ театровъ, изъ которыхъ онъ могъ быть компетентенъ развѣ въ управленіи однимъ французскимъ; еще менѣе могли дать ему орденъ, да еще первой степени, со звѣздою, неизвѣстно за какія заслуги; но вѣркомъ нелѣпости является избраніе будто бы Гуссе членомъ академіи: какой именно изъ двухъ, онъ даже не говоритъ, но всякому понятно, что незначительная дѣятельность и мелкое дарованіе автора мемуаровъ неизмѣримо далеки отъ предоставленія ему кресла въ любой изъ нашихъ академій наукъ или художествъ. И тѣмъ не менѣе Гуссе имѣлъ дерзость, именно въ разсчетъ на полное незнакомство французовъ съ нашею жизнью, сочинять о себѣ такую нахальную ложь, и это въ мемуарахъ, которые самъ называетъ «итогомъ всей своей жизни», увѣряя, что онъ старался быть въ нихъ «только правдивымъ — и больше ничего». Эта ложь прекрасно дорисовываетъ мелко-самохвальную натуру писателя и на ней всего удобнѣе разстаться съ его воспоминаніями, безспорно любопытными, написанными бойко и остроумно, но которыя, повторяемъ, слѣдуетъ читать съ крайнею осторожностью, пользуясь ими только какъ весьма сомнительнымъ историческимъ матеріаломъ.

В—ъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Неотчуждаемость крестьянских земель въ связи съ государственно-экономической программой. Г. П. Сазонова. Спб. 1889.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА вообще не богата книгами публицистическаго содержанія, и въ особенности такими, которыя бы легко могли быть усвоиваемы большинствомъ читающей публики. Въ виду этого, настоящая книга, написанная живымъ языкомъ и касающаяся весьма важныхъ вопросовъ русской народной жизни, обращаетъ на себя особенное вниманіе. Говоря это, мы имѣемъ въ виду, что большинство русскаго образованнаго общества весьма мало знакомо съ тѣми разнообразными явленіями нашей народной и государственной жизни, изъ совокупности которыхъ слагаются такіе животрепещущіея вопросы: а) владѣтъ ли въ будущемъ восьмидесятимилліонному крестьянскому населенію Россіи землю, или же преобразоваться въ громадную массу пролетаріата; или, говоря иначе—слѣдуетъ ли допустить обращеніе земли въ разрядъ предметовъ свободной торговли, или же оградить ее отъ жадныхъ рукъ спекуляторовъ; б) предоставить ли здѣсь дѣйствовать и господствовать слѣпому стихійному началу въ чаяніи, что авось выйдетъ изъ этого нѣчто стройное и полезное государству, или подчинить это дѣло разуму, умудренному опытомъ тѣхъ тысячелѣтій, которое прожило въ разныхъ концахъ земли человѣчество; в) быть ли каждому изъ русскихъ земледѣльцевъ заправителемъ своего хозяйства, который постоянно съ малыхъ лѣтъ до самой смерти живетъ на своей землѣ, измышляетъ средства и способы наивыгоднѣйшаго пользованія ею и неразлучно съ этимъ учится и познаетъ законы природы, жизнь растений и животныхъ, однимъ словомъ образовывается и умнѣетъ; или же обратить его въ батрака, исполняющаго по указанію приказчика какую-либо единичную работу на фабрикѣ—

производство хлѣба, неосмысливая этой работы совокупностію всѣхъ другихъ предпріятій въ чужомъ для него хозяйствѣ; г) были ли затѣмъ крестьянину полноправнымъ гражданиномъ, сознавать тѣсную связь его личныхъ интересовъ съ интересами его односельцевъ, понимать вліянія на эти интересы классовъ торговаго, промышленнаго и проч., или же оставаться въ невѣдѣніи всего этого, не наученнымъ ничему и, такимъ образомъ, знать и вѣдать только приказчика того барина, или купца, у которыхъ онъ нанялся работать; слѣдовательно—жить не имѣя повода къ мысли о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые могутъ возникать только у самостоятельнаго хозяина. «Исполняй договоръ», «дѣлай такъ, а не иначе»—вотъ все, что потребуютъ отъ него хозяинъ и мѣстные власти, и ни въ какія иныя съ нимъ отношенія не вступятъ. Однимъ словомъ: быть ли нашему земледѣльческому населенію оидіотизированнымъ, или же дать ему возможность совершать безпрепятственно начатый имъ издавна циклъ развитія, современное состояніе котораго говоритъ за то, что это не дикій, не первобытный народъ, а уже достигшій той степени развитія, при которой онъ можетъ легко воспріять всѣ блага здоровой цивилизаціи, а потому д) сохранить ли тотъ исконный строй жизни этого народа (его общинное землевладѣніе), который доселѣ велъ его къ развитію, къ пониманію себя членомъ всей русской земли, силою, способной отстоять цѣлость и независимость этой земли; или же разрушить вѣковые устои и низведя крестьянство на степень простой рабочей силы положится на то, что надѣленіе широкими, на счетъ крестьянства, привилегіями классовъ землевладѣльческаго, торговаго и промышленнаго, обогатить страну не смѣтными капиталами, съ помощью которыхъ она приобрѣтетъ громаднѣйшій вѣсъ и значеніе извнѣ и процвѣтетъ внутри?

Вотъ легкій набросокъ тѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ, которые входятъ въ общій вопросъ—«о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ».

Разсматривая эти вопросы, г. Сазоновъ даетъ отвѣты на нихъ главнымъ образомъ указаніемъ на факты русской исторіи и дѣйствительности, на мнѣнія занимавшихся разработкой этихъ вопросовъ русскихъ ученыхъ, на мнѣнія представителей обще-европейской науки, слѣдившихъ за явленіями экономической жизни Россіи.

Факты русской дѣйствительности, приводимые г. Сазоновымъ, заимствуются имъ изъ всей накопившейся по настоящее время обширной литературы по «отчизновѣдѣнію», изъ сборниковъ правительственныхъ актовъ и распоряженій, изъ отчетовъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, изъ земскихъ статистическихъ изданій и изъ множества книгъ, статей, газетныхъ сообщеній.

Вслѣдствіе этого, настоящая книга, при небольшемъ сравнительно объемѣ, заключаетъ массу интереснѣйшихъ данныхъ, касающихся различныхъ перепетій дѣла освобожденія крестьянъ, послѣдующаго за тѣмъ ихъ устройства, борьбы затронутыхъ здѣсь интересовъ, вліянія этой борьбы на различныя стороны экономической и нравственной жизни страны. А такъ какъ значительное количество этихъ данныхъ заимствовано изъ такихъ источниковъ, которые весьма мало распространены въ публикѣ и, пожалуй, извѣстны только немногимъ специалистамъ, то понятно, что найдется не мало читателей, которые по книгѣ г. Сазонова впервые ознакомятся съ приводимыми въ ней фактами, и воспримутъ ихъ не отрывочно, а въ ряду съ другими, объясняющими и дополняющими ихъ данными. Что же касается до людей молодыхъ, до подростающихъ поколѣній, жизнь и спеціальныя занятія ко-

торыхъ устраняють для нихъ возможность яснаго представленія объ истекшихъ событіяхъ, то для нихъ чтеніе настоящей книги ни въ какомъ случаѣ не можетъ пройти безслѣдно.

Не мало также могутъ взять изъ этой книги многіе дѣятели въ области администраціи, земскихъ учреждений, журналистики, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые, будучи всецѣло погружены въ свою специальную практику, отвлекаются постоянно срочною работою и ежедневною суетой отъ подробнаго ознакомленія съ спорными вопросами нашей внутренней жизни.

Книга начинается историческимъ очеркомъ отношеній нашего правительства къ крестьянскому землевладѣнію.

Разсматривая здѣсь преимущественно вопросъ: какая форма землевладѣнія наиболѣе привилась у насъ, г. Сазоновъ цитируетъ мнѣнія по этому предмету разныхъ нашихъ ученыхъ, какъ-то профессоровъ Чичерина, Неволіна, Побѣдоносцева, Бѣляева, изъ которыхъ явствуетъ такое общее положеніе: «верховное право собственности на земли принадлежало у насъ всегда государству. (Стр. 25—27), а вѣчно не отъемлемое, неприкосновенное право владѣнія землею, безъ права распоряженія ею, — обществамъ крестьянъ. Всегда и вездѣ государство принимало рѣшительныя мѣры къ укрѣпленію и развитію земледѣльческаго сословія». «Что бы крестьянамъ, говорится почти въ каждомъ указѣ, тѣсноты и раззоренія и въ нашихъ Великихъ Государей во всякихъ доходѣхъ тѣмъ помѣшки и недоборовъ не учинили и крестьянъ обидами своими въ рознь не разогнали». Защищая въ этихъ видахъ общинное землевладѣніе, правительство энергически борется съ мобилизаціей земель. Зорко также смотритъ правительство затѣмъ, чтобъ не было безземельныхъ. Государство объявляетъ почти войну всякаго рода индивидуалистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ лицъ. (Стр. 28).

Разсматривая настоящее положеніе крестьянскаго землевладѣнія, г. Сазоновъ представляетъ предъ глазами читателя ряды яркихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ борьба различныхъ интересовъ поставила крестьянское землевладѣніе въ крайне шаткое положеніе. Явившіяся слѣдствіемъ этой борьбы различныя законоположенія, противорѣчія, недомолвки въ законахъ и проч. сдѣлали то, что неприкосновенная прежде крестьянская земля начала переходить въ руки ростовщиковъ, торговцевъ и проч. путемъ фиктивныхъ сдѣлокъ и даже духовныхъ завѣщаній, путемъ вмѣшательства различныхъ законниковъ и представителей власти, склонныхъ понимать и толковать крестьянскія имущественныя отношенія на основаніи чуждаго имъ Х. т. Св. З. Гражд. и содѣйствовать такимъ образомъ агентамъ банковъ и еврейскимъ компаніямъ къ завладѣнію крестьянскими землями. (94—96 и слѣд. 35, 43, 47, 83, 87). Часть книги, посвященная вопросу, что должно послѣдовать для Россіи, если отчуждаемость крестьянскихъ земель пойдетъ дальше, если, слѣдовательно, общинная форма землевладѣнія падетъ, утратить свое государственное значеніе — вся составлена изъ превосходныхъ и дѣльныхъ выдержекъ изъ работъ компетентныхъ людей, занимавшихся разработкой этого вопроса какъ у насъ, такъ и на Западѣ Европы, гдѣ разстройство крестьянскаго землевладѣнія и возростаніе пролетаріата уже проявило свои губительныя стороны и гдѣ, также какъ и у насъ, много государственныхъ людей, ученыхъ и публицистовъ стало на сторону ученія объ обезпеченіи крестьянства землею.

Г. Сазоновъ цитируетъ мнѣнія по этому предмету Штейна, Трейтчке,

Мейера, Гакстгаузена, Милля, Э. Лавале, Le Play, Зеринга, Бревера и друг.; что касается до множества цитатъ, изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и публицистовъ, то между этими цитатами сплошь и рядомъ встрѣчаются такія, которыя не скоро, а можетъ быть и никогда, не дойдутъ до свѣдѣнія большинства читающей публики, такъ какъ они заимствованы авторомъ изъ малодоступныхъ всѣмъ и каждому книгъ.

Такимъ образомъ большинство нашего общества встрѣтитъ въ книгѣ г. Сазонова много новаго и, можетъ быть, только впервые ознакомится съ интересными доводами нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ о необходимости удержать въ рукахъ земледѣльцевъ землю, охранить общинный строй жизни народа, какъ обеспечивающій здоровое развитие цѣлаго государства. Г. Сазоновъ преимущественно цитируетъ профессоровъ: Бѣляева, Побѣдоносцева, К. Аксакова, Самарина, Ремезова, Чупрова, кн. Васильчикова, Кавелина, Лешкова, а также многихъ изслѣдователей и публицистовъ, занимавшихся крестьянскими вопросами — Орлова, Соколовскаго, Щербины, Пругавина, Е. Маркова и проч.

Казалось бы, что мнѣнія людей, принадлежащихъ къ разнымъ націямъ, къ разнымъ политическимъ лагерямъ, должны расходиться и противорѣчить одно другому; но между тѣмъ оказывается нѣчто совершенно иное. Мнѣнія эти какъ бы дополняются одно другимъ, и во всякомъ случаѣ служатъ какъ бы освѣщеніемъ съ разныхъ сторонъ истинной сущности дѣла. Сопоставимъ для примѣра нѣсколько такихъ мнѣній.

«Едва ли можно сомнѣваться, говорится въ одномъ изъ цитируемыхъ авторомъ мѣстѣ курса гражд. права—проф. Побѣдоносцева, въ томъ, что благодаря сельской общинѣ у крестьянъ нашихъ, они сохранили подъ гнетомъ крѣпостного права и сознание правъ своихъ на землю передъ государствомъ, и ссловнаго значенія передъ лицомъ государственной власти, и, какъ ни была безгранична помѣщичья власть, личность крестьянина никогда въ лицѣ его совсѣмъ не исчезла». Въ другомъ мѣстѣ этого курса гражд. права, проф. Побѣдоносцевъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «съ землею у насъ больше чѣмъ гдѣ-либо связана вся будущность земледѣльческаго сословія и въ Россіи оно имѣетъ такую важность, какой нигдѣ не имѣетъ». «Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ только законъ сниметъ свои заставы и откроетъ широкое поле владѣнія свободному дѣйствию личнаго начала поле это скоро наполнится и всѣ формы быстро сольются въ одну. Но здорово ли это будетъ для государства, хорошо ли для будущихъ судебъ его, это еще весьма сомнительно... Земля такой товаръ, который опасно бросить на вольный рынокъ».

«Благодаря общинѣ, замѣчаетъ проф. Бѣляевъ, крестьянинъ сохранилъ свою свободу передъ владѣльцемъ; по милости ея онъ не былъ ни батракомъ, ни закупомъ владѣльца земель».

«Россія опасна для насъ, признается германскій ученый Мейеръ, не своимъ 80-ти миллионнымъ населеніемъ и не своими солдатами, а своимъ аграрнымъ устройствомъ, которое болѣе всего даетъ народу», а Бисмаркъ въ одной изъ своихъ рѣчей утверждаетъ что «вся сила Россіи въ общинномъ землевладѣніи».

По мнѣнію извѣстнаго консерватора профес. Трейтчке — «положеніе сельскихъ рабочихъ повсемѣстно внушаетъ опасеніе тамъ, гдѣ они лишены земельного владѣнія». Въ возраженіяхъ Мейера на доводы противъ

того, что крестьяне-общинники не могут достигнуть такого благосостояния, какое достигается при личном землевладѣніи, между прочимъ, говорится: «а если вошло въ правило впадать въ долги, затѣмъ становятся арендаторами, наконецъ, поденщиками, или итальянскими колоннами, каково будетъ тогда сравненіе? Я напомиу объ исчезновеніи почти 400,000 мелкихъ землевладѣльцевъ и многочисленныхъ арендаторовъ въ Венгріи въ краткій промежутокъ съ 1870—1880 г.».

«Общинность поземельнаго владѣнія, говоритъ проф. Лешковъ, одна обезпечиваетъ для народа доступность поземельнаго владѣнія для всѣхъ, во всѣ роды и вѣка».

«Если мы хотимъ, чтобы существовали общественныя интересы, благородныя чувства, истинная справедливость и равенство, то школою, воспитывающею эти качества служить, утверждаетъ Д. С. Милль, ассоціація интересовъ».

«Нація въ каждой странѣ живетъ подъ сельскими крышами, говоритъ Джонъ Брайтъ, и если только ваша конституція не можетъ проникнуть туда своими лучами, если ваше прекрасное законодательство и глубокая государственная мудрость не въ состояніи переработать къ лучшему народныхъ чувствъ и народнаго быта,—вѣрьте мнѣ, вамъ нужно еще учиться и учиться правительственной наукѣ».

«Если вы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, омрачаете жизнь и уничтожаете надежды труженниковъ, то вы вмѣстѣ съ тѣмъ омрачаете будущность дѣтей вашей королевы, которая сосредоточиваетъ въ себѣ столько надеждъ и интересовъ, дорогихъ всему народу. Поэтому, когда я защищаю народъ, я въ то же время защищаю достоинство и долговѣчность престола».

«Всякая монархія, по словамъ Лоренца ф. Штейна, будетъ не болѣе какъ пустая тѣнь и уступитъ мѣсто республикѣ, или преобразуется въ военный деспотизмъ, если только она, проникшись нравственнымъ достоинствомъ своей роли, не возьметъ на себя иніацітивы въ социальныхъ реформахъ».

«Рабочіе, по замѣчанію Le Play, сдѣлавшіеся собственниками, поняли опасность политическихъ агитацій: отнынѣ они не думаютъ ни о чемъ иномъ, какъ объ улучшеніи своего положенія... Монархъ, который могъ бы споспѣшествовать народу на этомъ пути, получилъ бы неожиданный успѣхъ: онъ основалъ бы свою династію еще болѣе крѣпко, чѣмъ это сдѣлалъ, болѣе 3-хъ вѣковъ назадъ, добрый король, который хотѣлъ обезпечить народу курицу въ супѣ».

Таковы же, по своей сущности, мнѣнія и доводы остальныхъ, поименованныхъ выше русскихъ и заграничныхъ ученыхъ и публицистовъ.

Отъ читателя будетъ зависеть соглашаться или не соглашаться съ выводами автора изъ приводимыхъ имъ фактовъ, а также съ заключеніями его относительно мѣръ, которыми слѣдовало бы противоудѣйствовать обезземеленію крестьянства, черезъ посредство которыхъ можно было бы сохранить общинный строй жизни, увеличить количество крестьянской земли, упорядочить трудъ и проч. Мы знаемъ, что всякой рекомендуемой мѣрѣ приходится считаться въ практикѣ съ различными теченіями живой жизни, а потому иногда и цѣлый рядъ благихъ мѣръ не приводитъ къ желаемому результату. Охватить всѣ условія, парализирующія которое-либо изъ мѣропріятій, предвидѣть всѣ могущіе встрѣтиться на пути подводные камни, чрезвычайно трудно, въ особенности въ такихъ вопросахъ, которые возникли

у насъ сравнительно недавно. Поэтому, говоря о книгѣ г. Сазонова, мы придаемъ большее значеніе тому, что въ этой популярно написанной книгѣ сосредоточено авторомъ множество фактовъ русской дѣйствительности и возрѣвнѣй людей науки, благодаря чему — мало посвященный въ затронутые книгою вопросы, — читатель можетъ проникнуться большимъ интересомъ къ этимъ вопросамъ и, руководимый сдѣланными въ книгѣ указаніями на источники, обратится къ нимъ какъ къ средству дальнѣйшаго ознакомленія съ предметомъ.

С. К.

Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова. Спб. 1889.

Довольно обширная монографія г. Теплова удостоена Академіею Наукъ «Уваровскаго почетнаго отзыва»; авторъ одиннадцать лѣтъ пробылъ въ Константинополѣ, гдѣ былъ очевидцемъ многихъ фактовъ, приводимыхъ въ его изслѣдованіи. Вотъ данныя, на основаніи которыхъ мы вправѣ предположить, что лежащая передъ нами книга отличается солидными достоинствами, а главное, безпристрастнымъ отношеніемъ къ предмету изслѣдованія, «*audiat et altera pars*». Къ сожалѣнію, ближайшее знакомство съ трудомъ г. Теплова не подтверждаетъ сдѣланнаго предположенія. Начать съ того, что въ заглавіи авторъ рѣзко подчеркиваетъ «церковный вопросъ», какъ бы желая этимъ указать, что свое изслѣдованіе онъ посвящаетъ спеціально преириательствамъ болгаръ съ греками на почвѣ церковно-канонической, а самъ съ первой же строки говоритъ: «Изученіе историческаго хода и развитія греко-болгарскаго вопроса не можетъ не привести къ заключенію, что присвоенный вопросу этому эпитетъ церковный не вполне точенъ, такъ какъ можетъ относиться развѣ лишь ко внѣшней сторонѣ идущаго между двумя народностями спора. Въ сущности это вопросъ политическій, выражающій собою стародавнюю вражду грековъ и болгаръ изъ-за обладанія Балканскимъ полуостровомъ». Изъ этихъ словъ мы видимъ, что вражда грековъ и болгаръ только случайно попала на церковную почву, а въ сущности она всегда была и остается до сихъ поръ племенною и политическою. А развѣ эта борьба двухъ народовъ имѣетъ свое прошлое, то въ интересахъ истины и науки было бы полезно прослѣдить ее. и по возможности отъ самаго начала, по г. Теплово не счелъ нужнымъ сдѣлать это. По его словамъ, «съ самаго водворенія болгаръ въ Мизіи, начался рядъ опустошительныхъ войнъ между новыми пришельцами и греческими императорами, причемъ христіанская Византія въ жестокостяхъ, сопровождавшихъ эти войны, не уступала нисколько своимъ языческимъ противникамъ». Выходитъ, что какая-то кучка воинственныхъ болгаръ внезапно появилась на полуостровѣ, неизвѣстно откуда, и вообразила почему-то, что полуостровъ долженъ принадлежать ей. И вотъ фантазія, понавшая въ голову дикарей, держится слишкомъ 1,300 лѣтъ, и, въ концѣ концовъ, принимаетъ видъ борьбы за церковную автономію. Недостатокъ логики въ этихъ соображеніяхъ очевиденъ. На самомъ дѣлѣ происходило иначе. Изслѣдованія лучшихъ египтологовъ, Ленормана и Руже, указываютъ, что въ нашествіи средиземныхъ народовъ на Египетъ. слишкомъ за 1,300 лѣтъ до Р. X. при Минепта II, принимали участіе славяне съ Балканскаго полуострова (таккаро или траки, еракійцы). Если славяне уже въ ту эпоху были настолько многочисленны, что могли отправлять военныя экспедиціи за море, то очевидно, что они занимали господствующее положе-

ніе на полуостровѣ и имѣли законное право считать себя хозяевами отъ Адриатики до Чернаго моря, тѣмъ болѣе, что пелазги въ ту эпоху ютились лишь въ позднѣйшемъ Пелопоннесѣ, по островамъ и кое гдѣ по побережьямъ. При такомъ взглядѣ становится понятнымъ, что славяне со всѣми ихъ развѣтвленіями (траки, бугары, помаки, босняки, сербы и др.) стойко держались идеи о своемъ правѣ на полуостровъ и энергично вели борьбу со всѣми осельниками. Эта борьба нерѣдко была непосильною, славяны покоряли, истребляли, лишали религіи, но сознаніе жило даже въ забитомъ и загнанномъ народѣ и чрезъ рядъ вѣковъ уцѣлѣло до нашего времени. Вторая историческая ошибка автора находится на стр. 3: «Оффиціальное введеніе христіанства въ Болгаріи приписываютъ царю Борису (Михаилу) и относятъ это событіе къ 863 г.; но еще раньше религія эта пустила корни, благодаря массамъ плѣнныхъ временъ войнъ царей Крума и Мартагона, такъ что сильно уже расшатанный культъ палъ тихо, почти безъ борьбы». Странно читать о паденіи языческаго культа до 863 года, если еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія среди помаковъ торжественно совершались «курбаны» (жертвоприношенія) несомнѣнно до христіанскаго происхожденія. Подобные промахи автора объяснить очень легко. Не смотря на 11-лѣтнее пребываніе въ Константинополѣ, близко отъ враждующихъ народовъ, онъ не сталъ на высотѣ своей задачи, а увлекся односторонностію и принялъ, быть можетъ невольно, сторону грековъ, а слѣдовательно, сталъ на греческую точку зрѣнія. Разъ безпричастіе утрачено, трудъ теряетъ свою цѣнность, именно благодаря партійности, сквозящей по всей монографіи. Именно этою партійностію только и можно объяснить, напримѣръ, своеобразное отношеніе автора къ факту существованія охридской архіепископіи. Самыя казуистическими доводами онъ старается доказать, что эта архіепископія утратила права на существованіе съ учрежденіемъ тырновскаго патріархата, а между тѣмъ продолжала существовать до 1767 года. Очевидно г. Теплому мало извѣстны историческіе факты за послѣднія столѣтія. Хотя онъ утверждаетъ что «Охридская архіепископія съ паденіемъ перваго болгарскаго царства (1019 г.) перестала быть народною болгарскою церковью, обратившись въ совершенно греческую», но въ дѣйствительности охридскій престолъ всегда былъ лучшею опорою болгарской національности, какъ при византійскихъ императорахъ, такъ и при турецкихъ султанахъ. Греки всегда это сознавали но долгое время ихъ ухищренія при Блистательной Портѣ не имѣли успѣха, пока константинопольскій патріархъ Самуилъ не обвинилъ передъ султаномъ все охридское духовенство въ составленіи политическаго заговора. Тогда правительство энергично потребовало уничтоженія автокефаліи и подчиненія патріарху. Быть въ подчиненіи у грековъ казалось болгарамъ настолько ужаснымъ, что почти двѣ трети народа приняли мусульманство, лишь бы избѣгнуть этого ига. Остальная треть сдалась на произволъ лукавыхъ фанаріотовъ, но изъ нихъ часть ушла въ неприступныя ущелья горъ, чтобы на свободѣ совершать «курбаны» и хранить національныя традиціи. Между тѣмъ авторъ говоритъ: «Изъ всего этого, по моему мнѣнію, достаточно ясно вытекаетъ, насколько неосновательны увѣренія болгаръ, что патріархъ константинопольскій Самуилъ уничтожилъ собственно властью болгарскую церковь, тогда какъ въ дѣйствительности онъ подчинилъ себя одну изъ внутреннихъ епархій константинопольскаго патріархата, долгое время пользовавшагося автокефаліею». Эта пристрастность, почти враждебность, къ болгарамъ

водитъ перомъ автора, когда онъ, рассказавъ всѣ перипетіи споровъ изъ-за церковной независимости, предлагаетъ свой проектъ къ улаженію недоразумѣній между греками и болгарами. По его мнѣнію болгаръ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ митрополіи: болгарскую (куда входятъ княжество Болгарія и Восточная Румелія) и македонскую, обѣ автокефальныя, но митрополиты утверждаются патріархомъ константинопольскимъ. Другими словами, патріархъ за что-то будетъ получать дань съ болгаръ въ количествѣ 168,200 піастровъ и въ то же время отъ него будетъ зависѣть утверженіе и неутверженіе митрополитовъ. Вся вѣковая борьба болгаръ сводится къ тому, чтобы избавиться отъ греческаго ига, которое душитъ національность и дѣлаетъ изъ нихъ рабовъ византійскаго престола, а г. Тепловъ именно и предлагаетъ сдѣлать болгаръ данниками патріарха, который всегда можетъ кассировать выборы митрополита, найдя ихъ въ силу § 5 проекта не каноническими. Теперь, въ виду обострившихся отношеній, болгары считаютъ притязанія патріарха нелегальными, а г. Тепловъ предлагаетъ покончить споръ признаніемъ этихъ притязаній легальными и слѣдовательно навсегда подчинить болгаръ греческому патріарху, рѣшеніе, которому всѣ фанариоты должны аплодировать. Не этого вправдѣ былъ ожидать славянскій народъ отъ русскаго писателя, посвятившаго нѣсколько лѣтъ на изученіе одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ славянской исторіи на Балканскомъ полуостровѣ.

А. Б—въ.

Анатолій Мартыновскій, архіепископъ Могилевскій, и его литературные труды, съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями. М. Едлинскаго. Кіевъ. 1889.

Сочиненіе это раздѣлено на двѣ части, изъ коихъ въ первой сообщаются біографическія свѣдѣнія о преосвященномъ Анатоліѣ, а во второй обобщаются его учено-литературные труды.

Сынъ воссоединеннаго изъ униатовъ священника Подольской епархіи (род. 1793 г.), преосвященный Анатолій, въ мірѣ Августинъ Мартыновскій, первоначальное образованіе получилъ въ Шаргородскомъ духовномъ училищѣ и въ подольской дух. семинаріи, въ которой и началъ свою службу учителемъ въ низшихъ классахъ семинаріи. Въ 1817 году онъ поступилъ въ священники въ м. Грановъ, Гайсинскаго уѣзда, но на второмъ году священства овдовѣлъ, и рѣшился посвятить себя монашеской жизни и наукѣ. Въ 1823 году, 30 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ, для довершенія образованія своего, въ старшій курсъ кіевской духовной академіи, при которой и оставался преподавателемъ, въ званіи бакалавра, въ теченіи 4-хъ лѣтъ. Съ 1829 года начинается административная дѣятельность Анатолія. Преемственно онъ назначается ректоромъ Курской семинаріи (1829 — 1832 г.), ректоромъ Новгородской семинаріи (1832 — 1840 г.), епископомъ Екатеринбургскимъ, викаріемъ Пермской епархіи (1840—1841 г.), епископомъ Острожскимъ, викаріемъ Волынской епархіи (1841—1844 г.) и, наконецъ, самостоятельнымъ архіереемъ Могилевскимъ и Мстиславскимъ (1844 — 1860 г.). Въ 1860 году преосвященный Анатолій, по прошенію, уволенъ былъ на покой и скончался въ 1872 году въ Гербовецкомъ монастырѣ, Кишиневской епархіи. Авторъ слѣдитъ за дѣятельностію преосвященнаго Анатолія на всѣхъ поприщахъ его служенія и, по возможности, старается очертить окружающую его среду

и условія его дѣятельности, съ особенною подробностію останавливаясь на изображеніи дѣятельности преосвященнаго Анатолія въ санѣ могилевскаго архипастыря. По мѣстнымъ условіямъ Могилевской епархіи преосвященному Анатолію много приходилось поработать для поднятія православія въ могилевской епархіи и борьбы съ католичествомъ и полонизмомъ. Въ Могилевѣ же появились и важнѣйшіе учено-литературные труды преосвященнаго, поставившіе его въ ряду ученѣйшихъ іерарховъ нашей церкви.

Важнѣйшія сочиненія преосвященнаго Анатолія были слѣдующія: 1) «Слова и бесѣды на праздничные, воскресные дни и по разнымъ случаямъ»; 2) «Вѣра, надежда и любовь», изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній; 3) «Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду», подъ псевдонимомъ Авдія Востокова; 4) «Досуги архіепископа Анатолія», съ портретомъ автора и 5) «Объ иконописаніи». Эти труды «наглядно показываютъ намъ,—говорить авторъ,—что печатное слово преосвященнаго шло въ неразрывной связи и полномъ соотвѣтствіи съ его практическою жизнедѣятельностію, служа наиболѣе рельефнымъ и въ то же время плодотворнымъ выраженіемъ его жизненныхъ интересовъ и стремленій. Такъ пастырская попечительность преосвященнаго о пасомыхъ нашла себѣ живое отраженіе въ его проповѣдническихъ трудахъ; ревность о православіи въ борьбѣ съ католицизмомъ—въ его сочиненіяхъ «Вѣра, надежда и любовь» и «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду»; его художественная натура и способность къ живописи—въ брошюрѣ «Объ иконописаніи» и, наконецъ, его любовь къ отечеству и родному сословію—въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ статей». Изъ сочиненій преосвященнаго Анатолія авторъ съ особенною подробностію останавливается на самомъ капитальномъ произведеніи его «Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду», предпосылая его рассмотрѣнію обзоръ политическаго и религіознаго состоянія Могилевскаго края и предшествовавшихъ этому сочиненію полемическихъ сочиненій русскихъ православныхъ богослововъ. Въ ряду появившихся до труда преосвященнаго Анатолія полемическихъ сочиненій не было ни одного такого, которое бы обнимало собою всю систему католичества не только въ его общихъ основаніяхъ, съ догматико-канонической стороны, но и историческихъ фактовъ, которое бы рассмотрѣло римскій католицизмъ самъ въ себѣ и въ его отношеніяхъ къ православію и даже другимъ вѣроисповѣданіямъ. Такимъ сочиненіемъ, обнимавшимъ всю систему католичества, и явилось изслѣдованіе преосвященнаго Анатолія, доставившее ему почетную степень доктора богословія.

Къ достоинствамъ монографіи слѣдуетъ отнести то, что авторъ ея тщательно собралъ разсѣянныя по разнымъ изданіямъ біографическія свѣдѣнія о преосвященномъ Анатоліѣ, разсматривая, въ связи и послѣдовательности, всѣ учено-литературные его труды и далъ имъ надлежащую оцѣнку съ исторической и современной богословской точки зрѣнія и, наконецъ, привнесъ много совершенно новаго для изученія личности и дѣятельности преосвященнаго Анатолія, воспользовавшись не изданными доселѣ бумагами покойнаго владыки и части архивомъ Могилевской консисторіи и мѣстными устными преданіями.

Н. П.

**Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи, составилъ
С. И. Верковичъ. Спб. 1889.**

Прежде, чѣмъ сказать нѣсколько словъ о книгѣ, необходимо ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ ея авторомъ. Стефанъ Ильичъ Верковичъ—родомъ боснякъ, когда-то принимавшій участіе въ революціонномъ движеніи 1848 года, но рано покинувшій политическія увлеченія, чтобы посвятить себя археологіи, преимущественно славянской. Не получивъ блестящаго образованія, ему приходилось до многаго доходить своимъ умомъ, но это помогло ему избѣжать при своихъ занятіяхъ тѣхъ предвзятыхъ теорій, съ которыми является большинство европейскихъ археологовъ. Странствуя по своей спеціальности по Балканскому полуострову, онъ ознакомился съ населеніемъ и мѣстностями Сербіи, Болгаріи, Фракіи, Македоніи и Албаніи въ то время, когда для большинства этнографовъ и географовъ названныя страны были terra incognita. Въ этихъ странствованіяхъ Верковичъ натолкнулся на существованіе среди горцевъ полуострова старинныхъ былинъ и пѣсенъ; содержаніе и смыслъ этихъ произведеній, уцѣлѣвшихъ отъ давнихъ временъ, глубоко заинтересовали Верковича и онъ припаялся усердно собирать ихъ, разсчитывая ознакомиться съ ними образованный міръ. Первое собраніе вышло въ Бѣлградѣ въ 1860 году подъ скромнымъ заглавіемъ «Народне песме македонски бутара» и имъ заинтересовались; французское правительство почему-то отнеслось серьезнѣе всѣхъ и поручило своимъ консуламъ провѣрить подлинность этихъ пѣсенъ на мѣстѣ, чтобы убѣдиться, не контрафакція ли это г. Верковича. Провѣрка оказалась безусловно въ пользу добросовѣстнаго собирателя, по явились умники, которые, сидя въ своихъ кабинетахъ, рѣшили, что «Народне песме» не имѣютъ смысла, какъ грубая поддѣлка. Верковичъ не палъ духомъ и продолжалъ свое дѣло, открывая все новыя сокровища. Второе собраніе вышло также въ Бѣлградѣ въ 1874 году подъ заглавіемъ «Веда словена, бѣлгарски народни песни отъ предисторично и предхристіанско дода». Но интересъ къ открытымъ въ Родопскихъ горахъ пѣснямъ ослабѣлъ, тѣмъ болѣе, что читать ихъ безъ подготовки крайне трудно, а насмѣшки надъ собирателемъ продолжались; кромѣ того, политическое положеніе полуострова измѣнилось, и г. Верковичъ рѣшился везти свои пѣсни въ Россію, разсчитывая найти въ единоплеменномъ государствѣ болѣе сознательное отношеніе къ своимъ работамъ. Въ 1881 году онъ выпустилъ въ Петербургѣ третью книгу своихъ пѣсенъ: «Веда словенахъ, обрядни песни отъ язическо врѣмя, упозени со устно предание при македонско-родопски-те бѣлгаро-помаци». Но противъ него выступилъ проф. В. И. Ламанскій, доказывавшій, что собиратель пѣсенъ есть просто шарлатанъ; защищать пріѣзжаго противъ «признаннаго авторитета» никто не рѣшился, кромѣ нѣсколькихъ робкихъ голосовъ, и бѣдный Верковичъ, вмѣсто серьезной поддержки въ своемъ свыше 30-лѣтнемъ трудѣ, составляющемъ драгоцѣнный вкладъ въ область славяновѣдѣнія, едва не умеръ съ голода. Чтобы хотя немного заработать на кусокъ хлѣба, почтенный археологъ и собиратель пѣсенъ язическаго славянства составилъ книгу, заглавіе которой приведено выше. Въ ней онъ дѣлится своими практическими познаніями въ топографіи и этнографіи якобы «греческой провинціи» Македоніи, то есть сообщаетъ свѣдѣнія, совершенно неизвѣстныя въ русской литературѣ, а потому представляющія высокій интересъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ въ литературѣ

не только русской, но и западно-европейской, держится убѣжденіе, что отъ Тайгета до Аѳона населеніе чисто эллинскаго происхожденія и что такъ было со времямъ Кекропса, Кадма и Геркулеса. Заподозрили правильность такого взгляда сравнительно недавно, а потому новыя понятія, болѣе согласныя съ истиною, мало извѣстны въ обществѣ. По этимъ новымъ понятіямъ пелазги, появившіеся на югѣ Балканскаго полуострова задолго до троянскаго войны, нашли мѣсто занятымъ чуждымъ имъ народомъ, а потому долго ютились по Спорадскимъ и Цикладскимъ островамъ, а также кое-гдѣ по побережьямъ нынѣшней Греціи. Этотъ чуждый народъ были славяне; уступая напору новыхъ всельниковъ, славяне стали отступать отъ морскаго берега, хотя не вездѣ одинаково. Въ южной Греціи они совершенно ступшевались, въ средней ихъ осталось приблизительно на половину, а особенно въ Беотіи, въ сѣверной же, состоящей изъ Фессаліи, Македоніи, Эпира и Албаніи, населеніе осталось сплошь славянское; эти и были называемые греками варвары, то есть чужестранцы. Позднѣе появились родственные пелазгамъ эллины и колонизаціонное движеніе усилилось. Изъ средней Греціи славянъ вытѣснили, а въ сѣверной по побережью появились греческія колоніи далеко за Аѳонъ; кромѣ того, эллины дали царей Эпиру и Македоніи. Все это прошло въ очень отдаленныя времена. Теперь, благодаря г. Верковичу, найдены у родонскихъ славянъ-потомковъ пѣсни, въ которыхъ разсказываются эпизоды троянскаго войны въ совершенно иной редакціи, чѣмъ у грековъ въ «Илліадѣ», можно даже предположить, что троянская война была просто поединкомъ эллинскаго племени со славянскимъ, причемъ первое взяло окончательный перевѣсъ надъ своими соперниками. Вернемся теперь къ г. Верковичу, который говоритъ въ своемъ предисловіи: «Въ Греціи, Эпирѣ, Албаніи и Фессаліи встрѣчается множество селеній, мѣстечекъ, горъ, рѣчекъ и мѣстностей, носящихъ понынѣ чисто славянскія названія: Триполица, Вонница, Превеза, Жигой (или гора Пиндъ), Кишавосъ, Мокра, Бой, Озеронъ, Загора, Заборда, Загорія эпирская и множество другихъ. Откуда могли взяться эти славянскія названія (засвидѣтельствоваанныя, добавимъ отъ себя древнею исторіею), если бы въ выше упомянутыхъ мѣстностяхъ не жили бы прежде славяне». Кромѣ того, онъ говоритъ: «Греческое племя въ самой Греціи, начиная отъ Ламіи до Аѳинъ, населяетъ лишь также, какъ и въ Македоніи, морское побережье и не удаляется далѣе десяти часовъ отъ моря. Все же остальное населеніе до эпирской границы не эллинскаго происхожденія, а скипетарскаго. Древнія Фивы, отечество славнаго Эпамониона и предковъ нынѣшнихъ дарнаковъ, имѣвшія во время царя Филиппа исключительно греческое населеніе, теперь населены исключительно скипетарами». Что касается Македоніи, то тамъ населеніе чисто болгарское и только на югѣ говорятъ погречески; границу между тѣми и другими авторъ указываетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: «Рѣка Быстрица отъ истоковъ до устья, затѣмъ Хортагъ, Вавдо, Коломонта, Какаво и Ерисово. Къ югу отъ упомянутыхъ рѣки и горъ преобладаетъ греческій языкъ, а къ сѣверу болгарскій. Далѣе идетъ по отрогамъ Перина и Родопы или Доспата, гдѣ опять къ сѣверу господствуетъ болгарскій, а къ югу греческій и турецкій языки, такъ какъ здѣсь уже встрѣчается много турецкихъ поселеній». По этой причинѣ, очевидно, претензіи греческихъ гетеристовъ и европейскихъ филеллиновъ на ихъ историческое право владѣть Македоніею должно торжественно провалиться. Но лучше всего въ этомъ можетъ убѣдить стати-

стика, составленная на мѣстѣ г. Верковичемъ. Давая перечисленіе всѣхъ селеній и городовъ, составляющихъ три санджака Македоніи, онъ указываетъ этнографическое распредѣленіе народностей, подведя итогъ которому, мы получаемъ болгаръ (христіанъ и мусульманъ) 1.178,170 душъ обоого пола, а грековъ (христіанъ и мусульманъ) 217,866 душъ обоого пола, или, другими словами, первыхъ болѣе чѣмъ впятеро больше вторыхъ. А между тѣмъ, еще въ 1860 году, вслѣдствіе запроса изъ Аѳинъ, былъ полученъ отвѣтъ о серрескомъ санджакѣ: «Кромѣ пяти деревень съ цыганско-болгарскомъ населеніемъ, всѣ остальные греческія». Разсматривая книгу г. Теплова, мы указали на его неправильный взглядъ на положеніе охридской метрополии и ея подчиненіе константинопольскому патріарху въ 1767 году; находя незаконнымъ притязанія охридскаго митрополита на автокефалію, г. Тепловъ положительно удостовѣрилъ, что патріархъ Самуилъ только «подчинилъ себѣ одну изъ внутреннихъ епархій константинопольскаго патріархата, долгое время пользовавшуюся автокефалією, благодаря вымышленнымъ правамъ ея на наслѣдство архіепископіи Юстиніаны Первой». Возражая на это, мы указывали, что, не желая подчиняться фанаріотамъ, двѣ трети болгаръ перешли въ мусульманство. Теперь въ книгѣ г. Верковича находимъ рассказъ объ этомъ событіи 80-лѣтняго игумена Слѣпченскаго монастыря, который вполнѣ подтверждаетъ справедливость нашихъ словъ. Между прочимъ, онъ передаетъ какъ отнеслись къ дѣлу въ Могленѣ, мѣстопробываніи митрополита Илларіона; рассказъ настолько типиченъ, что мы находимъ необходимымъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей: «Могленскаго митрополита Илларіона настолько опечалилъ и изумилъ неблагочестивый поступокъ патріарха Самуила, что несчастный предпочелъ измѣнить христіанству, чѣмъ подпасть подъ власть константинопольскихъ фанаріотовъ. Это роковое рѣшеніе митрополитъ осуществилъ въ первый день св. Пасхи по окончаніи литургіи, за нѣсколько дней до прибытія въ Моглену экзекуціоннаго отряда. Владыка явился въ церковь крайне взволнованный, въ такомъ же настроеніи находились священники, знавшіе намѣреніе митрополита. Илларіонъ, обратившись къ народу, зарыдалъ и, объяснивъ въ чемъ дѣло, сказалъ: «Во избѣжаніе пытокъ и висѣлицъ и для спасенія народности, я совѣтую вамъ отстранить отъ нашей епархіи катастрофу принятіемъ магометанской вѣры; пусть за это громадное несчастье и вредъ Христовой церкви отвѣчаетъ передъ Богомъ патріархъ Самуилъ, который Иисуса Христа носитъ только на языкѣ, а никакъ не въ сердцѣ, который печется не о благѣ евангельской истины, но преслѣдуетъ политическія цѣли греческаго племени въ ущербъ другимъ народностямъ имперіи; и такъ, братія, я принужденъ благочестивое и радостное привѣтствіе Христосъ воскресе, которымъ мы до сихъ поръ встрѣчали другъ друга, замѣнить возгласомъ Байрамъ байролесумъ!» На такое неожиданное привѣтствіе народъ отвѣтилъ страшнымъ воплемъ и рыданіемъ, отъ которыхъ потряслись стѣны храма. Когда избранные собрались въ митрополию на совѣщаніе, то рѣшили, скрѣпя сердце, послѣдовать совѣту митрополита и принять магометанскую вѣру поголовно, во избѣжаніе ожидающихъ ихъ истязаній и истребленія. Примѣру митрополита послѣдовали почти всѣ селенія Могленской каазы». Въ общемъ мы можемъ рекомендовать книгу г. Верковича лицамъ, интересующимся славянствомъ на Балканскомъ полуостровѣ; въ ней они найдутъ много новаго и интереснаго.

А. Б—въ.

Султаны Кенисара и Садыкъ. Біографическіе очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примѣчаніями Е. Т. Смирновымъ. Съ портретомъ Садыка, 5 рисунками и 9 политипажамми. Ташкентъ. 1889.

Добрыя традиціи Кауфманскаго времени, когда наши герои-завоеватели держали въ одной рукѣ мечъ, а въ другой перо, въ Туркестанскомъ краѣ еще удерживаются, хотя въ отношеніи пера и замѣчается какъ бы нѣкоторое утомленіе,—будемъ надѣяться, что только временное. Не такъ часто, какъ прежде, туркестанцы все-таки продолжаютъ дарить наше общество книгами, знакомящими насъ или съ прошлымъ или съ современнымъ положеніемъ края, такъ дорого намъ стоящаго.

Названная книга даетъ намъ біографіи двухъ киргизскихъ султановъ, Кенисары и Садыка, отца и сына. Имена громкія: лица эти причинили намъ въ недавнее еще время много хлопотъ, отравляли спокойствіе мѣстныхъ властей, вызывали походы военныхъ отрядовъ въ степь, степь приходила въ волненіе непріятное для насъ и тѣмъ, между прочимъ, что отъ походовъ страдали люди ни въ чемъ неповинные, страдали болѣе, чѣмъ главные разбойники.

Степь имѣетъ способность развивать въ своихъ обитателяхъ удалъ, молодечество. Избытокъ молодечества требуетъ исхода, могучая сила хочетъ развернуться, и прежде, ничѣмъ не стѣсняемая, находила себѣ удовлетвореніе въ грабежахъ (баранта) и въ лихихъ набѣгахъ. Батырь всегда пользовался особеннымъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, стоило ему кличъ кликнуть, и у него сейчасъ же набирался отрядъ, который шелъ за нимъ куда угодно. Живи Кенисара, Садыкъ, Исеть Кутебаровъ и имъ подобныя въ иное время, изъ нихъ могли бы образоваться Чингисханы, Тамерланы, которые вѣдь тоже начинали свою карьеру разбоями и на первыхъ порахъ вовсе не думали о завоеваніи вселенной. Теперь не то. Широкъ, привольна степь попржежнему, но воли у народа ужъ нѣтъ. Сдавленная тисками твердой власти, степь утратила много своей поэзіи, приняла будничныи видъ. Мы не умѣемъ или не хотимъ примѣнить къ дѣлу мѣстную отвагу и дать ей полезное направленіе. Меньше хлопотъ!

Кенисара и Садыкъ типы уже отживающіе (султанъ Садыкъ живетъ на р. Арысь въ Чимкентскомъ уѣздѣ), потому и жизнеописаніе ихъ представляетъ дѣйствительный интересъ, который усиливается еще тѣмъ, что оно изложено братомъ Садыка султаномъ Ахметомъ Кенисаринымъ и потому представляетъ какъ бы автобіографическія записки, данныя по программѣ, составленной Е. Т. Смирновымъ. Мысль заставить самихъ азіатцевъ повѣствовать о своихъ подвигахъ и о столкновеніяхъ съ русскими заслуживаетъ полного одобренія и сочувствія. Такимъ путемъ мы получимъ историческій матеріалъ изъ противоположнаго лагеря, выслушаемъ другую сторону и тѣмъ избѣгнемъ односторонности въ нашихъ взглядахъ и ошибокъ въ выводахъ. Къ сожалѣнію надо сказать, что наши благія намѣренія вознаграждаются далеко не въ желанной степени. Трудъ султана Ахмета не отличается большой содержательностію¹⁾. Мы не находимъ тамъ никакихъ свѣ-

¹⁾ Біографію султана Кенисары можно составить и по русскимъ источникамъ, притомъ болѣе обстоятельную, чѣмъ изложенная въ этой книгѣ.

дѣній о воспитаніи Кенисары и Садыка, ничего о ихъ бытѣ, объ ихъ отношеніяхъ къ народу, о ихъ матеріальныхъ средствахъ. Рѣчь идетъ только о столкновенияхъ съ русскими и съ другими непріятелями. Задумалъ Садыкъ напасть на какое-нибудь русское укрѣпленіе, онъ беретъ 200—300 киргизовъ и производитъ набѣгъ. Но какъ «береть», какъ формируются у него отряды?—никакихъ указаній не сдѣлано. Мы не знаемъ даже, изъ-за чего бьется Садыкъ? неужели онъ рассчитывалъ на успѣхъ въ борьбѣ съ русскими войсками? Одно только хорошо выясняется изъ записокъ султана, быть можетъ, противъ его желанія,—это страшная безурядица, царившая въ средне-азіатскихъ ханствахъ, а въ коканскомъ особенно. Въ подобныхъ работахъ хотѣлось бы встрѣтить указанія: какъ смотрѣли киргизы, коканцы и всѣ прочіе на движеніе русскихъ къ Сыру и Аму, какія были ихъ опасенія и надежды, что думали о насъ, что по ихъ понятію было въ насъ хорошо и что дурно, какою находили русскую власть. Словомъ, мы желали бы видѣть въ туземныхъ описаніяхъ живыхъ людей и найти тамъ полезныя свѣдѣнія для уразумѣнія мѣстныхъ нуждъ и потребностей.

Записки едва ли составлены безпристрастно: очень ужъ выдающаяся роль приписана въ нихъ Садыку. Къ нему обращаются за совѣтомъ, голосъ его имѣетъ рѣшающее значеніе. Гдѣ Садыкъ дѣйствуетъ, тамъ успѣхъ, гдѣ его нѣтъ—тамъ неудача; слушаютъ его—выходитъ хорошо, нѣтъ—плохо. Тенденція эта проглядываетъ даже въ мелочахъ: войско Бекъ-кули-бека бѣжитъ, а Садыкъ отступаетъ (стр. 81), да и отступаетъ-то онъ такъ, какъ будто дѣлаетъ одолженіе непріятелю. А между тѣмъ, кто такой Салыкъ для коканцевъ или бухарцевъ? пришлый авантюристъ, какимъ крупнымъ дѣломъ себя не заявившій, человѣкъ, которому вліятельныя лица въ ханствѣ не уступаютъ первостепеннаго мѣста. Садыкъ на это и не обижается, ему нужно подражаться, а съ кѣмъ—для него все равно. Онъ бьется съ русскими, бьется съ китайцами. Можно высказать предположеніе, что если бы русскія власти пригласили къ участію въ походахъ Садыка, онъ пошелъ бы съ нами бить коканцевъ, бухарцевъ и хивинцевъ, какъ ходилъ на насъ, не соображаясь съ своими силами и не вынося изъ горькаго опыта никакого для себя поученія.

Такъ какъ самъ Садыкъ дневника не велъ, повѣствоваль о своихъ походахъ по памяти, но въ разсказѣ его встрѣчаются неточности, путаница, что вполне понятно. Садыкъ скитался въ Бухарѣ, Хивѣ, былъ у туркменъ, въ Гератѣ, пріютился одно время у Якубъ бека въ Кашгарѣ, а когда воевать стало не съ кѣмъ и не гдѣ, то прибѣгъ къ великодушію Россіи, и получивъ прощеніе, вернулся въ родныя мѣста. При такомъ разнообразіи испытанныхъ имъ впечатлѣній нельзя и ожидать большей отчетливости въ воспоминаніяхъ. Всѣ неточности отмѣчены г. Смирновымъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ обширномъ комментарий, составленномъ на основаніи официальныхъ документовъ, какъ изданныхъ, такъ и не изданныхъ. Сводъ реляцій возобновляетъ въ нашей памяти подвиги нашихъ малочисленныхъ отрядовъ въ Средней Азій. Комментарій вышелъ обширнѣе даже самаго текста. Первый занимаетъ 133 страницы, второй только 83. Въ комментарий вошла, между прочимъ, записка коканца муллы Юнуса о борьбѣ его соотечественниковъ съ русскими; но и этотъ голосъ изъ коканскаго лагеря не болѣе содержателенъ, какъ и изъ киргизскаго. Этимъ мы вовсе не хотимъ умалить значеніе изданной книги; напротивъ, мы признаемъ ея пользу, вы-

соко цѣнимъ и трудъ г. Смирнова, желаемъ продолженія работъ въ этомъ направленіи и въ виду-то возможности продолженія высказываемъ нѣкоторыя desiderata, по нашему мнѣнію вполне законныя и легко осуществимыя.

Относительно поясненій г. Смирнова сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Когда Садыкъ ушелъ къ туркменамъ и рассказалъ имъ о своемъ бѣдственномъ положеніи, то туркменскіе старшины предлагали ему десятитысячный отрядъ для нападенія на Бухару: «съ этими десятью тысячами—говорили они ему—сдѣлайте набѣгъ на Чарджуй и привезите оттуда семейство эмира; мы примѣняемъ его на ваше семейство» (стр. 75 текста). Г. Смирновъ ставитъ послѣ этихъ словъ вопросительный знакъ, а въ примѣчаніи говоритъ: «предложенія, сдѣланныя Садыку, не совсѣмъ понятны». Напротивъ, очень понятны: семейство Садыка, какъ явствуетъ изъ текста, находилось въ плѣну въ Бухарѣ; чтобы выручить его изъ плѣна, туркмены и предлагали Садыку свои услуги.

Книга издана роскошно. Приложенные рисунки прямо къ тексту не относятся, а служатъ иллюстраціей нашихъ азіатскихъ походовъ вообще. Жаль, что киргизскій текстъ остался не изданнымъ, впрочемъ, онъ можетъ быть напечатанъ и отдѣльно, что было бы весьма полезно при малочисленности у насъ текстовъ киргизскаго языка.

Н. Веселовскій.

Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Изслѣдованіе П. Н. Буцинскаго. Харьковъ. 1889.

Администраторы, смотря по темпераменту, бываютъ двухъ родовъ: одни убѣждены, что доводить до свѣдѣнія общества о промахахъ и произволѣ администраціи неумѣстно и что это роняетъ обаяніе власти, другіе же, наоборотъ, вѣрятъ, что обнаруженіе злоупотребленій и произвола администраціи нисколько не подрываетъ идеи власти, а напротивъ, возвышаетъ ее, отдѣляя принципъ отъ человѣка, такъ какъ дурной или зловредный человѣкъ долженъ быть лишень возможности вредить, а принципъ, выработанный вѣками и народами, остается неизмѣннымъ. Кто правъ изъ этихъ двухъ администраторовъ, представляется, конечно, усмотрѣнію читателей, но П. Н. Буцинскій держится второго взгляда и его книга, заглавіе которой мы привели, представляетъ сплошь суровое разоблаченіе злоупотребленій, произвола и промаховъ сибирскихъ администраторовъ самаго разнообразнаго пошиба и ранга. Читатель съ грустью долженъ признаться, что исторія этихъ злоупотребленій есть въ то же время исторія Сибири послѣ покоренія ея знаменитымъ Ермакомъ Тимоѣевичемъ. Книга г. Буцинскаго интересна въ томъ именно отношеніи, что является чуть ли не первою попыткою въ русской литературѣ писать исторію такъ, какъ ее врядъ ли писали до сихъ поръ. Это есть похвальный опытъ писать исторію края или страны на самомъ дѣлѣ, а не канцелярскую оду казовымъ сторонамъ событій. Правда, неподготовленному или не заинтересованному читателю такая книга покажется скучною, однообразною, въ ней нѣтъ эффектныхъ картинъ, блестящихъ сраженій, выдающихся героевъ, мастерскихъ описаній, краснорѣчивыхъ разсужденій, этого ничего нѣтъ, въ ней все просто, обыденно, это сама сѣренькая, повседневная жизнь, такая, какая существуетъ на самомъ дѣлѣ. А между тѣмъ, неволью чувствуется, что на этихъ обыкновенныхъ страничкахъ, скучно повторяющихъ одно и то же, и написана настоящая исторія страны. Если

вы внимательно прочтете всю книгу, не пугаясь длинныхъ выписокъ изъ различнаго рода ясачныхъ, дозорныхъ и другихъ книгъ, то можно быть увѣреннымъ, что передъ вами развернется цѣльная картина прошлыхъ судебъ сибирскаго края отъ смерти Ермака до 1645 года. Исторія Сибири до появленія въ ней предприимчиваго казака у насъ нѣтъ, да врядъ ли она и можетъ появиться, такъ какъ никто не дѣлалъ попытки собирать историческіе матеріалы, относящіеся къ эпохѣ до прихода русскихъ въ Сибирь, а теперь, спустя триста лѣтъ, приниматься за это едва ли возможно. Слѣдовательно, приходится довольствоваться тѣмъ, что исторія Сибири начинается съ похода Ермака на царя Кучума. Въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, казацкая вольница «привела татаръ, остяковъ и вогуловъ къ шерти, что имъ быть подъ его царскою высокою рукою до вѣка, покамѣстъ изволитъ Богъ вселенной стояти, и ясакъ имъ давать государю по вся лѣта безпереводно», въ Сибири возникло семь русскихъ городовъ (Верхотурье съ 1598 г., Туринскъ съ 1600 г., Тюмень съ 1586 г., Тобольскъ съ 1587 г., Тара съ 1594 г., Пелымъ съ 1593 г. и Березовъ съ 1593 г.), нѣсколько острожковъ, заставъ, слободъ, сель и сотни деревень; русскія поселенія появились сначала по главнымъ рѣкамъ, текущимъ въ передней Сибири, по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Иртышу и Оби, а потомъ и по ихъ притокамъ. Заселеніе страны, какъ и другихъ окраинъ русскаго государства, было двойное: правительственное, по волѣ центральныхъ властей, и вольно-народное, по личной инициативѣ переселяющихся. Московскіе цари хотѣли, во чтобы то ни стало, заселить свою далекую вотчину и для этого прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ средствамъ. Вольнаго переселенія первое время почти не было и только съ 1646 года этотъ элементъ сталъ усиливаться въ Сибири, состоя преимущественно изъ бѣглыхъ; всѣ перебѣжавшіе въ Сибирь причислялись къ разряду «гулящихъ» и служили правительству, монастырямъ и частнымъ лицамъ контингентомъ для набора годовыхъ, лѣтнихъ и поденныхъ ярыжныхъ людей, а также для набора казаковъ, стрѣльцовъ, пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ. Что касается инородцевъ, такъ быстро покоренныхъ казацкою вольницею, то они упорно отстаивали свою независимость; сознавая превосходство русскаго войска, они, тѣмъ не менѣе, возставали при каждомъ удобномъ въ ихъ глазахъ случаѣ и не легко было ихъ заставить покориться московскому царю, съ обязательствомъ платить ему ясакъ. Этимъ упорствомъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что когда кончился періодъ завоеванія Верхотурскаго, Туринскаго, Тюменскаго, Тобольскаго, Торскаго, Пелымскаго и Березовскаго уѣздовъ, то въ нихъ инородцевъ осталось не болѣе 4,000 мужчинъ, хотя несомнѣнно, что до похода Ермака ихъ было по крайней мѣрѣ въдесятеро больше. Политическія возстанія затихли, конечно, когда всѣ эти остяки, вогулы и татары убѣдились въ своемъ окончательномъ безсиліи, но затѣмъ стали появляться вспышки и протесты чисто экономическаго свойства, когда весь этотъ ясачный людъ почувствовалъ гнетъ и произволь русскою администраціи по взиманію ясака. Съ этихъ-то поръ и начинается скорбная лѣтопись, которая богато иллюстрируется обиліемъ документовъ Сибирскаго Приказа, тѣмъ болѣе, что отъ самовластия воеводъ и служащихъ у нихъ страдали не только инородцы, но и русскіе поселенцы. Установился даже порядокъ, что вновь назначенный воевода, по требованію центральной власти, перечислялъ всѣ вины своего предшественника передъ всѣмъ народомъ: «прежь сего воеводы дѣлами торговымъ и промышленнымъ

людям продажи, обиды и тѣсноты великія, ихъ нуждъ не разсматривали, управы межъ нихъ прямой не творили, посуды и поминки у нихъ брали и ихъ продавали, а теперь, молъ, этого не будетъ. Черезъ годъ или два повторилась та же исторія съ новымъ воеводою. Какія бы мѣры ни предпринимались царями съ цѣлью пресѣченія беззаконій сибирскихъ воеводъ, послѣдніе всегда умѣли обходить ихъ или, еще проще, не обращали на нихъ никакого вниманія. Дшло дѣло до того, что былъ установленъ размѣръ имущества, которое служащее лицо могло вывезти съ собою изъ Сибири; такъ, на примѣръ, воеводѣ большого города позволялось увозить всякаго добра только на 500 рублей, товарищу его, дякамъ и воеводамъ малаго города— на 300 рублей, остальное же имущество, если его везли, считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ казну. Но всѣ эти мѣры плохо помогали дѣлу, благодаря отдаленности отъ Москвы; воеводы самодурствовали на всей своей волѣ, низшіе служащіе подражали своимъ начальникамъ и чего, чего не дѣлалось безнаказанно въ Сибири. Воеводы вмѣшивались въ дѣла духовенства, покрывали беззаконниковъ и беззаконницъ, брали бѣлыхъ поповъ «для письма и выдѣлу», а церкви въ это время оставались безъ службы, народъ умиралъ безъ причастія; поповъ били батогами, сажали амовластно въ тюрьмы и даже отрѣшали отъ должности и сана; въ монастыряхъ открыто царилъ развратъ, картежная игра, пьянство, драки, убійства. Восьмая глава книги г. Буцинскаго приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, извлеченныхъ изъ документовъ, въ которыхъ ярко обрисовывается тогдашнее положеніе сибирскихъ жителей. Изъ предисловія автора видно, что вышедшая теперь книга есть только начало его труда, такъ какъ онъ намѣренъ по частямъ изслѣдовать заселеніе Сибири, по частямъ изслѣдовать матеріалъ, касающійся быта насельниковъ этого края и взаимнаго отношенія между ними туземцами, чтобы потомъ написать общую исторію Сибири отъ начала ея завоеванія до половины XVIII вѣка. Трудъ большой и почтенный, который принесетъ несомнѣнную пользу наукѣ, если авторъ будетъ продолжать свою работу съ тою же усидчивостью, добросовѣстностью и пониманіемъ дѣла, какія онъ обнаружилъ въ первомъ томѣ. Поэтому станемъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія его новыхъ трудовъ.

А. Б—въ.

И. Созоновичъ. Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. Варшава, 1889.

Какъ видно изъ самаго заглавія, изслѣдованіе г. Созоновича распадается на двѣ части. Въ первой изъ нихъ авторъ сообщаетъ, хотя кратко, но обстоятельныя свѣдѣнія о генезисѣ нѣмецкихъ эпическихъ пѣсней, о которыхъ упоминаетъ уже Тацитъ (около 116 г.), и ихъ постепенномъ развитіи до XII столѣтія, когда національное содержаніе ихъ, наряду съ заимствованнымъ, облекается въ высоко-художественныя формы поэтическаго языка. Указавъ затѣмъ на возникновеніе двухъ вѣтвей эпическихъ произведеній: эпоса національнаго и эпоса придворнаго, онъ дѣлаетъ обзоръ того и другого, излагая при этомъ содержаніе пѣсни о Нибелунгахъ.

Вторая часть книги посвящена литературной судьбѣ пѣсни о Нибелунгахъ, съ которою тѣсно связано возникновеніе и развитіе «народовѣдѣнія»,

(Folk-Lore) вообще. Возникнув около 1200 года, эта блестящая національная поэма въ первое время пользовалась большою популярностью: по прошествіи болѣе 600 лѣтъ, она сохранилась еще въ 28 рукописяхъ, не смотря ни на невѣжество прошедшихъ столѣтій и неуваженіе къ старинѣ, ни на войны и пожары, далеко не способствовавшія сохраненію рукописей и библиотекъ. Постепенно слабѣя, ея извѣстность продолжается до XVII столѣтія, въ началѣ котораго еще встрѣчаются ея слѣды въ фоліантахъ историковъ. Затѣмъ, почти въ теченіе двухъ столѣтій не видно даже намека на ея существованіе. Честь открытія ея въ новое время принадлежитъ врачу г. Линдау, Якову Оберейту, который нашелъ ея рукопись въ замкѣ Гогенъ-Эмсъ въ 1755 г. Спустя два года, по этому списку была издана профессоромъ Бодмеромъ вторая часть поэмы (первую онъ считалъ нестоющею изданія). Неполное изданіе Бодмера вызвало ненаучное изданіе всей поэмы Х. Г. Миллеромъ. Неудовлетворительность первыхъ изданій пѣсни о Нибелунгахъ была естественнымъ слѣдствіемъ неправильнаго взгляда на памятники народнаго творчества, всей важности которыхъ не понимали сами издатели. Интеллигентные нѣмцы того времени интересовались всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ роднаго языка и родныхъ преданій, и потому «общество,—по выраженію Гёте,—осталось глухо» къ этому «самому совершенному представителю средневѣковой нѣмецкой поэзіи», какъ называетъ изданную имъ поэму Бодмеръ.—Голось, возбудившій общее вниманіе къ произведеніямъ безыскусственнаго народнаго творчества, хотя и ложно понимавшагося, вышелъ изъ среды поклонниковъ, такъ называемой, «природной поэзіи» (Naturpoesie), съ Клопштокомъ во главѣ. Теоретикомъ этого направленія нѣмецкой литературы былъ Гердеръ. Въ письмахъ объ Оссианѣ, гдѣ онъ говоритъ вообще о народныхъ пѣсняхъ древнихъ народовъ, онъ сравниваетъ кельтскихъ бардовъ съ Шекспиромъ и Клопштокомъ и ставитъ ихъ на ряду съ Гомеромъ, Моисеемъ и Иовомъ, касается также пѣсенъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и слѣдитъ за бессознательнымъ проявленіемъ «духа природы». Это былъ страстный, воодушевленный диѳирамбъ всему тому, что, какъ казалось Гердеру, непосредственно вылилось изъ души народа въ тотъ періодъ жизни, когда «человѣкъ бессознательно производитъ высшіе продукты поэзіи».—Изъ массы условій, изъ множества трудно уловимыхъ вліяній, имѣвшихъ значеніе для направленія слѣдовавшихъ затѣмъ старшихъ романтиковъ, каковы: Людвигъ Тикъ и братья Шлегели,—особенно для привлеченія ихъ вниманія къ старой нѣмецкой литературѣ и жизни, на первое мѣсто слѣдуетъ выдвинуть статьи І. Мюллера о Нибелунгахъ и «Prolegomena ad Homerum» Ф. А. Вольфа. Мюллеръ даетъ очень высокую оцѣнку національному эпосу, обращаетъ вниманіе на историческое значеніе пѣсни о Нибелунгахъ и заявляетъ, что нѣмецкая нація съ полнымъ правомъ можетъ гордиться ею. По его призыву, романтики обратились къ этой поэмѣ и сдѣлали ее исходнымъ пунктомъ своихъ занятій нѣмцами древности. Вольфовская же теорія, по которой Илиада и Одиссея возникли изъ отдѣльныхъ народныхъ пѣсенъ и рѣсодій, дала имъ мысль выдвинуть и свою національную поэму изъ среды прочихъ средневѣковыхъ произведеній и иначе взглянуть на ея значеніе для своей націи. Ихъ одушевленные рѣчи и сочиненія вызвали на поприще родной филологіи и литературы поколѣніе младшихъ романтиковъ, изъ числа которыхъ для изученія пѣсни о Нибелунгахъ больше всѣхъ сдѣлалъ фонъ-деръ Гагенъ, третій ея изда-

тель. Младшіе романтики внесли во всё области нѣмецкой науки и литературы сильное чувство народности и національной самобытности. Пылкія, хотя и не богатые научными результатами, увлеченія романтиковъ средневѣковой литературою, поэзіей миннезенгеровъ и народными пѣснями привлекли къ изученію народнаго творчества людей, смотрѣвшихъ иными глазами на сущность дѣла, отнесшихся къ нему строго научно. Въ ряду послѣднихъ, по серьезности работъ, по широтѣ взглядовъ и по богатству выводовъ, самое видное мѣсто принадлежитъ Якову Гримму. Ученикъ знаменитаго Савиньи, его надежда и гордость, измѣнилъ своему учителю и, вмѣсто юриспруденціи, которою онъ занимался въ университетѣ, по прочтеніи пѣсень Тика, навсегда сдѣлалъ свой выборъ. Въ его лицѣ нѣмецкая филологія нашла своего творца. И вотъ, научное направленіе въ изученіи безыскусственнаго народнаго творчества широкой и плодотворной волной разлилось изъ Германіи по всѣмъ странамъ Европы, смѣнило нѣсколько своихъ способовъ толкованія литературно-словесныхъ фактовъ—миеологическій, литературный и психологическій—и, выработавъ широкій сравнительный методъ, постепенно вноситъ свѣтъ и порядокъ въ тотъ необозримый матеріалъ, которымъ обладаетъ теперь «наука о народѣ».

Выяснивъ зарожденіе и развитіе идеи, приведшей нѣмецкихъ филологовъ къ занятію произведеніями народнои словесности вообще и пѣснью о Нибелунгахъ въ частности, авторъ останавливается на нѣкоторыхъ результатахъ ихъ научныхъ изслѣдованій, и преимущественно на трудахъ К. Лахмана. Впрочемъ, онъ слѣдитъ здѣсь только за преемственною связью теорій и изысканій въ области народнаго слова и обѣщаетъ изложить впоследствии то, «какой видъ принимаетъ въ подробностяхъ исторія возникновенія, развитія и распространенія сказаній о Нибелунгахъ, какъ результатъ общихъ усилій нѣмецкихъ ученыхъ».

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ замѣтить, что сочиненіе г. Созонова, соединяющее въ себѣ научную основательность съ популярностью изложенія,—явленіе весьма симпатичное. До сихъ поръ пѣснь о Нибелунгахъ была у насъ лишь предметомъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, ограничивающихся большею частію прозаическимъ переводомъ или перифразомъ нѣмецкой эпопеи. Кромѣ того о ней эпизодически трактовалось въ нѣкоторыхъ курсахъ и капитальныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи словесности. Только въ настоящемъ году М. И. Кудряшевъ предпослалъ своему стихотворному переводу пѣсни о Нибелунгахъ обширное «введеніе», посвященное исторіи текста, его версіямъ и др. вопросамъ («Пантеонъ литературы»).

С.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Вып. первый. Казань. 1889.

Первый выпускъ этого почтеннаго труда заключаетъ въ себѣ семь главъ, изъ которыхъ въ пяти разсказана біографія Ивана Ивасовича Неплюева до его назначенія «командиромъ Оренбургской экспедиціи», а въ послѣднихъ двухъ содержится исторія Оренбургскаго края до пріѣзда Неплюева въ должность. Отлагая біографію замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, какимъ былъ Неплюевъ, вышедшій изъ школы Петра Великаго, до появлені-

нія второго выпуска, остановимся на исторических данных юго-восточной окраины России, судьбы которой большинству наших читателей неизвестны за исключением того, что там когда-то гремѣли Емельянъ Пугачевъ и Степанъ Разинъ, а за послѣдніе годы былъ громкій процессъ о башкирскихъ земляхъ. Кромѣ этихъ случайныхъ отрывковъ, эта окраина представляется terra incognita для большинства русскихъ, а между тѣмъ, какъ любопытна и поучительна исторія постепеннаго колонизированія этого дикаго, степного края, его постепеннаго обрусѣнія и включенія въ составъ европейскаго государства. Историческое движеніе русскихъ на востокъ, начавшееся со взятія Казани при Иоаннѣ Грозномъ, остановилось надякахъ проведеніемъ желѣзной дороги у могилы Тамерлана въ Самаркандѣ; въ промежуткахъ между Казанью и Самаркандомъ лежитъ Оренбургскій край, съ судьбою котораго мы намѣрены ознакомить читателей со словъ г. Витевскаго въ нѣсколькихъ строкахъ. Исторія края до появленія въ немъ русскихъ покрыта, выражаясь словами Кайданова, «мракомъ неизвестности», несмотря на то, что здѣсь были знаменитыя историческія «ворота», чрезъ которыя входили полчища одичалыхъ азіатскихъ народовъ, шедшихъ грабить и жечь Европу. Официально аборигенами края считаются башкиры, хотя ихъ собственные преданія и легенды говорятъ, что они сравнительно недавно заняли земли, на которыхъ жилъ какой-то невѣдомый народъ, вообще называемый «чудью» и оставившій по себѣ множество кургановъ; эти курганы свидѣтельствуютъ, что «чудь» умѣла обрабатывать мѣдь, бронзу и золото, но не имѣла понятія о желѣзѣ. Кромѣ кургановъ, отъ «чуди» остались многія названія, не объясняемая ни на одномъ изъ современныхъ языковъ, напр.: Сакмара, Уфа, Икъ, Сокъ, Уй, Иремель, Увелька, Міясъ, Дема, Ай, Изверъ, Юрезань, Орь и другія. Что касается башкиръ, то ихъ считаютъ (хотя не навѣрно) татарскимъ народомъ, выдѣлявшимся изъ общей семьи во времена Золотой орды; долго ихъ тревожили безнаказанно ногайцы и киргизы, но съ паденіемъ Казани башкиры вздохнули свободно, а затѣмъ, изъ чувства самосохраненія, стали тяготѣть къ Россіи и въ 1554 году среди нихъ былъ выстроенъ первый русскій городъ Бирскъ. Однако, колонизація подвигалась туго и только съ 1732 года, когда положено основаніе закамской линіи, русскіе хлынули въ Башкирію и стали захватывать «дикія поля»; не смотря на жалобы башкиръ, переселенцы все увеличивались, наводняя край государственными крестьянами, помѣщиками, ссыльными, раскольниками и бѣглецами. Вѣкъ хватало мѣста въ привольныхъ степяхъ и дремучихъ лѣсахъ. Но кромѣ русскихъ, въ Башкирію стали переселяться татары, черемисы, менчеряки, тентяри, чуваша, мордва, вотяки, бѣглецы плѣнники всевозможныхъ національностей; создалось обширное поле для разбойничества, а затѣмъ и бунта. Возставали башкиры главнымъ образомъ по причинѣ злоупотребленій русскихъ чиновниковъ и каждое возстаніе прекращалось потоками крови; самыми памятными были возстанія 1664, 1707 и 1717 годовъ. Чтобы успокоить Башкирію, оказалось необходимымъ обратить вниманіе на ея южную границу, откуда являлись безпокойные киргизы, озаботившіе еще Петра Великаго, который отправилъ къ нимъ для переговоровъ А. И. Тевкелева. Уступая доводамъ послѣдняго, послѣ уже смерти Петра I, киргизы согласились признать власть Россіи надъ собою и ихъ посольство явилось съ Тевкелевымъ въ Петербургъ въ 1734 году. Въ это время сенатскій оберъ-секретарь И. К. Кирилловъ подалъ проектъ завязать сношенія съ Среднею Азією и

Индію; исполненіе проекта было возложено на самого Кириллова, который въ декабрѣ 1734 года основалъ на Уралѣ Верхнеяицкую крѣпость и началъ съ Тевкелевымъ преобразование Башкиріи. Послѣдствіемъ этого былъ новый бунтъ, умирямый крайне жестоко и утихшій съ трудомъ въ октябрѣ 1736 года. Вслѣдствіе непосильныхъ трудовъ и лишеній Кирилловъ умеръ 14 апрѣля 1737 г. въ Самарѣ и начальникомъ оренбургской экспедиціи былъ назначенъ начальникъ екатеринбургскихъ заводовъ и историкъ В. Н. Татищевъ. Онъ засталъ сильный экономическій упадокъ края, вслѣдствіе послѣдняго бунта; съ жителей Уфимской провинціи пришлось снять часть недоимокъ, потому что «обывателей многое число взято было въ полонъ и побито и хлѣбъ стоячій и молотый весь безъ остатка сожженъ, скотъ отогнанъ, а оставшіеся отъ платежа подушнаго оклада уже дѣтей закладываютъ, а сами едва дневною пищею пробавлялись». Татищевъ ретиво взялся ограничить произволъ чиновниковъ и подъячихъ, ввести порядокъ въ администрацію края, облегчить нужды населенія и при всемъ томъ, не забывая духовныхъ потребностей жителей: его стараніями въ Самарѣ создалась школа для калмыковъ и татаръ. Между тѣмъ, волненія среди башкиръ и киргизовъ не прекращались, чѣмъ рассчитывалъ воспользоваться киргизскій ханъ Абуль-Хаиръ для своихъ личныхъ цѣлей; однако, благодаря искуснымъ переговорамъ Татищева, честолюбецъ отказался отъ своихъ плановъ и въ августѣ 1738 года призналъ свое подданство Россіи. По окончаніи переговоровъ съ нимъ, Татищевъ укрѣпилъ яицкую линію рядомъ новыхъ крѣпостей, а затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ новыми проектами, но тутъ попалъ подъ судъ по обвиненію въ лихоимствѣ и въ Оренбургскій край болѣе не возвращался, хотя принесъ не мало пользы. Оправданный по суду, онъ былъ начальникомъ калмыцкой комиссіи, потомъ астраханскимъ губернаторомъ, снова попалъ подъ судъ и умеръ на другой день послѣ оправданія его 19 іюля 1750 года. Мѣсто Татищева занялъ въ Оренбургскомъ краѣ князь В. А. Урусовъ, энергичный и жестокій человѣкъ, съ его появленіемъ вспыхнулъ новый бунтъ, въ главѣ котораго появился Карасакаль, выдававшій себя за сына зюнгорскаго хана Салтанъ-Гирея. Красавецъ собою, лихой наѣздникъ, замѣчательный лингвистъ, остроумный ораторъ и ревнитель ислама, Карасакаль поднялъ башкиръ еще при Кирилловѣ и едва былъ разбитъ при Урусовѣ; въ сентябрѣ 1740 года начались пытки и казни виновныхъ, но самъ Карасакаль бросился въ Зюнгорію, былъ разбитъ ханомъ на голову и затѣмъ пропалъ безслѣдно. Усмиривъ возстаніе потоками крови, Урусовъ дѣятельно принялся за обезопасеніе края устройствомъ стратеги, ческой линіи отъ Орска (тогдашняго Оренбурга) до Верхнеуральска, велъ переговоры съ киргизами, но не забывалъ заведенной Татищевымъ школы, которая процвѣтала въ домѣ князя М. А. Вѣлосельскаго. 20 іюня 1741 года князь Урусовъ умеръ отъ цынги въ Самарѣ и на его мѣсто былъ назначенъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ. Этимъ заканчивается первый выпускъ монографіи, къ которой мы вернемся по выходѣ въ свѣтъ второго выпуска. Труды Кириллова, Татищева и Урусова, а также ихъ второстепенныхъ помощниковъ, при дѣятельномъ содѣйствіи правительства, Оренбургскій край былъ постепенно введенъ въ общую систему имперіи; его разнообразныя административныя части получили за это время общую организацію и подчинены надзору мѣстной высшей власти, стремящейся выполнить предначертанія Петра Великаго, который «черезъ многихъ изволилъ увѣдомиться

объ оной ордѣ, хотя-де оная киргизъ-кайсацкая орда степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная-де орда ключъ и врата».

А. Б.—въ.

Краткое описаніе города Житомира. Составилъ Т. І. Вержбицкій. 2-ое изданіе. Житомиръ. 1889.

Житомиръ, губернской городъ Волынской губ. первый разъ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1320 г. Начало же его, какъ показываютъ разнаго рода археологическія данныя, добытыя проф. В. Б. Антоновичемъ, С. С. Гамченко и другими археологами при раскопкѣ кургановъ Житомирскаго могильника, можетъ быть отнесено къ концу VII или началу VIII вѣка. Такимъ образомъ Житомиръ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ городовъ, исторія которыхъ интересна какъ для спеціалиста-историка, такъ и для всякаго, интересующагося судьбами родного края. Брошюра г. Вержбицкаго, являясь первой попыткой¹⁾ исторіи такого рода, давала нѣкоторую надежду удовлетворить эту любознательность, затрогивала непочатый уголокъ и потому естественно не могла не привлечь къ себѣ вниманія. Однако, перелиставши первые страницы, читатель сразу разочаровывается, такъ какъ не находитъ здѣсь и половины того, что онъ ожидалъ встрѣтить. Прежде всего поражаетъ его отсутствіе какого бы то ни было плана и системы въ расположеніи матеріала. Начавъ съ опредѣленія мѣстоположенія города по широтѣ и долготѣ, г. Вержбицкій непосредственно переходитъ къ историческому очерку Волынскаго края, очерку далеко не точному. Затѣмъ, оговорившись, что Житомиръ упоминается въ лѣтописи подъ 1320 г., авторъ переходитъ къ исторіи Житомира, гдѣ прежде всего касается вопроса о происхожденіи названія города и останавливается на этомъ вопросѣ гораздо дольше, чѣмъ это позволяетъ «краткій» очеркъ. Брошюра очень подробно разбираетъ гипотезу Крашевскаго, который производитъ это названіе отъ малороссійскихъ словъ «жито» (рожь) и «миратъ» (мѣрить) и соглашается съ мнѣніемъ, по которому городъ былъ основанъ въ IX вѣкѣ Житомиромъ, слугой Аскольда и Дира, отъ котораго и получилъ свое имя. Выясненіе такого рода вопросовъ чрезвычайно трудно вслѣдствіе недостаточности данныхъ всегда являющейся причиной возникновенія нѣсколькихъ часто самыхъ разнообразныхъ толкованій одного и того же имени, а потому въ краткомъ очеркѣ вопросъ этотъ могъ быть опущенъ безъ ущерба содержанию. Наоборотъ, было бы гораздо важнѣе, если бы авторъ вмѣсто этихъ излишнихъ и всѣмъ извѣстныхъ догадокъ, упомянулъ объ извѣстии одного баварскаго лѣтописца, который говоритъ, что именно въ этой мѣстности были поселенія славянъ Житичей и обрисовалъ бытъ этого племени, болѣе или менѣе выясненный недавними раскопками, произведенными С. С. Гамченко (Житомирскій могильникъ 1888 г.). Затѣмъ, идетъ далеко не полный погодный списокъ событій, среди которыхъ опускаются событія чрезвычайно важныя, имѣвшія большое значеніе какъ для Волыни, такъ и для Житомира. Такъ, напримѣръ, г. Вержбицкій ничего не говоритъ о періодѣ отъ

¹⁾ Первая попытка, собственно говоря, и попытка болѣе удачная, была сдѣлана Л. Рафальскимъ («Волыиск. Епарх. Вѣдом.» №№ 1 и 2 за 1887 г.), но вслѣдствіе смерти автора такъ и осталась лишь попыткой.

войнъ Богдана Хмѣльницкаго до второго и третьяго раздѣла Польши въ 1793 и 1795 г., когда польско-католическая партія взяла положительный верхъ надъ русско-православною и для совращенія низшихъ классовъ народа въ католичество (вышіе въ это время уже оставили «хлопскую», т. е. православную вѣру), наводила всю Волынь костелами, при чемъ къ Житомирѣ были основаны: іезуитскій монастырь (1724 г.) бискупомъ Самуиломъ Ожгой, бернардинскій (1760), католическая семинарія для клира 1724 г., община шаритокъ 1766 г. и др. Не находимъ здѣсь также никакихъ извѣстій о польскихъ мятежахъ 1830 и 1863 гг., имѣвшихъ безспорно важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ исторической жизни Волыни. Послѣдній польскій мятежь пробудилъ русское сознаніе даже въ католическомъ населеніи края, открылъ глаза правительству и заставилъ его произвести коренныя реформы для оздоровленія этого искони русскаго края. Въ Житомирѣ были устроены школы съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, выстроены прекрасный соборъ, была устроена публичная бібліотека. Авторъ также не обмолвился словомъ о существовавшей въ Житомирѣ массонской ложѣ. Все это пропущено не вполнѣ удачно, такъ какъ имѣеть слишкомъ близкое отношеніе къ внутренней жизни города для того, чтобы оставить его безъ вниманія даже при краткомъ описаніи. Намъ, кажется, что описаніе этихъ, по мнѣнію автора, лишннихъ подробностей, имѣло бы гораздо больше значенія и было бы несравненно умѣстнѣе, чѣмъ, напримѣръ, помѣщеніе списка губернаторовъ и архіереевъ, списка, который по своей бессодержательности и ничтожности даже долженъ былъ быть опущенъ въ «краткомъ» очеркѣ, равно какъ съ успѣхомъ могла быть пропущена несуществовавшая битва при р. Ирпени. Вслѣдъ за такимъ «историческимъ» отдѣломъ слѣдуетъ собственно описаніе города, состоящее изъ перечисленія улицъ, достопримѣчательностей, описаніе, которое вмѣстѣ съ остальной частью брошюрки производитъ на читателя впечатлѣніе путеводителя по Житомиру, но не болѣе, а между тѣмъ, просмотрѣвъ списокъ латинскихъ, польскихъ и русскихъ «источниковъ», приложенный къ брошюрѣ, можно было бы ожидать хотя краткаго, но серьезнаго и полнаго изслѣдованія историческихъ судебъ этого города.

Вл. Б—скій.

Мухаммеданская космогонія (разборъ турецкаго сочиненія «Кыркъ сюаль»), соч. Александра Архангельскаго. Казань. 1889.

При появленіи нѣкоторыхъ книгъ въ свѣтъ, невольно является вопросъ, съ какою цѣлью, зачѣмъ составлена эта книга? Ознакомившись съ «Мухаммеданскою космогоніею», необходимо предложить г. Архангельскому тотъ же вопросъ. Дѣло въ томъ, что онъ предлагаетъ читателямъ переводъ богословскаго мусульманскаго сочиненія на турецкомъ языкѣ: «Исторія сорока вопросовъ, предложенныхъ іудейскими учеными Мухаммеду» и къ нему присоединяетъ вдвое длиннѣйшее предисловіе, написанное со всемъ пыломъ молодого миссіонера. Если это ученическое упражненіе, то его не слѣдовало печатать, а прямо представить преподавателямъ, которые поставили бы полные 12 балловъ за добросовѣстный трудъ и стилистическія достоинства. Но разъ книга напечатана, она естественно рассчитываетъ на извѣстный кругъ читателей. Какихъ? Масса мусульманъ, населяющихъ Поволжье, такъ

плохо владѣеть русскимъ языкомъ, что врядъ ли будетъ читать г. Архангельскаго, а если и найдется любознательный чело­вѣкъ, то онъ не пойметъ и половины. Образованные мусульмане, которыхъ въ Россіи очень мало хорошо помнятъ принципъ, приписываемый Омару: «Если въ этихъ книгахъ то, что въ Коранѣ, то онѣ излишни, а если въ нихъ то, чего въ Коранѣ нѣтъ, то онѣ вредны; въ обоихъ случаяхъ книги надо сжечь». Кромѣ того, образованный мулла или софтъ, просмотрѣвъ книгу г. Архангельскаго, можетъ сказать: христіанинъ старается доказать превосходство христіанства надъ мусульманствомъ, но вмѣсто того, чтобы выслушивать его доводы, обратимся къ жизненной практикѣ: по отчетамъ библейскаго общества въ Лондонѣ обращеніе язычника въ христіанство обходится не менѣе 500 фун. стер., тогда какъ дервишъ, отправляясь въ миссіонерство, беретъ только благословленіе своего настоятеля и обращаетъ въ мусульманство сотни и тысячи язычниковъ безвозмездно. Для обращенныхъ въ христіанство мусульманъ эта книга также непригодна по своей отвлеченности; кромѣ того, многіе прочтутъ самый переводъ, а длиннаго предисловія читать не станутъ. Это предисловіе заключаетъ въ себѣ краткое содержаніе книги «Кыркъ суюаль (Сорокъ вопросовъ)», въ которой нѣкій Фурати по канвѣ Корана вышивалъ цвѣты своего восточнаго воображенія въ усладу правовѣрнымъ; затѣмъ слѣдуетъ критическій анализъ космогоніи Фурати, послѣ чего авторъ переходитъ къ космогоніи Корана, доказывая ея несовершенство и конгломеративность; наконецъ, авторъ пишетъ горячую апологію христіанской космогоніи, указывая ея превосходство надъ мусульманскою. Для читателей «Историческаго Вѣстника» наибольшій интересъ представляетъ первая глава предисловія, въ которой вкратцѣ рассказано начало ислама, его первые шаги въ Аравіи и отношенія къ евреямъ и іудейству; все это заняло 36 страницъ. Отношенія Мухаммеда къ евреямъ любопытны и мало извѣстны большинству русскихъ читателей, тѣмъ болѣе что исторія Аравіи почти не разработана въ русской литературѣ. Евреевъ на мало изслѣдованномъ еще аравійскомъ полуостровѣ было довольно много, особенно послѣ того, какъ римскіе легіоны подчинили Іудею власти императоровъ; среди родственныхъ по происхожденію народовъ пришельцы быстро ассимилировались и даже мѣстами заняли первенствующее положеніе, благодаря большому умственному развитію. Окружающіе арабы заимствовали не мало изъ религіи евреевъ, которые, отвергая ученіе Иисуса Христа, вѣрили, что вскорѣ долженъ явиться обѣщанный пророками Мессія. Мессіаниззмъ и былъ тою средою, въ которой развился Мухаммедъ; очевидно, онъ былъ болѣе или менѣе ознакомленъ съ іудействомъ, а политическое значеніе евреевъ сознавалъ безусловно. Этимъ объясняется то расположеніе, которое Мухаммедъ оказывалъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности евреямъ, рассчитывая склонить ихъ на свою сторону. Попытка смѣлаго реформатора оказалась неудачною. Строгіе пуриты въ дѣлахъ религіи, евреи встрѣтили было благосклонно новоявленнаго Мессію, но скоро отвернулись отъ него, когда увидѣли, что Мухаммедъ позволяеть своимъ послѣдователямъ ѣсть верблюжье мясо и дѣлать другія отступленія отъ іудейскаго ритуала. Но отступивъ отъ него, евреи не оставили его въ покоѣ, а стали преслѣдовать самозванца насмѣшками въ прозѣ и стихахъ. Въ свою очередь и Мухаммедъ измѣнилъ свои отношенія къ евреямъ. Объявивъ въ началѣ, что «іудеи различныхъ племенъ образуютъ съ мусульманами одинъ народъ», онъ постепенно превратился въ злѣйшаго

врага евреевъ и принялся безпощадно преслѣдовать ихъ; такимъ образомъ погибли могущественнѣйшія еврейскія племена бенъ-каинуки, бенъ-назиры бенъ-курайзы. Но сдѣланное осталось, и въ Коранѣ мы видимъ сильныя слѣды еврейскаго вѣроученія, тѣмъ болѣе что близкимъ лицомъ въ дѣлѣ созданія ислама преданіе указываетъ на еврея Абдуллаха. Отвернувшись отъ евреевъ, Мухаммедъ обратилъ болѣе серьезное вниманіе на христіанъ, жившихъ въ сѣверной Аравіи и вотъ въ этомъ заключается причина, почему глава Ислама поставилъ Иисуса Христа первымъ послѣ себя. Къ сожалѣнію, г. Архангельскій увлекся взаимными отношеніями Мухаммеда и евреевъ, а потому оставилъ безъ вниманія отношенія перваго къ христіанамъ. Третьимъ элементомъ, вошедшимъ въ исламъ и Коранъ, былъ древне-арабскій сабеизмъ, просуществовавшій вѣка до Мухаммеда и занесенный, очевидно, съ первыми колоніями эмигрантовъ изъ долины Тигра и Евфрата. На основаніи этихъ трехъ элементовъ (сабеизма, іудейства и христіанства) Мухаммедъ создалъ исламъ, лишенный выпревшихъ отвлеченностей и болѣе приуроченный къ матеріализму обитателей Востока; при этомъ, въ противоположность евреямъ, Мухаммедъ завѣщалъ своимъ преемникамъ распространять новое ученіе съ оружіемъ въ рукахъ. «Принимаешь исламъ—живи, не принимаешь — умирай», вотъ политическій тезисъ новаго ученія и мусульманство насчитываетъ теперь до 200.000.000 послѣдователей. А г. Архангельскій написалъ весь свой полемическій трактатъ, разбирая именно всѣ отвлеченныя тонкости космогоніи, забывая приведенныя выше основныя положенія мусульманскаго вѣроученія.

А. Б.—въ.

Д. О. Шеппингъ. Дохристіанское воззрѣніе челоѵка на смерть и загробную жизнь. Москва. 1889.

Заглавіе брошюры г. Шеппинга не вполне соответствуетъ ея содержанію: авторъ занимается вопросомъ о дохристіанскихъ эсхатологическихъ воззрѣніяхъ не челоѵчества вообще, а только славянъ. Это вопросъ далеко не новый въ нашей литературѣ, съ нимъ связаны имена такихъ солидныхъ ученыхъ, какъ Аванасьеѵ, Котляревскій и др. Но большинство изслѣдователей увлекалось предвзятыми теоріями, и потому славянамъ часто приписывались такіа предвзятія, о которыхъ ничего не говорятъ источники. Кромѣ того, въ числѣ данныхъ для славянскаго эсхатологіи принимались взгляды, сложившіеся въ народѣ подъ вліяніемъ греческихъ палей и средне-вѣковой западно-европейской литературы. Такимъ образомъ, многое, что казалось доказаннымъ и рѣшеннымъ лѣтъ двадцать тому назадъ, въ настоящее время представляется совершенно неосновательнымъ.

Авторъ названной брошюры поставилъ себѣ задачею изслѣдовать дохристіанскія воззрѣнія славянъ на смерть и загробную жизнь на основаніи повѣрій и обычаевъ народа, «въ ихъ прямомъ, беззатѣйливомъ смыслѣ, не отыскивая въ нихъ міеологическихъ сказаній, нужныхъ для подтвержденія предвзятой мысли изслѣдователя». Въ результатѣ такого изслѣдованія получается выводъ, что «въ прямыхъ отголоскахъ нашей старины» нѣтъ положительнаго указанія на вѣру въ заоблачную страну блаженства, что всѣ понятія языческихъ славянъ о жизни и смерти «проникнуты матеріализмомъ» и ограничиваются видимою природою.

Челоѵкъ, на первой ступени своего развитія, не могъ отрѣшиться отъ окружающей его природы, съ которою, въ своемъ умѣ, онъ составлялъ одно

нераздѣльное цѣлое, онъ не имѣлъ еще понятія объ отдѣльномъ существованіи души отъ ея «тѣлесной оболочки», и потому представлялъ себѣ мертвеца въ его прежнемъ, тѣлесномъ образѣ, или, правильнѣе говоря, воплѣнъ вѣрилъ въ загробное продолженіе его существованія. Могила не разрывала узъ, связывающихъ покойника съ живыми членами его семьи: онъ продолжалъ раздѣлять ихъ радость и горе, имѣть попеченіе объ ихъ имуществѣ, и становился какъ бы геніемъ-хранителемъ своего рода. Смерть не измѣняла даже сословныхъ и имущественныхъ отношеній умершихъ: господинъ и въ загробной жизни оставался господиномъ, рабъ—рабомъ. По первоначальнымъ представленіямъ о смерти, покойникъ живетъ въ тѣсной и мрачной могилѣ, которую и донныѣ въ областныхъ нарѣчіяхъ зовутъ «домовищемъ». Поэтому, въ могилы опускались жены, рабы, лошади, бранные доспѣхи, съѣстные припасы и пр.

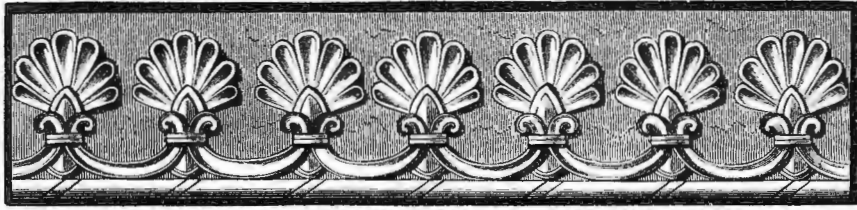
Прежде чѣмъ человѣкъ дошелъ до представленія отдѣльной отъ тѣла субстанціи, живущей въ немъ безсмертной души, онъ полагалъ безсмертіе въ своей тѣни. Далѣе, являются понятія духа и души. Духъ имѣетъ болѣе безтѣлесный характеръ, дѣлающій его переходнымъ звеномъ между древнимъ понятіемъ о тѣни и христіанскою вѣрою въ безсмертіе души. Духъ принадлежитъ исключительно человѣку и, послѣ его смерти, проявляется въ тѣлесномъ образѣ умершаго, пользуясь всѣми его нравственными и физическими свойствами: онъ говоритъ, воетъ, двигается, любитъ и гнѣвается, радуется и печалится. Духъ—жилецъ земли, иногда скрытый въ нѣдрахъ царства мертвыхъ; онъ, то покоится съ тѣломъ въ могилѣ, то поселяется въ людскія жилища, въ горное ущелье или дупло стараго дерева. Душа, напротивъ, какъ вещество воздушное, эфирное, «дымецъ малъ», лишена всякой видимой вещественной формы и, только по аналогіи, представляется народною фантазіей—блуждающимъ огонькомъ или подъ зооморфическимъ образомъ существа крылатаго, летающаго въ воздушной стихіи. Вотъ почему духъ, въ своихъ проявленіяхъ, постоянно представляетъ личность умершаго, тогда какъ душа, чтобы остаться здѣсь, на землѣ, нуждается въ перенесеніи изъ одного живаго существа въ другое. С.

Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи, сост. Н. Зезюлинскій. Выпускъ I. Спб. 1889.

Коневодствомъ называется разведеніе лошадей путемъ естественнаго подбора, а коннозаводствомъ—путемъ искусственнаго подбора. Съ этимъ опредѣленіемъ согласенъ и г. Зезюлинскій въ своемъ сочиненіи. Вслѣдствіе этого мы въ правѣ были, встрѣчая изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ, рассчитывать ознакомиться съ изученіемъ любопытнаго предмета со времени его возникновенія, то есть съ воцаренія дома Романовыхъ. Но авторъ расширилъ свою задачу и почти весь первый выпускъ посвятилъ не коннозаводскому дѣлу, а коневодству въ Россіи. Однако, вмѣсто сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ и наброска общей картины одной изъ любопытнѣйшихъ сторонъ народнаго хозяйства, г. Зезюлинскій ограничивается послѣдовательными выписками изъ лѣтописей, какъ бы стараясь убѣдить читателя, что въ древней Руси, «дѣйствительно были лошади». Задача, по меньшей мѣрѣ, очень странная! Собственныя же его поясненія и выводы страдаютъ историческою не точностью, подтверждая ту мысль, что г. Зезюлинскій, быть мо-

жесть, прекрасный коннозаводчикъ, но посредственный историкъ. Оправданіемъ автору можетъ служить то обстоятельство, что графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ пожелалъ имѣть историческое изслѣдованіе о коннозаводствѣ въ Россіи, а директоръ канцеляріи поручилъ написать его г. Зезюлинскому, и усердный чиновникъ смѣло написалъ историческое изслѣдованіе, которое правильнѣе назвать неумѣлымъ собраніемъ сырого матеріала для будущаго изслѣдователя. «Изъ отечественныхъ лѣтописныхъ памятниковъ видно—пишетъ г. Зезюлинскій,—что съ первыхъ же моментовъ зарождающейся русской исторической жизни это благородное животное (т. е. лошадь) эксплуатируется русскимъ человѣкомъ больше какъ сила военная, чѣмъ сельскохозяйственная». Откуда вывелъ такое заключеніе авторъ остается неизвѣстнымъ; византійскіе, арабскіе и германскіе лѣтописцы рисуютъ довольно согласно славянъ мирнымъ народомъ. Колонизаціонное движеніе ихъ на сѣверъ шло преимущественно безъ войны, безъ кровопролитія; по собственному почину славяне почти никогда не нападали на сосѣдей, если же подвергались нападенію, то мастерски отсиживались въ «городкахъ» или крѣпостяхъ и эта особенность проходить чрезъ всю исторію Руси. Все это заставляетъ думать, что лошадь вначалѣ была принадлежностью сельскаго хозяйства, а не ратнаго дѣла. Всѣ поговорки и пословицы, сохранившіяся до сихъ поръ въ русскомъ народѣ, подтверждаютъ нашу мысль. Только позднѣе, уже послѣ Олега и Святослава, лошадь дѣлается постепеннo боевымъ товарищемъ, но и то на югѣ Россіи, гдѣ раздолье степей давало просторъ широкой натурѣ. Когда политическій центръ Руси перешелъ изъ Кіева въ Москву, коневодство сдѣлалось принадлежностью великаго князя и боярской знати, такъ какъ только у нихъ были средства и возможность заботиться о «конюшемъ пути», содержать дорого стоящихъ коней, привозимыхъ издалека. Последнее обстоятельство особенно важно, такъ какъ оно указываетъ, что князей и бояръ не удовлетворяли породы, водившіяся на Руси, гдѣ, очевидно, большинство населенія довольствовалось тѣмъ, что было, не задаваясь даже мыслью искусственно улучшать и совершенствовать породу. Намекъ на попытку искусственнаго подбора является только съ Іоанна III, какъ на это совершенно правильно указываетъ г. Зезюлинскій, который, вообще, чувствуетъ себя сильнымъ, передавая архивныя справки, находившіяся въ его распоряженіи и наполнившія большую половину его книги. Постепенно владѣльцы лошадей послѣ Іоанна III доходятъ до мысли имѣть заводскихъ кобылицъ, но только съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича официально появляются «кобыличьи конюшни» или конскій заводъ. На этомъ собственно и заканчивается первый выпускъ изслѣдованія г. Зезюлинскаго. Охотно допускаемъ, что второй выпускъ, если онъ явится, будетъ значительно выше по достоинствамъ перваго, такъ какъ обильный матеріалъ даетъ возможность прагматически изложить коннозаводское дѣло въ Россіи. Если же мы остановились такъ внимательно на первомъ выпускѣ, то исключительно потому, что неудачная попытка г. Зезюлинскаго очертить русское коневодство является все-таки первою по времени, и по одному этому заслуживаетъ вниманія. Будущій изслѣдователь, болѣе знакомый съ родною стариною, сумѣетъ лучше воспользоваться матеріаломъ и болѣе умѣло очертить судьбу русской лошади, но за г. Зезюлинскимъ все-таки останется пальма первенства.

А. Б-въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская литература во вторую половину прошлаго вѣка и первую нынѣшняго.— Новый русскій критикъ въ англійскомъ журналѣ.— Смерть Салтыкова.— Глѣбъ Успенскій.— Беллетристика.— Расколъ въ славянофильствѣ.— Серьезныя произведенія.— Польская литература.— Статистика итальянской печати.— Беллетристическія и историческія сочиненія.— Исторія въ Испаніи.— Новый шведскій писатель.— Шведскіе романы и научныя произведенія.— Споръ о норвежскомъ языкѣ.— Гипнотизмъ на сценѣ.— Греческая литература.— 25-тилѣтіе присоединенія іоническихъ острововъ.— Голландская литература.

ВОЗРѢНІЕ русской литературы въ «Атенеумѣ» составилъ какой-то Павелъ Милоковъ. Мы знаемъ, только одного русскаго писателя тридцатыхъ годовъ Александра Петровича Милокова, оставшагося вмѣстѣ съ Гончаровымъ, Галаховымъ, Старчевскимъ и Куликовымъ, представителемъ этой литературной эпохи, за которой уже слѣдуютъ дѣятели сороковыхъ годовъ; ихъ также осталось уже не болѣе 5—6-ти лицъ. Но у Ал. Петр. нѣтъ сыновей и Paul Milyoukov только по фамиліи принадлежитъ къ историкамъ литературы. Его обзорѣне очень слабо, хотя и лучше прошлогодняго, написанаго евреемъ Ашкенази, пишущимъ пофранцузски подъ псевдонимомъ Michel Delines и продѣлвавшимъ неблаговидную спекуляцію съ переводомъ статьи Л. Н. Толстого, о чемъ мы говорили въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Милоковъ начинаетъ свое обзорѣне смертью Салтыкова и оцѣнкою его произведеній. Ничего новаго не высказываетъ критикъ о нашемъ сатирикѣ, но, рассказывая его жизнь, дѣлаетъ не мало ошибокъ: утверждаетъ, что первая повѣсть, за которую онъ былъ сосланъ въ Вятку, была подписана его фамиліей; показываетъ невѣрно годъ запрещенія «Отечественныхъ Записокъ» и др. Отдавая полную справедливость дарованію и общественному значенію Салтыкова, критикъ говоритъ, что писатель съ особеннымъ искусствомъ изобразилъ рознь, возникшую въ семьяхъ, во взглядахъ отцовъ и дѣтей на реформу 1861 года. Эти типы, вмѣстѣ съ разорившимися крестьянами и одолѣвшими ихъ кулаками, обрисованы сатирикомъ

«трагическими красками». Онъ особенно метко передалъ искаженіе реформъ въ ихъ соприкосновеніи съ жизнью и робость администраціи при дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Высоко ставя литературу, онъ осмѣялъ, однако, ея пониженное положеніе. При началѣ его карьеры молодежь упрекала его за несочувствіе новымъ вѣяніямъ, а подъ старость реакціонеры находили его сочиненія фривольными. Высказавъ это мнѣніе, критикъ самъ же и опровергаетъ его. Общій выводъ тотъ, что Салтыковъ не былъ ни энтузіастомъ, ни доктринеромъ, но и не видѣлъ въ идеалахъ современной ему молодежи панацеи отъ всѣхъ золъ.

Смерть Салтыкова оставила огромную пустоту въ литературѣ: Гончаровъ уже ничего больше не напишетъ, а проповѣди Л. Н. Толстого, эта странная смѣсь буддизма съ мистицизмомъ, не имѣютъ ничего общаго съ литературой. Популярнѣйшимъ современнымъ писателемъ, критикъ считаетъ теперь Глѣба Успенскаго не потому, что онъ хорошій нувелистъ, но потому, что онъ сдѣлался публицистомъ. Если и согласиться съ мнѣніемъ Милюкова, что въ Россіи нувелистъ достигаетъ успѣха только тогда, когда обращается въ публициста, все-таки слѣдуетъ сознаться, что послѣдній, публицистическій произведенія г. Успенскаго далеко ниже его первыхъ разсказовъ въ литературномъ отношеніи. Этого не опровергаетъ ни г. Михайловскій, написавшій характеристику г. Успенскаго въ новомъ изданіи его сочиненій, ни Орестъ Миллеръ, предсмертный трудъ котораго былъ посвященъ оцѣнкѣ этого писателя. Въ сравненіи его съ Салтыковымъ, приводимомъ далѣе, вѣренъ тотъ выводъ, что сатирикъ, рисуя свои типы, представляетъ самому читателю дѣлать заключенія, а Успенскій изъ собранныхъ имъ фактовъ и матеріаловъ выводитъ нравоученія, превращаясь изъ разсказчика въ судью и адвоката. Его характеризуетъ любовь къ идеалу, постоянное исканіе лучшаго, стремленіе къ поученію и пропагандѣ, а всѣ эти свойства и отличаютъ моралиста отъ сатирика. Художественныя концепціи Успенскаго всегда хороши, но онъ портитъ ихъ своею страстью къ морализаціи и дедукціи. Онъ пренебрегаетъ жизненностью своихъ типовъ, и часто выводитъ ихъ совершенно невозможными по своимъ поступкамъ. Совершенно вѣрно, что «власть земли» занимаетъ первое мѣсто въ головѣ крестьянина, но нельзя выводить изъ этого, что только трудъ земледѣльца нормаленъ и гарантируетъ его фізіологическое и психологическое равновѣсіе. Вообще въ послѣднее время публицистъ Успенскій заставляеть пожалѣть объ Успенскомъ—художникѣ. Друзья и почитатели рано погибшаго Гаршина издали въ память его два сборника, лучшая часть которыхъ состоитъ изъ біографическихъ и критическихъ статей о покойномъ. Это былъ чисто субъективный писатель и его лучшія произведенія—автобіографическія. Очень многое въ нихъ объясняется его самоубійствомъ, на которое онъ рѣшился, чувствуя, что ему угрожаетъ третій припадокъ сумасшествія. Г. Чехова критикъ упрекаетъ въ томъ, что онъ отъ разсказовъ обратился къ драмѣ «Ивановъ», въ которой нѣтъ ни дѣйствія, ни логичныхъ характеровъ. Два послѣднихъ разсказа г. Короленко также очень слабы. Вотъ и вся русская беллетристика, о которой англійскій журналъ считаетъ нужнымъ упомянуть за цѣлый годъ.

Переходя къ русской філософіи, критикъ находитъ, что для нея прошелъ періодъ позитивизма и эмпиризма, и что наши философы пустились теперь, по слѣдамъ старыхъ славянофиловъ за поискомъ всемірной моральной истины, въ противоположность истинѣ научной, къ которой стремится Западъ.

Любимый предмет изученія молодыхъ философовъ—метафизическая этика съ мистическимъ оттѣнкомъ. На юбилей Шопенгауера въ московскомъ психологическомъ обществѣ шли нескончаемыя пренія о свободѣ воли, но наши философы больше говорятъ о доктринахъ западной философіи, а не изучаютъ ее такъ, какъ славянофилы изучали Шеллинга и Гегеля, и только общаются создать національную русскую философію, остающуюся еще пока—философію будущаго. Да и въ славянофильскомъ ученіи произошелъ въ послѣднее время расколъ. Владиміръ Соловьевъ въ своихъ статьяхъ о національномъ вопросѣ въ Россіи возсталъ противъ теории національной самобытности (exclusiveness), проповѣдуемой Данилевскимъ въ его книгѣ «Россія и Европа», вышедшей нынѣ третьимъ изданіемъ. Послѣдователи новой философской теории справедливо замѣчаютъ, что стремясь къ національному обособленію, Россія можетъ потерять свое всемірное и международное значеніе. Впрочемъ, мысль, что русскому народному идеалу назначено играть руководящую роль въ эволюціи всемірной исторіи—лежатъ въ основаніи всѣхъ славянофильскихъ ученій. Этотъ народный идеалъ заключается въ отысканіи «общественнаго устройства жизни, согласной съ истиною». Это устройство Соловьевъ видитъ не въ политической системѣ, а въ церкви. Но церковь должна быть единою, какъ въ первые вѣка христіанства и потому Россія должна самоотвержено стремиться къ воссоединенію византійскаго православія съ римскимъ католичествомъ. Философъ, не даетъ указаній, какимъ путемъ достигнуть этого единенія, хотя рисуетъ въ своей «исторіи будущей теократіи» братство всѣхъ народовъ подъ ея властью—такими красками, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ мистическія фантазіи Данта и въ XIX вѣкѣ возникаетъ «Civitas Dei» Августина. Критикъ не говоритъ также, что симпатіи г. Соловьева въ этомъ вопросѣ на сторонѣ католичества. Замѣчательный философскій трудъ послѣдняго времени «Логика» г. Троицкаго, «ветерану-ученика англійской школы», какъ его называетъ не совсемъ основательно г. Милуковъ, упоминая еще о трехъ молодыхъ философахъ: Ланге, Введенскомъ и Гиляровѣ, оцѣнка которыхъ, можетъ быть сдѣлана только съ появленіемъ ихъ будущихъ, болѣе серьезныхъ трудовъ.

Между историческими трудами критикъ, на первое мѣсто ставитъ біографію «Перикла» г. Бузескуля, въ которой нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ того, что она лучше книги Шмидта о томъ же предметѣ. Затѣмъ перечисляются: «Письма Герберта» Николая Бубнова, «Англійскій тайный совѣтъ» г. Александренко, имѣющій интересъ для русскихъ, но не для англичанъ, давно знакомыхъ со своими учрежденіями; «Крестьянскій вопросъ» В. И. Семенова и «Освобожденіе крестьянъ» Н. П. Семенова; труды г. Татищева о политикѣ Николая I, «Исторія семилѣтней войны» полковника Масловскаго, біографія Паскевича—кн. Щербатова и Бяратинскаго—Зиссермана; изслѣдованіе г. Платонова о сказаніяхъ смутнаго времени въ Россіи, г. Дружинина о расколѣ на Дону, г. Шмурло о митрополитѣ Евгеніи, Барсукова о Погодинѣ, г. Карѣва о паденіи Польши, г. Первольфа о славянахъ. Въ географическомъ отдѣлѣ первое мѣсто отведено трудамъ Пржевальскаго, измѣнившаго карту Средней Азіи и сообщившаго новыя, точныя свѣдѣнія о сѣверномъ Тибетѣ, странѣ и истокахъ Желтой рѣки, объ озерахъ Лоб-норъ и Кукунорѣ, теченіи Тарима и Голубой рѣки. Г. Васильевъ составилъ описаніе ахалтекинскаго оазиса. Московское общество естествоиспытателей начало издавать «Этнографическое обозрѣніе». Г. Дашковъ издалъ третій томъ

этнографическаго руководства, г. Смирновъ — изслѣдованіе о черемисахъ, г. Кондаковъ и гр. Толстой издали томъ русскихъ древностей, добытыхъ въ греческихъ колоніяхъ Эвксинскаго понта; г. Захарченко — томъ изслѣдованій о Кіевѣ; г. Ровинскій — словарь гравированныхъ русскихъ портретовъ. По исторіи литературы упоминаются труды гг. Сухомлинова, Л. Н. Майкова, Веселовскаго, книга г. Чуйко о Шекспирѣ, «лишенная всякаго достоинства съ научной точки зрѣнія и полная ошибокъ, замѣченныхъ профессоромъ Стороженко». Изъ юристовъ названы гг. Вульфертъ, Суворовъ, Владимірскій-Будановъ, Латкинъ. Изъ политико-экономическихъ и статистическихъ трудовъ не названъ ни одинъ, и упоминается только о какихъ-то правительственныхъ трудахъ по университетскому и среднему образованію въ Россіи.

Таковы сужденія о русской литературѣ, сообщенныя въ англійскомъ журналѣ. Польской литературѣ дано всего два столбца. Рецензентъ Адамъ Бельцовскій начинаетъ съ восхваленія книги г-жи Родзевичъ «Девайтись» — «величайшему успѣху всего года»; хотя авторъ ея начинающей писатель, но онъ привлекъ вниманіе всѣхъ читателей и заслужилъ всеобщую похвалу. Цѣль книги — «чрезвычайно популярная въ настоящемъ положеніи Польши и неоднократно разработывавшаяся въ разныхъ видахъ» — прославленіе привязанности къ родной землѣ. Тою же идеею проникнуто и другое произведеніе того же автора «Грозный дѣдъ». Новелла г-жи Орженко «Хамъ» отличается мастерскими картинами крестьянской жизни и глубокимъ психическимъ анализомъ не совѣмъ естественнаго характера мужика энтузіаста, прощающаго великодушно своей женѣ ея неоднократныя нарушенія супружеской вѣрности. Изъ историческихъ романовъ перечислены: «Veto», А. Краховецкаго изъ смутной эпохи семейныхъ неурядицъ въ XVII вѣкѣ; «При дворѣ короля» — романъ Ровиты, изображающій распутную жизнь короля Болеслава храбраго въ XII вѣкѣ; «Послѣдній громовой ударъ» Воловскаго и «Возвратное движеніе въ исторіи» Рогоша — исторія гусситскаго возстанія, имѣвшаго и въ Польшѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Несмотря на даровитыхъ представителей этого рода литературы, критикъ сознается, что историческій романъ, вообще, не пользуется успѣхомъ между польскими читателями и еще недавно Сенкевичъ защищалъ въ публичной лекціи значеніе этого рода произведеній. Гораздо болѣе читаются рассказы изъ быта крестьянъ и сельской шляхты, какъ очерки Йордана, «Сельская антропология», Юноша, полная оптимизма, и повѣсти Манковскаго, полныя наблюдательности, но и глубокаго пессимизма. Еще болѣе мрачныя картины — у Дыгасинскаго. Знатокъ народнаго быта, Мацеіовскій, въ романѣ «Изъ-за святой земли» ставится выше Зола, въ его романѣ «Земля». Еврей Фельдманъ рисуетъ польскихъ жидовъ въ симпатичномъ видѣ, Сарнецкій — высшее общество, Косякевичъ — буржуазію и средній классъ. Драмы пишутъ Рапацкій и Близинскій; Кашевскій перевелъ Софокла, Пепловскій написалъ исторію львовскаго театра. Изъ поэтическихъ произведеній выдаются «Три легенды стараго времени» Адама Плуга, «Титанъ» и «Аріонъ Коринескій» Краушера. Устарѣлымъ романтизмомъ отзывается поэма Дзедушицкаго «Миѡ миѡвъ». Изъ молодыхъ поэтовъ обѣщаютъ многое — Орловскій и Костровичъ. Изъ историческихъ трудовъ выдаются изысканія Пекосинскаго и Патканскаго о польской шляхтѣ. Трецякъ описалъ хотинскую войну съ турками при Сигизмундѣ III, Горскій — войну со шведами въ ту же эпоху. Валишевскій описалъ сношенія Польши съ Франціей въ XVI вѣкѣ, Крау-

перъ «Чародѣйство при дворѣ Стефана Баторія». Тутъ любопытна особенно характеристика двухъ англійскихъ колдуновъ Джона Ди и Келлея. Интересно изслѣдованіе Зеховскаго «Мессіанисты и славянофилы», гдѣ авторъ изслѣдуетъ важную роль, какую играли адепты мистическихъ ученій въ политическихъ событіяхъ начала нынѣшняго столѣтія. Іодко-Наркевичъ написалъ три тома «Очерковъ духовной и художественной культуры чловѣчества»; Богуславскій—исторію славянъ, іезуитъ Валенскій—исторію польскаго масонства. Учрежденное въ Львовѣ «Историческое общество» и «общество Мицкевича» продолжаютъ издавать ежегодные выпуски своихъ трудовъ.

Очеркъ итальянской литературы составилъ извѣстный писатель Бонги. Онъ беретъ статистическія цифры о печати за прошлый годъ изъ официальныхъ отчетовъ. Въ 1887 году въ Италіи выходило 1,606 періодическихъ изданій, по одному на 18,842 жителя (въ Римѣ приходится даже по одному на 3,904 чловѣка, зато въ Базиликатѣ—на 109,322). Книгъ вышло 11,161, считая переводы и изданія на другихъ языкахъ. Въ этомъ числѣ по исторіи и географіи 606 сочиненій, 352 по исторіи литературы и филологіи, 124 по философіи и теологіи, 200 по изящнымъ искусствамъ, 392 тома поэтическихъ произведеній, 336 — повѣстей, 218 — драмъ, молитвенниковъ и духовныхъ книгъ 1,011, переводовъ 361, больше всего съ французскаго. За прошлый годъ официальная статистика еще не составлена, извѣстно только, что книгъ вышло меньше—на 300 томовъ слишкомъ, по всѣмъ видамъ словесности—кромѣ политики: въ этой области, напротивъ, число сочиненій рѣшительно увеличилось. Болѣе другихъ — разошлась книга стараго писателя де-Амичиса «На океанѣ» (Sull'oceano) описаніе его путешествія на парходѣ изъ Генуи въ Буэнос-Айресь. Наблюдательность и прекрасный слогъ автора давно извѣстны; онъ не льститъ моднымъ направленіямъ, не держится никакой партіи, а проповѣдуетъ здравыя либеральныя идеи. Большимъ успѣхомъ пользовалась также новелла д'Аннунціо: *Il piacere*—этюды болѣзненно-психологическаго чувства, и—*Il romanzo di Paoli*—Родольфа Миндольфи—вѣрныя картины итальянской жизни. Молодая писательница, подъ псевдонимомъ Неэры въ новеллѣ «Наавтра» (*L'indomani*) рассказываетъ исторію одного брака, въ которомъ «завтра» такъ непохоже на то, что обѣщало «сегодня». Изъ извѣстныхъ беллетристовъ издала хорошіе рассказы Сальваторе Фарина, Пеллегрини, Пратези, Вальгаренги и Эдвиге Перси. Стихотвореній вышло больше чѣмъ въ прошломъ году. Направленіе ихъ преимущественно элегическое и обличительное; лучшія пьесы принадлежатъ Рапизарди, Рандони, Белдузо. Кардуччи не далъ ни одного стихотворенія и пишетъ прозой. Явилось много прекрасныхъ переводовъ древнихъ классиковъ. Платона разомъ перевели трое. Данта не перестаютъ комментировать и радикалы и клерикалы, восторгаясь одни его либерализмомъ, другіе его мистицизмомъ. Профессоръ Піетро Преда издалъ «Религіозную и гражданскую идею Данта» (*L'idea religiosa e civile di Dante*), Макри Леоне—жизнь Данта, написанную Боккачіо, но съ дополненіями, примѣчаніями комментаріями. Франчіоши, Бартолини, Джаковіанни написали также этюды о Дантѣ. По поводу открытія памятника Джордано Бруно, такъ огорчившаго папу, вышло много біографій этого философа-еретика. Профессоръ Токко, замѣчательный философъ, издалъ всѣ сочиненія Бруно. Ферреро собралъ письма Викторіи Колонны. Итальянскій посланникъ въ Вѣнѣ, Нигра,

издалъ «Народныя пѣсни Пьемонта». Антоніо Траверса обнаружилъ новые документы о Фосколо и Леопарди. Изъ историческихъ трудовъ выдаются: «Венеція и венеціане» Музати, «Лѣтопись Италіи» Гирона, «Лонгобарды, франки и римская церковь» Тамассіо, «Римскіе тираны и папы въ средніе вѣка» Паволини, біографіи Карманьолы, Карла Альберта, «Освобожденіе Рима въ 1870 году» Рафаэля Кадорна, который самъ принималъ участіе въ этомъ освобожденіи, наконецъ, «Историко-критическіе мемуары объ итальянскомъ возрожденіи»—Франческо Бартолини. Вышло также хотя пристрастное и одностороннее, но прекрасно написанное сочиненіе Манцони, оставшееся неоконченнымъ при его смерти, 16 лѣтъ тому назадъ: «Французская революція 1789 года и итальянская революція 1859 г.». Знаменитый романистъ сравниваетъ эти революціи и въ особенности недоволенъ 1789 годомъ. Онъ осуждаетъ каждую мѣру національнаго собранія и говоритъ, что оно разрушило правительство, тогда какъ было призвано только ввести въ него необходимыя реформы.

Обзоръ испанской литературы Ріаньо начинается съ историческихъ трудовъ, перечисляя новыя изданія «королевской академіи исторіи». Такъ обнаружена лѣтопись, относящаяся къ событіямъ въ Каталоніи въ 20-хъ—60 годахъ XVII столѣтія. Найдено, что авторъ ея былъ кожевникъ (*zurrador de cueros*), Паретцъ, а не оружейникъ (*espadero*), какъ думали сначала. Хроника эта, написанная на каталонскомъ нарѣчьи и переведенная потомъ авторомъ на кастильскій языкъ, чрезвычайно важна для исторіи Испаніи въ продолжительное царствованіе Филиппа IV и для возстанія въ Каталоніи 1640 года, возбужденнаго интригами Франціи. Болѣе современный интересъ имѣютъ «Мои интимные мемуары (*Mis memorias intimes*) генерала Фернандеса де-Кордоба, маркиза Мендигорриа. Они доходятъ до 1868 года, до отреченія королевы Изабеллы, и остались неоконченными за смертью автора, передающаго рассказы не только о политическихъ событіяхъ, но и объ общественной жизни того времени. Такъ у него встрѣчаются характеристики графини Монтихо, Рашели, Тальони, герцогини Мединачели и пр. Филиппе Пикатосте издалъ «Этюдъ величія и паденія Испаніи» (*Estudios sobre la grandeza y decadencia de España*). Большая часть сочиненія посвящена исторіи испанцевъ въ Италіи въ XVI столѣтіи и сравненію политическаго и культурнаго положенія этой страны съ Испаніею. Лучше всего, хотя и пристрастно рассказаны авторомъ побѣды испанскихъ предводителей при Семинаро, Гарильяни, Павіи, гдѣ Пескаро взялъ въ плѣнъ Франциска I, взятіе Рима конетаблемъ Бурбонскимъ и пр. За блестящими царствованіями Карла V и Филиппа II, изображена эпоха паденія при Филиппѣ IV и Карлѣ IV. Издана также исторія возстанія Пизарро въ Перу, вмѣстѣ съ біографіей Педро Гаско, усмирившаго возмущеніе (*Rebelion de Pizarro en el Peru, y vida de d. Pedro Gasco*). Профессоръ Кодера, отправленный въ прошломъ году на сѣверо-африканское побережье съ ученою и археологическою цѣлью, привезъ и частью издалъ много арабскихъ рукописей, относящихся къ исторіи и географіи Испаніи, подъ мусульманскимъ владычествомъ. Тутъ много любопытнаго и новаго о происхожденіи и развитіи кастильскаго королевства въ XI вѣкѣ. Въ Сарагосѣ найдены и изданы легенды, написанныя на испанскомъ языкѣ, но арабскими буквами арагонскимъ мавромъ XV вѣка. Исторію древняго Сагунта нынѣшняго Мурвiedro (отъ *muri veteres*) написалъ Антоніо Чибре, начиная отъ знаменитой

осады и разрушенія города Аннибаломъ, его возобновленія Сципіономъ—до послѣднихъ временъ. — Въ области поэзіи явилось мало замѣчательнаго. Изданы стихотворенія братьевъ Аргенсола, поэтовъ XVI столѣтія, которыми такъ восхищался Сервантесъ въ «Дон-Кихотѣ». Вышелъ также романсеро короля Дон-Хайме—завоевателя. Комедія Мигуеля Эчегарая «Возвышенное въ вульгарномъ» (*Lo sublime en lo vulgar*) не подниметъ драматическаго искусства, упавшаго въ Испаніи. Беллетристика также не въ цвѣтущемъ положеніи: молодые писатели передѣлываютъ больше французскіе романы. Изъ массы незамѣчательныхъ романовъ выдаются только «Торквемада» Переса Гальдоса и «Мирріонъ и Бойна» даровитой Пардо-Базанъ.

— Арвельдъ Анфельтъ въ обзорѣ шведской литературы находитъ, что и сѣверная беллетристика не отличается оригинальностью. Въ послѣднее время въ Швеціи явился только одинъ новый писатель Вернеръ Гейденстамъ, поэтъ, новелистъ и путешественникъ. Первое его произведеніе «Паломничество и странствованія» (*Vallfart och Vandringsar*) возбудило восторгъ критики. Авторъ большой поклонникъ Запада и его культуры, прекрасно описалъ Италію. Въ новеллѣ «Эндиміонъ», гдѣ рассказываются похождения двухъ американцевъ въ Дамаскъ, описанъ также Западъ, хотя и въ аллегорическомъ видѣ. Странбергъ, авторъ замѣчательныхъ рассказовъ изъ жизни на стокгольмскомъ архипелагѣ, черезъ десять лѣтъ вернувшійся въ свое отечество, издалъ въ ровень къ своимъ «Уроженцамъ Гемсё» (*Hemsöborna*) описаніе жизни въ шхерахъ (*Skärkarslif*). Послѣдовательница Эмили Карлэнъ, г-жа Бенедиктсонъ, писавшая подъ псевдонимомъ Альтренъ, скучая жизнью, кончила ее самоубійствомъ, оставивъ посмертный романъ «Мать» (*Modern*), гдѣ, какъ и во всѣхъ ея произведеніяхъ мастерски очерченъ крестьянскій бытъ. Изъ историческихъ романовъ лучшіе: Тролле—изъ жизни Екатерины II, Сильвіи (псевдонимъ)—изъ жизни королевы Девидеріи, жены Карла XIV, Блинка—изъ средневѣковыхъ шведскихъ преданій; изъ современной жизни—Елены Нибломъ «Судьбы женщинъ» (*Qvinnoöden*) и Нордлинга «Женщины» (*Qvinnor*). По смерти Карла Веттергофа изданы его «Вымыслы и картины» (*Dikter och bilder*). Этотъ писатель, эмигрировавшій изъ Финляндіи вслѣдствіе политическихъ убѣжденій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и философомъ-проводникомъ, собиравшимъ вокругъ себя своими поученіями, какъ Сократъ, массы народа на улицахъ Стокгольма. Изъ поэтовъ ветеранъ Сетгербергъ издалъ серію сказокъ, подъ названіемъ «Приключенія калифа» (*Kalifens äfventyr*), а поэтъ-реалистъ Боотъ «Времена викинговъ» (*Vikingatiden*) собраніе легендъ изъ древней скандинавской жизни. Биргеръ Скельдстрёмъ издалъ сборникъ этюдовъ по исторіи литературы и театра, подъ названіемъ «За опущенной занавѣсью» (*Vacom fäldrida*). Реалистическая комедія Стриндберга «Дѣвица Юлія» (*Fröken Julie*) надѣла шума своими смѣлыми сценами.—Упсальскій профессоръ Сведеніусъ, умирая, оставилъ въ рукописи исторію новой шведской конституціи, измененной въ 1866 году, а его преемникъ по кафедрѣ, Алинъ, написалъ исторію соединенія Швеціи съ Норвегіею. Клаэсъ Фареусъ издалъ монографію Торильда, ученаго прошлаго столѣтія, изучавшаго въ Лондонѣ англійскую конституцію, изгнаннаго изъ отечества въ шведскую Померанію, бывшаго профессоромъ, въ Грейфсвальдѣ, раньше Тэна, высказавшаго эстетическія воззрѣнія на литературу, стоявшаго раньше Джонъ Стюарта Милля за равноправность женщинъ. Обширныя біографіи Карла XII составили

два историка капитанъ Бьёрлингъ и профессоръ Карльсонъ. Упсальскій профессоръ Гьертъ, долго жившій въ Россіи, разсказалъ въ популярной формѣ ея исторію отъ Петра I до воцаренія Анны Ивановны, подъ названіемъ «Изъ Москвы въ Петербургъ». Главный предметъ его книги—исторія народа, часто не имѣющая ничего общаго съ біографіею его правителей. Елена Кей написала замѣчательныя «Мысли о реакціи». Елена Фрисъ, докторъ философіи, издаетъ біографіи знаменитыхъ женщинъ. По женскому вопросу издалъ также обширный этюдъ историкъ Эмиль Свенсенъ.

— Въ литературѣ Норвегіи, по словамъ Генрика Легера, преобладаютъ изслѣдованія социальныхъ вопросовъ. Бьёрнсторъ Бьёрсонъ издалъ трактатъ о моногаміи и полигаміи, составленный изъ его публичныхъ лекцій. Арнъ Гарборгъ написалъ этюдъ «Свободный разводъ» (*Fri skilnisse*). Эти же два писателя спорятъ теперь о литературномъ норвежскомъ языкѣ. Въ продолженіе 400 лѣтъ соединенія Норвегіи съ Даніей, языкъ послѣдней страны сдѣлался господствующимъ, а на старинномъ норвежскомъ языкѣ продолжали говорить одни крестьяне, но въ послѣдніе 75 лѣтъ, когда Норвегія отдѣлилась отъ Даніи (въ 1814 году), литературный норвежскій языкъ обратился къ древнимъ образцамъ, заимствовавъ отъ него много словъ и выраженій. Гарборгъ и его послѣдователи требуютъ теперь совершеннаго изгнанія датскаго нарѣчія и созданія народнаго языка. Бьёрсонъ стоитъ за прежній диалектъ, только обогащенный народными оборотами рѣчи. Выдающееся произведеніе послѣдняго времени—драма Ибсена «Дѣва озера» (*Frøen fra havet*), обошедшая всѣ главнѣйшіе театры Скандинавіи, Даніи, Германіи. Пьеса основана на модной болѣзни—гипнотизмѣ. Молодая дѣвушка подчиняется вполне вліянію чужестранца-путешественника и готова отдаться ему, когда онъ внезапно бросаетъ ее и уѣзжаетъ. Она выходитъ вскорѣ замужъ за доктора, но гипнотизеръ возвращается, и она съ ужасомъ видитъ, что его власть надъ ней не исчезла. Она готова бросить для него семью, мужа, родину, но видя, что докторъ предоставляетъ ей полную свободу выбора, не противорѣчитъ ея болѣзненной фантазіи, въ послѣднюю минуту возмущается противъ подчиненія своей воли вліянію незнакомаго и отвергаетъ его. Эта драма съ ея таинственными перипетіями и мистическими впечатлѣніями несценична, но нравится новостью положенія. Романистъ Кьелландъ выступилъ также съ хорошею драмою «Профессоръ», гдѣ выведенъ типъ ученаго, борящагося съ консервативными и ретроградными университетскими возрѣніями. Изъ повѣстей лучшая Іоны Лей «Майса Іонсъ», грустная исторія жизни бѣдной швеи въ столицѣ Норвегіи. Изъ историческихъ книгъ замѣчательны «Сборникъ норвежскихъ легендъ» Оверланда и «Этюды норвежской міеологіи» Софуса Вугге.

— Въ греческой литературѣ, по отзыву Спиридіона Ламброса, преобладаютъ сочиненія по исторіи и исторической географіи. Вышло новое переработанное изданіе «исторіи греческой революціи» Трикуписа, отца перваго министра. По поводу празднованія 25-тилѣтія присоединенія къ Греціи іоническихъ острововъ Хіотисъ, составилъ ихъ исторію, а Романосъ напечаталъ нѣсколько документовъ, относящихся къ положенію острововъ въ XIII и XIV вѣкѣ. Гидроменосъ описалъ «Борьбу семи острововъ за національное соединеніе». Константинъ Сатасъ продолжаетъ выпускать «Неизданные документы по исторіи Греціи въ средніе вѣка», а д-ръ Камбуроглу «Исторію аеяннъ подъ турецкимъ владычествомъ». Миліаракисъ написалъ «о поло-

жені іонійскаго моря въ древней и новѣйшей географіи». Подъ названіемъ «Эротокритъ и его авторъ», Яннарисъ издалъ критическое и филологическое изслѣдованіе объ этой любопытной средневѣковой поэмѣ. Онъ пишетъ, что авторъ поэмы, родомъ съ острова Крита, написалъ ее въ концѣ XV вѣка. Рангабе написалъ «Древности греческаго королевства», а Каруссоъ — «исторію греческой философіи». Академическія награды получили Клеонъ Рангабе за драму «Герцогиня Аѳинская», Антоніадисъ за драму «Скандербегъ», Заносъ за комедію «Выборы димарха» и Паломисъ за «Гимнъ Ми-нервѣ», написанный народнымъ нарѣчіемъ.

— Въ голандской литературѣ, какъ свидѣтельствуеетъ Ван-Кампенъ, процвѣтаетъ, напротивъ, беллетристика. «Киппевееръ» Козинуса—юмористическій рассказъ, выводящій на сцену веселыхъ студентовъ, хлыщей, аристовъ-консерваторовъ, ханжей и пр. Коуперусъ въ повѣсти «Элина Веръ» представляетъ типъ артистки, нервной природы, жертвы преувеличенной фантазіи. Въ рассказѣ Эманта «Дѣвица Лина» выведена такая же натура. Вольтерсъ въ историческомъ романѣ «Луcreція д'Эсте», какъ контрастъ этой страстной природы рисуеетъ типъ задумчивой Элеоноры. Шимменъ въ «Капитанѣ королевской гвардіи» изображаетъ революцію 1688 года и типическій характеръ Вильгельма III. Биванкъ написалъ замѣчательный этюдъ «Поэзія въ жизни XIX вѣка». Тер-Гоувъ довелъ свою «Исторію Амстердама» до временъ герцога Альбы. Миссъ Ван-Лео издала изслѣдованіе о вліяніи печати въ 1795 году.

О литературѣ Португаліи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи и другихъ славянскихъ странъ, англійскій журналъ не говоритъ ничего.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Пребываніе шведскаго короля Карла XII-го въ г. Ромнахъ.

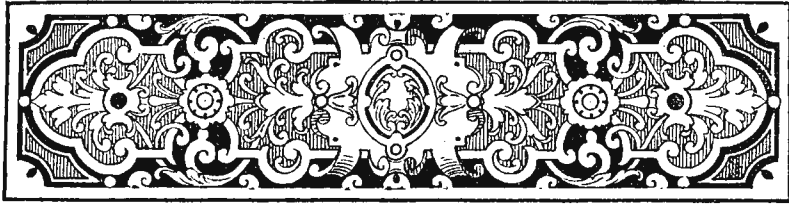
ВЪ 1708 ГОДУ, во время нашествія шведовъ на Россію, король шведскій Карлъ XII-й, 18 ноября, вмѣстѣ съ Мазепой занялъ городъ Ромны (Полтавской губерніи), гдѣ на зимнихъ квартирахъ расположилъ главную часть своего войска. Узнавши о томъ, что русскіе собираются напасть на Гадячь¹⁾ (той же губерніи, въ разстояніи $5\frac{3}{4}$ верстъ отъ г. Ромень), занятый четырьмя шведскими полками, Карлъ XII-й, 16 декабря, послѣдшилъ на помощь своимъ, а въ его отсутствіе русскій генералъ Алартъ, ночью на 18 декабря, овладѣлъ Ромнами. Мазепа за два часа до прихода русскихъ убѣжалъ, изъ Ромень и едва было не попался въ плѣнъ. Хотя послѣ русское войско опять отступило къ Лебедину (Харьковской губ.), но гарнизонъ, находившійся въ Ромнахъ долго сопротивлялся шведамъ. Впрочемъ, Роменская крѣпость не могла держаться долго, она была обнесена палисадами, земляной валъ безъ болверковъ и незначительный ровъ окружали ее. Не взирая на это русскіе, въ холодную зиму обливали валы водою, отвергли предлагаемую имъ капитуляцію и удачно отразили два приступа. По возвращеніи Карла XII изъ Зенькова (Полтавской губ.), шведы вновь атаковали крѣпость и взобрались уже на валъ... но осажденные такъ удачно сбросили непріятеля съ ледяной поверхности укрѣпленій, что при этомъ случаѣ шведы потеряли до 1,200 чело-вѣкъ убитыми и до 2,000 ранеными. Наконецъ, ослабленный гарнизонъ, при истощенныхъ запасахъ, не надѣялся выдержать новаго приступа и 7 января 1709 года сдался на капитуляцію.

¹⁾ См. о немъ мою статью въ «Кіевской Старинѣ» за 1885 годъ, мѣс. мартъ стр. 578—580.

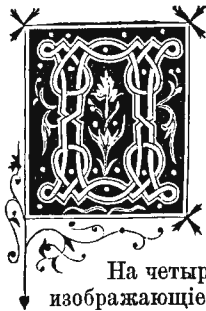
Домъ, въ которомъ въ то время квартировалъ Карлъ XII въ Ромнахъ теперь уже не существуетъ. Въ то время онъ принадлежалъ помѣщику Михальскому и находился внутри крѣпости, въ небольшомъ переулкѣ, носившемъ впоследствии названіе Королевской улицы, выходящимъ нынѣ на Большую Роменскую и Духовскую улицы. Въ началѣ XIX столѣтія онъ принадлежалъ помѣщику Тимоею Нѣжинцеву, затѣмъ достался сыну его Ѳедору, отставному подпоручику, который совершенно перестроилъ его въ 1850 годахъ. Послѣ смерти послѣдняго (4 апрѣля 1865 г.) владѣла имъ жена его Аполлинарія Лаврентьевна, а потомъ продала его отставному поручику Андрею Ивановичу Соломахѣ. Соломаха, въ свою очередь, продалъ его въ 1881 году мѣщанину Нохиму Симхову Сатановскому, которому домъ этотъ принадлежитъ и по настоящее время. Домъ этотъ небольшой, деревянный, бывшій въ 1708 г. подъ соломенной крышей съ плетневою завалиной, заключалъ въ себѣ пять комнатъ и сѣни. Расположеніе въ немъ квартиры шведскаго короля, по преданію, было слѣдующее: изъ сѣней направо была его канцелярія, налево — залъ, прямо — прихожая, изъ прихожей направо — кабинетъ, налево — гостиная.

Сообщено В. Е. Бучневичемъ.

С М Ъ С Ъ.

ТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА Александру II въ Самарѣ. 30-го августа въ Самарѣ состоялось торжество открытія памятника императору Александру II. Памятникъ, воздвигнутый въ центрѣ города на такъ называемой Алексѣевской площади, составляетъ одно изъ выдающихся сооружений Самары и отличается красивымъ и величественнымъ видомъ. Покойный государь изображенъ во весь ростъ; онъ стоитъ лицомъ къ Волгѣ. Одѣтый въ фуражку и въ шинель въ накидку, онъ лѣвой рукой придерживаетъ саблю. На четырехъ углахъ пьедестала размѣщены аллегорическія фигуры, изображающіе освобожденіе крестьянъ, покореніе Кавказа, освобожденіе славянскихъ племенъ и завоеванія въ Средней Азіи; кругомъ памятника соответствующія надписи. На лицевой сторонѣ, подъ императорскою короной, на порфирѣ, помѣщенъ щитъ съ надписью: «Александру II, Царю-Освободителю, 1889 г.». Памятникъ украшенъ гербомъ города Самары и имѣетъ, между прочимъ, ту особенность, что съ четырехъ сторонъ его бьютъ фонтанъ, разливающійся каскадомъ. Памятникъ сооруженъ по мысли гласнаго самарской думы г. Ященко и по проекту академика В. О. Шервуда—на пожертвованія жителей города Самары, Самарскаго края и на средства мѣстнаго городского общественнаго управления. Закладка памятника совершена лѣтомъ прошедшаго года, а въ концѣ іюля текущаго года памятникъ былъ почти совершенно готовъ. 30-го августа Самара съ утра приняла праздничный видъ, принарядилась и расцвѣтилась флагами; не только самый городъ, но и вся набережная съ парходными пристанями и стоящими у берега судами—представляла живописное зрѣлище. По окончаніи богослуженія въ городскомъ кафедральномъ соборѣ крестный ходъ съ иконами и хоругвями послѣдовалъ на мѣсто торжества—на Алексѣевскую площадь; во главѣ духовной процессіи находился Серафимъ, епископъ самарскій и ставропольскій. Здѣсь на площади было совершено молебствіе, а затѣмъ послѣдовало провозглашеніе вѣчной памяти покойному государю; въ это время завѣса, скры-

вавшая памятникъ, упала и толпы зрителей увидѣли величественный монументъ. Къ подножію памятника была возложена цѣлая масса вѣнковъ: тутъ были вѣнки отъ приходскихъ училищъ, отъ пріютовъ, школы, гимназій, отъ мѣстныхъ обществъ, корпорацій и разныхъ учреждений, также отъ земствъ: новоузенскаго, николаевскаго, бузулукскаго, бугурусланскаго, бугульминскаго, ставропольскаго и самарскаго. Были также вѣнки отъ самарскаго дворянства и отъ крестьянъ Самарской губерніи. Вслѣдъ за открытіемъ памятника присутствовавшіе на торжествѣ приняли участіе въ завтракѣ. Стеченіе народа при открытіи памятника было до такой степени велико, что крыши сосѣднихъ домовъ, прилегающихъ къ площади, были усѣяны человѣческими фигурами. Даже спустя нѣсколько часовъ по окончаніи торжества массы народа все еще толпились вокругъ монумента и Алексѣевская площадь сохраняла людной и оживленный видъ. Памятникъ покойнаго императора особенно высоко почитается въ Самарѣ, такъ какъ именно въ періодъ его 26-лѣтняго царствованія Самара сдѣлала большіе успѣхи и разрослась до нынѣшнихъ размѣровъ. Многія учрежденія и зданія, появившіяся въ теченіе этихъ 26 лѣтъ, посвящены имени Александра II. Таковы новый самарскій соборъ съ придѣломъ во имя Александра Невскаго, городская Александровская бібліотека, ремесленное училище и проч.

Открытіе памятника Лермонтову. 16-го августа Пятигорскъ принялъ праздничный видъ. Съ утра народъ въ нарядныхъ костюмахъ сталъ собираться къ собору и скверу, гдѣ сооруженъ памятникъ. Открытіе памятника состоялось по программѣ, заранее объявленной въ Пятигорскѣ для общаго свѣдѣнія. По окончаніи въ соборѣ заупокойной литургіи и панихиды, всѣ присутствовавшіе въ храмѣ, съ начальникомъ Терской области во главѣ, направились къ памятнику. Къ процессіи присоединились прибывшія депутаціи отъ войскъ, учреждений и обществъ съ вѣнками. По прибытіи къ памятнику хоръ музыки Тенгинскаго полка исполнилъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Послѣ этого генералъ Смѣкаловъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ исторію сооруженія памятника. Вслѣдъ затѣмъ покрывало съ памятника пало и всѣ воспитанники пятигорскихъ учебныхъ заведеній запѣли народный гимнъ. По открытіи памятника, инспекторъ пятигорской прогимназій Л. Г. Лопатинскій произнесъ рѣчь о Лермонтовѣ и возложилъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ кавказскаго учебнаго округа. Полковой командиръ Тенгинскаго полка, въ рядахъ котораго служилъ Лермонтовъ, возложилъ серебряный довольно цѣнный вѣнокъ, и хоръ музыки Тенгинскаго полка заигралъ маршъ Лермонтова; представитель одесскаго учебнаго округа Боровскій возложилъ изящный металлическій вѣнокъ съ серебряною лирою и произнесъ рѣчь о поэтической дѣятельности Лермонтова. Пятигорское общественное собраніе возложило изящный серебряный вѣнокъ; затѣмъ возложены вѣнки отъ города Владикавказа, отъ осетинскаго юношества, отъ дирекціи народныхъ училищъ Терской области, отъ владикавказскаго реальнаго училища, отъ пятигорской прогимназій и отъ редакціи «Сѣвернаго Кавказа». Возложеніе вѣнковъ сопровождалось краткими рѣчами и восторженнымъ «ура»: по окончаніи возложенія вѣнковъ войска прошли церемониальнымъ маршемъ. Въ семь часовъ вечера было устроено на бульварахъ гулянье. Толпа гуляющихъ въ 10 тысячъ человекъ наполняла оба бульвара и, несмотря на такую массу народа, порядокъ не былъ нарушенъ. Вечеромъ городъ былъ великолепно иллюминированъ и въ 8 часовъ вечера на Горячей горѣ сожженъ фейерверкъ. Такой иллюминаціи и роскошнаго фейерверка Пятигорскъ не не запомнить. Вечеромъ того же дня въ залѣ пятигорскаго общественнаго собранія былъ устроенъ танцевальный вечеръ, отличавшійся многолюдствомъ и оживленностью. Такъ законченъ знаменательный для Пятигорска день открытія памятника незабвенному М. Ю. Лермонтову. Въ этотъ же день былъ въ гостинницѣ поминальный обѣдъ на 180 персонъ. Этотъ поминаль-

ный пиръ (тризна) замѣчательнѣ тѣмъ, что среди гостей находился настоятель пятигорскаго собора, современникъ событія 15-го іюля 1841 г. (когда Лермонтовъ былъ убитъ). По желанію многихъ, о. Эростовъ разсказалъ, какъ ему предписано было консисторіей не совершать «надъ самоубійцей», поручикомъ Лермонтовымъ, погребальнаго христіанскаго обряда, а закопать въ мѣшкѣ трупъ внѣ ограды церковной. Но времена измѣняются, и тотъ же священникъ совершаетъ теперь торжественную панихиду о душѣ боярина Михаила. Тысячи народа окружаютъ мавзолей великому поэту. Трубы оркестра Тенгинскаго полка, гдѣ числился Лермонтовъ, нарочно прибывшаго на праздникъ своего знаменитаго офицера, гремятъ хвалу павшему подъ пулюю вблизи Перкальской скалы, около горы Машука. Профессоръ Е. В. Павловъ на обѣдѣ сказалъ нѣсколько словъ экспромтомъ и въ короткихъ словахъ лучше, нежели присяжные ораторы, выразилъ сущность торжества. «Праздникъ 16-го августа 1889 г. въ Пятигорскѣ, — сказалъ г. Павловъ, — есть торжество правды, торжество идеала истины, добра и красоты... Скоро ли, долго ли, но правда восторжествуетъ. Это мы видѣли сегодня, — въ открытіи памятника Лермонтову». Исторія сооружеія памятника весьма любопытна. Въ 1871 году, 23-го іюля разрѣшена повсемѣстная въ имперіи подписка для сбора добровольныхъ приношеній на сооружеіе въ Пятигорскѣ памятника М. Ю. Лермонтову. 30-го сентября 1875 года, образованъ во Владикавказѣ особый комитетъ по сооружеію этого памятника подѣ предсѣдательствомъ начальника области. На обязанность комитета было возложено: попеченіе объ увеличеніи предназначеннаго на сооружеіе памятника фонда, посредствомъ повсемѣстнаго въ имперіи сбора пожертвованій, и въ изысканіи наиболѣе практическихъ способовъ осуществленія мысли о предположенномъ сооружеіи. Комитетъ, придя къ убѣжденію, что для того, чтобы подписка на сборъ добровольныхъ приношеній для сооружеія памятника славному русскому поэту могла проникнуть во всѣ слои русскаго общества, необходимо войти въ непосредственныя сношенія съ лицами, стоящими во главѣ отдѣловъ администраціи или разныхъ обществъ и учреждений, обратился съ письменными заявленіями къ губернаторамъ и начальникамъ областей, а впослѣдствіи и къ попечителямъ учебныхъ округовъ о распространеніи подписки на сборъ пожертвованій: первыми — въ населеніи, а послѣдними — въ средѣ учащихъ и учащихся, приглашая, въ силу предоставленнаго комитету права принимать отъ жертвователей денежные приношенія. Съ 1881 г. поступленія на сооружеіе памятника начали возрастать и въ послѣдующее время приливъ ихъ былъ на столько обиленъ, что сборы превзошли ожиданія комитета, задавашагося сначала мыслию поставить поэту скромный памятникъ въ небольшомъ городкѣ и дали комитету возможность приступить къ сооружеію болѣе величественнаго памятника, избравъ для этого мѣсто въ лучшей центральной части Пятигорска, противъ соборной площади, съ устройствомъ вокругъ него сквера, размѣромъ около полудесятины. Всѣхъ пожертвованій съ разныхъ концовъ имперіи поступило 40,394 р. 77 к.; къ нимъ причислены проценты съ капитала — по купонамъ отъ государственныхъ процентныхъ бумагъ и продажи процентныхъ бумагъ; такимъ образомъ, капиталъ на сооружеіе памятника, опредѣляется цифрою 54,409 руб. 46 коп. Изъ него израсходовано на премію по составленію эскиза и проекта памятника 1701 р. 25 коп.; на планированіе мѣстности подѣ памятникъ, съ устройствомъ подпорной стѣны и сквера, со всѣми постройками въ немъ, въ томъ числѣ и Лермонтовскаго грота 25,324 руб. 23 коп.; стоимость исполненной академикомъ-художникомъ Опекушинымъ по его проекту колоссальной бронзовой статуи М. Ю. Лермонтова, отлитой въ Петербургѣ на бронзовой фабрикѣ Морана — 14,179 руб. 20 коп.; стоимость скалы (пѣдестала) изъ крымскаго гранита съ установкою — 6,023 руб. 82 коп., а всего, вмѣстѣ со всѣми другими расходами, израсходовано 40,093 р. 41 к.; слѣдо-

вательно, остатокъ составляетъ 5,305 руб. 5 коп. Этотъ остатокъ предполагается употребить на возведеніе въ цѣвтникѣ сквера легкой бесѣдки или павильона для читальни, на постановку каменной колоколни на мѣстѣ дуэли поэта, и нѣкоторую часть выдѣлить въ распоряженіе начальника Николаевского кавалерійскаго училища на расходы по покрытію бронзою выгнѣпленной академикомъ Опекушинымъ гипсовой статуи поэта, послужившей моделью для отливки бронзовой и постановки ея въ саду названнаго училища, гдѣ великій поэтъ получилъ образованіе, и при которомъ имѣется уже Лермонтовскій музей.

Столѣтіе Владимірскаго собора. Въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, когда невская столица только начала отстраиваться, на берегу Невки, по указу Петра I, была выстроена небольшая деревянная церковь. Ея построеніе относятъ къ 1712 г. Церковь была освящена въ честь Успенія Богородицы. Въ это время при ней были устроены маленькіе придѣлы во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Въ царствованіе Елисаветы, въ 1740 г. было рѣшено построить рядомъ съ деревянною церковью другою, каменную, во имя князя Владиміра, но только въ царствованіе Екатерины II встрѣчается новое указаніе о каменной церкви. Въ 1766 г. постройка ея была поручена архитектору Рональди, а наблюденіе за постройкой принялъ митрополитъ Гавріиль. 12-го іюня 1772 г. деревянная церковь въ честь Успенія Богородицы сгорѣла, а строящійся каменный храмъ былъ поврежденъ, но тѣмъ не менѣе 8-го сентября того же года былъ освященъ временно устроенный придѣлъ въ честь Успенія Богородицы, а въ 1789 г., т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ, освященъ главный придѣлъ во имя князя Владиміра. Къ этому же времени относится и распоряженіе, чтобы всѣ кавалеры ордена св. Владиміра, 22-го сентября въ свой орденскій праздникъ, сходились на литургію въ этотъ соборъ, въ противномъ случаѣ они подвергались штрафу. Такимъ образомъ, въ текущемъ году исполнилось ровно столѣтіе со дня освященія Князь-Владимірскаго собора. Празднованіе этого событія—1-го октября. Къ этому времени соборъ вполнѣ отремонтируется. На работы ассигновано изъ капитула орденовъ 5,000 руб.

Археологическія раскопки въ Херсонесѣ. Археологическая коммисія въ послѣднее время обратила особенное вниманіе на раскопки въ Херсонесѣ. Плодомъ ихъ явилось много памятниковъ древней классической и христіанской цивилизаціи. Въ нынѣшнемъ году особенно поспѣшливись на счетъ христіанскихъ древностей. Раскопки ведутся подъ присмотромъ, добросовѣстнаго спеціалиста, такъ какъ онъ уже тридцать лѣтъ ведетъ раскопки въ Керчи. Вновь открыты развалины небольшого храма, который, повидимому былъ очень изящной постройки (теперь близъ алтаря этого храма невозможно пройти, невѣжественные рабочіе и прислуга создали положеніе, способное вызвать негодованіе самого не брезгливаго челоуѣка). Въ настоящее время еще открыты развалины двухъ храмовъ,—одного громаднаго, а другого необыкновенно-богатаго такими памятниками, которые возводятъ его постройку ко времени процвѣтанія христіанскаго искусства. Послѣдній храмъ представляетъ собственно слѣды постройки двухъ архитектурныхъ эпохъ. Первоначально это былъ богатый храмъ, на что указываютъ прекрасныя мраморныя колонны съ капителями, приближающимися къ коринтскому стилю; въ особенности изящна одна капитель, украшенная бараньими головками и фигурами птицъ; полъ выложенъ мозаикой, представляющей довольно сложный рисунокъ разноцвѣтныхъ переплетающихся круговъ, бордюръ же представляетъ выходящійся виноградъ. Подлѣ храма хорошо сохранилась обширная усыпальница. Раскопка обнаружила, что этотъ храмъ былъ разрушенъ и въслѣдствіи его грубо перестроили и значительно изуродовали: размѣры его уменьшены, колонны и пазы пошли въ фундаментъ и стѣны, капителями вымощенъ полъ въ алтарѣ. Но и въ такомъ видѣ

храмъ представляетъ замѣчательный археологическій памятникъ. Кромѣ того, найдена большая золотая византійская монета, очень рѣдкая; на одной сторонѣ лицо императрицы Θεодоры, а на другой дѣтой ея: Михаила и Θεоды. Археологическая стоимость монеты, по Сабатье, равняется 800 франкамъ. Изъ находокъ обращаютъ вниманіе мраморный торсъ небольшой статуи и грузила съ вытѣсненной фигуркой и греческой надписью.

Находки въ Екатеринославской губерніи. Членъ археологическаго Общества въ Петербургѣ и членъ-корреспондентъ археологическаго Общества въ Москвѣ, Д. И. Эварницкій производилъ обширныя раскопки кургановъ, по-надъ лѣвнымъ берегомъ рѣки Орели, въ 60 верстахъ отъ Дибъпра, въ мѣстечкѣ Котовкѣ, Екатеринославской губерніи, Новомосковского уѣзда, имѣннiи гофмейстера Г. П. Алексѣева. На первый разъ были взяты курганъ 95 сажень кругомъ и 20 сажень черезъ вершину. Послѣ упорнаго труда въ теченіе недѣли при 60 человекѣ рабочихъ и 14 паръ воловъ для вытаскиванія земли, раскопка кургана привела къ слѣдующимъ результатамъ. Въ первомъ слои кургана найденъ деревянный столбъ, возлѣ столба положены двѣ конскія головы: одна у самаго столба бокомъ, другая поодолъ зубами внизъ, лбомъ вверхъ: между головами лошадей зарыта голова человѣка безъ туловища, очевидно, конюха или раба, и тутъ же небольшая, но довольно изящная бронзовая пряжка съ оригинальною насѣчкою; далѣе, на три слоя ниже найденъ скелетъ человѣка и при немъ глиняный горшокъ самаго примитивнаго издѣлія.

Древнія типографіи въ Волинѣ. Мѣстныя Вѣдомости сообщаютъ интересныя свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи книгопечатанія на Волинѣ. Изъ десяти существовавшихъ въ предѣлахъ древней Волиннi типографій, древнѣе, по времени основанія — типографія Львовская, основанная въ 1573 г., затѣмъ Острожская въ 1580 г., Почаевская въ 1597 г., Дерманская въ 1604 и въ томъ же году Стратинская, Крилосская въ 1606 г., Рохмановская въ 1618 г., Черничка въ 1629 г., Кременецкая въ 1633 и Луцкая въ 1635 г. Типографія Львовская была устроена, по указаніямъ и пожеланіямъ князя Курбскаго, бѣглецами изъ Москвы—діакономъ Иваномъ Феодоровымъ и его товарищемъ Игнатіемъ при Успенскомъ Львовскомъ храмѣ и ставропигіальномъ его братствѣ. Типографія эта существуетъ (въ Галиціи) и понынѣ, но, со времени перехода въ унию названнаго братства, въ ней и до настоящаго времени печатаются униатскія книги. Основаніе Острожской типографіи принадлежить передовымъ ревнителямъ распространенія печатныхъ книгъ, необходимыхъ для того времени, князю Курбскому и князю Константину Острожскому. Послѣдній, учредивъ (около 1570 г.), по совѣту друга своего—князя Курбскаго, въ своемъ стольномъ градѣ—Острогѣ училище, носившее потомъ имя академіи, завелъ въ 1580 году при ней и типографію. Для этой типографіи онъ вызвалъ изъ Львова Феодорова и Мстиславцева. О времени существованія этой типографіи извѣстно до 1612 года. Типографія Почаевская устроена была еще 1597 г. Анною Гойской, но дѣйствовать начала съ 1618 г. Со времени же перехода иноковъ въ унию, типографія прекратила свои дѣйствія и хотя около 1784 г. возобновила печатное дѣло, но снова была закрыта, потому что изъ нея стали выходить старообрядческія книги. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія послѣдовало разрѣшеніе ея дѣйствій, и въ ней до 1831 г., т. е. до времени присоединенія обители къ православію, печатались испорченныя униатами богослужебныя книги. Типографія Дерманская, устроенная княземъ Константиномъ Острожскимъ въ 20-ти верстахъ отъ города Острога, въ Дерманскомъ монастырѣ, гдѣ былъ загородный дворецъ князей Острожскихъ, существовала не болѣе четырехъ лѣтъ. Стратинская типографія устроена была въ имѣннiи львовскаго епископа Гедеона Балабана — небольшомъ мѣстечкѣ Стратинѣ (нынѣ въ австрійскихъ предѣлахъ) и существовала до 1619 г., въ которомъ архимандритомъ Елисеемъ

Плетецкимъ была куплена для устройства Кіево-Печерской типографіи. Тѣмъ же Гедеономъ была устроена еще другая типографія въ селѣ Крылосѣ, при находившейся тамъ обители, но перешла ли она со Стратинской типографіей въ Кіевъ, или слилась со Львовской, объ этомъ изъ письменныхъ источниковъ не видно. Рохмановская типографія находилась въ поселеніи Рохмановѣ (на разстояніи двухъ верстъ отъ стольнаго града, нѣкогда Шумска), нынѣ незначительномъ мѣстечкѣ Кременецкаго уѣзда. Она существовала не дальше 1630 г. Черницкая типографія существовала при Спаскомъ, въ полуверстѣ отъ города Луцка, монастырѣ, на Черницахъ, а въ 1635 г. поступила въ собственность Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства. Кременецкая типографія учреждена была при Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, бывшемъ на мѣстѣ, гдѣ теперь уѣздное духовное училище. Основаніе ея относится къ тому времени, когда, съ благословенія митрополита Петра Могилы и разрѣшенія короля Владислава IV, волынскіе обитатели — Данилъ Малинскій и Лаврентій Древинскій основали въ Кременцѣ Богоявленскій монастырь и при немъ—богачку, школу и типографію. Эта типографія уничтожилась во второй половинѣ XVII столѣтія. Луцкая типографія находилась въ гор. Луцкѣ при Крестовоздвиженскомъ храмѣ луцкаго братства. Игуменъ Черницкаго монастыря Сильвестръ завѣщаль ея луцкому братству, уничтожилась она къ 1712 г., когда съ изгнаніемъ изъ Луцка послѣдняго православнаго епископа пало и луцкое братство. Изъ этихъ типографій, за ихъ существованіе, обнимающее (кромѣ тѣхъ, которыя существуютъ и понынѣ) въ сложности болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ времени, вышло не мало книгъ церковнаго, богослужебнаго, учебнаго и религіозно-полемическаго содержанія. Первою печатною на Волыни книгою явился «Апостоль», напечатанный во львовской типографіи и изданный Курбскимъ. «А начася сія книга друковати... въ богоспасаемомъ градѣ Львовѣ... въ лѣто 1573»—сказано въ предисловіи Курбскаго къ этому изданію. «Славяно-греческая грамматика» 1588 г. «Грамматика доброглаголиваго влдино-славянскаго языка... Къ наказанію многоименитому російскому роду сложенная отъ различныхъ грамматикъ спудеями иже во львовской школѣ» 1591 г. «Зерцало Богословія Кирилла Транквилиана» 1618 г. (экземпляръ этой книги, напечатанной въ Почаевской типографіи, какъ библиографическая рѣдкость, хранится и донынѣ въ монастырскомъ архивѣ); въ острожской типографіи были напечатаны въ самомъ началѣ ея дѣятельности: а) «Псалтирь», б) «Новый Завѣтъ», в) «Библия», первымъ изданіемъ въ 1580 и вторымъ въ 1581 гг., и г) «Хронологія». Затѣмъ послѣ нѣкотораго промежутка времени, въ которое типографія неизвѣстно почему бездѣйствовала, были напечатаны, между прочимъ, «переводъ Курбскаго книги Василія Великаго о постничествѣ и его же переводъ книги Іоанна Златоустаго—«Маргаритъ»; «Апокривисъ», альбо отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ»; «Опись, сирѣчь описаніе разности восточной церкви съ западной»; сочиненіе острожскаго пресвитера Василія—объ исхожденіи св. Духа отъ единаго Отца, объ опрѣснокахъ, субботнемъ постѣ, литургіи Великаго поста, безженствѣ римскихъ священниковъ, чистилищѣ, порядкѣ праздниковъ по древнему календарю, святыхъ храмахъ и почитаніи св. иконъ. Не указываемъ на прочія изданія, вышедшія изъ острожской типографіи, это заняло бы много мѣста; коснемся вскользь лишь знаменитой Острожской библии. По словамъ автора «Писемъ о князяхъ Острожскихъ», Константинъ Острожскій, желая напечатать славянскую библию, перевода св. Кирилла и Меодія, разослалъ, какъ видно изъ другихъ лѣтописцевъ, пословъ въ монастыри греческіе, болгарскіе, сербскіе, на островъ Кандію и къ константинопольскому патриарху Іереміѣ II съ просьбой—прислать вѣрные списки книгъ и способныхъ людей. Не найдя, по словамъ «Писемъ», желаемаго перевода, Острожскій отнесся Ивану Васильевичу Грозному, и

получилъ отъ него переводъ, но по сличеніи, однакожь, вѣхъ списковъ, въ нихъ найдены были не только «разнствія», но и «развращенія», такъ что по общему совѣту сотрудниковъ, принуждены были, для исправленія текста библіи, принять за норму и въ руководство переводъ 72 толковниковъ.

† въ своемъ имѣніи Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, на 61-мъ году одинъ изъ выдающихся русскихъ дѣятелей, академикъ и сенаторъ **Владимиръ Павловичъ Безобразовъ**. Покойный происходилъ изъ дворянъ и родился въ городѣ Владимирѣ. Образованіе получилъ въ Александровскомъ лицѣѣ, который окончилъ въ 1847 г. съ серебряною медалью. Онъ началъ служебную карьеру въ Государственной канцеляріи, гдѣ прослужилъ до 1849 г., затѣмъ перешелъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ; въ 1850 г. состоялъ секретаремъ при директорѣ этого департамента и занимался дѣломъ о введеніи въ привилегированныхъ губерніяхъ акцизнаго сбора съ хлѣбнаго вина, съ 1851 г. былъ дѣлопроизводителемъ совѣщательнаго присутствія изъ четырехъ министровъ по земскимъ повинностямъ, участвовалъ въ комисіи по питейному откузу; съ 1855 г. перешелъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ. Тотчасъ же по окончаніи лица, В. П. Безобразовъ удѣлялъ много времени ученымъ занятіямъ по государственнымъ наукамъ и въ особенности политической экономіи и статистикѣ, разработкою разныхъ вопросовъ о русскихъ финансахъ. Въ 1852 г. разработалъ по официальнымъ источникамъ народную перепись 1851 г. и представилъ Географическому Обществу записку о статистическихъ результатахъ движенія народонаселенія по этой переписки сравнительно съ предыдущими. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ академикомъ Кенпеномъ, составилъ записку о системѣ производства нашихъ народныхъ переписей и о необходимыхъ въ ней улучшеніяхъ, которою воспользовалось министерство внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ народонаселенія. Въ 1854 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» появилось первое сочиненіе Безобразова «Теорія государственнаго налога» и съ этого времени литературная дѣятельность его не прерывалась до самой смерти. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была помѣщена его статья подъ заглавіемъ «О физиологіи общества», обратившая на себя вниманіе. Въ 1860 г. онъ былъ назначенъ въ комисію при министерствѣ финансовъ, обсуждавшую вопросъ о земскихъ банкахъ и объ улучшеніи системы податей и пошлинъ. Въ 1861 г. былъ оберъ-провіантъ-мейстеромъ Петербургской и Псковской губерній. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ проводилъ въ командировкахъ. Результатомъ его поѣздокъ были печатные труды въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Экономическомъ указателѣ». Въ 1860 г. былъ выпущенъ отдѣльный трудъ подъ заглавіемъ «Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ», затѣмъ сочиненіе «О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи въ связи съ промышленностью, торговлею и кредитомъ». Въ 1864 г. В. П. былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ; въ 1867 г. избранъ экстраординарнымъ членомъ Академіи по III отдѣленію; въ 1869 г. опредѣленъ въ Александровскій лицей ординарнымъ профессоромъ политической экономіи. Въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ онъ преподавалъ политическую экономію и финансовое право великимъ князьямъ Алексѣю Александровичу, Сергѣю Александровичу, Константину Константиновичу и Павлу Александровичу. Онъ занимался и политикой писалъ политическія статьи въ «Голосѣ», въ «Нови» и др. Нынѣшнимъ лѣтомъ Безобразовъ въ Петербургѣ чувствовалъ себя прекрасно. Затѣмъ уѣхалъ въ свое имѣніе Московской губерніи. Тамъ ему сдѣлали операцію — вырѣзали наростъ на ногѣ, но операція вышла не удачная; на ногѣ открылась гангрена. Послѣ покойнаго остались два сына и двѣ дочери.

† 5-го іюля, скоропостижно корпусный врачъ 1-го армейскаго корпуса докторъ медицины, **Александръ Васильевичъ Васильевъ**. Онъ былъ изъ числа

образованныхъ военныхъ врачей, не забрасывающихъ послѣ студенческой скамьи науки и слѣдящихъ за послѣдними ея успѣхами. Сынъ новгородскаго крестьянина, Васильевъ воспитывался сперва въ гимназіи, потомъ въ Петербургской Медико-хирургической Академіи. Пробывъ въ Академіи съ 1849 г. по 1854 г., Васильевъ окончилъ ея курсъ со степенью лекаря и съ награжденіемъ серебряною медалью; тотчасъ послѣ окончанія академическаго курса былъ назначенъ младшимъ врачомъ въ Гренадерскій полкъ, гдѣ пробылъ до 1856 года, когда былъ откомандированъ къ штабу гвардейскаго корпуса; черезъ годъ его перевели врачомъ въ 2-ю артиллерійскую бригаду. Въ 1870 г. Васильевъ прикомандировался къ Военно-Медицинской Академіи, выдержалъ экзаменъ на доктора медицины и въ 1871 г. защитилъ докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: «О вліяніи чая на количественный и качественный составъ молока». Послѣ полученія докторской степени Васильевъ служилъ старшимъ врачомъ въ Семеновскомъ, а потомъ въ Гренадерскомъ полку; на послѣднемъ своемъ посту Васильевъ сзумѣлъ знаніемъ военно-санитарнаго дѣла пріобрѣсти уваженіе всѣхъ петербургскихъ врачей. Изъ его рефератовъ и статей по разнымъ отраслямъ мидицины важнѣе послѣдній «Объ употребленіи спиртныхъ напитковъ», написанный, понятно, для каждаго, и не врача. Скончался Васильевъ 57 лѣтъ.

† въ Петербургѣ Николай Ивановичъ Анненковъ. Онъ родился въ 1819 г., въ Псковской губерніи, воспитывался въ первой московской гимназіи и въ Московскомъ университетѣ, который и окончилъ въ 1843 г. кандидатомъ естественныхъ наукъ философскаго факультета. Въ томъ же году Н. И. опредѣленъ старшимъ учителемъ географіи въ третью московскую гимназію. Изъ ученыхъ трудовъ покойнаго выдаются слѣдующіе: 1) «Flora Mosquensis» — первое въ Россіи изданіе гербарія; 2) «Observations sur les plantes indigènes des environs de Moscou faites pendant les années 1844, 1845, 1846, 1848 et 1849» — въ «Bulletin» московскаго общества испытателей природы 1851 г.; 3) «Простонародныя названія русскихъ растений — замѣчательная книжка, появившаяся въ 1858 году; 4) «Ботаническій словарь» или собраніе названій какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растений на языкахъ: латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и друг.; 5) «Руководство къ лѣсоводству». Анненковъ былъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

† генералъ-маіоръ Владиміръ Алексѣевичъ Полторацкій, одинъ изъ участниковъ войны на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и Болгаріи. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи и родился 16-го сентября 1828 г. По окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ въ 1846 г. опредѣленъ въ егерскій генералъ-адъютанта Воронцова полкъ, въ которомъ и пробылъ до 15-го ноября 1854 г., когда раны вынудили его покинуть Кавказъ. Владиміръ Алексѣевичъ участвовалъ не менѣе 200 разъ въ дѣлахъ и боевая служба его на Кавказѣ закончилась знаменитымъ въ исторіи кавказской войны сраженіемъ при Чолокѣ, 4-го іюня 1854 г., когда отрядъ изъ 9 тысячъ пѣхоты и кавалеріи, при 18 орудіяхъ, подъ начальствомъ кн. Андронникова, разбилъ 34 тыс. турецкій отрядъ и взялъ 33 орудія, 36 знаменъ и значковъ и весь лагерь. Въ этомъ сраженіи покойный прострѣленъ на вылетъ тремя пулями — въ животъ, лѣвую руку и правую ногу. За свои подвиги на Кавказѣ Владиміръ Алексѣевичъ получилъ чины и Георгія 4-й степени (за чолокское сраженіе). Въ отставкѣ съ 1862 г., два трехлѣтія служилъ предводителемъ дворянства. Въ 1869 г. вновь опредѣленъ на службу съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа. Въ 1874 г. назначенъ командиромъ вновь формирующагося крымскаго эскадрона. Въ 1877 г., командуя уланскимъ Чугуевскимъ полкомъ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ за Дунаемъ. Въ 1882 г. уволенъ, за болѣзнію, отъ службы. Покойный оставилъ сыну единственное наслѣдство —

честное имя и дневникъ. Дневникъ этотъ состоитъ изъ 28 томовъ почтовой бумаги большого формата, унизанныхъ мелкимъ почеркомъ. Каждый томъ заключаетъ описаніе событій одного года, иногда двухъ. Начинается дневникъ со времени экзаменовъ въ Пажескомъ корпусѣ (въ 1846 г.) и доходитъ до настоящаго года. Въ немъ масса самаго интереснаго матеріала.

† 5-го августа, артистъ русской драматической группы **Леонидъ Львовичъ Леонидовъ**. Окончивъ воспитаніе въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, онъ дебютировалъ на александринской сценѣ въ небольшихъ водевиляхъ на амплу любовниковъ и затѣмъ былъ переведенъ въ Москву, гдѣ игралъ до смерти В. А. Каратыгина, когда снова былъ переведенъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ выступилъ въ 1854 г. въ драмѣ «Бенвенуто Челлини» и занялъ репертуаръ Каратыгина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ праздновали 50-лѣтіе артистической дѣятельности Л. Л. Леонидова и ему данъ орденъ Станислава 3-й степени. Нѣкоторое время онъ былъ преподавателемъ драматическаго искусства въ петербургскомъ театральномъ училищѣ. Въ свое время при господствѣ на сценѣ классической драмы, Леонидовъ пользовался успѣхомъ. Съ водвореніемъ на сценѣ бытовой комедіи, покойный отодвинулся на второй планъ. Онъ былъ замѣчательный честиности человекъ, хорошій товарищъ, какъ членъ рѣчного яхтъ-клуба, онъ на всѣхъ клубныхъ торжествахъ и обѣдахъ читалъ свои юмористическія стихотворенія. Въ «Русской Старинѣ» напечатано нѣсколько театральныхъ воспоминаній Леонидова.

† старшій ординаторъ больницы св. Николая для душевно больныхъ, докторъ медицины **Кандинскій**. Онъ скончался въ молодыхъ годахъ, еще полный силъ для самой дѣятельной работы. По полученіи медицинскаго образованія Кандинскій былъ одно время земскимъ врачомъ; имъ была написана не одна дѣльная статья по различнымъ вопросамъ охраненія народнаго здравія. Затѣмъ Кандинскій сталъ почти исключительно заниматься изученіемъ психіатріи, общей и частной; по психіатріи имъ было написано до 10 монографій. Въ больницѣ св. Николая покойный прослужилъ нѣсколько лѣтъ и не мало потрудился для ея благоустройства.

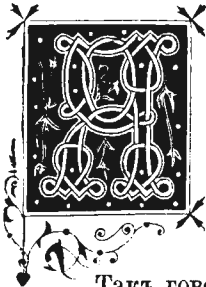

V.

Неверъ и Орлеанъ.

«Не надо славы мнѣ, я не нуждаюсь въ ней,
«И до небесъ достигь, о, вѣрь мнѣ, не желаю.
«Хочу любить тебя, хочу любви твоей—
«И счастья большаго я на землѣ не знаю».

ЗНАЮ НѢЧТО болѣе пріятное, чѣмъ лѣтній вѣтерокъ, болѣе сладкое, чѣмъ поцѣлуй пчелы въ чашечку цвѣтка, болѣе прелестное, чѣмъ махровая роза среди густой зелени; я знаю нѣчто болѣе заманчивое, чѣмъ извилистыя тропинки въ зеленыхъ долинахъ: это ослѣпительный балъ, усѣянный живыми цвѣтами—женщинами, брюнетками и блондинками, розовыми и бѣлыми...»

Такъ говорилъ среди бальной толпы Алень Шартъе, идя подъ руку съ Кристиной Пизанской—прекрасной венеціанкой, еще ребенкомъ переѣхавшей во Францію вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, астрологомъ Карла V. Это была женщина-поэтъ, въ настоящее время вдова пикардійскаго дворянина, получавшая отъ Карла VI пенсію въ двѣсти ливровъ.

Въ ожиданіи, пока скрипачи и гудочники короля шутовъ подадутъ сигналъ къ танцамъ, толпа шла слѣдомъ за двумя поэтами, узванными, не смотря на маски.

Мэтръ Гонень въ данную минуту былъ особенно озабоченъ. Преобладающей идеей у него была нажива и относительно цѣлей онъ стѣснялся ни чуть не меньше того легендарнаго шута Тиля Успигеля (или *Uspiegles*), изъ-за котораго спорили Германія, Фландрія и Польша, приписывая себѣ каждая честь его рожденія, и который

забавлялся ограбленіемъ прохожихъ въ Черномъ Лѣсу. Точно также Гонень, шутъ короля, время отъ времени, обиралъ дворъ. Превосходно загримированный и неузнаваемый по одеждѣ, онъ разговаривалъ въ уголкѣ съ однимъ своимъ родичемъ, Этьеномъ Мюсто.

— Видишь ли, кузень,—говорилъ онъ,—при дворѣ нужно только умѣть воспользоваться благопріятнымъ моментомъ. Сегодня ночью я проберусь къ королевѣ, которая ужъ непременно станетъ благодарить меня за устройство праздника. Я воспользуюсь этимъ, чтобы представить ей тебя. Я знаю, что она готова посадить перваго встрѣчнаго на мѣсто короля оборванцевъ (*le roi des ribauds*), котораго терпѣть не можетъ изъ-за одного приключенія, гдѣ онъ оказался несовсѣмъ скромнымъ, и ты можешь быть увѣренъ, что дѣло твое выгоритъ.

— Такъ-то такъ,—отвѣчала Мюсто, низкій нормандецъ, для котораго эку отъ королевы и золотые флорины съ орломъ отъ короля имѣли свою пріятность,—но каковы будутъ мои обязанности? не трудно ли будетъ?

— Вовсе нѣтъ, а то я не предложилъ бы тебѣ.

— Спасибо,—сказалъ нормандецъ, приподнимая своей корявой рукой шляпу-съ поднятыми полями и кланаясь съ лукавымъ видомъ.

— А такъ какъ, сверхъ того, ты можешь оказать намъ важныя услуги...

— Ладно, да только мнѣ хотѣлось бы знать опредѣленно—какіе будутъ плоды, а также обязанности этого королевскаго достоинства.

— Обязанности состоятъ въ томъ, чтобы исполнять полицейскую службу въ отелѣ Сенъ-Поль и присутствовать при исполненіи каждаго приговора парижскаго прево (старшины). Плоды же равняются тридцати динаріямъ въ годъ и сорока парижскимъ су на одежду тебѣ и твоему лакею.

— Это мало.

— Потомъ налогъ въ пять су съ каждой женщины, у которой золотой поясъ.

— Вотъ это лучше,—проговорилъ улыбаясь нормандецъ,—дичи прибываетъ.

— Потомъ еще ты будешь получать платъе всѣхъ тѣхъ, кого будешь отводить на висѣлицу.

— Ого!

— Ну, а ужъ о самой лучшей наградѣ мы поговоримъ въ благопріятное время.

Затѣмъ, король шутовъ вернулся къ эстрадѣ, гдѣ сидѣлъ его оркестръ, и пока онъ отдавалъ приказанія музыкантамъ, въ ожиданіи пока сирь Гюгъ де-Гизе прикажетъ начать играть, толпа все прибывала, а герцогъ Орлеанскій съ Маріетой попрежнему прогуливались между волнами замаскированныхъ и незамаскированныхъ, разговаривая на ту же самую тему.

— Видите ли, дорогая мадамъ де-Конй, — говорилъ принцъ, — я позвоу къ себѣ его, вашего бульдога, и внушу ему, какую роль онъ долженъ играть. Золота! сколько ему угодно золота! Ну, какой человѣкъ этого сорта не запляшетъ какъ угодно подѣ музыку золотыхъ монетъ!

— Я не могу слушать такія рѣчи о человѣкѣ, имя котораго ношу.

— Вотъ еще! Да вѣдь онъ получилъ благородство вмѣстѣ съ помѣстьемъ, которое я ему далъ, а вовсе не по рожденію. Правда, онъ и не виланъ: семья его изстари служить—въ судѣ. Мы называемъ такихъ людьми скрещенной породы... Кстати: куда онъ дѣвался? Намъ не пристало ходить такъ долго безъ него. Его отсутствіе стѣсняетъ насъ.

— Онъ, ваша свѣтлость, вѣроятно, дожидается въ той залѣ, гдѣ онъ оставилъ насъ... Я пойду туда.

— Идите, милочка, и приходите поскорѣе.

Говоря это, герцогъ проводилъ Мариету до дверей и пошелъ назадъ. Проходя, онъ слышалъ, какъ дяди и тетки его, разговаривая съ Карломъ де-Савуази, точили на счетъ его язычки, и выражали предположеніе, что скоро вся Франція будетъ населена одними побочными орлеанами.

Вошелъ герцогъ Неверскій съ сиромъ де-Гизей.

— Вы здѣсь, кузень, — сказала Людовикъ, идя прямо навстрѣчу своему врагу, — какой сюрпризъ! Но онъ былъ бы еще пріятнѣе, если бы вы привезли съ собою нашу милую родственницу — возлюбленную супругу вашу.

— Да, это я; я раздумалъ, — отвѣтилъ герцогъ Неверскій, — до отъѣзда изъ Франціи въ Венгрію, я хотѣлъ побывать на балѣ, чтобы потомъ сравнить изящный дворъ Карла VI съ дворомъ короля Сигизмунда.

— Потому-то и слѣдовало привезти сюда нашу кузину. Женщины въ этихъ вещахъ лучшіе судьи, чѣмъ мы.

Герцогъ Бургундскій, не отвѣчая, взявъ подѣ-руку сира Гизей и пошелъ дальше.

— Быкъ! — проворчалъ Орлеанскій, — ступай бить невѣрныхъ: всѣхъ не перебьешь!

Онъ смѣялся, расхаживая по залѣ, когда какая-то женщина въ маскѣ и въ черномъ домино подошла къ нему и взяла его подѣ-руку, шепнувъ ему на ухо свое имя.

— Вы здѣсь, Маргарита! — сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Да, вѣдь, я же предупредила васъ запиской.

— Правда, но вѣдь и мужъ вашъ здѣсь.

— Онъ не узнаетъ меня въ этомъ костюмѣ.

— Онъ бы убилъ васъ, этотъ звѣрь!

— Ну чтожъ! Я готова умереть за тебя!

— Но я не хочу, чтобы ты умерла!

— Я пришла сказать тебѣ... Онъ заставляетъ меня ѣхать съ нимъ въ Венгрію, но я останусь твоею. Вотъ, возьми, береги это.

И герцогиня Неверская сунула въ руку Орлеанскаго крохотный портретъ, работы Жеана Мюре, того самаго, который, какъ сказано выше, училъ герцога живописи на фарфорѣ.

— Ты здѣсь очень похожа, обожаемая Маргарита.

— Прощай, Людовикъ. Осторожность велить мнѣ уйти.

— Какъ! Такъ скоро разстаться съ тобою! Я провожу тебя до отеля д'Артоа.

— Какое безуміе!

— Пойдемъ.

Орлеанскій напрасно старался пробиться сквозь толпу, которая стояла стѣной: каждый старался удержать за собою мѣсто, чтобы получше видѣть обѣщанный маскарадъ. Вѣдь, король шутовъ поклялся, что превзойдетъ самого себя! А тѣмъ временемъ герцогъ обдумывалъ способъ, какъ бы устроить новое свиданіе съ Маргаритой.

— Маргарита,—сказалъ онъ, послѣ минутнаго размышленія,—возьмите этотъ золотой ключикъ—чудная работа одного мастера въ Брюге. Это ключъ отъ подземнаго хода въ мой замокъ де-Боте, входящаго къ часовнѣ св. Сатурнина, куда вашъ мужъ, конечно, не запретитъ вамъ пойти помолиться за успѣхъ экспедиціи въ Венгрію...

Герцогиня едва успѣла схватить и спрятать ключикъ, поданный ей Орлеанскимъ. Богато одѣтая женщина, съ маской на лицѣ, страшнымъ усиліемъ воли пробившись сквозь толпу, стала передъ ними съ угрожающимъ видомъ. Она схватила герцогиню за ея монашескую ряску,—домино ея было не что иное,—и проговорила, задыхаясь:

— Герцогъ! Вы похожи на волка съ добычей, которому помѣшали уйти. Чтò это за овечка, у которой такая мягкая шерстка?

Въ тѣ времена шелкъ еще не былъ извѣстенъ. Онъ вошелъ въ употребленіе только при Карлѣ VIII. Отсюда намекъ на шерсть.

Орлеанскій съ первыхъ словъ узналъ Изабеллу Баварскую, которая продолжала теревить за шерстяное платье, точно хотѣла разорвать его.

— Это не Маріета ли д'Ангіенъ?—продолжала королева,—или Колина Демеръ, или мадамъ де-Молеврье? Ахъ, всѣ зерна на четахъ долго пересчитывать!

— Сударыня,—возразилъ Людовикъ,—нашли ли бы вы умѣстнымъ, если бы кто-нибудь разрѣшилъ загадку, подъ которою прячутся эти чудные бѣлокурые волосы, эти молніеносные голубые глаза, эта лебединая шея, этотъ ростъ, въ которомъ изящество соединяется съ величіемъ?

— Я сама нарушаю мое инкогнито: пусть и мнѣ отвѣтятъ тѣмъ же.

Она выпустила платъ герцогини, чтобы отвязать маску. Герцогиня отступила, но Орлеанскій не успѣлъ бы отвести ее дальше, еслибы королева, стараясь развязать шнурки маски, не затянула ихъ еще больше. Пока она старалась разорвать узелъ и на минуту зажмурила глаза, у герцога Орлеанскаго блеснула смѣлая, гениальная мысль. Увидѣвъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Іоанна Неверскаго, онъ быстро подвелъ къ нему его жену.

— Кузень, обращаюсь къ вамъ, какъ къ рыцарю,—сказалъ онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства.—Для меня чрезвычайно важно, чтобы эта дама осталась неизвѣстной. Дайте честное слово, что вы не будете стараться узнать, кто она. Носилки мои у воротъ отеля. Проводите эту даму, не заговаривая съ ней. Согласны вы?

— Вы принимаете меня за короля шутовъ,—проворчалъ Неверъ.

— Я принимаю васъ за полководца, которому дамъ больше войска, чѣмъ онъ отъ меня требовалъ.

— Хорошо,—сказалъ Неверъ.

Подавъ трепещущей въ своемъ шерстяномъ платьѣ женщинѣ свою костлявую, волосатую руку и нисколько не подозрѣвая, что маленькая ручка, лежащая въ его рукѣ, точно нѣжный алмазь въ тискахъ,—рука его жены, онъ жестомъ открылъ проходъ въ толпѣ и удалился.

Все это произошло такъ быстро и такъ неожиданно для Изабеллы, что она, уже освободившись отъ маски, минуты двѣ задыхалась отъ ярости, прежде чѣмъ могла подойти къ принцу и сказать ему почти вслухъ:

— Вѣроломство! Измѣна!

— Изабелла! опомнитесь! Я сегодня съ нею въ послѣдній разъ.

— Съ Маріетой. Такъ это она?

— Она!

— Ахъ! И вы привели ее сюда!.. Правда ли, что вы больше ее не увидите?

— Совершенная правда!

— Почему же она не съ мужемъ?

— Она къ нему отправилась.

— И это Неверъ оказываетъ ей такую честь, провожаетъ ее?

— Какъ видите!

— А-а! вы лжете!—продолжала Изабелла, увидя въ эту самую минуту входящую Маріету, напрасно ожидавшую и искавшую сира де-Кюни.—Вы вѣчно лжете! Но я узнаю, кто была та!

Она кинулась къ выходу; Орлеанскій хотѣлъ удержать ее. Но

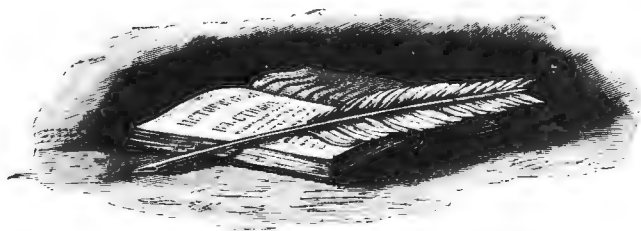
предосторожность оказалась излишней: въ эту самую минуту вошелъ Неверъ, и Изабелла, оттолкнувъ Людовика, прошла мимо Невера, не замѣтивъ его.

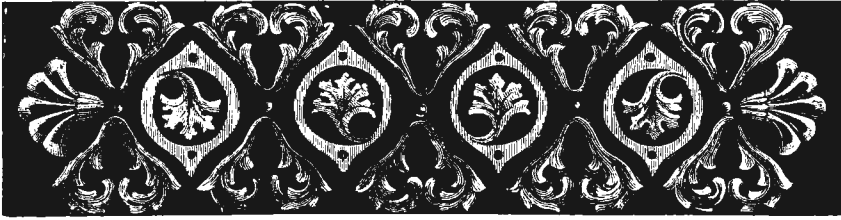
Герцогъ Бургундскій совершенно просто сказалъ Орлеанскому:

— Дѣло сдѣлано! Я думаю, это стоитъ тысячи двухсотъ копій.

— Даю вамъ честное слово—вы ихъ получите.

— Благодарю васъ!

VI.

М а с к а р а д ъ .

«Какъ красная змѣя, безъ формы и безъ мѣры,
«Огонь вдругъ выступилъ, шипя.

« »

ЕРЦОГЪ Орлеанскій въ нѣсколько минутъ пережилъ и почувствовалъ всѣ ужасы, всѣ мученья страшнаго, давящаго сна. Еслибы Изабелла сорвала маску съ герцогини передъ ея мужемъ, это имѣло бы ужасающія послѣдствія для него самого, для двора, даже для королевской власти.

Но онъ скоро оправился, когда герцогъ Бургундскій поблагодарилъ его.

Оркестръ короля шутовъ прервалъ танцевальную музыку и нестройный шумъ отъ многихъ инструментовъ, съ которымъ соединялся крикъ многихъ голосовъ: Шаривари! возвѣстилъ вступленіе столь нетерпѣливо ожидаемой маскарадной процессіи. Ее составляли шесть замаскированныхъ сатировъ, за которыми шли многія тоже замаскированныя лица въ шутовскихъ одеждахъ, держа въ одной рукѣ кухонныя принадлежности, а въ другой—пылающій смоляной факель.

Въ центрѣ маскарада на паланкинѣ, извергая всевозможныя проклятія и ругательства, двигался Оберъ ле Фламень, котораго тѣснили и удерживали тѣ самые четыре гайдука, которые схватили его.

На немъ надѣта была длинная черная одежда, усѣянная вышитыми бѣлой шерстью рогами; на головѣ у него была бычья голова. За нимъ шли двое: одинъ несъ митру, украшенную оленьими рогами, а другой—посохъ, оканчивавшійся двумя рогами козла.

Каждый разъ, какъ сирь де-Коні пытался протестовать словами, музыканты начинали трубить во всю мочь. Вокругъ дѣйствующихъ лицъ маскарада, шесть группъ изъ фрейлинь королевы и пажей короля, одѣтые въ нѣмецкіе, итальянскіе и испанскіе костюмы, начали подъ звуки тамбуриновъ свои изящныя хореографическія эволюціи, выдумывая самые отважные па и сопровождая это рѣзкимъ восклицаніемъ: Шаривари! которое подхватывала вся публика.

Затѣмъ скакали, кривлялись и выдѣлывали всякіе эквилибрическіе фокусы чада короля шутовъ, одѣтые въ костюмы мифологическихъ боговъ: были тутъ легконогіе фавны, рогатые сатиры, увѣнчанныя тростниками рѣвки, лѣсныя богини, дріады, гамадріады, наяды съ раковинами въ рукахъ. Всѣ эти боги и богини были одѣты въ холщовыя одежды, очень ярко раззолоченныя шумихой; другіе актеры прикрыты были складками и картонажами, изображавшими сказочныхъ чудовищъ, дикихъ лѣсныхъ звѣрей, безобразнѣйшихъ обитателей земли, воздуха и воды: здѣсь были коршуны, орлы, грифоны, даже ревущій осель и хрокающій, вертѣвшій хвостикомъ кабанъ; былъ и пѣтухъ, на всю огромную залу кричавшій свое рѣзкое кукареку, сопровождаемое отчаяннымъ концертомъ кошекъ, неподобно воспроизведеннымъ.

Никогда еще не было устроено болѣе совершеннаго «шаривари»; оно было исполнено по распоряженію Суда любви и исторически вѣрно описано.

Герцогъ Орлеанскій, который въ это время опять подошелъ къ Маріетѣ, нисколько не подозрѣвалъ даже, что маскарадъ этотъ имѣетъ отношеніе къ нему. Шумъ оглушалъ его, и если мѣшало ему разговаривать, то благопріятствовалъ разговору глазами и пожатіемъ руки.

Но вдругъ все смолкло, даже самъ Оберъ ле Фламень, которому нарочно завязали ротъ. Это привлекло вниманіе принца и заставило его слушать.

Савуази, изображавшій одного изъ сатиоровъ, началъ слѣдующую рѣчь громкимъ, хотя измѣненнымъ голосомъ:

— Объявляемъ о посвященіи мессира Обера ле Фламена во епископа рогатыхъ, что онъ заслужилъ, сочетавшись бракомъ съ дѣвицею Маріетою д'Ангіенъ.

— Чтобъ васъ чортъ побралъ! негодяи!—заревѣлъ Орлеанскій.

Но онъ не могъ продолжать. Маріетѣ сдѣлалось дурно и нужно было поддержать ее; толпа ревѣла Шаривари! а королева, вернувшись съ неудачной охоты, громко звала его, говоря:

— Принцъ, слушайте же вмѣстѣ съ нами! ожидайте своей очереди.

Савуази продолжалъ:

— По приговору Суда любви, предстоящій здѣсь кандидатъ

приметь посвященіе отъ его свѣтлости герцога Орлеанскаго, который вручить ему знаки его достоинства—митру съ оленьими рогами и посохъ съ рогами барана.

Оглушительный хохотъ пронесся по залѣ.

Орлеанскій, внѣ себя отъ гнѣва, бросился къ сатирамъ и вырвавъ изъ рукъ одного изъ слугъ смоляной факель, замахалъ имъ.

— Это подлый фарсъ!—вскричалъ онъ.—Кто эти безумцы? Они осмѣливаются касаться чести моей и госпожи де-Кони. Клянусь Богомъ, что никто не выйдетъ отсюда прежде, чѣмъ я покажу ему какъ слѣдуетъ относиться къ французскому принцу. Ну; долой маски!

Новый взрывъ хохота отвѣтилъ на это восклицаніе, и принцъ уже былъ готовъ осуществить свои намѣренія, какъ вдругъ, вмѣсто шести сатировъ, которые скрылись въ толпѣ, передъ нимъ очутились шестеро другихъ лицъ, одѣтыхъ въ полотняныя платья, которыя, съ помощью смолы, облѣплены были паклей разчесаннаго льна, вида и цвѣта волосъ, по выраженію Фруассара. Волосы здѣсь только для смягченія выраженія: слѣдовало бы сказать шерсть.

Эти импровизированные дикари, покрытые шерстью отъ головы до пятокъ были никто иные какъ самъ Карль VI, графъ де Жуень, молодой и прелестный кавалеръ, мессиръ Карль де Пуатье, сынъ графа де Валентинуа, мессиръ Ивенъ де Галь, молодой рыцарь де-Фуа, побочный сынъ сеньера де Нантулье и сиръ Гюгъ де Гизей.

Орлеанскій подбѣжалъ къ нимъ, и огонь вошелъ въ ленъ, какъ выразился Фруассаръ, который рассказываетъ объ этомъ происшествіи слѣдующее: «Пламя огня разогрѣло смолу, которой ленъ былъ прикрѣпленъ къ полотну; полотняныя и насмоленыя рубашки высохли и распались, и огонь дойдя до тѣла сталъ жечь его. А тѣ, на комъ они были надѣты и которые чувствовали мѹки, стали горько и страшно кричать, и такая была бѣда, что никто не смѣлъ приблизиться къ нимъ... Герцогиня Беррійская спасла короля отъ этой гибели, потому что сунула его себѣ подъ юбку и прикрыла его, чтобы затушить огонь, и сказала ему, ибо король хотѣлъ силою уйти отъ нея:—«Куда вы хотите идти? Вы видите, что ваши товарищи горятъ. Кто вы такой? пора вамъ назвать себя».—«Я король».—«Га, государь, такъ идите скорѣе надѣть другое платье и покажитесь королевѣ, которая очень безпокоится о васъ»¹⁾.

¹⁾ La flamme du feu eschauffa la poix à quoi le lin était attaché à la toile, les chemises linées et poyées étaient sechées et deliées et joignant à la chair et se prirent au feu à ardoir. Et ceux qui vêtus les avaient et qui les angoisses sentaient, commencèrent à crier moult amerement et horriblement et tant il y avait de méchef que nul ne les osait approcher... Sa duchesse de Berry delivra le roi

Нужно ли еще вырисовывать детали въ картинѣ, набросанной Фруассаромъ, описывать шумъ и гвалтъ этой сцены, когда около восьмисотъ человѣкъ хлынули черезъ три или четыре выхода. Люди тѣснили другъ друга, лѣзли куда попало, мяли подъ ноги другихъ, пробирались по головамъ, съ ревомъ и проклятіями, какъ во всякой суматохѣ, гдѣ каждый думаетъ только о себѣ и кричить: «Спасайся кто можетъ!»—Слышались крики: «Пожаръ! Пожаръ! спасайте короля! Горю! воды! Король замаскированъ. Герцогъ Орлеанскій поджогъ платье своего брата! Цареубійство! Братоубійство!»¹⁾

Крики эти неслись изъ отеля Сень-Поль и расходились по всему Парижу.

Оберъ ле Фламень, геркулесовская сила котораго до сихъ поръ сдерживалась четырьмя старыми служаками, которые при первой тревогѣ поспѣшили улизнуть, могъ теперь освободиться отъ путъ, сбросилъ свой нарядъ и, подбѣжавъ къ безчувственной Маріетѣ, схватилъ ее, въ нѣсколько скачковъ перелетѣлъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ главнаго входа отеля Сень-Поль и вышелъ оттуда съ своей дорогой ношей.

Тѣмъ временемъ пирамидальный буфетъ, девять полокъ котораго гнулись подъ королевской посудой, тарелками, блюдами, тяжелыми золотыми кружками, чашами и вазами различныхъ формъ,—подвергался серьезной опасности.

— Эй, кузень,—говорилъ Этьенъ Мюсто королю шутовъ.—Посмотри, какъ твои музыканты опустошаютъ буфетъ.

— Чтожъ, эти бѣдняки корчатъ знатныхъ господъ,—отвѣтилъ Гоненъ тономъ состраданія.—Ты очень грубо выражаешься, кузень,—прибавилъ онъ.—Люди эти—философы, занимающіеся алхиміей.

— А-а, да! Это дѣло важное.

— Именно. И они обходятся безъ кубовъ. Ты еще и не на такихъ наглядисься.

— Это когда я буду завѣдывать дворцовой полиціей, да?

— Ты удивительно понятливъ.

— Еще бы! На то я нормандецъ!

— О! еще какой... Бѣдный король!.. Бѣдное французское королевство! Всякій тянетъ къ себѣ.

— Кромѣ тебя, кузень.

de ce péril, car elle le bonta dessous sa gonne et le couvrit pour eschevir le feu, et lui avait dit, car le roi voulait partir d'elle à force: «Où voulez-vous aller? Vous veez que vos compagnons ardent. Qui êtes-vous? il est heure que vous vous nommiez?—Je suis le roi.—Ha! Monseigneur, or tôt allez vous mettre un autre habit et faites tant que la reine vous voie, car elle est moult mésaise pourvous».

(Froissart).

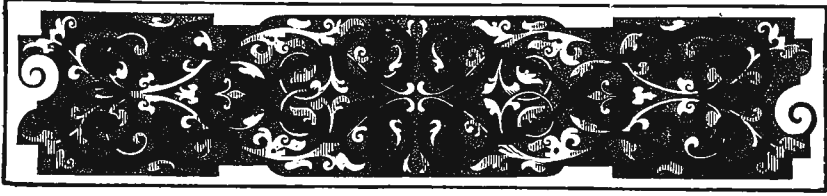
¹⁾ Froissart.

Между тѣмъ шумъ не унимался. Говорили о пяти-шести погибшихъ; въ числѣ ихъ называли сира Гюга де-Гизей. Что же касается короля, то его наскоро перенесли въ его комнаты и тщетно призывали его врача-астролога, котораго дома не оказалось.

— Такъ какъ намъ дѣлать здѣсь нечего,—сказалъ король шутовъ,—ибо мы не имѣемъ права дѣлать мертвецовъ изъ живыхъ, а наша астрологія запрещаетъ намъ быть врачами, то лучше уйдемъ отсюда.

Выходя изъ отеля Сень-Поль, они встрѣтили Жеана Кокереля, врача Иоанна Неверскаго, котораго наскоро потребовали во дворецъ, взамѣнъ отсутствующаго королевскаго доктора.

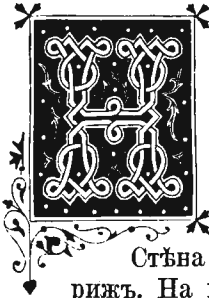

VII.

Сумасшествіе короля.

«Волшебница луна любимцевъ награждаетъ:
«Дарить имъ славу и вѣнецъ,
«И дурака порой въ героя превращаетъ
«И въ золото цѣнное—свинецъ».

ДЕПОДАЛЕКУ отъ отеля Сень-Поль, построеннаго для того, чтобы, по словамъ указа 1364 года, служить торжественнымъ отелемъ великихъ празднествъ, напротивъ дворца де-Турнель и близко къ Бастиліи, служившей и тюрьмой, и крѣпостью, возвышалась толстая стѣна, тянувшаяся отъ улицы Сень-Дени до Арсенала.

Стѣна эта защищала дворецъ, еще болѣе чѣмъ Парижъ. На каждомъ углу отеля возвышалась башня, въ которую можно было войти черезъ низкую массивную желѣзную дверь. Главная башня была шире трехъ остальныхъ и заключала въ себѣ двѣ спальни, предназначенныя для королевской четы. Первая изъ этихъ спаленъ была бѣдна, грязна, уставлена кое-какой мебелью и старинной кроватью съ давними занавѣсками; вторая была роскошно убрана; здѣсь мебель была чернаго дерева съ рѣзьбой, на обояхъ изображены были сцены изъ библейской исторіи. Напротивъ серебрянаго распятія удивительной работы, уставленнаго надъ аналоемъ также изъ чернаго дерева, висѣлъ прекрасный портретъ отца Изабеллы Стефана II, рисованный фламандскимъ художникомъ.

На широкомъ ложѣ короля, съ кривыми колонами, со спинкой съ готическими украшеніями, ложѣ, занимавшемъ половину комнаты, положили Карла VI, не подававшего никакихъ признаковъ жизни. Шамбеланъ Савуази и секретарь Аленъ Шартъе несли его

черезъ обломки и разрушеніе до этой самой комнаты, куда послѣдовали и всѣ тѣ изъ придворныхъ, кто не пострадалъ на пожарѣ. Слышались плачь и рыданія; рыдалъ и герцогъ Орлеанскій—невольная причина этой катастрофы. Среди всего этого унынія, слуга доложилъ Изабеллѣ Баварской, распростертой у изголовья своего супруга, что за отсутствіемъ королевскаго врача, предлагаетъ услуги свои врачъ герцога Неверскаго.

— Идите сюда, Жеанъ,—закричалъ герцогъ Бургундскій—и, съ помощью Божіей, спасите короля, нашего государя.

Всѣ посторонились чтобы дать мѣсто мэтру Кокерелю.

Невѣжество и самодовольство были преобладающія качества этого шарлатана, сыпавшаго при всякомъ случаѣ латинскими фразами болѣе или менѣе собственнаго изобрѣтенія. Такова была нравственная сторона его. Что же касается физическихъ качествъ, то это былъ человѣкъ съ длиннымъ туловищемъ и толстымъ животомъ; продолговатое лицо его оканчивалось козлиной бородой; изъ-подъ вдавленнаго лба сверкали глаза; голосъ былъ рѣзкій, кричащій. Для большаго престижа, онъ носилъ одежду колдуна и бѣсновался, какъ одержимый сильнѣйшимъ нервнымъ припадкомъ.

— Не бойтесь, ваша свѣтлость,—отвѣтилъ Кокерель. — *Ressusciterabo Regem.* (Я воскрешу короля). Прежде всего—вотъ змѣиный порошокъ,—*pulvis reptilus!*

Онъ вынулъ изъ своей сумы маленькій котелокъ съ дужкой, всыпалъ туда щепотку порошка и подалъ лекарство герцогинѣ Бурбонской, протягивавшей къ нему руки.

— *Aqua et ignis!* (вода и огонь),—воскликнулъ онъ потомъ.—Принесите кружку и разведите огонь.

Онъ взялъ кружку изъ рукъ герцогини Беррійской, которая прислуживала съ такимъ же рвеніемъ, какъ и герцогиня Бурбонская, и, приказавъ налить воды въ котелокъ, велѣлъ герцогинѣ Анжуйской поставить его на огонь, между тѣмъ, какъ три герцога, ихъ мужья, старались развести на очагѣ огонь, поочередно раздувая его съ помощью желѣзной трубы.

Кокерель сіялъ гордостью, видя, что ему прислуживаютъ столь высокопоставленныя особы.

Между тѣмъ, какъ онъ доставалъ ланцетъ, чтобы пустить королю кровь, въ комнату ворвалось новое лицо.

Это былъ мэтръ Гильомъ Гарсели, докторъ герцога Орлеанскаго.

Гарсели зналъ еще кое-что иное, чѣмъ Кокерель, но не зналъ того же, что и тотъ. По внѣшности они также мало походили другъ на друга, какъ и по знанію. Гарсели былъ худой, какъ скелетъ; голова у него была кудлата какъ у Авессалома, лицо тонкое, какъ бритва, на длинномъ носу сидѣла пара грубыхъ очковъ. Въ ком-

нату онъ влетѣлъ такъ стремительно, какъ будто хотѣлъ натискомъ своимъ расколоть ненавистнаго соперника.

— Что я вижу?—закричалъ онъ.

— Что это такое? Мэтръ Кокерель съ своимъ ланцетомъ и мазями? Да поможетъ мнѣ великій Авероесъ!

— Мэтръ Гильомъ,—величественно отвѣтилъ Кокерель,—я пришелъ раньше васъ, и вы ничего не можете возразить противъ моихъ средствъ. Всякая болѣзнь, по мнѣнію Иппократа, происходитъ отъ нарушенія равновѣсія жидкостей. Въ данномъ случаѣ, красный цвѣтъ лица указываетъ на воспаленіе и засореніе крови. Въ такихъ случаяхъ, нужно удалить эту жидкость черезъ кровопусканіе usque ad deliquium, какъ говоритъ Галліенъ, и употребить медикаменты прохладительные.

— Галліенъ вретъ!

— Галльенъ?.. вретъ?

— Твой Галльенъ бездѣльникъ, жакистъ, мальотинецъ!

— Богохульникъ!

— Да и Иппократъ какой же...

Доктора уже готовы были вцѣпиться другъ другу въ волосы, когда имъ замѣтили, что королю очень нужна ихъ помощь. Они воздержались отъ драки, но продолжали переругиваться. Кокерель не унимался:

— Называть Иппократа и Галліена жакистами и мальотинцами, когда тѣ враги короля!

— Я хотѣлъ сказать,—первалъ его Гарсели, что ихъ медицина годна только для простонародья, такъ какъ она состоитъ изъ самыхъ простыхъ средствъ и кровопусканья, которыми цирюльники лечатъ на рынкахъ, да баньщики въ баняхъ. Подобное леченіе не прилично для лицъ благородной крови, а тѣмъ паче для королевской! Для такихъ больныхъ приличествуютъ средства драгоценныя, каковы вино съ примѣсью серебрянаго порошка—*vinum argentatum*, или же растворъ толстыхъ золотыхъ цѣпей, или, еще лучше, настоящіе алмазы, какъ это рекомендуетъ Шольякъ,—въ палмовомъ винѣ, или нѣкоторое примѣненіе камней, сдѣланныхъ подъ влияніемъ созвѣздій—*gemmae constellatae* въ нечетномъ числѣ.

Этотъ наборъ словъ льстилъ тщеславію и люди надменные не понимали всей ихъ нелѣпности. Одобрительный шопотъ поощрялъ оратора. Одинъ герцогъ Бургундскій хранилъ молчаніе.

Между тѣмъ явилось новое лицо. Это былъ высокій и толстый человѣкъ, съ блѣднымъ полнымъ лицомъ, густой бородой и торжественной походкой. Это былъ миланскій уроженецъ Руджіеро, астрологъ и врачъ Карла VI.

— *Optime!*—закричалъ онъ,—да, мэтръ Гарсели, ваше положе-

ніе превосходно; но только при условіи участія свѣтиль. Къ чорту галенова осла! Онъ годень только лечить животныхъ!

— Какъ! я—осель!—отрѣзаль врачъ герцога Бургундскаго, я—осель, я, который знаетъ: геоманцію, гидроманцію и пироманцію! Да спасетъ Богъ короля, если обойдутся безъ меня! Vivat rex! Vivat rex!

И онъ удалился, съ восклицаніями, подымая руки къ небу. Когда онъ вышелъ на улицу, тѣснившійся передъ отелемъ народъ окружилъ его, засыпалъ вопросами и, выслушавъ его объясненія, принялъ его сторону и разразился проклятіями герцогу Орлеанскому,—котораго называли братоубійцей—за то, что онъ послалъ къ королю своего доктора-отравителя.

Оглушительный шумъ и крики, въ которыхъ ничего нельзя было разобрать, достигли балкона, куда вышелъ герцогъ Орлеанскій вслѣдъ за Гарсели и Руджіеро, которые пошли совѣщаться со звѣздами.

— Чего кричить это мужичье?—спросилъ герцогъ Орлеанскій.

Вмѣсто отвѣта, оба астролога стали указывать ему на то, что совершалось на небѣ.

— Смотрите, ваша свѣтлость,—вскричалъ торжествующій Руджіеро,—Левъ противустоитъ Водолею, на разстояніи трона и въ упадокъ Зодіаку.

— Мэтръ,—прервалъ его герцогъ, встревоженный слышнымъ шумомъ,—смотрите внизъ, а не вверхъ и постарайтесь объяснить мнѣ, чего хотятъ всѣ эти кричащіе люди.

Въ отвѣтъ на это послышался страшный крикъ, покрывшій всѣ остальные:

— Король, король! Короля убили? Давайте убійцу! Давайте Людовика Орлеанскаго!

Астрологи, боясь, что въ нихъ начнутъ чѣмъ-нибудь кидать, объявили, что окончили свои наблюденія и отправились подавать помощь королю, который обошелся безъ нея и уже начиналъ приходить въ себя.

— Ну, вотъ, дождались!—сказалъ Карль де-Савуази,—народъ бунтуетъ; уходите, ваше высочество. Вонъ, смотрите, они уже лѣзутъ на приступъ по выступамъ стѣны!

— Какая низость! Но вѣдь вы знаете, что это только несчастная случайность, и что мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя...

— А вы думаете такъ они и станутъ слушать ваши объясненія?—вмѣшалась королева, вдвойнѣ встревоженная и опаснымъ положеніемъ короля и возможностью гибели любовника. — Бѣгите, принцъ, скройтесь на нѣсколько дней.

— Бѣжать? скрываться? мнѣ? никогда! Оставьте больного брата? Неужели вы, королева, можете давать мнѣ такіе совѣты?

— Да развѣ я не буду заботиться о королѣ,—отвѣчала Изабелла.

Тогда и всѣ присутствующее закричали:

— Бѣгите, принцъ! бѣгите; не подвергайте себя неистовству черни!

Эти единодушныя просьбы быть можетъ подѣйствовали бы на герцога; но герцогъ Бургундскій, въ просьбахъ котораго слышалась насмѣшка, удержалъ принца.

— Братъ мой,—сказалъ онъ,—прійдя въ чувство, долженъ видѣть своего брата, живого или мертваго, возлѣ себя. Я остаюсь, чтобы ни случилось.

Крикъ, заглушившій всѣ остальные, раздался, какъ вызовъ:

— Короля! Мы хотимъ видѣть короля.

Астрологи отвѣтили на это:

— Слава Богу, онъ открываетъ глаза.

Аленъ Шартье побѣждалъ объявить радостное извѣстіе народу, но безуспѣшно.

— Насъ обманываютъ, — крикнулъ длинный и мускулистый парень, голова котораго показалось надъ балкономъ.

Гарсели вышелъ на помощь Алену Шартье.

— Да, король спасенъ, благодаря сдѣланному подъ вліяніемъ созвѣздія вотъ этому кольцу, которымъ я прикоснулся ко лбу его,—сказалъ онъ, показывая блестящій перстень.

— Мы повѣримъ вамъ, когда сами увидимъ короля.

Въ это время Карлъ VI прошепталъ:

— Что это за шумъ?

И съ помощью своего астролога, королевы и герцога Орлеанскаго, король поднялся на постели.

— Пусть намъ покажутъ короля,—продолжалъ тотъ же чело-
вѣкъ угрожающимъ голосомъ.

И онъ закинулъ ногу, чтобы перелѣзть на балконъ.

Стоявшіе внизу и колотившіе въ стѣну собирались подниматься тѣмъ же путемъ и ревѣли:

— Король! Король!

Крикъ этотъ, разносясь въ пространствѣ, какъ и звонъ большого колокола церкви парижской Богоматери, охватилъ и восемь новыхъ кварталовъ, включенныхъ послѣднимъ указомъ Карла VI въ черту города Парижа, обнимавшую до того 1284 десятины земли. Черта эта начиналась съ улицы Сень-Накезъ, потомъ пересѣкала нынѣшніе сады Пале-Рояля, затѣмъ шла вдоль улицъ Фоссе-Монмартръ, Пети-Карро и по направленію старинныхъ бульваровъ до арсенала, соединяя всю южную часть Лувра съ островомъ св. Людовика.

Жителей въ Парижѣ было въ то время не болѣе трехсотъ тысячъ; но этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы изъ этой массы народа, случившейся въ одномъ мѣстѣ, образовалось бушующее море человѣческихъ головъ, издававшихъ одинъ вопль.

— Мы хотимъ видѣть короля!

Въ такую минуту никому изъ вельможъ, хотя бы проникнутыхъ тѣмъ же презрѣніемъ къ черни, какъ и герцогъ Орлеанскій не приходило въ голову выслать гайдуковъ противъ этихъ массъ, — грязныхъ, безобразныхъ, оборванныхъ, чтобы прогнать ихъ палками. Народная стѣна, обрушившись на нихъ, раздавила бы ихъ, какъ червей... Нужно было повиноваться толпѣ.

Тогда герцогъ Неверскій, пользовавшійся любовью народа, предложилъ удовлетворить этому настоящему требованію.

— Нельзя ли, — сказалъ онъ, — ради успокоенія парижскаго народа, показать короля въ окно хотя на нѣсколько минутъ?

Дяди короля обратились къ Карлу VI, обморокъ котораго совсѣмъ прошелъ, прося его сказать нѣсколько словъ вѣрнымъ поданнымъ.

— Добрые люди, — простоналъ Карль VI, — я самъ хочу ихъ видѣть!

Его наскоро одѣли и Неверъ, при помощи герцога Орлеанскаго, поднесъ его къ окну.

— Король воскресъ! — загремѣлъ прежній паренъ, стоявшій насторожѣ.

Онъ спустился или скорѣе спрыгнулъ на улицу, продолжая кричать:

— Король воскресъ!

Необъятное эхо повторило тѣ же слова.

Тѣмъ временемъ король, котораго поддерживали, потому-что онъ шатался, проговорилъ:

— Эге! такъ я значить умеръ и погребенъ! Эге! я осужденъ, какъ невѣрный. Ахъ, сколько народу въ аду! Я прошелъ черезъ огонь; насъ было шестеро въ одномъ кострѣ!

— Отойдемъ отъ окна, — печально сказалъ Орлеанскій, — это страшное потрясеніе подѣйствовало на его разсудокъ, и я причиною...

— Ради Господа, герцогъ, не говорите этого, — прошептала Изабелла.

— Кто говоритъ о Господѣ между грѣшниками? О! какъ ихъ много въ этой адской долині!

И король въ ужасѣ простеръ руки къ толпѣ.

— Отведите его, отведите! — повторялъ Орлеанскій.

Короля отвели отъ окна.

Пока затворяли окно, слышно было какъ толпа разсыпалась съ пѣснями, съ хохотомъ, останавливаясь у тавернъ, чтобы выпить за здоровье воскресшаго короля.

Короля положили на большое кресло съ готической спинкой, передъ очагомъ, въ которомъ успѣли развести огонь, но, при видѣ пламени, Карль VI выпрямился, вскочилъ на кресло и сталъ на

немъ, точно статуя на постаментѣ, сбросилъ съ себя шубу, въ которую его закутали, и такъ какъ на немъ осталось еще нѣсколько клочковъ потухшей пакли, онъ сказалъ:

— Что же я такое сдѣлалъ, чтобы быть проклятымъ? Вотъ у меня уже шерсть и рога, какъ у дьявола. Вотъ и когти черные, и пахнетъ отъ меня гарью.

— Государь, успокойтесь,—сказалъ Савуази,—ваше болѣзненное состояніе лишь слѣдствіе несчастнаго случая, невольною причиною котораго былъ его свѣтлость герцогъ Орлеанскій.

— Людовикъ! да, это Людовикъ убилъ меня за преступленія противъ моего народа! Онъ хорошо поступилъ. Я проклять.

— Боже милосердый!—воскликнули присутствующіе,—король, государь нашъ, лишился разсудка.

Каждый поникъ головою. Изабелла закрыла руками лицо свое, но она думала о томъ, что теперь и безъ преступленія добыча не ускользнетъ отъ нея: она будетъ регентшей.

— Кто говорить, что я лишился разсудка?—вскричалъ Карль VI уже въ полномъ безпамятствѣ.—Сумасшедшій? Я, король? Развѣ это возможно? Нѣтъ, я не хочу. Я хочу танцевать.

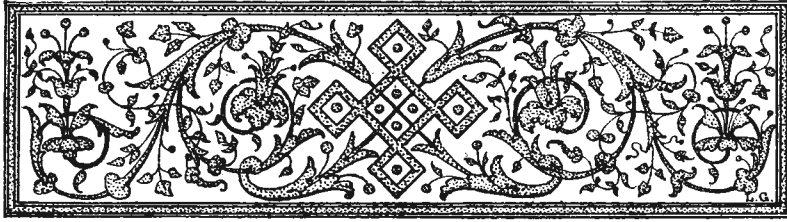
Онъ бросился въ залу, скача и ломая все, что попадалось подъ руку. Лицо у него было багровое: началась рвота кровью, брызги которой попали въ глаза. Потребовались обіія силы герцоговъ Неверскаго и Орлеанскаго, чтобы удержать его.

Они отнесли его въ постель, гдѣ онъ затихъ, весь облитый потомъ. Такъ онъ проспалъ цѣлые сутки, подъ присмотромъ четырехъ здоровенныхъ солдатъ и двухъ астрологовъ-врачей, уже не отходившихъ отъ него.

А народъ продолжалъ торжественно праздновать его выздоровленіе.

На слѣдующій день помѣшательство не прошло, но оно обратилось въ тихое и прерывалось лишь иногда проблесками здраваго смысла. Въ одну изъ такихъ минутъ Изабелла успѣла захватить себѣ предсѣдательство въ совѣтѣ. Она также успѣла добыть подпись короля на отправку въ Венгрію герцога Неверскаго; но все это былъ лишь моментальный свѣтъ разума. Король впалъ въ состояніе близкое къ идиотизму, которое уже никогда вполне не проходило.

VIII.

Старый домъ.

«Раздался крикъ совы. Драконовъ адскій рой
«На шабашъ полетѣлъ, за ними домовой,
«Къ развалинамъ спѣшать иѣмья привидѣнья,
«Вампиры кончили свои приготоуленья».

УЕВѢРІЕ И ВАРВАРСТВО среднихъ вѣковъ поражаютъ не столько своею силою, сколько продолжительностью. Возрожденіе позолотило пучину, но не засыпало ее.

Брантомъ поздравлялъ Франциска I съ тѣмъ, что онъ воздвигъ большіе костры для протестантовъ и проложилъ путь къ этимъ великимъ и спасительнымъ всеожженіямъ.

Ученѣйшій и мудрѣйшій Дюшатель вѣрилъ въ астрологию и считалъ ее великимъ искусствомъ, которое можетъ измѣнить законы природы и всего міра.

Маркизь де Салюсъ измѣнилъ другу своему Франциску I и получилъ щедрую награду отъ Карла V за оказанную ему услугу, потому что одинъ колдунъ предсказалъ ему, что дѣло Франціи проиграно.

Катерина Медичи устроила Варѣоломеевскую ночь не ради одной жестокости: такъ указали ея амулеты. Даже самъ Людовикъ XIV преслѣдовалъ протестантовъ изъ благочестія и искушалъ грѣхи свои жестокостями.

Въ XIV вѣкѣ духъ тьмы царствовалъ еще полновластно. Это мы ясно увидимъ изъ послѣдующихъ сценъ, жестокихъ, но правдивыхъ.

Теперь вернемся къ Оберу ле-Фламену, котораго мы оставили, когда онъ уносилъ свою жену. Въ этомъ человѣкѣ сказалась его эпоха. Двѣ невидимыя феи, управляя его юностью, должны были сдѣлать изъ него или очень умнаго, или совсѣмъ глупаго человѣка. Сдѣлавшись солдатомъ, онъ соединилъ въ себѣ и умъ, и глупость, и оба эти качества другъ другу не мѣшали.

Будучи сыномъ прокурора въ Шателе, онъ оставилъ канцелярскую службу при отцѣ, вслѣдствіе подвига, не имѣвшаго ничего общаго съ прокуратурой. Раздраженный постоянными приставаньями и насмѣшками клерковъ своихъ сослуживцевъ, потѣшавшихся надъ его смѣшной фигурой, онъ убилъ одного изъ нихъ кулакомъ и затѣмъ бѣжалъ въ глубь Орлеанской провинціи, къ одной изъ своихъ тетокъ. Тетка эта жила доходомъ съ небольшого стада овецъ и козъ, которыхъ она и предложила ему пасти.

Выбирать было не изъ чего, и Оберъ принялъ предложеніе тетки. И вотъ новый пастухъ съ упоеніемъ отдался уединенію. Надѣвъ шапку, изъѣденную дождемъ и вѣтромъ, забившись куда-нибудь въ расщелину скалы или въ густой кустарникъ дрока, онъ проводилъ цѣлые дни, вперивъ глаза въ безконечную даль, созерцающая облака, любуясь ихъ странными и разнообразными формами. Съ наступленіемъ ночи, лежа въ своемъ переносномъ шалашѣ, откуда онъ какъ будто бы наблюдалъ за стоявшимъ въ огорожѣ стадомъ, онъ слушалъ и по своему истолковывалъ тысячи ночныхъ звуковъ. Завыванья бури, раскаты грома, крикъ сычей, вой волковъ—всѣ эти звуки для Обера были голоса человѣческіе, которые онъ объяснялъ какой-нибудь, гдѣ-то происходившей драмой, въ которой дьяволъ, само собою разумѣется, игралъ главную роль. Эти постоянныя галлюцинаціи довели его до истощенія. Онъ боялся своихъ собственныхъ химеръ и, въ одинъ прекрасный день, онъ промѣнялъ пастушій посохъ на мушкетъ.

Не правда ли, что у Обера ле-Фламена было тоже призваніе, что у Игнатія Лойолы? Онъ тоже былъ солдатъ-мистикъ. Закаленный воинъ былъ въ то же время мечтателемъ. Изъ него могъ бы выйти воинствующій священникъ. Читатель увидитъ впослѣдствіи почему мы такъ особенно подчеркиваемъ религіозную сторону этого человѣка, суроваго по внѣшности, но душа котораго, можно сказать, всегда молилась внутри.

Женитьба пробудила въ немъ все прежнее суевѣріе, послѣ унизительной оваціи, какую ему устроили при дворѣ; старый домъ, куда онъ скрылся съ женою своею, пробудилъ въ немъ и страхъ демона, и горячія мольбы къ небу.

Этотъ старый домъ былъ не что иное, какъ обширная развалина. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сырыхъ заль, потрескавшихся и убранныхъ паутиной; разломанныя двери и окна безъ стеколъ давали вѣтру полную возможность гулять на просторѣ. Въ

одной изъ залъ, вмѣсто всякой мебели, стояло деревянное сидѣнье въ готическомъ вкусѣ, изъѣденное червоточиной, куда онъ какъ умѣлъ уложилъ Мариету, прикрывъ ее собственной одеждой, и подвинулъ ее къ очагу, въ которомъ развелъ огонь. Мало-помалу, новобрачная согрѣлась, а къ Оберу вернулось его хладнокровіе.

Ускакавъ изъ Парижа вдвоемъ на одной лошади, супруги заѣзжали, при концѣ Венсенскаго лѣса, въ замокъ де Боте, къ которому приписано было и вновь подаренное Оберу имѣніе. Здѣсь сенешаль передалъ сирю Кони документы на владѣніе.

Они также должны были прослушать обѣдню въ маленькой церкви св. Сатурнина, прилегающей къ монастырю, куда должна была войти на девять дней герцогиня Неверская, чтобы помолиться объ успѣхѣ экспедиціи въ Венгрію.

Экспедиція эта, о которой только теперь узналъ Оберъ, не дала ему покоя.

— Cordieu!—сказалъ онъ Мариетѣ,—если бы, сударыня, вашему счастливому супругу нечего было дѣлать, то онъ непременно бы отправился туда воевать, чтобы испытать справедливость повѣрья.

— Какого повѣрья, мессиръ?—спросила супруга.

— Говорятъ, если христіанинъ убьетъ невѣрнаго, то всѣ черти ада уже не имѣютъ надъ нимъ власти.

Храбрость сира Кони, какъ видно, всегда поддерживалась страхомъ сатаны.

Пока молодая чета разговаривала передъ топившимся очагомъ, собрались слуги и вассалы поздравить съ пріѣздомъ новаго владѣльца.

Впереди толпы шелъ человѣкъ небольшого роста, сухой, желтый, съ сросшимися бровями, но добродушный тонъ котораго противорѣчилъ его физіономіи. Это былъ господинъ бальи.

Не смотря на его внѣшность, онъ любилъ доброе вино, и долгу заставлялъ его выпить въ честь сира де-Кони.

— Да есть ли у меня вино?—спросилъ Оберъ ле-Фламенъ.

Вина скоро достали; въ сосѣдную залу выкатили нѣсколько боченковъ, откуда-то принесли съѣстныхъ припасовъ, и новый владѣлецъ замка имѣлъ удовольствіе услышать тѣ крики, которыми привѣтствуется всякое принятіе власти.

Онъ почувствовалъ полное удовлетвореніе своей гордости. Герцогъ Орлеанскій оказывался дѣйствительно великодушнымъ и добрымъ принцемъ, а та злая шутка, жертвою которой сталъ Оберъ ле-Фламенъ, была не что иное, какъ слѣдствіе зависти, возбужденной его блестящимъ успѣхомъ.

Теперь только одно обстоятельство поддерживало грустное настроеніе новаго владѣльца, это запусѣніе его дома.

Онъ обратился съ разспросами къ бальи.

— Въ этихъ залахъ должно быть давно никто не жилъ?—спросилъ онъ.

— Да, здѣсь никто не жилъ со смерти мессира Легоржю, а этому уже пятнадцать лѣтъ. Такъ какъ послѣ него не осталось дѣтей, то помѣстье снова поступило во владѣніе сюзерена и оставалось необитаемымъ. Его свѣтлость, конечно, прикажетъ отдѣлать его, починить обрушившіяся стѣны, вставить двери и окна. Это, конечно, помѣшаетъ чертямъ и колдунамъ собираться сюда каждую ночь и подымать здѣсь гамъ, какъ теперь.

— Какъ!—вскричалъ колоссъ съ нескрываемымъ ужасомъ, который сообщился и Маріетѣ.

— Увѣрены ли въ томъ, что говорите, господинъ балъи?—спросила она, дрожа.

— А кто же, сударыня, осмѣлится усомниться въ томъ, что господинъ Сатана каждую ночь справляетъ шабашъ въ различныхъ мѣстахъ?

— Э, конечно, никто въ этомъ не сомнѣвается,—поспѣшилъ заявить Оберъ, изъ страха какъ бы не скомпрометировать себя передъ чортомъ...—но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы шабашъ непременно совершался здѣсь.

— Увы, мессиръ! Это слишкомъ хорошо извѣстно во всемъ здѣшнемъ околдкѣ. Этотъ домъ пользуется такой-же славой, какъ Воверъ или земля Mont-le héry.

— Боже истинный! Если это такъ, то мы сейчасъ же возвратимся въ Парижъ и будемъ ждать, пока оправятъ это жильѣ. Но что это за человѣкъ въ ливреѣ герцога Орлеанскаго? Ужъ не пришелъ ли онъ, отъ имени г. сенешала предложить намъ кровь въ замкѣ де-Боте?

— Мессиръ!—сказалъ новоприбывшій, развертывая пергаментъ,—вы, вѣроятно, владѣлецъ помѣстья Кони.

— Я самъ.

Посланный поклонился и прочелъ:

— «Именемъ его высочества Людовика Французскаго, герцога Орлеанскаго, владѣтеля кастелянства де-Боте и причисленныхъ къ нему имѣній, Оберъ ле-Фламенъ, какъ ленникъ его, обязанъ прислать ему третью часть вина, мяса и хлѣба, купленныхъ имъ, для угощенія своихъ людей, по случаю вступленія во владѣнія своимъ имѣніемъ, каковая третья часть слѣдуетъ по праву сюзерену».

— Это такой обычай, господинъ балъи?—спросилъ Оберъ.

— Да, таковъ обычай, а во Франціи обычай тотъ же законъ.

— Ну, такъ нечего и возражать.

— Нечего; это столь же священо, какъ и десятина въ пользу церкви.

— Видите ли, господинъ балби, у меня никогда не было помѣстья. Я совсѣмъ не зналъ, какія повинности...

— На васъ лежатъ еще многія другія, какъ на вавассорѣ (vavasseur), т. е. на такомъ вассалѣ, у котораго есть свои вассалы. Но съ другой стороны, вы также имѣете извѣстныя права относительно вашихъ подданныхъ; это вознаграждаетъ одно другое.

— А-а! такъ у меня есть и права...

— Да, право рубки лѣсовъ (droit de taille), барщины, мелкое судопроизводство, а изрѣдка и висѣлицы.

— Гм... висѣлицы. Это отлично; но я слышалъ, что послѣ рѣчи университетскаго канцлера къ Карлу VI, нашему государю, всѣ эти права были отмѣнены.

— Для Парижа—весьма возможно; но только не для провинцій; здѣсь все постарому. Такимъ образомъ, какъ я уже докладывалъ вамъ, вы имѣете право вѣшать. Если на землѣ вашей совершено преступленіе, вы можете требовать повѣшенія виновнаго.

— Ахъ, Боже мой! какой ужасъ!—вскричала Маріета.

— Почему же, сударыня? Это еще принесетъ вамъ честь въ глазахъ тѣхъ, кому прійдется проѣзжать эти мѣста.

— У васъ хорошая логика, господинъ балби, — замѣтилъ Оберъ, — впрочемъ, если я буду ужъ слишкомъ строгъ, то жена моя будетъ пользоваться своимъ правомъ помилованія.

Затѣмъ, обратясь къ слугамъ, онъ сказалъ:

— Исполняйте приказанія его свѣтлости герцога Орлеанскаго!

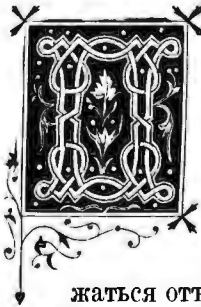

IX.

Право сюзерена.

«Когда подобные факты внесены въ законы, гдѣ они именуются правами; когда текстъ этихъ законовъ подлинный и обнародованъ, то офиціозная роль отрицанія становится невозможной».

ВМАНУТЬ фискъ считалось издавна большимъ удовольствіемъ. Поэтому лакеи и чернь припрятавали для себя столько же вина и мяса, сколько и отдавали и хохотали во все горло, когда ихъ ловили въ плутняхъ. Болѣе никакихъ послѣдствій не было; всѣмъ было весело и только.

Но не весело было въ той залѣ, гдѣ Оберъ ле-Фламень, при всей своей храбрости, не могъ удержаться отъ какого-то тяжелаго предчувствія, чѣмъ ближе подходила ночь; въ той залѣ, гдѣ Мариета слишкомъ много думала о герцогѣ Орлеанскомъ, по мѣрѣ того какъ приближался моментъ, когда ей нужно будетъ думать только о мужѣ, и гдѣ балли, глядя на новобрачныхъ, размышлялъ о нѣкоторыхъ правахъ, предъявить которыхъ могъ герцогъ Орлеанскій, не зная того, что герцогъ уже заранѣе воспользовался ими.

— Мэтръ балли,—началь сиръ де-Коннъ,—здѣсь невозможно остаться на ночь. Нельзя ли гдѣ-нибудь по близости нанять домъ до завтра?

— Невозможно, мессиръ... Здѣсь по близости только жалкія лачуги.

— Слѣдовательно, всѣ эти люди будутъ до-завтра здѣсь плясать и веселиться; но вѣдь не спать двѣ ночи—это тяжело, неправда ли, madame де-Коннъ?

— Что же дѣлать, мессиръ я готова покориться необходимости.

— Но я на это не согласенъ, моя прекрасная супруга, вы вѣдь дѣйствительно, моя жена, хотя я до сихъ поръ еще не имѣлъ случая въ этомъ убѣдиться... Но что это! опять лакей изъ кастелянства! Чего еще тутъ забыли?

Дѣйствительно новый посланный, опять въ ливреѣ герцога, вошелъ въ залу, въ сопровожденіи нѣсколькихъ крестьянъ, которые, видимо, чуяли носомъ, что сейчасъ произойдетъ нѣчто весьма для нихъ интересное.

Какъ и прежній посланецъ, онъ развернулъ пергаментъ, къ которому была прикрѣплена печать герцога Орлеанскаго, и, послѣ почтительнаго поклона, прочелъ внушительнымъ голосомъ слѣдующее:

«Именемъ его высочества Людовика Французскаго, герцога Орлеанскаго, сюзерена кастелянства де-Боте и причисленныхъ къ нему владѣній, Оберъ ле-Фламенъ, ленникъ его по помѣстью Кюни обязуется немедленно прислать въ замокъ де-Боте Мариету д'Англенъ, на которой онъ женился, при благосклонномъ покровительствѣ герцога Орлеанскаго, которому, согласно обычаю, онъ долженъ предоставить право первой ночи».

— Кровь и смѣръ! ты лжешь!—заревѣлъ Оберъ.

— Я не лгу: я исполнилъ свое порученіе.

Мариета въ ужасѣ подалась назадъ.

— Герцогъ не способенъ на такую мерзость,—продолжалъ Оберъ.

— Позвольте, мессиръ,—вмѣшался балъи внушительнымъ тономъ,—подобные разговоры здѣсь совсѣмъ неумѣстны. Это обычай столь же древній, какъ и монархическая власть, и вы можете пользоваться имъ въ отношеніи вашихъ вассалокъ... одно другимъ вознаграждается.

— Нѣтъ, нѣтъ! этого быть не можетъ, и при томъ герцога теперь нѣтъ въ замкѣ... Это какаля-нибудь подлость сенешала.

— Герцога въ замкѣ теперь нѣтъ, это правда... но онъ завтра прибудетъ,—возразилъ посланный, которому присутствіе балъи придало смѣлости.

— И ты пришелъ сюда по его приказанію?

— По приказанію его свѣтлости,—вотъ его печать, вотъ гербъ его.

Оберъ взялъ пергаментъ, развернулъ его, разорвалъ, растопталъ ногами и ударилъ слугу въ лицо.

— Отнеси ему это,—кричалъ онъ, бросая клочки въ лицо посланному.

— Вамъ легко бить бѣднаго слугу, который только исполнилъ свою обязанность: но за мною ѣдетъ г. сенешаль; онъ подтвердитъ мои слова.

— Клянусь святымъ моимъ патрономъ, пусть онъ прійдетъ сюда. Небойтесь ничего, сударыня.

— Мессирь!—прошептала Мариета дрожащимъ голосомъ, не под-
вергайте себя такой опасности... общайтесь... сдѣлайте видъ, что
вы согласны!

— Не бойтесь, говорю вамъ! Вассалы, вы обязаны повиноваться
мнѣ!.. Я надѣюсь на васъ!

Крестьяне, разгоряченные виномъ, увлеченные воинственной
осанкой своего господина, крикнули съ энтузіазмомъ: такъ! такъ!

— Ого-го!—пробормоталъ бальи,—это ужъ пахнетъ бунтомъ!

И, посмотрѣвъ въ окно, прибавилъ:

— Мессирь, повѣрьте мнѣ, покоритесь, пора ужъ: вотъ и се-
нешаль съ отрядомъ стрѣлковъ.

— Покоритесь!.. никогда.

И, обратясь къ вассаламъ:

— Эй! друзья мои, у кого есть сердце, послужите вашему
господину. Долой сенешала! долой похитителя чести!

— Такъ, такъ! вонъ отсюда сенешала!—крикнуло нѣсколько
пьяныхъ голосовъ.

Большая же часть не рѣшалась и молчала, охлажденная видомъ
сенешала, который входилъ уже въ домъ.

— Слушайте стрѣлки,—сказалъ сенешаль своему конвою,—
здѣсь не понадобятся ни сѣкиры, ни пики; ослабьте лѹки и пики,
и бейте просто деревомъ этихъ мерзавцевъ, которые, честное слово,
всѣ пьяны.

Услышавъ это приказаніе, изъ всей толпы козлятниковъ, ко-
ровниковъ, оброчныхъ и барщинныхъ земледѣльцевъ послышались
голоса!

— Э, мессирь сенешаль, это не я, не я,

И по всей залѣ пронеслось! не я, не я!

— Ахъ, такъ вотъ какова ваша храбрость! хмель видно про-
шелъ! Ну, отдавайте же сейчасъ вассалку, согласно обычаю.

Оберъ, охвативъ Мариету за талью и размахивая шпагой, кри-
чалъ на сенешала:

— А ну-ка подойди и возьми ее!

— Мессирь Оберъ,—отвѣчалъ сенешаль съ величайшимъ хлад-
нокровіемъ,—вы совершаете большое преступленіе: супругъ, кото-
рый противится столь древнему и столь справедливому праву, осуж-
дается, по старинному обычаю на страшную казнь! его лишаютъ
свободы, влекутъ на дворъ сюзерена, привязываютъ къ столбу и
отдаютъ на растерзаніе охотничьимъ собакамъ сюзерена.

— И вы находите это справедливымъ?—яростно закричалъ
Оберъ.—Если вы живы, значитъ, вы обошли это?

Сенешаль не возражалъ; но бальи вмѣшался докторальнымъ
тономъ:

— Право это внесено въ законы съ первыхъ временъ монар-
хіи, даже владѣльцы духовнаго званія имѣютъ право имъ пользо-

ваться; но они воздерживаются отъ этого, предпочитая взимать за это деньги, которыя употребляются во славу Божию. Если же женатый виланъ живетъ далеко отъ помѣстья, то господинъ, терпящій такимъ образомъ права первой ночи, получаетъ съ своего вилана денежную пеню (*trois sols de culaige*). *Cum villanus maritat filiam suam extra villanagium, debet tres solidos de culagio.*

Судья долго бы еще перечислялъ свои законы, но терпѣніе у сенешала истощилось. Замѣтивъ это, посланный, прибывшій со вторымъ требованіемъ герцога Орлеанскаго, перебилъ рѣчь законника:

— Мессирь!—сказалъ онъ, обращаясь къ сирю де-Коннъ,—я главный надсмотрщикъ герцогской псарни... мнѣ же и прійдется спускать ее на васъ... избавьте меня отъ этой печальной необходимости.

Въ отвѣтъ на это Оберъ только презрительно улыбнулся.

— Ну, мужичье,—закричалъ сенешалъ,—говорю вамъ въ послѣдній разъ. Подавайте мнѣ молодую, а не то я расправлюсь съ вашей деревней: пушу въ ходъ право выемки, возстановленное герцогомъ Орлеанскимъ въ вашу пользу, да вдобавокъ еще кое-кто изъ васъ попробуетъ у меня и веревки.

— Право выемки!—повторили въ ужасѣ виланы, для которыхъ всего чувствительнѣе были штрафы.

И точно также, какъ они готовы были защищать Маріету, они теперь бросились, чтобы схватить ее. Но Оберъ такъ страшно размахивалъ своею шпагой, что никто не рѣшался подступиться.

Тогда сенешалъ скомандовалъ стрѣлкамъ взять непокорнаго.

Одинъ изъ самыхъ проворныхъ попробовалъ вскочить ему на плечи, чтобы остановить движеніе руки, но упалъ съ распоротымъ животомъ; второму Оберъ разрубилъ черепъ; третій съ перерѣзаннымъ горломъ свалился на двухъ товарищей. Но четвертому удалось оттѣснить Обера отъ наличника камина, о который онъ опирался, и принудилъ его прислониться къ стѣнѣ. Оберъ вынужденный на мгновеніе отвести свою лѣвую руку отъ талии Маріеты, чтобы схватить ближайшаго стрѣлка, выпустилъ ее: Маріета безъ чувствъ упала на полъ. Оберъ перешагнувъ черезъ нее, схватилъ стрѣлка, задушилъ его и бросилъ къ ногамъ сенешала.

Это изумительное сопротивленіе еще разъ произвело поворотъ во мнѣніи черни. Они любили силу и не терпѣли стрѣлковъ; быть можетъ они поддержали бы своего господина, но въ это время сиръ де-Коннъ, желая лучше защищать Маріету, подался впередъ; къ несчастію, онъ поскользнулся въ крови, покрывавшей плиты, не удержался, и боясь упасть на лежащую Маріету, бросился въ сторону и упалъ рядомъ съ нею.

Очутившись на полу, онъ не могъ уже встать: на него наки-

нулись, крутили его, связали веревками, которыя впились ему въ тѣло. Онъ могъ только рычать!

— Ко мнѣ, друзья! помогите мнѣ! Убейте меня! да убейте же!

Безчувственную Мариету унесли; крестьяне, не смѣя уже колебаться, послѣдовали за стрѣлками, и судья, оставшись почти одинъ съ мертвыми, ранеными и сиромъ де-Конй, говорилъ ему отеческимъ тономъ:

— Мессирь, мнѣ стыдно за васъ. Я не знаю, какъ его высокоцтво взглянетъ на ваше непозволительное сопротивленіе укореившемуся обычаю. Отговориться незнаніемъ вы не можете. Согласившись стать его ленникомъ, вы знали принимаемыя вами на себя обязанности. Вы могли отклонить отъ себя даръ помѣстья Конй. Вы пролили кровь; вы ранили нѣсколькихъ стрѣлковъ, представителей власти владѣльца... Вамъ предстоитъ отвѣтить за это сопротивленіе передъ окружнымъ судомъ въ Ножанѣ.

Сенешаль стоялъ на порогѣ; теперь повелъ рѣчь онъ:

— Жена вассала въ моей власти,—сказалъ онъ,—миссія моя окончена. Что касается до васъ, виланы, такъ какъ вы вернулись къ исполненію своихъ обязанностей, то я охотно избавляю васъ отъ права выемки и довольствуюсь налогомъ по 20-ти золотыхъ су съ каждаго. Но только требую, чтобы золото было съ изображеніемъ Карла V, такъ какъ золото нынѣшняго царствованія стоитъ полцѣны: во время малолѣтства нашего короля, монеты чеканились наполовину съ лигатурою. Ну, я сказалъ.

Онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

— Двадцать золотыхъ су!—плакались крестьяне.—Но вѣдь это разоренье!

— Боже правый!—стоналъ Оберъ, обращаясь къ своимъ вассаламъ,—значитъ у васъ нѣтъ ни женъ, ни дочерей, ни сестеръ? Кто же вы послѣ этого, подлецы, жакисты? Денегъ вамъ нужно, что ли? Поройтесь въ моей сумкѣ, возьмите себѣ на военныя издержки, ибо мы пойдемъ брать замокъ де Боте. Ну скорѣй! развяжите меня; я вооружу васъ, мы пойдемъ... Увы!—прибавилъ сиръ де-Конй, оглядываясь вокругъ...—всѣ ушли, оставили меня, но не затѣмъ, чтобы отомстить за меня!

Въ отчаяніи, онъ напрасно бился въ своихъ путахъ, когда изъ темнаго угла вышелъ мальчикъ-пастухъ, забившійся туда со страху и съ участіемъ подошелъ къ нему.

— Не всѣ ушли, мессирь,—въ полголоса сказалъ онъ.

— А ты кто?

— Одинъ изъ вашихъ пастуховъ.

— Ножъ у тебя есть?

— Есть, мессирь.

И ребенокъ разрѣзалъ путы колосса. Оберъ всталъ.

— Мессирь! — началъ опять пастушекъ, обращаясь къ бывшему пастуху, — еслибы я смѣлъ дать вамъ совѣтъ...

— Говори.

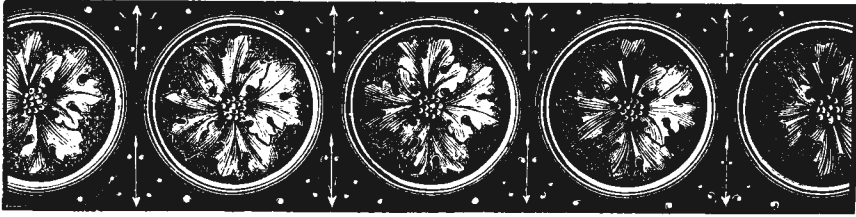
— Я бы посоветовалъ вамъ обвести вокругъ себя три раза кругъ и крикнуть: «Могущественный господинъ Сатана, прошу васъ, явитесь ко мнѣ на помощь». Онъ прійдетъ.

Суевѣрный Оберъ покачалъ головою; совѣтъ ему понравился; однако, въ ярости, онъ протянулъ сжатый кулакъ и сказалъ:

— Я самъ Сатана и надѣлаю страшной чертовщины.

Пастушокъ не сталъ ждать благодарности: онъ испугался и далъ тягу.

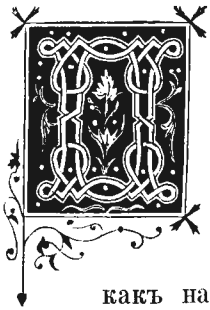

X.

Матрѣ Гонень.

«Колдунья, полночь бьетъ! Метлу свою сѣдай
«И на поляну въ лѣсъ скорѣе поспѣшай—
«Надъ дубомъ вѣковымъ ужъ шабашъ весь собрался,
«И на козлѣ верхомъ самъ Сатана примчался».

СТАВШИСЬ одинъ и уже на ногахъ, Оберъ-ле-Фламень толкнулъ одну дверь и, сдернувъ толстый слой паутины, вошелъ въ залу, уцѣлѣвшія окна которой не давали прохода воздуху, свободно гулявшему въ другихъ комнатахъ, отчего здѣсь сильно пахло плѣсенью. Если стекла и были цѣлы, то ихъ покрывалъ такой слой грязи, что дневной свѣтъ не проникалъ туда вовсе. Оберъ, человѣкъ, какъ намъ извѣстно, суевѣрный, чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо среди этой темноты, сопровождаемой еще удушающимъ запахомъ. За минуту до того храбрый, теперь колоссъ дрожалъ какъ ребенокъ. Передъ его отуманенными глазами носились тѣни, принимавшія различныя очертанія. Одно мгновеніе ему казалось, что онъ видитъ Маріету и сенешала. Онъ кинулся схватить одну, ударить другого, но поймалъ только пустое пространство. Внѣ себя отъ ярости, онъ треснулъ другую дверь такъ, что она разлетѣлась, и черезъ нее вошелъ уже въ очень большую комнату, встарину служившую залой вассаловъ. Здѣсь ему показалось будто пахнетъ сѣрой, что, какъ извѣстно, и составляетъ атмосферу шабаша.

— О,—прошепталъ онъ съ ужасомъ; потомъ, вдругъ прибавилъ:

— Ну чтожъ! если я увижу Сатану, я буду просить его отомстить за меня! Долой этотъ страхъ, недостойный меня! Я отдамъ

душу мою за жизнь этого подлаго герцога! Презрѣнный! Онъ теперь можетъ быть сжимаетъ въ объятіяхъ мою красавицу Мариету. Довольно! Я не отступлю.

Онъ очертилъ вокругъ себя волшебный кругъ и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Господинъ Сатана, прошу васъ явиться ко мнѣ на помощь.

Потомъ онъ сталъ прислушиваться, въ ухахъ у него звенѣло, но ни одного яснаго звука не было слышно.

— Однако,—прошепталъ онъ,—достоверно извѣстно, что въ аду слышатъ всѣ проклятія, точно также какъ на небѣ слышна каждая молитва.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, разминая дрожація ноги и повторилъ уже громче:

— Господинъ Сатана, прошу васъ явиться мнѣ на помощь!

Вдругъ—о чудо! ему показалось, что въ отдаленіи блеснулъ свѣтъ, будто блуждающій огонекъ.

— Ужъ это блеститъ не алмазь ли, который Сатана носить во лбу?—сказалъ онъ самъ себѣ, не попадая зубъ на зубъ отъ страха.

Почти въ ту же минуту онъ услышалъ разговоръ, очевидно бѣсовскій.

— А что пасть адова раскрывается во всю ширину?—спрашивалъ какой-то могильный голосъ.

— Раскрывается, хозяинъ,—отвѣчалъ другой, не менѣе гробовой голосъ.

— А котель для осужденныхъ?

— Онъ горячъ и глубокъ, если спустить туда всѣхъ мужей, которые въ аду, то и то не будетъ полонъ.

Этотъ намекъ на его супружескія несчастія могъ бы возбудить его недовѣріе; но Оберъ нисколько не удивился, что въ аду уже всѣ знаютъ о его бѣдствіяхъ.

Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Тутъ онъ увидѣлъ не ясныя, прихотливыя тѣни, двигавшіяся къ нему. Но это были поистинѣ отвратительныя чудища, такія, какими изображали пособниковъ Сатаны Ланиры, Лелойе и другіе знаменитые демонографы XV вѣка. Два рога на шеѣ, третій на лбу, всклокоченные волосы, мертвенно-блѣдное лицо, круглые воспаленные глаза, козлиная борода, нескладное тѣло, такія же руки и ноги, остроконечныя и съ когтями на подобіе лапъ хищной птицы и вдобавокъ ко всему ослиный хвостъ: такова была внѣшность появившіяся демоновъ.

— Кровь у меня стынетъ!—шепталъ самъ себѣ Оберъ.

И тотчасъ же подбодряя себя:

— Подумай о женѣ своей, презрѣнный трусь!—говорилъ онъ.

И такъ какъ бѣшенство придавало ему храбрости, то онъ крикнулъ уже во все горло:

— Господинъ Сатана, прошу васъ прійти ко мнѣ на помощь!

Наступило глубокое молчаніе, потомъ послышался шопотъ, который становился все слышнѣе и, наконецъ, разразился звонкимъ дьявольскимъ хохотомъ.

— Вотъ такъ веселый шабашъ,—сказалъ самъ себѣ Оберъ.

Пока онъ разсматривалъ банду Сатаны, какой-то чортъ, рогатый, бородатый, проскользнувшій позади его, вдругъ обернулся и сталъ къ нему лицомъ къ лицу. Онъ былъ сперва скрючившись въ комокъ, какъ калѣка, но мало-по-малу расправился, вытянулся, сталъ большой, черный и спросилъ:

— Кто зоветъ меня? Не ты ли, профанъ?

— Я!—отвѣтилъ Оберъ, уже совсѣмъ безъ страха.

Чортъ, казалось, удивился гораздо больше, чѣмъ тотъ, кто его вызвалъ, ибо, рискуя измѣнить себѣ, онъ пробормоталъ съ легкимъ смѣхомъ:

— О, о! вотъ забавный случай! Эта встрѣча много облегчить мое дѣло; только со мною, Ганеномъ, могутъ случиться такія вещи!

— Чортъ возьми! Въ аду, какъ видно, веселѣе, чѣмъ рассказываютъ,—проговорилъ бѣдный Оберъ, обидѣвшись этимъ смѣхомъ.

Но дьяволъ спохватился, что нужно держать себя съ достоинствомъ и наставительно произнесъ голосомъ, который, казалось, выходилъ изъ могилы:

— Ты говоришь громко, другъ, стало быть боишься. Успокойся. Между людьми рогатыми должно быть довѣріе. Я пришелъ безъ вихря и пламени и потому говори со мной, какъ со смертнымъ; чего тебѣ нужно?

— Ахъ, господинъ, долженъ ли я повѣдать вамъ мой позоръ? Вы сами намекнули...

Оберъ взялся рукою за лобъ.

— Да, да, знаю. Людовикъ Орлеанскій женилъ тебя на знатной дѣвушкѣ, ради каковой свадьбы при дворѣ устроено было шаривари.

— Да, да, довольно.

— Тотъ же Людовикъ Орлеанскій приказалъ отнять у тебя жену, чтобы она погостила у него въ замкѣ де-Боте, гдѣ онъ пробудетъ нѣсколько дней. Чего же ты хочешь?

— Жену мою.

— Ладно.

— Я хочу отомстить, убить похитителя. Я хочу, чтобы адъ оказалъ мнѣ впередъ всевозможное содѣйствіе взамѣнъ гибели моей души.

— Ты требуешь слишкомъ многого за пустяки. Ты говоришь— за твою душу. Мнѣ это невыгодно. Людовикъ Орлеанскій загубилъ половину душъ во Франціи, и у меня относительно его самыя лучшія намѣренія. И при томъ, это принцъ набожный, хотя и рас-

путный. Онъ носитъ на себѣ часть мощей Св. Діонисія—подарокъ своего брата. Я ничего не могу сдѣлать противъ такой защиты. Ну, кончимъ. Я возвращаю тебѣ жену.

— И больше ничего? Чего же вы хотите за это? Развѣ этого достаточно, чтобы погубить мою душу?

— Да кто тебѣ говорить о душѣ твоей? Бери жену; я ставлю только одно условіе: ты убѣжишь съ нею какъ можно дальше, и смотри, чтобы она больше никогда не видѣла герцога Орлеанскаго.

— О, клянусь вамъ смертию! будьте увѣрены; но время не терпитъ.

— Ахъ, да! бѣдный ты мой! Иди же за мною.

— Пѣшкомъ?

— Нѣтъ, въ повозкѣ, съ моими чертями; они всѣ добрые ребята.

— Но я полагалъ, что вамъ стоитъ сказать одно слово, чтобы мы всѣ перенеслись туда, или чтобы жена моя очутилась здѣсь.

— Устарѣло! Негодится! Адъ теперь дѣйствуетъ только естественными средствами. Ну, идемъ.

Сиръ де Коніи пошелъ за сатаною, но въ умѣ говорилъ самъ себѣ:

— Что за странность: господинъ сатана ходитъ точно, какъ я и ни смолой, ни сѣрой отъ него не пахнетъ. Ну, да что за бѣда! лишь бы сдержалъ обѣщаніе.

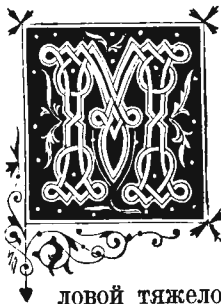

XI.

Маргарита де Гено.

«Съ походкой царственной, сія красотой
•И нѣжнымъ голосомъ чаруя и лаская
•Прекрасна ты была, и взоръ глубокій твой
•Всѣхъ привлекалъ къ себѣ, суля блаженство рая».

ЕЖДУ Венсенскимъ лѣсомъ и городкомъ Ножа-
номъ, въ получасовомъ разстояніи отъ того и
другого, возвышался словно великанъ обширный
замокъ де Боте, съ толстыми сѣрыми стѣнами.
Построенная во времена феодальныхъ неуря-
дицъ, высокая башня, на верхъ которой взгро-
можденъ былъ закругленный обломокъ скалы,
казалась рукою великана, держащаго надъ го-
ловой тяжелое каменное ядро, готовое раздавить неосторожного
врага, который дерзнулъ бы сюда подступиться. Толстыя стѣны
заключали въ себѣ зубчатую основу съ прорѣзами на всѣ четыре
стороны горизонта. Узкія бойницы глядѣли кругомъ точно глаза
хищной птицы. Подступъ къ замку былъ сверхъ того защищенъ
широкимъ и глубокимъ рвомъ, но подъемный мостъ опускали только
тогда, когда принцъ находился въ замкѣ. Въ поле можно было
выйти черезъ подземелье, конецъ котораго терялся среди кучи ко-
лючихъ кустарниковъ. Тайна этого подземелья извѣстна была ге-
рцогинѣ Неверской, которой герцогъ Орлеанскій далъ золотой клю-
чикъ отъ входа въ него, и она пользовалась этимъ ключемъ каж-
дый разъ, какъ ей приходило желаніе прервать подвиги благоче-
стія въ находившемся недалеко отъ замка монастырѣ св. Сатур-
нина, который она иногда посѣщала, проводя тамъ по нѣсколько
дней. Здѣсь проживали монахини, еще не принявшія большаго

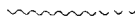
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА
ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

(около четырехсотъ листовъ)

ВЫШЛИ ПЯТЬ ТОМОВЪ,

въ которыхъ напечатаны: Т. I. «Соборяне», «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангель».—Т. II. Праведники: «Однодумъ», «Пигмей», «Кадетскій монастырь», «Русскій демократъ», «Несмертельный Голованъ», «Инженеры-безсребренники», «Лѣвша», «Очарованный странникъ», «Человѣкъ на часахъ», «Шерамуръ».—Т. III. «Обойденные», «Островитяне».—Т. IV. «Некуда».—Т. V. «Смѣхъ и Горе», «Воительница», «Леди Макбетъ мценскаго уѣзда», «Грабежъ», «Антука», «Колыванскій мужъ», «Ракушанскій меламедъ», «Бѣлый Орель», «Чертогонъ», «Пламенная патріотка».—(Всего въ пяти томахъ 195 печатн. листовъ). Съ выходомъ пятаго тома теперь окончена половина изданія. Остальные пять томовъ выйдутъ—два въ 1889 и три въ 1890 году. Для удобства публики допущена **разсрочная подписка** и подписчики получаютъ изданіе по цѣнѣ удешевленной, именно за **20 рублей**. При подпискѣ тотчасъ выдаются пять томовъ и билетъ на пять остальныхъ томовъ. Послѣ выхода пятаго тома плата при подпискѣ **12 руб.** (иногородніе прибавляютъ **2 руб.** за пересылку всего изданія и потому при подпискѣ теперь, послѣ выхода V тома, вносятъ **14 руб.**). При полученіи 6, 7, 8 и 9 т. вносится по **2 руб.** и затѣмъ послѣдній десятый томъ выдается безъ платежа. При слѣдующемъ VII т. будетъ приложенъ портретъ автора, приготовляемый гравюрою на мѣди художникомъ В. В. Маттэ. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и въ Одессѣ, а также на станціяхъ желѣзно-дорожнаго книгопродавческаго агентства. Чиновники и вообще служащіе могутъ получать это изданіе въ магазинахъ «Новаго Времени» съ особою льготою при ручательствѣ казначеевъ.

Съ окончаніемъ изданія цѣна будетъ возвышена.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

НОВАБРЬ, 1889

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯВРЬ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. XLVII—LII. (Окончаніе). Графа Е. А. Салиаса	243
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. XVIII. (Окончаніе)	263
III. А. О. Писемскій , по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ. П. Н. Полевого	276
Иллюстрація: Портретъ Алексѣя Теофилактовича Писемскаго.	
IV. Воспоминанія стараго бібліотекаря. Гл. II. (Окончаніе). В. И. Соболицкова	296
V. Драма на Волховѣ. Д. А. Барышева	316
VI. Къ біографіи Сандуновыхъ. Е. Н. Опочинина	342
VII. Несторъ русской журналистики. В. Р. Зотова	356
Иллюстрація: Портретъ Андрея Александровича Краевского.	
VIII. Батумъ. (Путевые очерки). Н. Н. Сиѣшинева	375
Иллюстраціи: Видъ Батума.—Замокъ Тамары близъ Батума.—Турецкая баня въ Батумѣ.—Батумскіе типы.	
IX. Гдѣ дѣвались запорожскіе войсковые клейноды. Д. И. Эварницкаго	394
Иллюстраціи: Запорожскій корабль, изображенный на знамени.—Типы запорожцевъ, изображенные на знамени.	
X. Критика и бібліографія: Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемая графомъ П. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Съ 145-ю рисунками въ текстѣ. (Изданіе второе). Спб. 1889. Русскія древности въ памятникахъ искусства и т. д. Выпускъ второй. Древности Скиво-Сарматскія. Съ 147-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1889. П. Полевого .—Исторія среднихъ вѣковъ. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осюкина. Томъ второй. 2 части (XIII столѣтіе). Казань. 1889. А. И. —Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. IV. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. В. Мясотина. Спб. 1889. Б. Г—наго .—С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.). П. Чистовича. Спб. 1889. В. Е—вича .—Н. Карѣевъ. Наденіе Польши въ исторической литературѣ.—Историческій очеркъ польскаго сейма. Спб. 1889. Н. С. К. —Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина; изданіе И. П. Варгунина. 2 т. Спб. 1889. Е. Г. —Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать пятая. Письма графа А. Х. Бенкендорфа и С. Н. Марина. Москва. 1889. С. Тр. —Стрѣлы. Стихотворенія В. П. Буренина. Изданіе второе, дополненное новыми стихотвореніями. Спб. 1889. С. Тр—чева .—Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795. Къ столѣтію завоеванія Хаджибея. Составилъ В. А. Яковлевъ. Одесса. 1889. Н. П—ова .—Исторія города Ярославля; сост. К. Д. Головицковъ. Изданіе Л. Н. Пастухова. Ярославль. 1889. А. Б—ва . Забытое прошлое окрестностей Петербурга. М. И. Пыляева. Съ 104 гравюрами. Спб. 1889. С. Тр—чева .—Историческій очеркъ Пензенской первой гимназіи съ 1804 по 1871 г. Сост. П. П. Зеленецкій. Пенза, 1889. А. Б—ва .—Историко-статистическій указатель города Пскова. Составилъ И. И. Василевъ. Изданіе псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Псковъ. 1889. С. Тр—ва .—Первая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи. С ева-стополь и его окрестности—Инкерманъ, Херсонесъ, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Малаховъ курганъ, Братское кладбище. Отчетъ составилъ по порученію	

См. на оборотѣ.

педагогическаго совѣта инспекторъ А. Н. Поповъ, а приложения рисовалъ преподаватель А. А. Архиповъ. Симферополь. 1889. С.—Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, составилъ Н. И. Гродековъ. Томъ первый. Юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889. А. Б—ва.—Изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкива по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Два тома. Спб. 1889. С. Т—чева.—Биографическіе очерки сенаторовъ по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ, сост. П. Н. Семеновъ. Москва. 1889. А. Б—ва.—Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій (1785—1848) ученый славистъ-ориенталистъ, съ портретомъ автографомъ, собственноручными списками и снимками древнѣйшихъ славянскихъ рукописей и факсимиле знаменитой Супральской рукописи. Историко-біографическій очеркъ П. О. Бобровскаго. Спб. 1889. Б. Г.	404
XI. Заграничныя историческія новости	441
XII. Изъ прошлаго. Ближайшіе родственники М. В. Ломоносова. Сообщено Н. Ермаиловымъ.—Сдача Свеаборга въ 1808 году. Сообщено А. Альфтономъ	450
XIII. Смѣсь: Столѣтній юбилей Одессы.—Присужденіе премій митрополита Макарія.—Присужденіе премій графа Уварова.—Конкурсъ Славянскаго Общества.—Московская выставка предметовъ древности.—Празднество подъ Москвой.—Чествованіе 25-тилѣтней годовщины смерти А. А. Григорьева.—Библиографическое бюро.—Некрологи: И. А. Пашкова, А. И. Павловскаго, Н. И. Козлова	454
XIV. Замятки и поправки: I. По поводу замятки г. Б—ва о книгѣ „Грекоболгарскій церковный вопросъ“. В. Теплова.—II. По поводу одной рецензій. С. Трубачева	461

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ В. И. Соболящикова. 2) Король шутовъ (Le prince des sots). Жерара де Нерваля (Съ французскаго). Гл. XI—XVIII. Переводъ Е. М. Гаршина. 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ СОБОЛЬЩИКОВЪ

Съ фотографіи Левицкаго, снятой въ 1870 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 6 ОКТЯБРЯ 1889 Г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
ВЪ 1890 ГОДУ.
(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1890 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе десять лѣтъ (1880—1889).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложениями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Въ настоящее время приступлено къ составленію „Систематическаго Указателя содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 1880—1889 годы“, т. е. за десять лѣтъ изданія. „Указатель“ будетъ отпечатанъ (въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) въ теченіе первой половины 1890 года, и составитъ книгу объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Гг. подписчики на „Историческій Вѣстникъ“, желающіе получить „Указатель“, благоволятъ прилагать къ подписной платѣ одинъ рубль. Въ отдѣльной продажѣ цѣна „Указателя“ будетъ два рубля.

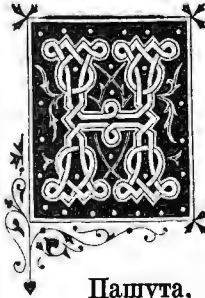
Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одесѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

АРАКЧЕЕВСКИЙ ПОДКИДЫШЬ¹⁾.

Исторический романъ.

XLVII.

А ДРУГОЙ день утромъ, чуть брезжилъ свѣтъ, съ капитаномъ случилось нѣчто настолько незаурядное, что оно осталось въ его памяти на всю жизнь и даже повліяло на нее роковымъ образомъ. Ханенко проснулся и пришелъ въ себя потому, что кто-то съ силой дергалъ его за руку. Онъ открылъ глаза и думалъ, что бредитъ наяву. Предъ нимъ, лежащимъ въ постели, стояла сама Пашута, блѣдная, какъ смерть. Капитанъ, ошеломленный, подумалъ, что онъ сходитъ съ ума, или бредитъ наяву, но нѣсколько словъ дѣвушки привели его окончательно въ себя.

— Скорѣй! Скорѣй! — выговорила Пашута черезъ силу. — Михаилъ Андреевичъ въ себя стрѣлялъ! Еще вчера. Ступайте скорѣй!

— Какимъ образомъ? Что такое?!—воскликнулъ Ханенко, садясь на постели, но тотчасъ же, не смотря на перепугъ, онъ конфузливо прикрылся одѣяломъ.

— Скорѣй ступайте! Ничего не знаю...

— Сейчасъ! Сейчасъ! Господи помилуй! Диковинно! Уйдите вы-то... Уйдите! А то какъ же при васъ...

Пашута, взявъ себя за голову обѣими руками, быстро вышла изъ горницы.

¹⁾ Окончаніе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. XXXVIII, стр. 5.

Капитанъ сталъ звать денщика, но та же Пашута изъ-за двери крикнула ему:

— Никого нѣтъ! Я одна въ домѣ... Что вамъ нужно?

— Ничего! Ничего!—отозвался капитанъ.

И онъ началъ быстро одѣваться.

— Диковинно! Совсѣмъ диковинно! — повторялъ онъ изрѣдка вслухъ.—А эта-то?.. Здѣсь-то? Меня-то будила?.. Два происшествія! Вѣстимо два!

Черезъ нѣсколько минутъ капитанъ былъ уже одѣтъ и вышелъ.

— Какимъ образомъ? Что случилось?—спросилъ онъ Пашуту.— Отъ кого вы узнали?

— Сейчасъ прибѣгаль лакей оттуда васъ извѣститъ. Я отворила ему и бросилась васъ будить. Ъдемте скорѣй! Возьмите меня съ собой!

— Какъ же вамъ-то, посудите. Васъ тамъ накроетъ полиція?

— До того ли теперь, помилуйте! Вѣдь онъ можетъ кончатся... Лакей сказалъ—очень плохъ. Будетъ ли живъ—невѣдомо...

— Да когда онъ стрѣлялся?

— Еще вчера ввечеру.

— Въ какое мѣсто?

— Ничего не знаю!—съ отчаяніемъ воскликнула Пашута.— Ъдемте скорѣй!

Капитанъ быстро собрался и накиннулъ шинель. Пашута тоже одѣлась, но при выходѣ изъ квартиры Ханенко вдругъ воскликнулъ:

— Гдѣ же мой-то лѣшій? Какъ же квартиру-то бросить? Вы бы остались... Я тотчасъ вернусь. Все вамъ расскажу. А вѣдь тамъ васъ накрыть могутъ!

— Ни за что!—рѣшительно отозвалась Пашута.— Ъдемте!

Ханенко уже хотѣлъ бросить квартиру съ распертой дверью, но въ эту минуту появился съ задняго хода его денщикъ.

— Куда провалился, дьяволъ?!—крикнулъ капитанъ.— Запирай и не отлучайся, покуда не вернусь.

И черезъ нѣсколько минутъ капитанъ съ Пашутой уже сидѣли на извозчикѣ и шибко двигались по направленію къ Невѣ. Ханенко снова распросилъ Пашуту, но она повторила то же самое. Подробностей она никакихъ не знала, такъ какъ лакей прибѣгаль на одну секунду, только оповѣститъ капитана.

Разумѣется, всю дорогу проговорили они оживленно и неумолкая—о Шумскомъ. И только спустя много времени, уже почти подѣзжая къ Морской, капитанъ вспомнилъ, или замѣтилъ, что первый разъ въ жизни имѣлъ такую долгую, простую и безцеремонную бесѣду съ полузнакомой красивой дѣвушкой.

Когда они подѣхали къ квартирѣ, гдѣ жилъ Шумскій, то уже были какъ будто давнишніе хорошіе знакомые и даже болѣе. Что-то общее было между ними. Что-то возникло...

Капитанъ не сталъ звонить, а, пройдя дворъ, вошелъ въ квартиру заднимъ ходомъ.

Первая личность, которая попалась ему не встрѣчу, былъ Шванскій.

— Чтò такое? Ради Создателя!—спросилъ Ханенко.

Шванскій, весь окончательно съѣжившійся, что бывало съ нимъ въ минуты смущенія, развелъ руками, хотѣлъ заговорить, но голосъ его задрожалъ, губы задергались, глаза заморгали.

— Ничего... не понятно...—проговорилъ онъ, запинаясь.—Вчера еще... безъ меня... Маруша была... Ходилъ, сидѣлъ одинъ... и хватилъ...

— Куда?

— Въ грудь. Прямо... А то куда же...

— Въ грудь? Плохо дѣло...—пробурчалъ капитанъ.

— Пожалуйте! Тамъ въ гостиной Петръ Сергѣевичъ и докторъ. Я сейчасъ ѣду за другимъ.

Ханенко прошелъ въ гостиную и нашелъ тамъ Квашнина и доктора, къ которому изрѣдка обращался Шумскій, когда случилось ему хворать.

Разспросивъ тотчасъ встревоженнаго и блѣднаго Квашнина, онъ узналъ только то, что Шумскій наканунѣ, по возвращеніи отъ Аракчеева, выстрѣлилъ себѣ въ грудь, а что объ исходѣ раны сказать покуда ничего нельзя.

Докторъ однако отъ себя прибавилъ, что надежду терять не надо, такъ какъ никакихъ ужасающихъ признаковъ нѣтъ. Пуля прошла недалеко отъ сердца, но очевидно ничего «существеннаго» не повредила. По его мнѣнію, Шумскій долженствовалъ быть убитымъ наповаль. Если онъ остался живъ всю ночь, то долженъ и оставаться въ живыхъ. Вотъ развѣ пуля пойдетъ «путешествовать» и тронетъ сердце... Тогда будетъ не хорошо...

— Чтò именно?—спросилъ капитанъ.

— Смерть... помилуйте...

Ханенко вызвалъ Квашнина въ столовую и вымолвилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Что же все это? Какая причина?

— Непонятно, капитанъ. Совсѣмъ непонятно! Вѣдь вы помните, боялся быть убитымъ, помните всѣ его разговоры. А тутъ вдругъ, оставшись цѣлъ и невредимъ, хватилъ самъ себя.

— Сумасшествіе!—отозвался капитанъ.

— Да, именно сумасшествіе.

— Вы его видѣли?

— Входилъ. Видѣлъ на минуту. Слабъ.

— Но въ памяти?

— Въ памяти. А временами будто бредить...

— Чтò же онъ вамъ сказалъ?

— Да что? Знаете его? Смѣется. Увидаль меня и усмѣхнулся. Говорить: сплеховаль я, Петя! Знаемъ мы, гдѣ сердце помѣщается, да не съ точностью. Слыхали только, что въ лѣвой сторонѣ... Влѣво и палилъ я, да промахнулся. А теперь видно жить надо, да со стыда отъ людей укрываться.

— Со стыда!—выпучилъ глаза капитанъ.

— Да. Стрѣлять въ себя, говорить, можно, а живымъ послѣ этого оставаться смѣшно. Да онъ и не остался бы въ живыхъ— Марѣуша его спасла.

— Какимъ образомъ?

— Она вбѣжала, онъ лежалъ на полу, да тянулся за пистолетомъ. Достала его и хотѣлъ опять палить. Въ голову. Она съ нимъ сцѣпилась... Изъ всѣхъ силъ, говорить, билась съ нимъ и таки отняла.

— Да изъ-за чего? Изъ-за чего?—вымолвилъ капитанъ съ отчаяннымъ жестомъ.

— Неизвѣстно.

— Я думаю, не было ли чего-нибудь у него съ графомъ.

— Можетъ быть,—задумчиво отвѣтилъ Квашнинъ.—Графъ ему пригрозился, можетъ, за карету чѣмъ-нибудь особеннымъ, Сибирью что ли, солдатствомъ. Мало ли чѣмъ.

Ханенко не согласился однако съ этимъ мнѣніемъ.

Въ то же время въ спальнѣ Шумскаго долго длившаяся тишина была прервана появленіемъ Пашуты. Дѣвушка долго ждала за дверями, прислушивалась и, горя отъ нетерпѣнія видѣть Шумскаго, узнать что-нибудь, наконецъ тихонько растворила дверь.

Марѣуша, сидѣвшая на стулѣ около постели, поднялась, и на ципочкахъ вышла въ корридоръ. Пашута схватила ее за руки и ничего не спросила, но Марѣуша, будто понявъ молчаливый вопросъ, отвѣтила шопотомъ:

— Ничего невѣдомо еще... Сказываетъ докторъ, покуда еще ничего... Можетъ еще и будетъ...

Но Марѣуша не договорила и слезы полились изъ глазъ ея.

— Будетъ, будетъ живъ!—вымолвила Пашута.—Я вѣрю.

— И я вѣрю!—проговорила, едва шевельнувъ губами, Марѣуша.—Теперь забылся. Придетъ въ себя, я ему скажу, что вы здѣсь. Захочетъ видѣть. Все ее по имени называлъ сейчасъ...

— Баронессу?—спросила Пашута.

— Да!—отозвалась Марѣуша страннымъ голосомъ и, поникнувъ головой, опустила глаза.—Очнется, я скажу... Онъ вѣдь разговариваетъ.

И дѣвушка, снова отворивъ дверь, вернулась тихонько на свое мѣсто и сѣла около постели, внимательно приглядываясь къ блѣдному лицу лежащаго, которое казалось лишь немногимъ темнѣе подушки.

XLVIII.

Прошло около получаса. Шумскій открылъ глаза и приглядѣлся къ Марѳушѣ.

— Все сидишь?...—произнесъ онъ чуть слышно.

— Чтѣ прикажете?

— Теперь поздно... Приказалъ бы не мѣшать. Теперь нельзя... Помѣшала, — съ разстановкой произнесъ Шумскій. — Глупая ты, глупая. Зачѣмъ ты сунулась... Былъ бы теперь всему конецъ. Опять духу не хватить...

Марѳуша не отвѣчала ни слова.

Наступила пауза.

Шумскій шевельнулся и простоналъ.

— А вѣдь больно!—выговорилъ онъ.

— Вы не двигайтесь! Полежите спокойно. Иванъ Андреевичъ сейчасъ прїѣдетъ съ другимъ докторомъ.

— Чѣмъ ихъ больше, то хуже! А чтѣ говорятъ они? Не лги! Скажи по совѣсти.

— Говорю же я вамъ который разъ по чести, по совѣсти, Говорятъ: ничего, бѣды нѣтъ. Миновала пуля... все такое... Необходимое... И ее вынуть можно...

— Я это самъ чую. Необходимаго,—усмѣхнулся онъ,—ничего не повреждено. Только больно... Не то судьба, не то я дуракъ! Въ башку вѣрнѣе бы было.

— Богъ съ вами!

— Да. Не хотѣлъ башку портить. Дуракъ и вышелъ... Да и ты вотъ помѣшала! Слѣдъ бы околѣть? На кой прахъ я тутъ нуженъ?

— Баронессѣ нужны...—глухимъ голосомъ проговорила Марѳуша, потупляясь.

— Эвось! Черезъ мѣсяцъ утѣшилась бы.

— Ну, другому кому нужны...

— Больше никому.

— Не правда это! Не одна она на свѣтѣ. Есть и другіе. Такіе, что за васъ помереть сейчасъ готовы.

— Ты, Марѳуша? Знаю... Тебѣ я вѣрю. Ты вотъ, дѣйствительно, одна на свѣтѣ ко мнѣ...

Но Шумскій, не договоривъ, двинулся и, сдѣлавъ гримасу, охнулъ.

— Да не двигайтесь, ради Создателя!—воскликнула Марѳуша, вставая къ нему.

Шумскій тотчасъ закрылъ глаза и, замѣтно ослабѣвъ отъ разговора, снова впалъ въ полусознательное состояніе. Прошло около получаса полной тишины въ спальнѣ. Марѳуша сидѣла недвижно

и не спуская глазъ съ лица лежащаго. Изрѣдка слезы набѣгали на глаза ея и она украдкой быстро утирала ихъ.

Наконецъ, дверь осторожно растворилась и появился, едва переступая, на ципочкахъ, Шванскій. Онъ приблизился къ дѣвушкѣ, нагнулся надъ ней и шепнулъ ей на ухо:

— Привель... Хирургъ онъ прозывается... Вырѣзать пулю будутъ... Какъ онъ? Приходилъ въ себя?

— Ничего. Говорилъ даже много...—шепнула Мареуша.

— Ты бы пла, Мареуша, отдохнула... Спать бы легла.

Дѣвушка мотнула головой.

— Вѣдь ты всю ночь тутъ сидѣла. Заснуть надо. Устала вѣдь. Поди лягъ, да выспись...

Мареуша улыбнулась едва замѣтной, горькой улыбкой и не отвѣтила.

— Право бы пла. Теперь не нужно,—шепталъ Шванскій жалостливо.—Да чаю бы напилась, или поѣла чего. Сколько часовъ уже ты сидишь не пимши, не ѣмши. Поди хоть чаю напейся! Самоваръ готовъ.

Мареуша подняла глаза на Шванскаго, присмотрѣлась къ нему и вдругъ снова улыбнулась той же улыбкой. Чтò-то особенное сказалось въ этой улыбкѣ и въ выраженіи лица ея. Шванскому почудилось Богъ вѣсть чтò! Нѣчто, кольнувшее его въ сердце. Ему почудились и упрекъ, и презрѣніе, и озлобленіе. Никогда еще не вѣста его не смотрѣла на него такими глазами.

— Чтò же? Никто не виновать! Самъ захотѣлъ! — шепнулъ онъ.— Пить, ѣсть все-таки надо. Кто живетъ, кто умираетъ... И мы помремъ.

— Ахъ, полноте!—вымолвила Мареуша, закрыла глаза рукой и отвернулась.

Шванскій постоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, потомъ снова нагнулся къ дѣвушкѣ и шепнулъ:

— Какъ очнется, скажи... Они говорятъ, что надо скорѣе пулю искать и вырѣзывать... Чѣмъ дольше съ ней, то хуже...

Мареуша встрепенулась, почти вздрогнула и пытливо присмотрѣлась къ лицу Шванскаго. Онъ кивнулъ головой, какъ бы подтверждавая сказанное.

— А если еще хуже... вырѣзать?—шепнула она.

— Не нашего разума дѣло. Сказываетъ и этотъ и тотъ докторъ, что я привезъ, что надо скорѣе.

Мареуша встала со стула, выпрямилась, будто рѣшаясь на чтò-то особенное, и, затѣмъ, постоявъ мгновенье, перекрестилась...

Шванскій удивленно глядѣлъ на дѣвушку. Мареуша протянула руку и положила ее тихонько на плечо лежащаго.

Шумскій открылъ глаза на половину, но взоръ его былъ не ясенъ, какъ бы въ полуснѣ.

— Михаилъ Андреевичъ, докторъ хочетъ съ вами поговорить,— произнесла Марѳуша.

— Двое-съ... Двое тутъ,— добавилъ Шванскій.— Сказываютъ, надо пулю поискать...

— Ну, что же... Зови... Пускай ищутъ,— тихо заговорилъ Шумскій.— Прикажи чертямъ: шершъ, пиль и апортъ...

Шванскій кисло улыбнулся, вышелъ позвать докторовъ.

— Какъ же это они... искать будутъ, Марѳуша?

— Не знаю-съ,— съ оттѣнкомъ тревоги отозвалась дѣвушка и, отвернувшись, отошла, чтобы скрыть выступившія на глаза слезы.

— Ну, что же... Съ однимъ докторомъ помереть можно... а съ двумя—должно,—пошутилъ Шумскій и ухмыльнулся, но принужденно и грустно.

Послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанья, видя, что Марѳуша все что-то перестанавливаетъ на столѣ безъ нужды, стоя къ нему спиной, онъ позвалъ ее. Дѣвушка быстрымъ движеніемъ отерла лицо отъ слезъ и подошла къ постели. Онъ замѣтилъ все и вымолвилъ:

— Марѳуша... Знаешь что...

— Что прикажете?..

— У тебя рука легкая... Или сказать—губы легкія... Ты меня передъ кукушкой поцѣловала... Ну, вотъ и теперь на счастье надо...

Марѳуша поняла, вспыхнула отъ восторженнаго чувства, захватившаго вдругъ сердце, но не двигалась, сама не зная почему.

— Что же? Поцѣлуй на счастье...

Марѳуша нагнулась, чувствуя себя въ какомъ-то туманѣ, взяла Шумскаго бережно за голову обѣими руками и прильнула губами къ его губамъ. Но тотчасъ же, не поборовъ себя, не выдержавъ, она зарыдала и бросилась вонъ изъ спальни. Шумскій вздохнулъ, но взгляды его оживился... Онъ что-то почувствовалъ сейчасъ въ себѣ отъ поцѣлуя дѣвушки, что-то ясное, сильное, новое... Что-то еще неизвѣданное. Быть можетъ то, что горѣло огнемъ въ душѣ Марѳуши, заронило искру и въ него... Онъ попросилъ поцѣлуй ради шутки, а теперь ему казалось, что и въ самомъ дѣлѣ все обойдется благополучно, что этотъ поцѣлуй дѣйствительно принесетъ ему счастье... Онъ это не только думалъ, но даже будто чувствовалъ...

— Ну, Иванъ Андреевичъ,— прошепталъ Шумскій, улыбаясь почти весело,— ты моли Бога, чтобы я померъ. А то тебѣ, что свои уши, что Марѳуши—равно не видать...

Дверь изъ корридора растворилась и въ спальнѣ появились оба доктора, а за ними Квашнинъ, капитанъ и Шванскій. Когда всѣ вошедшіе затворили за собой дверь, Марѳуша, шедшая за ними, стала близъ нея въ корридорѣ и начала прислушиваться... Въ ту же минуту въ передней раздался осторожный звонокъ... Спустя немного

снова звонокъ повторился... Наконецъ, въ третій разъ прозвенѣлъ колокольчикъ. Мареуша вспомнила, что всѣхъ людей разослали въ разныя стороны и быстро двинулась отворить дверь подъѣзда. Предъ ней оказался господинъ, старый и важный на видъ...

— Что г. Шумскій? Какъ его положеніе?—спросилъ прибывшій съ акцентомъ, который удивилъ дѣвушку. Баринъ былъ, очевидно, не русскій.

Мареуша объяснила все толково и подробно, потому что замѣтила въ старикѣ-баринѣ ясно сказывающееся участіе и даже тревогу.

Выслушавъ все, старикъ выговорилъ еще болѣе взволнованно:

— Когда будетъ г. Шумскій здоровъ, скажите ему, что были узнать объ его здоровьѣ баронъ Нейдшильдъ и его дочь... Баронесса тутъ въ каретѣ... Поняли вы?..

— Поняла,—протяжно и упавшимъ голосомъ произнесла Мареуша и понурилась.

Баронъ вышелъ и сѣлъ въ свою карету, въ которой никого не было.

XLIX.

Въ Грузинѣ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней послѣ бѣгства Пашуты съ братомъ длилась настоящая буря. Настасья Ѳедоровна была внѣ себя отъ злобы и, какъ разъяренный звѣрь, доходила до такого бѣшенства, что рвала на себѣ волосы и била себя кулаками по головѣ. Если бы въ эту минуту попались ей въ руки эти двѣ жертвы, то, конечно, они не остались бы въ живыхъ отъ истязаній.

Заподозривъ и наказавъ зря около дюжины женщинъ, Настасья Ѳедоровна не выдержала и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что была сожительницей Аракчеева, распространила свой гнѣвъ на мужской персоналъ усадьбы. Не смотря на строгое запрещеніе графа наказывать кого-либо изъ дворовыхъ помимо женщинъ, Настасья Ѳедоровна присудила «къ разсолу» двоихъ людей, которыхъ подозревала, какъ пособниковъ, помогавшихъ бѣглецамъ.

Погоня, разумѣется, была послана повсюду. Тотчасъ же былъ отправленъ гонецъ къ графу въ Петербургъ и столичная полиція была имъ увѣдомлена. Настасья Ѳедоровна не сомнѣвалась въ томъ, что и дѣвушка, и поваренокъ, будутъ вскорѣ розысканы и доставлены, но озлобленное нетерпѣніе, звѣрская жажда мести, требовали, чтобы жертвы тотчасъ же, безъ малѣйшаго промедленія очутились въ ея власти. Местъ черезъ нѣсколько сутокъ не была бы такъ сладка, какъ теперь, а удовлетвореніе этого чувства было въ Минкиной такой же страстью, какъ и къ вину.

На третій день она, однако, успокоилась нѣсколько и въ сумерки была даже въ особо-хорошемъ расположеніи духа. Многихъ грузинцевъ обстоятельство это удивило. Пошли толки, догадки.

Такъ какъ всѣ ожидали, что «Аракчеевская графиня» будетъ свирѣпствовать вплоть до появленія бѣглецовъ, то неожиданная переменѣна въ ней заставила всѣхъ обитателей Грүзина неудомѣвать и стараться разгадать загадку.

И при этомъ всеобщемъ настроеніи не мудрено было отгадать нѣчто, или придумать. И всѣ дворовые, находившіеся въ ближайшихъ отношеніяхъ къ графской сожительницѣ, сразу, будто по мановенію жезла волшебника, додумались до невѣроятнаго умозаключенія, которое ихъ самихъ испугало.

Всѣ ли они были заднимъ умомъ крѣпки, или всѣ и прежде думали нѣчто, но мысленно отрицали догадку, или случилось что-нибудь новое, мелкое, едва замѣтное, но подтвердившее давнишнее подозрѣніе. Однако, всѣ кому пришло это нѣчто на умъ, не только молчали, но боялись даже и думать о новости.

А это нѣчто новое, смутно мелькавшее въ головѣ грүзинцевъ, были подозрительныя отношенія, возникшія между Настасьей Ѳедоровной и тѣмъ молодымъ аптекарскимъ помощникомъ, котораго когда-то графъ взялъ въ домъ.

Молодой малый, тихій, скромный до нельзя, кроткій, но нѣсколько хитрый и осторожный, уже давно счумѣлъ себя поставить извѣстнымъ образомъ въ усадьбѣ. Красивый и молодой, по наружности совсѣмъ баринъ-дворянинъ, съ бѣлыми, чистыми руками, съ изящными движеніями, онъ совсѣмъ не подходилъ къ должности помощника дворецкаго, въ которую вдругъ попалъ.

И скоро этотъ новый обыватель Грүзина, по имени Петръ Ивановичъ Силинъ, сталъ любимъ и уважаемъ всѣми. Вскорѣ замѣтили, что онъ становится особымъ любимцемъ графа, умѣетъ ладить съ нимъ. Петру Ивановичу случалось иногда по часу оставаться въ кабинетѣ графа и бесѣдовать съ нимъ. О чемъ шла бесѣда, никто, конечно, не зналъ, но всѣ замѣчали, что послѣ каждаго раза Аракчеевъ все мягче и ласковѣ относился къ молодому человѣку.

Черезъ нѣсколько времени Петръ Ивановичъ сталъ появляться на половинѣ у Настасьи Ѳедоровны, оставаться у нея, бесѣдуя съ ней. Наконецъ, она стала звать его къ себѣ чаще, то «на чашку чаю», то «на словечко». Но чашка чая длилась часа по три, словечко длилось по часу.

Грүзинцы поняли, что Настасья ухаживаетъ за любимцемъ графа, желая расположить его въ свою пользу, боясь извѣстнаго рода соперничества. Подобное отношеніе ея къ людямъ, которые нравились графу, было не новостью. Всѣхъ, кого ласкалъ Аракчеевъ, дарила и она своимъ вниманіемъ и заискивала предъ ними, какъ бы опасаясь ихъ вліянія.

Однако, вскорѣ грүзинцамъ стало казаться, что Настасья Ѳедоровна относится къ Силину черезчуръ милостиво. Сидѣнье его у

нея въ гостяхъ становилось все продолжительнѣе. Иногда онъ выходилъ отъ нея уже очень поздно вечеромъ, и каждый разъ послѣ этого Настасья Ѳедоровна бывала въ такомъ добродушномъ расположеніи духа, что грузинцы дивились.

— Волкъ овечью шкуру вздѣлъ! — говорили они.

И вдругъ теперь, на третій день послѣ бури, по поводу бѣгства Пашуты и Васьки, грузинцы невѣдомо почему, вдругъ нѣчто сообразили и поняли. Случилось ли это отъ какой-либо неосторожности самой Настасьи или Силина, или отъ чего-либо бросившагося кому-либо въ глаза, но въ этотъ день всѣ обитатели, переглядываясь, ни слова другъ дружкѣ не говорили о новости, но всѣ понимали, что у каждаго изъ нихъ въ мысляхъ одно и то же соображеніе.

Разумѣется, каждому изъ обитателей тотчасъ пришелъ на умъ вопросъ:

«Что же будетъ, если это нѣчто раскроется и дойдетъ до графа?»

Но какъ дойдетъ? Самъ графъ никогда до этого не додумается, а изъ грузинцевъ, конечно, никто не пойдетъ рисковать своей головой.

Когда, на четвертый или пятый день по исчезновеніи бѣглецовъ, въ Грузинѣ появился снова изъ Петербурга самъ властелинъ, то нашелъ въ усадьбѣ тишину, миръ и согласіе. Что произошло въ первые три дня онъ не зналъ. Никто не рѣшился идти сказать ему какая была сумятица, какая буря, а тѣмъ менѣе никто не доложилъ о томъ, что Настасья Ѳедоровна простерла свои права въ наказаніяхъ на мужской персоналъ.

Графъ, узнавъ отъ гонца, что двое людей, бывшихъ слугъ Шумскаго, бѣжали изъ Грузина и, по всей вѣроятности, въ Петербургъ, строжайше приказалъ розыскать ихъ черезъ полицію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Аракчеевъ наивно удивлялся теперь, какъ спокойно отнеслась къ этому дерзкому бѣгству сама Настасья Ѳедоровна.

По приѣздѣ въ Грузино графъ тотчасъ объяснилъ Минкиной, что послѣ занятій дѣлами, онъ ввечеру будетъ къ ней въ гости побесѣдовать о «важнѣшей матеріи».

Настасья Ѳедоровна сдѣлала видъ, что обрадовалась предстоящей бесѣдѣ и тотчасъ же объяснила, какъ она стосковалась по графѣ.

— Одно мое спасеніе въ ваше отсутствіе — это Петръ Ивановичъ, — доложила она. — Съ нимъ все сию, а безъ него просто бѣда была бы. Онъ меня все развлекаетъ всякими рассказами.

Такимъ образомъ, Минкина сама первая, по своему обыкновенію, доложила графу о томъ, что могло дойти до его свѣдѣнія черезъ людей.

И Аракчеевъ, встрѣтивъ въ корридорѣ молодого челоуѣка, ласково треснулъ его по плечу.

— Спасибо! Настасью Ѳедоровну развлекаешь. скучать не даешь! — выговорилъ онъ.

Петръ Ивановичъ улыбнулся кротко и покорно, онъ хотѣлъ было глянуть въ лицо графу, чтобы видѣть его выраженіе, но духу, однако, у него не хватило.

Въ вечеру графъ, явившись къ своей сожительницѣ, усѣлся къ столу, гдѣ былъ накрытъ чай, но затворилъ тщательно дверь за собой. Затѣмъ, посидѣвъ молча нѣсколько минутъ, онъ вмѣсто того, чтобы начать говорить, приказалъ Настасьѣ Ѳедоровнѣ выслать всѣхъ изъ сосѣдней горницы и не приказывать входить впредь до разрѣшенія.

— Эдакъ-то лучше будетъ!—прибавилъ онъ.

Минкина нѣсколько смутилась отъ неожиданности, понявъ, что бесѣда будетъ не простая, а какое-то очень важное объясненіе. Что именно—она не могла себѣ представить. Выславъ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ въ сосѣдней горницѣ, она быстро вернулась съ встревоженнымъ взглядомъ и выговорила глухо:

— Чтожъ такое? Случилось что новое, не хорошее? Государь разгнѣвался?

— Государю на меня гнѣваться не за что, Настенька,—отозвался графъ, ухмыляясь самодовольно.

Такъ какъ это уменьшительное имя женщины появлялось на языкѣ Аракчеева крайне рѣдко, а обыкновенно онъ называлъ ее именемъ и отчествомъ, то женщина сразу успокоилась. Нѣчто новое и важное, если и будетъ, то касается не до нея.

L.

Новость, привезенная графомъ въ Грузино, касалась Шумскаго. Графъ сначала кратко рассказалъ своей сожительницѣ о шутковской каретѣ, изъ-за которой было столько шума въ городѣ, что толки дошли даже до государя. Когда у графа былъ докладъ объ окраскѣ казенныхъ зданій въ три колера, то государь приказалъ только повременить, а покуда окрасить лишь заборы и столбы казенныхъ зданій.

Затѣмъ, Аракчеевъ сталъ подробно рассказывать о поединкѣ Шумскаго съ Фонъ-Энзе.

Настасья Ѳедоровна пылливо слушала рассказъ, не перебивая, такъ какъ графъ этого не любилъ и съ замираніемъ сердца ждала конца, ждала доброй вѣсти. Авось Шумскій, если не убить, то по крайней мѣрѣ раненъ! Но когда графъ передалъ все и кончилъ, то женщина вздохнула и подумала про себя:

— Лѣшій! И пуля-то его не беретъ! Видно въ наказаніе Божеское посланъ.

Но затѣмъ графъ послѣ паузы выговорилъ:

— Ну, а теперь, Настенька, лежитъ нашъ Михаилъ въ постели съ прострѣленной грудью.

— Какимъ образомъ?.. — встрепенулась, всплеснула руками и вскочила съ мѣста Минкина.

— Самъ себя хватилъ!..

Настасья Федоровна оторопѣла и уже хотѣла сказать: «Быть не можетъ!» но сдержалась.

Графъ такихъ восклицаній на его слова не любилъ. Когда и не вѣрилось кому, то всё дѣлали видъ, что вѣрятъ.

— Самъ въ себя стрѣлялъ? — произнесла она, изумляясь.

— Да. Самъ въ себя.

— Безъ всякой причины? Со зла, или съ чего особаго?

— Вѣрно, отгадала, Настенька. Причина была — злоба!.. Причиною графъ Алексѣй Андреевичъ.

И онъ показалъ пальцемъ себѣ на грудь.

— Вы изволили ему приказать? — не сообразила женщина.

— Чтò ты, голубушка! Еслибъ я и приказалъ, такъ развѣ онъ такое приказаніе исполнить. А я ему, не воздержавшись, кой за чтò сразу заплатилъ... И немногимъ заплатилъ... мелочью!.. Мелкой монетой на водку далъ... Да, видишь ли, гордость и самомнѣніе въ немъ какъ два звѣря сидятъ. Онъ и этой мелочи не снесъ, пріѣхалъ домой и хватилъ въ себя.

— Простите... Побили вы его чтò ли?..

— И того меньше, Настенька!

— За вихоръ оттаскали?..

— И того меньше.

— Ну, за ухо?..

— И того меньше! — уже разсмѣялся Аракчеевъ.

Настасья Федоровна сочла нужнымъ улыбнуться тоже, но раз вела руками.

— Я его обругалъ за всё его злодѣйства на себя и на тебя пообѣщавъ стереть съ лица земли. И сотру! — вдругъ глухо прибавилъ Аракчеевъ. — Но не это заставило его покуситься на самоубійство, а гордость его. Обидно ему показалось то, чтò я сдѣлалъ...

— А чтò собственно? Вы вѣдь не изволили сказать.

— Я ему плюнулъ въ лицо...

— Такъ отъ этого? Полноте? Чтò вы! Отъ этого? Да полноте Это онъ вретъ... Кто же изъ-за этого будетъ себя убивать! Вретъ онъ...

— Вратъ онъ не могъ, Настасья Федоровна, — выговорилъ Аракчеевъ другимъ голосомъ. — Я его не видалъ и видѣть не желаю. И никому онъ ни словомъ не обмолвился. Но я-то знаю, что этому гордецу и моего плевка было не въ моготу перенести. Въ немъ столько самовозвеличенія, что будь оно правильно имъ понимаемо и чувствуемо, то на многія бы его большія дѣла, годныя для государственства подвинуло. Не съумѣли мы его воспитать, или же, такъ онъ уродился. Или ужъ прямо разсудить, просто, — изъ хо-

лопской крови ничего не подѣлаешь! Быль онъ хамъ родомъ, хамомъ и остался.

Настасья Федоровна, смотрѣвшая все время въ лицо графу, опустила глаза при послѣднихъ словахъ.

— Обѣщались вы простить и не поминать про это,—вымолвила она чуть слышно.

— Простить я простилъ, сама знаешь, Настенька, и не поминать обѣщался укоромъ или упрекомъ. Я теперь поминаю ради поясненія. Впрочемъ, мы это одни, да Авдотья еще только и знаемъ... Я ему въ Петербургѣ съизнова подтвердилъ, что онъ лжетъ и привередничаетъ, что онъ нашъ сынъ. Да и поединокъ его въ Петербургѣ такъ поняли, что онъ заступился за вашу честь и убилъ офицера, который его прославилъ подкидышемъ. Мы съ вами, стало, одни знаемъ, что онъ мужицкой крови приемышъ. Да, не въ упрекъ будь вамъ сказано, въ лихой часъ разыграли вы все это представление. Не будь у насъ этого мерзавца Мишки на плечахъ, жилось бы намъ много спокойнѣе и счастливѣе. Ну, да вотъ скоро... подкидыша этого я...

— Ну, вотъ вы и попрекнули,—перебила тихо Настасья Федоровна.

— Ну, прости, послѣдній разъ! Да и не придется... Я съ нимъ рѣшила покончить. Вотъ это насъ и успокоить.

Настасья Федоровна хотѣла задать вопросъ, но не рѣшилась и только поглядѣла Аракчееву въ лицо. Онъ догадался, что она спрашиваетъ.

— Какимъ образомъ покончу я съ нимъ, желаете знать? А очень просто! Доложу государю и государь сниметъ съ него званіе флигель-адъютанта. А тамъ изъ офицерскаго званія переведу его въ совсѣмъ иное. Въмѣсто мундира надѣнетъ онъ у меня рясу и поступитъ въ послушаніе въ какой-нибудь дальній монастырь.

Настасья Федоровна вытаращила глаза и молчала.

— Удивительно кажется?

— Да-съ...

— Почему же?

— Этимъ мы отъ него не избавимся. Онъ и въ монастырѣ будетъ соблазнъ всякій заводить.

— Переведутъ въ другой, третій... Есть и дальніе монастыри, есть и такіе, гдѣ только бѣлые медвѣди водятся.

— Вотъ это иное дѣло!—воскликнула Настасья Федоровна, и лицо ея прояснилось.

— Стало быть, вскорѣ мы можемъ съ вами успокоиться. Не подохнетъ онъ отъ своей теперешней раны,—а доктора увѣряютъ, что онъ скоро справится,—то мы его преобразимъ въ монахи. Почему знать, можетъ быть, молитвенное состояніе приведетъ его на путь истинный. Можетъ быть, когда-нибудь игуменомъ будетъ.

Настасья Федоровна покачала головой.

— Не думаю!—вымолвила она.—Пуще обозлится! И такое творить начнетъ, что всякую обитель святую разнесетъ.

— И я тоже думаю. Ну, тогда и препроводятъ его въ такую обитель, гдѣ по полугоду, бываетъ, солнце не встаетъ,—ночь, да бѣлые медвѣди кругомъ ходятъ и въ кельи заглядываютъ.

— О, Господи!—вздохнула притворно Минкина.—Да неужто же такія обители есть?

— Есть. Ну, вотъ все. Можешь радоваться, я рѣшился. Долго меня это смущало, но, наконецъ, рѣшеніе мое вышло и теперь я его не переменяю. Онъ и не знаетъ и не зналъ, безпутный и неблагодарный, какую важность возымѣетъ его шутовская карета. Въдь на ней, Настенька, было написано красными буквами, аршинными... Знаешь ли что? Дуракъ!.. Да!

Наступила пауза.

— Кто дуракъ-то? Первый любимецъ монарха, военный министр!—прокричалъ вдругъ графъ почти громовымъ голосомъ, но сразу смолкъ и оглядѣлся дикими, бѣшенными глазами въ горницѣ.

Затѣмъ онъ вскочилъ съ мѣста и прошелся нѣсколько разъ по горницѣ.

— Ну, чортъ съ нимъ!—выговорилъ онъ спокойнѣе.—Онъ карету соорудилъ, а я монашку сооружу. Карету-то сожгли. Черезъ мѣсяцъ о ней и помину не будетъ, а монашка-то въ ряскѣ еще лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ погуляетъ. Онъ пошутить часъ времени, а моя шутка будетъ много продолжительнѣе. Послѣ флигель-адъютанства пускай кадило подаетъ, свѣчи ставитъ, на клиросѣ поетъ, да прислуживаетъ. А то и въ сѣняхъ около келій да на лѣстницѣ потолчется, прислуживая какому ни на есть архимандриту. Коли пуля не сожрала его, такъ гордость сожретъ насквозь. Гордость униженная ѣстъ человѣка, какъ ржавчина желѣзо ѣстъ. И насъ на свѣтѣ не будетъ, а онъ будетъ у меня мучиться, и раскаяваться! Хотѣлъ было я его въ солдаты упечь. Да нѣтъ, за что же? А вотъ въ монашки... Пускай, подлая тварь, Богу молится!—Это ему будетъ самое тяжкое, губительное терзаніе. Это все равно, что чорта заставить Богу молиться. Пущаго наказанія и не выдумать. Это я только съ моимъ умомъ могъ надумать.

— Да-съ. Ужъ это точно...—подобострастно произнесла Минкина.—Я сразу-то не поняла. А вотъ теперь смекаю. Въ особенности если вотъ въ такую святую обитель упечь, гдѣ, какъ вы изволите сказывать, бѣлые медвѣди водятся.

— Въ такую и попадетъ, мерзавецъ.

И графъ довольный, съ улыбающимся лицомъ, вышелъ отъ своей сожигальницы и направился къ себѣ.

Въ дверяхъ корридора, женщина, поджидавшая его, повалилась ему въ ноги. Онъ остановился и вымолвилъ сухо:

- А?.. Мамка! Прослышала. Въ Петербургъ просишься...
- Отпустите... Видѣться... Помереть можетъ,—произнесла Авдотья Лукьяновна, всхлипывая.
- Пустое... Не помереть, небось... Ты ужь съѣздила разъ, насочинительствовала довольно. Теперь и посиди дома. Видишь мать родная не тревожится, не собирается, такъ чтожь нянькѣ-то скакать...—ухмыльнулся графъ и прошелъ мимо.

II.

Операція извлеченія пули сошла совершенно благополучно, такъ какъ оказалась очень легкой. Доктора нашли ее надъ лопаткой, чуть не подъ кожей и понадобился очень не глубокой разрѣзъ, чтобы извлечь ее. Но по странной случайности, вслѣдствіе ли раны, или по инымъ и нравственнымъ причинамъ, но въ тотъ же день Шумскому стало много хуже.

Явилась горячка, съ минутами сознанія и цѣлыми часами вполнѣ безсознательнаго состоянія. Крайняя слабость и болѣзненное возбужденіе чередовались очень быстро. Ночью, а иногда и днемъ, являлся бредъ, но не тихій, а бурный.

Шумскій разсуждалъ озлобленно, грозился, или страстно умолялъ, но съ кѣмъ и о чемъ понять было невозможно даже Марѳушѣ, которая не отходила отъ постели больного ни на мгновеніе, ни на шагъ. Дѣвушка знала почти все касающееся до этого дорогого ей человѣка и его личной жизни и все-таки путалась въ соображеніяхъ.

Шумскій поминалъ въ бреду и Аракчеева, и Настасью Федоровну, и свою мать, часто поминалъ и Марѳушу, и она иногда откликалась даже, думая, что онъ зоветъ ее.

Не смотря на свои опасенія за больного, грусть и отчаяніе и, наконецъ, на крайнюю усталость, Марѳуша все-таки за это время нашла нѣчто, что было для нея огромнымъ утѣшеніемъ, огромной радостью.

За все время, въ бреду и въ минуты тихаго и полного сознанія, Шумскій ни разу не упомянулъ одного имени, которое всегда заставляло больно сжиматься сердце дѣвушки.

Марѳуша уже свыкшаяся съ мыслию, что она безумно любитъ Шумскаго, не могла равнодушно относиться къ этой личности.

Волей-неволей дѣвушка, конечно, ревновала его къ баронессѣ, хотя это казалось ей подчасъ нелѣпымъ и дерзкимъ до чудовищности. Она наивно удивлялась своей крайней дерзости!—Смѣть ревновать его!.. И къ кому же?.. Къ барышнѣ-баронессѣ, замѣчательной красавицѣ!

Но, разумѣется, не смотря на разныя ея разсужденія, глубокое чувство брало верхъ. И теперь Марѳуша была счастлива, была

награждена за свой уходъ за больнымъ, именно этой необъяснимой случайностью. Она съ восторгомъ соображала и обдумывала эту странность, что въ бреду, Шумскій, ни единого разу не произнесъ: Ева, или баронесса.

Мареуша силилась, но никакъ не могла уразумѣть, что могло значить это обстоятельство. Почему больной называетъ изрѣдка по имени даже Биллинга, даже Копчика, и ни разу съ языка его не сорвалось имя его возлюбленной.

Острое болѣзненное состояніе продолжалось долго, около недѣли. Два доктора ѣздили постоянно и вскорѣ стало очевидно для всѣхъ, отъ Мареуши до послѣдняго человѣка въ домѣ, что врачи сами не понимаютъ и не знаютъ, что творится съ больнымъ и что предпринять.

Мареуша рѣшилась взять на себя отвѣтственность и на шестой день стала посылать Шваньскаго за простымъ знахаремъ, жившимъ около лавры, про котораго рассказывали всякія диковины. Шваньскій колебался взять это на себя и посоветовался съ капитаномъ, который навѣщалъ теперь больного всякій день, равно, какъ и Квашинъ.

Капитанъ тоже не пошелъ на такой рѣшительный шагъ, въ виду серьезнаго состоянія раненаго.

— А ну какъ онъ что дастъ, да хуже будетъ? У насъ на совѣсти останется, что мы уморили Михаила Андреевича,—сказалъ онъ.

Подумавъ, однако, Ханенко заявилъ Шваньскому, что онъ посоветуется съ однимъ «человѣкомъ» и вечеромъ привезетъ рѣшительный отвѣтъ, посылать или нѣтъ за знахаремъ.

— А кто это такой?—спросилъ Иванъ Андреевичъ.

— А это такой человѣкъ, котораго я считаю самымъ умнымъ изъ всѣхъ кого знаю. Умень онъ и головою, умень и сердцемъ, умень и всѣми чувствами своими. Коли скажетъ онъ посылать, то приѣду и тоже скажу—посылать.

Въ тотъ же день вечеромъ Ханенко явился снова и бодро объявилъ Шваньскому, что, по мнѣнію лица, къ которому онъ обращался, надо за знахаремъ послать. И Иванъ Андреевичъ, не смотря на позднее время, тотчасъ же отправился.

Имя личности, къ которой капитанъ обращался, осталось его тайной. А личность эта была никто иная, какъ Пашута, продолжавшая жить и скрываться отъ полиціи въ квартирѣ Ханенко.

Знахарь, явившійся поздно вечеромъ, попалъ какъ разъ въ минуту бурнаго бреда. Онъ внимательно переглядѣлъ все, что стояло въ баночкахъ и пузырькахъ, обильно выписываемое изъ аптекъ по рецептамъ докторовъ. При этомъ онъ не выразилъ ни одобренія, ни порицанія. На вопросъ Шваньскаго, что онъ думаетъ о лекарствахъ, онъ отвѣтилъ:

— Дѣло извѣстное! Завсегда такъ, у нихъ, дохтуровъ, лекарей сотни, у меня вотъ только два. Имъ выбирать мудрено, они и путаются, не знаютъ, что дать; а мнѣ выбирать не мудрено—либо одно, либо другое.

Однако, знахарь объявилъ, что останется до утра въ квартирѣ и только при дневномъ свѣтѣ, снова осмотрѣвъ больного, рѣшится лечить.

Вѣшность народнаго цѣлителя-самоучки произвела на Марѳу такое хорошее впечатлѣнiе, что она тотчасъ же сообщила Шваньскому свое мнѣнiе.

— Поглядите, завтра же будетъ Михаилу Андреевичу лучше. Удивителенъ мнѣ кажется этотъ знахарь. Вѣра у меня въ него есть...

Разумъ ли подсказалъ Марѳушѣ, или любящее сердце, чего слѣдовало отъ знахаря ожидать, но ея предчувствiе не было обмануто.

На утро, когда знахарь осматривалъ больного, Шумскiй пришелъ въ себя, сознательно оглядѣлся и, увидя новую личность, спросилъ, что за фигура стоитъ предъ нимъ. Ему сказали, что это фельдшеръ. Онъ улыбнулся...

— Съ бородой-то?—вымолвилъ онъ недовѣрчиво.—Знаю я отлично—кто ты такой!—прибавилъ онъ слабымъ голосомъ.

— А кто же по вашему?—спросилъ знахарь.

— Вѣстимо, кто... Рано только пришелъ... Приходи, денька черезъ два, три, да дорого съ ними вотъ... не бери...

Слова эти привели въ недоумѣнiе, стоявшихъ за спиной знахаря, Марѳушу и Шваньскаго.

— Да вы что же полагаете?—спросила Марѳуша, тревожнымъ голосомъ и выступая впередъ.

— Гробовщикъ!..—вымолвилъ Шумскiй, снова улыбаясь.

— Господь съ вами! Что вы!—воскликнула Марѳуша.—Да развѣ это можно? Вы живы, да и здоровы. Черезъ недѣлю вы совсѣмъ на ногахъ будете. Это я вамъ говорю! Я! Во снѣ видѣла я—и вѣрю...

— Вотъ это самое вѣрное—во снѣ,—забормоталъ Шумскiй тихо.—Все вздоръ на свѣтѣ! Пустое! Самое вѣрное на свѣтѣ—сны людскiе. Что сонъ, то, вишь, вздоръ, а то, что, вишь, важнѣйшее, то все сны и есть. Вотъ и я, Шумскiй,—сонъ.

И слова больного, которые не были бредомъ, хотя сочтены были таковыми, тотчасъ же перешли въ настоящiй бредъ.

Знахарь тотчасъ же сходилъ въ аптеку, купилъ чего-то и принялся стряпать, но никого не допускалъ къ себѣ, запершись въ томъ же чуланѣ, гдѣ когда-то сидѣла подъ арестомъ Пашута.

Около полудня Шумскiй выпилъ цѣлый стаканъ снадобья, приготовленнаго знахаремъ. И за этотъ день бреда не было. Онъ пролежалъ спокойно. Вечеромъ ему снова дали того же питья и ночью,

сидѣвшая около постели, Мареуша задремала тоже, такъ какъ въ спальнѣ царилъ полная тишина. Больной лежалъ уже не въ забыты и не въ бреду, а спокойно спалъ и ровно дышалъ.

На третій день, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ того же питья, Шумскій хотя былъ въ постели, слабый, но съ спокойнымъ взглядомъ и съ ясной мыслью въ головѣ. Онъ снова вспоминалъ и расспрашивалъ все происшедшее у Мареуши въ подробностяхъ. Онъ, помнившій, что покушался на самоубійство, помнившій даже подробности второго дня послѣ своего поступка, теперь окончательно забылъ многое.

Съ этого дня выздоровленіе пошло быстро. Сильный организмъ, поборовъ болѣзнь, освобождался отъ нея чрезвычайно быстро. Не прошло недѣли послѣ появленія въ домѣ знахаря, какъ Шумскій уже сидѣлъ въ постели по часу и долѣе, уже снова курилъ, требуя трубку за трубкой. При этомъ онъ снова шутилъ, но только исключительно съ одной Мареушей и оставаясь съ ней наединѣ.

Дѣвушка замѣтила одну новую странную особенность, которая, однако, отрадой коснулась ея сердца. Каждый разъ, что въ спальнѣ появлялся кто-либо, Квашнинъ, или Ханенко, даже Шванскій, не говоря уже о докторахъ, которые продолжали навѣщать больного, хвастаясь своимъ искусствомъ, Шумскій на всѣхъ нихъ смотрѣлъ одинаковымъ взглядомъ. Тотчасъ же при появленіи кого-либо, онъ становился угрюмѣе, мрачнѣе, иногда глядѣлъ озлобленно, какъ будто у него явилось теперь какое-то худое чувство ко всѣмъ людямъ, будто онъ обвинялъ ихъ въ чемъ-то...

И тотчасъ же по уходѣ кого-либо, даже Шванскаго или Квашнина, онъ, оставшись наединѣ съ Мареушей, тотчасъ же смотрѣлъ инымъ взглядомъ. Лицо его преображалось, онъ улыбался и снова начиналъ шутить.

Мареуша ясно видѣла это, глубоко чувствовала и была несказанно счастлива, но объяснить причины не могла. То объясненіе, которое иногда вдругъ приходило ей на умъ, пугало ее, страшило какъ несбыточная мечта, принимаемая ею за дѣйствительность.

Если повѣрить хотя на мгновенье тому, что подсказываетъ сердце, то возврата потомъ не будетъ... Если повѣрить и ошибиться, то потомъ уже надо умереть, или съ ума сойти.

LII.

Три существа были изумлены равно, думая часто объ баронессѣ Нейдшильдъ и ея поведеніи по отношенію къ опасно больному. Самъ Шумскій, Мареуша и Пашута.

Мареуша думала о красавицѣ-баронессѣ больше и чаще всѣхъ и возмущалась.

— Хоть бы одинъ разокъ, прислали бы хоть лакея на квартиру узнать о здоровьи больного?!—говорила сама себѣ дѣвушка.

Самъ Шумскій вспоминалъ рѣже объ Евѣ... Но о какой-то другой, новой Евѣ... Теперь ихъ было двѣ... Одна въ какомъ-то ореолѣ потухающаго свѣта, но уже далеко... Тамъ гдѣ-то, за «кукушкой», за покушеньемъ убить себя, за болѣзнью... Другая была ближе, вспоминалась просто и спокойно, но была совершенно не похожа на первую. Къ этой Евѣ Шумскій, какъ бы противъ воли, относился съ сомнѣньемъ, съ недовѣрjemъ. Иногда ему хотѣлось даже отогнать прочь эту Еву и вызвать ту, прежнюю, которая чудится вдали, застилаемая всѣмъ пережитымъ... Но та Ева не приближалась, не «возникала» и не «жила» вновь въ его мысляхъ и въ его сердцѣ какъ бывало еще недавно.

Между нимъ и той Евой была теперь будто пропасть... А новая Ева была ему чужда...

И думая объ двухъ баронессахъ—Шумскій иногда спрашивалъ себя мысленно:

«Ужъ не началъ ли я опять бредить наяву. Вѣдь, ей-Богу, двѣ ихъ у меня. Одна милая, да ужъ тамъ далече въ жизни, а другая вотъ тутъ на Васильевскомъ островѣ... Сейчасъ къ ней до-слать можно, спросить о здоровьи что ли? Да не стоитъ! Не любопытно».

Былъ ли Шумскій оскорбленъ невниманьемъ Евы къ нему, полнымъ пренебреженьемъ къ его опасной болѣзни, отъ которой онъ могъ умереть?.. Или эта болѣзнь повліяла на него загадочно и заставила теперь относиться ко многимъ и ко многому на совершенно иной ладъ?.. Шумскій самъ не могъ себѣ ничего объяснить.

— Все оно такъ...—говорилъ онъ себѣ.—А почему «такъ», а не иначе—невѣдомо.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно, чуть не по десяти разъ на день, онъ взглядывалъ на дѣвушку, которая не отходила ни на шагъ отъ его постели, и невольно повторялъ какъ бы укоряя кого-то или убѣждая себя:

— Да, вотъ эта... любить!

Наконецъ, помимо Шумскаго и Мареуши—не менѣе часто поминала баронессу и Пашута. И она тоже, какъ Шумскій, иначе относилась къ своей недавно боготворимой барышнѣ. Пашута была будто оскорблена и, сама не понимая почему, негодовала на поведение баронессы относительно человѣка, котораго та «якобы» любить...

Шумскій и Мареуша удивлялись, что послѣ неожиданнаго и единственнаго визита барона съ дочерью—когда доктора собирались извлечь пулю—не было отъ Нейдшильдовъ ни слуху, ни духу... Но они обманывались... Пашута знала больше ихъ и тоже обманывалась.

Барона и его дочери давно не было въ Петербургѣ.

Пашута, тотчасъ узнавъ объ отъѣздѣ Нейдшильдовъ, внезапно и быстро, къ себѣ въ Финляндію, была на столько поражена страннымъ извѣстіемъ, что не рѣшилась передать это Шумскому.

Сказать ему это возможно было бы лишь тогда, когда онъ совершенно выздоровѣетъ, такъ какъ это должно было неминуемо тоже поразить его.

И Пашута, бывая изрѣдка, вечеромъ, на квартирѣ Шумскаго на нѣсколько минутъ—изъ-за боязни полиціи и ареста—ни слова не сказала о выѣздѣ Нейдшильдовъ изъ столицы.

Сама же дѣвушка возмущалась и даже горевала, постоянно бесѣдуя съ капитаномъ о вѣроломствѣ баронессы.

И никто не зналъ правды.

Правда заключалась въ томъ, что баронъ, захвативъ справиться о положеніи Шумскаго, рѣшилъ, что раненый не выживетъ, не переживетъ операціи извлеченія пули.

Вернувшись домой, взволнованный и потрясенный, баронъ объявилъ дочери... что графъ Аракчеевъ изъ мести приказалъ ему, лично, во дворцѣ, немедленно выѣзжать изъ столицы какъ бы въ ссылку.

Старикъ спасалъ свою дочь и свою честь. Хотѣлъ спасти Еву отъ удара и хотя бы временно предотвратить его! А свое имя спасти отъ позора!.. Онъ былъ увѣренъ, что Ева при роковомъ извѣстіи потеряетъ голову. Помимо страданій и горя будетъ и позоръ, огласка, всеобщее презрѣнье... Старикъ былъ убѣжденъ, что дочь при извѣстіи о положеніи Шумскаго, понявъ, что ему остается жить нѣсколько часовъ, тотчасъ бросится къ постели умирающаго обожаемаго человѣка.

А этотъ офицеръ-блазень, презираемый или ненавидимый всѣмъ Петербургомъ—имъ ничто. Онъ даже не женихъ ее... Онъ былъ когда-то женихомъ необъявленнымъ и всего одинъ день.

Старикъ рѣшился сразу, въ нѣсколько минутъ, и, обманувъ дочь, увезъ ее далеко, въ имѣніе въ тотъ же вечеръ. Она уѣхала, ничего не зная о Шумскомъ. И теперь Ева жила однообразной и скучной жизнью среди скалъ и озеръ своей родины, которую любила когда-то... Но ея тоскующее сердце было вѣчно тамъ, въ Петербургѣ. Она мечтала только о возвращеніи, о случайномъ свиданіи. А баронъ все ждалъ наивно извѣстія объ смерти Шумскаго, чтобы осторожно передать его дочери.

И добрый, но ограниченный старикъ не зналъ и не предчувствовалъ на краю какой страшной бездны стоитъ онъ самъ и простоудшно поставилъ свою дорогую Еву.

Графъ Е. Салиасъ.

конецъ.

Отъ редакціи. Романъ «Аракчеевскій подкидышъ» можетъ показаться читателямъ не вполне законченнымъ,—и они будутъ правы, потому что графъ Салиасъ имѣетъ въ виду написать третью часть, въ которой расскажетъ жизнь Шумскаго въ Соловецкомъ монастырѣ и трагическую кончину Настасьи Минкиной. Мы надѣемся получить и напечатать эту третью часть въ будущемъ 1890 году.

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ ¹⁾.

XVIII.

Первая встрѣча съ Рѣшетниковымъ.— «Подлиповцы».— Наружность Рѣшетникова.— Эпизодъ изъ дѣтства Некрасова.— Разсказъ Рѣшетникова о его юности.— Его откровенныя признанія.— Причины его озлобленія.— Обѣдъ вдвоемъ съ Рѣшетниковымъ.— Водка и ея послѣдствія.— Поѣздка Рѣшетникова ко мнѣ въ Парголово.— Одно субботнее приключеніе.— Добросердечіе Рѣшетникова.— Последнее мое свиданіе съ нимъ.— М. Е. Салтыковъ-лицействъ.— Его единственная улыбка.— Его повѣсть «Запутанное дѣло».— Начало его извѣстности.

ПОЗНАКОМИЛАСЬ съ Рѣшетниковымъ почти въ то же время, какъ и со Слѣпцовымъ. Въ первый разъ я увидала Рѣшетникова при слѣдующихъ обстоятельствахъ: мнѣ нужно было зайти въ редакцію за моей книгой, которую наканунѣ у меня взяли для какой-то справки. День былъ непріятный, да и было еще очень рано, чтобы кто-нибудь изъ постороннихъ могъ находиться въ редакціи. Я вошла въ комнату, взяла со стола книгу и когда повернулась, чтобы уйти, замѣтила господина, сидящаго въ углу. Это былъ молодой человѣкъ, небольшого роста, въ черномъ поношенномъ сюртукѣ, наглухо застегнутомъ. Онъ изъ-подлобья взглянулъ на меня и мгновенно опустил глаза. Я подивилась, что человѣкъ Некрасова не предупредилъ посѣтителя, что ему придется очень долго ждать редактора. Некрасовъ вставалъ поздно. Выраженіе лица молодого человѣка было такое хмурое, что я не рѣшилась предупре-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVIII, стр. 22.

дить его объ этомъ, и ушла изъ комнаты; встрѣтивъ въ передней лакея, я спросила его: почему онъ не предупредилъ посѣтителя, что ему придется ждать очень долго. Оказалось, что лакей предупредилъ молодого посѣтителя, но тотъ отвѣтилъ: «что живетъ очень далеко и лучше подождать». Я приказала челоуѣку подать посѣтителю газеты, а въ двѣнадцать часовъ послала ему стаканъ кофе съ хлѣбомъ.

Я поинтересовалась узнать отъ Некрасова о терпѣливомъ посѣтителѣ.

— Изъ Перми пріѣхалъ,—отвѣчалъ Некрасовъ,—принесъ свое произведеніе; я обѣщала ему дня черезъ три просмотрѣть рукопись и дать отвѣтъ. Пожалуйста напомните мнѣ завтра объ этомъ. Видно по всему, что молодой челоуѣкъ должно быть въ очень плохомъ денежномъ положеніи.

— Во всякомъ случаѣ, если рукопись окажется плохой, то вы лично переговорите съ нимъ. Какъ у пріѣзжаго, у него можетъ быть нѣтъ никого знакомыхъ въ Петербургѣ.

Часто случалось, что Некрасовъ возвращалъ рукописи новичкамъ-авторамъ не лично самъ.

— Конечно, переговорю съ нимъ. Я проспалъ и спѣшу выѣхать, не успѣвъ хорошенько разспросить молодого челоуѣка, да и онъ самъ не былъ расположенъ говорить,—сказалъ Некрасовъ и добавилъ:—вы бы хоть начало рукописи прочитали, стоитъ ли мнѣ и приниматься за нее.

Я вечеромъ же сѣла читать рукопись подъ названіемъ: «Подлиповцы» и, не отрываясь, прочла ее всю. Я очень обрадовалась за молодого автора, такъ какъ не сомнѣвалась, что онъ долженъ будетъ получить самый благопріятный отвѣтъ отъ Некрасова. Дѣйствительно, когда послѣдній прочиталъ «Подлиповцевъ», то расхвалилъ ихъ, и при этомъ замѣтилъ мнѣ:

— Вотъ опять поставятъ въ укоръ «Современнику», что въ немъ печатаются произведенія только однихъ семинаристовъ! Должно быть сколько еще талантливыхъ людей гибнетъ въ этомъ словіи, если въ короткое время изъ этой среды появилось столько писателей.

Послѣ свиданія съ авторомъ «Подлиповцевъ» Некрасовъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я пригласилъ Рѣшетникова сегодня обѣдать; если онъ придетъ до моего возвращенія, то примите его, а то, чего добраго, онъ убѣжитъ, да еще обидится. Онъ смотритъ совершеннымъ медвѣжонкомъ.

Рѣшетниковъ пришелъ за часъ до обѣда. Я старалась занять его разговоромъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ только одними отрывистыми «да и нѣтъ» и выраженіе его лица было такъ сердито, что я сочла за лучшее оставить его въ покой.

Наружность Рѣшетникова не отличалась ни красотой, ни здоровьемъ. Онъ былъ небольшого роста, держался сутуловато, цвѣтъ лица у него былъ блѣдный, а черты неправильныя, ротъ очень большой, движенія угловатыя.

Къ обѣду пришло еще нѣсколько человѣкъ гостей. Рѣшетниковъ видимо неловко чувствовалъ себя въ незнакомомъ ему обществѣ; онъ ничего не говорилъ за обѣдомъ, но его живые глаза перебѣгали отъ одного гостя на другого. Къ концу обѣда хмурость его однако прошла и онъ улыбался, слушая разсказъ Некрасова, какъ его мальчикомъ съ братомъ привели въ Ярославль готовиться къ поступленію въ гимназію и поселили на квартирѣ съ крѣпостнымъ менторомъ, который обязанъ былъ присматривать за ними, чтобы они аккуратно ходили въ классъ къ учителю, и готовить имъ обѣдъ. Но крѣпостному ментору, послѣ деревни, представлялось столько соблазновъ въ Ярославлѣ, что онъ, не желая возиться съ стряпней, выдавалъ мальчикамъ на руки тридцать копеекъ, оставляя на ихъ произволъ продовольствовать себя. Мальчики очень были довольны своимъ менторомъ и въ свою очередь нашли лучшимъ, вмѣсто ученья, съ утра отправляться на загородныя прогулки, запасаясь хлѣбомъ и колбасой, и до вечера не являлись домой. Но привольная жизнь крѣпостного ментора и его питомцевъ продолжалась недолго. Разъ, вернувшись вечеромъ съ прогулки, мальчики пришли въ ужасъ: ихъ встрѣтилъ отецъ, до котораго дошли слухи о ихъ привольной жизни. У крѣпостного ментора обѣ скулы были сильно припухши и онъ былъ отправленъ въ деревню, а къ мальчикамъ былъ приставленъ другой менторъ тоже крѣпостной, но болѣе старый и строгій. Они очень скоро подмѣтили, что этотъ строгій менторъ, уложивъ ихъ спать, позволялъ себѣ, послѣ дневныхъ трудовъ, выпить. Некрасовъ съ братомъ вылѣзали изъ окна и отправлялись въ трактиръ, гдѣ маркетромъ былъ также крѣпостной ихъ отца, отпущенный по оброку, и практиковались въ игрѣ на билліардѣ, быстро пріобрѣтали большія познанія въ ней, но за то въ наукахъ успѣхи ихъ были очень плохіе.

Некрасовъ былъ въ духѣ и его разсказъ былъ очень комиченъ, особенно въ описаніи двухъ дворовыхъ, которыхъ отецъ возвелъ на степень менторовъ.

Рѣшетниковъ, по приглашенію Некрасова, приходилъ обѣдать каждый день, скоро пересталъ дичиться и часто, послѣ обѣда, по долгу сидѣлъ у меня. Онъ разсказывалъ о своемъ печальномъ дѣтствѣ и юности, какъ онъ убѣжалъ изъ бурсы, какъ, служа при почтовой конторѣ почталіономъ, у своего дяди, краль газеты, чтобы удовлетворить жажду къ чтенію, какъ открыли его продѣлку, найдя въ пустырь, которымъ былъ огороженъ дворъ, кучу газетъ, куда забрасывалъ ихъ юный чтець. Разсказывалъ про свое пребываніе

въ монастырѣ, куда его отправили въ наказаніе. Страшно было слушать его рассказы—чего только онъ не переиспыталъ съ ранняго своего возраста. Удивительно, какимъ чудомъ могли въ немъ сохраниться его честный взглядъ на жизнь, стремленіе къ образованію, отзывчивость къ ближнему и готовность помочь каждому, чѣмъ только онъ могъ.

Въ біографіи Рѣшетникова, при изданіи его сочиненій, вышедшихъ уже послѣ его смерти, между прочимъ сказано, что онъ иногда былъ очень рѣзокъ и даже грубъ въ обращеніи. Но я думаю, что Рѣшетниковъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и вращаясь въ интеллигентномъ обществѣ, долженъ былъ хоть немного отполироваться. Мнѣ же пришлось его видѣть тотчасъ какъ онъ пріѣхалъ изъ Перми и по временамъ мнѣ приходилось быть свидѣтельницей многихъ рѣзкихъ выходокъ съ его стороны. Зная его воспитаніе, нельзя было сердиться на него. Рѣшетниковъ сознавалъ самъ, что у него по временамъ появляется какое-то озлобленіе на всѣхъ, развившееся въ немъ вслѣдствіе жестокаго съ нимъ обращенія. Когда онъ былъ мальчикомъ, то находилъ наслажденіе сдѣлать кому только могъ какую-нибудь пакость: бросалъ въ колодцы дохлыхъ кошекъ, чтобы нельзя было брать воду, портилъ вещи въ домѣ дяди.

— Потомъ я самъ себѣ сдѣлался противенъ за свою злость и сталъ сдерживать себя,—говорилъ Рѣшетниковъ.

Онъ насмѣшилъ меня, рассказывая какъ злился на меня, когда въ первый разъ пришелъ обѣдать, а я старалась его занять разговоромъ.

— Что, думаю, она пристаесть, не видитъ что ли, что я не хочу разговаривать съ ней,—говорилъ Рѣшетниковъ.

Рѣшетниковъ рассказывалъ, что его поразила наружность Некрасова, когда онъ его увидалъ въ первый разъ.

— Я почти всѣ стихотворенія Некрасова наизусть знаю, я его себѣ представлялъ высокимъ мужчиной, съ мужественной наружностью, съ курчавой головой,—и вдругъ вижу лысаго, тщедушнаго, сторбленнаго челоуѣка, съ желтымъ лицомъ, говорящаго сиплымъ голосомъ. Я и самъ былъ взволнованъ, ничего не могъ путемъ сказать, а тутъ еще хорошенько не могъ разслышать вопросовъ Некрасова. Я поскорѣй убѣжалъ, написалъ ему письмо, изложивъ то, что хотѣлъ ему лично сказать.

— Ваше письмо пришло тогда, когда уже Некрасовъ прочелъ половину «Подлиповцевъ»,—сказала я.

— А я въ это время мѣста не находилъ,—продолжалъ Рѣшетниковъ,—три дня для меня тянулись безъ конца. За то, когда я уходилъ отъ Некрасова, такъ чуть на улицѣ не пустился въ плясъ, что возвращаюсь отъ него безъ своей рукописи, да еще съ двумястами рублей въ карманѣ, которые Некрасовъ далъ впередъ. Та-

кой суммы отродясь у меня не было въ рукахъ, я только на полдорогѣ очнулся и созналъ, что могу взять извозчика, что я теперь богачъ!

Рѣшетниковъ сообщилъ мнѣ испытанныя имъ ощущенія, когда онъ увидалъ въ печати первое свое произведеніе. Онъ послалъ какое-то извѣстіе изъ Перми въ «Московскія Вѣдомости».

— Не расставался я съ этимъ номеромъ, носилъ его въ карманѣ, подъ подушку клалъ, какъ спать ложился,—говорилъ онъ.

Разъ заговорилъ онъ о томъ, какъ мучительно ему хотѣлось пробраться въ Москву и въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ.

— Время не ушло,—замѣтила я,—можете и теперь поступить въ университетъ вольнослушателемъ.

— А что я буду ѣсть?

— Можете ходить на лекціи и писать.

— За двумя зайцами погонишься, такъ ни одного не убьешь.

— Можете кредитоваться у Некрасова, пока будете слушать лекціи.

— Это въ кабалу себя запрятать? Ишь что придумали! Не хочу!

— А хуже будетъ кабала на всю жизнь, если вы будете чувствовать, что не пополнили своего образованія?

— Некрасовъ также не былъ въ университетѣ!

— А спросите его, онъ навѣрно сожалѣетъ объ этомъ.

— Чего ему сожалѣть теперь-то!... Нѣтъ, кабы годика два тому назадъ мнѣ попасть въ университетъ, дѣло другое. А теперь поздно! ужъ надтреснуть я, да и литература меня облапила, голова-то не тѣмъ занята. Ну до лекцій ли мнѣ, когда иногда такое недовольство бываетъ самимъ собой, что ходишь шальнымъ нѣсколько дней? Не знаешь чѣмъ бы вывести себя изъ этого сквернаго состоянія—развѣ къ водкѣ прибѣгать.

— Ну ужъ плохое это прибѣжище!—замѣтила я.

Разъ Рѣшетниковъ, увидавъ, что я читаю французскую книгу, сказалъ:

— Въ Перми мнѣ пришла охота выучиться читать пофранцузски, два мѣсяца учился, потомъ бросилъ.

— Учитесь теперь.

— Эва!—разсмѣялся Рѣшетниковъ.

Я ему сказала, что Бѣлинскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, выучился французскому языку.

— А у него побольше васъ было работы,—добавила я.

— Тоже, кого привели въ примѣръ!—сказалъ Рѣшетниковъ и продолжалъ:—я какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, тотчасъ же пошелъ на его могилу, долго просидѣлъ тамъ. Онъ и Добролюбовъ—это мои нравственные учителя, будутъ ими еще для нѣсколькихъ поколѣній. Безъ нихъ я такъ бы и погрязъ въ омутѣ, въ которомъ

родился. Лермонтовъ, Пушкинъ—это лакомство, а Бѣлинскій и Добролюбовъ—насущенный хлѣбъ для нравственнаго развитія, особенно такихъ людей, какъ я, которымъ чуть ли не со дня рожденія выпадаютъ на долю одни колотушки, попреки за каждый кусокъ хлѣба, нещадное битье розгами при обученіи грамотѣ, среди окружающаго пьянства и невѣжества.

Мнѣ раза два пришлось видѣть Рѣшетникова въ ненормальномъ состояніи и выслушать отъ него рѣзкія вещи. Разъ онъ пришелъ къ обѣду и я замѣтила, что онъ особенно развязенъ; войдя, онъ раздражилъ большую собаку, которая чуть его не укусила.

Некрасовъ обѣдалъ въ клубѣ и, противъ обыкновенія, случилось такъ, что никто не явился къ обѣду и мы должны были сѣсть за столъ вдвоемъ.

Рѣшетниковъ, закусывая, выпилъ нѣсколько рюмокъ водки и взявъ графинъ съ закусочнаго стола, поставилъ его у своего прибора, и указывая на бутылку съ краснымъ виномъ, сказалъ:

— Этой кислоты не хочу пить!

Онъ выпилъ весь графинъ водки и какъ бы подразнивая меня, показалъ мнѣ пустой графинъ, улыбаясь и говоря:

— Чтѣ коробить васъ? Вы вѣдь аристократка!

— Да видали ли вы когда-нибудь аристократовъ-то, что причисляете меня къ нимъ?—спросила я.—Впрочемъ, напрасно я это говорю, вы сегодня...

— Пьянъ!—воскликнулъ Рѣшетниковъ со смѣхомъ,—ну да угадали! я выпилъ съ хорошими людьми. Васъ это возмущаетъ? а мнѣ плевать на это, не воображаете ли, что я для васъ брошу пить водку?

— Сами для себя должны бросить водку,—отвѣтила я,—право жалко смотрѣть на васъ.

— Вамъ жалко на меня смотрѣть, а мнѣ противно смотрѣть на такую аристократку, какъ вы!—задорно отвѣтилъ Рѣшетниковъ, выскочилъ изъ-за стола и сталъ шагать по комнатѣ, чтѣ-то ворча себѣ подъ носъ.

— Напрасно вы стараетесь разсердить меня своими рѣзкими выходками, вамъ это не удастся,—замѣтила я.

Рѣшетниковъ пересталъ ходить, постоялъ, понуря голову, потомъ подошелъ ко мнѣ, молча протянулъ руку, но отвернулъ свое лицо отъ меня.

Я подала ему руку, онъ ее пожалъ и быстро ушелъ изъ столовой.

Для три онъ не являлся къ обѣду; я написала ему записку, спрашивая: здоровъ ли онъ?

Вечеромъ въ тотъ же день онъ явился, но съ такимъ пасмурнымъ лицомъ, что я спросила его не боленъ ли онъ?

— Здоровъ!

— Почему же не приходили обѣдать?

— Не хотѣлъ!—также отрывисто отвѣтил Рѣшетниковъ и, помолчавъ немного, прибавилъ,—если бы вы не прислали записку, я бы къ вамъ и не пришелъ... Чортъ знаетъ какая хандра на меня напала, никого не хотѣлъ видѣть, да и самому съ собой было гадко оставаться.

— Самое лучшее лекарство отъ хандры это чтеніе.

— Какое тутъ къ чорту чтеніе, когда все нутро выворачиваетъ отъ злости.

— Надо подавлять въ себѣ это скверное настроеніе.

— И безъ васъ это знаю!—пробурчалъ онъ.

Я перемѣнила разговоръ и мало-по-малу Рѣшетниковъ сдѣлался не такой мрачный.

Я переѣхала на дачу въ Царголово и по субботамъ посылала дрожки за братьями Добролюбова, жившими у учителя. Рѣшетниковъ также пріѣзжалъ къ намъ, а въ воскресенье вечеромъ я ихъ отправляла въ городъ. Рѣшетниковъ рѣзвился съ братьями Добролюбова, какъ-будто самъ былъ мальчикъ: лазилъ на деревья, бѣгалъ въ перегонку съ ними. Мы всѣ вмѣстѣ дѣлали продолжительныя прогулки въ лѣсъ, брали съ собой завтракъ, и разъ Рѣшетниковъ сказалъ:

— Я вѣдь тоже жду субботы какъ и мальчики, чтобы ѣхать на дачу къ вамъ. Въ городѣ мнѣ душно. Гляжу на дѣтей и мнѣ противно вспомнить свое дѣтство; какъ это вышибали у меня всякую память, колотя по башкѣ? Могу сказать, что я испробовалъ всякаго рода битые въ своемъ дѣтствѣ, а ласки ни одной. Кажется, если бы меня кто-нибудь приласкалъ, то я привязался бы всѣмъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ къ этому человѣку,—и при этомъ Рѣшетниковъ прибавилъ, горько усмѣхнувшись:—ишь размякъ на чистомъ-то воздухѣ, о чемъ сталъ болтать.

Въ одну изъ субботъ Рѣшетниковъ доставилъ мнѣ большое безпокойство. Онъ пріѣхалъ съ братьями Добролюбова по утру; у меня всегда былъ готовъ для нихъ завтракъ. Я замѣтила, что Рѣшетниковъ уже изрядно закусилъ въ городѣ; онъ сѣлъ за завтракъ, сталъ наливать себѣ водку изъ графина и сказалъ:

— Эхъ, какъ мало водки въ графинѣ!

— Довольно съ васъ будетъ,—сказала я.

— Не стоитъ и рта марать,—проговорилъ онъ; однако допилъ всю водку и сказалъ мнѣ:—дайте еще водки.

— Больше нѣтъ.

— Жаль денегъ, что ли, послать за водкой?

— Не жаль денегъ; а больше не дамъ вамъ водки,—отвѣтила я.

— Хотите командовать надо мной? захочу пить водку—достану и безъ васъ—пойду въ трактиръ.

— Идите.

— Ну, такъ прощайте! — сказалъ Рѣшетниковъ, бросился въ садъ, перескочилъ черезъ рѣшетку и побѣжалъ бѣгомъ по дорогѣ.

Мальчики улыбались, думая, что онъ шутить. Но Рѣшетниковъ не явился ни къ обѣду, ни ночевать. Мальчики поджидали его и долго не ложились спать, такъ какъ онъ всегда спалъ съ ними въ одной комнатѣ.

Я была вполне увѣрена, что Рѣшетниковъ уѣхалъ въ городъ. У трактира, особенно въ субботній день, извозчики изъ города поджидали сѣдочковъ, чтобы не возвращаться домой порожнякомъ. Въ воскресенье вечеромъ, когда мнѣ надо было отправлять въ городъ мальчиковъ, неожиданно явился Рѣшетниковъ. Я боялась пустить его вмѣстѣ съ ними, потому что онъ могъ дорогой надуть. Рѣшетниковъ настаивалъ, что поѣдетъ съ мальчиками, а я наотрѣзъ ему сказала, что не хочу этого. Тогда онъ насказалъ мнѣ разныхъ грубостей и опять ушелъ играть на билліардѣ въ трактиръ, гдѣ онъ ночевалъ, какъ самъ это мнѣ объявилъ.

Я безпокоилась за него, чтобы онъ не попалъ въ какую-нибудь исторію, находясь въ задорномъ настроеніи, и послала записку ему въ трактиръ, чтобы онъ пришелъ сейчасъ же ко мнѣ. Но онъ не явился.

На другой день, рано утромъ, только-что я вышла на террасу пить кофе, какъ увидѣла Рѣшетникова, сидящаго на скамейкѣ у калитки. Я подошла къ нему и окликнула. Онъ всталъ и мрачно спросилъ меня:

— Ну, говорите скорѣй, сердитесь на меня—такъ я уйду.

— Входите и будемъ пить кофе,—отвѣтила я.

Рѣшетниковъ пошелъ за мной на террасу, и когда я налила ему чашку кофе, то онъ произнесъ:

— Не смотрите на меня, я ночь провелъ въ лѣсу и должно быть у меня отвратительный видъ.

— Зачѣмъ же вы не пришли, когда я вамъ прислала записку?

— Нечего меня спрашивать!—съ досадой отвѣтилъ онъ.— Простили, такъ не слѣдъ и разговаривать что было!

Рѣшетниковъ хотѣлъ ѣхать въ городъ, но я его уговорила остаться до вечера.

— Что мнѣ торчать-то у васъ на глазахъ!

— Можете пойти въ комнату и сидѣть тамъ, читайте, отдохните, а вечеромъ поѣдете въ городъ.

Рѣшетниковъ согласился и до обѣда не выходилъ изъ комнаты. Послѣ обѣда мы долго катались на лодкѣ по озеру. Ему достали телѣгу ѣхать въ городъ, и онъ, прощаясь со мной, пробурчалъ:

— Спасибо!

Съ этихъ поръ, мнѣ болѣе не приходилось видѣть Рѣшетникова въ задорномъ состояніи. Онъ иногда не показывался по недѣлямъ,

а когда являлся, то предупреждалъ меня не разспрашивать—почему онъ такъ долго не былъ?

Объ умѣ Рѣшетникова мнѣ нечего говорить; это видно по его произведеніямъ. Могу только сказать, что онъ былъ добрякъ. Бывало пойдетъ на дачѣ гулять, забѣжитъ въ лавку, набьетъ полные карманы своего широкаго пальто пряниками и леденцами и при встрѣчѣ съ крестьянскими дѣтьми раздастъ имъ. Могу привести еще фактъ его участія къ ближнему. Я знала, что Некрасовъ только-что далъ Рѣшетникову впередъ сто пятьдесятъ рублей, а онъ черезъ два дня явился ко мнѣ безъ часовъ.

— Вѣрно часы заложили? стоило и покупать ихъ!—замѣтила я въ шутку.

— А вамъ что за дѣло?—сердито спросилъ Рѣшетниковъ.

— Куда вы успѣли столько денегъ истратить?

— Пропилъ!—произнесъ онъ,—это что за допросъ?

— Нѣтъ, я знаю, куда пошли ваши деньги.

— Ничего не знаете, такъ врете,—пробурчалъ Рѣшетниковъ.

— Не вру, могу даже сказать, кому вы отдали всѣ ваши деньги.

Рѣшетниковъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на меня, а я продолжала:

— Студенту, котораго вы вчера проводили; онъ мнѣ самъ сказалъ.

— Вы его и онъ васъ въ глаза не видали!—воскликнулъ Рѣшетниковъ.—Фу, ты чортъ возьми, кто вамъ могъ это сказать?

— Вы сами,—сказала я.

— Какъ я самъ?

Я забавлялась моею мистификаціей, и потомъ объяснила Рѣшетникову, что догадалась, что онъ отдалъ студенту всѣ свои деньги.

Рѣшетниковъ болѣе трехъ мѣсяцевъ нанималъ комнату у одной хозяйки и познакомился съ студентомъ, тутъ же нанимавшимъ комнату. Со студентомъ случилось несчастье; онъ получилъ извѣстіе отъ матери, изъ провинціи, что его отецъ скорострительно умеръ; послѣ смерти отца многочисленное семейство осталось безъ всякихъ средствъ къ существованію. Студентъ, убитый горемъ, не могъ даже ѣхать къ матери. Все это Рѣшетниковъ самъ разсказалъ мнѣ, придя очень взволнованнымъ ко мнѣ, а получивъ деньги отъ Некрасова, онъ на другой день пришелъ веселый, проводивъ студента на желѣзную дорогу.

— Вамъ бы хотѣ въ сыскной полиціи служить, такъ вы ловко умѣете допытывать людей по однимъ вашимъ догадкамъ,—сказалъ Рѣшетниковъ.

Когда Рѣшетниковъ пообжился въ Петербургѣ, то у него завелось большое знакомство и, понятно, я рѣже его видѣла, а затѣмъ, поссорившись у меня съ однимъ литераторомъ, онъ совсѣмъ не показывался около года. Я слышала, что онъ женился и разъ встрѣтила его на улицѣ. Рѣшетниковъ спросилъ меня:

— Небось сердитесь на меня?

— За что?—недоумѣвая спросила я.

— А что такъ давно не былъ у васъ?

— За что же мнѣ сердиться-то? не были, значить, не хотѣлось,—замѣтила я.

— Нѣтъ, не то,—сказалъ Рѣшетниковъ,—какъ-то неловко было мнѣ идти къ вамъ послѣ того, какъ я такъ долго не былъ.

— Мы съ вами не ссорились, да и я никогда не претендую на тѣхъ своихъ знакомыхъ, кто долго не бываетъ.

— Чай слышали, что я женился?—спросилъ меня Рѣшетниковъ.

— Слышала.

— Что же не поздравляете?

— Съ чѣмъ поздравлять? не понимаю. Пусть самъ себя поздравляетъ человѣкъ съ женитьбой,—отвѣтила я и добавила:—да вы свѣтскимъ человѣкомъ сдѣлались?

Рѣшетниковъ засмѣялся и воскликнулъ:

— Во, что придумали!

Я торопилась домой и простилась съ нимъ, но Рѣшетниковъ удержалъ меня, сказавъ:

— Дайте сказать вамъ два слова. Это ничего не значитъ, если я даже и десять лѣтъ не приду къ вамъ, а я васъ все-таки буду помнить.

На этомъ словѣ я расталась съ Рѣшетниковымъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ зашелъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома. Съ тѣхъ поръ я его не видала. Спустя нѣсколько лѣтъ, послѣ его смерти, я узнала, что онъ, умирая, вспомнилъ обо мнѣ и это мнѣ передала его жена, которую я въ первый разъ увидела, когда она пришла ко мнѣ по одному своему дѣлу.

О Салтыковѣ я пока ограничусь немногими словами.

Я видѣла его еще въ мундирѣ лицеиста въ началѣ сороковыхъ годовъ въ домѣ М. А. Языкова. Онъ приходилъ къ нему по утрамъ по праздникамъ. Юный Салтыковъ и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе сѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ и онъ всегда молчалъ. Помню только разъ на лицѣ молчаливаго и сумрачнаго лицеиста улыбку. Онъ всегда садился не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли всѣ гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушалъ разговоры.

Какъ теперь помню Бѣлинскаго расхаживающаго по комнатѣ, заложивъ, по обыкновенію, руки въ карманы и распекавшаго К., извѣстнаго всему кружку хвастуна. У К. было плаксивое выраженіе въ лицѣ, такъ что смѣшно было на него смотрѣть. Панаевъ, Языковъ и еще двое не литераторовъ, но постоянныхъ членовъ

кружка, слушали его распеканье. Я сидѣла противъ двери и мнѣ было видно лицеиста.

— Господи, зачѣмъ я вру!—патетично воскликнулъ К.

— Мамка васъ въ дѣтствѣ зашибла!—замѣтилъ ему Бѣлинскій.

При этихъ словахъ, на лицѣ лицеиста изобразилась улыбка.

— Чудеса, сегодня вашъ мрачный лицеистъ улыбулся,—сказала я Языкову.

— Я знаю,—отвѣчалъ Языковъ,—что онъ ходитъ ко мнѣ, чтобы посмотрѣть на литераторовъ. Онъ самъ стихи пишетъ и ихъ напечаталъ въ «Библиотекѣ для Чтенія». Кто знаетъ можетъ и будетъ современемъ извѣстнымъ поэтомъ.

Потомъ я слышала отъ Языкова, что Салтыковъ окончилъ курсъ въ лицѣ и продолжалъ писать стихи. Затѣмъ, я не видѣла Салтыкова до 1847 или 1848 года.

Однажды, я шла съ Панаевымъ по Невскому и мы встрѣтили графа Канкринна, который былъ хорошо знакомъ съ Панаевымъ; съ Канкриномъ шелъ какой-то статскій. Оба раскланялись съ Панаевымъ.

— Кажется, это тотъ сумрачный лицеистъ, который бывалъ у Языкова?—спросила я Панаева.

— Да это Салтыковъ,—отвѣтилъ мнѣ Панаевъ,—онъ теперь написалъ повѣсть, читалъ Канкрину и тотъ въ восторгѣ отъ нея, пришлетъ ко мнѣ прочесть, чтобы напечатать въ «Современникѣ».

Канкринъ самъ привезъ Панаеву рукопись Салтыкова. Панаевъ прочелъ ее, но возвратилъ назадъ, потому что нечего было и думать, чтобы цензура пропустила ее и сказалъ при мнѣ Канкрину:

— Пусть лучше авторъ отдастъ въ другой журналъ, тамъ авось пропустятъ. А цензура въ «Современникѣ» такую повѣсть не только запретить, но еще гвалтъ подниметь.

Но «Залутанное Дѣло» (такъ называлась повѣсть Салтыкова) и безъ «Современника» произвело гвалтъ. Послѣдствія оказались весьма печальны для Салтыкова; онъ сосланъ былъ въ Вятку.

Въ 1858 году, появились «Губернскіе Очерки» подъ псевдонимомъ Щедрина и съ тѣхъ поръ расположеніе читающей публики къ произведеніямъ Щедрина росло, какъ говорится въ сказкахъ, не по днямъ, а по часамъ.

Я увидѣла Салтыкова въ редакціи «Современника» уже въ вицъ-мундирѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; сумрачное выраженіе его лица еще болѣе усилилось. Я замѣтила, что у него появилось нервное движеніе шеи, точно онъ желалъ высвободить ее отъ туго завязаннаго галстуха. Кромѣ того, въ немъ произошла большая перемѣна—изъ молчаливаго, онъ сдѣлался очень говорливъ. Онъ всѣхъ смѣшилъ энергическими эпитетами, которымъ награждалъ чиновничество и говорилъ, что служить болѣе не можетъ, выходить въ отставку и займется исключительно литерату-

турой; что отупѣешь въ средѣ людей, у которыхъ вмѣсто мозга въ головѣ органчикъ съ единымъ мотивомъ «Тебе Бога хвалимъ».

Я была свидѣтельницей, однажды, страшнаго раздраженія Салтыкова противъ литературы. Не могу припомнить названія его очерка или разсказа запрещеннаго цензоромъ. Это запрещеніе было очень непріятно и Некрасову, потому что нужно было дать набирать вновь что-нибудь другое, отчего номеръ журнала долженъ былъ очень запоздать.

Салтыковъ явился въ редакцію въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить русскую литературу, говоря, что можно поколѣть съ голоду, если писатель рассчитываетъ жить литературнымъ трудомъ, что онъ не заработаетъ на прокормъ своей старой лошади, на которой пріѣхалъ, что одни дураки могутъ посвящать себя литературному труду при такихъ условіяхъ, когда какой-нибудь вислоухій камергеръ имѣетъ власть не только исказить, но запретить печатать уметвенный трудъ литератора, что чиновничья служба имѣетъ предъ литературной хотя то преимущество, что человекъ не грабятъ, что онъ каждое утро отсидитъ извѣстное число часовъ на службѣ и получаетъ каждый мѣсяцъ жалованье, а вотъ онъ теперь и свищи въ кулакъ. Салтыковъ увѣрялъ, что онъ навсегда прощается съ литературой и набросился на Некрасова, который, усмѣхнувшись, ему замѣтилъ, что не вѣрится этому.

Я никогда не видѣла Салтыкова спокойнымъ; онъ всегда былъ раздраженъ на что-нибудь или на кого-нибудь.

Поразителенъ былъ контрастъ, когда Салтыковъ сидѣлъ за обѣдомъ вмѣстѣ съ Островскимъ, который изображалъ само спокойствіе, а Салтыковъ кипятился отъ нервнаго раздраженія.

Въ 1863 году Салтыковъ пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ съ мѣста своей службы и почти каждый день приходилъ обѣдать къ намъ и къ удивленію моему былъ не такъ сильно раздраженъ на все и на всѣхъ; но это настроеніе въ немъ скоро прошло и онъ говорилъ, что надо скорѣй уѣхать изъ Петербурга, иначе онъ безъ штановъ останется.

— Такая куча денегъ выходитъ, а удовольствія никакого нѣтъ.

— Ну все-таки въ Петербургѣ больше разнообразія,—сказалъ Некрасовъ.

— Хорошее разнообразіе—куда не пойдешь—видишь однѣ морды, на которыя такъ и хочется харкнуть! Тупоуміе, прилизанная, мелочная подлость или раздраженная бычачья свирѣпость. Я даже обрадовался вчера, ужиная у Бореля, такое каторжное рыло сидѣло противъ меня, но все-таки видно, что мозги у него работаютъ, хотя на то, чтобы прирѣзать кого-нибудь и обокрасть.

— Развѣ не тѣ же лица вы видите и въ провинціи?—возразилъ Некрасовъ.

— Нѣтъ, тамъ жизнь превращаетъ людей въ вяленыхъ судачковъ!—отвѣчалъ Салтыковъ.

Когда я въ послѣдствіи читала произведенія Салтыкова, то часто встрѣчала тѣ самыя выраженія, которыя слышала въ его разговорѣ. Иудушкой онъ звалъ одного своего родственника и черезъ нѣсколько лѣтъ воспроизвелъ его въ Головлевыхъ.

Въ началѣ 1870 годовъ я видѣла Салтыкова играющимъ въ карты у однихъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Онъ точно также болѣзненно былъ раздражителенъ, бросалъ карты и такъ бранилъ своего партнера, какъ будто тотъ совершилъ что-то ужасное.

Прерываю на нѣкоторое время свои воспоминанія и еще разъ извиняюсь передъ читателями за отсутствіе въ нихъ хронологическаго порядка.

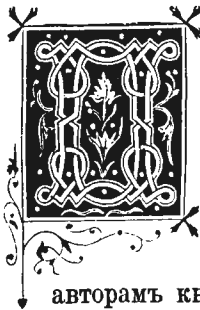
А. Головачева.

А. О. ПИСЕМСКІЙ,

по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ.

ДИНЪ изъ умнѣйшихъ писателей древности, превосходно знакомый съ современнымъ ему обществомъ, сказалъ не даромъ: «у каждой книги своя судьба»... Мы готовы были бы добавить: «судьба, очень часто незаслуженная и несправедливая».

Нужно ли говорить, что сказанное о книгахъ въ самомъ широкомъ смыслѣ примѣняется и къ авторамъ книгъ? Ихъ матеріальное благосостояніе, ихъ значеніе среди современниковъ, самая слава ихъ въ ближайшемъ потомствѣ—зависятъ въ большей части случаевъ не отъ ихъ личныхъ качествъ, не отъ размѣровъ ихъ творческой силы, даже не отъ ихъ нравственнаго достоинства, а отъ какой-то странной судьбы, иногда очень злой, очень прихотливой и очень пристрастной... Эта судьба нерѣдко возноситъ на высокій пьедесталъ писателей дюжинныхъ за ихъ умѣнье угодить толпѣ и понравиться современникамъ, и въ то же самое время безжалостно бичуетъ, беспощадно преслѣдуетъ высокоталантливыхъ авторовъ, гордо и спокойно шествующихъ своею, самостоятельной стезею. Преслѣдуетъ не только при жизни, но и за гробомъ...

Такая незаслуженная и злая судьба постигала на Западѣ величайшихъ геніевъ. Шекспиръ, осмѣянный близорукою англійскою критикою, былъ пренебреженъ ближайшими къ нему поколѣніями и возстановленъ въ своей неувядаемой славѣ иноземною критикою, почти 200 лѣтъ спустя, послѣ смерти. Лессингъ, измученный

борьбою и нуждою при жизни, былъ до такой степени забыть своими соотечественниками, что одинъ изъ горячихъ поклонниковъ его, въ началѣ нынѣшняго вѣка, съ трудомъ могъ отыскать его могилу... Если подобные примѣры возможны въ исторіи просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ націй, то, конечно, ихъ должно быть еще гораздо болѣе въ исторіи нашей русской литературы—еще молодой, еще не богатой традиціями, еще подверженной самымъ разнообразнымъ, самымъ противоположнымъ вліяніямъ. Но именно въ виду всѣхъ этихъ невыгодныхъ условий, на каждомъ изъ русскихъ людей, способныхъ серьезно и безпристрастно относиться къ дѣятельности важнѣйшихъ представителей нашей литературы, лежитъ священная обязанность:—спасать отъ забвенія имена писателей, достойныхъ памяти потомства и, путемъ строгой, но справедливой критики, очищать эти дорогія имена отъ тѣхъ клеветъ, тѣхъ нареканій, тѣхъ злобныхъ и близорукихъ обвиненій, которыми такъ щедро надѣляетъ cadaго литературнаго дѣятеля вражда и зависть его современниковъ или наивное невѣжество всякаго рода «обозрѣвателей».

Къ числу именъ, дорогихъ для cadaго образованнаго русскаго человѣка, несомнѣнно принадлежитъ имя Писемскаго—одного изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей XIX вѣка. Это имя тѣсно связано со всѣмъ кружкомъ лучшихъ нашихъ писателей—Тургеневымъ, Л. Толстымъ, Гончаровымъ и Островскимъ—со всею нашею литературною славою... И что же? На долю Писемскаго выпала въ этомъ кружкѣ самая злая, самая незаслуженная судьба! Поруганный, измученный при жизни злоязычными нападками всей фаланги мелкихъ писаекъ, съ которыми онъ, по прямотѣ и простотѣ своей, не сумѣлъ поладить, заживо похороненный своими литературными врагами,—Писемскій, послѣ смерти былъ забытъ и друзьями, и почитателями. Но злой судьбѣ недостаточно было этого забвенія... Она рѣшилась и за гробомъ мстить Писемскому, подыскавъ ему въ издатели Вольфа, а въ критики и біографы г. Венгерова, который ужъ совершенно безцеремонно поставилъ Писемскаго къ позорному столбу и вывелъ его на всеобщее поруганіе...

Небольшая книжка г. Венгерова (А. Ф. Писемскій—критико-біографическій очеркъ. Изд. Товарищества М. О. Вольфъ. 1884.) представляетъ собою явленіе изумительное въ своемъ родѣ, и, кажется, недостаточно оцѣненное нашей критикой. Изумительно оно во многихъ отношеніяхъ... Изумительно, какъ грубое, плоское осмѣяніе памяти одного изъ выдающихся русскихъ литературныхъ дѣятелей; изумительно, какъ произведеніе человѣка, претендующаго на литературность и наивно-выставляющаго на показъ свое глубокое невѣжество въ области литературы и критики; изумительно и какъ явная насмѣшка надъ товариществомъ Вольфа, которое, конечно, только по невѣдѣнію или по непростительной не-

брежности могло допустить во главѣ своего изданія произведеніе г. Венгерова ¹⁾. Изумительна эта книжка еще и по той развязности, съ которою авторъ относится къ своему матеріалу, и по той своеобразной «признательности», какую онъ высказалъ всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ неосторожность снабдить этого почтеннаго біографа письмами и «брульонами» покойнаго Писемскаго... Можно себѣ представить, каково было положеніе этихъ близкихъ къ покойному писателю лицъ, когда они на стр. 2-й прочли въ книжкѣ г. Венгерова «искреннюю благодарность» имъ за доставленные ему драгоценные матеріалы, а изъ послѣдующихъ страницъ той же книжки съ ужасомъ узнали, что «Алексѣй Теофилактовичъ былъ не только мало-образованнымъ, мало-интеллигентнымъ, но и мало-развитымъ человѣкомъ (стр. 38); что его «творчество было грубымъ и мало-интеллигентнымъ (стр. 42); что въ его произведеніяхъ нѣтъ «честнаго смѣха», а есть только смѣхъ, граничащій съ цинизмомъ, и «трезвость», граничащая съ бездушіемъ (стр. 66); что самъ Писемскій не придерживался никакого направленія, и ко всѣмъ партіямъ, ко всѣмъ лагерямъ, ко всѣмъ людямъ, относился одинаково скверно (стр. 131); что Писемскій, судя по ничтожности выводимыхъ имъ героевъ, «въ дни юности вращался на заднемъ дворѣ своей эпохи» (162 стр.).

Но этого мало. Этими похвалами Писемскому г. Венгерова не довольствуется. «Констатируя» и «резюмируя» все сказанное о знаменитомъ писателѣ, г. Венгерова до слѣдующей вдохновенной характеристики Писемскаго:

«Лучше всего интимная жизнь Писемскаго будетъ (?) охарактеризована, если мы его назовемъ Фальстафомъ. Онъ представляетъ собою удивительно-цѣльное и полное воплощеніе этого типа добродушнаго циника. Помимо «порывистости», Алексѣй Теофилактовичъ былъ рѣшительный рабъ желудочныхъ инстинктовъ, ѣлъ и пилъ больше чѣмъ на славу. А въ особенности пилъ... Но, кромѣ того, къ тремъ основнымъ качествамъ англійскаго Фальстафа—трусливости, циничности и чревоугодничеству,—А. Т. присоединялъ черты чисто-русской, помѣщичьей распущенности, а именно было неряшливъ и не воспитанъ до безобразія. Самые близкіе друзья А. Т. рассказываютъ совершенно легендарныя проявленія этой невоспитанности». (Стр. 54).

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ, на 12 печатныхъ листахъ книжки, очевидно, забывъ о томъ, что дѣло идетъ о человѣкѣ уже умершемъ и потому неспособномъ защитить себя отъ клеветъ,

¹⁾ Товарищество успѣшило исправить свою ошибку, изъявъ книгу г. Венгерова изъ продажи и продаетъ теперь собраніе сочиненій Писемскаго безъ этого цѣннаго приложенія.

а можетъ быть даже и совершенно вѣрно расчитывая на то, что оставшіеся въ живыхъ друзья Писемскаго не захотятъ связываться съ человѣкомъ, способнымъ создавать такія «критико-біографическіе» этюды.

Въ этомъ этюдѣ, однакожь, почтенный авторъ добился совершенно-неожиданныхъ для него самаго результатовъ. Повидимому, г. Венгеровъ возмечталъ, что собравъ на 200 страницахъ всю грязь и всѣ помои, какія когда-либо выливались нашей журналистикой на автора «Взбаламученнаго моря», дополнивъ этотъ цѣнный матеріалъ обрывочками воспоминаній гг. Авсѣнки и Боборыкина, украсивъ нѣсколькими сплетнями — онъ потрясетъ славу Писемскаго, развѣтетъ ее прахомъ и обратитъ на себя общее вниманіе самою безопадностью своей критики. Но на дѣлѣ вышло нѣчто совсѣмъ иное:—книжка обнаружила въ біографіѣ полное неумѣнье пользоваться матеріаломъ и отличать въ немъ существенное отъ ничтожнаго, выказала полное отсутствіе не только таланта, но даже и простого литературнаго такта. Никто въ литературѣ нашей не обратилъ вниманія на книжку г. Венгерова, и даже тѣ, которые рѣшились (по наивности, конечно?) издать это произведеніе, поспѣшили отдѣлить его отъ полнаго собранія сочиненій Писемскаго. Литературный скандалъ надъ прахомъ почившаго писателя — не удался... Но, тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что Писемскій, какъ писатель, какъ общественный дѣятель и какъ человѣкъ, заслуживаетъ иной, болѣе правдивой характеристики и оцѣнки. Для такой характеристики мы постараемся, главнымъ образомъ, обратить вниманіе на то, что самъ писатель говорилъ о себѣ въ бѣглыхъ автобіографическихъ замѣткахъ, въ рѣчахъ, въ письмахъ къ друзьямъ и въ собственныхъ литературныхъ произведеніяхъ. И только тогда, когда эта небольшая работа будетъ нами закончена, мы предложимъ читателямъ подвести итоги собранному нами матеріалу. Полагаемъ, что, въ данномъ случаѣ, выводъ будетъ гораздо болѣе благопріятенъ для Писемскаго, нежели тотъ суровый приговоръ, который такъ смѣло и рѣшительно произнесъ надъ нимъ г. Венгеровъ.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ нашей работѣ, замѣтимъ, что далеко не всякаго писателя можно судить по его твореніямъ и потому, что онъ самъ о себѣ говоритъ и высказываетъ. Въ каждой литературѣ существуютъ такіе дѣятели, которые постоянно стараются выступить передъ публикой, эффектно задрапировавшись въ плащъ, болѣе или менѣе яркій, болѣе или менѣе привлекательный по внѣшности. Такимъ плащомъ для писателя служитъ иногда его умѣнье задѣвать за самыя живыя струны современности, иногда умѣнье покорять сердца служеніемъ одной общей преобладающей идеѣ, иногда—за неимѣніемъ лучшаго,—скорбный плачъ и сокру-

шенія о страданіяхъ челоѣчества, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ. Такихъ «дралирующихся» писателей, конечно, нельзя судить по тому, что они сами о себѣ говорятъ, и что повѣствуютъ о себѣ въ своихъ произведеніяхъ, вслухъ всеѣмъ читая исповѣдь своихъ искреннихъ убѣжденій. Но Писемскій, никогда не драпировавшійся никакою тогою, по отзывамъ всеѣхъ друзей и даже враговъ своихъ, отличался такою искренностью, такою прямою, такою простотою рѣчи и дѣйствій, которая даже стѣсняла окружающихъ и часто давала поводъ къ самымъ ложнымъ толкованіямъ этого своеобразнаго типа русскаго писателя. Одинъ изъ ближайшихъ къ Писемскому людей, П. В. Анненковъ, въ своей извѣстной біографической замѣткѣ объ Алексѣѣ Теофилактовичѣ¹⁾, судя безпристрастно и строго о своемъ почившемъ пріятелѣ, говоритъ съ восторгомъ и удивленіемъ о простотѣ и объ искренности этой богатѣйшей художественной натуры:

«Трудно себѣ и представить болѣе полный, цѣльный типъ чрезвычайно умнаго и вмѣстѣ оригинальнаго провинціала, чѣмъ тотъ, который явился въ Петербургъ въ образѣ молодого Писемскаго, съ его крѣпкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими наблюдательными глазами и лѣнивой походкой... Все было въ немъ откровенно и просто... Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны, въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Все сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали въ немъ никакого родства съ ученьями и вѣрованьями, наиболѣе распространенными среди тогдашнихъ образованныхъ людей».

Отмѣтивъ эти черты, П. В. Анненковъ говоритъ нѣсколько далѣе о томъ, что, при взглядѣ на внѣшность Писемскаго, никому и въ голову не могло прійти, чтобы этотъ челоѣкъ для кого бы то ни было вздумалъ «принарядиться» въ какомъ бы то ни было смыслѣ, чтобы показать себя съ болѣе выгодной, казовой стороны. Такой отзывъ Анненкова, подтверждаемый и подкрѣпляемый массою другихъ достовѣрнѣйшихъ изустныхъ свидѣтельствъ, даетъ намъ право прямо приступить къ выполненію намѣченной нами задачи, и необинуясь возстановить крупный обликъ Писемскаго по тѣмъ самымъ даннымъ, которые онъ намъ доставилъ въ своихъ рѣчахъ, въ своихъ критическихъ статьяхъ, въ своихъ немногихъ, но драгоценныхъ автобіографическихъ замѣткахъ и указаніяхъ. Недаромъ, самъ Писемскій, въ отвѣтной рѣчи, на юбилей 25-тилѣтней литературной дѣятельности, рѣшился сказать своимъ друзьямъ и почитателямъ:

«Единственною путеводною звѣздою во всеѣхъ трудахъ моихъ

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», апрѣль 1882 годъ. Статья П. В. Анненкова: «Художникъ и простой челоѣкъ».

было желаніе сказать моей странѣ, по крайнему разумѣнію, хоть, можетъ быть, и нѣсколько суровую, но все-таки правду про нее самоё».

Попробуемъ же и мы, въ свою очередь, отдавая честь памяти покойнаго писателя, сказать о немъ правду, которая сама просится изъ-подъ его пера, сама свѣтится яркимъ, неугасимымъ свѣтомъ въ каждой строкѣ его произведеній.

На основаніи всего вышесказаннаго, единственнымъ, основнымъ матеріаломъ для нашей статьи послужать:

Во-первыхъ, и прежде всего—«автобіографическія замѣтки», оставленныя Писемскимъ и перешедшія въ собственность товарищества Вольфа, вмѣстѣ съ правами на его сочиненія и его рукописями.

Во-вторыхъ, отчасти, тѣ автобіографическія указанія и ссылки, о которыхъ самъ Писемскій упоминаетъ въ своихъ замѣткахъ, обозначая тѣ мѣста, тѣ характеры, тѣ сцены своихъ произведеній, которыя цѣликомъ сохранили на себѣ отпечатокъ личныхъ воспоминаній автора.

И въ третьихъ, наконецъ—тѣ мѣста произведеній Писемскаго, которыя такъ ясно, такъ наглядно знакомятъ насъ съ его воззрѣніями, мнѣніями, взглядами и симпатіями, что мертвыя страницы книги иногда оживаютъ передъ нами и оживляютъ въ нашей памяти живой, энергическій образъ этого русскаго самородка.

Изъ этихъ трехъ источниковъ мы извлекаемъ все, что намъ необходимо для правдивой характеристики писателя-художника и писателя-гражданина, и вовсе не коснемся тѣхъ «интимныхъ» (по выраженію г. Венгерова) сторонъ жизни Писемскаго, до которыхъ нѣтъ никакого дѣла ни исторіи, ни литературѣ, если только та и другая не принижаются до уровня мелкихъ разслѣдованій частной жизни, пригодныхъ для уголовного процесса, но излишнихъ въ критико-біографической статьѣ, задающей болѣе возвышенными цѣлями.

Чрезвычайно любопытно то, что всѣ три выше-указанные разряда матеріаловъ для біографіи Писемскаго были въ рукахъ г. Венгерова, и что весьма важному матеріалу автобіографическихъ замѣтокъ и указаній самого Писемскаго г. Венгеромъ менѣе всего придавъ значенія. Вмѣсто того, чтобы напечатать эти драгоцѣнныя замѣтки и указанія цѣликомъ, съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ цѣльности и связи, и только вставить въ нихъ, на соответствующихъ мѣстахъ, тѣ отрывки изъ сочиненій Писемскаго, которымъ онъ самъ придавалъ важное біографическое значеніе—г. Венгеромъ порвалъ и разрознилъ замѣтки Писемскаго, дополнилъ ихъ своими толкованіями и разсужденіями, и тѣмъ самымъ отнялъ у матеріала весь его смыслъ, все его характерное значеніе... Что же касается

до третьяго, указаннаго выше разряда матеріаловъ, то г. Венгеровъ даже и не попытался подвергнуть его той разработкѣ, которой онъ вполне заслуживалъ. Вотъ почему онъ и нашелъ себѣ очень выгодную и удобную лазейку, которая дала ему возможность избавиться отъ излишней работы. вмѣсто серьезнаго критическаго разбора литературной дѣятельности Писемскаго, онъ далъ цѣлый рядъ отзывовъ о немъ болѣе или менѣе пристрастной современной критики, а самой оцѣнкѣ произведеній плодовитаго автора посвятилъ всего на все страничекъ двадцать въ числѣ 192 страницъ своего біографическаго труда.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, автобіографическія замѣтки Писемскаго на нѣсколько часовъ были у насъ въ рукахъ и мы тогда уже оцѣнили ихъ по достоинству, сняли вѣрную копію съ нихъ и собирались положить ихъ въ основу краткой статейки о Писемскомъ. Но послѣ того, какъ эти замѣтки Писемскаго, въ значительной своей части, вошли въ составъ очерка г. Венгерова, мы считаемъ себя въ правѣ начать нашу статью о А. Ѳ. Писемскомъ съ напечатанія подлиннаго текста его автобіографическихъ замѣтокъ, возстановляя этотъ текстъ во всей его полнотѣ и дополняя его только въ нѣкоторыхъ пунктахъ необходимыми поясненіями и примѣчаніями.

«Я происхожу» — такъ говоритъ Писемскій въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ — «отъ стариннаго дворянскаго рода. Одинъ изъ предковъ моихъ, — нѣкто дьякъ Писемскій, — былъ посылаемъ царемъ Іоанномъ Грознымъ въ качествѣ посла въ Лондонъ для осмотра племянницы королевы Елисаветы, на каковой племянницѣ царь предполагалъ жениться ¹⁾. Другой предокъ мой изъ рода Писемскихъ, пошелъ въ монастырь и удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ, въ сонмѣ которыхъ до сихъ поръ име-

¹⁾ Карамзинъ называетъ этого Писемскаго просто «дворяниномъ», и мы не знаемъ, какое онъ носилъ придворное званіе. Съ явнымъ дипломатическимъ и притомъ очень важнымъ порученіемъ и съ тайнымъ сватовствомъ этотъ Писемскій былъ отправленъ Іоанномъ къ Елисаветѣ въ 1582 году. 11-го августа отплылъ онъ моремъ изъ Холмогоръ и вышелъ на берегъ Англіи 16-го сентября, а вернувшись въ Москву не ранѣе какъ въ концѣ лѣта слѣдующаго 1583 года. Во время пребыванія въ Англіи, Писемскій скучалъ бездѣйствіемъ и жаловался на медленность и проволочки въ веденіи съ нимъ дипломатическихъ сношеній. Многими чертами характера (въ особенности прямою и рѣзкою сужденій) предокъ напоминаетъ потомка. Когда вельможи Елисаветы предлагали ему гулять и тѣшиться охотою, онъ имъ отвѣчалъ: «мы здѣсь за дѣломъ, а не за игрушками; мы послы, а не стрѣлки». Чрезвычайно любопытенъ и тотъ лаконизмъ, съ которымъ онъ въ донесеніи царю описываетъ вѣщность принцессы Маріи Гастингсъ: «Ростомъ высока», пишетъ Писемскій — «стройна, тонка, лицомъ бѣла, глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ долги». — Писемскаго въ его путешествіи сопровождалъ дьякъ Неудача, и толмачъ Бекманъ.

нуется Макаріемъ Писемскимъ, и мощи его почиють въ Макарьевскомъ на рѣкѣ Унжѣ монастырѣ ¹⁾).

«Поздѣйшіе Писемскіе, о которыхъ я слыхалъ, были, по большей части, люди богатые; но та ближайшая вѣтвь, отъ которой собственно я происхожу, была совершенно захудалая: дѣдъ мой былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Богатый родственникъ его, малороссійскій помѣщикъ, взялся устроить судьбу отца моего—Оеофилакта Гавриловича Писемскаго, которому тогда было четырнадцать лѣтъ. Устройство судьбы ребенка состояло въ томъ, что отца моего пообмыли, пообшили, выучили грамотѣ и опредѣлили солдатомъ въ войска, шедшіе завоевывать Крымъ. Крымъ завоевали, а войска двинули далѣе, на Кавказъ. Большая часть офицеровъ, у которыхъ хоть что-нибудь было на родинѣ, вышли въ отставку; отецъ же мой, которому рѣшительно не на что было надѣяться, послѣдовалъ за войсками. Какова была первоначальная служба отца, можно видѣть изъ монолога ветерана Лихарева въ маленькой пьескѣ моей «Ветеранъ и новобранецъ», въ явленіи VI».

Приводимъ здѣсь цѣликомъ этотъ любопытный монологъ, имѣющій не только автобіографическое по отношенію къ отцу Писемскаго, но и общее историческое значеніе.

Монологъ Лихарева:

«Привезъ меня, братецъ, въ полкъ отпускной солдатикъ. Парень я былъ лѣтъ пятнадцати, а рожей къ ставцу сѣсть не умѣлъ: изъ бѣдныхъ дворянчиковъ родомъ. Нынѣшніе годы, вонъ съ крестьянскихъ мальчишекъ за выучку грамотѣ берутъ десять да двѣнадцать рублей, а за меня заплатили дьячку пять четвериковъ овсеца! Подолбилъ я у него: азъ, Ангелъ, Ангельскій, Архангелъ, Архангельскій, буки, Богъ, Божество, вѣди, Величество—вотъ-те и ученые все, съ этимъ и на службу поѣхалъ... Полками тогда командовали еще шефы. Привели меня къ нашему шефу; изъ нѣмцевъ былъ Ардаліонъ Карлычъ—царство небесное! «Здорови ли ви, каспадинъ тваряининъ, гить? Здѣсь, гить, алмія дѣйствующая, надобно, чтобы народъ былъ оченно здоровый». А я еще и отвѣчать не умѣю какъ; да отпускной-го солдатъ, что привезъ меня, спасибо выручилъ: «здоровъ, гить, ваше высокородіе: всю дорогу одинъ телѣгу смазывалъ и супонъ натягивалъ».—«А, это карашо, гить: поввать, гить, ко мнѣ унтеръ-офицера Соломенку». Приходитъ, братецъ, унтеръ-офицерина Соломенка, въ сажень ростомъ, рябой да черный, немного получше волка. «Вотъ тебѣ, гить, Соломенка, на руки каспадинъ тваряининъ, держи его въ чистотѣ, артикулу вышколи, гра-

¹⁾ Макарьевскій Унженскій мужской 1-го класса монастырь находится въ Костромской губерніи, близъ уѣзднаго города Макарьева, что на рѣкѣ Унжѣ. Монастырь основанъ преподобнымъ Макаріемъ Унженскимъ въ концѣ XIV вѣка (Макарій ум. никакъ не позже 1444 года). Въ Четвяхъ-Минеяхъ, гдѣ житію Макарія посвящена довольно большая статья (подъ 25-мъ іюля), мы находимъ, что Макарій Унженскій былъ родомъ изъ Нижняго-Новгорода и не видимъ никакого упоминанія о томъ, чтобы онъ принадлежалъ къ роду Писемскихъ. Откуда почерпнулъ это любопытное родовое преданіе Алексѣй Теофилактовичъ—не знаемъ.

мотъ пройдишь, да и молитвы чтобы зналъ». Такъ меня, братецъ, и сдали и вотъ по сей день и—блаженной памяти—Ардalionъ Карлычъ и Соломенка, оба, братецъ, въ поминальникѣ записаны; нельзя—навѣкъ человѣкомъ сдѣлали». («Ветеранъ и новобранецъ». Изд. Стелловскаго, Спб. 1861; стр. 15—16).

Приведа этотъ характерный отрывокъ, продолжаемъ прерванныя воспоминанія Писемскаго:

«Прослуживъ лѣтъ тридцать въ дѣйствующей арміи, отецъ мой уже въ чинѣ маіора нашель возможность побывать на родинѣ, т. е. въ Костромской губерніи, которая отстояла отъ Кавказа на двѣ тысячи почти верстъ; но онъ тѣмъ не менѣе большую часть пути совершилъ въ сопровожденіи четырехъ денщиковъ верхомъ, находя ѣзду въ экипажѣ совершенно для себя непріятною и очень безпокойною. На родинѣ ему пришлось жениться на моей матери, изъ довольно достаточнаго семейства Шиповыхъ. Отцу моему въ это время было лѣтъ сорокъ пять, а матери—тридцать семь. Плодомъ этого брака, между прочими дѣтьми, былъ и я, родившійся въ 1820 году, 10 марта, въ усадьбѣ Раменье (Чухломскаго уѣзда Костромской губерніи). Четверо дѣтей, бывшихъ передо мною, померли, а равно померли и бывшіе послѣ меня пять человѣкъ.

«Если позволительно дѣтямъ произносить судъ надъ родителями, то я могу такимъ образомъ опредѣлить моего отца и мою мать.

«Отецъ мой былъ въ полномъ смыслѣ слова военный служака того времени, строгій исполнитель долга, умѣренный въ своихъ привычкахъ до пуризма, человѣкъ неподкупной честности въ смыслѣ денежномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій къ подчиненнымъ:—наши крѣпостные люди его трепетали, но только дураки и лѣнтяи, а умныхъ и дѣльныхъ онъ даже баловаль иногда.

«Мать моя была совершенно иныхъ свойствъ: нервная, мечтательная, тонко-умная и, при всей недостаточности воспитанія, прекрасно говорившая и весьма любившая общительность. Собою она, за исключеніемъ весьма умныхъ глазъ, была не хороша, и по поводу ея наружности покойный отецъ мой, когда я былъ уже студентомъ, имѣлъ со мною такого рода бесѣду:

— «Скажи ты мнѣ, Алексѣй, отчего это мать твоя, чѣмъ дольше живетъ, тѣмъ красивѣе становится?»

— «Оттого, папенька, что у маменьки много душевной красоты, которая съ годами все больше и больше выступаетъ.

— «Такъ,—согласился со мною отецъ:—а я такъ вотъ, кажется, все такой же остаюсь, какъ былъ.

— «Нѣтъ, и вы, папенька, дѣлаетесь лучше: вы нынче дѣлаетесь добрѣе и не такъ гнѣвливы.

— «Гораздо, братъ, меньше сержусь!—воскликнулъ старикъ уже со слезами на глазахъ:—я столько нагрѣшилъ съ этой моей гнѣвливостью, что и не отмолить мнѣ грѣховъ моихъ.

«По рассказамъ, я росъ очень болѣзненно въ раннемъ дѣт-

ствѣ и ужасно капризничаль: то у меня являлась страсть сосать сафьянные башмаки, то требоваль грязной воды, въ которой меня мыли, то требоваль кусокъ, который отецъ проглотилъ; былъ даже, говорятъ, лунатикъ, такъ что меня лавливали входящимъ на чердакъ.

«Всѣ эти продѣлки мои не мѣшали мнѣ, однако, сдѣлаться какимъ-то божкомъ для отца и матери, да сверхъ того еще двухъ тетокъ, барышень Шиповыхъ, невышедшихъ замужъ, которыя, непремѣнно предполагая сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ, пылали ко мнѣ какою-то материнскою любовью, такъ что между сосѣднимъ дворянствомъ говорили, что у меня не одна мать, а три.

«Сначала дѣтство мое, до десяти лѣтъ, я провелъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ (Ветлугѣ), куда отецъ мой опредѣленъ былъ отъ комитета о раненныхъ городничимъ. Воспоминанія о житьѣ въ этомъ городкѣ у меня остались какія-то планетныя: помню я нашъ домъ, довольно большой, съ мезониномъ, гдѣ обиталь я; помню поле, очень не гладкій, играя на которомъ я занаживаль себѣ руки; помню высокую бѣлую церковь, а въ ней рыжаго протопопа Кополова; помню кадку изъ-подъ стрѣхи, въ которой нянька меня купала, а больше всего помню ясные свѣтлые дни, и большую рѣку, къ которой меня никогда близко не подпускали.

«Затѣмъ, я уже жилъ въ настоящей деревнѣ, куда переселились мои родители. Особенно рѣзовъ и шаловливъ, по словамъ всѣхъ, я не былъ, но всегда любилъ устраивать игры въ попы (т. е. представлять, какъ попы служатъ), въ лошади, пахаль грядки, сидѣль на лабазѣ¹⁾, подстерегая медвѣдя. Словомъ, описаніе моего дѣтства находится въ «Людахъ сороковыхъ годовъ», въ главѣ второй.

«Учиться меня особенно не нудили, да я и самъ не очень любилъ учиться; но за то читать и читать, особенно романы, любилъ до страсти: до четырнадцати-лѣтняго возраста я уже прочелъ, въ переводѣ разумѣется, большую часть романовъ Вальтеръ-Скотта, «Дона Кихота», «Фоблаза» и «Жильблаза», «Хромаго Бѣса», «Серапіоновыхъ братьевъ», Гофмана, персидскій романъ «Хаджи-Баба»; дѣтскихъ же книгъ я всегда терпѣть не могъ и, сколько припоминаю теперь, всегда ихъ находилъ очень глупыми.

«Наставники у меня были очень плохи, и все русскіе. Въ дѣтствѣ я, кромѣ латинскаго языка, никакому новому языку не учился, что мнѣ впоследствии приносило и даже теперь приноситъ боль-

¹⁾ Нѣкоторыя части того описанія дѣтства, на которое Писемскій указываетъ въ своемъ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» — до такой степени хороши, что могутъ вполне равняться съ знаменитымъ «Сномъ Обломова». Разница между тѣмъ и другимъ описаніемъ заключается только въ той полной безъискусственности, въ той простотѣ, которая вообще составляетъ одну изъ выдающихся чертъ въ изложеніи Писемскаго.

шой вредъ. Тщетно я въ гимназіи и въ университетѣ старался ознакомиться съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, которымъ, впрочемъ, въ нѣкоторой степени и выучился, но только не надолго: не проходило и полугода, какъ я забывалъ языкъ.

«Вообще, кажется, у меня очень слаба способность къ языкамъ, къ исторіи и къ естественнымъ наукамъ; тогда какъ къ наукамъ философскимъ, т. е. къ математикѣ, къ метафизикѣ, къ логикѣ, эстетикѣ, этикѣ—я весьма склоненъ.

«Въ 1834 году, т. е. когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, меня отдали въ костромскую гимназію, во второй классъ. Учиться тамъ я началъ понятиливо и довольно прилежно, но гораздо большую стяжалъ себѣ славу на актерскомъ поприщѣ». (Объ этомъ событіи Писемскій рассказываетъ въ «Людахъ сороковыхъ годовъ», въ главѣ X).

«Далѣе начала раскрываться писательская способность: въ пятомъ классѣ учитель словесности призналъ меня прекраснымъ стилистомъ; въ шестомъ классѣ я уже написалъ повѣсть, назвавъ ее «Черкешенкой», а въ седьмомъ сочинилъ еще большую повѣсть, «Чугунное кольцо», которыя (т. е. обѣ повѣсти) отличались болѣе стилемъ, такъ какъ я въ нихъ открывалъ такія сферы, которыя совершенно были для меня невѣдомы.

«Въ 1840 году окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ университетъ, будучи большимъ фразеромъ. Я въ этомъ случаѣ благодарю Бога, что избралъ математическій факультетъ, который сразу же отрезвилъ меня и сталъ приучать говорить только то, что самъ ясно понимаешь. Но этимъ, кажется, только и кончилось благодѣтельное вліяніе университета. Научныхъ свѣдѣній изъ моего собственнаго факультета я приобрѣлъ немного, но за то ознакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Ж. Ж. Руссо, Вольтеромъ, В. Гюго, Ж. Зандомъ, сознательно оцѣнилъ русскую литературу и при окончаніи курса, въ 1844 году, стяжалъ снова славу актера ролью Подколесина въ «Женитбѣ», которую игралъ лучше Щепкина ¹⁾).

«На моемъ успѣхѣ, въ 1844 г., въ роли Подколесина кончилась моя научная и эстетическая жизнь. Впереди мнѣ предстояли горе и необходимость служить: отецъ мой уже померъ; мать, пораженная его смертью, была разбита параличемъ и лишилась языка; средства къ существованію были весьма небольшія. Все это пони-

¹⁾ Этотъ успѣхъ, вѣроятно, составлялъ своего рода эпоху въ жизни Писемскаго, потому что онъ посвятилъ ему даже особый, небольшой, но чрезвычайно характерный рассказъ («Комикъ»), въ которомъ очень живо и забавно передалъ всѣ подробности затѣяннаго въ провинціи благотворительнаго спектакля, но въ то же время провелъ черезъ весь рассказъ очень грустную идею: «русскіе таланты, даже и гениальные, нерѣдко погибаютъ по собственной безхарактерности и по недостатку воспитанности среди окружающей ихъ обстановки».

мая, я впалъ, по прїѣздѣ моемъ въ деревню, въ меланхолію и ипохондрію, отъ коей спасла меня любовь. Еще ранѣе того, во время моего гимназическаго и университетскаго воспитанія, я влюблялся идеально въ моихъ кузинъ, изъ которыхъ первая описана въ лицѣ Софи въ «Взбаламученномъ морѣ», а вторая въ лицѣ Мари въ «Людахъ сороковыхъ годовъ»; но вышесказанная любовь была уже реальная и поглотила всего меня. Любовь эта мною выражена, во-первыхъ, въ романѣ моемъ «Боярщина», въ отношеніяхъ Эльчанинова къ Аннѣ Павловнѣ, и потомъ, второй разъ, въ «Людахъ сороковыхъ годовъ», въ отношеніяхъ Вихрова къ Фатѣевой. Но жизнь и родные не удовлетворились этимъ моимъ блаженствомъ, какъ не удовлетворялась имъ и моя собственная совѣсть, тѣмъ болѣе, что написанный мною тогда романъ «Боярщина»¹⁾, какъ протестъ противъ брака, былъ прямо прихлопнутъ цензурой, значить, надежда на авторство могла тогда показаться сумасшествіемъ, и потому я рѣшился, во-первыхъ, посвятить себя службѣ, а потомъ—жениться, избравъ для этого дѣвушку совершенно уже не кокетку, изъ семьи хорошей, но небогатой. Свадьба наша совершилась 11-го октября 1848 года. Жена моя отчасти обрисована мною въ «Взбаламученномъ морѣ», въ лицѣ Евпраксіи, которой сверхъ того я придалъ въ романѣ названіе ледешка».

На этомъ, къ сожалѣнію, обрываются хотя краткія, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнныя автобіографическія замѣтки Писемскаго, которыми такъ неумѣло воспользовался его глубокомысленный біографъ, щедро пополнившій каждое изъ указаній писателя своимъ непрощеннымъ и придиричивымъ комментариемъ.

Изъ вышеприведенныхъ автобіографическихъ данныхъ мы уже знаемъ, что Писемскій женился въ 1848 году, и женился чрезвычайно удачно. Въ молодой супругѣ своей онъ нашелъ такую именно подругу жизни, какая была ему нужна. Екатерина Павловна — добрая, умная, образованная и замѣчательно-кроткая женщина — сумѣла быть для Писемскаго не только женою, но и товарищемъ, и другомъ, умѣвшимъ во-время подать ему руку помощи, и оберечь его отъ житейскихъ бѣдъ. Она всегда выводила его на тотъ настоящій, прямой путь, который, при своей широкой русской натурѣ, Писемскій не разъ на своемъ вѣку терялъ... Окруживъ Алексѣя Теофилактовича нѣжною, почти материнскою заботливостію, снисходя къ его слабостямъ и нравственнымъ недугамъ, Екатерина Павловна сумѣла извлечь своего мужа изъ того омута, въ который онъ неоднократно окунался, сумѣла сохранить его творческія силы и направить ихъ на пользу общую.

¹⁾ Вслѣдствіе этого «Боярщина», одно изъ самыхъ раннихъ и горячихъ произведеній автора, написанное еще въ 1845—46 гг., появилось только уже въ 1858 г.—въ самый разгаръ славы Писемскаго.

Въ 1849 году Писемскій, уже женатый, вторично поступилъ на службу (чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ) все въ той же, столь близко знакомой ему Костромской губерніи — вблизи отъ родины. Назначенный впоследствии ассессоромъ костромскаго губернскаго правленія, Писемскій прослужилъ здѣсь до 1853 года. Въ этомъ году Писемскій вновь вышелъ въ отставку и переселился въ Петербургъ съ очевиднымъ намѣреніемъ исключительно посвятить себя занятіямъ литературнымъ.

Переселеніе Писемскаго въ Петербургъ совпало, какъ разъ, съ тѣмъ сильнѣйшимъ возбужденіемъ умовъ, съ тѣмъ общественнымъ броженіемъ, которымъ ознаменовалось начало царствованія Александра II. Молодой и талантливый, хотя и только еще начинающій писатель, привыкнувшій къ провинціальной жизни и службѣ, сжившійся съ извѣстнаго рода административной рутинной маленькаго губернскаго центра, близко и внимательно всмотрѣвшійся своимъ зоркимъ, наблюдательнымъ окомъ въ самую суть русской народной жизни—вдругъ очутился въ чуждой ему сферѣ столичныхъ литературныхъ кружковъ и въ самомъ водоворотѣ идей и стремленій новой, зарождавшейся исторической эпохи. Все, что Писемскій видѣлъ около себя, не ослѣпляло и не вразумляло его, а только ошеломляло и поражало новизною и невѣроятною разобщенностью съ тою русскою жизнью, которую отъ раннихъ лѣтъ онъ привыкъ видѣть кругомъ себя и которую такъ близко и такъ тщательно наблюдалъ и изучалъ въ послѣдніе годы и по долгу службы, и по массѣ общественныхъ связей, такъ крѣпко и такъ обязательно опутывающихъ cadaго провинціала. Отъ вѣковой рутины и неколебимостановившейся практики костромскаго медвѣжьяго угла, Писемскому вдругъ пришлось очутиться въ средѣ петербургскихъ европейцевъ, которые тѣмъ и отличались отъ европейцевъ настоящихъ, что доводили теоріи до абсурда, наслаждались до упоенія безконечными разсужденіями на общія темы, пренебрегая при этомъ всякими законами экономической необходимости и даже исторической послѣдовательности. Прогрессъ, цивилизація, гласность, свобода печати, освобожденіе крестьянъ, женскій вопросъ, распространеніе грамотности въ народѣ, — рядъ громаднхъ вопросовъ, требовавшихъ для разрѣшенія времени, и денегъ, и страшнаго напряженія всѣхъ силъ государственнаго организма — все это смѣшивалось въ петербургскомъ интеллигентномъ обществѣ конца 50-хъ годовъ съ массою другихъ вопросовъ болѣе или менѣе важныхъ, и разрѣшавшихся съ плеча, на основаніи первой попавшейся западной теоріи или моднаго ученаго трактата. Рядомъ съ этимъ яркимъ (хотя и совершенно понятнымъ) стремленіемъ къ новшествамъ всякаго рода, шла другая струя: — безпощадное и полное отрицаніе всѣхъ существующихъ условій русской жизни (отрицаніе, которое было бы смѣшнымъ, еслибы не представлялось очень пе-

чальнымъ), отрицаніе основъ, на которыхъ зиждется религіозный, нравственный и гражданскій элементъ нашей общественности. Особенно поразительнымъ представлялось именно то, что всѣ сторонники этого отрицательнаго направленія, собираясь все разрушать, ничего не готовились строить, между тѣмъ какъ новаторы жаждали только реформъ, жаждали новыхъ административныхъ перестроекъ, видѣли въ нихъ панацею противъ всѣхъ золъ и бѣдствій русской жизни и твердо вѣрили въ то, что Россію, не хуже какого-нибудь княжества Зигмарингенскаго, можно весьма легко переустроить по любому образцу — нѣмецкому, французскому или англійскому... И во все это вѣрили, обо всемъ этомъ горячо спорили и толковали не только въ кружкахъ, но и въ печати, подкрѣпляя свои доводы всякими обличительными статейками и теоретическими умствованіями, громозвучными фразами и радикальнѣйшими утопіями.

Каково было положеніе свѣжаго, коренного русскаго человѣка — костромича отъ головы до пятъ! — человѣка, привыкшаго жить умомъ массы и по собственному его выраженію «никогда не становившагося подъ чужое знамя», когда онъ, изъ своего мирнаго захолустья (съ его захолустными дразгами, сплетнями, рутинной, опредѣленными воззрѣніями, мнѣніями и обязанностями, частными и общественными) вдругъ очутился въ заколдованномъ царствѣ русской мысли, русской интеллигенціи, русской общественности конца 50-хъ годовъ?

Первое впечатлѣніе, которое здравый и умный русакъ вынесъ изъ своего знакомства съ петербургскимъ обществомъ, было, конечно, разочарованіе и разочарованіе горькое! Стремясь въ столицу изъ провинціи, мнѣняя вѣрное на вѣроятное, заявляя готовность исключительно предаться литературѣ въ такой періодъ, когда литература имѣла громадное значеніе — Писемскій несомнѣнно приносилъ извѣстнаго рода жертву, и съ этою жертвою не связывалъ никакихъ корыстныхъ расчетовъ. Въ желаніи Писемскаго посвятить себя литературѣ мы можемъ видѣть даже нѣкоторую долю увлеченія тою идеею «служенія обществу и общественному благу», которая тогда сильно преобладала въ лучшей части русской интеллигенціи, и создала много прекраснаго. И вотъ именно съ этой-то стороны Писемскій и испыталъ тяжелое разочарованіе: вступивъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ лучшіе литературные кружки, Писемскій увидалъ себя въ области отвлеченныхъ умствованій, предвзятыхъ идей, блестящей фразы и увлеченія внѣшнею формою въ ущербъ дѣла — и сразу вступилъ со всѣми этими началами въ ожесточенную борьбу. Одинъ изъ людей, близко знавшихъ Писемскаго, прекрасно знакомить насъ съ моментомъ этого перваго вступленія Алексѣя Теофилактовича въ петербургскіе литературные кружки

и съ началомъ той борьбы, которая впоследствии привела его къ крайнему пессимизму.

...«Все было въ немъ откровенно и просто,—говорить г. Анненковъ. — Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то диковины посреди Петербурга, но диковины не простой, мимо которой проходятъ, бросивъ на нее взглядъ, а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ... Нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на память, захваченнаго со стороны, въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума, и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованьями наиболѣе распространенными между тогдашними образованными людьми. Кругомъ Писемскаго въ ту пору существовало еще въ Петербургѣ много мыслей и моральныхъ идей, признанныхъ безспорными и потому изъятыхъ навсегда изъ преній, какъ очевидныя истины. Писемскій оказался врагомъ большей части этихъ непререкаемыхъ догматовъ цивилизаціи»...

И онъ былъ совершенно правъ съ своей точки зрѣнія, и никакъ не могъ понять того, что его противники могутъ искренно вѣрить въ возможность осуществленія своихъ идеаловъ на русской почвѣ, которая была имъ такъ подробно и такъ близко изучена. Но эта правота доставалась Писемскому не даромъ: онъ волновался, онъ мучился сомнѣніями, онъ проникался недоумѣніемъ къ самому себѣ и къ своему таланту, и ясно сознавалъ, что не въ силахъ будетъ себя побороть, заставить себя идти общему, избитою колею и, вмѣсто горькой правды, писать красивую ложь. При этомъ, прямой и умный Писемскій видѣлъ, что различные литературные кружки заискиваютъ въ немъ, какъ въ «модномъ писателѣ», какъ въ «нужномъ человѣкѣ и полезномъ сотрудникѣ»; но, очевидно, тяготятся имъ, какъ представителемъ той голой правды, той ничѣмъ неприкрытой и неприглядной русской дѣйствительности, о которой всѣмъ хотѣлось въ ту пору забыть, чтобы удобнѣе предаваться мечтаніямъ... А между тѣмъ, Писемскій,—по самой природѣ своей—критикъ и наблюдатель, съ нѣкоторою склонностью къ пессимизму—видѣлъ ясно, что наравнѣ съ внѣшними, явными, громкими фактами русской общественной жизни, въ глубинѣ ея творится иная работа, темная, никому не замѣтная, выражающаяся глухимъ броженіемъ и необъясняющая никакихъ хорошихъ результатовъ... Это глухое броженіе, вызывавшее въ русской жизни нѣкоторыя странныя явленія, и только уже гораздо позже получившее опредѣленное названіе и образъ — пугало Писемскаго, и при его природной мнительности и недоумчивости, заставляло его со страхомъ смотрѣть въ будущее. И этотъ страхъ, это недоумѣніе къ настоящему, которое представлялось всѣмъ въ такихъ привлекательныхъ формахъ, это полное отсутствіе всякой твердой вѣры въ бу-

дущее, многимъ казавшееся вполне обеспеченнымъ отъ всякихъ бурь и невзгодъ — все это сначала привело Писемскаго къ разочарованію въ лучшихъ людяхъ его времени, а потомъ и окончательно подорвало въ немъ вѣру въ «русскаго человѣка»... Можетъ быть, именно въ этомъ тяжеломъ настроеніи нравственномъ слѣдуетъ искать объясненія тому, что Писемскій, мало-по-малу сталъ покидать литературныя салоны Петербурга 50-хъ годовъ, и болѣе и болѣе сближаться съ кружкомъ литераторовъ, который охотнѣе пилъ, нежели писалъ, и предавался бражничанью съ какимъ-то упорнымъ, сознательнымъ омраченіемъ. Къ кружку этихъ бражниковъ принадлежали очень многіе, талантливейшіе писатели, давно уже умершіе и рано поплатившіеся за свои излишества, принадлежали и многіе изъ нынѣ живущихъ съумѣвшихъ впоследствии остепениться и отстать отъ опаснаго кружка. Дурныя привычки, къ которымъ Писемскій и ранѣе этого времени проявилъ нѣкоторое предрасположеніе, окончательно укоренились въ немъ пребываніемъ въ этомъ кружкѣ, который засасывалъ и забиралъ всего человѣка, и либо обезличивалъ его до послѣдней степени безобразія, либо оставлялъ на немъ на всю жизнь неизгладимые слѣды... Къ дурному вліянію кружка, который надолго привлекъ къ себѣ Писемскаго, присоединились вскорѣ литературныя отношенія самаго непріятнаго свойства, неудачи, въ которыхъ Писемскій былъ отчасти самъ виноватъ, и которыя въ самое непродолжительное время побудили его измѣнить предназначенному плану жизни... Онъ увидѣлъ, что русское общество ни мало не нуждается въ его жертвѣ, потерялъ окончательно вѣру въ возможность существовать литературнымъ трудомъ, хотя и находился въ ту пору (послѣ напечатанія «Тысячи Душъ» и «Горькой Судьбы») на верху своей литературной славы... И онъ разомъ принялъ два рѣшенія: переселиться въ Москву и вновь поступить на службу.

Подъ вліяніемъ всего, что Писемскому пришлось пережить и видѣть въ послѣдніе годы, имъ написанъ былъ тамъ романъ («Взбаламученное море»), который привелъ къ разрыву съ петербургской журналистикой и окончательно вывелъ Писемскаго на его дорогу. Тотъ вопль и громъ негодованія, который былъ вызванъ появленіемъ въ свѣтъ «Взбаламученнаго моря», окончательно убѣдилъ Писемскаго въ томъ, что онъ «не ко двору пришелся» въ современной русской литературѣ, которая ищетъ идеаловъ и съ ненавистью относится къ истинѣ и дѣйствительности. Но вся ненависть и негодованіе, возбужденныя этимъ романомъ противъ Писемскаго, никакъ не могли убѣдить талантливаго писателя въ томъ, что избранный имъ путь ложенъ, не заставили его заискивать расположенія толпы, принижаться передъ нею, угождать ей и льстить ея увлеченіямъ. И въ этомъ смыслѣ, Писемскій пред-

ставляется намъ типомъ литератора гораздо болѣе привлекательнымъ, гораздо болѣе заслуживающимъ уваженія, нежели Тургеневъ, который, послѣ бури, возбужденной романомъ «Отцы и дѣти» и типомъ Базарова, старался всячески оправдаться передъ молодымъ поколѣніемъ, старался изгладить впечатлѣніе высказанной имъ горькой правды и какъ бы заслужить себѣ прощеніе... Писемскій поступилъ гораздо проще: онъ махнулъ рукою на русскую критику, порвалъ всякія связи съ непріязненными ему литературными кружками и продолжалъ писать то, что ему представлялось правдою, съ одинаковой безпощадностью клеймя пороки и безобразіе, въ комъ бы они ни проявлялись:—въ старомъ ли, въ молодомъ ли поколѣніи? Съ замѣчательнымъ гражданскимъ мужествомъ Писемскій продолжалъ свое дѣло до конца — терпѣливо и неуклонно — съ такою послѣдовательностью, какой трудно было и ожидать отъ такого чистокровнаго россіянина! Не даромъ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о своей литературной дѣятельности:

«Сначала я обличалъ тупость, предрасудочность, невѣжество, смѣялся надъ дѣтскимъ романтизмомъ и пустозвонными фразами, боролся противъ крѣпостнаго права, преслѣдовалъ чиновничьи злоупотребленія, обрисовалъ цвѣтки нашего нигилизма, котораго теперь ужъ созрѣваютъ плоды, и въ концѣ концовъ принялся за сильнѣйшаго, можетъ быть, врага человѣческаго, за Ваала и за поклоненіе золотому тельцу, и только въ прошломъ году былъ глубоко утѣшенъ тѣмъ, что мѣщане и купцы (что подъ этими кличками я разумѣю, вы уясните себѣ изъ романа моего «Мѣщане») отодвинуты на задній планъ и въ массѣ случаевъ опозорены. Открылось воочію всѣхъ, что мошенничества разныхъ предпринимателей и поставщиковъ колоссальны, что торговля идетъ на постыднѣйшемъ обманѣ; банковскія воровства чуть не каждодневно совершались и совершаются... но довольно. Всего не перескажешь, что кипитъ и волнуется въ моей, ужъ, кажется, старческой душѣ!»

Въ этихъ горькихъ строкахъ слышится намъ не затаенное озлобленіе непризнаннаго гения, не простая мизантропическая выходка забытаго и неопѣннаго по заслугамъ писателя, а цѣлая программа дѣйствій чловѣка глубоко убѣжденнаго и способнаго до конца дней вести упорную, безпощадную борьбу со всѣми видами зла, въ окружающемъ его обществѣ. И эта борьба исходила у Писемскаго, несомнѣнно, изъ того качества его души, которое такъ вѣрно подмѣтилъ и опредѣлилъ въ немъ г. Анненковъ:

«Особенно выдѣлялось одно его качество: онъ считалъ великимъ бѣдствіемъ на землѣ—несправедливость, оказанную чловѣку, и при томъ бѣдствіемъ столько же для потерпѣвшаго отъ нея, сколько и для того, кто въ ней провинился... Если болѣзни, слабости, паденія Писемскаго приравнивали его къ толпѣ, то, съ другой стороны, онъ раздѣлялъ съ нею и ея гнѣвъ, и негодованіе на люд-

скую несправедливость, ея презрѣніе и отвращеніе къ торжеству нравственнаго безобразія на свѣтѣ, и ея любовь къ единственному оружію, находящемуся въ ея распоряженіи—насмѣшкѣ, каррикатурѣ, памфлету».

И этому-то неблагоприятному направленію, какъ прямому своему назначенію, предался писатель, въ которомъ, при всѣхъ его недостаткахъ, нельзя не признать замѣчательнаго художника-реалиста, ближе всего подходящаго къ Гоголю по силѣ своего таланта, по природной способности къ безпристрастному наблюденію окружающаго и по чрезвычайному умѣнью передавать свои впечатлѣнія рельефно и ярко. Ближе всего подходилъ Писемскій къ Гоголю и по тому сплошному пессимизму, который давалъ ему возможность видѣть и наблюдать предметы только съ одной стороны отрицательной и не приводилъ его къ созиданію положительныхъ типовъ... Писемскій неменѣе Гоголя признавалъ въ себѣ этотъ пессимизмъ крупнымъ недостаткомъ, быть можетъ даже и мучился этимъ недостаткомъ не менѣе нежели Гоголь, но ничего не могъ сдѣлать для восполненія его:—его натура неспособна была поддаться надолго никакимъ обольщеніямъ, никакой идеализаціи... Недаромъ сказалъ онъ при встрѣчѣ одному изъ молодыхъ писателей, что онъ «вообще усталъ писать:—вѣдь и, шутка сказать, ужъ восемьсотъ лицъ вывелъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ,—и все дрянъ какую!»

Къ сожалѣнію, русская общественная жизнь 60-хъ и 70-хъ годовъ, разбившая въ дребезги столько прекраснѣйшихъ идеаловъ, повалившая столько кумиры, гораздо болѣе способна была оправдать пессимизмъ Писемскаго, нежели радужныя надежды и свѣтлыя теоріи его противниковъ. Эта печальная исторія послѣдняго двадцатилѣтія, надолго внесшая такую тяжелую рознь въ ряды русской интеллигенціи и разсѣявшая тѣсно-сплоченные литературные кружки, конечно, неспособна была внести ни спокойствія, ни свѣта, въ мрачно и болѣзненно настроенную душу Писемскаго. Болѣе и болѣе ожесточаясь противъ господствовавшей въ обществѣ лжи и обмана, онъ болѣе и болѣе уединялся и сторонился отъ людей и, наконецъ, совсѣмъ засѣлъ въ своемъ московскомъ углу. Это отчужденіе отъ жизни, это сознательное и упорное удаленіе отъ общества и литературы—много способствовали постепенному ослабленію сильнаго таланта; а болѣзни и семейныя несчастія, неожиданно посѣтившія Писемскаго въ послѣдніе годы его жизни—разрушили окончательно его крѣпкій организмъ и довели его до ужаснѣйшей ипохондріи. Этому печальному настроенію талантливаго писателя много способствовало крайне-пристрастное и несправедливое къ нему отношеніе критики, которая огуломъ осуждала все, что выходило изъ-подъ пера Писемскаго въ послѣдніе годы его жизни, между тѣмъ какъ собратія по литературѣ относились къ нему съ

незаслуженнымъ пренебреженіемъ и полнымъ забвеніемъ его нѣкогда громкихъ заслугъ. Отживающаго ипохондрика нѣсколько оживилъ и обрадовалъ только скромный юбилей, который былъ устроенъ въ Москвѣ, въ 1875 г., немногими искренними почитателями Писемскаго и разросся въ довольно крупное торжество, съ прѣстственными рѣчами, телеграммами и оваціями. Лучшимъ украшеніемъ этого юбилея была, несомнѣнно, рѣчь самаго Писемскаго, который высказалъ въ ней нѣсколько мыслей о своей литературной дѣятельности, имѣющихъ важное автобіографическое значеніе: «Пройденный мною двадцатипятилѣтній литературный путь, какъ и путь товарищей моихъ по дѣлу, былъ не легокъ. Сознвая всю слабость и недостаточность трудовъ моихъ, я считаю себя вправѣ сказать только то, что я никогда въ нихъ не становился ни подъ чье чужое знамя; худо ли, хорошо ли, но всегда писалъ то, что думалъ и чувствовалъ, и ни для какихъ внѣшнихъ и суетныхъ цѣлей не ломалъ и не насилывалъ моего пониманія людей и событій и маленькихъ авторскихъ способностей, которыя даны мнѣ отъ природы. Единственною путеводною звѣздою во всѣхъ трудахъ моихъ было желаніе сказать моею странѣ, по крайнему разумнѣію, хоть, можетъ быть и нѣсколько суровую, но все-таки правду про нее самоё. Насколько я успѣвалъ въ этомъ случаѣ—не мое дѣло судить!»

Шесть лѣтъ спустя, 21-го января 1881 года, Писемскій скончался. Забвеніе, о которомъ мы упоминали выше, очень ярко выразилось на его похоронахъ: гробъ его провожали до могилы только близкіе родные и человекъ десять пріятелей и знакомыхъ.

Въ заключеніе того, что было извлечено нами изъ сопоставленія автобіографическихъ матеріаловъ, оставленныхъ Писемскимъ, съ немногими безпристрастными отзывами о немъ и съ нашими личными впечатлѣніями и воспоминаніями, мы можемъ прійти только къ одному выводу:—большими недостатками Писемскаго являлась его прямота и откровенность, его честное отношеніе къ своимъ литературнымъ задачамъ, его постоянное желаніе оставаться вездѣ и всегда «самимъ собою» и никогда не становиться ни подъ чье чужое знамя. Просто, прямо и правдиво высказывалъ онъ всегда и въ публикѣ, и въ печати, то, что думалъ, называлъ вещи ихъ настоящими (часто очень непривлекательными) именами, и съ полною безопадностью относился къ тому, что ему представлялось зломъ или фальшью. И на все это Писемскій рѣшался въ такую пору, когда въ обществѣ и литературѣ проявился полнѣйшій разладъ, когда совершенно ложныя литературныя приличія стѣсняли лучшую часть нашихъ писателей, а другихъ побуждали тянуть все тѣ же либеральныя нотки 60-хъ годовъ, даже и тогда, когда сказались грозные симптомы явленій, ко-

торые ничего не могли имѣть общаго съ радужными теоріями либерализма. И вотъ ключъ къ объясненію той нескончаемой брани, укоровъ, упрековъ и обвиненій, которые сыпались на покойнаго Писемскаго при жизни... И, въ самомъ дѣлѣ, какъ было вѣсѣмъ не бранить этого упрямаго русака, который смѣялся надъ гражданскими мотивами и сокрушеніями современной ему русской поэзіи, трунилъ надъ сладенькими идилліями изъ русской жизни, и открыто заявлялъ полнѣйшее недовѣріе къ возможности быстрого перерожденія русскаго человѣка?..

Мы думаемъ, однакожъ, что полная и безпристрастная оцѣнка личности и литературныхъ заслугъ Писемскаго, въ данную минуту, едва ли возможна? Нельзя не признать того, что большая часть его произведеній даетъ ему неоспоримое право на весьма видное положеніе въ кругу первоклассныхъ нашихъ писателей, но едва ли возможно съ полною точностью опредѣлить его мѣсто въ современной русской литературѣ? Важнымъ препятствіемъ къ безпристрастному опредѣленію значенія Писемскаго всегда будетъ служить то, что онъ такъ ярко отличается отъ всей окружающей его литературной братіи 60-хъ годовъ. Въ своихъ величайшихъ достоинствахъ и въ самыхъ непріятныхъ своихъ недостаткахъ онъ постоянно является оригинальнымъ, не похожимъ ни на кого изъ современниковъ: въ полномъ смыслѣ слова онъ—самъ-по-себѣ! И это свойство его натуры, въ связи съ его природной мнительностью и грубоватою правдивостью—болѣе всего способствовало его отчужденію отъ остальной литературной братіи и тому забвенію, въ которомъ онъ умеръ. У насъ въ литературѣ, какъ и вездѣ, слѣдуетъ непременно принадлежать къ какой-нибудь партіи, чтобы заставить себя цѣнить; слѣдуетъ имѣть услужливыхъ друзей и пріятелей, которые бы о насъ говорили, напоминали бы публикѣ о нашихъ заслугахъ и поддерживали бы нашу славу... Писемскій менѣе всего объ этомъ заботился и не только при жизни, но (въ трудѣ своего біографа) и послѣ смерти понесъ должную кару за свое истинно-русское пренебреженіе къ земной славѣ.

П. Полевой.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО БИБЛІОТЕКАРЯ ¹⁾.

II.

Назначеніе директоромъ Публичной Библіотеки барона М. А. Корфа. — Новый порядокъ въ Библіотекѣ. — Помощникъ директора князь В. Ѳ. Одоевскій. — Дѣятельность барона Корфа. — Основаніе отдѣленія «Rossica». — Мои помощники по устройству этого отдѣленія. — Библіотекаръ Беркгольцъ. — В. В. Стасовъ. — Передѣлки въ залахъ Библіотеки. — Пожаръ. — Ревизія кассы Библіотеки. — Посѣщеніе Библіотеки министромъ двора графомъ А. Ѳ. Адлербергомъ. — Аукціонная продажа дублетовъ Библіотеки. — Новыя постройки въ Библіотекѣ. — Оставленіе барономъ Корфомъ управления Библіотекой.

АРОНЪ М. А. Корфъ повелъ насъ за собою, или, выражаясь исторически, вступилъ въ управленіе Библіотекой, въ концѣ 1849 года. Оленина мы звали генераломъ, Бутурлина — директоромъ, а барона стали звать просто барономъ, и теперь, когда его уже нѣтъ впереди насъ, мы говоримъ о «временахъ барона».

Баронъ засталъ Библіотеку въ то время, когда въ «Историческомъ отдѣленіи», по приведеннымъ въ азбучный порядокъ карточкамъ, соединялись разбросанные томы и выбирались дублеты. Лишнія карточки, отъ соединенныхъ частей многотомныхъ изданій, составили очень увѣсистую кучу бумаги. Они принесли пользу одному только Д. П. Попову, старшему изъ старыхъ библіотекарей: съ разрѣшенія барона онъ унесъ ихъ домой и чистую ихъ сторону употребилъ для своихъ лексикографическихъ работъ ²⁾; но польза, принесенная дублетами, была много-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVIII, стр. 70.

²⁾ Д. П. Поповъ былъ профессоромъ греческаго и латинскаго языка В. С.

стороння и велика: она отозвалась на всемъ составѣ Библіотеки. Выборку дублетовъ производили тѣ же бібліотекари, которые впоследствии старались затмить всехъ не-бібліотекарей своею бібліотечною ученостью, но во время выборки дублетовъ, т. е. вслѣдъ за писарской 8-ми-лѣтней практикой, они дѣйствовали подамски. Взглядъ на книги былъ у нихъ такъ мало выработанъ, что они предпочитали и оставляли въ Библіотекѣ экземпляры, которые были принаряжены переплетомъ, а въ дублетную часть ставили брошюрованныя или плохо переплетенныя книги, иногда очень рѣдкія по гравюрамъ и разнаго рода дополненіямъ. Въ небрежности нельзя было никого упрекнуть: не было того знанія, какое явилось впоследствии, а если его не было, то обвинять бібліотекарей въ ошибкахъ при выборѣ дублетовъ было бы несправедливо. Мы стали учиться тогда, когда стали работать не по недѣльнымъ урокамъ.

Самою лучшею школой была для насъ продажа дублетовъ. Баронъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на продажу ненужныхъ Библіотекѣ дублетныхъ экземпляровъ. Операція эта имѣла многосторонне полезное значеніе. Во-первыхъ, она доставила Библіотекѣ больше 50,000 р. наличныхъ денегъ, на которыя было куплено множество новыхъ книгъ; во-вторыхъ, она дала возможность принять нѣкоторыя капитальныя мѣры для обезпеченія зданія Библіотеки отъ внутренняго пожара и обновить нѣкоторыя ея залы, имѣвшія видъ ветхости неприличной: въ-третьихъ, она дала Библіотекѣ много свободнаго мѣста для новыхъ приращеній, и, наконецъ, что едва ли не важнѣе всего, она дала бібліотекарямъ массу бібліологическихъ знаній. Безпрерывныя сношенія съ покупателями-знатоками, живая бесѣда съ ними, конкуренція страстныхъ любителей, гонявшихся, по нѣскольکو человекъ вдругъ, за одною и тою же книгою; разныя уловки, къ которымъ они прибѣгали, чтобы перебить другъ у друга покупку; словоохотливость бібліомановъ, рассказывавшихъ разные анекдоты бібліотечнаго міра, расхваливавшихъ сдѣланныя ими приобрѣтенія, или просто старавшихся блеснуть своимъ знаніемъ, все это насъ забавляло, а съ тѣмъ вмѣстѣ и многому научило. Правда, что и наша самодѣятельность была сильно оживлена, тѣмъ не менѣе, можно сказать положительно, что продажа дублетовъ была для насъ какъ бы университетскимъ курсомъ, послѣ котораго, какъ извѣстно, учащіеся получаютъ не болѣе, какъ умѣнье учиться безъ помощи учителя.

Намъ было надъ чѣмъ учиться. Всякому изъ насъ дана была отдѣльная часть для разработки, и тутъ ужъ нельзя было прикрываться цифрой сдѣланнаго: и количество, и качества, все было на виду. Баронъ никого не понуждалъ, никому не давалъ ни совѣтовъ, ни наставленій, а только заглядывалъ въ отдѣленія всехъ бібліотекарей, и съ участіемъ добраго товарища разспрашивалъ о

ходѣ дѣла. Всюду онъ расточалъ похвалы и одобренія, а бібліотекари, работая какъ кто могъ, постоянно ждали его посѣщеній и старались приготовить что-нибудь новое, чтобы показать ему. Всѣ чувствовали себя очень хорошими дѣятелями на своихъ мѣстахъ, хотя далеко не всѣ были способны быть въ дѣйствительности хорошими дѣятелями. Нельзя заставить неспособнаго сдѣлать что-нибудь выше его силъ, нельзя также вдругъ набрать людей способныхъ и приготовленныхъ къ бібліотечной работѣ. Баронъ употреблялъ въ дѣло тѣ силы, какія нашелъ въ наличности, и не мнѣ судить, хорошо ли онъ ихъ употреблялъ. Что касается до меня, то въ бібліотечной наукѣ я ставлю себя не выше хранителя. Дѣлателемъ ученыхъ, бібліографомъ, признавать себя я никакъ не могу, потому что ремесломъ я архитекторъ, и довольно важныя строительныя операціи, произведенныя мною въ зданіи Библіотеки, очень ясно говорятъ, на какомъ инструментѣ я игралъ въ оркестрѣ, исполнявшемъ подъ управленіемъ барона, обширную симфонію, называемую: «развитіе Императорской Публичной Библіотеки». Правда, что я немножко бібліотекарь, но это случилось совершенно неожиданнымъ мною манеромъ. Къ этому спеціальному званію я не готовился, и, слѣдовательно, присвоивать его себѣ, мнѣ не подобаетъ.

Въ бібліотекарство втянуло меня слѣдующее обстоятельство. Баронъ предположилъ образовать въ Библіотекѣ такое собраніе книгъ на иностранныхъ языкахъ, въ которомъ бы было соединено все, что имѣетъ прямую связь съ Россіей, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Образование этого собранія онъ принялъ на себя, а каталогизацію и храненіе книгъ возложилъ на меня. Думалъ ли баронъ, что я старый бібліотекарь и знатокъ книжнаго дѣла, или онъ подмѣтилъ во мнѣ нѣкоторую наклонность къ порядку, но только бібліотекаремъ онъ меня сдѣлалъ, и хотя я представлялъ ему въ самомъ началѣ, что есть въ Библіотекѣ люди поспособнѣе меня, хотя я и впоследствии пытался доказывать ему свою некомпетентность, но онъ не переставалъ выражать мнѣ свое удовольствіе за все, что я дѣлалъ какъ бібліотекарь. Какъ и что я дѣлалъ, о томъ я скажу послѣ.

Баронъ любилъ раздѣленіе труда, и взявъ въ руки Библіотеку, оставилъ за собой только то, что онъ дѣйствительно долженъ былъ дѣлать, а именно: вести учрежденіе къ цѣли его существованія, т. е. обогатить Библіотеку новыми книгами и привлечь публику въ мѣсто, для нея уготованное. Счетную часть, храненіе кассы и прочіе хозяйственныя хлопоты онъ предоставилъ помощнику своему, князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому, человѣку съ чистой душой, теплымъ сердцемъ и наклонностями чисто-поэтическими. Извѣстно, что доку и дѣльца, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ, провести нелегко, но самага умнѣйшаго и притомъ добро-

душнаго человѣка обмануть очень не трудно. Мнѣ случалось не разъ видѣть, какъ заблуждался баронъ подѣ влияніемъ низкопоклонства и смазливой преданности пройдохъ, но всѣ эти заблужденія не имѣли никакихъ послѣдствій. Смотри на нихъ со стороны, жаль только было, что высокія нравственныя начала профанировались пролазами. Кому изъ насъ не случалось подавать милостыню такимъ людямъ, которые прямо отъ насъ отпраплялись въ мѣста разгула и веселья, а мы уносили пріятное сознаніе, что сдѣлали очень доброе дѣло. Такія ошибки и часты и безслѣдны, но съ княземъ случилась ошибка не безслѣдная.

Въ Библіотекѣ былъ казначей, принимавшій и расходовавшій деньги, которыми завѣдывалъ князь. Однажды казначей принялъ изъ Главнаго Казначейства 2000 рублей и заболѣлъ именно въ тотъ часъ, когда онъ долженъ былъ представить эти деньги князю, для вложенія въ сундукъ. Князь повѣрилъ болѣзни, а недѣли чрезъ двѣ зашелъ ко мнѣ въ отдѣленіе поговорить. Поговорили и кончили тѣмъ, что я обѣщаль принять на себя казначейскія обязанности временно, пока настоящій казначей перестанетъ быть больнымъ. Онъ, однакожь, не пересталъ быть больнымъ, а пересталъ совсѣмъ служить. Когда этотъ фактъ совершился, тогда мнѣ сказали, что я уже не временный, а постоянный казначей. Кассу я принялъ не отъ предмѣстника своего, а отъ князя, и замѣтилъ, что въ черновомъ аттестатѣ моего предшественника была зачеркнута цѣлая строчка: «и исполнялъ обязанности свои какъ надлежитъ честному и благородному человѣку».

Князь въ дѣлахъ денежныхъ былъ довѣрчивъ такъ, какъ прилично дѣйствительно честному и благородному человѣку, но послѣ исторіи увольненія предмѣстника моего, мнѣ не удобно было терпѣть довѣрчивость князя. Я выразилъ откровенно желаніе свое имѣть на своихъ рукахъ всѣ деньги, не вкладывая большую ихъ часть въ сундукъ, украшенный печатью князя, но такъ какъ я чувствовалъ за собой нѣкоторую слабость характера и былъ, можетъ быть, способенъ поступить съ казенными деньгами не надлежащимъ образомъ, то для предупрежденія подобной несообразности, просилъ позволенія вложить въ сундукъ, завѣдываемый княземъ, мою собственную—въ банковыхъ билетахъ—сумму, равную казенному максимуму. Начальство попустило эту либеральность, и князь, ревизуя ежемѣсячно кассу, на основаніи правилъ счетоводства, пересматривалъ только шнуровыя книги, не имѣя надобности справляться: всѣ ли казенныя деньги на лицо. А онѣ, признаюсь, никогда не бывали всѣ на лицо: нѣкоторые недостаточные чиновники, и въ особенности переплетчикъ, всегда аттаковывали меня своими просьбами выдать имъ впередъ, и эти впередовыя выдачи переходили иногда за 2000 рублей. Всѣ беззаконія мои составляли, конечно, вашу семейную тайну, въ которую, однакожь, проникалъ

иногда и князь, но смотрѣлъ на все сквозь пальцы. Впрочемъ, одинъ разъ въ годъ, и именно при ревизіи кассы 2-го января, наличный остатокъ былъ всегда повѣряемъ. Повѣрка эта заключалась въ томъ, что расходъ, придя въ совершенное равновѣсіе съ приходомъ, давалъ въ остаткѣ нуль, но и при этой единственной въ году повѣркѣ, сундукъ мой не открывался: присутствіе нуля въ книгѣ юридически доказывало, что въ сундукѣ пусто. Можетъ тамъ и были деньги, но вѣрить этому не слѣдовало.

Состояніе денежныхъ суммъ Библиотеки съ точностію было извѣстно барону въ каждый день, даже въ каждый часъ въ теченіе года. Онъ желалъ имѣть у себя подъ рукою такую штуку, въ которой можно было бы вести счетъ всѣмъ мелкимъ статьямъ прихода и расхода. Штуку эту я придумалъ въ видѣ большого, складнаго, наклееннаго на коленкоръ листа. На немъ размѣщены были всѣ источники доходовъ и всѣ главные предметы расходовъ. Не могло быть такого прихода, который поступалъ бы безъ вѣдома и формальнаго предписанія барона, не могло совершиться никакого расхода безъ его вѣдома и разрѣшенія. Давая предписанія и разрѣшенія, онъ собственноручно заносилъ всѣ мелкія суммы на свой складной листъ и, къ концу года, встрѣчался точно съ такимъ же нулемъ, какой находилъ и князь въ шнуровыхъ книгахъ.

Какъ подробно слѣдилъ баронъ за движеніемъ денежныхъ суммъ, точно также слѣдилъ онъ и за всѣмъ, что дѣлалось въ отдѣленіяхъ Библиотеки, и не было утра, чтобы курьеръ его не привозилъ въ Библиотеку нѣсколькихъ записокъ отъ него къ бібліотекарямъ, и не отвозилъ къ нему отвѣтовъ. У всѣхъ въ Библиотекахъ дѣла было по горло, и между тѣмъ не было ни малѣйшаго контроля въ часахъ прихода и ухода бібліотекарей. Они работали въ Библиотекахъ, работали дома и совокупные труды ихъ очень ярко высказались въ общемъ развитіи Библиотеки. Баронъ задавалъ работу всѣмъ, а мнѣ въ особенности, потому что я былъ хранителемъ любимаго имъ собранія «Rossica», завѣдывалъ хозяйственною частью, и на мнѣ же лежала строительная часть. Какъ бібліотекарь, я работалъ головой въ своихъ отдѣленіяхъ «Rossica», «Искусствъ» и «Технологіи», а какъ завѣдующій хозяйственною частью и какъ архитекторъ, я работалъ вездѣ, работалъ головою, руками и ногами. Всѣ залы Библиотеки, безъ исключенія, въ бароново время получили изъ моихъ рукъ обнови. По всему зданію съ чердаками, крышею и подвалами, я путешествовалъ неумышленно для исполненія своихъ обязанностей. Одинъ нѣмецъ произнесъ обо мнѣ такое опредѣленіе: «der ist überall und nirgend». Вспоминая свою тогдашнюю подвижность, къ которой теперь я чувствую себя не совсѣмъ уже способнымъ, я удивляюсь: какъ успѣвалъ я дѣлать все, что дѣйствительно дѣлалъ. Я долженъ, однакожь, сознаться, что исполняя распоряженія начальства, я не сдѣлалъ ни одного шага, не

написалъ ни одного слова напрасно, такъ послѣдовательны были всѣ распоряженія. Случалось, что въ ночную пору меня тревожила мысль объ истопникахъ. Я вскакивалъ съ постели, зажигалъ фонарь и обходилъ подвалы и оба этажа всего зданія. Теперь, когда Библиотека закована въ желѣзо, вся накрыта каменнымъ черепомъ и прошнурована артеріями, наполненными сжатою водою, готовою брызнуть вдругъ изъ двадцати отверстій, раскинутыхъ по всѣмъ заламъ, я уже не тревожусь какъ прежде, и преемники мои также не будутъ тревожиться ¹⁾).

Баронъ нерѣдко рассказывалъ мнѣ, что по ночамъ онъ бывалъ также подъ вліяніемъ самыхъ страшныхъ опасеній за цѣлость полу-деревяннаго зданія Библиотеки. Я увѣренъ, что еслибъ онъ жилъ не такъ далеко, то по ночамъ часто обходилъ бы довѣренное ему хранилище міровыхъ сокровищъ. Князь не менѣе насъ страшился за безопасность Библиотеки, но почему-то подвальное отопленіе тревожило его меньше, нежели употребленіе огня въ залѣ канцеляріи. Однажды онъ проѣзжалъ мимо Библиотеки въ то именно время, когда читатели только-что успѣли выйти, и утомленный дежурный расположился пить чай съ акомпаниментомъ казеннаго самовара. Присутствіе лампы князь нашелъ зломъ неизбѣжнымъ: вся читальная зала освѣщалась по вечерамъ лампами, но самоваръ ему показался опаснымъ и притомъ вовсе ненужнымъ. Онъ находилъ, и очень основательно, что его можно замѣнить чайникомъ съ кипяткомъ. Замѣчаніе свое князь передалъ мнѣ, но я не рѣшился самовольно посягнуть на крошечное, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень важное удобство дежурныхъ, и доложилъ барону. Онъ пожалъ плечами и, не рѣшаясь дать положительнаго позволенія, противорѣчащаго замѣчанію князя, выразилъ только сожалѣніе, что «князь зашелъ въ Библиотеку въ такое неудобное время», прибавивъ къ этому, что «самъ онъ постарается никогда не заходить въ тѣ часы, когда дежурный можетъ себѣ позволить пить чай». Я буквально передалъ князю слова барона. Князь расхохотался, и самоваръ продолжаетъ свою службу до сихъ поръ.

По должности бібліотекаря, мнѣ выпала довольно хлопотливая доля. Я уже говорилъ, что баронъ задумалъ образовать въ Библиотекѣ особую бібліотеку иностранныхъ книгъ о Россіи. Мысль объ этомъ собраніи родилась въ головѣ его чуть ли не тогда еще, когда онъ сидѣлъ на школьной скамьѣ въ лицѣѣ. Его интересовала всякая книга о Россіи, и онъ, встрѣчая такія книги, непременно списывалъ ихъ заглавія. Когда подобнаго рода заглавія по-

¹⁾ Послѣ громаднаго пожара, вблизи Библиотеки, Апраксина двора (1862), во всей Библиотекѣ сдѣланы желѣзныя ставни въ окнахъ и внутреннихъ дверяхъ, и устроенъ бакъ на 1200 ведеръ изъ Невскаго водопровода, отсюда проведены повсюду трубы съ пожарными кишками, и проч. В. С.

падались ему въ цитатахъ и объявленіяхъ книгопродавцевъ, онъ старательно ихъ записывалъ. Ставъ директоромъ Библіотеки, онъ досталъ изъ своихъ портфелей всѣ эти замѣтки, передалъ ихъ мнѣ и поручилъ составить изъ нихъ алфавитный каталогъ: замѣтки эти до сихъ поръ хранятся у меня. Сверхъ того, онъ поручилъ мнѣ выбрать изъ карточекъ «Историческаго отдѣленія» всѣ заглавія, относящіяся до Россіи, и передать ихъ бібліотекарю, завѣдывавшему «Историческимъ отдѣленіемъ», чтобы тотъ отыскалъ и передалъ мнѣ книги. Для помѣщенія бібліотеки «Rossica» выбрана 13-я зала, названная впоследствии, по высочайшему повелѣнію, «заломъ барона Корфа». Въ шкафахъ этой залы стояли книги историческаго отдѣленія, въ которыхъ, въ залахъ 12-й и 14-й, было на полкахъ очень много пустыхъ мѣстъ послѣ недавней выборки дублетовъ. Я началъ очищать одинъ шкафъ 13-й залы для помѣщенія «Rossica», которыхъ по выбраннымъ мною карточкамъ начали переносить ко мнѣ цѣлыми рядами.

Я попалъ въ положеніе совершенно необыкновенное. Мнѣ предстояло не продолжать начатое или передѣлывать уже сдѣланное, а создавать новую форму собранія книгъ, никогда не существовавшего, строить въ чистомъ полѣ. Баронъ ввѣрилъ мнѣ образованіе новой бібліотеки «Rossica», и далъ полную свободу заводить порядокъ такой, какой я признаю лучшимъ. Изъ «Историческаго отдѣленія» мнѣ присылали чисто-историческія сочиненія, путешествія, географію, книги трактующія о древностяхъ, нумизматикѣ и по другимъ вспомогательнымъ историческимъ предметамъ. Всѣ эти книги были уже съ готовыми, написанными на листкахъ заглавіями. Меня не забывали также бібліотекари и другихъ отдѣленій: являлись книги содержанія богословскаго, юридическаго, исторіи литературы, естественныхъ наукъ, лингвистики и другихъ. Я по натурѣ своей очень подвиженъ и работаю скоро, да и командиръ у меня былъ такой, что ничѣмъ его нельзя было бы огорчить больше, какъ медленностью и копотливостью. Самъ онъ работалъ съ быстротою изумительной, и между тѣмъ никогда не торопился. Я приведу неважный примѣръ этой быстроты.

Въ 1854 году я подписывался на «Московскія Вѣдомости» и въ прибавленіяхъ къ №№ 117, 118 и 119 прочелъ любопытную статью П. И. Бартенева о воспитаніи Пушкина въ лицей. Статья была полна самыхъ интересныхъ подробностей. Я какъ-то и спросилъ барона, читалъ ли онъ эту статью: Пушкинъ былъ его товарищемъ, и потому картина лица, изображенная Бартевымъ, должна была интересовать его. Баронъ не слышалъ о статьѣ и попросилъ дать ему мой экземпляръ. Дня черезъ два, не больше, онъ возвратилъ мнѣ мои нумера газеты, и при нихъ 12^{1/2} мелко исписанныхъ листовъ, на которыхъ, среди множества другихъ занятій, онъ успѣлъ набросать такія «замѣтки стараго лицейста»,

которыя и объемомъ и интересомъ совсѣмъ затмили произведеніе П. И. Бартенева. Рукопись эту баронъ подарилъ мнѣ, и какъ потомъ многіе ухаживали за мной, чтобы прочесть замѣтки барона!

Очень естественно, что, работая быстро самъ, баронъ предполагалъ и въ другихъ такую же способность работать.

Подъ натискомъ легионовъ книгъ, непрерывно прибывавшихъ въ собраніе «Rossica», я рѣшилъ, въ видахъ сбереженія мѣста, ставить ихъ по величинамъ и тотчасъ же нумеровать карандашемъ, означая тѣ же нумера на карточкахъ, уже написанныхъ въ «Историческомъ отдѣленіи», а съ книгъ другихъ отдѣленій я уже самъ списывалъ карточки. Не считалъ я списанныхъ мною карточекъ, но думаю, что еслибъ я такъ работалъ во времена Д. П. Бутурлина, то недѣльная цифра моя выходила бы уродливая. Въ началѣ мнѣ никто не помогалъ и я заставлялъ жену свою писать. Она такъ привыкла къ бібліотечной работѣ, что, когда мнѣ баронъ далъ сотрудника въ отдѣленіи «Rossica», она написала весь алфавитный каталогъ отдѣленія искусствъ. Кончивъ этотъ каталогъ, она принялась за разборъ огромной массы музыкальныхъ нотъ, привела ихъ въ порядокъ по родамъ сочиненій (оперы, симфоніи, сонаты, и проч.) и написала къ нимъ алфавитный каталогъ. Наконецъ, она начала списывать на отдѣльныхъ карточкахъ имена посѣтителей, внесенныя въ книгу, находящуюся въ хранилищѣ рукописей. Эту работу она не кончила, потому что сдѣлалась больна. Близкихъ знакомыхъ моихъ я тоже приглашалъ писать карточки, такъ, *pour faire passer agréablement leur temps*. Одинъ изъ такого рода сотрудниковъ моихъ управляетъ теперь какою-то губерніей на югѣ Россіи.

Перенумерованныя карточки я приводилъ въ азбучный порядокъ и, такимъ образомъ, всякую полученную мною книгу могъ отыскивать, не теряя ни секунды. Мнѣ казалось, что пріемъ установки и каталогизации, взятый мною въ попыхахъ, мнѣ придется измѣнять, и даже передѣлывать со временемъ, но практика показала, что лучшаго пріема и требовать нельзя. Убѣдившись въ этомъ, я сталъ писать нумера ужъ не карандашемъ, а чернилами, и такъ продолжаю до сихъ поръ. Никогда не встрѣчалось затрудненій при отыскиваніи книгъ, но за то сколько дружескихъ насмѣшекъ выслушалъ я отъ поклонниковъ систематическаго порядка на полкахъ, а г. Бругшъ *aus Berlin* совѣтуетъ даже послать меня на Кавказъ. Слишкомъ 15 лѣтъ прошло уже со времени основанія собранія «Rossica», оно разрослось до 30,000 названій книгъ, стоящихъ на полкахъ въ величайшемъ безпорядкѣ, относительно ихъ содержанія, и въ самомъ экономическомъ порядкѣ, относительно сбереженія мѣста, но за то въ усовершенствованныхъ каталогахъ моихъ господствуетъ порядокъ, можно сказать, блестящій. Когда требователь называетъ книгу положительно и точно, ее не ищутъ, а идутъ

взять съ мѣста, указаннаго алфавитнымъ каталогомъ; если же требованіе предъявляется неопредѣленное, тогда обращаются къ каталогу систематическому, который, отвѣчая на вопросъ, высказывается до послѣдняго слова: онъ не только отвѣчаетъ на вопросъ: есть ли въ Библіотекѣ требуемая книга?; но онъ показываетъ и все другое, относящееся къ требуемому предмету. Сколько важныхъ услугъ оказалъ каталогъ этотъ такимъ ученымъ, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, какимъ обильнымъ потокомъ хлынулъ онъ на вопросъ Академіи Наукъ объ изданіяхъ грамматики Ломоносова, а мелкихъ пособій и поясненій не перечесть: онъ даетъ ихъ почти ежедневно. Баронъ не имѣлъ ни времени, ни надобности анализировать механизмъ каталогизаціи въ собраніи «Rossica», но ни одинъ ученый не требовалъ изъ этого собранія столько книгъ, какъ онъ. Требования его были всегда обширны, всегда поспѣшны, и всегда удовлетворялись быстро; слѣдовательно, онъ имѣлъ полную возможность осязательно убѣдиться въ достоинствахъ моихъ каталоговъ, и въ одномъ изъ своихъ отчетовъ онъ сказалъ: «Собраніе иноязычныхъ сочиненій о Россіи приведено въ образцовый порядокъ».

Приращенія собранія «Rossica» сдѣлались, наконецъ, такъ велики, что я не въ состояніи былъ справляться съ каталогизаціей, не смотря на временную помощь, подаваемую мнѣ моими домашними. Баронъ далъ мнѣ въ сотрудники Фед. Ив. Попова, человѣка молодого и очень способнаго, но, къ несчастію, въ немъ былъ уже зародышъ смертельной болѣзни, которая довела его до того, что вмѣсто помощи, онъ сдѣлался мнѣ помѣхой ¹⁾. Баронъ видѣлъ усердіе и способности этого честнаго труженика и, послѣ его смерти, исходатайствовалъ вдовѣ его въ пенсію половину всего содержанія, какое Поповъ получалъ, не смотря на то, что службы его не насчитывалось и 10 лѣтъ. Ходатайствуя о такой необыкновенной милости, баронъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду, что молодая, бездѣтная вдова, получившая хорошее воспитаніе, не долго будетъ пользоваться пенсіей. Такъ дѣйствительно и случилось.

Послѣ Попова мнѣ данъ былъ сотрудникъ, извѣстный своими учеными трудами, но крайне бездарный. Важнѣйшій ученый его трудъ представленъ былъ имъ въ Академію Наукъ для полученія преміи. Одинъ академикъ сказалъ по этому случаю, что въ Академію представлена ошибка въ пяти томахъ. Во всѣхъ пяти томахъ не было, говорили, почти ни одной страницы безъ ошибокъ и неточностей. Работая въ собраніи «Rossica» этотъ ученый мужъ высказалъ всю свою неспособность къ бібліотечнымъ работамъ, требующимъ вниманія и точности. Онъ былъ замѣненъ Е. Е. Беркгольцомъ, нынѣшнимъ главнымъ бібліотекаремъ рижской город-

¹⁾ Фед. Ив. Поповъ, оріенталистъ, воспитывавшійся въ Петербургскомъ университетѣ, потерялъ рассудокъ и скоро потомъ умеръ. В. С.

ской бібліотеки. По своимъ глубокимъ познаніямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ, это была личность замѣчательная. Подъ эгидою такого могучаго товарища, я могъ приняться за отдѣлку порядка во всемъ томъ, что поступило въ собраніе «Rossica» съ самаго начала, предоставивъ ему заботу принимать и вносить въ каталогъ все вновь поступающее.

Приращенія поступали неравномѣрно. Иногда я могъ работать исподоволь, но иногда вдругъ являлось столько дѣла, что, не смотря на способность мою работать очень скоро, я едва успѣвалъ всплывать на верхъ нахлынувшей волны. Одна изъ такихъ волнъ была необыкновенно велика, и налетѣла на меня совсѣмъ не въ время. Библіотекарь ботаническаго сада, г. Бергъ, подарилъ намъ бібліотеку своего отца, жившаго въ остзейскихъ губерніяхъ и собравшаго больше 8,000 книгъ. По происхожденію своему изъ остзейскаго края, бібліотека г. Берга заключала въ себѣ преимущественно книги нѣмецкія, съ огромнымъ количествомъ относившихся къ Россіи. Мнѣ принесли вдругъ нѣсколько сотенъ книгъ. Это случилось въ каникулярный іюль мѣсяцъ. Пора была жаркая, семья моя жила въ Парголово, куда и я отлучался на короткое время. Сложилось такъ, что именно въ одну изъ моихъ отлучекъ, книги бібліотеки г. Берга принесли въ мою залу и загромодили ими всѣ выступы шкафовъ. Въ этотъ же день баронъ пріѣхалъ изъ Петергофа и, увидѣвъ этотъ страшный легіонъ новыхъ книгъ, опечалился и оставилъ мнѣ очень грустную записку, въ которой выражалъ сожалѣніе, что въ собраніи «Rossica» оказывается такъ много книгъ, не внесенныхъ еще въ каталогъ. Книги только-что были принесены и сожалѣть, по настоящему, было бы рано, но таковъ ужъ былъ обычай у барона. Для облегченія меня, баронъ предлагалъ пригласить ко мнѣ на помощь одного изъ молодыхъ чиновниковъ Библіотеки, г. Межова ¹⁾, не принимая, конечно, въ соображеніе того, что этого юношу, въ іюль мѣсяцъ, не только пригласить работать, но только найти его, чтобы на него посмотреть, было почти невозможно. Я воротился изъ Парголово далеко за полночь, сдѣлавъ въ тотъ день прогулку въ Токсово съ большой компаніей. Записку барона я нашелъ дома у себя на столѣ и, когда прочелъ ее, у меня мелькнула мысль отличиться. Было уже свѣтло, но я не легъ спать, а отправился въ Библіотеку, провелъ испытующіе взоры по рядамъ непріятельской арміи, и тотчасъ же началъ атаку тѣмъ, что взялъ къ себѣ домой кучу маленькихъ книженокъ и засѣлъ списывать заглавія. Покончивъ съ первымъ отрядомъ, я уснулъ немного. Съ утра я забрался въ Библіотеку, проработалъ тамъ весь день, откладывая мелкія книженки для ночной работы, вечеромъ унесъ ихъ домой, кончилъ ихъ въ теченіе ночи, а на другое утро, прописавъ до 2-го часа, запечаталъ толстый пакетъ съ карточками

¹⁾ Впослѣдствіи извѣстный бібліографъ.
«истор. вѣстн.», ноябрь, 1889 г., т. XXXIII.

и съ запиской къ барону, въ которой выразился такъ: «Честь имѣю представить вашему превосходительству изготовленныя мною карточки. Въ настоящее время въ завѣдываемомъ мною отдѣленіи нѣтъ ни одной книги, невнесенной въ каталогъ». Совершивъ этотъ подвигъ, я, разумѣется, легъ спать. Посланный въ Петергофъ возвращался обыкновенно поздно вечеромъ. На этотъ разъ онъ привезъ мнѣ отъ барона записку, начинавшуюся такъ: «Дѣятельность ваша изумила меня...». Далѣе баронъ давалъ мнѣ порученіе отправиться немедленно въ Парголово, и всю записку наполнилъ такими выраженіями ласки и любезности, какія ему только свойственны. Я всегда спѣшилъ исполнять порученія начальства, и на этотъ разъ, хотя было уже поздно, я ослушаться не посмѣлъ, тѣмъ болѣе, что предписаніе было письменное, и приказалъ закладывать лошадей неукоснительно.

Прежде всего, какъ я уже говорилъ, сдѣланъ былъ въ собраніи «Rossica» каталогъ алфавитный, изъ большихъ, первоначально написанныхъ карточекъ, но когда явился г. Беркгольцъ, и численность собранія перешла уже за 10,000 заглавій, я переписалъ ихъ съ карточекъ большихъ на другія, въ 16-ю долю листа, положилъ эти карточки въ томъ порядкѣ, какъ книги стояли (и стоятъ) на полкахъ и списалъ въ тетради одни только главныя слова, употребленныя для алфавитнаго порядка, съ прибавленіемъ мѣста печати и года. Такимъ образомъ получился инвентарь собранія или мѣстный списокъ. Изъ карточекъ малаго формата я сдѣлалъ алфавитный каталогъ, а большія — предпринялъ разложить въ систематическомъ порядкѣ. Машинальнаго переписыванья было много, но работу, требующую большой точности, довѣрить было некому. Покажѣсть я занимался этимъ дѣломъ, численность заглавій возросла до 15,000. Систематическій каталогъ я дѣлалъ дома, раскладывая карточки по отдѣламъ, намѣченнымъ мною а priori. Никакимъ образцамъ я слѣдовать не могъ, да и образцевъ, для подобнаго каталога, искать было негдѣ, потому что нигдѣ никогда не существовало и, я думаю, не будетъ существовать такого богатаго собранія книгъ, имѣющаго предметомъ не науку, а страну. Первая переборка карточекъ была сдѣлана для того только, чтобы разбить большую массу на части мелкія, болѣе доступныя для отдѣльной обработки. Я разбилъ ее на 102 части и при этомъ списывалъ со множества карточекъ сокращенныя копіи, когда видѣлъ, что книга, по разнообразному содержанію своему, должна была находиться въ двухъ или трехъ частяхъ каталога. Дальнѣйшія подраздѣленія образованныхъ мною частей требовали труда усидчиваго и продолжительнаго. При множествѣ другихъ занятій я не могъ принять на себя подобнаго труда, да, сверхъ того, я не былъ увѣренъ, что запасъ моихъ знаній будетъ достаточенъ для того, чтобы дать систематическому каталогу должное

научное значеніе. Я видѣлъ, однимъ словомъ, что это не дѣло архитектора.

Библіотеку нашу очень часто, почти ежедневно, посѣщаль (въ 1855 г.) одинъ гость, В. В. Стасовъ, получившій позволеніе работать въ отдѣленіяхъ. Господинъ этотъ обладаетъ неустрашимостью въ работѣ и притомъ одаренъ такимъ необыкновеннымъ свойствомъ, что чѣмъ работа труднѣе, тѣмъ охотнѣе онъ за нее берется. Когда я указаль ему на потребность въ систематическомъ каталогѣ, на его значеніе для Библіотеки и на пользу, которую могъ бы принести этому учрежденію тотъ, кто посвятилъ бы себя его окончанію, тогда г. Стасовъ, восхищенный трудностью и размѣрами предстоявшей работы, горячо принялся за дѣло. Страстный охотникъ до книжнаго дѣла, онъ приходилъ въ Библіотеку проводить въ ней все свое свободное время, а тогда онъ находился въ такихъ обстоятельствахъ, что свободнаго времени у него было много. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ совершилъ гигантскую работу. Мои 102 подраздѣленія у него разрослись до 1000. Кромѣ подробности, удовлетворяющей всевозможнымъ требованіямъ, система, придуманная г. Стасовымъ, оказалась такою своеобразной, что ни въ какихъ печатныхъ бібліологическихъ изданіяхъ подобной встрѣтить нельзя¹⁾.

При этой важной работѣ возникъ вопросъ, или, лучше сказать, споръ между барономъ и работавшими въ собраніи «Rossica»: Беркгольцемъ, Стасовымъ и мной. Баронъ имѣлъ полное право дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и просто приказывать, но онъ предпочиталь позволять своимъ подчиненнымъ думать, и даже высказывать то, что они думали. Ну вотъ, баронъ, и мы думали различно. Онъ говорилъ, что романы и повѣсти на историческіе сюжеты должны быть раздѣлены въ историко-хронологическомъ порядкѣ и отнесены къ «исторіи», въ соотвѣтствующія царствованія, а мы доказывали, что романъ есть фантазія на историческую тему, не имѣющая научнаго значенія, и потому, для книгъ такого рода не должно быть иного мѣста, какъ обширный отдѣлъ «беллетристики». Впрочемъ, разницы большой не было бы, еслибъ историческіе романы составили особыя группы въ отдѣлахъ царствованій но нужно же было рѣшить: куда отнести группы историческихъ романовъ, и баронъ, признавая за нами способность думать, не хотѣлъ произнести своей воли, а нашель лучшимъ отдать предметъ нашего спора на судъ общаго собранія всѣхъ бібліотекарей. Сказали всѣмъ заблаговременно о предметѣ общаго собранія, дали всѣмъ надуматься и, наконецъ, собрались. Въ Ларинской залѣ, у овальнаго стола, заняли мѣста болѣе 20 мужей совѣта и науки.

¹⁾ Эта система расположенія всего отдѣленія «Rossica», вмѣщающаго, можно сказать, большинство наукъ, отдана была на обсужденіе Академіи Наукъ, которая признала ее вполне правильною, почему она и была введена въ этомъ отдѣленіи.

Многіе сосредоточились и построили такія глубокомысленныя фізіономіи, что, казалось, они готовились рѣшить вопросъ, имѣющій міровое значеніе.

Занявъ свое мѣсто, баронъ изложилъ предметъ нашего спора со всѣми подробностями и, во избѣжаніе преній, всегда поглощающихъ время, которымъ всѣ мы дорожили, онъ вотъ что сдѣлалъ: написалъ на листѣ бумаги вопросъ: Куда отнести историческіе романы? согнулъ страницу пополамъ и на одной половинѣ написалъ: къ исторіи, а на другой: къ беллетристикѣ. Листъ этотъ онъ послалъ вокругъ стола, пригласивъ всѣхъ подписаться на той половинѣ, которая кому покажется справедливѣе. Когда листъ, обойдя столъ, воротился, и на половинѣ исторіи оказалась одна только подпись, тогда баронъ сдѣлалъ на немъ внизу замѣтку, въ которой сказалъ, что споръ этотъ происходилъ между имъ и сотрудниками бібліотеки «Rossica», и что онъ, баронъ, остался побѣжденнымъ. Листъ этотъ онъ передалъ для храненія при дѣлахъ бібліотеки. Цѣль ли этотъ листъ—я не знаю.

Механизмъ каталоговъ, принятый мною въ собраніи «Rossica», оказался такимъ удобнымъ для всѣхъ, кто имъ пользовался, и самъ баронъ, требовавшій книгъ больше всѣхъ, такъ часто убѣждался въ достоинствахъ каталоговъ, что при посѣщеніяхъ Библіотеки лицами сколько-нибудь замѣчательными, каталоги мои были показываемы какъ диковинка. Показыванія эти происходили обыкновенно въ присутствіи барона, который очень любилъ принимать такихъ гостей, которые способны были оцѣнивать всѣ улучшенія, введенныя въ Библіотекѣ. Когда баронъ приводилъ въ 13-ю залу гостей, то экзаменъ каталоговъ совершался въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде спрашивали какую-нибудь книгу съ заглавіемъ извѣстнымъ, и она тотчасъ являлась, потомъ спрашивали какое-нибудь изъ мельчайшихъ подраздѣленій систематическаго каталога и тамъ выбирали заглавіе: книга опять являлась чрезъ нѣсколько секундъ. Наконецъ, доставали откуда-нибудь изъ шкафа картонъ съ мелкими брошюрами и, отдѣливъ изъ нихъ одну такую, на которой не было никакой наружной надписи, спрашивали ея заглавіе. Замѣтивъ на оберткѣ номеръ, я справлялся въ инвентарномъ каталогѣ и, по главному слову, тамъ записанному, отыскивалъ въ алфавитномъ каталогѣ заглавіе. Вся эта механика, очень простая сама по себѣ, изумляла посѣтителей какъ штуки фокусника, и я отъ многихъ слышалъ сожалѣнія, что такой превосходный способъ каталогизаціи остается неизвѣстнымъ публикѣ. Сожалѣнія эти, повторяемыя очень часто, заставили меня опубликовать мою выдумку. Въ № 11 «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1858 годъ, я помѣстилъ подробное изложеніе употребляемаго мною механизма каталогизаціи. Изъ редакціи мнѣ дали 200 отдѣльныхъ оттисковъ, которыми съ тѣхъ поръ я снабжаю бібліотекарей разныхъ русскихъ

бібліотекъ, какъ Петербурга, такъ и другихъ городовъ. Многіе изъ нихъ относятся ко мнѣ какъ къ учителю своему, и не смѣшно ли покажется всѣмъ Бругшамъ, что архитекторъ по ремеслу служить наставникомъ начинающимъ бібліотекарямъ? Между тѣмъ это очень просто. Бібліотекаремъ я никогда себя не считалъ, а какъ хранитель, я гожусь на то, чтобы научить начинающаго бібліотекаря, какъ принятыя за дѣло; гожусь, наконецъ, на то, чтобы описать и хранить въ отличномъ порядкѣ всякое собраніе книгъ. Ученые спрашиваютъ матеріаловъ для своихъ работъ, и я могу давать ихъ безъ задержки. Вотъ вся моя заслуга.

Въ томъ же 1858 году опубликованъ былъ въ «*Moniteur universel*» декретъ императора французовъ о преобразованіи Парижской бібліотеки. Это подало мнѣ мысль сообщить туда мою брошюру, но преобразованія Парижской бібліотеки состояли въ проектѣ перестройки зданія, которое и теперь еще не кончено. Мое предложеніе, какъ ненужное въ то время, было положено въ сторону, но я напечаталъ его отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «*Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques*». Въ нынѣшнемъ (1867) году я былъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, заходилъ, конечно, и въ *Bibliothèque Impériale*, и засталъ тамошнихъ бібліотекарей въ совѣщаніяхъ по предмету переноски книгъ въ оконченную часть зданія. Брошюра моя была на сценѣ, но будетъ ли принята моя мысль, тѣ мы узнаемъ впоследствии.

Въ 1851 году баронъ предпринялъ произвести нѣкоторыя строительныя работы въ старой части зданія, желая сдѣлать ее такою же опрятною, какъ и новая часть, а, главное, уничтожить въ ней печи, стоявшія въ залахъ и устроить отопленіе изъ подваловъ. Въ то лѣто баронъ уѣзжалъ за границу и желалъ увезти съ собою печатный каталогъ всѣмъ наличнымъ книгамъ собранія «*Rossica*», съ тѣмъ, чтобы, покупая тамъ недостающія у насъ книги, не закупать дублетовъ. Я былъ разорванъ на части: каталогизація книгъ самая поспѣшная, для того, чтобы всѣ карточки наличныхъ книгъ можно было отдать въ типографію; наблюденіе за печатаніемъ каталога; корректуры; переноска всѣхъ книгъ изъ тѣхъ заль, гдѣ предпринимались работы; распоряженія по работамъ уже начавшимся; приготовленіе для нихъ рисунковъ,—все это дѣлалось въ одно время. Въ подобныхъ хлопотливыхъ обстоятельствахъ рѣдко бываетъ безъ эпизодовъ, то грустныхъ, то забавныхъ. Я расскажу объ одномъ, который былъ ни грустный, ни забавный, но я его запомнилъ.

Предпринимая довольно большія работы въ четырехъ залахъ бель-этажа, я долженъ былъ вынести изъ нихъ всѣ книги. На всемъ просторѣ Ларинской залы я построилъ сплошной рядъ временныхъ полокъ и туда перенесъ книги. Пріѣзжаетъ однажды въ Бібліотеку баронъ и уводитъ меня въ залу рукописей, гдѣ, между прочимъ, предполагалось выломать часть стѣны и сдѣлать арку, существую-

щую и теперь. Когда мы остались вдвоемъ, баронъ спросилъ меня: «увѣренъ ли я, что книги, перенесенныя въ Ларинскую залу, не проломаютъ свода?» — «Увѣренъ, что проломаютъ, — отвѣтилъ я, — но въ такомъ только случаѣ, если найдется такой силачъ, который возьметъ всѣ перенесенныя книги, приподниметъ ихъ, вмѣстѣ съ временными полками, на значительную высоту и вдругъ оттуда бросить на полъ. Это, очевидно, невозможно, и не такъ интересно, какъ вотъ эта, стоящая передъ нами стѣна, которую вы приказываете выломать, чтобъ сдѣлать широкую арку. Вамъ извѣстно, что стоитъ вверху на этой стѣнѣ?» — «Нѣтъ». — «Такая же каменная стѣна». — «Какъ же вы рѣшаетесь выламывать основаніе изъ-подъ верхней стѣны?» — «Употребляя тѣ мѣры, какія предписываетъ строительное искусство». Баронъ разсмѣялся, махнулъ обѣими руками и сказалъ: — «Дѣлайте какъ знаете, а я уѣду отъ васъ, чтобъ не видѣть этихъ ужасовъ». Видно было, что опасенія не слишкомъ его тревожили.

На другой или на третій день послѣ отъѣзда барона, меня разбудили часа въ три ночи и сказали, что на дворѣ Библиотеки пожаръ. Я вышелъ, не торопясь какъ на пожаръ, и стараясь сохранить спокойствіе духа. На заднемъ дворѣ, у самаго зданія Библиотеки, загорѣлась стѣна театральнаго сарая, въ которомъ хранились декорации. Старики-солдаты ломали деревянный заборъ, чтобъ открыть свободный доступъ на сосѣдній дворъ, принадлежащій театру и суетились такъ, что мѣшали другъ другу. Крикъ и суматоха были, какъ слѣдуетъ быть на пожарѣ. Я прежде всего велѣлъ не кричать безъ толку и не метаться, а дѣлать дѣло порядкомъ. Заборъ разобрали вдругъ. Бабъ и слабыхъ стариковъ я заставилъ таскать воду изъ колодца, находившагося на другомъ концѣ двора, а кто посильнѣе, тѣхъ поставилъ качать пожарныя трубы, принесенныя изъ Библиотеки. Трубы, къ удивленію моему, были въ исправности: обыкновенно случается, что именно въ минуту бѣдствія онѣ какъ нарочно оказываются негодными. Явился квартальный, подослѣли театральные служители. Квартальный завладѣлъ брандспойнтомъ и дѣйствовалъ такъ усердно, что на наружной сторонѣ сарая огонь былъ остановленъ. Въ сарай проникнуть боялись, чтобъ не дать свободнаго теченія воздуху сквозь ворота; но прискакалъ оберъ-полиціймейстеръ Галаховъ съ пожарною командой, раскрыли сарай и нашли, что огонь туда не проникъ. Пожарные, однакожъ, поломали немножко сарай: безъ этого ужъ нельзя.

Когда возвратился изъ путешествія баронъ и, при немъ уже, работы мои были кончены. Онъ распорядился отпраздновать громко возобновленіе старой части зданія. Въ овальной залѣ бель-этажа совершенно было придворнымъ духовенствомъ, и съ придворными пѣвчими, торжественное богослуженіе, при которомъ присутствовали важнѣйшіе государственные сановники. Больше двухсотъ

гостей съѣхалось на это невиданное въ Библіотекѣ торжество. Послѣ богослуженія ихъ угостили въ 7-й залѣ великолѣпнымъ завтракомъ, сервированнымъ отъ двора. Не торжественное богослуженіе и не роскошный завтракъ важны были для Библіотеки, а то, что ее увидѣли многія такія лица, которыя, безъ этого особеннаго случая, никогда бы можетъ быть не посѣтили ее, и которыя, побывавъ въ ней и увидѣвъ блестящія зачатки того, что баронъ предпринималъ дѣлать, не мало способствовали ему и въ сферахъ правительственныхъ, и въ обществѣ, гдѣ Библіотека наша была долго предметомъ разговоровъ. Въ газетахъ зачастую появлялись статьи, поддерживавшія въ публикѣ интересъ къ Библіотекѣ. Но для развитія ея нужны были и матеріальныя средства. Продажею дублетовъ баронъ извлекалъ ихъ изъ самой Библіотеки, а личными сношеніями съ сильными и богатыми міра сего онъ привлекалъ ихъ извнѣ. Повторяю, Библіотека въ то время интересовала всѣ слои петербургскаго общества, и, само собою разумѣется, что всѣ слои интересовали и барона. Любопытно было видѣть, какъ баронъ дѣйствовалъ на публику посредствомъ читальной залы, этого, постоянно распростертаго для приѣма ея, объятія. Кромѣ разговоровъ и совѣщаній съ учеными и литераторами, приходившими къ намъ работать, онъ искалъ ободрить и заохотить простолюдиновъ, съ которыми онъ также часто пускался въ разговоры. Отъ всѣхъ онъ старался узнать: нельзя ли сдѣлать чего-нибудь еще, чѣмъ бы можно было угодить барынѣ-публикѣ?

Трудно опредѣлить словами, что такое чувствовалъ баронъ къ Библіотекѣ, но только по поступкамъ его можно положительно сказать, что ни въ дѣлахъ, ни въ помышленіяхъ своихъ онъ не разставался съ нею ни на минуту. Очень часто случалось, что онъ пріѣзжалъ въ Библіотеку въ зимніе вечера, и ходилъ по заламъ при свѣтѣ лампъ, которыя несли передъ нимъ сторожа. Въ такихъ вечернихъ прогулкахъ его часто принимали участіе друзья и знакомые его.

Однажды зимою министръ императорскаго двора приказалъ сдѣлать, въ присутствіи своемъ, внезапную ревизію кассы Библіотеки. Такія ревизіи производились въ ту эпоху въ разныхъ учрежденіяхъ, по случаю крупнаго воровства, обнаруженнаго въ кассѣ Комитета инвалидовъ. Во время ревизіи въ Библіотекѣ, баронъ терпѣливо ожидалъ конца этой операціи, не интересной для него и очень интересной для князя. На счетъ кассы баронъ не беспокоился, а ему хотѣлось показать министру Библіотеку, но графъ Адлербергъ пріѣхалъ поздно и, когда ревизія кончилась, начало уже смеркаться. Упустить случай барону не хотѣлось: зажгли лампы и пошли. Графъ не видалъ еще залы, устроенной для храненія инкунабулъ («средневѣковая зала»). Строгий и мрачный стиль довольно удачно выразился во всѣхъ подробностяхъ

убранства и мебелировки этой залы. Днем она смотритъ какъ-будто насупясь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, улыбаясь колоритными пятнами живописи на сводѣ и на цвѣтныхъ стеклахъ оконъ, а вечеромъ, при огнѣ, она еще поэтичнѣе и даже фантастичнѣе. Вечерній эффектъ поразилъ министра, и первые слова его были: «Ого, какая роскошь! Это, я думаю, обошлось вамъ не дешево». Не знаю какъ для барона, но для меня эти слова были совершенно неожиданны. Вмѣсто отвѣта, баронъ сдѣлалъ министру вопросъ: «А какъ вы полагаете, графъ, сколько мы истратили на эту залу?» Подумавъ немного и оглянувъ еще разъ залу, министръ сказалъ: «Тысячъ двадцать, я думаю». Баронъ повернулся ко мнѣ съ вопросомъ: «Сколько мы издержали?» Я отвѣтилъ безъ запинки: «2200 рублей на эту залу и на небольшую комнату рядомъ, отдѣланныя вмѣстѣ». — «Vous badinez!» — сказалъ министръ. — «Наши денежные отчеты представляются вашему сіятельству. Прикажете канцаларію вашей навести справку», — заключилъ я.

Припоминая вечернее освѣщеніе въ залахъ Библиотеки, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о знаменитыхъ аукціонныхъ продажахъ замѣчательныхъ дублетовъ. Для удобствъ публики, продажа производилась вечеромъ, и по этой причинѣ освѣщались такія залы, въ которыхъ обыкновенно свѣту по вечерамъ не бываетъ. Любопытно было смотрѣть на состязаніе знатоковъ и ярыхъ любителей рѣдкихъ книгъ. Сколько денегъ доставили Библиотекѣ волновавшія ихъ страсти! Являлись иногда на аукціонъ не сами любители, а ихъ повѣренные, съ порученіемъ купить вотъ такую-то книгу, во что бы то ни стало. Случилось однажды, что два такихъ повѣренныхъ, оба отъ богатыхъ принципаловъ, встрѣтились на одной книгѣ, очень заманчивой по заглавію, и дѣйствительно рѣдкой, но въ Библиотекѣ, по особенному обстоятельству, было нѣсколько экземпляровъ этой книги, и мы, до аукціона, продали два или три экземпляра по 10 рублей — цѣна очень хорошая. Объявленное на аукціонѣ заглавіе взманило вдругъ нѣсколькихъ соискателей, и цѣна начала расти, но скоро умѣренные отступились, и торгъ продолжался между двумя полномочными посланниками. Цѣна давно переросла всякій человѣческій смыслъ, а полномочные не унимались, имѣя въ виду купить во что бы то ни стало. Какъ бы то ни было, но граница благоразумія существуетъ всюду, и одинъ изъ делегатовъ, дойдя до нея, остановился — книга пошла за 101 рубль.

Въ одинъ изъ такихъ аукціоновъ, въ послѣдній изъ назначенныхъ дней, оставалось много еще нераспроданныхъ номеровъ, а было уже поздно. Я замѣтилъ, что торговавшіеся начинали уходить и возымѣлъ счастливую мысль: обѣщать имъ чаю. Баронъ одобрилъ мою мысль, слухъ пронесся по рядамъ уставшихъ конкурентовъ, и торгъ оживился въ ожиданіи чая, который не замедлилъ явиться. Такимъ образомъ всѣ нумера были проданы.

Аукціонная продажа дублетовъ интересовала вначалѣ очень многихъ богачей. Они прїѣзжали въ Библіотеку провести прїятно вечеръ, но потомъ интересъ сталъ ослабѣвать, такъ, что на послѣднемъ аукціонѣ на многія книги не было не только конкурентовъ, но даже и простыхъ покупателейъ. Однимъ словомъ, источникъ былъ исчерпанъ.

Улучшеніе и умноженіе Библіотеки сдѣлалось эпидеміей у всѣхъ, кто въ то время служилъ въ этомъ учрежденіи. Я, конечно, былъ также зараженъ, и иногда у меня являлись кое-какія мыслишки. Въ 1852 году, напримѣръ, у меня родилась мысль построить на дворѣ галерею, которая закрыла бы собою скучную, глухую стѣну Балабинскаго дома и соединила оконечность стараго зданія съ парадною лѣстницею зданія новаго. Я какъ-то рассказалъ объ этомъ барону. Фантазія моя разсмѣшила его, но онъ потребовалъ рисунковъ. Я сдѣлалъ рисунки и общее соображеніе издержекъ, выдвинувшее цифру въ 125,000 руб. Въ то время отъ барона до государя путь былъ очень короткій, чрезъ министра императорскаго двора. Государь видѣлъ мои рисунки, похвалилъ мысль, но велѣлъ подождать болѣе благопрїятныхъ обстоятельствъ. Посѣтивъ въ томъ же году Библіотеку, государь вспомнилъ о моемъ проектѣ, посмотрѣлъ на Балабинскую стѣну и повторилъ, что нужно подождать. Между тѣмъ публики въ читальной залѣ все прибывало и прибывало. Спустя лѣтъ 5 или 6, мы должны уже были ставить въ читальной залѣ столы на самомъ проходѣ, чтобы гдѣ-нибудь приютить гостей. Наконецъ, нашествіе читателей сдѣлалось такъ велико, что въ отведенной имъ залѣ они сидѣли чуть не одинъ на другомъ, какъ сельди въ бочкѣ. Прибавили столовъ въ сосѣдней прїемной залѣ. Видя, что наши ресурсы истощаются, что насъ, какъ говорится, припираютъ къ стѣнѣ, баронъ сказалъ мнѣ однажды: «Дайте мнѣ таперъ проектъ уже не галереи, а большой залы, гдѣ бы можно было посадить вдругъ 200—250 читателей». Я не заставилъ долго ждать и переписка началась. Послѣдніе торги на винные откупа прибавили къ государственнымъ доходамъ длинный рядъ милліоновъ. Баронъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и усилилъ свои домогательства. Дѣло приняло благопрїятный оборотъ, и намъ ассигновали 150,000 руб.

Мѣстность опредѣлила размѣры проекта, который удался, и оставалось бы только исполнить, но мнѣ думалось, что французы, нѣмцы и англичане больше моего ломали голову надъ публичными библіотеками, и вѣрно изобрѣли множество хорошихъ вещей, оставшихся неопубликованными. Хорошо бы посмотрѣть на иностранныя улучшения, думалъ я, и сказалъ объ этомъ барону. Онъ нашелъ, что я думаю дѣльно, и исходатайствовалъ мнѣ командировку во всю Европу. Слишкомъ два мѣсяца странствовалъ я по столицамъ разныхъ государствъ и видѣлъ очень много. О томъ, какъ я путеше-

ствоваць и что видѣль, я уже разсказаль печатно («Журн. минист. народн. просв», №№ 10 и 11, 1859 г.) и здѣсь повторять не стану. Не только строеніе и меблировка читальной залы, но и книжная ея обстановка много выиграла оттого, что я былъ за границей.

При пособіи Строительной Конторы министерства императорскаго двора я велъ строеніе свое благополучно: покрыль его, сдѣлалъ своды довольно дерзко, но удачно¹⁾, построилъ печи, вставилъ окна и приступилъ къ внутренней отдѣлкѣ. Въ то время, когда наружные лѣса не были еще отняты, многіе находили, что зала, размѣрами, очень представительна, только, къ сожалѣнію, не довольно свѣтла; но къ концу 1861 г. лѣса отняли, свѣтъ, хлынуль въ залу сквозь пять громаднхъ оконъ, и всѣ увидѣли, что она свѣтлѣе всѣхъ прочихъ залъ Библиотеки.

Въ самый разгаръ работъ по внутренней отдѣлкѣ, пронесся слухъ, что барону дають высшее назначеніе и онъ оставляетъ Библиотеку²⁾. Все встрепенулось. Потеря хорошаго настоящаго, въ виду неизвѣстнаго будущаго, всегда производитъ тревогу. Не только бібліотекаря и прочій людъ, работавшій въ Библиотеку подъ управленіемъ барона, но и всѣ постоянные посѣтители читальной залы собирались и толковали о томъ, нельзя ли какъ-нибудь удержать его. Когда онъ пріѣхалъ въ Библиотеку въ первый разъ послѣ того, какъ слухъ получилъ достовѣрность, мы, бібліотечные, приняли его, какъ всегда, хотя фізіономіа наши были совѣмъ непрязничныя. Онъ обошелъ всѣ отдѣленія, поговорилъ со всѣми, какъ всегда бывало, и когда въ обычный часъ сталъ уходить, мы всѣ собрались внизу, не для торжественнаго прощанья, а такъ: насъ всѣхъ тянуло проводить барона. Изъ читальной залы двинулась густая толпа, елившаяся изъ всего, что тамъ было посторонняго, и приступила къ барону съ просьбой: не оставлять Библиотеку. Бѣдныя! Они просили невозможнаго, и думали, что вотъ, какъ они попросятъ, то баронъ скажетъ имъ: «Ахъ, очень радъ, очень радъ», поставитъ на мѣсто шляпу и начнетъ опять быть директоромъ. Всѣ знали качества лица, назначеннаго въ преемники барону, всѣ были убѣждены, что не Д. П. Бутурлинъ станетъ на его мѣсто, но вѣдь не даромъ говорится пословица: «отъ добра добра не ищутъ». Какъ ни хорошо будущее, но съ хорошимъ настоящимъ разставаться, нельзя сказать, чтобъ было пріятно.

Я пишу воспоминанія, и мнѣ слѣдовало бы теперъ сказать, что стало со мною, но объ этомъ рѣчь впереди. Теперъ же я оста-

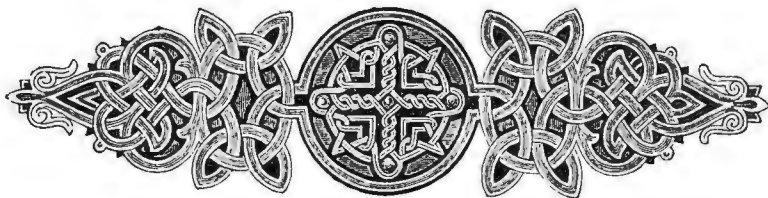
¹⁾ Въ нѣкоторыхъ большихъ залахъ Библиотеки, своды сдѣланы такими плоскими, что большинство лучшихъ нашихъ техникувъ архитекторовъ, официально свидѣтельствовавшихъ новую постройку, особенно профессоръ А. П. Брюкловъ, были поражены «дерзостию» этихъ сводовъ. В. С.

²⁾ Баронъ М. А. Корфъ былъ въ это время назначенъ главноуправляющимъ II-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. В. С.

навливаю мой розказъ на томъ, какъ баронъ покинулъ Библиотеку, а для заключенія скажу, чтоъ случилось со мною. Въ періодъ службы моей при баронѣ на меня возложили чины и ордена, которыхъ у меня прежде не было. Въ началѣ моей службы, когда я былъ еще, по мнѣнію канцелярскихъ чиновниковъ, «франтомъ», мнѣ случилось высказать мой взглядъ на чины и ордена. Да, ордена мои всѣ могутъ видѣть, но не всѣ могутъ знать, за какіе подвиги я ихъ получилъ. Лучшій знакъ моего отличія, знакъ, который выставленъ на показъ, не только современникамъ, но и потомству, это—построенная мною читальная зала. О ней говорили, теперь иногда говорятъ, и современемъ непремѣнно будутъ говорить люди, незнающіе меня и не знаемые мною. Все это не мнѣ, а имени моему: ихъ судъ надъ моимъ произведеніемъ, произнесенный за-глаза, не потревожитъ моего вниманія; собственно же для меня остались завѣтные памятники прошлаго: рядъ Отчетовъ Императорской Публичной Библиотеки за время управленія барона. Начиная съ перваго Отчета, баронъ имѣлъ обычай присылать лично мнѣ одинъ экземпляръ съ собственноручною его надписью. На первомъ Отчетѣ была коротенькая надпись: «Одному изъ усерднѣйшихъ и полезнѣйшихъ моихъ сотрудниковъ, отъ автора. 28 янв. 1851». На слѣдующихъ Отчетахъ текстъ надписей дѣлался все пространинѣе и пространинѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ теплѣе и задушевнѣе. Наконецъ, въ эпоху оставленія Библиотеки баронъ написалъ ко мнѣ такое письмо, какихъ никто не пишетъ изъ простой вѣжливости. Мнѣ очень хотѣлось бы привести здѣсь его текстъ, но не достааетъ отваги.

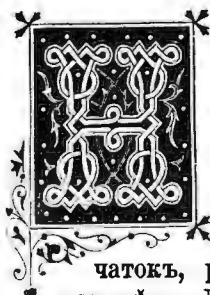
В. Собољшиковъ.

ДРАМА НА ВОЛХОВѢ.

I.

В ПРАВОМЪ берегу Волхова, на высокомъ холмѣ, живописно раскинулось большое село Высокое. Оно лежитъ по шоссе, идущему отъ Грузина, параллельно теченію рѣки, къ Старой Русѣ. Почти на всемъ протяженіи его встрѣчаются деревни, села и деревушки, отстоящія другъ отъ друга на нѣсколько верстъ и носящія на себѣ особый отпечатокъ, рѣзко отличающій ихъ отъ селеній на лѣвомъ берегу рѣки. Дома построены не такъ, какъ обыкновенныя деревенскія избы и, кромѣ того, въ каждой деревнѣ имѣется булыжная мостовая съ высокими земляными валами и двумя рядами деревьевъ по бокамъ.

Окрестныя поля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и теперь разбиты на правильные участки канавами и полевыми дорожками. Очень часто среди пахати вдругъ попадаетъ каменный мостикъ или насыпь съ шоссированнымъ полотномъ, упирающаяся однимъ концомъ въ дремучій лѣсъ, а другимъ въ непроходимое болото. Все это остатки прежняго величія, памятники давнопрошедшаго. Въ настоящее время по шоссе во многихъ мѣстахъ нѣтъ проѣзда, вслѣдствіе того, что отъ большихъ мостовъ остались лишь сваи, а маленькіе каменные и кирпичные разсыпались и превратились въ груды мусора, почему рѣчки и болота, попадающіяся на пути, приходится переѣзжать въ объѣздъ въ бродъ, что въ весеннее время, вслѣдствіе разливовъ, почти невозможно. Полотно во многихъ мѣстахъ образовало выбоины, гати провалились. Пустынно и безлюдно это шоссе съ своими поломанными бурей и повырубленными де-

ревьями, никто по немъ не ѣздитъ и никто въ немъ въ данное время повидимому не нуждается, такъ какъ сообщеніе съ вѣшнимъ міромъ происходитъ съ помощью пароходовъ, дѣлающихъ свои рейсы отъ станціи желѣзной дороги до Старой Русы; проскрипитъ развѣ возъ, возвращающійся съ поля въ село, изрѣдка промелькнетъ таратайка какого-нибудь торгаша-маклака и опять все тихо кругомъ. Булыжная мостовая въ селеніяхъ почти въ такомъ же видѣ; что же касается полевыхъ сооружений, то они въ совершенномъ упадкѣ: каналы запылились грязью и во многихъ мѣстахъ сгладились съ поверхностью земли, мостики сгнили и развалились, а дорожки мѣстами запаханы.

Въ селѣ встрѣчаются большіе полуразвалившіеся дома, въ которыхъ теперь никто не живетъ, и открытыя мѣста, носящія до сихъ поръ наименованія «плаца» или «учебнаго поля».

Жители этихъ селеній по наружности какъ будто бы рослѣе и развитѣе своихъ сосѣдей по ту сторону рѣки. Въ нихъ болѣе вѣшняго лоска, они нахальны и хвастливы, и, несмотря на отсутствіе достатка вслѣдствіе лѣни и праздности, любятъ однако щеголять. Мужчины даже въ будни ходятъ въ цвѣтныхъ рубахахъ, а въ праздники въ длиннополыхъ сюртукахъ, женщины въ цвѣтныхъ сарафанахъ и капрыськахъ (теплая кофта), а въ праздничные дни въ модныхъ платьяхъ, иногда даже съ турнюрами.

Тѣмъ не менѣе хозяйство здѣсь въ очень плачевномъ состояніи: цѣлыя десятки десятинъ обратились въ пустоши, а на обрабатываемыхъ хлѣбъ родится совсѣмъ плохо, гораздо хуже чѣмъ на противоположномъ берегу, и въ смежныхъ колоніяхъ курляндцевъ.

Всѣ эти села, деревни и деревушки входили въ былыя времена въ составъ военныхъ поселеній, начавшихъ свое существованіе вскорѣ послѣ 1812 года и уничтоженныхъ въ 1831 году, послѣ бывшихъ тамъ безпорядковъ, при чемъ тогда же все населеніе было сначала переименовано въ пахатныхъ солдатъ, а потомъ въ поселянъ, какими они и оставались до упраздненія крѣпостного права. Если теперь спросить любого изъ нихъ: — «Вы крѣпостными чьи были?» Онъ сдѣлаетъ обиженное лицо и отвѣтитъ: — «Мы крѣпостными никогда не были, мы были графскіе, — графа Аракчеева».

II.

На самомъ концѣ села Высокаго стоитъ ветхая, полуразвалившаяся избушка, въ которой доживаетъ свой вѣкъ старая, безъ роду и безъ племени, старушка, Анна Петрова, по прозвищу Исакова. Она живетъ лишь воспоминаніями былого и теперь, когда въ ея умѣ съ трудомъ удерживается воспоминаніе вчерашняго дня, когда ея память измѣняетъ ей при произнесеніи имени сосѣда, мельчайшія подробности прошлаго воскресаютъ въ ея памяти

и воплощаются въ живые образы. Тихо льется ея рѣчь и загораются особеннымъ блескомъ старческіе глаза, окруженные глубокими морщинами; тихо говоритъ она, качая сѣдою головою и пристально вглядывается передъ собою, будто видитъ эти давно исчезнушіе образы.

Не одинъ вечеръ приходилось мнѣ слушать ея интересные рассказы объ этой страшной, полной своеобразныхъ особенностей, эпохѣ и я рѣшаюсь теперь передать все это въ одномъ связномъ рассказѣ.

Въ 1812 году, Анна Петрова была еще очень маленькой дѣвочкой. Уныло текла жизнь въ небольшой деревушкѣ, состоявшей всего изъ нѣсколькихъ домовъ, скученныхъ среди пустаго лѣса и болотъ. На свѣтѣ будто не знали или забыли о существованіи обитателей этой деревушки и они прозябали въ своей труппѣ.

Но вдругъ все измѣнилось. Зловѣще засіяла на небѣ страшная комета и вскорѣ по всему побережью Волхова пошли тревожные слухи о перемѣнахъ, долженствовавшихъ произойти въ ихъ жизни. Это предрекъ и блаженный Ченчикъ, называемый иначе Мартышкинымъ, и предсказаніе его перепугало всѣхъ.

Кто былъ Ченчикъ и откуда родомъ, никто не зналъ, такъ какъ постоянного мѣстожителства онъ не имѣлъ и появлялся то здѣсь, то тамъ, какъ-то ненарокомъ, послѣ чего очень часто пропадалъ невѣдомо куда на долгое время. Существовало убѣжденіе, что онъ приходилъ всегда не спроста, что послѣ его прихода должно что-либо произойти, и вотъ каждый спѣшилъ затащить его къ себѣ, накормить, обласкать, дать пристанище.

Какъ человѣкъ бывалый, ходившій пѣшкомъ и въ Кіевъ, и въ Іерусалимъ, онъ могъ многое поразсказать, посовѣтывать и кругомъ него толпился всегда народъ.

— Тяжкія времена наступаютъ для насъ, — пророчествовалъ Ченчикъ.

— Почему такъ, дѣдушка? — вопрошали окружавшіе его обыватели, переполненные суевѣрнымъ страхомъ.

— Знаменья есть, — многозначительно говорилъ онъ, задумчиво глядя въ даль. — Знаменья есть. Селища да населятся всякимъ людомъ и будутъ сюда стадомъ сгонять человѣка и поселять и будетъ трудное время. А по другую сторону рѣки смотрѣть будутъ и ликовать да посмѣиваться, какъ мужики, по пѣтушинуму, въ въ бабихъ кикахъ ходятъ.

Скоро послѣ 1812 года пророчества Ченчика начали мало-помалу сбываться. Изъ маленькой деревушки выросло вдругъ большое село и перемѣнился весь складъ жизни ея обитателей.

Мѣстный житель превращался въ солдата, со всѣхъ сторонъ сгонялись также солдаты, состоявшіе уже на службѣ, и поселялись, при чемъ если кто былъ не женатъ, то его женили на мѣстныхъ

дѣвушкахъ, а если былъ женатъ до рекрутчины, то выписывали къ нему и жену и дѣтей, иногда даже изъ дальнихъ губерній.

Начались постройки всякаго рода; всюду закипѣла работа. Строились мосты, шоссе, церкви, манежи и новые дома; строились новыя деревни. вмѣсто маленькихъ курныхъ хатъ, появились большія просторныя избы квадратной формы, по шести оконъ въ каждую сторону. Такой домъ назывался связью. Онъ былъ разгороженъ перегородкой на четыре части и имѣлъ одну общую печь, кругомъ которой жили четыре семьи, имѣвшія общее хозяйство. Нѣсколько такихъ связей составляли капральство, а нѣсколько капральствъ,—роты, баталіоны и полки; такимъ образомъ по всему правому побережью поселилось четыре полка.

Капральствами завѣдывали капральные и десяточные унтера. То было ближайшее начальство. Они смотрѣли за чистотой въ связяхъ, за своевременнымъ выходомъ мужчинъ-солдатъ и рекрутовъ на ученье, на смотры, полевыя и общественныя работы. Они же наблюдали за чистотою и исправностью сохъ, боронъ, телѣгъ и прочихъ сельскохозяйственныхъ орудій и дѣлали нарядъ; зорко смотрѣли, чтобы когда раздавалась утренняя заря всѣ были бы одѣты и готовы къ построенію по семьямъ въ связяхъ для утренняго осмотра; чтобы послѣ вечерней зари тушились огни и всѣ ложились бы спать. А въ помощь имъ, для наблюденія за порядкомъ, назначались ежедневно дежурные по капральствамъ и дневальные по вводу и связямъ. Эту послѣднюю обязанность очень часто исполняли женщины и даже дѣвушки.

Казна не жалѣла денегъ на эти преобразованія и расходовалась щедро: такъ на постройку каждой связи отпускалась сумма въ семь тысячъ рублей ассигнаціями, а на постройку цейхауза и ротнаго магазина около 15 тысячъ.

Въ ротномъ магазинѣ складывалось все, что снималось съ полей и все это было достояніемъ не отдѣльныхъ лицъ, а капральства и роты. Хозяиномъ считался ротный командиръ.

Много времени прошло, пока люди освоились съ новыми порядками и жизнь начала входить въ колею. Но вотъ прошелъ слухъ, что и всему этому наступаетъ конецъ. Стали говорить, что всѣхъ повезутъ теперь селить въ столицу, а на мѣсто ихъ пригонять другихъ.

Что-то дѣйствительно готовилось: приказы за приказами шли изъ штаба, начальство шепталось съ унтерами, обывателей тревожили нечаянными смотрами и осмотрами, точно готовились къ чему-то. Наконецъ, самъ графъ Аракчеевъ сталъ наѣзжать, заглядывать въ связи и входить во все. До сихъ поръ онъ жилъ почти безвыѣздно въ столицѣ, теперь же переѣхалъ въ село Грѣзино, откуда частенько предпринималъ поѣздки по селеніямъ. Вотъ почему и начальство находилось постоянно насторожѣ и не дремало; на-

чались всякія строгости и прижимки. Графъ и самъ былъ строгъ и взыскателенъ и шутить не любилъ; достаточно было произнести его имя, чтобы заставить трепетать cadaго. Его правило не было тайной для окружающаго: «девять человекъ Богу, а одного хорошаго солдата мнѣ». Къ тому же теперь онъ любилъ—удивлять неожиданностями, отдавалъ распоряженія, которыя менѣ всего ожидались; пріѣзжалъ то туда, то сюда, гдѣ его не ожидали, и наоборотъ. Если принять въ соображеніе то обстоятельство, что онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей обо всемъ, что происходило въ военныхъ поселеніяхъ, черезъ своихъ любимцевъ и клеветовъ, послѣдствіемъ чего часто бывали строгія наказанія, то легко можно понять, что жизнь поселенцевъ была трудная; появившійся слухъ повторялся на всѣ лады и всѣ инстинктивно ожидали чего-то страшнаго. Но ничего особеннаго не случилось. Въ село внезапно пріѣхалъ Аракчеевъ, неизвѣстно для какой цѣли выбралъ самолично по одному человеку изъ cadaго капральства и приказалъ усиленно учить. Затѣмъ пришелъ приказъ снарядить выбранныхъ въ дорогу. Всѣ недоумѣвали. Родные прощались съ отъѣзжающими какъ съ покойниками, бабы голосили, старики плакали, никто не зналъ куда и зачѣмъ ихъ везутъ и придется ли увидѣться снова. Дѣло обошлось, впрочемъ, благополучно. Выбранныхъ привезли въ Петербургъ и самъ графъ представилъ ихъ на смотръ государю. Аракчеевъ видимо хотѣлъ пощеголять «молодцами поселенцами». Государь обошелся съ ними ласково, милостиво просилъ освоиться съ новыми порядками и если они кажутся трудными, то стараться привыкнуть, такъ какъ все дѣлается для того, чтобы имъ же было лучше, потому что начальство имъ желаетъ не зла, а добра. Его теплыя слова ободряюще подѣйствовали на выбранныхъ; по пріѣздѣ домой они разнесли по селамъ вѣру въ скорую переменную положенія, вѣру въ то, что скоро должны настать лучшія времена.

III.

Новые порядки крѣпко не нравились всѣмъ. Иные высказывали свое неудовольствіе открыто, пренебрегая даже строгими наказаніями, которыми имъ приходилось расплачиваться за свой протестъ, а другіе, бросая семью, дѣтей и хозяйство, скрывались. Но были недовольные, глубоко затаившіе въ душѣ свое недовольство и горячо жаждавшіе переменны положенія, возврата къ старому строю жизни. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Петръ Ивановъ Исаковъ, отецъ Анны. Да и нельзя было быть довольнымъ: къ непосильному подчасъ сельскому труду прибавились тягости солдатской службы: всякія ученія, дежурства, караулы, и ко всему этому строгая дисциплина и страхъ наказанья. Съ ранняго утра

гонять выкидывать артикулы тяжелымъ ружьемъ и заставляютъ маршировать по стрункѣ; потомъ наступали полевые работы, послѣ шли опять ученья, и такъ каждый Божій день; даже болѣзнь не всегда избавляла отъ заведенныхъ разъ навсегда порядковъ. Несочувствіе ко всему окружающему, мало этого, ненависть къ существующимъ порядкамъ, не мѣшала, впрочемъ, Исакову быть исполнительнымъ по службѣ, почтительнымъ съ начальствомъ и слыть за хорошаго солдата. Въ особенности ухаживалъ онъ и угождалъ передъ капральнымъ унтеръ-офицеромъ Алфимовымъ, однимъ изъ любимцевъ графа Аракчеева. Питая къ нему самыя недружелюбныя чувства, Исаковъ все-таки зазывалъ его къ себѣ въ связь и угощалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Иначе, впрочемъ, и нельзя было поступать. У Исакова была дочь на возрастѣ, которая приглянулась ефрейтору Лукину и которую, между собой, порѣшили уже просватать Исаковъ, жена его Анисья и родители Лукина. Парочка была дѣйствительно подходящая: Анна была статная дѣвушка, съ выразительными голубыми глазами и бѣлокурой густой косой; со всякимъ-то она умѣла ласково обойтись, со старшими была почтительна, а въ работѣ—огонь. Раньше всѣхъ встанеть и бѣжить съ ведрами по воду, раньше всѣхъ затопить печку, вычистить, вымоетъ все. И все-то у ней въ рукахъ спорилось. Вотъ почему на нее заглядывалась вся деревенская молодежь, заглядывалось начальство и даже самъ графъ какъ-то проѣзжая по селу и увидя ее, остановился, подозвалъ къ себѣ и, ласково потрепавъ ее по щекѣ, сказалъ многозначительно:

— Ишь! какая подросла...

И когда дѣвушка почтительно приложилась къ протянутой ей рукѣ, его сердитое выраженіе вдругъ исчезло и что-то доброе мелькнуло на мигъ на строгомъ лицѣ.

Ефрейторъ Лукинъ былъ молодой парень тихаго, кроткаго нрава, любимецъ ротнаго командира, Феодора Карловича Фригина. Отецъ Лукина считался въ селѣ богачемъ. Говорили, что зарыты гдѣ-то деньги, доставшіяся ему въ наслѣдство отъ дѣда, указывали даже сумму, чѣмъ очень сердили старика. Была ли это правда или нѣтъ, конечно, никто положительно не зналъ, хотя онъ все-таки былъ состоятельнѣе другихъ и щедро дарилъ унтеровъ.

Государь остался очень доволенъ наружнымъ видомъ и выправкою выбранныхъ поселенцевъ, представленныхъ ему графомъ Аракчеевымъ, и черезъ нѣкоторое время пришелъ приказъ готовиться къ царскому смотру. Было назначено время высочайшаго приѣзда въ поселенія и все засуетилось. Конечно, о сватаніи Анны теперь не могло быть и рѣчи, что было съ руки другимъ ухаживателямъ, которымъ она также приглянулась, какъ и Лукину, и которые не теряли надежды склонить начальство на свою сторону и отбить невѣсту у Лукина, хотя бы даже помимо воли самаго Исакова.

Всякій зналъ, что послѣ Покрова, не раньше, начнутъ сватать и записываться у Фригина для участія на жениховскомъ смотру, значить времени было еще много.

Но Исаковъ не боялся, что бракъ его дочери съ Лукинымъ не состоится. Капралъ видимо благоволил и къ нему, и къ Лукину. У послѣдняго для поднесенія начальству передъ сватовствомъ откармливались даже три гуся, подарки довольно цѣнные и ради которыхъ навѣрное начальство должно было склониться въ ихъ сторону. Теперь оба, и Исаковъ, и Лукинъ, съ нетерпѣніемъ ждали конца царскаго смотра, чтобы приступить къ сватанью.

IV.

Все оживилось въ семьѣ Исакова. Ему лично нравилось и льстило будущее родство съ Лукинымъ и онъ, глядя на дочь, ласково ей улыбался и добродушно съ ней заигрывалъ.

Что касается Анны, то хотя она и старалась по виду быть равнодушной къ предстоящей переменѣ въ ея жизни, но всякій могъ замѣтить то тихое счастье, которымъ свѣтились ея глаза всякій разъ, какъ рѣчь заходила о Лукинѣ. Одна Анисья глубоко вздыхала, сознавая, что съ выходомъ замужъ ея дочери ей прибавится работы по хозяйству, да и скучно будетъ безъ нея; подчасъ не съ кѣмъ будетъ и слова сказать.

За нѣсколько дней до смотра въ связяхъ кипѣла чистка и уборка. Мыли полы, стѣны, лавки, бѣлили печи и трубы. Еще наканунѣ ожидаемаго дня все было уже готово и капральные сгоняли всѣхъ въ баню. Послѣ же вечерней зари приказано было людямъ не ложиться спать, такъ какъ будетъ произведенъ осмотръ по связямъ.

Въ ожиданіи прихода начальства, въ связи Исакова тихо бесѣдовали. Тусклое пламя ночника освѣщаетъ разложенныя на лавкѣ части амуниціи, мѣдныя бляхи и бляшки головного убора, пряжки и выбѣленные ремни. Вычищенный остовъ тяжелаго кремневаго ружья отливаетъ точно зеркало и Исаковъ самодовольно беретъ его въ руки и самодовольно осматриваетъ достаточно ли развинчены кольца, чтобы оно хорошенько шумѣло при приѣмѣ. Рядомъ въ комнатѣ тоже сначала чистились, шумѣли, ругались и, наконецъ, все смолкло.

— Должно и у нихъ готово, — замѣчаетъ Анисья и, широко зѣвая, крестить ротъ.

— Не идутъ чтѣ-то господа-то, замѣшкались, — слышится голосъ за дверью.

— А тебѣ спать захотѣлось, сосѣдъ? — вопрошаетъ Исаковъ.

— Конечно дѣло хочется, — отвѣчаетъ голосъ изъ-за перего-

родки, — вторые пѣтухи вонъ поютъ. Живодеры! И спать-то не дадутъ...

— А ты потише, — внушительно обращается Исаковъ въ сторону говорившаго, — а то какъ бы, братъ Алешка, тебя не вспрыснули передъ сномъ лозой-то, ха-ха!..

— Да мнѣ чтò, мнѣ не впервой, — высунулась голова изъ-за двери, — не привыкать. Намедни ужъ такъ, братъ, отжарили... и больно они окаянные сѣчь велять, чтобъ имъ!.. Съ сватаньемъ вамъ погодить придется, — мѣняетъ онъ разговоръ.

— Да ужъ, вѣстимо, теперь не время.

— Эко тебѣ, сосѣдь, счастье съ дочкой!

— Слава тебѣ Господи. Про это нечего говорить. А вотъ съ распорядками не сообразишь. И сватанье не радуешь. Охъ, было времячко да прошло... — вздыхаль Исаковъ.

— А меня хотъ и еще вспрысни, а я одно скажу, что всему этому послѣ смотра и конецъ. Ей-ей! Право слово, это всѣ говорятъ. Царь вонъ и ѣдетъ поприкончить все это. Это вѣдь все господа чудягъ...

— Охъ дай-то Богъ, дай-то Богъ!..

— Идутъ, — слышалось гдѣ-то и на улицѣ показались огни.

— Растворяй сундуки, выкладывай вещи, да въ порядкѣ! въ порядкѣ! — распорядился въбѣжавшій фельдфебель, высокій, здоровый мужчина съ бритымъ лицомъ.

— Господа скоро чтò ли придутъ? — нерѣшительно спросила Анися, смотря на него сонными глазами.

— А ты, тетка, помолчи, потому не твоего это ума забота. Придутъ когда надобно.

Вбѣжавшій Алфимовъ въ ожиданіи начальства утиралъ потъ съ широкаго лица и поправлялъ рыжія щетинистыя бакенбарды. Въ комнату одинъ за другимъ входили унтера и, тревожно поглядывая на дверь, переговаривались между собой.

— Смирно! — скомандовалъ кто-то изъ нихъ, когда отворилась дверь и всѣ стали руки по швамъ.

Въ комнату вошли баталіонный командиръ Писаревъ и Фригину. Первый былъ высокій худой полковникъ съ сухимъ бритымъ лицомъ и большимъ римскимъ носомъ, второй маленькаго роста, очень толстенькій маіоръ, съ брюшкомъ, жирными, точно опухшими щеками и добродушнымъ выраженіемъ лица.

Начался осмотръ форменности укладки въ сундукахъ, въ ранцахъ, осмотръ чистоты и порядка, качества сготовленной пищи на завтрашній день. Писаревъ подробно смотрѣлъ все и, обращая вниманіе на все, то и дѣло дѣлалъ замѣчаніе за замѣчаніемъ Фригину.

— Приказывалъ, вчера еще приказывалъ, завтра взыщу, — ко-

ротко отвѣчалъ ему Феодоръ Карловичъ, при чемъ рѣчь его отзывалась нѣмецкимъ акцентомъ.

— Пожалуйста строже, во всемъ строже,—просилъ его всякій разъ Писаревъ.—Это такой ужъ народъ.

V.

На слѣдующій день было еще совершенно темно, когда въ село въѣхалъ графъ Аракчеевъ. Всѣ, впрочемъ, давно уже встали и хлопотали около домовъ, уставляя телѣги, сани, бороны, сохи, въ одну шеренгу передъ окнами связей.

Самъ графъ въ сѣрой поношенной шинели шагаль по селу нетерпѣливой походкой, пристально всматривался въ попадавшихъ ему на встрѣчу людей и дѣлалъ замѣчанія, оставаясь видимо довольнымъ порядкомъ, царствовавшимъ повсюду.

Всюду была видна распорядительность начальства и онъ часто улыбался своей холодной, безстрастной улыбкой, фамиллярно трепалъ по плечу Писарева и говорилъ въ носъ:

— Ну что же, батюшка, еще и требовать. Все людямъ дали; все и кровь, и пицу, и обучили...

— Изъ звѣрей людей сдѣлали, ваше сіятельство,—подобострастно отвѣчалъ ему тотъ.

— А? что ты говоришь?

— Изъ звѣрей, ваше сіятельство...

— Ну да, ну да, я это и хотѣлъ сказать...

— Какъ-то покажутся на смотру,—продолжалъ онъ, задумчиво глядя въ даль.—Ты повтори, чтобы женихами стояли. Плохо будетъ—не поблагодарю.

— Приложено должное стараніе, ваше сіятельство. Всегда стараемся. Не для начальства; для себя.

— То-то же, то-то же...

Теперь въ его присутствіи дѣлалась репетиція въѣзда. Всѣ люди связей разставлялись въ шеренгахъ передъ окнами, имѣя сзади себя сельскохозяйственныя принадлежности и скоть и по общей командѣ, когда нужно, поварачивались, строились въ ряды и входили въ связь, гдѣ уже строились по семьямъ и по ранжиру.

Около полудня вѣстовой съ гауптвахты прибѣжалъ сказать, что на противоположной сторонѣ рѣки показалась коляска. Всѣ бросились на свои мѣста и выстроились. Большое широкое ландо шестирикомъ съ фореиторомъ быстро подкатило къ парому. Изъ ландо вышелъ императоръ Александръ I. Онъ ласково поздоровался съ перевозчиками, постоялъ минуту пока останавливались одинъ за другимъ экипажи, изъ которыхъ выскакивали лица его свиты и присоединялись къ нему и, наконецъ, взошелъ на паромъ.

Грянула музыка на правомъ флангѣ караула, затрезвонили колокола на деревянной колоколенкѣ села и графъ, когда тихо плывущій паромъ толкнулся о берегъ, высоко поднялъ саблю подъ высь и потрясая кистями шарфа за маршировалъ по всѣмъ правиламъ въ сторону государя съ рапортомъ.

Государь, переправившись, не зашелъ, какъ предполагали, въ ставку, устроенную при квартирѣ Писарева на горѣ, а направился въ село. Его сопровождали Аракчеевъ, развязно объяснявшій ему чтѣ-то, и свита. Почти передъ каждой связью государь останавливался, здоровался съ людьми, всматривался въ ихъ лица, въ ихъ обмундированіе и говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ... Восторженное ура! провожало его по селу; когда онъ дошелъ до конца, графъ скомандовалъ людямъ и всѣ рядами стали входить въ дома. Затѣмъ раздался сигналъ «къ обѣду» и Аракчеевъ ввелъ государя въ связь Алфимова, гдѣ подали пробу пици. Государь былъ въ духѣ, все видимо ему нравилось и онъ улыбался, милостиво шутилъ съ Аракчеевымъ и разговаривалъ съ женою его любимца. Узнавъ, что она недавно родила, онъ пожелалъ видѣть младенца, обѣщался быть его крестнымъ отцомъ, при чемъ приказалъ выдать Алфимову 150 рублей ассигнаціями, а женѣ кокошникъ съ жемчугами.

Посѣтивъ еще смежную связь, государь поблагодарилъ Аракчеева, за тѣмъ сѣлъ съ нимъ въ его коляску и они покатали въ штабъ, отстоявшій отъ Высокаго въ 7 верстахъ.

Ожидаемый строевой смотръ не состоялся. Черезъ нѣсколько дней былъ присланъ приказъ, который былъ прочитанъ по капральствамъ; въ немъ благодарились и начальники и люди за образцовый порядокъ и выражалась надежда, что все будетъ и впредь также продолжаться.

Такимъ образомъ перемѣна въ положеніи, которую всѣ ожидали, не осуществилась. Недовольство въ коренномъ населеніи увеличивалось съ каждымъ днемъ, прорываясь то тамъ, то тутъ.

Конечно, начальство смотрѣло въ оба глаза и малѣйшее видимое проявленіе его каралось строго; но оно не было въ состояніи подавить глухого ропота и усиливавшагося раздраженія.

Старецъ Ченчикъ появился опять въ селѣ. Кругомъ него собралась толпа народа, всѣ торопились передать ему то, чтѣ скопилось на душѣ.

— Государь-то былъ, осторожно сообщалъ ему Исаковъ, а видалъ ли онъ наши распорядки! Если бы ему показали бы ихъ, показали бы какъ намъ живется. А вѣдь вотъ скоро десять лѣтъ какъ наступила эта собачья жизнь. А конца-то ей и не предвидится...

Но Ченчикъ думалъ не такъ, онъ ясно усматривалъ конецъ всему этому.

Здѣсь впервые узнали они, что все побережье одинаково роп-

щеть, что недовольство растетъ, что пишется уже гдѣ-то прошеніе къ царю и дойдетъ очередь и до нихъ. Онъ, милостивый, конечно, прочтетъ и внемлетъ и произойдетъ перемѣна ихъ положенія. И вновь затеплилась въ поселеніи искра надежды на возвратъ къ прежней жизни.

VI.

Приближался жениховскій смотръ. Къ квартирѣ Феодора Карловича то и дѣло подходили отцы, держа въ рукахъ приношенія и боязливо переступая порогъ передней. Самъ Фригинъ появлялся передъ просителями съ лицомъ полнымъ торжественности и задумчивости и когда тотъ кланялся въ поясъ и объяснялъ о причинѣ прихода, Фригинъ многозначительно опускалъ голову, при чемъ пряталъ жирный подбородокъ въ высокій красный воротникъ мундира и принимался пояснять всю важность брака. Проситель, конечно, былъ во всемъ согласенъ съ нимъ и, получивъ разрѣшеніе выставить сына или дочь на смотръ по указанію Феодора Карловича, направлялся въ кухню, гдѣ отдавалъ принесенное денщикамъ. Но очень часто разрѣшеніе выставить на смотръ не давалось по какимъ либо причинамъ, тогда Фригинъ предоставлялъ просителю явиться на будущій годъ, о необходимости брака не трактовалъ, а отказавши прямо наотрѣзъ сердито гналъ его прямо на кухню. Но разрѣшеніе Фригина явиться на смотръ не означало еще его согласія на бракъ. Обыкновенно это согласіе давалось на смотру, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія дѣла. Вотъ почему отъ Фригина просители шли съ капраламъ и задобривали ихъ въ свою пользу, чтобы, въ случаѣ чего, они замолвили бы словечко въ его пользу.

Феодоръ Карловичъ Фригинъ былъ въ сущности предобрый человекъ, никогда не дѣлавшій умышленно зло другому лицу. Но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне безхарактеренъ и способенъ легко поддавать подъ чье-либо влияніе. Ко всему этому онъ, прослужа безупречно около двадцати лѣтъ въ строю, чувствовалъ, что теперь старѣеть, что не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде и, боясь испортить свою репутацію служаки, старался быть строгимъ и побольше взыскивать. Вотъ почему Алфимовъ, человекъ крутого нрава, лично извѣстный графу, игралъ не послѣднюю роль въ ротѣ и передъ смотромъ Фригинъ, призывая унтеровъ на совѣтъ, придавалъ всегда большое значеніе мнѣнію Алфимова.

Въ данномъ случаѣ, неожиданно для всѣхъ, онъ высказалъ не сочувствіе браку Лукина съ Анной Исаковой. Браку, которому раньше почти протезировалъ.

— Не пара, говорилъ онъ, не пара...

Напрасно задобривали его и Лукинъ и Исаковъ. Приношенія онъ бралъ, но на бракъ согласія все-таки не давалъ.

По этому поводу въ селѣ ходили самые разнообразныя толки. Одни говорили, что капраль хочетъ содрать съ Лукина побольше «гостинцевъ», принимая въ соображеніе его хорошія средства, другіе говорили, что у капрала свои цѣли, что онъ хочетъ, чтобы Исакова вышла бы замужъ за его племянника Парунова, слышшаго за дурковатаго малаго. При этомъ усматривались и дальнѣйшія цѣли его и виды на Анну, что и подтверждалось особымъ отношеніемъ его къ ней, ясно указывающимъ, что и ему, какъ и всѣмъ въ селѣ, Анна пришлась по сердцу. Въ общемъ же эта перемѣна была загадкой для всѣхъ и всѣ съ любопытствомъ ждали смотра. Наконецъ, онъ наступилъ. День выдался ясный, морозный. Выпавшій за ночь снѣжокъ мягкимъ бѣлымъ покровомъ окуталъ село, огороды, поля и зеркальную поверхность рѣки... Съ ранняго утра пришелъ приказъ «выводить людей». На учебномъ плацу челоѣкъ тридцать солдатъ разгребали снѣгъ, откуда же начали стекаться любопытныя со всего села, занявшіе пораньше мѣста у забора; и вотъ одна за другой стали прибывать команды жениховъ и невѣстъ и строились другъ противъ друга. Сзади невѣстъ въ безпорядкѣ толпились родители и посторонній народъ, очень часто изъ смежныхъ деревень, пришедшій поглазѣть на происходящее. Между шеренгами разгуливали унтера, державшіеся особнякомъ и говорившіе больше между собой.

Феодоръ Карловичъ не заставилъ себя долго ждать. Его веселое, радушное лицо пріятливо и съ любовію глядѣло на окружающее. Онъ былъ въ роли отца-командира и былъ увѣренъ, что сейчасъ осчастливитъ многихъ, устроитъ многимъ новую жизнь и новыя радости.

— Здорово женихи!—обратился онъ къ молодымъ людямъ.—Жениться вздумали? А? Вотъ я вамъ сейчасъ невѣсть найду. Вотъ сейчасъ,—шутливо добавлялъ онъ и улыбался, и такъ какъ и всѣ кругомъ тоже улыбаются вмѣстѣ съ нимъ, то онъ дѣлался еще развязнѣе. Осмотрѣвъ шеренгу жениховъ, онъ частыми шажками шелъ по направленію къ невѣстамъ.

— Это-то и есть невѣсты?—наивно спрашивалъ онъ у фельдфебеля.

— Такъ точно!—смѣясь, отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ красавицы-то писанныя! Ну, здорово, красавицы! А я вамъ вотъ женишковъ нашель, не взыщите, полюбите—парни хоть куда, молодецъ на молодцѣ.

Сдѣлавъ наружній осмотръ шеренгъ невѣстъ, онъ обращался лицомъ опять къ женихамъ. Здѣсь лицо его принимало чрезвычайно серьезное и даже сердитое выраженіе; онъ останавливался передъ крайнимъ съ флангу женихомъ и зорко вглядывался въ него.

— Сергѣй Петровъ,—представлялъ фельдфебель.

— Знаю, знаю,—грустно говорилъ Фригинъ, вздыхалъ и тянулъ въ карманъ за тавлинкой съ табакомъ.

— Невѣста, братъ, есть на примѣтѣ?—спрашивалъ онъ потомъ, наполняя носъ.—Если нѣтъ такъ дамъ тебѣ молодку хоть и не стѣишь.

— Екатерина Сидоркина,—отвѣчали ему.

— Ну что же, дай Богъ вамъ миръ и согласіе.

— Самая подходящая пара ваше высокоблагородіе!—подакивали унтера.

— Ну съ Богомъ—добро,—соглашался онъ и шель дальше.

— Петръ Ивановъ!..

— Ну этотъ молодъ, на будущей годъ, ступай, братъ, носъ утри.

— Не откажите ваше высокоблагородіе.

— Ну куда тебѣ жениться, мальчишка совсѣмъ, ступай, ступай!..

— Владиміръ Ильинъ,—провозглашалъ унтеръ, когда они переходили къ слѣдующему.

— Ну это женихъ, а кто невѣста?

— Алена Ерошина,—отвѣчали голоса.

— Какая же она тебѣ невѣста? А?—вопрошала Фригинъ.—Не подь стать тебѣ. Хороша братъ очень для тебя. Ее лучше за Васюху Растегаева, тотъ повиднѣе... А?

— Вотъ бы ему Анютку Петрову, у ней и жениха нѣтъ,—осмѣливался вставить Алфимовъ.

— Ваше... восклицаетъ Ильинъ.

— Тссъ! Молокосось!—грозилъ ему перстомъ Фригинъ.—Высоко братъ летаешь... и они переходили къ другому.

— Иванъ Паруновъ!

— А это-то, что ты намедни просилъ?—обратился Фригинъ къ Алфимову.—Знаю.

— Хоть и слюняй ты братъ, а уже капрала Алфимова ходатайство исполню. Авось поумнѣешь? поумнѣешь? А?

— Постараемся.

— Да онъ ваше выс—іе хоть куда.

— Такъ за Анютку Исакову запиши. А ефрейтору Лукину кого?

— Вонъ Варька Емельянова самая подходящая,—говорилъ Алфимовъ и подводилъ Варьку Емельянову, которая, робко опустивъ глаза, стояла передъ начальствомъ.

— Пожалуй эта подходитъ,—соглашался Фригинъ.

Лукинъ принимался протестовать.

— Свыкнется, братъ, слюбится,—утѣшалъ его Фригинъ.—Не зла же, братецъ, вамъ желаютъ. Э! говорунъ ты братъ. Смотри, другъ, какъ бы ты у меня до березовой каши не договорился.

Обойдя всѣхъ, Фригинъ приступалъ къ подробному осмотру физической развитости невѣстъ, а потомъ, дойдя до конца шеренги,

вытиралъ краснымъ фуляровымъ платкомъ потъ, выступившій на лбу.

— Ахъ дѣти, дѣти, заморили меня старика, совѣмъ взопрѣлъ...

— Съ ними умасешься,—вторили ему унтера.

— Да и то сказать, молодость!..—восклицалъ Феодоръ Карловичъ и добро глядѣлъ на обѣ шеренги.—Это мнѣ напоминаетъ какъ въ былыя времена и самъ молодъ былъ...—и онъ принимался рассказывать всѣмъ извѣстную исторію его женитьбы на Амалѣ Карловнѣ противъ воли родителей.

VII.

Вскорѣ послѣ Рождества игрались свадьбы. Вѣнчали по нѣсколько паръ за-разъ. Свадьбы были безъ веселыхъ пооекъ, безъ пѣсенъ, а инныя даже со слезами и проклятіями.

Затѣмъ молодые должны были являться къ Писареву и Фригину, которымъ подносили полотенца и получали взамѣнъ серебряную монету. Этимъ и кончалась свадебная церемонія. Молодыхъ вели въ новую связь и тамъ давали имъ хозяйство: лошадь, корову и все прочее.

Анна послѣ выхода замужъ за Парунова помѣстилась съ мужемъ на краю села, въ вновь отстроенной связи и Исаковы остались одни. Теперь въ Исаковѣ стали замѣчать перемѣну. Прежде онъ былъ лишь несообщителенъ и угрюмъ, теперь же открыто высказывая свое несочувствіе всему существующему, явно выражалъ враждебныя чувства, которыя питалъ къ начальству. Правда, что ему и приходилось платиться, подвергаясь наказаніямъ почти каждую недѣлю, но наказанія, повидимому, вліяли совершенно обратно: они его озлобляли и дѣлали въ глазахъ народа чѣмъ-то въ родѣ героя, котораго уважали за стойкость. Изъ числа людей, открыто высказывавшихъ неудовольствіе, Исаковъ былъ не одинъ, были и другіе. Протестъ былъ слышенъ всюду. Мысль о прошеніи была безусловно у всѣхъ на умѣ и на языкѣ. Старики собирались по ночамъ въ ригахъ и овинахъ и толковали, молодежь шепталась при встрѣчахъ. Всѣ интересы сосредоточились на томъ, что пойдетъ прошеніе и къ лучшему или къ худшему, все равно, измѣнится постылый строй жизни. Къ этому же времени относится и кончина императора Александра Павловича и вступленіе на престолъ Николая I. Вскорѣ поселенцевъ привели къ присягѣ новому государю. Самъ графъ уѣхалъ въ Петербургъ и почти совѣмъ не показывался въ военныхъ поселеніяхъ. Начальство говорило, что ему не до нихъ, что онъ очень занятъ; но никто, разумѣется, этому не вѣрилъ: изъ Петербурга доходили извѣстія, что графъ въ немилости и всѣмъ его затѣямъ настаетъ конецъ. Поселенцы были готовы видѣть даже подтвержденіе этихъ слуховъ въ томъ, что на-

чальство точно опустило возжи, стало ласковѣе и меньше наказывало. Наконецъ, стали ходить таинственные слухи, что въ другихъ поселеніяхъ прошеніе уже написано и теперь очередь за Высокимъ. И вотъ во время случайной отлучки Алфимова въ Грузино, общими силами было сочинено слезное прошеніе государю императору, тщательно переписано мальчикомъ-кантонистомъ и передано на храненіе въ связь Исакова.

Кому принадлежитъ починъ этого дѣла, почему прошеніе писалось именно у Исакова и какую роль игралъ въ данномъ случаѣ Ченчикъ, — трудно опредѣлить. Все дѣлалось съ оглядкою, молча; каждый понималъ всю важность совершаемаго дѣла. Дружно шелъ народъ и дружно рукоприкладствовалъ. Грамотные прикладывали руку сами, неграмотные приводили довѣренныхъ лицъ. Въ итогъ полтора ста почти подписей покрыли собою сѣрый листъ.

Теперь возникъ вопросъ: кому нести прошеніе въ Петербургъ? Конечно у всѣхъ на языкѣ былъ Ченчикъ, тѣмъ болѣе, что по слухамъ онъ являлся уполномоченнымъ и многихъ другихъ окружающихъ сель и деревень. Было ли заранѣе условлено между Исаковымъ и Ченчикомъ, что прошеніе должно дожидаться своей очереди у Исакова, тоже неизвѣстно, но Исакову село вручило свою судьбу, отдавши въ его руки это рискованное дѣло и онъ оправдалъ довѣріе.

VIII.

Несмотря на то, что дѣло велось въ величайшемъ секретѣ, однако же про прошеніе провѣдали. Кто выдалъ тайну, неизвѣстно, но въ доносѣ, присланномъ начальству, было даже указано, что прошеніе писалось и хранится у Исакова и что онъ главный зачинщикъ всему.

Неожиданно появилось начальство и начался тщательный осмотръ его помѣщенія и имущества; Исаковъ совершенно растерялся. Еще минута и прошеніе, лежавшее на полкѣ, досталось бы въ руки грозныхъ слѣдователей и участь его была бы рѣшена. Къ счастью не растерялась Анися: въ одно мгновеніе схватила она прошеніе, завернула его въ тряпку и замазала тѣстомъ; при строжайшемъ и тщательномъ обыскѣ всей связи никому и въ голову не пришло заглянуть въ курникъ (постный пирогъ изъ ржаного тѣста), лежавшій въ неиспеченномъ видѣ на виду всѣхъ.

Гауптвахта наполнилась арестованными, или допросы, обыски, но все безуспѣшно, — прошеніе не находилось нигдѣ и на всѣ вопросы получался одинъ отвѣтъ:

— Не слышали, знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ.

Всякій понималъ, что находится въ опасности и трепеталъ за свою шкуру.

Ченчика совершенно порестали пускать въ село, какъ личность подозрительную; а между тѣмъ необходимо было какъ можно скорѣе вручить ему прошеніе. Положеніе было въ высшей степени затруднительное, тѣмъ болѣе, что сдѣлалось извѣстнымъ, что въ условленное время, ночью, онъ придетъ къ ригамъ и будетъ ожидать тамъ врученія прошенія. Но кто возьмется исполнить такое опасное порученіе, когда начальство всюду разставило караулы, окружило село патрулями и само безпрестанно шныряло то тутъ, то тамъ. И вотъ Анна вызвалась вручить всѣхъ...

Была темная апрѣльская ночь, когда она не слышно вышла изъ дому. По небу ходили темныя обрывки тучъ, дулъ порывистый весенній вѣтеръ, гдѣ-то далеко раздавалось протяжное: «слу-шай!» гдѣ-то ругались; невдалекъ, по липкой грязи, прошлепалъ патруль. Долго прислушивалась она и, выбравъ удобную минуту, юркнула въ калитку и стала неслышно красться по огороду къ полевой дорожкѣ, ведущей къ ригамъ. Но здѣсь ей пришлось разгораживать плетень. Каждый звукъ, каждый стукъ, заставлялъ ее притаивать дыханіе и прислушиваться. Ей все казалось, что кто-то слѣдитъ и крадется за нею. Кое-какъ удалось ей продѣлать лазейку и пролѣзть въ открытое поле, освѣщенное блѣднымъ отсвѣтомъ зари. Выйдя на просторъ, она принялась бѣжать по мокрой пашнѣ, не обращая вниманія на то, что ноги ея вязли, что безпрестанно попадались камни, на которые она спотыкалась.

Вдругъ, къ неопisanному своему ужасу, она явственно услышала за собою погоню; сердце ея болѣзненно забилося и она присѣла на землю.

Чьи-то шаги быстро приближались, мелькнула тѣнь и передъ Анной словно изъ земли выросъ Алфимовъ.

— Куда, молодка, такъ поздно? А? — спрашиваетъ онъ. — Попа-лась! А ну-ка покажи-ка, что у тебя подъ передникомъ? Не бойся. Подай-ка бумагу-то...

Но она крѣпко держала дорогую ношу. Тогда онъ принялся ломать ей руки, которые судорожно сжимали прошеніе.

Между ними завязалась недолгая борьба. Черезъ нѣсколько мгновеній прошеніе было въ его рукахъ. Анна бросилась вырывать его, но сладить съ Алфимовымъ было ей не подъ силу.

— Отдай, дяденька, — наконецъ безпомощно взмолилась она.

— Теперь лаской да просьбой хочешь взять.

— Отдай, дяденька, — просила она.

— Такъ-то можетъ быть легче будетъ съ Алфимовымъ сладить. Что дашь взамѣнъ? — отдамъ, какъ передъ Богомъ отдамъ.

— Отдай такъ, дяденька, — молила она, предчувствуя дорогую цѣну выкупа.

— Ну вотъ, затвердила одно и то же. Слушай, Анютка, я давно до тебя добираюсь; не отдашься мнѣ — не отдамъ и я тебѣ про-

шенія. Я давно жду такого случая. Вотъ и рѣшай. Умна будешь, такъ я и съ вами хорошѣ буду и все для васъ сдѣлаю. Самъ и прошеніе отнесу бродягѣ вашему, вотъ что. Мнѣ вѣдь все равно. Я вѣдь зналъ, что прошеніе ваше въ пирогахъ запрятано и смолчалъ... Удивилась? Отъ Алфимова ничего не утаишь... Вотъ и караулилъ, — помолчавъ, продолжалъ онъ и обхватилъ ее. — И все потому, что по нраву пришлась ты мнѣ...

Она съ силой его оттолкнула.

— А, ты вотъ какъ, — спокойно сказалъ капралъ. — Вѣдь я силкомъ могъ бы взять тебя давно, да что толку въ этомъ, я этого не люблю. Ну, полно моя милая...

— Лиходѣй, — плакала она, — оставь меня, — и выбравъ удобную минуту, въ порывѣ отчаянія, снова попыталась отнять прошеніе. Она укусила ему руку, разорвала рукавъ шинели, но все было напрасно.

— А, ты такъ! — воскликнулъ тотъ, обороняясь. — Ты такъ!? А знаешь ли, что я сдѣлаю? А? Пойду вотъ сейчасъ, отдамъ прошеніе самому графу и вы всѣ пройдете сквозь строй, а затѣмъ въ Сибирь! Ну, говори, хочешь?

— Отдайте такъ, ради Бога, отдайте, — молила она.

— Анютка! полюби, ну, полюби меня! хоть не теперь, а можетъ быть потомъ...

— Не сдѣлаюсь я твоею полюбовницею! Не бывать этому! — воскликнула Анна.

— Нѣтъ, молодка, будетъ по моему, будетъ, — твердо выговорилъ капралъ и, швырнувъ въ сторону прошеніе, началъ крѣпко сжимать ее въ своихъ объятіяхъ.

Она сначала сопротивлялась, но скоро изнемогла въ борьбѣ и силы ее оставили...

Черезъ нѣкоторое время Анна шла, шатаясь, уже не по лѣмъ, а прямой дорогой, уже не боясь быть замѣченною. Ей все было ни по чемъ, все безразлично, лишь бы скорѣе передать прошеніе. Подъ мостомъ у ригъ ее ожидалъ Ченчикъ.

— Это ты, молодница? А я перепугался, чуть не убѣжалъ, услышавъ, что идутъ. Травятъ меня какъ дикаго звѣря, — жаловался старикъ. — Думалъ, что перехватили ваше прошеніе-то...

Онъ не торопясь разувалъ правую ногу, обутую въ лапотъ, и заматывалъ прошеніе въ войлочную портянку.

Анна свободно вздохнула.

— Ну, прощай, умница, смотри, назадъ пойдешь — не попадись, — предостерегалъ онъ ее.

— Нѣтъ, дѣдушка, теперь не попадусь, — отвѣтила она. — Все равно теперь...

— То-то, все равно—не все равно... «Да воскреснетъ Богъ, да расточатся врази его»,—зашепталь онъ и полелся къ оврагу.

Еще разъ мелькнула тѣнь его сторбленной фигуры, и онъ исчезъ во мракѣ ночи.

IX.

Мѣсяца два не было ни слуху, ни духу о прошеніи. Ченчикъ пропаль, словно въ воду кануль. Стали даже забывать, что прошеніе послано, а нѣкоторые прямо выражали сомнѣніе въ томъ, что оно дѣйствительно послано.

— Надуль Исаковъ,—говорили они.

— Нѣтъ, Исаковъ-то не надуль, а скорѣе Ченчикъ надуль, или, можетъ быть, что грѣхъ-то на душу брать, умеръ старикъ въ дорогѣ,—отвѣчали имъ.

Были и такіе, которые, сообщая про связь Алфимова съ Анной, увѣряли, что прошеніе попало въ руки капрала, и что результаты этого будутъ самые плачевные.

Перемѣнъ же въ селѣ никакихъ не было; все по старому гоняли на учење, на работу, все тѣмъ же порядкомъ шли смотры и смотры. Наконецъ, о прошеніи и говорить перестали.

Въ семьѣ Исакова тоже все шло попрежнему. Только послѣ испытанной передраги онъ точно постарѣль, похудѣль и сталъ молчаливъ до такой степени, что отъ него трудно было добиться слова; связь его дочери съ Алфимовымъ не осталась, конечно, для него тайной, и она его окончательно сразила.

Что касается Паруновыхъ, то жизнь этой семьи была чистымъ адомъ. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ поняль, что Анна продолжала любить Лукина, и что близкихъ отношеній между ними нѣтъ, но, не смотря на это, онъ все-таки продолжалъ надѣяться, что когда-нибудь она его полюбитъ. Когда и эта надежда была отнята у него, когда онъ поняль, что Алфимовъ, такъ легко для него устроившій его жизнь съ первой красавицей села, стоитъ теперь между ними, онъ возмутился. Какъ человѣкъ робкій и тихій, сначала онъ сдерживаль свое негодование, изрѣдка лишь вымѣщая злобу на женѣ. Но вотъ каждый въ селѣ при встрѣчѣ сталъ съ улыбкой указывать на него пальцемъ, поздравляя съ родствомъ, каждый, не стѣсняясь, бередиль большое мѣсто намекомъ на эту связь.

— Здорово, братъ, Паруновъ,—встрѣчали его товарищи,—скоро магарычъ что ли съ тебя пить будемъ?

— Какой тамъ магарычъ!—сердито огрызался тотъ,—отвяжись отъ меня...

— Возгордѣль ты, братъ, съ тѣхъ поръ какъ съ капраломъ посвоячился...

— Ишь, и не кланяется, капральскій своячекъ,—кричала ему старушка сосѣдка.

— Ну, что? какъ жена-то твоя угодила ли Алфимову-то? не спрашивалъ ее?—сыпалось на него.—У, дурень!..

Но были и такіе, которые давали ему толковые совѣты, входили въ его положеніе.

— Его ты, братъ, оставь, — совѣтывали они ему, — ты ее прочи, чтобъ не баловалась.

И онъ началъ понемногу учить Анну. Не проходило дня, чтобы у нихъ въ связи не происходилъ бы шумъ и драка, требовавшіе иногда вмѣшательства сосѣдей. Но Анна покорно переносила обиды и побои, вполнѣ, впрочемъ, сознавая всю незаслуженность ихъ. Но что ей было дѣлать! Съ одной стороны передъ нею стояли грубыя требованія и насиліе Алфимова, съ другой стороны спены ревности нелюбимаго мужа, намеки всего окружающаго, что честь ея запятнана... Развѣ она виновата, что мужа наряжаютъ на работы на дальніе участки, а капраль въ это время отъ нея не отходить.

— Убей меня лучше! убей!—молила она мужа во время вечернихъ расправъ и заливалась слезами.

Развязка этого тяжелаго положенія наступила неожиданно.

Какъ-то разъ Парунова нарядили въ караулъ и онъ стоялъ на часахъ у магазиновъ, Анна же съ другими бабами сажала картофель на ротномъ огородѣ. Поздно вечеромъ воротилась она домой и, тщательно заперевъ дверь связи, легла спать. Кто-то тихо постучался и она, думая, что это капраль, твердо рѣшила не открывать и притвориться спящей. Но звуки усиливались, кто-то ломился изо-всей силы и, наконецъ, съ трескомъ вырвался засовъ и въ комнату вбѣжалъ Паруновъ. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ, глаза его блуждали и въ нихъ было столько рѣшимости, что она перепугалась не на шутку.

— Гдѣ Алфимовъ? — закричалъ онъ и бросился шарить подъ лавками и постелью.—Куда запрятала любовника? говори? сейчасъ говори? а то тутъ тебѣ и конецъ... Змѣя! — изступленно кричалъ мужъ.

— Побойся Бога, нѣтъ его здѣсь, хоть все переверни, нѣтъ его здѣсь и не былъ онъ здѣсь,—молила Анна, но онъ ее не слушалъ.

Ревность, мучившая его цѣлый день и заставившая его сдѣлать преступленіе и сойти съ часовъ, требовала удовлетворенія. Онъ не владѣлъ собой, съ силой схватилъ за горло жену и началъ ее душиить. На шумъ сбѣжались сосѣди изъ смежныхъ помѣщеній и вступились за Анну. Парунова связали. Сначала онъ сопротивлялся, но потомъ, точно изнемогъ и добровольно давалъ свои руки спутывать веревками.

— Нашло, братцы, нашло,—твердилъ онъ.—И самъ, братцы, не знаю, что со мной приключилось. Въ глазахъ помутилось.

— Тамъ ужъ начальство разсудить,—отвѣчали ему и увели на гауптвахту.

Дѣло о побѣгѣ Парунова съ часовъ и покушеніи на убійство жены встревожило Θεодора Карловича. Предварительно наказавъ его, онъ побѣждалъ докладывать обо всемъ Писареву и пока тотъ разсматривалъ этотъ поступокъ, онъ забѣгалъ нѣсколько разъ къ арестованному и дѣлалъ ему отеческія внушенія.

Но Паруновъ не дождался конца разсмотрѣнія своего дѣла, онъ неожиданно для всѣхъ бѣжалъ, выломавъ окно гауптвахты и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти. Текуція же событія заставили всѣхъ навсегда забыть и о немъ, и о его поступкѣ.

Х.

Наступили первые лѣтніе дни. Ярко свѣтило солнце съ безоблачнаго голубого неба, высоко поднялись озимые и яровые зеля, давая надежду на урожай. На лугу цвѣла и благоухала душистая трава. Тамъ и тутъ у связей отбивали уже косы и ждали лишь приказа, чтобы начать сѣнокосъ. Жизнь поселенцевъ сдѣлалась будто легче. Можетъ быть это происходило отъ того, что всѣ свыклись съ нею, а можетъ быть причина лежала въ томъ, что всѣ полковые командиры частенько уѣзжали теперь въ Петербургъ, а самъ графъ попрежнему не показывался вовсе и ученія дѣлались очевидно только для проформы.

Чувствовалось какое-то затишье точно передъ грозой и это всякій чувствовалъ и сознавалъ.

Однажды, рано утромъ, черезъ село пронесся фельдъегерь, направляясь прямо къ штабу, вскорѣ же послѣ него показался и самъ Аракчеевъ. Все начальство поднялось на ноги.

Графъ ѣхалъ въ дормезѣ шестерикомъ съ фореиторомъ. Лицо его было чѣмъ-то озабочено, и онъ видимо былъ взволнованъ.

Завидя его, всѣ чуть не за полверсты останавливались и отдавали честь, женщины же кланялись въ поясъ; но онъ никого не замѣчалъ, задумчиво глядя куда-то.

Фригинъ бросился къ дормезу съ рапортомъ, на ходу застегивая пуговицы мундира. Но Аракчеевъ не остановился, какъ дѣлывалъ это въ другое время, и лишь потомъ уже, когда проѣхалъ мимо, будто чтѣ-то вспомнилъ, удержалъ кучера и грозно закричалъ:

— Спите! спите! всѣ спите! Хорошо начальство нечего сказать. Вы всѣ бунтовщики, царя прошеніями беспокоите. Вы мнѣ всѣ отвѣтите!.. За все разсчитаетесь!..

Тучи надвинулись, вотъ, вотъ грянетъ ударъ. Всякій понялъ, что прошеніе дошло. Чтѣ-то будетъ?

Теодоръ Карловичъ недоумѣвалъ. До сихъ поръ все шло такъ тихо, спокойно, и вдругъ несчастье, страшное несчастье стряслось надъ головами. Но въ чемъ оно могло состоять, онъ не зналъ. Прощеніе же не было найдено при обыскѣ? и начальство же убѣдилось тогда еще, что доносъ ложень? что ничего нѣтъ; кто же рѣшился теперъ вторично ябедничать, доносить, писать прошенія?..

— Кто писалъ прошеніе?—грозно обратился онъ съ вопросомъ къ собравшимся къ его квартирѣ унтерамъ.

— Знать не знаемъ! вѣдать не вѣдаемъ!—въ одинъ голосъ отвѣтили тѣ.

Вскорѣ вслѣдъ за графомъ проѣхалъ черезъ село полкъ кавалеріи, направляясь тоже къ штабу, а изъ штаба прилетѣлъ ординарецъ графа съ приказомъ, чтобы все начальство немедленно явилось въ штабъ и доставило бы туда подъ конвоемъ всѣхъ подписавшихся подъ прошеніемъ.

— Но кто же подписался?—воскликнулъ Фригинъ.

Положеніе его было затруднительное. Не знать этого было нельзя, это значило бы не исполнить приказанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ узнать виновныхъ? Онъ потерялъ голову и бѣгалъ по селу съ растеряннымъ видомъ, дѣлалъ всевозможныя распоряженія и отмѣнялъ ихъ. Какъ на зло въ это время и Писаревъ уѣхалъ въ отпускъ, и никто не могъ его поддержать и посовѣтывать, что дѣлать!

— Построиться! — неожиданно скомандовалъ онъ, — всѣмъ построиться на плацу!

— Братцы, — обратился онъ къ каре, окружившему его, — братцы, кто писалъ прошеніе или подписывался, шагъ впередъ!

Но никто не трогался съ мѣста. Глубокая тишина царила кругомъ. Тяжелый камень лежалъ у всѣхъ на душѣ: каждаго мучилъ вопросъ: что дѣлать? какъ быть?

— Братцы! — прервалъ тишину Фригинъ, — вы сдѣлали, а я въ отвѣтъ, пожалѣйте хоть шкуру мою, ни въ чемъ неповинную; выдайте измѣнниковъ, ихъ нечего жалѣть, укажите кто, кто рѣшился ябедничать!..

Но всѣ молчали. Понурия голову стояли вокругъ него четыре капрала, шеренга унтеровъ и цѣлая рота, а по дорогѣ взадъ и впередъ нетерпѣливо прохаживался графскій ординарецъ въ ожиданіи исполненія приказанія.

— У меня семья, у меня дѣтки малыя, — молилъ Фригинъ. — Не погубите, укажите кто, легче будетъ. Графъ шутить не любить. Выдайте измѣнниковъ...

Но здѣсь произошло нѣчто необыкновенное. Все каре, а за нимъ будто въ отвѣтъ ему вся шеренга унтеровъ сдѣлали дружный шагъ впередъ и все точно замерло.

— Всѣ! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Фригинъ.

— Всѣ!—отвѣтили унтера и стало опять тихо кругомъ.

— Отчего мнѣ не сказали, отчего не сказали!—воскликнулъ Фригинъ и скомандовалъ оборотъ.

— Что же дѣлать теперь? Что дѣлать?!. Боже! Какъ исполнить приказъ? Идти надо всѣмъ; идти; въ міру и смерть красна. Мнѣ-то, мнѣ-то каково? всѣхъ вести! Страмъ, страмъ!.. Ну, что Богъ дастъ,—добавилъ онъ, помолчавъ.—Не бабы мы, а солдаты. Не ко врагу идемъ, а по приказу начальства. Помолимся, помолимся и въ путь,—рѣшилъ онъ, и снялъ шапку.—Его святая воля во всемъ, Его пути неисповѣдимы...

За нимъ дружно сняла шапки и толпа и съ минуту всѣ горячо молились.

— Ну, будь, что будетъ, съ Богомъ!—воскликнулъ Фригинъ и скомандовалъ оборотъ.

Черезъ нѣкоторое время рота, предводительствуемая имъ, вышла изъ села. За длинной вереницей людей бѣжали ребяташки и бабы, которыя вѣшались на шею солдатамъ и громко голосили. Все село опустѣло, кто могъ только идти, шелъ туда, а немногіе, кто не могъ, рыдали, глядя вслѣдъ удаляющимся...

Въ штабѣ началась расправа...

XI.

Три недѣли продолжалась экзекуція и всѣ эти три недѣли графъ пробылъ въ штабѣ.

Всѣ лазареты были наполненными больными, а выздоравливающихъ тащили снова на плацъ, чтобы опять наказывать.

— Меня Богъ накажетъ, если я не взыщу,—говорилъ Аракчеевъ.—Онъ меня карать будетъ за то, что я дѣтей распустилъ, а я отецъ вамъ; на мнѣ отвѣтъ.

Начальство въ большинствѣ случаевъ тоже поплатилось: однихъ разжаловали, у другихъ отняли командованіе, третьихъ посадили на гауптвахту. Цѣлая партія осужденныхъ ушла въ Сибирь.

Плачь и стонъ стоялъ по побережью. Рыдали по умершимъ подъ розгами и шплицъ-рутенами, уныло звонилъ колоколь въ церкви. Въ село ввозили и вносили на носилкахъ больныхъ и умирающихъ и родные и домашніе разбирали своихъ. Полевая работа прекратилась, несмотря на то, что сѣно давно поспѣло и по ту сторону рѣки сѣнокосъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Но вотъ видимо и самъ графъ Аракчеевъ утомился. Больной и разбитый, понуря голову и не сказавъ никому ни слова, неожиданно для всѣхъ, выѣхалъ онъ изъ штаба, направляясь къ себѣ въ село Грузино. Онъ походилъ на человѣка проигравшаго сраженіе, и онъ его дѣйствительно проигралъ.

Сосланные въ Сибирь неожиданно для всѣхъ были по высочайшему повелѣнію возвращены, а неудовольствіе существующими порядками стало теперъ выростать весьма уже открыто.

Всякій сознавалъ, что болѣе терять нечего. Розгами не испугаешь, ихъ испытали довольно, Сибирь была не страшна; а всякаго рода взысканія въ родѣ ареста являлись даже пріятнымъ отдохновеніемъ вмѣсто трудового дня.

Время шло, но жизнь никакъ не могла взойти въ колею. Наконецъ, безпорядки въ Ильинъ день 20-го іюля 1831 года разъ навсегда прекратили попытки начальства вернуться къ старому.

Наступили жары, а съ ними явилась холера. Тамъ и тутъ скоропостижно начали умирать люди въ ужасныхъ корчахъ. Это еще больше усилило начинавшееся движеніе, подлило масла въ огонь, и почва для открытаго бунта созрѣла. Санитарныя мѣры, предписываемыя наѣхавшими изъ Петербурга докторами, на зло начальству, не исполнялись.

— Господа тѣшатся,—роптала толпа въ отвѣтъ на всѣ мѣры строгости начальства, приказанія не ѣсть овощи, ни пить воду изъ рѣки и такъ далѣе.

— Тутъ смерть, а имъ шутки,—говорили одни.

— Пить не даютъ, ѣсть не даютъ, а работать заставляютъ,—говорили другіе.—Какъ тутъ холерѣ не быть. Это наказаніе Божіе за грѣхи, а съ Богомъ не совладаешь.

— Умереть-то человѣку не дадутъ,—говорили въ другомъ мѣстѣ.—Вся-то холера отъ нихъ, отъ этихъ господъ, отъ докторовъ, отъ начальства,—рѣшала толпа, и, собираясь то тамъ, то тутъ, шумѣла и галдѣла.

А вмѣстѣ съ тѣмъ гробъ за гробомъ то и дѣло подвозился къ церкви, а на плацу безпрестанно наказывали розгами виновныхъ въ нарушеніи порядка и санитарныхъ мѣръ.

— Кровопійцы!—открыто выражало свой протестъ населеніе за нѣсколько дней до Ильина дня,—не умрешь отъ холеры, засѣкутъ. Придетъ вотъ Илья,—твердили всѣ въ одинъ голосъ,—онъ накажетъ, онъ заступится.

И всѣ почему-то суевѣрно ждали этого дня. Во всѣхъ жило убѣжденіе, что въ этотъ день будетъ конецъ всему и къ этому дню терпѣніе дѣйствительно у всѣхъ лопнуло.

Съ раняго утра жара стояла небывалая. Но тѣмъ не менѣе, приказано было, не обращая вниманія на праздникъ, выходить на работу. Рожь уже созрѣла и кое-гдѣ начала даже перезрѣвать и всякій, вполнѣ понимая дѣйствительную необходимость работать на этотъ разъ въ праздникъ, все-таки шелъ возбужденный, съ открытымъ протестомъ на устахъ, будто дѣлалъ этимъ послѣднюю уступку начальству. Но работать подъ палящими лучами солнца

было невыносимо, нѣкоторые ложились и здѣсь же на лугу заболѣвали холерой.

Послѣ полудня вдругъ раздались грозные раскаты грома, на горизонтѣ показалась черная туча и капралы заторопили съ работою.

Фригинъ, почти въ одномъ бѣльѣ, сидѣлъ тутъ же, направляя дѣло. Ему раскинули палатку и онъ, попивая квасокъ и обливаясь потомъ, покрикивалъ и бранился.

Вдругъ неизвѣстно откуда разнесся слухъ, что всѣхъ требуютъ въ штабъ. Зачѣмъ требуютъ, почему требуютъ, и откуда взялся этотъ слухъ, всѣ эти вопросы трудно опредѣлить и теперь, а тогда-то ихъ никто не задавалъ себѣ и многіе побросали работу. Другіе, продолжая ее, недоумѣвали, идти или не идти и вопросительно поглядывали на начальство, необращавшее ровно никакого вниманія на распространившійся слухъ. Унтера же тщетно пытались возстановить порядокъ.

Раскаты грома между тѣмъ увеличивались, черная туча зловѣще надвигалась и закрыла солнце. То сердился Илья пророкъ, что его день не праздновали.

Съ противоположной стороны штаба показался дымокъ, который привлекъ всеобщее вниманіе.

— Пожаръ!—раздалось въ толпѣ.

— Пускай горить.

— Поршкі горятъ,—послышались голоса.

— Поршкінскіе стога горятъ,—злорадно захохотала толпа,—туда имъ и дорога.

— Вотъ тѣ и сѣнокосъ,—острили въ толпѣ, глядя на густые столбы дыма и огня, поднимавшіеся до небесъ.—Косили, косили!..

XII.

Волненіе дружно охватило все побережье. Толпа людей шла отъ самой Сосники и Грүзина по направленію къ штабу. Въ Крупичнѣ къ ней присоединились почти всѣ обыватели и шествіе продолжалось до Поршпекъ, гдѣ начались поджоги. Спасать что-либо отъ огня никто и не думалъ.

— Пускай пропадаетъ все прахомъ!—кричали голоса.

Изъ связей выползали старики съ грудными младенцами на рукахъ, бабы, и всѣ присоединялись къ толпѣ и всѣ шли въ штабъ. Воздухъ оглашался проклятіями, угрозами, крикомъ, руганью...

Въ Высокомъ толпа остановилась. Раздался церковный набатъ.

— Въ штабъ требуютъ! въ штабъ идемъ!—кричали голоса бѣгущихъ съ полей и всѣ бѣжали и присоединялись къ толпѣ, видя въ ней теперь свое спасеніе.

Въ концѣ села запылали связи.

Фригинъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на все происходившее, но, наконецъ, тревожно вскочилъ, точно понявъ что-то, и бросился останавливать своихъ людей. Онъ командовалъ, кричалъ унтеровъ, но его никто уже не слушалъ, не замѣчалъ.

Одно капральство Алфимова лишь было еще около него. Алфимовъ одинъ силился за одно съ нимъ остановить движеніе и нѣкоторые поколебались и стали ему помогать, но тутъ произошла кровавая свалка.

Вдругъ сбоку на Алфимова наскочилъ Лукинъ и началъ душить его. Тотъ такъ растерялся, что въ первую минуту не успѣлъ даже оборониться; однако, собравшись съ силами, вырвался изъ его рукъ и самъ вцѣпился въ него. Крѣпко обнявшись, они оба покатались по травѣ.

Роли перемѣнились; Алфимовъ сѣлъ на Лукина и душилъ его. Это былъ смертельный бой двухъ враговъ. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ уничтожить другого или погибнуть самъ. Но вотъ Лукинъ захрипѣлъ, сильныя руки Алфимова какъ желѣзныя обручи обхватили его горло; свѣтъ померкъ въ его глазахъ; еще одно усиліе освирѣпѣвшаго врага и конецъ... но въ эту минуту къ борющимся подбѣжала Анна. Волосы ея растрепались, грудь высоко вздымалась, глаза горѣли особеннымъ блескомъ; не раздумывая долго, схватила она косу, высоко взмахнула ее и опустила надъ головой капрала.

Кровь брызнула струей изъ темени Алфимова и онъ, слабо простонавъ, растянулся безъ движенія. Толпа одобрительно загоготала, дикій смѣхъ вырвался изъ груди Анны, смѣхъ, въ которомъ слышалось искупленіе поруганной чести женщины, совершившееся мщеніе, побѣда надъ врагомъ. Крѣпко взялись они руками съ Лукинымъ и влились въ движущуюся толпу.

А толпа шла все впередъ. Въ домѣ Писарева ломали двери и окна, онъ самъ безпомощно молилъ о пощадѣ. Но вотъ съ шумомъ отворилась балконная дверь и, при хохотѣ и остротахъ толпы, его худое длинное тѣло высоко взвилось въ воздухъ и, перевернувшись, ударилось плашмя о землю.

Онъ былъ уже мертвъ, но толпа этимъ не удовольствовалась.

— Собакѣ собачья смерть, жги берлогу антихриста!—кричали голоса и черезъ минуту все зданіе, подожженное съ нѣсколькихъ сторонъ, запылало.

Толпа двинулась дальше, ломая за собой мосты, рубя деревья, портя полотно шоссе... Тучи заволокли все небо, было почти темно, непереставая сверкала молнія и одинъ ударъ грома слѣдовалъ за другимъ. Но и гроза, и ливень, какъ изъ ведра, лишь разжигали страсти; все побережье стекалось къ штабу и тамъ чинилась кро-

вавая, безопадна расправа, тамъ происходилъ цѣлый адъ всю ночь и почти до слѣдующаго дня!..

Лишь къ утру появились вооруженныя команды и выстрѣлами изъ пушекъ принялись усмирять разбушевавшуюся толпу. Это былъ послѣдній день существованія военныхъ поселеній.

Дальнѣйшія событія носятъ въ разсказѣ Анны Петровой какой-то отрывочный характеръ.

— Дальше разсказывать нечего,—говоритъ она,—было мнѣ тогда двадцать-четыре года, а двадцати-шести я замужъ за Лукина вышла, только не здѣсь, а въ Сибири. Тамъ насъ въ тюрьмѣ и повѣнчали... и при этомъ воспоминаніи взглядъ ея дышетъ особенной любовью къ героямъ прошлаго и на сморщенномъ лицѣ появляется румянецъ.

— Однако, чтѣ же было послѣ этой ночи? послѣ бунта?

— Извѣстно, кнутъ, острогъ, потомъ заклеили въ лобъ и въ щеку мужиковъ, бабъ не клеймили; натерли клейма порохомъ и двинулись мы всѣ «мѣченныя» въ Сибирь. За то весело ѣхать было! Впереди шла партія скованныхъ картожниковъ, тамъ и Лукинъ мой былъ, одинъ онъ у меня остался изъ родственниковъ; какъ батюшку въ штабъ засѣкли, такъ и матушка вскорѣ померла. А сзади все подводы и подводы безъ конца. Да и въ жизни этой какъ будто отдохнули, одумались... Да, вотъ привелъ Господь Богъ и вернулись. Добрые вотъ люди пристроили и хату-то выстроили. Мужъ-то не вернулся, тамъ въ каторгѣ и похоронили. А я вотъ живу пока Богъ грѣхамъ терпитъ,—будто оправдываюсь, говоритъ она,—дожидаюсь пока свидимся тамъ...

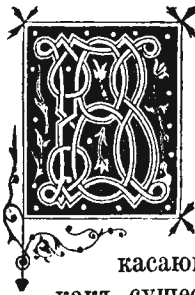
Ея серебристая сѣдая голова безпомощно опускается на грудь и она задумывается, точно засыпаетъ...

Д. Карышевъ.

КЪ БІОГРАФІИ САНДУНОВЫХЪ.

ВЪ СЕНТЯБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана статья г. Сиротинина подъ заглавіемъ «Сандуновы. Очеркъ изъ исторіи русскаго театра». Авторъ пользовался для своего очерка исключительно печатными матеріалами; между тѣмъ, въ архивѣ театральной дирекціи сохранилось нѣсколько любопытныхъ и неизвѣстныхъ свѣдѣній, касающихся Сандуновыхъ, которыя я и сообщаю здѣсь, какъ существенное дополненіе къ статьѣ г. Сиротинина.

Въ половинѣ февраля 1810 года, въ Москвѣ былъ объявленъ бенефисъ Силы Николаевича Сандунова, талантливаго и заслуженнаго актера, мужа знаменитой пѣвицы, Елисаветы Семеновны Сандуновой. Въ бенефисный спектакль, назначенный на 17-е февраля, предполагено было дать драму «Клагомира» и оперу «Гостиной дворъ». Бенефициантъ усердно готовился къ этому представленію, готовились къ нему и другіе артисты, долженствовашіе принять въ немъ участіе, и въ числѣ прочихъ актеръ Кондаковъ, занимавшій въ «Клагомирѣ» одну изъ главныхъ ролей. Вдругъ, за день или за два до спектакля, тяжело заболѣла жена Кондакова и вслѣдъ за тѣмъ, въ самый день представленія, умерла. Кондаковъ, конечно, не могъ играть въ этотъ день. Тѣмъ не менѣе, анонса объ отмѣнѣ спектакля сдѣлать было некогда, и вечеромъ театръ у Арбатскихъ воротъ началъ наполняться публикою. Театральное начальство (членъ репертуарной части А. В. Арсеньевъ и хозяйственной А. Сухопруд-

скій) было въ затрудненіи, точно также какъ и бенефициантъ: — «Кладомира» безъ Кондакова идти не могла, такъ какъ замѣнить его было не кѣмъ, а между тѣмъ публика уже собралась, и приходилось поднимать занавѣсъ. Начать же прямо со второй пьесы — значило обмануть ожиданіе зрителей, которымъ былъ обѣщанъ спектакль не изъ одной, а изъ двухъ пьесъ. Наконецъ, по общему совѣту, было рѣшено замѣнить «Кладомиру» другой драмой, о чемъ и долженъ былъ возвѣстить публикѣ актеръ Зловъ, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, было поручено «объяснить сію перемѣну и причину оной». Исполняя приказаніе начальства, Зловъ вышелъ къ рампѣ и объявилъ о перемѣнѣ спектакля. Объяснить же причину «оной перемѣны» онъ не успѣлъ, такъ какъ въ публикѣ послышалось шиканье и свистъ, и онъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться. Такой приступъ ничего хорошаго, конечно, не обѣщаль и Сандуновъ былъ въ отчаяніи. Но дѣлать было нечего, приходилось начинать, хотя бы и въ ожиданіи афронта. Однако, когда занавѣсъ поднялся, свистки не повторились... Бенефициантъ успокоился и приготовился къ выходу на сцену. Но, увы! Это было затишье передъ бурей: только-что Сандуновъ появился передъ публикой и произнесъ первыя слова своей роли, какъ зрительная зала огласилась неистовыми свистками и шиканьемъ. Продолжать роль оказалось невозможнымъ: не было слышно ни одного слова. Сандуновъ остановился и ждалъ. Когда, наконецъ, шумъ прекратился, онъ приблизился къ рампѣ и началъ говорить, но не роль, а рѣчь къ зрителямъ... Мы не можемъ, къ сожалѣнію, дословно возстановить то, что говорилъ Сандуновъ:—его рѣчь записана не была. Что касается содержанія этого обращенія къ публикѣ, то вотъ какимъ образомъ излагаетъ его очевидецъ происшествія А. Сухопрудскій въ донесеніи конторѣ дирекціи театровъ отъ 21-го февраля 1810 г. — «Онъ (Сандуновъ)—пишетъ Сухопрудскій,—подошедъ къ оркестру, объяснилъ, что ни двадцатисемилѣтняя служба его на театрѣ, гдѣ онъ отъ публики принимаемъ былъ всегда со знаками благоволенія, ни перемѣна спектакля, ни мало не зависѣвшая отъ него; не заслуживала того пораженія, которое онъ неожиданно встрѣтилъ; что сей ударъ, конечно, не можетъ онъ принять слѣдствіемъ общаго мнѣнія публики, но нѣсколькихъ, можетъ быть, неблагоприятныхъ къ нему людей, и что, впрочемъ, сіе происшествіе заставляетъ его съ женою оставить театръ и служеніе на ономъ; что, наконецъ, сіе изъясненіе его не есть чувство раздраженнаго чело-вѣка, но оправданіе».

Когда Сандуновъ смолкъ, въ театрѣ раздался взрывъ аплодисментовъ, и дружные крики «Браво, Сандуновъ! Браво!» нѣсколько минутъ оглашали зрительную залу. Затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Сандуновъ продолжалъ свою роль, «бывъ въ оной нѣсколько разъ аплодируемъ», и спектакль кончился вполне благополучно.

Начальство, однако, было недовольно, какъ тѣмъ, что Сандунову удалось успокоить публику безъ его содѣйствія, такъ и самымъ спектаклемъ, въ которомъ была нарушена «благопристойность и подобающая казенному мѣсту тишина». Виновниковъ безпорядка Сухопрудскій и Арсеньевъ рѣшили розыскать и съ этою цѣлью обратились къ московскому оберъ-полиціймейстеру Ивашкину и полиціймейстеру Волкову, прося ихъ открыть свистуновъ и принять мѣры, «посредствомъ коихъ могъ бы быть императорскій театръ обезпеченъ отъ подобныхъ происшествій». Сдѣлавъ это и сочинивъ донесеніе обо всемъ петербургскому начальству, Сухопрудскій и Арсеньевъ полагали, что дѣло кончено. Что касается заявленія, сдѣланнаго Сандуновымъ передъ публикою, о намѣреніи вмѣстѣ съ женою оставить сцену, то ему не думали придавать какого-либо значенія, полагая, что это была минутная вспышка оскорбленнаго самолюбія. Но это было не такъ. Сандуновъ не отказывался отъ своего намѣренія, и еще ранѣе, чѣмъ донесеніе конторы было сдано на почту, 21-го февраля, на четвертый день послѣ злополучнаго спектакля, подалъ отъ себя и отъ имени жены въ контору московскаго театра прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что какъ онъ, такъ и его жена, «чувствуя слабость силъ, не могутъ болѣе оставаться на службѣ при театрахъ», и просилъ «всѣ имѣющіяся у нихъ изъ пьесъ игранныя ими роли приказать, кому заблагоразсуждено будетъ, отъ нихъ принять» и его, Сандунова, равно какъ и жену его, «актерами болѣе не числить». При этомъ Сандуновъ предлагалъ конторѣ сдѣлать съ нимъ расчетъ въ слѣдовавшихъ ему съ женою деньгахъ «за бытность при театрѣ», и добавить ему остающуюся сумму «къ числу денегъ, заплаченныхъ уже конторою за наемъ у него актерами и актрисами дома».

Принявъ это прошеніе и не рѣшаясь предпринять что-либо самостоятелно, московская контора препроводила его, одновременно съ своимъ рапортомъ о происшествіи въ театрѣ 17-го февраля, въ С.-Петербургъ, къ главному директору театровъ А. Л. Нарышкину. Въ отвѣтъ на это, черезъ двѣ недѣли было получено отъ главнаго директора «предложеніе», въ которомъ московской конторѣ было сдѣлано замѣчаніе, что «прошеніе отъ Сандуновыхъ къ рѣшительному отпуску принимать ей не слѣдовало», такъ какъ, по существовавшему тогда правилу, прошенія объ увольненіи отъ службы при театрахъ принимались только по истеченіи шестимѣсячнаго срока со дня предварительнаго заявленія объ этомъ. На этомъ основаніи московской конторѣ предписывалось «объявить Сандуновымъ, что до сего времени (т. е. ранѣе 6 мѣсяцевъ) уволены они быть не могутъ». Кромѣ того, директоръ приказалъ: «актеру Сандунову, призвавъ его въ контору, сдѣлать выговоръ, что ему отнюдь не надо было объясняться со сцены съ публикой, тѣмъ болѣе съ выраженіемъ (хотя оно было и общее) о «неблагорасположеніи

къ нему нѣкоторыхъ людей». «За оскорбленіе себя — поясняется въ «предложеніи» — долженъ онъ былъ искать защиты въ присутствіи своего начальства».

Сухопрудскій и Арсеньевъ, конечно, позвали Сандунова въ контору или, какъ тогда называли, «въ присутствіе» и, объявивъ ему рѣшеніе дирекціи, сдѣлали выговоръ. Этого Сандуновъ уже не выдержалъ: онъ наговорилъ дерзостей начальству и, придя домой, написалъ новое прошеніе (на этотъ разъ уже прямо въ дирекцію), въ которомъ настаивалъ на увольненіи его самого и жены изъ службы тотчасъ же, безъ всякаго срока. «Должны мы изъяснить, въ разсужденіи предположенія его высокопревосходительства (Нарышкина) о шестимѣсячномъ срокѣ, — писалъ онъ, — по которому якобы приневоливаемся мы пробить при московскомъ театрѣ въ продолженіе полугода, — что мы, принимаясь къ театру по доброй нашей волѣ, безъ всякихъ условій и обязательствъ, кромѣ дѣла, до представленій театральныхъ касающагося, никакихъ сроковъ къ бытности нашей при театрѣ не назначали и подпискою о шестимѣсячномъ срокѣ никакою не обязывались, а что паче всего, не были даже о семъ, по изъявленію его высокопревосходительства, общемъ правилѣ предъизвѣщены отъ дирекціи, а потому и не можемъ безъ крайняго стѣсненія нашего подвержены быть таковому принужденію, въ противность существующихъ законовъ, ограждающихъ свободу всякаго вѣрноподданнаго, не обвиняемаго ни въ какихъ преступленіяхъ».

Это прошеніе не застало А. Л. Нарышкина въ Петербургѣ. Онъ въ это время уѣхалъ въ Москву. Здѣсь Сандуновъ, увидавшись съ директоромъ, измѣнилъ своему намѣренію вовсе оставить сцену и просилъ о переводѣ его съ женой на службу въ петербургскій театръ, хотя бы и послѣ законнаго шестимѣсячнаго срока, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого времени ему не выступать передъ московской публикой. Начальство согласилось на это, и дѣло такимъ образомъ можно было считать оконченнымъ къ общему удовольствію. Вскорѣ затѣмъ А. Л. Нарышкинъ уѣхалъ въ Петербургъ, и вдругъ, неожиданно все снова приняло оборотъ, неблагопріятный для Сандунова. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ директоръ нашелъ у себя приведенное выше прошеніе Сандунова и, признавъ его «наполненнымъ неприличными выраженіями», разсердился и рѣшилъ наказать дерзкаго актера. Вслѣдствіе этого, онъ взялъ назадъ свое согласіе на то, чтобы Сандуновы въ теченіе шести мѣсяцевъ не выходили на сцену въ Москвѣ и предписалъ московской конторѣ, чтобы Сандуновы непременно «были при театрѣ упражнены въ ихъ должности безъ всякаго послабленія». Въ томъ случаѣ, еслибы они выказали нежеланіе повиноваться этому распоряженію, А. Л. Нарышкинъ приказывалъ «посадить ихъ подъ арестъ» и «сдѣлать» ему «о томъ немедленное донесеніе». Такимъ образомъ, дѣло сво-

дилось теперь къ тому, кто кого переупрямитъ. Конечно, актеру, хотя и любимому публикой и заслуженному, было трудно бороться съ человѣкомъ, облеченнымъ такой властью, какъ Нарышкинъ, и несомнѣнно, въ концѣ концовъ его заставили бы сдѣлать угодное начальству. Но Сандуновъ съ этого момента началъ хитрить и, благодаря этому, сдѣлался неуязвимъ. Прежде всего, когда московская контора, по приказанію директора, потребовала его повѣсткою въ контору для объявленія ему послѣдняго предписанія директора, Сандуновъ являлся и даже не одинъ разъ, какъ требовалось, а троекратно, но все раннимъ утромъ, въ то время, когда члены конторы покоились сномъ въ своихъ квартирахъ. При этомъ всякій разъ, приходя въ «присутствіе», онъ оставлялъ записку съ увѣдомленіемъ, что былъ... Члены конторы не знали что дѣлать. Они бы рады были пожертвовать сномъ и придти въ присутствіе раньше обыкновеннаго, но и это не вело ни къ чему, такъ какъ Сандуновъ не предупреждалъ, когда онъ придетъ, и могъ совѣмъ не явиться. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, рѣшили послать Сандунову вторую повѣстку, съ назначеніемъ часа, въ который онъ долженъ былъ придти въ контору. Но и это ни къ чему не повело. Сандуновъ, получивъ повѣстку, написалъ на ней слѣдующій отзывъ: «Трижды будучи въ конторѣ и не заставъ членовъ оной, на сей разъ явиться не могу за болѣзнію, и бывъ отъ доктора обложенъ шпанскою мухою, а на боку пластыремъ». Контора этимъ, однако, не удовлетворилась и послала къ больному служившаго тогда «по репертуарной части» штабсъ-капитана Стрекалова и театральнаго штабсъ-лекаря Смольянскаго съ приказаніемъ удостовѣриться: дѣйствительно ли боленъ Сандуновъ и не можетъ явиться въ контору. Одновременно съ тѣмъ Смольянскому было поручено освѣдомиться относительно состоянія здоровья и Елисаветы Семеновны Сандуновой, такъ какъ мужъ ея, въ своемъ отзывѣ на повѣсткѣ конторы, о ней не упоминалъ. По осмотрѣ оказалось, что С. Н. Сандуновъ страдалъ «спазмами ниже реберъ съ лѣвой стороны», а жена его — весьма распространенною среди пѣвицъ болѣзнію — простудою горла. Такимъ образомъ, вызвать въ контору Сандуновыхъ оказалось невозможнымъ и Сухопрудскій съ Арсеньевымъ рѣшили объявить имъ «предложеніе» директора на дому, пославъ къ нимъ съ этою цѣлью того же штабсъ-капитана по репертуарной части Стрекалова «обще» съ секретаремъ конторы. Въ то же время штабсъ-лекарю было велѣно «имѣть наблюденіе и, какъ скоро болѣзнь Сандуновыхъ прекратится, тотчасъ конторѣ донести, чтобы управляющій репертуарной частью могъ принять мѣры, дабы «употребить ихъ въ занятія по должности ихъ»... Но этого не случилось. Сандуновы проболѣли все оставшееся время до истеченія законнаго срока, т. е. болѣе трехъ мѣсяцевъ, не смотря на постоянныя настойчивыя требованія Нарышкина «упражнить

ихъ въ ихъ должности». Со времени полученія въ Москвѣ перваго грознаго предписанія директора, т. е. съ половины мая ихъ подвергали постояннымъ медицинскимъ осмотрамъ и каждый разъ послѣ этого начальство принуждено было рапортовать о безуспѣшности своихъ преслѣдованій: соглядатаи неизмѣнно находили Сандунова «лежащаго въ постели, въ видѣ человѣка совершенно нездороваго», а Сандунову «съ обвязаннымъ горломъ, жалующуюся простудою». (Донесеніе отъ 6-го іюня).

Получая рапорты объ этомъ, А. Л. Нарышкинъ выходилъ изъ себя, но подѣлать ничего не могъ. Ему оставалось только дожидаться пока больные поправятся и тогда показать надъ ними свою власть, заставивъ выйти на сцену. Но время шло, а Сандуновы не поправлялись; наоборотъ, состояніе ихъ здоровья все ухудшалось. Въ концѣ іюня они заболѣли уже болѣе серьезно. По крайней мѣрѣ, штабъ-лекаръ Смольянскій, посѣтившій ихъ, донесъ, что «господинъ Сандуновъ отъ застарѣвшаго ревматизма боль сильную лѣвой ноги чувствуетъ», а г-жа Сандунова «отъ продолжительности нервическихъ болѣзней больна разслабленіемъ всего тѣла». (Донесеніе 26-го іюня).

Въ томъ же состояніи здоровья засталъ Сандуновыхъ и августъ мѣсяць. До истеченія законнаго срока оставалось всего три недѣли. Наконецъ и онъ былъ на исходѣ: оставалось всего три дня. Тогда Московская контора рапортовала Нарышкину, что срокъ ¹⁾, назначенный для увольненія Сандуновыхъ, кончается, и просила дальнѣйшихъ приказаній. Въ отвѣтъ на это, предписаніемъ отъ 3-го сентября, т. е. черезъ двѣ недѣли по минованіи срока, директоръ приказалъ: «уволить Сандуновыхъ изъ вѣдѣнія московской театральнoй конторы и отъ должности», что, конечно, и было исполнено. Такъ Нарышкину и не удалось «упражнить» упрямыхъ артистовъ въ ихъ «должности». Чѣмъ разрѣшилось все это—мы не имѣемъ никакихъ указаній. Извѣстно, что еще много лѣтъ послѣ того Елисавета Семеновна Сандунова служила украшеніемъ русскаго театра. Въ послѣдній разъ она появилась на сценѣ 5-го февраля 1823 года въ Петербургѣ, куда перешла служить еще въ 1813 году, послѣ московскаго погрома.

Что касается вопроса о томъ, сколько времени она была въ отставкѣ, послѣ увольненія въ 1810 году, то объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ изъ ея біографовъ. Изъ разсказа объ одномъ изъ спектаклей въ Москвѣ на Арбатскомъ театрѣ въ 1812 году, сообщаемого П. Н. Араповымъ въ его «Драматическомъ Альбомѣ» (Москва 1850 г.), видно, что Е. С. Сандунова была въ этомъ году на

¹⁾ Срокъ кончался 21-го августа, такъ какъ за предварительное заявленіе о нежеланіи продолжать службу было принято прошеніе С. Н. Сандунова, поданное имъ въ Московскую контору 21-го февраля того же года.

Московской сценѣ. Но былъ ли вмѣстѣ съ нею на службѣ ея мужъ—мы не знаемъ. Одинъ изъ біографовъ Елисаветы Семеновны, Р. М. Зотовъ говоритъ, что «въ домашнемъ быту своемъ она не была счастлива» и что мужъ ея «въ припадкахъ разгульной жизни» употреблялъ съ нею «древнія русскія ухватки»... Тотъ же біографъ утверждаетъ, что Сандунова «черезъ пятнадцать лѣтъ самой бурной супружеской жизни была брошена своимъ невѣрнымъ мужемъ»¹⁾. Не возражая ничего противъ самаго факта, о которомъ сообщаетъ Р. М. Зотовъ, необходимо, тѣмъ не менѣе, сдѣлать хронологическую поправку. Е. С. Уранова, какъ извѣстно, была обвѣнчана съ С. Н. Сандуновымъ въ 1791 году. Исторію этой свадьбы, состоявшейся благодаря императрицѣ Екатеринѣ, повторяютъ всѣ біографы Сандуновой, и здѣсь приводятъ ее нѣтъ надобности. Такимъ образомъ, если отсчитать съ 1791 года пятнадцать лѣтъ, которыя, по словамъ Р. М. Зотова, Елисавета Семеновна жила съ мужемъ, то окажется, что она разошлась съ нимъ около 1806 года; между тѣмъ, изъ документовъ, приведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ, видно, что Сандуновы жили вмѣстѣ въ Москвѣ еще въ 1810 году. Когда Сила Николаевичъ Сандуновъ бросилъ свою жену, съ точностью сказать нельзя. Можно лишь предположить, что это случилось ранѣе перехода Елисаветы Семеновны на Петербургскую сцену, состоявшагося въ 1813 году, такъ какъ въ это время ея мужа въ Петербургѣ на службѣ дирекціи не было.

Цѣлью настоящаго очерка было рассказать, на основаніи документовъ, эпизодъ изъ службы Сандуновыхъ на казенной сценѣ, до сего времени не приведенный ни однимъ изъ біографовъ знаменитой пѣвицы и совершенно обойденный историками нашего театра, не смотря на то, что этотъ случай весьма рельефно обрисовываетъ условія службы на казенныхъ сценахъ въ началѣ нынѣшняго вѣка и тѣ отношенія, которыя сложились къ тому времени между театральнымъ начальствомъ и актерами. Писать біографію Сандуновой или ея мужа, точно также какъ и дѣлать оцѣнку ихъ сценической дѣятельности—не входитъ въ кругъ нашей задачи, и мы могли бы ограничиться вышеприведеннымъ эпизодомъ, если бы въ нашихъ рукахъ не было еще нѣкоторыхъ документовъ, касающихся дальнѣйшей службы Е. С. Сандуновой уже въ Петербургѣ, при вице-директорѣ театровъ князѣ П. И. Тюфякинѣ. Эти документы, остававшіеся до сихъ поръ неизвѣстными, всѣ относятся къ 1819 году.

Со времени перехода своего на Петербургскую сцену въ 1813 году, Елисавета Семеновна, не смотря на то, что была уже не молодая, продолжала блистать до 1823 года. Оперный репертуаръ ея,

¹⁾ «Репертуаръ русскаго и Пантеонъ всѣхъ Европейскихъ театровъ», 1842 г., кн. XII, «Біографія актрисы Сандуновой» Р. Зотова.

по словамъ Р. М. Зотова (на основаніи признанія самой артистки), состоялъ изъ 232 ролей и партій. Вѣнцомъ же ея славы была «Весталка», «лирическая трагедія»¹⁾, поставленная въ первый разъ на русской сценѣ въ Петербургѣ 6-го апрѣля 1814 года²⁾. Судя по отзыву того же Р. М. Зотова, «Весталка» шла тогда превосходно. «Зрители,—говоритъ онъ,—проливали слезы въ третьемъ актѣ, когда Делія³⁾ (Сандунова) просталась съ своими подругами и со свѣтомъ, а во второмъ актѣ, когда она падала въ обморокъ воскликнуть: «онъ будетъ живъ!»—холодная дрожь пробѣгала по жиламъ каждаго зрителя. Являлся первосвященникъ (пѣвецъ Зловъ), и допросъ его заставлялъ трепетать. Долго она молчитъ, скрываетъ свою роковую тайну, но, наконецъ, страсть преодолеваетъ все, и она объявляетъ, что любитъ. Это ея смертный приговоръ»⁴⁾ и т. д.

Приведенный отрывокъ, характеризующій впечатлѣніе, произведенное «Весталкой» даже на такого знатока сценическаго искусства, какимъ былъ Р. М. Зотовъ, заставляетъ предполагать, что это было произведеніе дѣйствительно выдѣлявшееся по своимъ достоинствамъ во всемъ тогдашнемъ оперномъ репертуарѣ. Сандунова, судя по всѣмъ современнымъ отзывамъ, была въ «Весталкѣ» необыкновенно хороша. Она, какъ мы видѣли, занимала въ ней главную роль (весталки). Эту роль черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ постановки «Весталки» она должна была уступить своей соперницѣ Нимфодорѣ Семеновнѣ Семеновой, взявъ себѣ въ той же оперѣ незначительную роль «главной жрицы»,—которая, по мнѣнію театральнаго начальства,—болѣе соответствовала ея преклоннымъ лѣтамъ.

Съ того же приблизительно времени она начала почти исключительно выступать въ роляхъ «благородныхъ матерей» и «комическихъ старухъ» въ операхъ.

Какъ это случилось и что предшествовало появленію Елисаветы Семеновны въ роли «главной жрицы» въ «Весталкѣ»,—можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Въ 1818 году Е. С. Сандунова получала пенсіонъ въ четыре тысячи рублей въ годъ, т. е. въ размѣрѣ полного оклада своего жалованья. На основаніи дополнительныхъ правилъ о пенсіонахъ артистамъ, Елисавета Семеновна должна была прослужить въ дирекціи еще два года со дня полученія пенсіона—«изъ признательности», безъ особеннаго жалованья, «исполняя всѣ прежнія свои обязан-

¹⁾ Такъ она тогда называлась.

²⁾ Ранѣе этого, именно 31-го января 1814 г., «Весталка» была дана въ Петербургѣ нѣмецкими актерами.

³⁾ Почтенный Р. М. Зотовъ ошибается, называя Сандунову въ роли Деліи: весталка, которую играла Елисавета Семеновна, по пьесѣ называется Юлією. Такъ называетъ свою роль въ письмахъ и сама Сандунова.

⁴⁾ «Биографія актрисы Сандуновой» Р. Зотова въ «Пантеонѣ» 1842 г. (Песочнаго), кн. XII.

ности». На этихъ основаніяхъ она и заключила съ дирекціею контрактъ на два года, начиная съ 1-го января 1818 года. Вслѣдъ за тѣмъ, по требованію начальства, она особымъ контрактомъ обязалась «играть первыя роли благородныхъ матерей и комическихъ старухъ» съ полученіемъ за то, сверхъ пенсіона, еще по три тысячи рублей въ годъ.

Какъ отнеслась Е. С. Сандунова къ своимъ новымъ обязанностямъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее повѣствованіе объ этомъ вице-директора князя Тюфякина въ его предложеніи конторѣ театровъ, отъ 4-го марта 1819 года. «Въ продолженіи слишкомъ года,—писалъ Тюфякинъ,—г-жа Сандунова по новому, вмѣненному въ обязанность ей амплуа, почти вовсе употреблена не была, а ежели и играла нѣкоторыя, весьма малозначущія изъ сихъ ролей, то не по требованію дирекціи, но въ спектакляхъ, данныхъ въ пользу артистовъ, по соглашенію ея на то съ бенефициантами.

«Хотя же она отзывается, что будто по силѣ послѣдняго контракта играетъ она въ оперѣ «Ромео и Юлія» ¹⁾ роль Цециліи, однако, по сдѣланной исправкѣ (справкѣ) оказалось, что сія опера была дана въ первый разъ еще 7-го сентября 1817 года,—слѣдовательно роль ея, прежде 1-го января 1818 г. игранная, входитъ уже въ число тѣхъ ролей, которыя она играла по прежнему своему амплуа, за исполненіе коего, оставаясь два года въ службѣ дирекціи, должна довольствоваться однимъ пенсіономъ».

«Въ намѣреніи дать оперу «Весталку» ²⁾ въ надлежащемъ видѣ—разсказываетъ далѣе князь Тюфякинъ—такъ, чтобы, съ одной стороны, она могла принести желаемую пользу дирекціи, а съ другою—по предстоящей надобности пріуготовить и прочихъ пѣвицъ, дабы не могло встрѣтиться остановки въ ходѣ спектакля,—поручалъ я нынѣ члену репертуарной части коллежскому совѣтнику Кокоскину объявить ей, дабы она, по силѣ послѣдняго ея контракта, приняла на себя въ оной оперѣ роль главной жрицы, принадлежащую къ амплуа первыхъ благородныхъ матерей и во всѣхъ краяхъ Европы игранную всегда первыми, извѣстныхъ талантовъ, сюжетами; но, къ моему крайнему удивленію, за всѣми увѣщаніями, г. коллежскимъ совѣтникомъ Кокоскинымъ ей сдѣланными, она отказалась играть сію роль».

Не довольствуясь этимъ, князь Тюфякинъ пригласилъ Сандунову къ себѣ и старался внушить ей, что она «принятіемъ на себя въ «Весталкѣ» роли главной жрицы исполнить единственно одну изъ тѣхъ обязанностей, за которую ежегодно вознаграждается отъ

¹⁾ Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами; муз. Штейбелъта. Текстъ былъ переведенъ съ французскаго А. Гавр. Волковымъ.

²⁾ Князь Тюфякинъ, конечно, имѣлъ въ виду предполагавшееся тогда возобновленіе «Весталки».

дирекціи 3-мя тыс. рублей». Это увѣщаніе тоже не подѣйствовало, и Елисавета Семеновна объявила вице-директору, что предлагаемую ей роль играть не будетъ.

Въ виду такого упорства, Тюфякинъ рѣшилъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. «Находя, что г-жа Сандунова, — писалъ онъ въ контору, — отказалась играть роль, принадлежащую ей по контракту, и тѣмъ самымъ нарушила силу онаго, не остается мнѣ иного, какъ предложить конторѣ, дабы прекращено было съ 4-го генваря 1819 года производство ей, г-жѣ Сандуновой, упомянутыхъ трехъ тысячъ рублей, о чемъ ей и объявить». Въ случаѣ же, еслибы Сандунова отказалась играть роли, «принадлежавшія ей по первому контракту», Тюфякинъ грозилъ приостановить ей выдачу и пенсіона, и поступить съ ней, какъ съ «артистомъ, не исполняющимъ Монаршую волю, въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ его императорскаго величества подписомъ, изображенную».

О такомъ распоряженіи вице-директора контора, разумѣется, не замедлила объявить Сандуновой, и та черезъ три дня отвѣчала на него письмомъ на имя Тюфякина. Это письмо такъ любопытно, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

«Ваше сіятельство! — писала Елисавета Семеновна. — Третьяго дни получила я изъ конторы дирекціи императорскихъ театровъ копію съ предложенія вашего сіятельства, даннаго вами въ 4-й день сего марта мѣсяца, гдѣ изволите, между прочимъ, изъяснить, будто я въ продолженіи слишкомъ года на роли первыхъ благородныхъ матерей и комическихъ старухъ въ операхъ не была употребляема, а играла нѣсколько изъ сихъ ролей въ бенефисы артистовъ. А за то, что я отказалась нынѣ играть въ оперѣ «Весталка» роль главной жрицы въ бенефисѣ актрисы Семеновы меньшей, вы, называя сіе нарушеніемъ съ моей стороны второго контракта моего, приказали конторѣ дирекціи, дабы прекращено было съ 1-го генваря сего года слѣдующее мнѣ жалованье три тысячи рублей. Позвольте, ваше сіятельство, двадцать семь лѣтъ существующей на сценѣ русскаго театра первой пѣвицѣ и актрисѣ, въ воздаяніе отмѣченныхъ талантовъ и долговременной ревностной службы, озаренной высокомонаршими щедротами, представить противу сего мои оправданія.

«Вы сами, князь, признаетесь въ вашемъ предписаніи, что болѣе года не употребляли меня на первыя роли благородныхъ матерей и комическихъ старухъ. Слѣдственно я не виновата; да и какъ было употреблять, когда и сама дирекція, въ круглый прошедшій годъ поставила одну только новую оперу «Волшебную флейту», въ которой, однакоже, я участвовала въ принадлежащей мнѣ роли Царицы ночи. Въ прочее же время того года играла я въ тринадцати разныхъ, большихъ и малыхъ операхъ, и въ одной 3-хъ актной комедіи. Занятія мои въ нихъ были по праву второго моего контракта. Спектакли сіи, данные въ бенефисы, повторяемы были

по нѣскольку разъ въ пользу дирекціи. Роль жрицы на бенефисѣ актрисы Семеновой не приняла я потому, что въ оперѣ «Весталка» играла я сама и, безъ самолюбія скажу, сотворила въ ней первую роль Юліи. Какъ же взять мнѣ роль вторую и сдѣлать черезъ то себѣ униженіе? Но, за справедливый-то сей отзывъ упало на меня заключеніе вашего сіятельства, якобы я этимъ нарушила вовсе исполненіе второго контракта моего».

«Разсмотрите, ваше сіятельство, съ духомъ благочестія всѣ изъясненныя мною здѣсь обстоятельства, — писала князю Тифякину Сандунова, — и тогда, конечно, сами изволите увидѣть, сколь много я подвержена напрасному оскорбленію. Еслижъ точно угодно вашему сіятельству, чтобы я первыя роли благородныхъ матерей и комическихъ старухъ въ операхъ болѣе на театрѣ не играла, то я контрактъ мой съ сего числа охотно готова разрушить, но только, чтобъ уничтоженіе его произведено было законнымъ образомъ, т. е. сдѣлать размѣнъ экземплярами съ надлежащими на нихъ надписями.

«Мнѣ осталось дослуживать десять мѣсяцевъ, а тогда и сила перваго моего контракта навсегда кончится сама собою. Ожидаю на сіе резолюціи вашего сіятельства».

Но «резолюціи» Тюфякина Сандуновой пришлось ждать довольно долго. Она уже думала, что суровый директоръ предалъ все дѣло забвенію, и отъ времени до времени появлялась на сценѣ, какъ вдругъ черезъ два съ половиною мѣсяца ей было приславо увѣдомленіе изъ конторы о томъ, что директоръ приказалъ ей явиться въ «присутствіе» обмѣняться контрактами. вмѣстѣ съ тѣмъ ей было объявлено, что у нея удержано жалованье за всѣ четыре мѣсяца. Ясно, что такое рѣшеніе крайне огорчило и оскорбило заслуженную артистку, и она, отказавшись явиться лично, написала въ контору «объясненіе», въ которомъ рассказывала все дѣло съ самаго его начала и просила о сохраненіи контракта, находя тѣмъ болѣе неудобнымъ нарушеніе его для себя, что до срока (1-го января 1820 г.) ей оставалось прослужить немного болѣе полугода; одновременно съ тѣмъ она высказывала надежду, что и причитавшееся ей жалованье за четыре мѣсяца удержано не будетъ. Изъ этого «объясненія» оказывается, что Елисавета Семеновна отказывалась играть роль жрицы въ «Весталкѣ» единственно изъ соперничества съ Нимфодорой Семеновой. «За мѣсяць, или еще и болѣе до состоянія перваго предписанія директора, т. е. отъ 4-го марта, — пишетъ она въ своемъ «объясненіи» въ контору, — когда его сіятельство просилъ меня лично играть роль жрицы не въ пользу дирекціи, а въ бенефисъ актрисы Семеновой меньшей¹⁾, я откровенно

¹⁾ Старшая Семенова — знаменитая Екатерина Семеновна — известная трагическая актриса, въ замужествѣ княгиня Гагарина.

отвѣчала ему, что участвовать въ немъ въ угодность ей, Семеновой, мнѣ нельзя, и принять роль жрицы не могу, ибо я сама играла четыре года первую роль «Весталки» Юліи, и по праву перваго моего контракта обязана ее играть всегда. Какъ же мнѣ явиться во второй роли, изображая въ полномъ видѣ и униженіе, и оскорбленіе мое?» — восклицаетъ Елисавета Семеновна и затѣмъ доказываетъ, отстаивая свои права на первыя роли, что «сила перваго ея контракта вторымъ нарушена быть не можетъ», такъ какъ она должна, на основаніи послѣдняго, «для пользы дирекціи, сверхъ обязанностей по контракту, заключенному ранѣе, принять на себя роли благородныхъ матерей и комическихъ старухъ. «Но, чтобы я должна была занимать вторыя роли въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ играла первыя,—замѣчаетъ оскорбленная артистка,—того ни въ первомъ, ни во второмъ моихъ контрактахъ не видно, почему контора дирекціи императорскихъ театровъ и въ нарушеніи оныхъ обвинить меня не можетъ».

Тюфякина, которому, разумѣется было подано «объясненіе» Сандуновой — не убѣдили никакіе доводы обиженной пѣвицы: онъ опровергъ ихъ съ своей точки зрѣнія, опираясь на то, что, по силѣ втораго своего контракта, Елисавета Семеновна была обязана играть всѣ тѣ роли, которыя въ немъ были прописаны, почему не могла уклониться отъ роли жрицы въ «Весталкѣ», которая, по его мнѣнію, входила въ ея новое амплуа благородныхъ матерей и комическихъ старухъ. Изобразивъ все это съ возраженіями по порядку на каждый пунктъ «объясненія» Сандуновой, кн. Тюфякинъ приказывалъ конторѣ предложить ей, «дабы она въ скорѣйшемъ времени отвѣчала письменно и рѣшительно: приметъ ли она на себя по обязанности своей роль главной жрицы въ оперѣ «Весталка» и будетъ ли играть оную въ первый разъ, когда дана будетъ сія опера, которая уже идетъ не въ бенефисъ г-жи Семеновой, но для дирекціи, слѣдовательно для пользы театра». — «Буде же г-жа Сандунова, слѣдуя долгу истинно-благороднаго артиста, изъявить на сіе свое согласіе — писалъ далѣе директоръ — въ такомъ случаѣ немедленно удовлетворить ее причитающимися понынѣ деньгами изъ 3-хъ тысячъ-рублеваго оклада, считая съ 1-го января сего 1819 года, и продолжать выдачу оныхъ до окончанія контракта». Въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы Сандунова и на этотъ разъ отказалась исполнить волю начальства, Тюфякинъ предписывалъ конторѣ: «оставивъ во всей силѣ» его прежнія предложенія, считать контрактъ Елисаветы Семеновны «совершенно ею нарушеннымъ и потому уничтоженнымъ съ 1-го января 1819 года».

Все это директоръ заключилъ нѣкоторымъ предостереженіемъ по адресу строптивой артистки. «Извѣстно мнѣ, — говоритъ онъ въ концѣ своего «предложенія», — что г-жа Сандунова намѣрена принести жалобу на дирекцію, не взирая на то, что она во всемъ ви-

новата; таковая можетъ послужить токмо къ собственному ея, г-жи Сандуновой, вреду, ибо дирекція и въ семь случаѣ приметъ заранѣе законныя мѣры, и не преминетъ о всѣхъ обстоятельствахъ сего происшествія довести до свѣдѣнія куда слѣдуетъ».

Приведенное «предложеніе» Тюфякина было, какъ водится, немедленно объявлено Елисаветѣ Семеновнѣ и она болѣе не нашла нужнымъ упорствовать, согласившись на требованія директора выступить въ роли жрицы въ «Весталкѣ». Такимъ образомъ, уступивъ первенство своей соперницѣ, она должна была играть второстепенную роль въ той самой оперѣ, въ которой раньше на ея долю выпадалъ самый большой успѣхъ. Конечно, ей это было очень больно; но публика оцѣнила такое ея самопожертвованіе, и встрѣчала ея появленіе на сценѣ въ незначительной роли главной жрицы единокорными привѣтствіями.

Добившись повиновенія Сандуновой, Тюфякинъ не удовлетворился этимъ и рѣшился хотя чѣмъ-нибудь наказать подчиненную ему артистку за ея долгое упорство. Случай для этого представился въ томъ же году, въ сентябрѣ, когда нужно было объявить артистамъ росписаніе ихъ бенефисовъ. Въ этомъ росписаніи бенефисъ Елисаветы Семеновны былъ назначенъ на 17-е ноября, т. е. въ глухую осень. Это была явная несправедливость, противорѣчившая и самому контракту Сандуновой съ дирекціею, въ которомъ говорилось, что бенефисъ ей должно было давать зимой. Ссылаясь на это, а также и на то, что въ предшествовавшіе года никогда ея бенефисы въ ноябрѣ не давались, Елисавета Семеновна заявила конторѣ требованіе о перемѣнѣ назначеннаго времени. Чиновники, составлявшіе росписаніе бенефисовъ съ вѣдома директора, не хотѣли было уступать и потребовали справку о всѣхъ бенефисахъ, данныхъ Сандуновой со времени ея перехода на петербургскую сцену. Оказалось, однако, что артистка была права: начиная съ 1815 года, всѣ ея бенефисы приходились зимой и только одинъ лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ¹⁾. Тогда контора, съ разрѣшенія Тюфякина, рѣшила перемѣнить бенефисъ Сандуновой съ 17-го ноября на 29-е декабря,

¹⁾ Въ виду значенія этой справки для біографіи Елисаветы Семеновны Сандуновой, считаемъ нелишнимъ привести ее здѣсь, тѣмъ болѣе, что она представляетъ собою вполне достовѣрный оффиціальныи документъ. Изъ этой справки видно, что Сандуновой были даны слѣдующіе бенефисы: въ 1815 году 7-го января опера «Лодоиска» и опера «Крестяне или встрѣча незваныхъ» — за 1814 г.; 9-го іюня — опера «Прекрасная Арсена» и комедія «Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ». За Москву, подобно тому какъ и другимъ московскимъ артистамъ, даны были: 17-го декабря — опера «Саржинъ» и ком. «Физиономистъ и хиромантикъ» — за 1815 г. Въ 1816 г. бенефиса не было. Въ 1817 г. 14-го января — опера «Изступленный», опера «Удача отъ неудачи» и ком. «Физиономистъ и хиромантикъ» — за 1816 г. Въ 1818 г. 30-го января — опера «Русалка» и ком. «Говорунъ» — за 1817 г.; 18-го декабря — опера «Федра» и опера «Чертенюкъ въ отпуску» — за 1818 годъ.

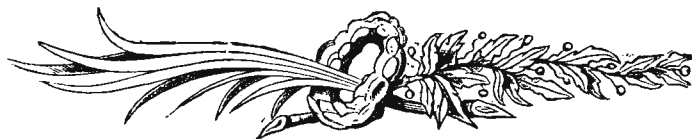
когда онъ и состоялся съ участіемъ всѣхъ лучшихъ силъ тогдашняго состава балетной и оперной труппы. Для бенефиснаго спектакля были даны: опера «Камилла или подземелье» и дивертисментъ «Ямщики въ Венгріи или русскому гостю всякій радъ».

Послѣ описанныхъ столкновеній съ дирекціей Е. С. Сандунова еще три года прослужила на петербургскомъ театрѣ. Послѣднее появленіе передъ публикой знаменитой артистки, болѣе тридцати лѣтъ украшавшей своимъ рѣдкимъ талантомъ нашу сцену, было въ ея бенефисъ, 5-го февраля 1823 года, въ оперѣ «Отецъ и дочь», которая и закончила собою ея блестящее служеніе искусству.

Елисавета Семеновна Сандунова скончалась въ Москвѣ, шестидесяти лѣтъ отъ роду.

Е. Опочининъ.

НЕСТОРЪ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

НДРЕЯ Александровича Краевского печать наша называла «патріархомъ, Маѳусаиломъ, Несторомъ журналистики», не только когда онъ достигнулъ годовъ, до которыхъ не доживалъ ни одинъ русскій журналистъ, но и въ то время, когда его дѣятельность была еще въ полномъ разгарѣ. Но прозваніе патріарха слишкомъ общее, а прожить Маѳусаиловъ вѣкъ еще не большая заслуга, если при этомъ нѣтъ другихъ заслугъ. Лучше всего его характеризуетъ прозвище Нестора, такъ какъ онъ дѣйствительно въ теченіе всей своей жизни былъ опытнымъ и мудрымъ совѣтникомъ почти всѣхъ нашихъ писателей, подвизавшихся на журнальномъ поприщѣ. Таковъ былъ и руководитель въ сонмѣ данайскихъ вождей, царь Пилоса, прожившій, по словамъ Гомера, три человѣческихъ вѣка. Краевскій не прожилъ столько, но и въ восемьдесятъ лѣтъ работалъ также усердно на общественномъ поприщѣ, какъ въ двадцать. Эта любовь къ труду, эта твердость въ исполненіи всякаго взятаго на себя дѣла, эта энергія въ работѣ, не ослабѣвшія даже въ минуты тяжелыхъ нравственныхъ потрясеній, въ борьбѣ съ препятствіями почти неодолимыми—и составляютъ отличительную черту характера покойнаго журналиста. Люди такого закала не такъ часто встрѣчаются въ нашемъ обществѣ, легко поддающемся соблазнамъ всякаго рода—чтобы на нихъ не остановить вниманія. Чаще всего русскій человѣкъ уступаетъ соблазнамъ роскоши, праздности, ничего недѣланія, подъ старость опускается физически и умственно. А тутъ семидесяти-трехлѣтній старикъ, не задолго передъ тѣмъ перенесшій страшныя семейныя утраты, потерявшій двухъ взрослыхъ сыновей, послѣднюю отрасль своего имени, лишившійся возможности продолжать свою

полувѣковую дѣятельность на журнальной аренѣ, съ закрытіемъ лучшей русской газеты и лучшаго русскаго журнала—этотъ человекъ, закаленный въ трудѣ, не поступающійся своими убѣжденіями, не падаетъ духомъ, не разливается въ бесплодныхъ сѣтованіяхъ на свою судьбу, на постигшую его кару, не говоритъ какъ древній римлянинъ: *ingrata patria, non habebis ossa mea*, не отряхаетъ съ ногъ своихъ прахъ родной земли, а продолжаетъ еще упорнѣе, съ двойной энергіей, трудиться на другомъ поприщѣ и работаетъ еще семь лѣтъ, для народа, какъ прежде работалъ для интеллигентныхъ классовъ. И между тѣмъ, у него скоплено прежними трудами болѣе миліона, на который онъ могъ бы жить безбѣдно и отдыхая не подъ петербургскимъ солнцемъ, въ довольствѣ и спокойствіи, а не въ борьбѣ съ петербургскими эдилами за каждый грошъ, расходуемый на народную школу. Безкорыстно и добровольно взялъ на себя тяжелую, кропотливую обузу въ годы, которымъ такъ свойственъ отдыхъ,—на это не всякій способенъ.

Андрей Александровичъ—москвичъ по происхожденію, но въ немъ была частица и не русской крови. Его мать была родомъ изъ Варшавы, гдѣ фамилія Краевскихъ весьма распространена между тамошнею шляхтою. Въ современной польской литературѣ извѣстна писательница Краевская. Во время существованія «Голоса» редакторъ его не разъ получалъ изъ Польши письма отъ лицъ, напрашивавшихся къ нему въ родню. Въ разгарѣ польскаго возстанія пришло даже письмо съ требованіемъ, какъ отъ соотчича, офяры въ пользу ойчизны и ржонда. Но между тѣмъ къ польскимъ Краевскимъ Андрей Александровичъ не имѣлъ никакихъ отношеній и между ними у него не было ни братьевъ, ни сестеръ, ни отдаленныхъ родственниковъ. Онъ не зналъ польскаго языка, не любилъ поляковъ и былъ больше расположенъ даже къ евреямъ, защищая ихъ въ своей газетѣ, какъ засвидѣтельствовалъ г. Цедербаумъ въ своей рѣчи надъ его могилой. Андрей Александровичъ самъ былъ такъ сказать творцомъ своей фамиліи, ея единственнымъ представителемъ, и съ нимъ вмѣстѣ она окончилась, такъ какъ, его сыновья, умершіе раньше отца, не оставили ни семей, ни имени въ обществѣ и литературѣ. Годы дѣтства Андрей Александровичъ провелъ въ домѣ извѣстнаго Архарова, бывшаго московскаго оберъ-полиціймейстера при Екатеринѣ II. Мальчикъ развивался такъ быстро и учился такъ успѣшно, что покровитель помѣстилъ его въ университетъ 15-ти лѣтъ. Въ актахъ университета значится, что Краевскій вступилъ въ него на 18-мъ году, но въ то время прибавить два года, для того, чтобы обойти законъ—ровно ничего не значило. Андрей Александровичъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ по философскому факультету (теперь историко-филологическій) и, поступивъ въ канцелярію московскаго генераль-губернатора, началъ свое литературное поприще, въ «Мо-

сковскомъ Вѣстникѣ» 1828 года. Усердное сотрудничество въ этомъ журналѣ продолжалось и въ слѣдующемъ году по разнымъ вопросамъ исторіи литературы и философіи, по рецензіямъ новыхъ книгъ. Статейки являлись большею частию безъ подписи, даже безъ инициаловъ. Какъ кандидатъ политическихъ наукъ, молодой человекъ хотѣлъ посвятить себя ученому поприщу, но семейныя обстоятельства его измѣнились и онъ долженъ былъ, оставивъ Москву, искать средствъ существованія въ Петербургѣ, куда онъ переселился въ 1831 году, какъ самъ говорилъ: «съ радужными надеждами, но въ единственныхъ старыхъ штанахъ». Здѣсь онъ причислился къ министерству народнаго просвѣщенія и началъ давать уроки исторіи и русской литературы въ частныхъ домахъ. Способный и хорошо образованный, онъ скоро пробилъ себѣ дорогу, завелъ связи въ литературныхъ кружкахъ и даже въ высшемъ обществѣ, и извѣстность его какъ педагога упрочилась такъ, что въ 1832 году онъ былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ Пажескомъ корпусѣ и въ Павловскомъ кадетскомъ. Въ 1834 году онъ получилъ и офиціальную должность помощника редактора «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», а въ слѣдующемъ году принялъ дѣятельное участіе въ основанномъ тогда «Энциклопедическомъ лексиконѣ», издаваемомъ Плюшаромъ. Тамъ явилась обширная біографія Бориса Годунова, обратившая на себя вниманіе смѣлыми и самостоятельными выводами, отрицавшими участіе царя въ убійствѣ Дмитрія царевича. Статья надѣлала шума и даже возбудила негодованіе многихъ ученыхъ, такъ что впослѣдствіи, когда Сенковский взялъ на себя редакцію Лексикона, этотъ патриотъ потребовалъ чтобы подъ буквою Г была помѣщена статья «Годуновъ», опровергавшая мнѣнія высказанныя въ статьѣ «Борисъ». Въ 1836 году статья эта вышла отдѣльною брошюрою за подписью А. Краевского и въ томъ же году явилась другая брошюра его: «Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковскаго, съ образцовою историческою таблицею для древней исторіи». Литературные и педагогическіе труды дали Андрею Александровичу лучшія средства къ жизни, а въ 1837 году онъ явился уже самостоятельнымъ, хотя и не гласнымъ редакторомъ-издателемъ «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду», газеты, прибрѣтенной имъ отъ Воейкова. Въ этомъ же году онъ женился на дочери актера Брянскаго, Аннѣ Яковлевнѣ, взявъ ее со сцены, гдѣ она не безъ успѣха дебютировала въ роли Дездемоны.

Но въ узкихъ рамкахъ еженедѣльной газеты, лишенной и политическаго отдѣла, Краевскому было тѣсно и онъ взялся за нее потому, что въ предшествовавшемъ году ему не было разрѣшено изданіе ежемѣсячнаго журнала «Русскій Сборникъ» съ широкою програмою. Благодаря ходатайству князя Одоевскаго, всегда при-

нимавшаго горячее участіе во всякомъ добромъ и литературномъ дѣлѣ, програма новаго періодическаго изданія была послана на утвержденіе императора Николая I, лечившагося тогда въ Чембарахъ, отъ поврежденія плеча, вслѣдствіе паденія изъ коляски. На докладъ министра народнаго просвѣщенія императоръ не соизволилъ дать своего согласія. Но Краевскій не отступился отъ своего намѣренія и передъ такимъ отказомъ. На второй годъ онъ возобновилъ прежнее ходатайство объ изданіи журнала—только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Новые органы періодической печати не разрѣшались, но можно было приобрѣсти и обновить старые. Основатель плохого, хотя и весьма патріотическаго журнала съ вычурнымъ названіемъ «Отечественныя Записки», Павелъ Петровичъ Свиньинъ уступилъ А. А. Краевскому свои редакторскія и издательскія права на это изданіе, съ трудомъ тянувшееся въ теченіе десяти лѣтъ (1820—1830) и неоставившее послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ русской литературѣ, не смотря на свои претензіи, выражавшіяся въ громкомъ эпиграфѣ журнала:

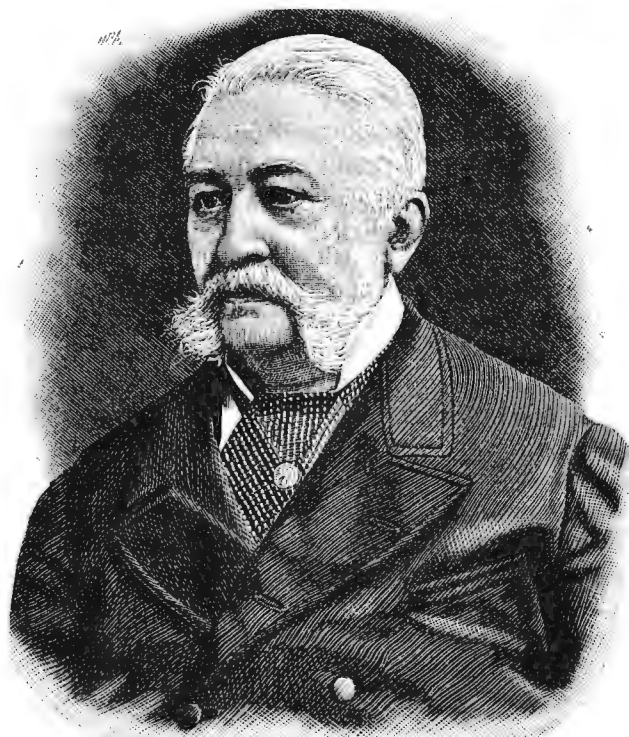
«Любить отечество велятъ: природа, Богъ,
«А знать его—вотъ честь, достоинство и долгъ!»

Возродившіяся въ 1839 году «Отечественныя Записки» явились уже съ совѣмъ другимъ латинскимъ эпиграфомъ, рекомендовавшимъ читателямъ не останавливаться на громкихъ словахъ, а вникать въ ихъ значеніе, иначе: читать между строками. Съ трудомъ составилъ капиталъ на паяхъ для начатія дѣла. У редактора не было никакихъ свободныхъ суммъ, а пришлось прибѣгнуть къ вкладчикамъ, дѣлая ихъ участниками въ изданіи журнала. Первымъ явился тотъ же князь А. И. Одоевскій, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ исторіи всей русской литературы, до сихъ поръ еще не оцѣненная въ ней по достоинству. Были и другіе пайщики, но какъ часто случается у насъ съ предпріятіями начинаемыми въ складчину, усердіе акціонеровъ къ дѣлу, не приносящему немедленно хорошаго дивиденда, охладѣло послѣ первыхъ же взносовъ. Иные не дали даже ничего, кромѣ обѣщаній, и журналъ съ перваго же года своего существованія очутился въ затруднительномъ положеніи. Краевскому пришлось принять на себя всѣ обязательства по издательской и хозяйственной части, и онъ вскорѣ же сдѣлался полнымъ и единственнымъ хозяиномъ органа, тотчасъ же обратившаго на себя вниманіе публики литературнымъ и серьезнымъ значеніемъ статей, составомъ сотрудниковъ, вѣрностью критическихъ взглядовъ и направленіемъ, діаметрально противоположнымъ господствовавшему въ то время въ журналистикѣ органу «Библіотека для Чтенія». Она вытѣснила уже упавшій тогда органъ грече-булгаринской партіи «Сынъ Отечества». Уже въ 1836 году журналъ этотъ выходилъ безъ «Сѣвернаго Архива», созданнаго и редактируемаго исключительно Булгаринымъ, совершенно отказав-

шимся, въ 1838 году отъ изданія «Сына Отечества», такъ что второе двадцатипятилѣтіе журнала началось подъ редакторствомъ одного Греча, а издателемъ былъ Смирдинъ. Видя колоссальный успѣхъ «Библиотеки для Чтенія», возникшей въ 1834 году, журнальные братья-разбойники сосредоточили всю свою дѣятельность на «Сѣверной Пчелѣ», попробовавъ нѣсколько разъ, но напрасно, подорвать новый журналъ. Примирившись съ неизбежною силою вещей, они молчаливымъ согласіемъ, *tacite consensus*, подѣлили съ Сенковскимъ владычество надъ русской журналистикой. Польскій Касторъ и нѣмецкій Полуксъ оставили за собой господствующую роль въ ежедневной печати и предоставили поляку Сенковскому руководить печатью ежемѣсячной. Направленіе ихъ въ сущности недалеко расходилось между собою: Гречъ и Булгаринъ—заподозривали русскую литературу, Сенковскій ее осмѣивалъ, но всѣ трое отличались и благонамѣренностью и разухабистымъ шовинизмомъ и ползаніемъ передъ властями и патриотизмомъ, самой высокой пробы, не останавливавшимся передъ прямымъ доносомъ, на всякаго, кто могъ повредить матеріальнымъ интересамъ всесильнаго триумvirата, или кого можно было обвинить въ либерализмъ, тоестъ въ противодѣйствіи застою, рутинѣ, мракобѣсію, произволу. Правда, Гречъ и Булгаринъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ не имѣли уже той силы, какъ вначалѣ ихъ, и печать отверженія, которою заклеили ихъ Пушкинъ, заставляла отворачиваться отъ нихъ всякаго порядочнаго челоуѣка. Но малообразованное и воспитанное въ крѣпостническихъ преданіяхъ общество наше, для котораго «печатный каждый листъ быть кажется святымъ»—благодушно вѣрило греческобулгаринскимъ инсинуаціямъ, и для противодѣйствія имъ великій поэтъ основалъ «Современникъ», сдѣлавшій свое дѣло, несмотря на то, что по смерти Пушкина, Плетневъ, не имѣвшій способностей публициста, очень вяло велъ журналъ, мало вліявшій на читающую публику уже и потому, что выходилъ только четырьмя книжками въ годъ.

Но «Библиотека для Чтенія», глумившаяся явно надъ Гоголемъ, и изъ подтишка надъ всѣмъ, что было лучшаго въ русскомъ духѣ и русской жизни, имѣла въ 1838 году пять тысячъ подписчиковъ, цифра не бывавшая до того времени въ нашей журналистикѣ. Панаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что «литераторы (конечно, такіе какъ онъ самъ) съ завистливымъ удивленіемъ рассказывали о роскоши, съ какою жилъ редакторъ «Библиотеки для Чтенія», о его великолѣпномъ кабинетѣ, о лѣстницѣ, уставленной цвѣтами и тропическими растеніями. Но дѣло было не въ роскоши, а въ томъ тлетворномъ вліяніи, какое журналъ имѣлъ на читателей и необходимъ былъ новый органъ, чтобы отвлечь ихъ отъ остроумныхъ, нерѣдко блестящихъ парадоксовъ несомнѣнно даровитаго поляка, чтобы постепенно пріучить публику къ серьезному

чтенію, къ направленію разумному, равно далекому и отъ слѣпому поклоненію всему существующему и отъ осмѣянія стремленій къ лучшему, къ прогрессу... Такимъ органомъ явились «Отечественныя Записки» и, въ этомъ отношеніи, роль ихъ такъ важна въ исторіи русской литературы, а въ журналистикѣ значеніе ихъ не уменьшается и до нашего времени. Въ нихъ сосредоточились ея лучшія силы. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ главнымъ сотрудникомъ ихъ былъ Бѣлинскій; въ нихъ началъ и кончилъ свое бле-

Андрей Александровичъ Краевскій.

стящее, слишкомъ кратковременное поэтическое поприще—Лермонтовъ, въ нихъ писали князь Одоевскій, графъ Сологубъ, Хвоцинская, Кольцовъ, Достоевскій, Писемскій, Страховъ, университетскіе товарищи редактора: Герценъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Огаревъ, Катковъ, Галаховъ, Ешевскій, Соловьевъ. И это участіе выдающихся талантовъ въ журналѣ не прекращалось въ немъ, въ теченіе всѣхъ сорока пяти лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ его существованія. Такой продолжительный успѣхъ изданія объясняется конечно умѣньемъ держать его постоянно на одномъ уровнѣ съ требованіями вѣка и общественными тенденціями. «Редакторъ умѣлъ

привлечь къ своему изданію, говорить г. Пыпинъ, людей богатыхъ талантами, исполненныхъ лучшими стремленіями». А какихъ тяжелыхъ нравственныхъ усилій стоило проведеніе въ сознаніе читателей этихъ стремленій и вообще здравыхъ идей и гуманныхъ понятій!.. Какіе извороты фразъ и алегорическіе приемы надо было пускать въ ходъ для того, чтобы высказать въ эзоповскихъ формахъ мысль самую невинную, но не во всемъ согласовавшуюся съ административными воззрѣніями. А тутъ еще журнальные конкуренты, заботливо слѣдившіе за каждымъ выраженіемъ, которому можно было придать другой смыслъ, не упускали случая почтительнѣйше довести до свѣденія кого слѣдуетъ объ этой неблагонамѣренной двусмысленности. И въ первые годы существованія «Отечественныхъ Записокъ» борьба съ этими конкурентами и съ разными официальными и неофициальными агентами казенной благонамѣренности велась самая упорная и ожесточенная. Публика приняла въ этой борьбѣ сторону новаго журнала: кругъ читателей «Библиотеки» сразу значительно уменьшился. Въ «Сынѣ Отечества» уже въ 1840 году явился новый редакторъ А. В. Никитенко, а въ 1841-мъ Сенковскій, передавшій впрочемъ на слѣдующій же годъ редакцію Масальскому. Въ 1844 году журналъ прекратился и возобновился только въ 1847-мъ, съ новыми издателями; въ 1852 году его добилъ Фурманъ и журналъ возобновился только въ 1856-мъ, уже въ формѣ еженедѣльной газеты. Явились и другіе конкуренты «Отечественнымъ Запискамъ» и число ихъ особенно возросло въ шестидесятыхъ годахъ. Тяжелы были для журнала преимущественно пятидесятые года, но редакторъ не падалъ духомъ и не переставалъ поддерживать свое изданіе, даже и тогда, когда передалъ его Дудышкину. Только съ передачею негласной редакціи Некрасову въ 1868 году и, по смерти его, Салтыкову, Краевскій не принималъ уже никакого участія въ органѣ, которому отдалъ лучшіе годы своей жизни.

Я не пишу исторію «Отечественныхъ Записокъ»—это была бы исторія всей русской литературы въ теченіе почти полвѣка, да теперь и не время говорить подробно о роли и значеніи этого журнала, о которомъ у многихъ составилось ошибочное и предвзятое сужденіе. Но поставленный въ близкія отношенія къ журналу съ конца сороковыхъ годовъ, я могу свидѣтельствовать, что не проходило буквально почти ни одного дня, чтобы редакторъ не сидѣлъ за рукописями или корректурами своего изданія—и это въ такое время, когда матеріальныя средства давали ему полную возможность раздѣлить съ другими тяжелый трудъ чтенія корректуръ и статей, подготовляемыхъ для печатанія. «Редакторъ не долженъ въ своемъ журналѣ пропускать ни одной строки, безъ того, чтобы не прочесть ее» говорилъ онъ—и это было его неизмѣннымъ правиломъ. Привычка къ труду была въ немъ сильнѣе наклонностей

къ сибаритству и роскоши, а въ молодые годы онъ отдавался весь самой неутомимой и энергичной работѣ. Основавъ ежемѣсячный журналъ, онъ не оставлялъ и своей еженедѣльной газеты, преобразивъ ее въ 1840 году въ «Литературную Газету». Поручивъ ея редакцію въ 1843 году Ѳ. А. Кони, онъ въ 1844 году взялъ ее опять на себя и издавалъ газету съ политипажамъ и съ приложеніемъ— Записокъ для хозяевъ. Прекратилъ онъ ее въ 1846 году, а съ 1847 года передалъ мнѣ. И въ этой газетѣ, подъ его редакціей, участвовали писатели, не придерживавшіеся въ литературѣ булгаринства: Струговщиковъ, Каменскій, Бенедиктовъ, Соколовскій, Бернетъ, баронъ Розенъ, Степановъ, Струйскій и др. И на эту газету обрушивались невзгоды, о которыхъ «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Когда общество наше волновалось и шумѣло, пораженное неожиданною кончиною великаго поэта и ночнымъ эскамотированіемъ его тупа, тайно увезеннаго въ псковскую деревню чуть не на мужичьихъ розвальняхъ, — выразительница общественнаго мнѣнія, — печать не смѣла сказать ни слова, даже просто о томъ, что Пушкинъ умеръ. Только въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» явилось нѣсколько строкъ, начинавшихся извѣстными словами: «Солнце поэзіи русской закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!» На другой день редакторъ газеты, еще незадолго передъ тѣмъ получившій внушеніе, что вступать въ сношеніе съ такими писателями, какъ Пушкинъ предосудительно, былъ вызванъ къ попечителю учебнаго округа и получилъ строгое замѣчаніе (предостереженія тогда еще не были изобрѣтены графомъ Персинеи). Краевскому было поставлено на видъ неприличіе подобныхъ статей для лица официальнаго, помощника редактора правительственнаго журнала и члена археографической комиссіи, подъ редакціей котораго, въ 1836 году, вышелъ четвертый томъ «Актвъ» комиссіи. Къ этимъ официальнымъ званіямъ въ 1843 году присоединилась должность помощника редактора «Русскаго Инвалида», а въ 1847 году Краевскій былъ утвержденъ и редакторомъ этой газеты, перешедшей въ 1852 году подъ редакцію Лебедева и князя Голицына, когда Краевскій задумалъ еще болѣе расширить свою журнальную дѣятельность и взялъ, подъ фирмою Очкина, на аренду «С.-Петербургскія Вѣдомости», соединивъ такимъ образомъ въ однихъ рукахъ редактированіе ежемѣсячнаго журнала и ежедневной газеты. Изъ жалкаго академическаго листка, съ трудомъ влачившаго свое существованіе, не имѣвшаго и тысячи подписчиковъ, въ десять лѣтъ Краевскій сдѣлалъ прекрасную газету съ 12-ю тысячами подписчиковъ—цифра небывалая въ русской журналистикѣ. «Вѣдомости» положили основаніе матеріальному благосостоянію ихъ арендатора («Отечественныя Записки» въ это время съ трудомъ сводили концы съ концами). Правда, тутъ были исключительныя

обстоятельства, содѣйствовавшія успѣху газеты и привлеченію къ ней многочисленнаго круга читателей: Крымская война, подъемъ русскаго духа въ обществѣ, реформы новаго царствованія. Но съ 1856 года возникало много ежедневныхъ листковъ и ни одинъ изъ нихъ не удержался, хотя многіе процвѣтали въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ. За то что Краевскій поднялъ академическую газету на небывалую степень процвѣтанія, академія, получавшая до 50-ти тысячъ ежегоднаго дохода съ газеты, поспѣшила по окончаніи срока аренды съ Краевскимъ—закрѣпить съ 1862 года «Вѣдомости» за новымъ арендаторомъ безъ торговъ и не принимая никакихъ предложеній отъ стараго.

Видя, что на казенный органъ нельзя рассчитывать, такъ какъ съ переменною въ немъ начальства мѣняются и его взгляды, Краевскій рѣшился основать свой собственный органъ. Въ этомъ дѣлѣ ему помогъ министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ нашей администраціи. Въ самый короткій срокъ онъ выхлопоталъ разрѣшеніе на изданіе новой политической газеты, и 1 января 1863 года явился «Голосъ», первый серьезный и независимый органъ общественнаго мнѣнія, въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Онъ долженъ былъ называться «Голосомъ народа», но это названіе найдено было слишкомъ притязательнымъ. Газета скоро заняла первое мѣсто и въ обществѣ, воспрянувшемъ отъ тридцатилѣтней спячки, проникнутомъ новыми идеями и стремленіями. Это было уже не то время, о которомъ писалъ цензоръ Никитенко, записки котораго только теперь появляются въ свѣтъ: «12-го января 1837 года вышелъ новый цензурный законъ: каждая журнальная статья будетъ разсматриваться двумя цензорами; тотъ и другой могутъ исключить, что имъ вздумается. Сверхъ того установленъ еще новый цензоръ, обязанность котораго будетъ перечитывать все, что пропущено другими цензорами и провѣрять ихъ. Спрашивается: можно ли послѣ этого что-либо писать и издавать въ Россіи? Да и къ чему въ Россіи литература?» Четверть вѣка спустя объ этомъ уже не спрашивали и Никитенко былъ правъ, говоря, по поводу своего отказа отъ цензорской должности: «но ни удивляться, ни сѣтовать не должно». Не должно уже потому, что всякое ненормальное состояніе общества не можетъ быть продолжительно и что въ самые тяжелые для литературы тридцатые и сороковые годы развились писатели, которыми гордится Россія. Въ 1834 году запрещенъ «Телеграфъ», черезъ два года «Телескопъ», но въ томъ же 1836 году явился «Ревизоръ», а еще черезъ два года «Отечественныя Записки». Безвременную кончину Пушкина увѣковѣчили бессмертные стихи Лермонтова.

«Голосъ» сразу занялъ преобладающее мѣсто въ русской періодической печати; конкурентомъ ему явились, нѣсколько позже,

только «Московскія Вѣдомости», редакторъ которыхъ находился въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, ведя свой офиціозный органъ согласно съ мнѣніями высшей власти, а не съ административными возрѣніями, часто мѣнявшимися, еще чаще колебавшимися, причемъ вліянія разныхъ вѣдомствъ входили иногда въ прямой антагонизмъ между собою. Но «Московскія Вѣдомости» имѣли значеніе только въ небольшомъ, извѣстномъ кругу, тогда какъ «Голосъ» являлся представителемъ интеллигентнаго большинства провинціальныхъ дѣятелей и либеральной петербургской партіи. Болѣе всего газета обратила вниманіе на отдѣлъ внутреннихъ извѣстій, на корреспонденіи со всѣхъ концовъ Россіи. Въ концѣ 1862 года редакторъ разослалъ по этому вопросу родъ циркуляра, который одинъ изъ такихъ корреспондентовъ приводитъ въ «Одесскомъ Листкѣ». «Я поставилъ одною изъ главныхъ задачъ газеты—писалъ редакторъ—ознакомленіе читателей съ внутреннею жизнью Россіи посредствомъ приведенія въ общую извѣстность того, что до сихъ поръ имѣло такъ называемый мѣстный интересъ... Нужно знать, что думаетъ Россія о своихъ общественныхъ интересахъ, что ей нравится, что ею отвергается. Мнѣ кажется, что настала пора гласнаго проявленія своихъ нуждъ и стремленій, своего горя и радости; а гласнымъ органомъ служить намъ пока только журналистика». Программа свѣдѣній, какія газета желала получить отъ своихъ корреспондентовъ, была весьма обширна: требовались извѣстія о ходѣ крестьянскаго дѣла, о возрѣніи на него крестьянъ и помѣщиковъ, о волостныхъ судахъ, объ общинномъ и личномъ землевладѣніи, объ акцизномъ управленіи, денежномъ рынкѣ, объ учебныхъ заведеніяхъ, о дѣйствіяхъ администраціи и духовенства, о юридическихъ процессахъ, дѣйствіяхъ полиціи, состояніи дорогъ, промысловъ, хозяйства. Просили сообщать даже случаи общественной жизни и мнѣнія читателей о явленіяхъ литературы и журналистики. «Прошу писать такъ какъ будто цензура не существовала, — говоритъ редакторъ, знавшій, что готовится снятіе предварительной цензуры съ журналовъ и книгъ,—мнѣ нужно знать дѣло такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности». Къ этому общепользному дѣлу приглашались лица всѣхъ направленій, лишь бы только они сообщали одну правду. Такой же правдивости требовалъ «Голосъ» и отъ своихъ заграничныхъ корреспондентовъ. Международная политика иностранныхъ державъ и ихъ отношенія къ Россіи получили впервые серьезную, правильную оцѣнку и европейская дипломатія стала вскорѣ прислушиваться къ сужденіямъ «Голоса». Первое время ему пришлось однако бороться съ клеветою и завистью конкурентовъ, съ недовѣріемъ администраціи, съ тяжелыми матеріальными обстоятельствами. Дѣла поправились только во время франко-прусской войны.

Съ 1871 года, бывшій корреспондентъ газеты, кievскій профес-

сорь В. А. Бильбасовъ, оставивъ каѳедру и переселившись въ Петербургъ, сдѣлался главнымъ помощникомъ редактора и вскорѣ сталъ завѣдывать всѣмъ внутреннимъ отдѣломъ. Въ главѣ внѣшняго, политическаго отдѣла стоялъ сынъ Краевскаго, Евгений, со своимъ помощникомъ М. А. Загуляевымъ. Молодой, дѣятельный, трудолюбивый профессоръ придавалъ безспорно новую жизнь периодическому органу, но неискусившійся въ публицистическихъ тонкостяхъ и соображеніяхъ, дѣйствовалъ не всегда съ должною сдержанностью и осторожностью и нерѣдко задѣвалъ мелкія самолюбія крупныхъ личностей, имѣвшихъ возможность вредить газетѣ и не прощавшихъ ей оппозиціи ихъ административнымъ взглядамъ. «Голосъ» и самъ нерѣдко ошибался въ своихъ сужденіяхъ, высказывалъ неправильныя взгляды на тѣ или другія событія, но никогда эти сужденія не руководились ни угодничаньемъ передъ властью имущими, ни личной враждой, ни продажничествомъ. Не признавая высокихъ заслугъ иныхъ дѣятелей, заслугъ раздутыхъ низкопоклонствомъ и лестью, «Голосъ» и самъ увлекался, придавая, напримѣръ, преувеличенное значеніе мѣрамъ сановника, прибѣгнувшаго къ самоубійству, чтобы не подвергнуться суду за свои предосудительныя поступки. Представительница общественнаго мнѣнія, газета, оставаясь вѣрною своимъ убѣжденіямъ, пошла наперекоръ этому мнѣнію, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ восточномъ вопросѣ. Когда большинство русскаго общества начало увлекаться возстаніями славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, требуя дѣятельнаго вмѣшательства Россіи и въ стычки герцеговинцевъ съ турками и въ сербскую войну, «Голосъ» одинъ былъ противъ войны, какъ будто предвидя, что она принесетъ намъ вмѣстѣ съ военною славою страшныя потери, экономическое разстройство и дипломатическое пораженіе. И въ этомъ случаѣ органъ Краевскаго дѣйствовалъ даже вопреки своимъ матеріальнымъ интересамъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу М. А. Загуляевъ въ біографіи Краевскаго, помѣщенной въ «Journal de St.-Petersbourg». «Получая блестящее матеріальное вознагражденіе за свой неустанный трудъ, Краевскій придавалъ болѣе цѣны нравственному влиянію своего органа, а не его матеріальному процвѣтанію. Лѣтомъ 1876 года составитель политическихъ обзорѣній въ газетѣ (это былъ самъ г. Загуляевъ) началъ высказывать въ нихъ, что стремленіе русскихъ добровольцевъ въ Сербію не приведетъ ни къ чему хорошему. Это же было мнѣніе и Краевскаго. Но не такъ думало большинство публики, начавшее враждебно относиться къ газетѣ. Популярность ея сильно пострадала, число подписчиковъ уменьшилось. Политическій сотрудникъ «Голоса» предложилъ тогда передать «обзорѣнія» другому лицу. «Продолжайте писать въ томъ же направленіи,—отвѣчалъ редакторъ,—хотя бы это стоило мнѣ тысячи подписчиковъ». Такъ не поступить простой журнальный спекуля-

торъ»,—прибавляетъ г. Загуляевъ, заканчивающій свою статью упоминаніемъ объ отношеніяхъ Краевскаго къ своимъ сотрудникамъ и о его значеніи въ отечественной и европейской журналистикѣ. Упрекали его за то, что онъ смотрѣлъ на этихъ сотрудниковъ какъ на рабочихъ, обязанныхъ въ извѣстный срокъ поставить извѣстное количество работы по точно даннымъ указаніямъ. Упреки были отчасти справедливы, но этотъ родъ интеллектуальной дисциплины формировавъ серьезныхъ публицистовъ, уважающихъ и свои занятія и своихъ читателей. Краевскій былъ редакторомъ и издателемъ, скроеннымъ по образцу западныхъ журналистовъ, основателемъ политической печати въ Россіи—и въ этомъ состоитъ его главная заслуга. «Публика проводила его съ почетомъ въ вѣчное жилище, черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ онъ покинулъ поприще, на которомъ неутомимо трудился полвѣка: она не забыла услугъ оказанныхъ русской печати Маэусаиломъ русской журналистики».

Этотъ отзывъ нашего французскаго органа встрѣченъ былъ сочувственно и иностранною печатью. Нѣмецкіе органы приписываютъ прекращеніе «Голоса» безпощадной враждѣ (*unversöhnliche Feindschaft*) высшаго сановника. Англійскій «*Athenaeum*» видитъ заслугу Краевскаго въ томъ, что онъ ввелъ русскую печать въ сферу европейскихъ органовъ публичности. «Это былъ типическій издатель, но не писатель, состоявшій въ сношеніяхъ со всѣми выдающимися дѣятелями русской литературы въ теченіе полвѣка». Французскія газеты наполнены похвалами покойному; швейцарская «*Bibliothèque universelle*» называетъ его руководителемъ общественнаго мнѣнія въ теченіе полстолѣтія, а «Отечественныя Записки» русскимъ «*Revue des deux Mondes*», только съ болѣе либеральнымъ направленіемъ. Причиною прекращенія «Голоса» этого «врага ретроградныхъ тенденцій» лозаннскій журналъ считаетъ исторію съ Менагіосомъ: этотъ грекъ, явившійся въ Петербургъ для занятія мѣста въ университетѣ, выдалъ чужой трудъ о Ксенофонтѣ, напечатанный въ Афинахъ за свою диссертацию. Обманъ былъ обнаруженъ и Менагіосъ отвергнутъ профессорами, какъ недостойный принадлежать къ ихъ кругу. Но у грека былъ сильный покровитель, оскорбившійся рассказомъ «Голоса» объ этомъ происшествіи—и газета была прекращена, но потомъ снова разрѣшена, только на условіяхъ дѣлавшихъ невозможнымъ ея дальнѣйшее существованіе. Исторія съ Менагіосомъ справедлива, но она не имѣла вліянія на прекращеніе «Голоса», который никогда не былъ запрещенъ, хотя толки о запрещеніи повторяли нѣкоторыя провинціальныя газеты и даже одна петербургская. Мы слишкомъ скоро забываемъ даже то, что происходитъ передъ нашими глазами. «Голосъ» былъ только нѣсколько разъ приостанавливаемъ, какъ и всѣ другія газеты, на основаніи «временныхъ» правилъ о печати, сначала на ко-

роткій срокъ, на 2—3 мѣсяца, потомъ на самые продолжительные: на 6 и 8 мѣсяцевъ, но въ прошлое царствованіе онъ пользовался, наравнѣ съ другими, и льготами, снимавшими предостереженія по случаю радостныхъ для Россіи событій. Приостановки, однако, въ послѣднее время дѣлались чаще, потому что газета не согласовалась съ нерѣдко мѣнявшимися взглядами нашей дипломатіи и администраціи. Такъ «Голосъ» былъ остановленъ на полгода за то, что обвинялъ Батенберга въ тайныхъ интригахъ и замыслахъ противъ Россіи. «Новое Время» цитировало слѣдующія слова изъ надгробной рѣчи на могилѣ покойнаго: «онъ свято стоялъ на сторожѣ легальности и законности, и не его вина, если онъ, по словамъ Вяземскаго, остался на своемъ мѣстѣ, а правительство измѣнило свое направленіе». Въ этой рѣчи г. Градовскимъ преувеличено только сужденіе, что Краевскій наследовалъ литературное преемство отъ Пушкина, но все остальное совершенно вѣрно: «имя покойнаго, имѣющее несомнѣнное значеніе въ исторіи русской литературы, было извѣстно еще тогда, когда не родились многіе изъ теперешнихъ литераторовъ. Все выдающееся въ мірѣ писателей тѣсно соприкасалось съ нимъ и было съ нимъ въ связи. Девять десятыхъ нынѣшнихъ литераторовъ были его учениками. Онъ умѣлъ отыскивать таланты и давалъ имъ дорогу. Онъ открылъ широкое поприще Бѣлинскому въ «Отечественныхъ Запискахъ». («Новое Время» № 4832).

Имя Бѣлинскаго заставляетъ меня обратиться къ темной сторонѣ журнальнаго поприща Краевскаго. На поприщѣ этомъ онъ, какъ и всякій выдающійся дѣятель, подвергался клеветамъ и обвиненіямъ, часто незаслуженнымъ, нерѣдко возмутительнымъ. И не въ одномъ журнальномъ дѣлѣ, чѣмъ выше успѣхъ, тѣмъ больше встрѣчаетъ онъ завистниковъ, враговъ, доносчиковъ, оскорбителей. Нападки на Краевскаго, какъ редактора «Отечественныхъ Записокъ» начались съ первыхъ годовъ существованія журнала. Основанный на паяхъ, онъ съ перваго же года легъ всей своей тяжестью на одного Краевскаго, потому что изъ пайщиковъ только одинъ Одоевскій внесъ полностью свою долю въ три тысячи рублей (асигнаціями), а одному Свиньину, за уступку права на изданіе, надо было платить 5,000 руб. ежегодно. Но Свиньинъ умеръ въ томъ же 1839 году. Журналъ не могъ оставаться безъ редактора и Краевскій подалъ прошеніе объ утвержденіи его редакторомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о передачѣ ему права на изданіе журнала. Разрѣшеніе было получено, но тутъ вдова Свиньина потребовала продолженія выдачи ей ежегодныхъ пяти тысячъ, по условію заключенному съ ея мужемъ. Краевскій отказалъ—и тогда начались въ обществѣ и печати жалобы на то, что онъ ограбилъ несчастную женщину. По условію, всѣ недоразумѣнія между Краевскимъ и Свиньинимъ должны были разрѣшаться третейскимъ судомъ. Из-

брань былъ такой судъ изъ всеѣми уважаемаго писателя Плетнева, сановника-идиллика Владиміра Ивановича Панаева и извѣстнаго Дуббельта; но такъ какъ право на изданіе «Отечественныхъ Записокъ» было утверждено за Краевскимъ, то условіе его съ покойнымъ Свиньинымъ уничтожалось само-собою. Обвиненіе Краевского въ этомъ дѣлѣ болѣе всего распространялъ его своякъ И. И. Панаевъ, (они женаты были на родныхъ сестрахъ) и въ печати, и въ обществѣ. Этотъ литературный хлыщъ былъ всю жизнь врагомъ Краевского и сплетничалъ на него сколько могъ. Онъ же первый вывелъ обвиненіе, что редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» уморилъ своего критика непосильной работой. Бѣлинскій дѣйствительно работалъ слишкомъ много, но это была натура всегда увлекавшаяся и не соразмѣрившая своихъ силъ съ жаждою къ труду. Точно такимъ же неустаннымъ труженикомъ былъ впоследствии Добролюбовъ, работавшій также не по силамъ, часто даже безъ всякой нужды и также надорвавшійся въ работѣ и умершій въ чахоткѣ. Но никто же не подумалъ обвинять въ его смерти— Панаева и «Современникъ». Правда, Бѣлинскому приходилось тратить свое дарованіе на разборъ брошюръ объ истребленіи таракановъ и соленіи огурцовъ, но потому, что русская литература сороковыхъ годовъ производила въ изобиліи сочиненія такого рода, а критическій отдѣлъ въ журналѣ былъ порученъ одному лицу, получавшему опредѣленный ежемѣсячный гонораръ, и странно было бы приглашать другого рецензента единственно для разбора способовъ истребленія таракановъ. И разставшись, редакторъ и критикъ продолжали сохранять между собою самыя близкія, пріязненные отношенія. Бѣлинскій въ послѣдніе два года своей жизни перешелъ въ «Современникъ», не только потому, что тамъ гонораръ былъ больше, но потому что критикъ думалъ быть полнымъ хозяиномъ въ новомъ журналѣ, тогда какъ во многихъ рецензіяхъ, помѣщаемыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» долженъ былъ согласоваться со взглядами редактора. Но критикъ ошибся и въ этомъ отношеніи. Гонораръ его увеличился, потому что матеріальныя средства «Современника» были въ то время значительно больше чѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», но хозяйничать въ новомъ изданіи Бѣлинскому не пришлось. Онъ написалъ большую критическую статью о повѣсти Григоровича, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1846 года, но редакція «Современника» нашла неудобною помѣщеніе этой статьи въ журналѣ. Чахотка развилась въ Бѣлинскомъ еще во время университетской жизни и увеличилась отъ журнальной работы потому, что критикъ тратилъ свои силы безъ расчета и отдыха, неумѣя ничего дѣлать въ половину. Отъ этой же нерасчетливости онъ никогда не жилъ въ довольствѣ и постоянно нуждался, что также заставляло его прибѣгать къ усиленнымъ занятіямъ. Къ болѣзни и недостаткамъ

прибавились и тяжелыя семейныя обстоятельства. Но съ Краевскимъ Бѣлинскій разстался вполне пріятельски, считая себя его должникомъ и, по смерти критика, Андрей Александровичъ сдѣлалъ много для устройства его дѣлъ. Обвиненіе въ томъ, что «Голосъ» получалъ субсидію отъ министерства народнаго просвѣщенія, привожу только для полноты колекціи обвиненій. Оно опровергается уже и тѣмъ, что черезъ два года съ небольшимъ въ управленіе министерствомъ вступило лицо, которое ни въ какомъ случаѣ не продолжало бы субсидировать газету, начавшуюся менѣе чѣмъ съ тысячею подписчиковъ и первое время сильно стѣснявшуюся въ своихъ расходахъ.

Почти во все продолженіе редакторской дѣятельности Краевского сыпались на него также упреки въ эксплуатированіи своихъ сотрудниковъ, въ жесткомъ, барышническомъ отношеніи къ нимъ, въ присвоеніи себѣ львиной доли вознагражденія за ихъ труды. Это все та же старая исторія недовольства работника своимъ работодателемъ, проявляющаяся и въ умственномъ, какъ въ промышленномъ трудѣ, въ журналѣ какъ на фабрикѣ, та же борьба между трудомъ и капиталомъ, какая существуетъ во всѣхъ предпріятіяхъ, для которыхъ нуженъ капиталъ, тоестъ масса того же труда, скопленная годами или предшествовавшими поколѣніями. Тоже происходитъ и въ обыденной жизни, при всякой мѣнѣ какого бы то ни было предмета между двумя лицами: каждый старается пріобрѣсти его дешевле, а продать дороже, какъ на фабрикахъ, гдѣ рабочій нарываетъ меньше дѣлать и больше получать за трудъ, а фабрикантъ меньше платитъ за большую массу работы. Фабрику, гдѣ рабочій имѣетъ свою часть въ прибыляхъ хозяина—почти нѣтъ въ Европѣ, хотя о справедливости такого устройства очень давно толкуютъ соціалисты, да и справедливость эта еще весьма спорная, такъ какъ не участвуя въ издержкахъ основанія такой фабрики и безъ риска въ ея потеряхъ нельзя претендовать на полученіе доли въ ея барышахъ. Еще печальнѣе кончилась попытка товарищескихъ асоціацій, гдѣ всѣ вкладчики являлись хозяевами дѣла, съ равными или даже пропорціональными правами на прибыль. То же самое и въ журнальныхъ предпріятіяхъ. Здѣсь «литературная республика» положительно неосуществима, а единоедержавіе является можетъ быть и нежелательною, но неизбѣжною необходимостью. Къ тому же въ мірѣ искусства и художества—конкуренція, зависть, вражда, сомнѣніе распространены болѣе, чѣмъ въ любомъ сословіи и классѣ общества, и здѣсь, для примиренія соперничающихъ интересовъ и для извлеченія болѣе выгодъ изъ предпріятія, единоедержавіе не можетъ облекаться въ слишкомъ мягкія и гуманныя формы. Редакторъ долженъ быть расчетливымъ, практическимъ дѣльцомъ, а такіе люди не могутъ быть ни добродушными, ни сентиментальными. Краевскому не разъ при-

ходило холодно, даже сурово отказывать въ помощи своимъ сотрудникамъ, но надо знать, сколько разъ эти сотрудники обманывали его довѣріе, ставили въ затруднительное положеніе неисполненіемъ своихъ обязанностей и обѣщаній. Когда же такіе сотрудники переходили въ другой лагерь или основывали свой органъ, они начинали съ того, что осыпали въ немъ бранью и клеветою того, кто поддерживалъ ихъ въ началѣ ихъ поприща и кого они оставляли, еще не расквитавшись съ нимъ за эту поддержку. Я бы могъ назвать и такого журналиста и такихъ сотрудниковъ, если бы они не умерли раньше Краевского. Что же касается его черстватаго сердца, приведу только одинъ примѣръ, о которомъ въ печати было сказано нѣсколько словъ въ 1872 году и авторъ ихъ можетъ подтвердить мое показаніе.

Между литературными пролетаріями жилъ въ этомъ году Михаилъ Дмитріевичъ Хмыровъ, занимавшійся преимущественно работами по русской исторіи и исторіи русской литературы. О трудахъ его публика знала очень мало, такъ какъ его статьи помещались въ спеціальныхъ изданіяхъ и энциклопедическихъ словаряхъ. Въ 1868 году «Биржевыя Вѣдомости» сообщили, что у Хмырова составлена любопытная колекція вырѣзокъ изъ русскихъ газетъ и журналовъ, лѣтъ за двадцать, по предмету его изслѣдованій, расположенныя въ алфавитномъ и систематическомъ порядкѣ. Этой своеобразной библіотекѣ Хмырова могли пользоваться всѣ, кому встрѣчалась надобность въ справкахъ по русской исторіи или литературѣ. Серьезнаго, научнаго значенія эти вырѣзки не имѣли, такъ какъ были не полны и не провѣрены критически, но онѣ представляли все-таки полезное пособіе для неспеціалистовъ и литераторовъ. Работы Хмырова по біографической, календарной и словарной части съ трудомъ давали ему средства къ жизни, да и жилъ онъ такъ безалаберно, что захворавъ и потерявъ возможность трудиться непрерывно, долженъ былъ прибѣгнуть къ единственному средству продлить существованіе—къ продажѣ своей библіотеки. Онъ предложилъ ее заложить за 800 рублей Краевскому, съ тѣмъ чтобы она оставалась у него, Хмырова, и онъ пользовался ею по смерти. Краевскій далъ деньги, хотя почти не былъ знакомъ съ Хмыровымъ и не пользовался его услугами. Вслѣдъ затѣмъ Хмыровъ умеръ на 42-мъ году. Послѣ него остались жена, дѣти да долговъ болѣе четырехъ тысячъ. Библіотеку продали въ Москву за три тысячи и Краевскому пришлось по расчету получить три четверти своего долга, то есть 600 рублей, но онъ отказался отъ этихъ денегъ и послалъ ихъ въ литературный фондъ, съ тѣмъ чтобы они были употреблены на воспитаніе дѣтей Хмырова.

Что Краевскій дѣлалъ не мало добра въ жизни доказываетъ завѣщаніе, оставленное имъ по смерти. Никогда ни одинъ журна-

листъ и литераторъ не приносилъ такихъ пожертвованій въ пользу просвѣщенія. Правда, ни одинъ изъ нихъ не наживалъ миліона. Процвѣтаніе Сенковскаго продолжалось всего два-три года, Гречъ и Булгаринъ сѹмѣвшіе на четыре тысячи подписчиковъ «Сѣверной Пчелы» пріобрѣсти: одинъ—домъ въ Петербургѣ, другой—мызу въ Дерптѣ, подъ конецъ жизни раззорились. Старчевскій, купавшій на деньги отъ «Сына Отечества» дома Румянцева и Монферана съ античными статуями и кроватью Маріи-Антуанеты, доведенъ былъ своими спекуляціями до крайняго положенія. А Краевскій оставилъ двумъ университетамъ: московскому и петербургскому по десяти тысячъ на стипендіи двумъ студентамъ-юристамъ; тремъ обществамъ: литературному фонду, обществу пособія ученикамъ городскихъ начальныхъ школъ и сценическимъ дѣятелямъ— по десяти тысячъ, обществу поощренія художествъ— шесть тысячъ; всю свою богатую бібліотеку— тѣмъ же городскимъ училищамъ, всѣ рукописи и свою корреспонденцію, имѣющую огромное литературное значеніе—публичной бібліотекѣ; всѣ документы лицъ, считающихся его должниками—а такихъ долговъ не одинъ десятокъ тысячъ—объявлены недѣйствительными. Наконецъ, всѣмъ кто прослужилъ у завѣщателя болѣе трехъ лѣтъ сряду, оставлено по 300 рублей, и только по этому пункту остается пожалѣть, что къ служившимъ у него не причислены по завѣщанію типографскіе и конторскіе работники, хотя бы тѣ, которые безсмѣнно трудились у него въ послѣдніе три года передъ закрытіемъ «Голоса».

И во всѣхъ обществахъ, поименованныхъ въ завѣщаніи, Краевскій участвовалъ не одними денежными взносами, но и личнымъ, постояннымъ, усидчивымъ трудомъ. Два изъ этихъ обществъ: пособія ученикамъ начальныхъ школъ и сценическимъ дѣятелямъ основаны имъ и обязаны ему своимъ существованіемъ; въ другихъ онъ былъ не только щедрымъ вкладчикомъ, но и усерднымъ посѣтителемъ всѣхъ засѣданій. Онъ былъ безсмѣннымъ членомъ петербургской городской думы еще до ея преобразованія, и въ ея нынѣшнемъ составѣ, губернскимъ гласнымъ въ петербургскомъ земскомъ собраніи, членомъ наблюдателемъ въ комитетѣ кредитнаго общества, директоромъ общества взаимнаго страхованія, членомъ вольнаго экономическаго, географическаго и славянскаго обществъ, вездѣ съ уплатой взноса на вѣчныя времена (только въ экономическомъ обществѣ онъ былъ избранъ въ почетные бесплатные члены, за услуги оказанные сельскому хозяйству). Кромѣ того, онъ былъ членомъ многихъ благотворительныхъ учрежденій и разныхъ комиссій. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была изумительна. Занимаясь постоянно своими изданіями, онъ находилъ время быть на всѣхъ засѣданіяхъ, на лекціяхъ, концертахъ, на первыхъ представленіяхъ и дебютахъ въ театрахъ. Онъ не могъ ни минуты

оставаться безъ дѣла, и эта кипучая, дѣятельная жизнь въ водоворотѣ общественнаго движенія конечно не оставляла ему времени писать для своего журнала или своей газеты. И за это также обвиняли его, какъ будто лицо, редактировавшее столько періодическихъ изданій, принимавшее такое живое участіе во всѣхъ выдающихся явленіяхъ общественной жизни, имѣло время заниматься еще составленіемъ журнальныхъ статей и фельетоновъ. Ни Шарль Бюлозъ, основатель «Revue des deux Mondes», ни Бертенъ, основатель «Journal des Débats», ни Вальтеръ, директоръ «Times'a» — не были писателями, также какъ владѣльцы нынѣшнихъ выдающихся сѣверо-американскихъ органовъ. Краевскій имѣлъ полное право сказать, въ Альбомѣ «Русской Старины», что его внутренняя біографія заключается въ тѣхъ милліонахъ листовъ, которые онъ проредактировалъ и издалъ въ теченіе 50-ти лѣтъ. И еще называя эти семь періодическихъ изданій, онъ забылъ упомянуть о «Русскомъ Инвалидѣ» и переводѣ иностранныхъ историковъ и публицистовъ. Этотъ сборникъ, начатый имъ въ 1858 году съ тысячею подписчиковъ, онъ довелъ черезъ два года до 9000 — цифра небывалая для серьезнаго изданія. Общество наше когда-то удивлялось подвигу Каткова, не признававшаго валуевскихъ распоряженій и не печатавшаго его предостереженій въ своей газетѣ. Имѣлъ ли право 73-лѣтній Краевскій, послѣ столькихъ трудовъ на пользу русской литературы и русскаго просвѣщенія, отказаться отъ вторичнаго поступленія подъ цензурный надзоръ, которому онъ подвергался на основаніи новаго временнаго постановленія 6-го іюня 1882 года, послѣ шестимѣсячной пріостановки «Голоса» 13-го февраля 1883 года? А этотъ отказъ лишалъ его возможности, продолжая изданіе газеты, еще болѣе увеличить свое благосостояніе.

Но ни добровольное отреченіе отъ подцензурнаго «Голоса», ни неожиданное черезъ два мѣсяца послѣ того состоявшееся запрещеніе «Отечественныхъ Записокъ» не сломили энергіи этого закаленаго въ борьбѣ старика, этого «кремня», какъ его называли литературные противники, забывая, что изъ кремня можно извлечь искру, которая освѣтитъ и согрѣетъ. Онъ не фрондировалъ и не думалъ объ отдыхѣ, но лишенный возможности дѣйствовать на пользу народнаго просвѣщенія, сталъ съ удвоенною дѣятельностью работать на пользу народнаго образованія. Предсѣдатель съ 1880 года училищной комиссіи при городской думѣ, онъ еще въ 1874 году побудилъ думу войти съ ходатайствомъ о предоставленіи ей права открывать начальныя городскія школы; принявъ отъ министерства народнаго просвѣщенія 16 школъ съ тысячею учениковъ, комиссія въ десять лѣтъ увеличила это число до 260-ти школъ съ 15,000 учениковъ. Одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ замѣтилъ, что процвѣтаніе городскихъ школъ началось при первомъ предсѣдателѣ комиссіи Эвальдѣ. Это совершенно справедливо,

но журналъ забылъ только, что при прежнемъ составѣ думы, въ которой преобладалъ купеческій элементъ, гораздо легче было испрашивать суммы на открытіе школъ, чѣмъ при либеральныхъ владѣльцахъ маргариновыхъ заводовъ и акціонерахъ водопроводныхъ и газовыхъ обществъ. И Краевскій, съ трудомъ вытягивая у думцевъ ассигновки на новыя училища, не только поддерживалъ ихъ личными денежными тратами, но и отдавалъ имъ значительную часть своего времени, почти ежедневно, до постигшей его въ 1886 году болѣзни ноги, лично осматривая по нѣскольку школъ, взбираясь въ пятые этажи на окраинахъ города, присутствуя на урокахъ, экзаменахъ, устраивая въ пользу ихъ лекціи, базары, а для дѣтей—праздники, елки, увеселенія. Дѣти нашихъ горожанъ и ихъ отцы будутъ вѣчно помнить то, что сдѣлалъ для нихъ Краевскій. Свою долгую, плодотворную дѣятельность онъ началъ и завершилъ педагогическими трудами, и въ исторіи народнаго образованія, точно также какъ въ исторіи народнаго просвѣщенія, никогда не забудется имя Краевскаго.

Я попытался набросать только въ общихъ чертахъ характеристику этого энергичнаго литературнаго и общественнаго дѣятеля. О его частной жизни, въ которой были и темныя стороны, говорить еще не время, и не мѣсто въ журнальной статьѣ. Подробное изученіе этого во всѣхъ отношеніяхъ выдающагося типа найдетъ мѣсто въ отдѣльной биографіи.

Вл. Зотовъ.

БАТУМЪ.

(Путевой очеркъ).

I.

ЛИШКОМЪ двадцать лѣтъ тому назадъ, прямо съ университетской скамьи, мнѣ представился рѣдкій случай сопровождать въ заграничномъ путешествіи одного изъ нашихъ извѣстныхъ профессоръ-ботаниковъ.

На высотахъ восточныхъ Альпъ Швейцаріи, въ верхнемъ Энгадинѣ, въ скромномъ горномъ городкѣ Понтрезина, окруженный снѣжными вершинами Бернина, Мортерачъ и Лангуардъ, я впервые познакомился, заочно, съ Кавказомъ, по живымъ и мастерскимъ разговорамъ профессора, постоянно сравнивавшаго все видимое и изучаемое нами съ такими же явлениями на Кавказѣ, гдѣ онъ прожилъ долго и который онъ зналъ основательно. Тогда же возгорѣлось во мнѣ неотвязчивое желаніе побывать непременно на Кавказѣ, чтобы воочию убѣдиться въ превосходствѣ его видовъ, грандіозности его горъ и роскоши ихъ растительности.

Желанію этому однако не суждено было осуществиться скоро; оно почти заглохло совѣтъ, какъ вдругъ пришлось ему воскреснуть съ новою силою. Я получилъ приглашеніе пріѣхать въ Батумъ для примѣненія, къ вновь выстроеннымъ деревяннымъ баракамъ для проходящихъ войскъ, противопожарныхъ средствъ моего изобрѣтенія. Въ числѣ причинъ, побудившихъ меня принять эту работу, въ такомъ дальнемъ и невѣдомомъ краѣ, немаловажную роль играло старое желаніе увидѣть Кавказъ.

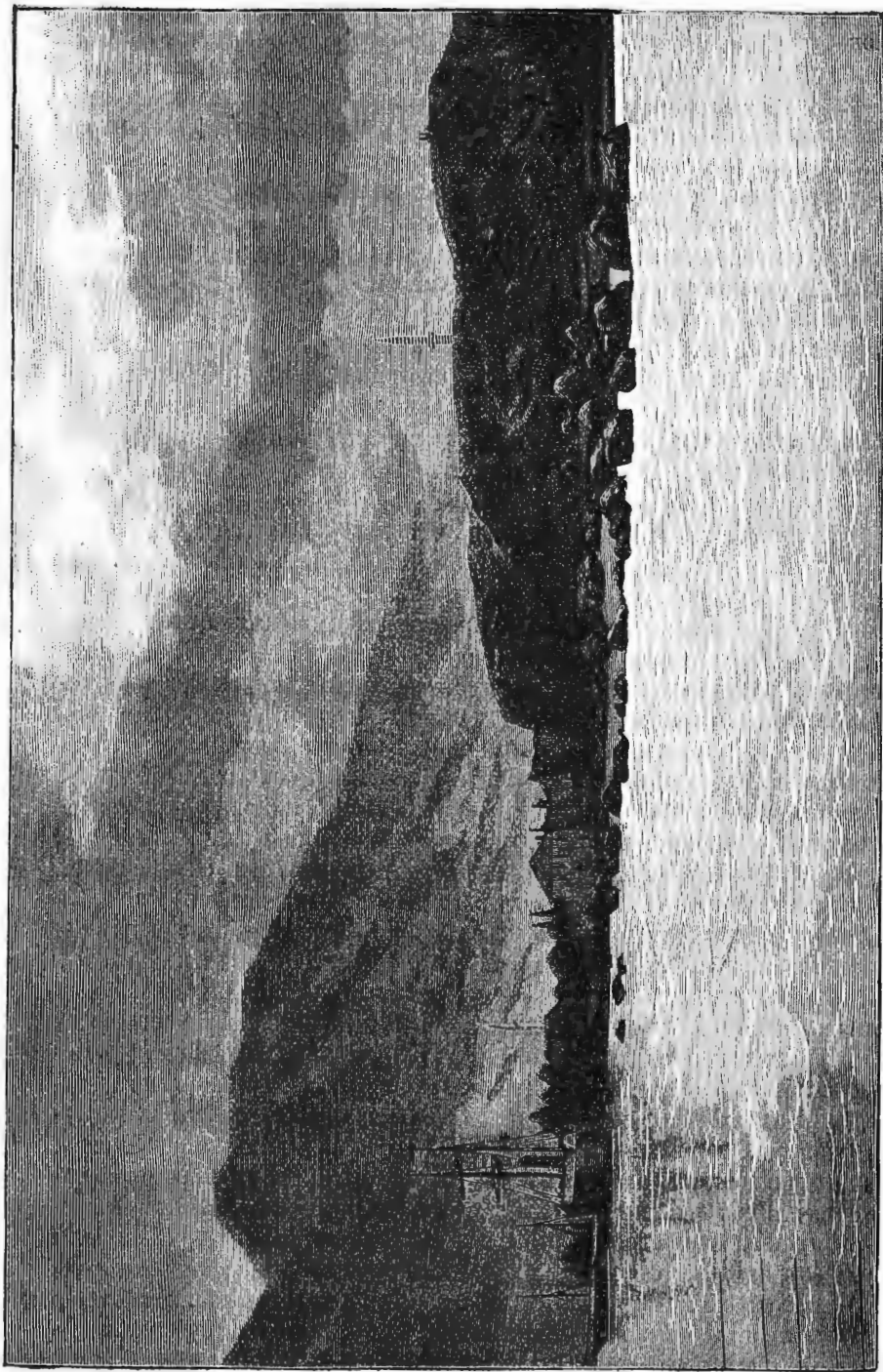
Безконечно длинными казались нескончаемые переговоры, пока дѣло наконецъ уладилось и въ срединѣ прошлаго декабря варшавскій поѣздъ мчалъ насъ по направленію къ Одессѣ, чтобы, затѣмъ, оттуда моремъ ѣхать въ Батумъ. Послѣднее однако не осуществилось—въ этотъ разъ моремъ ѣхать не пришлось, вслѣдствіе непогоды, и хотя избранный путь на Полтаву, Ростовъ, Владикавказъ и Тифлисъ, оказался и очень кружнымъ и долгимъ, но за то вознаграждалъ необходимостью пробѣхать вдоль всего почти Кавказа.

Врестахъ въ ста отъ Ростова, уже явно замѣтны признаки приближенія къ горной странѣ. Необозримая дотолѣ ширь степей все суживается и на горизонтѣ вдали виднѣются дымчатые очертанія горъ. Кругомъ снѣгу нѣтъ и поля выглядятъ въ осеннемъ нарядѣ. Со станціи Крыловской характеръ пробѣгаемой поѣздомъ мѣстности становится гористымъ, но возвышенности еще мягкаго очертанія, всѣ покрытыя лѣсомъ, слѣдовательно не слишкомъ круты и высоки. Въ быстро наступившей ночи, при свѣтѣ полной луны, окрестные виды замѣчательно хороши, а воздухъ напоминаетъ ранній, весенній. За контурами ближайшихъ горъ, на темномъ фонѣ безоблачнаго неба, то тутъ, то тамъ, мелькаетъ дальняя снѣжная вершина.

Съ конечной станціи Ростово-Владикавказской дороги—Владикавказъ и города того же имени, съ широкимъ бульваромъ и улицами и очень опрятнымъ видомъ, кончался желѣзнодорожный путь. Дальше путь лежалъ на лошадяхъ по извѣстной своею дикою живописностью военно-грузинской дорогѣ.

Описать бѣгло эту прелестную во всѣхъ отношеніяхъ дорогу нельзя; подробности же займутъ слишкомъ много мѣста, да при томъ она была не разъ описана и изображена во всѣхъ своихъ болѣе живописныхъ или замѣчательныхъ пунктахъ, перомъ, карандашомъ и кистью, и первыхъ мастеровъ и простыхъ туристовъ. Скажу только, что перевалъ черезъ Большой Кавказъ, на высотѣ 8,000 ф., въ сильную мятежь, какъ намъ это пришлось сдѣлать, хотя и оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе, но довольно утомителенъ.

Величавая грандіозность и суровость общаго вида горъ этой части Кавказа, дѣйствительно, единственная. Еще можетъ идти въ сравненіе небольшой участокъ дороги изъ города Коира (Хура) въ Понтрезина, въ Швейцаріи, такъ называемый Альбула-пассъ; все же остальное—подавляетъ, прежде видѣнныя, горы, своею грандіозностью и, если можно такъ выразится, непомѣрнымъ пространствомъ, занятымъ неизчислимымъ количествомъ вершинъ, скалъ и утесовъ, нагроможденныхъ кругомъ и около, покуда глазъ можетъ хватить. Только послѣднія двѣ станціи до Тифлиса теряютъ этотъ характеръ непрерывнаго горнаго ущелья, такъ какъ здѣсь долина расширена значительно.

Видъ Багума.

Характеристическую особенность этихъ кавказскихъ исполиновъ составляетъ ихъ построение, заключающееся въ томъ, что до самыхъ высокихъ вершинъ, пласты наслоения идутъ, неразрываясь, параллельно другъ съ другомъ; невидно, на глазъ, слѣдовъ разрушительной вулканической дѣятельности, вѣроятно, не славившейся мощностью этихъ массъ и ограничившейся лишь ихъ поднятиемъ.

Проѣзжая по тѣснинамъ и ущельямъ, тѣсно обступающимъ, въ первой половинѣ пути, рѣку Терекъ, а во второй—рѣку Арагву, вѣчно бѣшено мчащія свои воды, съ массою утесовъ кругомъ, зачастую увѣнчанныхъ развалинами замковъ—крѣпостей, становятся понятными тѣ неимовѣрныя трудности, съ которыми приходилось считаться на каждомъ шагу первымъ покорителямъ Кавказа, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснымъ и понятнымъ та привязанность, которую питаетъ туземецъ къ своей чудной странѣ и которая переходитъ нерѣдко и къ нетуземцу, по какимъ-либо обстоятельствамъ попадающему на болѣе долгое пребываніе сюда и сродняющемуся съ краемъ.

Проживъ нѣсколько дней для устройства кое-какихъ дѣлъ въ Тифлисѣ, я отправился по закавказской желѣзной дорогѣ въ Батумъ—конечную цѣль моего путешествія.

Отъ Мцхета дорога круто поворачиваетъ на западъ по направленію къ Черному морю и вплоть до станціи Михайловской идетъ по широкой долинѣ, пробѣгая много живописныхъ мѣстъ, изъ которыхъ въ особенности выдается городъ Гори, своею крѣпостью—цитаделю, украшенною четырьмя угловыми башнями и колоссальною лѣстницею съ одной стороны. Тутъ же, но съ другой стороны дороги, лежитъ оригинальнѣйшій древній подземный городокъ, состоящій весь изъ пещеръ, нынѣ, сверхъ историческаго интереса, представляющій громадный запасъ овечьего гуано, набирающагося въ этихъ пещерахъ изъ года въ годъ отъ загоняемыхъ въ нихъ стадъ. Для предприимчиваго человѣка это обстоятельство могло бы послужить средствомъ составить себѣ большое состояніе.

Дорога, приближаясь къ Сурамскому перевалу, замѣтно идетъ въ гору; поѣздъ двигается значительно медленнѣе, хотя отъ станціи Сурамъ везутъ два локомотива, одинъ спереди поѣзда, другой сзади. Тотъ и другой пыхтятъ усиленно и распространяютъ тяжелый запахъ специфической копоти, такъ какъ топятъ мазутомъ, т. е. нефтью. Съ замѣтнымъ усиліемъ поѣздъ встаскивается по извивающимся зигзагамъ склона Сурамскихъ горъ, которые теперь, своими голыми скалами, заслонили до тѣхъ поръ ясно виднѣвшуюся, направо, цѣпь горъ Большого Кавказа. Верхушки утесовъ одѣты колоссальными кустами альпійской розы—рододендроновъ и отвѣсные бока ихъ усѣяны струйками сочащейся сверху воды, иногда переходящей въ небольшіе водопады. На рубежѣ перевала лежитъ станція Пони, построенная на краю обрыва голой

горы, у подножія которой, далеко внизу, раскинулась прелестная долина, окаймленная широкими волнообразными возвышенностями, съ разсѣянными по нимъ большими деревьями.

У слѣдующей станціи—Ципа—лежащей уже ниже Поти, виднѣется, за долиною, большая цѣпь горъ; у подошвы одной изъ нихъ явственъ рельсовый путь и масса каменнаго щебня и бревень; въ самой же горѣ виднѣется небольшое темное пятно, оказывающееся отверстіемъ Сурамскаго тунеля, строящагося въ обходъ только-что пройденнаго нами перевала. Для керосина, главнѣйшаго груза закавказской дороги, тунель имѣетъ громадное значеніе, сокращая трудный подъемъ и такой же спускъ, но съ прорытіемъ его дорога потеряетъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ участковъ своихъ. До слѣдующей станціи Бежатубанъ мы быстро спускаемся, непрерывно сопровождаемые непріятнымъ звукомъ трожженія поѣзда.

Характеръ горъ рѣзко измѣнился, представляя теперь свои юго-западные склоны, отличающіеся обильною растительностью, ютящейся на каждой пяди горизонтальныхъ площадокъ утесистыхъ горъ. Весь участокъ дороги, до выхода на долину, при приближеніи къ Кутаису, представляетъ рядъ живописнѣйшихъ пунктовъ, не того грознаго вида, какъ военно-грузинская дорога, но едва ли менѣе красивыхъ и болѣе привѣтливыхъ массою растительности и замѣчательнымъ разнообразіемъ очертаній и освѣщенія, соединенныхъ въ одной картинѣ, оживляемой, то селеніемъ, то одинокою церковью, то виноградниками и фруктовыми роціцами, у берега быстрой рѣчки, то чередующимися, на послѣдней, мельницами.

Далѣе поѣздъ бѣжитъ мимо плодородныхъ полей Имеретіи, мимо Кутаиса, Ріона и у станціи Ланхуты поварачиваетъ на югъ, все ближе и ближе подходя къ Черному морю. Уже издали, направо, виднѣется его безграничная водяная площадь, окаймленная въ этомъ мѣстѣ некрасивыми, пустынными пространствами. Давно стемнѣло; воздухъ совсѣмъ теплый, какъ у насъ въ концѣ хорошаго апрѣля. Море почти оmyваетъ полотно желѣзной дороги и лѣниво разбиваются его волны о насыпь ея. Впереди, правѣе, ярко горятъ какіе-то два свѣта—одинъ красноватый, другой совсѣмъ бѣлый—это маякъ Батума и электрическій фонарь, освѣщающій работы на новомъ молѣ. Послѣ небольшой остановки у вѣзда въ городъ, поѣздъ, описавъ огромную дугу по самому городу, подкатываетъ къ очень невзрачной деревянной станціи—Батумъ и мы наконецъ у цѣли своего путешествія.

На станціи обычная при приходѣ поѣзда суетливая толкотня. Съ подъезда виднѣется масса извозчиковъ, выкликающихъ названія разныхъ гостинницъ. Съ перваго взгляда извозчики поражаютъ видомъ своихъ экипажей, такъ называемыхъ фаетоновъ, и

недурными лошадьми, да и сами возницы одѣты чисто, а нѣкоторые даже съ щегольствомъ, въ длинный грузинскій кафтанъ, подпоясанный кушакомъ съ серебрянными украшениями, на головѣ же палахи различной формы и цвѣтовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по приѣздѣ мы находились уже въ гостинницѣ, на берегу моря, и съ плоской крыши ея любовались батумскимъ рейдомъ, блиставшимъ массою сторожевыхъ огней судовъ и электрическимъ фонаремъ на новомъ молѣ. Воздухъ былъ совершенно весенній и изъ-за высотъ окаймляющихъ городъ съ востока вышывалъ большой серпъ луны.

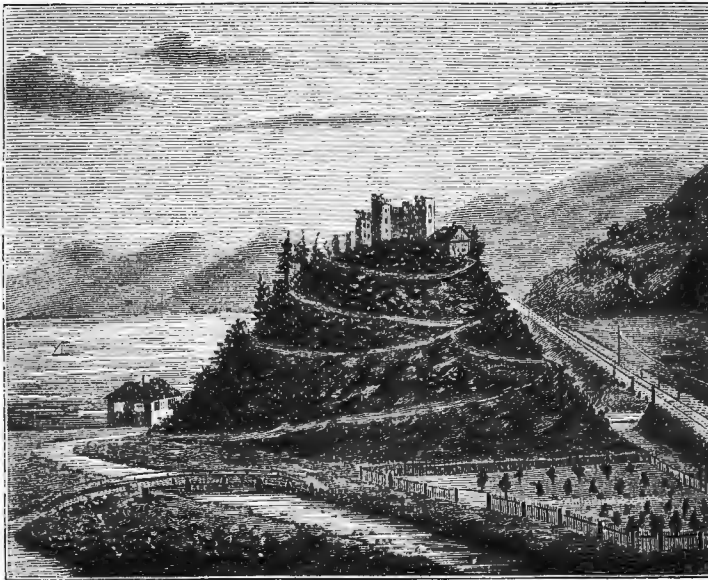
II.

Въ административномъ отношеніи Батумъ и его округъ нынѣ причислены къ Кутаиской губерніи. До присоединенія же онъ былъ главнымъ городомъ Лазистанскаго санджака, который однако присоединенъ къ намъ не весь. Изъ семи составлявшихъ его казъ (уѣздовъ) отошли къ намъ четыре—Батумская, Аджарская, Ливская и часть Хоппской, въ составѣ одного округа (нахе) Гонійскаго, другой же округъ этой казы и еще три казы—Архавская, Хемшинская и Атинская,—стались за Турцію. Такимъ образомъ общая граница батумской области составляетъ линію отъ поста св. Николая, по прежней границѣ Озургетскаго уѣзда Кутаиской губерніи, далѣе—линія Ахалцыхскаго уѣзда, Тифлиской губерніи,—Ардаганскаго уѣзда Карской области и по границѣ упомянутыхъ и оставшихся за Турціей частей Лазистанскаго санджака и, наконецъ, по Черному морю.

Батумская и Карская области, эти единственные реальные выгоды нашей послѣдней войны съ Турцію, уступленные намъ по берлинскому договору, въ моментъ фактическаго принятія ихъ отъ турокъ, доставляли намъ не малую заботу, какъ вслѣдствіе обычной медленности и увертливости турецкихъ властей, такъ въ особенности, вслѣдствіе тревожныхъ слуховъ о готовившемся будто бы сопротивленіи жителей, вызванномъ англійскими агентами. Ничего подобнаго однако, къ счастью, не произошло—все обошлось благополучно, мы мирно вступили въ Батумъ и, конечно, навсегда останемся въ немъ.

Дѣйствительная исторія возникновенія Батума неизвѣстна, хотя уже въ началѣ II вѣка по Р. Х., онъ упоминается не разъ подъ именемъ *Bathys*, какъ римская военная станція. До конца XV вѣка всею страню владѣли представители туземнаго княжескаго рода Гуріели, но въ это время одинъ изъ нихъ, въ несчастливой войнѣ съ турками, потерялъ свои владѣнія, которыми и овладѣли турки. Въ 1564 г. эти послѣдніе вновь были вытѣснены однимъ изъ кня-

зей Гуріели, по имени Ростомъ, но не надолго. Затѣмъ батумская страна много разъ переходила изъ владѣнія своихъ мѣстныхъ князей во владѣніе турокъ, укрѣпившихся въ ней окончательно съ 1610 года. Сначала управленіе страпою все-таки предоставлялось мѣстнымъ правителямъ—бекамъ, и такъ какъ владычество турокъ выражалось слабо, ограничиваясь лишь небольшою данью съ жителей, то управленіе бековъ было почти неограниченнымъ. Этотъ порядокъ, однако, мало-по-малу, измѣнялся послѣдующими турецкими правителями и при одномъ изъ нихъ, ахалцихскомъ пашѣ Ахметѣ, силою были введены прямые налоги, обязательная военная повинность и турецкое чиновничество; при преемникѣ же

Зámokъ Тамары близъ Батума.

Ахмета, Абдулѣ-пашѣ, мѣстные беки потеряли и свои земельныя владѣнія и должны были довольствоваться простымъ полученіемъ жалованья. Такимъ образомъ, эта область была сравнена, по управленію, со всѣми остальными частями Турціи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Батумъ описывается посѣтившими его путешественниками какъ большая деревня, съ значительнымъ числомъ жителей, но съ совершенно ничтожною торговлею и тѣмъ болѣе промышленностью, ограничивавшеюся рыболовствомъ. Такимъ застаеть Батумъ и наша крымская война; въ моментъ же перехода его въ наши владѣнія въ 1878 году, въ немъ насчитывалось до трехъ тысячъ жителей; въ 1884 году это число, по официальнымъ даннымъ, опредѣлялось въ четыре тысячи; въ настоящее же время оно должно быть, по крайней мѣрѣ, утроено.

Общій составъ населенія области крайне разнообразенъ и состоитъ изъ кобулетцевъ, армянъ, грековъ, черкесовъ, курдовъ и лазовъ, въ городѣ же къ этимъ представителямъ разныхъ племенъ присоединяются еще евреи, иностранцы-европейцы разныхъ наименованій и небольшое число татаръ и турокъ.

Основное населеніе—кобулетцы, составляютъ грузинскую отрасль и говорятъ языкомъ ничѣмъ не отличающимся отъ гурійскаго говора. Типы ихъ, костюмы, нравы, обычаи—тоже гурійскіе.

Мужчины носятъ, вмѣсто головного убора, башлыкъ (такія живописно обернутый кругомъ головы или одѣтый просто, какъ капюшонъ западныхъ монаховъ и придающій ихъ строгимъ, задумчивымъ лицамъ какой-то библейскій видъ. Платье состоитъ изъ плотно облегающихъ станъ жилета (элеги) и такой же куртки (чаха). Башлыкъ и куртка всегда темнаго цвѣта, жилетъ же часто яркихъ цвѣтовъ и въ разводахъ. На ногахъ шаровары, отличающіеся безчисленнымъ множествомъ складокъ въ поясной части, въ особенности сзади, отчего они походять на турнюръ. Нижняя же часть шароваръ, доходящая обыкновенно до колѣнъ, наоборотъ очень узка. Какъ шаровары, такъ и куртка, обыкновенно изготовляются изъ домашняго грубаго сукна изъ некрашенной шерсти. Обувь составляютъ классическіе чувяки—родъ туфель-ботинокъ, зачастую изъ цѣльнаго куска кожи, даже безъ особой подошвы.

Женщины заплетаютъ волосы въ безчисленное множество косичекъ, прикрываютъ голову сѣро-синеватою чадрою, называемою чарчабе, подъ которую иногда надѣвается еще феска. Покрывало это спускается по всему платью, состоящему, во-первыхъ, изъ рубашки по колѣна, называемою перанга, такой же длины юбки съ талією и передника, зачастую богато расшитаго. На ноги надѣты тоже шаровары, только значительно шире, чѣмъ мужскіе, и болѣе длинные, доходящіе до щиколки.

Греки и армяне живутъ только въ городѣ и исключительно занимаются торговлею, кромѣ того, греки содержатъ свѣстныя лавки и мелкіе рестораны.

Курды не составляютъ осѣдлыхъ жителей и появляются лишь зимою въ долину рѣки Чороха, около Кахабери.

Что же касается знаменитыхъ лазовъ, о возстаніи которыхъ такъ много говорилось при занятіи нами края, то ихъ оказывается въ батумской области самое ничтожное количество, такъ какъ изъ мѣстностей области лазами населены лишь двѣ деревни—Макріели и Мараиди.

Черкесовъ еще меньше лазовъ, всего около 500 человекъ, но и это малое количество не долюбивается коренными жителями, потому что черкесы крайне безпокойные и вороватые сосѣди.

Турокъ тоже очень немного и они живутъ преимущественно въ городѣ. Между ними есть нѣсколько очень богатыхъ и почтен-

ныхъ людей, скромно и тихо живущихъ въ Батумѣ и рѣдко, развѣ по случаю какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, появляющихся въ обществѣ.

Представители же различныхъ европейскихъ націй составляютъ небольшой контингентъ служащихъ лицъ въ разныхъ иностранныхъ торговыхъ конторахъ, которыхъ немало въ Батумѣ.

Наконецъ, что касается до евреевъ, то ихъ довольно много и они, какъ и вездѣ, исключительно проживаютъ въ городѣ, зани-

Турецкая баня въ Батумѣ.

маясь торговлею, и еще болѣе различными агентурами, въ особенности по керосиновому дѣлу и число ихъ, конечно, увеличится еще болѣе, послѣ воцаренія на керосиновомъ и нефтяномъ поприщѣ Ротшильда и, мнѣ кажется, Батуму скоро придется посерьезнѣе взглянуть на возрастающій наплывъ этихъ мало удобныхъ новыхъ согражданъ.

До сихъ поръ мы еще не упоминали о представителяхъ нашего народа, т. е. о русскихъ. Ихъ не особенно много и они составляютъ преимущественно контингентъ служащихъ въ различныхъ вѣдомствахъ, если не считать двухъ мелочныхъ торговцевъ, торгующихъ на улицѣ, безъ особаго помѣщенія, прямо раскладывающихъ свой товаръ по тротуару и на заборѣ. Одинъ изъ нихъ добродушнѣй-

пшій толстякъ и весельчакъ, торгуетъ лакированной деревянною посудою московскаго издѣлія, народными книжонками и лубочными картинками. Другой, длинный, худой, типъ ярославца, помѣщается рядомъ и торгуетъ скобеннымъ товаромъ, клеенкою и отчасти картинками. Мѣсто выставки ихъ товара, занимающее нѣсколько саженъ по забору главной турецкой бани, служитъ до поздняго вечера толчею самыхъ разнообразныхъ посѣтителей. Въ особенности длинная вереница лубочныхъ картинъ и разложенный скобенный товаръ привлекаетъ массу туземцевъ, подолгу стоящихъ и разсматривающихъ выставленное, при чемъ происходятъ оживленныя бесѣды и своеобразныя объясненія. Русскихъ же мастеровыхъ и рабочихъ, кромѣ одного плотника, я не встрѣчалъ.

Общій обликъ Батума на столько же неопредѣленный, насколько разнообразны по типу его жители. Для бѣглаго обозрѣнія города хорошимъ пунктомъ служитъ громадная плоская крыша Центральной гостинницы, большого зданія съ фасадомъ на три улицы, крайне безвкусно выкрашеннаго въ черный цвѣтъ, какою-то смолою, для предохраненія стѣнъ отъ сырости. Съ этой крыши виденъ весь городъ во все стороны. Къ сѣверу виднѣется безграничная площадь моря, съ прекраснымъ и оживленнымъ рейдомъ и пристанями у берега и вдоль послѣдняго съ массою судовъ всякаго рода и подъ различными флагами, три-четверти изъ коихъ, т. е. судовъ, грузятся керосиномъ. Къ востоку рейдъ окаймляется рядомъ горъ, принадлежащихъ къ группѣ Чаквинскихъ, Цихидзирскихъ и Махинджаурскихъ высотъ, и вдали за ними, къ морю, на самомъ горизонтѣ тянется въ туманныхъ контурахъ Большой Кавказскій хребетъ. Ближе же къ городу и къ югу встаютъ, вершина за вершиною, высоты Малаго Кавказа и Аджарскихъ горъ. По этому направленію лежитъ старая часть города, отличающаяся своимъ несомнѣнно восточнымъ характеромъ, вслѣдствіе множества зданій съ плоскими крышами, своеобразныхъ куполовидныхъ крышъ бань и двухъ минаретовъ. Прямо къ юго-западу лежитъ новая часть города, съ зданіями на европейскій ладъ, оканчивающимися у слабой еще зелени городского сада недавняго насажденія. Къ сѣверо-западу лежитъ остальная часть города, тоже преимущественно европейскаго вида съ большими зданіями, между которыми одиноко, но очень красиво, на чистой синевѣ небесъ и дальняго моря, рисуется большой, каменный, бѣлый минаретъ главной мечети, а сзади нея высокія насыпи и откосы форта Бурунъ-Табія и батумскій маякъ; лѣвѣе ихъ, вдоль моря, тянется узкое, длинное насажденіе различныхъ деревьевъ съ дорожками, именуемое бульваромъ.

По направленію съ востока на западъ и затѣмъ съ отклоненіемъ на сѣверъ, подходя почти къ морю, проходитъ по всему городу желѣзная дорога. Прежній городъ обрывался у линіи дороги,

но теперь, разрастаясь, онъ уже перешагнулъ четырьмя или пятью кварталами за линію дороги, на мѣста, гдѣ еще недавно прогуливались ночью лишь шакалы, а теперь стоятъ лучшіе дома Батума и гдѣ больше всего на высокихъ флагштокахъ развѣваются флаги, указывающіе мѣстопребываніе консуловъ различныхъ государствъ.

Всѣ дома въ Батумѣ поражаютъ непривычный глазъ одною особенностью: одна сторона ихъ, и именно западная, всегда обита листовымъ желѣзомъ, большею частью выкрашеннымъ подъ цвѣтъ крыши или остальныхъ стѣнъ. Возводитъ подобныя стѣны заставляютъ жителей присущіе Батуму дожди, отличающіеся своею продолжительностью и силою. Оригинально выглядятъ съ такою же предохранительною стѣною, но только изъ бѣлой блестящей жести отъ остатковъ керосиновыхъ флягъ,—турецкія лачужки—домики, выстроенные, по мѣткому мѣстному опредѣленію, изъ макаронныхъ ящиковъ.

Въ домахъ на европейскій ладъ имѣются печи разнаго рода, въ турецкихъ же домахъ печей нѣтъ, какъ и во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ. Согрѣваніе происходитъ посредствомъ мангалъ—обыкновенной высокой жаровни на ножкахъ, въ которой тлѣетъ древесный уголь, изрѣдка съ примѣсью каменнаго. Чтобы разжечь такую мангалу, уголь обыкновенно обливаютъ керосиномъ, а потому, независимо отъ легкаго угольнаго чада, получается еще довольно сильный и крайне непріятный запахъ, или просто вонь, пригорѣлаго керосина,—характерный запахъ всего Батума въ дождливое или прохладное время, убійственный для непривычнаго носа. На этихъ же мангалахъ варятъ и жарятъ разное кушанье, въ томъ числѣ и традиціонный шашлыкъ.

Въ городѣ поражаетъ значительное число какихъ-то довольно странныхъ, не то заброшенныхъ, не то недоконченныхъ построекъ, видимо подготовлявшихся для помѣщенія магазиновъ. Большая часть ихъ дѣйствительно имѣли такое назначеніе, но теперь брошены совсѣмъ, послѣ уничтоженія порто-франко Батума.

Между тѣмъ Батумъ положительно страдаетъ недостаткомъ жилыхъ помѣщеній, вслѣдствіе постояннаго наплыва жителей, особенно служащихъ и холостыхъ, болѣе всего чувствующихъ этотъ недостатокъ. Меблированныхъ комнатъ, въ столичномъ смыслѣ, въ Батумѣ нѣтъ совсѣмъ; они здѣсь замѣняются номерами гостинницъ и хотя послѣднихъ довольно количество, но онѣ постоянно всѣ заняты, такъ что найти подходящее, и, въ особенности, недорогое помѣщеніе въ Батумѣ составляетъ немаловажное затрудненіе. Отдѣльные квартиры, или, по мѣстному обычаю, чаще небольшіе отдѣльные дома, хотя и имѣются, но они непомерно дороги. За небольшіе 4—5 комнатъ, безъ всякихъ удобствъ, нужно заплатить не дешевле 900 рублей. Вода въ дома не проведена; хотя Батумъ и имѣетъ водопроводъ, но его вода для питья считается мало при-

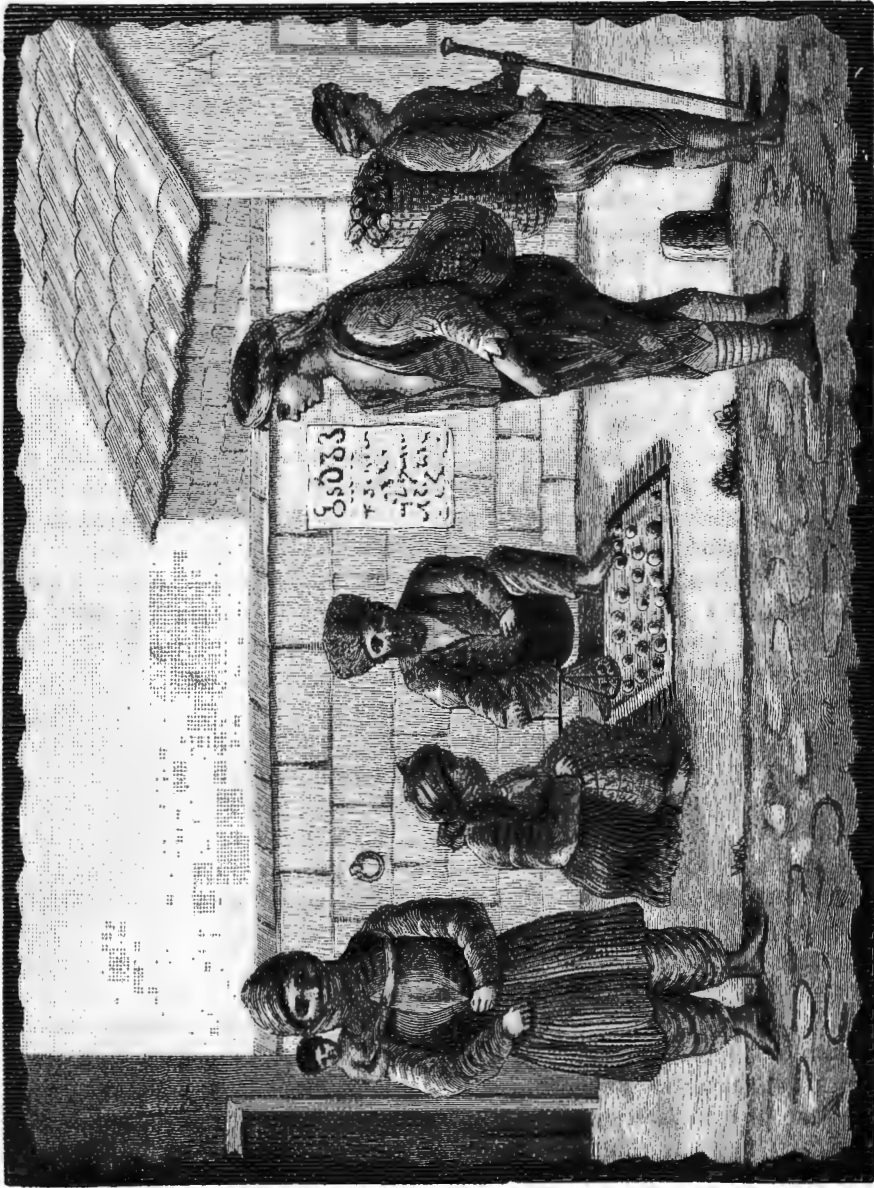
годною и ее приходится брать изъ двухъ городскихъ фонтановъ, около которыхъ цѣлый день толчется куча народу, преимущественно женщинъ, приходящихъ за водою съ характерными узкогорлыми, высокими и пузатыми глиняными кувшинами.

Заговоривъ о водѣ, скажемъ кстати кое-что и о баняхъ, которыя въ ряду другихъ зданій города, выдѣляются своими крышами, представляющими цементные купола полушарообразной, а иногда и грушевидной формы, усѣянные небольшими выпуклыми круглыми стеклами. Самая обширная изъ бань—это такъ называемая губернаторская—довольно неуклюжее зданіе изъ дикаго камня, увѣнчанное пятью купалами, при чемъ средній больше всѣхъ. Входныя сѣни и предбанникъ составляютъ обширный залъ, съ мраморнымъ поломъ; кругомъ стѣнъ идетъ галлерейя, поддерживаемая весьма красивыми колоннами. Подъ галлереею двери въ отдѣленія—большія общія и меньшія отдѣльныя. Какъ въ залѣ, такъ и въ каждомъ отдѣленіи, имѣется по фонтану. Женская половина совершенно отдѣлена и по устройству ничѣмъ не отличается отъ мужской половины.

Посѣщаются бани очень усердно, во всѣ дни недѣли и преимущественно вечеромъ. Турчанки и вообще женщины имѣютъ свой день—четвергъ. Баня для турецкой женщины замѣняетъ вполнѣ клубъ,—только здѣсь она можетъ, безъ всякаго стѣсненія обыкновеннымъ этикетомъ, наболтаться со всѣми своими знакомыми, а потому и неудивительно видѣть у бань, въ особенности вечеромъ, много экипажей, ожидающихъ у подъѣзда, иногда часа по четыре и болѣе, своихъ владѣтельницацъ.

На сколько зимою посѣщаются бани, на столько же весною и лѣтомъ посѣщается купанье въ морѣ, происходящее по всему берегу, но преимущественно вдоль бульвара, гдѣ въ одномъ мѣстѣ, для этой цѣли имѣется небольшой купальный домъ, конечно, далеко не могущій вмѣстить всѣхъ желающихъ, и потому послѣдніе раздѣваются и купаются вдоль всего бульвара, при чемъ, надо замѣтить, купальные костюмы не въ модѣ.

Почти всѣ улицы Батума мощены обыкновеннымъ булыжникомъ, собираемымъ для этой цѣли тутъ же вблизи, на берегу моря. Жаль только, что многія улицы мощены не сплошь, а только по срединѣ, отчего оба края являются источниками непомерной пыли. Вообще мостовая содержится довольно порядочно, кромѣ одного пути, представляющаго верхъ безобразія, по совершенной непрѣздности своей. Ухабъ на ухабѣ, весь развѣзженный глубокими колесными колеями, въ небольшой даже дождь превращающійся въ сплошной сѣрый кисель, мѣстами въ добрыя двѣ четверти глубиною и сверхъ всего этого въ одномъ мѣстѣ еще переувѣченный ручьемъ,—таковъ непреувеличенный видъ главной и чуть ли не единственной дороги, по которой, безъ усталы, цѣлый

Багумские типы.

день происходитъ подвозъ керосина къ набережной, для нагрузки на суда. Сцены, которыя приходится видѣть по этой дорогѣ, даже въ сухую погоду, и страшныя мученія выносимыя несчастными лошадьми не поддаются по своему безобразію рѣшительно никакому описанію.

Въ общемъ, однако, Батумъ довольно чистый городъ, кромѣ, конечно, нѣкоторыхъ окраинъ, напримѣръ за турецкимъ кварталомъ или за городскимъ садомъ. Кому, впрочемъ, обязанъ городъ этою относительною чистотою—сказать трудно: полицейскій штатъ ничтоженъ по количеству; дворниковъ, какъ у насъ, въ Батумѣ нѣтъ совсѣмъ; приходится, слѣдовательно полагать, что главный радѣтель чистоты, это довольно частые и обильные дожди, да развѣ еще несмѣтное количество собакъ являющихся главными блюстителями чистоты около мясныхъ рядовъ, базаровъ турецкаго и европейскаго.

Оба эти базара, то-есть собраніе легкихъ деревянныхъ будокъ для торгова живностью и овощами, и небольшой рыбный базаръ, на набережной—составляютъ центръ, гдѣ сосредоточивается все съестное, потребляемое жителями Батума. При ближайшемъ ознакомленіи съ торгомъ этихъ базаровъ выяснилось странное обстоятельство, что всѣ появляющіеся на нихъ продукты, за совершенно ничтожнымъ исключеніемъ, привозятся очень издалека, а ближайшія окрестности Батума не доставляютъ ничего. Такъ вся битая домашняя птица и дичь доставляются, безъ исключенія, изъ Кутаиса, оттуда же идутъ и овощи; сыръ и масло—изъ Тифлиса и Одессы; мясо—изъ Кутаиса и только баранина мѣстнаго боя, а потому совершенно понятны поразившія меня, вначалѣ, высокія цѣны всѣхъ этихъ продуктовъ, почти равняющіяся нашимъ столичнымъ цѣнамъ. Мѣстные же продукты, какъ напримѣръ, нѣкоторыя овощи (редисъ, брюква, морковь) обличаютъ полнѣйшіе неумѣніе ухода и выращиванія ихъ. Фрукты тоже дороги и хотя по виду крупны и приглядны, но отъ плохого ухода обладаютъ терпкимъ мясомъ; виноградъ продается по нашимъ петербургскимъ цѣнамъ и даже дороже; одно только вино относительно дешево и при томъ очень хорошо.

Причина подобнаго отсутствія окрестнаго производства и слѣдовательно необходимость дальняго привоза, какъ говорятъ, лежитъ въ недавно уничтоженномъ порто-франко Батума. За время порто-франко, все южное побережье Чернаго моря, и въ особенности Константинополь, поставляли въ Батумъ рѣшительно все, начиная съ капусты и кончая разными деликатесами,—всего привозилось много, цѣны стояли невысокія и слѣдовательно производить самимъ жителямъ не было никакого расчета. Затѣмъ порто-франко уничтожилось, прекратился привозъ и хотя требованіе вслѣдствіе увеличившагося числа жителей и возросло, но производство мѣст-

ныхъ продуктовъ еще не образовалось, несмотря на то, что по почвѣ и въ особенности по климату, это дѣло общааетъ въ будущемъ умѣлому предпринимателю и хорошій сбытъ и хорошіе барыши.

Характерную особенность овощнаго торга составляетъ множество разнаго рода пряныхъ и душистыхъ травъ, продаваемыхъ для потребленія въ сыромъ видѣ. Хорошій туземный столъ изобилуетъ ими и ихъ ѣдятъ безостановочно между блюдами. Последнія въ мѣстномъ обѣдѣ довольно однообразны, такъ какъ преимущественно все вертится на баранинѣ, въ многообразномъ только видѣ приготовленія. Главнѣйшее блюдо составляетъ шашлыкъ; этимъ именемъ впрочемъ называется не только одна баранина жаренная на вертелѣ, но и другія мяса зажаренныя тѣмъ же способомъ. Затѣмъ болѣе всего въ почетѣ жаренная птица—курица и индѣйка, изрѣдка фазанъ и въ определенное время дичь, между которою больше всего попадается родъ куропатки—турачь, а по-грузински—каха. Далѣе главную ѣду составляетъ рыба: кефаль, камбала и султанка (мелкая рыба)—мѣстнаго лова; остальные сорта рыбъ—судакъ, щука и форель, по-грузински кормахи—привозные. Рыба изловленная въ батумскомъ заливѣ вся пропитана вкусомъ и запахомъ керосина и потому понятно, что какъ вареная, такъ и жареная, она крайне непріятнаго вкуса; однако народъ видимо свыкъся съ этимъ и покупаетъ рыбу мѣстнаго лова въ значительномъ количествѣ, не имѣя возможности платить дороже за ловленную въ другихъ мѣстахъ побережья.

Какъ питье, исключительно въ ходу вино, какъ мѣстное, такъ и кахетинское. Сверхъ того, Батумъ потребляетъ много сельтерской воды и лимонаду, что доказывается существованіемъ трехъ заводовъ искусственныхъ водъ.

Для полноты перечисленія всего потребляемаго, слѣдуетъ еще упомянуть о мѣстахъ продажи хлѣба и готоваго кушанья. Употребительнѣйшій хлѣбъ бѣлый, въ родѣ нашего петербургскаго, извѣстнаго подъ именемъ ситника, но много хуже выпеченный и тяжеловатый; затѣмъ идутъ разные мѣстные печенія, въ числѣ коихъ видное мѣсто, по потребленію, принадлежитъ небольшимъ круглымъ булочкамъ изъ кукурузной муки, называемымъ чуреки и тонкимъ огромнаго размѣра лепешкамъ-лавашамъ—служащимъ при ѣдѣ и какъ хлѣбъ, и какъ тарелка, и какъ салфетка. Какъ признакъ нашего вліянія, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ пекарняхъ бублики или баранки, очень хорошо сдѣланные и такъ и называемые «русскими».

Что касается мѣстъ продажи готоваго кушанья, то это обыкновенно весьма небольшія, тѣсныя помѣщенія, всегда находящіяся въ нижнемъ этажѣ, со входомъ прямо съ улицы. Отъ входа сдѣлано большое окно, но безъ рамъ, въ которомъ выставленъ рядъ весьма ѣмкихъ и своеобразныхъ кастрюль, отличающихся опрятностью и

содержащихъ различные изготовленные кушанья, исключительно туземной и греческой кухни. Изготовление происходитъ тутъ же, такъ какъ рядомъ съ выставкою, занимая не рѣдко болѣе полкомнаты, помѣщается и варительная печь, около которой всегда хлопочетъ хозяинъ-грекъ, въ красной фескѣ на головѣ, готовящій, рѣжущій, наливающій и разносящій посѣтителемъ произведенія своего кулинарнаго искусства. Меню очень разнообразно; всегда имѣется на лицо два, три супа и пять, шесть отдѣльныхъ блюдъ, опрятно и вкусно изготовленныхъ и въ этомъ отношеніи совсѣмъ не гармонирующихъ съ тѣснымъ, невзрачнымъ помѣщеніемъ и посѣтителемъ, большею частью, рабочимъ людомъ.

Для людей достаточныхъ существуютъ много кофейныхъ, различныхъ какъ по обстановкѣ, такъ и по посѣтителемъ. Въ одной изъ нихъ мы были однажды свидѣтелями оригинальной картины. За столомъ, передъ стаканомъ вина, сидѣлъ молодой человекъ въ туземномъ костюмѣ и громко распѣвалъ какую-то пѣсню. Воодушевляясь все болѣе и болѣе онъ своимъ пѣніемъ видимо воодушевлялъ и всю окружавшую его публику, принявшуюся вторить припѣвомъ каждому куплету пѣсни пѣвца. Онъ пѣлъ все громче и громче и пѣснь его лилась, то бравурнымъ темпомъ, то медленно и грустно, то переходила въ скороговорку, то слышалось подражаніе выстрѣламъ. Къ сожалѣнію, содержаніе пѣсни оставалось для меня непонятнымъ, по слишкомъ малому знакомству съ языкомъ, но мнѣ сказали, что это эпическое стихотвореніе, въ которомъ изображается военный эпизодъ изъ схватокъ туземцевъ съ турками. Этой пѣснѣ повидимому не было конца—куплетъ слѣдовалъ за куплетомъ, при не ослабѣвающемъ паосѣ пѣвца и присутствующихъ. Наслушавшись вдоволь я ушелъ, но звуки пѣсни еще долго провозжали меня по улицѣ.

Мѣсть для гулянья въ Батумѣ немного. Для этой цѣли служить городской садъ и такъ называемый бульваръ; первый однако посѣщается меньше, вѣроятно потому, что онъ лежитъ на окраинѣ города и представляетъ мало тѣни, по молодости своихъ насажденій. Садъ этотъ интересенъ собраніями своихъ растений, между которыми есть не мало представителей болѣе теплыхъ странъ: распланировку его нельзя назвать удачною и еще менѣе,—избранное подъ него мѣсто, плоское и голое кругомъ; только, омывающее садъ съ одной стороны, небольшое озеро нѣсколько разнообразитъ крайне унылый и пустынный видъ этой мѣстности.

Бульваръ тоже совсѣмъ молодое насажденіе, вдоль морского берега, относительно узкое, но очень длинное, посреди котораго стоитъ бесѣдка съ площадкою на верху, откуда открывается прелестный видъ на море. Деревья бульвара хотя и немного больше чѣмъ въ саду, но они едва ли когда-либо разростутся вполнѣ, такъ какъ слишкомъ подвержены иногда сильнымъ вѣтрамъ съ моря, омы-

вающаго бульваръ во всю его длину и зачастую, при сильномъ волненіи, заливающаго даже крайнюю дорожку.

По части же умственной пищи активъ Батума очень слабъ. Въ немъ только одна первоначальная и двѣ частныя школы. Впрочемъ, недавно открыта еще ремесленная школа. Для чтенія имѣется одна библіотека недавно перебравшаяся изъ Кутаиса; въ ней же помѣщается единственная книжная торговля. Библіотека снабжена сноснымъ выборомъ книгъ, имѣетъ почти всѣ наши большіе журналы и кажется не можетъ пожаловаться на отсутствіе подписчиковъ; отдѣлъ же продажныхъ книгъ ничтоженъ. Кромѣ того, имѣетъ свою библіотеку военное общество, состоящее почти исключительно изъ артиллеристовъ, и помѣщающееся внѣ города, въ такъ называемомъ военномъ городкѣ, расположенномъ у подножія окружающихъ Батумъ возвышенностей.

Санитарное и гигиеническое состояніе Батума безъ всякаго сомнѣнія значительно улучшилось со времени его присоединенія, хотя, по нѣкоторымъ условіямъ мѣстности, городъ сохраняетъ за собою славу разсадника упорныхъ и злокачественныхъ лихорадокъ, обусловленныхъ какъ высокою среднею, такъ въ особенности, лѣтнею температурами при обильныхъ водяныхъ осадкахъ. Кромѣ того, къ одной изъ немаловажныхъ причинъ такой дурной славы, слѣдуетъ причислить довольно обширное болотистое пространство, окаймляющее городъ съ востока, вдоль линіи желѣзной дороги и у подножія ближайшихъ возвышенностей. Болотистое пространство это, кишашее почти круглый годъ разными представителями земноводныхъ и заросшее болотистыми растеніями, при наступленіи болѣе теплой погоды быстро пересыхаетъ и теряя такимъ образомъ, необходимую для его обитателей влагу, быстро начинаетъ гнить и безъ всякаго сомнѣнія составляетъ причину развитія маляріи. Высушка этого болота и уничтоженіе кустистыхъ зарослей съ массами огромнаго папортника-орляка, много способствовало бы оздоровленію окружающаго городъ воздуха.

Многими врачами Батумъ съ нѣкоторыхъ поръ рекомендуется какъ санитарная станція для туберкулезныхъ больныхъ, при чемъ это указаніе основывается очевидно на общепринятомъ основаніи приморскаго положенія города; но слѣдя внимательно за ходомъ атмосферическихъ измѣненій Батума, нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ на его санитарныя качества. Повышеніе температуры весенней на лѣтнюю идетъ слишкомъ быстро и потому скоро наступаютъ жаркіе дни, мало умѣряемые близостью моря, и при отсутствіи настоящей растительности—воздухъ скоро становится душнымъ, сухимъ и, при бездождіи, пыльнымъ, а это конечно не можетъ благотворно дѣйствовать на слабогрудыхъ и легочныхъ больныхъ. Зимній же сезонъ слишкомъ обилень водяными осадками. И дѣйствительно для многихъ больныхъ этого рода, пріѣзжающихъ въ Батумъ, онъ оказывается послѣднею землею станціею.

Затронувъ въ бѣгломъ очеркѣ всѣ болѣе или менѣе выдающіяся черты, характеризующія Батумъ, слѣдуетъ въ заключеніе упомянуть и о его окрестностяхъ, тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ имѣетъ бальнеологическое значеніе и слѣдовательно подходит непосредственно къ только-что упомянутому нами вопросу.

Эта мѣстность есть одно ущелье Махинджаурскихъ возвышенностей, лежащее въ верстахъ въ двѣнадцати отъ Батума, почти по линіи желѣзной дороги и извѣстное подъ именемъ Панцыря. Особенность этого пункта состоитъ въ томъ, что здѣсь имѣется сѣрный источникъ, при которомъ выстроено, довольно безтолковое, зданіе, съ небольшимъ подобіемъ ваннъ для купанья. Все устройство принадлежитъ инициативѣ теперешняго владѣльца Панцыря, родомъ баварца, оригинальнаго и надо сказать мало умѣлаго или скорѣе неудачливаго піонера этого дѣла. Даже право владѣнія его этою мѣстностью находится подъ какимъ-то сомнѣніемъ, а эксплуатация какъ источника, такъ въ особенности остальнаго хозяйства, отнюдь не оправдываетъ выдержку и практичность, обычныхъ въ представителяхъ націи теперешняго владѣльца Панцыря. А между тѣмъ, какъ свойства и качества источника, такъ равно и близкое (версты двѣ) растояніе отъ желѣзной дороги, даютъ право предполагать, что въ будущемъ, въ особенности при затратѣ извѣстнаго капитала, Панцырь сдѣлается непременно одною изъ извѣстныхъ лечебныхъ станцій. Само ущелье, нѣсколько мрачное по своей узкости, тѣмъ не менѣе крайне живописно склономъ горъ, густо усѣянныхъ превосходными и громадными деревьями въ перемежку съ кустами рододендроновъ.

По среди пути, отъ Батума къ Панцырю, на берегу моря, лежитъ небольшая возвышенность, конусообразной формы, по которой вьется дорожка, приводящая на вершину горы къ находящимся на этой вершинѣ развалинамъ замка Тамары. Склоны горы усѣяны различными плодовыми деревьями, между которыми живописно извиивается и образуетъ цѣлые заросли плющъ и розы. Въ особенности хороша небольшая верхняя площадка у подножія развалинъ, съ прелестнымъ видомъ на море и бѣлѣющей вдали Батумъ, съ одной стороны, и безконечную цѣпь горъ, съ другой стороны. Этотъ пунктъ излюбленное мѣсто гулянья батумцевъ.

Вблизи города находится еще очень красивое мѣсто называемое Саук-су, отъ ручья здѣсь протекающаго. Отсюда самый лучший видъ на Батумъ, лежащій внизу какъ на ладони, а за нимъ безпредѣльная площадь Чернаго моря, не оправдывающаго въ прекрасный весенній день своего названія, такъ какъ оно совершенно голубое.

Въ противоположную сторону отъ описанныхъ окрестностей Батума, по направленію къ юго-западу, по Артвинскому шоссе, идетъ дорога къ одному изъ мѣстъ также посѣщаемыхъ всѣми, у

сліянія рѣки Чороха и Аджарис-цкали. Дорога сначала идетъ по плоской мѣстности, затѣмъ вдоль незначительныхъ возвышенностей, сплошь покрытыхъ до самой вершины кустами понтійской азалеи. Далѣе возвышенности становятся выше и выше и въ плотную подходятъ къ рѣкѣ Чорохъ, быстро несущей мутныя весеннія воды свои, мимо отвѣсныхъ уступовъ, по которымъ извинаясь проложена дорога. Слѣва, въ одномъ мѣстѣ, въ неглубокой каменной раселинѣ ниспадаетъ, точно по отшлифованнымъ утесамъ, небольшой водопадъ, разбившійся на нѣсколько потоковъ. У самаго сліянія Чороха и Аджарис-цкали возвышается оригинальнѣйшая гора—совершенно правильный конусъ, до верху покрытый большими деревьями и сплошными кустами, а дальше за этимъ конусомъ, по ущелью рѣки, виднѣются вдали снѣжныя вершины. Немного далѣе этого пункта, по направленію къ Артвину, шоссе прекращается и затѣмъ идетъ простая дорога, могущая по красотѣ окрестныхъ видовъ Аджарскихъ горъ вполне соперничать съ военно-грузинскою дорогою.

Н. Слѣшневъ.

ГДѢ ДѢВАЛИСЬ ЗАПОРЖСКІЕ ВОЙСКОВЫЕ КЛЕЙНОДЫ.

КЛЕЙНОДАМИ или клейнотами, съ нѣмецкаго «Kleinod», польскаго «Kleinot» — драгоценная вещь или драгоценность, назывались у запорожцевъ войсковые знаки, регалии или атрибуты власти, при которыхъ происходили у нихъ большія или малыя рады и которые употреблялись старшинами, сообразно должности каждого изъ нихъ. Но что же именно въ частности разумѣлось подъ этими войсковыми знаками? На этотъ вопросъ прежде всего дають отвѣтъ малороссійскіе лѣтописцы. Подъ 1648 годомъ, апрѣля 9, у лѣтописца Самоила Величка сказано слѣдующее: «По якой елекціи (послѣ прибытія Богдана Хмельницкаго на Сичу Никитинскую и объясненія его съ запорожцами), заразъ отъ кошового посланъ до скарбницѣ войсковой писарь сѣчовій, съ нѣсколкома атаманами курѣнными и инимъ значнимъ товариствомъ, взявши тамъ и принесши въ раду клейноты войсковіи; тіи прето посланніи въ скарбницѣ бывши и клейноты приказанніе взявши, вскорѣ принесли до рады и вручили ихъ заразъ Хмельницкому. Клейноты зась именно были тіи: корогѣвъ королевская, златописанная, барзо красная; бунчукъ, тожь велце модній, съ позлоцѣстою галкою и дровцемъ; булава срѣбная позлоцѣстая, зѣло майстерно здѣланная и каменіемъ честнимъ украшенная; печать срѣбная войсковая и котли новіи мѣдніи великіи съ добошемъ; къ тому тежь и три штуки армать полевыхъ легкихъ, съ достаткомъ пороху до нихъ и куль (т. е. пуль), съ арматами и пушкарами»¹⁾. Затѣмъ въ грамотѣ о запо-

¹⁾ Лѣтопись Самоила Величка. Кіевъ, 1848 г., т. I, стр. 51.

рожскихъ клейнодахъ, данной императрицей Екатериной II запорожскимъ казакамъ, въ 1763 г., февраля 6 дня, мы читаемъ: «Имяннымъ указомъ сего 1763 году, февраля 6 дня, повелѣно взнакъ квойску запорожскому нашего императорскаго благоволенія и высочайшей милости тому войску по прошенію ихъ дать войсковые клейноты, яко то: булаву, знамя, бунчюкъ, печать, перначъ, литавры, значки и трости»¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь прибавлены три новые знака: перначъ, значки и трости, зато не названы арматы или пушки. Слѣдуетъ прибавить къ этому еще то, что спеціальнѣйшій историкъ запорожскихъ казаковъ, князь Семень Ивановичъ Мышецкій, находившійся въ Сичи съ 1738 по 1740 годъ, принадлежностью кошевого считаетъ не булаву, а палицу, «въ которой кошевого вся честь состоитъ»²⁾. Также изображенъ кошевой атаманъ и въ лѣтописи Ригельмана, въ ея приложеніи къ четвертой части (Москва, 1847 года).

Впервые клейноды пожалованы были войску запорожскому еще польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, въ 1576 году, какъ знаки на независимое существованіе низовыхъ казаковъ отъ польскаго правительства. «Тогдажъ и запорожскимъ козакамъ учредилъ атамана кошевого и всѣ ихъ начали (—ы), и таковыежъ войсковіе клейноты, какъ и гетману пожаловалъ»³⁾. Затѣмъ клейнодами жаловали запорожскихъ казаковъ и русскіе цари: въ 1708 году Петръ I, въ 1734 году Анна Ивановна, 1763 году Екатерина II.

Булавой назывался серебряный, позлащенный, иногда унизанный драгоцѣнными камнями шаръ, надѣтый на металлическую или деревянную изъ орѣха палку, гладко выструганную, окрашенную въ темную краску и имѣющую до трехъ съ половиной четвертей длины. Теперь дознано, что булавы употреблялись уже въ самыя отдаленныя отъ насъ времена, въ концѣ неолитической эпохи въ началѣ бронзоваго вѣка; каменные булавы находились при раскопкахъ Трои, потомъ въ разныхъ мѣстахъ финляндскаго и западнаго края, въ Сибири и на Кавказѣ (отъ V—VII вѣка до Р. X.), далѣе у татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, какъ знакъ начальнической власти⁴⁾. Знаменемъ, хоругвию или корогвою и прапоромъ назывался шелковый ярко-краснаго цвѣта платокъ съ изображеніемъ на немъ, въ срединѣ, бѣлаго польскаго орла, когда запорожцы были за польскимъ королемъ, или двуглаваго русскаго орла, когда запорожцы перешли къ московскому

¹⁾ Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ казаковъ. Спб., 1888, 183.

²⁾ Исторія о казакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г., стр. 51.

³⁾ Лукомскій. Собраніе историческое. Кіевъ, 1878, 350. Лѣтопись Григорія Грабянки. Кіевъ, 1878, 21.

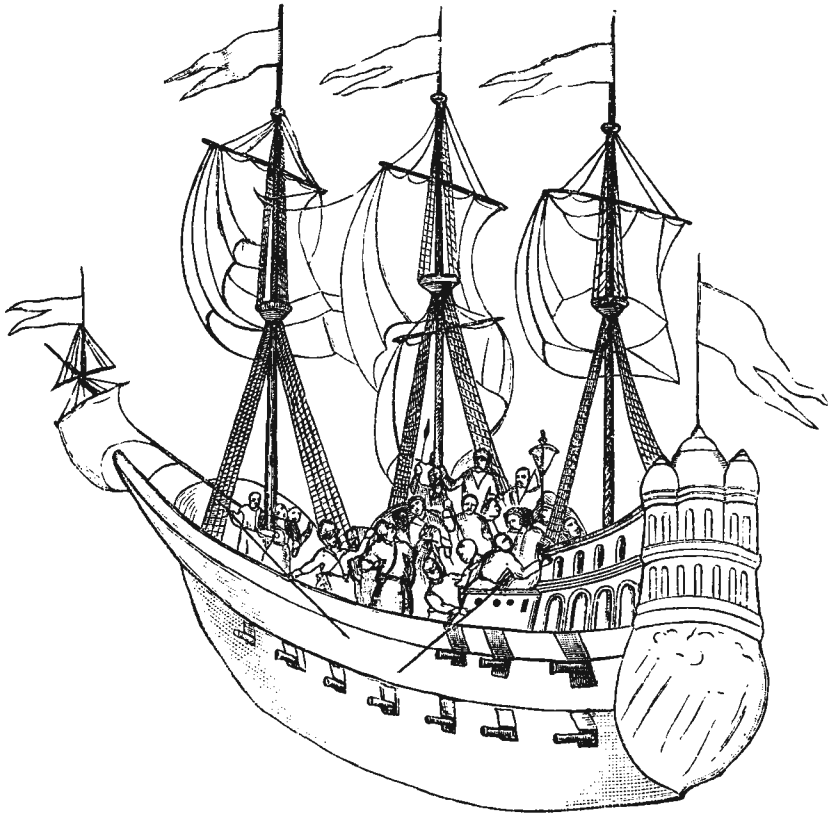
⁴⁾ Труды московскаго археологич. общества. 1885 т. X. стр. 1—7.

царю, а по бокамъ Спасителя и архангела Михаила. Бунчукомъ называлась простая, окрашенная въ черную краску палка, длины до четырехъ съ половиной аршинъ, на верхній конецъ которой набивался мѣдный шаръ, а подъ шаръ вкладывались волосы изъ конскаго хвоста съ четырьмя или шестью косами поверхъ волосъ. Печать войсковая—круглой формы, сдѣланная изъ серебра съ изображеніемъ казака въ остроконечной шапкѣ на головѣ, въ кафтанѣ съ пуговицами на груди, съ саблей и пороховницей при боку, съ ружьемъ черезъ лѣвое плечо, съ копьемъ, «стоящимъ предъ рицеромъ, воина бодрствующаго знаменующимъ» и съ надписью по краямъ на лицевой сторонѣ: «Печать славнаго воиска запорозкого низоваго», или «Печать войска ея імператорскаго величества запорожскаго низоваго». Печати паланочныя или куренныя — серебряныя, круглыя или четырехугольныя съ изображеніями львовъ, оленей, коней, луны, звѣздъ, коронъ, копій, сабель и луковъ. Перначъ, жезлъ или иначе шестоперъ—таже булава, только нѣсколько меньшихъ размѣровъ, съ серебрянымъ или желѣзнымъ шаромъ на верхнемъ концѣ палки, съ особыми, въ видѣ желѣзковъ отъ копій, возвышеніями, насаженными поперекъ шара, иногда съ шестью перьями надъ шаромъ. Употребленіе пернача, какъ и булавы, идетъ съ отдаленныхъ отъ насъ временъ; желѣзные и бронзовые перначи попадались въ разныхъ мѣстахъ Кавказа у осетинъ и сванетовъ,—особенно много было ихъ въ Сванетіи, которая можетъ считаться родиной перначей; позднѣе они стали употребляться у татаръ и турокъ, потомъ у поляковъ и малороссійскихъ казаковъ¹⁾. Литаврами назывались сперва желѣзные, а потомъ серебряныя котлы, съ натянутою на нихъ кожею и съ деревянными палочками для удара по кожѣ и извлеченія звука. Значки—знамена куреней или сотенъ. Трости—обыкновенныя палки, толстыя, гладко выструганныя, выкрашенныя подъ орѣхъ, съ обоихъ концовъ оправленныя серебромъ и съ тупымъ желѣзкомъ на нижнемъ концѣ. Арматы или пушки и мортиры—мѣдныя, желѣзныя, кованныя обручами, небольшихъ размѣровъ, большею частію польскаго и турецкаго издѣлія; первая отливка польскихъ пушекъ сдѣлана въ г. Вильнѣ, при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ (1548—1572); оттого еще въ первой половинѣ XVI в. пушки составляли большую рѣдкость у поляковъ и запорожскихъ казаковъ: имъ знали счетъ, какъ напримѣръ, въ крѣпости Кодакъ.

Каждый изъ клейнодовъ составлялъ принадлежность только извѣстнаго лица изъ запорожской старшины. Булава давалась кошевому, она держалась имъ въ правой рукѣ во время войсковыхъ радъ; отсюда сложилась малорусская пословица: «До го-

¹⁾ Труды московскаго археологич. общества, 1885 г., т. X, стр. 1—7.

ловы треба булавы»; знамя или хоругвь составляло принадлежность всего войска, но носилось оно хорунжимъ; бунчукъ давался кошевому, но носился бунчужнымъ или бунчуковымъ товарищемъ, державшимъ его надъ головою атамана; войсковая печать—войсковому судѣ, куренная и паланочная—куренному атаману и паланочному полковнику; перначъ или жезль—полковнику, который носилъ его у себя за поясомъ и иногда вручалъ проѣзжему

Запорожскій корабль, изображенный на знамени.

чрезъ запорожскія степи путнику для полной его безопасности; литавры—всему войску запорожскому, но въ особое вѣдѣніе добыша или политаврщика; значки—для всѣхъ тридцати осьми запорожскихъ куреней, но въ вѣдѣніе значковыхъ товарищей; трости—войсковому эсаулу; арматы—всему войску, но въ вѣдѣніе войскового пушкаря. Всѣ эти клейноды, исключая «палокъ до литавръ» и войсковыхъ арматъ, хранились запорожцами или въ сичевой покровской церкви или въ войсковой скарбницѣ, откуда выносились только по особому приказанію кошевого атамана въ виду общей

или частной рады; «палки до литавръ» находились всегда въ куренѣ войскового довыша, а всѣ арматы—въ артиллерійскомъ цейхаузѣ или сичевой пушкарнѣ, на рукахъ особаго старшины, пушкаря.

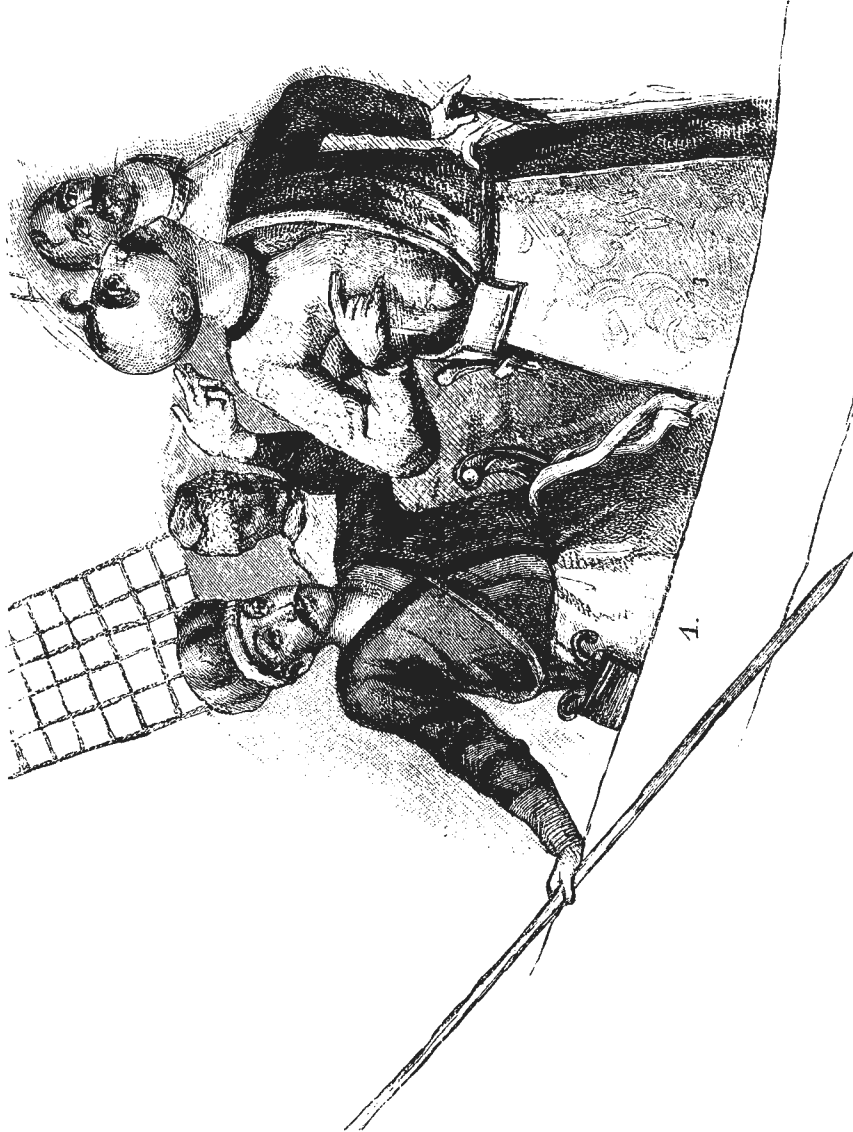
Послѣ этого естественно спросить; гдѣ же искать всѣ эти войсковые запорожскіе клейноды? Всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, войсковыхъ клейнодовъ нигдѣ нельзя найти: только въ отдѣльности, по частямъ, ихъ можно видѣть прежде всего въ частныхъ музеяхъ нашихъ южно-русскихъ собирателей древностей, каковы: въ Екатеринославѣ А. Н. Поль, въ Котовкѣ, Екатеринославской губерніи, Новомосковского уѣзда Г. П. Алексѣевъ, въ Качановкѣ, Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда В. В. Тарновскій; затѣмъ можно видѣть ихъ въ одесскомъ музеѣ исторіи и древностей, въ музеѣ московской оружейной палаты, въ Преображенскомъ всей гвардіи соборѣ въ Петербургѣ и въ собраніи древностей с.-петербургскаго Императорскаго Эрмитажа.

Музеи частныхъ лицъ еще ждутъ своего описанія; музеи одесскій и московскій уже описаны; въ числѣ прочихъ древностей описаны и запорожскіе клейноды, но древности Преображенскаго собора и Императорскаго Эрмитажа далеко не всѣ приведены въ извѣстность. Такъ, между прочимъ, неизвѣстны и находящіеся въ нихъ запорожскіе войсковые знаки.

Въ Преображенскомъ всей гвардіи соборѣ (на Спасской улицѣ, близъ Литейнаго проспекта), надъ боковыми дверьми, съ правой стороны, размѣщены, по рисунку архитектора Стасова, слѣдующіе войсковые знаки: двадцать куренныхъ знаменъ, на простыхъ деревянныхъ древкахъ, три бунчука, длины каждый четыре съ половиной аршина, одна серебряная булава, три съ половиной четверти длины, одинъ серебряный позлащенный жезлъ, три четверти аршина длины. Внизу подъ каждымъ изъ этихъ знаковъ сдѣланы на табличкахъ соотвѣтствующія подписи: «Бунчукъ запорожской Сѣчи и знамена». «Булава запорожской Сѣчи». «Жезлъ запорожской Сѣчи». Кромѣ клейнодовъ, въ томъ же Преображенскомъ соборѣ находятся еще восемь запорожскихъ паникадилъ, одна съ епитрахилью риза, шитая золотомъ и серебромъ, одна серебряная позлащенная кадильница, одинъ позлащенный напестольный крестъ и одно евангеліе, въ великолѣпной серебрянной позлащенной оправѣ, печатанное въ Москвѣ въ 1825 году. Всѣ эти вещи перешли въ Преображенскій соборъ въ 1829 году при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, во время войны русскихъ съ турками. Онѣ принадлежали запорожцамъ, жившимъ въ ту пору въ Дунавцѣ, подъ верховенствомъ турокъ, послѣ разоренія послѣдней Сичи императрицею Екатериною II, въ предѣлахъ Россіи. Въ происшедшую между русскими и турками войну (1828—1829) нѣкоторая часть запорожцевъ, съ кошевымъ атаманомъ Осипомъ Михайловымъ Гладкимъ во главѣ, перешла на сторону русскаго царя и вывезла съ

собой значительную часть своего сичевого добра, и въ томъ числѣ, очевидно, и находящіяся въ Преображенскомъ соборѣ перечисленные клейноды и церковныя вещи.

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находятся семнадцать запорожскихъ значковъ и одно общее войсковое знамя, хоругвь или

Тыны запорожцевъ; изображенныя на знамени.

корогва. Последнее замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: и само по себѣ и какъ богатый матеріалъ для историка и художника. Это знамя сдѣлано изъ шелковой яркочерной матеріи, имѣетъ въ длину три аршина и четыре вершка, а въ ширину два аршина и четыре съ половиной вершка. Съ лицевой стороны на немъ сдѣ-

ланы изображенія: въ срединѣ большого двуглаваго орла со звѣздами надъ нимъ и вокругъ него, съ правой стороны—Спасителя, благословляющаго на брань, съ семнадцатью звѣздами кругомъ него, съ лѣвой стороны—архангела Михаила съ огненнымъ мечомъ въ правой рукѣ. По краямъ знамени сдѣлана золотыми буквами, по церковно-славянски, надпись: «Сіе знамя в войско ея імператорскаго величества запорожское низовое здѣлано коштомъ пѣхоти воюющей тогожъ войска по черномъ морю такожъ по рѣкамъ днепру и дунаю». Ниже двуглаваго орла, Спасителя и архангела Михаила изображено большое военное судно. Это такъ называемый трехмачтовый и двухъ-дечный корабль, специально приспособленный для плаванія по морю. Съ лицевой стороны этого корабля видны бортъ съ четырьмя каютными люминаторами, на подобіе правильныхъ кружковъ, и высокая двухъ-ярусная рубка, имѣющая видъ палатки для помѣщенія находящихся на суднѣ главныхъ лицъ команды, съ осьмью отверстиями, на подобіе дверей, въ каждомъ ярусѣ по четыре. Въ нижней декѣ корабля сдѣлано семь большихъ люковъ, въ верхней декѣ—три малыхъ люка; въ соотвѣтствіе этому столько же должно быть люковъ и на другой сторонѣ; итого всѣхъ люковъ съ обѣихъ сторонъ нижней и верхней декъ корабля—двадцать; изъ нихъ видны концы длинныхъ вставленныхъ пушекъ. Сзади корабля поставлена толстая, но низкая корма, окрашенная въ темную краску, разрисованная разными рисунками и вырѣзками и имѣющая на верху военный флагъ, разрѣзанный пополамъ и прикрѣпленный на высокому древокѣ къ кормѣ. На носу корабля лежатъ особый такъ называемый якорный значекъ, къ которому прикрѣпленъ такой же флагъ, только нѣсколько меньше по величинѣ, какъ и на кормѣ. Между кормой и носомъ поставлены три высокихъ мачты для трехъ парусовъ, съ двумя веревочными лѣстницами къ каждой; на каждой изъ трехъ мачтъ высится по одному развѣввающемуся флагу, такой же величины и формы, какъ и на кормѣ.

Представленное на знамени судно несходно ни съ однимъ изъ тѣхъ суденъ, какія употреблялись у запорожскихъ казаковъ. Изъ суденъ, бывшихъ въ употребленіи у запорожцевъ, мы знаемъ челны и кадриги. Но ни тѣ, ни другія не подходятъ къ судну, изображенному на знамени. «Челны сіи безъ киля: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго, длиною около 45 футовъ; оно обшивается съ боковъ на 12 футовъ въ вышину досками, которыя приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 футовъ. Длина его постепенно увеличивается кверху. На ономъ можно замѣтить толстые канаты изъ камыша, которые обвиты лыками или боярышникомъ и, какъ связанные боченки, обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Ка-

заки осмаливаютъ ихъ и придѣлываютъ къ каждому по два руля, чтобы не терять напрасно времени при поворотѣ своихъ длинныхъ судовъ, когда нужда заставитъ отступить. Челны казацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 весель, плывутъ по греблѣ скорѣе турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы; если же ихъ залетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ отъ потопленія». ¹⁾ «Кадриги (или галеры, каторги) турецкія имѣли по три паруса и по два тента, которыми, какъ палатками, покрывалась галера. На простыхъ галерахъ они были изъ бѣлаго холста, но иногда нижній тентъ на кормѣ дѣлался изъ египетскаго полосатаго — бѣлаго съ синимъ — холста... Пушекъ имѣла галера обыкновенно большихъ три и меньшихъ четыре; флаги были большею частію желтые и красные. Снаружи суда турецкіе часто разрисовывались яркими красками... На простой галерѣ бываетъ людей 180—200, если туда не сажаютъ большого числа янычаръ, до 120 гребцовъ, и отъ 30 до 40 ghimini, т. е. свободныхъ моряковъ, 20 бомбардировъ, которымъ даетъ жалованье хозяинъ. Обычное число пушекъ на большой галерѣ, баштардѣ, семь... Это—плоское, длинное, очень узкое, очень низкое двухъ-мачтовое судно, длиною почти 50 метровъ, на 10 метровъ ширины, идущее въ одно время на веслахъ и на парусахъ. Гребцы сидѣли прикованные на 25 или 30 скамьяхъ, пересѣкавшихъ и заграждавшихъ палубу на половину съ лѣвой, на половину съ правой стороны. Пять или шесть гребцовъ на каждой скамьѣ приводили въ движеніе одно весло, которое опиралось на подставку, торчащую сверхъ палубы» ²⁾).

Очевидно, корабль, представленный на запорожскомъ знамени, совсѣмъ ничего не имѣетъ сходнаго съ запорожскими челнами и весьма отдаленное съ кадригами или галерами. Это есть совершенно новый видъ судна, на которомъ запорожцы едва ли могли плавать въ XVII и даже въ первой половинѣ XVIII вѣка и который, какъ надо думать, дарованъ былъ имъ русскимъ правительствомъ для войны противъ турокъ уже при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ немъ можетъ помѣститься, по меньшей мѣрѣ, до 250 человекъ команды при пяти или десяти начальникахъ.

Какъ матеріаль, знамя интересно тѣмъ, что въ представленномъ на немъ кораблѣ изображено двадцать фигуръ запорожскихъ казаковъ; при чемъ каждая фигура представляетъ изъ себя настоящую выставку казацкой одежды и вооруженія. Всѣ они писаны,

¹⁾ Бопланъ. Описаніе Украины. Спб., 1832 г., стр. 62.

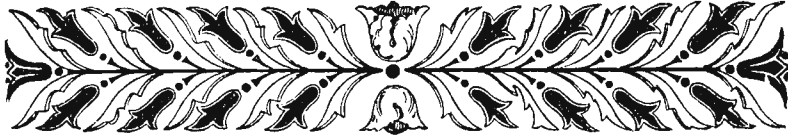
²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малороссійскаго народа, Кіевъ, 1874 г., I, 220.

несомнѣнно, съ натуры и представляютъ изъ себя весьма разнообразныя и весьма характерныя типы запорожцевъ. Впереди всѣхъ стоитъ фигура запорожца, съ чупрыной на бритой головѣ, съ черными закрученными усами, одѣтаго въ бѣлую холщевую сорочку и такіе же шаровары; одежда этого перваго запорожца мало, впрочемъ, отличается чѣмъ отъ одежды любого малороса нашего времени какого-нибудь изъ глухихъ уѣздовъ Полтавской или Екатеринославской губерніи. За нимъ слѣдуетъ запорожецъ съ такой же открытой, низко выбритой головой, съ чупрыной на лбу, съ черными, какъ смоль, закрученными на концахъ кверху усами; на немъ надѣты сверху кафтанъ съ вылетами сѣраго цвѣта и подъ кафтаномъ красная черкеска съ тремя гудзыками на груди; черкеска опоясана поясомъ краснаго цвѣта, ширины нѣсколько меньше, повидимому, поповскихъ поясовъ, застегнутымъ при помощи двухъ пряжекъ на переди. На груди фигуры изъ-подъ черкески виднѣется бѣлая сорочка, застегнутая красной стежкой. Правой рукой фигура держится за мачту, лѣвой—за ручку сабли, на которой виситъ кисточка. Изъ-за плечъ этой второй фигуры виднѣется фигура третьяго казака съ поднятымъ вверхъ указательнымъ пальцемъ, обращеннымъ ко лбу: онъ о чемъ-то повидимому размышляетъ. За тремя первыми представленъ четвертый; на головѣ его большая, на подобіе архіерейской митры, шапка зеленаго цвѣта съ вертикальными полосками, отъ околыша къ верху, и съ красною звѣздою напереди. Онъ одѣтъ въ сорочку (а можетъ быть, кожанокъ) темно-синяго цвѣта и широкія ярко-краснаго цвѣта шаровары, за очкуромъ которыхъ виситъ платокъ розоваго цвѣта, спускающійся до самыхъ колѣнъ; съ лѣваго бока у него виднѣется сабля, съ праваго, тамъ, гдѣ у насъ дѣлается карманъ,—кобура, въ которую вложены два пистолета съ ручками, расходящимися въ противоположныя стороны; выше ручекъ пистолетовъ виситъ ядунка, т. е. пороховница, надѣтая, при помощи ремня, черезъ лѣвое плечо казака; въ правой рукѣ его копье съ желѣзнымъ трехграннымъ наконечникомъ на деревянномъ древкѣ, къ низу очень заостреннымъ; лѣвая рука свободна. За этою четвертою фигурою стоитъ пятая, на плечахъ которой виднѣется только кафтанъ желтаго цвѣта и на головѣ шапка, совершенно отличная отъ шапокъ на другихъ фигурахъ: она сдѣлана изъ бѣлаго барашковаго околыша, довольно значительной ширины, къ которому придѣланъ вершокъ изъ какой-то суконной матеріи желтаго цвѣта; въ общемъ эта шапка похожа на теперешнія шапки донскихъ казаковъ, только въ этихъ послѣднихъ околыши нѣсколько больше околыша нарисованной шапки, и на тѣ высокія шапки, которыя представлены въ рисункахъ въ извѣстномъ сочиненіи Николая Семеновскаго «Старина малороссійская, запорожская и донская» (С.-Петербургъ, 1846). Далѣе слѣдуетъ шестая фигура запорожца, одѣтаго въ свѣтло-голубой кафтанъ изъ узорчатой штофной мате-

ріи, опоясанный поясомъ, такой же ширины, какіе и теперь носятъ простыми малороссійскими крестьянами. Это — фигура важная, типичная, можетъ быть, атамана всей ватаги; онъ стоитъ безъ шапки и смотритъ куда-то вверхъ, поднявъ высоко свою голову, на которой развѣвается черная чупрына. При лѣвомъ боку у него сабля съ витію рукою, при правомъ боку желтаго цвѣта лядунка или пороховница, надѣтая также черезъ лѣвое плечо, и ниже лядунки пара пистолетовъ; за поясомъ платокъ, бѣлаго цвѣта, спускающійся до колѣнъ. Затѣмъ слѣдуютъ остальные фигуры въ такихъ же костюмахъ, но съ варіаціей цвѣтовъ: одинъ представленъ во всемъ малиновомъ съ платкомъ за поясомъ, кромѣ самага пояса синяго цвѣта, съ концами, завязанными спереди; другой, совѣтъ молодой, еще безусый казакъ, изображенъ одѣтымъ въ темно-зеленую бурку или епанчу и зеленовато-желтый кожанокъ съ большою низкаго вершка шапкою на головѣ, упершимся правымъ колѣномъ о бортъ лодки и держащимъ въ правой рукѣ такое же копье, какъ и описанная выше четвертая фигура запорожца; наконецъ, тутъ же есть фигуры въ темно-синихъ сорочкахъ и коричневыхъ шароварахъ, въ сорочкѣ зеленоватаго цвѣта и красномъ поясѣ, сорочкѣ голубого цвѣта и шапкѣ зеленого цвѣта, въ сорочкахъ синихъ («жандармъ-цвѣтъ») съ красной застежкой, бѣлыхъ и коричневыхъ, въ темно-синихъ шапкахъ и безъ шапокъ. Въ большинствѣ случаевъ фигуры представлены съ открытыми шеями, въ шапкахъ низкихъ, но широкихъ. По всему этому знамя представляетъ изъ себя богатѣйшій и едва ли замѣнимый матеріалъ какъ для историка запорожскихъ казаковъ, такъ и для художника, который бы пожелалъ взять сюжетомъ для своей картины какой-либо моментъ изъ исторіи низовыхъ запорожскихъ казаковъ.

Д. Эварницкій.

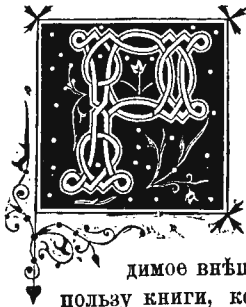

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Съ 145-ю рисунками въ текстѣ. (Изданіе второе). Спб. 1889.

Русскія древности въ памятникахъ искусства и т. д. Выпускъ второй. Древности Скифо-Сарматскія. Съ 147-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1889.

РУССКІЯ ДРЕВНОСТИ, издаваемыя г.г. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, представляютъ собою два довольно объемистыхъ выпуска, напечатанныхъ очень красиво на превосходной веленовой бумагѣ; эти весьма красивые выпуска in quarto вложены въ весьма изящные, удобные и прочные картонные переплеты; края книги обрѣзаны, обложка отпечатанна въ два тона... Однимъ словомъ, первое впечатлѣніе, производимое внѣшностью «Русскихъ древностей» вполне располагаетъ въ пользу книги, которая при этомъ дешева чрезвычайно — она стоитъ всего одинъ рубль! Рубль за такой выпускъ, такъ изящно отпечатанный, такъ прочно переплетенный, съ такою массою рисунковъ — да это просто даромъ!.. «Купимъ эту книгу!» И дѣйствительно, первое изданіе перваго выпуска «Русскихъ древностей» публика расхватила очень быстро. Приобрѣли ихъ и мы, глубоко сочувствуя всякой попыткѣ ознакомленія русской публики съ русскими древностями и русской стариной вообще. Но какъ только мы развернули первую страницу перваго выпуска — такъ и наступило для насъ полнѣйшее разочарованіе. Представьте себѣ книгу безъ начала и безъ конца, безъ оглавленія, безъ раздѣленія на главы — и при этомъ еще: безъ плана, безъ всякой внутренней связи между отдѣльными частями изложенія... Книгу въ которой текстъ напоминаетъ общимъ своимъ характеромъ бессистемный рассказъ болтливаго чичероне, показывающаго путешественнику обширный музей: — онъ говоритъ безъ умолку два-три часа, говоритъ очень много о

каждомъ памятникѣ въ отдѣльности, и обо всѣхъ памятникахъ, прилетаетъ и исторію, и археологію, и самъ не знаетъ — чѣмъ кончится его рассказъ, и къ какому результату придетъ онъ послѣ всѣхъ своихъ разсужденій и разглагольствованій...

Но перейдемъ къ обзору труда г.г. Толстого и Кондакова и постараемся поближе ознакомить съ нимъ нашихъ читателей. Противорѣчія, которыми изобилуетъ эта книга, очевидно написанная «въ четыре руки», начинаются съ обертки обоихъ выпусковъ. На оберткѣ перваго выпуска читаемъ наверху: «Русскія древности», а немного пониже: «Классическія древности Южной Россіи»; на оберткѣ втораго выпуска: «Русскія древности,—а пониже: «Древности скиѳо-сарматскія»... Какъ же это понимать? Понимать ли это такъ, что «скиѳо-сарматскія» и «классическія древности Южной Россіи»—суть не что-иное, какъ «русскія древности», что эти древности составляютъ одно общее цѣлое съ «русскими древностями», или что онѣ входятъ, что ли, какъ часть, въ общій составъ «русскихъ древностей» (какъ кievскія, владимірскія, ростовскія и инныя мѣстныя древности)? Или же, можетъ быть, авторы «Русскихъ древностей» считаютъ «русскими» всѣ тѣ древности, которыя существуютъ или отыскиваются на обширной территоріи Россійской имперіи?¹⁾ Нѣтъ; оказывается, авторы понимаютъ свою задачу еще гораздо шире, чѣмъ можно бы предположить, судя по заглавіямъ выпусковъ. Въ маленькомъ вступленіи къ первому выпуску авторы такъ излагаютъ свою задачу:

«Въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ много племенъ и народностей жило и основалось на памяти исторіи въ предѣлахъ нашего отечества. И чѣмъ разнороднѣе былъ самый племянной составъ, чѣмъ продолжительнѣе время претворенія его въ одно государство съ единымъ народомъ (претвореніе племеннаго состава въ одно государство съ единымъ народомъ?!), тѣмъ обильнѣе вкладъ (племеннаго состава?) въ общую сокровищницу русской древности. Въ нее вносятъ лепту и огреченный скиѳъ, и кореунскій мастеръ, и гевузскій торговецъ въ Крыму, и нѣмчинъ въ Москвѣ. Эту сокровищницу пополняли и арабскіе караваны, и набѣги Руссовъ на Византію, и домовитое хозяйство великихъ собирателей земли Русской».

«Краснорѣчивыми (?) свидѣтелями двухъ тысячелѣтій (выше говорилось о двухъ съ половиною тысячелѣтіяхъ) являются тысячи тысячъ кургановъ, которыми усыяна Русская земля, и многочисленные памятники русской старины и искусства въ древнихъ храмахъ, ризницахъ и церковныхъ ризницахъ».

Что это за наборъ громкихъ словъ? Мы готовы еще допустить, что «тысячи тысячъ кургановъ» пожалуй могутъ быть названы «краснорѣчивыми свидѣтелями двухъ тысячелѣтій»; но какимъ же образомъ можетъ быть примѣнено то же громкое прозвище къ «памятникамъ русской старины и искусства», когда они едва успѣли пережить одно тысячелѣтіе, или къ «храмамъ и церковнымъ ризницамъ», когда «храмы и ризницы» существуютъ у насъ всего 900 лѣтъ!.. Но авторы «Русскихъ Древностей» не затрудняются въ своихъ странныхъ сопоставленіяхъ и продолжаютъ:

¹⁾ На этотъ взглядъ отчасти намекаютъ они въ объявленіи о третьемъ выпускѣ, въ которомъ собираются говорить о «древностяхъ Сибири, Средней Азіи, Кавказа и Юго-Восточной Россіи». Надъ этимъ выпускомъ также будетъ написано: «Русскія древности».

«Деревянные церкви отдаленнаго Сѣвера, монументальные памятники Крыма и Грузіи, храмы Кіева и Новгорода и сорокъ-сороковъ церквей Московскихъ, Ростовскихъ и Владимірскихъ, съ ихъ оригинальною и разнообразною архитектурою, ихъ стѣнописью, рѣзьбою и поливными изразцами — выработали русскій стиль».

Постараемся сообразить все то, что наговорили намъ авторы, и поведемъ общій итогъ высказанному. Выйдетъ такъ: «разноплеменный составъ русскаго государства внесъ обильный вкладъ въ общую сокровищницу русской древности; курганы служили краснорѣчивыми свидѣтелями тысячелѣтій, а деревянные церкви Сѣвера и другихъ концовъ Россіи, вмѣстѣ съ монументальными памятниками Крыма и Грузіи (!) выработали русскій стиль». Неправда ли, ясно и послѣдовательно?.. Но это только цвѣточки... Пойдемъ далѣе.

«Древности Россіи (тутъ ужъ не «Русскія древности») представляютъ единое цѣлое потому, что въ нихъ исторически сложилось народное (?) искусство, которое, не достигая личнаго творчества, живетъ преданіемъ, и связывая разноплеменные формы быта... одно раскрываетъ передъ нами общую непрестанную преемственность (?). Народное искусство живетъ усвоеніемъ и переработкою художественнаго стиля, происхожденіе котораго прослѣживается (?) до его источниковъ».

Если мы попробуемъ подвести итоги и этому набору фразъ, то результатъ выйдетъ тоже довольно курьезный. «Народное искусство живетъ преданіемъ—и въ то же время живетъ не только преданіемъ, но и усвоеніемъ и переработкою какого-то стиля, который будто бы не трудно прослѣдить до его источниковъ».

Затѣмъ, вѣроятно, чтобы «прослѣдить до источниковъ», авторы въ слѣдующихъ 20 строкахъ толкуютъ и о греческихъ колоніяхъ, и о сасанидскихъ блюдахъ, и о томъ, какъ «формы восточной культуры сами собою передвигаются на западъ». Оказывается даже, что «Московская земля (!) никогда не утрачивала (?) художественныхъ связей съ Византіею и азіатскимъ востокомъ, которыя (связи?—или: Византія съ Востокомъ?) еще въ эпоху господства готевъ на Днѣпрѣ дали оригиналы искусству равнаго европейскаго средневѣковья (?), а въ до-монгольское время способствовали древней Руси въ достиженіи высокой культуры».

Что связи съ Византіею были полезны въ культурномъ отношеніи для древней Руси — это не подлежитъ сомнѣнію; но чтобы связи съ азіатскимъ Востокомъ «способствовали древней Руси въ достиженіи высокой культуры» — это, по меньшей мѣрѣ, смѣло придумано. Но этой смѣлости не слѣдуетъ удивляться: авторы спѣшатъ къ выводу въ концѣ своего вступленія, и этотъ выводъ излагаютъ такъ:

«Наслѣдіе многихъ вѣковъ, усвоенное русскимъ народомъ, стало его художественнымъ преданіемъ и послѣдовательно образовало древне-русское искусство. Русское искусство было и осталось искусствомъ народнымъ, сложившимся въ оригинальный историческій типъ, закрѣпленный русскимъ орнаментомъ»...

Однимъ словомъ: «русское искусство образовалось изъ наслѣдія многихъ вѣковъ и многихъ народовъ и все же сложилось въ оригинальный историческій типъ.» Каковъ лабиринтъ! Какова логика! Затѣмъ, авторы, скромно добавляють:

«Представить историческое образование и развитие древнерусского искусства въ точныхъ снимкахъ съ художественныхъ памятниковъ русской древности и старины.—такова основная задача настоящаго изданія; необходимымъ дополненіемъ снимковъ служить пояснительный текстъ».

Если бы авторы дѣйствительно вздумали исполнить эту программу, то ихъ трудъ, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ и даже при ихъ странной логикѣ, явился бы цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. «Указать развитие искусства въ точныхъ снимкахъ съ памятниковъ» это такъ трудно, и такъ ужасно дорого стоитъ! Надо потратить много усилій и много денегъ на выполненіе такой задачи, даже посредственное... Но авторы сумѣли ее облегчить для себя. вмѣсто точныхъ снимковъ они набили свои выпуски весьма неточными чертежами и набросками, которыя заимствовали изъ серіи «Отчетовъ Археологической Комиссіи» и втиснули въ свою книгу кое-какъ, потому что рисунки, изготовленные для in folio, не могли подходить для in quarto. Притомъ, большинство этихъ рисунковъ не можетъ дать никакого вѣрнаго представления о памятникахъ, потому что они помѣщались въ текстѣ Отчетовъ только для напоминанія о деталяхъ памятниковъ, съ которыхъ превосходные фотографическіе снимки прилагались къ Отчетамъ въ видѣ особыхъ атласовъ.

Не исполнили авторы и другого пункта своей программы: вмѣсто того, чтобы дать пояснительный текстъ только въ видѣ «необходимаго дополненія» къ снимкамъ, они дали текстъ подробный, запутанный, переполненный ненужными эпизодами (такъ напр., описанію похода Дарія въ Скию посвящено цѣлыхъ восемь страницъ!) и ни на чемъ неоснованными гипотезами. Откуда напримѣръ берутъ авторы странныя предположенія, что Чертомлыцкій и Куль-Обскій курганы представляютъ собою памятники не скийскаго, а сарматскаго племени (II, 114), или «что богатое развитие художественной промышленности, оставившее въ распоряженіи варварскихъ племенъ массу изящныхъ и устойчивыхъ типовъ, было вызвано починомъ и потребностью этихъ народностей» (I, 103)? На какомъ основаніи авторы утверждаютъ, будто «нестѣсненное въ главнѣйшихъ условіяхъ жизни кочевье не знаетъ войнъ и походовъ, и отличается мирнымъ характеромъ» и что только при переходѣ «въ орду совершаетъ набѣги и дѣлаетъ обширныя завоеванія» (II, 3)? Почему авторы желаютъ видѣть на Чертомлыцкой вазѣ такія подробности (II, 139), которыхъ никто не видѣлъ до сихъ поръ, потому что ихъ нѣтъ на ней?

Все это, взятое вмѣстѣ, не прибавляетъ къ достоинствамъ текста, и вынуждаетъ насъ только задать себѣ вопросъ: для кого именно издаются авторами въ свѣтъ выпусками «Русскія древности»? Для ученыхъ, знакомыхъ съ «Отчетами» Археологической Комиссіи — это изданіе совершенно ненужно; для большинства публики, при доступности по цѣнѣ оно недоступно по изложенію и темно по замыслу, по основной своей задачѣ. Какъ справочная книга, «Русскія Древности» совсѣмъ не пригодны, хотя къ обоимъ выпускамъ и приложены «предметные указатели»... Остается, слѣдовательно, только жалѣть о томъ, что внутреннее содержаніе книги не соответствуетъ его внѣшности и что ея авторы, повидимому, прежде приняли за выполненіе своего предпріятія, нежели серьезно обдумали его планъ и главную основу.

П. Полевой.

Исторія среднихъ вѣковъ. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осокина. Томъ второй. 2 части (XIII столѣтіе). Казань. 1889.

Первый томъ этой книги, появившійся въ прошломъ году, кромѣ небольшой нашей рецензіи (декабрь, стр. 771—774) вызвалъ цѣлый рядъ отзывовъ довольно разнообразнаго свойства; этотъ рядъ закончился «смертоносною» для книги критикой В. В.—скаго въ августовскомъ номерѣ «Журнала Министерства Просвѣщенія» (стр. 386—398). Г. В. В.—скій указываетъ на противорѣчивые отзывы о книгѣ, доказываетъ ошибочность важнѣйшихъ положеній проф. Осокина, приводитъ цѣлый рядъ фактическихъ погрѣшностей книги и заключаетъ свою статью советомъ автору изъять книгу изъ обращенія и всѣ экземпляры предать сожженію.

Мы отнюдь не намѣрены вступать въ полемику съ г. В. В.—скимъ по поводу книги проф. Осокина, предоставляя это автору (самъ возрастъ имать), если онъ только найдетъ это для себя удобнымъ, но считаемъ себя обязанными сказать два слова *pro domo sua*. Г. В.—скій говоритъ въ самомъ началѣ своей рецензіи: «Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ее (книгу г. Осокина) похвалили, новъ другомъ петербургскомъ журналѣ, именно въ «Библиографѣ», совсѣмъ напротивъ—указали въ книгѣ много неисправностей». Не въ правѣ ли всякій читатель рецензіи г. В.—скаго отсюда заключить, что мы похвалили книгу г. Осокина безусловно, не указывая въ ней никакихъ «неисправностей»?

Между тѣмъ мы убѣждены, что если самъ же г. В.—скій возьметъ на себя небольшой трудъ перечестъ нашу рецензію, онъ увидитъ, что былъ не правъ относительно «Ист. Вѣстника». Онъ убѣдится, что мы во-первыхъ несогласны съ почтеннымъ авторомъ книги относительно самаго пониманія его задачи и указываемъ на происходящія отсюда ошибки. Онъ увидитъ, что мы указываемъ на небрежность изложенія и приводимъ рядъ примѣровъ «весьма не желательныхъ недосмотровъ» и противорѣчій, и даже въ самомъ очеркѣ историографіи, который г. В.—скій считаетъ лучшею частью книги г. Осокина, находимъ неполноту и неточности. Можно ли такой отзывъ считать безусловно хвалебнымъ и противопоставлять его другому, гдѣ указано «много неисправностей».

Мы считали своимъ долгомъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ во-первыхъ къ намѣренію автора напечатать свой университетскій курсъ, во-вторыхъ къ его прекрасному принципу не ограничиваться однимъ изложеніемъ фактовъ, а раскрывать руководящія начала и пр. и въ третьихъ къ живости, доступности и наглядности его изложенія. Рецензія г. В.—скаго, какъ и самъ авторъ ея вѣроятно согласится, не можетъ насъ убѣдить отказаться отъ этихъ положеній.

Мы закончили нашу рецензію выраженіемъ желанія, чтобы за 1-мъ томомъ по возможности скорѣй послѣдовало окончаніе труда проф. Осокина, спеціальныя работы котораго главнымъ образомъ были посвящены второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Мы естественно ожидали, что эта половина будетъ обработана лучше и въ ней мы не встрѣтимъ «нежелательныхъ недосмотровъ».

Наши ожиданія исполнились только отчасти. Достоинства труда г. Осокина, и въ особенности главное изъ нихъ живость изложенія, въ этой второй половинѣ выдвигаются ярче, чѣмъ въ первой; въ ней еще больше

блестящихъ характеристикъ и картинъ; слогъ въ ней глаже и ровнѣе ¹⁾; но, къ сожалѣнію, и въ ней довольно часто встрѣчаются неточности, неясности и ошибки, явившіяся результатомъ поспѣшности въ работѣ и нѣкоторой невнимательности къ деталямъ. Какъ и естественно ожидать, такихъ недосмотровъ больше въ той части книги г. Осокина, гдѣ почтенный авторъ стоитъ не совсѣмъ на своей почвѣ, какъ напр. въ своихъ историко-литературныхъ экскурсахъ. Вотъ нѣсколько болѣе рѣзкихъ случаевъ. На стр. 85 г. Осокинъ говоритъ, что Чосеръ или Чаусеръ, какъ называетъ его авторъ, «при Ричардѣ II бѣжалъ изъ Англіи, жилъ въ Италіи, видѣлся съ Петраркой и Боккачіо» и т. д., а между тѣмъ справка въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ убѣдила бы автора, что при вступленіи на престолъ Ричарда II Петрарки уже въ живыхъ не было; здѣсь, очевидно, смѣшаны первое путешествіе Чосера въ Италію со вторымъ. Да и вообще біографическія данныя, которыя сообщаетъ г. Осокинъ о Чосерѣ, грѣшатъ противъ исторической достовѣрности. Начать съ того, что сына виннаго торговца назвать «кровонымъ нормандскимъ рыцаремъ» едва ли возможно. Далѣе: принадлежность Чосера въ послѣдователямъ Виклефа теперь представляется болѣе, чѣмъ сомнительною, и сказать про него, что онъ «страшно ненавидѣлъ господствующую церковь» болѣе, чѣмъ смѣло. Чосеръ едва ли сидѣлъ въ Тоузрѣ, а если мы и имѣемъ указаніе, что ему грозила тюрьма, то не за свободомысліе, а за долги и т. д. Не знаемъ, почему г. Осокинъ старшую Эдду называетъ вѣщу нѣей (стр. 579); не перенесъ ли онъ на нее этотъ эпитетъ съ ея предполагаемаго собирателя. Здѣсь же онъ почему-то выдѣляетъ Кудруну (вѣрнѣе: Гудруну) изъ саги о Нифлунгахъ и черезъ то заставляетъ неопытнаго читателя думать, что нѣмецкая поэма о Кудрунѣ воспѣваетъ эту самую героиню. Мы рѣшительно отказываемся понять слѣдующую фразу автора: «Артуровъ циклъ въ большинствѣ поэтическихъ сказаній о животныхъ въ общемъ не вызвалъ сочувствія, но за то въ этомъ же циклѣ одинъ сюжетъ подчинилъ себѣ всѣ другіе и получилъ поэтическую обработку подъ перомъ нѣмецкихъ средневѣковыхъ поэтовъ. То были сказанія о св. Гралѣ и Тристанѣ и Изольдѣ». Развѣ это одинъ сюжетъ? какихъ животныхъ нашелъ г. Осокинъ въ Артуровомъ циклѣ? Мы были бы склонны счесть ихъ за опечатку, но онъ именно здѣсь (на стр. 581) указываетъ изслѣдованіе проф. Колмачевскаго о животномъ эпосѣ. 1600 стиховъ императорской хроники (стр. 582) есть, положимъ, опечатка; но Виргинія, какъ героиня Энеиды Фельдеке (ibid.) есть явный недосмотръ. Пересказавъ содержаніе Парцивала и Тристана, г. Осокинъ говоритъ (стр. 590). «Французскій эпосъ далъ только одно произведеніе подобной важности» — романъ Розы. Не вправѣ ли читатель подумать, что сюжеты Тристана и Парцивала были неизвѣстны Франціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ именно Франція и ссудила ими Германію? Да и какъ можно ставить въ одну категорію такія явленія, какъ св. Граль и романъ о Розѣ? Недосмотромъ мы считаемъ и то обстоятельство, что г. Осокинъ, говоря о Петраркѣ, игнорируетъ его житѣе въ Карпентра

¹⁾ Однако и здѣсь недостаточно внимательная редакция даетъ себя чувствовать на многихъ страницахъ напр. «онъ былъ счастливъ отыскать нѣсколько затерянныхъ сочиненій Цицерона» (стѣ. 843). «Развратная жена ищетъ пятирхъ мужей, (сразу?) съ охотой хоронитъ каждаго, расчитывая тутъ же заручиться новымъ» (855) Чоусеръ «свидѣтельствуеъ то отвращеніе». (856) и т. д.

и раннее знакомство съ Авиньономъ (стр. 835—6) и черезъ то какъ бы даетъ понять, что знаменитый лирикъ Италіи только взрослымъ познакомился съ поэзіей трубадуровъ. Недосмотромъ же и поспѣшностью работы приходится объяснять и странное опредѣленіе извѣстнаго сборника *Gesta Romanorum*, который г. Осокинъ относитъ къ области сатирическаго эпоса; кто, знакомый съ этимъ сборникомъ, признаетъ, что «въ немъ рассказываются событія римской исторіи, перепутанныя съ христіанскими элементами» (стр. 847)? Или кто узнаетъ знаменитую новеллу Боккачіо о добродѣтельномъ еврей, обратившемся въ христіанство вслѣдствіе того, что развратъ католическаго духовенства не можетъ остановить распространенія очевидно боговдохновенной религіи, въ такомъ пересказѣ: «Одинъ еврей, побывавъ въ Римѣ и убѣдившись въ развратѣ тамошняго духовенства, принимаетъ католицизмъ, такъ какъ это ученіе видимо покровительствуетъ разнузданному образу жизни» (стр. 851).

Мы легко могли бы увеличить вдвое и втрое количество подобныхъ случаевъ, но вовсе не считаемъ это особенно назидательнымъ для читателей. Мы легко могли бы указать на большое количество пропусковъ въ обширной библиографіи г. Осокина; но именно вслѣдствіе громадности задачи, имъ на себя принятой, считаемъ несправедливымъ ставить эти пропуски ему въ вину, такъ же, какъ не рѣшаемся упрекать его и за немалочисленныя опечатки ¹⁾. Но мы не можемъ не пожалѣть, что прекрасно задуманная и талантливо написанная книга, столь необходимая въ нашей учено-учебной литературѣ, такъ пострадала отъ поспѣшности въ отдѣлкѣ и изданіи. Что бы стоило г. Осокину еще годъ поработать надъ ней! Мы имѣли бы тогда книгу, которой могла бы гордиться не только наша, но и любая западно-европейская историческая литература.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ дать почтенному автору одинъ совѣтъ. Такъ какъ его 3-хъ томная средняя исторія предназначается не для гимназистовъ и не для толпы, а для публики вполне культурной и книжной, то онъ могъ бы безъ всякаго ущерба для своей ученой репутаціи, выпустить брошюру въ 3—4 печатныхъ листа, съ исправленіемъ по возможности всѣхъ неточностей и недосмотровъ книги, съ тѣмъ, чтобы при экземплярахъ, вновь поступающихъ въ продажу, эта брошюра раздавалась въ видѣ приложенія, а лица, уже купившія книгу, имѣли бы право получить ее бесплатно. Въ ученой Германіи это дѣлается довольно часто и такое самоисправленіе, даже по указаніямъ неблагопріятныхъ рецензій, приноситъ авторамъ честь, а не безчестье.

А. К.

Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. IV. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. В. Мякотина. Спб. 1889.

Въ заключительной главѣ труда «Паденіе Польши въ исторической литературѣ» проф. Н. И. Карѣвъ говоритъ, что внутренняя исторія Польши въ послѣднія тридцать лѣтъ ея существованія, т. е. исторія производившихся

¹⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ напр. Гяга-Падамъ (стр. 847) или слава вм. слова въ извѣстномъ стихотвореніи Петрарки къ Италіи (стр. 839) очень неудобны для читателя.

тогда реформъ и дѣйствовавшихъ партій нуждается въ пересмотрѣ въ виду существеннаго разногласія между наиболѣе важными историками, писавшими объ эпохѣ. Желая направить съ этою цѣлью вниманіе своихъ слушателей-специалистовъ на изслѣдованія отдѣльныхъ сторонъ политическаго и социальнаго быта Рѣчи-Посполитой, профессоръ предложилъ студентамъ С.-Петербургскаго университета темою для соисканія золотой медали «Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ во второй половинѣ XVIII вѣка». Изъ «Отчета о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1888 годъ» видно, что лучшее сочиненіе на означенную тему было представлено г. Мякотинымъ, при чемъ профессоръ-рецензентъ выразилъ желаніе, чтобы работа г. Мякотина, по исправленіи въ ней кое-какихъ недостатковъ, была напечатана. Таково происхожденіе вышедшей нынѣ книги, появившейся въ печати въ видѣ 4-го выпуска предпринятой г. Карѣвымъ серіи «очерковъ изъ исторіи европейскихъ народовъ»¹⁾. На крестьянскій вопросъ наша историческая литература только въ недавнее время обратила серьезное вниманіе или, правильнѣе, объ этомъ предметѣ только за послѣдніе три десятка лѣтъ, разрѣшено говорить болѣе или менѣе открыто и съ него снята тяготѣвшая на немъ завѣса.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи уже приобрѣлъ своего историка въ лицѣ В. И. Семевскаго, крестьянскій же вопросъ въ Польшѣ наша серьезная литература еще не затрогивала съ достоюльственнымъ вниманіемъ: труды Костомарова, Де-Пуле, Горемыкина, Рехневскаго, хотя и трактуютъ этотъ предметъ, одни—специально, другіе—вскользь, но тѣмъ не менѣе далеко не выясняютъ въ необходимой полнотѣ, «могла ли Рѣчь-Посполитая сама распутать завязанный вѣками узелъ крестьянскаго вопроса и только чисто внѣшнія враждебныя обстоятельства помѣшали ей въ этомъ или же нельзя было рассчитывать на благопріятное рѣшеніе этой задачи силами самой Польши». Выясненію этого вопроса въ такой его постановкѣ и посвящена работа г. Мякотина. Съ этою цѣлью онъ разбилъ имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ для отвѣта на двѣ части, которыя и рассмотрѣны въ отдѣльной главѣ каждая.

Одна имѣетъ своимъ содержаніемъ произведенія польской исторической литературы послѣдней четверти прошлаго столѣтія, въ которыхъ различныя партіи выставили свою программу для рѣшенія вопроса; другая — факты практической жизни, мѣры, принимавшіяся частными землевладѣльцами и государственною властью, выражавшейся въ сеймахъ для улучшенія участи крестьянъ. Этимъ частямъ предшествуетъ историческій обзоръ (гл. 1), въ которомъ обрисовывается юридическое и экономическое положеніе крестьянства къ этому времени. Обстоятельно приведена г. Мякотинымъ вся библиографія предмета, при чемъ имъ сдѣланы указанія, когда онъ пользовался тѣмъ или другимъ произведеніемъ какъ первоисточникомъ и когда изъ вторыхъ рукъ. Къ послѣднему способу ему приходилось прибѣгать иерѣдко, такъ какъ наша Публичная Библиотека не содержитъ въ себѣ весьма многихъ польскихъ брошюръ и памфлетовъ прошлаго столѣтія. Приведа въ си

¹⁾ Этыхъ очерковъ, за исключеніемъ настоящаго, появилось уже три и всѣ принадлежатъ перу г. Карѣва: «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.», «Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія католической реакціи въ Польшѣ» и «Историческій очеркъ польскаго сейма».

стему литературу предмета, онъ дѣлаетъ краткія замѣчанія о каждомъ поименованномъ произведеніи. Благодаря этому наша ученая литература получила чрезвычайно цѣнный критико-біографическій указатель, отсутствіе котораго въ значительной степени тормозило изученіе польской исторіи послѣдняго ея періода. Къ сожалѣнію, г. Мякотинъ ограничился лишь сочиненіями политическими и учеными, оставивъ безъ вниманія словесность и изящную литературу, вслѣдствіе чего въ его трудѣ образовался значительный пробѣлъ, чѣмъ, напримѣръ, не грѣшитъ трудъ г. Семевского по крестьянскому вопросу въ Россіи и что составляетъ его немалое достоинство.

Хотя часть книги, гдѣ трактуется о положеніи польскихъ крестьянъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка, не представляетъ ничего особо новаго тѣмъ не менѣе достойно вниманія, какъ по строго научнымъ выводамъ, такъ и по яркости изображенія разбираемой среды. Главное положеніе автора то, что «положеніе крестьянъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой было въ эту эпоху невыносимо тяжело, хуже чѣмъ во всѣхъ сосѣднихъ государствахъ, не исключая и Россіи», что отразилось главнымъ образомъ на чисто польскихъ и литовскихъ крѣпостныхъ, гдѣ наблюдалась въ особенности бѣдность и приниженность; нѣкоторымъ исключеніемъ могутъ служить крестьяне малороссійскіе, сохранившіе въ себѣ достаточно энергіи для открытой борьбы съ своими панами. Только одно существенное измѣненіе за весь этотъ періодъ въ жизни крѣпостныхъ должна была допустить шляхта, и то не по доброй волѣ, а подъ давленіемъ Россіи. Въ 1786 году на сеймѣ былъ проведенъ законъ, по которому отнималось у пановъ право жизни и смерти надъ своими хлопами и убійство хлопа наказывалось также, какъ и убійство свободнаго человѣка.

Вторая глава есть *pièce de résistance* книги. Благодаря свободѣ слова, существовавшей въ Польшѣ, публицистика по крестьянскому вопросу достигла тамъ широкихъ размѣровъ. Авторъ въ своемъ библиографическомъ очеркѣ приводитъ названія 88 брошюръ и журналовъ, затрогивавшихъ въ той или другой степени этотъ вопросъ. По своему направленію брошюры дѣлятся на двѣ категоріи: одні написаны въ либеральномъ духѣ, другія— въ консервативномъ, при чемъ каждое направленіе въ свою очередь носитъ два оттѣнка. Одни писатели либеральнаго образа мыслей требовали немедленной и коренной реформы, другіе допускали компромиссы и уступки, «съуживая объемъ реформы или же отодвигая совершенное выполненіе ея въ болѣе или менѣе отдаленное будущее»; въ свою очередь консерваторы, признававшіе неудовлетворительность положенія крѣпостныхъ, отводили реформѣ мѣсто въ далекомъ будущемъ и предлагали ограничиться на первое время заботами о подготовкѣ самихъ крестьянъ къ новой жизни: другіе же отстаивали всѣми силами *status quo*, не находя въ немъ ничего такого, что бы требовало коренной реформы. Приведа достаточное количество выписокъ изъ брошюръ обоихъ направленій, могущее дать читателю ясное представленіе о томъ, какъ былъ поставленъ крестьянскій вопросъ въ литературѣ, г. Мякотинъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ спорѣ за и противъ реформы перевѣсъ ума и таланта все время оставался на сторонѣ партіи реформы; не смотря на это однако, либеральная партія далеко не всегда заслуживала этотъ эпитетъ по существу и въ своихъ конечныхъ выводахъ выставляла требованія очень умѣренныя: до признанія полной земельной собственности крестьянъ, до проекта надѣленія ихъ землею не дошли даже

лучшіе ея представители, равно какъ остались не включенными въ ихъ программу и политическія права крестьянъ. Объясненіе такой умѣренности г. Мякотинъ находитъ въ томъ, «что польскіе публицисты, стоя болѣе или менѣе далеко отъ народа... стояли въ данномъ случаѣ на точкѣ зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ». Чтобы отгнать несоотвѣтствіе либеральныхъ предложеній съ дѣйствительными желаніями и нуждами польскихъ крестьянъ, авторъ сопоставляетъ программу либераловъ съ «Тарчинскимъ проектомъ», который, хотя и не можетъ считаться вышедшимъ прямо изъ народа, тѣмъ не менѣе долженъ разсматриваться, какъ выразитель до нѣкоторой степени желаній современныхъ ему польскихъ крестьянъ.

Переходя къ обзору мѣропріятій лицъ, законодательства и правительственныхъ органовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, авторъ приходитъ къ далеко не благоприятнымъ выводамъ. Во-первыхъ, мы видимъ, что среди помѣщиковъ тогдашней Польши были чрезвычайно слабы попытки улучшить бытъ своихъ крѣпостныхъ, а гдѣ это и наблюдалось, то и тамъ эти попытки были относительны и не полны; во-вторыхъ, хотя въ нѣкоторыхъ сеймовыхъ постановленіяхъ какъ будто и замѣчается сочувствіе къ крестьянамъ и желаніе облегчить ихъ тяжелую участь, но въ виду политическаго устройства Рѣчи Посполитой эти стремленія парализовались нежеланіемъ шляхты допустить какое-либо вмѣшательство въ свои отношенія къ крѣпостнымъ, наконецъ, конституція 3-го мая, не смотря на значительный прогрессъ въ отношеніи крестьянства, парализуется помѣщичьими предрасудками и погоней за личной выгодой. Въ виду всего этого, народъ не чувствовалъ особой привязанности къ отечеству и польскіе хлопы, по словамъ г. Мякотина, «спокойно смотрѣли какъ рушится зданіе Рѣчи Посполитой, въ которомъ они не имѣли никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, какими угодно было надѣлать ихъ помѣщику». Даже Костюшко, наиболѣе радикальный въ крестьянскомъ вопросѣ, не могъ сказать настоящаго слова, ожидавшагося столь долго крѣпостными. Поэтому, когда его патріотическое предпріятіе потерпѣло крушеніе, въ сознаніи и памяти народа прошли почти безслѣдно либеральныя и освободительныя обѣщанія этого лучшаго польскаго дѣятеля по крестьянской реформѣ.

Прослѣдивъ такимъ образомъ систематично и чрезвычайно обстоятельно постановку крестьянскаго вопроса въ теоріи и на практикѣ, а также всѣ пережитыя реформой перепетія, авторъ получаетъ возможность вполне категорически отвѣтить на поставленный въ его книгѣ основной вопросъ: могла ли Рѣчь Посполитая сама распутать завязанный вѣками узелъ крестьянскаго вопроса? отвѣтъ получается отрицательный и научный; волиѣ безпристрастный выводъ г. Мякотина тотъ, что «шляхта не сумѣла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса и, какъ предсказывали ей ея собственные публицисты, разрѣшеніе его перешло въ чужія руки».

Б. Г—скій.

**С.-Петербургская Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ
(1858—1888 гг.) И. Чистовича. Спб. 1889.**

Новый трудъ г. Чистовича представляетъ продолженіе изданной имъ же въ 1857 году, «Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи». Уступая послѣдней въ научной обработкѣ, въ количествѣ новыхъ сообщаемыхъ фактовъ

и проч., новая книга г. Чистовича тѣмъ не менѣе представляетъ много интереснаго.

Разсказъ автора застаеъ академію подѣ дѣйствіемъ прежняго устава 1814 года. Это было время ожиданій, а потомъ осуществленія реформъ новаго царствованія. «Носившаяся въ воздухѣ идея освобожденія, начавшись съ крестьянъ, примѣнялась всюду—къ литературѣ, печати, общественнымъ состояніямъ, общественному мнѣнію. Возбужденные этимъ движеніемъ вопросы касались самымъ живымъ образомъ положенія духовенства и состоятельности его въ народномъ учительствѣ, устройства и положенія духовно-учебныхъ заведеній, духовной цензуры и проч.» Нѣкоторыя статьи о духовенствѣ, о духовныхъ школахъ были очень рѣзки (напр. «Земледѣльческая газета» 1857 г. № 39, «Журналъ Землевлдѣльцевъ» 1858 г. № 27, «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» 1858 г. № 4 и 5.). Ректоръ академіи, архимандритъ Теофанъ, опасаясь, что эти статьи вредно повліяютъ на студентовъ и имѣя уже поводъ къ подобному опасенію въ возникшемъ неблагопріятномъ движеніи между студентами въ октябрѣ 1858 года (г. Чистовичъ ничего не говоритъ о подробностяхъ этого движенія), сообщилъ свои опасенія митроп. Григорію и глубокой старецъ самъ прибылъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ ноябрѣ 1858 года, въ академическую церковь къ обѣднѣ, послѣ которой, обращаясь къ собравшимся въ академическій залъ студентамъ, убѣждалъ ихъ остаться вѣрными своему воспитанію и призванію, не увлекаясь ложными внушеніями, навѣваемыми со стороны людей неблагонамѣренныхъ. Охраняя отъ вредныхъ вліяній свою среду, академія обнаруживала въ это время стремленіе распространять здравыя понятія и въ обществѣ по религіознымъ вопросамъ. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать возникшее въ 1859 году предположеніе объ открытіи публичныхъ лекцій въ академіи. Толчекъ, впрочемъ, къ этому движенію данъ былъ извнѣ. Близжайшимъ поводомъ для такого предположенія послужило прибытіе въ Петербургъ французскаго проповѣдника, доминиканскаго монаха Соайара. Этотъ Соайаръ, отличаясь увлекательнымъ даромъ слова, чистымъ звонкимъ голосомъ, открылъ по воскресеньямъ, въ 4 часа по полудни, бесѣды въ католической церкви св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ. Масса публики—не только католиковъ, но и православныхъ—устремилась послушать увлекательнаго проповѣдника. «Соревнованіе, по словамъ одного тогдашняго духовнаго журнала, становилось необходимымъ». Епархіальная власть съ своей стороны приняла нѣкоторыя мѣры; въ свою очередь и академія сочла нужнымъ предложить свои услуги и открыть у себя публичныя лекціи. Предложеніе имѣло два вида: или сдѣлать академическія лекціи открытыми для всѣхъ, публичными, или открыть въ академіи особыя публичныя чтенія. Предположеніе это не получило осуществленія единственно потому, что противъ него рѣшительно возсталъ московскій митрополитъ Филаретъ.

Описавъ эти и нѣкоторыя другія важнѣйшія событія въ жизни академіи, авторъ переходитъ къ описанію учебной части въ академіи за тотъ же періодъ и говоритъ здѣсь объ открытіи новыхъ кафедръ; напр., кафедры ученія о русскомъ расколѣ, особой кафедры древней церковной исторіи—до раздѣленія церкви, кафедры педагогики, объ обязательномъ изученіи всѣми студентами французскаго и нѣмецкаго языковъ и пр. Обзорѣнія перемѣнъ въ личномъ составѣ профессоровъ академіи—авторъ сопровождаетъ указаніемъ ихъ литературныхъ трудовъ.

Второй отдѣлъ сочиненія г. Чистовича посвященъ изображенію состоянія Петербургской Духовной Академіи со времени преобразованія ея въ 1869 году по новому уставу до 1884 года, когда вновь послѣдовало измѣненіе устава. Петербургская Духовная Академія сама принимала участіе въ составленіи новаго устава въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ. Въ 1867 году обер-прокуроръ святѣйшаго синода, графъ Д. А. Толстой, предложилъ конференціямъ духовныхъ академій представить свои соображенія по поводу новаго устава, который 30 мая 1869 года и былъ Высочайше утвержденъ. По этому уставу управление академіею по учебной и воспитательной частямъ сосредоточивается въ Совѣтъ академіи, а хозяйственная—въ Правленіи. Совѣтъ составляется подъ предсѣдательствомъ ректора изъ 3-хъ его помощниковъ, инспектора и 6 профессоровъ—отъ каждаго изъ трехъ отдѣленій—по 2. Правленіе составляютъ, кромѣ ректора, еще 3 его помощника, инспекторъ и почетный блюститель по хозяйственной части. Право избранія ректора оставлено новымъ уставомъ за святѣйшимъ синодомъ съ тѣмъ, впрочемъ, измѣненіемъ, что бы назначаемый святѣйшимъ синодомъ въ ректора академіи имѣлъ непременно ученую степень—доктора богословія и преподавалъ одинъ изъ предметовъ академическаго курса. Эти два требованія сами собою устраняли то неудобство, которое происходило отъ частой смѣны ректоровъ при прежнемъ уставѣ, не требовавшемъ отъ ректора ни докторской степени, ни профессорства. вмѣстѣ съ возвышеніемъ требованій отъ ректоровъ, новый уставъ возвышаетъ требованія въ отношеніи и къ прочимъ профессорамъ: ординарными профессорами могутъ быть только имѣющіе степень доктора. вмѣсто двухъ двухгодичныхъ курсовъ установлено 4 годичныхъ. Науки приведены въ стройное единство, а самый составъ ихъ освобожденъ отъ прежняго излишества: такъ напр., исключены физико-математическія науки..... Преобразование академій рѣшено было произвести не сразу, а постепенно, прежде всего рѣшено было преобразовать по новому уставу петербургскую академію и кievскую. 30 июня 1869 года въ петербургской академіи было уже общее собраніе Совѣта. Когда академія окончательно была преобразована и когда опытъ могъ уже показать дѣйствіе новаго устава, св. синодъ въ 1875 году рѣшилъ произвести ревизію духовныхъ академій, въ томъ числѣ и петербургской, возложивъ эту ревизію на московскаго митр. Макарія.

Не смотря на утѣшительность результатовъ ревизіи о состояніи академій при новомъ уставѣ—этому послѣднему пришлось не долго просуществовать: въ 1884 году введенъ былъ новый уставъ. Указанію отличительныхъ особенностей этого устава и преобразованію Петербургской Духовной Академіи по этому новому уставу—посвященъ третій и послѣдній отдѣлъ вышеуказаннаго сочиненія г. Чистовича. По новому уставу была увеличена власть епархіальныхъ архіереевъ и ректора въ отношеніи управленія академіями; богословскія и философскія науки сдѣлались обязательными для всѣхъ студентовъ, уничтожены публичныя защиты диссертаций и пр. Интересны нѣкоторые особые труды профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи, исполненные коллективно. Таковы напр.: переводъ книгъ священнаго писанія на русскій языкъ, переводъ Византійскихъ историковъ, переводъ древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ на русскій языкъ.

Переводъ Византійскихъ историковъ былъ предпринятъ въ 1857 году по желанію митр. Григорія. Историки были взяты изъ періода съ VIII в.

до половины XV в. или до времени паденія Греческой имперіи. Мотивомъ для такого избранія послужила важность этого періода съ церковно-исторической точки зрѣнія. Въ продолженіе этого именно періода произошло отпаденіе латинянъ отъ единенія съ Восточною церковію; въ это время распространился свѣтъ православія въ земляхъ славянскихъ; Восточная греческая церковь претерпѣла много несчастія отъ козней латинянъ и отъ вѣшнихъ враговъ имперіи.

Въ концѣ книги г. Чистовича приложенъ именной списокъ студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи съ XXII по XLV курсъ (1857—1888 г.г.) съ указаніемъ служебной карьеры ихъ и литературныхъ трудовъ, если таковыя имѣются.

Вообще, книга г. Чистовича написана съ большою точностію и знаніемъ дѣла. Это и понятно: авторъ, какъ самъ бывший профессоръ здѣшней академіи, болѣе чѣмъ кто-либо другой знакомъ въ подробностяхъ съ ея исторіей за данный періодъ. Можно, конечно, пожалѣть, что обозрѣватель обладая такими богатыми средствами, поскупился въ сообщеніи подробностей. Изъ запаса собственной памяти, а также изъ рассказовъ старыхъ питомцевъ академіи, которыхъ можно было бы пригласить и письменно изложить свои воспоминанія,—г. Чистовичу, повидимому, не трудно было бы подробнѣе воспроизвести бытъ академіи и представить исторію ея за данный періодъ, а не послужной списокъ ея профессоровъ, каковой мы видимъ теперь на многихъ страницахъ его книги.

В. Е—вичъ.

Н. Карѣвъ. Паденіе Польши въ исторической литературѣ.— Историческій очеркъ польскаго сейма. Спб. 1889.

Скоро минетъ сто лѣтъ окончательному паденію Польши, какъ независимаго государства. Если и за весь этотъ почтенный періодъ времени такое событіе составляло не разъ въ западно-европейскихъ литературахъ предметъ изслѣдованій, какъ роковое, ѣли, по крайней мѣрѣ, поворотное въ жизни польской народности событіе, то именно за послѣднюю четверть столѣтія изслѣдованія эти участились, отрѣшились, по возможности, отъ сентиментализма и отъ неизбѣжности быть отпечаткомъ патріотическихъ чувствъ, стали глубже проникать въ предметъ, приобрѣли тѣмъ научную важность и, наконецъ, составили чуть ли не цѣлый отдѣлъ исторической литературы и публицистики, какъ польской, такъ и русской.

Въ послѣдней самое видное мѣсто, за новѣйшее время, принадлежитъ въ этомъ отношеніи проф. Карѣву, по поводу трудовъ котораго о новѣйшемъ поворотѣ въ польской исторіографіи и по редакціи изданія въ русскомъ переводѣ книги Бобжинскаго «Очеркъ исторіи Польши» много высказывалась современная критика (и между прочимъ въ нашемъ журналѣ). Не послѣднее мѣсто, по интересу для русскихъ читателей должны занять, въ ряду трудовъ г. Карѣва, и названныя выше двѣ книги, особенно первая изъ нихъ.

«Паденіе Польши въ исторической литературѣ» представляетъ собою чрезвычайно удобный для желающихъ ориентироваться въ вопросѣ сводъ всего замѣчательнаго, что появлялось по данному предмету не только въ польской и русской, но и въ западно-европейской литературѣ, сопровождаемый общими выводами самого автора по паденію Польши. Дополненіемъ къ

этой послѣдней части труда г. Карѣва и служить одновременно съ нимъ выпедшая брошюра о польскомъ сеймѣ, отношенія котораго къ малымъ, но «сувереннымъ» сеймикамъ находятся въ числѣ главныхъ причинъ внутренней развала, безнарядья, приведшаго несчастную страну къ окончательной политической гибели, какъ въ этомъ теперь согласны и выдающіеся новѣйшіе польскіе историки. Оцѣнка взглядовъ краковскаго профессора Бобжинскаго г. Карѣвымъ была посвященъ особый трудъ, по поводу котораго поворотъ въ польской литературѣ къ болѣе трезвымъ взглядамъ на данный предметъ не остался, какъ сказано, незамѣченнымъ въ русской критикѣ и, безъ сомнѣнія, оцѣнка даннаго явленія выразилась бы еще полнѣе съ появленіемъ давно ожидаемаго въ русскомъ переводѣ второго тома труда Бобжинскаго, особенно съ пояснительными замѣчаніями русской редакціи.

Въ означенной книгѣ г. Карѣва помѣщено обстоятельное рассмотрѣніе польскихъ публицистическихъ и историческихъ трудовъ, начиная съ Нарушевича (и даже ранѣе) и кончая новѣйшими крупными сочиненіями Калинки о четырехлѣтнемъ сеймѣ и Корзона о внутреннемъ состояніи Польши при Станиславѣ Августѣ. Особенно высоко ставитъ авторъ трудъ Корзона, который, изслѣдуя экономическую жизнь и систему управленія въ Польшѣ послѣднихъ трехъ десятилѣтій ея существованія, находитъ въ этихъ сферахъ жизни страны значительные успѣхи, а самую причину паденія усматриваетъ въ интеллектуальныхъ и моральныхъ условіяхъ польскаго общественнаго быта, хотя и трудно обособлять первое отъ второго. Рассматривая притиворѣчія въ окончательныхъ взглядахъ Калинки и Корзона, нашъ авторъ говоритъ: «при различіи общей концепціи, оба историка должны были выдвигать на первый планъ каждый различные факты; одинъ—деморализацію и ошибки, другой—улучшенія и успѣхи, но и тѣ и другіе факты существовали въ обществѣ, и только будущее могло бы рѣшить окончательно, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда въ этой борьбѣ началъ разложенія и началъ возрожденія, если бы борьбѣ этой было предоставлено свободное поле, если бы въ нее не вмѣшались постороннія, внѣшнія силы». Къ числу признаковъ возрожденія должно отнести попытки преобразования сеймиковъ (устраненіе съ нихъ «гололоты»), очень, впрочемъ, ограниченныя, такъ какъ тамъ все-таки сохраняла преобладаніе шляхетская поземельная собственность; хотя на сеймѣ были допущены мѣщанскіе депутаты, но коренное зло, лишавшее сеймъ силы, его характеръ конгрессивности, какъ собранія (въ посольской избѣ) представителей суверенныхъ шляхетскихъ единицъ (сеймиковъ) осталось по старому. «Старыхъ, глубоко вкоренившихся началъ публичной жизни сокрушить не удалось, говорить въ своемъ трудѣ о сеймикахъ цитируемый авторомъ проф. Павинскій. Борьба съ ними была трудная, тягостная, кровавая. Побѣда требовала больше времени, а времени уже не хватало».

Послѣднія и нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше словъ указываютъ и на иностранное, со стороны трехъ державъ, воздѣйствіе къ ускоренію паденія такого организма, о которомъ еще въ 18 столѣтіи западно-европейскіе публицисты «выражали удивленіе, какимъ образомъ государство, столь странно устроенное, могло существовать». Безъ сомнѣнія, постороннее воздѣйствіе было, и не могло не быть въ силу политическихъ причинъ, особенно благодаря неблагоприятному для будущности Польши ея географическому положенію, но главное дѣло все-таки во внутренней разладицѣ и ослабленіи, въ неимѣніи правительства, въ невозможности, слѣдовательно, ни выказать

сопротивленія, ни воспользоваться взаимными раздорами окружающих государствъ.

Современная польская критика усердно занимается взглядами и выводами г. Карѣва на паденіе Польши: одинъ изъ критиковъ, г. Валишевскій, выражаетъ удивленіе по поводу оригинальнаго взгляда русскаго ученаго, что «Польша никогда достаточно не объединялась для образованія одного государства». Доказательства этого положенія содержитъ въ себѣ брошюра о сеймѣ, и благодаря этому результату научныхъ изысканій становится осязательнѣе самое «безнарядье», отъ котораго Польша пала. «Державнымъ» сеймикамъ общіе интересы государства и народа не могли не быть чуждыми; провинціальныя сеймики знали только свой муравейникъ, и то исключительно шляхетскій, и съ его интересами сообразовались въ инструкціяхъ посламъ (депутатамъ), а послѣдніе, благодаря праву *liberum veto*, поддерживали духъ неповиновенія сейму въ этихъ мѣстныхъ суверенахъ. Правда, въ числѣ признаковъ начинавшагося возрожденія Рѣчи Посполитой указываютъ, что по конституціи 3 мая 1791 г. было уничтожено *liberum veto*, и что въ послѣднее 30-лѣтіе существованія Польши не было сорвано ни одного сейма, однакожь зависимость этого «вальнаго» сейма отъ сеймиковъ нисколько не была поколеблена: существованіе «сеймиковыхъ инструкцій» посламъ и подробное обсужденіе этихъ инструкцій по пунктамъ на сеймикахъ имѣло характеръ предрѣшенія вопроса и неминуемо стѣсняло «свободу воеводскихъ пословъ, собранныхъ на вальномъ сеймѣ». Нельзя не согласиться съ авторомъ, что изслѣдованіе отдѣльныхъ сторонъ старопольской юридической и политической жизни, въ родѣ вопроса о сеймикахъ, много поможетъ освѣтить въ деталяхъ большія стороны этого распадавшагося государства и тѣмъ окончательно утвердитъ новѣйшій анализъ истинныхъ причинъ паденія Польши, долго остававшихся въ тѣни за событіями вѣдншаго свойства. Этимъ опредѣляется и значеніе прекрасной, хотя небольшой, монографіи г. Карѣва о польскомъ сеймѣ.

Нельзя не остановиться еще на тѣхъ главахъ первой книги г. Карѣва, которыя посвящены русскимъ историческимъ и публицистическимъ трудамъ по польскому вопросу. Главы эти отличаются особымъ интересомъ для русскаго читателя потому, что въ нихъ, какъ сказано, собраны и резюмированы взгляды всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ историковъ отъ Погодина до Костомарова и Пыпина, отъ Соловьева до Брикнера. Нѣкоторымъ писателямъ, — какъ, напримѣръ, де-Пуле, авторъ отводитъ даже слишкомъ много критическаго вниманія. Изъ русскихъ публицистовъ относительно Каткова, (ссылки на котораго кое-гдѣ есть) авторъ оговаривается, что въ вышедшихъ недавно трехъ томахъ его статей нѣтъ историческихъ взглядовъ на паденіе Польши. Не находимъ также г. Спасовича, въ многочисленныхъ газетныхъ и журнальныхъ трудахъ котораго, (не говоря уже объ отдѣльныхъ монографіяхъ), безъ сомнѣнія, нашлось бы не мало, подлежащаго выборкѣ и включенію въ *compendium* автора. Съ большимъ интересомъ прочтется изложеніе возвращенія на данный предметъ того направленія русской исторической критики, представителемъ котораго является г. Пыпинъ.

Характеризуя различныя точки зрѣнія въ русской литературѣ на раздѣлъ Польши, авторъ устанавливаетъ, что «и съ той точки зрѣнія, которая представляется въ нашей литературѣ г. Пыпинымъ, польскіе раздѣлы XVIII вѣка были возвращеніемъ къ Россіи русскихъ земель Рѣчи Посполитой, хотя при

этомъ и обращается вниманіе на чисто-политическій характеръ совершенныхъ Екатериною территориальныхъ присоединеній отъ Польши». Такимъ образомъ, современное сознаніе русской исторической публицистики всѣхъ направленій служить, въ глазахъ исторіи, лучшимъ оправданіемъ польской политики Екатерины II-й, которая и сама руководствовалась не одними только политическими отношеніями даннаго момента, но именно смотрѣла на раздѣлы, какъ на «возвращеніе отторженнаго». Къ такому возврату, какъ и вообще къ раздѣламъ, вели, (какъ подтверждается и у г. Карѣва), «историческія русско-польскія и польско-прусскія отношенія», ошибочная политика Польши той поры, когда еще она была въ силѣ, передвиженіе границъ съ запада на востокъ, подкрѣпляемое, во внутреннихъ отношеніяхъ, развитіемъ безурядицы въ польскомъ бытѣ. Все это, съ прибавкою географическаго положенія Польши, дѣлаетъ вопросъ о причинахъ ея паденія значительно выясненнымъ въ русской литературѣ, не считая отдѣльныхъ изслѣдованій политико-юридическаго характера изъ внутренняго ея быта, о желательности которыхъ мы упомянули.

Можно также считать достигнутыми (что касается большинства русской литературы и публицистики по польскому вопросу) значительную уже объективность, безпристрастное, историческое отношеніе къ вопросу, которому долго суждено было отражать на себѣ современные злобы дня. Единогласіе по отношенію къ возврату русскихъ областей (хотя русскій Галич достался Австріи), облегчаетъ дальнѣйшее развитіе историческихъ воззрѣній по этому предмету въ русской литературѣ; этнографическая Польша, безъ русскихъ и безъ захваченныхъ нѣмцами областей, не могла бы политически существовать отдѣльно, что тоже нашло себѣ признаніе, занесенное въ книгу г. Карѣва. Затѣмъ, историческая неизбѣжность указывала на единеніе этого этнографически-польскаго острова съ Россіей. Различныя формы этой унии представляли уже и несомнѣнно еще больше въ будущемъ представлять благодарную тему для историческихъ изслѣдованій какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ.

Н. С. К.

Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина; изданіе И. П. Варгунина. 2 т. Спб. 1889.

Передъ нами два объемистыхъ тома новаго изданія сочиненій автора «Горя отъ ума». Первый томъ заключаетъ въ себѣ прозаическія статьи Грибоѣдова и его письма къ разнымъ лицамъ. Здѣсь же мы находимъ довольно извѣстный портретъ Грибоѣдова съ литографіи Мюнстера, по акварели П. А. Каратыгина, и малоизвѣстный, но чрезвычайно характерный и живо передающій саркастическій складъ губъ Грибоѣдова, — портретъ съ неоконченнаго эскиза, приписываемаго Горюнову и принадлежащаго И. А. Всеволожскому. Въ томъ же томѣ мы находимъ составленную редакторомъ изданія хронологическую канву для изученія біографіи Грибоѣдова — канву довольно пространныю, такъ какъ здѣсь — говоря словами предисловія г. Шляпкина — «старательно собраны всевозможныя мелочи, относящіяся до произведеній Грибоѣдова и его личности... а воспоминанія о немъ его современниковъ Бестужева, Булгарина, Давыдова, Муравьева, Полевого, переданы почти цѣликомъ ихъ словами». Данныя хронологической канвы значительно окру-

глянутся тѣмъ, что мы находимъ въ богатѣйшихъ по обстоятельности примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, занимающихъ въ концѣ того же тома страницъ 60, въ именномъ указателѣ и въ библиографическомъ указателѣ произведеній Грибоѣдова и литературѣ о немъ,—указателѣ, составленномъ г.г. Межовымъ, Пономаревымъ, Сайтовымъ и самимъ редакторомъ изданія, подъ общей редакціей г. Лисовскаго, редактора журнала «Библиографъ». Тутъ же приложено fac-simile одного изъ писемъ Грибоѣдова. Въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ мы находимъ перепечатанными цѣлыя статьи, какъ, напримѣръ, статью Булгарина «Литературные призраки» изъ «Литературныхъ Листковъ» 1824 года, весьма важную для характеристики Грибоѣдова и его роли среди литераторовъ его времени. Въ именномъ указателѣ подъ нѣкоторыми фамиліями мы находимъ цѣлыя біографическіе очерки и литературныя характеристики; съ большимъ редакціоннымъ тактомъ это сдѣлано г. Шляпкинымъ по отношенію къ дѣятелямъ второстепеннымъ, свѣдѣнія о которыхъ мало доступны при обычныхъ кабинетныхъ занятіяхъ и требуютъ обращенія въ спеціальныя источники справокъ. Во второмъ томѣ, г. Шляпкинь собралъ все, что осталось отъ творчества Грибоѣдова, также снабдивъ каждую пьесу обстоятельными примѣчаніями въ концѣ тома. При этомъ надо замѣтить, что въ настоящемъ изданіи впервые являются напечатанными слѣдующія пьесы Грибоѣдова: комедія «Студентъ» (1817), написанная въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ, и опера—водевиль «Кто братъ, кто сестра» или «Обманъ за обманомъ», написанная около 1824 г., къ сотрудничествѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ. Ко второму тому приложенъ еще и третій портретъ Грибоѣдова, снятый съ акварели, вдѣланной въ переплетъ Булгаринской рукописи «Горя отъ ума», хранящейся въ Императорской Публичной библиотекѣ, и ноты вальса Грибоѣдова, извѣстнаго читателямъ «Историческаго Вѣстника» по сообщенію г-жи Соковинной.

Какъ мы видимъ, въ новомъ изданіи Грибоѣдова дано такъ много, что всякому изучающему жизнь и сочиненія автора «Горя отъ ума» нельзя теперь не считаться съ трудомъ г. Шляпкина, какъ съ матеріаломъ, на который смѣло можно опереться во всякомъ изслѣдованіи біографическаго и критическаго характера.

Но на первомъ планѣ въ данномъ случаѣ стоитъ вопросъ о томъ, что сдѣлано г. Шляпкинымъ по отношенію къ безсмертной нашей комедіи.

Подлиннаго текста руки Грибоѣдова пока неизвѣстно. Въ виду этого, г. Шляпкинь напечаталъ въ своемъ изданіи текстъ сводный изъ лучшихъ, по его разумѣнію, рукописей и изданій. Такого рода сводный текстъ помѣщенъ у г. Шляпкина на стр. 220—338 т. I. Но, кромѣ того, на 419—510 стр. того же тома, комедія напечатана еще разъ, съ обозначеніемъ, что это первоначальный текстъ. Но и это, оказывается, тоже сводный текстъ: по рукописи (копія 1851 г.) Д. А. Смирнова, подаренной г. Шляпкину, А. И. Аксаковымъ, по текстамъ, обнародованнымъ Алексѣемъ Ник. Веселовскимъ въ его статьѣ «Первоначальная исторія «Горя отъ ума» и по Гарусовскому изданію комедіи.

Изданіе творенія классическаго автора можетъ быть признано идеальнымъ при слѣдующихъ условіяхъ: отысканъ манускриптъ автора, хотя бы не собственноручный, по помѣченныи его поправками, представляющей созданіе поэта въ той законченной формѣ, на которой самъ поэтъ останавливается, чувствуя, что дальше уже дѣлать нечего, что все въ твореніи по-

лучило истинное свое выражение, соответственное зрѣлой силѣ таланта. Но г. Шляпкину не суждено было счастье отыскать такого рода манускриптъ, ему пришлось бродить вокруг да около, въ поискахъ за истиннымъ текстомъ, и это ему, конечно, нельзя поставить въ вину. Но г. Шляпкину положительно слѣдовало познакомить своихъ читателей съ процессомъ той работы критики текстовъ, которая привела его къ опубликованію двухъ сводныхъ текстовъ, безъ объясненія, которому изъ нихъ онъ отдаетъ предпочтеніе, какъ ученый редакторъ. Полный текстъ комедіи постоянно издается и переиздается, начиная съ 1833 года. Весьма важно знать, при какой обстановкѣ было сдѣлано это изданіе, появившееся лишь четыре года спустя послѣ безвременной смерти Грибоѣдова,—съ какого текста оно было сдѣлано и какимъ урѣзкамъ или измѣненіямъ было подвергнуто при печатаніи. На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта ни у г. Шляпкина въ его примѣчаніяхъ, ни у его сотрудниковъ специалистовъ-библиографовъ. А между тѣмъ, за немѣнимъ строго опредѣленной рукописной редакціи, первопечатный текстъ представляетъ чрезвычайную важность. Трудно думать, чтобы вскорѣ послѣ смерти поэта не нашлось никого, кто бы отнесся заботливо къ изданію его творенія. Естественно предполагать печатаніе не съ перваго попавшагося списка, одного изъ ходившихъ тысячами, но съ рукописи, заслуживающей довѣрія, если за дѣломъ печатанія присматривалъ хоть кто-нибудь компетентный и ревнивый къ памяти Грибоѣдова. Въ этой первопечатной редакціи несомнѣнно есть пропуски и недосмотры; дать пополненіе первыхъ и исправленіе вторыхъ, на основаніи столь богатой литературы о Грибоѣдовѣ и его комедіи, и составляло задачу ученаго редактора, для чего онъ и поработалъ такъ много. Но всякій, кому придется пользоваться Шляпкинскимъ изданіемъ Грибоѣдова, не имѣя предъ собою одной редакціи, не будетъ знать, къ чему пріурочивать варианты, выбирая изъ нихъ подходящіе для цѣлей cadaго.

Изданіе гг. Шляпкина и Варгунина, въ 50 разъ болѣе дорогое, чѣмъ нынѣ распространенное въ публикѣ, не можетъ рассчитывать на особенно-большой сбытъ. Самолюбіе почтенныхъ предпринимателей вѣроятно будетъ удовлетворено, если ихъ изданіемъ вооружится каждый, занимающійся литературой по профессіи, въ качествѣ литератора или педагога, и каждый серьезно относящійся къ своему дѣлу актеръ. Вотъ та большая публика, которая предъявитъ г. Шляпкину свои требованія, помимо ученыхъ изслѣдователей и библиомановъ. Эта большая публика нуждается въ одномъ текстѣ, возможно близкомъ къ тому, что хотѣлъ дать въ своемъ произведеніи самъ авторъ, — въ одномъ текстѣ, хотя бы и съ литературно-эстетическими недочетами; въ примѣчаніяхъ же и вариантахъ матеріалъ для возможныхъ поправокъ, въ практическихъ цѣляхъ чтенія вслухъ и произнесенія на сценѣ, требующихъ естественно, текста, очищеннаго отъ всякой соринки стилистическаго характера. Актеру, положимъ, нужно прочесть тяжелый александрийскій стихъ: «Кто не другъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ»....

Въ томъ же видѣ стихъ этотъ фигурируетъ и въ новомъ сводномъ текстѣ г. Шляпкина (стр. 312), но на той же страницѣ приводится вариантъ по Смирдинскому изданію 1854 года, преобразующій тотъ же стихъ слѣдующимъ образомъ:

«Кто не другъ глупыхъ лицъ, всѣхъ вычуръ, словъ кудрявыхъ».

Что же касается текста, который г. Шляпкинъ назвалъ первоначальнымъ

и который напечатанъ у него мелкимъ шрифтомъ, какъ приложение, то вышесказанный стихъ является здѣсь уже совершенно въ иномъ видѣ:

«Когда воспитанъ кто въ отечественныхъ нравахъ».

На чемъ же прикажете остановиться? Не знаемъ, насколько справедливо, но мы подозреваемъ г. Шляпкина въ особомъ пристрастїи къ послѣднему тексту комедїи, окрещенному громкимъ титуломъ «первоначальнаго». Первый же сводный текстъ, весьма сходный съ установившейся у насъ редакціей комедїи, обращающейся въ публикѣ, данъ какъ бы въ угоду установившейся традиціи. Если это такъ, то можно сказать, что г. Шляпкинъ взялъ на себя излишній трудъ, печатая два текста, и проявилъ излишнюю робость, не ограничившись изданіемъ одного текста («первоначальнаго»), въ основное значеніе котораго онъ, несомнѣнно, вѣритъ, и не пріурочивъ къ нему всѣхъ вариантовъ, подобранныхъ г. Шляпкинымъ съ такимъ тщательнымъ усердіемъ.

Въ заключеніе, еще одинъ запросъ ученому редактору, запросъ, тѣсно связанный съ вопросомъ о дѣйствительно первоначальномъ текстѣ комедїи. Ни въ хронологической канвѣ, ни въ примѣчанїяхъ, ни въ библиографическомъ указателѣ, мы не находимъ свѣдѣній о началѣ знакомства Грибоѣдова съ Булгаринымъ, ни объ обстоятельствахъ передачи этому послѣднему рукописи «Горе отъ ума», отрывки изъ которой были, какъ извѣстно, напечатаны Булгаринымъ въ 1825 г. въ альманахѣ «Русская Галїя». Обстоятельства эти могли бы опредѣлить и степень цѣнности текста Булгаринской рукописи «Горя отъ ума», о которой, въ обзорѣ манускриптовъ, бывшихъ въ распоряженїи г. Шляпкина, имъ сказано только: «съ извѣстною надписью «Горе мое поручаю Булгарину». Быть можетъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ г. Шляпкинъ имѣетъ въ виду, что читатель его располагаетъ книгой Гарусова, но обставленное такъ роскошно новое изданіе Грибоѣдова, казалось бы, должно поглотить Гарусова и упразднить его, занявъ свое заслуженное мѣсто въ библиотекѣ cadaго занимающагося человѣка.

Е. Г.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать пятая. Письма графа А. Х. Бенкендорфа и С. Н. Марина. Москва. 1889.

Настоящую книгу, — говоритъ г. Бартеневъ въ предисловіи, — начинается обнародованіе переписки и бумагъ, оставшихся послѣ фельдмаршала князя М. С. Воронцова, наиболѣе прославившаго въ Россїи и за границею имя Воронцовыхъ. Архивъ М. С. Воронцова количествомъ уступаетъ архивамъ его отца, дяди и дѣда-дяди (Елисаветинскаго канцлера). Тѣмъ не менѣе долгая и разнообразная служба князя ставила его въ столь близкія сношенія съ главными дѣятелями его времени, что переписка велась большая. Кромѣ того, онъ съ молодыхъ лѣтъ велъ краткіе дневники и подъ конецъ жизни продиктовалъ свою автобіографїю, такъ что личный и служебный архивы его содержатъ въ себѣ драгоцѣнные историческія откровенія. Къ сожалѣнію, настоящая книга содержитъ очень мало «драгоцѣнныхъ историческихъ откровенїй» и представляетъ интересъ весьма умѣренный; бумагъ самого князя очень мало—всего три письма къ графу Бенкендорфу, которыя напечатаны съ черновыхъ подлинниковъ. Эти три письма, отнесенныя въ приложение, — наиболѣе цѣнное изъ всего, помѣщеннаго въ 35-й книгѣ.

Вся же остальная масса писем—182 письма графа Бенкендорфа и 30 писем Марина, товарищей молодости и сослуживцев князя по Преображенскому полку,—являются балластом. Граф Бенкендорф поддерживал переписку съ княземъ въ теченіе почти 40 лѣтъ (съ декабря 1803 по 12-е марта 1843 года, т. е. почти до самой кончины своей—12-го сентября 1844 года) и на его письма можно, пожалуй, смотрѣть какъ на автобіографію, написанную, однако, очень поверхностно. Между тѣмъ, автобіографія шефа жандармовъ, перваго человѣка при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, могла бы представлять несомнѣнный общественный интересъ, если бы между пріятелями-одногодками (р. 1782 г.), при ихъ непрерывавшихся дружественныхъ отношеніяхъ, существовала въ письмахъ полная откровенность. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ—потому письма графа мало интересны. Также мало интересны и письма рано умершаго Марина, которыя, по мнѣнію г. Бартенева, должны изображать (но вовсе не изображаютъ) ту обстановку, въ которой очутился юноша Воронцовъ, по пріѣздѣ своемъ изъ Англіи въ Россію. Такимъ образомъ, центромъ настоящей книги являются письма князя Воронцова, изъ которыхъ особенно замѣчательны два: одно изъ Севастополя, 14-го августа 1830 года, другое — изъ Одессы, 10-го декабря 1834 года; оба на французскомъ языкѣ, какъ и вся переписка гр. Бенкендорфа (Маринъ писалъ по-русски).

Первое письмо трактуеть о бунтѣ въ Севастополѣ во время появившейся тамъ чумы, занесенной нашими войсками изъ Турціи послѣ войны 1828 года. Князь Воронцовъ прибылъ въ Севастополь въ самую критическую минуту, когда возмущеніе приведеннаго въ ужасъ населенія, преимущественно матросовъ,—вслѣдствіе слабости адмирала Грейга, воздерживавшагося отъ наказанія виновныхъ, нераспорядительности военнаго губернатора Столыпина и нарочно посланнаго для усмиренія бунта генерала Красовскаго,—еще болѣе усилилось, достигши, наконецъ, своего апогея. Вотъ что, между прочимъ писалъ князь Воронцовъ Бенкендорфу при подробномъ донесеніи о бунтѣ.

«Вы увидите, любезный другъ, изъ представляемыхъ подробностей, что, при всемъ моемъ желаніи не дѣлать ничего лишняго, я могъ уменьшить число приговоренныхъ къ смерти только до 7. Великій князь Константинъ скажетъ, пожалуй, что это варварство; но я смотрю на этотъ предметъ съ иной точки зрѣнія, я глубоко убѣжденъ, что покончить въ одно мгновеніе пулею менѣе жестоко, чѣмъ подвергать ужасной пыткѣ 6-ти ударовъ шпицрутенами, но именно впечатлѣніе смертной казни, такъ сильно дѣйствующее на людей и дѣлающее болѣе полезнымъ это наказаніе за тяжкія преступленія, побуждало меня желать и надѣяться, что число казней не будетъ болѣе 4 или 5. Однако, послѣ усидчивой и трудной работы въ теченіе 8—10 дней, я вынужденъ былъ дойти до вышеозначеннаго числа и могу смѣло сказать, что нельзя было ослабить наказанія 7-ми разстрѣляннымъ. Это были главные вожаки и главные убійцы 3-го июня... 14 биты кнутомъ, отъ 30 до 40 прогнаны сквозъ строй. 29-й экипажъ (80 слишкомъ человѣкъ) весьсылается въ Сибирь на каторгу, равно какъ по одному изъ каждаго десятка 4-хъ другихъ экипажей; я предлагаю государю не прогонять ихъ сквозъ строй, десятыя же изъ 29-го экипажа уже подвергнуты этому наказанію, сверхъ присужденія къ каторжнымъ работамъ ихъ товарищей. Нѣкоторые найдутъ, пожалуй, что мало наказанныхъ шпицрутенами, но я по чистой

совѣсти полагаюсь на рѣшеніе государя; онъ увидитъ, надѣюсь, что трозный примѣръ произвелъ потрясающее дѣйствіе и что не было надобности прибѣгать къ той бойнѣ, которая недостойна цивилизованнаго правительства и возбуждая въ зрителяхъ отвращеніе, приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы». Приведенная любопытная выдержка отлично характеризуетъ взгляды князя Воронцова на наказанія. Гнушаясь бесполезной жестокости, князь, вмѣстѣ съ тѣмъ, не понималъ и гуманнаго малодушія, къ которому былъ склоненъ великій князь Константинъ Павловичъ,—не допускалъ никакихъ сдѣлокъ власти съ мятежемъ и возможности оставлять тяжкія преступленія безъ должнаго и примѣрнаго наказанія. Но на ряду съ этимъ князь съ смѣлой твердостью, достойной истиннаго государственнаго человѣка, указывалъ, не боясь немилости, на противныя духу самодержавія уклоненія власти въ сторону произвола. Въ этомъ смыслѣ замѣчательно второе письмо, въ которомъ князь, между прочимъ, писалъ:

«Вы припомните, быть можетъ, любезный другъ, что однажды я говорилъ въ Петербургѣ объ изданномъ въ началѣ года указѣ, которымъ князю Волконскому (тогдашнему министру императорскаго двора) предоставлялась надъ всѣми служащими и входящими въ составъ императорскаго двора чрезмѣрная власть, несовмѣстная съ духомъ времени и нашего правительства вообще и противная извѣстнымъ общимъ принципамъ государя. Я не могъ достать этого указа въ Петербургѣ, но по возвращеніи сюда нашелъ его въ своей канцеляріи и слѣшу вамъ выслать. Изъ него вы увидите, что министръ императорскаго двора имѣетъ право безъ суда, по собственному своему усмотрѣнію, сослать въ Сибирь пожизненно всякаго дворцоваго лакея, пѣвца, музыканта, и даже артиста или театральнаго актера.—Подумайте, къ какимъ ужаснымъ злоупотребленіямъ можетъ оно привести... Коль скоро наказываютъ безъ суда, то уже нельзя ожидать, что будетъ требоваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ законныя доказательства. Интрига, сплетня, часто могутъ представить человѣка виновнымъ, и вотъ его судятъ и наказываютъ, да какъ? Такою карою, которая положена за самыя тяжкія преступленія и по нашимъ законамъ отчасти замѣняетъ смертную казнь. Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстны сердце и умъ государя, а потому смѣю думать, что этотъ указъ былъ ему подсунуть и не могъ входить въ его намѣренія... Самъ государь никогда не сослалъ бы своего подданнаго въ Сибирь безъ суда, а уполномочиваетъ на то своего министра!.. Я понимаю, что есть люди, которые опасаются идти впередъ по пути такъ называемаго либерализма, но, конечно, никто не скажетъ, что мы должны повернуть назадъ и предоставить министрамъ или полиціймейстерамъ болѣе самовластия, чѣмъ это было необходимо 60 лѣтъ раньше». Это смѣлое и симпатичное сознаніе князя—указывать на заблужденія власти, ею незамѣчаемыя,—заслуживаетъ всякаго вниманія и благодарности со стороны потомства, ибо такимъ путемъ вызывался пересмотръ подобныхъ «подсунутыхъ» указовъ, которые утаивались даже отъ шефа-жандармовъ.

С. Тр.

Стрѣлы. Стихотворенія В. П. Буренина. Изданіе второе, дополненное новыми стихотвореніями. Спб. 1889.

Слава остроумнаго и злого пародиста давно уже установилась за В. П. Буренинымъ. Даже враги (а у кого ихъ нѣтъ?) почтеннаго писателя признаютъ въ немъ талантъ мѣткаго каррикатуриста и, прибавимъ мы, вѣроятно

сами неоднократно смѣялись надъ собой, читая свои изображенія въ стихахъ талантливаго юмориста. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, враги г. Буренина упрекають его за то, что онъ вводитъ пародію и въ свои критическіе очерки, что онъ не разсматриваетъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній «по существу», а отдѣляется лишь болѣе или менѣе удачною карриатурой на нихъ. Этотъ упрекъ справедливъ, по нашему мнѣнію, меньше, чѣмъ на половину. Говоря, конечно, вообще, пародія вовсе не критика, пародія—далека отъ того, чтобы анализировать произведеніе, разсматривать его со всѣхъ сторонъ; пародія вышучиваетъ недостатки и глумится надъ ними, критика спокойно указываетъ; пародія, наконецъ, сама является творчествомъ, а критика призвана это творчество анализировать и объяснять. Но, на ряду съ этими соображеніями, враги г. Буренина забываютъ, что многія произведенія бывають вовсе недостойны критики, что не всегда годится съ обухомъ гоняться за мухой и что, наконецъ, мѣтко пущенная ядовитая стрѣла скорѣй и проще достигнетъ цѣли, чѣмъ мудрыя разглагольствованія по поводу какого-нибудь золотушно-чахоточнаго поэта, какой-нибудь ходульно-сантиментальной мнимой беллетристики, или какого-нибудь театральнаго драмодѣла. Они забываютъ также, что на Л. Толстого, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева и др. корифеевъ русской литературы г. Буренинъ пародій не пишетъ, а разбираетъ ихъ на заправскій критическій ладъ. Пожалуй, можно упрекнуть г. Буренина въ томъ, что своими пародіями въ критикѣ онъ нѣсколько злоупотребляетъ, повторяется и подчасъ даже переходитъ въ шаржъ; но никакъ нельзя отрицать полнѣйшую законность такого приѣма въ критикѣ.

Недавно вышедшій сборникъ сатирическихъ и юмористическихъ стихотвореній В. П. Буренина на половину посвященъ литературнымъ карриатурамъ: таковы по большей части стихотворенія подъ рубрикой: «Мотивы времени» и почти всѣ подъ рубрикой «Драматическія карриатуры». Остальные два отдѣла—«Сатирическія поэмы» и «Современныя басни»—касаются различныхъ общественныхъ дѣятелей. Литературныя пародіи г. Буренина настолько всѣмъ извѣстны по «Новому Времени», что о нихъ нѣтъ надобности особенно распространяться. Публика въ свое время достаточно посмѣялась надъ стихотвореніями, пародирующими современную поэзію, въ родѣ «Памяти Эх. Пех. Чих.», надъ нео-романтической фантазіей «Простраціо Кисляйо-Кисляканти» или надъ слѣдующимъ стихотвореніемъ «Подъ вѣткой сирени», которое позволимъ напомнить:

«Подъ душистою вѣткой сирени
«Предъ тобой я упалъ на колѣни.
«Ты откинула кудри за плечи,
«Ты шептала мнѣ страстныя рѣчи,
«Ты склонила стыдливо рѣсницы...
«А въ кустахъ заливались птицы,
«Стрекотали немолчно цикады...
«Сливъ уста и объятъ, и взгляды,
«До зари мы съ тобою сидѣли
«И такъ сладко мучительно мѣбли...
«А когда золотистое утро
«Показалось въ лучахъ перламутра,
«Ты сказала, открывъ свои очи:
«Милый, вновь я приду къ полуночи,
«Вновь мы сядемъ подъ вѣтку сирени,
«Ты опять упадешь на колѣни»
«Я закину вновь кудри за плечи

«И шептать буду страстныя рѣчи,
 «Опущу я стыдливо рѣсницы
 «И въ кустахъ защебечуть вновь птицы...
 «Просидимъ мы, о, милый мой, снова
 «До утра, до утра золотого...
 «И когда золотистое утро
 «Вновь заблещетъ въ лучахъ перламутра,
 «Я скажу, заглянувъ тебѣ въ очи:
 «Милый, вновь я приду къ полуночи,
 «Вновь мы сядемъ подъ вѣткой сирени...
 И такъ далѣе, безъ конца.

Менѣе извѣстны сатирическія стихотворенія г. Буренина на общественныя злобы дня, въ родѣ адвокатовъ, хищниковъ-кассировъ, разныхъ гешефтмахеровъ изъ Бердичева и Бобруйска и пр. Въ этомъ жанрѣ въ сборникѣ можно встрѣтить вещи очень остроумныя и талантливыя. Таковы, напр., «Ода пиндарическая на расхищеніе господиномъ Юханцевымъ кассы Общества взаимнаго поземельнаго кредита», стихотвореньице «Какъ будто бы изъ Гейне» и др. Очень талантливыя вещи встрѣчаются и въ отдѣлѣ «Современныя басни», въ которыхъ фигурируютъ Градовскіе, Нотовичъ, кн. Мещерскій, Цитовичъ, Бильбасовъ въ нѣсколькихъ видахъ, Боборыкинъ, Краевскій, Семевскій и др. Особенно удачны басни—«Катковъ и Дьяковъ-Незлобинъ», «Реформаторъ», «Авѣенко и швейцаръ».

Первая изъ этихъ басенъ представляетъ перефразъ Крыловской «Осель и Соловей». Роль соловья играетъ Катковъ, котораго Дьяковъ проситъ прочитать передовицу погрозиѣй изъ «Москов. Вѣдомостей». И вотъ

«Внявъ благосклонно просьбѣ сей дьяковской,
 «Великій публицистъ московскій
 «Являть свое искусство сталь:
 «Ударилъ громомъ, молнией заблесталь,
 «На тысячу ладовъ изобличалъ интригу,
 «Кричалъ патріотически «ура»,
 «Показывалъ властямъ въ карманѣ фигу,
 «Всю невскую печать порочилъ
 «И бездну всякаго добра
 «Отъ классицизма родинѣ пророчилъ...
 «Услышавши знакомыя слова,
 «Великому внимала вся Москва:
 «Затихли въ клубѣ аглицкомъ витіи,
 «Въ Охотномъ рядѣ мясники
 «Вдругъ выставили кудачи,
 «И сдѣлали подъ козырьки
 «Всѣ пристава и всѣ городовые».

Однако, не смотря на такой успѣхъ чтенія Катковымъ своей грозной передовицы, Дьяковъ посоветовалъ ему поучиться обличать интригу у Цитовича. Во второй баснѣ выведенъ одинъ изъ многихъ администраторовъ, падкихъ «къ реформамъ на ливреяхъ гадуновъ», послѣ того, какъ они изучали

Всѣ конституціи у древнихъ и у новыхъ
 въ деталяхъ и основахъ...

С. Тр—чевъ.

Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795. Къ столѣтію завоеванія Хаджибея. Составилъ В. А. Яковлевъ. Одесса. 1889.

Хаджибеемъ называлось древнее поселеніе на мѣстѣ нынѣшней Одессы. Здѣсь существовала еще до Рождества Христова греческая колонія, видимою не особенно значительная. На мѣстѣ ея, не позже начала XV вѣка

является селеніе Коцюбей, получившее свое названіе, по всей вѣроятности, отъ литовскаго шляхтича Коцюбы-Якушинскаго изъ Якушина на р. Бугѣ, который выселилъ изъ главнаго своего села нѣсколько крестьянъ и основалъ такимъ образомъ Коцюбинъ хуторъ надъ моремъ, представлявшій свои выгоды по положенію возлѣ соленыхъ озеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ служившій главнымъ портомъ для торговли Польско-литовскаго государства съ генуэзской колоніей Кафой (нынѣ Феодосіей). Черезъ этотъ портъ польскій король Владиславъ II отправилъ въ 1413 году нѣсколько судовъ съ хлѣбомъ въ осажденную турками Византію. Во времена Стефана Баторія потомки основателей Коцюбей отсюда сами уже отправляли хлѣбъ въ Италію. Когда Коцюбей подпалъ подъ власть татаръ съ точностію неизвѣстно, но изъ договора польскаго короля Сигизмунда II Августа съ крымскимъ ханомъ Сагибъ Гиреемъ (1540 г.) видно, что Коцюбей уже принадлежалъ татарамъ. По уговору этому, ханъ дозволяетъ польскимъ и литовскимъ купцамъ брать соль въ Кочубеевѣ и вывозить ее съ уплатою установленныхъ пошлинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ обязывается вознаграждать польскихъ подданныхъ за всѣ обиды, которыя могутъ быть имъ сдѣланы въ Коцюбей. Ко времени завоеванія его татарами слѣдуетъ отнести и переименованіе Коцюбеева въ Хаджибей. Въ 1764 году турки построили здѣсь крѣпость. Подъ властію татаръ и турокъ, Хаджибей игралъ попрежнему значеніе порта чрезъ который впослѣдствіи вели торговлю также и нѣкоторые русскіе купцы. Такъ, въ 1768 году елисаветградскій купецъ Семень Сенковскій «производилъ торговлю русскими товарами изъ Елисаветграда водою до Константинополя чрезъ пристань Хаджибея, находящуюся на Черномъ морѣ». Въ 1768 году, будучи въ Константинополѣ онъ сообщилъ бывшему при Оттоманской Портѣ русскому повѣренному въ дѣлахъ г. Левашеву, что хаджибейская пристань можетъ быть весьма выгодною для русскій торговли съ Оттоманскою портою на Черномъ морѣ. А г. Левашевъ, въ свою очередь, въ началѣ второй турецкой войны при Екатеринѣ II представилъ князю Григорію Александровичу Потемкину планъ о пристани Хаджибея, «съ такимъ объясненіемъ, что ежели оная пристань войною достанется въ русскія руки, то она для русскій торговли можетъ быть весьма выгодною. Князь Потемкинъ сіе предложеніе отъ него принялъ съ особеннымъ вниманіемъ» и впослѣдствіи времени дѣйствительно позаботился объ устройствѣ въ Хаджибей пристани. Между тѣмъ, пока хаджибейская пристань проектировалась въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, отдѣльныя лица изъ русскаго народа старались воспользоваться естественнымъ выгоднымъ положеніемъ Хаджибея. Сюда, еще до завоеванія Хаджибея русскими, стекались выходцы изъ польскихъ областей Югозападнаго края, Подоліи, Волыни и др., а отчасти и изъ Вѣликороссіи. Въ 1775 году, послѣ разоренія Запорожской сѣчи, одна изъ вышедшихъ оттуда партій запорожцевъ поселилась на Пересыпи, рассчитывая на занятія рыболовствомъ, другая по балкамъ хаджибейскаго лимана, гдѣ теперь Нерубайскіе и Усатовы хутора. Поэтому, когда въ 1789 году Хаджибей достался Россіи, то въ немъ уже было готовое русское населеніе, хотя и незначительное. Когда правительство предприняло иностранную колонизацію новоприобрѣтенныхъ земель и лучшія земли въ окрестностяхъ Хаджибея—Одессы отвело нѣмцамъ, то многія изъ этихъ земель оказались уже заселенными и обработанными вольными русскими поселенцами, которые, къ сожалѣнію, вынуждены были оставить ихъ новымъ пришельцамъ, находившимся

подъ особымъ покровительствомъ и одареннымъ чрезвычайными льготами Въ самомъ городѣ изъ русскихъ купцовъ получили земельные участки всего десять съ небольшимъ лицъ, старѣйшіе изъ коихъ были орловскіе купцы Ларіонъ Портновъ и Иванъ Лифинцовъ, затѣмъ харьковскій Гр. Автомоновъ, елисаветградскіе Желѣзновъ и Кленовъ и хаджибейскій житель Ст. Михайловъ. Несравненно было больше иностранныхъ купцовъ, по преимуществу грековъ и отчасти итальянцевъ, и всего пять евреевъ. Этотъ преобладающій элементъ одесскаго населенія и опредѣлялъ послѣдующій характеръ города, наполненнаго «русскими иностранцами».

Брошюрка, существенное содержаніе которой мы изложили, нѣкоторымъ образомъ можетъ служить опроверженіемъ рѣчи преосвященнаго Херсонскаго и Одесскаго Никанора, сказанной имъ на юбилей столѣтія г. Одессы, въ которой онъ обвинялъ русскихъ одесситовъ въ косности развитія и отдавалъ предпочтеніе передъ ними иностранцамъ и даже евреямъ, опуская изъ виду историческія обстоятельства населенія Одессы.

Н. П—овъ.

Исторія города Ярославля; сост. К. Д. Головщиковъ. Изданіе Л. Н. Пастухова. Ярославль. 1889.

Книги, въ родѣ составленной г. Головщиковымъ, должны быть въ принципѣ всегда одобряемы, такъ какъ желаніе знакомить интеллигентныхъ читателей съ прошлою судьбою отдѣльныхъ мѣстностей нашей обширной и разнообразной родины заслуживаетъ полной похвалы. Въ этомъ отношеніи западно-европейская историческая литература можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для русскихъ. Но..... между желаніемъ и исполненіемъ разница не малая! Почтенный авторъ понялъ свою задачу неправильно и вмѣсто толковой, серьезной монографіи объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ уголковъ Россіи, далъ плохую компіляцію. Начнемъ съ источниковъ, которыми авторъ пользовался при составленіи своей книги. Списокъ источниковъ занялъ почти пять страницъ; здѣсь мы встрѣчаемъ: календарь Гоппе на 1872 годъ, словарь И. Н. Березина, газета «Театръ и Жизнь» за 1889 годъ, журналъ «Нива» и масса тому подобной дребедени, которая никогда не можетъ считаться серьезнымъ историческимъ матеріаломъ для лица, серьезно обдумавшаго свою задачу. Между тѣмъ, не мало дѣльныхъ, полезныхъ произведеній оставлены г. Головщиковымъ безъ вниманія, очевидно по той простой причинѣ, что они ему неизвѣстны. Въ этомъ уже выразилась та халатность и та легкость отношенія къ дѣлу, которыми страдаютъ въ большинствѣ доморощенные русскіе люди. Во-вторыхъ, авторъ остался при старомодныхъ взглядахъ на Карамзина и усвоилъ исключительно его псевдо-историческіе приемы, не пріобрѣтя однако художественности его мастерскаго изложенія; этимъ поступкомъ г. Головщиковъ показалъ, что историческая литература за послѣдніе 30—40 лѣтъ ему совершенно неизвѣстна. Фактъ общепоставленный, что незабвенный исторіографъ написалъ не «исторію государства російскаго», а «исторію государей російскихъ», такъ какъ всѣ совершившіеся факты онъ группировалъ около личности великаго князя, а на народную историческую жизнь онъ обращалъ очень мало вниманія. Пріемъ обветшалый и отвергнутый наукою, между тѣмъ, г. Головщиковъ держится его всецѣло и этимъ низвелъ свой трудъ на уровень зауряд-

ныхъ компиляцій. Обращаясь затѣмъ къ «Исторіи города Ярославля», мы должны остановиться на первыхъ ея двухъ главахъ, какъ наиболѣе интересныхъ для читателей. Въ первой главѣ говорится о событіяхъ отъ начала города до основанія самостоятельнаго княжества въ Ярославлѣ, а во второй—исторія самостоятельнаго княжества до его присоединенія къ Москвѣ. Упомянувъ въ нѣсколькихъ словахъ, что въ Ярославской губерніи жили когда-то меря, а позднѣе пришли славяне, авторъ прямо переходитъ къ основанію города Ярославля. Такимъ образомъ, значеніе финскаго племени, уцѣлѣвшаго не смотря на полное политическое поглощеніе его славянами, совершенно не выяснено читателямъ, которые въ правѣ недоумѣвать, какимъ образомъ и откуда появились на верховьяхъ Волги славяне; была ли борьба между ними и финскими народностями; что оставили въ наслѣдіе славянамъ меря, весь, и другіе племена; какую роль играли неугомонные волгари въ славянской колонизаціи, доходившіе сквозь дремучіе приволжскіе лѣса ниже Камы и создавшіе на южныхъ остаткахъ Біарміи болгарское царство на Волгѣ? На всѣ эти вопросы авторъ не даетъ отвѣта, потому что они не затронуты Карамзинымъ, и роль въ русской исторіи финновъ, сохранившихъ свои своеобразныя особенности черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, остается непонятою. Г. Головщиковъ приводитъ варианты легенды о началѣ Ярославля, но все-таки не выясняетъ, что это за село Медвѣжье, существовавшее раньше города Ярославля? остатокъ ли это финновъ или его основали волгари. Начальная исторія Ярославля до Константина Всеволодовича передана очень коротко, потому что Карамзинъ ею не занялся, тѣмъ болѣе что первенствующую роль въ сѣверо-восточной Руси играли Ростовъ, Суздаль, Владиміръ, Москва и Тверь, но задавшись цѣлью очертить прошлое не сѣверо-восточной Руси, а спеціально Ярославля, авторъ обязанъ былъ порыться въ тѣхъ источникахъ, какіе могли быть въ его распоряженіи, и дать болѣе толковую картину «Медвѣжьяго угла», какъ называлась въ стародавнее время эта мѣстность. До 1218 года Ярославль не игралъ политической роли, а потому могъ въ тишинѣ и покоѣ развиваться и богатѣть, сосредоточивая въ своихъ храмахъ и монастыряхъ драгоценности матеріальныя и умственные; но въ этомъ смыслѣ въ книгѣ ничего не сказано. Ярославское княжество существовало съ 1218 по 1471 годъ, а затѣмъ слилось съ Москвою; за этотъ періодъ времени въ немъ было 10 князей. Ярославскія князья дѣлали тоже, что и всѣ остальные удѣльные: враждовали съ Москвою, ѣздили на поклонъ въ Орду, иногда рѣзали татаръ, заводили междоусобія съ родственниками, строили храмы и монастыри, а передъ смертью принимали схиму. Просуществовавъ фактически 253 года 2 мѣсяца и 15 дней (съ 2 февраля 1218 по 17 апрѣля 1471, чего однако г. Головщиковъ, не указывая), Ярославское княжество было присоединено къ владѣніямъ московскаго великаго князя Ивана III и быстро слилось со всею Русью; объ Ярославлѣ громко заговорили въ смутное время самозванцевъ, когда ярославцы стойко охраняли идею единого государства съ Москвою во главѣ. 23 февраля 1777 года указомъ Екатерины II была создана Ярославская губернія съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, каковымъ былъ назначенъ тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ. Въ концѣ книги авторъ даетъ краткое топографическое и статистическое описаніе Ярославля въ настоящее время. Какъ попытка написать исторію Ярославля или, вѣрнѣе, собрать матеріалы и намѣтить канву, книга г. Головщикова заслуживаетъ полнаго вниманія.

А. Б.—въ.

**Забывтое прошлое окрестностей Петербурга. М. И. Пыляева.
Съ 104 гравюрами. Спб. 1889.**

Популяризація историческихъ свѣдѣній—дѣло очень почтенное и полезное; средняя русская читающая публика свою родину знаетъ въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, лишь по учебникамъ, ибо она не любитъ серьезныхъ ученыхъ сочиненій—они для нея сухи и скучны. Популярныя же историческія монографіи, приправленные анекдотами, написанныя въ разговорной формѣ, да притомъ съ иллюстраціями—пользуются среди читающей массы успѣхомъ и любовью. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить наши историческіе журналы, въ послѣднее десятилѣтіе завоевавшіе симпатіи обширнаго круга читателей и пріобрѣвшіе широкую извѣстность. На поприщѣ популяризаціи исторіи подвизается и г. Пыляевъ, первое произведеніе котораго «Старый Петербургъ»—имѣло въ публикѣ большой успѣхъ, благодаря массѣ интереснаго историческаго матеріала, сообщаемаго въ этой книгѣ. Для публики, въ большинствѣ случаевъ, не важно—достоверенъ ли тотъ или другой сообщаемый фактъ; она требуетъ лишь, чтобы онъ былъ характеренъ и любопытенъ, пикантенъ и остроуменъ. Такимъ вкусамъ публики несомнѣнно удовлетворяетъ г. Пыляевъ. Онъ очень много читалъ по новой и новѣйшей русской исторіи, онъ хорошо знаетъ, по различнымъ сочиненіямъ, XVIII и XIX вѣкъ, онъ умѣетъ заимствовать и компилировать легкій историческій матеріалъ, пріурочивая его къ извѣстной цѣли,—словомъ умѣетъ готовить довольно вкусный легко-переваримый историческій винигретъ. Одинъ недостатокъ этого винигрета—однообразіе въ пріемахъ его приготовления: факты г. Пыляевъ беретъ безъ всякой критики и провѣрки, излагаетъ ихъ совершенно безсистемно и въ сыромъ видѣ, т. е. дѣлая рядъ выписокъ, даже не перефразированныхъ, и сшивая ихъ бѣлыми нитками. Таковы свойства и качества всѣхъ работъ г. Пыляева, таково же его «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга», составленное изъ фельетонныхъ очерковъ, помѣщавшихся въ «Новомъ Времени».

Такого же почти взгляда держится и самъ авторъ на свою новую работу. Онъ говоритъ, что его книга не претендуетъ на ученую серьезность, а что задача ея—просто занять вниманіе читателей и разсказать о «забытомъ прошломъ». Кромѣ того, г. Пыляевъ замѣчаетъ, что книга его составлена по различнымъ историческимъ источникамъ и по устнымъ преданіямъ, сохранившимся среди старожилловъ, что все это изложено «отрывочно, безъ строгой системы, въ самой простой, такъ сказать, бесѣдной формѣ». Прочитавъ такое заявленіе автора, придирчивая критика должна умолкнуть и дѣлать оцѣнку съ точки зрѣнія намѣреній г. Пыляева. Съ послѣдней точки зрѣнія, намѣченная задача выполнена добросовѣстно и хорошо. Въ двадцати двухъ главахъ г. Пыляевъ знакомитъ съ историческимъ прошлымъ всѣхъ окрестностей Петербурга—Петергофа, Ораніенбаума, Царскаго Села, Павловска, Острововъ и др. мѣстностей, дѣлаетъ легкія характеристики лицъ, игравшихъ въ извѣстной мѣстности ту или другую роль, сообщаетъ о нихъ всякіе преданія и анекдоты, пополняетъ эти свѣдѣнія различными бытовыми подробностями и пр. И непритязательный читатель въ концѣ концовъ долженъ остаться доволенъ, почерпнувъ на 513 страницахъ не мало для него новаго и поучительнаго. Книга г. Пыляева иллюстрирована 104-мя отлично исполненными гравюрами, снабжена примѣчаніями и тремя указателями

1) личныхъ именъ, (2) мѣстностей, учреждений, зданій и пр. и 3) гравюръ, помѣщенныхъ въ книгѣ. Въ типографскомъ отношеніи изданіе прекрасно.

С. Тр—чевъ.

Историческій очеркъ пензенской первой гимназіи съ 1804 по 1871 г. Сост. П. П. Зеленецкій. Пенза. 1889.

Сухой, полуофициальный отчетъ или вѣрнѣе справочная книжка о состояніи пензенской гимназіи за довольно длинный періодъ времени, любопытенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ интересную страничку изъ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Народное училище въ Пензѣ было открыто 14 іюня 1786 года, а 10 апрѣля 1804 года оно было преобразовано въ 4-хъ-классную гимназію; послѣдняя, согласно уставу 1828 года, сдѣлалось въ 1835 году 7-ми-классную. Первыми преподавателями училища были канцеляристы намѣстническаго правленія, А. Никольскій и И. Виноградовъ, оба изъ духовнаго званія, съ жалованіемъ по 120 руб. асс. въ годъ. Въ помощники къ нимъ былъ опредѣленъ Г. Петровъ, съ жалованьемъ 20 руб. асс. въ годъ. Слѣдить за всѣми измѣненіями въ жизни этого учебнаго заведенія не мѣсто здѣсь, обратимъ только вниманіе на лицъ, которыми пензенская гимназія гордится, какъ своими учениками: 1) Сергѣй Каширинъ; въ должноти ротнаго командира, при штурмѣ Силистріи въ 1829 году, со своею ротой, послѣ кровопролитной рѣзни, первый взойшелъ на крѣпостную стѣну, водрузилъ на ней русское знамя и въ то же мгновение палъ замертво, прострѣленный непріятельскими пулями. 2) Виссаріонъ Бѣлынскій (впослѣдствіи Бѣлинскій), сынъ уѣзднаго врача въ Чембарѣ поступилъ въ августѣ 1825 года въ первый классъ гимназіи; черезъ годъ съ единицами и двойками перешелъ въ слѣдующій классъ послѣднимъ ученикомъ; это былъ худощавый мальчикъ средняго роста съ крупными чертами лица; онъ велъ жизнь какъ-то замкнуто, отчужденно, не любилъ общества, чуждался товарищей, но научные успѣхи его были несомнѣнны. Въ 1829 году онъ кончилъ курсъ, но оставался въ Пензѣ, потому что не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, гдѣ хотѣлъ поступить въ университетъ. 3) Феодоръ Буслаевъ, поступилъ въ первый классъ 12-ти лѣтъ въ августѣ 1828 года и окончилъ курсъ въ 1834 году; Буслаевъ не былъ принятъ по экзамену въ число студентовъ и только черезъ годъ, послѣ самостоятельной подготовки, передъ нимъ открылись двери Московскаго университета, гдѣ состоитъ теперь профессоромъ. 4) Олсуфьевъ Николай, выпуска 1841 года, нынѣ тайный совѣтникъ, служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. 5) Константинъ Островидовъ, выпуска 1846 года, нынѣ тайный совѣтникъ въ отставкѣ, былъ управляющимъ дѣлами кавказскаго комитета. 6) Александръ Князевъ, выпуска 1848 года, нынѣ умершій, былъ посломъ въ Персію. 7) Григорій Мельгуновъ, выпуска 1852 года, умеръ, былъ профессоромъ Спб. университета. 8) Василій Адикаевскій, выпуска 1854 года, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника служить въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. 9) Николай Мясоѣдовъ, выпуска 1856 года, нынѣ сенаторъ. 10) Николай Таганцевъ, выпуска 1859 года съ серебряною медалью, нынѣ сенаторъ и профессоръ Спб. университета. 11) Александръ Размадзе, выпуска 1862 года съ золотою медалью, нынѣ профессоръ теоріи музыки въ московской консерваторіи. 12) Николай Загоскинъ, выпуска 1870 года съ золотою медалью,

ный ордин. профессоръ Казанскаго университета. Наибольше печальнымъ оказался выпускъ 1860 года, давшій Порфирія Войноральскаго, Павла Федосѣева и Дмитрія Каракозова; первые двое оказались политически неблагонадежными людьми, а послѣдній, изъ дворянъ Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, сдѣлался государственнымъ преступникомъ 4 апрѣля 1866 г., бывъ раньше студентомъ Московскаго университета. А. Б—въ.

Историко-статистическій указатель города Пскова. Составилъ И. И. Василевъ. Изданіе псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Псковъ. 1889.

Г. Василевъ уже болѣе двадцати лѣтъ извѣстенъ въ исторической литературѣ, какъ изслѣдователь псковской старины и какъ собиратель статистическихъ данныхъ по городу Пскову и по Псковской губерніи. Работы г. Василева въ этомъ направленіи начали появляться съ 1867 года и теперь ихъ насчитывается около двадцати. Всѣ эти работы носятъ характеръ эпизодической, касаясь того или другого частнаго вопроса и не давая полной исторіи Пскова, на которую авторъ повидимому и не претендуетъ. Такъ, г. Василевъ писалъ и о древнихъ укрѣпленіяхъ Пскова, и о ремесленномъ псковскомъ классѣ въ 1864 году, издавалъ и повѣсть «Преславно сказанна о пришествіи Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи Печерскія въ Богоспасаемый градъ Псковъ» и Псковскій календарь на 1873 годъ, писалъ и о судьбѣ Пскова съ половины XVII вѣка, и о льнѣ и Псковской губерніи и пр., и пр.

Послѣдній трудъ г. Василева, заглавіе котораго нами выписано выше, является передъ публикой не впервые: это второе изданіе, исправленное и дополненное, «Историко-статистическаго очерка г. Пскова», появившагося въ 1878 году и сдѣланнаго, какъ и теперь, по порученію мѣстнаго статистическаго комитета. Исправленный очеркъ, вышедшій теперь подъ заглавіемъ «Указателя», представляетъ трудъ по большей части компилятивный и отчасти самостоятельный. Несамостоятеленъ авторъ въ исторической части своего указателя, ибо онъ черпаетъ историческія свѣдѣнія изъ сочиненій, которыхъ Пскову посвящено не мало. Таковы сочиненія митрополита Евгенія, Костомарова, Бѣляева, Никитскаго и многихъ другихъ. Въ исторической части указателя г. Василевъ излагаетъ краткую политическую исторію Пскова съ XII вѣка до нашего времени, перечисляетъ псковскихъ князей, намѣстниковъ, воеводъ и губернаторовъ, о которыхъ дошли свѣдѣнія, говорить о монастыряхъ, церквахъ, святыхъ и архіереяхъ, довольно подробно останавливается на Псковскихъ древностяхъ и памятникахъ письма на сохранившихся предметахъ, затѣмъ упоминаетъ о памятникахъ церковной, военной и гражданской архитектуры какъ Пскова, такъ и его окрестностей и заканчиваетъ историческую часть хронологіей псковскихъ событій и происшествій. Въ статистической части помѣщены свѣдѣнія о пространствѣ и планѣ города, о дѣленіи его на части, о площадяхъ, садахъ, улицахъ, дворовомъ владѣніи, населеніи и санитарныхъ условіяхъ, о фабрикахъ, заводахъ, ремеслахъ, торговлѣ и пр., и пр. Такимъ образомъ, указатель г. Василева является полезной справочной книжкой, очень толково составленной и дающей въ сжатой формѣ много подчасъ необходимыхъ свѣдѣній.

С. Тр—въ.

Первая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназiи. Севастополь и его окрестности—Инкерманъ, Херсонесъ, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Малаховъ курганъ, Братское кладбище. Отчетъ составилъ по порученію педагогическаго совѣта инспекторъ А. Н. Поповъ, а приложенія рисовалъ преподаватель А. А. Архиповъ. Симферополь. 1889.

Экскурсіи учащихся, совершаемыя подъ руководствомъ преподавателей, безъ сомнѣнія, должны имѣть важное педагогическое значеніе. Онѣ приводятъ учениковъ въ непосредственное соприкосновеніе съ окружающимъ ихъ міромъ, вносятъ оживленіе въ дѣло обученія и дополняютъ пассивное воспріятіе преподаваемаго матеріала самостоятельнымъ знакомствомъ съ реальными предметами.

Симферопольская гимназія предпринимала уже нѣсколько учебныхъ экскурсій, и теперь вышелъ отчетъ о первой изъ нихъ. Эта экскурсія, пролжавшаяся четыре дня—28—31 августа 1886 года,—имѣла почти исключительно историко-археологическій характеръ, какъ наиболѣе соответствующій образованію «юныхъ экскурсіантовъ»—учениковъ трехъ старшихъ классовъ классической гимназiи, а также и мѣстности, посѣщенной ими, замѣчательной въ историческомъ и археологическомъ отношеніи. Учителя, сопровождавшіе учениковъ, обращали ихъ вниманіе на памятники старины и сообщали имъ свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ, имѣвшихъ здѣсь мѣсто. О цѣли и характерѣ этихъ «сообщеній» можно судить по слѣдующимъ словамъ отчета: «Разнообразныя чтенія историческаго характера направляютъ воображеніе юнаго экскурсіанта въ даль вѣковъ, заставляютъ его мысленно воспроизводить то, что было когда-то на этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь спокойно воссѣдаетъ, представлять себѣ ту борьбу и смѣну разнообразныхъ народовъ, которые ему послѣдовательно раскрываетъ руководитель-педагогъ. Чтенія эти представляютъ юнымъ слушателямъ всю глубь глухой древности, которая охватываетъ ихъ волнами невѣдомыхъ имъ или мало вѣдомыхъ историческихъ именъ и названій, но въ заключеніе все-таки возвращаютъ къ дѣйствительности, указывая, что, послѣ столь долговременной и сложной борьбы за обладаніемъ Крымомъ, надъ всѣмъ и надъ всѣми окончательно восторжествовало русское оружіе и цивилизація».

Вполнѣ сочувствуя идеѣ учебныхъ экскурсій, мы позволяемъ себѣ высказать желаніе, чтобы при осуществленіи ея было больше естественности и простоты и меньше педантизма. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать большимъ недостаткомъ первой экскурсіи симферопольской гимназiи того, что ученики должны были постоянно выслушивать продолжительныя сообщенія учителей, изложенныя иногда слишкомъ риторично и испещренныя цитатами изъ Гомера, Геродота, Плинія и др. авторовъ. Мало того, «чтобы ученики могли лучше ориентироваться въ массѣ новыхъ и самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, лучше и прочнѣе усвоить то, что услышатъ, въ связи съ тѣмъ, что увидятъ и на что будетъ обращено ихъ вниманіе руководителями, предложено было вести дневники, каковыя и представить потомъ преподавателю словесности». Такимъ образомъ, экскурсія должна была превратиться въ четырехдневный урокъ, во время котораго мысль учениковъ находилась въ постоянномъ напряженіи, поддерживаемомъ чисто внѣшними, антипедагогическими средствами. Тотъ же педантизмъ выразился и въ

довольно курьезномъ спектаклѣ: вблизи Георгіевскаго монастыря ученики разыграли на греческомъ языкѣ трагедію Еврипида «Ифигенія въ Тавридѣ». «Дѣйствіе, — говорится въ отчетѣ, — шло очень оживленно, такъ что зрители забывали время и смотрѣли съ удовольствіемъ, хотя большинство и не понимало языка пьесы».

Въ заключеніе, не можемъ не выразить сожалѣнія, что отчетъ составленъ слишкомъ официально и игнорируетъ собственно педагогическія цѣли, ни словомъ не упоминая даже о впечатлѣніи, которое вынесли изъ экскурсіи сами ученики. А это вопросъ далеко не маловажный, особенно въ виду новости у насъ подобныхъ экскурсій. С.

Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, составилъ Н. И. Гродековъ. Томъ первый. Юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889.

Этотъ трудъ, изданный при пособіи военно-ученаго комитета главнаго штаба, представляетъ цѣнный вкладъ въ юридическую литературу и, въ то же время, даетъ полезный матеріалъ для изученія этнографическихъ особенностей киргизовъ и каракиргизовъ, населяющихъ Сыръ-Дарьинскую область. Вся черная работа по составленію этого сборника пришла на долю служащаго въ Туркестанскомъ краѣ А. Н. Вышнегорскаго. По предложенію Н. И. Гродекова, г. Вышнегорскій запасся программю знатока Средней Азіи В. П. Наливкина и пробылъ въ средѣ мѣстнаго населенія семь мѣсяцевъ съ цѣлю собиранія адатовъ на мѣстѣ, въ самыхъ кочевьяхъ и зимовыхъ стойбищахъ киргизовъ, посредствомъ разспросовъ и записыванія со словъ бѣговъ и другихъ свѣдущихъ людей. Вышнегорскимъ собрано было такъ много матеріала, что на разборъ его потребовалось около года; кромѣ матеріала, имѣющаго чисто юридическій характеръ и вошедшаго въ появившійся первый томъ, имъ собраны попутно: историческія сказанія по копіямъ древнихъ рукописей, сохранившихся въ рукахъ грамотныхъ киргизовъ, героическія поэмы, повѣрья, басни, загадки, заклинанія и другія устныя произведенія творчества киргизовъ. Этого матеріала, по мнѣнію г. Гродекова, хватитъ еще на два тома. Вышедшій томъ является не первымъ въ области знанія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Еще въ 1831 году издано было «Описаніе киргизъ-казацкихъ ордъ и степей» А. Левшина, въ которомъ изложены основныя начала киргизскаго обычнаго права, хотя въ сжатомъ видѣ; трудъ оріенталиста Бончъ-Осмоловскаго, къ сожалѣнію, не былъ изданъ, а потому пропалъ безъ пользы для дѣла; въ 1865 году вышла «Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства» подполковника Мейера, въ которой также имѣются свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ киргизовъ. Наконецъ, въ 1876 году появился «Юридическій обычай киргизовъ» Загряжскаго, самый полный сборникъ, но неудовлетворительный по формѣ изложенія, а въ 1886 году—«Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ» П. Е. Маковецкаго. Сборникъ Н. И. Гродекова, лежащій передъ нами, отличается выгодно въ томъ отношеніи, что въ немъ приведены все варианты адатовъ по мѣстностямъ и имена сообщившихъ г. Вышнегорскому; вслѣдствіе этого мы знакомимся со всѣмъ разнообразіемъ киргизскихъ возрѣній на тотъ или другой юридическій вопросъ, что очень важно для будущаго историка, такъ какъ ему явится возможность болѣе точно опредѣлять степень

иноземнаго вліянія на составителей киргизскаго права. Сами себя киргизы называютъ казаками, производя это слово отъ «каз» (гусь) и «заг» (воронъ), въ общемъ «степная птица»; родоначальникомъ своимъ они называютъ Алашу, у котораго было три сына: Байшура, Джаншура и Карашура, родоначальники Великой, Средней и Малой ордъ. Что касается каракиргизовъ, то они называютъ сами себя просто кыргызами («кырк» — сорокъ «кыз» — дѣвица), то есть потомствомъ сорока дѣвицъ, прислужницъ дочери хана Сагыма, или бурутами. Среди народа живутъ дворяне («ак суек» — бѣлая кость), очевидно иноземнаго происхожденія, такъ какъ они сами считаютъ себя потомками багдадскихъ калифовъ (преимущественно Аббаса) и Чингизъ-хана. Кромѣ того, «казаки» и «кыргызы» считаютъ себя принадлежащими къ узбекскому племени, отъ котораго отдѣлились 92 колѣна, происшедшія отъ 92 братьевъ: когда эти братья разбогатѣли, то ихъ стада стали перемѣшиваться и, не желая ссориться по этой причинѣ, братья на общемъ совѣтѣ избрѣли 92 тамги или знака. Такимъ образомъ выясняется древность происхожденія тамгъ, тѣмъ болѣе, что названія многихъ родовъ, а еще чаще колѣнъ, происходятъ отъ названій начертаній тамгъ; изученіе тамгъ важно поэтому для исторіи узбекскихъ родовъ. Въ судебномъ отношеніи до подчиненія киргизовъ Россіи громадное значеніе имѣло родовое начало, въ которомъ личность вполне ступевывается передъ родомъ, такъ что защита или отвѣтственность за человѣка падаетъ на весь родъ. Въ настоящее время, признавая въ политическомъ отношеніи вреднымъ соединеніе большого рода подъ властью одного родоначальника, правительство принимаетъ мѣры къ ослабленію родового начала и проявившееся уже паденіе его ознаменовано частыми тяжбами между близкими родственниками, а также неплатежемъ взысканій и долговъ за родственниковъ. Обычай, по которому живутъ и судятся киргизы, называется по-тюркски «зангъ» или по-арабски «адатъ»; главныя положенія изустнаго преданія обычнаго права повсемѣстно у киргизовъ одинаковы, а въ подробностяхъ измѣняются соответственно времени и мѣсту. Главнымъ образомъ, на измѣненіе занга повліяли: принятіе киргизами ислама (который съ покореніемъ края русскими еще усилился), соседство кокапдцевъ по укрѣпленіямъ, переходъ части кочевниковъ къ осѣдлому состоянію, наконецъ, нравственное вліяніе и распоряженія русской администраціи. Вотъ эти-то измѣненныя условія жизни и вызвали возникновеніе такъ сказать новаго адата, главныя черты котораго составляютъ: ограниченіе родовой связи и родового имущества болѣе тѣснымъ кругомъ, дарованіе невестамъ и вдовамъ свободы выбора мужа, введеніе въ употребленіе письменныхъ актовъ, замѣна счета скота счетомъ на деньги и такъ далѣе. Во всякомъ случаѣ, съ развитіемъ новаго адата, личность выиграла и приобрѣла больше правъ въ ущербъ родовому началу. Кромѣ изложенія всѣхъ судебныхъ распорядковъ, въ концѣ книги приведены: киргизскія пословицы и поговорки, въ числѣ 658; боевые кличи всѣхъ родовъ трехъ ордъ и каракиргизовъ; списокъ тамгъ; переводы нѣкоторыхъ обрядовыхъ пѣсенъ и причитанія въ стихахъ; наконецъ, этнографическая карта Сыръ-Дарьинской области и нѣсколько портретовъ типичныхъ представителей народа. Высокій интересъ этой книги несомнѣненъ, такъ какъ въ ней собранъ богатый матеріалъ для изученія многихъ сторонъ быта «казаковъ», у которыхъ прошлое пока неизвѣстно, а для послѣдняго большую важность могутъ имѣть послѣдующія книги, въ которыхъ будутъ приведены произведенія народнаго творчества и, конечно, съ разъясне-

ніями. На первых порахъ и этого будетъ достаточно, потому что для исторической критики кургизскаго народнаго творчества еще не наступило время.

А. Б—въ.

Изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Два тома. Спб. 1889.

Лекціи пользующагося заслуженной извѣстностью профессора, которому, по его собственнымъ словамъ, 9-го октября 1888 г. исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, блистательно доказываютъ, что старость не властна надъ глубокимъ умомъ, надъ рѣдкимъ образованіемъ, отзывчивымъ сердцемъ: въ нихъ столько умственной бодрости и силы, такая обширная эрудиція, неустанно пополняемая маститымъ авторомъ, зорко слѣдящимъ какъ за общимъ движеніемъ науки, такъ и въ частности за своей юридической спеціальностью,—столько, наконецъ сочувствія къ современности и здраваго идеализма, что П. Г. Рѣдкину могли бы позавидовать многіе изъ нынѣ дѣйствующихъ ученыхъ. Въ первомъ томѣ помѣщены: 15 вступительныхъ лекцій 1863—64—1877—78 годовъ; введеніе въ науку вообще и въ исторію философіи права; пять главъ, трактующихъ о предметѣ и содержаніи исторіи философіи права о методѣ изложенія, объ опредѣленіяхъ и названіяхъ, о раздѣленіи на главныя части, объ источникахъ, исторіи и литературѣ излагаемой науки. Кромѣ того, въ первый томъ вошелъ первый отдѣлъ первой части, въ которомъ рѣчь идетъ о предтечахъ философовъ-теологовъ, поэтахъ эпическихъ и гномическихъ, лирическихъ и драматическихъ. Второй томъ заключаетъ въ себѣ второй и третій отдѣлы первой части: второй отдѣлъ трактуетъ о физикахъ или физиологахъ, т. е. натурфилософахъ, а отдѣлъ третій—о софистахъ; этотъ отдѣлъ еще не конченъ, ибо полное его заглавіе читается: «софисты, Сократъ и односторонніе сократики». Пять главъ изъ введенія въ исторію философіи права и первая часть лекцій по исторіи древней философіи права отличаются обстоятельностью изложенія и представляютъ трудъ весьма почтенный. Едва ли, впрочемъ, кто-либо, кромѣ специалистовъ, прочтаетъ эту часть лекцій г. Рѣдкина. Пятнадцать же вступительныхъ лекцій прочтутся съ интересомъ каждымъ интеллигентнымъ читателемъ. Вступительная лекція—это своего рода *profession de foi* профессора, въ которой съ особенной яркостью сказывается его отношеніе къ преподаваемой имъ отрасли науки, отношеніе его къ слушателямъ, отношеніе къ своей новой задачѣ—руководитъ молодые умы, воспитывая ихъ въ идеѣ правды и справедливости. Эту задачу профессоръ Рѣдкинъ понималъ очень широко, говоря съ своею аудиторіею языкомъ независимаго мыслителя.

Признавая необходимость свободы университетскаго преподаванія, авторъ, разумѣется, относится отрицательно къ старому университетскому уставу (до 1863 года), съ силу котораго вмѣсто права, правовѣднія, преподавались законы и законовѣдніе, которымъ воздвигалось гоненіе противъ наукъ политическихъ. Последнее обстоятельство авторъ объясняетъ, съ ироническимъ остроуміемъ, правительственной централизаціей и бюрократизмомъ, проникшими не въ политическую только, но и въ гражданскую и даже въ семейную жизнь. Немудрено, что изученіе политическихъ наукъ считалось излишнимъ въ то время, когда огромное большинство народа

было лишено всёх почти личных гражданских правъ, а остальная часть, болѣе или менѣе привилегированные, отличалась не столько правами, сколько обязанностями.—По вѣрному взгляду маститаго профессора, наука должна быть такъ же самостоятельна, какъ сама истина, наука не должна находиться въ зависимости отъ предубѣжденій и предрасудковъ, она не должна останавливаться ни передъ какими выводами и результатами, отстаивая истину, хотя бы и не приложимую въ данное время въ жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ, профессоръ не желалъ прикрываться своимъ авторитетомъ, а старался развить въ слушателяхъ духъ критики и анализа. Отстаивая свободу университетской науки, г. Рѣдкинъ возстаетъ, конечно, противъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, именуемыхъ лицеями, которые только официально могутъ ставиться въ параллель съ университетами. Заслуживаютъ также вниманія взгляды профессора на значеніе высшаго образованія только въ подготовительномъ смыслѣ: оно научаетъ человѣка примѣнять научный методъ къ всёмъ общественнымъ явленіямъ. Конечно, не всякій сѣмьеть въ блестящей формѣ примѣнить его, но обладать имъ долженъ всякій, желающій разъяснить явленія общественной жизни. Проф. Рѣдкинъ въ этомъ отношеніи является счастливымъ исключеніемъ, для котораго нѣтъ общественныхъ вопросовъ неподдающихся научному анализу. Онъ отзывается на всё общественныя явленія, бесѣдуетъ съ аудиторіею обо всемъ, что волнуетъ въ извѣстный моментъ цѣлое общество. Онъ пользуется каждымъ крупнымъ современнымъ событіемъ, чтобы освѣтить его надлежащимъ свѣтомъ науки и извлечь изъ него въ назиданіе то, что онъ считаетъ истиною. Такъ, роковая война семидесятаго года французовъ съ нѣмцами, плѣненіе Наполеона III, паденіе имперіи, провозглашеніе республики—даетъ профессору поводъ сообщить молодежи свою оцѣнку совершающимся политическимъ событіямъ, причемъ онъ разбираетъ вопросъ,—вѣчностарый и вѣчноновый—о правѣ и силѣ, возвращаясь къ этому неоднократно въ своихъ превосходныхъ вступительныхъ лекціяхъ. Онъ возвращается къ нему, разбирая ученіе Дарвина и предостерегая отъ одностороннихъ увлеченій имъ, опровергая вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣніе, что якобы гипотеза Дарвина распространяетъ атеизмъ и безнравственность, онъ доказываетъ, что борьба за существованіе въ области права является борьбою за нравственное бытіе человѣка. Онъ возвращается къ вопросу о борьбѣ двухъ началъ (права и силы) и по поводу войны на Балканскомъ полуостровѣ. Очевидно, что этотъ вопросъ профессоръ считалъ кореннымъ, ибо правда и справедливость для современнаго человѣчества являются еще идеалами, осуществленіе которыхъ принадлежитъ далекому будущему. Поэтому-то проф. Рѣдкинъ и старался подготавливать въ лицѣ юношества страстныхъ служителей этихъ отдаленныхъ идеаловъ человѣчества. Онъ разбиралъ заблужденія философовъ, отождествлявшихъ эти два начала, начиная съ Спинозы и переходя къ Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю. Онъ говорилъ, что философія силы пророчитъ цивилизаціи печальное будущее, ибо цивилизація будетъ тогда «всеобщею борьбою, всеобщимъ варварствомъ». Господствомъ начала силы надъ правомъ проф. Рѣдкинъ объясняетъ и распространеніе въ современномъ европейскомъ обществѣ пессимизма, ибо послѣдній есть «естественное заключеніе философіи силы». Таково вкратцѣ интересное содержаніе замѣчательныхъ вступительныхъ лекцій маститаго ученаго, подобныхъ которымъ не часто приходится слышать въ стѣнахъ университета. Счастливы слушатели этихъ

лекцій, которымъ они посвящены и которымъ профессоръ говорилъ: «мы, юристы, должны стоять за право, защищать его отъ всякаго насилія, откуда бы оно ни происходило, какъ бы оно ни было велико, могущественно, и въ какой бы формѣ оно ни проявлялось». Не одни юристы, прибавимъ мы, должны хранить этотъ завѣтъ профессора-идеалиста, а всякій честный гражданинъ,—и вѣрить въ конечное торжество эпитафиа къ лекціямъ, какъ ему вѣрилъ самъ проф. Рѣдкинъ: «все минется, одна правда остается».

С. Т—чевъ.

Биографическіе очерки сенаторовъ по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ, сост. П. Н. Семеновъ. Москва. 1889.

Имѣя подъ руками богатый матеріалъ сенатскаго архива для исторіи сената, бывший начальникъ этого архива Платонъ Ивановичъ Барановъ (род. 20 октября 1827 года, скон. 24 декабря 1884 года), задумалъ положить фундаментъ для осуществленія ея и, кромѣ описей, предпринялъ трудъ собиранія биографическихъ данныхъ о всѣхъ русскихъ сенаторахъ. Сначала онъ намѣревался составить и издать полный списокъ сенаторовъ со свѣдѣніями объ ихъ служебной дѣятельности, но долженъ былъ отказаться отъ этого дѣла за невозможностью собрать формуляры всѣхъ сенаторовъ. Тѣмъ не менѣе имъ собранъ богатый матеріалъ для ихъ биографій и даже были нѣсколько обработаны имъ биографическіе очерки нѣкоторыхъ, преимущественно за прошлое столѣтіе. Но неумолимая смерть пресѣкла его полезные труды. Продолжателемъ предпринятой работы явился П. Н. Семеновъ, который представилъ часть «Очерковъ» въ редакцію «Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ»; очерки явились во второй книгѣ за 1886 годъ, но крайне неряшливо въ корректурномъ отношеніи, такъ что составителю пришлось переправлять перомъ и провѣрять полученные имъ изъ редакціи оттиски для отдѣльной продажи. Въ появившихся такимъ способомъ «Очеркахъ» помѣщены биографическія данныя слѣдующихъ лицъ: графа Э. А. Остермана, графа А. А. Матвѣева, Г. Н. Теплова, графа М. И. Воронцова, графа А. Р. Воронцова, графа Н. И. Салтыкова, П. В. Чичагова; въ этихъ семи биографіяхъ очерчена государственная дѣятельность лицъ, съ именами которыхъ связаны важнѣйшіе эпизоды русской исторіи за послѣдніе полтора столѣтія. Остерманъ — одинъ изъ дѣятельныхъ и видныхъ участниковъ въ семилѣтней войнѣ противъ Фридриха II; Матвѣевъ — сподвижникъ и дипломатъ при Петрѣ I, сынъ злосчастнаго Артамона Сергѣевича Матвѣева, боярина и друга царя Алексѣя; Тепловъ энциклопедически образованный — пережилъ бирюзовщину, изгнаніе брауншвейгскаго дома, паденіе Петра III и самъ способствовалъ паденію своего благодѣтеля, графа К. Г. Разумовскаго; М. И. Воронцовъ — главный виновникъ съ лейбъ-медикомъ Лестокомъ переворота 25 ноября 1741 года, возведшаго на престолъ Елисавету Петрову, былъ потомъ государственнымъ канцлеромъ; А. Р. Воронцовъ, племянникъ предъидущаго — Потемкинъ его ненавидѣлъ, сослуживцы боялись, императрица уважала и оказывала ему неограниченную довѣренность по коммерческимъ дѣламъ; Салтыковъ — другъ Павла Петровича, воспитатель великихъ князей Александра и Константина, выведшій въ люди знаменитаго Аракчеева; Чичаговъ — участникъ блестящей эпопеи 1812 года, въ которой онъ поте-

рять часть лавровъ, прибрѣтенныхъ раньше. Польза такихъ книгъ, какъ изданная П. Н. Семеновымъ, настолько очевидна, что намъ остается только пожелать появленія дальнѣйшихъ «Очерковъ», какъ драгоценныхъ матеріаловъ для будущаго историка.

А. Б.—въ.

Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій (1785—1848) ученый славистъ-ориенталистъ, съ портретомъ, автографомъ, собственноручными списками и снимками древнѣйшихъ славянскихъ рукописей и факсимиле знаменитой Супральской рукописи. Историко-біографическая очеркъ П. О. Бобровскаго. Спб. 1889.

Авторъ настоящаго очерка, племянникъ извѣстнаго западно-русскаго слависта, поставилъ себѣ задачей выяснитъ главныя стороны дѣятельности, отличительныя черты характера своего дяди и въ общихъ чертахъ указать отношеніе послѣдняго къ вопросу о воссоединеніи униатовъ съ православною церковью. Личность М. К. Бобровскаго и многія стороны его дѣятельности остаются въ нашей научной литературѣ далеко не выясненными. Труды г.г. Кояловича, Кочубинскаго не внесли настоящаго свѣта въ критическую оцѣнку жизни и трудовъ бывшаго профессора Виленскаго университета и ихъ характеристика Бобровскаго не послужила въ его пользу.

Надъ покойнымъ славистомъ-богословомъ виситъ до сихъ поръ завѣса многихъ недоразумѣній, источникъ которыхъ исходитъ главнымъ образомъ изъ того, что послѣ его смерти все принадлежавшія ему бумаги, записки и книги исчезли безслѣдно и только въ настоящее время и то съ большимъ трудомъ и недочетами кое-что отыскивается и восстанавливается. Это немного найденное, послужившее главнымъ основаніемъ историко-біографическаго очерка г. Бобровскаго, не даетъ еще возможности произнести окончательный судъ и сдѣлать послѣдніе выводы надъ дѣятельностью Михаила Кирилловича, и въ этомъ отношеніи трудъ его племянника оставляетъ и по количеству собраннаго матеріала и по освѣщенію его желать много лучшаго. Самъ авторъ повидимому сознаетъ это и смотритъ на свою настоящую работу какъ на подготовительную къ другой, болѣе обширной и научной. Здѣсь же онъ точно намѣчаетъ тѣ вѣхи, по которымъ слѣдуетъ идти къ разработкѣ будущей біографіи профессора, ограничиваясь пока одними выводами изъ имѣющагося у него, но неизвѣстнаго читателю матеріала. Изслѣдованіе его мѣстами, особенно въ исторической части, страдаетъ длиннотами и деталями, съ успѣхомъ подлежащими сокращенію, наоборотъ, мѣстами замѣтна излишняя краткость тамъ, гдѣ читатель надѣется найти болѣе подробностей, необходимыхъ для оцѣнки М. К. Бобровскаго. Дѣятельность базилианскаго ордена, происки и безчинства отцовъ-іезуитовъ въ Западномъ краѣ—все это темы старыя и избитыя, и авторъ напрасно такъ долго останавливается на этомъ, вводя тѣмъ несоразмѣрность между частями исторической и біографической и въ ущербъ послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой, наиболѣе интересной и существенной части, г. Бобровскій болѣе чѣмъ кратокъ и скупъ. Обладая значительной перепиской своего родственника, бывъ свидѣтелемъ многихъ фактовъ его жизни, онъ могъ бы дать навѣрное гораздо болѣе матеріала читателямъ и поступить въ пользу фактическаго изложенія сентенціями и лишними разговорами, отчего бы значительно выиграла художественная сторона біографіи.

Выводъ автора тотъ, что роль протоіерея М. Бобровскаго была въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православіемъ вовсе не пассивною, какъ то думаютъ иные изслѣдователи. Прежде совершенія акта воссоединенія необходимы были подготовительныя мѣры, съ которыми и уничтожался весь смыслъ униі; мѣры эти—возстановленіе греко-восточнаго обряда во всей его чистотѣ и введеніе книгъ Московской печати—были дѣломъ рукъ М. К. Бобровскаго. Переходя далѣе къ защитѣ учебной дѣятельности своего дяди, племянникъ резюмируетъ ее въ слѣдующихъ положеніяхъ: «Михаилъ Кирилловичъ: 1) открылъ южно-русскаго лѣтописца, извѣстнаго по польскому изданію Даниловича подъ именемъ: «Литовскаго лѣтописца и русской хроники», 2) намѣренъ былъ самъ издать его русскимъ шрифтомъ, такимъ же, какимъ изданы были другія русскія рукописи на иждивеніе графа Румянцова. Но намѣренія Бобровскаго издать самому: 1) хорватскую хронику, списанную имъ въ ватиканской библиотекѣ въ 1820 г., 2) житія святыхъ и проповѣди Іоанна Златоуста, и 3) лѣтописца Подола, содержащаго литовско-русскую хронику, не были приведены въ исполненіе, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ; для этого нужны были: во 1-хъ—средства, во 2-хъ мѣстныя удобства, а въ Шерешевѣ нельзя было имѣть даже и хорошаго переплетчика». Чрезвычайно любопытны тѣ свѣдѣнія, которыя даетъ авторъ очерка о судьбѣ филологическихъ изысканій, перепискѣ и библиотекѣ М. К. Бобровскаго. Оказывается, что благодаря злоупотребленіямъ Пружанской дворянской опеки и мѣстной духовной власти, весь рукописный матеріалъ, оставшійся послѣ покойнаго ученаго, не вошелъ въ опись имущества и былъ отчасти разобранъ сосѣдами, отчасти попалъ въ руки помѣщика Владислава Тренбицкаго, къ которому, согласно запродажному акту, перешла и библиотека Бобровскаго. Отъ Тренбицкаго библиотека и большая часть рукописей перешла къ графу Замойскому въ Варшаву. У того же Замойскаго, по догадкѣ г. Бобровскаго, должны храниться и ногія тетрадки знаменитой Супральной рукописи.

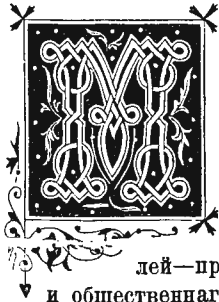
Б. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Продолженіе изслѣдованія А. А. Герцена о русскихъ рабочихъ. — Университетское преподаваніе въ Россіи. — Русскій писатель, клеветущій и доносящій на своихъ соотечественниковъ. — Экономическое освобожденіе Россіи. — Г. Филипповъ и польско-русское примиреніе. — Евреи въ Троѣ. — Конецъ среднихъ вѣковъ. — Като-Камбрезійскій договоръ. — Три книги о Веллингтонѣ. — Мемуары Боденштедта.

МЫ ГОВОРИЛИ уже, въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» о статьѣ швейцарскаго журнала «Русскіе рабочіе», написанной Александромъ Александровичемъ Герценомъ. Статья эта окончена въ послѣднихъ книжкахъ «Bibliothèque universelle» и мы возвращаемся къ ней потому, что она написана русскимъ человѣкомъ, хотя и отказавшимся отъ своей родины, но знакомящимъ съ нею Западную Европу безъ предвзятыхъ цѣлей—представить только дурныя и слабыя стороны нашего быта и общественнаго устройства. Авторъ прежде всего обращаетъ вниманіе на пищу рабочихъ. Правительство, «выказавшее о нихъ, въ послѣднее время, много заботливости» запретило фабрикантамъ снабжать изъ своихъ лавокъ съѣстными припасами работающихъ на фабрикѣ. Эта мѣра была совершенно основательна, такъ какъ владѣльцы фабрикъ, отпуская припасы вдвое дороже, просто отравляли рабочихъ. Такъ, лѣсопромышленники на Онегѣ кормили рабочихъ мукою съ примѣсью спорыньи; въ Москвѣ санитарная комиссія нашла больше 4,000 пудовъ гнилой соломины, которою питались фабричные. Такъ, купецъ Елагинъ заставилъ рабочихъ купить у него до 2,000 пудовъ вонючаго жира и ѣсть его вмѣсто масла, отчего между ними развился тифъ. Законъ беретъ подъ свою защиту бѣдняковъ, но онъ далеко не вездѣ исполняется. По закону фабрика, гдѣ работаютъ сто человѣкъ, должна имѣть свою больницу и доктора, но докторовъ недостаетъ и въ большихъ городахъ, а не только на заводахъ. Профессоръ Эрисманъ посѣтилъ 204 фабрики и только въ 28-ми нашелъ каморки, отведенныя для больницы. Въ цѣломъ округѣ на 35,000 рабочихъ одинъ врачъ. Больныхъ

обыкновенно увольняютъ, какъ на фарфоровыхъ заводахъ въ Москвѣ. Что же дѣлается вдали отъ Москвы и куда дѣваются всѣ эти несчастные? Г. Абрамовъ рассказываетъ о гибели въ 1882 году въ сибирскихъ лѣсахъ такихъ бѣдняковъ, высланныхъ съ золотыхъ приисковъ, но мы хотимъ думать, что такіе факты принадлежатъ къ исключительнымъ случаямъ. Несчастія съ рабочими случаются въ Россіи чаще, чѣмъ въ другихъ странахъ — отъ непринятія техническихъ предосторожностей и безопасности народа. На одной фабрикѣ въ Верейскѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, было сто несчастій съ рабочими, которыхъ было 2,000. Заводчики по большей части остаются равнодушны къ такимъ фактамъ. На заводѣ графа Стенбокъ-Фермора въ Екатеринбургѣ рабочій, прослуживши 15 лѣтъ потерялъ право на пенсію за одинъ день прогула, а когда онъ умеръ, прослуживъ еще десять лѣтъ, женѣ его назначили 4 франка 88 сантимовъ годовой пенсіи. Пенсіонныхъ кассъ, школь, богадѣленъ почти нигдѣ нѣтъ. Стачка по правиламъ 1886 года на казывается тюремнымъ заключеніемъ отъ двухъ мѣсяцевъ до году. И все-таки не смотря на печальное положеніе фабричныхъ рабочихъ, которыхъ не больше милліона, ихъ участь гораздо лучше, чѣмъ ихъ собратовъ западныхъ пролетаріевъ, такъ какъ у большей части русскихъ фабричныхъ есть въ своей деревнѣ клочокъ земли и родная изба. Авторъ видитъ въ этомъ общинномъ началѣ великій социально-экономическій фактъ, который гораздо плодотворнѣ всякихъ ассоціацій, кооперацій и другихъ западныхъ системъ. Только доктринеры политической экономіи видятъ въ общинѣ первобытную, грубую степень гражданского устройства, черезъ которую проходили младенствующіе народы, пока не достигли цивилизаціи. «Национализація земли» до которой только теперь додумались на Западѣ какъ до панацеи при разрѣшеніи социального вопроса, давно извѣстна въ Россіи, гдѣ только 20% земли принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ, а 30% находятся въ общинномъ крестьянскомъ владѣніи; остальные 50% принадлежатъ государству. Народъ обремененъ теперь тяжелыми платежами по выкупу земельныхъ участковъ, слишкомъ высоко оцѣненныхъ въ эпоху уничтоженія крестьянства; но черезъ нѣсколько лѣтъ, его экономическому положенію будетъ завидовать западный пролетарій. Русскому народу всегда было присущимъ артельное начало, процвѣтающее вездѣ, гдѣ только его не эксплуатируютъ капиталисты, или кулаки, вышедшіе изъ того же народа, и Герценъ приводитъ въ примѣръ факты изъ исторіи артелей по книгѣ Лугинина: «Les artels et la coopération en Russie par V. Louguinine, вышедшей въ Парижѣ еще въ 1886 году. Авторъ книги не скрываетъ и неудачъ артельного устройства и рассказываетъ подробно возникновеніе верещагинскихъ сыроварней въ Твери, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, процвѣтаніе ихъ, въ Новгородской, Курской, Вятской губерніяхъ въ семидесятыхъ годахъ и закрытіе ихъ въ восьмидесятыхъ—вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій. Приводятся примѣры и блестящихъ успѣховъ, достигнутыхъ на ниже-туринскихъ заводахъ и въ Екатеринбургѣ начальникомъ казенныхъ заводовъ Грачиновымъ. Въ 1866 г., костромской землевладѣлецъ Святославъ Лугининъ открылъ въ своемъ уѣздѣ ссудный банкъ, вложивъ него 4,000 рублей; теперь онъ дѣлаетъ оборотовъ на 25,000 въ годъ. Подобныхъ учрежденій для мелкаго кредита въ 1886 году было уже 959, и выданная имъ въ ссуду сумма доходила до 60-ти милліоновъ, причемъ сами банки получили до милліона чистаго барыша. Въ концѣ статьи Герценъ описываетъ настоящее политическое и социальное положе-

ніе Россіи, которое можетъ быть блестящимъ, если будутъ слѣдовать неуклонно реформамъ Александра II. Онъ уничтожилъ крѣпостничество въ народѣ, но не успѣлъ уничтожить крѣпостничества интеллигенціи. Постепенно вводимую систему реформъ затормозило на первыхъ же порахъ польское воостаніе 1863 года, принесшее страшный вредъ русскому народу. Несмотря на всѣ усилія лицъ въ родѣ Милютина, Самарина, Черкасскаго, враждебныя имъ тенденціи взяли верхъ. Авторъ приводитъ изъ книги Леруа-Болье «L'empire des tsars» примѣры благотворной дѣятельности на пользу народа открытыхъ въ то время земствъ. Затѣмъ послѣдовали ихъ неудачи и неустройство, которыя повели даже къ такому прискорбному факту, какъ закрытіе въ 1888 году череповецкаго земства... Авторъ надѣется однако на то, что всѣ благія намѣренія Александра II осуществляются.

— Журналъ г-жи Адавъ продолжаетъ въ каждой книжкѣ печатать статьи, относящіяся къ Россіи. Г. Черновъ помѣстилъ даже два разсужденія: первое «объ университетскомъ преподаваніи въ Россіи» (*L'enseignement universitaire en Russie*) бросается въ глаза своею парадоксальностью. Авторъ начинаетъ съ вопроса: кто виноватъ въ томъ, что въ 1878 году мы остановились у воротъ Византіи и подчинились потомъ рѣшеніямъ берлинскаго конгресса? Дипломатія, всегда сваливавшая на другихъ свои промахи, обвиняла національную и военную партіи въ томъ, что они начали борьбу преждевременно, что истощивъ свои военныя силы, Россія не могла продолжать войну безъ видимой опасности. Съ своей стороны г. Черновъ полагаетъ, что безрезультатность кампаніи 1878 года была «логическимъ послѣдствіемъ пагубнаго разногласія въ мнѣніяхъ, внесенныхъ въ наши университеты нѣмецкимъ протестантствомъ и находящихся въ явномъ противорѣчій съ государственными принципами, отчего разрушилось единство дѣйствій и стремленій, необходимыхъ для успѣха борьбы». Виновато, выходитъ вторженіе либеральныхъ идей въ университетское преподаваніе и г. Черновъ такъ прямо и говоритъ, что эти идеи привели къ берлинской катастрофѣ. Называя себя принадлежащимъ къ національной партіи, авторъ говоритъ, что «Вѣстникъ Европы» назвалъ эту партію реакціонерами, и что онъ, г. Черновъ, охотно принимаетъ этотъ титулъ. Въ этомъ мы не находимъ ничего страннаго, такъ какъ у насъ многіе гордятся еще и не такими титулами, но для чего либеральный французскій журналъ печатаетъ признанія и измышленія такихъ русскихъ людей? Этого мы не понимаемъ. Для чего было доносить французамъ, что ординарный профессоръ Кіевскаго университета г. Кистяковский въ своемъ «руководствѣ уголовного права» отвергаетъ будто бы совѣсть, признаетъ преимущества инстинкта надъ разумомъ, называетъ нелѣпостью раскаяніе и угрызенія совѣсти? Могутъ ли иностранные читатели судить, что все это ложь и клевета, также какъ и обвиненія профессора А. Градовскаго въ томъ, что онъ искажилъ въ своемъ учебникѣ народнаго права основныя принципы русскаго правленія. Все это, конечно, совѣстно было напечатать въ русскомъ журналѣ, да и не одинъ уважающій себя журналъ не напечаталъ бы такихъ инсинуацій — но для чего же дала имъ мѣсто г-жа Адавъ въ своемъ органѣ? Или редакція его опять перешла къ еврею Ціону, бывшему русскому подданному, потомъ принявшему французское подданство, потомъ опять перешедшему въ русское и сдѣлавшемуся агентомъ Буланже, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ реквизиціонный генеральнаго прокурора въ процессѣ генерала-пройдоха? Г. Черновъ, считая себя

компетентнымъ лицомъ не только въ общихъ вопросахъ русской политики, но и въ специальныхъ областяхъ, помѣстивъ въ томъ же журналѣ статью о роли русскаго флота въ будущей войнѣ (*Role de la marine russe dans la future guerre*). Главная мысль статьи та, что русскій черноморскій флотъ долженъ овладѣть Константинополемъ, что ему мѣшаетъ въ этомъ только одна Германія (объ Англіи авторъ не говоритъ ни слова) и что всѣ неудачи Россіи на этомъ пути происходили отъ того, что она слушалась коварныхъ внушеній Пруссіи и не имѣла флота. О печальной роли этого флота въ прошлое царствованіе и о расшаркиваніи нашей дипломатіи и профессоръ въ родѣ г. Мартенса передъ прусскою политикою, статья говоритъ правду.

— Анонимъ О—ку помѣстивъ статью «Экономическое освобожденіе Россіи» (*L'affranchissement économique de la Russie*). Петербургскій сотрудникъ журнала видитъ это освобожденіе — отъ берлинской биржи, конечно—въ успѣхѣ нашихъ послѣднихъ конверсионныхъ займовъ и приписываетъ этотъ успѣхъ судѣйствію парижской биржи. На дѣлѣ однако не видно, чтобы это судѣйствіе отразилось на нашемъ курсѣ. Франкъ въ прошломъ году, какъ въ нынѣшнемъ, стоитъ у насъ 38 копѣекъ, а не 25, а въ Берлинѣ за наши сто рублей даютъ всего 210 марокъ, тогда какъ въ прошломъ году давали 222. Авторъ статьи самъ говоритъ, что не такъ легко освободиться отъ финансовыхъ узъ страны, которая владѣетъ нашими процентными бумагами на четыре миллиарда. И какъ ни хлопоталъ еще Катковъ сдѣлать все того же Ціона посредникомъ въ биржевыхъ операціяхъ между Петербургомъ и Парижемъ, курсъ нашъ отъ этого не поправился, но, по словамъ автора, бисмарковская офиціозная «Post» только посмѣялась, что «доктора Ціона пригласили лечить русскіе финансы». Въ плохомъ положеніи ихъ авторъ обвиняетъ болѣе всего русскую дипломатію, не согласившуюся, по предложенію французскихъ банкировъ, ни выкупить турецкія желѣзныя дороги, ни основать въ Петербургѣ русско-французскій банкъ съ капиталомъ въ 50 милліоновъ металлическихъ рублей. Не знаемъ, въ какой степени это справедливо, но авторъ совершенно правъ, говоря что главный виновникъ паденія русскаго кредита—германскій канцлеръ, прямо убѣждавшій въ рейхстагѣ не покупать русскихъ бумагъ, а въ своихъ газетахъ утверждавшій, что въ случаѣ войны съ Германіей, Россія не будетъ платить процентовъ по своимъ долговымъ обязательствамъ, «какъ будто англійскіе кредиторы не получали по русскимъ купонамъ во время крымской войны!» прибавляетъ авторъ. Но тайныя политическія интриги и открытое приказаніе Бисмарка германскому имперскому банку — не выдавать ссудъ подъ русскія бумаги ясно доказываетъ досаду канцлера на то, что Россія не хочетъ, какъ бывало, исполнять его желанія. И курсъ нашъ не поднимется, пока неизмѣнится политика Бисмарка, имѣющаго полное основаніе говорить намъ словами Моцартовой «Волшебной флейты».

«Къ любви я не могу тебя принудить, (Zur Liebe kann ich dich nicht zwingen,
«Но и свободы я тебѣ не возвращу». Doch geb' die Freiheit ich dir nicht zu-
rück).

— Г. Филипповъ напечаталъ въ томъ же журналѣ размышленія «о польско-русскомъ примиреніи» (*La réconciliation polono-russe*). Авторъ возстаетъ противъ мысли, высказанной Н. Я. Данилевскимъ въ его книгѣ «Россія и Европа», что «Польша пользуется благосклонностью Европы, потому что представляетъ аванпостъ западной цивилизаціи». Но во-первыхъ,

терминъ Европы употребленъ здѣсь въ слишкомъ широкомъ смыслѣ: чувства Франціи къ Польшѣ, напримѣръ, совсѣмъ не тѣ, какія питаетъ къ ней Германія. Да и во Франціи даже Флоке не кричитъ уже больше: «да здравствуетъ Польша», а только слушаетъ какъ вокругъ него кричатъ: «да здравствуетъ Россія!» Да и сама Польша поняла—хотя и немножко поздно—что ея злѣйшій врагъ — Германія. Въ Россіи смотрятъ снисходительно даже на польскія утопіи, если онѣ не выходятъ изъ границъ и не простираютъ ихъ «отъ моря до моря», включая въ нихъ Кіевъ и Смоленскъ, Минскъ и Вильну. О томъ, чтобы обрусить Привислянскій край могутъ мечтать только закоренѣлые бюрократы да «Московскія Вѣдомости», но ограждать отъ ополяченія русскія провинціи правительство имѣетъ не только право, но и обязанность. Всѣ благоразумные польскіе писатели, какъ Богуславскій, Щепановскій, Окольскій, сознаютъ, что послѣ 1863 года польскій край достигнулъ цвѣтущаго положенія, которое въ экономическомъ отношеніи гораздо лучше чѣмъ въ Галиціи, гдѣ можно ходить въ контушѣ и пѣтъ: «еще польска не сгинела». Въ 1856 году въ русской Польшѣ было до 4.700,000 жителей, теперъ 8.400,000. Въ Галиціи всего двѣ русскія гимназіи на 28 польскихъ, тогда какъ большинство населенія русское. Авторъ находитъ это конечно несправедливымъ и желаетъ, чтобы въ краѣ, гдѣ преобладаетъ польское населеніе, первоначальное и даже среднее образованіе преподавалось на польскомъ языкѣ. Государственный языкъ разумѣется обязаны знать всѣ получающіе воспитаніе въ заведеніяхъ государства; но дѣти поляковъ имѣютъ въ то же время право учиться и своему родному языку вездѣ, гдѣ они живутъ въ большомъ числѣ. А русскимъ администраторамъ, служащимъ въ Привислянскомъ краѣ, надо знать и польскій языкъ, что имъ было замѣчено и свыше—по словамъ автора статьи. Онъ говоритъ также, что первый шагъ къ польско-русскому примиренію долженъ быть сдѣланъ русскими, второй — поляками въ Галиціи; затѣмъ должны примириться интеллигентные классы; между русскими и польскими крестьянами никогда не существовало ненависти. Авторъ говоритъ еще въ своей статьѣ о повѣсти г жи Порадовской, представляющей въ печальномъ и ложномъ свѣтѣ положеніе поляковъ Люблинской губерніи; о брошюрѣ «Голосъ народа въ польскомъ вопросѣ», недавно вышедшей въ Варшавѣ, подписанной псевдонимомъ: «Хлопъ» и напрасно приписываемой г. Пильцу, редактору опортунистской польской газеты «Крај», выходящей въ Петербургѣ. Авторъ брошюры осуждаетъ огуломъ всю польскую шляхту, забывая, что между польской аристократіей есть много демократовъ. Ничего нельзя возразить и противъ мысли принятія поляковъ въ петербургское «Славянское общество». Напрасно только авторъ утверждаетъ, что это общество оказываетъ положительное вліяніе на рѣшенія правительства во всѣхъ славянскихъ вопросахъ, не исключая польскаго.

— Въ нашъ «критическій» вѣкъ даже на такомъ общераспространенномъ языкѣ, какъ французскій, появляются по временамъ такія странныя книги, на которыхъ нельзя не остановиться, хотя бы для того, чтобы подумать о психическомъ состояніи ихъ авторовъ. Аббатъ Фуррьеръ издалъ «Займствованія Гомера изъ книги Юдиѣ» (*Les emprunts d'Homère au livre de Judith*). Самое заглавіе указываетъ уже на эксцентрическое содержаніе книги. Въ ней авторъ серьезно доказываетъ, что, рапсоды, писавшіе подъ именемъ Гомера, были еврейскаго происхожденія, что въ Троѣ жило много евреевъ, особенно въ окрестностяхъ горъ Иды, которыхъ потому и

называли «идеями, что совершенно однозначно съ іудеями». Когда Гомеръ говоритъ о языкѣ боговъ и языкѣ людей, то подъ первымъ онъ разумѣетъ греческій языкъ, а подъ вторымъ—еврейскій. Эолійское нарѣчіе поразительно схоже съ еврейскимъ, еврейское «вав» совершенно тождественно съ эолійской дигаммой. «Разсматриваемая съ религіозной точки зрѣнія поэма Гомера ни что иное, какъ протестъ противъ библейскаго единобожія, противъ еврейской религіи». Почтенный авторъ требуетъ, чтобы его брошюру въ 120 страницъ не переводили на другой языкъ и не перепечатавали—такъ онъ дорожитъ своимъ открытіемъ. Никто, конечно, не захочетъ оспаривать у него его изобрѣтенія, но заявить объ немъ для назиданія современниковъ и потомковъ все-таки слѣдуетъ.

— Англійская поэтесса Мери Робинсонъ, вышедшая за французскаго писателя еврея Дармстетера, издала томъ историческихъ опытовъ «Конецъ среднихъ вѣковъ» (*The end of the middle ages. Essays and questions in history*). Это не прагматическая исторія, не плодъ долгихъ архивныхъ изслѣдованій, а сборникъ прекрасно написанныхъ журнальныхъ статей, относящихся къ одному періоду. Да и періоду этому авторъ далъ слишкомъ широкія границы, помѣстивъ ихъ между 1180 годомъ и 1494 г.—Обыкновенно среднимъ вѣкамъ отводится въ исторіи меньшее пространство времени. Цитаты и примѣчанія не изобилуютъ въ этомъ трудѣ, но доказываютъ близкое знакомство автора съ хорошими источниками, даже съ рукописными документами. Онъ описываетъ не одни политическія событія, но и внутреннюю жизнь государства: авиньонскій расколъ, исторію бегинокъ, Валентины Висконти, Малатесты Римини, Петра Медичи, притязаній Франціи на Миланъ, Флоренцію на Пизу и пр. Одна изъ лучшихъ главъ сочиненія «Обаяніе бездны» (*the attraction of the abyss*) передаетъ исторію мистицизма. Иногда авторъ приводитъ не только отдѣльныя фразы, но цѣлыя разговоры историческихъ лицъ, не переданные лѣтописцами. Этого нельзя допустить въ серьезномъ сочиненіи. Многія событія означены не вѣрно: нельзя называть XIII вѣкъ упадкомъ среднихъ вѣковъ, когда онъ напротивъ былъ апогеемъ ихъ. Упадокъ начался съ XIV вѣка. Нельзя также Карла VIII и Петра Медичи называть «смертельными врагами». Но всѣ эти мелкіе промахи не мѣшаютъ труду г-жи Робинсонъ быть интереснымъ и замѣчательнымъ.

— Баронъ Рюбль задался мыслью реабилитировать договоръ въ Като-Камбрези, 1559 года (*Le traité de Cateau Cambresis par le baron Alphonse de Ruble*). Историки считаютъ этотъ договоръ пагубнымъ для Франціи, авторъ доказываетъ, наоборотъ, его выгоды: крѣпость Кале была центромъ, откуда англичане дѣлали набѣги на Францію въ XIV и XV вѣкѣ. Вольные города Мецъ, Туль и Вердюнъ были передовыми постами германской имперіи, угрожавшими провинціи Шампань. Завоеваніе всѣхъ этихъ городовъ обезпечило границы Франціи и придало ей силы, которыхъ она не имѣетъ теперь. Конечно, и послѣ договора нѣмцы переходили Рейвъ, герцогъ Савойскій вторгнулся въ Провансъ, испанцы въ Пикардію, англичане въ Нормандію, но никогда ни одинъ врагъ не помышлялъ объ обрѣзываніи французскихъ границъ. Въ книгѣ особенно рельефна характеристика историческихъ лицъ того времени: Генриха II, Козьмы Медичи, Геркулеса и Альфонса д'Эсте, маршала Брисака, капитана Сампiero Корсо, палъ Павла IV и Пия IV, кардинала Карафы, королевы Елисаветы англійской, графа Лейсестера, королевы испанской Елисаветы Валуа, Филиппа II и др. Авторъ

еще разъ опровергаетъ по подлиннымъ документамъ выдуманную исторію любви Донъ-Карлоса къ своей мачихѣ, выданной будто бы за старика. Филиппу было всего 32 года, когда онъ женился на Елисаветѣ. Она дѣйствительно была сначала выбрана невѣстою инфанта Испаніи, но этотъ несчастный юноша съ молодыхъ лѣтъ страдалъ идиотизмомъ и потому совершенно потерялъ разумъ и страдалъ припадками бѣшенства, отъ которыхъ вскорѣ и умеръ.

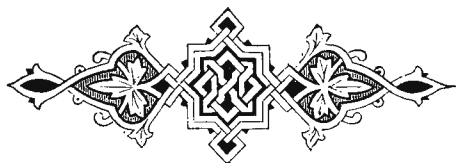
— Вышли въ одно время три книги о Веллингтонѣ: покойнаго графа Стангопа «Воспоминанія о бесѣдахъ съ герцогомъ Веллингтономъ въ 1831—1851 гг.». Вильяма Фразера «Нѣсколько словъ о Веллингтонѣ» (Words on Wellington). Книги эти рисуютъ англійскаго полководца какъ человека, а третья, написанная Гуперомъ, оцѣниваетъ его дѣйствія съ исторической точки зрѣнія. Гуперъ описываетъ особенно подробно его подвиги въ Индіи и считаетъ ихъ гораздо важнѣе его послѣдующихъ побѣдъ. Встрѣчаются тутъ и черты характера, отличавшагося необыкновенною твердостью воли и хладнокровіемъ. Въ Бискайскомъ заливѣ, бригъ, на которомъ ѣхалъ молодой Веллеслей, застигла страшная буря. Съ извѣстіемъ, что они должны погибнуть, капитанъ вбѣжалъ въ каюту будущаго побѣдителя Наполеона, который въ это время начиналъ раздѣваться, чтобы лечь спать.—Ну, въ такомъ случаѣ не стоитъ снимать сапоговъ, сказалъ тотъ и вышелъ на палубу. Хладнокровіе не оставляло его ни въ Ирландіи, ни въ Голландіи, во время гибельнаго отступленія подъ командою бездарнаго начальника, ни въ Индіи, гдѣ на него не разъ поднимались огромныя силы туземныхъ войскъ. Никогда не довѣрялся онъ случайности, а всегда дѣйствовалъ съ расчетомъ на готовящіяся событія.—Въ книгѣ Стангопа, кромѣ его разговоровъ съ Веллингтономъ, записываемыхъ очень аккуратно,—много анекдотовъ о частной жизни героя Ватерло, отличавшагося добротою и простотою обращенія. Когда испанскій генералъ Алава явился изгнанникомъ въ Англію, безъ всякихъ средствъ къ существованію, Веллингтонъ разрѣшилъ своему банкиру—выдавать испанцу сколько онъ потребуетъ на прожитіе въ Лондонѣ. Герцогъ зналъ съ кѣмъ имѣеть дѣло и испанецъ не издержалъ ни одного лишняго пенса, хоть пользовался неограниченнымъ кредитомъ. Какъ Гладстонъ онъ отвѣчалъ всегда на всѣ письма, адресованныя къ нему и было время, когда ему случалось писать до пятидесяти писемъ въ день. Въ Испаніи, англійскія войска, которыми командовалъ герцогъ, не разъ останавливали французскихъ курьеровъ изъ Парижа ко двору короля Іосифа Бонапарте, и если въ ихъ письмахъ говорилось о личныхъ рѣчахъ короля, о здоровьи его дочерей—Веллингтонъ посылалъ парламентаря съ такими извѣстіями на французскіе аванпосты. Іосифъ, потерявъ престолъ, не разъ благодарилъ герцога, въ то время когда Наполеонъ на св. Еленѣ оставлялъ, въ своемъ завѣщаніи, крупную сумму лицу, покушавшемуся убить Веллингтона въ Парижѣ. Веллингтонъ не отличался ни остроуміемъ, ни краснорѣчіемъ. О своей арміи онъ былъ не высокаго мнѣнія и предпочиталъ ей французскую, гдѣ принята система конскрипціи, тогда какъ въ англійскую вербуются подонки общества и пьяницы. При Ватерло армія союзниковъ была въ очень плохомъ состояніи и французы знали это, а союзники все-таки одержали побѣду, хотя наассаузцы обратились въ бѣгство при первомъ выстрѣлѣ и еще со страху стрѣляли въ англичанъ. Но этотъ же наассаускій отрядъ, въ составѣ французскаго корпуса, храбро дрался въ Испаніи, пока не перешелъ на сторону англичанъ. О Наполеонѣ

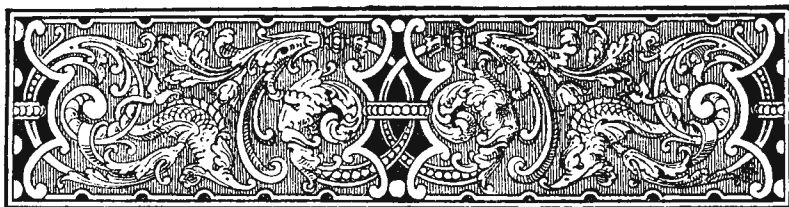
Веллингтонъ говорилъ: «все его искусство состоитъ въ томъ, чтобы давать большія сраженія, мое напротивъ, въ томъ—чтобы избѣгать ихъ. Въ 1814 г. онъ спасъ бы Парижъ еслибы не бросился на арберггардъ союзниковъ, которые, отразивъ его, и пошли на столицу. Не неся никакой отвѣтственности, Наполеонъ могъ распоряжаться своими арміями какъ ему угодно и поэтому никто не погубилъ столько армій, какъ онъ. Я, если бы потерялъ 500 человекъ безъ очевидной необходимости, былъ бы отданъ подъ судъ палаты». Веллингтонъ очень снисходительно отзывался обо всѣхъ, даже о Талейранѣ и тотъ сознался, что герцогъ—единственный человекъ, не говорившій объ немъ дурного.

Вильямъ Фразеръ, въ своемъ сочиненіи, рисуетъ Веллингтона какъ человека. «Во всю свою жизнь я не любилъ ни одной женщины и ни одной не внушилъ любви» говорить онъ самъ. Женился онъ, исполняя долгъ честнаго человека. Невѣсту его изуродовала оспа, когда онъ былъ въ Португаліи. Она сама написала ему объ этомъ, прибавивъ, что освобождаетъ его отъ даннаго слова. Веллингтонъ отвѣчалъ, что считаетъ себя обязаннымъ сдержать свое обѣщаніе и, обвѣнчавшись, холодно разстался съ женою. Личный врагъ его, генералъ Крауфордъ, смертельно раненый при Сіудад-Родриго, прислалъ за нимъ, чтобы примириться съ нимъ. Веллингтонъ, простившись съ нимъ, сказалъ уходя: «что это онъ вздумалъ разыгрывать романтическія сцены». Иностранецъ вида, что дряхлый герцогъ съ трудомъ пробирался однажды по улицѣ Лондона, помогъ ему выпутаться изъ толпы и экипажей, причѣмъ сказалъ: «я горжусь тѣмъ, что оказалъ помощь величайшему герою нашего вѣка».—«А я стыжусь, что принялъ помощь отъ величайшаго глупца нашего вѣка», отвѣчалъ герцогъ. Всѣ эти анекдоты доказываютъ, что въ герцогѣ не было ни искренняго чувства, ни деликатности. Онъ употребилъ однако всѣ усилія, хотъ и напрасно, чтобы спасти отъ казни маршала Неа.

— Вышелъ первый томъ «Мемуаровъ Фридриха Боденштедта», даровитаго нѣмецкаго поэта, знакомившаго своихъ соотечественниковъ съ русской поэзіей, мастерски передавашаго между прочимъ лучшія произведенія Лермонтова. Не смотря на интересную личность самого автора и его жизнь, достаточно наполненную разнообразными похождениями, мемуары скорѣе объективны, чѣмъ субъективны: въ нихъ Боденштедтъ говоритъ гораздо больше о другихъ чѣмъ о себѣ. Здѣсь очень мало анализа своихъ собственныхъ психическихъ ощущеній, а больше оцѣнки другихъ лицъ и произведеній. Боденштедтъ рассказываетъ, что онъ родился въ 1819 году, въ Пейне, маленькомъ городкѣ между Ганноверомъ и Брауншвейгомъ. Отецъ его былъ человекъ строгій, энергичный, но далеко не литературный. Ребенокъ наследовалъ страсть къ поэзіи отъ своей матери, такъ какъ ея мать, а его бабушка писала стихи. Отецъ отправилъ однажды мальчика купаться, безъ своего надзора говоря, что онъ долженъ самъ научиться плавать. Тотъ чуть не утонулъ и, спасенный товарищемъ, захворалъ отъ страха и потрясенія. Во время болѣзни онъ написалъ свои первые стихи, дѣйствительно поэтическіе. Еще Гёте говорилъ, что поэзія должна быть отголоскомъ того, что видишь или испытываешь и Боденштедтъ началъ писать стихи на разные случаи: на праздники стрѣлковъ, на Пасху и пр. Все это печаталось въ газетѣ, выходившей въ Пейне. Переѣхавъ въ Брауншвейгъ, онъ началъ учиться и переводить поэтовъ другихъ націй. 16-ти лѣтъ онъ перевелъ въ стихахъ

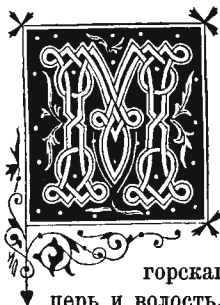
Макбета и поступилъ, по желанію отца, въ торговый домъ одного брауншвейнскаго купца. Не окончивъ воспитанія, онъ образовалъ самъ себя и впослѣдствіи сдѣлался профессоромъ славянскихъ языковъ. У купца жили родственники въ Москвѣ. Боденштедтъ поѣхалъ туда, увлекаемый страстью къ путешествіямъ и поступилъ въ 1841 году гувернеромъ къ князю М. Голицыну, у котораго сошелся съ учителемъ М. Н. Катковымъ, только-что вернувшимся изъ Берлина, гдѣ онъ слушалъ лекціи Шеллинга. Изъ Москвы Боденштедтъ отправился въ Тифлисъ, гдѣ испыталъ массу новыхъ грандіозныхъ и сильныхъ впечатлѣній. Изучая и переводя въ Москвѣ славянскихъ поэтовъ, онъ на Кавказѣ познакомился съ Востокомъ и издалъ томъ стиховъ, внушенныхъ музою Гафиза и Джами. Эта часть его жизни была впрочемъ уже подробно описана имъ въ прежнемъ его сочиненіи: «Тысяча и одинъ день на Востокѣ», гдѣ онъ рассказываетъ, какъ ему пришла мысль написать «Пѣсни Мирзы Шаффи», такъ прекрасно переведенныя М. И. Михайловымъ. Этотъ томъ мемуаровъ оканчивается эпизодомъ отъѣзда изъ Тифлиса жены одного русскаго генерала, въ которую Боденштедтъ страстно влюбился. Онъ готовъ былъ для нея пожертвовать всею своимъ талантомъ и положеніемъ. По счастью ея отъѣздъ спасъ его отъ безумныхъ увлеченій. Литературный міръ Германіи ждетъ съ нетерпѣніемъ продолженія любопытныхъ мемуаровъ. У насъ никто не потрудился дать объ нихъ хоть бы подробный отчетъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Ближайшіе родственники М. В. Ломоносова.

ИХАИЛЪ Васильевичъ Ломоносовъ не оставилъ послѣ себя прямого потомства; но на далекой его родинѣ, въ глуши Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи, продолжали существовать его близкіе родственники, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимала его родная сестра Марья Васильевна, выданная замужъ за крестьянина сосѣдней деревни—Головина.

Какъ извѣстно, М. В. Ломосовъ уроженецъ Холмогорскаго уѣзда, Куростровской волости, деревни Денисовки (теперь и волость, и селеніе это называется Ломоносовскими). Достигнувъ высокыхъ отличій, почестей, славы, онъ не приблизилъ къ себѣ своихъ деревенскихъ родственниковъ, не выписалъ ихъ въ С.-Петербургъ, а оставилъ ихъ у той же сохи, около которой родился самъ, въ томъ же податномъ состояніи, въ которомъ пребывали и его предки. Между тѣмъ, надо полагать, что достаточно было одного слова, обращеннаго имъ по этому поводу къ императрицѣ, чтобы родня его была осыпана возможными милостями. Но Ломоносовъ слова этого не говорилъ и умеръ, не произнеся его.

Родня его осталась на обыкновенномъ крестьянскомъ положеніи и, послѣ его смерти, продолжала въ теченіе тридцати пяти лѣтъ считаться въ составѣ ревизскихъ душъ, платившихъ подати и отбывавшихъ рекрутчину, пока, наконецъ, не обратила на себя вниманіе архангельскаго гражданскаго губернатора Николая Исаевича Ахвердова, который и возбудилъ въ 1798 году предъ генераль-прокуроромъ княземъ А. Б. Куракинымъ ходатайство объ освобожденіи отъ податей и рекрутскихъ наборовъ потомства М. В. Ломоносова.

Два коротенькихъ дѣла того времени канцеляріи архангельскаго гражданскаго губернатора и архангельской казенной палаты, оставшіеся архивнымъ результатомъ отъ этого ходатайства, служатъ матеріаломъ для послѣдующихъ строкъ, имѣющихъ цѣлью, воспроизведя данныя о количествахъ, именахъ и возрастѣ родственниковъ Ломоносова, дать нѣкоторый матеріалъ для родословной его потомковъ; съ другой стороны, приводимый ниже эпизодъ можетъ служить небольшимъ дополненіемъ къ характеристикѣ одной изъ выдающихся личностей конца прошлаго столѣтія—Николая Исаевича Ахвердова.

Что идея объ освобожденіи, во вниманіе заслугъ М. В. Ломоносова, его родственниковъ отъ крайне тяжелыхъ въ то время условій крестьянской тягловой зависимости принадлежала именно Н. И. Ахвердову, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ дѣлѣ, дающемъ намъ матеріалъ для настоящей замѣтки, имѣется въ самомъ началѣ «выписка», изъ содержанія которой можно усмотрѣть, что губернаторъ Ахвердовъ въ 1798 году поручилъ одному изъ своихъ подчиненныхъ собрать свѣдѣнія о существовавшихъ въ то время родственниковъ Ломоносова; подчиненный чиновникъ этотъ и представилъ, во исполненіе порученія, эту «выписку», на которой, къ сожалѣнію, не обозначено ни даты, ни фамиліи ея составителя. Въ началѣ этой записки было сказано:

«Благоугодно было Вашему Превосходительству приказать мнѣ, чтобы я объ участи вдовствующей сестры мужа, достойнаго незабвенной памяти, Михайла Васильевича Ломоносова представилъ къ вамъ выписку, которую при семъ поднося и упоая, что благородное сочувствованіе сердца вашего всеконечно будетъ непреоборимымъ спутникомъ надежнѣйшаго ей предстательства и, наконецъ, руководствомъ своимъ доставивъ потомству брата ея предъ прочими нынѣ онаго сверстниками отличіе, соорудите въ сердцахъ всего того потомства и на мѣстѣ его рожденія негнѣнный монументъ безсмертнаго прославленія имени и добродѣтелей вашихъ».

Затѣмъ слѣдовала выписка, въ которой приводились имена «достойнаго незабвенной памяти, Холмогорской округи, Куростровскаго уроженца Михайлы Васильевича Ломоносова оставшемуся въ крестьянскомъ званіи потомству, нынѣ жительство имѣющему въ верхней Матигорской волости».

По наведеннымъ въ ревизской экспедиціи архангельской казенной палаты справкамъ, оказалось, что «по поданнымъ къ 5-й ревизіи (1794 г.) ревизскимъ сказкамъ значится: Холмогорской округи, Николаевской Матигорской волости, деревнѣ Водниковской и Исаковской числятся у жены крестьянина Евсеія Головина Маріи, 62 лѣтъ, взятой той же округи, Куростровской волости у крестьянина Василья Ломоносова, показанными дѣти: Петръ, 33 лѣтъ, у него жена Авдотья, Козмина дочь, 33 же лѣтъ; и дѣти у нихъ: Василій, 15 лѣтъ, Иванъ, 7 лѣтъ, Григорій, 10 недѣль, и дочери: Анна, 14 лѣтъ, Матрена, 11 лѣтъ, Настасья, 3 лѣтъ, и Парасковья, 1½ года. «Кромѣ того еще двѣ дочери: Татьяна и Дарья не были записаны въ сказки пятой ревизіи, какъ родившіяся послѣ этой ревизіи. По утвержденному казенной палатой росписанію на поставку рекрутъ, семейство Петра Головина, «въ четырехъ мужеска пола душахъ состоящее», было включено въ восьмой пятисотный участокъ.

Послѣ полученія этой справки, губернаторъ Ахвердовъ обратился съ нижеслѣдующимъ ходатайствомъ къ генераль-прокурору кв. Алексію Борисовичу Куракину, отъ 7-го августа 1798 года, т. е. аккуратъ за сутки до

увольненія послѣдняго отъ должности, на которую былъ назначенъ, П. В. Лопухинъ, которому и пришлось докладывать это ходатайство императору Павлу. Вотъ въ чемъ заключалось оно:

«Сіятеильнѣйшій князь, Милостивый Государь!

«Зная, что споспѣшествовать общественной и частной всякаго Россіанина пользѣ есть пріятнѣйшее Вашего Сіятельства упражненіе, осмѣливаюсь остановить на нѣсколько минутъ вниманіе ваше на славномъ уроженцѣ неважнаго Курострова — Россійскаго Пиндара Михаила Васильевича Ломоносова (sic!), толикія важныя услуги отечественной литературѣ оказавшаго и прекраснымъ пѣньемъ дѣлъ великихъ Россіи Государей всеобщую любовь съ благодарностью заслужившаго. Сестра родная, 62 лѣтъ вдова, живетъ въ крестьянствѣ со многими внучатами въ лежащей неподалеку отъ Курострова, того же Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости, куда выдана была замужъ за крестьянина Головина. Сія старушка есть мать профессора С.-Петербургской Академіи Наукъ Головина, который необыкновенными дарованіями начиналъ являться достойнымъ Ломоносова племянникомъ, но коего безвременная смерть пресѣкла успѣхи. Достоинства и заслуги получаютъ въ Россіи большія, чѣмъ гдѣ либо, награжденія, простирающіяся и на потомство заслужившихъ оныя. Вашему Сіятельству предоставлено быть ходатаемъ у Высокомонаршаго Престола за потомство Ломоносова, которое за величайшее счастье почитаетъ быть освобожденнымъ отъ рекрутства, что бывшимъ архангельскимъ генералъ-губернаторомъ неоднократно, но тщетно, было обѣщано.—Испрошеніемъ сія милости умножите Ваше Сіятельство права ваши на благодарность всей Россійской публики, а я счастливымъ себя почту и тѣмъ, что хотя слабымъ послужилъ къ тому средствомъ.—Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью пребуду, Сіятеильнѣйшій князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга Ахвердовъ».

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что черновая этого ходатайства, съ которой и снята копія, сейчасъ приведенная, писана собственноручно Ахвердовымъ.

По докладѣ этого дѣла на благоусмотрѣніе императора Павла I, послѣдоваль 22-го августа 1798 года слѣдующій его указъ Правительствующему Сенату:

«Во уваженіе памяти и полезныхъ знаній знаменитаго С.-Петербургской Академіи Наукъ профессора статскаго совѣтника Ломоносова, всемилостивѣйше повелѣваемъ: рожденнаго отъ сестры его, Головиной, сына, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости крестьянина Петра, съ дѣтьми Васиіемъ, Иваномъ и потомствомъ ихъ, исключя изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набору».

Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія, архангельская казенная палата, 10-го сентября того же года, приказала: означеннаго крестьянина Петра Головина съ семействомъ исключать со второй половины 1798 года изъ числа крестьянъ, платящихъ подати, и почитать ихъ въ особомъ перечнѣ освобожденными какъ отъ платежа подушныхъ податей, такъ и отъ рекрутскаго набору.

Сообщено Н. Ериловымъ.

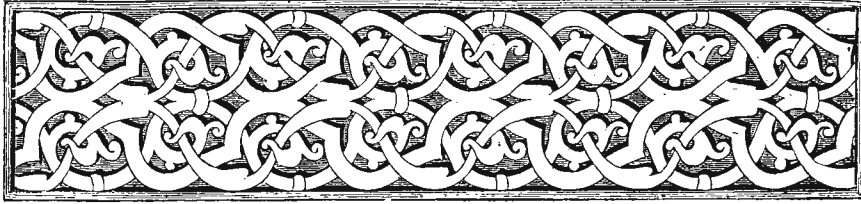
Сдача Свеаборга въ 1808 году.

Во время войны съ Швеціей въ 1808—9 годахъ труднѣйшей задачей русской арміи было взятіе крѣпости Свеаборга, считавшейся неприступной, но вдругъ, 22-го апрѣля 1808 года, эта твердыня неожиданно сдается на капитуляцію и Россія становится твердой ногой въ Финляндіи. Исторія сдачи Свеаборга темна. Шведскіе и финскіе историки обвиняютъ коменданта крѣпости ген. Кронстедта въ измѣнѣ. Русскіе историки не скрываютъ, что Свеаборгъ стоилъ большихъ денегъ. Весь вопросъ сводится только къ тому, кто былъ настоящимъ виновникомъ этой сдачи: генералъ Кронстедтъ, или люди посильнѣе его?

Слѣдующій рассказъ очевидицы пролететь можетъ быть новый свѣтъ на всю эту исторію. Въ окрестностяхъ г. Вѣжецка, гдѣ мой отецъ командовалъ 14-мъ Ямбургскимъ уланскимъ полкомъ, жила въ 60-хъ годахъ помѣщица г-жа Лампе, урожденная баронесса Врангель. Она гостила съ своими сестрами въ Свеаборгѣ во время войны 1808 г. въ семействѣ генерала Кронстедта. Зная, что отецъ мой, какъ финляндецъ, интересуется исторіей Финляндіи, она ему часто рассказывала про событія того времени. Однажды, говоритъ она, сидѣли мы за обѣдомъ, когда ген. Кронстедту было передано письмо изъ Швеціи. Прочитавъ письмо, генералъ поблѣднѣлъ; затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ и не выходилъ оттуда три дня. Черезъ три дня вышелъ онъ, наконецъ, грустный и убитый, и объявилъ, что долженъ сдать Свеаборгъ. Письмо онъ уничтожилъ, говоря, что одинъ принимаетъ всю вину на себя. Впослѣдствіи, онъ какъ будто проговорился, что получилъ приказаніе изъ Швеціи сдать крѣпость, такъ какъ уже тогда было рѣшено низложить короля Густава IV. Все это весьма вѣроятно, если принять въ соображеніе ту степень нравственнаго разложенія, въ которой Швеція тогда находилась. Г-жа Лампе очень хвалила ген. Кронстедта за его прямоту и честность, и утверждала, что такой человѣкъ не былъ способенъ измѣнить своему долгу и присягѣ изъ-за какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей.

Сообщено А. Альфтономъ.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛЪТНІЙ юбилей Одессы. 14-го сентября Одесса торжественно праздновала столѣтній юбилей своего существованія или точнѣе сказать взятія небольшой турецкой крѣпости Хаджибей, на мѣстѣ которой и возникла Одесса, ставшая въ короткое время однимъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ городовъ Россіи. Едва ли можно привести во всей русской исторіи примѣръ такого развитія не по днямъ, а по часамъ, какое выпало на долю Одессы. Сто лѣтъ тому назадъ въ ней было всего 2,349 человекъ жителей обоого пола. Изъ нихъ мѣщанъ, присланныхъ къ городу—566, казенныхъ поселенъ—500, мѣщанъ иногородныхъ—613, евреевъ—240, грековъ—224, купцовъ—146 и болгаръ—60. По первой переписи адмирала Де-Рибаса (1795 г.), преобладающимъ элементомъ одесскаго населенія представляются иногородніе мѣщане, по преимуществу греки и итальянцы. Евреевъ было сравнительно немного, всего 10%. Очевидно, что съ самаго основанія Одесса приняла характеръ чисто торговаго, космополитическаго города. Въ теченіе ста лѣтъ число населенія Одессы увеличилось болѣе чѣмъ во сто разъ (280,000 по переписи 1887 года). Комерческіе обороты возросли за это же время немногимъ менѣе, чѣмъ въ тысячу разъ: 163,000 въ 1797 г. и 162 милліона рублей въ 1887 г. а именно: изъ Одессы вывезено было въ 1887 году товаровъ на 122.904,754 р., привезено на 39.632,722 руб., съ которыхъ получено таможенныхъ пошлинъ около 9 мил. рублей. Комерческихъ судовъ ушло изъ Одессы за границу въ 1887 г. 1,327 въ 711,849 тоннъ, въ томъ числѣ пароходовъ 1,195. Независимо отъ того ушло 2,766 судовъ въ 293,510 тоннъ по каботажному плаванію, въ томъ числѣ 1,321 пароходовъ. Такое невѣроятное развитіе торговли ясно указываетъ на то, что мысль Екатерины II, основательницы Одессы, была вполне вѣрнаю. Сто лѣтъ назадъ русскіе вовсе не знали турецкой деревни Хаджибей, на мѣстѣ которой теперь выросла Одесса. Единственно, что извѣстно о болѣе ранней исторіи этой мѣстности, да и то однимъ археологамъ, это то, что, по словамъ Геродота, въ окрестностяхъ нынѣшней Одессы тогда обитали каллипиды, происшедшіе отъ смѣшенія грековъ съ скивами и съ успѣхомъ занимавшіеся земледѣліемъ. Занимаемое нынѣ Одессою побережье извѣстно было у римлянъ подъ названіемъ «Золотой Берегъ» («Aureum li-

тис»). Русскимъ стала болѣе или менѣе извѣстна эта мѣстность дѣтъ за 125 до настоящаго времени. Понявъ его стратегическое и коммерческое значеніе, русскіе войска не разъ пытались завладѣть турецкою крѣпостью Хаджибей, но безуспѣшно. Первый разъ занятая русскими войсками въ 1770 году, окончательно къ Россіи одесская территорія присоединена Яскимъ миромъ 29-го декабря 1791 года. Какъ русскій коммерческій портъ, Одесса возникла на основаніи указа Екатерины II отъ 27-го мая 1795 года, причѣмъ освѣщеніе его произошло 22-го августа того же года, а Одессой изъ Хаджибея переименована 27-го января 1789 года. Такимъ образомъ правильнѣе всего, столѣтіе Одессы праздновать 22-го августа 1894 года. Но одесситамъ захотѣлось отпраздновать столѣтіе того дня, когда, послѣ паденія Очакова, взять штурмомъ Хаджибейскій замокъ, не смотря на защиту его съ моря всѣмъ турецкимъ флотомъ. Замокъ этотъ находился тамъ, гдѣ устроенъ теперь знаменитый одесскій приморскій бульваръ.

Если Петръ I основаніемъ Петербурга прорубилъ на сѣверѣ окно въ Европу, то меньшую услугу оказала Россіи и Екатерина, основаніемъ Одессы, прорубивъ окно на нашемъ югѣ не только въ Европу, но и на Востокъ. И нѣтъ сомнѣнія, что Одесса доставляетъ русскому государству не меньше выгодъ, чѣмъ сѣверная столица, которая поглощаетъ все, что производитъ среднія и сѣверная Россія, тогда какъ Одесса продаетъ иностранцамъ излишки того, что производитъ нашъ югъ, и что безъ посредничества Одессы пошло бы за бевѣнокъ на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. До введенія желѣзныхъ дорогъ, Одесса была настоящей кормилицей-посредницей нашего юга съ западомъ. Со введеніемъ желѣзныхъ дорогъ у Одессы стали, мало-по-малу, оттягивать произведенія юга и направлять ихъ на западъ—въ Австрію и Германію.

Также быстро возникали и учрежденія по части просвѣщенія. Уже въ 1804 году устроена въ Одессѣ гимназія, въ 1806 г. институтъ для воспитанія благодѣльныхъ дѣвицъ, въ 1817 г.—высшее учебное заведеніе—Ришельевскій лицей, преобразованный въ 1865 году въ Новороссійскій университетъ. Въ 1817 же году устроено городское женское училище, въ 1820 г. музей древностей, а въ 1839 г. Общество исторіи и древностей. Въ 1828 Общество сельскаго хозяйства, въ 1829 г.—публичная бібліотека, въ 1838 г.—духовная семинарія, въ 1843 г.—училище для глухонѣмыхъ и главный статистическій комитетъ, въ 1848 г.—вторая гимназія, въ 1850—Общество врачей, въ 1862 г.—коммерческое училище, въ 1865 г.—Общество изящныхъ искусствъ, въ 1868 г.—первая женская гимназія, въ 1874 г.—третья гимназія (кромѣ двухъ прогимназій), въ 1876 г.—реальное училище, въ 1881 г.—музыкальное общество и т. д. Хорошій театръ и итальянская опера открылись въ Одессѣ еще въ 10-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, а теперь одесскій городской театръ принадлежитъ къ великолѣпнѣйшимъ въ Европѣ.

Присужденіе премій митрополита Макарія. 19-го сентября въ залѣ Академіи Наукъ, прочитанъ отчетъ о присужденіи премій митрополита Макарія. На публичномъ засѣданіи присутствовали академики: Я. К. Гротъ, М. И. Сухолиновъ, А. Ѳ. Бычковъ, А. В. Гадолинъ, И. В. Ягичъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, Ф. В. Овсяниковъ, В. В. Радловъ и др. Предсѣдательствовалъ вице-президентъ Академіи В. Я. Буяковскій, отчетъ читалъ непрѣмливый секретарь К. С. Веселовскій. Въ настоящемъ году комиссіею присуждены двѣ полныя и три не полныя преміи. Одной полной преміей увѣнчано сочиненіе проф. ген.-лейт. Н. П. Петрова—«Трѣніе въ машинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости и результаты опытовъ». Рецензія на этотъ трудъ составлена директоромъ харьковскаго технологическаго института В. Л. Кирпичевымъ. Трѣніе представляетъ, по мнѣнію рецензента, столь сложное физическое явленіе, что оно даже не поддается точному изслѣдованію. Честь перваго освѣщенія этой области науки, находящейся въ хаотическомъ состояніи,

принадлежитъ проф. Петрову, построившему гидродинамическую теорію тренія. Особенную заслугу г. Петрова составляютъ приведенныя въ концѣ его книги подробныя таблицы результатовъ главнѣйшихъ опытовъ. Отнынѣ гидродинамическая теорія тренія должна помѣщаться въ каждомъ учебникѣ прикладной механики, а найденныя г. Петровымъ численныя величины для силы тренія должны получить мѣсто во всѣхъ справочныхъ книгахъ для инженеровъ.

Другое, увѣчанное полною премією, сочиненіе «Описаніе триангуляціи въ Болгаріи, произведенной въ 1877, 1878 и 1879 годахъ», составленное генераль-майоромъ М. Н. Лебедевымъ. Географическія свѣдѣнія о турецкихъ владѣніяхъ приобрѣтались съ большими затрудненіями. Практиковались большею частью устарѣлыя глазомѣрныя съемки. Г. Лебедевъ опредѣлилъ широты и разности долготъ 47 пунктовъ триангуляціи и съ точностью высоты 1,274 пунктовъ.

Не полныя преміи присуждены авторамъ слѣдующихъ трудовъ:

1) Проф. Т. Дм. Флоринскій «Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ».

2) «Начальные годы Русскаго Славяновѣдѣнія. Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ Румянцевъ», соч. пр. А. А. Кочубинскаго. Трудъ этотъ былъ рассмотрѣнъ академикомъ И. В. Ягичемъ. Г. Кочубинскій внесъ въ него нѣсколько новыхъ, впервые имъ изданныхъ матеріаловъ: переписку Румянцева съ Вантышъ-Каменскимъ и Малиновскимъ, переписку Кеппена съ Ганкою и отчетъ Греча о его грамматикахъ Кеппену. Авторъ развернулъ картину рельефно сгруппированныхъ кружковъ людей, стремившихся къ изслѣдованіямъ родной старины, къ собранію, описыванію и изданію памятниковъ русской и славянской древности. Авторъ, по мнѣнію рецензента, отвесилъ нѣсколько пристрастно къ адмиралу Шишкову, самая же главная часть сочиненія проф. Кочубинскаго посвящена возвеличенію заслугъ канцлера Румянцева. Излагая дѣятельность румянцовскаго кружка, авторъ затронулъ много любопытныхъ вопросовъ и вывелъ много замѣчательныхъ людей. Трудъ проф. Кочубинскаго является первымъ шагомъ, сдѣланнымъ для критической исторіи славяновѣдѣнія въ Россіи и цѣннымъ вкладомъ въ очень небогатую по славяновѣдѣнію литературу.

3) «Покореніе Финляндіи. Опытъ историческаго описанія», соч. гофмейстера Ордина (рукопись). Сочиненіе рассмотрѣно академикомъ Н. О. Дубровинымъ. Г. Ординъ является первымъ русскимъ изслѣдователемъ вопросовъ политическихъ и внутренней жизни Финляндіи. Трудъ его распадается на три части: въ первой излагаются отношенія Россіи къ Финляндіи съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Александра I; во второй описывается шведская война до Фридрихсгамскаго мира и, наконецъ, въ третьей рѣчь идетъ о созваніи финляндскаго сейма, о внутреннемъ устройствѣ Финляндіи и о мирныхъ переговорахъ въ Фридрихсгамѣ. Разбирая вопросы политическіе и внутренней жизни, авторъ даетъ въ своемъ изслѣдованіи такъ много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго, что его трудъ является выдающимся приобретеніемъ для русской исторической науки.

Присужденіе премій графа Уварова. 26 сентября въ Академіи Наукъ состоялось, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента, великаго князя Константина Константиновича, чтеніе отчета о тридцатъ первомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Почетныя мѣста занимали вице-президентъ академіи В. Я. Буняковскій, академики: Я. К. Гротъ, А. Ѳ. Бычковъ, Н. Ѳ. Дубровскій, Л. Н. Майковъ, А. В. Гадолинъ, М. И. Сухомлиновъ, Н. И. Кокшаровъ, В. И. Ягичъ, В. П. Радловъ, Ф. В. Овсянниковъ и др. Отчетъ былъ прочитанъ непремѣннымъ секретаремъ академіи К. С. Веселовскимъ. Къ соисканію наградъ гр. Уварова было представлено авторами семь сочиненій, относящихся къ различнымъ предметамъ русской и славян-

ской исторіи. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій была составлена коммисія, подъ предсѣдательствомъ К. С. Веселовскаго, изъ академиковъ: Я. К. Грота, А. Ф. Бычкова, А. Н. Веселовскаго, А. А. Кунина, Н. Ф. Дубровина, Л. П. Майкова, и покойнаго В. П. Безобразова. Два сочиненія отложены до уваровскаго конкурса будущаго года, остальные пять удостоены премій по 500 руб. каждая. Разборъ сочиненія г. Шмурло о митрополитѣ Евгеніи составленъ членомъ-корреспондентомъ академіи Н. Н. Буличемъ, который призналъ, что авторъ, выказавшій въ своемъ трудѣ обширное знакомство съ литературою предмета, необычайное трудолюбіе и тщательность въ разработкѣ матеріаловъ, далъ сочиненіе, вполне удовлетворяющее требованіямъ современной науки и критики. Авторъ поставилъ себѣ задачею изучить личность митрополита Евгенія въ тѣсной связи съ современной эпохой и опредѣлить его мѣсто въ ряду другихъ дѣятелей русской исторической науки, и выполнилъ эту задачу безукоризненно. Второе премированное сочиненіе Н. В. Губерти «Матеріалы для русской библіографіи», было разобрано Л. Н. Майковымъ. Автору принадлежитъ честь указанія нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ книжныхъ рѣдкостей, которыя едва ли кому-нибудь были извѣстны до него. По мнѣнію рецензента, сочиненіе это содержитъ въ себѣ не только богатый запасъ точно провѣренныхъ свѣдѣній о нашей книжной старинѣ XVIII вѣка, но и вноситъ въ общее обращеніе много новыхъ или малоизвѣстныхъ данныхъ изъ литературной исторіи того времени. В. И. Семевскій представилъ сводъ матеріаловъ по крестьянскому вопросу, не только изданныхъ, но и рукописныхъ. Сочиненіе это разсмотрѣно специалистомъ по русскому государственному праву профессоромъ А. В. Романовичъ-Славатинскимъ, давшимъ отзывъ, что сочиненіе г. Семевскаго принадлежитъ къ числу такихъ работъ, что Академія Наукъ, стоя на стражѣ интересовъ науки и направляя ее на изслѣдованіе особенно важныхъ вопросовъ русской жизни, поступитъ вполне справедливо, если поощритъ трудолюбиваго автора къ дальнѣйшимъ работамъ, увѣнчавъ его работу преміей. Отзывку сочиненія—г. Платонова: «Литературные памятники смутнаго времени», производилъ проф. Московскаго университета В. О. Ключевскій. Тему, избранную г. Платоновымъ, рецензентъ признаетъ нѣсколько рискованною, такъ-какъ литературныя произведенія, могущія служить источниками для исторіи смутнаго времени, не только многочисленны, но и очень разнообразны. Тѣмъ не менѣе авторъ по отношенію къ раннимъ и основнымъ сказаніямъ успѣшно разрѣшилъ принятую на себя задачу и тѣмъ восполнилъ одинъ изъ пробѣловъ нашей исторіографіи. Изслѣдованіе В. Мочульскаго «Стихи о голубиной книгѣ» производилъ проф. казанской духовной академіи И. Я. Порфирьевъ. Рецензентъ въ отзывѣ, представленномъ академіи, свидѣтельствуетъ о громадной эрудиціи автора вообще и о совершенномъ знакомствѣ его съ легендарною и апокрифическою литературою въ частности и признаетъ, что изслѣдованіе г. Мочульскаго дополняетъ прежнія изслѣдованія новыми фактами и подробностями, освѣщаетъ нѣкоторые предметы съ новыхъ сторонъ и составляетъ хорошій вкладъ въ область изслѣдованій апокрифической и легендарной литературы.

Конкурсъ Славянскаго Общества. По случаю тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, петербургское Славянское Общество учредило въ память славянскихъ первоучителей конкурсъ съ двумя преміями, одной—въ 1,500 руб. и другой—въ 500 руб. за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему: представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ грековъ, италіковъ, у новыхъ народовъ романскихъ и германскихъ. Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ славянскихъ народовъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка—у словаковъ, у поляковъ, польскаго—въ Западной Руси: у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, сербскаго—у хорватовъ. Про-

слѣдить, по возможности, со временъ Петра Великаго или Ломоносова, до нашихъ дней, успѣхи русскаго языка у болгаръ, сербовъ, хорватовъ, словенцовъ, словаковъ, чеховъ, сербовъ-лужицанъ, поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя, появившіяся, начиная съ Крижанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результатъ предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогіяхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ поставить и рассмотреть вопросы: возможно ли и необходимо ли литературное единство славянскихъ народностей? Срокъ представленія сочиненій продолженъ до 11-го мая 1890 г. За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1,500 руб., за второе по достоинству 500 руб. Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ западно-европейскихъ языковъ.

Московская выставка предметовъ древности. Московское Археологическое Общество предположило обратиться ко всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ и настоятелямъ монастырей съ просьбою о доставленіи на устраиваемую имъ въ Москвѣ, въ январѣ будущаго года, выставку предметовъ древности, во всѣхъ родахъ и видахъ стариннаго искусства, хранившихся безъ употребленія въ церквахъ и монастыряхъ. Разсмотрѣвъ ходатайство Общества, синодъ нашель, что большая часть упомянутыхъ предметовъ хотя и находится на храненіи въ ризницахъ, но бывъ освящены употребленіемъ въ церквахъ при богослуженіи и при совершеніи таинствъ, всегда пользуются особымъ уваженіемъ православнаго русскаго народа и составляютъ предметы его чествованія, а потому помѣщеніе ихъ на выставку для обозрѣнія не соотвѣтствовало бы тѣмъ благоговѣйнымъ чувствамъ, съ которыми православные относятся къ этимъ священнымъ предметамъ. Въ виду этого синодъ опредѣлилъ сообщить Археологическому Обществу, что онъ не признаетъ возможнымъ разрѣшить помѣщеніе на выставкѣ предметовъ священныхъ и освященныхъ употребленіемъ при богослуженіяхъ, и что затѣмъ помѣщеніе на выставкѣ другихъ предметовъ, хранящихся безъ употребленія въ церквахъ и монастыряхъ, зависитъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія мѣстныхъ епархіальныхъ преосвященныхъ. То же общество, желая имѣть возможно полныя и подробныя свѣдѣнія о находкахъ древностей въ южной Россіи, разослало надняхъ народнымъ учителямъ всѣхъ южныхъ губерній особые бланки съ вопросами, на которые должны быть даны соотвѣтствующіе отвѣты. Такъ, Археологическое Общество проситъ сообщить ему свѣдѣнія: 1) о находкахъ каменныхъ издѣлій; 2) мѣдныхъ и бронзовыхъ топоровъ и стрѣлъ; 3) старинныхъ монетъ; 4) стариннаго оружія; 5) костей; 6) пещерахъ и находкахъ въ оныхъ; 7) о древнихъ насыпяхъ и валахъ; 8) о городищахъ и находкахъ въ нихъ; 9) о курганахъ и преданіяхъ, связанныхъ съ послѣдними; 10) о каменныхъ бабахъ, и 11) объ изображеніяхъ и надписяхъ на камняхъ.

Празднество подъ Москвой. 1-го сентября общество хоругвеносцевъ собора Христа Спасителя въ Москвѣ праздновало въ Кутузовской избѣ на Поклонной горѣ, за Дорогомиловскою заставой, память знаменитаго для Россіи генеральнаго совѣта въ Кутузовской избѣ (1-го сентября 1812 года) и вторую годовщину возобновленія кутузовской избы. Торжество началось литургіею въ храмѣ Покрова Богородицы, на Филахъ. Предъ началомъ литургіи была отслужена панихида по императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I и Александрѣ II, по фельдмаршалѣ М. И. Кутузовѣ-Смоленскомъ и по всѣмъ воинамъ, павшимъ въ Отечественную войну 1812 года. По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ въ Кутузовскую ямбу, гдѣ было совершено благодарственное молебствіе. Ко времени прибытія крестнаго хода въ

Кутузовскую избу, въ нее прибыла депутація отъ общества хоругвеносцевъ большого Успенскаго собора и отъ биржевыхъ артелей и принесла въ даръ слѣдованную псалтирь и псалтирь читальную крупной печати, для храненія ихъ въ совѣтной избѣ, и нѣсколько книгъ часослова и псалтири, для раздачи призрѣваемымъ въ Кутузовской избѣ инвалидамъ; кромѣ того, депутаціею было раздаваемо собравшимся богомольцамъ одно изъ поученій покойнаго митрополита Филарета. По окончаніи молебствія, присутствовавшій на торжествѣ командующій войсками московскаго военнаго округа, посѣтилъ жилище призрѣваемыхъ инвалидовъ, причемъ одинъ изъ хоругвеносцевъ сказалъ рѣчь, въ которой изложилъ исторію прежней сгорѣвшей Кутузовской избы и сооруженія ея вновь. Кутузовская изба съ утра разукрасилась флагами. Всѣ стѣны совѣтной избы роскошно убраны гирляндами изъ зелени; портреты генераловъ были украшены вѣнками; бюсты Государя Императора, Государыни Императрицы и фельдмаршала М. И. Кутузова-Смоленскаго окружены цвѣтами. Въ крестномъ ходѣ изъ храма въ Кутузовскую избу нешены двѣ хоругви 1812 года, доставленныя изъ храма Христа Спасителя, гдѣ онѣ постоянно находятся.

Чествованіе 25-ти лѣтней годовщины смерти А. А. Григорьева. Русская литература вспомнила наконецъ о своемъ лучшемъ критикѣ послѣ Добролюбова—Аполлонѣ Александровичѣ Григорьевѣ и почтила памятью въ двадцатипятилѣтнюю годовщину день его смерти. Высокодаровитый и образованный, онъ умеръ 46-ти лѣтъ, проработавъ съ четверть вѣка для русской литературы и критики, то нуждаясь въ дневномъ заработкѣ, то предаваясь излишествамъ, по привычкѣ всѣхъ русскихъ широкихъ натуръ. Его роль и значеніе въ нашей журналистикѣ ждутъ своей оцѣнки, хотя его пріятель Н. Н. Страховъ и издалъ его критическія статьи.—21-го сентября на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, въ лѣвомъ придѣлѣ стараго деревяннаго собора, была отслужена заупокойная обѣдня и панихида по Аполлонѣ Григорьевѣ. За упокой души покойнаго критика молились его родные, представители литературнаго, артистическаго и ученаго міра. Сошлись почтить память: государственный контролеръ, артисты, журналисты и писатели. По окончаніи панихиды духовенство и всѣ присутствующіе перешли при пѣніи «Святый Боже» на могилу. Здѣсь была совершена литія и прочтѣна «вѣчная память». Могильный мраморный крестъ былъ украшенъ вѣнкомъ изъ двухъ пальмовыхъ вѣтвей, перевитыхъ живыми красными и бѣлыми розами и зеленью, съ надписью на лентахъ: «Аполлону Александровичу Григорьеву отъ друзей и поклонниковъ». Могила и мраморный памятникъ—въ полномъ порядкѣ, пространство внутри рѣшетки усыпано краснымъ кирпичнымъ пескомъ; на всемъ видна печать заботливой руки. Послѣ литіи К. К. Случевскій прочелъ стихотвореніе. Рѣчей не было.

Библиографическое бюро. Въ Петербургѣ, въ февралѣ нынѣшняго года учреждено бюро, имѣющее задачей сообщать всякаго рода свѣдѣнія о книгахъ и по книжному дѣлу. Лицамъ, интересующимся какимъ бы то ни было вопросомъ: научнымъ, по практической дѣятельности, біографическимъ, изъ обыденной жизни, бюро содѣйствуетъ указаніями на книги и газеты, въ которыхъ можно отыскать требуемыя свѣдѣнія. Оно принимаетъ также на себя составленіе и изданіе біблиографическихъ монографій. Темы могутъ быть предлагаемы самыя разнообразныя: положимъ, торфяное производство, пожары и мѣры противъ нихъ, мнимоумершіе, ревматизмъ, гор. Керчь, земскіе начальники, фамилія Ртищевыхъ и т. под.; наконецъ, каждый общественный дѣятель можетъ собирать свѣдѣнія лично о себѣ. Задача же бюро заключается въ собраніи и систематизаціи общими силами, при участіи специалистовъ, указаній на то, что было когда-либо напечатано по разсматриваемому предмету, и затѣмъ въ отпечатаніи и изданіи выполненной работы. Для устраненія переписки, просятъ лицъ, обращающихся за біблио-

графическими указаніями, назначать, къ какому сроку требуется отвѣтъ и какой предѣлъ платы не должна превышать стоимость работы. Просятъ адресоваться: Спб., Литейный просп., д. № 48, въ Библиографическое бюро при книжномъ магазинѣ Никол. Павл. Карбасникова. Эта извѣстная фирма служитъ гарантію правильнаго веденія дѣла, такъ какъ учредитель бюро неизвѣстенъ въ литературномъ мірѣ. Польза бюро не сомнѣнна, если оно будетъ добросовѣстно выполнять возлагаемыя на него порученія.

† 23-го августа въ клиникѣ в. к. Елены Павловны отъ болѣзни сердца **Ипполитъ Александровичъ Пашковъ**. Родился въ Москвѣ, въ 1847 г.; по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, поступилъ на службу въ азіатскій департаментъ; въ семидесятихъ годахъ былъ консуломъ въ Яссахъ, въ 1882 г. членомъ международнаго суда въ Каирѣ, въ качествѣ представителя русскаго правительства. Послѣ занятія Каира англичанами, продолжалъ службу въ азіатскомъ департаментѣ, въ должности начальника отдѣленія. И. А. сотрудничалъ въ повременныхъ изданіяхъ по вопросамъ внѣшней политики: подъ псевдонимомъ Влади—ровъ онъ велъ, въ 1880 и 1881 годахъ, отдѣлъ иностранной хроники въ «Русской Мысли». Политическія статьи его появлялись въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» Гилярова-Платонова, въ «Руси» Аксакова и въ «Новомъ Времени», съ 1877 года.

† Въ Петербургѣ преподаватель Смольнаго Александровскаго института **Аркадій Ильичъ Павловскій**. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ, въ особенности въ настоящее время, симпатичныхъ педагоговъ стараго закала. Прослуживъ болѣе 32 лѣтъ въ Смольномъ институтѣ въ качествѣ скромнаго преподавателя географіи, покойный оставилъ по себѣ добрую память въ этомъ заведеніи. Онъ весьма добросовѣстно относился къ своимъ занятіямъ и за все время своей педагогической дѣятельности не пропустилъ ни одного урока. Въ день смерти, А. И. Павловскій давалъ еще урокъ отъ 9 до 10 часовъ утра; когда же онъ возвратился съ урока домой, то почувствовалъ себя дурно и скончался. Онъ еще въ 50-хъ годахъ составилъ себѣ извѣстность, какъ замѣчательный новаторъ въ дѣлѣ преподаванія географіи и авторъ учебнаго пособия по предмету географіи: «Природа и люди». Трудъ Павловскаго представлялъ рѣзкій переходъ отъ прежнихъ номенклатурныхъ учебниковъ типа Арсеньева и др. къ курсамъ, оживленнымъ описаніями. Павловскій въ своей книгѣ и въ самомъ преподаваніи проводилъ идеи Риттера, выясняя вліяніе на человѣка физико-географическихъ условій. Трудъ Павловскаго послужилъ источникомъ, изъ котораго послѣдующіе географы почерпали матеріалъ для своихъ учебниковъ. На погребеніи А. И. Павловскаго присутствовали ученицы Александровскаго Смольнаго института, учительскій персоналъ института, товарищи покойнаго и друзья. На могилу возложено много вѣнковъ.

† 29-го сентября бывшій главный военно-медицинскій инспекторъ, **Николай Илларионовичъ Козловъ**. Со времени оставленія этой должности, онъ удалился совершенно отъ дѣлъ. Н. И. Козловъ родился въ 1814 г.; медицинское образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1833 г. со степенью лекаря и съ золотою медалью за диссертацію, подъ заглавіемъ «Pro venenis et veneficiis». Въ Дерптскомъ университетѣ Козловъ закончилъ изученіе медицины и въ 1837 г. получилъ степень доктора. Въ 40-хъ годахъ занялъ кафедру въ университетѣ св. Владимира и читалъ тамъ долгое время лекціи по судебной медицинѣ. Въ Кіевѣ во время холеры, рядъ принятыхъ имъ мѣръ противъ эпидеміи оказался весьма успѣшнымъ. Наблюденія его надъ холерою впоследствии были изданы отдѣльною книгою. Козловъ принесъ много пользы участіемъ въ организаціи правильной медицинской помощи во время войны 1853—55 гг. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ былъ начальникомъ Медико-Хирургической Академіи. Главною заслугою Козлова представляется редактированіе имъ, въ теченіе 25 ти лѣтъ, «Военно-медицинскаго журнала». Изъ тонкаго, почти не читавшагося врачами жур-

нала, со времени редактированія Козловымъ, «Военно-медицинскій журналъ» превратился въ дѣйствительно солидный специальный органъ, въ каждомъ номерѣ котораго можно было встрѣтить не одно серьезное изслѣдованіе, обогащавшее медицину новыми выводами.

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу замѣтки г. Б—ва о книгѣ «Греко-болгарскій церковный вопросъ».

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу критической замѣтки г. Б—ва, напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» и указывающей на нѣкоторые промахи, допущенные въ сочиненіи моемъ по греко-болгарскому церковному вопросу.

Начну съ того, что г. Б—въ находитъ очевиднымъ недостатокъ логики въ моемъ предположеніи, что греко-болгарская церковная распря является отголоскомъ стародавнихъ препирательствъ грековъ съ болгарами, начавшихся съ самаго водворенія этихъ послѣднихъ въ Мизіи, причемъ, по мнѣнію г. Б—ва, изъ моихъ словъ будто бы выходитъ, что «какая-то кучка воинственныхъ болгаръ внезапно появилась на Балканскомъ полуостровѣ, неизвѣстно откуда и вообразила почему-то, что полуостровъ долженъ принадлежать ей. И вотъ фантазія понавшая въ голову дикарей держится слишкомъ 1300 лѣтъ и въ концѣ концовъ принимаетъ видъ борьбы за церковную автономію». Тогда какъ, по словамъ г. Б—ва, дѣло происходило иначе, причемъ ссылками на ученыхъ египтологовъ онъ доказываетъ, что славяне, ходившіе походомъ на египетскаго фараона Минепты II, были исконными хозяевами отъ Адриатики до Чернаго моря. Полагаю нужнымъ замѣтить по этому поводу, что я не занимался вовсе изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи болгаръ и о правахъ ихъ на Балканскій полуостровъ, а лишь засвидѣтельствовалъ извѣстный историческій фактъ, что какъ только сложилось у балканскихъ славянъ первое крупное политическое тѣло—болгарское царство,—то немедленно же оно вошло въ столкновеніе съ Византіей, конечно, изъ-за преобладанія и, вѣроятно, весьма мало интересуясь соображеніемъ, имѣли ли притязанія болгаръ основаніе въ правахъ исторической давности владѣнія. Въ виду такой постановки вопроса, г. Б—ву не было, пожалуй, и надобности извлекать изъ забвенія дѣла давно минувшихъ лѣтъ и тревожить прахъ Минепты II.

Вторую историческую ошибку г. Б—въ видитъ въ моемъ утверженіи, что обращеніе болгаръ изъ язычества въ христіанство относятъ къ 863 г., тогда какъ, по мнѣнію критика: «странно читать о паденіи языческаго культа въ 863 г. если еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія среди помаковъ торжественно совершались курбаны (жертвоприношенія) несомнѣнно дохристіанскаго происхожденія». Быть можетъ я покажусь еще болѣе страннымъ и еще болѣе наумлю г. Б—ва, повѣдавъ ему, что курбаны совершались не только въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но совершаются

даже и до нашихъ дней и причина тому до крайности проста. Г. Б—ву, по-видимому, неизвѣстно, что помаками называются болгары, принявшіе мусульманство и что, потому, нисколько неудивительно, что, подобно всеѣмъ остальнымъ мусульманамъ, они исполняютъ религіозную обязанность, полагаемую Исламомъ на всеѣхъ правовѣрныхъ о закланіи жертвъ въ день праздника Курбанъ-Байрама. Предоставляю самимъ читателямъ судить, что остается отъ несомнѣннаго факта, приводимаго г. Б—мъ о дохристіанскомъ происхожденіи курбановъ, приносимыхъ помаками. Затѣмъ, г. Б—въ указываетъ на недостатокъ, съ моей стороны, безпристрастія по отношенію къ обѣимъ участвующимъ въ церковной распрѣ народностямъ. Вопросъ о пристрастіи или безпристрастіи, вообще, не зависитъ ли во многомъ отъ субъективныхъ воззрѣній критика, разбирающаго то или другое сочиненіе. Г. Б—въ говоритъ, что перомъ моимъ водило пристрастіе къ грекамъ; нѣкоторые же отзывы, появившіеся въ печати обвиняютъ, наоборотъ, мое сочиненіе въ излишнемъ пристрастіи къ болгарамъ. Не есть ли это лучшее доказательство того, что я старался быть вполне безпристрастнымъ какъ по отношенію къ грекамъ, такъ и къ болгарамъ. Что касается до самого г. Б—ва, упрекающаго меня въ пристрастіи, то его собственныя разсужденія, напримѣръ, въ вопросѣ объ Охридской архіепископіи, нельзя не признать противорѣчащими историческимъ фактамъ, которые онъ намѣренно извращаетъ въ угоду болгарскимъ притязаніямъ. На чемъ основывается г. Б—въ, такъ увѣренно заявляя, что «Охридскій престолъ всегда былъ лучшею опорой болгарской національности какъ при византійскихъ императорахъ, такъ и при турецкихъ султанахъ». Какая же это была опора, когда, начиная съ 1019 г., за исключеніемъ кратковременнаго святительства архіепископа Іоанна, поставленнаго императоромъ Василиемъ II, и архіепископовъ времени Асѣнія II, какъ самый престолъ, такъ и все высшія мѣста въ Охридской духовной іерархіи были до 1767 г. постоянно занимаемы греками?

Неизвѣстно также на какомъ основаніи г. Б—въ говоритъ, что при уничтоженіи Охридской автокефаліи «быть въ подчиненіи у грековъ казалось болгарамъ настолько ужаснымъ, что почти двѣ трети народа приняли мусульманство лишь бы избѣгнуть этого ига». Напротивъ изъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ Порты и напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Хиоскаго митрополита Григорія и Бѣлградскаго преосвященнаго Анеима, мы знаемъ, что патріарху при упраздненіи самостоятельности Охридской архіепископіи пришлось бороться не съ болгарами, среди которыхъ эта мѣра не вызвала никакихъ волненій ни протестовъ, а съ противодѣйствіемъ мѣстныхъ турецкихъ чиновниковъ ¹⁾.

Болгары мусульманскаго вѣроисповѣданія—помаки—ведутъ свое начало еще со времени завоеванія Македоніи и Румеліи турками, т. е. съ XV ст., когда часть болгаръ просто изъ страха приняла исламъ ²⁾. Во всей Македоніи ихъ считается 22,573 нуфуза, т. е. около 50,000 душъ ³⁾, что, по сравненію съ общою цифрою болгарскаго населенія Македоніи—около 1.200,000 душъ—

¹⁾ «Церковные вопросы», Филиппова, стр. 86 и слѣд. «Болгарскій расколъ» Матвѣева, «Русскій Вѣстникъ». Октябрь, 1889, стр. 150.

²⁾ La péninsule gréco-slave, par Crousse, p. 173.

³⁾ Ethnographie des vilayets d'Andrinople, de Monastir et de Salonique. Constantinople. 1878. page, 65.

едва ли дастъ возможность выводить заключение, что двѣ трети болгаръ предпочли совратиться въ мусульманство, чтобы только не подчиниться вселенскому патріарху.

Въ заключеніе, не могу не выразить, что вообще довольно странное впечатлѣніе долженъ производить на всякаго православнаго рассказъ одного болгарскаго игумена, приводимый, тоже въ видѣ доказательства противъ моихъ положеній, г-мъ Б—вымъ въ его разборѣ сочиненія г. Верковича («Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи») ¹⁾. Рассказъ этотъ, довольно сомнительный по своимъ подробностямъ, сообщаетъ о томъ какъ вслѣдствіе уничтоженія Охридской архіепископіи, митрополитъ Могленскій съ своею паствою перешелъ въ первый день св. Пасхи въ мусульманство, причемъ г. Б—въ видимо симпатизируетъ такому гнусному поступку христіанскаго епископа, измѣнившаго вѣрѣ своихъ отцовъ и своему пастирскому долгу и вздумавшему въ Исламѣ искать огражденія болгарской народности. Г. Б—ву не мѣшало бы по этому случаю припомнить хотя бы болгарскія звѣрства 1876 года, когда злѣйшими мучителями болгаръ были именно помаки, ихъ братья—по крови, смертельные недруги—по религіи.

При подобномъ взглядѣ на взаимныя отношенія между различными членами единой православной церкви немудрено, что, по мнѣнію г. Б—ва, для удовлетворенія требованій болгаръ въ нынѣшней распрѣ ихъ съ греками изъ-за созданія національной церкви необходимо совершенно порвать связь ихъ съ вселенскимъ престоломъ и учредить болгарскую самостоятельную церковь, нисколько не стѣсняясь существующими церковными канонами. Только основаннаго на такихъ условіяхъ проекта рѣшенія греко-болгарской церковной распри ждешь, по словамъ г. Б—ва, славянскій народъ отъ русскаго писателя, посвятившаго себя изученію этого эпизода греко-болгарскихъ отношеній. Смѣю думать, что въ средѣ русскихъ читателей найдется немного сторонниковъ такого крайняго, чтобы не сказать болѣе, мнѣнія и что большинство отдастъ предпочтеніе тѣмъ проектамъ, которые для рѣшенія занимающаго насъ вопроса не будутъ отрицаться отъ святыхъ канонѣвъ, безъ соблюденія коихъ не можетъ ни быть основана, ни существовать ни одна христіанская церковь.

В. Тепловъ.

II.

По поводу одной рецензіи.

Въ № 10 (октябрь) «Русской Мысли» за текущій годъ помѣщена рецензія (стр. 420—424) на мою книгу «Пушкинъ въ русской критикѣ». Г. рецензентъ, уличая меня въ заимствованіяхъ, заключаетъ свой отзывъ словами, что мой трудъ о Пушкинѣ представляетъ «сплошной плагиатъ». вмѣстѣ съ тѣмъ, г. рецензентъ приписываетъ моей скромной работѣ значеніе «ученаго труда», къ которому, въ силу помянутыхъ заимствованій, невозможно серьезное отношеніе. Такое мнѣніе въ г. рецензентѣ утвердилось послѣ разбора одной первой главы и послѣ отмѣченныхъ «мимоходомъ» заимствованій. Позволю себѣ на это возразить слѣдующее.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ». Октябрь, 1889, стр. 203.

1) «Пушкинъ въ русск. кр.» представляетъ вовсе не серьезный ученый трудъ: это всего лишь студенческая диссертация, написанная въ теченіе 4½ мѣсяцевъ, среди другихъ занятій, два года тому назадъ и все-таки удостоенная историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета золотой медалію¹⁾. Слѣдовательно, какъ кандидатская диссертация, моя работа является просто провѣркой моихъ студенческихъ познаній по русской литературѣ — и никакъ не больше. Отлично сознавая все несовершенство, всѣ недостатки, промахи и недомолвки своей работы, я неохотно соглашался и печатать ее въ настоящемъ видѣ. Но, къ сожалѣнію, переработать все за-ново не было времени. Такимъ образомъ, г. рецензентъ совершенно напрасно называетъ мою книгу ученымъ трудомъ: мои ученые труды, если таковые мнѣ удастся исполнить, — еще впереди.

2) Г. рецензентъ основываетъ свое мнѣніе, что мой трудъ о Пушкинѣ представляетъ «сплошной плагиатъ», на отсутствіи во многихъ мѣстахъ ссылокъ на чужіе труды, которыми я пользовался. Сознаю, что я въ этомъ виноватъ, не имѣя, однако, никакого злостнаго намѣренія присвоить себѣ чужое. Это моя небрежность, мой недосмотръ, моя ошибка и, конечно, малоизвинительная. Я согласенъ, что первая глава, на которую г. рецензентъ особенно нападаетъ, является дѣйствительно компіляціей; во II-ой главѣ 20 стр. мною обработаны по источникамъ и 2 заимствованныхъ; въ III-ей — мнѣ принадлежатъ 10 стр. (изъ 12); въ IV-ой — 20 стр. (изъ 23); V-я цѣликомъ (20 стр.) принадлежитъ мнѣ, хотя и въ ней ссылки на источники неточны: на стр. 96—97 приведено о Полевомъ мнѣніе Бѣлинскаго безъ ссылки на XII томъ; въ VI-ой главѣ моихъ 13 стр. (изъ 14); VII-я глава (29 стр.) принадлежитъ мнѣ; VIII-я въ 21 стр. — тоже; въ IX главѣ 26 моихъ (изъ 29); въ X-ой изъ 22—20 стр. моихъ; XI-ю главу въ 34 стр. рецензентъ за исключеніемъ одного мѣста въ нѣсколько строкъ на стр. 246 (не сдѣлано ссылки на А. Н. Пыпина) признаетъ моею, хотя въ мнѣніяхъ о Бѣлинскомъ я кое-что взялъ изъ ненапечатанныхъ лекцій проф. А. И. Незеленова, такъ что моихъ въ этой главѣ 28—29 стр.; XII-я глава въ 25 стр. принадлежитъ мнѣ; XIII-я въ 24 стр. тоже; XIV-я въ 13 стр. тоже; въ XV-ой моихъ 23 стр. (изъ 26); XVI-я въ 19 стр. — моя и XVII-я въ 34 стр. — тоже, за исключеніемъ 2—3 страницъ, взятыхъ изъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ: «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину». И такъ, изъ 400 страницъ моей книги мнѣ принадлежитъ 346 и предисловіе въ 10 стр., которое рецензентъ оставляетъ за мной, т. е. всего 356 стр. Заимствовано, значить, всего 44 стр., причемъ, по моей небрежности и оплошности, не указаны нѣкоторыя пособія, которыми я пользовался. Это ли можетъ быть названо «сплошнымъ плагиатомъ»? Во всякомъ случаѣ, признавая за собой вину въ отсутствіи ссылокъ, позволю себѣ думать, что читатели довѣрятъ скорѣе университетскому отзыву, въ силу котораго я удостоенъ золотой медалію, чѣмъ поверхностному и предвзятому отзыву г. рецензента «Русской Мысли».

С. Трубачевъ.

¹⁾ См. Отчетъ о состояніи Импер. Спб. Университета за 1887 г. стр. 101—104.

пострига, и знатныя дамы, прїѣзжавшія сюда справлять девятидневныя молитвы и развлекаться на манеръ герцогини. Въ монастырь, какъ на мельницу, входъ былъ совершенно свободенъ. Это былъ также настоящій увеселительный загородный домъ. Венсенскій лѣсъ былъ весьма удобнымъ мѣстомъ для любовныхъ интригъ, а также для охоты. Веселыя кающіяся особенно любили осень: на борвомъ конѣ и съ соколомъ на рукѣ, онѣ скакали по полю и по лѣсу, благодушно спуская соколовъ на хорошенькихъ жаворонковъ, со свистомъ рѣявшихъ въ облакахъ.

А съ вершины башни, высившейся надъ замкомъ де Боте, охотникъ — никто иной какъ герцогъ Орлеанскій — высматривалъ отъ времени до времени скачущихъ Діанъ-охотницъ и выпускалъ на прекраснѣйшую, вмѣсто кречета, одного изъ пажей, который накидывалъ бархатную сѣтку на прелестную птицеловку — теперь уже становившуюся дичью — и почтительно проводилъ ее черезъ подземелье. По правдѣ сказать, дичь не слишкомъ старалась вырваться.

Внутренность замка была расположена, какъ всѣ дома той эпохи; но залы его были лучше обставлены и украшены нѣкоторыми произведеніями искусствъ, которыя принцъ очень любилъ.

Зала, куда мы вводимъ читателя, болѣе длинная, чѣмъ широкая, но достаточно обширная чтобы устроить банкетъ для сотни рыцарей, была, кромѣ богатой мебелировки, украшена еще портретомъ Изабеллы Баварской, рисованнымъ на стеклѣ Жеаномъ де Мюре. Здѣсь былъ изображенъ ея вѣздъ въ Парижъ, 20 августа 1389 г., по словамъ Фруассара, въ тотъ моментъ, когда самый красивый и самый ловкій изъ трупы короля шутовъ, одѣтый, говорить Ювеналь Урсинскій, ангеломъ, съ помощью хитраго снаряда, поднялся на башню Парижской Богоматери и оттуда спустилъ ей на голову прекрасный вѣнокъ. Въ глубинѣ на извѣстномъ разстояніи былъ представленъ народъ, а посрединѣ толпы двое всадниковъ на одной лошади, и ихъ не пускаютъ сержанты, вооруженные длинными палками, которыми они бьютъ безъ разбора и лошадь, и всадниковъ. Всадники эти были самъ король и Савуази. Карлъ VI сказалъ своему шамбеллану: прошу тебя убѣдительно, Савуази, садись на хорошую лошадь и возьми меня съ собою, и мы одѣнемся такъ, чтобы насъ не узнали, и поѣдемъ посмотрѣть на вѣздъ моей жены.

Савуази, подгоняемый королемъ, въ свою очередь шпорилъ коня; но сержанты, которые не знали ни короля, ни его шамбеллана, били по нимъ своими палками, и король получилъ нѣсколько здоровыхъ тумачковъ, а вечеромъ при дворѣ объ этомъ узнали и стали смѣяться, и король самъ тоже смѣялся. Карлъ VI пожелалъ, чтобы живописецъ воспроизвелъ

кистью эту сцену, позабавившую его, хотя онъ и былъ побить. Замокъ де Боте собственно принадлежалъ королевѣ. Позднѣе, она подарила его герцогу Орлеанскому, не подозрѣвая, конечно, что онъ предназначить его для своихъ любовныхъ походовъ, а ради нихъ-то онъ и велѣлъ вырыть вышеупомятый подземный ходъ.

Въ минуту, когда мы начинаемъ прерванный разговоръ, въ этой самой залѣ, называемой Рыцарской, лежала на диванѣ молодая женщина. Она спала, но сонъ ея былъ безпокойный: какія-то лихорадочныя грезы волновали ее. Иногда она какъ будто просыпалась, вскакивала съ мѣста, а минуту спустя опять падала и засыпала тревожнымъ сномъ.

Вдругъ картина, изображающая вѣздъ Изабеллы, которой замаскирована была потайная дверь, повернулась сама собою и пропустила какой-то воздушный образъ. Картина опять стала на мѣсто и совершенно прикрыла своей рамой отверстіе, произведя этимъ не больше шума, чѣмъ бабочка, когда она цѣлуетъ розу.

Въ залѣ стояло прелестное существо, стройное, гибкое и граціозное, какъ эльфъ. Волосы страннаго бѣлокурого оттѣнка, иногда, при блѣдномъ свѣтѣ огня, чарующе отливали огнемъ и золотомъ. Матово-блѣдная кожа была такъ прозрачна, что тончайшія жилки сквозили черезъ нее голубой прозрачной сѣткой. Это была точно поверхность лазури и алебастра, которую не бороздила ни одна морщинка, не пестрило ни малѣйшее облачко; бархатистыя щеки не пострадали отъ скорой ходьбы черезъ поле и только ускоренно-бьющееся сердце и волнуемая грудь говорили объ усталости; руки поражали своей бѣлизной. Женщина эта являла собою торжество всемогущаго рѣзца, шедевръ божественнаго художника; глаза Маргариты де Гено, герцогини Неверской—это была она—казались шедевромъ этого шедевра.

Представьте себѣ длинныя, выгнутыя рѣсницы, опускающіяся надъ бархатомъ и огнемъ. Въ этихъ глазахъ выражалась непередаваемая смѣсь чистоты и страстности, что такъ рѣдко встрѣчается. Когда эти глаза освѣщались улыбкой, они бросали молніи чувства и удовольствія. Ротъ былъ прекрасно очерченъ, розовыя, свѣжія, немного чувственныя губы выказывали два ряда бѣлыхъ ровныхъ жемчужинъ, такихъ бѣлыхъ и правильныхъ, что даже хотѣлось, чтобы они укусили васъ до крови. Что касается рукъ, то это были такія ручки, что герцогъ Орлеанскій становился на колѣни, чтобы цѣловать ихъ. Такова была тѣлесная оболочка души не менѣе прекрасной, не менѣе любящей, чѣмъ душа языческой Венеры.

Эта женщина была бы превосходной женой и матерью, если бы насмѣшка судьбы не дала ей въ мужа Іоанна Неверскаго, а въ любовники—герцога Орлеанскаго.

Передохнувъ минуту послѣ скорой ходьбы изъ монастыря св. Сатурнина до замка де Боте, она прошептала вполголоса:

— Наконецъ-то, я добралась безъ приключеній!

Она ощупью дошла до стула, на который почти упала и задумалась.

Любовь была для нея главной, сіяющей звѣздой; опасенія тучей окружали ее, но не душили.

Она думала о Людовикѣ. Почему его здѣсь нѣтъ? Ей почудился чей-то вздохъ.

— Я съ ума схожу!—сказала она сама себѣ.

Однако, она стала прислушиваться, и новый звукъ заставилъ ее вздрогнуть.

— Неужели астрологъ Кокерель правъ? Неужели дѣхи любящихся соединяются раньше чѣмъ тѣла ихъ?

Въ эту минуту Маргарита услышала вздохъ сильнѣе прежняго и, затѣмъ, совершенно явственныя слова:

— Ваша свѣтлость, пощадите, оставьте меня!

— Здѣсь кто-то есть! Женщина, соперница!

Маргарита встала, вся дрожа и пошла на голосъ.

Слабый свѣтъ наступавшаго дня проскользнулъ въ залу.

— Одна, беззащитная!—продолжала стонать неизвѣстная.

— Она бредитъ! Чтò говорить она?—подумала герцогиня.

— Вамъ мало было погубить дѣвушку, вы не щадите и замужней.

И, отбиваясь во снѣ, лежащая женщина прибавила:

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

— Это не соперница,—прошептала улыбаясь Маргарита.

Неизвѣстная проснулась; она старалась прогнать кошмаръ, еще не совсѣмъ исчезнувшій.

— Какой страшный сонъ!—сказала она.—Гдѣ это я?

— Вы попали въ ловушку, изъ которой я хочу освободить васъ,—сказала герцогиня, подходя къ ней и повышая голосъ.

— Вы! да вы кто такая?

— Женщина, которой жаль васъ.

— Женщина, которая хочетъ предать меня, можетъ быть, вы сами и отдали меня въ его руки!

— Вы съ ума сошли! намъ некогда терять времени. Скоро разсвѣтетъ... вы у герцога; онъ сейчасъ придетъ; хотите ждать его?

— Но чтò мнѣ порукою?..

— Если бы я хотѣла предать васъ, то мнѣ стоило бы только оставить васъ на этомъ мѣстѣ, куда онъ велѣлъ васъ положить.

Маріета д'Ангіенъ инстинктивно, еще подъ вліяніемъ дѣйствія наркотическаго питья, которое проходило очень медленно, бросилась бѣжать. Маргарита удержала ее, сильно схвативъ за руки и нѣсколькими быстрыми, энергичными словами успѣла убѣдить ее, или, по крайней мѣрѣ, побороть ея сопротивленіе.

Она подвела ее къ выходу, скрывавшемуся за картиной; но въ

ту самую минуту, когда готова была нажать секретную пружину, она услышала звукъ ключа въ замкѣ. Тогда она толкнула Мариету въ боковой кабинетъ, наказавъ ей сидѣть тамъ тихо, до тѣхъ поръ, пока ей можно будетъ уйти черезъ потайную дверь; затѣмъ герцогиня кинулась на постель, гдѣ только-что лежала безчувственная Мариета, и притворилась спящей.

Едва она улеглась, какъ вопель сенешаль въ сопровожденіи слуги и жандарма и пригласилъ ту, которую считалъ супругою Обера-ле-Фламена, идти съ ними къ ожидающему ее принцу.

Приказаніе было отдано самымъ почтительнымъ тономъ, но тѣмъ не менѣе, это было приказаніе.

Маргарита покорно пошла за ними и такъ какъ она опустила вуаль, чтобы скрыть свой стыдъ, то сенешаль и не замѣтилъ подлога.

Къ несчастію для Мариеты, слуга и жандармъ, изъ коихъ первый назывался Гумбертъ, а второй Рибле, остались въ замкѣ. Гумбертъ развелъ большой огонь; потомъ они оба усѣлись за столъ рыцарей и, чтобы убить время, стали играть въ кости.

ХП.

Козлиный рогъ.

«Съ рогами и съ хвостомъ, сюда
«Самъ сатана теперь явился,
«Въ монаха онъ преобразился.
«Чего онъ хочетъ, господа?»

ОЛНЦЕ уже заливало свѣтомъ залу, сенешаль и герцогиня удалились. Теперь намъ можно описать эту залу. Она убрана своеобразно. Стрѣльчатые окна окружены каменными листьями, а стекла въ окнахъ переплетены деревянной рѣзбой, точно кружевомъ. На потолкѣ арабески и маленькіе амурсы, довольно плохо нарисованные.

Стѣны этой банкетной залы усѣяны лиліями изъ очень тонкой мѣди; кресла съ широкими и глубокими спинками протягиваютъ свои ручки, съ налокотниками и шерстяными подушками, вышитыми цвѣтами. На шюпитрѣ лежитъ обширный рукописный in-folio; это молитвы, писанныя на пергаментѣ собственною рукою университетскаго канцлера. Шюпитръ этотъ также какъ и круглый столъ изъ заграничнаго дерева, — работа Мишеля Бурдена, одного изъ лучшихъ скульпторовъ XIII вѣка.

На этомъ столѣ разложены были въ странномъ подборѣ литературныя произведенія: гимнъ Пресвятой Дѣвѣ лежалъ рядомъ съ пѣсню, посвященную Венерѣ; на Подражаніе Христу положена была баллада поэта Кретена; лучшее мѣсто отведено было твореніямъ Алена Шартъе; въ числѣ ихъ былъ *Quadrilogue*, произведение гуманистское, въ которомъ дворянство, духовенство, Франція, сопоставленныя съ народомъ, взывали противъ злоупотребленій. Герцогъ Орлеанскій изъ-за этой книги называлъ всегда

Алена Шартье Тевениномъ вторымъ: Тевенинъ былъ шутъ Карла V, отца его.

Другіе манускрипты могли бы дать намъ начало каталога бібліотеки герцога Орлеанскаго, но перечислять ихъ было бы слишкомъ долго.

Сыгравъ три партіи въ кости, слуга оставшійся безъ гроша, оставилъ своего побѣдителя и пошелъ раздувать почти угасавшій огонь, между тѣмъ, какъ жандармъ тоже всталъ и пошелъ вокругъ залы, заглядывая во всея закоулки, останавливаясь въ каждомъ углу, какъ бы искалъ разрѣшенія какой-то задачи.

Онъ долго стоялъ передъ картиной, изображавшей въѣздъ Изабеллы Баварской и шумно любовался величавой осанкой своей государыни; потомъ покачалъ головой, точно будто какая-то философская мысль мелькнула у него въ головѣ.

— Что это ты такъ вдругъ нахмурился?—спросилъ Гумбертъ.

— Не находишь ли ты,—отвѣчалъ Рибле,—что королева въ эту минуту какъ будто сердится?

— Ба! Если бы вотъ тотъ солнечный лучъ ударилъ сейчасъ въ ея прекрасное лицо, она бы улыбнулась.

— Гм... нѣтъ, куманекъ, я утверждаю, что она и отъ солнца не станетъ веселѣе. Да между нами будь сказано, ей нѣтъ причины быть довольной.

— Это почему?

— Госпожа королева незатѣмъ великодушно подарила этотъ замокъ его высочеству герцогу, чтобы онъ заводилъ тутъ... ну, хоть то, что мы видѣли.

— Ахъ, да!.. Но ей-то какое дѣло?

— Ну, что ты притворяешься, будто не знаешь! какъ будто въ такихъ дѣлахъ домашняя прислуга не знаетъ всегда раньше всехъ, раньше чѣмъ посторонніе, и чѣмъ мужья... если только они узнаютъ когда-нибудь.

— На то они и мужья!

— Я тебѣ говорю, я, служащій при отелѣ герцога Орлеанскаго; я же ѣзжу съ нимъ изъ Парижа сюда; такъ вотъ я тебѣ говорю: знай королева, что здѣсь совершается, она бы прискакала сюда на своемъ бѣломъ иноходцѣ, выгнала бы сейчасъ вассалку, а герцога приструнила бы ни больше, ни меньше, какъ школьника, что учатся въ Сорбоннѣ. Ахъ! видалъ я! ужъ говорю тебѣ—видалъ я эти штуки!

— Да ужъ если правду говорить, такъ и я кое-что видѣлъ.

— То-то и есть! Ну чтожь ты видѣлъ?

— Когда герцогъ и королева Изабелла пріѣзжали сюда отдыхать послѣ охоты въ Венсенскомъ лѣсу прошлымъ лѣтомъ, такъ всегда бывало передъ замкомъ соберутся дѣвушки изъ Ножана, изъ деревень Моано, Кони и Пере—подносить корзинки цвѣтовъ

и фруктовъ. Ну, герцогъ, бывало, и возьметъ какую за подбородокъ: «Э, милашка,—скажетъ—да какая ты пригожая! Когда тебя будутъ замужъ отдавать? Я ужъ постараюсь въ тотъ день быть въ замкѣ!».

— Неужели? что жъ королева?

— А королева сердилась и кричала на нихъ: «Пошли вонъ, скверныя, распутныя дѣвчонки! Не смѣйте соблазнять моихъ пажей и лакеевъ».

— Такъ значитъ она заботилась о нравственности?

— Да, да, конечно; однако, довольно смѣяться; я слышу идетъ сенешаль.

Рибле сталъ на свое мѣсто у главной двери, какъ часовой, между тѣмъ какъ Гумбертъ, желая показать, что онъ тоже не безъ дѣла, сталъ сметать пыль съ мебели.

И пора была. Сенешаль дѣйствительно вошелъ въ залу тяжелымъ и мѣрнымъ шагомъ. Онъ сдѣлалъ знакъ Гумберту, и, когда тотъ подвинулъ къ огню кресло, сенешаль опустился въ него и глубоко задумался... Да и было о чемъ: герцогъ пробудетъ въ замкѣ нѣсколько дней,—чѣмъ бы занять его?

Сенешаль мѣшалъ огонь, отъ чего все больше разгоралось пламя. Мѣшать огонь пріятно: это облегчаетъ заботу и даже родитъ нѣкоторыя идеи. А сенешалу именно нужно было найти идею. Онъ мѣшалъ, мѣшалъ, не скрывая своего нетерпѣнія, досадуя на то, что идея никакъ не дается, точно маленькая мушка, которая, впрочемъ, иногда превращается въ орла.

Но такъ какъ все утомляетъ, даже и отыскиваніе идеи, то сенешаль пересталъ мѣшать уголья. Тогда вытянувъ ноги, какъ котъ, прищуривъ глаза, онъ сталъ бессознательно смотрѣть на кучку горячихъ угольевъ, сверхъ которыхъ лежало полѣно. Вдругъ полѣно, на половину перегорѣвшее, треснуло, переломилось, немного откатилось и образовало собою какъ будто остроконечный утесъ. Сенешалу показалось, что на верху этого горячаго утеса какъ будто пляшутъ висѣлицы. Онѣ мѣрно колыхали своими длинными руками, на которыхъ болтались скелеты.

Это не было видѣніе идей: это была картина его служебныхъ обязанностей, сенешалу стало еще досаднѣе, и, обратясь къ Рибле, точно будто тотъ могъ доставить ему случай кого-нибудь повѣсить, онъ сказалъ:

— Жандармъ! держи свою шпагу не прямо, а...

Онъ не договорилъ: послышался звукъ охотничаго рога.

— Кто это смѣетъ трубить въ замкѣ? Рибле, пусть четверо твоихъ людей пойдутъ съ сарбаканами и найдутъ мерзавца, который деретъ мнѣ уши.

— Слушаю, мессиръ.

— А если онъ опять начнетъ—повѣсить его!

— Слушаю, мессиръ.

Но трубачъ заигралъ пѣсню. Рибле не трогался съ мѣста; онъ ногою и головой отбивалъ тактъ; жандармъ былъ меломанъ.

— Ого! да это искусный звонарь.

Рибле, иди же куда я сказалъ, да пошли ко мнѣ караульщика.

— Иду, мессиръ. А караульщикъ, вотъ я вижу, слѣзаетъ съ своей вышки и идетъ сюда.

Рибле съ порога двери кликнулъ караульщика и ушелъ.

Сенешаль, который быстро вскочилъ, услышавъ звукъ охотничяго рога, на столько быстро, на сколько позволяла ему его толщина—потому, что онъ представлялъ собою фигуру Силена съ бороною цвѣта соли съ перцемъ и безъ всякаго слѣда заботъ или морщинки на широкомъ, толстомъ лицѣ, на которомъ только жиръ образовалъ складки въ видѣ вѣера,—сенешаль снова расположился на прежнемъ мѣстѣ у огня, усѣвшись поудобнѣе, сложилъ съ блаженнымъ видомъ руки на своемъ толстомъ животѣ и сталъ ожидать караульщика, который не замедлил явиться.

— Что новаго, караульщикъ?—спросилъ онъ.

— Мессиръ, пріѣхала трупа жонглеровъ и просятъ гостепріимства въ замкѣ.

— Жонглеры! О, о! вотъ идея! Приведи сюда одного, для образчика, и если онъ мнѣ понравится, я ихъ пушу. Герцогъ любитъ этотъ народъ, хотя они по большей части плуты, отчаянные воры и мошенники, кромѣ, впрочемъ, братства св. Страстей: тѣ, говорятъ, люди весьма почтенные и занимаются искусствомъ своимъ для прославленія имени Божьяго. Ну, ступай же, караульщикъ, веди сюда одного какого-нибудь, только одного.

— Слушаю, мессиръ; только мнѣ кажется, это и есть братство св. Страстей: всѣ они въ капюшонахъ какъ монахи.

— Ну, мы увидимъ! ступай.

Караульщикъ вышелъ изъ сада, перешелъ первый дворъ, прошелъ подъ аркадой нормандскаго стиля, потомъ отворилъ дверь, обитую желѣзомъ, способную выдержать какую угодно атаку и выходящую на другой дворъ, образуемый постройками, въ числѣ которыхъ была и капела; послѣ того онъ обогнулъ стѣну юго-западнаго угла, гдѣ находилось круглое темное отверстіе, ведущее на лѣстницу жандармовъ, примыкающую къ подземной лѣстницѣ, къ лѣстницѣ in-rase, откуда никогда не выходили, и, наконецъ, вышелъ со стороны, противоположной оружейной залѣ, послѣ чего очутился въ караулкѣ сторожа подъемнаго моста.

По приказанію сенешала спустили подъемный мостъ и снова подняли его, пропустивъ одного жонглера.

Этотъ послѣдній, въ сопровожденіи караульщика, проходя тѣмъ самымъ путемъ, который мы только-что описали, бросалъ внима-

тельные взгляды во всѣ уголки и извилины, замѣчая ихъ въ памяти своей, какъ искусный полководецъ изучаетъ поле сраженія для предстоящей битвы.

Густая роща, орапаемая фонтанами и водометами, апрѣльскій лугъ, хотя теперь былъ еще февраль, придавали замку съ этой стороны пріятный и веселый видъ.

Хотя замокъ де Боте былъ построенъ одновременно съ отелемъ Сень-Поль, но онъ былъ гораздо красивѣе чѣмъ сосѣдъ Бастиліи. Здѣшній замокъ былъ разукрашенъ цвѣтами, гербами, красивыми башенками, рѣзными арабесками, балкончиками, флюгерами и флагами.

Посреди апрѣльского луга находился фонтанъ, изображающій трехъ грацій, очень любимыхъ Людовикомъ Орлеанскимъ; эта группа работы одного итальянца, имя котораго не дошло до насъ, была ничто иное, какъ копія съ греческой группы, но сдѣланная очень хорошо.

Зала пиршествъ была въ нижнемъ этажѣ и выходила въ садъ. Мы можемъ дополнить теперь уже сдѣланное нами краткое описаніе ея.

Серебрянныя блюда, канделябры, амфоры венеціанскаго хрустала, отдѣланные лапизь-лазурью и топазами, шкапы чернаго дерева, серебрянныя кружки, чаши, вычеканныя по рисункамъ флорентинскихъ мастеровъ, шелковистыя ткани, персидскіе ковры, привезенные рыцарями съ Востока—украшали эту большую залу.

Нашъ жонглеръ или братъ св. Страстей, какъ его называлъ караульщикъ, прошелъ черезъ садъ, приготовляясь любоваться главной диковинкой замка—большой залой, на которую, вѣроятно, указали ему, какъ на центральный пунктъ его операцій.

Въ этой-то залѣ сюзеренъ, въ извѣстные дни, собиралъ своихъ вассаловъ и вавассоровъ и шировалъ съ ними при свѣтѣ факеловъ, которые держали самыя хорошенькія, полу-одѣтыя вассалки. Здѣсь же менестрель пѣлъ свои баллады.

При нынѣшнемъ владѣльцѣ, здѣсь пѣли только произведенія самого принца, котораго величали первымъ поэтомъ Франціи. Герцогъ Орлеанскій очень цѣнилъ эту лестъ. Зала имѣла 90 футовъ длины и тридцать ширины. Бѣглый взглядъ, брошенный монахомъ при входѣ, казалось, удовлетворилъ его. Скрестивъ на груди руки, склонивъ голову, въ смиренной позѣ и съ протяжнымъ голосомъ, онъ приблизился къ сенешалу, который поднялся на встрѣчу ему.

Монашеское платье имѣло свое дѣйствіе, каковъ бы ни былъ монахъ.

— Святой великій Юліанъ и прочіе святые да хранятъ васъ, мессиръ, отъ всякаго зла,—проговорилъ монахъ.

— Да поможетъ онъ вамъ, мэтръ!—отвѣтилъ толстякъ.

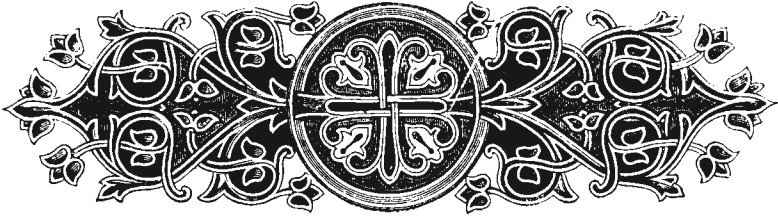
— Не угодно ли вамъ будетъ позволить нѣсколькимъ членамъ братства св. Страстей провести день и слѣдующую ночь въ здѣшнемъ кастелянствѣ? Мы въ этомъ сильно нуждаемся, чтобы отдохнуть и исправить нашу повозку, у которой сломались колеса. Мы рассчитывали сегодня вечеромъ быть въ Парижѣ, но распутица совсѣмъ испортила дорогу, и мы добромъ не выберемся изъ Венсенскаго лѣса, сырость страшная. Мы добрые христіане, мессиръ, и смиренные люди. Мы готовы заплатить за постой, если нужно.

— Хе-хе-хе! Звонкой и блестящей монетой, которую глаза будутъ видѣть, а уши слышать. Ну, садитесь пока... Гумбертъ, подвинь стулъ, вотъ сюда, по другую сторону печки. А ты караульщикъ, можешь идти.

Караульщикъ поклонился и ушелъ. Гумбертъ подвинулъ стулъ, на который и сѣлъ жонглеръ, послѣ того какъ сенешаль погрузился снова въ свое кресло.

Гумбертъ затворилъ дверь и остался около нея, въ ожиданіи приказаній, которыя сенешалу угодно будетъ дать, чего пришлось ждать не долго; развѣ когда-нибудь разговаривали безъ выпивки?

ХІІІ.

Членъ святого братства.

«Всѣ украшенія и блескъ съ богатствъ снимите,
«Картину страшную безъ рамокъ покажите».

ЕНЕШАЛЪ далъ гостю время обогрѣться, въ чемъ тотъ повидимому очень нуждался, а самъ между тѣмъ приказалъ принести чашу съ ипокрасомъ (вино съ примѣсью мускуса и амбры); но жонглеръ попросилъ лучше вина, настоеннаго на пряностяхъ.

Глотнувъ раза два, сенешаль щелкнулъ языкомъ и сказалъ:

— Ну, а теперь рассказывайте, гость, откуда вы и куда ѣдете?

— Мы ѣдемъ изъ Бордо, мессиръ. Освѣдомившись, что король, указомъ даннымъ въ прошломъ декабрѣ, разрѣшилъ представленіе въ Парижѣ мистерій, которыя до сихъ поръ давались только въ провинціи, мы направились въ этотъ большой городъ, гдѣ, говорятъ, болѣе трехсотъ тысячъ жителей, и надѣемся заработать тамъ честный кусокъ хлѣба, особенно по новости.

— О, я отъ всей души желаю успѣха братству св. Страстей, къ которымъ питаю предпочтеніе противъ всѣхъ другихъ компаній того же рода. Но у нихъ въ Парижѣ будетъ опасный соперникъ.

— Опасный?—повторилъ жонглеръ, поправляя на головѣ капюшонъ, точно будто почувствовавъ, что вѣтеръ дуетъ ему въ лицо.

— Говорятъ... я, впрочемъ, не знаю его, никогда не видѣлъ. Но говорятъ, что онъ удивительный комикъ.

Монахъ совсѣмъ открылъ лицо.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— А это король шутовъ, глава труппы безшабашныхъ ребятъ, онъ уже два года представляетъ на парижскихъ рынкахъ фарсы и шуточные пьесы (soties) и ему оказываютъ покровительство король и королева.

— А-а! Такъ это вы говорите о Гоненѣ! Это большой хвастунъ, имѣющій претензію, будто онъ выдумалъ эти soties; онъ сильно вредитъ нашимъ мистеріямъ, потому-что во Франціи чернь гораздо больше любитъ смѣяться, чѣмъ плакать. Этотъ же Гоненъ намѣренъ обратить свои soties въ комедіи, какія были во времена грековъ и римлянъ, а вѣдь язычники не имѣли никакого понятія о красотахъ христіанства. Охъ, большой плутъ этотъ Гоненъ! Слѣдовало бы его повѣсить на Монфоконѣ. Онъ и труппу-то свою, которую онъ называетъ комедіантами, подобралъ изъ самаго сброду, чтó толчется на дворѣ Чудесъ. Тутъ и воры, и мошенники, вся шваль большого города. Но развѣ же можно сравнить эти буфонады съ благороднымъ и религіознымъ зрѣлищемъ нашихъ мистерій, которыя длятся по нѣскольку дней и гдѣ требуется не менѣе трехсотъ участвующихъ.

Актеръ особенно протянулъ голосомъ число триста.

— Боже истинный! такъ у замка стоитъ столько вашихъ товарищей?

— О, нѣтъ, мессиръ, къ несчастію, не столько.

— Напротивъ, къ счастью. Чортъ возьми! триста человѣкъ! Да тутъ бы за одинъ день поѣли всѣ запасы въ замкѣ. У насъ тутъ и жандармовъ-то не болѣе 12—15 человѣкъ. Кстати, Гумбертъ, сходи-ка узнай, чтó наши раненые? И приди мнѣ сказать.

Пока слуга выходилъ изъ комнаты, жонглеръ медленно пошевелилъ пальцами, улыбаясь при этомъ, точно будто вычиталъ сколько останется, если вычестъ изъ пятнадцати пять.

— Сколько же васъ-то всѣхъ?—продолжалъ сенешаль.

— Здѣсь только остатки труппы, всего человѣкъ пятнадцать. Но въ Парижѣ мы соединимся съ остальными членами братства, которые уже туда прибыли.

— Знаете, чтó мнѣ пришло въ голову, пріятель,—началъ сенешаль.—Его высочество герцогъ Орлеанскій находится теперь въ замкѣ, и вы могли бы имѣть честь потѣшить его часикъ другой.

— Мы будемъ вамъ безконечно признательны. Намъ есть чѣмъ забавлять его на всю ночь...

— Ну ужъ вы днемъ его развлеките... А о ночи онъ не беспокоится.

— Онъ такъ любитъ спать?

— О, да!—такъ вы ужъ днемъ.

— Ладно. Мы и днемъ такъ утѣшимъ его, что онъ не станетъ ни ѣсть, ни пить.

— Ну ужъ это плохо. Я очень люблю и пить, и ѣсть. А если герцогъ не станетъ ни ѣсть, ни пить, такъ и мнѣ нельзя.

— Наши молодцы споютъ ему лучшіе романсы: Паренорексъ (Parthenorex), Круглый столъ, Св. Грааль, Рено де Монтобанъ...

— Ну ужъ! я предпочитаю что-нибудь другое, чѣмъ ваши романсы. Тутъ все тянется долгая любовь, а герцогъ любить короткую, да и слогъ въ нихъ устарѣлъ.

— Такъ скажите, чего вы желаете: пѣсенъ (lais?), или фаблю, или что-нибудь жалобное?

— Гм... гм.

— Пѣсенъ? Ахъ, это понравится герцогу Орлеанскому — онъ вѣдь самъ поэтъ; а для аккомпанимента у насъ есть волынка, арфа, гусли, гудокъ, лютня, мандора...

— Аминь, аминь! Повеселите только насъ хорошенько и вы увидите, какъ посыпятся динарии въ вашу кошню.

— Первый, который упадетъ туда, не зазвонитъ.

— Значитъ на-сухо? Ну, тѣмъ больше причины позабавить насъ; но развѣ, кромѣ пѣсенъ, вы больше ничего не знаете?

— О, еще бы! прибавьте къ этому, что я самъ мастеръ на всякіе фокусы; кромѣ моего искусства играть въ мистеріяхъ, я еще знаю... много кое-чего.

— А, вы умѣете представлять мистеріи? Ну, такъ сыграйте намъ; но мистеріи... слишкомъ серьезны. Не можете ли вы закончить чѣмъ-нибудь веселенькимъ, какъ это дѣлаетъ, говорятъ король шутовъ.

— Вы вѣрно говорите о чертовщинѣ и о нравоучительныхъ представленіяхъ? Жаль; въ нашей повозкѣ не много декораций... и потомъ, это слишкомъ долго затянется.

— А безъ декораций развѣ нельзя сыграть?

— Трудно! Ахъ, позвольте! я вспомнилъ; есть одна, которую леко построить; это одна изъ девяти подмостковъ, которые мы ставимъ, когда играемъ большія мистеріи. Именно Пасть адова.

— Господи! что за названіе!

— Ее можно втащить сюда, потомъ укрѣпить между двумя столбами.

— Ну такъ ступайте, распорядитесь.

Въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ сенешалу, что раненые внѣ опасности.

— Отлично! — сказалъ сенешаль, — такъ ты, Гумбертъ, отправляйся съ этимъ братомъ; пусть опустятъ подъемный мостъ и впустятъ сюда его людей, вотъ именно сюда, въ эту залу.

Сенешаль едва могъ скрыть свое удовольствіе. Ужъ конечно Адова пасть доставитъ принцу больше развлечения, чѣмъ лица повѣшенныхъ.

Пока слуга съ актеромъ ходили по дѣламъ, сенешаль опять усѣлся въ кресло и скоро захрапѣлъ.

Прошло минутъ десять. Неслыша больше шума, Мариета пріотворила дверь и думая, что никого нѣтъ, вошла въ залу; но въ то время, когда она уже подходила къ двери, замаскированной портретомъ, звучный храпъ сенешала кинулъ ее въ дрожь и въ ту же минуту она услышала издали какой-то страшный шумъ, который постепенно приближался.

Она быстро повернула назадъ и какъ испуганная мышка, юркнула въ свою нору и затворила дверь, въ то самое мгновеніе, какъ сенешаль проснулся, чтобы принять членовъ братства св. Страстей.

Увидя декорацію, вытасченную изъ повозки и которую вносили сюда, сенешала обуялъ такой же страхъ, какой ощутилъ Оберъ-ле-Фламень при видѣ Сатаны.

По живописи, декорація была ниже всякой критики. По структурѣ, она представляла собою фантастическаго звѣря, понятіе о которомъ можетъ дать Провансальскій *Tagasque*.

Это была пасть страшнѣйшаго чудища, мифологическаго дракона,—смѣсь всего, что въ каждомъ животномъ есть безобразнаго и что безцеремонная кисть живописца среднихъ вѣковъ воспроизвела сообразно съ идеями вѣка. Сенешаль смотрѣлъ вокругъ себя и думалъ—не вытянется ли эта лапа съ намалеванными когтями и не схватитъ ли его за волосы. Эта страшная мысль угнетала его во все время, пока монахъ-фигляръ устанавливалъ свою декорацію.

Несомнѣннымъ признакомъ цивилизаціи служить прогрессивный ходъ сценическихъ игръ у извѣстнаго народа; и если вспомнить, что это началось съ обрызганной грязью колесницы Тесписа и скачками, черезъ лужи и котловины, дошло до великихъ временъ Греціи и Рима, то развѣ не имѣлъ права шутъ Карла VI, король шутовъ, хвастаться тѣмъ, что и онъ принималъ участіе въ этомъ прогрессѣ.

Развѣ мэтръ Гоненъ не былъ Тесписомъ XV вѣка?

Онъ былъ на пути къ станціи, которой пришлось увидѣть Корнеля и Мольера; но предстояло пройти еще много этаповъ. Однако, переходъ отъ мистерій къ *soties* уже огромный шагъ впередъ.

Монахъ-фигляръ самъ распоряжался постановкой ужасной декораціи; когда онъ кончилъ, то подошелъ къ сенешалу.

— Ахъ, мессиръ, сказалъ онъ, мы испытали много неприятностей во время нашего объѣзда по провинціямъ и возвращаемся изъ него голодные и оборванные, дѣ-чиста, точно лѣтніе висѣльщики... Ахъ! прошло то времячко, когда мы представляли мистерію Страстей во всемъ ея великолѣпціи! Мистерія въ сорокъ ты-

сячь стиховъ, восемьдесятъ шесть картинъ и триста десять дѣйствующихъ лицъ. Тутъ были святые угодники, святыя угодницы, евангелисты, апостолы, судьи, палачи, солдаты, благоразумный и злой разбойники, Понтій Пилать;— всѣ они фигурируютъ въ этой большой мистеріи, гдѣ изображаются страданіе, смерть и воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа... Ахъ! а что за декораціи! Рай, чистилище, предверіе рая, адъ, Іерусалимъ, Голгоѳа и другія достопримѣчательныя мѣста! Ахъ, какая это была прелесть! Я самъ изображалъ Бога-Отца, въ прекрасномъ вышитомъ стихарѣ, въ тиарѣ, епитрахили, въ мантии все раззолоченное, сіяющее алмазами, а кругомъ меня были ангелы, великолѣпно разодѣтые въ ливреи Господа Бога, съ гербомъ его—крестъ и звѣзды въ лазоревомъ полѣ.

— Какъ это должно быть великолѣпно!

— Безподобно! Ахъ, мессиръ, наша профессія пользовалась тогда уваженіемъ наравнѣ съ профессіей духовенства. Но это не долго было. Городскіе буржуа сами стали играть мистеріи. И Богъ ихъ тамъ знаетъ, какъ эти школьники и судейскіе клерки влѣзали на подмостки, съ тѣхъ поръ, какъ этотъ негодяй мѣтръ Гоненъ выдумалъ свои шутовства. Мы остались безъ работы, пришлось локти грызть. Надо было однако жить; куда жъ попли наши декораціи, наши чудные костюмы? Стыдно признаться: мы проѣли въ Турѣ чистилище, въ Рошефорѣ—землю, а въ Бордо—рай.

— Проѣли, и ничего при этомъ не выпили?

— Ничего, къ несчастію. Теперь у насъ остался только Адъ. Посмотрите, вотъ ставятъ его декорацію.

— Да, ужъ онъ вѣрно названъ: я какъ увидѣлъ, такъ и затрясся.

— А между тѣмъ, морозить людей не его назначеніе.

— Ха, ха-ха! Да вы шутникъ.

— Да, я добрый чортъ. Эта декорація служить нынѣ въ многихъ пьесахъ: въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень любятъ всякую чертовщину.

— Представлять чертовщину дѣло высоко-нравственное. Здѣсь изображаются злыя козни духа тьмы, и тѣмъ внушается христіанину, что нужно остерегаться искушеній.

— Вотъ это вѣрно, мессиръ. Но чернь больше всего обращаетъ вниманіе на такія представленія, гдѣ колдуны и бородачи выпускаютъ кровь изъ кабановъ и составляютъ спадобья изъ нечистотъ и зловредные напитки. Народъ любитъ смотреть, какъ вѣдьмы на шабашѣ машутъ собачьими кишками, кричать и пляшутъ верхомъ на вѣникѣ, прибавляя при этомъ самыя непристойныя слова. Онъ до упаду хохочетъ, когда видитъ Сатану верхомъ на крылатомъ и рогатомъ драконѣ, у котораго изъ ноздрей пышетъ дымъ и пламя. Но онъ перестаетъ смѣяться, когда среди

любовнаго мяуканья кошекъ, появляются легіоны жабъ, гадовъ и всевозможныхъ хищныхъ птицъ, между которыми бьются невинныя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, изображающія собою чистыя и чуждыя всякаго грѣха души, за которыми слѣдуетъ святой отецъ, неся въ одной рукѣ святую воду, а другой брызгая на демона, который съ воемъ и визгомъ убѣгаетъ.

При этой послѣдней картинѣ сенешаль, одержимый страхомъ чорта на столько же, какъ и Оберъ-ле-Фламенъ, снова началъ трястись.

Мэтръ Гоненъ, который зналъ, что говорилъ, не показалъ виду, что замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе, и чтобы окончательно отуманить своего слушателя, разразился слѣдующимъ лирическимъ обращеніемъ къ прошлому.

— Какая разница, вскричалъ онъ, между нынѣшнимъ искусствомъ и искусствомъ древнихъ! Возьмемъ хоть одинъ пунктъ: какое разстояніе отдѣляетъ нашихъ вѣдьмъ, отъ Эсхилowychъ Эвменидъ! Ихъ губительныя головы, съ мрачными взорами, искривленными бровями, отвислыми губами, воздвигнутыя гнѣвомъ божества за преступленія земли, дышать мрачнымъ энтузіазмомъ справедливости и наказанія; между тѣмъ какъ вѣдьмы христіанства, возмутительное подражаніе древнимъ фуриямъ, представляютъ собою лишь инстинкты грѣха, искушеніе дьявола.

— Какъ онѣ ни скверны, прервалъ сенешаль, но онѣ существуютъ. Наша религія повелѣваетъ имъ вѣрять, и я вѣрю; безъ этого откуда бы шло адское зло? Отъ вашихъ рѣчей, братъ, пахнетъ язычествомъ и гарью.

— Ага, мессиръ, значить я хорошо сыгралъ роль сатаны, если вы приняли ее въ серъезъ? Я только хотѣлъ дать вамъ понять о чертовщинѣ, которую вы сегодня увидите.

— Ха-ха-ха! Знатный фарсъ. Право! Выходить, это было нѣчто въ родѣ пролога! Ну; долго я буду смѣяться.

И сенешаль всталъ, смѣясь, подошелъ къ Адовой пасти, уже совершенно установленной, чтобы поближе рассмотреть ее, а монахъ-актеръ, котораго даже кинуло въ жаръ отъ его заключительной рѣчи, отирая мокрый лобъ, ворчалъ себѣ подъ-нось.

— Вотъ и сыпте перлы передъ свиньями, а они хватятъ васъ своимъ рыломъ.

Потомъ, погрузившись мыслью въ дѣло, отвѣтственность за которое онъ взялъ на себя, онъ сталъ взвѣшивать всѣ послѣдствія въ случаѣ неуспѣха, но въ это время чья-то рука опустилась къ нему на плечо и глухой голосъ проговорилъ:

— Король шутовъ!

— О, мысленно произнесъ мэтръ Гоненъ, содрогаясь. Узнавъ и погибъ, чтобы не сказать повѣшенъ.

Онъ обернулся передъ нимъ стоялъ членъ братства, покрытый капюшономъ.

— Оберъ, сказалъ онъ, нѣсколько успокоенный, я тебѣ запретилъ отходить отъ повозки и являться сюда. Твое терпѣніе и ревность могутъ все погубить; ты вѣдь мнѣ не то обѣщаль!

Вмѣсто отвѣта, монахъ приподнялъ капюшонъ и король шутовъ замеръ отъ ужаса.

Неужели вмѣсто одного ревнивца явилось двое? Этотъ еще страшнѣе перваго.

Монахъ, оставивъ метра Гонена въ полномъ изумленіи, направился къ двери бокового кабинета, гдѣ скрывалась Маріета и вошелъ туда, такъ, что сенешаль, занятый разсматриваніемъ Адовой пасти, ничего не замѣтилъ.

Только приходъ Этьена Мюсто, явившагося увѣдомить своего кузена, что всѣ приготовления для представленія кончены, вывелъ короля шутовъ изъ столбняка, въ который привело его появленіе монаха.

Неменѣе изумлена была и Маріета появленіемъ незнакомца.

Онъ вошелъ съ угрожающимъ видомъ. Но за тѣмъ послѣдовало быстрое объясненіе, которое не успокоило монаха, но обратило гнѣвъ его въ другую сторону.

Маріета не могла отвѣтить на всѣ его вопросы. Она не знала ни имени, ни общественнаго положенія той, которая сыграла роль ея покровительницы, а монаху можетъ быть только и нужно было знать это имя. Маріета даже не могла объяснить ему тайну подвижной картины, ибо слова ненависти и мести, вырвавшіяся у монаха, заставили madame Кони подумать, что покровительница ея могла въ свою очередь прибѣгнуть къ защитѣ таинственной двери, чтобы скрыться отъ страшной опасности.

Тѣмъ временемъ, король шутовъ и кузень его Этьенъ пошли къ своимъ людямъ, стоявшимъ позади Адовой пасти, а слуга Гумбертъ доложилъ сенешалу, что герцогъ, узнавъ что ему готовится такой пріятный сюрпризъ, сейчасъ пожалуетъ въ банкетную залу въ сопровожденіи всѣхъ служащихъ въ замкѣ.

— Какъ всѣхъ?—спросилъ въ изумленіи сенешаль.

— Точно такъ, мессиръ, кромѣ раненыхъ, которые не могутъ пошевелить ни рукой, ни ногой. О, герцогъ такъ добръ, онъ хочетъ, чтобы всѣ повеселились.

— Такъ значитъ и слуги, и стрѣлки, и жандармы?—переспросилъ сенешаль.

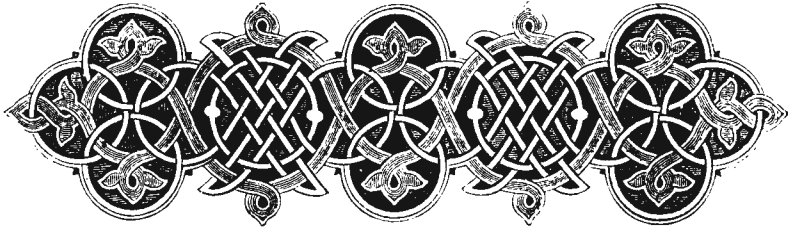
— Всѣ, безъ различія. Герцогъ даже распорядился, чтобы стрѣлки сложили оружіе въ караульной комнатѣ, чтобы бряцанье не мѣшало сценическому представленію.

— О, какъ добръ принцъ! Какой онъ добрый! Можно ли думать, чтобы какой-нибудь вассаль или вассалка осмѣлились от-

казывать ему въ правѣ, столь законномъ... столь естественномъ? Нѣтъ, это просто непонятно. Если я когда-нибудь женюсь, я первый буду требовать этой чести для моей жены. Для этакого-то добраго принца! Неправда ли, Гумбертъ? вѣдь и ты тоже?..

Слуга притворился, что не понялъ и пробормоталъ сквозь зубы:
— Нашъ сенешаль сдѣланъ изъ того же дерева, что и волынки.

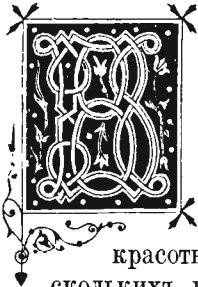

XIV.

Представленіе.

«Благодаря сатанѣ, сегодня я увижу исполненіе моей надежды».

В ОДНОЙ изъ комнатъ перваго этажа этого разукрашеннаго гербами, убраннаго арабесками и окруженнаго балкончиками замка, въ комнатѣ, роскошь которой соотвѣтствовала внѣшнимъ украшениямъ, отдыхалъ на восточномъ диванѣ молодой человекъ въ задумчивой позѣ, облокотившись на подушку. Онъ съ грустью смотрѣлъ на удивительной красоты молодую женщину, спавшую въ креслахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Это женщина подвергалась смертной опасности страшной мести, между тѣмъ какъ счастливый любовникъ, для котораго она жертвовала всѣмъ, въ эту минуту испытывалъ по отношенію къ ней лишь то, что ощущаетъ каждый мужчина, хотя бы даже Донъ-Жуанъ, въ присутствіи истинно-прекраснаго созданія, тѣло котораго—цѣлая поэма для чувственности.

Мысли мечтателя витали теперь среди развалинъ дома Кони, черноватая масса котораго едва виднѣлась на далекой вершинѣ, а старая башня вырѣзывалась на свѣтло-голубомъ небѣ, словно сѣроватое облачко.

Красотѣ молодого человека особую привлекательность придавала тихая и мягкая печаль, которая сказывалась на его обыкновенно улыбающемся лицѣ. Всегда скептикъ въ любви, въ настоящую минуту онъ находился подъ обаяніемъ мечты, вызванной воспоминаніемъ объ исчезнувшей дѣйствительности.

Борода и волосы у него были не причесаны. Обыкновенно столь заботливый относительно своей особы, нетерпѣвшій ни малѣйшаго безпорядка въ своей одеждѣ и вообще внѣшности, теперь онъ не обратилъ вниманія на свой туалетъ.

Его высокій лобъ, большіе сине-сѣрые глаза, съ необыкновенно кроткимъ выраженіемъ почти не встрѣчающимся у гордыхъ сыновъ Запада, производили неотразимое впечатлѣніе на женщинъ, которымъ онъ измѣнялъ совершенно спокойно, убѣжденный, что любовь—не чтѣ иное, какъ азартная игра, въ которой выигрышь приходится на долю самаго смѣлаго и самаго непостояннаго. У него перебивало много любовницъ, но онъ никогда еще не любилъ.

Въ его гибкомъ станѣ, въ его безупречномъ тѣлосложеніи было много граціи, силы и пылкости. Но въ данную минуту грація была вялой, сила утомилась, только пылкость терзала его, въ его мечтаніяхъ, при мучительной мысли, что его дорогая Маріета теперь въ объятіяхъ суроваго солдата, которому онъ уступалъ ее только за тѣмъ, чтобы съ большимъ удобствомъ отнять.

Въ первый разъ въ жизни Людовикъ Орлеанскій ревновалъ; значитъ, онъ любилъ или былъ близокъ къ этому.

Само собою разумѣется, что эту любовь нельзя сравнивать съ любовью Абельяра къ Элоизѣ, хотя ученый и стоялъ гораздо ниже своей возлюбленной; но между ненасытной Изабеллой Баварской и черезчуръ сентиментальной Маргаритой Гено, образъ кающейся Маріеты сохранялъ или вновь получалъ прелесть цѣломудрія и принцъ жаждалъ обладать ею, какъ бы снова впервые.

Герцогъ Орлеанскій, выдавая Маріету замужъ за Обера ле-Фламена лишь для того, чтобы спасти честь и дать имя ея будущему ребенку, былъ далекъ отъ мысли разстаться съ нею надолго, хотя бы даже на одинъ день. Приказавъ своему сенешалу похитить ее, онъ рассчитывалъ оставить ее для одного себя, очень хорошо зная, какія принять мѣры, чтобы въ случаѣ надобности устранить экс-капитана своихъ стрѣлковъ отъ его супружескаго крова.

Но вооруженное сопротивленіе Обера, пораженіе стрѣлковъ, изъ коихъ пятеро опасно ранены и, наконецъ, въ довершеніе всего, бѣгство Маріеты—совершенно испортили его планы.

Маргарита все сказала ему, по крайней мѣрѣ думала, что сказала все, не покушаясь при этомъ на горькіе упреки. На упреки влюбленной женщины онъ отвѣчалъ ласками, а сентиментальныя женщины всегда легковѣрны. Маргарита успокоилась подъ его поцѣлуями и уснула, убаюканная его доводами, а Людовикъ все валялся въ меланхолическомъ настроеніи, когда вдругъ точно молнія промелькнула у него въ головѣ: кажется сенешаль готовить какой-то сюрпризъ? Чуть ли даже онъ не обѣщалъ музыку?

Легкомысленный человѣкъ очнулся отъ своей задумчивости и разбудилъ Маргариту. Она показалась ему прелестной, и, упившись

ея глазами, онъ опять оттѣснилъ въ самый отдаленный уголокъ своего сердца образъ Маріеты де-Кони. Герцогиня закуталась длиннымъ покрываломъ, и скоро затѣмъ любовники, неосторожныя, какъ всѣ высокопоставленные люди, вошли въ банкетную, теперь обращенную въ зрительную залу.

Публика, состоявшая изъ 12—15 человѣкъ, привѣтствовала ихъ восклицаніями, и заиграла музыка.

Для XV столѣтія, эта была музыка довольно сносная. Она послужила прелюдией: Адская пасть растворилась и оттуда вышелъ странно одѣтый мальчикъ.

— Это прологъ!—замѣтилъ сенешаль.

— Недурень!—отвѣтилъ герцогъ.

Присутствующіе выразили свое удовольствіе единодушнымъ восклицаніемъ: «ахъ»!

Дверь кабинета растворилась; высунулись головы монаха и Маріеты, которыхъ нельзя было видѣть, такъ какъ зрители сидѣли къ нимъ спиной.

— Вы знаете, кто эта женщина?—взглядомъ спросилъ монахъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала движеніемъ головы Маріета.

Madame де-Кони поспѣшила спрятаться, монахъ же остался и прологъ начался.

Прологъ жонглера въ аду ¹⁾.

«Вельможи, войны, вассалы!
 «Чудесь услышите не мало,
     «Когда сейчасъ
 «Внимательно прослушаете насъ.
 «Самъ Люциферъ сію минуту,
 «Благодаря фигляру-плуту
     «Сюда придетъ.
 «Потомъ, наоборотъ,
 «Къ намъ ангелъ спустится небесный
 «И, фокусъ выкинувъ чудесный,
 «Его, какъ липку, обдеретъ
     «И проведетъ.

 «А жонглеръ, говорятъ,
 «Къ сатанѣ въ самый адъ
 «Черезъ раскрытыя двери
     «Вступилъ.
 «Онъ, когда еще жилъ
 «Между нами, то былъ
     «И бродяга,

¹⁾ Переводъ всей мистеріи, ровно какъ и всѣхъ эниграфовъ, слѣланъ А. Н. Селвановымъ.
 Прям. переводчика.

«И плуть,
 «И лѣннвецъ,
 «И мошенникъ,
 «И лжець,
   «Нечестивецъ,
 «Въ картахъ шуллеръ и воръ—
   «О позоръ!
 «Можетъ быть, наконецъ,
 «Но, признаюсь вамъ въ томъ,
 «Что во всемъ остальномъ
 «Быль онъ честенъ кругомъ.

«Приходи, милый мой!»
 «Сатана закричалъ,
 «Я давно ужъ скучалъ,
 «Дай обняться съ тобой,
 «Дорогой!
 «Есть работа у насъ:
 «Вишь—огонь-то погасъ
   «Подъ котломъ;
 «Ты раздуй-ка живѣй:—
 «Души грѣшныхъ людей
   «Варятъ въ немъ,
 «Я жъ на землю лечу,
 «Прогуляться хочу.
   «Но смотри, не зѣвай!
 «Грѣшныхъ душъ изъ котла не пускай
 «Если жъ ты хоть одну потеряешь,
 «То.. надѣюсь, меня понимаешь,
   «А покуда—прощай!»
 «Господа! мы кончаемъ вступленье
 «Начинаемъ свое представленье».

Пасть адова снова раскрылась, чтобы пропустить мальчика. Публика много аплодировала.

— Боже правый!—сказалъ герцогъ,—я въ этомъ знаю толкъ, это прелестная вещь. Кому обязаны мы такими прекрасными стихами?

— Я полагаю, поэту Кретену, автору королевскихъ пѣсенъ.

— Этанъ Кретенъ великій поэтъ!

Пасть адова снова разверзлась теперь уже во всю ширь и въ ней показалась царство сатаны, съ котломъ грѣшниковъ по срединѣ. Жонглеръ поддерживалъ огонь подъ котломъ, изъ котораго поминутно появлялись головы и тотчасъ же исчезали въ клубахъ пара.

Присутствующіе содрогнулись отъ ужаса, вспомнивъ, что такая мѹка ожидала каждаго грѣшника, не получившаго отъ церкви отпущенія въ моментъ разлученія души съ тѣломъ.

Затѣмъ начался слѣдующій діалогъ:

ДУША.

Горю, горю!

ЖОНГЛЕРЪ.

Ну чтожь? Вѣдь надобно признаться,
Ты для того и здѣсь. Зачѣмъ же волноваться?

(Бьетъ ее лопатой. Ангелъ спускается съ небесъ).

А это кто еще?

АНГЕЛЬ.

Здорово, милый мой!
Ба! ба! Что вижу я? Вы ль это предо мной?
При жизни славились игрой своей чудесной въ кости.

ЖОНГЛЕРЪ.

Вы хвалите меня... Мнѣ это слышать лестно.

АНГЕЛЬ.

Вся адская теперь поразбрелась семья.
Что время намъ терять? Сыграть не прочь бы я.
(Указываетъ ему на столъ съ костями).

ЖОНГЛЕРЪ.

Эхъ! горе — денегъ нѣтъ!

АНГЕЛЬ.

Ахъ, полно, не смѣшите!
Ихъ много у меня.

ЖОНГЛЕРЪ.

Ну, если вы хотите,
Сыграть сейчасъ со мной — рубашку ставлю я.
Нѣтъ у меня теперь ни денегъ, ни бѣлья.

АНГЕЛЬ.

Да ставьте пять-шесть душъ! Что съ ними вамъ скупиться?
Вѣдь мертвыя онѣ: не стоить и чиниться.

ЖОНГЛЕРЪ.

Ахъ, нѣтъ! Никакъ нельзя!.. Хозяинъ этихъ мѣстъ
За душу каждую меня живьемъ заѣстъ,—
Живой иль мертвый я.

АНГЕЛЬ.

Ну, это ль не обидно!
А я-то захватилъ съ собою кушъ солидный!
Чтобъ проигрышъ вамъ свой червонцами платить.

ЖОНГЛЕРЪ.

А не фальшивые?..

АНГЕЛЬ.

Вѣрнѣй не могутъ быть,
Послушайте ихъ звонъ.

(Стукаетъ червонцемъ по котлу).

ЖОНГЛЕРЪ.

О, какъ оно сверкаетъ!
Я просто ослѣпленъ!

АНГЕЛЬ.

Ну, кто же начинаетъ?
За пару вашихъ душъ—десятокъ золотыхъ.

ЖОНГЛЕРЪ.

Одну поставлю я.

АНГЕЛЬ.

Чего жалѣть-то ихъ? (даетъ ему кости).
Однако начинайте!

ЖОНГЛЕРЪ.

Червонцы выставляйте. (Мечетъ кости).

АНГЕЛЬ.

Однако, вамъ везетъ! Скорѣе сосчитайте!
Три, два и пять—всего лишь десять вышло вотъ.

ЖОНГЛЕРЪ.

У васъ четырнадцать... проклятiе костямъ!
Ну, двѣ души!.. (Игра продолжается).

АНГЕЛЬ.

Шесть, три, четыре—ну, тринадцать,
А я—четыре, шесть и шесть, всего шестнадцать.

ЖОНГЛЕРЪ.

Проклятье!.. Десять душъ я ставлю въ этотъ разъ.

АНГЕЛЬ.

Не слишкомъ много ли? предупреждаю васъ.

ЖОНГЛЕРЪ.

Четверка, тройка, тузъ... Что сдѣлалось со мной?
(Продолжаетъ метать кости).

АНГЕЛЬ.

Скажите, куманекъ, компанiей какою
Наполненъ вашъ котель? Что за души у васъ?

ЖОНГЛЕРЪ.

Народъ порядочный,—скажу я безъ прикрасть.
Васъ, разумѣется, не стану увѣрять я,
Что души эти все безгрѣшны безъ изъятъя.
Вы сами знаете: безгрѣшенъ только Богъ.
Еще пока одно я въ нихъ замѣтить могъ:
Народъ откормленный... Тутъ жирные аббаты,
Купцы, каноники (вотъ эти скуповаты)
Вельможи знатные, но всехъ не перечесть
И... да бросайте же!

АНГЕЛЬ.

Шесть, пять и два... ну чтожъ?
Тремя лишь болѣе... Я счастливо играю
И съ васъ тринадцать душъ за это получаю.

ЖОНГЛЕРЪ.

Клянуса Римомъ я и праведныхъ мощами,
Мнѣ нынче не везетъ съ проклятыми костями.

АНГЕЛЬ.

Ну чтожъ? еще разокъ, чтобъ проигрышь вернуть.
Достаточно лишь разъ съ удачею метнуть.

ЖОНГЛЕРЪ.

Ну, ставлю пятьдесятъ! Самъ дьяволъ искушаетъ
И не подумаетъ, что этимъ мнѣ мѣшаетъ!
Вѣдь для него же вотъ скоро часъ тружусь...
Родителемъ моимъ несчастнымъ я клянусь,
Что выиграю я.. Ну, у меня двѣнадцать.

АНГЕЛЬ.

Опять я ставку взялъ—вѣдь у меня семнадцать.

ЖОНГЛЕРЪ.

Нѣтъ, съ вами, вижу я, немислимо играть,
Удвою ставку я...

АНГЕЛЬ.

Чтобъ снова проиграть...
Да, удивительно мнѣ повезло съ игрою!..

ЖОНГЛЕРЪ.

Мой ангель, шуллеръ вы, и я отъ васъ не скрою,
Что небожителю такое ремесло
Не слишкомъ-то къ лицу!..

АНГЕЛЬ.

Кому не повезло
Въ игрѣ на интересъ, тотъ часто обвиняетъ
Партнера въ томъ, что онъ не чисто съ нимъ играетъ.

ЖОНГЛЕРЪ.

Поговори еще! попробуй, прикоснись
Хотя рукой къ котлу... Эй, лучше не берись.
(Указываетъ на котель).

АНГЕЛЬ.

А почему-бъ не такъ?
(Прикасается къ котлу).

ЖОНГЛЕРЪ.

Ну погоди-жь! узнаешь
Ты скоро у меня, съ кѣмъ ты теперь играешь.
Я крылья всѣ тебѣ сейчасъ же ощиплю!..
Мошенничать въ игрѣ?.. Нѣтъ, я не потерплю!..

При этихъ словахъ онъ кидается на ангела, который, улетая, опрокидываетъ крыломъ котель. Въ ту же минуту, оттуда выскакиваетъ множество народа всевозможнаго ранга и въ разнообразныхъ костюмахъ. Всѣ они разбѣгаются изъ Адовой пасти, рассыпаются между зрителями и громко хохочутъ надъ продѣлкой, жертвою которой сталъ жонглеръ.

Сенешаль смѣется громче всѣхъ и восклицаетъ:

— Вотъ какъ! души разбѣжались!

Герцогъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Славное нравоученіе!

Каждый изъ присутствующихъ вставилъ словечко по поводу представленія.

Наконецъ, молчаніе снова водворилось; жонглеръ опять вошелъ въ роль:

ЖОНГЛЕРЪ.

Ну, нечего сказать, дѣла мои плачевны,
Клянуся смертию я!.. О Люциферѣ гнѣвномъ
Подумать страшно мнѣ... Но, Боже, онъ идетъ!..
Скорѣе спрячется!.. вѣдь онъ меня убьетъ!
(Соскакиваетъ въ залу. Входитъ Сатана).

САТАНА.

Фу, мочи нѣтъ,—усталъ! Потъ такъ и льется градомъ...
Но, что я вижу тутъ? Что случилось вдругъ съ адомъ?

Раздался оглушительный хохотъ: превосходно загримированная фигура актера выражала полнѣйшій столбнякъ.

Людовикъ Орлеанскій, забывъ любовницу, обычную гордость, собственное достоинство, хохоталь держась за бока и дразнилъ короля шутовъ, совершенно неузнаваемаго по его искусству одѣваться и мѣнять голосъ.

— Ого-го! г. Сатана, ловко васъ провели! Вся ваша кухня пошла къ чорту... ай, ай, ай, къ чорту! скорѣе надо сказать къ Богу; ха-ха-ха!

— Охъ, охъ,—хохоталь сенешаль, придерживая животь обѣими руками, точно боясь, чтобы онъ не лопнулъ.

— Хи-хи-хи!—хихикали стрѣлки и прислуга; и мѣтръ Гонень могъ видѣть, какъ качалась отъ смѣха вся его аудиторія подъ впечатлѣніемъ его фарса.

Хоть раздался еще сильнѣе, когда Сатана въ сильномъ раздраженіи обратился къ публикѣ:

— Чего вы тамъ хохочете, чего вы копошитесь, какъ куча мошекъ въ солнечномъ лучѣ? Клянусь головой и рогами, развѣ ужъ я такъ смѣшонъ? Скажу же вамъ только одно: я и въ правду Сатана! Я хочу получить свои души обратно. Эй, ко мнѣ! Голова, кровь!

При этомъ сатанинскомъ заклинаніи, перепуганныя души подвинулись къ зрителямъ, крича:

— Помилосердуйте!

Зрители, войдя въ роль покровителей и продолжая смѣяться, протягивали руки бѣднымъ душамъ, которыя, трепеща хватались каждая за ближайшаго сосѣда, подобно тому какъ плющъ цѣпляется за молодой вязъ.

Сатана казалось серьезно вошелъ въ роль, совсѣмъ ея трагизмомъ, и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Я всѣхъ васъ держу въ своей власти, слышите ли? Теперь настала моя очередь смѣяться. Я сейчасъ выпущу изъ земли легионъ чертей, которые унесутъ васъ.

Дрожь пробѣжала по собранію.

Въ разныхъ углахъ послышались восклицанія:

— Чтò такое онъ говоритъ?.. Да это въ пьесѣ?.. Да нѣтъ же!.. Нѣтъ, такъ... У меня каждая жилка колотится.

Толстый сенешаль кричалъ:

— Онъ пьянъ, негодяй!

Рибле и Гумбертъ ревѣли:

— Ты, кажется, глотку передраль, краснойбай.

Людовикъ Орлеанскій, какъ бы для того, чтобы успокоить герцогиню, обнималъ ее и говорилъ, смѣясь:

— Друзья мои, это фарсъ, просто шутовское представленіе (so-tie); конецъ вамъ все объяснить.

Сатана продолжалъ еще болѣе громовымъ голосомъ:

— Эй, товарищи! берите, хватайте, вяжите души и бейте, если станутъ сопротивляться.

При первомъ же крикѣ: «берите» руки защитниковъ, протянутыя къ бѣднымъ душамъ, оказались моментально связанными и стянутыми. Тѣмъ, кто пробовалъ сопротивляться, демоны пригрозили оружіемъ, спрятаннымъ у нихъ подъ одеждой.

Во время этой сумятицы, монахъ, сидѣвшій въ кабинетѣ, выскочилъ оттуда, бросился къ герцогинѣ Неверской, приподнялъ ей воаль, узналъ и вскрикнулъ такимъ зычнымъ голосомъ, что этотъ крикъ ясно выдѣлился среди общаго гама; потомъ поднялъ кулакъ къ потолку, точно хотѣлъ пробить его, какъ будто призывая въ свидѣтели само небо, и опять вошелъ въ кабинетъ.

Внезапное нападеніе фигляровъ было продѣлано такъ ловко, какъ будто его долго репетировали; всѣ защитники замка въ одно мгновеніе были перевязаны.

Матръ Гоненъ, какъ и самъ не разъ этимъ хвастался, вербовалъ своихъ людей между самыми низменными подонками общества: тутъ были отчаянная голь, бродяги, воры, всякіе оборванцы,—народъ отчаянный, которому терять было нечего, издавна привыкшій ко всякимъ плутнямъ, а въ случаѣ надобности, пускавшій въ ходъ ножи.

Гоненъ встрѣтилъ между ними нѣсколько натуръ выдающихся, но загубленныхъ феодальной системой. Онъ образовалъ изъ нихъ комедіантовъ годныхъ для своего времени; скорѣе гаеровъ, чѣмъ комедіантовъ, истыхъ жонглеровъ, соединявшихъ съ гибкостью тѣла, искусство покрывать себя фиктивными ранами, корчить колѣкъ и, въ особенности, ловко обрѣзывать кошельки и сумки для сбора милостыни.

Гоненъ собралъ ихъ и сказалъ:

— Долой старыя привычки и нищету! Иерусалимъ, создавшій намъ нищенствующаго сына Божія, теперь посылаетъ намъ братство св. Страстей Господнихъ, чтобы представлять мистеріи на папертяхъ церковей. Присоединимся къ этой благочестивой труппѣ, оставивъ для себя храмъ языческій, рядомъ съ храмомъ христіанскимъ.

Съ этихъ поръ была создана труппа Безшабашныхъ (*Enfants sans souci*). Наравнѣ съ трубадурами, труверами, повѣствователями легендъ, пѣвцами балладъ, бардами Сѣвера и бардами Юга, передъ Безшабашными замки, дворцы и города растворяли ворота свои. Казалось невозможнымъ и чуть не святотатствомъ отказываться отъ ихъ представленій.

Вотъ почему такъ легко было устроить ловушку въ замкѣ де Боте.

XV.

О р г і я.

«Гей! выпьемъ, выпьемъ поскорѣй,
«Напьемся, какъ пятьсотъ свиней!»

КОРОЛЬ шутить, какъ мы это видѣли, былъ великій артистъ и великій конспираторъ. Макиавели, сочинявшій комедіи, остался бы имъ доволенъ.

Онъ выскочилъ изъ своего театра въ залу и подбѣжалъ прямо къ герцогу Орлеанскому, въ ту самую минуту, когда послѣдній, хотя и крѣпко связанный, успѣлъ вытащить изъ ноженъ кинжалъ

и угрожалъ имъ жонглеру Этьену Мюсто, который сторожилъ его.

Король шутить вырвалъ у него изъ рукъ кинжалъ.

— Ай-ай, прекрасный герцогъ, отдайте-ка мнѣ эту игрушку, годную только на зубочистки, право... Теперь,—обратился онъ къ товарищамъ,—ступайте потихонечку приберите замковую стражу на башняхъ... а вы, адовы плѣнники, молчать!.. Никто не смѣй шевелиться, ни кричать, ни пикнуть слово, иначе, клянусь, что первый, кто пикнетъ, попробуетъ на своей шеѣ, какъ затягивается веревкой мѣшокъ.

Потомъ, увидѣвъ Обера ле-Фламена, онъ крикнулъ:

— Гола, товарищъ, все идетъ, какъ по маслу; вотъ твоя женка.

Онъ указалъ на все еще покрытую вуалемъ Маргариту.

— Гм...—прибавилъ онъ,—согласись, куманекъ, что я чортъ добрый; я бы могъ теперь перехватить ее и для себя.

— О! милостивый господинъ,—умоляющимъ и покорнымъ тономъ взмолился Оберъ,—у васъ ихъ такъ много... и потомъ, это было бы недостойно васъ!

— Оберъ! здѣсь!—спрашивалъ самъ себя ошеломленный герцога Орлеанскій.

— Оберъ,—продолжалъ Гонень, хорохорясь своей властью,—вы обратились къ нашему всемогуществу для возвращенія себѣ вашей жены, измѣнически захваченной Людовикомъ Орлеанскимъ; вотъ она, берите ее.

— Дорогая Мариета, сколько вы выстрадали, должно быть!—сказалъ Оберъ Маргаритѣ.

Герцогиня въ ужасѣ подвинулась къ Орлеанскому; но у послѣдняго не хватило ни времени, ни хладнокровія посовѣтывать ей воспользоваться ошибкой и бѣжать.

— Назадъ!—закричалъ онъ.

Оберъ, видя себя отъ гнѣва, выхватилъ кинжалъ и готовъ былъ поразить принца, но Гонень удержалъ его.

— Пстой, куманекъ, женщинъ нельзя брать силой.

Бѣдный Оберъ, совершенно поработанный чортомъ, покорно опустил голову, но въ эту самую минуту Мариета вышла изъ кабинета и подойдя къ Оберу, сказала совершенно просто:

— Я здѣсь, мессиръ, и готова слѣдовать за вами вездѣ, куда вамъ угодно будетъ повести вашу супругу передъ Богомъ и передъ людьми.

Эффектъ вышелъ поистинѣ театральннй для всѣхъ: Самъ Гонень не понималъ ничего; тѣмъ не менѣе онъ ничѣмъ не выдалъ своего глубокого изумленія и съ удивительнымъ присутствіемъ духа продолжалъ разыгрывать роль властителя.

— Оберъ ле-Фламентъ,—величественно сказалъ онъ,—тебѣ извѣстны наши условія. Эй, жонглеръ! Дать ему двухъ лошадей и пусть двое изъ нашихъ проводятъ его за десять миль. Они потомъ съѣдутся съ нами въ извѣстномъ имъ мѣстѣ.

— Но,—возразилъ Оберъ, который при всей своей радости, все-таки тревожился,—вѣдь меня могутъ арестовать: въ провинціи, для свободнаго проѣзда, требуется открытый листъ за подписью короля.

— Совершенно вѣрно: вотъ вамъ открытый листъ,—отрѣзалъ Гонень, протягивая ему свертокъ, который онъ вынулъ изъ кармана.—Здѣсь все въ порядкѣ, вотъ королевская печать.

А Оберъ потихоньку прибавилъ:

— И имя Карпалена, которое мнѣ теперь предстоитъ навѣки! Что ни говори, сколько бы я не боролся, а все-таки это самъ сатана.

— Чтѣ ты тамъ еще бормочешь? Ахъ, да! У тебя чего-то не хватаетъ? денегъ, что ли? Такъ вотъ, возьми, а если еще понадобится, обращай ко мнѣ. Къ твоимъ услугамъ всегда найдется у меня въ карманѣ... или въ карманѣ перваго встрѣчнаго, чтѣ собственно одно и то же. Ну, теперь въ путь-дорогу.

Мариета между тѣмъ держала въ рукахъ свертокъ, который отдалъ ей монахъ въ кабинетѣ.

— Это что еще?—спросилъ Гонень, беря у нея изъ рукъ письмо.

Потомъ, прочитавъ подпись, онъ прибавилъ:

— Ахъ, да! это тебѣ, Оберъ, или лучше сказать тому, кому ты долженъ это передать, проѣздомъ черезъ Парижъ.

Оберъ взялъ одною рукою письмо, а другою Мариету и вышелъ въ сопровожденіи двухъ безшабашныхъ. Король шутовъ снова вернулся къ роли всеильнаго судіи.

— Я продолжаю свой судъ, Людовикъ Орлеанскій.

При этомъ имени, герцогъ поднялъ голову; съ момента появленія Мариеты, онъ впалъ въ какое-то странное оцѣпеніе.

— Она тутъ была,—говорилъ онъ про себя.

— Людовикъ Орлеанскій,—продолжалъ Гонень,—до сего времени вы вели жизнь вполнѣ безпорядочную и расточительную. Для удовлетворенія своихъ страстей вы притѣсняли бѣдняковъ и оскорбляли ихъ своею роскошью. Вы подвергнетесь вполнѣ заслуженному наказанію. Я беру себѣ всѣ сокровища, находящіяся въ этомъ замкѣ. Всѣ они награблены вашими приближенными, вашими сенешалами, начиная вотъ съ того толстаго, который здѣсь сидитъ,—молчать, сенешаль!—вашими фурьерами и конюхами,—молчи, Рибле. Эти богатства будутъ возвращены народу, отъ котораго они взяты. Я беру на себя распредѣленіе ихъ. Теперь, если вы имѣете что-нибудь возразить мнѣ, можете говорить.

— Я имѣю сказать тебѣ,—отвѣчалъ принцъ,—что ты презрѣнный негодяй. Я прикажу вскипятить тебя на Гревской площади, какъ только я буду въ состояніи это сдѣлать.

— Славно сказано, ваша свѣтлость.

— Тебя сожгутъ, какъ обманщина и фальшиваго монетчика, хотя ты и выдадшь себя за чорта.

— Да развѣ же я не чортъ?

— Да, ты можешь быть, колдунъ, но вовсе не сатана. Если ты чортъ, поклянись въ этомъ Богомъ. Погоди, вотъ что еще лучше докажетъ твои плутни. Видишь вотъ святыя мощи блаженнаго св. Діонисія. Нѣтъ такой магіи, такого колдовства, которое устояло бы передъ этой святыней, и если бы ты взаправду былъ не мошенникъ, не бродяга, а дѣйствительно нечистая сила, ты бы давно стигнулъ и провалился сквозь землю.

Гонень съ видомъ сожалѣнія пожалъ плечами.

— Бѣдный, легковѣрный человекъ! Но вы, по крайней мѣрѣ, признаете, что я колдунъ первой руки!

И въ одно мгновеніе сбросивъ себя все сатанинское убранство—рога и маску козла, онъ появился тяжелымъ и здоровеннымъ рыцаремъ, закованнымъ въ желѣзо, съ каской на головѣ, съ наколѣбниками и наручниками; затѣмъ, какъ вѣжливый паладинъ,

преклонилъ колѣно передъ герцогиней, личность которой онъ угадалъ, и произнесъ:

— Сударыня, не бойтесь. Вы будете смотрѣть эту мистерію до конца, который, впрочемъ, уже не далекъ.

Затѣмъ, вставъ и обратившись къ герцогу Орлеанскому, онъ сказалъ:

— Да, ваше высочество правы: я не сатана, ни даже не клеветать его. Я только игралъ роль, вотъ и все. Но согласитесь, что чертовщина, которую я разыгралъ передъ вами, на столько правдоучительна, что о ней стоитъ помнить. Что же вы не аплодируете мнѣ?

— Ты дѣйствительно, шутъ ловкій, только заходишь ужъ слишкомъ далеко... но—верни сюда, ту, которая уѣхала и тогда бери отсюда все, что хочешь.

— Потихе!—сказалъ Гоненъ, бросивъ искоса взглядъ на дверь кабинета, между тѣмъ, какъ герцогъ Орлеанскій тоже украдкой посмотрѣлъ на герцогиню, на которую до тѣхъ поръ не обращалъ вниманія, и прибавилъ:

— Я буду аплодировать только при такой развязкѣ.

— Этого нельзя, ваше высочество. Красавица теперь уже далеко, а я еще не расположенъ дать вамъ свободу.

— Злодѣй!

— О, вотъ оригинальный способъ вести переговоры! Развѣ я здѣсь не властенъ? Развѣ я не могу сейчасъ же всѣхъ васъ перевѣшать, что было бы для меня всего вѣрнѣе!.. Потому что... ну разсудите сами. Доказано... а, вотъ и люди мои съ добычей. Это все, что вы розыскали?

— Все, хозяинъ.

— Ищите еще... Боже правый! какіе прекрасные кубки! ставьте ихъ сюда, на банкетный столъ. Несите сюда вина, самаго лучшаго. Тащите изъ погребовъ, какъ можно больше. Эти господа выпьютъ съ нами. Не правда ли, ваша свѣтлость?

— Какъ же это возможно, если мы связаны!—насмѣшливо сказалъ Орлеанскій.

— Это ничего не значить. Браслетки на рукахъ ничуть не мѣшаютъ движенію пальцевъ. Взять кубокъ очень легко. Мы васъ научимъ. Но позвольте, я возвращаюсь къ прерванному. Доказано, сказалъ я, что я разбойникъ, пройди-свѣтъ, грабитель, колдунъ, все, что хотите. Я только я, а не кто иной. Ваши эпитеты разсѣкаютъ воздухъ и только. Доказано также—и это ужъ положительно, что я теперь хозяинъ замка и что, въ случаѣ нужды, у меня даже найдется народъ, чтобы выдержать осаду.

— Боже истинный!—завопилъ сенешаль, завозившись на своей скамейкѣ, такъ что она затрепала,—неужели васъ триста человѣкъ.

— Триста, да еще съ хвостикомъ! — отрѣзалъ Гоненъ совершенно равнодушно.—Эй, жонглеръ, что они, заняли ли караулы?

— По всёмъ окопамъ стоятъ.

— Отлично. А висѣлицу поставили на всякій случай для непокорныхъ?

— Потрудитесь, господинъ, взглянуть въ окно.

Дѣйствительно, въ саду возвышалось висѣлица и веревка отъ нея болталась по волѣ вѣтра.

Это зрѣлище спасительно подѣйствовало на водвореніе порядка между побѣжденными.

— Я полагаю,—продолжалъ король шутовъ,—что вѣрнѣйшій способъ для насъ безопасно уйти со всей нашей добычей—это побить васъ всёхъ...

Общій крикъ прервалъ оратора, котораго это нимало не смутило.

— Я такъ думаю—но я могу и ошибаться. Если вы можете посовѣтывать намъ что-нибудь лучшее, на пользу вашу и нашу,—говорите.

— Слушай,—сказалъ принцъ,—если ужъ обстоятельства такъ сложились, что принцъ крови долженъ покориться такому человеку, какъ ты, то я даю тебѣ слово герцога, что никоимъ образомъ не допущу васъ преслѣдовать и позволю вамъ уйти со всёми плодами вашей экспедиціи.

— Найдите, что-нибудь получше, да поторопитесь!

— Именемъ святого Людовика! Я и то слишкомъ добръ, что дѣлаю тебѣ такое предложеніе.

— А я не менѣе добръ, что спрашиваю вашего совѣта. А-а! вотъ и вино! Слушайте: мнѣ пришла мысль, которая разрѣшаетъ всё затрудненіе. Вы умрете тихой и пріятной смертью.

Поднялся шумъ, вопль.

Гумбертъ, ударивъ желѣзными наручниками о банкетный столъ, чтобы разбить ихъ, былъ въ ту же минуту схваченъ, вытасченъ изъ залы, и скоро изъ окна увидѣли на длинной перекладинѣ висѣлицы болтающійся трупъ.

Это трагическое происшествіе сразу остановило всё жалобы и вопли.

— Я лишу васъ жизни только на нѣсколько часовъ,—продолжалъ Гоненъ,—послѣ чего вы воскреснете свѣжими и веселыми. Даю вамъ слово. Вы, надѣюсь, согласны?

— Такъ вѣшайте же насъ сейчасъ, какъ этого бѣднаго Гумберта,—сказалъ принцъ, если вы можете и смѣете это сдѣлать, но перестаньте издѣваться подъ нами.

— А, вы признаете, что я могу, если осмѣлюсь? Ну такъ я могу еще большее.

Тогда, протянувъ руки къ повѣшенному, онъ громко крикнулъ:

— Умершій, спускайся и иди сюда.

При этомъ восклицаніи, веревка перервалась, трупъ упалъ, под-

нялся, вошелъ въ залу и сѣлъ на прежнее мѣсто. Но онъ былъ зеленый, какъ человѣкъ, пришедшій съ того свѣта, и уже не имѣлъ охоты бунтовать.

— Все это удивляетъ васъ, принцъ! Я вижу, что мнѣ слѣдуетъ дать вамъ объясненіе моей аллегоріи. Вотъ вино. Вы будете пить его до тѣхъ поръ, пока свалитесь всѣ замертво пьяные на-земь и не проснетесь черезъ сутки. Тѣмъ временемъ мы будемъ далеко. Поняли вы? Средство очень веселое и совершенно новое—двойное условіе, которому я, какъ артистъ придаю большое значеніе, ибо я столько же гонюсь за славой, сколько и за выгодами.

Герцогъ улынулся.

— Дѣлать нечего, волей-неволей нужно покориться. Я буду утѣшать себя тѣмъ, что меня обопелъ такой ловкій плутъ. Будемъ же пить, если это нужно; будемъ пить до опьяненія, до сна. Твое средство не ново: не въ первый разъ уже вино заставитъ меня забыть житейскія невзгоды.

— Ахъ! вотъ это славно слазано! Отвяжите герцога и рассадите пѣвниковъ за банкетнымъ столомъ поудобнѣе. Становитесь за стуломъ каждаго изъ нихъ съ кружкой въ рукахъ, какъ виночерпій, и постоянно подливайте имъ нектаръ, а вы, господа стрѣлки, не подумайте обманывать насъ и сваливаться подъ столъ, прежде чѣмъ будете совсѣмъ пьяны: мы въ этихъ дѣлахъ толкъ знаемъ!.. а затѣмъ, для большей безопасности двери будутъ заперты. Тебѣ, жонглеръ, я поручаю сенешала; наблюдай за его толстымъ брюхомъ, пока оно не свернется!.. А теперь, ваше высочество, мы съ вами!.. Вотъ маленькій столикъ античной формы, очень удобный для принесенія въ жертву вашего разума, котораго, устами своего служителя, требуетъ богъ Фатумъ. Выпейте эту чашу съ широкими краями, столъ же большую, какъ чаша Кнея Домиція, дѣда Неронова, который убилъ отпущенника только за то, что тотъ выпилъ чашу въ два приѣма.

Герцогъ, выпивъ чашу однимъ духомъ, замѣтилъ:

— Ого! да ты ученый!

И въ ту минуту, когда этотъ ученый отошелъ къ жонглеру, чтобы наполнить огромную амфору, Орлеанскій наклонился къ уху Маргариты:

— Герцогиня,—сказалъ онъ,—у васъ есть золотой ключикъ. Воспользуйтесь имъ, чтобы уйти и прислать мнѣ помощь.

— Я то-же думаю,—отвѣтила она,—и при первой благопріятной минутѣ, сдѣлаю это.

Пока происходилъ этотъ обмѣнъ словъ, король шутовъ съ своей стороны говорилъ кузену Мюсто, что все идетъ отлично, что, выйдя изъ замка, они разойдутся одинъ направо, другой налево и свидятся въ Парижѣ, гдѣ королева, въ награду за военную хитрость,

которой позавидоваль былъ бы самъ мессиръ Мильтиадъ, назначить его, Мюсто, королемъ бездѣльниковъ.

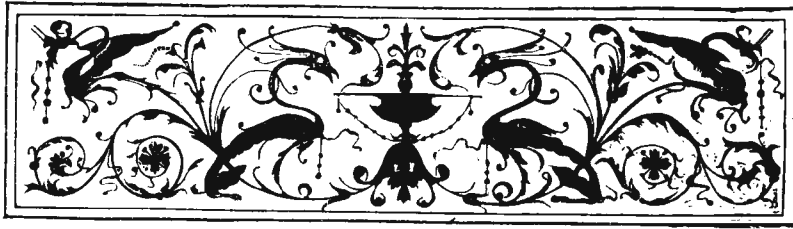
— А затѣмъ, разъ ты на этомъ мѣстѣ, постарайся быть честнымъ и сдѣлаешь карьеру... Честнымъ, конечно, относительно. Ты будешь отправлять правосудіе, а мы всегда будемъ побираться. Эти двѣ профессіи идутъ рука объ руку и одна другую поддерживаетъ. Ну такъ вотъ, когда тебѣ придется вести на висѣлицу кого-нибудь изъ нашихъ,—потому что, какъ я ни смотрю за безшабашными, а все какой-нибудь изъ нихъ нѣтъ-нѣтъ, да и попадетъ,—такъ ты смотри: не забудь тотъ способъ, которому я тебя научилъ. Впрочемъ, твой опытъ надъ Гумбертомъ отлично удался.

— Во всемъ, кузень, нужно наука. Гумберту счастливо сошло: петля чуть было совѣмъ не затянулась.

— Это было бы несчастье. Вѣдь ты не сталъ бы дѣлать это нарочно.

Затѣмъ, передавъ незамѣтно въ руки Этьена снотворный порошокъ, который нужно было примѣшать къ вину, Гонень вернулся къ герцогу, уже допивавшему свою чашу, а такъ какъ, въ сущности, этому принцу нужно было не много вина, чтобы прійти въ хорошее расположеніе духа, то онъ уже былъ навеселѣ. Такъ ужъ созданъ былъ этотъ безпечный человѣкъ. Настоящая минута уносила на крылахъ своихъ самое воспоминаніе о томъ, что было минутой раньше. Гонень однимъ словомъ толкнулъ его въ древній міръ, и ему уже казалось, что вокругъ него вертится Эвтерпа съ своими символическими атрибутами.

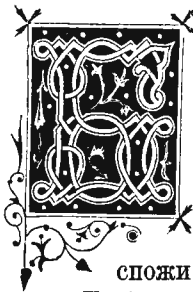

XVI.

Черный монахъ.

«Чей голосъ нѣжный тамъ звучить?
«Тебя зоветъ любовь другая?
«Страшись: моя душа, страдая,
«Тебѣ измѣны не простить».

БЛО какое-то таинственное и могучее средство душъ между принцемъ-поэтомъ и образованнымъ шутомъ.

Гонень, держа въ обѣихъ рукахъ по чашѣ съ виномъ и протягивая ту, въ которую только-что была брошена щепоть порошка, вскрикнулъ:

— Ваше высочество! Выпьемте за фрейлинъ госпожи Венеры! За трехъ грацій! За блестящую Аглаю, за Талію, вселяющую радость, за Эвфросину, веселящую душу. Чаши чокнулись—и по всей залѣ пронесся тотъ же звукъ; стрѣлки, слуги, разбойники—всѣ весело выпили, сенешаль выпилъ съ жонглеромъ; вино было отличное, старое, Бонское (de-Beaune) цвѣта бычьего рога, въ то время считавшееся самымъ лучшимъ.

— Право,—говорилъ Орлеанскій Гонену,—меня удивляетъ вашъ родъ занятій, когда вы, повидимому, очень образованный человѣкъ.

— Увы!—отвѣтилъ король шутовъ,—это-то и сгубило меня... На мое несчастіе у меня былъ отецъ, горячо меня любившій, бѣдный рабочій, отрывавшій отъ себя послѣднее, чтобы дать мнѣ возможность выйти на лучшую дорогу. Такъ какъ я былъ малый способный, отецъ сдѣлалъ меня клеркомъ. Я изучилъ всѣ науки, богословіе, химию, астрономію, даже магію. Да, я пропустилъ еще философію; ахъ, въ этой наукѣ я былъ всего сильнѣе. Никто

лучше меня не могъ вести споръ относительно метафизики Аристотеля; но за то, въ тавернахъ, никто больше моего не ломалъ оловянныхъ блюдъ и каменныхъ кружекъ. Ночью бывало совсѣмъ другое дѣло! Съ моими славными товарищами я скоро научился смѣшивать слова твой и мой. Мы мѣнялись имуществомъ съ запоздалыми буржуа или же вели осаду на мѣняль. Надо же было чѣмъ-нибудь пополнять ничтожныя отцовскія субсидіи; когда вспыхнулъ бунтъ мальотинцевъ, я не преминулъ принять въ немъ участіе, не только дѣломъ, но даже словомъ. Я воспѣлъ въ стихахъ ихъ подвиги...

— Ахъ, ты также пошаливаешь...

— Съ музой? нѣтъ, я треплю ее, какъ настоящій мужланъ... но мы забываемъ пить! Ступай сюда, жонглеръ, и наливай намъ чаши.

Этьенъ Мюсто поспѣшилъ на зовъ кузена и герцога, осушивъ свою чашу, весело вскричалъ, икнувъ при этомъ, какъ настоящій мужикъ:

— Такъ какъ ты, повидимому, знатокъ въ этомъ дѣлѣ, то я предложу на твой судъ одно стихотвореніе моего сочиненія.

— Радъ слушать, ваша свѣтлость.

— Это гѣсня, простая гѣсня, посвященная госпожѣ Венерѣ. Вотъ она:

«Съ мольбой къ богинѣ прибѣгаетъ
 «Теперь покорный Людовикъ
 «И о себѣ напоминаетъ,
 «Что онъ ни на единый мигъ
 «Не забывалъ служить богинѣ
 «И служить ей донынѣ.
 «Онъ былъ всегда ея рабомъ,
     «Притомъ
 «Въ числѣ любовниковъ примѣрныхъ
     «И неизмѣнно вѣрныхъ,
 «Онъ въ юные года
     «Съ охотою всегда
 «Богинѣ вѣренъ оставался
     «И честно службѣ предавался».

— Если и все остальное въ томъ же родѣ, то пощадите меня, ваша свѣтлость!

— Какъ, олухъ! Ты смѣешь пренебрегать моимъ сочиненіемъ, между тѣмъ какъ всѣ признаютъ меня принцемъ французскихъ поэтовъ.

— Принцемъ—пусть такъ!—прервалъ Гоненъ съ многозначительной гримасой,—но поэтомъ—это другое дѣло! у васъ то же самое, что у Карла Анжуйскаго, у Тибо Шампаньскаго и у Генриха Соасонскаго.

— Такъ это не нравится тебѣ, негодяй?

— Признаюсь откровенно: я предпочитаю Рутебѣфа, Гюона, Гэзіо, Куртбарба.

— Вотъ еще чудесные поэты, тяжелые какъ и имена ихъ. Да они и отъ роду не читали ни трубадуровъ, ни латинскихъ и греческихъ авторовъ!

— Совершенно вѣрно; но они лихо пили и находили вдохновеніе въ бутылкѣ. Вы, однако, бережете себя... Эй, жонглеръ, спой-ка пѣсню, повесели его высочество!

— Сейчасъ, господинъ!

Этьенъ Мюсто пропѣлъ три куплета, припѣвъ которыхъ подхватывали всѣ Безшабашные.

Люди принца едва повторили припѣвъ, какъ склонились на столъ и уснули.

Принцъ боролся со сномъ и все повторялъ:

«Крикъ! крокъ!» и проч.

— Я вамъ объясню,—сказалъ Гоненъ,—что значить на обыкновенномъ языкѣ эта пѣсня: разбойники—властители на большихъ дорогахъ. Тѣ, кого вѣшаютъ, умираютъ ближе къ небу, а разъ попавъ къ милосердому Богу, находятъ у него вдоволь добраго вина и хлѣба и непременно благаго. Можно ли найти гдѣ-нибудь лучшее правоченіе?

Орлеанскій не возражалъ; онъ въ свою очередь засыпалъ, повторяя:

«Трюкъ, трюкъ» и проч.

— Спокойной ночи, ваше высочество!—весело крикнулъ король шутовъ.

Убѣдившись, что стрѣлки и слуги спятъ крѣпчайшимъ сномъ, онъ успѣшилъ освободиться отъ каски, кирасы и кольчуги.

— Пора собираться!—сказалъ онъ своимъ людямъ.—Идемте! но только объявляю напередъ: кто не хочетъ познакомиться съ висѣлицей—держи языкъ за зубами.

Собравшаяся въ кучу шайка поклонилась и выпила прощальный кубокъ, пропѣвъ:

«Будемъ пить, кружки бить

«До ста су... Ого-го-го!..

«И хозяйкѣ не платить...

«Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!»

Въ нѣсколько минутъ Адова Пастъ была убрана и снесена на телѣгу, уже нагруженную награбленнымъ добромъ.

Затѣмъ, пустились въ путь. Кладъ была слишкомъ тяжела, особенно для дурной дороги черезъ Венсенскій лѣсъ, и никто на повозку не садился, а всѣ шли около колесъ.

При вѣздѣ въ Парижъ черезъ ворота улицы Барбетъ, они встрѣтили всадника, который во всю мочь скакалъ по направле-

нію къ Венсенскому лѣсу. Въ лѣсу всадникъ повстрѣчался съ двумя монахами, ѣхавшими на двухъ смирныхъ мулахъ. Монахи посторонились на края тропинки, и когда всадникъ промчался, какъ молнія, мимо ихъ, то одинъ изъ монаховъ сказалъ другому:

— Человѣкъ еще быстрѣ несется къ несчастію, чѣмъ къ счастью. Вотъ этотъ, что проѣхалъ, достигнетъ желаемой цѣли лишь затѣмъ, чтобы поскользнуться въ крови.

Онъ хорошо зналъ въ чемъ дѣло, этотъ таинственный монахъ, чье мщеніе подготовило катастрофу, кто приподнялъ покрывало герцогини и отдалъ Маріету Оберу ле-Фламену.

Оба монаха, въѣхавъ на первый дворъ отеля Сень-Поль, вошли въ отель, показавъ королевскій пропускъ. Тамъ, снявъ монашескую одежду, одинъ пошелъ на королевскую половину, а другой, выйдя черезъ маленькую овальную дверь въ улицу Турнель, отправился въ свой театръ, построенный на площадкѣ Рынка.

Что же произошло между этими двумя лицами въ замкѣ де-Боте, до отъѣзда труппы Безшабашныхъ?

Недолгая, но потрясающая сцена.

Герцогиня Неверская притворилась спящей, чтобы улигнуть изъ-подъ надзора демоновъ, овладѣвшихъ замкомъ. Когда они ушли, подъ предводительствомъ Этьена Мюсто, она открыла глаза; но увидѣла передъ собою, смотрящаго на нее сквозь два отверстія въ маскѣ кающагося, совершенно скрывавшей лицо, монаха, прятавшагося въ кабинетѣ, а съ нимъ вмѣстѣ другого монаха изъ братства св. Страстей.

На рукѣ у монаха не было перчатки и изящество этой руки могло бы выдать женщину, если бы кинжалъ, мгновенно выхваченный ею и гнѣвныя рѣчи не показали въ немъ безпощаднаго врага.

Маргарита упала на колѣни, умоляя пощадить ее; но всѣ ея просьбы остались бы тщетны, если бы другой монахъ, членъ святаго братства, не удержалъ поднятой руки, и съ авторитетомъ соумышленника не обезоружилъ монаха, явившагося карателемъ. Отъ страха и ужаса герцогиня упала безъ чувствъ.

Когда она очнулась, бѣшеный монахъ и мѣтръ Гоненъ уже исчезли; она была въ нѣмой залѣ, съ уснувшими гостями, въ покинутомъ, кругомъ отворенномъ замкѣ. Она не рѣшалась отойти отъ герцога Орлеанскаго, который бредилъ, когда вдругъ послышавшійся лошадиный топотъ заставилъ ее вздрогнуть. Приподнявъ голову, она выглянула въ окно, освященное великолѣпнымъ луннымъ свѣтомъ, озарявшимъ все происходящее на дворѣ.

По дорогѣ во всю мочь неся всадникъ, котораго она тотчасъ же узнала. На скоро поцѣловавъ спящаго возлюбленнаго, она побѣжала къ потайной двери, замаскированной картиной, отворила ее и исчезла въ лабиринтѣ подземелья.

И пора была. Въ ту самую минуту, какъ затворялась потайная дверь, въ залу какъ буря влетѣлъ Иоаннъ Неверскій.

Онъ быстро оглядѣлся, но не напелъ ничего подозрительнаго. Взявъ смоляной факель, онъ обошелъ всѣхъ спящихъ, каждому заглядывая въ лицо.

Когда онъ дошелъ до герцога Орлеанскаго, у него явилось непреодолимое желаніе потушить факель объ это красивое лицо.

Но онъ сдержалъ себя и только сказалъ съ презрѣніемъ:

— И этотъ-то человѣкъ думаетъ управлять государствомъ! Бѣдная Франція! Однако, меня обманули,—прибавилъ онъ съ тяжелымъ, грознымъ вздохомъ.—Горе тому, кто осмѣлился оклеветать Маргариту!

Онъ снова сѣлъ на лошадь и уже гораздо тише поѣхалъ въ пріютъ св. Сатурнина, гдѣ нашелъ свою супругу молящейся; онъ дружески обнялъ ту, которая поручала его Богу и вернулся въ Парижъ наблюдать за формированіемъ войска, съ которымъ ему предстояло идти въ Венгрію.

Однако дорогою онъ подумалъ о замкѣ де-Боте, покинутомъ на произволъ судьбы, въ необъяснимомъ для него безпорядкѣ, и послалъ одного изъ своихъ офицеровъ, Рауля д'Актонвиля, съ ротой ландскнехтовъ для охраненія герцогскаго жилища, которое самъ онъ называлъ притономъ всѣхъ мерзостей.

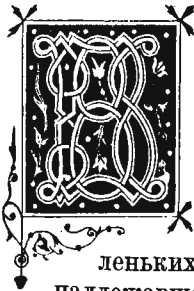

XVII.

Оберъ ле-Фламеньъ.

«Довольно! рѣшено! Пусть эта ночь темна
«Какъ самый адъ—она мгновенно освѣтится.
«Обманутый во тьмѣ начнетъ сейчасъ трудиться
«И будетъ ночь и слезъ и ужасовъ полна».

О ФРАНЦИИ того времени, раздробленной на множество частей, насчитывалось безчисленное множество владѣтелей, которые, нося титулы принцевъ, герцоговъ, графовъ и бароновъ, хотя и считались вассалами короны, на самомъ дѣлѣ же были гораздо могущественнѣе своего сюзерена.

Однимъ изъ важнѣйшихъ въ числѣ этихъ маленкихъ государствъ было герцогство Аквитанское, принадлежавшее Англіи со времени брака Генриха II съ Элеонорой Гвіенской, разведенной женой Людовика Юнаго.

Въ эту-то Аквитанію по приказанію Изабеллы Баварской, отправились сирь де-Кюни съ женою, на двухъ борзыхъ ратныхъ коняхъ. Съ большими опасностями проѣхали они разстояніе, отдѣлявшее замокъ де-Боте отъ небольшого городка Кутри, гдѣ они располагали остановиться.

Гостинницы въ тѣ времена были рѣдки, а дороги далеко не безопасны.

Они поселились подъ именемъ Карпаленъ, какъ значилось въ королевскомъ паспортѣ и сначала жили въ довольствѣ, благодаря сумкѣ, щедро набитой золотомъ, которую Гонень отрѣзаль отъ кушака герцога Орлеанскаго, или, скорѣе, которую онъ по-царски отнялъ въ вознагражденіе обманутому мужу.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сумка истощилась, а обѣщанная помощь отъ короля шутовъ не приходила.

Изабелла избавилась отъ Маріеты и не хотѣла больше слышать о ней.

Оберъ ле-Фламень, отъ своихъ прежнихъ занятій въ качествѣ клерка въ конторѣ отца своего, сохранилъ прекрасный почеркъ.

Онъ занялся перепискою рукописей и получалъ работу изъ монастырей Гаскони и Гиенны.

Оберъ Карпалевъ трудился тѣмъ съ большимъ мужествомъ, что считалъ себя виновникомъ плода, за созрѣваніемъ котораго онъ слѣдилъ изо дня въ день.

Работая съ монахами, онъ много измѣнился къ лучшему; пріобрѣлъ много свѣдѣній, сталъ гораздо краснорѣчивѣе; но смягченіе внѣшнихъ формъ не укротило въ немъ свирѣпости солдата.

Онъ немножко болѣе теперь вѣрилъ въ Бога и немного менѣе чорта; но онъ слѣпо вѣрилъ въ свое право быть отцомъ своихъ дѣтей, и когда, по истеченіи шести мѣсяцевъ со дня свадьбы, у него родился вполне развитой и здоровый мальчикъ, онъ чуть не умеръ отъ бѣшенства и въ ярости воскликнулъ:

— Я убью его!

— Умилосердись!—рыдала Маріета,—онъ не виноватъ!

— Нѣтъ, онъ умретъ, а вмѣстѣ съ нимъ вы и злодѣй...

— Именемъ вашей матери, мессирь...

— Мать моя была честная женщина.

— Клянусь вамъ, что какъ жена, я вполне безупречна, если и была опозорена дѣвушкой. Человѣкъ, загубившій мою молодость, не коснулся жены сира де-Кони. Если бы я согласилась обманывать васъ, меня не пришлось бы силою вырывать изъ вашего дома и тащить въ замокъ де-Боте. Принцъ далъ бы вамъ долговременную командировку и мой бѣдный мальчикъ родился бы безъ васъ; можно было бы все скрыть... Но я не согласилась на эту послѣднюю низость.

Оберъ ла-Фламень задумался; вдругъ онъ отбросилъ бывшій въ его рукѣ кинжалъ и сказалъ Маріетѣ:

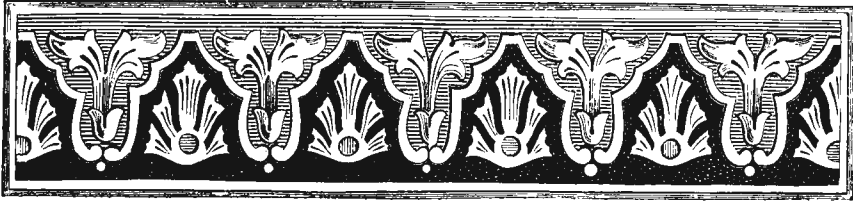
— Вы останетесь живы!

— Благодарю васъ за моего ребенка.

— Благодарить не за что. Ваша жизнь полезна для осуществленія замысла, который промелькнулъ у меня въ головѣ, какъ адское пламя, какъ пылающій уголь, на который упалъ кусокъ льда.

Съ этого дня супруги стали совершенно чужды другъ другу и никогда ни однимъ словомъ не касались этого вопроса. А сынъ герцога Орлеанскаго между тѣмъ росъ, набирался силы, здоровья.

XVIII.

Рынокъ (Les halles).

«Осель на то и сотворень,
«Чтобъ зелень доставлять на рынокъ:
«Съ салатомъ нѣсколько корзинокъ,
«Морковь, капусту возять онъ.
«Но вотъ онъ вспомнилъ про любовь
«И заревѣлъ въ ослиный ревъ».

Иоаннъ Неверскій лишился отца своего Филиппа и сдѣлался герцогомъ Бургундскимъ нѣсколько времени спустя по возвращеніи съ Востока, гдѣ ему пришлось перенести многіе тяжелые судары и гдѣ онъ даже былъ взятъ въ плѣнъ Баязетомъ, вмѣстѣ съ Бусико. Онъ вернулся изъ Венгріи, сильно утративъ прежнее обаяніе, и для своего престижа напрасно старался льстить народу; вмѣшивался фамиллярно въ толпу, даже доходилъ до того, что жаль руку палачу, но все это не помогало ему увлечь массы противъ герцога Орлеанскаго, котораго онъ всей душой ненавидѣлъ. Орлеанскій между тѣмъ, вмѣстѣ съ Изабеллой стояли во главѣ правленія, а народъ, какъ бѣдный вьючный осель, попрежнему несъ на себѣ иго сеньоровъ и духовенства.

Пока Иоаннъ Неверскій находился въ плѣну, Орлеанскій ходилъ воевать въ Гиенну, но потерпѣлъ позорную неудачу подъ стѣнами Блэ и вернулся въ Парижъ хотя безъ лавровъ, но чрезвычайно довольный своимъ походомъ. Ему удалось открыть въ Кутра убѣжище Маріеты, и онъ опять приказалъ увезти ее. Онъ скрылъ ее въ своемъ Люксамбургскомъ отелѣ, названномъ такъ по имени прежняго владѣльца отеля, Иоанна, короля Люксамбургскаго. На мѣстѣ этого отеля впослѣдствіи выстроили дворецъ для Екатерины Медичи, который потомъ обратили въ отель де-Суас-

сонъ, а затѣмъ передѣлали въ хлѣбный рынокъ. Изъ всего его прошлаго сохранилась лишь одна каменная колонна, дорического стиля, вышиною болѣе восьмидесяти футовъ, куда всходила Катерина для занятій астрологіей.

Недалеко оттуда расположены были Рынки, устроенные въ 1278 году Филиппомъ Смѣлымъ, вдоль стѣны кладбища des Innocents (Невинныхъ), для продажи стараго платья, кожи и башмаковъ. Позднѣе рынки расширились: появилась рыба, овощи, фрукты. А такъ какъ все это производило стеченіе народа, то здѣсь же устроили и лобное мѣсто. Оно состояло изъ осмиугольной каменной постройки, съ деревянной башенкой наверху. Посреди этой башенки помѣщалось желѣзное вертящееся колесо съ отверстиями, откуда высовались голова и руки осужденныхъ, выставленныхъ на показъ публики, хозяекъ, приходившихъ покупать провизію, а также нагруженныхъ съѣстными припасами, ословъ, которые кричали во всю мочь одинъ передъ другимъ.

Тутъ же поблизости привлекало любопытныхъ еще другое зрѣлище: театръ, въ которомъ король шутовъ окончательно укрѣпилъ свою странствующую труппу.

Наконецъ, между столбами рынка, ютилась и лавочка отца Колины Демеръ, той самой, которую мы когда-то видѣли на Судѣ любви требовавшей возмездія за храбрые подвиги герцога Орлеанскаго на поприщѣ любовныхъ похожденій.

Въ описываемую минуту цирюльникъ Демеръ занимался бритьемъ стараго нашего знакомца жандарма Рибле, которому теперь было лѣтъ сорокъ. Онъ казалось очень гордился своимъ первымъ чиномъ. Онъ только-что завелъ какой-то разговоръ, прерванный бритвой, и теперь опять продолжалъ его:

— Да,—говорилъ онъ,—кумъ Жеанъ, это было въ концѣ января лѣта Господа нашего 1392. Значить теперь, когда у насъ октябрь 1407 года, этому больше пятнадцати лѣтъ. За два дня до того у короля въ маскарадѣ загорѣлось платье, послѣ чего ужъ онъ совсѣмъ сошелъ съ ума, а мы,—повторяю я,—въ замкѣ де-Боте попались въ ловушку какъ послѣднія простофили.

— Да, вотъ пришлось имѣть дѣло съ хитрымъ малымъ,—сказалъ Демеръ.—И кто же это могъ быть?

— Можетъ быть король Арго, великій Козръ?

— О, нѣтъ! Этого здѣсь знаютъ уже лѣтъ тридцать. Его зовутъ Жакъ Пипелю и онъ безногій, ѣздитъ въ телѣжкѣ на парѣ собакъ и распѣваетъ свои плаксивыя пѣсни.

— Ну, такъ это Цыганскій герцогъ! Ну, да все равно! Въ заключеніе онъ оставилъ насъ въ растяжку на полу, точно продажныхъ телятъ на Гревскомъ рынкѣ, и неподвижными какъ мертвые ослы... Сказать между нами, такъ то вино, которымъ онъ насъ поилъ, было наколдовано. Мы бы можетъ быть и еще спали, да

ужь пріѣхалъ отрядъ солдатъ герцога Неверскаго и давай насъ трясти какъ груши. Герцогъ Орлеанскій, котораго поилъ Цыганскій герцогъ самолично, проснувшись, все еще бредилъ, и когда начальникъ отряда спросилъ у него—куда ушли мошенники, ограбившіе замокъ, то онъ отвѣтилъ:

— Мошенники сидятъ въ твоей кожѣ, бродяга! Смѣешь ли ты и теперь утверждать, что пѣсни на воровскомъ языкѣ лучше моихъ балладъ, тенцонъ и сирвентъ?

Онъ продолжалъ въ этомъ родѣ до тѣхъ поръ, пока люди герцога Неверскаго, не добившись отъ него толку, пустились наобумъ искать разбойниковъ, а тѣ были уже далеко.

— А что, если бы вы встрѣтили этого Цыганскаго герцога, какъ вы называете, что бы съ нимъ сдѣлали?

— Я бы его сейчасъ же арестовалъ и, надѣюсь, его бы повѣсили. А пока, мэтръ Жеанъ, вотъ вамъ за недѣлю денье съ орломъ; но куда дѣвался вашъ мальчикъ? Эй, Жакобъ! поди-ка сюда, малюкъ.

— Я здѣсь, я здѣсь,—отвѣчалъ юноша лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, показываясь на порогѣ.

— Знаете ли что, мэтръ Жеанъ! Я его видѣлъ во какимъ, при жизни вашей дочки—упокой Господи ея душу съ миромъ! Она рано умерла, да и мужъ ея тоже.. я его совсѣмъ не зналъ. Онъ вѣдь, кажется, каменщикъ былъ и его задавило, что ли? Вы мнѣ такъ кажется рассказывали?

— Да, кумъ, такъ, задавило.

— Ну ужъ ловокъ же онъ дѣтей мастерить! Чѣмъ больше этотъ малый растетъ, тѣмъ больше становится похожимъ на герцога Орлеанскаго.

— Ну съ чего бы ему походить?

— А что же такое? Лучше походить на принца, чѣмъ на поденщика! Видно онъ глянулъ на нее, принцъ-то. Ваша дочка можетъ быть беременная видѣла принца во всѣмъ парадѣ на какой-нибудь церемоніи. Вотъ вамъ и довольно; но это ужъ общее правило, что женщины скорѣе посмотрятъ на красиваго, залитаго золотомъ сеньора, чѣмъ на такого буржуа, какъ вы или на простого жандарма, какъ я... да и то еще, за недостаткомъ принца, жандармъ, когда онъ во всемъ парадѣ, да чистый!.. Вы мнѣ скажете, что и буржуа, когда онъ на службѣ въ караулѣ, да имѣетъ средства носить мѣдное вооруженіе, такъ тоже бросается въ глаза женщинѣ; только нѣтъ? надо еще умѣть носить это, а то такъ и будетъ казаться, что онъ надѣлъ на себя кухонную посуду.

— Такъ, кумъ, такъ! Это отъ глаза: посмотрѣлъ на нее и больше ничего.

— Ну вотъ, за то, что ты такъ похожъ на герцога, малюкъ, вотъ тебѣ монетка; только смотри, не проиграй ее.

— Благодарю васъ, мэтръ Рибле, отдайте это нищему,—гордо отвѣтилъ Жакобъ, очень довольный, что похожъ на принца.

— Ого! да ты гордецъ, точно старшій сынъ Саморабокена! Ну, заболтался я съ вами. Пора и во дворецъ,—одѣваться да сопровождать герцога Орлеанскаго въ церковь Августинцевъ: сегодня онъ и герцогъ Бургундскій должны поклясться на святыхъ дарахъ въ вѣчной дружбѣ.

Рибле ушелъ, бормоча сквозь зубы:

— Ловко взглянулъ герцогъ Орлеанскій! Ну, да если дочкѣ этотъ взглядъ принесъ несчастіе, за то отцу ея и сыну пошелъ впрокъ!

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ДЕКАВРЬ, 1889 г.

	СТР.
I. Десятилѣтіе «Историческаго Вѣстника»	I—XVI
II. Потроженныя тѣни. Тетенька Клавдія Васильевна. С. Н. Терпигорева	467
III. Отрывки изъ записокъ С. Б. Броневскаго	500
IV. Типы смутнаго времени. III. Пошъ-богатырь. П. Н. Полевого. . .	513
V. За кулисами стараго театра. XIV. Театральные преступники. XV. Жалоба Эльменрейха. XVI. Актеръ Сосницкій и костюмъ Фальстафа. XVII. Мелочи и курьезы. (Окончаніе). Е. Н. Опочинина. . .	533
VI. Николай Ивановичъ Хмельницкій. (1789—1846). Н. А. Добротворскаго.	559
VII. Ссылные поляки въ Оренбургѣ. В. А. Потто.	584
Иллюстрація: Портретъ И. В. Виткевича (съ портрета, рисованнаго съ натуры карандашомъ и находящагося у П. Я. Дашкова).	
VIII. Поѣздка въ Сарды. (Изъ путевыхъ записокъ). В. А. Теплова. . .	607
Иллюстраціи: Видъ Магнезиі.—Изображеніе Ниобеи.—Сарды.—Колонны храма Цибелы.	
IX. Пятисотлѣтіе русской артиллеріи. П. П.	636
Иллюстраціи: Отдѣлъ древнѣйшихъ орудій въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ.—Пушкаръ XVII столѣтія.—Бомбардиръ начала XVIII столѣтія.	
X. Николай Гавриловичъ Чернышевскій. (Некрологъ). А. И. Фаресова. . .	644
XI. Критика и библиографія: (Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Два выпуска подъ редакціею Н. Дубровина. Сиб. 1876—1889. А. Б—ва.—Е. Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ. (Опытъ историко-библиографическаго обзора). Спб. 1889. В. М.—К. Ю. Цяруль. Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. Спб. 1889. С.—Лѣтопись Московской Троицкой, «что въ Поляхъ», церкви. Съ двумя фасадами церквей: Троицкой и Успенской и съ двумя планами; составъ священникомъ оной церкви Николаемъ Соловьевымъ. Москва. 1889. П. П.—Курсъ церковнаго права. Томъ первый. Н. Суворовъ. Ярославль. 1889. Н. Др.—Сенатскій архивъ. Томъ второй. Журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената. Спб. 1889. П. П.—Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ, составилъ Г. С. Лыткинъ. Сиб. 1889. А. Б—ва.—Сочиненія Г. П. Давилевскаго (1888—1889). Т. VII. Изданіе пятое, дополненное въ семи томахъ, съ портретомъ автора. П. П.—Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи, соч. И. Я. Сырцова. Тобольскъ. 1889. А. Б—ва.	652
XII. Заграничныя историческія новости	666
XIII. Смѣсь: Открытіе памятника Александру I въ лицейскомъ саду.—Пятидесятилѣтіе рисовальной школы Общества поощренія художествъ.—Археологическое Общество.—Древній замокъ и городище.—Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства за 1888 годъ.—Некрологи: Ф. И. Ландцера, П. В. Успенскаго, В. А. Вилламова, Н. Ф. Мещерскаго, А. А. Фредерика	675
XIV. Замѣтки и поправки: I. Еще объ отношеніяхъ Гоголя къ матери. (По поводу статьи А. М. Черницкой). В. Шенрона.—II. А. Я. Рудзевичъ. (Историческая справка). Н. Щербаня.—III. Огвѣтъ г. Теплову. А. Б—ва	683
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. И. Хмельницкаго. 2) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д. Языкова. Выпускъ шестой. Русскіе писатели, умершіе въ 1886 году. 3) Король шутовъ (Le prince des sots). Жерара де Нерваля. (Съ французскаго). Гл. XIX—XXX. (Окончаніе). Переводъ Е. М. Гаршина. 4) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1889 годъ и указатель гравюръ, помещенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». 5) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

При этой книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на еженедѣльный иллюстрированный журналъ „Ива“, на 1890 годъ.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ИСТОРИЧЕСКАГО
ВѢСТНИКА

1880—1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1889

ДЕСЯТИЛѢТІЕ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

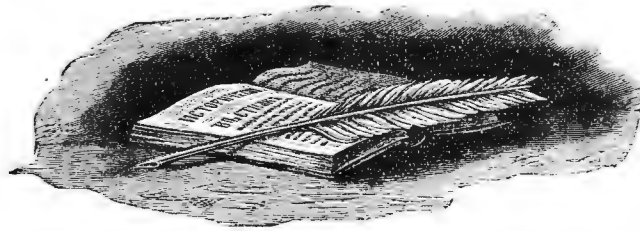
1880—1890.

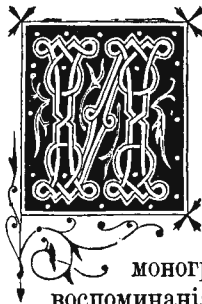
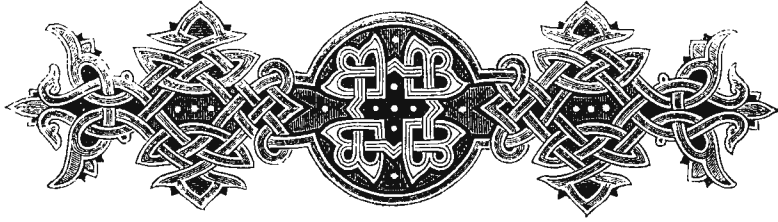

В ВЫПУСКѢ декабрьской книжки «Историческаго Вѣстника» за 1889 годъ исполнилось десять лѣтъ со дня основанія этого журнала. Предпринимая изданіе его, мы поставили себѣ цѣлью знакомить читателей съ современнымъ движеніемъ исторической науки въ формѣ для всѣхъ доступной, преимущественно въ видѣ небольшихъ, живыхъ очерковъ и даже беллетристическихъ разсказовъ. Намъ казалось, что подобное изданіе можетъ нравиться публикѣ и принести ей несомнѣнную пользу. Смѣемъ думать, что мы не ошиблись въ нашихъ предположеніяхъ и хотя отчасти достигли нашей цѣли, потому что число подписчиковъ на «Историческій Вѣстникъ» возросло ежегодно и въ настоящее время онъ расходится уже въ количествѣ 5,272 экземпляровъ. По мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ, мы увеличивали объемъ журнала, количество иллюстрацій, и вообще улучшали его на сколько было возможно. Благодаря довѣрью издателя, мы пользовались полною самостоятельностью какъ въ литературномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, и всегда встрѣчали со стороны А. С. Суворина готовность дать намъ дружескій советъ и средства для расширенія дѣла. Чтобы читатели могли не по одной только внѣшности и содержанію журнала судить о томъ, какъ мы вели его, приводимъ ниже цифры о расходѣ и приходѣ по изданію «Историческаго Вѣстника» за первое десятилѣтіе его существованія

съ 1880 по 1890 годъ. Печатая ихъ во всеобщее свѣдѣніе, мы полагаемъ, что цифры эти представляютъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для журнальной статистики и, кромѣ того, указываютъ тѣ границы улучшеній, изъ которыхъ наше изданіе пока еще не можетъ выходить. Всѣ приводимыя нами цифры взяты, съ согласія издателя, изъ подлинныхъ книгъ конторы редакціи и типографіи газеты «Новое Время».

Редакторъ «Историческаго Вѣстника» С. Шубинскій.

ВЪЗДАНИЕ ежемѣсячнаго историко-литературнаго журнала „Историческій Вѣстникъ“ разрѣшено министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 14 іюля 1879 года, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

«Русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

«Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

«Подписная цѣна за годовое изданіе „Историческаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати книжекъ, со всѣми приложеніями, десять руб., съ пересылкой и доставкой на домъ.

Первая книжка „Историческаго Вѣстника“ вышла 1-го января 1880 года.

Съ самаго основанія „Историческаго Вѣстника“ журналъ этотъ издается Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ, редактируется Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ, печатается въ типографіи газеты „Новое Время“, брошюруется и разсылается конторой Н. А. Макарова; бумага поставляется петербургской фабрикой В. П. Печаткина; технической частью изданія завѣдуетъ И. О. Богдановъ, конторой и счетоводствомъ—В. Я. Анисимовъ, кассой—П. Я. Леонтьева; корректируетъ журналъ Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1880 по 1890 годъ, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ были помѣщены статьи и сообщенія слѣдующихъ трехъ сотъ сорока пяти лицъ:

Абазы В. А., Авенариуса В. П., Авсѣенко В. Г., Айналова Д. В., Алексѣева Г. П., Антонова А. А., Андреевскаго Е. К., Андріевскаго А. А., Аргамачковой О. В., Аристова Н. Я., Арсеньева П. А., Арсеньева А. В., Аскоченскаго В. И., Ахшарумова Н. Д., Бажанова В. Б., Баженова М. Н., Баранова П. И., Барсова Н. И., Бартошевича Ю. И., Барышника Н. П., Батюшкова П. Н., Безобразова П. В., Берга Н. В., Бестужева-Рюмина К. Н., Бильбасова В. А., Блинова Н. Н., Блюмера А. А., Бобчева С. С., Богдановича М. И., Богословскаго Н. Г., Божерянова И. Н., Бородаевской В. И., Бороздина К. А., Бороздина А. К., Боцяновскаго В. И., Борщова С. М., Брикнера А. Г., Бузескула В. И., Булгакова Ф. И., Буренина В. П., Бурдина Ф. А., Бутковскаго Я. Н., Бутковскаго И. Я., Буткевича В. Е., Быкова М. В., Быкова А. А., Бычкова Ф. А., Бѣлова Е. А., Бѣлова И. Д., Бѣлогостицкаго И. В., Бѣлогриць-Котляревскаго Л. С., Бѣлозерской Н. А., Бѣльскаго П. С., Васильева В. А., Величкова А. Н., Веневитинова М. А., Веселовскаго Н. И., Веселя Н. Х., Висковатаго П. А., Вистенгофа П. Ф., Воскресенскаго В. И., Воронихина Н. В., Востокова А. А., Врангеля барона Ф. П., Вяземскаго князя П. П., Галахова А. Д., Гаршина Е. М., Гаусмана А. К., Герда И. Я., Герье В. И., Геттуна В. П., Глинки Ф. С., Глинскаго Б. Б., Глѣбова И. И., Голицына князя Н. С., Голицына князя Н. Н., Головачевой А. Я., Голодника К. М., Голышева И. А., Горбунова К. П., Городецкаго М. И., Гросса Л. Г., Грекова К. И., Григорова С. И., Гуляева С. И., Давидовича С. Ф., Данилевскаго Г. П., Дашкова П. Я., Демурова Г. З., Дельвиѣ баронессы Е. А., Добролюбова И. В., Добротворскаго Н. А., Дозе Ф. И., Дмитриева И. И., Дружинина Н. П., Дубасова И. И., Дубецкаго В. О., Елисѣева А. В., Ермилова Н. Е., Есипова Г. В., Ефимова И. В., Жданова И. Н., Жукевича П. П., Забѣлина И. Е., Завалишина Д. И., Заиковскаго К. В., Зариной Е. И., Захарьина И. Н., Змѣева Л. Ф., Зосимовича П. И., Зотова В. Р., Зубова графа П. А., Иловайскаго Д. И., Ильченко Д. И., Ильяшенко И. Н., Казанскаго П. А., Калатужова В. И., Каневскаго Я. И., Каратыгина П. П., Карасева А. А., Карновича Е. П., Карышева Д. А., Катенева В. И., Кибальчича Т. В., Кинга Л. И., Кирова Х. С., Кирпичникова А. И., Ключникова В. М., Кобеко Д. Ф., Ковалевскаго П. М., Колмакова Н. Н., Коломна А. П., Колонтаевой В. И., Колосова В. И., Кони А. Ф., Коншина Н. М., Корелина М. С., Корсакова Д. А., Корсакова А. Н., Костылева П. И., Костенецкаго Я. И., Кочубинскаго А. А., Крамскаго И. Н., Кренке В. Д., Крестовскаго В. В., Кретчмера М. А., Круглаго А. О., Крылова В. А., Кулаковскаго П. П., Куницына Н. И., Кутейникова Н. С., Кушникова В. И., Куца А. Л., Лазаревскаго А. М., Ламанскаго В. И., Ларионова Е. В., Лебедева Д. П., Линовскаго Н. Н., Лихачева Н. Н., Лодыженскаго А. И., Лоначевскаго А. И., Лосіевскаго М. В., Лучицкаго И. В., Лѣскова Н. С., Маевского Н. С., Майнова В. Н., Майкова Л. Н.,

Максимова С. В., Малахова М. В., Малышева А. А., Мальшинскаго А. П., Матвѣева П. А., Маркевича А. И., Мартынова И. Г., Мартынова П. М., Мартыанова П. К., Мацѣевича Л. С., Маркова Е. Л., Маркова В. Л., Маслова А. Н., Мейчика Д. М., Мельникова П. И., Мерцалова А. Е., Миллера О. Ф., Милюкова А. П., Милютина Б. А., Мизерецкаго И. Г., Минаева Д. Д., Митурича П. В., Михайлова М. М., Михневича В. О., Модестова В. И., Можайскаго И. П., Молчанова А. Н., Моравека П. Г., Мордовцева Д. Л., Мордовскаго П. А., Моравскаго П. Г., Морошкина Е. И., Морфиля (проф. Оксфордскаго университета), Мякотина В. А., Надхина Г. П., Наумова Д. М., Незеленова А. И., Некрасовой Е. С., Немировича-Данченко В. И., Неслуховскаго Ф. К., Николаи О. Ф., Николаева Г. И., Николаева П. С., Никольскаго А. П., Норовлева А. П., Оглоблина Н. Н., Огородникова П. И., Оксенова А. В., Опочинина Е. Н., Орлова И. И., Охоровича К. Ф., Павленкова Л. Н., Павлицева Л. Н., Павловскаго И. Д., Перфильева М. О., Першина П. И., Петерсена В. К., Петрова Н. И., Петрова П. Н., Писарева С. П., Платонова С. Ф., Поддубнаго И. И., Полевого К. А., Полевого Н. А., Полевого П. Н., Поливанова В. И., Пономарева П. А., Пономарева С. И., Попова Р. С., Попова Н. А., Потто В. А., Пругавина А. С., Путилова Е. С., Пушкина А. А., Пятковскаго А. П., Пыляева М. И., Пѣтухова Е. В., Радзиковскаго И. Ф., Робуша М. С., Ровинскаго Д. А., Рогозинникова И. И., Розонова Н. П., Родіонова Н. Л., Россоловскаго В. С., Ротштейна Д. А., Рудина Д. Д., Рыбкина Н. И., Рябинина Д. Д., Савельева А. И., Садовникова Д. Н., Салиаса графа Е. А., Самсонова В. И., Селивановой А. Н., Серно-Соловьевича М. К., Сикевича В. М., Сиротинина А. Н., Славутинскаго С. Т., Словоцкой-Камской Е. А., Случевскаго К. К., Смирнова И. Н., Смирнова М. П., Смыслова С. С., Спѣшнева Н. Н., Соболевскаго А. И., Собольщикова В. И., Собко Н. П., Соковниной Е. П., Соколова В. Т., Соллертинскаго А. И., Соловьева Вс. С., Соловьева Н. И., Соллогуба графа В. А., Сорокина Н. В., Стасова В. В., Старчевскаго А. В., Стоюнина В. Я., Суворина А. С., Суперанскаго М. Ф., Сухомлинова М. И., Сушкова Д. П., Сытиной З. А., Танкова А. А., Тарнава-Боричевскаго И. П., Татищева С. С., Теплова В. А., Терпигорева С. Н., Тимоеева С. П., Титова А. А., Трефолева Л. Н., Трачевскаго А. С., Трубачева С. С., Труворова А. Н., Уманца Ф. М., Усова П. С., Успенскаго Ф. И., Устрялова Ф. Н., Устьянцева Н. П., Утробина Г. И., Фаврикодорова К. Н., Фаресова А. И., Фитнера А. В., Филевича И. П., Филиппова М. М., Фирсова Н. Н., Францевой М. Д., Фридерикса барона А. А., Харламова А. С., Хина М. М., Хмырова М. Д., Хойнацкаго А. Ф., Хомутова А. С., Хрущева А. П., Худекова С. Н., Цвѣтаева И. В., Цебриковой М. К., Цимбалистова А. А., Чанышева А. Х., Черницкой А. М., Чижова Ф. В., Чуйко В. В., Чумикова А. А., Шевченко Т. Г., Шенрока В. И., Шипунова Д. П., Шляпкина И. А., Штейнгеля барона В. И., Шубинскаго С. Н.,

Шумилова В. А., Щепкина В. Н., Щербаня Н. И., Эварницкаго Д. И., Юркевича П. И., Языкова Д. Д., Ядринцева Н. М., Якоби А. Н., Яковлевой А. И., Якубова К. И., Федорова Н. П.

Въ художественной части журнала принимали участіе слѣдующіе художники и граверы:

Бауманъ Р. К., Бёме А., Гофманъ (въ Штутгардѣ), Зубчаниновъ А. И., Крыжановскій К. К., Лебедевъ К. В., Лебедевъ Н. А., Лушевъ А. М., Матэ В. В., Мельниковъ А. П., Мюнстеръ А. Э., Норовлевъ А. П., Паннемакеръ (въ Парижѣ), Рашевскій М. Н., Рябушкинъ А. П., Уро А. Г., Юмудскій Н. Н.

Цинкографіи и гальванопластическіе клише изготовлялись въ мастерскихъ типографіи газеты „Новое Время“. Фототипіи въ художественномъ заведеніи Брукмана въ Мюнхенѣ. Дерево для гравюръ выписывалось изъ Парижа изъ мастерской А. Мусті. Готовые клише приобрѣтались отъ издателей журналовъ „The Century Illustrated Monthly Magazin“ въ Нью-Йоркѣ, „Fom Fels zum Meer“ въ Штутгардѣ и „Нива“ въ Петербургѣ, и отъ издателей-книгопродавцевъ: Гашетта и Фирменъ Дидо въ Парижѣ, Шпамера, Рейнике и Брокгауза въ Лейпцигѣ.

1880 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ 3,250 экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ — 1,858; городскихъ — 503; заграничныхъ — 18. Всего — 2,379 (въ томъ числѣ 47 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ три тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, 208 печатныхъ листовъ и 13 иллюстрацій.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки . . . 22,985 р. 94 к.

Отъ розничной продажи книжекъ журнала
и литературныхъ приложеній, за пере-

мѣну адресовъ, объявленія и т. п. . . . 443 » 80 »

Всего . . . 23,429 р. 74 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать . . . . . 13,587 р. 7 к.

Гонораръ сотрудникамъ . . . . . 10,255 » 26 »

Гравюры и рисунки . . . . . 1,461 » 96 »

Содержаніе редакціи, конторы и корректора . . . . . 3,480 » — »

Брошюровка и расходы по разсылной конторѣ	1,612 р. 80 к.
Почтамту за пересылку журнала	1,643 » 20 »
Разные расходы ¹⁾	1,271 » 80 »
Всего	33,312 р. 9 к.
Дефицитъ 1880 года—9,882 р. 35 к.	

1881 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **3,250** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ—2,325; городскихъ—488; заграничныхъ—18. **Всего 2,835** (въ томъ числѣ 43 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ три тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложениями, **227** печатныхъ листовъ и **31** иллюстрація.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки	28,094 р. 54 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложений, полныхъ экземпляровъ прошлаго года, за перемѣну адресовъ, объявленія и т. п.	1,282 » 14 »
Всего	29,376 р. 68 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	14,078 р. 21 к.
Гонораръ сотрудникамъ	11,923 » 40 »
Гравюры и рисунки	692 » 5 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора	3,480 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной конторѣ	1,667 » 36 »
Почтамту за пересылку журнала	2,091 » 30 »
Разные расходы	1,379 » 37 »
Всего	35,311 р. 69 к.

Дефицитъ 1881 года—5,935 р.

¹⁾ Въ разные расходы входятъ: плата другимъ періодическимъ изданіямъ за объявленія о подпискѣ на журналъ и о выходѣ книжекъ, подписка для редакціи на русскія и иностранныя періодическія изданія, приобрѣтеніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, фотографированіе рѣдкихъ портретовъ и гравюрь, изготовленіе гальванопластическихъ клише и дерева для гравированія, таможенныя пошлины, переписка рукописей, почтовые и канцелярскіе расходы редакціи и конторы и т. п.

1882 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **3,250** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ—2,459; городскихъ—472; заграничныхъ—24. **Всего 2,955** (въ томъ числѣ 60 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **209** печатныхъ листовъ и **55** иллюстрацій.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки	28,869 р. 41 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за перемѣну адресовъ, объявленія и т. п.	768 » 50 »
Всего	29,637 р. 91 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	12,775 р. 72 к.
Гонораръ сотрудникамъ	11,947 » 41 »
Гравюры и рисунки	946 » 87 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора	3,480 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной конторѣ	1,812 » 36 »
Почтамту за пересылку журнала	2,251 » 71 »
Разные расходы	1,460 » 39 »
Всего	34,674 р. 46 к.

Дефицитъ 1882 года—5,036 р. 55 к.

1883 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **3,500** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ—2,853; городскихъ—489; заграничныхъ—27. **Всего 3,369** (въ томъ числѣ 58 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **214¹/₂** печатныхъ листовъ и **140** иллюстрацій.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки	33,170 р. 53 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за перемѣну адресовъ, объявленія и т. п.	1,656 » 71 »
Всего	34,827 р. 24 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	13,824 р. 67 к.
Гонораръ сотрудникамъ	11,152 » 30 »
Гравюры и рисунки	1,897 » 94 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора .	3,480 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной кон- торѣ	1,841 » 4 »
Почтамту за пересылку журнала	2,475 » 97 »
Разные расходы	1,478 » 79 »
Всего . . .	36,150 р. 71 »

Дефицитъ 1883 года—1,323 р. 47 к.

1884 годъ.

Журналь печатался въ количествѣ **4,000** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ—3,180; городскихъ—559; заграничныхъ—31. **Всего 3,770** (въ томъ числѣ 62 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **212¹/₂** печатныхъ листовъ и **142** иллюстраціи.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки . .	36,981 р. 9 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за пере- мѣну адресовъ, объявленія и т. п. . . .	987 » 35 »
Всего . . .	37,968 р. 44 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	15,705 р. 58 к.
Гонораръ сотрудникамъ	10,363 » 47 »
Гравюры и рисунки	1,904 » 75 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора .	3,480 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной кон- торѣ	2,051 » 70 »
Почтамту за пересылку журнала	2,867 » 14 »
Разные расходы	1,685 » 54 »
Всего . . .	38,058 р. 18 к.

Дефицитъ 1884 года—89 р. 74 к.

1885 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **4,500** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ — 3,547; городскихъ — 625; заграничныхъ — 38. **Всего 4,210** (въ томъ числѣ 99 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **208^{1/4}** печатныхъ листовъ и **206 иллюстрацій**.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки . . .	40,856 р. 96 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за пере-мѣну адресовъ, объявленія и т. п. . . .	851 » 17 »
Всего . . .	41,708 р. 13 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	15,823 р. 93 к.
Гонораръ сотрудникамъ	10,713 » 19 »
Гравюры и рисунки	3,033 » 19 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора .	4,091 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной кон-торѣ	2,236 » 67 »
Почтамту за пересылку журнала	3,486 » 20 »
Разные расходы	1,406 » 75 »
Всего . . .	40,790 р. 93 к.

Прибыль 1885 года—917 р. 20 к.

1886 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **4,800** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ — 3,946; городскихъ — 727; заграничныхъ — 43. **Всего 4,716** (въ томъ числѣ 92 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **210** печатныхъ листовъ и **153 иллюстраціи**.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки . . .	46,276 р. 49 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за пере-мѣну адресовъ, объявленія и т. п. . . .	865 » 87 »
Всего . . .	47,142 р. 36 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	16,853 р. 45 к.
Гонораръ сотрудникамъ	11,634 » 40 »
Гравюры и рисунки	1,733 » 22 к.
Содержаніе редакціи, конторы и корректора .	4,724 » — »
Брошюровка и расходы по рассыльной кон- торѣ	2,430 » 5 »
Почтамту за пересылку журнала	3,539 » 10 »
Разные расходы	1,530 » 7 »

Всего . . . 42,444 р. 29 к.

Прибыль 1886 года—4,698 р. 7 к.

1887 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **5,200** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ—3,975; городскихъ—738; заграничныхъ—48. **Всего 4,761** (въ томъ числѣ 76 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **230** печатныхъ листовъ и **102** иллюстраціи.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки . .	46,348 р. 57 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за пере- мѣну адресовъ, объявленія и т. п. . . .	1,086 » 38 »

Всего . . . 47,435 р. 95 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	19,667 р. 47 к.
Гонораръ сотрудникамъ	11,549 » 50 »
Гравюры и рисунки	1,796 » 40 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора .	4,785 » — »
Брошюровка и расходы по рассыльной кон- торѣ	2,659 » 90 »
Почтамту за пересылку журнала ¹⁾	4,386 » 27 »
Разные расходы	1,517 » 92 »

Всего . . . 46,362 р. 46 к.

Прибыль 1887 года—1,073 р. 49 к.

¹⁾ Въ этомъ году, почтовымъ вѣдомствомъ была увеличена плата за пересылку періодическихъ изданій.

1888 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **5,200** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ — 3,927; городскихъ — 790; заграничныхъ — 49. **Всего 4,766** (въ томъ числѣ 75 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **221¹/₂** печатныхъ листа и **127** иллюстрацій.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки	46,560 р. 27 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за перемѣну адресовъ, объявленія и т. п.	1,245 » 5 »
Всего	47,805 р. 32 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	18,913 р. 12 к.
Гонораръ сотрудникамъ	11,942 » 10 »
Гравюры и рисунки	955 » 55 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора	4,320 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной конторѣ	2,690 » 91 »
Почтамту за пересылку журнала	4,367 » 60 »
Разные расходы	1,992 » 75 »
Всего	45,182 р. 3 к.

Прибыль 1888 года—2,623 р. 29 к.

1889 годъ.

Журналъ печатался въ количествѣ **5,400** экземпляровъ.

Подписчиковъ было: иногороднихъ — 4,311; городскихъ — 902; заграничныхъ — 59. **Всего 5,272** (въ томъ числѣ 83 бесплатныхъ).

Въ 12 книжкахъ, составившихъ четыре тома, было дано, вмѣстѣ съ литературными приложеніями, **230¹/₂** печатныхъ листовъ и **204** иллюстраціи.

Въ теченіе года поступило въ приходъ:

Отъ городской и иногородной подписки	51,211 р. 83 к.
Отъ розничной продажи книжекъ журнала и литературныхъ приложеній, полныхъ экземпляровъ прошлыхъ годовъ, за перемѣну адресовъ, объявленія и т. п.	494 » 60 »
Всего	51,706 р. 43 к.

Въ теченіе года израсходовано:

Бумага, наборъ и печать	20,288 р. 68 к.
Гонораръ сотрудникамъ	11,949 » 40 »
Гравюры и рисунки	1,120 » 61 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора .	5,289 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной кон- торѣ	2,802 » 97 »
Почтамту за пересылку журнала	4,623 » 25 »
Разные расходы	2,049 » 46 »

Всего . . . 48,123 р. 37 к.

Прибыль 1889 года—3,583 р. 6 к.

Такимъ образомъ, десятилѣтнее изданіе «Историческаго Вѣстника» состоитъ изъ 120 книгъ, раздѣленныхъ на 38 томовъ и заключающихъ въ себѣ 2,170¹/₂ печатныхъ листовъ и 1,173 иллюстраціи. Стоимость всего изданія, съ пересылкой, 100 руб. сер.

Въ теченіе десятилѣтія поступило въ приходъ 391,038 р. 20 к. Израсходовано 400,410 р. 21 к. Къ 1890 году, дефицитъ составлялъ 9,372 р.

Раздѣляя общую сумму расхода за десятилѣтіе по статьямъ, получится:

Бумага, наборъ и печать	161,517 р. 90 к. ¹⁾
Гонораръ сотрудникамъ	113,430 » 43 »
Гравюры и рисунки	15,542 » 54 »
Содержаніе редакціи, конторы и корректора .	40,609 » — »
Брошюровка и расходы по разсылной кон- торѣ	21,805 » 76 »
Почтамту за пересылку журнала	31,731 » 74 »
Разные расходы	15,772 » 84 »

ИТОГО . . . 400,410 р. 21 к.

¹⁾ Считаемо не лишнимъ сдѣлать небольшую оговорку по поводу цифръ расхода на бумагу, наборъ и печать. Ежегодно, январская книжка журнала набирается и печатается въ первыхъ числахъ декабря мѣсяца предыдущаго года, когда трудно опредѣлить, даже приблизительно, ожидаемое количество подписчиковъ. Иногда случалось, что въ теченіе января или февраля мѣсяцевъ подписка увеличивалась противъ ожиданія въ такой степени, что оказывалось необходимымъ вновь набирать и донпечатывать январскую и частью февральскую книжки. Кроме того, случалось не разъ, по независимымъ отъ редакціи причинамъ, вырѣзывать изъ готовыхъ уже книжекъ напечатанныя статьи, или страницы, и замѣнять ихъ другими, что составляло также излишній и нерѣдко довольно значительный расходъ.

Н. И. ХМЕЛЬНИЦКІЙ

Съ портрета, писаннаго пастелью и принадлежащаго А. Θ. Кони

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 ноября 1889 г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1890 году.
(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1890 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе десять лѣтъ (1880—1889).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеѣми приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Въ настоящее время приступлено къ составленію „Систематическаго Указателя содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 1880—1889 годы“, т. е. за десять лѣтъ изданія. „Указатель“ будетъ отпечатанъ (въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) въ теченіе первой половины 1890 года, и составитъ книгу объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Гг. подписчики на „Историческій Вѣстникъ“, желающіе получить „Указатель“, благоволятъ прилагать къ подписной платѣ одинъ рубль. Въ отдѣльной продажѣ цѣна „Указателя“ будетъ два рубля.

„Историческій Вѣстникъ“ за 1889 годъ разошелся весь по подпискѣ, а потому дальнѣйшія требованія журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

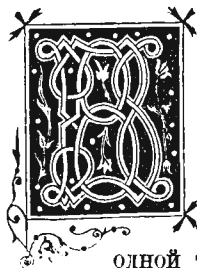

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Тетенька Клавдія Васильевна.

I.

СЪ РОДСТВЕННИКИ жили у насъ въ одну сторону,—т. е., выѣзжая изъ дому, надо было забирать все влѣво, такъ какъ въ лѣвой отъ насъ сторонѣ они жили; въ правой сторонѣ жила только одна тетюшка Клавдія Васильевна. Она поэтому жила какъ-то на-отшибѣ отъ всѣхъ. Если къ ней ѣхать, то надо было нарочно и только къ ней одной ѣхать. Къ ней нельзя было, какъ къ другимъ родственникамъ, заѣзжать по дорогѣ во время объѣзда родныхъ—совсѣмъ въ другой отъ всѣхъ сторонѣ она жила. Ей же, напротивъ, было очень удобно совершать свои родственныя поѣздки: стоило только ей проѣхать длинный путь отъ себя до кого-нибудь изъ родныхъ и затѣмъ она могла переѣзжать отъ одного къ другому, такъ какъ всѣ жили не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи, верстахъ въ пяти, семи, много если двѣнадцати, пятнадцати. Только она одна и жила верстахъ въ сорока отъ всѣхъ и, вотъ какъ я говорю, совершенно на-отшибѣ.

Но тѣмъ не менѣе, по причинѣ, которая будетъ ниже объяснена, тетюшку Клавдію Васильевну, или тетю Клѣдю, какъ мы, дѣти, всѣ ее звали, родственники, однакожь, не забывали и ѣздили довольно часто къ ней въ Дубки — ея имѣніе — если она не проживала у кого-нибудь изъ нихъ «въ нашей сторонѣ». Она, какъ это тоже будетъ видно и объяснено ниже, очень любила гостить

въ нашей сторонѣ, но иногда по мѣсяцу и болѣе жила у себя въ Дубкахъ и тогда нужно было ужъ ѣхать къ ней туда.

Ѣздили туда и мы съ матушкой, т. е. матушка, я, сестра Соня и гувернантка наша Анна Карловна. Ѣздили мы туда почему-то всегда осенью, такъ въ началѣ октября, когда бываетъ ясная сухая погода и хотя ужъ не лѣтніе, но все-таки отличные бываютъ дни. Когда устанавливалась вотъ такая погода, мы и ѣхали къ ней, въ каретѣ, шестеркой, съ фореиторомъ, но налегкѣ, не такъ какъ во время разъѣздовъ по нашей сторонѣ, когда забиралось, въ виду продолжительности поѣздки, съ собою все: множество бѣлья и всякихъ принадлежностей. У тетеньки Клавдіи Васильевны мы оставались не долго, дня два, много три, и обыкновенно возвращались домой съ нею, т. е. привозили ее съ собою, и она гостила у насъ, а потомъ ѣхала къ другимъ родственникамъ и т. д., кружась въ нашей сторонѣ ужъ всю остальную зиму.

Тетенька Клавдія Васильевна была двоюродная сестра матери. Это имѣніе Дубки, куда мы ѣздили, было не ея собственно, а ея брата Василія Васильевича, а ко времени этого разсказа принадлежало сыну его Андрюшѣ, котораго тетенька Клавдія Васильевна воспитывала, такъ какъ его мать умерла еще раньше отца, и онъ былъ теперь круглый сирота. Андрюшѣ въ это время было лѣтъ девять. У него была гувернантка, а потомъ были и гувернеры.

Дубки было большое имѣніе. Я теперь не могу сказать навѣрно сколько въ немъ было душъ и десятинъ земли, но дядя Василій Васильевичъ считался богатымъ. Въ Дубкахъ была большая усадьба, хотя и никогда не содержавшаяся въ порядкѣ, а впослѣдствіи, во время управленія тетеньки Клавдіи Васильевны, и совѣмъ даже стала запущенной, обветшала и многія постройки представляли развалины. Это однако не значило, что тетенька запустила такъ же и имѣніе, т. е. его доходность. Напротивъ, она составила Андрюшѣ капиталъ, котораго не было у его отца и можетъ быть не было бы и вовсе, если бы управленіе имѣніемъ попало не къ тетѣ Клѣдѣ, а къ кому-нибудь другому.

У самой тетеньки лично ей принадлежащаго имѣнія не было, такъ какъ она при раздѣлѣ съ братомъ свою часть ему уступила и онъ выплатилъ ей за нее деньгами. У тетеньки былъ поэтому только капиталъ. Впослѣдствіи она и его отдала Андрюшѣ, т. е. онъ достался ему послѣ ея смерти.

Тетенька Клавдія Васильевна была дѣвица. Она была небольшого, ниже средняго, роста, худенькая, гладко причесанная, съ маленькимъ не старѣющимъ лицомъ, на которомъ были смѣющиеся глазки и вѣчная улыбка на губахъ. Какъ бы тетенька ни была огорчена чѣмъ-нибудь или раздражена кѣмъ-нибудь, она постоянно все-равно улыбалась, а глазки у нея смѣялись. Лицо же у нея и въ шестьдесятъ лѣтъ было такое же, какимъ оно было и въ

шестнадцать лѣтъ, какъ утверждали знавшіе ее и въ то время; сѣдыхъ же волосъ у нея и совѣтъ, до самой ея смерти, ни одного не было. У тетеньки Клавдіи Васильевны было много жениховъ въ молодости и даже потомъ, когда она была въ среднихъ годахъ. Одинъ изъ нихъ, какой-то офицеръ, имѣлъ даже поединокъ изъ-за тетеньки съ своимъ соперникомъ, мѣстнымъ помѣщикомъ, искавшимъ тоже ея руки; но тетенька всѣмъ имъ отказывала, предпочитая оставаться въ дѣвицахъ.

Не знаю почему, но при ней довольно часто заводили рѣчь о ея женихахъ. Это дѣлалось, кажется, потому, что это ей самой нравилось, и желая угодить ей, доставляли ей это удовольствіе. А тетенька, зная, что всѣмъ извѣстно, что у нея было много жениховъ и что не они отъ нея отказывались, а она сама имъ отказывала, при этомъ всегда говорила:

— Никто меня, безприданницу, и такую злющую и скупущую не захотѣлъ замужъ за себя взять,—намекая въ то же время этимъ на доходившія до нея слухи, что ее такъ называютъ родственники ея, берущія у нея деньги взаймы за проценты.

— Ну, кто же, это тебя, Клавдинька, такъ называетъ, глупости какія,—скажетъ ей бывало кто-нибудь изъ нихъ, присутствующихъ здѣсь.

— Всѣ...

И смотритъ, улыбается...

— Богъ знаетъ что, Клавдинька!..

— Нѣтъ, почему же?..

И она начнетъ доказывать, что она дѣйствительно и «скупущая» и «злющая», при чемъ будетъ приводить тѣ самые примѣры, которые кто-то изъ родственниковъ, разговаривая объ ней за глаза, приводилъ въ доказательство. А онъ, этотъ родственникъ, сидитъ тутъ и слушаетъ. Онъ долженъ ей, онъ видитъ, что она знаетъ, ей передали его разговоры объ ней, а она не только повидимому не злится на него, но совершенно согласна съ нимъ, что дѣйствительно она и «злющая» и «скупущая».

— Ну, чтожъ, по совѣсти, вѣдь всѣ люди слабости имѣютъ и я ихъ имѣю, Василій Михайловичъ, скажите, развѣ я не правду говорю? По совѣсти скажите, вы не стѣсняйтесь, ну, развѣ я въ самомъ дѣлѣ не злющая или не скупущая? Только по совѣсти, какъ честный человѣкъ скажите,—приставала она.

Василій Михайловичъ, конечно, чувствуетъ себя не ловко, но нельзя же ей не отвѣчать, надо же ему что-нибудь отвѣтить ей и отвѣчаетъ уклончиво:

— То есть, вотъ видите, Клавдія Васильевна... По моему... Ну, да... Конечно, я бы такъ не поступилъ.

— Нѣтъ,—со смѣхомъ, съ своимъ тихимъ смѣхомъ, говоритъ тетенька,—нѣтъ, какъ бы вы поступили, мнѣ этого не нужно знать,

это я сама знаю какъ бы вы поступили,—вы мнѣ просто скажите: вѣдь не хорошо я поступила? какъ злющая я поступила?

Родственникъ, смущенный, чувствуетъ, что что бы онъ ей не отвѣтилъ, это все равно, и думаетъ только о томъ какъ бы это не повредило ему въ его денежныхъ съ ней отношеніяхъ и потомъ, кто это тогда присутствовалъ при разговорѣ, когда онъ такъ объ ней выразался, и передалъ ей эти его выраженія?..

— Чтожъ вы не говорите? Отчего же?—пристаетъ къ нему тетенька:—скажите. Ужъ если я сама себя считаю злющей и скупущей,—вамъ-то чтожъ стѣсняться?

Эти разговоры обыкновенно кончались или ея иносказательными разсказами о томъ, какъ какой-то человѣкъ, который самъ себя считалъ благороднымъ и котораго всѣ считали тоже такимъ, взявъ деньги взаймы, не только не отдалъ ихъ въ срокъ, но даже не озаботился о процентахъ, не озаботился, не считъ нужнымъ пріѣхать или извѣстить письменно, что лично извиниться не можетъ, просить подождать, что пріѣдетъ и привезетъ тогда-то, — или эти разговоры и разсказы она кончала тѣмъ, что кто-нибудь изъ родственниковъ, не нуждающихся въ деньгахъ или нуждавшихся и занимавшій ихъ у нея, но уже отдавшихъ, круто и рѣзко перебивалъ ее какими-нибудь посторонними разсказами или вопросами, обращаемыми ко всѣмъ вообще. Тогда тетенька, обыкновенно улыбаясь и смѣясь глазками, утихала, замолкала и только поглядывала на тѣхъ, въ комъ рассчитывала встрѣтить сочувствіе, хотя бы потому, что они ей были должны и не успѣли еще отдать, слѣдовательно зависѣли отъ нея...

И тѣмъ не менѣе, послѣ такого разговора, тетенька сейчасъ же соглашалась и вѣхала «гостить» къ этому родственнику своему, если онъ ее приглашалъ, говорилъ, что и жена его и дѣти будутъ ей рады, что она уже давно у нихъ не была и проч. и проч.

Она очень любила проценты, ужасно любила когда у нея занимаютъ деньги—тогда еще не было такой безнадежной у всѣхъ нужды въ деньгахъ, какъ впоследствии стало это у всѣхъ, и потому всѣ болѣе или менѣе акуратно отдавали ей ихъ—и оттого она всѣмъ почти, за рѣдкими уже исключеніями, давала займы, но долгъ ей все-таки считался изъ самыхъ неприятныхъ и всѣ отъ него старались отдѣлаться какъ можно скорѣе. Пока срокъ не наступилъ еще, она о долгѣ такого-то ей никому обыкновенно не разсказывала, но если срокъ наступилъ уже, и росписка или заемное письмо не были переписаны, или проценты уплачены, она начинала всѣмъ и своимъ, и чужимъ, разсказывать объ этомъ съ своими разсужденіями о честности и благородствѣ и о томъ какая она злющая и скупущая, и вотъ всѣхъ однако выручаетъ.

Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно поселялась у своего неисправнаго родственника.—Кроткая, улыбающаяся, но зорко слѣдя-

щая за каждой получкой въ хозяйствѣ должника, вывѣдывая у прислуги, чего не могла дознаться и прослѣдить сама. Это сидѣнье ея родственники называли «экзекуціей» и чѣмъ она становилась слаще и угодливѣе повидимому къ нимъ, тѣмъ невиносимѣе было ихъ положеніе. Она въ это время вмѣшивалась во все съ своими добрыми совѣтами и своими участіями, доказывая намеками и примѣрами въ своихъ разсказахъ, что душевный покой для нихъ дороже какого-нибудь гривенника на четверть ржи или овса, который родственники-должники старались выторговать у пріѣхавшаго къ нимъ покупателя, не соглашаясь отдать ему рожь или овесъ за его цѣну.

Все это приводило къ тому, что въ концѣ концовъ, лишь бы избавиться отъ ея долга и чтобъ только она уѣхала, рожь или овесъ отдавались по чѣмъ попало, долгъ она свой получала и уѣзжала на «экзекуцію» къ другому родственнику, срокъ долга котораго наступалъ или уже наступилъ и отъ него не было получено ни уплаты, ни процентовъ, ни письма съ просьбой обождать до такого-то срока, когда онъ продастъ то-то и то-то и заплатитъ ей.

А то она воздѣйствовала на нихъ также примѣрами. Это она дѣлала такъ: сидитъ—сидитъ у нихъ и вдругъ вспомнить, что она заказала тамъ-то или у того-то, чтобъ ей къ такому-то сроку то-то приготовили. Завтра этотъ срокъ подходит и что объ ней подумаютъ тамъ, если она не пріѣдетъ сама, чтобъ заплатить деньги за заказанную вещь и получить ее?

— Клавдинька, да вѣдь это же вздоръ, ну кто же это подумаетъ объ тебѣ—всѣ вѣдь знаютъ, что ты и можешь когда угодно заплатить это и притомъ всѣ же вѣдь знаютъ, что ты такая акуратная,—начнетъ успокоивать ее неисправный должникъ-родственникъ, у котораго она живетъ на экзекуціи, и который разчитываетъ на дняхъ получить деньги, чтобы расплатиться съ ней и сбыть ее съ рукъ.

Но она неумолима въ своей настойчивости и только проситъ лошадей, чтобы съѣздить ей туда получить заказанную вещь—пустяки какія-нибудь обыкновенно —и заплатить за это.

Должнику-родственнику не хочется, чтобы она ѣхала туда потому, что онъ знаетъ отлично, что примѣръ примѣромъ, а главное она всѣмъ разблаговѣститъ, что вотъ онъ ей долженъ, не отдаетъ и проч.

— Я только съѣзжу туда,—говоритъ она,—а потомъ, если не прогоните, если хотите, я опять къ вамъ пріѣду,—говоритъ она.

Родственнику-должнику разумѣется ничего не остается дѣлать, какъ велѣтъ заложить ей экипажъ—она ѣдетъ, и потомъ въ надеждѣ, что ее не прогоняютъ, возвращается, ославивъ его вездѣ, какъ не заплатившаго ей столько-то.

— Ну, тебѣ, мой другъ, тамъ всѣ кланяются, собирались пріѣхать да вотъ Катенька съ Машенькой что-то не такъ здоровы,—

возвратясь, рассказываетъ она и смотритъ испытующе въ глаза—получилъ онъ безъ нея деньги или нѣтъ, отдастъ онъ ей ихъ или обманетъ, скроетъ, скажетъ, что еще не получилъ. Но она, все равно, все вывѣдаетъ черезъ прислугу, все узнаетъ и тогда еще прочнѣе усядется на экзекуціи и еще участливѣе начнетъ доказывать, что «свой покой» иногда дороже денегъ и потому не слѣдуетъ дорожиться ни съ овсомъ, ни съ пшеницею.

II.

Замѣчательно также было и любопытство ея. Бывало пріѣдетъ отъ кого-нибудь посланный съ письмомъ или привезетъ извѣстіе такъ на словахъ,—она не успокоится, пока не узнаетъ доподлинно въ чемъ дѣло или, зная что она страдаетъ, не дадутъ ей прочесть самой письмо. Прочтеть, или узнаетъ, скажутъ ей, что посланный привезъ на словахъ, и успокоится, повеселѣетъ. Прямо ей спросить не хочется, не рѣшается, а успокоиться безъ этого не можетъ, пока ей не станетъ все ясно и извѣстно. Отецъ такъ даже не пускалъ ее никогда въ кабинетъ къ себѣ, а когда онъ бывало уѣзжалъ куда-нибудь, въ то время когда она у насъ «гостила», или просто даже только уходилъ—въ садъ, на конюшню, даже на верхъ, въ мезонинъ—то все равно,—кабинетъ на ключъ.

Сидимъ бывало всѣ, въ гостиной или въ столовой—вдругъ отецъ вспомнить что-нибудь и кликнуть лакея.

— Тебѣ, мой другъ, что?—глядя на него своими улыбающимися глазками, спроситъ тетя Клѣдя.—Принести что-нибудь? Сиди, я принесу тебѣ.

— Ты не знаешь, не найдешь.

Но она вдругъ къ общему удивленію скажетъ гдѣ такая-то вещь, которая понадобилась отцу, лежитъ у него въ кабинетѣ.

Изумительно это было!

— Да когда же ты это успѣла увидетьъ?

— А помнишь, намеренъ ты занимался, читалъ или писалъ тамъ, а я проходила... И видѣла... погоди, я сейчасъ тебѣ принесу...

Но отецъ обыкновенно останавливалъ ее, говорилъ чтобы она не беспокоилась и мы кто-нибудь—сестра или я—бѣжали въ кабинетъ за нужной ему вещью.

Когда ей хотѣлось что-нибудь непременно и навѣрно узнать, и ей почему-нибудь—не желали, не знали, иногда даже просто недогадываясь, что это ее такъ интересуешь, все равно,—не говорили и она долго все не могла узнать,—она ходила сама не своя, растерянная, чуть не больная.

— Что съ тобой, Клавдинька?

— Такъ, ничего.

— Нѣтъ, серьезно, ты какая-то такая...

Она посмотритъ своими смѣющимися глазками, улыбнется и вдругъ скажетъ:

— А вотъ ты третьяго дня письмо отъ Борисова получилъ, онъ не пишетъ тебѣ, продалъ онъ пшеницу и почему?

— Онъ совсѣмъ не объ этомъ пишетъ. Онъ объ лошадяхъ пишетъ, спрашиваетъ не продамъ ли я ему.

— Ты не хочешь сказать мнѣ правду. Можетъ это у васъ секретъ и онъ просилъ тебя, чтобы ты не говорилъ мнѣ?

— Да никакого секрета тутъ нѣтъ. Просто я тебѣ говорю, онъ о другомъ совсѣмъ мнѣ пишетъ.

Стоитъ, смотритъ и улыбается глазами и видно, что она не только не вѣритъ нисколько, но, напротивъ, глубоко убѣждена, что отъ нея скрываютъ и скрываютъ именно вслѣдствіе какого-то заговора противъ нея.

— Ну, не вѣришь, изволь, я тебѣ покажу сейчасъ его письмо, если только оно цѣло у меня. Я кажется разорвалъ и бросилъ его.

И она пойдетъ бывало вмѣстѣ съ нимъ въ кабинетъ и ждетъ пока онъ ищетъ ей письмо, помогаетъ, указываетъ: поищи тамъ-то, посмотри тутъ-то, что такое вотъ это — не оно ли и есть? и если нѣтъ его, оно изорвано и брошено въ плетушку и она увидитъ клочки его тамъ, то не успокоится, пока не соберетъ ихъ изъ плетушки, не сложитъ и не прочтетъ, а кстати сложитъ ужъ и прочтетъ и другія письма, которыя изорваны и также лежатъ тамъ.

— Ну что, прочла, успокоилась?

— Теперь успокоилась...

Любопытство у тетеньки было такъ велико, что превозмогало даже ея скупость. У нея въ каждомъ домѣ были шпионы, подкупленные люди изъ прислуги, которые ей и доставляли всѣ свѣдѣнія, какія ей были нужны, приносили для прочтенія письма; разумѣется, непонимая сами иногда хорошо разговора, путали ей передавая его содержаніе, иногда, вслѣдствіе ея настояній, нарочно выдумывали и говорили ей, чего никогда даже и не было, и она потомъ ходила отъ этого какъ мученая: сказано, передано ей было одно, а между тѣмъ она видѣла и выходило даже на самомъ дѣлѣ совсѣмъ другое. А пока-то все выяснится и объяснится, она мучается, страдаетъ.

Иногда изъ этого выходили и комичныя сцены: велятъ нарочно, зная ея слабость, наговорить ей Богъ знаетъ чего, она дастъ за это на чай, заплатитъ, ходитъ потомъ встревоженная, ажитированная, многозначительно и таинственно поглядываетъ, дѣлаетъ какіе-то странные и непонятные ни кому намеки, а тѣ или тотъ, кто все это устроилъ, потѣшается ею. Такъ поступали также и когда хотѣли избавиться отъ нея, сплавить ее.

— А знаешь, Блавдинька, у Борисовыхъ-то вѣдь Брѣховъ пшеницу купилъ, кажется. Самъ же Борисовъ упрасивалъ, объѣжалъ всѣхъ, чтобы не продавать, держать въ цѣнѣ, а оно вонъ что выходитъ.

Она испугается; Борисовъ ей долженъ, ну какъ деньги онъ истратитъ или у него другіе кредиторы отберутъ? и ужъ она сама не своя, проходить такъ часъ, другой и начнетъ просить, чтобы ей дали лошадей «тутъ недалеко кой-куда съѣздить».

— Да куда тебѣ? къ Борисовымъ?

— Нѣтъ,—чтожь къ Борисовымъ? Мнѣ къ Петровымъ нужно съѣздить, а можетъ проѣду кстати и къ Борисовымъ, вѣдь это возлѣ?

И она поѣдетъ, полетитъ прямо къ Борисовымъ, а «кстати» ужъ заѣдетъ и къ Петровымъ, чтобы замести свой слѣдъ...

Потомъ, окажется все это вздоръ, она пріѣдетъ назадъ и не знаетъ успокоиться ей, или сердиться, подшутили надъ ней, или нѣтъ?

Но иногда ея любопытство и наущничаніе ей прислуги, подкупы ея, бывали причиной и ужасныхъ отвратительныхъ сценъ. Выведенные изъ терпѣнія, раздраженные ея приставаніемъ и намеками, да еще особенно когда бывали ей должны, а денегъ на уплату еще не было, господа начинали допытываться, откуда идутъ эти ея подозрѣнія въ сокрытіи отъ нея чего-то, и узнавали виновнаго, который доставлялъ ей эти невѣрныя свѣдѣнія. Тогда, при крѣпостномъ порядкѣ, судъ былъ скорый и этимъ судомъ не особенно стѣснялись...

Но ужаснѣе всего было то растлѣвающее вліяніе ея, которое она вносила въ свое общеніе съ дѣтьми тѣхъ, у которыхъ она гостила и которые были должны ей. Она, нетерпѣвшая всю свою жизнь дѣтей, вдругъ начинала чувствовать какую-то особенную слабость или нѣжность къ кому-нибудь изъ нихъ: дарила разныя бездѣлушки, сладости, призывала къ себѣ подъ предлогомъ, что она будетъ слушать какъ какой-нибудь Коля или какая-нибудь Оля будутъ читать, а она будетъ имъ рассказывать и объяснять. Ничего не подозрѣвая—что кажется естественнѣе этого?—сперва не обращаютъ на это никакого вниманія, даже радуются, что она нашла себѣ наконецъ ребенка по сердцу и цѣлыми днями сидитъ съ нимъ. Но вдругъ все объясняется. Она вывѣдала отъ него все, подкупила его, чтобы онъ ей все рассказывалъ: кто былъ въ такой-то періодъ времени безъ нея, кто и о чемъ говорилъ, и пр. и пр., учила брать со стола изъ кабинета или изъ другой комнаты письма и приносить ихъ ей для прочтеній. Когда же это открывалось, ребенка наказывали, удаляя его, разумѣется, отъ нея, а ее упрекали и выговаривали ей за это. Но она начинала отъ всего отговариваться и отрекаться, увѣряя что ничего этого не было никогда, что ребенокъ

это все выдумалъ, что на нее взводятъ, по обыкновенію, все напрасно и даже начинала плакать.

— На меня все можно выдумать. На другого нельзя, а на меня все можно.

— Да развѣ это выдумка?

— Конечно, выдумка.

— Ты не подкупала его приносить тебѣ письма?

— Нѣтъ.

— Клавдинька!

— Онъ самъ принесъ и говорить: тетя прочтите, что тутъ написано? я и прочла.

— Да зачѣмъ ему-то нужно было это?

— А мнѣ зачѣмъ?

— Если это тебя интересовало почему-нибудь, то бы лучше сама спросила, тебѣ бы сказали, но не учила бы ребенка тихонько брать и приносить тебѣ.

— Я не учила.

— Самъ онъ принесъ?

— Самъ.

И послѣ этого, она къ попавшему въ немилость ребенку ментально дѣлалась такой же холодной и равнодушной, какъ и ко всѣмъ остальнымъ, какъ была холодна прежде и къ нему. Но если онъ представлялся ей такимъ, что, когда пройдетъ гроза, и все забудется,—можетъ еще годится ей напередъ и въ будущемъ для этихъ же цѣлей, она мимоходомъ и когда не видали этого и не замѣчали, ободряла его, обѣщала вскорѣ опять что-нибудь подарить или привести конфетъ...

Подъ конецъ всѣ ужъ это знали и береглись ея пуще всего: какъ бывало она пріѣзжала куда, такъ первую заботою было изолировать отъ нея дѣтей, для чего строго-на-строго наказывалось гувернанткамъ слѣдить за ними, чтобы она не входила ни въ какія сношенія съ дѣтьми и чтобы они ничего ей не рассказывали. А если придетъ и начнетъ сама спрашивать ихъ, то имъ велѣно было, чтобы они ей отвѣчали, что ничего знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ и ничего не вѣдали.

Но все-таки при всемъ этомъ всѣ съ нею мирились и она всюду ѣздила, потому что у нея всегда были съ собой наготовѣ деньги, которыя у нея можно занять.

III.

Какъ было сказано выше, послѣ дяди Василия Васильевича остался сынъ Андрюпа, находившійся теперь на попеченіи у тети Клѣди. Первое время она не нанимала ему гувернантки, а онъ,

разъѣзжая съ нею по роднымъ, учился вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми: пріѣдетъ она съ нимъ къ намъ — онъ учится съ нами вмѣстѣ у нашихъ гувернантокъ; отъ насъ поѣдетъ къ Емельяновымъ, — учится у нихъ, съ ихъ дѣтьми у ихъ гувернантокъ, и т. д. цѣлый годъ такъ. Она это дѣлала безъ сомнѣнія столько же изъ скупости, сколько, первое по крайней мѣрѣ время, и въ предположеніи, что черезъ него, находящагося постоянно въ обществѣ съ дѣтьми тѣхъ, у кого они гостили, — будетъ разузнавать все и выслѣживать...

Такъ вначалѣ это и было, но потомъ это все совершенно, конечно, неожиданно для нея, измѣнилось. Она пріѣзжала обыкновенно съ Андриюшой и его нянькой, и своей горничной Марѳушой, высокой, худой и сухой дѣвушкой съ длинными красными пальцами и крупно рябымъ лицомъ, ходившей отъ своего высокаго роста нѣсколько какъ бы согнувшись. Андриюша вначалѣ, какъ сталъ я его помнить — онъ былъ почти мой ровестникъ, на годъ старше меня — былъ очень живой и веселый мальчикъ, но потомъ, годамъ къ девяти, — къ десяти, ко времени, къ которому относится этотъ рассказъ, онъ измѣнился вдругъ и потомъ постепенно все болѣе и болѣе дѣлался странный какой-то, задумчивый, нервный, и иногда безъ всякой видимой причины грустный и раздражительный.

Къ этому времени онъ былъ несомнѣнно развитой мальчикъ, но развившійся какъ-то не такъ какъ мы всѣ, его сверстники, а по взрослому. И занимало, и интересовало его больше все то, что рассказывали и объ чемъ говорили взрослые, а вовсе не мы съ нашими новостями и нашими радостями и планами. Къ этому же времени и всѣ, опасавшіеся его, какъ тетенькинаго шпіона, перестали не только опасаться, но полюбили его и думали ужъ не о томъ, что онъ ей донесетъ что-нибудь, а какъ бы сгладить его рѣзкость къ ней въ обращеніи, смягчить его, примирить съ ней, если можно такъ сказать. Къ этому же времени у него была уже и гувернантка своя, хотя она все равно продолжала всюду возить его съ собою. Онъ былъ почему-то постоянно въ раздраженномъ состояніи относительно своей тетки. Она это несомнѣнно, конечно, замѣчала, но не понимала что ли отчего это происходитъ, или думала, что она это побѣдитъ въ немъ, только, при насъ, по крайней мѣрѣ, на раздраженіе его всегда отвѣчала той же все своей улыбкой и смотрѣла на него тѣми же все своими смѣющимися глазами. А это его, кажется, еще пуще раздражало. И онъ, кроткій, вѣжливый со всѣми, даже застѣнчивый и робкій, съ нею бывалъ дерзокъ и грубъ, такъ что никто бы не повѣрилъ, если бы кому рассказывали про это и они сами не видали, не бывали этому свидѣтелями нѣсколько разъ сами.

— Она это его сдѣлала такимъ, — мы слышали, — говорили всѣ

— Конечно, она. Она во всемъ виновата. Развѣ онъ не видитъ, не понимаетъ всего.

— Онъ ужъ ей отплатить за все. Подождите вотъ онъ выростетъ, увидите. Ему теперь который годъ? Девять? Ну вотъ погодите еще пять-шесть лѣтъ, увидите, что у него за обращеніе будетъ съ ней.

— Она, она, конечно, во всемъ виновата. И мальчикъ очень способный—вѣдь это сейчасъ же видно—очень развитой,—говорили всѣ,—съ нимъ надо очень умѣючи и очень осторожно обращаться. Вы думаете развѣ онъ не видитъ, не понимаетъ и ея положенія и своего, въ которое она его ставитъ? Все онъ, конечно, понимаетъ..

Мы все это слышали, были на его, конечно, сторонѣ, не понимая тогда въ какое же такое она его положеніе ставитъ и чѣмъ нехорошо собственное ея положеніе? т. е. именно, что въ немъ, въ этомъ ея положеніи, такого, чтобы оправдывало его дерзость къ ней и его грубое и ужъ во всякомъ случаѣ враждебное къ ней отношеніе, — чѣмъ она могла такъ раздражить, такъ вооружить его противъ себя.

Особенно, я помню, меня поражало всегда, когда она что-нибудь говорить, рассказываетъ о комъ-нибудь, вотъ какъ я говорилъ, иносказательно, въ назиданіе кому-нибудь изъ присутствующихъ, чѣмъ-либо задѣвшихъ ее, или противъ кого она имѣла что-нибудь, а онъ сидитъ тутъ же, вмѣстѣ съ нами, и ужъ нисколько не занятый нами, не интересуясь нами совершенно, слушаетъ ее и глаза у него злые-злые и все это несомнѣнно у него противъ нея, а вовсе не противъ обидѣвшаго ее или того про кого она рассказываетъ. И она видитъ все это, видитъ его взглядъ и, какъ ни въ чемъ, улыбается и на него такъ же, какъ и на всѣхъ и такъ же у нея и на него смѣются глаза. А онъ самъ не свой, поблѣднѣетъ даже иногда; потомъ глубоко-глубоко вздохнетъ, встанетъ и тихо пойдетъ.

Но такъ,—во всемъ онъ ей уступалъ. Она, наприимѣръ, скажетъ, чтобъ онъ шелъ учиться — онъ встанетъ и безропотно, безотговорочно пойдетъ. Скажетъ, чтобъ онъ не ходилъ гулять—сыро послѣ дождя или такъ почему-нибудь—онъ и не пойдетъ. Скажетъ, что завтра надо ѣхать отъ насъ и какъ ему ни хорошо всегда было у насъ, онъ никогда не станетъ просить ее остаться. Она показывала даже надъ нимъ свою власть — оставляла его за что-нибудь безъ послѣдняго блюда, не пускала гулять, когда всѣ гуляли, заставляла учиться, когда всѣ ужъ кончили и играли—онъ все это переносилъ совершенно безропотно, безъ всякихъ возраженій ей и никогда не оправдываясь передъ ней, хотя бы и былъ совершенно правъ. Точно онъ это дѣлалъ по собственному побужденію, не она это сдѣлать ему приказывала, а самъ онъ этого захотѣлъ и самъ такъ дѣлаетъ. И не было въ этомъ даже желанія досадить ей этой

своей покорностью: «ты вотъ, дескать, думала, что я не буду исполнять этого, или буду просить прощенья,—такъ вотъ нѣтъ же, не будетъ тебѣ этого, не доставлю этого тебѣ удовольствія...» Нѣтъ, не это совсѣмъ было, а что-то выше этого и потому, пожалуй, еще болѣе для нея оскорбительное, какое-то игнорированіе ея, почти брезгливое нежеланіе связываться съ ней, объясняться, въ увѣренности, что всѣ отлично и безъ этого понимаютъ, что ей не слѣдовало бы такъ съ нимъ поступать, и что всѣ симпатіи всѣхъ все-таки на его сторонѣ... Теперь я могу, конечно, гораздо точнѣе и опредѣленнѣе выразить и формулировать это, чѣмъ тогда, но и тогда мы уже понимали, что это были какія-то особыя его къ ней отношенія, совсѣмъ не такія и ничего похожего даже не имѣющія на отношенія всѣхъ насъ къ своимъ роднымъ, и они производили на насъ неотразимое и глубокое впечатлѣніе. А старшіе потомъ при насъ говоря объ нихъ, этихъ отношеніяхъ, и разбирая ихъ, отзывались объ Андрюшѣ и съ сочувствіемъ, и съ опасеніемъ за него, что они ожесточатъ его и Богъ знаетъ что за характеръ сдѣлаютъ у него. А такъ вообще со всѣми, въ отношеніи всѣхъ, безъ нея, онъ былъ, напротивъ, очень добрый мальчикъ, отзывчивый, впечатлительный, вдумчивый и жалостливый. Какъ всегда это бываетъ съ дѣтьми, у которыхъ въ характерѣ есть какая-нибудь непонятная, но вмѣстѣ съ тѣмъ серьезная черта, къ Андрюшѣ мы всѣ, а я въ особенности, относились уважительно и по безмолвному какому-то соглашенію считали его между собою авторитетомъ. Я былъ, какъ это бываетъ часто у дѣтей, совершенно въ зависимости у него, покоренъ ему, влюбленъ въ него и считалъ его своимъ идеаломъ. Я постоянно совѣтывался съ нимъ, спрашивалъ во всемъ его мнѣнія и какъ онъ сказалъ, я такъ уже рабски и дѣлалъ, поступалъ ужъ, какъ бы я самъ пришелъ къ этому своимъ умомъ. И онъ, непремѣнно и конечно, понималъ это, но только не показывалъ и вида...

Но я и теперь, зная даже по опыту, что изъ условій самыхъ, казалось бы, невозможныхъ и неблагопріятныхъ, вырабатываются, напротивъ, характеры и необыкновенно честные и прямые, отзывчивые и великодушные,—все-таки понять не могу, какъ могъ при тѣхъ условіяхъ выработаться и сложиться такой мальчикъ?..

И отецъ, и матушка, и всѣ у насъ, Андрюшу любили и относились къ нему съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ, какъ впрочемъ и вездѣ, и это вовсе происходило не потому, что онъ сирота и племянникъ родственницы, которой все прощали потому только, что были ей всѣ должны, а за его личныя достоинства, качества его и эту удивительную, грустную, задумчивую симпатичность его. Онъ былъ и по наружности тоже очень симпатиченъ,—высокій не по годамъ, худощавый, необыкновенно сдержанный и весь изящный—въ манерахъ, въ голосѣ, во взглядѣ большихъ сѣрыхъ задум-

чивыхъ и умныхъ глазъ—они невольно привлекали къ себѣ. Вотъ только когда онъ слушалъ рассказы и разсужденія о комъ-нибудь тети Клѣди и злое чувство зарождалось и разгоралось у него во взглядѣ, онъ вызывалъ невольное къ себѣ участливое состраданіе какъ къ больному, и было это непріятно видѣть и замѣчать въ немъ, еще совсѣмъ все-таки ребенкѣ. Но это намекало на что-то, что было внѣ его природы, внѣ его всего и это только еще болѣе заставляло сочувственно относиться къ нему и жалѣть его. Это, казалось, наоборотъ, какими-то протестами его природы противъ безобразнаго и исковерканнаго характера его тетки, которой онъ въ силу обстоятельствъ былъ подчиненъ и всѣ безобразія которой онъ долженъ былъ пока терпѣливо переносить...

IV.

Крымская война была въ полномъ разгарѣ. И у насъ въ домѣ и вездѣ, куда мы ни пріѣзжали, все только и было рѣчи, что объ извѣстіяхъ о войскахъ. Газеты, какія тогда были, читались съ жадностью и приносимыя ими извѣстія были предметомъ толковъ, ожиданій, надеждъ и досадныхъ, будившихъ еще больше чувства, разочарованій... Получались письма отъ родственниковъ, у кого такіе были, съ мѣста военныхъ дѣйствій, и съ ними ѣздили другъ къ другу и ихъ также читали, дѣлая и изъ нихъ и на основаніи ихъ выводы о войнѣ, о томъ какъ вообще идутъ наши дѣла.

У насъ тамъ, на войнѣ, также было нѣсколько человекъ родственниковъ и мы получали отъ нихъ время отъ времени письма, которыя и читались, перечитывались безконечное число разъ — всегда, какъ кто-нибудь пріѣзжалъ къ намъ изъ родныхъ или сосѣдей. Мы, дѣти, слушали ихъ, зная ужъ чуть не наизусть многія мѣста, почему-нибудь обратившія на себя наше вниманіе. Но больше всего интересовали насъ журналы съ рисунками—«Художественный листокъ» Тимма—въ которомъ помѣщались портреты всѣхъ чѣмъ-нибудь отличавшихся на войнѣ — все равно, солдатъ, офицеровъ, генераловъ; помѣщались цѣлыя виды сраженій, переходовъ черезъ рѣки, лазаретовъ, батарей, а также и портреты знаменитыхъ непріятелей—начальниковъ французскихъ, турецкихъ и англійскихъ войскъ. Мы ихъ разсматривали и запоминали фамиліи Немира, Бурбаки, Макмагона, Сентъ Арно, Пелисье, рядомъ съ нашими: княземъ Меншиковымъ, Остенъ-Сакеномъ, Баклановымъ, Щеголевымъ, матросомъ Кошкой и проч. Листокъ этотъ выходилъ какъ-то часто, не помню ужъ теперъ, еженедѣльно или ежемѣсячно, но я живо помню то нетерпѣніе съ какимъ мы ожидали его и тотъ интересъ, съ которымъ мы разсматривали номера, когда они наконецъ получались съ почты. И не мы одни, дѣти, всѣ ихъ разсма-

тривали съ увлеченіемъ, дѣлая каждый свои замѣчанія и оцѣнку дѣйствующихъ лицъ по ихъ портретамъ. Живо, какъ сейчасъ, проходитъ передъ моими глазами эта длинная галерея лицъ...

Но вотъ скоро разнеслась новая вѣсть — ополченіе собираютъ! и эта вѣсть всколыхнула весь край, доступный нашему вѣдѣнію. Весь интересъ всѣхъ сосредоточился на этой вѣсти. Одни были озабочены выборами, другіе избраніемъ въ офицеры, начальники ополченія, и всѣ—наборомъ ратниковъ-рекрутъ ополченцевъ. То и дѣло прїѣзжали и уѣзжали сосѣди, куда-то спѣша, озабоченные, возбужденные. И казалась намъ странною при этомъ ихъ радость, ихъ бодрый видъ и нетерпѣніе. Всѣ говорили до этого и рассказывали про такіе ужасы войны, а теперь вдругъ всѣ обрадовались идти туда и только боялись одного—не быть избранными.

— Вѣдь это что такое—батальоннымъ командиромъ если?—вѣдь это пять тысячъ въ карманъ. Это безгрѣшно,—не обижая нисколько людей,—а и то всѣ восемь...—громко, нисколько никого не стѣсняясь, говорили кругомъ насъ.

Мы слушали и понимали, что должно быть это что-нибудь хорошее и въ самомъ дѣлѣ, и это такъ и должно быть.

Потомъ всѣ куда-то—въ губернской городъ—уѣхали и на недѣлю или на двѣ все опустѣло, затихло. Вернулись съ извѣстіями, что такіе-то и такіе-то выбраны и назначены.

И вотъ въ это-то горячее и спѣшное время, подъ шумокъ такъ сказать, сперва совсѣмъ не понятные для насъ, дѣтей, начались слухи о какой-то куплѣ и продажѣ ратниковъ.

— Павелъ Николаевичъ трехъ продалъ по девятисотъ рублей.

— Чтожъ дѣлать, сами судите, по эдакой цѣнѣ...

— Николай Ивановичъ намедни былъ и говорилъ, что ему предлагалъ мѣщанинъ за одного тысячу двѣсти, но они не сошлись: Николай Ивановичъ хотѣлъ полторы тысячи.

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Началась усиленная продажа людей какимъ-то таинственнымъ для насъ мѣщанамъ и людей преимущественно ужъ почти стариковъ, и объ этомъ почти объ одномъ только и была рѣчь. «Что это значить? Въ чемъ тутъ дѣло?» допытывался я.

— Продаютъ людей внаймы, — отвѣчали мнѣ, — въ охотники продаютъ. Надо мѣщанину идти въ ополченіе, онъ не хочетъ, ну и покупаетъ вмѣсто себя, ставитъ охотника.

— Онъ у кого же покупаетъ?

— У помѣщика.

— Онъ почему же называется охотникомъ?

— Потому, что онъ вмѣсто мѣщанина идетъ. Охотникъ... идетъ по охотѣ...

Темно это было что-то для дѣтскаго понятія и я помню, ни-

какъ я не могъ удовольствоваться этимъ объясненіемъ, которое мнѣ кто-то давалъ.

— Это мерзость, это вопіющая мерзость,—отвѣчалъ отецъ, когда наконецъ онъ возвратился откуда-то и я обратился къ нему за разспросами и объясненіями.

— Какъ же они это дѣлають?

— Какъ все дѣлается...

— Стало быть это можно?

— Нѣтъ, этого нельзя и это дѣлается обманнымъ манеромъ...

Я и изъ его объясненій тоже ничего не понялъ. Я понималъ теперь, что этого не слѣдуетъ дѣлать, онъ этого не будетъ дѣлать, и даже однажды, когда къ намъ пріѣхалъ мѣщанинъ и доложили, что онъ пріѣхалъ покупать «охотника», отецъ даже не вышелъ къ нему, а велѣлъ сказать, чтобы онъ убирался прочь,—и это было за обѣдомъ, при насъ при всѣхъ,—но въ чемъ тутъ дѣло—это представлялось все-таки совсѣмъ непонятнымъ.

Въ головѣ образовался отъ этой толкотни, отъ массы свѣдѣній и новыхъ все извѣстій, отъ напора новыхъ мыслей и представлений, вызванныхъ войною и обстоятельствами, которыми она сопровождалась, и для насъ, удаленныхъ отъ нея,—такой сумбуръ въ понятіяхъ, такъ не вязался онъ со всѣмъ тѣмъ, что мы видѣли во-кругъ себя раньше, со всей той жизнью, которой жили до сихъ поръ, что не дѣтской головѣ было со всѣмъ этимъ освоиться и разобратъ во всемъ этомъ.

— За вѣру, царя и отечество! славная надпись.

— Да-съ, вернемся ли—неизвѣстно...

— Жалованье ротному пустое, но доходъ...

— Да нѣтъ-съ, позвольте, начальникъ уѣзднаго ополченія сколько получаетъ? Вѣдь у него, все равно, что у полкового командира, всѣ офицеры будутъ обѣдать... Не можетъ же онъ имъ рѣдку съ квасомъ подавать? Чтожъ, ему свои тратить? доходъ со своего имѣнія?... Это даже странно слышать. Это всегда такъ было и всегда такъ будетъ. Тутъ ничего безнравственнаго нѣтъ. Это совершенно даже законно! Мало ли чего въ законѣ нѣтъ? Въ законѣ не сказано, чтобы откупщикъ платилъ, а между тѣмъ онъ всѣмъ платитъ и ничего тутъ беззаконнаго нѣтъ!..

А въ другой группѣ слышался другой споръ.

— Въ топоры пойдемъ! Не дають солдату развернуться.

— Еще Суворовъ сказалъ: пуля дура, штыкъ молодець...

— Мѣткая стрѣльба важна въ цѣпи. Для этого существуетъ стрѣлковая рота, а въ сраженіи все дѣло въ натискѣ. Быстрота и натискъ.

— Наша ошибка вся въ томъ только и заключается, что у насъ...

Но голосъ помѣщика, нашедшаго общую причину нашихъ неудачъ, заглушаетъ и покрываетъ другой ужъ голосъ:

— А вотъ про интендантство и комиссіонерство я не спорю— это будетъ другое дѣло совсѣмъ, а я бы ихъ всѣхъ...

— Солдатъ нашъ все вынесетъ! въ мірѣ нѣтъ такого солдата. Наполеонъ, когда его спросили, да не теперешній, а настоящій, и тотъ сказалъ...

Разобраться въ это массѣ свѣдѣній и положеній не было никакой возможности, что однако нисколько не мѣшало задумываться, намъ, дѣтямъ, надъ противорѣчіями, которыя мы слышали при этомъ. Точно также, какъ и всѣ, и я слышала то и дѣло такіе разговоры, старался понять ихъ и понимала только то, что они, эти разговоры, всѣмъ очень близки къ сердцу и къ карману, и они спорили совершенно откровенно. Но я бы и половины ихъ не понимала тогда и, конечно, не запомнилъ бы, еслибы не случилось одно обстоятельство, которое намъ, дѣтямъ, тогда все освѣтило и мы все поняли и оттого и запомнили всѣ эти разговоры.

Въ начальники нашего уѣзднаго ополченія попалъ двоюродный братъ матушки, дядя Алексѣй Ивановичъ С—товъ, или дядя Алеша, какъ мы его звали. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, когда-то имѣвшій хорошее и даже большое состояніе, но спустившій его на службѣ, весь въ долгахъ и любившій очень выпить. Мы его не помнили иначе какъ выпившимъ. Всегда съ трубкой, въ разстегнутомъ отставномъ военномъ мундирѣ, съ болтающимся у борта георгіевскимъ крестомъ, вѣчно спорящимъ и вѣчно всѣхъ бранящимъ. Почему-то въ уѣздѣ его побаивались и считали человѣкомъ, который всѣмъ въ глаза скажетъ правду, никого не побоятся. Теперь, когда наступило военное время и только и рѣчи было, что о войнѣ и объ ополченіи и его выбрали въ начальники уѣзднаго ополченія, онъ сталъ снова авторитетомъ. Отецъ не любилъ его, и онъ бывалъ у насъ рѣдко, но, отправляясь въ скоромъ времени въ походъ, онъ пріѣхалъ къ намъ проститься и засталъ у насъ тетю Клѣдю, которой онъ былъ долженъ и которая ужъ давно считала его самымъ неисправнымъ своимъ должникомъ, а теперь, съ его отъѣздомъ и съ возможностью для него быть тамъ на войнѣ убитымъ, и вовсе считала свои деньги за нимъ пропавшими. Какой ужъ у нихъ разговоръ былъ раньше, мы не знали, но когда за нами пришли и позвали насъ въ диванную пить чай, мы застали тетю Клѣдю и «дядю Алешу» въ сильномъ возбужденіи и дядя Алеша, что-то ей доказывая, ссылаясь на отца!

— Ну, докажи ей пожалуйста, обратился онъ къ отцу, что ужъ это по крайней, по крайней мѣрѣ, у меня будетъ семь-восемь тысячъ дохода, и я ей вышлю съ дороги деньги черезъ мѣсяць же.

— Нѣтъ, ты ужъ меня извини, Алексѣй Ивановичъ, я этихъ мерзостей вашихъ не знаю и я никогда не служилъ къ тому же,—

отвѣчалъ ему отецъ. Всталъ и хотѣлъ уйти. Дядя его остано-
вилъ.

— Какихъ мерзостей?

— А вотъ этихъ... доходовъ, какъ вы ихъ называете.

— Какія же это мерзости?

— По моему мерзости, а ты ихъ можешь и не считать мерзо-
стями.

— Это доходъ!

— А по моему совсѣмъ другое.

— Чтò же по твоему?

Отецъ остановился и, смотря на него, сказалъ:

— Да какое тебѣ дѣло до того какъ я понимаю.

— Нѣтъ, я хочу знать.

Вышла сцена, послѣ которой дядя Алеца уѣхалъ, шумно про-
тестуя, что ему нанесено оскорбленіе, послѣ котораго онъ не мо-
жетъ оставаться въ домѣ и никогда не будетъ бывать у насъ.

Въ этотъ же день за ужиномъ мы слышали остатокъ или конецъ
разговора по этому поводу между отцомъ и присутствовавшей при
сценѣ за чаемъ «тетей Клѣдей».

— Хороши эти патріоты: ѣдутъ, какъ говорятъ, проливать
кровь за отечество, а сами прежде всего только и думаютъ, только
и говорятъ о томъ сколько кто изъ нихъ будетъ имѣть возмож-
ности воровать при этомъ. Это называется доходами! Воровство на-
зывается доходами у нихъ!—говорилъ отецъ, ни къ кому повидимому
прямо не обращаясь.

И вдругъ, къ общему удивленію нашему, обыкновенно молчащая
въ присутствіи отца, тетя Клѣдя съ нервной дрожью въ голосѣ
возразила ему:

— А это лучше развѣ, что онъ увезетъ теперь тысячу рублей
сиротскихъ денегъ? Я ему изъ Андрюшиныхъ дала.

— Я васъ никогда не просилъ ни давать ему моихъ денегъ, ни
заставлять его воровать для того, чтобы вамъ возвратить ихъ!—
услыхалъ я еще болѣе для меня и для всѣхъ неожиданно голосъ
Андрюши, сидѣвшаго рядомъ со мною. Когда я оглянулся на него,
онъ буквально весь трясся.

Тетя Клѣдя сидѣла блѣдная, старалась улыбнуться, смотря сво-
ими смѣющимися глазками на Андрюшу, но улыбка не выходила
у нея, а складывалась въ какую-то судорожную гримасу у нея на
лицѣ. Всѣ замолчали и смотрѣли, кто на нее, кто на Андрюшу.

— Андрюша, мой другъ,—сказалъ тогда отецъ,—ты ошибаешься,
мой милый: тетя не требуетъ, чтобы онъ для нея воровалъ—это я
сказалъ, что деньги, на которыя онъ разсчитываетъ, воровскія
будутъ.

Андрюша, прищурившись, смотрѣлъ на него и точно не пони-

малъ, что онъ ему сказалъ—старался, дѣлалъ усилія понять и не понималъ—это видно было по немъ.

— Ты напрасно, я говорю, обидѣлъ тетю; ты не понялъ меня, — повторилъ ему отецъ.

Но съ Андрюшей точно что сдѣлалось—онъ вопросительно по-сматривалъ на всѣхъ, то на того, то на другого; наконецъ опустилъ голову и задумался. Но это все было такъ странно, такъ необычно, что всѣ тоже молча продолжали смотрѣть на него, какъ бы боясь пробудить его. Нѣкоторые и въ томъ числѣ отецъ дѣлали тетѣ Клѣдѣ знаки глазами, чтобы она тоже не тревожила его, оставила такъ. Къ нему подошелъ было лакей съ какимъ-то блюдомъ, но Андрюша не поднялъ на него головы, и матушка махнула лакею рукой, чтобы онъ не дожидался Андрюши и подавалъ дальше. Такъ кончился и ужинъ и мы встали изъ-за стола. Андрюша, когда задвигали стульями, тоже поднялся, машинально подошелъ, чтобы благодарить, къ матушкѣ, къ отцу, со всѣми простился и пошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ онъ спалъ. Я зачѣмъ-то замѣшкаться, остался еще въ залѣ, гдѣ ужъ убирали со стола и слышалъ разговоръ отца съ матушкой и тетей Клѣдей.

— Ты будь съ нимъ осторожнѣй, пожалуйста,—говорилъ отецъ тетушкѣ,—ты видишь до чего онъ нервный, съ нимъ Богъ знаетъ что можетъ случиться.

— Дерзкій мальчишка. Я его завтра на цѣлый день посажу учиться,—отвѣчала она.

— Напрасно...

— Для него же я все стараюсь, а онъ...

— Ахъ, Клавдинька,—возразила ей матушка,—да развѣ онъ можетъ теперь это понимать...

Меня послали тоже спать и я не слышалъ конца ихъ разговора. Я былъ очень обезпокоенъ тѣмъ, что такое сдѣлалось, что это такое было съ моимъ другомъ?

На другой день тетя Клѣдя совершенно неожиданно вдругъ объявила, что она ѣдетъ, начала укладываться, собралась, ей запрягли лошадей и она уѣхала къ себѣ въ Дубки.

Но у меня съ этой поры, точно завѣтъ оставленный мнѣ моимъ другомъ, не выходили изъ головы разговоры ополченцевъ, которые все продолжали бывать у насъ, пріѣзжали по своимъ дѣламъ, пріѣзжали прощаться. Они вели все тѣ же разговоры, но я ужъ ихъ слушалъ не такъ какъ прежде, а осмыслено теперь, и когда у нихъ заходила рѣчь о будущихъ ихъ доходахъ и вмѣстѣ о «дѣлахъ», т. е. о сраженіяхъ и они всѣ, какъ бывшіе военные, вспомнили при этомъ случаи изъ бывшей ранѣ этого венгерской кампаніи, я все старался объяснить себѣ, какъ же это такъ они собираются и сражаться, слѣдовательно рискуютъ умирать, и въ то же время собираются воровать, т. е. обворовывать солдатъ?

Однажды, послѣ долгаго такого ихъ разговора и потомъ долгихъ моихъ размышленій о немъ, я рѣшился только спросить отца.

— Это ты все не теперь, а современемъ поймешь,—отвѣтилъ онъ мнѣ, но при этомъ какъ-то странно посмотрѣлъ и добавилъ: — А почему это тебя интересуетъ?

— Такъ, какъ же это такъ?

— Это тебя Андрюша навелъ на это?

— И Андрюша, и самъ я.

— Онъ странный, но онъ очень хорошій мальчикъ,—закончилъ отецъ и оставилъ меня.

V.

Прошло недѣли двѣ. Наступило время отправленія ополченцевъ. Однажды вечеромъ вдругъ къ намъ пріѣхала одна наша родственница, двоюродная или троюродная сестра матушки. Она вскорѣ по пріѣздѣ, послѣ первыхъ же обмѣновъ привѣтствій, объятій, цѣлованій, ушла съ матушкой въ ея спальню и онѣ объ чемъ-то тамъ долго говорили, она плакала, туда приходилъ отецъ и мы вечеромъ же узнали, что матушка съ ней на другой день отправляется къ тетѣ Клэдѣ въ Дубки по дѣлу. Я сталъ проситься, чтобы и меня взяли съ собою. Матушка согласилась, тѣмъ болѣе, что это былъ бы отвѣтный визитъ Андрюшѣ съ моей стороны. Утромъ послѣ завтрака запрягли нашу карету и мы вчетверомъ—матушка, эта родственница, ея двоюродная или троюродная сестра, мужъ которой тоже попалъ въ ополченцы, я и матушкина горничная—усѣлись и поѣхали, по обыкновенію налегкѣ, съ тѣмъ, чтобы черезъ день или черезъ два вернуться домой. Я былъ въ восторгѣ, что увижусь съ моимъ другомъ Андрюшей.

Когда сѣли въ карету и она тронулась, родственница проследила и начала цѣловать матушку, называя ее спасительницей своей и своего мужа. Я тутъ же сразу все узналъ въ чемъ было дѣло, зачѣмъ матушка ѣхала съ ней къ тетѣ Клэдѣ. Изъ ихъ разговора, нѣкоторыя мѣста котораго, чтобы не понимала всего горничная, они вели по-французски, я узналъ, что мы ѣхали дѣйствительно по денежному дѣлу,—упрашивать тетю Клэду, чтобы она отсрочила уплату долга мужу нашей родственницы, такъ какъ она подала на него ко взысканію и имѣніе у него продадутъ въ то время, когда онъ будетъ въ походѣ съ ополченцами. Я узналъ даже и сумму долга ея мужа тетѣ Клэдѣ—десять тысячъ и, кромѣ того, проценты. Долгъ этотъ былъ уже старый, тетя Клэда давно уже домогалась получить его, но все довольствовалась тѣмъ, что тотъ ей прибавлялъ росписокъ, а теперь, когда онъ уходилъ въ походъ и ему предстояло можетъ быть и умереть, она рѣшила продать заблаговременно за долги

его имѣніе. До ухода ополченцевъ оставалось что-то около мѣсяца, такъ какъ еще не всѣ рекруты у всѣхъ были сданы и это дѣло шло ускореннымъ порядкомъ, съ нимъ торопились и разъѣзжали по помѣщикамъ для этого какіе-то чиновники, кромѣ ставныхъ и исправниковъ. А тетя Клѣдя въ эту сумятицу-то вздумала приставать съ своими долгами и довела до того, что имѣніе въ недалекомъ будущемъ назначено въ продажу, если онъ не внесетъ тетенькѣ всѣхъ денегъ. Всю длинную, скучную дорогу до Дубковъ родственница рассказывала объ этомъ съ разными подробностями и при этомъ нѣсколько разъ принималась плакать. Матушка утѣшала конечно ее, обнадеживая, что быть можетъ все обойдется еще хорошо, что она надѣется уговорить тетю Клѣдю, чтобы она отсрочила. Родственница слушала ее, моргала мокрыми отъ слезъ глазами, потомъ принималась опять ее обнимать, опять плакала и и опять рассказывала, рассказывала безъ конца.

Наконецъ мы вѣхали въ огромную, полуразвалившуюся дубковскую усадьбу, карета подкатила къ крыльцу, но насъ никто не вышелъ встрѣчать.

— Неужели дома никого нѣтъ? Узнай-ка,—сказала матушка, прежде чѣмъ выходить изъ кареты, нашему выѣздному человѣку Никифору, успѣвшему тѣмъ временемъ уже спрыгнуть съ козелъ кареты и хотѣвшему отворить намъ двери.

Но тетенька была дома. Тамъ только была по какому-то случаю суматоха въ тотъ моментъ когда мы пріѣхали и потому нашего пріѣзда никто изъ людей не замѣтилъ.

— Здорова Клавдія Васильевна?—спросила матушка наконецъ выбѣжавшаго къ намъ на встрѣчу изъ дома лакея.

— Здорова-съ. Клавдія Васильевна здоровы...

— А, Андрюша?

— Съ ними припадокъ сдѣлался съ утра и до сихъ поръ-съ еще. За докторомъ послали...

Въ дверяхъ зала насъ встрѣтила, какъ ни въ чемъ ни бывало, тетя Клѣдя, такая же улыбающаяся, гладко причесанная, худенькая, съ маленькимъ личикомъ и смѣющимися глазами на немъ. Она поздоровалась, поцѣловалась съ матушкой, потомъ также поцѣловалась съ пріѣхавшей съ нами родственницей, со мной, и мы пошли всѣ по залу. Въ залѣ, у окна, стоялъ какой-то мѣщанинъ въ синей чуйкѣ.

— Что съ Андрюшей?—спросила ее матушка, и оглянулась на этого мѣщанина. Тотъ ей неловко поклонился, потомъ встряхнулъ волосами и взялся за подстриженную свою бородку:—Что съ Андрюшей?—повторила матушка.—Онъ боленъ, говорятъ, припадокъ съ нимъ?

— Да, знаешь, съ нимъ эти нервы опять,—отвѣчала по-французски тетя Клѣдя и хотѣла казаться спокойной, но по лицу ея

я увидалъ, что она чѣмъ-то страшно потрясена и возбуждена и что это на лицѣ у нея не улыбка, а какія-то судорожныя корчи.

— Да отчего это съ нимъ?—продолжала матушка.

— Такъ... безъ всего... вдругъ... Тутъ пріѣхали мѣщане покупать охотниковъ, ну, знаешь эти всѣ сцены... Марушка — я за это ее сошлю непременно—узнала, что я ея отца продала въ охотники, кинулась просить къ Андрюшѣ, научала его, чтобы онъ мнѣ наговорилъ дерзостей, съ нимъ и сдѣлался припадокъ...

— Ахъ, Клавдинька, и что тебѣ за охота! Ну какая тебѣ нужда пачкаться съ этимъ. Это очень, говорятъ, нехорошо, осуждаютъ всѣхъ, кто это дѣлаеть,—сказала ей матушка.

— Да?.. А я все-таки такъ хочу, потому что я имѣю право на это и мнѣ дѣла нѣтъ, кто какъ на это смотреть,—корча ротъ свой въ улыбку, отвѣчала ей тетя Клѣдя.

— И чтожъ, ты послала за докторомъ? Гдѣ онъ, Андрюша?

— Погоди немного. Къ нему нельзя. Онъ только началъ приходить въ себя, еще слабъ.

— Давно это съ нимъ?

— Первый разъ съ нимъ сдѣлалось часовъ въ одиннадцать утромъ, а потомъ второй разъ часу въ четвертомъ... Я ужъ послала за докторомъ.

Въ дверяхъ угольной—мы прошли тѣмъ временемъ въ гостиную и стояли посреди комнаты, разговаривая съ тетей Клѣдей—показалась какая-то дворовая женщина изъ старыхъ горничныхъ и тетенька тихонько крикнула на нее, чтобы она уходила, не подслушивала.

— Да можетъ она за дѣломъ? Можетъ отъ Андрюши?—сказала матушка.

— Никакого дѣла. Все подслушивать имъ надо... Я знаю и эта за чѣмъ. Вонъ въ залѣ стоитъ еще мѣщанинъ, такъ она хочетъ узнать все ея ли мужа я ему продаю? Такъ вотъ возьму же на зло ей и продамъ сейчасъ,—нервно потирая свои худенькія, маленькія ручки, говорила тетя Клѣдя и усиливалась улыбнуться.

— Клавдинька! что ты, Господь съ тобою, что ты сегодня такая? успокойся. Ты взволнована такъ сегодня,—говорила ей матушка.

Родственница, пріѣхавшая съ нами, смотрѣла на нее съ какимъ-то испугомъ, ожидая и своей тоже участи.

— Со мной такъ поступаютъ,—отвѣчала тетя Клѣдя,—если на зло дѣлають и я буду такъ дѣлать... Садитесь пожалуйста. Чтожъ она стоитъ?.. Садитесь. Ну, а ты что, мой другъ?—обратилась она ко мнѣ вдругъ: — пріѣхалъ тоже навѣстить свою злющую и скупую тетку? Да? И она взяла меня своими маленькими, короткими ручками за голову и поцѣловала въ темя, въ волосы.

Я ничего ей не отвѣчалъ.

— Твой другъ-то вотъ заболѣлъ, — продолжала она про Андриюшу.

— А мнѣ можно къ нему?—спросилъ я.

— Нѣтъ, погоди немного. Я очень рада, что ты привезла его съ собою,—обратилась она къ матушкѣ—съ нимъ Андриюша скорѣе успокоится. Они такъ дружны...

Въ залѣ, осторожно ступая по полу, но все-таки стучая сапогами ходилъ — было слышно — дѣлая нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ, мѣщанинъ и время отъ времени слегка покашливалъ.

— И ты сколько же ужъ продала? Развѣ ты не могла другого какого продать — непременно Марѣушинова отца?—спросила матушка.

— Ахъ, Боже мой! Это почему же я не могу? Не госпожа развѣ я своимъ людямъ?.. Я семерыхъ ужъ продала и сдала ужъ... Я и еще продамъ. Нынче такая цѣна... Когда же это еще такая цѣна будетъ?..—отвѣчала тетя Клѣдя.

Мѣщанинъ въ залѣ опять заходилъ, покашливая.

— Я сейчасъ, на минуточку,—услыхавъ и обративъ наконецъ вниманіе на эти шаги и покашливанія его, сказала она, распустила улыбку, окинула насъ своими смѣющимися глазками и встала, чтобы пойти въ залъ: — я сейчасъ, велю ему погодить, посидѣть въ передней пока.

Она ушла, и мы всѣ втроемъ переглянулись. Чтò-то ужасное было въ ней, страшно становилось уже не за людей ея, не за нее даже, а за самихъ себя, которые были у нея въ гостяхъ...

Матушка взглянула на родственницу, которая, боясь къ тому же еще за свое дѣло, за успѣхъ его, сидѣла теперь совсѣмъ какъ потерянная,—взяла ее за руку и тихонько ей сказала:

— Ничего... устроимъ какъ-нибудь. Пускай она успокоится сколько-нибудь. Она раздражена сильно, а успокоится и все обойдется.

Та крѣпко схватила ее руку и ужъ не будучи въ состояніи говорить, только переводила глаза съ матушки на образъ, висѣвшій въ углу въ гостиной, и обратно.

— Ничего, ничего, Богъ дастъ,—повторяла матушка.

Переговоривъ съ мѣщаниномъ, тетя Клѣдя опять вернулась къ намъ и какъ будто успокоенная.

— А чтожъ я и не спрошу васъ—вы обѣдали?—обратилась она къ матушкѣ.

— Мы закусывали... почти обѣдали передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ тебѣ. Ты не безпокойся только пожалуйста, Клавдинька,—отвѣчала матушка.

— То-то скажите лучше. Вѣдь все есть. А то будете потомъ говорить: вотъ злющая-то да скупущая-то насъ какъ приняла, не накормила даже.

— Ну, что ты, Клавдинька!...

— А вы?—обратилась она къ прѣхавшей съ нами родственницѣ.

Та растерялась до того, что еле выговорила:—И я... благодарю васъ.

Тетя Клѣдя несомнѣнно догадывалась—я даже это могъ видѣть—зачѣмъ и она прѣхала и матушка къ ней, и, кажется, наслаждалась этимъ, торжествовала, что вотъ она получаетъ удовольвореніе, ей можно будетъ еще поиздѣваться надъ кѣмъ. Но она томила ее и не спрашивала с цѣли ея прѣзда. Она даже начала ее мистифицировать:

— Ну вотъ спасибо, я уже никакъ не ожидала, что меня вспомните, прѣдете. Я у васъ по мѣсяцамъ на экзекуціи жила—она знала, что проживаніе ея у задолжавшихъ ей родственниковъ они называютъ экзекуціей—а вы кажется первый еще разъ у меня?

Родственница смотрѣла на нее ни жива ни мертва, а матушка, глядя на тетю Клѣдю, съ упрекомъ покачивала головой. Но она была неумолима и продолжала мучить ее своей утонченной любовью, смѣшпанной съ ироніей: справилась, не тревожить ли ее, что ея мужъ выбранъ въ ополченіе и теперь уходитъ на войну, здоровы ли ея дѣти, даже похвалила ихъ, сказавъ, что они очень милые.

— Вотъ я къ вамъ,—начала было родственница, принявъ, кажется, эти разспросы ея за чтò-то искренное и находя этотъ моментъ удобнымъ, чтобы переговорить съ ней о цѣли своего къ ней прѣзда,—вотъ я къ вамъ, Клавдія Васильевна, съ покорнѣйшей нашей просьбой прѣхала... будьте такъ добры...

— Что такое? я добрая?—вслушиваясь и съ удивленіемъ сказала тетя Клѣдя: я — злющая и скупущая, а вы, что такое? — добрая?

— Клавдія Васильевна... я прѣхала просить васъ, умолять—отсрочте намъ на годъ еще! Мужъ мой продастъ лѣсъ и какъ только устроится это, сладится, мы вамъ внесемъ сполна...

— Да? это вашъ мужъ говоритъ? Да...

— Клавдинька,—сказала матушка:—они дѣйствительно продаютъ лѣсъ и я знаю покупателя, но имъ надо справиться, надо подождать немного еще.

Тетя Клѣдя смотрѣла съ улыбкой на матушку, точно она хотѣла сейчасъ встать и расцѣловать ее.

— Ты имъ отсрочь, ну хоть на полгода еще. Они отдадутъ тебѣ, я ручаюсь тебѣ въ этомъ,—сказала матушка.

Но тетя Клѣдя вдругъ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то, насторожила уши, помолчала и, вставая и намѣреваясь выйти изъ комнаты, сказала:—сейчасъ.

Мы опять остались одни.

— Напрасно вы начали теперь. Надо было подождать, это надо было вечеромъ уже объ этомъ съ ней поговорить.

— Ахъ, Боже мой, вы не знаете моего положенія, я съума скоро сойду,—отвѣчала ей родственница и опять глаза у нея наполнились слезами.

Матушка принялась ее утѣшать, говорила, что все Богъ и надо надѣяться, что она ее упроситъ, она дастъ отсрочку.

Родственница крѣпко жала руки матери, смотрѣла на образъ, потомъ опять на нее, утирала слезы и нервно всхлипывала. Понимались шаги возвращавшейся тети Клѣды.

Она вошла улыбающаяся, даже радостная, сіяющая, намъ показалось. Думая вѣроятно, что это происходитъ отъ того, что Андрюшѣ лучше, она была у него и убѣдилась въ этомъ, матушка спросила ее:

— Ну, что, Клавдинька, лучше ему?

— Я не была у него. У него Агафья ключница сидитъ, его нельзя тревожить, ему надо дать успокоиться.. Затѣмъ сѣла опять въ кресло и добавила:—Марѳушку, эту подлую, наконецъ, увезли сейчасъ въ Ивановскую пустошь.

— Клавдинька! Чтò ты дѣлаешь. Ну за чтò? Она же вѣдь тебя за отца просила!—воскликнула матушка.

Но тетя Клѣда, ничего не отвѣчая ей на это, перемѣнила разговоръ и начала рассказывать, что дождикъ, лившій сегодня цѣлый день, перестаетъ къ вечеру и погода хочеть кажется разгуляться.

Чтобы не раздражать ее еще болѣе, не перечить ей, всѣ тоже начали говорить о погодѣ, жалуясь на дожди и наступающее холодное время.

— У тебя, знаешь, Клавдинька, и сыро здѣсь и холодно,—сказала ей матушка,—ты бы велѣла протопить...

Матушка сдѣлала движеніе плечами отъ проникающаго ее холода и сырости.

— Надо бы, ты находишь? Хорошо, я велю, только ужъ на ночь, погода немного.

Въ домѣ, т. е. въ гостиной, гдѣ мы сидѣли, давно уже горѣли свѣчи. Въ угольную, смежную съ гостиной, подали самоваръ и тамъ тоже зажгли двѣ свѣчи. Мы всѣ перешли туда. Когда мы тамъ расположились вокругъ чайнаго стола, къ тетенькѣ изъ темнаго не освѣщеннаго зала, потомъ черезъ гостиную, тихонько, ступая на цыпочкахъ, пришелъ лакей и сказалъ, что въ переднюю пришли староста съ бурмистромъ и привели мужиковъ.

— Сейчасъ,—отвѣтила ему тетя Клѣда,—я сейчасъ выйду къ нимъ.

Тетя Клѣда налила намъ чай, акуратно прикрыла чайникъ сложеннымъ вчетверо полотенцемъ, поставила его на самоваръ и извиняясь, что должна оставить насъ на минутку, вышла, направ-

ляясь въ темный залъ и потомъ вѣроятно въ переднюю. Тѣмъ временемъ мы выпили налитый ею намъ чай—мы были голодны и, не желая раздражать ее, молчали, ожидая ужина — матушка налила намъ въ ея отсутствіи по другой чашкѣ. Я всталъ и такъ какъ матушка вела все тотъ же разговоръ съ пріѣхавшей съ нами родственницей, обнадеживая и успокоивая ее, который ужъ сколько разъ я слышалъ, то, отъ скуки и въ надеждѣ не увижу ли я кого и не узнаю ли я чего объ Андрюшѣ, пошелъ сперва въ гостиную, посмотрѣлъ висѣвшіе тамъ старинные портреты дяди и дѣда съ бабушкой и еще чьи-то, потомъ вошелъ въ неосвѣщенный темный залъ. Я хотѣлъ пройти изъ зала дальше, по корридорю, до Андрюшиной комнаты, но дверь изъ зала въ освѣщенную переднюю была отворена и я увидалъ тамъ тетеньку, стоявшую ко мнѣ спиной, а передъ нею, у стѣнки, по одной сторонѣ двухъ мѣщанъ—того, котораго мы уже видѣли, какъ пріѣхали, и еще другого, новаго—и четырехъ мужиковъ, изъ которыхъ я зналъ только одного—это бурмистра, котораго я видѣлъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, въ то время когда тетенька гостила у насъ, за приказаніями. Я не повернулъ въ корридоръ, а остановился и слушалъ изъ зала, что они говорили... Этого разговора и этой сцены я никогда не забуду, — эти лица и теперь, черезъ тридцать пять лѣтъ, у меня передъ глазами, я вижу ихъ, какъ будто бы это вчера только все было, и слышу ихъ разговоръ...

— Ну, такъ вотъ я вамъ говорю и объявляю,—говорила тетенька, обращаясь къ стоявшимъ передъ нею мужикамъ:—тебя, Степанъ, и тебя Захаръ, продала я въ вольные и свободные охотники козловскимъ мѣщанамъ Ключеву и Младенцеву—вотъ этимъ—она посмотрѣла на одного и на другого мѣщанина, которые при этомъ переступили съ ноги на ногу и поправились, покрутили шеями—и если вы будете повиноваться какъ вамъ подобаетъ и все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, вы получите по двадцати пяти рублей въ награду отъ меня, а тамъ, какъ война кончится, и совсѣмъ станете вольными... А если же будутъ глупости какія, если вы будете сопротивляться, я васъ все равно безъ зачета отдамъ въ ратники и тогда вы и послѣ войны будете моими же... какъ съ войны придете...

Два среднихъ мужика, стоявшихъ между бурмистромъ и старостой, поклонились ей, молча, съ насупленными лицами.

— А они,—продолжала тетенька, обратившись къ одному сперва мѣщанину, а потомъ къ другому,—а они отъ себя вамъ награжденія дадутъ еще и угостятъ васъ, какъ слѣдуетъ.

Мѣщане что-то сказали, что-то въ родѣ: «да ужъ это такъ, какъ слѣдуетъ, это ужъ извѣстно»...

— Послужите... Послужите царю... Чтожь? Вы еще не старые, не Богъ вѣсть какіе старики,—можете. Вонъ у меня у самой род-

ственники мои и тѣ служить: выбрало ихъ дворянство и идутъ, пойдутъ служить,—говорила имъ въ наставленіе тетюшка.

Мужики молчали.

— А это, что на войнѣ убить-то могутъ?—продолжала она,—такъ отъ воли Божіей никуда не уйдешь, это если кому назначено.

— Это ужъ точно, отъ судьбы своей и если ужъ назначено,—сказалъ одинъ мѣщанинъ, встряхнулъ головой и вздохнулъ изъ глубины души.

— Вотъ здѣсь и непріятеля никакого нѣтъ, стоимъ мы, а часъ нашъ придетъ—и все будетъ кончено, опять заговорила тетенька и тоже вздохнула, какъ бы вспомнивъ о душѣ и объ этомъ часѣ:— А тутъ по крайней мѣрѣ и царю послужите и за вѣру отцовъ и за свою, православную, постоите.

— Это такъ,—согласился и другой мѣщанинъ и поднялъ голову, вытягивая шею.

Наступила минута молчанія.

— Такъ-такъ — сказала тетенька, обращаясь къ лысому бурмистру, — сегодня я тебѣ дамъ ихъ вольныя отпускныя, ты ихъ отдашь стряпчему, какъ намедни — они ужъ знаютъ какъ это надо сдѣлать—а самъ пойдешь съ ними въ рекрутское присутствіе—тамъ ужъ будутъ знать, стряпчій ужъ знаетъ что и какъ тамъ надо будетъ дѣлать—и если они—она указала головой на двухъ среднихъ мужиковъ, внимательно слушавшихъ ея распоряженія объ ихъ судьбѣ—и если они будутъ все дѣлать какъ слѣдуетъ, какъ сдадутъ ихъ, выдай имъ изъ денегъ, которые получишь отъ нихъ вотъ—она указала головой на обоихъ мѣщанъ—каждому по двадцати пяти рублей отъ меня и потомъ ихъ вольныя—стряпчій потомъ передастъ ихъ тебѣ ужъ засвидѣтельствованныя... Ну, и все,—сказала тетенька, обращаясь къ мѣщанамъ,—все, теперь задатокъ выдавайте.

Одинъ мѣщанинъ началъ было что-то говорить, но тетенька и слушать его не захотѣла, замахала ручкой и замотала отрицательно головой. Мѣщане полѣзли въ карманы и вытащили оттуда толстыя пачки приготовленныхъ денегъ и одинъ вслѣдъ за другимъ передали ихъ ей. Тетенька начала ихъ внимательно считать, пересчитала, положила ихъ въ карманъ своего платья, потрогала его потомъ рукой, не обложила ли, и сказала мѣщанамъ:

— Вы не безпокойтесь, если что, деньги ваши будутъ цѣлы, не пропадутъ. Эти не сойдутъ, другихъ найдемъ стариковъ.

Одинъ мѣщанинъ вздохнулъ и взялъ одного изъ мужиковъ, обреченныхъ уже въ ратники, за руку, поднялъ ее и сказалъ:

— Вотъ маленько не владѣетъ она у него.

— Знаю, это ничего, это лѣвая,—успокоительно сказала тетенька.

— Обѣгаютъ эдакихъ-то.

— Ничего, Богъ дастъ сойдетъ. Вѣдь это не рекруты.

— Тогда ужъ если что—другого ужъ вы.
 — И другого, я же тебѣ говорю, найдемъ.
 — Нѣтъ, чтобы ужъ безъ сумленія... Потому ужъ, вѣдь и у другихъ помѣщиковъ тоже есть, которыхъ они продаютъ.
 — Да вѣдь я уже сказала... Будь покоенъ.
 Мѣщанинъ ничего не возразилъ. Наступило опять молчаніе.
 — Ну, берите ихъ, ведите, съ Богомъ,—опять, прерывая молчаніе, сказала тетенька.
 — Сейчасъ, на ночь, заковать ихъ прикажете?—спросилъ лысый бурмистръ.

— Заковать, заковать, непременно,—заговорила тетенька.—Все лучше заковать вели, и имъ самимъ покойнѣе, въ голову ничего дурного не придетъ. Пальцы, смотри, чтобы не порубили себѣ на рукахъ.

Бурмистръ съ однимъ мѣщаниномъ стали возлѣ одного мужика, другой мѣщанинъ и староста—возлѣ другого, дверь въ сѣни отворилась и они начали выходить.

— Какъ закуешь, ужо, послѣ ужина, приди ко мнѣ,—вслѣдъ уходящему бурмистру сказала тетенька.—Тебѣ еще вольныя имъ написать надо. Я не успѣла, у меня тутъ пріѣхали гости...

Я посторонился и сталъ въ тѣни, увидавъ, что тетенька уходитъ изъ передней. Она прошла мимо меня въ двухъ шагахъ, не замѣтивъ меня и на ходу все оцупывая у себя карманъ, въ которомъ были у нея деньги...

Я забылъ обо всемъ, подошелъ къ стулу, стоявшему у темнаго окна зала, выходившаго въ садъ, посмотрѣлъ на темныя, ночью почти черныя, верхушки деревьевъ, смутными очертаніями виднѣвшіяся сквозь забрызганныя снаружи дождемъ, запотѣлыя стекла, и опустился на стулъ.

Я видѣлъ первый разъ, какъ продавали людей—я не видывалъ этого раньше никогда. Мнѣ даже этого какъ-то въ голову не приходило, хотя, конечно, я зналъ, что это бываетъ, что это дѣлаютъ, но я теперь точно первый разъ узналъ объ этомъ: я не видѣлъ этого никогда и оттого никогда не задумывался надъ этимъ. Я не зналъ умомъ, что это безнравственно, что это не хорошо, что это преступно противъ человѣчества—я ничего этого не зналъ сознательно однимъ словомъ, но я видѣлъ теперь это и былъ глубоко потрясенъ, возмущенъ въ своемъ сердцѣ и въ душѣ... Я зналъ и слыхалъ сплошь да рядомъ разговоръ о томъ, что вотъ Иванъ Петровичъ продалъ свое имѣніе, а другой Иванъ Петровичъ купилъ, что въ этомъ имѣніи столько-то душъ и столько-то десятинъ земли и это имѣніе хорошо, что продано оно или куплено дешево, что эти двѣсти или шесть сотъ душъ въ немъ тоже, значитъ, однимъ проданы, а другимъ куплены; но это все представлялось какъ-то въ видѣ продажи и купли дома, усадьбы и сада всей проданной

и купленной Петровки или Осиновки, представлялось это все вмѣстѣ, нераздѣльнымъ, въ общемъ, и потомъ это было обыкновеннымъ и потому не поражаемо нисколько. А это вдругъ голо какъ-то: одни люди, мнѣ незнакомые, неизвѣстные, и ихъ продаютъ и совершается это тутъ же, при нихъ, и на ихъ глазахъ... тутъ же и ихъ покупатели, они ихъ берутъ, рассматриваютъ, говорятъ, что вотъ у этого-то рука плохо дѣйствуетъ и рассматриваютъ эту руку, спорятъ объ ней... «А какъ онъ взялъ-то его за руку и поднялъ ее, а потомъ опустилъ ее, бросилъ, и какъ они посмотрѣли другъ другу въ глаза?»—думалъ я все:—«А потомъ какъ они, мужики, на тетю Клѣдю-то все смотрѣли и вслушивались, что она говорить»... «А какъ потомъ, когда она сказала: ну, такъ такъ-то, идите, ведите ихъ, и они ихъ взяли и пошли съ ними»... «Ихъ закупаютъ, чтобы они не ушли ночью и руки имъ свяжутъ или тоже закупаютъ, чтобы они не порубили себѣ пальцевъ»... И потомъ какъ она все ощупывала карманъ,—гдѣ деньги:—говорить, а сама—нѣтъ—нѣтъ и ощупаетъ его...

— Сережа, ты гдѣ?—вдругъ услыхалъ я голосъ матушки изъ гостиной. Онъ шла къ залу.

Я очнулся отъ своего забытья, всталъ, встряхнулъ головой и поспѣшилъ къ ней черезъ темный залъ.

— Ты гдѣ былъ? Ты что тамъ дѣлалъ?—спросила она.

— Тамъ, такъ сидѣлъ...

— Ты спать хочешь?

Она взяла меня, приложила руку къ моей головѣ и спросила, здоровъ ли я.

— Я здоровъ,—сказалъ я.

— Если ты хочешь спать—ложись. Ужинать, должно быть, еще не скоро мы будемъ.

Но я съ ней вмѣстѣ прошелъ опять въ угольную, гдѣ сидѣла тетя Клѣдя, ужъ какъ ни въ чемъ не бывало, и толковала объ чемъ-то съ пріѣхавшей съ нами родственницей, у которой глаза были заплаканы и она все что-то увѣряла тетю Клѣдю, прикладывая себѣ къ груди растопыренную руку. Мы съ матушкой пришли, я сѣлъ въ кресло и началъ слушать, объ чемъ они говорили. Желая уладить дѣло, матушка тоже отъ себя время отъ времени вставляла фразы, обращалась то къ той, то къ другой, уговаривая ихъ согласиться.

И здѣсь дѣло ладилось, шло на ладъ, къ концу. Изъ продолженія ихъ разговора, начало котораго я не слыхалъ, и изъ всѣхъ ихъ разсужденій, я понялъ, что тетя Клѣдя покупала, т. е. брала въ уплату у пріѣхавшей съ нами родственницы одиннадцать мужиковъ, которыхъ она намѣревалась тоже всѣхъ продать мѣщанамъ и такимъ образомъ выбрать свои деньги.

— Я къ вамъ отправлю бурмистра Лукьяна своего, онъ ихъ

осмотрить, отберетъ одиннадцать человѣкъ и я буду за ними присылать, какъ прїѣдутъ ко мнѣ мѣщане покупать или мѣщанъ буду прямо ужъ къ вамъ посылать и вы прямо ужъ ихъ отпускайте имъ... Только я предупреждаю, я не отсрочу, пока не получу всѣхъ—срокъ еще есть—успѣете, если не будете задерживать. Въ недѣлю все успѣете. У меня на пять человѣкъ есть ужъ покупатели. Три у меня своихъ пойдутъ, а потомъ я за вашими буду присылать... Ко мнѣ еще покупатели, я знаю, прїѣдутъ. Я было отказала, но потомъ вспомнила.—Иванъ Михайловичъ вѣдь тоже продаетъ, такъ я у него хотѣла перекупить — ну, да все равно это, ужъ у васъ теперь возьму,—говорила тетя Клѣдя.

— «И еще... и этихъ... и съ этими, значить, будетъ тоже, и за этими будутъ прїѣзжать мѣщане, осматривать, ощупывать ихъ и покупать у нея, а она имъ будетъ награды давать и наставленія читать, а потомъ будетъ деньги прятать въ карманъ и это значить еще долго будетъ продолжаться...»—думалъ я.

— Вотъ такъ, какъ я говорю, въ такомъ случаѣ я согласна,—сказала тетя Клѣдя.

Прїѣхавшая съ нами родственница какъ-то нерѣшительно смотрѣла на нее съ заплаканными глазами и не знала, что ей отвѣтить. Смотрѣла на нее и, казалось, раздумывала о чемъ-то.

— Такъ вотъ такъ,—повторила еще разъ тетя Клѣдя и встала, собираясь зачѣмъ-то выдти.

— Я сейчасъ,—сказала она.—Надо же объ ужинѣ подумать,—и вышла.

— Ну, что же?—спросила родственницу матушка.

— Я не знаю,—всхлипывая, отвѣчала та ей.—Ну, какъ онъ не согласится... Я боюсь. Вѣдь это позоръ какой, вы знаете... Какъ вѣдь на это смотреть.

— Что же дѣлать... По нуждѣ вѣдь это вы дѣлаете,—въ утѣшеніе ей сказала матушка, желавшая во что бы то ни стало устроить ей дѣло.

— Боюсь... Не согласится, какъ вдругъ... Вѣдь это никуда глазъ потомъ показать нельзя будетъ. И потомъ, и мужики сами... вѣдь это одиннадцать семей надо будетъ почти что разорить...

— Она развѣ молодыхъ все хочетъ?

— Она и на стариковъ согласна — ей все равно. Отцовъ еще хуже будетъ. Безъ отцовъ семьи останутся...

Матушка тихо вздохнула, и онѣ обѣ замолчали.

Послышались опять шаги тети Клѣди.

— Ну, такъ что же, какъ же вы?—шопотомъ спросила свою родственницу матушка.

Но она не успѣла отвѣтить ей, какъ вошла тетя Клѣдя и сказала, что Андрюша заснулъ—что ему будетъ отъ этого очень хорошо.

— Только вотъ я не понимаю отчего докторъ не ѣдетъ? Пора бы ужъ. Я въ пятомъ часу послала, какъ только сдѣлался съ нимъ во второй разъ припадокъ,—говорила тетя Клѣдя, посматривая на маленькіе свои золотые часики:—ужъ одиннадцать скоро.

Но дѣловой разговоръ у нихъ больше ужъ не продолжался до ужина и за ужиномъ. Онѣ остались еще всѣ втроемъ, а меня послали въ отвѣденную мнѣ комнату спать.

Ночью я слышалъ какой-то шумъ, шаги, говорили, ходили. Я догадался, что это пріѣхалъ къ Андрюшѣ докторъ.

Утромъ, утомленный всѣми впечатлѣніями прошлаго дня, я еще крѣпко спалъ, какъ ко мнѣ въ комнату вошла матушка.

— Пора, вставай,—сказала она,—всѣ ужъ встали, чай пьютъ.

Я вскочилъ и сѣлъ на диванъ, на которомъ спалъ.

— Это къ Андрюшѣ докторъ вчера пріѣзжалъ, т. е. ночью?

— Да. А ты слышалъ?

— Ну, что у него?

— Ничего... Только слабость страшная...

— Его можно будетъ сегодня видѣть?

— Можно. Когда прощаться пойдѣмъ.

— То есть какъ?.. Мы сегодня развѣ уѣзжаемъ?

— Сегодня. Чтожъ, все кончено.

— А съ этой... я не зналъ какъ назвать пріѣхавшую съ нами родственницу.

— И съ ней уладила.

— Мужиковъ?..

— Ну тамъ, увидимъ.

Матушка посмотрѣла на меня какъ-то странно, вопросительно и сказала:

— А ты это знаешь?

— Я вчера видѣлъ вечеромъ... когда въ залѣ былъ, какъ она продавала ихъ...

Матушка промолчала мнѣ на это, вздохнула и сказала, чтобы я скорѣй одѣвался и выходилъ къ чаю, гдѣ всѣ ужъ давно сидятъ.

Мы уѣхали послѣ завтрака отъ тети Клѣди. Совсѣмъ ужъ передъ тѣмъ какъ одѣваться намъ и уѣзжать, я съ матушкой, но безъ тети Клѣди, пошелъ къ Андрюшѣ.

— Только ты тише иди, на цыпочкахъ,—говорила мнѣ матушка.

Я пошелъ тише.

— И потомъ ты ни объ чемъ не спрашивай и ничего ему не рассказывай.

— А что?—спросилъ я.

— Онъ очень слабъ. Ему нельзя всего знать. И если онъ и будетъ тебя объ чемъ спрашивать, то не отвѣчай, скажи, что ничего не знаешь,—учила она меня.

Мы были ужъ у самыхъ дверей его комнаты. Матушка осторожно прислушалась и тихонько пріотворила не много дверь.

— Ну, иди, только тихонько.

Она раскрыла одну половинку двери и мы вошли. Андрюша лежалъ на своей бѣленькой кроваткѣ, вытянувшись во весь ростъ и показался мнѣ необыкновенно длиннымъ. Шторы въ комнатѣ были спущены и такъ какъ день былъ пасмурный, дождливый, осенній, то въ комнатѣ были почти какъ сумерки.

Какая-то женщина сидѣла недалеко отъ него на стулѣ, встала когда мы вошли; въ комнатѣ пахло мятой, опиумомъ, лекарствами.

Андрюша повернулъ къ намъ голову и, увидѣвъ меня, вдругъ страшно оживился, хотѣлъ было улыбнуться, но потомъ сейчасъ же вдругъ опять сдѣлалъ серьезнымъ лицо и повелъ въ сторону медленно-медленно глазами, какъ бы осматривалъ всю свою комнату.

Я подошелъ къ нему и взялъ его за руку. Онъ опять быстро обернулся ко мнѣ, точно въ забытѣ, и опять посмотрѣлъ на меня пристально и я увидѣлъ, что тутъ только онъ какъ слѣдуетъ узналъ меня.

— Ну, что, тебѣ лучше теперь?—спросилъ я его.

— Лучше,—проговорилъ онъ.

— Ну, прощай, Андрюша,—сказала ему матушка.—Мы къ тебѣ скоро опять пріѣдемъ. Выздоровливай и къ намъ пріѣзжай тогда. Опять будете съ нимъ кататься, опять...—говорила она.

Андрюша съ добрыми глазами слушалъ ее, смотря на нее.

— Выздоровливай, мой хорошій. Ну, а теперь прощай,—сказала какъ-то торопливо матушка и шепнула мнѣ:—прощайся же.

Я нагнулся и поцѣловался съ нимъ.

Онъ хотѣлъ обнять меня, что-то хотѣлъ, мнѣ казалось, спросить меня, но матушка заторопилась, и стала говорить:—ну пойдемъ же, пойдемъ. Ему это вредно. Пойдемъ.

Она взяла меня даже за руку и повела къ двери. Я оглянулся еще разъ на него. Когда я былъ уже за дверями, мнѣ слышалось, что онъ позвалъ меня, назвавъ по имени.

Но мы ужъ шли отъ него по корридору.

Въ залѣ насъ дожидалась тетя Клѣдя и наша родственница, съ которой мы пріѣхали, совсѣмъ ужъ одѣтая. Онѣ что-то договаривали еще, вѣроятно о своемъ дѣлѣ.

Дома насъ встрѣтилъ отецъ и сейчасъ же спросилъ:

— Ну, что, устроили?

— Все кажется,—отвѣчала матушка.

— Согласилась, отсрочила?

— Нѣтъ, тамъ... послѣ... на другихъ условіяхъ.

Они всѣ,—матушка, отецъ и эта родственница наша,—пошли въ кабинетъ, рассказывая о дорогѣ, чтобы вѣроятно тамъ передать какъ онѣ устроились у тети Клѣды, а меня послали въ дѣтскую, гдѣ была сестра и наша гувернантка.

За обѣдомъ—всѣ уже ранѣе пообѣдали и потому намъ накрыли маленькій столъ и мы обѣдали втроемъ: матушка, эта родственница и я—онѣ сидѣли съ заплаканными глазами. Отецъ не приходилъ въ столовую.

Послѣ обѣда сейчасъ же родственницѣ подали ея лошадей, которыя оставались это время у насъ, и она поѣхала, поспѣвая домой къ себѣ...

Прошло послѣ этого семь лѣтъ. Тетя Клѣда умерла. Я былъ уже въ университетъ и пріѣхалъ на лѣто домой на каникулы.

У насъ дома сидѣлъ нашъ сосѣдъ, мировой посредникъ, только что, передо мною, пріѣхавшій къ намъ. Былъ чудный лѣтній день. Я былъ такой радостный, довольный, счастливый.

— А знаешь кто умеръ здѣсь безъ тебя. Вотъ Иванъ Николаевичъ сейчасъ оттуда и рассказываетъ, — сказалъ отецъ, — Андрюша!..

— Да, вотъ я сейчасъ оттуда. Былъ тамъ съ опекой его, на счетъ уставной грамоты у нихъ въ Дубкахъ, и когда пріѣхалъ, ужъ не засталъ его—за часъ до насъ, говорятъ, умеръ.

— Ну, и слава Богу!—рѣшительно сказалъ отецъ.—Это послѣднее время, онъ несчастный какой-то страдалецъ былъ: никого ужъ не узнавалъ... Не могъ ни ходить, ни сидѣть...

— А вѣдь огромное состояніе оставилъ, — добавилъ посредникъ.—Это все Курасовымъ отойдетъ?

— Курасовымъ,—сказалъ отецъ.—Они же вѣдь ближайшіе.

— Какое состояніе-то у нихъ будетъ!.. Въ Дубкахъ двѣ тысячи десятинъ, да въ Осиповкѣ полторы, да своихъ у нихъ четыре тысячи.

Андрюшу похоронили на ихъ же приходскомъ кладбищѣ, рядомъ съ отцомъ его, матерью и тетей Клѣдой, надъ могилкой которой былъ уже памятникъ изъ мрамора, изображавшій какую-то фигурную подставку и на ней двухъ бѣленькихъ ангеловъ, со сложенными руками и поднятыми къ небу глазами, молящихся на колѣнахъ по обѣ стороны мѣднаго вызолоченаго креста.

Я люблю старинныя, запущенныя деревенскія кладбища, на которыхъ уцѣлѣли такія памятники. Имѣнія теперь ужъ въ третьихъ и пятыхъ рукахъ, и смотрѣть за этими памятниками никакого никому интереса нѣтъ. Но, посѣщая ихъ, хорошо

очень вспоминать, думается хорошо возлѣ нихъ... Въ прошломъ году я былъ въ деревнѣ, поѣхалъ на охоту, былъ не далеко отъ Дубковъ и завернулъ туда посмотрѣть знакомое мѣсто. Зашелъ по обыкновенію своему и на кладбище; но ужъ не найти было ни Клѣдинаго памятника, ни Андрюшина — объ этомъ послѣднемъ, впрочемъ, я не зналъ и былъ ли онъ...

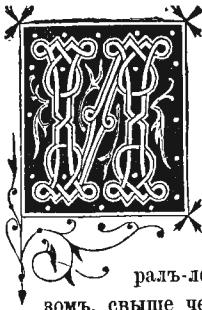
Все уходитъ...

С. Терпигоревъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ С. Б. БРОНЕВСКАГО.

МЯ СЕМЕНА Богдановича Броневскаго принадлежит исторіи Сибири. Онъ прибылъ сюда въ 1808 году, 22 лѣтъ отъ роду, имѣя чинъ подпоручика и званіе дивизионнаго адъютанта. До этого времени онъ служилъ на Кавказѣ, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, куда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ октябрѣ 1803 года изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса. Прослуживъ въ Сибири непрерывно 29 лѣтъ, Броневскій оставилъ ее въ 1837 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, свыше четверти столѣтія посвятилъ онъ тяжелымъ трудамъ въ этомъ отдаленномъ краѣ, оставивъ по себѣ въ его исторіи прочный слѣдъ: Броневскій учредилъ первыя русскія колоніи въ киргизской степи, принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ сибирскаго линейнаго казачьяго войска, защищающаго границы Западной Сибири, а въ Восточной привелъ въ исполненіе мысли правительства объ образованіи военныхъ силъ, которыхъ при прежнемъ гражданскомъ начальствѣ почти не существовало. Послѣ 1837 года Броневскій переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ сдѣланъ сенаторомъ, первоприсутствующимъ въ департаментахъ межевомъ и 4-мъ. 18 февраля 1858 года тѣсный кружокъ близкихъ людей проводилъ на Митрофаніевское кладбище бранныя останки заслуженнаго администратора, въ послѣдніе годы своей жизни бывшаго въ отставкѣ и скончавшагося на 72 году.

По словамъ одного некролога ¹⁾, Броневскій «жилъ и служилъ истиннѣ, преданный до послѣдняго изгиба сердца царю и отечеству. Въ почестяхъ, — Броневскій не искалъ ихъ; не разъ поставленный у источниковъ богатства, — не думалъ о стяженіи; долгу и чести онъ не измѣнялъ ни на минуту. Въ проявленіяхъ своего характера, вообще прекраснаго, наблюдалъ постоянную ровность, не дозволяя себѣ ни малѣйшей кичливости и гордости. Доступный всегда и

¹⁾ См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 7 марта 1858 года, № 52.

вездѣ, онъ великодушно выслушивалъ всѣхъ и каждаго съ одинаковымъ вниманіемъ, и никто не уходилъ отъ него неудовлетвореннымъ, на сколько то позволяла справедливость. Самые преступники не были лишены его ближайшаго попеченія: онъ посѣщалъ ихъ въ мѣстахъ заключенія, наставлялъ и утѣшалъ. Броневскій посылно благодѣтельствовалъ вездѣ и всѣмъ, заботясь съ рѣдкимъ вниманіемъ о самыхъ отдаленныхъ частяхъ Сибири. Поэтому и сибѣрики - отъ чиновника до полудикаго киргиза и поселенца—глубоко любили и неліцемерно уважали своего начальника». По словамъ того же некролога, имя Броневскаго, связанное съ воспоминаніями о цѣломъ рядѣ добрыхъ и полезныхъ дѣлъ, стало въ Сибири народнымъ.

Знаменитый Сперанскій, обозрѣвая Сибирь съ цѣлью составить для нея новое положеніе, въ молодомъ гвардейскомъ капитанѣ, исправлявшемъ тогда должность атамана казаковъ, нашелъ чловѣка въ уровень съ высокими предначертаніями правительства. По предложенію Сперанскаго, Броневскій, съ производствомъ въ полковника, былъ назначенъ первымъ начальникомъ вновь образованной Омской области, изъ которой гражданственность и просвѣщеніе должны были разлиться въ дикихъ степяхъ Средней Орды. Затѣмъ, императору Николаю I достаточно было двухъ часовъ бесѣды съ Броневскимъ, чтобы при первомъ случаѣ назначить его въ чинѣ генераль-маіора генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Что служебныя дѣйствія Броневскаго не были ниже надеждъ государя, можно судить потому, какъ неохотно императоръ согласился на оставленіе имъ Сибири.

Послѣ Броневскаго остались обширныя и неоконченныя имъ записки. Благодаря любезности вдовы его, мы печатаемъ здѣсь три отрывка изъ этихъ записокъ: первый содержитъ описаніе пребыванія Броневскаго въ Шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, во второмъ рассказывается о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ персидской войны, веденной Россіей изъ-за обладанія Грузіей, и въ третьемъ описывается интересное свиданіе Броневскаго съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

I.

Отецъ мой былъ капраломъ бомбардирской роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. По преданію, онъ былъ замѣчательнымъ стрѣлкомъ: въ присутствіи генераль-фельдцейхмейстера графа Шувалова онъ сдѣлалъ въ минуту съ тремя рядовыми изъ единорога 32 выстрѣла, за что повышенъ чиномъ и вышелъ въ отставку прапорщикомъ гвардіи. Женясь и устроивъ хозяйство (свое помѣстье въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи), отецъ мой поступилъ на службу совѣтникомъ тверскаго губернскаго правленія. Я былъ взятъ изъ дома въ Тверь и опредѣленъ въ дворянское училище.

Когда я и братъ мой нѣсколько подросли, насъ въ январѣ 1799 года опредѣлили въ Шкловскій кадетскій корпусъ, начальникомъ котораго былъ С. Г. Зоричъ, другъ моего дяди Семена Михайловича. Вскорѣ, по случаю пожара, истребившаго огромное

зданіе корпуса, послѣдній былъ переведенъ въ Гродно, гдѣ и помѣстился въ Новомъ королевскомъ замкѣ, на высокомъ берегу рѣки Нѣмана. Въ этомъ замкѣ, въ огромной трибунальской залѣ съ хорами, часто давались балы, на которые приглашали нѣсколькихъ кадетъ. Очень порядочный театръ, на которомъ давали драмы, комедіи, а иногда и балетъ, открытъ былъ для кадетъ бесплатно.

С. Г. Зоричъ, уроженецъ Сербіи изъ благородной фамиліи Неранжичъ, еще въ молодости пріѣхалъ въ Россію, спасаясь отъ тогдашнихъ турецкихъ неистовствъ надъ христіанами, со многими сербами, валахами и черногорцами, чтобы стать въ ряды войскъ Великой Екатерины. Зоричъ вступилъ въ гусарскій полкъ, и когда графъ Задунайскій нещадно громилъ мусульманъ, Зоричъ отличился слѣдующимъ подвигомъ. Однажды онъ врѣзался съ своимъ эскадрономъ въ толпу турокъ такъ глубоко, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми подчиненными былъ взятъ въ плѣнъ. Головы плѣнныхъ уцѣлѣли только благодаря его находчивости. Зоричъ на турецкомъ языкѣ назвалъ себя по фамиліи, которая уважалась въ Сербіи и пользовалась въ народѣ авторитетомъ, что туркамъ было извѣстно. Зорича и всѣхъ русскихъ пощадили, отвезли въ Видинъ, гдѣ Зоричъ принятъ былъ пашею съ уваженіемъ; связь его съ любимою изъ женъ паши доставила несомнѣнныя выгоды всѣмъ плѣннымъ, томившимся въ нищетѣ. Зоричъ приобрѣлъ довѣріе паши, ежедневно ѣздилъ на славныхъ лошадяхъ съ пашинской конюшни, гуляя по окрестностямъ съ вооруженнымъ конвоемъ; всегда онъ возвращался въ назначенное время; но въ одинъ прекрасный день, выбравъ лучшаго скакуна и обманувъ конвой, Зоричъ унесся на русскіе аванпосты. Турки стрѣляли, кричали и все-таки не могли догнать удалца, будучи на болѣе слабыхъ лошадяхъ. Трудно было бы спастись отъ преслѣдователей, если бы на пути не встрѣтился ручей съ обрывистыми берегами, который лошадь Зорича перелетѣла однимъ скачкомъ, какъ птица, ударясь однако головою о кустъ и повредивъ себѣ глазъ, впоследствии выболѣвшій. Пока турки отыскивали удобное мѣсто для переѣзда, Зоричъ былъ уже далеко. Пріѣхавъ въ русскій лагерь, онъ былъ представленъ Потемкину, который, обласкавъ его, пожаловалъ въ слѣдующій чинъ и отправилъ при первомъ случаѣ въ Петербургъ къ государынѣ. Здѣсь фортуна начала баловать Зорича больше, чѣмъ можно было ожидать. При дворѣ онъ понравился дамамъ, особенно императрицѣ. Въ короткое время онъ сдѣлался изъ ротмистра — генераломъ! Ничего не имѣя — владѣльцемъ мѣстечка Шклова, разныхъ деревень съ заводами и фабриками и 12-ти тысячъ душъ крестьянъ. Умерла императрица Екатерина II, и все переимѣнилось. Зоричъ очутился въ отставкѣ, хотя и жилъ бариномъ, давая пріютъ многимъ тоже отставнымъ генераламъ, особенно сербамъ. Онъ непрерывно давалъ балы, обѣды, балеты, концерты и

проч. Въ числѣ гостей бывали и кадеты, при прощаніи всякій разъ получавшіе конфекты, а иногда, по примѣру пажей, грабившіе десертный столъ. Зоричъ никогда не былъ женатъ, ведя себя однако въ родѣ видинскаго паши и имѣя сераль изъ балетныхъ дѣвухекъ.

Однажды кадеты старшаго возраста были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ балетчицами. По возвращеніи изъ манежа кадеты были арестованы и посажены въ карцеръ. Про нихъ забыли, и они, наконецъ, потеряли терпѣніе. Однажды Зоричу вздумалось пріѣхать въ корпусъ и, проходя въ парадную залу, случайно заглянуть на балконъ. Тамъ кадетъ К. дѣлалъ то, что дозволяется дѣлать только въ особыхъ мѣстахъ. Оба—и Зоричъ, и К.—были до крайности удивлены. Виноватому нечего было медлить; онъ наскоро оправился и кубаремъ проскочилъ у Зорича между ногъ. Кричали: «держи!», но поймать не могли: проворенъ былъ К. Приказано было вывести весь корпусъ на перекличку. Семень Гаврилычъ (Зоричъ) говорилъ, что виноватаго онъ сейчасъ узнаетъ по прескверной рябой рожѣ. Роты вывели въ залъ; началась перекличка; вызваны были сначала самыя большіе кадеты. Зоричъ вспомнилъ про арестованныхъ, раскричался и потребовалъ для нихъ розогъ. Арестованные кадеты были весьма великовозрастны; они носили кирасирскую форму, каски, палаши и ботфорты. Зоричъ бросился на нихъ съ кулаками. Первый изъ арестованныхъ хладнокровно напомнилъ ему, что онъ такой же дворянинъ и бить себя не позволить, и когда за этими словами получилъ ударъ, то отвѣчалъ тѣмъ же. Тутъ всѣ арестованные, кто чѣмъ попало, начали бить своего начальника въ глазахъ цѣлаго корпуса. Изъ фронта вышло нѣсколько буйныхъ головъ съ намѣреніемъ поколотить офицеровъ и учителей... Но вся эта траги-комедія кончилась лишь пустымъ шумомъ и бѣгствомъ въ разныя стороны. Послѣдовало раскаяніе бунтовщиковъ, добровольно отдавшихъя подъ арестъ. Сначала ихъ хотѣли было всѣхъ перепоротъ для назиданія передъ всѣмъ корпусомъ, но по просьбѣ родителей и родственниковъ согласились на порку домашнюю и больше волоска не тронули. Всѣхъ ихъ въ свое время выпустили въ офицеры, и правительство ничего не узнало. Тогда помнили пословицу: сору изъ избы не выносить. Да и Зоричъ, не смотря на пылкость своего характера, былъ человѣкъ рѣдкой доброты. Одинокій иностранецъ, онъ не зналъ, какъ достойно возблагодарить свою благодѣтельницу-государыню за блага, на него излитыя, и пожертвовалъ свое состояніе на учрежденіе Шкловскаго корпуса. Комплектъ кадетъ сначала былъ 150, а затѣмъ 300 человѣкъ. Изъ питомцевъ этого корпуса многіе съ теченіемъ времени прославились на высокихъ постахъ. По смерти Зорича, рано умершаго въ чахоткѣ, былъ назначенъ директоромъ Вильг. Карл. Кетлеръ.

Въ царствованіе императора Павла I выпускъ кадетъ въ офицеры были многочисленны. Тогда не смотрѣли—конченъ ли курсъ наукъ. Такъ, къ сожалѣнію, случилось и со мною. Въ 1802 году весь корпусъ былъ поставленъ во фронтъ для назначенія по экстренному повелѣнію къ производству въ офицеры 60 человѣкъ. Директоръ съ инспекторомъ и ротные командиры ходили и назначали по списку, на взглядъ. 60 человѣкъ никакъ не набиралось, а повелѣніемъ шутить нельзя было! Я ростомъ былъ высокъ не по лѣтамъ, и надобно же было случиться, чтобы директоръ, подойдя ко мнѣ, уронилъ свой карандашъ, а я расторопно поднялъ его; посмотрѣвъ на меня, директоръ спросилъ по-французски инспектора о моихъ успѣхахъ въ наукахъ, и когда тотъ отозвался несовсѣмъ одобрительно, надо мною поставили NB. Въ концѣ концовъ, и меня все-таки назначили къ производству, ибо 60 человѣкъ не набралось. Пока ходило наше представленіе, императоръ Павелъ I скончался и нашъ выпускъ не состоялся; мы должны были просидѣть въ корпусѣ еще около 2-хъ лѣтъ.

Кадеты очень любили Кетлера за его ласковое обращеніе и за уничтоженіе излишнихъ суровостей. Прежде розги были самымъ употребительнымъ наказаніемъ. Директоръ, инспекторъ, ротные начальники, учителя—всѣ сѣкли безпрестанно и сѣкли ужасно. Въ стѣнахъ корпуса почти несмолкаемо раздавались страдальческіе вопли истязуемыхъ. Но многіе кадеты считали стыдомъ кричать и стойко, безмолвно выносили сотни ударовъ розгами, даже гордясь этимъ. Кетлеръ прекратилъ эту тиранію, и безъ его разрѣшенія никто не могъ наказывать розгами и то не сотнями, а 10, 15, 25 и не болѣе. Кадеты вымѣщали свою злобу пасквилями на своихъ мучителей, карриатурами и надписями на стѣнахъ. Полиціймейстеръ бѣгалъ изъ корридора въ корридоръ и только успѣвалъ счищать.

Одежда кадетъ состояла изъ темнозеленаго мундира, желтыхъ короткихъ панталонъ, чулокъ и башмаковъ съ пряжками, которые въ строю замѣнялись штиблетами. Первая рота носила гренадерскіе колпаки, а всѣ остальные треугольныя шляпы. Прическа съ пудреною косою была предметомъ немалыхъ нашихъ заботъ. Кормили сытно, хотя и незатѣливо—все больше щами да кашей съ свинымъ саломъ и ржаными булками. Спали мы на кожаныхъ тюфякахъ, набитыхъ соломою, при одной подушкѣ, покрывались байковымъ одѣяломъ.

Въ 1802 году государь Александръ Павловичъ посѣтилъ нашъ корпусъ. Онъ былъ въ классахъ, осматривалъ чертежи, дѣлалъ ученіе и, обойдя всѣ камеры, былъ у нашего стола. Ему понравились въ корпусѣ порядокъ и чистота. О посѣщеніи государя наше начальство узнало незадолго, и такъ какъ въ небольшомъ городѣ трудно было найти достаточно рабочихъ для подновленія

и подкрашенія стѣнъ, то кадеты, изъ любви къ Кетлеру, сами бѣлили потолоки, красили стѣны и все вообще приводили въ порядокъ.

Впослѣдствіи добрѣйшій Кетлеръ, гонимый своими врагами, попалъ за корыстолюбіе подъ судъ, потерялъ службу и умеръ въ нищитѣ. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ потомковъ герцоговъ курляндскихъ. Въ Петербургѣ отставной Кетлеръ и его жена жили исключительно на заработокъ своей красавицы-дочери, которая давала уроки на фортепьяно и гитарѣ.

Въ 1806 году Шкловскій корпусъ былъ переведенъ въ Смоленскъ, а затѣмъ подъ грозой Отечественной войны, въ Кострому и, наконецъ, въ Москву. Здѣсь онъ былъ переименованъ въ Первый Московскій.

II.

Въ 1803 году 23-го октября я, наконецъ, былъ произведенъ въ прапорщики въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Я отправился на Кавказъ, въ Георгіевскъ, гдѣ былъ штабъ полка. Заѣзжая по дорогѣ къ нѣкоторымъ роднымъ, я не могу не упомянуть о дядюшкѣ моемъ, Алек. Степ. Казинѣ, орловскомъ и тульскомъ помѣщикѣ, отличавшемся необычайной силой: онъ поднималъ одною рокою 12 пудовъ. Росту онъ былъ 2 аршинъ и 13 вершковъ, толщины необъятной. Онъ былъ кавалергардомъ и какъ-то разъ попалъ въ Гатчину къ Наслѣднику. При восшествіи на престолъ Павла I отъ всѣхъ сверстниковъ моего дядюшки велѣно было отобрать отзывы, куда они пожелаютъ быть опредѣлены. Нѣкоторые записались въ армейскіе полки и были отправлены туда съ повышеніемъ; другіе, помышленнѣе, употребили фразу, что желаютъ вѣчно служить при государѣ въ гвардіи (года черезъ полтора рѣдкій изъ нихъ не былъ уже генераломъ; напр., Капцевичъ черезъ 6 лѣтъ послѣ корпуса былъ генераль-лейтенантомъ). А мой дядя написалъ на листкѣ, что государю извѣстно, что онъ по своей тяжести въ кавалеріи служить неспособенъ потому, что никакая лошадь его не выдержитъ, а въ пѣхотѣ потому, что не можетъ ходить въ строю; потому онъ проситъ службы гражданской на родинѣ. Его произвели въ коллежскіе ассесоры съ назначеніемъ въ Орелъ городничимъ. Преданіе гласитъ, что онъ имѣлъ право писать государю лично и даже получалъ отвѣты. На всѣхъ наводилъ страхъ такой голаеъ-городничій. Въ досадѣ онъ поднималъ купцовъ за бороды выше своей головы и перебрасывалъ черезъ заборъ; лошадей убивалъ кулакомъ съ одного раза. Одного мѣщанина, въ чемъ-то провинившагося, городничій не хотѣлъ ударить рукою, а толкнулъ пальцемъ въ бокъ и переломилъ ему ребро. Много такихъ продѣлокъ сходило ему съ рукъ.

Георгіевскъ былъ въ то время губернскимъ городомъ, хотя это нисколько не дѣлало его лучше другихъ городовъ, черезъ которые мнѣ приходилось тогда проѣзжать: такая же невылазная грязь, немощенныя улицы, некрашенные деревянные дома. Главнокомандующимъ въ Грузіи, на кавказской линіи, и управляющимъ гражданскою частію въ губерніяхъ Астраханской, Кавказской и Грузинской, былъ знаменитый генераль-отъ-инфантеріи, князь Пав. Дм. Циціановъ, несчастную кончину котораго въ Баку всѣ оплакивали и о которой я расскажу ниже. Командующимъ войсками кавказской линіи былъ Гр. Ив. Глазенапъ, шефъ драгунскаго полка. Глазенапъ въ скоромъ времени сдѣлалъ меня своимъ адъютантомъ. Въ первое время моего пребыванія на Кавказѣ были совершены двѣ экспедиціи въ Большую Кабарду, оба раза подъ командой генераль-лейтенанта Глазенапа. Въ первый разъ кабардинцы вырѣзали на линіи много казаковъ, во второй разъ угнали съ линіи массу скота. Обѣ экспедиціи, конечно, были для насъ удачны.

Въ Дагестанѣ и Лизгистанѣ, областяхъ сосѣдственныхъ съ Грузіей, не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя главнокомандующимъ, продолжалось угнетеніе грузинъ, нападенія на наши посты и задерживалась наша торговля съ Астраханью и Кизляромъ. Князь Циціановъ рѣшилъ занять крѣпость Бакинскую и смирить враждебнаго Гусейнъ-Кули-хана. 11-го января 1806 года, князь выступилъ къ Баку. Баку—торговый городъ, расположенный въ безплодной и безлѣсной долинѣ, при заливѣ Каспійскаго моря, весьма удобномъ для стоянки судовъ. Городъ обнесенъ тройною высокою каменною стѣною со рвомъ, башнями и вѣшними ретраншементами, съ каменною одеждою въ видѣ рavelиновъ, построенныхъ еще императоромъ Петромъ Великимъ. Князь, расположась на пышечный выстрѣлъ, отправилъ терскаго казачьяго полка штабъ-ротмистра Филатова въ крѣпость съ письмомъ къ хану и съ предложеніемъ о сдачѣ, обѣщая неприкосновенность ихъ правъ, вѣры и имущества; если предложеніе будетъ отвергнуто, онъ угрожалъ штурмомъ за ихъ разбойничьи поступки. Ханъ Гусейнъ, принявъ посланца, приведеннаго съ завязанными глазами, по совѣщанію съ собраніемъ бековъ и старѣйшинъ (во время котораго нашъ посланецъ былъ выведенъ въ другіе покои дворца), отвѣчалъ, что городъ будетъ защищаться до послѣдняго человѣка и никогда не сдастся, что къ нему придутъ еще войска дагестанскія и наемныя лезгины, которыхъ онъ ждетъ съ часу-на-часъ. Собравшійся у дворца народъ, узнавъ объ отвѣтѣ хана, выражалъ свое одобреніе неистовыми криками, проводивъ посланца весьма непріязненно. Загремѣла съ обѣихъ сторонъ артиллерія, ружейная пальба тоже не умолкала. При появленіи нашихъ за водою или въ окрестныхъ деревняхъ за дровами и фуражемъ случались кровопролитныя

стычки. Къ намъ былъ привезенъ моремъ провіантъ, овесъ и штурмовыя лѣстницы.

Ханъ, между тѣмъ, частнымъ образомъ велъ переговоры, показывая, что онъ якобы расположенъ сдать крѣпость. Онъ увѣрялъ князя въ своей личной пріязни, затягивая дѣло и поджидая вспомогательнаго войска. Князь, однако, серьезно готовился къ штурму и его трудно было обмануть. Будучи природнымъ грузиномъ, онъ зналъ азіатцевъ, какъ самого себя.

Наконецъ, ханъ объявилъ, что, по зрѣломъ обсужденіи дѣла въ собраніи бековъ, не находитъ болѣе возможности ожидать штурма и сдаетъ крѣпость русскимъ. При этомъ онъ просилъ, чтобы, щадя его въ глазахъ народа, избавилъ отъ стыда публично подносить ключи города и признавать себя плѣнникомъ, а дозволилъ бы на половинѣ пути между крѣпостью и форштадтомъ съѣхаться безоружнымъ и здѣсь совершить поднесеніе ключей; затѣмъ князь пусть отправитъ войска для занятія воротъ и караула въ городѣ, а хана отпустить.

Князь весьма обрадовался такому извѣстію и отдалъ приказаніе къ 9 часамъ утра особому отряду занять форштадтъ и сдѣлать нарядъ въ городской караулъ. Полковникъ князь Эрстовъ и майоръ Тарасовъ предостерегали князя Циціанова, что ханъ умышляетъ что-то недоброе, что это замѣтили они, бывши въ городѣ и подслушавши въ собраніи бековъ и старѣйшинъ двусмысленныя и подозрительныя выраженія. Но князь, проникнутый всегда рыцарскимъ благородствомъ, вознегодовалъ и выслалъ ихъ отъ себя. Братья и племянники князя и другіе преданные ему люди умоляли не подвергать себя опасности, но онъ остался непреклоннымъ.

Рано утромъ князь Павелъ Дмитриевичъ вышелъ къ собравшемуся генералитету въ полной парадной формѣ, объясняя, что ему слѣдуетъ быть такъ одѣтымъ, ибо онъ принимаетъ городъ и его ключи въ лицѣ государя императора. По тогдашнему обычаю, поданъ былъ завтракъ, пили водку, и князь противъ обыкновенія налилъ себѣ большую рюмку; затѣмъ обошелъ кругомъ турій рогъ съ кахетинскимъ... Всѣ поѣхали на пустой форштадтъ, предварительно занятый нашимъ отрядомъ. Форштадтъ былъ расположенъ отъ города на разстояніи саженой 200. Родные князя опять упрашивали его не ѣздить или позволить имъ сопровождать его, но то и другое было безуспѣшно. Князь былъ, повидимому, бодръ и спокоенъ. Князь Эрстовъ, зная языки персидскій и татарскій, долженъ былъ замѣнять переводчика.

Въ 9 часовъ утра главнокомандующій выѣхалъ на назначенный пунктъ къ колодезю; пѣшій гребенскій казакъ безъ оружія шелъ свади для принятія лошадей. Ворота города были заперты, а по стѣнамъ стояло войско. Ханъ не показывался. Князь приказалъ Эрстову съѣздить и напомнить хану, что ему, князю, какъ

дѣйствующему въ лицѣ императора, неприлично долѣе ожидать. Но въ этотъ моментъ изъ крѣпости выѣхали Гусейнъ-бекъ и городской старѣйшина или комендантъ, калабегі съ ключами города и хлѣбомъ солью, объявляя, что ханъ опасается напихъ войскъ и самъ быть не можетъ. Главнокомандующій отвѣчалъ, что если ханъ сомнѣвается въ насъ, то пусть выѣзжаетъ съ 1000 своихъ воиновъ, а онъ будетъ одинъ съ княземъ Эристовымъ, своимъ переводчикомъ. Князь Циціановъ, кромѣ того, замѣтилъ, что вернется опять къ хану не иначе какъ съ лѣстницами; при этомъ онъ возвратилъ ключи и хлѣбъ соль, прибавивъ, что онъ приметъ ихъ только изъ рукъ самаго хана. Въ это время отворилась калитка и вышелъ ханъ, сопровождаемый двумя гайдуками, вооруженными съ ногъ до головы. Эристовъ напомнилъ хану, что вооруженными гайдуками нарушается условіе сдачи города; ханъ же на это отвѣтилъ:

— Вы и князь знаете азіатскіе обычаи, что тѣлохранители никогда не оставляютъ того, кому служатъ, и явиться безъ оружія имъ все равно, что потерять честь. Поѣзжайте и успокойте князя, а я безоружный поѣду самъ къ нему навстрѣчу.

Это было исполнено. Ханъ приблизился и главнокомандующій сошелъ съ лошади. Вниманіе войска было напряжено. Воцарилась мертвая тишина... Ханъ подаль на блюдѣ ключи города и дружественно облобызался съ княземъ. Чего кажется еще желать?.. Но лишь князь освободился изъ объятій хана, какъ два всадника, подѣхавшіе въ это время изъ города, разомъ въ упоръ выстрѣлили въ князя и мгновенно обезглавили его кинжалами, успѣвъ даже ограбить всѣ брилліанты и отрѣзать палецъ вмѣстѣ съ перстнемъ... Толпа конницы съ крикомъ выскочила изъ города и, окруживъ хана и убитаго, бросилась въ крѣпостные ворота. Князь Эристовъ преслѣдовалъ хана, осыпая его укоризнами за неслыханное злодѣйство. Ханъ и его велѣлъ пристрѣлить... Съ крѣпости загремѣла пушечная и ружейная пальба по фортштадту. Наши хотя и отвѣчали, порываясь на штурмъ, но внезапное несчастіе потерять такого начальника, какъ князь Циціановъ, слава котораго никогда не померкнетъ на Кавказѣ, повергнуло всѣхъ въ крайнее разстройство. Отрядъ съ фортштадта отступилъ въ лагерь.

Вскорѣ были взяты безъ выстрѣла Дербентъ и Куба; затѣмъ подъ командой Глазенапа выступили къ Баку. Переходъ отъ Кубы къ Баку былъ очень труденъ. Здѣсь тянется степное пространство, непроходимое въ дождливое время вслѣдствіе илистой почвы. Была дорога по горамъ, но она трудна для обозовъ. Кругомъ ни лѣса, ни кустарника; бурьянъ служилъ намъ дровами. Кое-гдѣ виднѣлись опустѣлыя деревни. Поля были засѣяны сорочинскимъ пшеномъ, которое было уже убрано. Обыкновеніе напускать воду на пашни по иловатому грунту дѣлаетъ ихъ недоступными. До-

рога, оставленная между напнями, узка и не вездѣ черезъ канавы есть мосты; особенная бѣда была съ артиллеріею и обозами съ лошадьми, изнуренными безкормицей. Изрѣдка мы находили кучи обмолоченнаго проса и набирали его для людей и лошадей. Солдаты толкли просо, сдѣлавъ въ землѣ ямку, провѣвали въ рукахъ и варили кашу. При нашемъ приближеніи, ханъ, предчувствуя неминуемую бѣду, бѣжалъ моремъ, оставивъ городъ на произволь. Баку сдался намъ безъ всякаго сопротивленія 3-го октября 1806 года.

Въ 1808 году, вслѣдствіе разлада, возроставашаго съ графомъ Гудовичемъ, новымъ главнокомандующимъ вмѣсто князя Цицианова, Глазенапъ перевелся съ Кавказа въ Сибирь инспекторомъ сибирскихъ войскъ и начальникомъ сибирскихъ линій. Глазенапъ предложилъ мнѣ быть его адъютантомъ.

III.

Войска квартировали въ Омскѣ, въ которомъ мнѣ пришлось прослужить въ продолженіе двадцати лѣтъ. Я пріѣхалъ въ Омскъ раньше Глазенапа. Штабовъ тогда никакихъ не существовало и вся инспекторская, пограничная часть легла на меня. По пріѣздѣ въ Омскъ Глазенапъ въ скоромъ времени принялся за переформированіе сибирскихъ полковъ, и съ отчетомъ объ этомъ я ѣздилъ два раза въ Петербургъ, къ графу Аракчееву. Въ 1833 году, вслѣдствіе мучительной боли въ боку, разбитомъ при несчастномъ паденіи съ лошади, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшной хандры отъ сибирскаго однообразія, я рѣшился оставить службу въ Сибири и переѣхать на житіе въ Петербургъ. Но, къ сожалѣнію или къ счастью, судьба рѣшила совершенно иначе...

По пріѣздѣ въ Петербургъ начались мои представленія—коменданту Башуцкому, дежурному генералу Клейнмихелю и военному министру графу Чернышеву. Приемъ былъ ласковый: они и прежде знали меня по безпрестаннымъ сношеніямъ по службѣ. У меня дѣла шли какъ часы: что получено, то съ первой почтой и исполнено. У развода въ Михайловскомъ манежѣ я представлялся государю императору, потомъ великому князю Михаилу Павловичу и наслѣднику цесаревичу. Въ день Рождества Христова былъ въ Зимнемъ дворцѣ на выходѣ. На другой день я былъ у графа Чернышева. Графъ засыпалъ меня вопросами по службѣ и такъ дѣльно и подробно разспрашивалъ, переходя отъ одного предмета къ другому, что удивилъ меня. Между прочимъ, я упомянулъ, что цѣль моего пріѣзда въ Петербургъ—намѣреніе просить о переводѣ изъ Сибири на службу, по усмотрѣнію, куда угодно, что, прослужа тамъ 25 лѣтъ, я имѣю право просить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что

сыновья воспитываются въ Петербургѣ и на рукахъ дочь невѣста, да 80-лѣтняя старуха мать, требующая моихъ попеченій. Графъ отвѣчалъ мнѣ:

— Помилуйте! Да это невозможно! Вы нужны тамъ; вы знаете край, да и служить всѣ обязаны тамъ, куда назначать.

Но я убѣдительно повторилъ свою просьбу, и откланялся.

Черезъ нѣсколько дней военный министръ, увидѣвъ меня въ его канцеляріи, сказалъ, что государь вскорѣ потребуетъ меня къ себѣ; тоже подтвердилъ и Клейнмихель, прибавивъ, что такъ какъ записка обо мнѣ лежитъ у государя въ кабинетѣ на столѣ, то требованіе можетъ послѣдовать вдругъ, совершенно неожиданно. Послѣ двухъ недѣль нетерпѣливаго ожиданія, я былъ, наконецъ, извѣщенъ съ вечера фельдъегеремъ, что на другой день, въ 3 часа пополудни, я долженъ явиться въ Зимній дворецъ.

Безъ десяти минутъ 3 часа я былъ уже во дворцѣ. Меня провели наверхъ камеръ-фурьеры, сдавая одинъ другому, и, наконецъ, привели въ ротонду, откуда открывался превосходный видъ на Адмиралтейство и на взморье. Здѣсь ожидалъ представленія также и министръ финансовъ царства Польскаго Фурманъ. Ко мнѣ подошелъ человекъ въ денщикьемъ мундирѣ и, подробно распрося фамилію, чинъ, мѣсто служенія, сказалъ, что тотчасъ доложить государю. Я не видѣлъ ни дежурныхъ генераль-адъютантовъ, ни флигель-адъютантовъ. Минутъ черезъ пять явился тотъ же денщикъ, прося слѣдовать за нимъ, и повелъ меня опять внизъ, въ довольно темную комнату, слабо освѣщенную лампами и топившимся каминомъ. Здѣсь, изъ-за ширмъ, вышелъ дежурный камердинеръ, опять опросившій меня и доложившій обо мнѣ. У дверей стояли арабы и дворцовые гренадеры. Вся прислуга показалась мнѣ чрезвычайно вѣжливою и предупредительною. За этой прихожей былъ небольшой залъ, изъ котораго шли двери въ кабинетъ государя; двери кабинета были заставлены ширмами, и въ этотъ залъ никто не смѣлъ войти безъ доклада камердинера.

Вскорѣ меня потребовали къ государю. Только-что я переступилъ порогъ зала, какъ его величество показался изъ кабинета. Онъ былъ въ измайловскомъ сюртукѣ, застегнутомъ только на верхнюю пуговицу, безъ эполетъ. Мѣрными шагами государь прошелъ по залу въ амбразуру окна. Ласково отвѣтивъ на мой поклонъ, онъ прислонился спиною къ углу амбразуры и началъ меня разспрашивать о состояніи войскъ, о корпусномъ командирѣ, собирается ли онъ пріѣхать сюда, о ружьяхъ и этапахъ,—исправно ли водятъ партіи ссыльныхъ. При этомъ государь рассказалъ, какъ здѣсь на заставѣ поймали картожника, бѣжавшаго изъ Сибири. Я отвѣчалъ, что съ этаповъ убѣжать почти невозможно и что картожникъ собѣждалъ вѣроятно съ заводскихъ работъ.

— Каково ведутъ себя государственные преступники?—спросилъ государь.

— Очень одобительно, ваше величество,—отвѣчалъ я:—ни одинъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ; а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ закрыто.

Кромѣ того, я осмѣлился прибавить, что ссыльныхъ изъ простаго народа Сибирь можетъ принять еще больше теперешняго: они, дѣлая преступленія иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ передъ предрержащей властью. Но политическихъ преступниковъ нужно было бы водворять въ другіе края Россіи.

Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и отвѣчалъ:

— Да это такъ, но они успѣваютъ входить въ связи съ начальствомъ (тогда былъ доносъ въ этомъ родѣ на Иркутскъ); ихъ близко держать невозможно; мнѣ этого еще никто не говорилъ.

Сказано не въ упрекъ мнѣ за смѣлую выходку, а относилось вѣроятно къ мѣстному начальству.

— Ты хочешь,—продолжалъ государь,—оставить службу въ Сибири? Послушайся меня, поѣзжай опять туда: ты хорошо знаешь край и тебя всѣ любятъ... Я берусь устроить положеніе твоей матушки, къ которой ты по просухѣ заѣзжай, и вообще о нуждахъ твоихъ объясни графу Александру Ивановичу—я буду имѣть тебя въ виду. Прощай!—Съ этими словами государь изволилъ было направиться къ дверямъ кабинета, но вдругъ, остановясь посрединѣ зала, проговорилъ:—я можетъ быть у васъ буду, это оттуда зависить—и показалъ при этомъ рукою на небо.—Можетъ быть суждено и моему Александру Николаевичу...

Дѣйствительно это такъ и случилось, къ благополучію отдаленной страны.

Дежурный генералъ на другой день сказалъ, что мнѣ назначена аренда въ 1200 руб. сер. въ годъ. По приказанію государя я приготовилъ записку графу Александру Ивановичу и въ канцеляріи военнаго министерства хотѣлъ было подать ее, но онъ упредилъ меня, объявивъ, что его величество пожаловалъ мнѣ на проѣздъ въ Сибирь 10.000 руб. ассигнаціями. Послѣ такихъ монаршихъ щедротъ записку свою я задвинулъ подальше за мундиръ.

На третій день я представлялся государю во время развода, чтобы поблагодарить за награду и откланяться по случаю отъѣзда въ Сибирь. Государь, милостиво принявъ меня, изволилъ сказать, чтобы завтра въ 3 часа я былъ у него. Здѣсь же я представлялся и его высочеству наследнику.

На другой день, въ назначенное время и тѣмъ же порядкомъ, я былъ принятъ въ той же комнатѣ. Государь изволилъ сказать:

— Корпусный командиръ долженъ пріѣхать сюда. Ты при-

мень управление и тебѣ нужно поспѣшить въ корпусную квартиру. Поѣзжай въ артиллерійскій департаментъ и осмотри тамъ ружья, доставленные изъ Англїи, сообрази—въ состоянїи ли вы своими мастеровыми передѣлать шомпольныя трубки по нашему образцу, и доложи обо всемъ графу Александру Ивановичу. Необходимо, чтобы ружья у васъ были исправны. Они давно были бы отправлены, но братъ Михаилъ Павловичъ остановился за дорогою перевозкою.

Чтобы успокоить государя я осмѣлился сказать ему, что въ цѣломъ корпусѣ, кромѣ двухъ горныхъ баталіоновъ, недавно еще причисленныхъ къ корпусу, ружья совершенно исправны; хотя они и не новы, ибо передѣланы изъ французскихъ, но весьма надежны; да и въ горные баталіоны везутся изъ Московскаго арсенала такія же, и, какъ мнѣ извѣстно, транспортъ находится уже въ Казани. Но государь не отмѣнилъ своего приказанія объ осмотрѣ англійскихъ ружей. Много было еще другихъ служебныхъ вопросовъ и особенно о казакахъ. По окончанїи разговора, государь обнялъ меня, трижды поцѣловалъ и, пожавъ выразительно руку, удалился въ кабинетъ. Пока государь уходилъ, я стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ вкопанный; потомъ я тихо вышелъ въ прїемную, гдѣ нашель графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова. Очарованный ласкою государя, я сказалъ ему, что готовъ въ это мгновеніе ѣхать не только въ Сибирь, а куда угодно. На вторичное предложеніе ѣхать въ Сибирь, я отвѣчалъ его величеству, что осыпанный его милостями, готовъ служить и на краю свѣта. Онъ съ улыбкою замѣтилъ:

— Да и это не близко!

Признаюсь, отъ всего случившагося со мною—я былъ въ восторгѣ. На глазахъ закипали слезы и я, сидя въ каретѣ, крестился и долго мысленно молился, повторяя:

— Слава тебѣ, Боже! Слава тебѣ, Боже!

Счастіе мое было бы совершенно, если бы я былъ здоровъ и если бы мнѣ не наскучила Сибирь... . . . . .

С. Броневскій.

ТИПЫ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

III.

Попъ-богатырь.

I.

ВЕЧЕРОМЪ 11-го іюля 1611 года, воинскій развѣздъ изъ шести человѣкъ казаковъ и конныхъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ стрѣleckаго головы Василія Гаютина и Софійскаго протопopa Аммоса, объѣзжалъ подгородье Новгорода Великаго на сѣверо-западъ отъ Софійской стороны. Покачиваясь на широкомъ сѣдлѣ и побрякивая доспѣхомъ, скрывымъ подъ темною рясою, протопопъ Аммосъ—высокій и крупный мужчина лѣтъ подъ 50,—велъ вполголоса бесѣду съ своимъ товарищемъ, стрѣleckимъ головою, который ѣхалъ рядомъ съ нимъ на каремъ иноходцѣ.

Перекидываясь отрывочными рѣчами съ протопопомъ, голова, то и дѣло, посматривалъ на шведскій станъ, раскинутый подъ стѣнами и въ стѣнахъ Колмовской обители.

— Что посматриваешь, Василий Ивановичъ?—допрашивалъ протопопъ у головы.—Аль чаешь къ ночи отъ нѣмцевъ чего не добраго?

— Не чаю, отецъ Аммосъ! Не забыли еще они той остратки, что мы имъ третьяго дня задали, какъ они на приступъ полѣзли...

¹⁾ Первые два очерка, подъ этимъ заглавіемъ, были напечатаны въ февральской (стр. 395) и майской (стр. 322) книжкахъ «Историческаго Вѣстника».

— Ну, нѣтъ, Василій Ивановичъ, на это не располагайся: не таковскій ворогъ, чтобы съ одного приступа и спятился... Да и воевода-то ихній, Яковъ Понтусовъ Делегардъ—тоже хитрая лиса! Свое дѣло тонко знаетъ!

— Что-о говорить! Старый, травленный волкъ, бывалый!.. Да вотъ попыталъ... сунулся и обжогся...

— Обжогся?.. Ой ли? Развѣ не знаетъ онъ, что между нашими воеводами ни совѣта, ни согласья нѣтъ... Знаетъ, что и у ратныхъ людей съ посадскими тоже нелады да раздоры... Вотъ онъ и ждетъ, и ждетъ случая,—а выждетъ, не минуетъ!

— Да! Ужъ и воеводы тоже хороши! Князь Иванъ-то Никитичъ Одоевскій и не прочь бы постоять противъ врага... Самъ чай видѣлъ, какъ онъ во время приступа не сходилъ съ забрала и распорядился всѣмъ самолично, и воиновъ ободрялъ? А за то ужъ другой-то, Васька-то Бутурлинъ...

— Вотъ кого на мѣсто Ивана-то Салтыкова ¹⁾ на торгъ-то вывести бы!—сумрачно проговорилъ протопопъ, оправивъ скуфейку, прикрывавшую низкій и гладкій шеломъ.

— Да, да! Вотъ кого на коль-то безъ всякаго милосердія посадить!—горячо подтвердилъ голова.—Самъ посуди! Тутъ мы на Софійской сторонѣ съ нѣмцами бьемся,—отъ пушечнаго боя да отъ пищальнаго зыка звонкаго разслышать другъ друга не можемъ,—а онъ тамъ, на Торговой сторонѣ, со своими озорниками бражничаютъ да срамныя пѣсни поетъ! Вотъ ужъ точно по комъ плаха-то плачетъ!

— Прогнѣвался на насъ Богъ, Василій Ивановичъ!—съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ протопопъ, задумчиво проводя рукою по окладистой бородѣ, прикрывавшей его широкую грудь.—Разумъ отнял у насъ... сердца наши окамениль... помышленія омрачить... Сами не вѣдаемъ, что творимъ... бродимъ аки въ туманномъ гаданіи—что овцы безъ пастыря...

— Да ты растолкуй, сдѣлай милость, отецъ Аммосъ,—обратился голова къ протопопу,—что отъ насъ нѣмцамъ-то нужно? Я, по простотѣ сказать, и въ толкъ не возьму.... То все дружили съ царемъ Василиемъ, въ союзъ съ нимъ набивались—а то вдругъ и полѣзли на насъ, и насъ же воюють!

— Чего же ты въ толкъ не возьмешь, Василій Ивановичъ? Дѣло немудреное, и нѣмцы знаютъ, за чѣмъ идутъ... Дружили они съ царемъ Василиемъ, а наши измѣнники-бояре его съ престола свели, да намѣсто его и присягнули польскому королевичу. А у Свейскаго-то Карлуса съ Жигимонтомъ польскимъ вражда на смерть... Вотъ нѣмцы-то и отшатнулись отъ насъ, и идутъ на насъ

---

¹⁾ Иванъ Салтыковъ, незадолго передъ тѣмъ, былъ казненъ въ Новгородѣ, по обвиненію въ измѣнѣ.

войною... Хотятъ и они намъ тоже своего свейскаго королевича на-вязать!

— Какъ же такъ: двумъ царямъ въ одной землѣ не бывать же?

— Не двумъ царямъ... А такъ, сколько у Польши успѣютъ рус-ской земли отвоевать, столько и хотятъ своему королевичу отдать...

— Да неужто-же и Новгородъ Великій тоже?—съ изумленіемъ переспросилъ голова.

— И Новгородъ Великій тоже—коли Богъ попуститъ!

— Да владыко-то что же смотреть? воеводы?—съ досадою и вол-неніемъ продолжалъ голова.—Вѣдь у насъ и силы ратной, и за-паса—всего довольно. Отъ трехъ шведскихъ ратей отсидѣться можемъ не хуже Троицкихъ иноковъ!..

— Владыко! Воеводы!—съ уныніемъ произнесъ Аммосъ, пока-чивая головою.—Да развѣ же они подь стать Троицкимъ инокамъ, милый? Нашелъ къ кому прировнять... Да Бутурлинъ, самъ ты знаешь, первый хриstopродавецъ! Онъ первый и владыку-то съ толку сбиль—заставилъ въ переговоры съ нѣмцами вступить! Вѣдь ему Яковъ Понтусовъ Делегардъ давній пріятель... И теперь онъ у него, что ни день, все въ гостяхъ... все вмѣстѣ пьютъ! Онъ и владыку-то напугалъ: разграбятъ-де нѣмцы, раззорятъ всю отчину св. Софїи и до казны Софїйской доберутся...

— Да нечего намъ на ихъ и смотрѣть, коли такъ!—съ доса-дою проговорилъ голова.—Долой ихъ всѣхъ, да самимъ отпоръ и дать нѣмцамъ!

— Э-эхъ, что ты задумалъ!.. Недоброе задумалъ! Власть-то до-лой? И при властяхъ всѣ врозь смотрятъ—а что же тогда будетъ? Развѣ ты не видѣлъ, какъ наши торгоапи нѣмцамъ-то, словно до-рогимъ гостямъ, обрадовались? Тѣ еще на Хутыни стояли, за Жиль-тугомъ, еще не перевозились за Волховъ, на Колмово, а ужъ поль-города къ нимъ въ станъ торговать выѣхало: наше же награблен-ное добро, нашей кровью облитое, у нихъ покупать да вымѣни-вать!

— Охъ, такъ! Такъ—точно... На городскихъ да на посадскихъ плоха надежа!—проговорилъ, какъ бы про себя Василій Ивано-вичъ. И оба собесѣдника смолкли, поглядывая, въ печальномъ раз-думьѣ, на раскинутый вдали шведскій лагерь, ярко освѣщенный красноватымъ отблескомъ заката.

Изъ лагерея ясно долетали отдаленные звуки трубъ и трескъ барабановъ, которые мѣрно отбивали какую-то дробь и потомъ вдругъ смолкли: военная музыка смѣнилась стройнымъ пѣніемъ гимна, который пѣли сотни мужественно-звучныхъ голосовъ...

— Вечернюю молитву поютъ,—проговорилъ Василій Ивано-вичъ, кивкомъ головы указывая на шведскій лагерь.—Значитъ пора и намъ въ городъ... Тамъ еще дѣла много: надо стражу осмотрѣть на стѣнѣ, смѣны ночныя назначить...

И онъ свернулъ своего иноходца къ Чудинцевской проѣздной башнѣ, которою разѣздъ долженъ былъ вернуться въ городъ. Когда они подъѣхали къ башнѣ по плохому мостику, перекинутому черезъ неглубокій и грязный ровъ, заросшій травой, никто не подумалъ отворять имъ ворота, и только тогда, когда Василій Ивановичъ приказалъ спѣшиться двоимъ стрѣльцамъ и дубасить въ ворота кулачищами, подъ сводами воротъ послышались какіе-то голоса и шаги.

— Откѣтывайте, что ли? Эй, кто тамъ?—сердито крикнулъ голова.

— Откутаѣмъ!—крикнулъ кто-то изъ-за воротъ.—Скажи еще спасибо, что услышали; а то, пожалуй, до завтра просидѣлъ бы за воротами!

И вслѣдъ за этимъ, застучали воротные засовы, заскрипѣли толстые створы и одинъ изъ нихъ сталъ медленно отходить въ сторону, пропуская спѣшившійся разѣздъ подъ своды Чудинцевской башни.

— А гдѣ же всѣ ворѣтники?—строго обратился голова къ двоимъ дюжимъ казакамъ, которые, потягиваясь и позѣвывая, стояли около отвореннаго створа воротъ и сонными глазами поглядывали на въѣзжавшихъ товарищей.

— Ворѣтники?—переспросили казаки.—Вѣстимо гдѣ! На Торговую сторону ушли. Тамъ у Бутурлинскихъ ребятъ такой праздникъ идетъ, что ну! Сюда слышно, какъ тамъ пѣсни деруть...

— Да какъ же они смѣли! Да кто же тутъ есть?.. Кто на стѣнѣ?

— А на стѣнѣ тутъ въ нашемъ концѣ до самаго Волхова наберется ли съ десятокъ насъ и съ стрѣльцами вмѣстѣ; да и въ сосѣднемъ концѣ, пожалуй, не больше...

— Вотъ, видишь ли, Василій Ивановичъ,—отозвался протопопъ Аммосъ.—Видишь ли, какво воеводы городъ стерегутъ! Долго ли до грѣха?

— Вижу, вижу! Эй, Сенька Бабунъ! Не слѣзая съ коня, скачи на Торговую сторону, да всѣхъ нашихъ, кто не пьянъ, сейчасъ сгоняй сюда: скажи, моль, что самъ князь Иванъ Никитичъ приказалъ... А вы двое при этихъ молодцахъ, въ воротахъ останьтесь,—сказалъ голова, обращаясь къ двумъ стрѣльцамъ изъ разѣзда.—Я сейчасъ самъ сюда отъ воеводы вернусь, да и къ Тимоѣю Ивановичу за казаками спосылаю! Отецъ Аммосъ, ужъ и ты бы тоже со своими ребятами сюда къ намъ на ночь пожаловалъ: какъ-нибудь вмѣстѣ ночь-то огоревали бы.

— Чтожъ? Я не прочь... Какъ только вотъ со старухой-то своей улажусь?.. Она вѣдь у меня неугомонная... Ну, да ужъ ладно,—буду!..

И попъ Аммосъ, кивнувъ головою Василію Ивановичу, шагомъ

направился на своемъ тяжеломъ соврасомъ меринѣ къ своему двору, на углу Чудинцевской улицы и узкаго криваго переулка, выходящаго на Прусскую улицу.

II.

Сумракъ ночи уже начиналъ окидывать своимъ туманнымъ покрываломъ улицы затихавшаго города, по которымъ гулко раздавался тяжелый и мѣрный топотъ коня. Улицы были пусты и тихи; только у немногихъ воротъ, на лавочкахъ и заваленкахъ, или на высокихъ порогахъ калитокъ, видны были парочки, нѣжно-прижавшіяся и нѣжно-ворковавшія все ту же нескончаемую пѣсню любви, для которой не существуетъ исторія... Парни и дѣвушки, пользуясь темнотою, шутили и смѣялись, спѣша вознаграждать себя за скуку однообразныхъ стѣсненій дня, и вполнѣ наслаждаясь свободой и отсутствіемъ докучнаго надзора подъ покровомъ наступающей ночи.

— Вотъ онъ ѣдетъ—попъ-то Аммосъ!—жужжали чечотки у однихъ воротъ.—Видно съ разѣзда ворочается?

— Попадетъ ему отъ попады на орѣхи, какъ домой-то вернется!—посмѣивались парни у другихъ воротъ.

— Да! вотъ батька-то за ворота, а дочка-то на заваленку,—язвила какая-то молодуха у одного изъ сосѣднихъ домовъ...—А еще поповна, еще скромницей слыветъ...

— Ни дать, на взять, какъ мы съ тобой!—зубоскалилъ высокій и дюжій парень, наклоняясь къ молодыухѣ.

Попъ Аммосъ слышитъ эти рѣчи, долетающія до его ушей изъ темныхъ уголковъ подъ навѣсами воротъ,—и ѣдетъ мѣрнымъ шагомъ къ дому. Онъ и самъ знаетъ, что каждый вечеръ, въ сумеречки, дочка его Аксинья, — единственное, любимое его дитяtko, — потихоньку отъ него и отъ матери, босикомъ спускаясь съ крылечка, выходитъ за калиточку на свиданіе къ своему дружку милому, посадскому Васькѣ Орлову, который ужъ съ весны къ отцу Аммосу сватовъ засылаетъ... И кабы не онъ, Аммосъ, тому препятствовалъ,—давно была бы его дочка замужемъ.

— «Да какъ тутъ быть? Какъ въ этакую смуту, въ этакую сумятицу—намъ о своихъ дѣлахъ блюсти?»—грустно размышляетъ протопотъ. «До свадьбы ли тутъ, какъ на каждый часъ бѣды себѣ готовь! Того и гляди измѣна тебя обойдетъ, и врагъ тебѣ, какъ снѣгъ на голову!.. Нѣтъ, ужъ потягнемъ всѣ, послужимъ Руси православною, постоимъ за Новгородъ Великій грудью... А тамъ, какъ отъ врага отсидимся, Васькѣ, съ дочкой сказалъ, что я имъ не помѣха. Вѣдь Васька-то хорошій, добрый парень—и не мотъ, и не пьяница, и не зернычикъ»...

И въ этихъ мысляхъ, протопопъ Аммосъ подѣхалъ къ тесовымъ воротамъ своего двора, обнесеннаго высокимъ крѣпкимъ тыномъ и застроеннаго внутри, около просторныхъ хоромъ, всякими службами: ампениками, погребами и амбарушками. Когда онъ осадилъ своего коня, который почти уперся головою въ рѣзную вереву воротнаго навѣса, двѣ какія-то темныя фигуры быстро поднялись съ лавочки у воротъ, и одна изъ нихъ поспѣшно скользнула въ калитку, а другая, въ темнотѣ приблизилась къ протопопу.

— Отцу Аммосу здравіа!—проговорилъ знакомый голосъ.

Васька Орловъ почтительно взялъ подъ узцы коня, съ котораго грузно спѣшивался протопопъ.

— Кто гдѣ, а ты все здѣсь торчишь—на сторожѣ,—съ нѣкоторою укоризною замѣтилъ Аммосъ молодому посадскому.—Тебѣ бы не здѣсь, а на стѣнѣ мѣсто, по настоящему-то; а ты около своей лебедки нѣжишься... Дождетесь вы всѣ того, что нѣмецкіе вороны заклюютъ вашихъ лебедокъ...

— Ну, ужъ нѣтъ, отецъ протопопъ! Сколько хочешь кори, а пустого не говори... Я своего никому не отдамъ: прежде самъ костями лягу...

— То-то: костями лягу! Прийдутъ—и не услышишь; уведутъ—и не узнаешь. Теперь кто хочетъ прійди:—града нашего и стеречь некому! Пойди, полюбуйся—ни при воротахъ воротниковъ, ни при пушкахъ пушкарей, ни на стѣнѣ ратныхъ людей... Одна измѣна сторожить насъ изъ-за каждаго угла... А ты, добрый парень, и въ усъ не дуешь, на заваленкѣ тутъ прохлаждаешься.

— Да полно корить-то, отецъ Аммосъ! Севечерь я къ тебѣ за дѣломъ пришелъ, не то, чтобы только къ Аксиньюшкѣ на бесѣду. Ускользнуть было время—мы еще э-ва-гдѣ поступъ коня твоего слышали...

— Ну, какое тамъ дѣло? Говори коротко—мнѣ слушать недосугъ...

— Да дѣло-то такое,—началь было издалика молодой посадскій.

— Говори скорѣе,—нетерпѣливо перебилъ его протопопъ,—да помни, что если ты опять о свадьбѣ, такъ можешь и не разговаривать...

— Да, нѣтъ же! Будетъ время говорить о свадьбѣ, когда врага избудемъ—знаю я это. Что выговорено—то и вымолочено. Не въ томъ мое дѣло, а въ томъ, что наши ребята, изъ рядскихъ, съ Торговой стороны, сегодня въ стану у нѣмцевъ съ товаромъ были, и тамъ у нихъ Ивашку Шваля видѣли...

— Какой это Ивашка Шваль?

— А вотъ помнишь тотъ самый Ивановъ, человѣкъ Лутохина, который еще Аксинью-то для своего боярина выкрасть хотѣлъ, и котораго я поучилъ маленько...

— А! Помню, помню! Что жъ онъ тамъ, въ полону у нѣмцевъ— что ли?

— Былъ въ полонѣ; а теперъ на свободѣ ходить и всеѣмъ хвалится, что посулился нѣмцевъ въ городъ ввести. Такъ и нашимъ ребятамъ, бестыжій, въ глаза хвалился: «я, говоритъ, нѣмцами прेमного доволенъ, и сытъ ими, и пьянъ ими, и за то я ихъ въ городъ введу. И тогда, говоритъ, надъ всеѣми вами большимъ чело-вѣкомъ буду»...

— Только и всего?

— Да ты думаешь онъ это такъ спроста? Нѣтъ — вѣдь онъ шустрый! Онъ тутъ какія штуки откалывалъ: — въ кольцо пролѣзалъ... Вотъ онъ какой! Да и я такъ думаю: нѣтъ ли у него съ бояриномъ его съ Лутохинымъ какой стачки? Вѣдь Лутохинъ-то съ Бутурлинымъ дружить, да и владыкѣ тоже Бутурлинскія рѣчи въ уши дуетъ... А коли Лутохинъ съ Бутурлинымъ столкнутся, такъ Ивашку-то научать — съ котораго мѣста въ городъ нѣмцевъ ввести.

Протопопъ такъ и встрепенулся весь.

— Ахъ я, старый дуралей!—сказалъ онъ, ударяя себя по-лбу.— И точно, вѣрно ты говоришь, Васенька! Лутохинскій чело-вѣкъ у нѣмцевъ!.. Бутурлинъ да Лутохинъ... И сеночь пожалуй не даромъ Бутурлинъ всеѣхъ нашихъ стрѣльцовъ да казаковъ къ себѣ на Торговую сторону сманилъ... Ужъ нѣтъ ли затѣи какой? Охъ, Господи! Да мы всеѣ должны на стѣнѣ быть... Всю ночь тамъ быть...

— Да гдѣ же всеѣхъ собрать, отецъ Аммосъ!—возразилъ молодой посадскій.—Никого на ночную стражу не сманишь:—теперь каждому пуховикъ забрала милѣе... А вѣдь спѣлоха не зазвонишь—тебѣ же попадетъ отъ властей и воеводъ. Скажутъ: зачѣмъ напрасно народъ бунтуешь—у насъ моль съ нѣмцами къ договору дѣло идетъ...

— И то правда, и то!—сказалъ съ уныніемъ протопопъ, пону-ривъ голову и разводя руками.—Ну, дѣлать нечего! Сегодня мы съ тобой да съ крылошанскими ребятами постережемъ — послужимъ господину Великому Новгороду да дому св. Софіи!.. А завтра пойду съ княземъ Иваномъ Никитичемъ къ владыкѣ—и ты туда же со своими пріятелиаи приходи—будемъ просить, чтобы онъ намъ, съ нашими уличанами заодно, дозволилъ стражу стѣнную поочередно нести.

— Отчего не пойти! Прийду, и пріятелей приведу. А подъ твоимъ началомъ мы всеѣ быть рады...

— Такъ бѣги же домой за доспѣхомъ да за военнымъ запасомъ, и выходи къ Чудинцевскимъ воротамъ.

И между тѣмъ, какъ Васька Орловъ, быстро зашагалъ отъ воротъ въ сторону переулка, Аммосъ, тихо брякнувъ колечкомъ калитки, проговорилъ вполголоса:

— А ну-ка, скромница, отвори воротечки!

И молодая поповна, которая во все время бесѣды отца съ ея суженымъ стояла притаившись за калиткою, поспѣшно отодвинула воротный засовъ, распахнувъ одну половинку тесовыхъ воротъ, и, принимая поводья коня изъ рукъ отца, тихонько шепнула ему на ухо:

— Ты бы ужъ къ матушкѣ-то не ходилъ... Она на молитвѣ стоитъ—не легла еще... Заругается!

— Чтожъ съ ней подѣлаешь... Пускай поругается — душу на мнѣ отведетъ!.. Надо мнѣ ей сказать, что я и во всю ночь домой не буду. Такъ ты мерина-то не разсѣдывай. Только отпусти ему подпруги малость...—И тяжело вздохнувъ, отецъ Аммосъ сталъ грузно подниматься въ верхнее жилье по ступенькамъ крылечка, которыя гнулись и стонали подъ его тяжелою стопою.

Ворота протопопскаго двора тихонько притворились, глухо стукнувъ засовъ—и все смолкло... Только издали, съ Торговой стороны, доносились изъ-за Волхова пѣсни и крики пьяной, разгулявшейся Бутурлинской дружины, да въ темнотѣ, окончательно окутавшей улицу, слышался по заваленкамъ и подъ навѣсами воротъ все тотъ же шопотъ парочекъ, прерываемый то свѣжимъ, молодымъ смѣхомъ, то звонкими подблудами.

III.

Владыко Исидоръ, митрополитъ новгородскій и великолукцкій, только-что вернулся съ крестнаго хода въ свои палаты и, разоблачившись, надѣлъ домашнее ходильное платье, собираясь выйти въ свой владычній садъ, на отдыхъ въ тѣни и прохладѣ,—какъ явился къ нему истопникъ и доложилъ, что пришла къ нему попадьа съ челобитьемъ.

— Какая попадьа? Чего нужно?—съ нѣкоторымъ недовольствомъ спросилъ владыко, обращая къ истопнику свое полное и красное лицо, опущенное жидкой сѣденькой бородкой.

— Протопопова Аммосова жена, — тоже съ видимымъ неудовольствиемъ отвѣчалъ владычній истопникъ.

— Зачѣмъ ты ее пустилъ? Развѣ ты не знаешь, какова эта баба?—крикнулъ владыко на истопника.

Владыкѣ—человѣку тучному и сильно страдавшему отъ жаровъ, при томъ еще и утомленому крестнымъ ходомъ по стѣнамъ Дѣтинца—было теперь не до протопопши.

— Смилуйся, государь, не изволь на меня гнѣваться,—взмолился истопникъ, низко кланаясь.—Не я впускалъ... Я только доложить прислалъ... А ее вонъ и самъ дворецкій твой къ твоей милости допускать не хотѣлъ—такъ она какой содомъ подняла...

Владыко утеръ молча ширинкой потъ, катившійся крупными каплями съ его чела, принялъ костяной посохъ изъ рукъ послушника, и сказалъ, обращаясь къ истопнику:

— Посылай ее въ садъ.

И онъ сошелъ съ сѣней въ садъ, направляясь къ своей любимой бесѣдкѣ, на высокомъ холмѣ Волховскаго берега, надъ Владычнимвъ Островкомъ.

Не успѣлъ еще владыко опуститься на лавочку бесѣдки, не успѣлъ протянуть руки къ кружкѣ любимаго медоваго кваса, который подносилъ ему съ поклономъ ключникъ, какъ калитка сада распахнулась настежь и протопопша—въ повязкѣ на-кривъ бокъ, въ китайчатой тѣлогрѣѣ въ накидку, бурей влетѣла въ садъ, едва сдерживаемая двумя дюжими истопниками, которые вели ее подъ руки.

Это была низенькая, худощавая бабенка, лѣтъ подъ сорокъ, суетливая и юркая въ движеніяхъ, неистощимая въ брани и ссорахъ, зубастая и рѣчистая до крайности—суцая гроза всѣхъ бабъ и дѣвокъ Чудинцевской улицы, всей Софійской сторонѣ, извѣстная своею сварливостью и неугомоннымъ нравомъ.

Владыко еще издали видѣлъ, какъ подергивало лицо протопопши, какъ судорожно сжимались тонкія губы ея широкаго рта, какъ таращились и прыгали ея злые сѣрые глазки... Когда она мелкими шажками подошла къ порогу бесѣдки и бухнула съ размаху лбомъ въ землю, владыко крѣпко нахмурился, готовясь слушать длинную рачею.

— Смилуйся, смилуйся, великій господинъ, преосвященный владыко! Смилуйся,—вопила, что есть мочи, протопопша, не поднимаясь съ земли.

— Говори скорѣе, въ чемъ твое челобитье? — произнесъ владыко, стараясь не глядѣть на протопопшу.

— Охъ-о-охъ, смилуйся! Совсѣмъ погибаю!—продолжала вопить и стонать протопопша, не поднимаясь съ земли.

— Встань! Говори толкомъ,—на кого челомъ бьешь?

— Охъ-о-охъ, ужъ нѣтъ, ужъ не встану, великій господинъ! Помилуй, помилуй!

— Да встань же, баба!—гнѣвно крикнулъ владыко, удара посохомъ въ полъ бесѣдки. — Меня почище тебя люди на выходѣ ждуть—бояре, воеводы, власти градскія... Встань, и не вопи.

— О-охъ, о-охъ, владыко пречестный!—простонала протопопша, приподнимая съ земли только голову и прикидываясь плачущею и страждущею.— На мужа челомъ бью, на твоего протопопа... Задумалъ онъ всѣхъ насъ погубить и злой смерти предать. Всѣхъ, всѣхъ насъ погубить, окаянный, своею дуростью! Нѣтъ больше моей моченьки... Смилуйся! Мнѣ съ нимъ своду не взять. Покажи ты на немъ свою десницу владычнюю!

— Въ чемъ жалоба? Чѣмъ онъ досадилъ тебѣ?..

— Чѣмъ досадилъ!?—завопила протопопша, не вставая съ колѣнъ, но горячо размахивая руками.—Чѣмъ досадилъ?! Ахъ, Господи,—чѣмъ досадилъ!! Тѣмъ и досадилъ, что развоевался!.. Изъ доспѣха не вылѣзаетъ, шелѣма съ головы не снимаетъ!.. То на сторожѣ, то въ развѣздѣ—совсѣмъ отъ рукъ отбился... И крылошанъ всѣхъ своихъ съ толку сбиваетъ—за собой водить! Изъ самопаловъ стрѣлять ихъ учить, изъ самострѣловъ...

— Такъ тебѣ-то что, неугомонная? Твой мужъ видитъ, что врагъ подъ стѣнами, ну, и блюдетъ, да не придетъ онъ въ нощѣ!..

— Ахъ, Господи, Боже мой!—затораторила протопопша, мѣняя плаксивый тонъ на воинственный и наступательный,—да его ли это дѣло? Какой онъ воинъ? Развѣ онъ воинъ? Воинъ онъ—что ли?—Господинъ пречестный, ты развѣ ему это разрѣшилъ, дозволилъ, чтобы онъ воевалъ?.. А онъ и оружіе всякое у себя, и доспѣхъ въ клѣти держать, и двѣ бочки зелья въ погребѣ не вѣдомо гдѣ зарыль... И всю улицу бунтуетъ, и женъ съ мужьями разстроиваетъ... Самъ дома, съ богоданной женой не ночуетъ, и другихъ мужьевъ отъ женъ отводитъ...

— Да вѣдь ты же сама говорила, что онъ то на сторожѣ, то въ развѣздѣ—ну, и другіе тоже!—перебилъ протопопшу владыко.

— А кто тебѣ сказалъ, что онъ въ развѣздѣ? А по чемъ я знаю, куда онъ, песь этакій, ходитъ? Али ты тоже, владыко, ему потачку дать хочешь—поноровить грѣху? А? Вонъ ономясь-то дьячиха мнѣ сказывала, что у ней тоже мужъ не ночевалъ... Подъ утро вернулся... А какъ стала она допытывать да допрашивать—тоже говорилъ, что на стѣнѣ былъ! А мы всѣ знаемъ, что онъ съ Аеонасихой, съ сапожницей, связавшись! Нѣтъ, владыко, ты воспрети, ты накажи, ты лозы и желѣзъ не жалѣй! Смилуйся... Охъ-о-охъ, всѣ погибаемъ, горемышныя! Ужъ это что же—до чего дошло, коли мужья дома не ночуютъ... Ну, пусть бы дѣвки гуляли съ парнями—а это ужъ что же, послѣднія времена приспѣли! Охъ-о-охъ!

И протопопша разразилась новыми воплями и возгласами и опять, съ озлобленнымъ упорствомъ, начала отбивать поклонъ за поклономъ передъ владыкою, который, едва сдерживая гнѣвъ, проговорилъ отрывисто, обращаясь къ челобитчицѣ:

— Ступай домой... Я призову протопопу—потолкую съ нимъ.

— Призовешь—потолкуешь?—вдругъ злобно вскрикнула баба.— Нѣтъ! Ты его накажи, да эпитемью на него наложи, да весь запасъ отъ него отбери,—и зелейную казну вели отнять! А это что же—что потолкуешь! Мнѣ не этого надобно! А чтобы зналъ—каковъ онъ воинъ! Да накажи!...

— Вонъ отсюда! — крикнулъ, наконецъ, разгнѣванный вла-

дыко.—Уведите бабу — чего вы стали! — обратился онъ къ истопникамъ.

Истопники мигомъ подхватили протопопшу подъ руки, подняли ее съ земли, и не смотря на все ея сопротивленіе потащили къ калиткѣ. Но злая баба, нимало не унывая, вырываясь и выбиваясь изъ дюжихъ истопничьихъ лапъ, все продолжала вопить и кричать на весь садъ:

— Охъ, батюшки! Погибаемъ—въ конецъ погибаемъ! Ужъ это что же... Отъ рукъ отбились... Нѣтъ! ты накажи, въ желѣза его закуй, пса окаяннаго! Такъ-то!

Калитка захлопнулась, но и съ подворья еще долго доносился визгливый голосъ сварливой бабы, которую не легко и не скоро удалось выпроводить съ Софійскаго митрополичьяго двора.

— Воинъ! Тоже—воинъ!—шенталь съ досадою сквозь зубы владыко. — А съ бабой управиться не умѣетъ!

Какъ разъ въ это время къ бесѣдкѣ подошелъ одинъ изъ митрополичьихъ слугъ и доложилъ Исидору, что къ нему прибылъ воевода, князь Одоевскій, и ожидаетъ его выхода на владычнихъ сѣняхъ.

Владыко тяжело поднялся съ мѣста и, неохотно покидая прохладу сада, направился къ своимъ хоромамъ.

IV.

На владычнихъ сѣняхъ выхода владыки уже давно ожидали близкіе ему люди: митрополичій дьякъ Степанъ Спячей, и печатникъ его, софійскій боярскій сынъ, Иванъ Лутохинъ. Оба пришли съ дѣлами и бумагами, и весьма непріязненно посматривали въ сторону воеводы князя Ивана Никитича Большого-Одоевскаго, который сидѣлъ у окна на лавкѣ, на противоположномъ концѣ сѣней, окруженный выборными изъ посадскихъ людей, съ Ваською Орловымъ во главѣ. Когда владыка вступилъ въ сѣни, всѣ присутствующіе отвѣсили ему по низкому поклону; а когда онъ опустился на свое обычное мѣсто, всѣ, начиная съ воеводы и до послѣдняго посадскаго, подошли къ владыкѣ подъ благословеніе. Затѣмъ митрополитъ Исидоръ подозвалъ къ себѣ князя Ивана Никитича и усадилъ его около себя на лавкѣ, крытой пестрымъ полавочникомъ.

— Утомился я очень нонѣчь,—жаловался митрополитъ князю,— по этакой жарѣ, всѣ стѣны у Дѣтинца, всѣ башни съ крестнымъ ходомъ обошелъ: чудотворную икону Знаменья Пресвятой Богородицы по стѣнамъ обносили... Молили Владычицу да защититъ и покрываетъ и нынѣ Новгородъ Великій отъ врага иноземнаго, какъ нѣкогда уцѣтила его отъ суздальцевъ окаянныхъ... А ты ко мнѣ по дѣлу по какому, князь?

— По дѣлу, честной владыка, — почтительно отвѣчалъ князь Иванъ Никитичъ. — Тоже по защитѣ города отъ враговъ иноземныхъ... Вотъ и господа посадскіе со мною же...

Посадскіе, при этомъ упоминаніи, отвѣсили по низкому поклону.

— Ну, что же? Что же? Въ чемъ же дѣло? — засуетился митрополитъ Исидоръ, съ недоумѣніемъ поглядывая то на воеводу, то на посадскихъ.

Дьякъ Степанъ Спячей и Иванъ Лутохинъ такъ и впились глазами въ воеводу.

— Да вотъ, честной владыка, — началъ опять Иванъ Никитичъ, — за благословеніемъ къ тебѣ... То есть, ужъ ты насъ благоволити и разрѣши, помимо ратной силы, здѣсь на Софійской сторонѣ изъ крылопанъ и изъ посадскихъ стражу очередную на стѣнахъ и у воротъ устроить. Вотъ и они всѣ о томъ же пришли тебя просить...

Посадскіе опять отвѣсили по поклону.

— Ну, что же? Отчего же? Можно—это можно... А развѣ ратной силы не довольно у тебя опять?

— Какъ не довольно! Очень бы довольно было, кабы съ товарищемъ-то у насъ лады были... А я не вижу въ Василиѣ Ивановичѣ ни радѣнья, ни помощи! Что ни день, онъ, не спросясь моего согласья, съ Делегардомъ съѣзды чинить, въ договоры съ нимъ вступилъ, изъ моего отряда стрѣльцовъ да казаковъ къ себѣ сманиваетъ, поить и угощаетъ ихъ... Такъ долго ли и до бѣды? Вчера вонъ на стѣнахъ-то было десятка два всѣхъ ратныхъ людей! И кабы не твои же крылошане да не посадскіе, такъ некому бы и оберечь городъ отъ нѣмцевъ...

Митрополитъ Исидоръ хотѣлъ было отвѣчать воеводѣ, но дьякъ Степанъ Спячей, обратившись къ нему, замѣтилъ очень кстати:

— Чего же и оберегать-то городъ, коли враги не нападаютъ! Вѣдь ты же и самъ вѣдаешь, преосвященнѣйшій владыка, что воевода Василий Ивановичъ Бутурлинъ съ твоего согласья вступилъ въ переговоры съ Делегардомъ...

— Да, да, конечно!.. Съ моего согласья—потому, князь Иванъ Никитичъ, все же худой миръ лучше доброй ссоры... И я тоже думаю, чего же городъ оберегать, коли ужъ нѣмцы съ нами въ переговоры вошли...

— Переговоры — переговорами, честной владыка, — замѣтилъ воевода, — а и то надо сказать: береженаго Богъ бережетъ. Лишняя охрана намъ помѣхой не будетъ...

— Дозволь, государь, постоять и намъ съ твоими крылошанами за Новгородъ Великій и за св. Софью! — заговорили посадскіе, кланяясь въ поясъ митрополиту.

— Ну, чтожъ? Я — ничего... Это можно: поусердствуйте, — довольно неопредѣленно отозвался Исидоръ.

— Они и еще хотѣли просить тебя, преосвященнѣйшій владыко,—вступился Одоевскій,—чтобы ты дозволилъ имъ въ начальники стѣнной охраны выбрать протопопа софійскаго, отца Аммоса...

— Аммоса? — нахмуриваясь переспросилъ владыко.—Какъ же это? Аммоса? Что же онъ за воинъ?

— Отецъ Аммосъ смолоду, до священства, во многихъ войнахъ за Русь православную бился,—замѣтилъ воевода,—и съ татарами, и съ литвой, и съ нѣмцами.

— Ну, нѣтъ! Какой же онъ воинъ... Совсѣмъ не воинъ! И съ попадѣй своей управиться не умѣеть...

— Дозволь, государь, намъ протопопа Аммоса въ начальники выбрать!—заголосили посадскіе, неразслышавшіе послѣднихъ словъ владыки.—Онъ тутъ у насъ твоего приказа во дворѣ дожидаетъ...

— А что нѣмцы скажутъ, преосвященнѣйшій владыка,—вступился вдругъ Иванъ Лутохинъ,—коли узнаютъ, что ты съ ними переговоры ведешь, а самъ противъ нихъ же новую дружину собираешь, да еще твоего протопопа въ начальники надъ ней ставишь?

Митрополитъ Исидоръ безпокойно задвигался на своемъ креслѣ, потеревилъ свою жиденькую бородку (а это бывало у него всегда недобрѣмъ знакомъ) и затѣмъ, насушивъ брови, сказалъ:

— Позовите-ка сюда протопопа!

Черезъ минуту громадная фигура отца Аммоса появилась въ дверяхъ, въ которыя онъ прошелъ, нагнувшись; а когда вступилъ въ сѣни, то оказался чуть не на полголовы выше всѣхъ, самыхъ рослыхъ посадскихъ. Перекрестившись на икону, онъ, быстрыми, огромными шагами подошелъ къ митрополиту Исидору, отвѣсилъ ему земной поклонъ, и только было подошелъ подъ благословіе, какъ тотъ вдругъ, совершенно неожиданно, обратился къ нему со словами:

— А какъ ты смѣешь народъ бунтовать? Какъ ты—служитель алтаря, предстоящій предъ престоломъ Божьимъ—въ доспѣхъ смѣешь облекаться! Оружіе носить—въ дѣйствахъ воинскихъ участвовать? А?

Широкое, благообразное и чрезвычайно добродушное лицо протопопа Аммоса выразило сначала изумленіе, потомъ просто испугъ. Глаза его безпокойно забѣгали по сторонамъ—руки видимо ему не повиновались... Онъ стоялъ передъ митрополитомъ, какъ провинившійся школьникъ, тяжело дыша и не дерзая произнести ни одного слова, хотя губы его и шевелились, то сжимаясь, то открываясь...

— Какъ ты дерзнулъ, безъ моего благословія, моихъ крылошанъ на стѣны посылать и пищальной стрѣльбѣ обучать!?—продолжалъ еще громче владыка.—Твоя жена на тебя мнѣ жаловалась, что ты не токмо самъ воинствуешь, но и другихъ въ слазнь вводишь?

— Великій господинъ,—осмѣлился было начать протопопъ.

— Молчи! Я тебя знаю... Не священное и не духовное у тебя на умѣ,—а плотское, мірское!.. Прещенія достоинъ! Канонъ на тебя наложу...

— Великій господинъ, преосвященнѣйшій владыко! Казни меня или милуй—въ томъ твоя воля,—рѣшился наконецъ произнести протопопъ Аммосъ—только, видитъ Богъ, за домъ св. Софьи постоять хотѣлъ... Потому измѣна грозитъ...

— Какая измѣна?.. Что такое?.. Откуда измѣна?—вдругъ спохватился владыко, безпокойно оглядываясь по сторонамъ и отъ гнѣвнаго оттѣнка въ голосѣ переходя къ тревожному.

— Въ твоихъ палатахъ, государь, измѣна засѣла!—вдругъ крикнули разомъ нѣсколько голосовъ въ толпѣ посадскихъ, и Васька Орловъ, выступивъ впередъ, сказалъ твердо, указывая на Ивана Лутохина:

— Вотъ евоный, Ивановъ Лутохина человекъ, Ивашка Шваль, нашимъ робятамъ у нѣмцевъ въ стану хвалился, что нашихъ воровъ въ городъ введетъ. Всѣ и робята здѣсь, всѣ твоему преосвященству покажутъ!..

— Лжетъ онъ, собака!—дерзко крикнулъ Лутохинъ, измѣняясь въ лицѣ и злобно сжимая кулаки.—Лжетъ онъ, владыко, на твоего вѣрнаго слугу: никакого Ивашки Шваля я не вѣдаю!..

— Тѣ-то, не вѣдаешь! Теперь не вѣдаешь?—закричали въ свою очередь посадскіе.—А какъ въ прошломъ годѣ подсылалъ его протопопскую дочку выкрасть—такъ тогда небось вѣдалъ!

— Не позволяй имъ лаяться, преосвященный владыко!—съ невозмутимой наглостью продолжалъ Лутохинъ.—Это они все по ненависти... ей-ей, по одной ненависти!.. Я съ ними изъ-за твоихъ луговъ пятый годъ тягаюсь: вотъ они и взводятъ на меня небывальщину. Въ прошломъ году, ни за что, ни про что, моего человека до смерти избили...

— Вотъ ты-то лжешь, безстыжіе твои глаза!—заговорилъ, возвысивъ голосъ и горячась, Васька Орловъ.—Это точно, что поучилъ я твоего холопа Ивашку...

— Хорошо поучилъ,—перебилъ Лутохинъ,—тотъ зубовъ не до считался, да ребро ему переломилъ! Тебя бы за разбой-то, знаешь, какъ бы слѣдовало!

— Что же ты меня въ судъ не позвалъ?—насмѣшливо спросилъ Васька Орловъ, подпирая бока руками.—То-то! Тогда наблудить не удалось, такъ теперь черезъ того же бѣса-Ивашку Великій Новгородъ нѣмчурѣ продать хочешь!

— Полно вамъ шумѣть и спорить!—сказалъ наконецъ воевода.—Своими дѣлами послѣ посчитаетесь... Пречестной владыка, какъ же ты наше дѣло порѣшишь?

Митрополитъ Исидоръ, который, во время перебранки Лутохи-

на съ посадскимъ, успѣлъ пошептаться со своимъ дьякомъ Степаномъ Спячимъ,—обернулся къ воеводѣ и сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Мы съ нѣмцами въ договоръ еще не вступили... однако... близко ужъ... Такъ опасуюсь я, какъ бы воевода ихній, Делегардъ, не прогнѣвался на насъ... Я долженъ, по сану моему, миръ творить, а не раздоры сѣять... не воинствовать.

— Дозволь намъ, государь, развяжи намъ руки!—заголосили посадскіе.

Владыко, быстро поднявшись съ мѣста, обратился къ посадскимъ, и крикнулъ гнѣвно:

— Не разрѣшаю!.. Не дозволяю!! Не благословляю—слышите ли вы!! А ты—ты помни, Аммосъ! Ты отнынѣ подъ моимъ прещеніемъ епископскимъ... Какъ прійдешь къ вечернѣ—эпитемію наложу на тебя по винѣ твоей...

И митрополитъ Исидоръ поспѣшно удалился во внутренніе покои, вмѣстѣ съ клиромъ своимъ, съ дьякомъ и печатникомъ, оставивъ и воеводу, и посадскихъ, и протспопа Аммоса въ уныніи и недоумѣніи.

V.

Прошло еще дня три. Городская жизнь Великаго Новгорода текла попрежнему. Воеводы спорили и ссорились между собою, и вмѣстѣ съ владыкою вели переговоры со шведами; но переговоры—подвигались впередъ медленно, приводили къ взаимнымъ укорамъ, и готовы были ежеминутно разстроиться. Посадскіе и торговые люди не ладили съ стрѣльцами и казаками, и во многихъ мѣстахъ ратники буйствовали, затѣвали драки, грозили разбить лавки и подвалы съ товарами. Осторожность была забыта и городскія стѣны оберегались плохо... А врагъ, попрежнему, спокойно и твердо, стройнымъ станомъ, стоялъ подъ Колмовской обителью, за своими высокими земляными окопами, и горожане на Софійской сторонѣ, каждый день, слышали, какъ, на утренней и вечерней зарѣ, трубили въ шведскомъ станѣ трубы и били барабаны, призывая войско на молитву...

Такъ наступилъ вечеръ 15-го іюля. Палящій дневной жаръ, всѣхъ истомившій въ теченіе дня, не остылъ и къ вечеру. Солнце закатилось среди темнобагровыхъ, громадныхъ тучъ, которыя заволокли весь небосклонъ, окрасивъ мутныя Волховскіе волны въ зловѣщій свинцовый цвѣтъ. Въ воздухѣ было душно—тяжело, невыносимо; ни малѣйшей прохлады не чувствовалось и тогда, когда густая тьма іюльской ночи опустилась на землю... Лишь изрѣдка вспыхивали надъ городомъ отдаленныя молніи—на мигъ обливали синеватымъ свѣтомъ маковицы церковей, верхи башенъ, крыши

домовъ и зубцы стѣнъ—и тотъ же непроницаемый, тяжелый, давящій мракъ снова все скрывалъ подъ своимъ покровомъ. Каза-лось—вотъ-вотъ разразится гроза!.. Но гроза не приходила, и тотъ же раскаленный, тяжелый воздухъ давилъ грудь и спираль ды-ханіе...

На Чудинцевской улицѣ все спало. Только въ домѣ протопопа Аммоса едва мерцалъ огонекъ: лампада теплилась въ углу свѣ-телки, освѣщая потемнѣвшіе суровые лики угодниковъ Божиихъ; а передъ иконами, на колѣняхъ, въ небѣленномъ домотканомъ под-рясникѣ, стоялъ на молитвѣ отецъ Аммосъ, усердно отвѣшивая поклоны и считая ихъ по чѣткамъ.

— Охъ, Господи Владыко!—шептали чуть слышно уста его.— Святый равноапостольный княже Владиміре, священномученики Аѣиногене и Павле—простите мои прегрѣшенія...

И тяжело поднявшись съ полу, онъ присѣлъ отдохнуть на ла-вочку: не всѣ еще отчиталъ молитвы, не всѣ поклоны положилъ, какія приказалъ ему править владыко на вечерней и на утрен-ней молитвѣ. Сѣлъ бѣдный протопопъ на лавочку—и невольно вспомнилъ о мірскомъ:

— Вотъ завтра и пріятель мой Аѣиногенъ Алексѣевичъ Голе-нищевъ имянинникъ, дякъ-то нашъ... Звалъ на пирогъ къ себѣ— и брагой хвалился... Больно, говорить, хороша удалась,—выброди-лась и отстоялась. Да нѣтъ, не пойду... Гдѣ ужъ теперь! Еще пуще пожалуй владыко прогнѣвается, какъ узнаетъ!.. А ночь-то какая! Господи! Тьма кромѣшная! Сегодня, чай, и моихъ голуб-ковъ нѣтъ на заваленкѣ?—добавилъ отецъ Аммосъ, приподнимая оконце и высовывая голову на улицу.

Въ воздухѣ, попрежнему, было тяжело и душно... Тишина была мертвая... А въ густыхъ облакахъ, нависшихъ надъ горо-домъ, все трепетали и вспыхивали яркія молніи, обливая землю холоднымъ мгновеннымъ свѣтомъ, вскрывая намигъ тайны необъят-ной выси небесной...

Отецъ Аммосъ хотѣлъ было ужъ опустить окно и снова стать на молитву, какъ вдругъ до слуха его долетѣлъ какой-то странный звукъ... Не то сова прокричала—не то человѣкъ простоналъ? А вотъ и еще—и ближе...

— Съ нами крестныя сила!—прошепталъ Аммосъ.—Да это ду-шатъ кого-то! И близко гдѣ-то... Помочь бы надо!

Но тутъ ужъ явственно, съ конца улицы, отъ Чудинцевскихъ воротъ, донеслись крики—зовъ на помощь—потомъ вопли, стоны... А вотъ и стукъ оружія!.. И шумъ! И гулъ растетъ, растетъ—словно рѣка, прорвавшая плотину, волнуясь и бушующая, вливается въ го-родъ...

Отецъ Аммосъ вскочилъ съ лавки, сорвалъ самопалъ со стѣны, надвинулъ шоломъ на голову и бросился въ нижнее жилье.

— Вставайте всѣ! Поднимайтесь — что спите? Пришелъ врагъ въ нощи,—нашимъ нерадѣньемъ! Вставайте!..

И онъ стучалъ во всѣ двери, будилъ домашнихъ, поднималъ на ноги пѣвчихъ дьяковъ, сзывалъ крылопанъ — и выбѣжалъ за ворота на улицу. Глазамъ его представилась страшная картина... Невидимый врагъ наступалъ въ глубокой тѣмѣ, освѣщая себѣ дорогу только выстрѣлами... Крики и звонъ булата приближались, а изо всѣхъ домовъ выскакивали люди—кто съ фонаремъ, кто съ лучиной—полуодѣтые, безоружные, перепуганные... Никто не думалъ защищаться—всѣ вопили и бѣжали...

— Нѣмцы въ городѣ! Спасайтесь! Спасайтесь! Всѣхъ сѣкутъ, всѣхъ рубятъ безъ пощады! Бѣги, куда глаза глядятъ!!..

— Стойте, православные! Стойте! — кричалъ протопопъ громовымъ голосомъ.— Не бѣгите! Беритесь за оружіе! Бейте ихъ окаянныхъ — не сдавайтесь!

— Не слушайте его! — кричали растерявшіеся отъ страха бѣглецы. — Всѣхъ посѣкутъ... Бѣгите!

— Запирайтесь въ домахъ, — отстрѣливайтесь! Отсидимся отъ нихъ! — гремѣлъ протопопъ, покрывая шумъ и крики своимъ могучимъ голосомъ. — Собирайся около меня — на мой крѣпкій дворъ! У меня и пищалей, и зелья — всего вдоволь!

Но никто его не слушалъ... Всѣ, какъ безумные, въ темнотѣ бѣжали, сами не зная куда... давили другъ друга, толкали, падали... А выстрѣлы такъ и сверкаютъ, такъ и трещатъ въ концѣ улицы,—тамъ кто-то отчаянно отбивается отъ нѣмцевъ, между тѣмъ какъ переполохъ распространяется по городу и звонъ набата гудитъ въ Дѣтинцѣ...

— Отецъ Аммосъ, — кричитъ подбѣжавшій въ это время къ протопопу Васька Орловъ. — Мы къ тебѣ едва ушли... Запремся, будемъ отбиваться... Никого не соберешь!..

— Да что же это? Гдѣ же сила-то ратная? — спрашиваетъ въ попыхахъ Аммосъ.

— Какая тамъ сила! Нѣмцы тайникомъ вошли! Всю стражу перебили. Теперь въ ворота такъ и валятъ! Тамъ только атаманъ казачій Тимошей Шаровъ съ дьякомъ Аѣиногеномъ да съ казаками — они одни и бьются противъ врага!.. А то, самъ видишь, всѣ бѣгутъ... И насъ троихъ едва не потоптали!

— Ну, Васенька голубчикъ, коли такъ, — воскликнулъ громко протопопъ, — добро пожаловать! Пойдемъ умирать! Живые не отдадимся нѣмцамъ — встрѣтимъ хлѣбомъ-солью дорогихъ гостей! Эй, дьяки! ворота на запоръ, заваливай ихъ — бревнами подпирай. Дочка! гдѣ ключи — спроси у матери... Ступай за нею, Васенька! Выкатывай намъ зелье изъ погребовъ, а я изъ клѣтки самъ вынесу пищали, бердыши и самопалы...

— Ахъ, ахъ — злодѣй! — раздался вдругъ наверху крыльца виз-

гливый голосъ протопопши. — Что онъ затѣялъ! Отбиваться! Не смѣй, не смѣй, слышишь — не смѣй!

— Молчи, баба! — крикнулъ на нее протопопъ. — Поди въ подвалъ схоронись, коли за себя боишься. Минула надо мною твоя воля — часъ Божьей воли насталь!

И когда, немного спустя, шведы подступили по Чудинцевской улицѣ къ тому углу, на которомъ стоялъ обнесенный высокимъ тыномъ протопопскій домъ — на нихъ неожиданно, съ крыши хоромъ, изъ оконъ, изъ-подъ навѣсовъ, грянули выстрѣлы; изъ-за частокола посыпались стрѣлы... Ряды врага заколебались, остановились, смѣшались...

— «Hilf Gott, hilf Gott!» — раздались среди нѣмцевъ ободряющіе громкіе крики начальниковъ.

Сунулись было къ дому, — хотѣли миновать его... Но опять за сверкали выстрѣлы; опять посыпались стрѣлы! Многие попадали — убитые и раненые... Съ проклятіями и руганью отхлынули враги и собрались кучами, совѣщаясь между собою. Домъ протопопа надо было взять во чтобы то ни стало, пока не подоспѣло на помощь войско изъ Дѣтинца.

А изъ Дѣтинца — увы! никто и не думалъ подать помощи... При первыхъ выстрѣлахъ и звонѣ набата, владыко, смущенный внезапнымъ, вѣроломнымъ нападеніемъ нѣмцевъ, растерялся совершенно... Когда Дѣтинецъ наполнился толпами бѣглецовъ, а врагъ еще не подступалъ подъ стѣны его, владыко приказалъ запереть ворота и умолялъ князя Ивана Никитича, чтобъ тотъ не покидалъ дома св. Софьи на разграбленіе врагамъ и не вступалъ бы съ нѣмцами въ неравную борьбу.

Весь Дѣтинецъ, наполненный толпами плачущихъ женщинъ и дѣтей, замеръ въ трепетномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ врагъ подойдетъ — врагъ пойдетъ на приступъ, врагъ одолѣетъ...

— Крестнымъ ходомъ по стѣнѣ ступайте... пойте молебны... Икону Знаменья Пресвятой Богородицы, Заступницы нашей, на стѣну несите, — распоряжался перепуганный и растерявшійся владыко. — Да кто же это съ нѣмцами-то бьется? Въ кого они стрѣляютъ? — спрашивалъ онъ самъ себя, и повелѣлъ взвести себя на самый верхъ башни, надъ его владычными палатами. Тамъ сталъ онъ, въ полномъ облаченіи, окруженный клиромъ и, держа животворящій крестъ въ трепетныхъ рукахъ, устремилъ грустный взоръ вдаль.

А сверху башни, сквозь рѣдѣющую мглу, какъ на ладони было видно то мѣсто, около котораго кипѣло жаркое побоище.

— Чей же это домъ-то тамъ? Кто жъ это бьется тамъ со шведами? — допрашивалъ владыко у дворецкаго.

— А это домъ протопопа—Аммосовъ домъ... Тамъ это онъ за-
сѣлъ съ посадскими да съ крылошанами—онъ и бьется...

— Ахъ, Господи силь съ ними буди!—шепталъ владыко.—Со-
храни его и спаси, Царица Небесная!

А огоньки такъ и мелькали, такъ и вспыхивали то надъ кры-
шей, то у оконъ протопопова дома—такъ и гудѣли выстрѣлы...
Протопопъ не поддавался врагу—и губилъ его нещадно. До слуха
владыки явственно долетали неистовые крики разъяренного врага,
стоны раненыхъ, возгласы и рѣзкіе, отрывистые слова команды—
и опять отдѣльные, мѣткіе выстрѣлы изъ протопопскаго двора и
громкая, перекастистая трескотня мушкетныхъ залповъ, которыми
нѣмцы обдавали домъ Аммоса.

— Охъ! Виновать я, виновать я передъ нимъ,—вдругъ засто-
наль митрополить Исидоръ,—по злымъ навѣтамъ отвергъ вѣрнаго
слугу св. Софьи и прещенію предалъ!.. Разрѣшаю и благословляю
тебя, чадо мое милое!—воскликнулъ владыко, поднимая высоко
крестъ и осѣняя издали дворъ протопопа Аммоса.—Братія! Помо-
лимся о спасеніи вѣрнаго слуги Христова... Помолимся да поддер-
жить Господь его крѣпкое стоятельство...

Раздалось молитвенное пѣніе—начался молебень.

Вдругъ выстрѣлы смолкли. Наступила на мигъ тишина... Но
занимавшаяся заря освѣтила страшное зрѣлище:—шведы тащили
отовсюду къ дому протопопа солону, сѣно, катили возы съ лучи-
ной, съ дранью, съ хворостомъ, собирались поджигать его. Вотъ
вспыхнулъ огонекъ—потомъ другой, въ другомъ мѣстѣ, вотъ за-
пылалъ сосѣдній домъ—и дымъ черными клубами повалилъ отъ
пожарища къ Дѣтинцу.

— Подожгли протопоповъ домъ! Подпалили! Вонъ—вонъ! Со-
сѣдній-то—занялся весь какъ свѣчка!—раздались голоса кругомъ
владыки.

Владыка закрылъ глаза и стоялъ недвижимъ, опираясь на по-
сохъ; только уста его, тихо шевелясь, шептали неслышную мо-
литву.

— А еще живы люди! живы еще поборники супостатовъ! Еще
отстрѣливаются! Вонъ-вонъ—слышите...

Но вскорѣ выстрѣлы были заглушены трескомъ горѣвшихъ
зданій и свистомъ пламени, которое бурей несло въверхъ по Чу-
динцевской улицѣ и уже перекидывалось на Прусскую. Среди чер-
ныхъ клубовъ дыма и цѣлаго потока пламени—мѣсто побоища
скрылось на время отъ всѣхъ стоявшихъ на башнѣ. Вдругъ что-
то грохнуло на пожарищѣ—громадный снопъ огня, увѣчанннй
бѣлыми клубами дыма, взвился въверхъ изъ среды бушующаго пла-
мени—и чей-то страшный вопль, послѣдній вопль многихъ голосовъ
донесся до слуха владыки.

— Рухнуль дворъ протопоповъ—зелье взорвало,—шептали кругомъ владыки трепетные голоса.

Владыко опустился на колѣни, и, возведя очи къ небу, произнесъ со слезами:

— Упокой, Господи, души вѣрныхъ рабъ твоихъ, Аммоса... и сродниковъ... и отпусти имъ прегрѣшенія вольныя и невольныя...

«Со духи праведны скончавшеся»—затянуль клиръ, и унылая, душу надрывающая погребальная пѣсня слилась съ зловѣщимъ свистомъ и шипѣньемъ широко-разбушевавагося пламени...

П. Полевой.

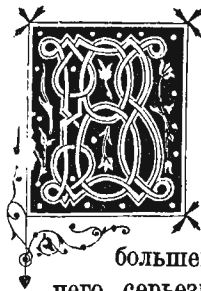

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА ¹⁾.

XIV.

Театральные преступники.

(1825—1826 гг.)

В НѢКОТОРЫХЪ изъ нашихъ очерковъ мы касались тѣхъ дисциплинарныхъ взысканій, которыя налагала дирекція театровъ на подвѣдомственныхъ ей лицъ, въ случаяхъ уклоненія ихъ отъ своихъ обязанностей, а также—за дурное поведеніе и разнообразныя служебныя промахи. Всѣ означенные случаи наложенія взысканій были вызываемы, по большей части, мелкими проступками, не имѣвшими ничего серьезнаго даже въ глазахъ тогдашней весьма строгой театральной администраціи, и карались сравнительно легко, сообразно съ тѣмъ положеніемъ, какое занималъ въ театральной іерархіи тотъ или другой провинившійся органъ. Такъ, плотники, истопники, помощники машинистовъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, низшіе служители конторы (сторожа) наказывались розгами; писцы и другіе конторскіе служащіе, а также смотрителя театровъ, машинисты, наконецъ, артисты и артистки, по большей части, подвергались арестамъ «при конторѣ или при театрахъ». Въ одномъ положеніи съ артистами относительно взысканій находились и старшіе воспитанники театрального училища. При этомъ, почти всегда дѣло

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVII, стр. 296.

кончалось семейнымъ образомъ: виновнаго наказывали, не доводя объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и онъ оставался на своемъ мѣстѣ, признавая непогрѣшимую справедливость театральнаго суда. Но бывали случаи настоящихъ преступленій, когда все начальство поднималось на ноги, заводилась обширная переписка съ под-и-над-лежащими властями, и когда виновные карались болѣе серьезно, подвергаясь изгнанію и даже отдачѣ въ солдаты.

Послѣдняя мѣра практиковалась довольно часто по отношенію къ дирекціоннымъ крѣпостнымъ людямъ и низшимъ служителямъ, чаще всего за нетрезвое и буйственное поведеніе. Но случилось, что этимъ тяжкимъ наказаніямъ подвергались и воспитанники театрального училища. За какія преступленія ихъ постигали такія кары, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ, заимствованныхъ нами отчасти изъ имѣющихся въ нашемъ собраніи театральныхъ мемуаровъ, отчасти же изъ дѣлъ дирекціи театровъ за 1825—1826 гг.

26-го сентября 1825 года, вечеромъ, въ Большомъ театрѣ происходила репетиція, въ которой, по обыкновенію, принимали участіе воспитанники и воспитанницы театральной школы. Театръ былъ освѣщенъ довольно скудно: въ залѣ было почти темно, точно также какъ и въ корридорахъ, гдѣ отъ нечего дѣлать слонялись взадъ и впередъ воспитанники, не участвовавшіе въ «пробѣ». Тутъ же появлялся, время отъ времени, водворяя порядокъ, реквизиторъ Большого театра титулярный совѣтникъ Казасси,—человѣкъ строгій и придирчивый, предметъ общей ненависти артистовъ и учениковъ. Къ концу репетиціи, Казасси вышелъ еще разъ въ ведущій къ выходу корридоръ объявить находившимся тамъ театральнымъ воспитанникамъ, что они болѣе ненужны и могутъ отправляться въ училище. Въ то же время со сцены двинулись гурьбой артисты и артистки, а затѣмъ и воспитанницы, подъ предводительствомъ своего инспектора и старшей надзирательницы. Двѣ младшія надзирательницы замыкали шествіе, зорко слѣдя, чтобы къ вѣренному имъ стаду не приблизились алчные волки, въ лицѣ молодыхъ питомцевъ Таліи и Мельпомены. Но эта бдительность была совершенно напрасна: всѣ, кому надо было обмѣняться записочками или пошутукачься наединѣ—успѣли это сдѣлать раньше, въ темныхъ каморкахъ, примыкающихъ къ сценѣ, или въ скудно освѣщенныхъ корридорахъ, куда, не смотря на всю строгость училищныхъ аргусовъ, успѣвали проникать для свиданій съ милыми сердца театральныя сильфиды. Шествіе направилось къ выходу. Впереди, вслѣдъ за Казасси, двигалась маленькая группа изъ двухъ старшихъ воспитанниковъ—Черникова и Воротникова съ пришедшимъ поглазѣть на репетицію канцеляристомъ Щерба-

ковымъ. Молодые люди шли молча и глядѣли сумрачно, да и было отчего: на сегодняшней репетиціи они всѣ трое были уличены ре-квизиторомъ Казасси въ важномъ проступкѣ, за который имъ гро-зилъ, по крайней мѣрѣ, недѣльный арестъ, а можетъ быть что-нибудь и еще худшее. Ихъ поймалъ Казасси въ передачѣ воспи-танницамъ записокъ, а канцеляриста Щербакова, кромѣ того, въ личномъ разговорѣ съ одной изъ театральнахъ затворницъ и пе-редачѣ ей свертка съ какими-то сладостями. Это были немаловаж-ныя преступленія и виновные знали, что ихъ ожидаетъ, и про-сили реквизитора не доносить на нихъ. Но тотъ былъ неумолимъ. «Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ», говоритъ пословица, и преступники рѣшили отомстить ненавистному Казасси: они уговорились побить его на театральной площади, по окончаніи репетиціи. Теперь они шли за Казасси по пятамъ, намѣреваясь привести въ исполненіе свое жестокое рѣшеніе. На площади было темно: тогда еще не было не только яркихъ электрическихъ фонарей, какъ теперь, но даже и газовыхъ рожковъ, и улицы освѣщались жалкими подобіями свѣ-точей—маленькими масляными лампочками, закрытыми грязными стеклами на деревянныхъ фонарныхъ столбахъ. При такихъ усло-віяхъ, наши заговорщики могли рассчитывать, что ихъ не узнаетъ Казасси, когда они на него нападуть, и потому не боялись отвѣт-ственности. Тѣмъ не менѣе, они не сразу рѣшились на нападеніе. Только когда Казасси достигъ середины площади, къ нему подбѣ-жалъ съзади Черниковъ и сильнымъ ударомъ спихъ его съ ногъ. Остальные заговорщики струсили и побѣжали. Казасси, подняв-шись на ноги, призналъ въ одномъ изъ бѣжавшихъ Воротникова и, придя въ контору, немедленно разсказалъ о своемъ приключе-ніи, прося произвести слѣдствіе. Преступленіе было важное, и по-тому контора, сдѣлавъ предварительное дознаніе, сообщила о немъ комитету главной дирекціи, испрашивая его рѣшенія относительно виновныхъ, которые къ тому времени всѣ были розысканы, безъ сомнѣнія, благодаря показанію струсившаго Воротникова. Рапортъ конторы объ этомъ происшествіи былъ въ слѣдующихъ выраже-ніяхъ: «сего сентября 26-го дня, ввечеру,—по окончаніи въ театрѣ репетиціи, реквизиторъ Большого театра титулярный совѣтникъ Казасси, вышедъ изъ театра на площадь, вдругъ былъ ударенъ съзади неизвѣстнымъ человѣкомъ, и какъ онъ послѣ удара обер-нулся, то примѣтилъ двухъ бѣжавшихъ отъ него человѣкъ, кои, по его примѣчанію, были изъ театральной школы и одинъ изъ нихъ казался ему актеръ Воротниковъ. Такъ какъ сіе происше-ствіе случилось не въ театрѣ, а на площади, то его сіятельство г. с.-петербургскій военный губернаторъ приказалъ петербургскому оберъ-полиціймейстеру изслѣдовать сіе дѣло полицейскимъ поряд-комъ. Что по сему оказалось, то видно изъ приложеннаго при семъ показанія, взятаго отъ воспитанника театральной школы Андрея

Черникова ¹⁾). Оный Черниковъ содержится нынѣ подъ арестомъ въ полици. Актеръ Воротниковъ, по приказанію его сіятельства, подъ арестомъ же въ театральнѣйшій школь. Канцеляристъ Щербаковъ, находясь въ службѣ при Академіи Наукъ и имѣя, какъ видно, по данному ему свидѣтельству, отъ занятій своихъ по той службѣ свободное время, по предписанію г-на въ должности директора театральнѣйшихъ зрѣлищъ отъ 25-го сентября 1824 года причисленъ въ вѣдомство дирекціи для переписки на собственное его содержаніе. О каковомъ приключеніи контора имѣетъ обязанность представить въ комитетъ главной дирекціи, испрашивая дальнѣйшаго разрѣшенія».

Рѣшеніе комитета по этому дѣлу не замедлило. 2-го октября онъ выслушалъ «записку» конторы и положилъ слѣдующую строгую резолюцію: «воспитанника Черникова, при собраніи театральнѣйшихъ воспитанниковъ наказавъ розгами за сей буйственный поступокъ, выгнать изъ школы; канцеляриста Щербакова—также выключить изъ службы дирекціи безъ аттестата; а воспитанника школы, актера Воротникова, заставивъ испросить прощеніе у реквизиатора Казасси, поставить на колѣни во время стола».

10-го октября это рѣшеніе, въ нѣкоторыхъ частяхъ, было уже приведено въ исполненіе. По крайней мѣрѣ, инспекторъ школы Иванъ Бокъ рапортовалъ въ этотъ день въ контору, что «по рѣшенію комитета главной дирекціи, воспитанникъ театральнѣйшей школы, Андрей Черниковъ, при собраніи всѣхъ воспитанниковъ театральнѣйшей школы розгами наказанъ, и что живущій въ школь актеръ Воротниковъ во время стола поставленъ на колѣни, и просилъ прощенія у реквизиатора господина Казасси».

Что касается дальнѣйшей судьбы воспитанника Черникова, то изъ журнала засѣданія комитета главной дирекціи театровъ, состоявшагося 9-го октября видно, что онъ былъ помилованъ. «Такъ какъ директоръ,—говорится въ упомянутомъ документѣ,—сострадавъ къ раскаянію воспитанника театральнаго училища Черникова и горести и отчаянію матери его, а равно снисходя къ просьбѣ реквизиатора Казасси, жалѣющаго о судьбѣ его и почитающаго себя совершенно удовлетвореннымъ за обиду, ему нанесенную,—ходатайствуетъ о прощеніи Черникова на счетъ выключки его изъ училища, то комитетъ, въ уваженіе ходатайства г. директора, положилъ: не выключать Черникова изъ театральнаго училища, тѣмъ болѣе, что онъ достойно наказанъ уже за поступокъ свой».

Другой примѣръ строгихъ каръ, принимавшихся дирекціею театровъ въ отношеніи провинившихся воспитанниковъ театраль-

¹⁾ Къ сожалѣнію, этого показанія у насъ не имѣется.

наго училища, мы видимъ изъ дѣла за 1826 годъ, подъ заглавіемъ: «Объ отдачѣ въ военную службу воспитанника Павла Чайчикова». Исправляющій должность инспектора театральнаго школы Иванъ Бокъ рапортомъ донесъ бывшему директору Императорскихъ театровъ Николаю Федоровичу Остолопову, «что воспитанникъ театральнаго школы Павелъ Чайчиковъ, въ продолженіе двухъ дней, учинилъ въ училищѣ разные буйственныя дѣла, показывающія его злобный и необузданный нравъ, и что онъ, Бокъ, къ исправленію характера Чайчикова не имѣетъ болѣе ни малѣйшей надежды». По полученіи отъ инспектора Бока рапорта, директоръ Императорскихъ театровъ немедленно донесъ объ этомъ бывшему с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, графу М. А. Милорадовичу, который на другой день, 10 декабря, отправилъ Чайчикова въ Петропавловскую крѣпость. Чѣмъ объясняется такая крутая мѣра тогдашняго начальства въ отношеніи воспитанника Чайчикова, трудно сказать съ достовѣрностію. Можно полагать, что тогдашнія событія въ русской общественной жизни, отличавшіяся весьма тревожнымъ характеромъ и завершившіяся печальнымъ днемъ 14-го декабря, заставили высшую администрацію Петербурга несравненно строже отнестись къ вышеописанному факту. Изъ дальнѣйшаго хода настоящаго дѣла видно, что воспитанникъ Чайчиковъ, согласно представленію о немъ директора театровъ старшему члену комитета главной дирекціи князю В. В. Долгорукову, былъ вытребованъ изъ крѣпости и возвращенъ въ театральную школу. Но дѣло этимъ еще не кончилось. 31-го декабря того же года состоялось по дѣлу Чайчикова засѣданіе комитета главной дирекціи театровъ, въ которомъ было заслушано слѣдующее отношеніе дирекціи театровъ: «воспитанникъ театральнаго училища Чайчиковъ, читаемъ въ документѣ, будучи посаженъ въ крѣпость за разные буйственныя дѣла, показывающія злобный и необузданный нравъ, къ исправленію ни малѣйшей надежды не оказывающій, по выпускѣ изъ крѣпости возвращенъ въ училище; но контора дирекціи по вышеприведенной причинѣ не имѣетъ никакой надежды къ его исправленію, что и представляетъ на благоусмотрѣніе комитета». Въ томъ же засѣданіи комитета старшій членъ князь В. В. Долгоруковъ заявилъ слѣдующее: «я имѣлъ счастье докладывать по сему дѣлу Его Императорскому Величеству, на что Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: отправить воспитанника Чайчикова въ ордонансъ-гаузъ для слѣдующихъ распоряженій и отдачи въ военную службу». Въ виду этого комитетъ постановилъ: «вслѣдствіе высочайшей воли Государя Императора, объявленной старшимъ членомъ комитета, отправить при отношеніи дирекціи воспитанника Чайчикова въ ордонансъ-гаузъ для слѣдующихъ распоряженій и отдачи въ военную службу».

Согласно рѣшенію комитета, Чайчиковъ, по исключенію предварительно изъ числа воспитанниковъ театральной школы, былъ препровожденъ въ с.-петербургскій ордонансъ-гаузъ, о чемъ и занесено было Чайникову въ его формулярный списокъ (за 1828 годъ, отъ 3-го января) въ слѣдующей формѣ: «за разныя буйственныя дѣла, оказанныя во время нахождения въ училищѣ, по Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, сообщенному старшимъ членомъ комитета главной дирекціи, двора Его Императорскаго Величества шталмейстеромъ княземъ Долгоруковымъ директору императорскихъ театровъ препровожденъ онъ, Чайчиковъ, въ с.-петербургскій ордонансъ-гаузъ для отдачи въ военную службу».

Вникая глубже въ настоящее дѣло, нельзя не придти къ тому предположенію, что преступленіе воспитанника Чайчикова, подвергшагося столь суровому наказанію со стороны высшаго начальства, было не изъ маловажныхъ. Съ вѣроятностію можно предполагать, что преступленіе Чайчикова носило политической характеръ, чѣмъ только и можно отчасти объяснить ту крайнюю поспѣшность, съ какой онъ былъ заключенъ въ крѣпость. Думать такъ позволяетъ и то обстоятельство, что въ сохранившихся документахъ театральной дирекціи умалчивается о фактической сторонѣ преступленія Чайчикова, что сдѣлано начальствомъ, быть можетъ, изъ благоразумнаго опасенія, дабы предосудительный проступокъ одного изъ воспитанниковъ театральной школы, сдѣлавшись извѣстнымъ, не послужилъ для другихъ толчкомъ для совершенія цѣлаго ряда дѣйствій болѣе или менѣе преступнаго характера.

Вообще, какъ видно, смута 14-го декабря не прошла безслѣдно для театрального училища. Если въ средѣ воспитанниковъ этого заведенія и не было настоящихъ политическихъ преступниковъ, то несомнѣнно были подозрѣваемые въ подобныхъ преступленіяхъ. Къ такому заключенію можно придти, какъ на основаніи приведеннаго дѣла Чайчикова, такъ еще болѣе на основаніи документовъ другого дѣла того же времени—о воспитанникѣ Павлѣ Скоробогатомъ. Дѣло это заключается въ слѣдующемъ. 19-го января 1826 года, утромъ, полиціймейстеръ Чихачевъ явился въ театральное училище и взялъ оттуда воспитанника Павла Скоробогатаго, объяснивъ инспектору училища Боку, что онъ сдѣлалъ это, исполняя приказаніе с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Въ училищѣ, равно какъ и среди всего театрального начальства, случай этотъ произвелъ, конечно, страшный переполохъ, хотя и никто не зналъ, за чтѣмъ взять Скоробогатый, — въ чемъ состояла его вина... На этотъ счетъ строили разныя предположенія; но они не привели ни къ чему, и потому рѣшили сдѣ-

лать запросъ оберъ-полиціймейстеру. Послѣдній, однакожь, отвѣтилъ далеко не сразу, именно не ранѣе того, какъ таинственная вина Скоробогатаго оказалась недоказанной и его можно было отослать обратно въ училище. Впрочемъ, даже и тутъ оберъ-полиціймейстеръ неособенно торопился увѣдомить дирекцію о винѣ Скоробогатаго. Предварительно онъ сообщилъ театральному начальству, что «о проступкѣ, за который былъ Скоробогатый подъ арестомъ, онъ (оберъ-полиціймейстеръ) извѣститъ дирекцію особо». Этого особаго извѣщенія мы, однако, въ дѣлѣ не находимъ. Очевидно, оно, подобно документу, указывающему на проступокъ Чайчикова, было изъято изъ дѣла, или же и вовсе къ нему не приобщалось, вслѣдствіе того, что полиціймейстеръ придавалъ ему особенное значеніе и, всего вѣрнѣе, прислалъ его на имя директора, съ надписью: «секретно». Но, какъ бы то ни было, а преступленіе Скоробогатаго осталось недоказаннымъ, и онъ 31-го января, то есть, просидѣвъ 11 дней подъ арестомъ, былъ освобожденъ изъподъ стражи и водворенъ снова въ училище. Этимъ, однако же, еще не кончилось дѣло злополучнаго воспитанника. Театральное начальство, безъ сомнѣнія, получило относительно его особыя указанія, и рѣшило исключить его изъ училища, подъ предлогомъ «неспособности ни къ какому роду занятій, полезныхъ для театра». Въ такомъ именно смыслѣ и было сдѣлано конторой представленіе о Скоробогатомъ театральному комитету, отъ 4-го февраля 1826 г., т. е. черезъ три дня послѣ освобожденія виновнаго воспитанника. «Состоящій при С.-Петербургскомъ театральномъ училищѣ воспитанникомъ на казенномъ содержаніи Павелъ Скоробогатый, читаемъ мы въ этомъ документѣ, не имѣя способностей къ драматическому искусству, оказался ненужнымъ для службы театра. Онъ воспитанникъ Скоробогатый есть сынъ служившаго въ дирекціи фигуранта Скоробогатаго, опредѣленъ въ училище 1817 года, марта 15-го дня. Отъ роду ему 20 лѣтъ. Въ Высочайше утвержденныхъ въ 3-й день мая 1825 года правилахъ внутренняго управленія въ театральной дирекціи, въ статьѣ объ образованіи театральной школы, въ § 6 сказано: что, если какой-либо воспитанникъ или воспитанница до 13-ти-лѣтняго возраста не найдется способнымъ ни къ какому роду занятій, полезныхъ для театра, то таковыя возвращаются родственникамъ. На основаніи чего контора полагаетъ воспитанника Скоробогатаго, по ненадобности въ немъ, уволивъ изъ училища, возвратитъ его обратно родственникамъ. О чемъ имѣю честь представить комитету главной дирекціи, испрашивая разрѣшеніе».

Канцелярія комитета главной дирекціи театровъ затруднялась доложить по назначенію приведенное представленіе конторы и потребовала отъ нея свѣдѣній: имѣетъ ли Скоробогатый родственниковъ и какихъ именно, «дабы могъ онъ быть возвращенъ имъ».

На этотъ запросъ контора отвѣтила, что у Скоробогатаго есть въ живыхъ отецъ, отставной фигурантъ, живущій въ Саратовѣ, у князя Голицына, и что въ Петербургѣ родныхъ Скоробогатый не имѣеть.

Послѣднее обстоятельство,—что у преступника не было родныхъ въ Петербургѣ, отнюдь не затруднило дирекцію. Скоробогатаго было рѣшено отправить къ отцу въ Саратовъ. Но вопросъ, какимъ образомъ отправить—видимо сильно озабочивалъ театральное начальство. Оно сносилось по этому поводу съ полиціею, очевидно желая избавиться отъ расходовъ по доставленію къ роднымъ театральнаго воспитанника, отправивъ его по этапу; но получило въ отвѣтъ, что «такимъ образомъ (т. е. по этапу) отправляются одни только преступники; прочихъ же полиція для такихъ отправокъ не принимаетъ». Дѣлать было нечего, приходилось изыскивать иные способы избавиться отъ Скоробогатаго. Контора послала для этого своихъ развѣдчиковъ (благо ихъ было много) по городу, разыскивать попутчиковъ въ Саратовъ и тѣ скоро нашли надежный выходъ изъ этого положенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ состоявшагося рѣшенія комитета относительно возвращенія Скоробогатаго къ роднымъ, контора увѣдомила комитетъ, что «для этого (т. е. для отправки Скоробогатаго) представляется удобный случай». «Въ Ямской, говорится въ донесеніи конторы, имѣются отъѣзжающіе въ прописанный городъ ямщики, которые и соглашаются взять Скоробогатаго съ собою съ попутчиками, прося заплатить имъ за провозъ отъ 150 до 200 руб., за что они и обязуются смотрѣть въ дорогѣ за Скоробогатымъ и доставить его въ исправности въ надлежащее мѣсто». Представляя объ этомъ комитету, контора находила «сей оказавшійся случай къ отправкѣ Скоробогатаго къ отцу въ Саратовъ, самоудобнѣйшимъ» и полагала «нисколько не медля, воспользоваться онымъ, и исключивъ нынѣ же Скоробогатаго изъ школы, отправить съ слѣдующимъ паспортомъ къ отцу въ Саратовъ съ отъѣзжающими ямщиками». Такъ въ концѣ концовъ и рѣшили, какъ полагала контора: позвали одного изъ ямщиковъ, крестьянина графини Екатерины Васильевны Литта, нѣкоего Ѳедора Иванова, и порядили его «свезти уволеннаго изъ театральной школы бывшаго воспитанника Павла Скоробогатаго изъ города С.-Петербурга въ городъ Сердополь, Саратовской губерніи, обязавъ «кормить сѣдока во время ѣзды общими (т. е. ямскими) харчами». За все это Ѳедору Иванову контора уплатила впередъ сто пятнадцать рублей, что и составляло всю сполна договоренную сумму.

Судъ да дѣло, а время шло и прошло больше пяти мѣсяцевъ со дня освобожденія Скоробогатаго изъ подъ-ареста, пока, наконецъ, участь его была окончательно рѣшена. Его посадили на подводѣ Ѳедора Иванова и отправили къ отцу, въ Саратовскую губернію. Исключенный воспитанникъ препровожденъ былъ къ

своему родителю при слѣдующей бумагѣ: «Служившему въ дирекціи отставному фигуранту пансіонеру Кирилу Скоробогатому. Комитетъ главной дирекціи, руководствуясь Высочайше утвержденнымъ въ 3-й день мая 1825 года постановленіемъ дирекціи, журналомъ отъ 7-го іюля сего года положилъ: по ненадобности сына вашего Павла Скоробогатаго къ театральнымъ искусствамъ, уволивъ его изъ театральной школы, препроводить обратно къ вамъ на родину. Во исполненіи чего комитетъ главной дирекціи препровождаетъ при семъ къ вамъ уволеннаго сына вашего, бывшаго воспитанника театральной школы Павла Скоробогатаго, приложивъ и слѣдующій ему аттестатъ, о полученіи коего просить васъ контора увѣдомить».

Въ помянутомъ аттестатѣ Скоробогатаго сказано, что онъ «былъ въ числѣ воспитанниковъ театрального училища, находился для обученія разнымъ родамъ театрального искусства, но, по неказавшейся въ немъ къ онымъ способности, уволенъ и возвращенъ къ родственникамъ». Такимъ образомъ, единственнымъ мотивомъ къ увольненію Скоробогатаго, было отсутствіе у него способностей. По крайней мѣрѣ, этотъ мотивъ единственно выставляется начальствомъ. Но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ и дѣйствительно ли Скоробогатый могъ быть названъ неспособнымъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить справка въ одномъ изъ документовъ театральной конторы (относящемся ко времени, какъ разъ предшествовавшему рассказанному дѣлу), въ которомъ имя Скоробогатаго стоитъ въ числѣ лучшихъ и способнѣйшихъ воспитанниковъ училища, награжденныхъ отъ начальства, послѣ экзаменовъ, болѣе или менѣе цѣнными подарками. Скоробогатый, какъ видно изъ этого документа, получилъ тогда въ награду часы.

Но какова ни была истинная причина «выкинутія» Павла Скоробогатаго изъ училища, заслуживалъ онъ этого наказанія или нѣтъ, — а ему пришлось дѣлать дальнюю дорогу съ Ѳедоромъ Ивановымъ до Сердополя, питаясь скудными ямскими харчами и вынося зубоскальство попутныхъ ямщиковъ. Къ довершенію всего, Ѳедоръ Ивановъ, обязавшійся особымъ условіемъ (подъ которымъ онъ, какъ неграмотный, поставилъ крестъ) доставить сѣдока до мѣста, — не исполнилъ этого обязательства; онъ довезъ Скоробогатаго только до Нижняго Новгорода, гдѣ и посадилъ его на судно, давъ 6 рублей денегъ. Къ довершенію несчастья, судно сѣло на мель... Но расскажем приключенія несчастнаго воспитанника словами его отца, который, когда, наконецъ, блудный сынъ, послѣ скитаній въ теченіе цѣлаго года, прибылъ къ нему подъ родной кровъ, — нашелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ контору дирекціи театровъ и подѣлиться съ ней рассказомъ о бѣдствіяхъ, испытанныхъ его дѣтищемъ въ дальнемъ пути. Вотъ это наивное посланіе отставнаго танцора, во всей его безыскусственной простотѣ: «честь имѣю увѣ-

домить контору театральнѣй дирекціи, писалъ онъ въ началѣ августа 1827 года (т. е. черезъ годъ послѣ отъѣзда его сына изъ Петербурга), что я сына моего Павла Скоробогатаго отыскалъ; съ которымъ ямщикомъ отправленъ онъ былъ изъ театральнѣй школы ко мнѣ, въ городъ Саратовъ, то оной ямщикъ не доставилъ его ко мнѣ, а посадилъ въ Нижнемъ Новгородѣ на судно, давъ ему денегъ 6 рублей; но оное судно, по несчастью, сѣло на мель, отчего сынъ мой претерпѣлъ великое несчастье, и жилъ въ городѣ Васильсурскѣ подъ покровительствомъ тамошняго городничаго, покуда я его не отыскалъ. Сынъ мой пріѣхалъ ко мнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ», т. е. ровно черезъ годъ по выѣздѣ изъ Петербурга.

XV.

Жалоба Эльменрейха.

Въ очеркѣ «Арестованный пѣвецъ» было вкратцѣ обрисовано отношеніе театральнаго начальства къ провинившимся передъ нимъ артистамъ. Примѣръ пѣвца Соколова, котораго толкали въ кутузку, подъ арестъ, конечно не былъ единственнымъ ¹⁾. Но подобное отношеніе русскаго начальства съ русскимъ же актерамъ—не представляетъ собой ничего исключительнаго: въ другихъ, иностранныхъ труппахъ, и въ особенности въ нѣмецкой—положеніе артистовъ и даже такого начальства изъ артистовъ, какъ—инспектора и режиссеры,—было ничуть не лучше. Примѣры, встрѣчаемые въ современныхъ документахъ, даютъ право заключить, что они не были гарантированы не только отъ ареста, по приказанію кого-нибудь изъ органовъ театральнѣй власти, по большей части своихъ соотечественниковъ, но даже и отъ оскорбленій дѣйствіемъ со стороны послѣднихъ. Такой именно примѣръ представляетъ дѣло нѣкоего Югана Эльменрейха, инспектора нѣмецкой труппы въ Петербургѣ, относящееся къ 1811 году и возникшее по его, Эльменрейха, жалобѣ на управляющаго нѣмецкимъ театромъ А. Г. Ризекампфа. «Три года уже нахожусь я при Императорскомъ нѣмецкомъ театрѣ, писалъ Эльменрейхъ въ свой жалобѣ въ контору дирекціи Императорскихъ театровъ, и начальству извѣстно, что въ теченіе всего этого времени никогда не позволилъ себѣ ни малѣйшаго въ исполненіи моей должности упущенія. Еще всячески старался быть дѣятельному къ умноженію пользы дирекціи. Тѣмъ оскорбительнѣе претерпѣнное мною, безъ всякаго мнѣ извѣстнаго провиненія, огорченіе. Бывъ сего іюля 26-го, по окончаніи представленія оперы «Тейфельштейна», по приказанію его превосходительства, управляющаго нѣмецкимъ театромъ, господина дѣйствительнаго статскаго

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1889 г., февральская книжка.

совѣтника и кавалера Астафія Григорьевича Ризекампфа, по неизвѣстной мнѣ вовсе причинѣ, арестованъ и отведенъ въ контору новаго театра и, яко криминальный преступникъ, содержанъ былъ подъ столь строгимъ присмотромъ, что разные, желающіе навѣстить меня, пріатели даже и допущены не были. Въ послѣдующее утро его превосходительство, управляющій театромъ, пришедъ въ контору, при секретарѣ оной и нѣкоторыхъ у отпертыхъ дверей стоявшихъ капельдинерахъ и постороннихъ людяхъ, вспылчивѣйшимъ образомъ обругавъ меня всякими бранными словами, угрожалъ кулакомъ въ лицо и, утверждавъ, что достоинъ быть наказаннымъ палочными побоями, освободилъ отъ ареста. Послѣ подобнаго незаслуженнаго обруганія, недостойнымъ бы долженъ почитать себя оставаться подъ начальствомъ дирекціи, не искавъ въ семъ огорченіи удовлетворенія и ради того въ полной надеждѣ на правосудіе дирекціи, прибѣгая къ оной, покорнѣйше прошу сей случай изслѣдовавъ въ таковой причиненной мнѣ безъ всякой причины жестокой обидѣ, сдѣлать мнѣ удовлетвореніе».

По разсмотрѣніи жалобы Эльменрейха, контора дирекціи составила записку для доклада главному директору театральныхъ зрѣлищъ, въ которой, изложивъ сущность жалобы Эльменрейха и упомянувъ, что послѣдній «проситъ за причиненныя ему жестокія обиды, сдѣлать удовлетвореніе», приводитъ слѣдующую небезынтересную историческую справку: «Въ правилахъ для нѣмецкаго театра, Высочайше утвержденныхъ въ 28-й день декабря 1809 года, сказано: управляющій нѣмецкимъ театромъ, въ случаѣ съ чьей-либо стороны изъ принадлежащихъ нѣмецкому театру артистовъ и чиновниковъ упущенія или небреженія, онъ каждому дѣлаетъ напоминаніе и выговоры; буде же и затѣмъ исправленія не усмотритъ, то представляетъ конторѣ дирекціи театральной, съ объясненіемъ проступка или упущенія». Въ заключеніе своего доклада контора дирекціи постановила донести о вышеописанномъ обстоятельстве главному директору театровъ. Въ томъ же документѣ мы читаемъ, что составленная по дѣлу Эльменрейха записка конторы была доложена директору А. А. Нарышкину, а что 9 августа «его высокопревосходительство выговоръ сдѣлать г. Ризекампфу принялъ на себя».

XVI.

Актеръ Сосницкій и костюмъ Фальстафа.

Осенью 1825 года, главная дирекція императорскихъ театровъ одобрила къ постановкѣ на сценѣ въ Петербургѣ новую комедію князя А. А. Шаховскаго «Фальстафъ», которую первоначально предполагалось поставить въ бенефисъ двухъ молодыхъ актрисъ, Дюровой и Азаревичевой. Однако, пьеса эта была остановлена цен-

зурою и не могла идти въ предназначенный бенефисъ. Вскорѣ авторъ комедіи исправилъ ее и, получивъ разрѣшеніе отъ цензурнаго комитета, отдалъ для бенефиса актеру И. Пустошкину-Борецкому. Когда уже дошло дѣло до представленія (8-го октября 1825 г.), актеръ И. Сосницкій, которому поручена была главная роль въ комедіи, объявилъ Борецкому, что онъ согласенъ играть не иначе, какъ если Борецкій уплатитъ ему 30 рублей за прокатъ костюма, сдѣланнаго имъ для этой роли на свой счетъ и стоившаго, по его заявленію, 500 рублей. Борецкій по необходимости принужденъ былъ уплатить требуемыя деньги, рискуя въ противномъ случаѣ, что спектакль не состоится. 15-го октября было назначено повтореніе пьесы уже въ пользу дирекціи. Наканунѣ спектакля, Сосницкій вторично требовалъ отъ Борецкаго уплаты 30 рублей за прокатъ костюма, а когда тотъ не согласился уплатить добровольно, безъ рѣшенія дирекціи, подалъ въ дирекцію прошеніе, ходатайствуя о принятіи издержекъ по заготовленію костюма на казенный счетъ. Актеръ Борецкій, въ свою очередь, просилъ дирекцію о разрѣшеніи настоящаго вопроса, объясняя, что вторичный платежъ 30 руб. Сосницкому за прокатъ костюма онъ находитъ для себя необязательнымъ. И вотъ, по поводу этихъ двухъ прошеній возникло довольно объемистое дѣло, числящееся въ архивѣ театральной дирекціи подъ № 154. Въ этомъ дѣлѣ мы находимъ нѣсколько нелишнихъ интереса подробностей о бенефисныхъ порядкахъ того времени, о способѣ заготовленія костюмовъ и объ отношеніяхъ, существовавшихъ между дирекціею и актерами. Поэтому мы рѣшились извлечь изъ этого дѣла самыя существенныя и характерныя черты. Въ поданномъ въ контору императорскихъ театровъ прошеніи актеръ Сосницкій писалъ слѣдующее: «Сдѣланный мною костюмъ, необходимый для роли Фальстафа, стоитъ мнѣ слишкомъ пятьсотъ рублей. Зная, что дирекція не захочетъ сдѣлать такой большой издержки за весьма обыкновенный костюмъ, и что я не обязанъ дѣлать его на свой счетъ, прошу контору: дабы оными расходами облегчить нѣсколько меня и дирекціи ихъ сдѣлать необременительными, чтобы она благоволила мнѣ выдавать за каждое представленіе въ ономъ костюмѣ по 30 рублей». Къ этому прошенію былъ приложенъ слѣдующій счетъ актеру Сосницкому отъ перчаточнаго мастера:

По прежнему счету осталось	4 р. 40 к.
За обтяжку туловища и сапоговъ	140 » — »
Къ оному наряду за одну пару перчатокъ	20 » — »
За одинъ поясъ къ оному жъ наряду	8 » — »
Итого денегъ	172 р. 40 к.
Въ счетъ сего получено въ задатокъ	30 » — »
Затѣмъ еще получить	142 р. 40 к.

По разсмотрѣніи прошеній Борецкаго и Сосницкаго, контора дирекціи сдѣлала по поводу ихъ представленіе въ комитетъ главной дирекціи, въ которомъ объясняла: 1) что костюмъ «Фальстафа» сдѣланъ г. Сосницкимъ безъ всякаго вѣдома конторы; 2) что подобный костюмъ могъ бы быть изготовленъ казною рублей за 300 и 3) что «если г. Сосницкому, сдѣлавшему костюмъ по собственной своей охотѣ, а не по востребованію дирекціи, нынѣ производить просимыя имъ за костюмъ перспективныя деньги, то сіе дастъ поводъ всѣмъ другимъ артистамъ, играющимъ нынѣ въ своихъ костюмахъ по собственному своему рвенію къ пользѣ службы, требовать таковой же платы, отъ чего дирекція впадетъ въ непредвидимыя и излишнія издержки». Далѣе въ представленіи конторы указывается на «издавна существовавшее обыкновеніе, чтобы первое повтореніе бенефисныхъ пьесъ играно было въ тѣхъ же костюмахъ и принадлежностяхъ, какъ въ самомъ бенефисѣ, безъ особенныхъ отъ дирекціи расходовъ, которое (обыкновеніе) признается весьма полезнымъ при множествѣ существующихъ бенефисовъ, кои вскорѣ уменьшить невозможно».

Въ засѣданіи комитета главной дирекціи, состоявшемся по настоящему дѣлу, было постановлено слѣдующее рѣшеніе: «По постановленію театральвой дирекціи артистъ, получающій бенефисъ, дѣлаетъ свои представленія и подаетъ прошеніе по оному; а потому актеръ Сосницкій, сдѣлавшій костюмъ для «Фальстафа», не испрося на то позволенія дирекціи и не представя смѣты на оный, не имѣетъ права требовать за костюмъ сей издержанной имъ суммы; актеръ же Борецкій, получившій бенефисъ сей, въ прошеніи своемъ въ контору, не долженъ былъ излагать: что пьеса «Фальстафъ» назначена была въ другой бенефисъ, данный въ награжденіе на всѣхъ казенныхъ расходахъ, ибо бенефисомъ по контракту своему пользуется тотъ, кто его беретъ, а не тотъ, кто уступилъ пьесу, данную ему авторомъ, и таковое лишнее и постороннее обстоятельство, введенное имъ въ своемъ прошеніи, вовсе неприлично, что и дать на замѣчаніе г. Борецкому. Пьеса «Фальстафъ», принятая дирекціею, хотя по постановленію и должна быть монтирована на счетъ оной, но по смѣтѣ гардеробмейстера, утвержденной дирекціею, а не по произволу бенефицианта; и такъ, согласно съ мнѣніемъ конторы, не допуская перспективной платы, предложить актеру Сосницкому за сдѣланный имъ костюмъ триста рублей; если же онъ продать его дирекціи не согласится, то сдѣлать таковой же на счетъ казны. Что же касается до существовавшаго обыкновенія—о повтореніи бенефиснаго спектакля, то контора имѣетъ сообразоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ съ высочайше утвержденнымъ постановленіемъ; но дабы артисты, украшая бенефисные свои спектакли излишними противу настоящаго требованія прибавками, не дѣлали тѣмъ вреда инымъ представленіямъ (въ пользу дирекціи)

того же спектакля, то комитетъ полагаетъ правиломъ: чтобы всякій бенефициантъ, желающій украсить свой спектакль особыми, не входящими въ смѣту убранствами, или введеніемъ въ него постороннихъ для пьесы артистовъ, и словомъ—какихъ бы то ни было прибавокъ, которыми въ слѣдующей репрезентаціи дирекція безъ особой платы пользоваться не можетъ, долженъ испрашивать на сіе письменнаго позволенія директора, который, если и даетъ оное, то не иначе какъ на условіяхъ сообразныхъ съ выгодами дирекціи, или вовсе не позволяетъ».

Получивъ это рѣшеніе комитета главной дирекціи, контора увѣдомила актера Сосницкаго, что она соглашается купить у него костюмъ за 300 рублей, платить же прокатныя деньги по 30 рублей за спектакль находить для себя невыгоднымъ. На это увѣдомленіе актеръ Сосницкій отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: «На предложеніе мнѣ дирекціи продать въ казну костюмъ, сдѣланный мною для комедіи «Фальстафъ» за 300 рублей, стоющій мнѣ слишкомъ 500 рублей, я согласиться не могу. Хотя мнѣ и поставляютъ въ вину, что я употребилъ такую значительную сумму, не спрося на то согласія дирекціи, но причины тому слѣдующія: 1) я предложилъ г. Борецкому, такъ какъ въ его бенефисъ шла упомянутая комедія, сыграть въ своемъ костюмѣ, сдѣланномъ мною заблаговременно, потому что желалъ онымъ костюмомъ облегчить единственно свои труды и сдѣлать его соответственно съ ролью, мною занимаемою, и тѣмъ болѣе, что съ этимъ костюмомъ сопряжено мое здоровье и силы, которыми я очень дорожу; 2) зная, что у насъ подобные костюмы дѣлаются безъ особаго вниманія на то, чтобы облегчить тягость и дать свободу актеру, а просто зашиваютъ съ ногъ до головы въ стеганую вату,—я и позаботился о костюмѣ самъ, прежде, нежели комедія была готова, потому что на счетъ роли моей было замѣчено мнѣ самимъ г. авторомъ княземъ А. А. Шаховскимъ; 3) я самъ не ожидалъ, чтобы обыкновенный костюмъ стоилъ мнѣ дороже 250 рублей. А такъ какъ дирекція нашла недостойнымъ принять въ уваженіе мою просьбу, то я и не смѣю ничего просить и предоставляю дирекціи дѣлать новый костюмъ, а на предложеніе ея я согласиться не могу, тѣмъ болѣе, дабы начальство не сочло показаніе мое фальшивымъ. Но чтобы оправдать себя въ глазахъ начальства, я прошу освидѣтельствовать костюмъ и счета разныхъ мастеровъ, которые въ ономъ участвовали, и увѣриться, что никакъ не имѣлъ намѣренія воспользоваться интересами дирекціи».

Все дѣло кончилось тѣмъ, что дирекція поручила костюмеру Бабини сдѣлать смѣту на приготовленіе актеру Сосницкому полнаго костюма для комедіи «Фальстафъ», и такимъ образомъ не удовлетворила, повидимому, справедливыхъ желаній Сосницкаго.

XVII.

Мелочи и курьезы.

1.

Въ прежнее время, актеры Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ пользовались по большей части казенными квартирами въ наемныхъ или принадлежавшихъ дирекціи домахъ, гдѣ помѣщались зачастую и разные театральные служители и мастеровые. Къ чему иногда приводило такое совмѣстное жительство, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго случая. 17 сентября 1812 года, с.-петербургскій полиціймейстеръ И. И. Горголи обратился къ А. Л. Нарышкину съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ его, что «придворный актеръ Алексѣй Пашковъ, обращающійся во всегдашнемъ пьянствѣ и буйствѣ», 12-го сентября «бизвинно прибилъ австрійскую подданную Анну Кремеръ съ дочерью Анною Циммерманъ». Доводя объ этомъ до свѣдѣнія директора театровъ, И. И. Горголи просилъ «приказать кому слѣдуетъ Пашкова за таковой поступокъ не оставить безъ должнаго оптрафованія». Вслѣдъ за тѣмъ къ А. Л. Нарышкину поступаетъ жалоба на Пашкова и отъ одного изъ пострадавшихъ отъ его буйства, именно стекольнаго мастера, Петра Кремера. Послѣдній рассказывалъ уже болѣе подробно какъ было дѣло. «Пріемлю смѣлость утруждать ваше высокопревосходительство—писалъ онъ—со всенижайшею моею просьбою; я стекольный мастеръ Петръ Кремеръ и имѣю жительство въ одномъ домѣ, гдѣ живетъ г-нъ актеръ Пашковъ. 12-го числа сего сентября выбѣжала нечаяно матюшкѣ моей махинка собачка и погналась за курицею съ цыплятами, которыя принадлежатъ ему, г-ну Пашкову, но не учинила имъ никакого вреда, потому что въ то же время послала мать моя дѣвку свою взять оную, на что г-жа Пашкова начала дѣвку ругать и бить; послѣ того мать моя съ моею сестрою сами пошли уговаривать г-жу Пашкову. Но несмотря на то, что г-нъ Пашковъ рапортуется больнымъ, вышелъ онъ самъ и прибилъ мою престарѣлую мать съ сестрою въ кровь, на что и есть свидѣтели, которые его еще удерживали; а посему я по долгу своему, какъ сынъ, и прошу всенижайше ваше высокопревосходительство благоволите учинить мнѣ удовлетвореніе, за что не оставлю денно и ноцно молить Бога о здравіи Вашего Высокопревосходительства». Внизу этого курьезнаго прошенія помѣчено: «со словъ просителя сочинялъ и писалъ губернский секретарь Карлъ Шпехтъ».

Вслѣдствіе приведеннаго прошенія, актеръ Пашковъ препровожденъ къ Ив. Ив. Горголи «для изслѣдованія дѣла». При этомъ

контора дирекціи театровъ просила: «буде актеръ Пашковъ найдется виновнымъ, — сдѣлать ему надлежащее наказаніе».

Повидимому, случаи отправленія къ полиціимейстеру лицъ, подвѣдомственныхъ дирекціи для «надлежащаго наказанія» были въ то время нерѣдки и полиціи то и дѣло приходилось видѣть въ своихъ кутузкахъ жрецовъ Таліи и Мельпомены. Музыканты также не отличались благонаравіемъ и тоже нерѣдко попадали въ полицію.

Между прочимъ, одинъ изъ такихъ случаевъ усматриваемъ изъ нижеслѣдующаго письма И. И. Горголи къ директору театровъ отъ 4 октября того же 1812 года.

«Присланный ко мнѣ отъ вашего высокопревосходительства истекшаго сентября 21 дня музыкантъ Карповъ, за извѣстный Вамъ поступокъ его, выдержанъ подъ карауломъ на хлѣбѣ и водѣ, а вчерашняго дня освобожденъ, коему и приказалъ я явиться къ своей должности; какъ же онъ по слѣдствію дѣйствительно оказался виновнымъ въ дурномъ обращеніи съ своею женою, то въ отвращеніе на будущее время могущихъ между ними быть ссоръ и дракъ, согласилъ его дать женѣ своей видъ на жительство».

2.

Какъ извѣстно, М. С. Щепкинъ неоднократно пріѣзжалъ въ Петербургъ для участія въ спектакляхъ. Въ первый разъ онъ появился здѣсь предъ публикою въ іюлѣ 1825 года, затѣмъ—въ 1828 и наконецъ въ 1832 году. Второй пріѣздъ Михаила Семеновича состоялся благодаря графу Михаилу Юрьевичу Вьельгорскому, который пригласилъ его пріѣхать «къ дебютамъ» въ С.-Петербургъ и обѣщаль не оставить его безъ вознагражденія, не опредѣляя, впрочемъ, размѣровъ этого вознагражденія. По пріѣздѣ М. С. Щепкина въ Петербургъ, вслѣдствіе этого произошла задержка «его дебютовъ», такъ какъ рѣшить вопросъ о платѣ ему за спектакли могъ только комитетъ, который и обсуждалъ это дѣло въ засѣданіи 25 мая. Ранѣе этого, именно 21 мая, инспекторъ русской труппы Храповицкій, «явясъ въ присутствіе конторы» и объявивъ о пріѣздѣ Щепкина для участія въ спектакляхъ на петербургской сценѣ, «испрашивалъ увѣдомленія: на какомъ положеніи допустить его къ представленіямъ». Начальникъ 1-го отдѣленія заявилъ на это, что, «сколько ему извѣстно, графъ М. Ю. Вьельгорскій приглашалъ Щепкина пріѣхать къ дебютамъ на томъ самомъ положеніи, какъ онъ таковое имѣлъ во время пріѣзда въ Петербургъ въ 1825 году. По справкѣ на этотъ счетъ въ старыхъ дѣлахъ оказалось, что актеръ Щепкинъ игралъ на петербургскихъ театрахъ въ 1825 году въ іюлѣ мѣсяцѣ; что «по сыграніи имъ 9-ти представленій (безъ всякой платы), было 10-е дано ему въ бенефисъ съ принятіемъ

онаго на казенные расходы «и что» послѣ того сыгралъ онъ въ 11-й разъ еще въ дирекцію».

Комитетъ, по обсужденіи вопроса о вознагражденіи М. С. Щепкина, постановилъ: «допустить сего артиста къ представленіямъ на здѣшнихъ (петербургскихъ) театрахъ, на основаніи условій, существовавшихъ съ нимъ въ 1825 году», съ обязательствомъ, кромѣ 9-ти бесплатныхъ представленій, сыграть еще одинъ разъ въ пользу казны ¹⁾.

3.

Извѣстно, что знаменитая опера Мейербера «Гугеноты» была у насъ поставлена первоначально съ совершенно другими словами, подъ заглавіемъ: «Die Welfen und Gibellinen». Содержаніе либретто оперы «Гугеноты» не пропустила тогдашняя цензура. Впрочемъ, это случилось съ «Гугенотами» не только у насъ: въ Вѣнѣ точно также ихъ преслѣдовали и даже подвергли остракизму, замѣнивъ «Гвельфами и Гибеллинами». Изъ Вѣны «Гвельфы и Гибеллины» пріѣхали и въ Петербургъ. Тогдашній директоръ театровъ А. М. Геденовъ, прочитавъ либретто оперы и не найдя въ немъ ничего такого, что бы нарушало требованія цензуры, препроводилъ его къ министру Императорскаго Двора кн. П. М. Волконскому при особомъ рапортѣ (отъ 14 авг. 1841 г.), въ которомъ писалъ, что «строгая какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ вѣнская цензура не допускала на сцену оперу «Гугеноты»; вслѣдствіе чего было составлено либретто «Гвельфовъ», немедленно одобренное въ Вѣнѣ». «Все», что могло казаться непозволительнымъ въ оперѣ «Гугеноты» — заключалъ А. М. Геденовъ — совершенно здѣсь уничтожено. Фанатическій и религіозный характеръ замѣненъ враждою двухъ партій, на сценѣ нѣтъ монаховъ, нѣтъ избіенія протестантовъ, и въ общемъ смыслѣ опера «Die Welfen und Gibellinen» совершенно походитъ на оперу «Монтечки и Капулетти», игранную у насъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ».

«Я никакъ не могу полагать, — говоритъ далѣе въ своемъ рапортѣ А. М. Геденовъ, — чтобы представленія сей оперы могли имѣть на публику какое-либо вредное вліяніе, а потому честь имѣю покорнѣйше просить вашу свѣтлость исходатайствовать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на постановку ея на с.-петербургской сценѣ російскою и нѣмецкою труппами, какъ окажется удобнѣе по голосамъ. Оперный репертуаръ нашъ уже давно не былъ оживляемъ ни одной важной новой оперой, потому что важнѣйшія новыя сочиненія, въ томъ видѣ, какъ оныя первоначально сочинены, не могли быть допущены на нашу сцену».

¹⁾ Дѣло 1828 года, № 158: «О дебютахъ актера Щепкина».

«Отъ постановки оперы «Die Welfen und Gibellinen»,—говорить въ заключеніи своего рапорта директоръ театровъ,—по мнѣнію моему можно ожидать выгоды, равныя тѣмъ, которыя дирекція приобрѣтала отъ представленій «Фенеллы» и «Роберта». За исключеніемъ же оной, не имѣется теперь ни одной оперы, обещающей постоянный успѣхъ и большія денежныя выгоды».

П. М. Волконскій, доложивъ ходатайство Гедеонова Государю Николаю Павловичу, 17 августа того же года увѣдомилъ директора театровъ, что Его Величество приказалъ: либретто оперы «Гвельфы и Гибеллины» («Die Welfen und Gibellinen»), сочиненное для музыки «Гугенотовъ» Мейербера, «представить напередъ на разсмотрѣніе цензуры». Цензурованіе пьесъ, предназначавшихся для постановки, въ то время лежало на обязанности III Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, вслѣдствіе чего Гедеоновъ и препроводилъ туда немедленно либретто «Гвельфовъ» (съ отношеніемъ отъ 20 августа 1841 г.), указывая, что эта опера «въ общемъ смыслѣ совершенно походитъ на «Мантеки и Капулетти». Съ небольшимъ черезъ недѣлю послѣ этого, 28 августа, III Отдѣленіе увѣдомило дирекцію театровъ, что опера «Die Welfen und Gibellinen» извѣстна цензурѣ, и еще въ минувшемъ апрѣлѣ была разсматриваема по требованію Рижскаго театра». Еще и тогда «цензура, не считая эту оперу противной принятымъ ею правиламъ, предполагала одобрить къ представленію, но по докладу этого мнѣнія Государю Императору, на одобреніе сей оперы не послѣдовало Высочайшаго соизволенія».

Вслѣдствіе этого цензура (III Отд.) увѣдомляла дирекцію, что она не находитъ, съ своей стороны, препятствій къ одобренію «Гвельфовъ», но представленія ея разрѣшить не можетъ, «вслѣдствіе существующаго Высочайшаго запрещенія».

Что предпринялъ послѣ этого А. М. Гедеоновъ, — намъ неизвѣстно. Но «Гвельфы и Гибеллины» поставлены не были ни въ томъ (1841) году, ни въ слѣдующемъ; нашли возможнымъ давать эту оперу въ С.-Петербургѣ только начиная съ сезона 1849 — 1850 года. «Гугеноты» же подъ своимъ настоящимъ именемъ были даны въ Маринскомъ театрѣ въ первый разъ 2 февраля 1862 года.

Такимъ образомъ, бессмертное произведеніе Мейербера, прежде чѣмъ появиться передъ публикою съ принадлежащимъ ему именемъ, выдержало довольно долгое incognito. Это, впрочемъ, ничуть ему не повредило и не ослабило къ нему общаго интереса, котормъ оно не перестаетъ пользоваться и до сихъ поръ.

4.

20-го мая 1830 года, на сценѣ Малаго театра давалось представленіе драмы «Генрихъ III и его дворъ». Вдругъ, изъ ложи

2-го яруса, въ которой сидѣлъ купецъ Бибинъ, выскочила мышь и попала въ партеръ. Сидѣвшая въ этой ложѣ дама громко вскрикнула отъ испуга, что само собою разумѣется, заставило публику, находившуюся въ театрѣ, обернуться въ ту сторону, откуда слышался крикъ. На другой день, объ этомъ случаѣ смотритель Малаго театра Гинцъ донесъ въ контору дирекціи, которая вслѣдствіе этого отдала приказъ: «завести на будущее время въ театрѣ мышеловки и прочіе необходимыя для сего снаряды, во избѣжаніе впредь подобныхъ происшествій».

5.

Случаи столкновеній между артистами и артистками бывали въ 1820—30 гг. весьма часто. При этомъ, нерѣдко дѣло доходило и до взаимныхъ оскорбленій дѣйствіемъ. По крайней мѣрѣ, подобныхъ случаевъ мы находимъ множество въ донесеніяхъ зрителей театровъ и дежурныхъ во время спектаклей чиновниковъ въ театральную контору. Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ такихъ случаевъ, заимствованный изъ подобнаго документа. 1-го октября 1830 года, въ Большомъ театрѣ назначенъ былъ какой-то балетъ. Передъ самымъ началомъ спектакля, въ одной изъ уборныхъ комнатъ находились танцовщица Зубова и фигурантка Шемаева, которыя о чемъ-то заспорили между собою. Отъ спора актрисы перешли къ брани и ругательствамъ. Отсюда конечно, по тогдашнимъ театральнымъ нравамъ, было недалеко и до драки. Первая не вытерпѣла Шемаева и ударила Зубову по щекѣ. Отъ такого оскорбленія бѣдная танцовщица «впала въ истерику», вслѣдствіе чего и не могла уже принимать участія въ балетѣ. За такое буйство Шемаева, по распоряженію дежурнаго члена Большого театра Рафаила Михайловича Зотова, была отправлена подъ арестъ.

6.

Въ очеркѣ, подъ заглавіемъ «Неудачныя чудеса» уже было приведено нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, въ какомъ положеніи въ доброе старое время была въ нашихъ театрахъ машинная часть. Но въ помянутый очеркъ вошли конечно далеко не всѣ случаи неисправимости тогдашняго механизма сцены, какіе можно извлечь изъ документовъ того же времени (1820—1840 гг.). Между тѣмъ, многіе изъ нихъ такъ курьезны, что заслуживаютъ быть навсегда занесенными въ нашу театральную лѣтопись. Вотъ, между прочимъ еще одинъ изъ такихъ примѣровъ, заимствованный изъ дѣла «о разныхъ происшествіяхъ въ театрахъ», отъ 1830 года. Во время представленія, 18-го декабря 1830 г., оперы «Крестьянинъ-милліонщикъ», было замѣчено, что «превращеніе шкапа въ

грозь и обратно въ шкапъ, происходившее подь управленіемъ Альберса и театрмейстера Лукашева, шло съ большими постановками». По дознаніи оказалось, что Альберсъ настолько жирно насалилъ веревки, что послѣднія невозможно было удержатъ въ рукахъ. Въ томъ же представленіи перемѣна ночи сначала шла хорошо, но затѣмъ вдругъ сверху упала занавѣсъ и опустилась. На этотъ разъ виновнымъ оказался плотникъ изъ наемныхъ людей князя Шаховскаго Иванъ Дмитріевъ. Поднявши занавѣсъ до верху, онъ «защропилъ валь», но недостаточно крѣпко, отчего «штропъ» отпустился и валь спустилъ занавѣсъ. Наконецъ, во время того же представленія, нужно было поднять къверху «орла» такъ, чтобы со сцены онъ казался; но тутъ случилось новое несчастье. Шнуръ, по которому долженъ былъ подняться орелъ, оборвался и орелъ упалъ на полъ. Хотя причины этого и не могли совершенно доискаться, но, по мнѣнію зрителя театра, шнуръ былъ подоженъ лампой, «которая какъ разъ висѣла подь нимъ во время изображенія ночи».

7.

22-го мая 1839 года, произведена была ревизія гардеробной части Императорскихъ театровъ, при чемъ, вслѣдствіе ветхости, множество вещей было предназначено дирекціею для продажи съ публичнаго торга. Въ дѣлѣ № 40 1839 года мы находимъ между прочимъ слѣдующую курьезную вѣдомость ветхимъ парикамъ, бородамъ и проч., отложеннымъ въ нотабенѣ (?), при ревизіи 1839 года.

колич.

Что именно:

- 11 бородъ.
- 6 париковъ греческихъ разнаго цвѣта волосъ.
- 21 парикъ разноцвѣтный для фурий.
- 1 » изъ человѣческихъ волосъ, арапскій.
- 5 париковъ разнаго цвѣта волосъ крестьянскихъ.
- 1 парикъ каррикатурный съ плѣшью.
- 1 » свѣтлокориичневый.
- 1 » черный, съ косою, гусарскій.
- 1 » голландскій.
- 1 » съ просѣдью и косою, французскій.
- 1 » сѣрый съ лысиною.
- 1 алонже свѣтлокориичневый.
- 1 » изъ сѣдыхъ волосъ съ бородою.
- 1 » свѣтлорусый.
- 6 » разнаго цвѣта волосъ, французскій.
- 1 » сѣдой, греческій.
- 1 » жидовскій, съ бородою и скуфьею.

колич.

Что именно:

- 1 алонже жидовскій, со скуфьею.
  - 3 > разноцвѣтныхъ.
  - 2 > мужскихъ сѣраго цвѣта съ локонами.
  - 1 » изъ швейцарскаго семейства.
  - 1 пара усовъ съ бакенбардами.
  - 1 > > отъ калифа.
  - 1 бакенбарды.
  - 1 черные усы и бакенбарды.
  - 3 парика греческихъ, съ рогами для сатира.
  - 13 > арабскихъ, изъ мерлушьяго мѣха.
- По гардеробу мастера Кенцеліуса.
- 1 локоны черные.
  - 1 > сѣдые.
  - 4 парика разнаго цвѣта волосъ.

8.

Къ многочисленнымъ недостаткамъ въ устройствѣ Императорскихъ театровъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія нельзя не отнести также пробѣловъ по типографской части. Бывали случаи, что типографія театральнoй дирекціи отказывалась печатать послѣ 8—9 часовъ вечера афиши, извѣщающія о спектакляхъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Иностранецъ Серафини получилъ отъ оберъ-полиціймейстера генераль-маіора Горголи разрѣшеніе на публичныя эквилибристическія представленія, съ условіемъ, однако, оканчивать свои представленія въ 9 часовъ вечера. Когда Серафини явился въ типографію театральнoй дирекціи за напечатаніемъ афишъ, то ему было отказано въ этомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, «что Серафини дозволено оканчивать свои представленія въ 9 часовъ». Серафини немедленно обратился съ жалобой къ оберъ-полиціймейстеру, который, въ виду этого случая, вынужденъ былъ обратиться съ просьбою къ князю Тюфякину приказать напечатать для Серафини афиши, дабы тѣмъ самымъ не причинить Серафини убытка остановкою его представленій. Въ подкрѣпленіе же своей просьбы къ Тюфякину, оберъ-полиціймейстеръ приложилъ копію съ слѣдующаго интереснаго предписанія С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, даннаго Горголи: «Его Императорское Величество повелѣтъ соизволилъ публичныя представленія всякаго рода, каждому правительствомъ позволеннымъ, допускать во всякое время, дабы дать способъ веселиться каждому свободно, а посему предписываю полиціи взять въ особое свое покровительство людей, доставляющихъ сіи забавы, по принятымъ правиламъ, и позволять во всякое время, назначая оныя до зари».

9.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ недостатковъ нашего театра въ старое время было то, что декорации и костюмы, употреблявшіеся въ томъ или другомъ представленіи, не соотвѣтствовали времени, въ которомъ происходило дѣйствіе. Недостатки этого рода такъ рѣзко бросались въ глаза, что министръ Императорскаго двора долженъ былъ сдѣлать формальное о томъ предписаніе, театральной дирекціи. Въ дѣлѣ за № 219, отъ 30-го ноября 1837 года, читаемъ слѣдующее предписаніе министра двора, которое было рассмотрѣно театральнымъ комитетомъ: «Во многихъ пьесахъ, представляемымъ на здѣшнихъ театрахъ, я замѣтилъ что декорации и костюмы не соотвѣтствуютъ тому времени, къ которому относится дѣйствіе, какъ напр., въ драмѣ «Крѣпость Магдебургъ» солдаты одѣты были въ бѣлыхъ мундирахъ, тогда какъ прусская армія, кромѣ синихъ мундировъ никакихъ другихъ не имѣла. Также и въ данномъ вчера французскомъ водевилѣ прусскіе костюмы и мундиры совсѣмъ не сходствовали со временемъ дѣйствія, и потому предлагаю сему комитету, впредь при постановленіи новыхъ пьесъ на сцену обращать болѣе вниманія какъ на декорации, которыя должны соотвѣтствовать времени и мѣстамъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ, такъ и костюмы, съ соблюденіемъ самой строжайшей точности въ оныхъ. А какъ для исправленія военныхъ костюмовъ можно образцы заимствовать изъ собственныхъ арсеналовъ Государя Императора и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича и даже изъ артиллерійскаго, гдѣ всѣ старинные мундиры сохраняются, то для назначенной нынѣ пьесы *Le Hussard de Felsheim* къ представленію на драматическомъ театрѣ приказать передѣлать нужные костюмы и не медля представить ко мнѣ на утверженіе». По рассмотрѣніи этого предписанія, комитетъ постановилъ: «поелику упоминаемое распоряженіе касательно монтированія пьесы *Le Hussard de Felsheim* окончены уже, то приобщить вышеприведенное предписаніе г. министра Императорскаго двора къ свѣдѣнію для наблюденія остальныхъ статей, въ немъ изложенныхъ».

10.

Среди многочисленныхъ, сохранившихся до настоящаго времени въ архивѣ дирекціи императорскихъ театровъ, дѣлъ и документовъ, есть, между прочимъ, весьма интересный, но, къ сожалѣнію, неполный документъ за 1810-й годъ, подъ заглавіемъ: «Письмо казанскаго губернатора о взятіи въ казну тамошняго театра». Изъ этого документа, мы усматриваемъ, при какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ началъ свое существованіе казан-

скій театръ. Въ 1802 году, «по сильнымъ убѣжденіямъ казанскаго дворянства, желанію мѣстной публики и согласію на то тогдашняго казанскаго гражданскаго губернатора дѣйств. стат. сов. Аплечеева»,—читаемъ мы въ прошеніи основателя казанскаго театра Павла Есипова къ казанскому губернатору (отъ 14 августа 1810 года), упомянутый Есиповъ предпринялъ постройку театра. На представленіе его величеству государю императору тогдашнимъ казанскимъ губернаторомъ, тайн. сов. Кацаринимъ, по поводу вышеозначеннаго предпріятія Есипова, послѣдовало высочайшее соизволеніе на существованіе въ Казани театра съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы чрезъ десять лѣтъ вмѣсто деревяннаго театральнаго зданія было возведено Есиповымъ каменное, о чемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и было сдѣлано предписаніе къ казанскому губернатору Кацарину. Мѣстомъ для возведенія театральнаго зданія была признана наиболѣе удобною Арская улица. Между тѣмъ, какъ можно видѣть изъ вышеупомянутаго письма Есипова, выбранное для театра мѣсто заключалось въ косогорахъ и буеракахъ и оставалось не заселеннымъ болѣе 20 лѣтъ. Благодаря такому невыгодному положенію мѣстности, избранной для театра, о каменной постройкѣ нельзя было и думать, такъ какъ одно только приведеніе въ должный порядокъ мѣста въ 50 сажень длиною и 25 саж. шириною, равно какъ и временное сооруженіе деревяннаго театра, стоило Есипову болѣе 30,000 руб. Къ этому нужно присоединить и то, весьма немаловажное съ чисто коммерческой точки зрѣнія, обстоятельство, что публика посѣщала театръ въ довольно ограниченномъ количествѣ, «частію по недостатку эстетическаго развитія, частію же по недостатку и даже экономіи въ средствахъ». Особенно ощутительно было для кармана Есипова содержаніе театра въ 1810 году, когда этотъ антрепренеръ обратился съ прошеніемъ къ казанскому губернатору объ исходатайствованіи ему монаршаго благоволенія, въ видѣ назначенія ежегоднаго вознагражденія 12,000 рублей, или въ видѣ зачисленія казанскаго театра въ составъ императорскихъ казенныхъ театровъ, съ уплатою содержателю театра приличнаго вознагражденія. Приводимъ въ подлинникѣ весьма интересный отрывокъ изъ означеннаго прошенія Есипова: «Ваше превосходительство», — писалъ онъ къ казанскому губернатору, «вамъ извѣстно положеніе здѣшняго театра. Прежде, нежели приступилъ я къ содѣланію его публичнымъ, образованіе труппы и оркестра мнѣ стоило многолѣтнихъ трудовъ. Затѣмъ, по открытіи его, стараясь довести сіе заведеніе до возможной степени совершенства, я поставленъ былъ въ необходимость употреблять на жалованье выписаннымъ мною лучшимъ актерамъ, на содержаніе немалаго числа людей и на снабженіе театра декораціями и гардеробомъ,—такую сумму, какая не могла быть замѣняема доходами, такъ что убытокъ каждагодно простирался до шести или

семи тысячъ рублей. Несмотря на весьма значительное населеніе Казани, публика здѣшняя, состоя большею частію изъ небогатыхъ чиновниковъ, не представляетъ мнѣ никакой надежды на возможность каковаго-либо особеннаго пожертвованія въ пользу театра. Число дворянъ съ избыточнымъ состояніемъ весьма мало, такъ что, при всемъ рвеніи моемъ продолжать существованіе заведенія, коего сильное и полезное вліяніе на народную нравственность, на всякаго мыслящаго человѣка ощутительно, — лишаюсь теперь всѣхъ средствъ не только исполнить предположеніе, относительно построенія каменнаго театральнаго зданія, но и содержать самый театръ, разрушеніе коего, при истощеніи состоянія моего, безъ достаточнаго вспомошествованія, содѣлалось неминуемымъ, и я вовлеченъ въ прискорбную необходимость, съ окончаніемъ года распустить труппу, на жалованьѣ моемъ состоящую. Въ семъ положеніи я беру смѣлость представить вашему превосходительству, какъ начальнику губерніи, пекущемуся о народномъ образованіи, единственные способы къ поддержанію сего полезнаго заведенія въ Казани, занимающей первое послѣ столицы мѣсто во внутреннихъ городахъ имперіи. Театръ здѣшній нѣсколько уже лѣтъ украшается ложею его императорскаго величества, коей особенное въ честь августѣйшаго монарха назначеніе я считалъ благоговѣйною жертвою вѣрноподданническаго усердія моего, и одна только крайность побуждаетъ меня обратиться къ примѣру театра въ Ревелѣ, въ пользу коего за такую же ложу отпускается ежегодно 12,000 рублей изъ кабинета. Если таковою жъ щедротой государя императора взысканъ будетъ казанскій театръ, который и для самыхъ азіатцевъ, здѣсь обитающихъ, служитъ полезнымъ предметомъ занятія, споспѣшествующаго къ постепенному ихъ образованію, то я надѣюсь и пріемлю обязанность не только содержать театръ съ возможнымъ время отъ времени улучшеніемъ, но и приступить неукоснительно къ возведенію каменнаго зданія, или когда вмѣсто сего благоугодно будетъ взять театръ въ казенное содержаніе, то я готовъ отдать оный со всѣмъ тѣмъ, что до него принадлежитъ, съ полученіемъ за собственность мою, состоящую въ людяхъ, зданіи и вещахъ, приличнаго и умѣреннаго вознагражденія. То или другое не иначе совершится можетъ, какъ по представленію и ходатайству вашего превосходительства, коему себя ввѣряю, съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и таковою жъ преданностію».

Въ приведенномъ отрывкѣ изъ документа для насъ особенно интересны мотивы, которые приводитъ Есиповъ какъ бы въ подкрѣпленіе своей мысли о высокообразовательномъ значеніи театра вообще, — именно, вліяніе театра на развитіе, умственное и нравственное, казанской публики, не исключая и самыхъ «азіатцевъ». Что эти мотивы имѣли для казанскаго губернатора нѣкоторую силу

убѣдительности, видно уже изъ того факта, что онъ не замедлилъ обратиться къ директору театровъ съ просьбою о ходатайствѣ предъ государемъ объ оказаніи монаршей милости, «въ отношеніи къ казанскому театру». Въ виду особеннаго интереса, представляемаго письмомъ казанскаго губернатора, приводимъ въ подлинникъ его текстъ: «милостивый государь, Александръ Львовичъ, вашему высокопревосходительству, какъ главному попечителю въ Россіи театра, беру смѣлость представить при семъ въ копіи поданное мнѣ отъ основателя казанскаго театра г. Есипова письмо, изъясняющее не возможность его содержать оный, если не подкрѣпленъ будетъ тѣмъ же Государя Императора благоволеніемъ, какого удостоенъ ревельскій театръ, или когда сіе невозможно, то желаніе его—отдать оный въ казну съ полученіемъ за собственность его приличнаго вознагражденія. Ощутительная выгода таковаго заведенія, которое при полезномъ для многихъ занятіи споспѣшествуетъ улучшенію нравственности и народному образованію въ одномъ изъ первыхъ послѣ столицъ городовъ имперіи, побуждаетъ меня ходатайствовать, милостивый государь, о предстательствѣ вашемъ у Государя Императора объ обращеніи на казанскій театръ всемилостивѣйшаго благоволенія, безъ коего оный по объясняемымъ содержателямъ его причинамъ далѣе существовать не можетъ, и бывъ доведенъ по мѣрѣ способъ до возможной степени совершенства долженъ разрушиться къ общему сожалѣнію обитателей Казани, изъ коихъ и самыя азіатцы пріобыкли уже находить въ семъ заведеніи пріятное занятіе, умягчающее нравы ихъ и сближающее съ общимъ образомъ мыслей и чувствованій».

11.

Въ прежнее время (въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія), какъ случается и теперь, актеры нерѣдко уклонялись отъ своихъ обязанностей по службѣ, большею частію подъ предлогами всевозможныхъ болѣзней. Такіе случаи часто ставили дирекцію въ затруднительное положеніе, и она, чтобы установить въ этомъ отношеніи какой-нибудь порядокъ, вынуждена была, наконецъ, сдѣлать слѣдующее предписаніе режиссерамъ труппъ и въ томъ числѣ русской, г. Фрыгину: «такъ какъ замѣчено,—говорится въ этомъ предписаніи,—что многіе артисты отстраняются отъ исполненія своихъ обязанностей по разнымъ несправедливымъ отзывамъ, а также подъ предлогомъ болѣзней, то такое нерадѣніе къ службѣ, будучи нетерпимо въ каждомъ партикулярно-устроенномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе несовмѣстно съ званіемъ артиста, удостоеннаго принятіемъ на службу въ императорское заведеніе, а потому и заслуживаетъ вниманія начальства къ отвращенію онаго. Въ виду этого Комитетъ главной дирекціи предписываетъ конторѣ: 1) завести осо-

бую книгу, подъ названіемъ «Черной», для внесенія въ оную всѣхъ противозаконныхъ поступковъ артистовъ, какъ-то: уклоненія по капризамъ или лѣнности отъ исполненія своихъ должностей, послушанія приказаній начальства, неприличное поведеніе и проч. Сія книга будетъ служить на основаніи нынѣ существующаго постановленія къ соображенію при представленіяхъ артистовъ по выслугѣ узаконеннаго срока на пансіонъ къ всеподданѣйшему докладу Государю Императору для удостоенія высочайшей милости, распространяющейя на всю жизнь артистовъ, а также и для полученія временныхъ наградъ отъ дирекціи. 2) Во избѣжаніе остановокъ, по репертуарной части происходящихъ отъ дѣйствительныхъ болѣзней артистовъ, распорядиться къ установленію по всѣмъ ролямъ дублетовъ, о каковыхъ составить немедленно списокъ и представить оный на утвержденіе въ комитетъ конторы императорскихъ театровъ. О всемъ вышесказанномъ объявить немедленно по вашей части всѣмъ гг. артистамъ съ подписками и представить въ самоскорѣйшемъ времени въ контору на разсмотрѣніе списокъ артистамъ, могущимъ по вашему соображенію составлять избранныхъ комитетомъ главной дирекціи дублетовъ». Предписаніе заканчивалось слѣдующими энергичными словами: «Возлагая сіе на васъ, контора надѣется, что вы, по лежащей на васъ обязанности, употребите всю дѣятельность и стараніе къ успѣшнѣйшему и точнѣйшему исполненію положенія комитета».

Е. Опочининъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ ¹⁾.

(1789—1846 гг.).

ВГУСТА 11-го текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ нашихъ старинныхъ драматическихъ писателей, Н. И. Хмельницкаго. Теперь имя его почти совсѣмъ забыто, но въ свое время, въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, оно пользовалось популярностью и нерѣдко даже ставилось тогдашнюю критикою наряду съ Грибоѣдовымъ, Капнистомъ и Фонъ-Визинимъ. Одинъ изъ почитателей таланта Хмельницкаго рассказывалъ, напр., уже въ концѣ сороковыхъ годовъ, что «Н. И. Хмельницкій, вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ и княземъ А. А. Шаховскимъ составили планъ комедіи (для бенефиса М. И. Валберховой) «Своя семья»; нѣсколько сценъ въ этой комедіи, въ томъ числѣ сцена экзамена Наташи, писаны Хмельниц-

¹⁾ Мы пишемъ фамилію Хмельницкій чрезъ е, а не чрезъ ѣ, потому что такъ писалъ ее самъ Н. И. Хмельницкій, въ чемъ мы могли убѣдиться, просмотрѣвши массу бумагъ, писанныхъ имъ собственноручно во время его губернаторствованія въ Смоленскѣ. Также чрезъ е писали эту фамилію: В. Г. Вѣлинскій (Соч., т. IX, 470), И. И. Срезневскій («Историч. обзор. слободской Украины», Харьковъ, 1839 г.), Н. И. Костомаровъ («Руина», «Богданъ Хмельницкій» и проч.); также пишетъ теперь и «Кіевская Старина», авторитетность которой по части южно-русской исторіи можетъ быть принята безспорно. Въ первый разъ буква ѣ появилась въ этой фамиліи въ смирдинскомъ изданіи «Сочиненій Хмельницкаго» (Слб., 1849 г.) и съ тѣхъ поръ всѣ стали писать въ этомъ словѣ букву ѣ, хотя это рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Авторъ.

кимъ, и нужно ему отдать справедливость, это — лучшая сцена во всей комедіи»¹⁾).

Конечно, это послѣднее уже преувеличеніе; но какъ бы то ни было во всякомъ случаѣ Хмельницкій былъ писателемъ въ свое время довольно виднымъ и извѣстнымъ, что подтверждаетъ и Бѣлинскій, не смотря на свое отрицательное отношеніе къ второстепеннымъ писателямъ пушкинской эпохи, въ которыхъ онъ не видитъ никакого внутренняго содержанія²⁾).

Литературная дѣятельность Хмельницкаго относится исключительно къ области исторіи русскаго театра, и значеніе его, какъ писателя, заключается именно въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ и притомъ наиболѣе важныхъ вкладчиковъ при заложении фундамента нашего національнаго театра.

Болѣе или менѣе полной и обстоятельной біографіи Н. И. Хмельницкаго русская литература не имѣетъ еще до сихъ поръ. Да и врядъ ли, по нашему мнѣнію, возможно было бы написать такую біографію въ настоящее время, въ виду того, что общественная дѣятельность Хмельницкаго, окончившаяся такъ трагически, слишкомъ еще близка отъ насъ, чтобы можно было произнести надъ нею рѣшительный судъ... Есть у русскіхъ людей знаменательное повѣрье насчетъ мощей святыхъ угодниковъ, что они не могутъ быть открыты до тѣхъ поръ, пока не умрутъ всѣ тѣ, кто зналъ святого при жизни. То же самое можетъ быть вполнѣ приложимо и къ дѣятельности нашихъ администраторовъ и чиновниковъ высшаго ранга, къ которымъ принадлежалъ Хмельницкій. Это тѣмъ болѣе можетъ быть отнесено къ Хмельницкому, что еще до сихъ поръ живы даже нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя непосредственно повліяли на трагическую развязку служебной карьеры Хмельницкаго. Исторія въ свое время назоветъ ихъ по именамъ и расскажетъ во всѣхъ подробностяхъ о ихъ продѣлкахъ, наложившихъ темное пятно на одного изъ лучшихъ и честнѣйшихъ администраторовъ, какіе когда-нибудь бывали въ нашей глухой провинціи. Теперь же говорить объ этомъ еще не время.

Сообщаемыя ниже біографическія данныя о Н. И. Хмельницкомъ извлечены нами главнымъ образомъ изъ архива канцеляріи смоленскаго губернатора, гдѣ хранится формулярный списокъ о службѣ Хмельницкаго и многія другія бумаги, относящіяся къ его жизни и дѣятельности, такъ какъ онъ былъ въ теченіе 8-ми лѣтъ губернаторомъ въ Смоленскѣ. Доступомъ въ указанный архивъ мы обязаны исключительно просвѣщенной любезности настоящаго смоленскаго губернатора, дѣйств. стат. сов. В. О. Сосновскаго.

¹⁾ Статья С. Дурова въ «Сочиненіяхъ Н. И. Хмельницкаго», изд. 1849 г., т. I, стр. XXIV.

²⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т. IX, 236—237.

I.

Родоначальникомъ фамиліи Хмельницкихъ былъ извѣстный малороссійскій гетманъ Богданъ Хмельницкій, виновникъ воссоединенія Великой и Малой Россіи «подъ высокою и сильною рукою великихъ царей московскихъ». Обширныя недюжинныя умственные способности и склонность къ образованію и интеллигентной дѣятельности были какъ бы родовымъ, прирожденнымъ качествомъ въ родѣ Хмельницкихъ. Отецъ Николая Ивановича, Иванъ Парѣновичъ Хмельницкій, былъ также одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей своего времени. Онъ получилъ прекрасное образованіе и былъ удостоенъ даже Кенигсбергскимъ университетомъ званія доктора философіи. Въ 1726 году, въ «Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ» были напечатаны его магистерская и докторская диссертациі на латинскомъ языкѣ, одна подъ названіемъ «Основанія философіи», другая— «Возраженія Шлегелю». Русской публикѣ, разумѣется, мало были извѣстны эти ученые трактаты; но Иванъ Парѣновичъ, кромѣ того, много переводилъ и писалъ на русскомъ языкѣ. Труды его съ охотою принимались петербургской Академіей Наукъ и выдерживали по нѣскольку изданій. Екатерина II, вполне оцѣнивая труды Ивана Парѣновича, повелѣла выдать ему значительное единовременное денежное пособіе на постройку дома въ Петербургѣ. Это пособіе имѣло, впрочемъ, и другую сторону, такъ сказать политическую: Екатерина хотѣла этимъ подаркомъ хотя отчасти загладить несправедливость стараго московскаго правительства, секвестрировавшаго всѣ имѣнія, принадлежавшія нѣкогда роду Хмельницкихъ.

Николай Ивановичъ всегда гордился своимъ отцомъ и сохранялъ о немъ свѣтлую память, говоря, что всѣми хорошими чертами своего характера и образованія онъ обязанъ исключительно своему отцу.

Николай Ивановичъ родился, какъ мы уже сказали, 11 августа 1789 года въ Петербургѣ, въ домѣ отца ¹⁾. Гдѣ получилъ онъ образованіе — неизвѣстно, такъ какъ въ послужныхъ спискахъ предшедшихъ лѣтъ мѣсто воспитанія и степень образованія не означались; въ печатныхъ біографическихъ очеркахъ мы также не нашли по этому поводу никакихъ указаній.

Служба Хмельницкаго началась рано. Вѣроятно, по протекціи отца, его зачислили на службу еще въ то время, когда онъ учился. По крайней мѣрѣ, такъ выходитъ по его формуляру, въ которомъ значится, что онъ вступилъ на службу въ канцелярію министерства

¹⁾ Домъ Хмельницкихъ находился въ 3-й Адмиралтейской части, 1-мъ кварталѣ, подъ № 4; въ сороковыхъ годахъ домъ этотъ перешелъ къ генералъ-маіору Я. И. Ростовцеву.

удѣловъ канцеляристомъ еще въ 1799 году, т. е. десяти лѣтъ отъ роду. Затѣмъ, въ 1802 году, онъ былъ произведенъ уже въ первый чинъ — сенатскаго регистратора. Черезъ два года отецъ перевелъ его въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ виду того, что молодой Хмельницкій здѣсь могъ скорѣе и лучше, чѣмъ гдѣ-либо, проявить свои способности и составить служебную карьеру, такъ какъ онъ прекрасно зналъ языки французскій и нѣмецкій и свободно говорилъ на нихъ.

Дѣйствительная служба Н. И. Хмельницкаго начинается только съ 12-го января 1806 года, когда онъ, кончивъ, должно быть, свое образованіе, уже фактически опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ качествѣ переводчика. Его выдающіяся способности и любовь къ труду на первыхъ же порахъ обратили на себя вниманіе начальства, и онъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 года уже былъ отправленъ, по высочайшему указу, «для иностранной переписки», къ главнокомандующему финляндской арміею, графу Буксгевдену, а въ іюлѣ того же года его произвели въ коллежскіе ассесоры.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1811 года, Хмельницкій перешелъ на службу изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ департаментъ министерства юстиціи. Здѣсь, однако, онъ пробылъ недолго: военная буря, поднявшаяся въ слѣдующемъ 1812 году, увлекла Хмельницкаго на другую дорогу — онъ вступилъ въ петербургское ополченіе, подъ начальство фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго. Послѣдній назначилъ его адъютантомъ и въ этой должности онъ оставался также и при преемникѣ Кутузова, баронѣ Меллеръ-Закомельскомъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1813 года, вслѣдствіе представленія главнокомандующаго, Хмельницкій былъ произведенъ «за усердіе къ службѣ» въ надворные совѣтники. Тогда онъ сталъ проситься въ дѣйствующую армію и 6 августа 1813 года высочайшимъ приказомъ былъ причисленъ къ главному штабу польской арміи, куда онъ тотчасъ же и отправился. Польская армія стояла въ это время на границѣ Пруссіи. Слѣдуя за нею, онъ побывалъ затѣмъ въ Саксоніи, Пруссіи, Мекленбургѣ, Голштиніи и принималъ участіе въ сраженіяхъ 27 сентября при дер. Петерсвальдѣ, 29-го при городѣ Донау, 1 октября при Дрезденѣ и, наконецъ, въ великой битвѣ народовъ при Лейпцигѣ, 6 и 7 октября. За послѣднее сраженіе онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и, кромѣ того, за весь походъ, по окончаніи кампаніи, ему былъ пожалованъ, въ 1814 году, орденъ св. Анны 2 степени.

По возвращеніи изъ похода, Хмельницкій снова вступилъ на службу въ министерство юстиціи. Но въ скоромъ времени петербургскій генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ, познакомившійся съ Хмельницкимъ еще во время похода, пригласилъ его къ себѣ на службу и сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи.

Съ этихъ поръ Хмельницкій пошелъ въ гору по служебной лѣстницѣ еще скорѣе. 21 іюля 1819 года онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; 20 октября того же года ему были пожалованы «за усердную службу» брилліантовые знаки ордена св. Анны 2 ст.; въ 1821 году онъ производится въ статскіе совѣтники, въ 1823 году получаетъ св. Владимира 3 степени.

Находясь на службѣ въ канцеляріи генераль-губернатора, Хмельницкій написалъ извѣстный проектъ объ обращеніи частныхъ суммъ, лежавшихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и никѣмъ не востребованныхъ въ теченіе десяти лѣтъ, въ капиталъ для призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Всѣхъ такихъ суммъ въ то время состояло на лицо около 700 тыс. рублей. Проектъ былъ представленъ генераль-губернаторомъ на высочайшее разсмотрѣніе и получилъ одобреніе государя. Знаменательно въ этомъ фактѣ то, что о приведеніи подобнаго же предложенія во Франціи нѣсколько позже старался первый министръ Гизо—и не могъ провести его, не смотря на все свое могущество и вліяніе; у насъ же эта реформа устроилась очень легко и прошла въ жизнь, благодаря простому и при томъ врядъ ли даже настойчивому вмѣшательству правителя канцеляріи генераль-губернатора, человѣка сравнительно весьма невиднаго и невліятельнаго.

Въ 1824 году, Хмельницкій перешелъ на службу изъ канцеляріи генераль-губернатора въ министерство внутреннихъ дѣлъ, къ которому его причислили въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. При министерствѣ онъ состоялъ около пяти лѣтъ, занимаясь по преимуществу литературными работами. Въ это-то время на него обратили вниманіе въ высшихъ сферахъ, и въ 1829 году (24 февраля) онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ.

На первыхъ порахъ губернаторствованія Хмельницкому и въ Смоленскѣ повезло также, какъ везло до сихъ поръ вездѣ, гдѣ онъ ни начиналъ служить. Почти тотчасъ же послѣ приѣзда его сюда, ему былъ пожалованъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1832 году, государь, при проѣздѣ своимъ чрезъ Смоленскъ, выразилъ ему свое удовольствіе по поводу «прекраснаго состоянія» Смоленской губерніи и подарилъ ему при этомъ брилліантовый перстень. Въ слѣдующемъ году ему было снова выражено «монаршее удовольствіе» за исправное поступленіе податей и недоимокъ по губерніи. Наконецъ, въ 1834 году, ему былъ пожалованъ, при высочайшемъ рескриптѣ, орденъ св. Анны 1 ст. Но это и было уже послѣднею наградою, которую получилъ Хмельницкій на службѣ; съ этихъ поръ фортуна, видимо, перестаетъ ему благоприятствовать и отступается отъ своего любимца.

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы обрисовать дѣятельность Хмельницкаго въ качествѣ губернатора, во время его пребыванія въ Смоленскѣ,

II.

Хмельницкій губернаторствовалъ въ Смоленскѣ восемь съ половиною лѣтъ и за это сравнительно короткое время сдѣлалъ для города Смоленска и губерніи чуть ли не больше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ губернаторовъ, состоявшихъ въ этой должности иногда по 10—15 лѣтъ. Не даромъ же имя Хмельницкаго до сихъ поръ не забыто смолянами, которые вспоминаютъ о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ начальниковъ края.

На первыхъ же порахъ своей дѣятельности въ качествѣ губернатора Н. И. Хмельницкій долженъ былъ столкнуться съ двумя особенно острыми вопросами тогдашняго времени—съ вопросомъ о раскольникахъ и о злоупотребленіи помѣщичьей властію. Широкой гуманный взглядъ европейски-образованнаго человѣка видѣнъ во всѣхъ распоряженіяхъ Хмельницкаго по дѣламъ этихъ двухъ категорій. Не имѣя возможности официально рѣшать или прекращать по своему усмотрѣнію дѣла о раскольникахъ, Хмельницкій, какъ рассказываютъ, по возможности старался внушать чинамъ высшей уѣздной администраціи, чтобы они не преслѣдовали понапрасну старообрядцевъ и сектантовъ и не проявляли своей ретивости тамъ, гдѣ это не требуется прямо и непосредственно высшею властію. Но гуманное и человѣчное отношеніе къ раскольникамъ повлекло за собою только усиленный ростъ раскола. По показаніямъ мѣстныхъ духовныхъ историковъ, старообрядство никогда не распространялось такъ сильно, какъ во время губернаторствованія Хмельницкаго ¹⁾. Однихъ молитвенныхъ домовъ у раскольниковъ прибавилось за это время 27, въ расколъ же всего по губерніи перешло гласно до 5 тыс. человѣкъ. Сельскіе священники приходили въ отчаяніе. Духовенство нѣсколькихъ селъ Гжатскаго уѣзда (Субботниковъ, Спасскаго, Брызгалова и проч.) «вынужденнымъ оказалось послать преосвященному коллективное прошеніе о принятіи какихъ-либо мѣръ» противъ распространенія раскола. «Зловредные плевелы раскола, — писали они въ своемъ прошеніи въ 1832 году, — прозябшіе подъ вліяніемъ духа лести... начали подавлять благія сѣмена правовѣрія христіанскаго въ сердцахъ въ значительной части прихожанъ нашихъ селъ. И если сей губительный потокъ развращенія и невѣрія въ скоромъ времени не будетъ прегражденъ благоразумными и строгими мѣрами, въ такомъ случаѣ неминуемо должно ожидать намъ всеобщаго удаленія прихожанъ нашихъ отъ церкви». Преосвященный обратился по этому поводу къ Хмельницкому, который ограничился, однако, тѣмъ, что послалъ предписаніе мѣстному исправнику, чтобы онъ «совмѣстно съ ста-

¹⁾ «Смол. Епарх. Вѣдомости», 1887 г. Приложение, стр. 67—79.

новыми приставами наблюдалъ за тѣмъ, чтобы расколоучители не распространяли своихъ лжеумствованій среди простого народа, въ противномъ случаѣ они будутъ подвергнуты законной карѣ».

Для характеристики отношенія Хмельницкаго къ дѣламъ о злоупотребленіи помѣщицъею властію, приведемъ здѣсь слѣдующій фактъ, почерпнутый нами изъ перваго дѣла, въ которомъ Хмельницкій столкнулся съ злоупотребленіями такого рода, вскорѣ по прїѣздѣ своемъ въ Смоленскъ. Помѣщица Рославльскаго уѣзда, Бородуличева, прошеніемъ на имя губернатора, жаловалась на то, что ея крестьяне въ дер. Богдановой «бунтуютъ», мѣстныя же власти не хотятъ оказать ей помощи, чтобы успокоить ихъ и привести въ должное повиновеніе. Вслѣдъ за этимъ прошеніемъ она прїѣзжаетъ въ Смоленскъ сама и желая лично видѣть губернатора, отправляетъ къ нему лакея спросить, когда губернаторъ можетъ принять ее. Дѣло было въ какой-то праздникъ. Губернаторъ передалъ посланному, что онъ проситъ Бородуличеву зайти къ нему по дѣлу завтра. Помѣщица взбѣленилась и написала жалобу на Хмельницкаго мѣстному генераль-губернатору (Могилевскому, Витебскому и Смоленскому), обвиняя губернатора въ томъ, что онъ «обижаетъ гг. помѣщиковъ своимъ поведеніемъ», а затѣмъ, разгнѣванная уѣхала домой въ Рославль, не повидавшись съ губернаторомъ. Оттуда она снова написала ему письмо, въ которомъ упрекаетъ его въ «невнимательности къ сословію дворянъ» и проситъ, во-первыхъ, взять одного крестьянина ея, котораго она называетъ «чудеснымъ стрѣлкомъ», за буйство и неплатежъ оброка въ рекруты и, во-вторыхъ, взять у нея одного двороваго и за буйство отдать его въ работу въ смоленскій Аврааміевскій монастырь. Въ заключеніе она язвительно отзывается о дѣятельности рославльской уѣздной полиціи, говоря, что у нея изъ деревни убѣжало мѣсяцъ тому назадъ 17 человекъ дворовыхъ и изъ нихъ розыскано до сихъ поръ всего 13, остальные же, надобно думать, совсѣмъ пропали. Опредѣленіе по этому дѣлу писано рукою самого Хмельницкаго. Мы, впрочемъ, должны сказать здѣсь, что абсолютно всѣ рѣшенія и отзывы по дѣламъ такого рода, которыя касались взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, писаны самимъ Хмельницкимъ: онъ, очевидно, не довѣрялъ въ этихъ случаяхъ умѣню и краснорѣчію своего правителя канцеляріи, чиновника изъ недоучекъ-поповичей. Въ предписаніи рославльскому земскому суду по поводу прошенія и письма Бородуличевой Хмельницкій пишетъ: «объявить ей — 1) что Высочайшимъ указомъ 1806 г. марта 13 повелѣно прошенія всякаго рода къ должностнымъ лицамъ подавать не на почтовой, а на гербовой бумагѣ; 2) что жалоба ея на меня, состоящая въ томъ, что почему я, въ бытность ея въ Смоленскѣ, вмѣсто праздничнаго дня, назначилъ будничныи день для объясненія съ нею по дѣлу, какъ будто какой подсудимой, что она, какъ пишетъ, считаетъ за

большое униженіе,—есть претензія болѣе забавная, нежели основательная, ибо я не знаю такого постановленія, которое бы обязывало начальниковъ губерніи принимать просительницъ по однимъ только воскресеньямъ и во всякое время, когда имъ будетъ угодно прїѣхать; 3) извѣстіе, что въ Рославльскомъ уѣздѣ водворяется миръ и тишина, бѣглыхъ изловлено множество и корчемниковъ, по ея словамъ, полная тюрьма,—меня весьма радуетъ, ибо показываетъ возникающую дѣятельность земской полиціи, которой и г-жа Бородуличева, за возвращеніе ей изъ числа 17 ея бѣглыхъ 13 человекъ, должна быть благодарна; 4) чудеснаго ея стрѣлка, побѣждающаго медвѣдей, взять въ рекруты за числящуюся недоимку я не вправѣ; 5) что за самовольные поступки сажаютъ людей обыкновенно въ смирительный домъ, а не въ смоленскій Аврааміевскій монастырь, куда она проситъ заключить человекъ ея Вас. Ефимова; наконецъ, 6) что, наконецъ, посылать ко мнѣ съ подобнымъ письмомъ своего человекъ за 150 верстъ въ одинъ конецъ и при томъ въ весеннее время, я почитаю дѣйствіемъ изнурительнымъ и совѣтую г-жѣ Бородуличевой впредь сего не дѣлать»¹⁾.

Помѣщики были не совсѣмъ довольны тѣмъ, что Хмельницкій часто держалъ не ихъ руку, а заступался за крестьянъ. Говорятъ, что мѣстные дворяне были въ претензіи на Хмельницкаго также и за то, что онъ при приемѣ просителей не обращалъ вниманія на ихъ чины и званія и принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему по очереди, не дѣлая ни для кого исключеній... Исключенія, впрочемъ, иногда допускались, но лишь для хорошенькихъ женщинъ, которымъ всегда въ этихъ случаяхъ отдавалось преимущество, потому что Хмельницкій, какъ истинный сынъ своего вѣка, какъ аристократъ 20-хъ и 30-хъ годовъ и, наконецъ, какъ старый холостякъ (онъ никогда женатъ не былъ), былъ по отношенію къ особамъ прекраснаго пола самымъ чистокровнымъ джентльменомъ и рыцаремъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ: не даромъ же время его губернаторствованія въ Смоленскѣ долго спустя слыло у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «бабьяго царства»... Дамы въ то время царили у насъ по губерніи не въ однихъ только салонахъ, но оказывали нерѣдко сильное вліяніе и на административныя распоряженія. Объ этомъ и до сихъ поръ въ Смоленскѣ разсказывается не мало разныхъ исторій самаго пикантнаго свойства.

Какъ человекъ истинно просвѣщенный, Хмельницкій не мало заботился также и относительно распространенія образованія среди обывателей. Онъ обратилъ на это вниманіе съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности и уже въ 1831 году въ Смоленскѣ была открыта

¹⁾ Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, благодаря настоянію Хмельницкаго, имѣніе Бородуличевой было взято въ опеку (1831 г.).

его стараніями публичная общественная бібліотека. Это была одна изъ первыхъ, если не самая первая, общественныхъ бібліотекъ въ провинціальной Россіи. При ней былъ устроенъ также и кабинетъ для чтенія, гдѣ обыватели читали книги, газеты и журналы бесплатно. Составилась эта бібліотека почти исключительно изъ однихъ пожертвованій, поддерживалась же потомъ частію подписною платою, которую подписчики вносили за чтеніе книгъ на дому, частію спеціальными суммами изъ губернаторской канцеляріи. Пожертвованія книгами для бібліотеки собирались, какъ передаютъ, съ большой безцеремонностію: ради общаго блага Николай Ивановичъ не отступалъ въ этомъ случаѣ даже предъ маленькими насиліями и нерѣдко принуждалъ отдавать въ бібліотеку книги, если владѣльцы не догадывались добровольно отдавать ихъ. Имѣя значительныя личныя литературныя знакомства, Николай Ивановичъ, сверхъ того, обратился ко всѣмъ извѣстнымъ петербургскимъ и московскимъ литераторамъ съ просьбою о высылкѣ ихъ сочиненій во вновь открывающуюся смоленскую бібліотеку. Многіе сочувственно отозвались на это и прислали не только свои сочиненія, но даже и журналы, которые ими издавались. Такъ, Полевой прислалъ бесплатно свой «Телеграфъ» за нѣсколько лѣтъ, обѣщаясь и впредь высылать его даромъ; Погодинъ выслалъ свой «Московский Вѣстникъ» и т. д. Пушкинъ своихъ сочиненій не выслалъ и отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства; столь лестное для моего самолюбія; я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ смоленскую бібліотеку, но вслѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. А. Пушкинъ. Давъ офіціальный отвѣтъ на офіціальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощенія, не за себя, а за своихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непременно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго, впрочемъ, я уважаю столь же, сколько васъ люблю. Весь вашъ¹⁾».

Бібліотека эта, основанная Хмельницкимъ, существовала до конца семидесятыхъ годовъ, но потомъ почему-то была закрыта и снова устроена и открыта только въ нынѣшнемъ году, благодаря стараніямъ настоящаго смоленскаго городского головы А. П. Энгельгардта, человѣка энергичнаго и дѣятельнаго, уже много сдѣлавшаго для города...

¹⁾ Соч. Пушкина. Изд. Суворина. Т. VIII, стр. 513—514.

Хмельницкій, при всемъ своемъ умѣ и широкой образованности, не избѣгъ общаго недостатка, присущаго всѣмъ губернаторамъ, настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ, — заботиться не столько о нуждахъ и пользахъ края, сколько о благоустройствѣ губернскаго города. Казовая дѣятельность «устроительства» болѣе прельщаетъ всѣхъ, чѣмъ невидная, скромная, хотя и болѣе плодотворная работа по проведенію добрыхъ началъ во внутреннюю жизнь населенія. Такова ужъ наша русская жизнь, что скромная дѣятельность по организациі внутреннихъ порядковъ не имѣетъ никакой приманки ни для кого, въ особенности же для такого чиновника, какъ губернаторъ, который въ большинствѣ случаевъ не связанъ кровно и органически съ краемъ, ему ввѣреннымъ, и у котораго вслѣдствіе этого всегда преобладаетъ желаніе отличиться, чтобы заслужить переводъ въ другую губернію, болѣе лучшую и богатую. Разумѣется, при такихъ условіяхъ заботы о казовой сторонѣ должны занимать въ стремленіяхъ начальниковъ губерній первенствующее мѣсто.

Для Смоленска собственно Хмельницкій сдѣлалъ очень много и даже не по одному «устроительству». Такъ, онъ во время проѣзда чрезъ Смоленскъ государя Николая Павловича (1829 г.) обратилъ его вниманіе на бѣдственное положеніе города, который со времени разоренія 1812 года не могъ еще оправиться. Государь, принимая во вниманіе это ходатайство, распорядился выдать милліонъ рублей въ ссуду жителямъ Смоленска и другихъ городовъ Смоленской губерніи, пострадавшихъ отъ непріятелей. Вслѣдствіи эта ссуда была прощена жителямъ по случаю бракосочетанія Наслѣдника Александра Николаевича (1841 г.).

Затѣмъ, благодаря стараніямъ Хмельницкаго, была срѣзана соборная гора, препятствовавшая сообщенію нагорной стороны Смоленска съ за-днѣпровьемъ, гдѣ бывають торги и базары.—Когда въ министерствѣ государственныхъ имуществъ поднялась рѣчь о необходимости мѣстныхъ губернскихъ выставокъ, Хмельницкій усердно ухватился за эту мысль и устроилъ у себя въ губерніи «выставку ремесленныхъ и мануфактурныхъ издѣлій», хотя это стоило ему немалыхъ трудовъ и возни. Это была первая «губернская выставка» въ Россіи. Вслѣдъ за Смоленскою принялись устраивать выставки и другія губерніи: Курская, Тверская, Пермская и т. д.

Стараніями же Хмельницкаго и по его инициативѣ устроены въ Смоленскѣ городской садъ, называемый «Блонье». Въ прошломъ столѣтіи мѣсто, гдѣ расположенъ этотъ садъ, было застроено обывательскими домами весьма невзрачной наружности и самой простой архитектуры. Черезъ дорогу отъ этихъ построекъ находился дворецъ намѣстника (что нынѣ губернаторскій домъ). Въ 1780 году императрица Екатерина II, проѣздомъ въ Крымъ, посѣтила Смо-

ленскъ вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ Иосифомъ II и указала тогдашнему смоленскому генераль-губернатору князю Рѣпнину, что «дворцу не приличествуетъ находиться въ такомъ сосѣдствѣ». Рѣпнинъ тотчасъ же сдѣлалъ предположеніе перенести обывательскіе дома за стѣны крѣпости, гдѣ теперь Солдатская (иначе Ильинская) слобода, а мѣсто противъ дворца обратить подъ площадь для обученія войскъ, обстроивъ ее съ четырехъ сторонъ казенными корпусами для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и начальствующихъ лицъ. Императрица вполнѣ одобрила этотъ планъ и приказала отпустить изъ казны въ пособіе при переноскѣ домовъ по 50 рублей каждому домохозяину. Такимъ образомъ, на мѣстѣ прежнихъ построекъ образовался пустырь, окруженный со всѣхъ сторонъ зданіями, окрашенными въ казенный желтый цвѣтъ. Хмельницкій, какъ тонкій цѣнитель изящнаго и поэтъ по натурѣ, не могъ переносить этого суроваго вида, открывающагося у него прямо подъ окнами. Въ 1830 году, — во время проѣзда государя чрезъ Смоленскъ, онъ исходатайствовалъ позволеніе развести садъ на Блоньи, а мѣсто для плацъ-парада назначить близъ такъ называемой «Королевской крѣпости» (гдѣ теперь памятникъ 1812 года). Хмельницкій съ жаромъ принялся за разведеніе сада; говорятъ даже самъ принималъ непосредственное участіе въ работахъ, разсаживалъ деревья, поливалъ ихъ и проч. Мѣстныя дамы губернскаго beau mond'a, поклонницы рыцаря и поэта-губернатора, сочувствуя всему, что онъ дѣлалъ, предложили ему свои услуги по разведенію цвѣтниковъ на Блоньи, для чего каждая взяла себѣ участокъ земли, на которомъ и разсаживала затѣмъ цвѣты по своему вкусу, располагая клумбы такъ, чтобы изъ нихъ выходили различныя фигуры, вензеля, дворянскія короны и т. д. Все это выходило очень эффектно и весьма занимало тогдашнюю смоленскую публику. Съ пріѣздомъ новаго губернатора, который поступилъ на мѣсто Хмельницкаго, цвѣтники были заброшены и уничтожились сами собою, но садъ остался и до сихъ поръ служить любимымъ мѣстомъ для гулянья смоленской публики. Здѣсь, въ саду, между прочимъ, поставленъ извѣстный памятникъ нашему славному русскому композитору М. И. Глинкѣ, окруженный оригинальной рѣшеткою, состоящею изъ нотъ.

Хмельницкій устроилъ въ Смоленскѣ также церковь Благовѣщенія надъ Молоховскими воротами въ крѣпостной стѣнѣ. До 1832 года Молоховскіе ворота, разрушенные непріателемъ въ 1812 г., находились въ развалинахъ; въ этомъ же году мѣстная администрація намѣревалась приступить къ ихъ возстановленію, вслѣдствіе чего приказано было разобрать валявшійся здѣсь мусоръ и очистить мѣсто. При разчисткѣ въ мусорѣ рабочіе нашли икону Благовѣщенія, которая до нашествія французовъ находилась на воротахъ, «нашли въ совершенной цѣлости и сохранности», не смотря

на то, что она пролежала въ землѣ около 20 лѣтъ. Въ этомъ событіи смоляне «усмотрѣли чудо, какъ бы нѣкоторый перстъ Божій, указующій совершить благое дѣло». Вслѣдствіе этого Хмельницкій пишетъ докладную записку (отъ 3 сентября 1832 г.) на имя министра внутреннихъ дѣлъ, прося его исходатайствовать высочайшее соизволеніе на постройку церкви надъ Молоховскими воротами и прибавляя при этомъ, что это общее желаніе всѣхъ смоленскихъ гражданъ; «въ память монаршихъ щедротъ, городу Смоленску оказанныхъ», церковь предполагалось освятить во имя св. чудотворца Николая. Николай Павловичъ съ удовольствіемъ согласился на устройство церкви, но съ тѣмъ, чтобы она была освящена во имя Благовѣщенія, такъ какъ икона, найденная въ мусорѣ, изображала Благовѣщеніе пресвятой Богородицы. Вмѣстѣ съ этимъ, государь, видимо заинтересовавшійся благимъ намѣреніемъ смолянъ, сдѣлалъ распоряженіе чрезъ графа Бенкендорфа о присылкѣ ему плана и фасада предполагающейся церкви, а также и подробной смѣты на ея постройку. Отчетъ по постройкѣ приказано было ежемѣсячно доставлять для высочайшаго просмотра.

Первоначальная смѣта была составлена мѣстнымъ архитекторомъ въ 119,330 руб. 85 к., но въ главномъ управленіи путей сообщеній и зданій, куда она поступила по высочайшему повелѣнію на утвержденіе, ее уменьшили до 119,145 руб. 30 к., и въ такомъ видѣ смѣта была утверждена государемъ. Получивъ утвержденную смѣту, Хмельницкій принялся за собираніе пожертвованій. Поставлены были на ноги всѣ уѣздные власти по губерніи, всѣ городничіе, становые и исправники, чтобы собирать по подпискѣ средства на постройку церкви. Но пожертвованныхъ денегъ не хватило для окончанія постройки. Тогда Хмельницкій обратился съ исходатайствованіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы ему было отпущено изъ государственнаго казначейства 30 тыс. рублей, которыхъ не доставало на окончаніе дѣла. Но Бенкендорфъ собственноручно отвѣтилъ ему (12 января 1835 года), что государь выразилъ положительное желаніе, чтобы постройка была произведена независимо отъ средствъ государственнаго казначейства, и только уже въ крайнемъ случаѣ, когда безъ помощи казначейства обойтись окажется совершенно невозможнымъ, разрѣшилъ войти съ представленіемъ чрезъ министра. При этомъ государь пожертвовалъ въ пользу церкви 350 тыс. кирпичей, взятыхъ на постройку съ мѣстныхъ казенныхъ кирпичныхъ заводовъ.

Дѣло было совсѣмъ плохо. Хмельницкій опять принялся за сборъ пожертвованій при помощи подначальныхъ ему лицъ уѣздной администраціи. Вообще, кажется, ни по одному дѣлу онъ не написалъ такого количества собственноручныхъ отношеній, предписаній и докладныхъ записокъ, какъ по дѣлу о постройкѣ церкви. Дѣло это, начатое по его иниціативѣ, было ему особенно дорого и

видимо сильно занимало его; онъ даже затратилъ на него часть своихъ денегъ. Тѣмъ не менѣе постройка подвигалась медленно, и въ 1837 году за неимѣніемъ денегъ и истощеніемъ тѣхъ средствъ, какіе были, остановилась совершенно. Тогда Хмельницкій отправился въ Петербургъ лично хлопотать о выдачѣ изъ казны пособія на окончаніе постройки. Изъ всеподданнѣйшаго отчета, который онъ представилъ въ Петербургѣ, видно, что на церковь было употреблено: денегъ, пожертвованныхъ частными лицами 38,832 р. 26 к., пожертвованнаго матеріала на 15,802 р. 30 к. и, кромѣ того, передержано изъ собственныхъ средствъ Хмельницкаго 2,051 руб.

Въ Петербургѣ приняли его сурово. Ему поставили въ вину неудачное проведеніе Смоленско-Московскаго шоссе, которое, вслѣдствіе плутней и взяточничества строителей-инженеровъ, обошлось на протяженіи 20 верстъ болѣе чѣмъ въ полтора милліона рублей серебромъ, т. е. по 75 тыс. рублей за версту—цѣна неслыханная даже для тогдашняго времени, когда обворовываніе казны совершалось безъ всякихъ стѣсненій и не считалось даже особымъ порокомъ. Говорятъ, что на эту страшную дороговизну смоленскаго шоссе обратилъ вниманіе самъ государь, который выразился будто бы по этому поводу, что при такихъ условіяхъ «дешевле обошлось бы вымостить эту дорогу серебряными рублевиками, чѣмъ камнемъ». Припомнили также кстаті Хмельницкому и то, что вообще всѣ постройки, какія онъ предпринималъ за время своего управленія губерніею, были неудачны или обходились слишкомъ дорого. Такъ, церковь Благовѣщенія, начатая постройкою въ 1832 г., до сихъ поръ не была окончена; башня крѣпостной стѣны, подъ названіемъ Стрѣлка, построенная вновь при Хмельницкомъ, стоила такъ дорого, что вызвала извѣстныя слова императора Николая Павловича, обращенныя къ бывшему тогда Наслѣднику Александру Николаевичу, относительно общаго и поголовнаго взяточничества и казнокрадства на Руси,— слова, повторяемая въ устныхъ разказахъ и до-нынѣ ¹⁾.

Все это было поставлено на видъ Хмельницкому, и онъ получилъ новое назначеніе по должности — былъ переведенъ губернаторомъ въ Архангельскъ (высочайшій указъ 6 іюля 1837 г.).

Между тѣмъ, по высочайшему повелѣнію, въ Смоленскъ была

¹⁾ Въ Смоленскѣ разказываютъ объ этомъ такимъ образомъ. Государь приказалъ Хмельницкому возобновить въ Смоленскѣ одну изъ башенъ крѣпостной стѣны, разрушенную при нашествіи французовъ въ 1812 г. Башня была возобновлена, но постройка ея обоилась въ такую невѣроятную сумму (что-то около 200 тыс. рублей), что государь, осмотрѣвши ее въ бытность свою въ Смоленскѣ въ 1832 году, замѣтилъ обращаясь къ Наслѣднику Александру Николаевичу:— «Ну, братъ Саша, кажется въ Россіи только мы съ тобою и не воюемъ». Однако на этотъ разъ онъ отнесся къ губернатору съ истинно-царскимъ добродушіемъ и ничѣмъ не изъявилъ ему своего неудовольствія.

послана особая комиссія, образованная изъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, для разслѣдованія на мѣстѣ причинъ страшной дороговизны устройства шоссе. Комиссія обнаружила ужасающія хищенія со стороны господъ строителей и вмѣстѣ съ тѣмъ бросила тѣнь подозрѣнія на самого Хмельницкаго, обвиняя его если не въ участіи въ мошенническихъ продѣлкахъ строителей, то, по крайней мѣрѣ, въ невнимательномъ отношеніи къ этому дѣлу, за которымъ надзоръ былъ ввѣренъ ему высочайшею властію. Результатомъ ревизіи было то, что Хмельницкій въ началѣ 1838 года былъ вызванъ изъ Архангельска въ Петербургъ и посаженъ здѣсь въ Петропавловскую крѣпость, въ рavelинахъ которой онъ и просидѣлъ до 1843 года.

Церковь Благовѣщенія въ Смоленскѣ была достроена уже безъ Хмельницкаго, при его пріемникѣ, губернаторѣ Рославцѣ, который пріѣхавъ въ Смоленскъ и не зная, что дѣлать съ неоконченною церковію, обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ за разъясненіями. 13-го декабря 1837 г. министръ увѣдомилъ губернатора, что по представленію комитета министровъ, государь простилъ 6,514 руб., слѣдующіе за забранный для этой церкви кирпичъ съ казенныхъ заводовъ и, сверхъ того, повелѣлъ ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства 7,000 руб. на окончаніе постройки церкви, вмѣсто просимыхъ Хмельницкимъ 30 тыс. руб. Окончена и освящена эта церковь была въ 1839 году.

Въ Смоленскѣ рассказываютъ, что печальный конецъ губернаторствованія Хмельницкаго былъ предсказанъ ему извѣстнымъ юродивымъ Михаиломъ Ивановичемъ Корейшею. Этотъ Корейша былъ сынъ сельскаго священника Смоленской губерніи, Порѣцкаго уѣзда. По окончаніи курса въ духовной семинаріи, онъ, какъ передаютъ, добровольно принялъ на себя юродство Христа-ради, дѣлая это исключительно въ видахъ спасенія своей души. Онъ постоянно зимою и лѣтомъ ходилъ босой, безъ всякой обуви и безъ шапки, одѣтый въ одинъ и тотъ же неизмѣнный синій халатъ; часто заходилъ онъ въ лавки и частные дома, гдѣ его поили и кормили, давали хлѣба, булокъ, которые онъ всегда бралъ, но затѣмъ разбрасывалъ по площади, говоря, что это пригодится для птицъ и собакъ, потому что вѣдь и они — Божьи. Ночевалъ онъ или въ церковной сторожкѣ, или гдѣ-нибудь на церковной паперти. Нерѣдко купцы зазывали его къ себѣ въ домъ нарочно, думая, что его присутствіе принесетъ счастье дому, и поили его чаемъ, который въ то время считался рѣдкостію и величайшимъ лакомствомъ. Иногда онъ выпивалъ чаю чашку-другую, а иногда садился за столъ и вмѣсто того, чтобы пить, начиналъ усиленно дуть въ чашку, выдувалъ изъ нея весь чай и выходилъ изъ-за стола ни слова не говоря. Это послѣднее считалось весьма плохимъ признакомъ. Вообще на Корейшу смольяне смотрѣли, какъ на угод-

ника Божія, и память о немъ, какъ о святомъ, обладавшемъ даромъ прозорливости, жива еще и до сихъ поръ. Рассказываютъ, напр., что разъ въ одномъ домѣ Михаила Ивановича спросили, останется ли жива дѣвочка, лежавшая въ то время въ горячкѣ. Михаилъ Ивановичъ посмотрѣлъ внимательно на дѣвочку, потомъ молча подошелъ къ образамъ, зажегъ восковую свѣчку и задулъ ее, потомъ снова зажегъ и опять задулъ и такъ дѣлалъ три раза. Это истолковали въ томъ смыслѣ, что дѣвочка умретъ и придется ставить на ея гробѣ три свѣчки. Вскорѣ дѣвочка, дѣйствительно, умерла. И такихъ случаевъ рассказывается множество.

По поводу пророчества Корейши о Хмельницкомъ передаютъ, что Корейша вообще не любилъ губернатора и нѣсколько разъ обличалъ его за «плотоугодіе» и «женолюбіе». Одинъ разъ онъ подошелъ къ губернаторскому дому и сдѣлалъ какую-то неприличность. Полиція забрала его и посадила, по распоряженію губернатора, въ острогъ. Черезъ нѣсколько времени Хмельницкій самъ прїѣзжаетъ въ острогъ для ревизіи и обходя камеры, нечаянно сталкивается съ Корейшей. Послѣдній спрашиваетъ его:

— А за что, повѣдай мнѣ, сынъ человѣческій, посадилъ ты въ острогъ раба Божія Михаила?

— Не безобразничай впредь, — отвѣтилъ губернаторъ, чтобы какъ-нибудь отвязаться отъ него.

— Такъ. А слыхалъ ли ты когда-нибудь, что сказано въ писаніи: «мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ»... Погоди, придетъ твой чередъ, и ты посидишь на моемъ мѣстѣ, тогда узнаешь, сладко ли это.

По старанію Хмельницкаго, Корейша былъ вскорѣ высланъ изъ Смоленска въ Черниговъ административнымъ порядкомъ.

Относительно освобожденія Хмельницкаго преданіе рассказываетъ, что государь какимъ-то путемъ убѣдился наконецъ въ невинности Хмельницкаго, или просто, можетъ быть, склонился на неотступныя просьбы его сестры и приказалъ освободить узника. По высочайшему повелѣнію, онъ былъ привезенъ во дворецъ, потому что государь лично хотѣлъ объявить ему свою милость.

Когда ввели Хмельницкаго въ кабинетъ государя, Николай Павловичъ едва могъ узнать его: такъ онъ измѣнился, сидя въ крѣпости.

— Хмельницкій, ты ли это?—спросилъ государь.

— Я, ваше императорское величество, я—Хмельницкій.

— Твоя вина была велика, — сказалъ государь, — но и ты пострадалъ за нее довольно. Дарую тебѣ свободу. Можешь идти куда угодно.

— Государь, — отвѣтилъ будто бы Хмельницкій, падая на колѣни передъ монархомъ. — Государь, я высоко цѣню милостивое царское слово, но жизнь моя уже кончена. Я устарѣлъ, одряхлѣлъ

и какъ видите почти ослѣпъ. Оставьте меня, какъ человѣка уже совершенно отжившаго, дотягивать послѣдніе дни въ моей тюрьмѣ. Куда мнѣ идти?

Такъ разсказываютъ объ этомъ въ Смоленскѣ мѣстные старожилы, хорошо знавшіе Хмельницкаго и бывавшіе у него въ Петербургѣ уже послѣ его освобожденія. Но, судя по всему, этотъ отвѣтъ Хмельницкаго врядъ ли не слѣдуетъ признать апокрифическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ заключеніи, ему предлагаютъ свободу, но онъ отказывается,—если въ этомъ хоть доля вѣроятія? Искренняго убѣжденія въ томъ, что ему свобода не нужна, у Хмельницкаго быть, во всякомъ случаѣ, не могло, потому что это было бы неестественно; значитъ, нужно предположить, что приведенными словами онъ хотѣлъ выразить горькую иронию надъ своею судьбою и какъ бы недовольство тѣмъ, что его освобождаютъ слишкомъ поздно, когда онъ уже потерялъ свои силы и лишился здоровья. Но Хмельницкій не могъ не сознавать, передъ кѣмъ онъ стоитъ и съ кѣмъ разговариваетъ; онъ долженъ былъ знать, что Николай Павловичъ принадлежитъ къ числу такихъ людей, съ которыми шутить нельзя. Зная характеръ Хмельницкаго, трудно предположить, чтобы онъ, такой выдержанный, умный, тактичный, могъ позволить себѣ сказать какое-нибудь рѣзкое необдуманное слово государю,—да еще въ такую минуту? въ то время, когда предъ нимъ открывались крѣпостные зазоры, когда исполнялась завѣтная мечта объ освобожденіи, которую онъ лелѣялъ, вѣроятно, въ теченіе цѣлаго ряда длинныхъ-длинныхъ дней, мѣсяцевъ и годовъ, проведенныхъ въ заключеніи. Вѣдь одинъ только проблескъ ироніи, замѣченный въ его словахъ, могъ бы снова запретить за нимъ ворота крѣпости—и Хмельницкій не могъ не знать этого.

Какъ бы то ни было, однако, Хмельницкій былъ освобожденъ изъ крѣпости и дождавшись до весны уѣхалъ за границу для поправленія разстроенаго здоровья.

Послѣ освобожденія Хмельницкій прожилъ недолго. 8-го сентября 1846 года онъ скончался на 57-мъ году своей жизни. Тѣло его было погребено въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

III.

По словамъ людей, близко знавшихъ Хмельницкаго, это былъ человѣкъ очень добрый, мягкій и душевный, хотя и прикрывавшій свою мягкость и добродушіе маскою вѣжливой наружной холодности. Онъ легко отзывался на каждую нужду и несчастіе людей и первый спѣшилъ съ своею посильною помощію; на своихъ прямыхъ подчиненныхъ чиновниковъ онъ смотрѣлъ не только какъ

на исполнительныя пишущія машины, но видѣлъ въ нихъ людей и съ удивительною деликатностію вникалъ въ ихъ частную семейную жизнь, интересовался домашней обстановкой и нерѣдко помогалъ имъ изъ своихъ средствъ. Рассказываютъ, что онъ не могъ видѣть чиновника изъ своей канцеляріи, если тотъ въ зимнее время не имѣлъ на плечахъ теплой шинели; многимъ онъ дѣлалъ шинели даже на свой счетъ, или прямо отдавалъ съ своего плеча; при этомъ, зная «слабость» чиновниковъ онъ убѣждалъ ихъ не пропивать шинелей уже по тому одному, что «вѣдь это же во всякомъ случаѣ губернаторскій подарокъ».

— А если моль поѣстъ, ваше превосходительство?—спросилъ какъ-то одинъ изъ чиновниковъ, только-что поступившій въ его канцелярію.

— Ну, значить, ужъ такъ хочетъ Богъ,—отвѣтилъ, смѣясь, Хмельницкій.

На ревизію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и сельскихъ волостныхъ правленій Хмельницкій ѣздилъ каждое лѣто и любилъ при этомъ заѣзжать въ самые отдаленные, глухіе уголки губерніи, гдѣ его меньше всего ждали. Ѣздилъ онъ запросто, на тройкѣ или на парѣ, въ сопровожденіи одного кучера, такъ что его часто не узнавали, принимая за простого проѣзжаго помѣщика. Такія невинныя мистификаціи ему очень нравились и сами по себѣ, своимъ романтическимъ характеромъ, а также и потому, что при помощи ихъ ему удавалось иногда разузнавать о плутняхъ и злоупотребленіяхъ мѣстныхъ ниспихъ властей. Въ «Памятной книжкѣ Смол. губ. 1856 г.» помѣщенъ очеркъ нѣкоего В. Савинова, подъ заглавіемъ «Крестный», гдѣ рассказывается о томъ какъ разъ Хмельницкій заѣхалъ въ одну изъ глухихъ мѣстностей Бѣльскаго уѣзда и остановился здѣсь на постояломъ дворѣ. Его приняли здѣсь за обыкновеннаго помѣщика и не стѣсняясь рассказывали при немъ трогательную исторію о томъ, какъ одинъ богатый помѣщикъ обижаетъ свою сосѣдку, бѣдную дворянку, отнимая у нея по суду родовое имѣнье, и какъ мѣстный исправникъ и члены земскаго суда, закупленные богачемъ, помогаютъ ему въ его гнусномъ намѣреніи. Въ заключеніе Хмельницкій вызывается быть крестнымъ отцомъ ребенка, родившагося у жены содержателя постоялаго двора. Званіе мнимаго проѣзжаго обнаруживается, когда онъ подписываетъ свой чинъ и имя въ церковной метрикѣ. Рассказъ заканчивается общей сенсаціей и отѣздомъ Хмельницкаго. Въ концѣ прибавлено, что бѣдная вдова-дворянка въ скоромъ времени выиграла процессъ съ обижавшимъ ее богачемъ-сосѣдомъ.

Рассказываютъ, что Хмельницкій былъ человѣкъ очень остроумный и любилъ иногда ѣдко и зло посмѣяться надъ кѣмъ-нибудь въ обществѣ. Этимъ онъ постоянно создавалъ себѣ враговъ, въ особенности среди мѣстныхъ помѣщиковъ, у которыхъ сплошь и ря-

домъ не было силы и умѣнья отвѣтить на шутку шуткою же, но были за то благопріятели въ Петербургѣ, готовые «для друга» подставить ножку непріятному человѣку или бросить въ него изъ-за угла комокъ грязи. Зная все это, Хмельницкій часто самъ говорилъ людямъ близкимъ:

— Я знаю, языкъ мой—врагъ мой; ужъ если мнѣ напакостятъ, такъ это по злобѣ, за какое-нибудь несчастное слово.

Оно, пожалуй, такъ впоследствии и вышло...

Дѣлами по службѣ Хмельницкій занимался утромъ отъ 9-ти до 2-хъ или 3-хъ часовъ по полудни; большую часть остального времени онъ посвящалъ чтенію, которое онъ очень любилъ. Его начитанность была громадна. Перечтя почти все, что было написано до него на языкахъ ему извѣстныхъ, онъ до самой смерти не переставалъ слѣдить за всѣмъ, что появлялось въ литературѣ и какъ говорить его знакомый С. Дуровъ, «съ жадностію кидался на каждую новую замѣчательную книгу». Покончивъ со службою и выйдя изъ крѣпости, Николай Ивановичъ всецѣло отдался своему любимому занятію чтенію.

— Теплый уголь, стаканъ чаю да умная книга—вотъ все, что нужно человѣку подъ старость,—говорилъ онъ.

И ему, дѣйствительно, было нужно только то, о чемъ онъ говорилъ.

Теперь два слова о литературной дѣятельности Н. И. Хмельницкаго.

Хмельницкій не принадлежалъ къ числу первостепенныхъ писателей, которые своими произведеніями дѣлаютъ перевороты въ литературѣ и надолго даютъ ей извѣстный тонъ и окраску, оставляя за собою въ исторіи цивилизаціи блестящій слѣдъ, въ видѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе талантливыхъ подражателей и послѣдователей. Онъ не былъ ни гениемъ, ни тѣмъ, что Бѣлинскій называетъ гениальнымъ талантомъ. Въ немъ не было творческой самостоятельности, широкаго размаха свободно создающей мысли, но у кого же изъ писателей той эпохи была эта творческая самостоятельность, исключая самого Пушкина и Грибоѣдова? Не даромъ же нашъ бессмертный критикъ, характеризуя писателей пушкинской эпохи, говоритъ, что всѣ онѣ «были бѣдны сущностію, внутреннимъ содержаніемъ, и что самаго Пушкина спасъ отъ пустоты, безцвѣтности и исключительной подражательности только его огромный талантъ». Хмельницкій былъ во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ талантомъ, хотя и съ подражательнымъ направленіемъ. На всемъ, что онъ писалъ, лежитъ печать явнаго дарованія, соединеннаго, кромѣ того, съ высокоразвитымъ эстетическомъ вкусомъ и многостороннею современною образованностію.

Пьесы, написанныя Хмельницкимъ, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ характера и направленія литературы двадцатыхъ годовъ.

Въ этихъ пьесахъ, какъ въ зеркалѣ, отразилось стремленіе нашего тогдашняго общества къ ближайшему знакомству съ западной Европою и къ подражанію ей. Большинство его комедій—передѣлки или переводы съ французскаго, да и оригинальныя комедіи такъ мало оригинальны въ смыслѣ національности, что если бы перевести ихъ на французскій языкъ и поставить на парижскую сцену, то зрители никакъ не могли бы догадаться, что пьеса написана русскимъ авторомъ: такъ далеки онѣ по духу и внутреннему содержанию отъ Россіи. Кромѣ языка, здѣсь нѣтъ ничего русскаго. Но нужно отдать справедливость таланту Хмельницкаго, переводы его прекрасны и вполне достойны подлинниковъ, а передѣлки исполнены мастерски и зачастую превосходятъ даже самые подлинники. Въ своихъ передѣлкахъ Хмельницкій обнаружилъ замѣчательный художественный тактъ: онъ не стѣснялся размѣрами и планомъ пьесы, которую брался передѣлывать и оставляя нерѣдко самую, такъ сказать, суть, отбрасывалъ все лишнее, замедляющее ходъ пьесы и иногда изъ пяти актовъ дѣлалъ одинъ, кипящій дѣйствіемъ.

Вѣлинскій дѣлаетъ о Хмельницкомъ такой отзывъ: «въ свое время Хмельницкій пользовался большою извѣстностію, какъ драматическій писатель... Произведенія его были недурны; особенно старался онъ о чистотѣ языка»¹⁾).

Первымъ произведеніемъ Хмельницкаго была «Зельмира», трагедія въ пяти актахъ, переводъ съ французскаго, появившаяся въ 1811 году, и съ этихъ поръ онъ почти ежегодно дарилъ публику своими работами. Первая пьеса, поставленная имъ на сцену, была «Говорунъ», комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго изъ довольно неуклюжей и длинной трехъактной комедіи Буаси. Комедія «Говорунъ» дана была 7-го мая 1817 года на сценѣ петербургскаго Большаго театра и благодаря тому, что поставлена была превосходно, произвела положительный фуроръ и надолго удержалась въ репертуарѣ. Пьеска эта дѣйствительно по существу очень хорошенькая, полная веселья и неподдѣльнаго юмора; для насъ, людей 80-хъ годовъ, чрезъ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ появленія, въ ней странно звучать лишь однѣ фамиліи дѣйствующихъ лицъ, служація какъ бы ярлыками ихъ нравственныхъ качествъ: Споркина, Вздоркина, Чванова, Вѣстина, Свахина и т. д. Но она написана настолько хорошимъ языкомъ и такъ мила въ общемъ, что и до сихъ поръ можетъ быть каждымъ прочитана съ удовольствіемъ. Не даромъ же и держалась она на сценѣ сначала около десяти лѣтъ безъ перерыва и затѣмъ возобновлялась нѣсколько разъ съ значительнымъ успѣхомъ на сценѣ Александринскаго театра въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

¹⁾ Соч. Вѣлинскаго. Т. IX, стр. 470—471.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1889 г., т. XXXVIII.

По справедливому замѣчанію С. Дурова, на котораго мы уже не разъ ссылались, Хмельницкій выступилъ на сцену съ своими комедіями въ самую благопріятную минуту. Русская труппа въ то время была въ блистательномъ положеніи: сами писатели и многіе любители драматическаго искусства, люди съ виднымъ положеніемъ въ обществѣ, принимали живое участіе въ образованіи актеровъ и въ постановкѣ пьесъ. Изъ этой школы вышелъ извѣстный Сосницкій; тутъ собирались вмѣстѣ авторы и актеры, толковали, совѣтовались и помогали другъ другу. Это было золотымъ вѣкомъ русскаго театра. Во главѣ его были люди съ призваніемъ и вкусомъ, истинные художники, каковы А. А. Шаховской и Ѳ. Ѳ. Кокшкинъ, которые вывели изъ неизвѣстности на свѣтъ Божій многіхъ талантливыхъ людей.

Кромѣ указанныхъ пьесъ, Хмельницкимъ были написаны также: «Шалость влюбленныхъ», комедія въ трехъ актахъ, передѣлка изъ Реньяра; «Весь день въ приключеніяхъ», опера въ трехъ актахъ; «Греческія бредни, или Ифигенія въ Тавридѣ на изнанку», пародія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ изъ Фавара; «Бабушкины попугаи», водевиль въ одномъ дѣйствіи; «Суженаго конемъ не объѣдешь, или нѣтъ худа безъ добра», водевиль въ одномъ дѣйствіи. Все это передѣлки или подражанія французскому, и большею частію въ стихахъ. Оригинальныя сочиненія Хмельницкаго: «Воздушныя замки», комедія въ одномъ дѣйствіи; «Семь пятницъ на недѣлѣ или нерѣшительный», комедія въ одномъ актѣ; «Карантинъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи; «Актеры межъ собою или дебютъ актрисы Троепольской», водевиль въ одномъ дѣйствіи, написанный въ сотрудничествѣ съ Всеволожскимъ.

Почти всѣ означенныя пьесы имѣли значительный успѣхъ и долго держались на сценѣ. Они охотно ставились также и на домашнихъ благородныхъ спектакляхъ, въ частныхъ домахъ и учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ отличаются вообще удивительною даже для того времени скромностію: ни въ одной нѣтъ грязнаго каламбура, сильной двусмысленности или грубой шутки; ни чей тонкій и изысканный вкусъ не оскорбится при чтеніи любой пьесы Хмельницкаго. Остроты и эпиграммъ разсыпано въ пьесахъ множество, потому что Николай Ивановичъ самъ былъ извѣстный остроловъ своего времени, но всѣ эти остроты, равно какъ и водевильные куплеты, рассчитаны не на грубые инстинкты, отличаются легкостію и граціей и нравятся эстетически-образованному человѣку.

Въ полномъ собраніи «Сочиненій Н. И. Хмельницкаго» (изд. 1849 г.) помѣщенъ также превосходный отрывокъ изъ его къ сожалѣнію неоконченной комедіи «Арзамасскіе гуси», надъ которой онъ работалъ въ послѣдніе дни жизни. Объ участіи его въ написаніи комедіи «Своя семья», въ сотрудничествѣ съ А. С.

Грибоѣдовымъ и А. А. Шаховскимъ, мы упоминали еще въ самомъ началѣ очерка.

Большая часть названныхъ произведеній написана была Хмельницкимъ до 1829 года, т. е. до назначенія его смоленскимъ губернаторомъ. Къ этому же времени относятся и переводы двухъ безсмертныхъ комедій Мольера «Тартюфъ» и «Школа женщинъ». Переводы эти исполнены Хмельницкимъ очень удачно. Если бы онъ не написалъ ничего больше и оставилъ послѣ себя только одни эти переводы, то и тогда бы слѣдовало признать за нимъ недюженный талантъ и мастерское умѣнье владѣть роднымъ языкомъ. Его переводъ «Тартюфа» во всякомъ случаѣ до сихъ поръ остается въ нашей литературѣ лучшей попыткой передать это гениальное произведеніе на русскомъ языкѣ, сохраняя всѣ красоты, эпиграмматическій языкъ и неподражаемый юморъ подлинника.

Въ послѣдніе годы своей жизни Н. И. Хмельницкій, побуждаемый, должно быть, эфемернымъ успѣхомъ Н. А. Полевого, началъ писать историческія комедіи. Такихъ комедій имъ было написано четыре: «Царское слово или сватовство Румянцева», «Оберъ-кухмистеръ Фельтенъ», «Русскій Фаустъ или Брюсовъ кабинетъ» и «Богданъ Хмельницкій» (помѣщены въ третьемъ томѣ смирдинскаго изданія его сочиненій). Справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти комедіи довольно слабы и не могутъ никоимъ образомъ идти въ сравненіе съ прежними комедіями Хмельницкаго. Самой удачной изъ нихъ нужно признать комедію «Царское слово»; она имѣла нѣкоторый успѣхъ на сценѣ Александринскаго театра и держалась въ репертуарѣ цѣлую зиму; къ остальнымъ же тремъ комедіямъ даже тогдашняя публика, настроенная патріотически, отнеслась очень холодно и онѣ съ первыхъ же представленій канули въ Лету. Причины этой неудачи, которую потерпѣлъ Хмельницкій съ своими историческими комедіями, вполне понятны: чтобы написать хорошую историческую комедію, нужно понять всесторонне не только внѣшнюю обстановку жизни той эпохи, изъ которой взять сюжетъ, но и тѣ интересы и внутреннія побужденія, которыя руководили или могли руководить тогдашнихъ дѣятелей,—нужно, однимъ словомъ, обладать серьезными историческими знаніями и художественнымъ чутьемъ; только тогда и возможно будетъ развернуть полную картину жизни прошлаго времени со всѣми ея типическими и многообразными проявленіями, въ комедіи ли это будетъ или въ романѣ — все равно. У Хмельницкаго не было ни обширныхъ историческихъ познаній, достающихся долговременной подготовкою, ни дара историческаго чутья, — не мудрено, что изъ его попытокъ создать историческую комедію, ничего не вышло. На исторію онъ смотрѣлъ не болѣе, какъ на рядъ поучительныхъ уроковъ и примѣровъ для настоящаго; исторической психологіи

не понималъ совсѣмъ. Грандіозный образъ своего предка Богдана Хмельницкаго, полный глубокаго потрясающаго драматизма, онъ хотѣлъ втиснуть въ узкія рамки комедіи; въ результатѣ, разумѣется, получилось то, что комедія, какъ тѣсная ребячья куртка, надѣтая на взрослога и большаго человѣка, разлѣзлась и разошлась по швамъ; вообще эту комедію можно назвать плохой услугой великому предку со стороны не въ мѣру усерднаго потомка. Въ піесахъ, относящихся къ петровскому времени, Хмельницкій бичуетъ и старается обличить недостатки современнаго ему общества 30-хъ и 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, и какіе недостатки!— По поводу комедіи «Царское слово» онъ самъ говоритъ въ предисловіи, между прочимъ: «цѣль моей комедіи заключается въ томъ, чтобы показать, какъ смѣшно пристрастное употребленіе словъ иностранныхъ въ языкѣ отечественномъ». Стоило изъ-за этого забираться такъ далеко въ дебри исторіи, тревожить великія тѣни Петра и его сподвижниковъ, чтобы только лишній разъ обратить вниманіе на дурную привычку (не на порокъ, не на серьезный недостатокъ, а именно только на дурную привычку) нѣкоторыхъ господъ употреблять иностранныя слова тамъ, гдѣ ихъ вовсе не требуется! Вотъ ужъ подлинно погоня «за мухами съ обухами»...

Въ упомянутомъ нами недоконченномъ отрывкѣ изъ бытовой комедіи «Арзамасскіе гуси» есть семь стиховъ, относящихся къ Петру I, только семь стиховъ, но намъ кажется, что эти стихи гораздо лучше всѣхъ трехъ комедій Хмельницкаго, относящихся къ царствованію великаго преобразователя. Вотъ эти стихи, вложенные авторомъ въ уста одного чиновника Побродяжкина, который разсуждаетъ о бывшемъ въ Петербургѣ наводненіи:

«А кто несчастію причина?
 «Блаженной памяти покойный государь,
 «Петръ Алексѣевичъ! Былъ умный царь,
 «Да къ морю черезчуръ подѣхалъ близко,
 «Какъ въ ямѣ строиться, когда есть материкъ?
 «Вотъ то-то, матушка, и былъ великъ,
 «А выстроился низко».

Какъ выразительно-пластичны эти стихи и какъ ярко обрисованъ ими пигмей-Побродяжкинъ, съ его куринымъ міросозерцаніемъ, осуждающій великаго-Петра за построеніе Петербурга «черезчуръ близко къ морю». Невольно припоминается крыловская басня о москѣ и слонѣ, эта старая, давнишняя, но вѣчно юная исторія...

Прозою и въ повѣствовательной формѣ Хмельницкій писалъ очень мало. Въ III-мъ томѣ извѣстнаго смирдинскаго изданія «Сто русскихъ литераторовъ» (Спб. 1845 г.) помѣщенъ его разсказъ «Мундиръ», изъ жизни поморскаго архангельскаго края. Бѣлин-

скій отзывается объ этомъ разсказѣ далеко не лестно, называя его «плохою и скучною повѣстью, безъ завязки и развязки, безъ интриги и исполненнаго отсталаго юмора». Приговоръ, положимъ, слишкомъ строгъ, хотя въ общемъ съ нимъ нельзя не согласиться, такъ какъ разсказъ вышелъ, дѣйствительно, неудачнымъ. Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ альманахахъ и повременныхъ изданіяхъ Хмельницкимъ были помѣщены отрывки изъ «Мячика». Этотъ «Мячикъ» — вещь довольно замысловатая; авторъ беретъ какое-нибудь слово и вертитъ имъ, кидаетъ его, точно мячикъ. Для образца приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ изъ этого «Мячика».

«Кто намъ съ руки, тотъ иногда жметъ намъ руку. Искусство жать дошло до совершенства, до крайности... Дотронуться ли до плеча, слегка ли взять за одинъ палець, за два, за три, или всей ладонью, и потомъ какъ пожать руку: слабо, чувствительно или сильно?.. О, въ этомъ вся сила, это составляетъ цѣлую науку».

«Есть рука легкая, дружеская; тяжелая, недоброжелательная; и кто не знаетъ, что сильная рука—владыка».

«Сначала мнѣ казалось страннымъ, почему у насъ говорится: дѣло въ шляпѣ, когда всякое дѣло не столько зависитъ отъ шляпы, сколько отъ кармана. Сообразивъ, однакожъ, объемъ дѣль, изъ которыхъ ни одно въ карманѣ не уляжется—выходить, что принятое выраженіе гораздо лучше и точнѣе. Эта поговорка, уложивъ дѣло въ шляпу и оставивъ васъ простоволосымъ, аллегорически намекаетъ вамъ о слѣдствіяхъ процессовъ, послѣ которыхъ, дѣйствительно, иногда нечѣмъ прикрыть голову».

Въ первомъ томѣ сочиненій Хмельницкаго помѣщены, между прочимъ, «Письма изъ-за границы», которыя онъ писалъ своимъ друзьямъ въ 1843 году, когда отправился путешествовать, съ цѣлію «взять курсъ на заграничныхъ водахъ, полюбоваться живописной Швейцаріей и отогрѣться подъ небомъ Италіи». Письма эти отличаются обыкновеннымъ бойкимъ юморомъ Хмельницкаго, мѣткостью опредѣленій и живостію описываемыхъ картинъ. Жаль только, что писемъ этихъ обнародовано очень мало, всего четыре, и занимаютъ они лишь 30 маленькихъ страничекъ in 16°.

Нельзя не отмѣтить также еще одной спеціальной работы Н. И. Хмельницкаго, изданной имъ въ бытность его на службѣ въ канцеляріи петербургскаго военнаго генераль-губернатора. Это—«Руководство къ вѣдѣнію русскихъ законовъ». Въ свое время, до изданія полнаго «Свода законовъ», предпринятаго Сперанскимъ, книга Хмельницкаго имѣла весьма важное значеніе, какъ справочникъ, необходимый для каждаго администратора и юриста. Потомъ, разумѣется, она потеряла всякое значеніе.

Сочиненія Н. И. Хмельницкаго изданы были два раза. Первое

изданіе, въ двухъ томахъ in 8°, вышло въ 1829 году, предъ его назначеніемъ въ должность Смоленскаго губернатора; второе, принадлежащее А. Смирдину, появилась въ 1849 году, въ трехъ томахъ in 16°. Къ обоимъ изданіямъ приложены портреты Н. И. Хмельницкаго; портретъ его помѣщенъ также и въ III-мъ томѣ изданія «Сто русскихъ литераторовъ». Во второмъ изданіи помѣщены всѣ драматическія произведенія Хмельницкаго, рассказъ его «Мундиръ», «Письма изъ-за границы» — вообще все, что только было имъ написано, исключая, разумѣется, «Руководства къ вѣдѣнію законовъ». Сюда вошли даже его переводы изъ Мольера, и совершенно резонно, такъ какъ эти переводы, выполненные вполне добросовѣстно и при томъ превосходными стихами, стоятъ лучшихъ его оригинальныхъ произведеній. Такъ какъ второе изданіе вышло уже послѣ смерти Хмельницкаго, то издатель снабдилъ его краткой біографіей, которая написана, по-видимому, специально для этого изданія, извѣстной дѣвицей-кавалеристомъ Александровой, подвизавшейся въ литературѣ подъ псевдонимомъ С. Дурова. На эту статью мы дѣлали ссылки и въ настоящемъ очеркѣ; не можемъ, однако, не замѣтить, что пользоваться данными этой статьи нужно съ величайшей осторожностію, потому что въ ней много невѣрностей, въ чемъ мы могли убѣдиться, сличая біографическія подробности и цифровыя даты, приводимыя въ ней, съ тѣми свѣдѣніями, которыя были добыты нами путемъ архивныхъ изысканій.

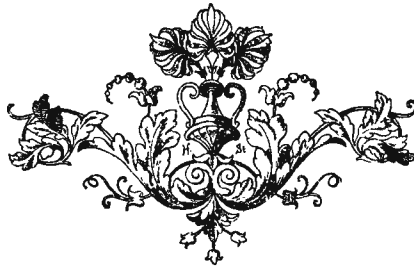
Въ настоящее время, въ виду исполнившагося столѣтія со дня рожденія Н. И. Хмельницкаго, слѣдовало бы предпринять новое изданіе его сочиненій, такъ какъ прежнія два давно уже разошлись и составляютъ библиографическую рѣдкость; ихъ можно найти равнѣ только въ антикварныхъ магазинахъ и въ нѣкоторыхъ особенно богатыхъ бібліотекахъ, да и то плохо сохранившимися, потому что вообще беллетристика, какъ извѣстно, читалась и читается болѣе, чѣмъ книги какого бы то ни было содержанія. За успѣхъ изданія можно поручиться. Кромѣ обыкновенной публики, сочиненія Хмельницкаго несомнѣнно будутъ пріобрѣтаться актерами, любителями драматическаго искусства и русской литературы вообще, лицами составляющими домашнія бібліотеки изъ классиковъ (а такихъ лицъ въ настоящее время очень много) и, наконецъ, въ ученическія бібліотеки разныхъ учебныхъ заведеній, такъ какъ имя Хмельницкаго входитъ въ каждый учебный курсъ исторіи русской литературы. Такимъ образомъ, тотъ, кто взялся бы издать сочиненія Хмельницкаго, нисколько не прогадалъ бы, какъ намъ кажется, въ матеріальномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалъ бы цѣнную услугу нашему обществу и литературѣ.

Мы не знаемъ, остались ли у Хмельницкаго наслѣдники, которые бы могли предъявить право собственности на его сочиненія,

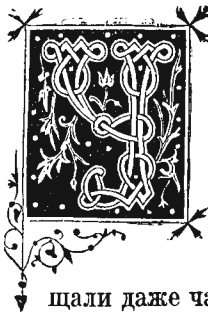
но во всякомъ случаѣ чрезъ 7 лѣтъ это право собственности должно кончиться, такъ какъ въ 1896 году исполнится 50 лѣтъ со времени смерти Н. И. Хмельницкаго. Смѣемъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, къ тому времени у насъ будетъ новое изданіе полного собранія сочиненій этого извѣстнаго когда-то, но теперь незаслуженно забытаго писателя, много порабатавшаго для созданія русскаго театра.

Н. Добротворскій.

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ ВЪ ОРЕНБУРГѢ¹⁾

ТРОМЪ, въ одинъ изъ октябрьскихъ дней 1833 года, весь Оренбургъ встревоженъ былъ загадочною вѣстью: ночью въ городѣ произведены большіе аресты. Рассказывали, что былъ открытъ обширный заговоръ, что въ немъ участвовала большая часть поляковъ, сосланныхъ сюда послѣ усмирения мятежа 1831 года, но что между ними есть и русскіе... Услужливые вѣстовщики сообщали даже часъ, въ который долженъ былъ вспыхнуть мятежъ и сопровождаться убійствами, пожарами и грабежами. Передъ глазами испуганныхъ жителей развертывалась страшная картина ночной рѣзни, что-то въ родѣ знаменитой варшавской заутрени, и какъ не бессмысленно было сопоставленіе этой картины со всею мирною обстановкою тогдашней оренбургской жизни, однако и ему стремились найти объясненіе въ вѣчно безпокойномъ характерѣ поляковъ, въ ихъ легковѣрїи и въ ихъ упорныхъ стремленіяхъ къ осуществленію своихъ польскихъ патріотическихъ идеаловъ. Называли даже главныхъ заговорщиковъ, въ тайнѣ руководившихъ возстаніемъ; это были: Занъ, Сузинъ и Виткевичъ — люди интеллигентные, извѣстные своею ученостію, дружески принятые въ лучшихъ домахъ оренбургскаго общества. Сбитые всѣмъ этимъ съ толку горожане, бросились разузнавать подробности, но на первый разъ узнали только, что всѣ эти лица дѣйствительно арестованы, что аресты идутъ по всей Оренбургской линїи, гдѣ мятежъ, будто бы,

¹⁾ Статья эта составлена исключительно по документамъ Оренбургскаго архива.

пустилъ глубокіе корни, и что со дня на день надо ожидать общаго возмущенія киргизовъ, съ которыми поляки находились въ тайныхъ сношеніяхъ.

Но какъ ни старались мѣстныя власти скрывать отъ публики истинную причину арестовъ, въ обществѣ, въ тотъ же день, рассказывали уже всѣ подробности происшествія, заключавшагося въ слѣдующемъ:

Въ оренбургскомъ тюремномъ замкѣ содержался въ то время одинъ мѣщанинъ, по фамиліи Стариковъ. Это былъ человѣкъ, что называется клязникъ. Онъ и судился уже два года за то, что сдѣлалъ ложный извѣтъ на лихоимство оренбургскаго гражданскаго губернатора—тогда уже сенатора Дебу, автора извѣстнаго описанія «Кавказская линія», человѣка, несомнѣнно отличавшагося именно своею неподкупною честностью. Товарищемъ его по заключенію былъ нѣкто, рядовой изъ сосланныхъ поляковъ, Людвигъ Мейеръ, преданный суду за побѣгъ въ Киргизскую степь и за фальшивыя деньги, которыя найдены были у него при арестѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что тюремное заключеніе сблизило ихъ между собою, и что болтливый Мейеръ высказалъ Старикову много такого, чего знать тому, можетъ быть, вовсе и не слѣдовало бы. Дѣйствовалъ ли въ этомъ случаѣ Мейеръ исключительно по легкомыслію, или, напротивъ, искалъ только случая черезъ другое лицо довести до свѣдѣнія правительства о заговорѣ, существовавшемъ въ краѣ—неизвѣстно; но Стариковъ этимъ воспользовался и донесъ обо всемъ коменданту. Встревоженный извѣстіемъ, генералъ Глазенапъ потребовалъ его къ себѣ и Стариковъ рассказалъ ему слѣдующее:

Наканунѣ, это было вечеромъ 25 октября, подъ Дмитріевъ день, Мейеръ, пустившійся въ откровенность, сообщилъ ему, что всѣ поляки, сосланные солдатами въ оренбургскій корпусъ, будучи огорчены несчастнымъ исходомъ своей революціи, положили между собою произвести вооруженное возстаніе, какъ въ Оренбургѣ, такъ и по всей пограничной линіи. Главными предводителями назначались какой-то иностранецъ-французъ¹⁾, чиновники Сузинъ и Занъ и портупей-прапорщикъ Виткевичъ; подъ ними же должны были командовать унтеръ-офицеры Ковальскій, Ивашкевичъ и, наконецъ, Пилавскій—изъ разжалованныхъ офицеровъ польской арміи²⁾. Мятежъ предполагали сдѣлать внезапно, въ ночь съ 27 на 28 октября, по колокольному звону съ соборной оренбургской колокольни, ключи къ которой, будто бы, давно уже были поддѣланы и хранились у одного изъ главныхъ предводителей. Всѣ заговорщики въ назна-

¹⁾ Это гавиственное лицо такъ и не было открыто слѣдственной комиссіею, а Мейеръ не могъ указать ни на одного иностранца изъ проживавшихъ тогда въ Оренбургѣ.

²⁾ Мейеръ ошибочно считалъ Пилавскаго офицеромъ; онъ былъ рядовой изъ дворянъ и въ этомъ званіи вѣять въ плѣнъ во время одного изъ сраженій.

ченный часъ должны были собраться въ условленное мѣсто, и затѣмъ, раздѣлившись на нѣсколько частей, разомъ броситься въ дома главныхъ начальниковъ и умертвить ихъ, начиная съ военнаго губернатора Перовскаго. Овладевъ такимъ образомъ городомъ, Виткевичъ долженъ былъ организовать военныя силы, Сузинъ и Запъ—установить польское правительство, взять казначейство, выпустить всѣхъ арестантовъ, а затѣмъ продолжать возмущеніе далѣе по линіи. Мейеръ говорилъ при этомъ, что къ заговорщикамъ, по первому сигналу, пристанутъ всѣ поляки, служившіе, какъ въ батальонахъ, такъ и въ конной артиллеріи; что же касается до русскихъ офицеровъ и солдатъ, то до тридцати человѣкъ ихъ и теперь уже участвуютъ въ заговорѣ, а остальныхъ надѣются поднять, распуская слухъ, что въ Петербургѣ революція, и что цесаревичъ, великій князь Константинъ Павловичъ живъ. Про послѣдняго Мейеръ рассказывалъ, что онъ, во время польской войны тайно уѣхалъ во Францію, и теперь во главѣ французскихъ войскъ, и въ союзѣ съ австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ, идетъ въ Россію, чтобы возсѣсть на прародительскій престолъ, неправильно занятый младшимъ братомъ его, императоромъ Николаемъ. Всѣ поляки, какъ одинъ человѣкъ, поддерживаютъ права цесаревича, и съ тѣмъ же сочувствіемъ встрѣчаютъ его русскій народъ, который самъ отъ себя собираетъ всѣхъ отставныхъ и билетныхъ солдатъ, чтобы создать, такъ сказать, свою собственную народную силу.

Изъ рассказовъ Мейера, Стариковъ вывелъ заключеніе, что мятежъ былъ подготовленъ уже давно, и что, при болѣе строгомъ надзорѣ ближайшихъ властей, онъ никогда не пустилъ бы такихъ глубокихъ корней. Въ доказательство этого онъ ссылаясь на путешествія Зана, который за мѣсяцъ или за два до этого объѣхалъ весь Оренбургскій край, подъ предлогомъ ученыхъ занятій, а между тѣмъ настоящей цѣлью этой поѣздки было провѣрить на мѣстѣ все ли готово къ возстанію, и нѣтъ ли какого-нибудь препятствія. Съ тою же именно цѣлью еще на дняхъ пріѣзжали къ Зану два поляка изъ дальнихъ баталіоновъ, расположенныхъ на линіи, и получили отъ него окончательные совѣты и инструкціи. Стариковъ прибавилъ къ этому, что во время разговора его съ Мейеромъ, въ камеру вошелъ солдатъ (изъ оренбургскихъ татаръ) Рахимъ Рахмангуловъ и началъ закуривать трубку. Мейеръ таинственно спросилъ у него: «скоро ли пойдутъ въ Бухару, и когда начнется война?» Рахмангуловъ отвѣчалъ: «все готово и дѣло начнется скоро». Когда онъ вышелъ, Мейеръ объяснилъ Старикову, что это одинъ изъ числа тридцати русскихъ заговорщиковъ, и что подъ словомъ «Бухара» они разумѣютъ возстаніе. «Вотъ уже нѣсколько дней,—сказалъ ему при этомъ Мейеръ,—какъ поляки, стоящіе въ караулѣ, приходятъ со мною прощаться, говоря, что скоро начнутся сраженія, и никто не знаетъ, кто изъ нихъ останется живъ».

Выслушавъ Старикова, комендантъ тотчасъ поспѣшилъ къ Перовскому и получилъ отъ него приказаніе—днемъ внимательно слѣдить за всѣмъ, что будетъ дѣлаться въ городѣ, а ночью арестовать чиновниковъ Зана, Сузина и Виткевича, квартиры ихъ опечатать, а всѣ найденныя бумаги, письма и вещи представить къ Перовскому. Въ то же время посланы были секретныя предписанія командирамъ линейныхъ баталіоновъ арестовать нижнихъ чиновъ: Ковальскаго, Ивашкевича, Пилавскаго, Хенцынскаго, Коландовскаго, Бернатскаго и Рахмангулова; однихъ потому, что они именованы были въ самомъ доносѣ, другихъ, какъ людей, близкихъ къ Зану и Сузину. Коменданту дано было широкое право арестовывать въ городѣ всѣхъ, на кого падеть подозрѣніе въ заговорѣ и содержать ихъ отдѣльно другъ отъ друга подъ строгимъ наблюдениемъ, такъ чтобы они лишены были всякой возможности знать, кто изъ нихъ арестованы.

Всѣ власти видимо были встревожены; одинъ военный губернаторъ, Василій Алексѣевичъ Перовскій, сохранилъ свое неизмѣнное хладнокровіе и не спѣшилъ донесеніемъ, опасаясь болѣе всего раздуть это дѣло въ такіе размѣры, которыхъ оно вовсе быть можетъ и не заслуживало. Странною и непонятною казалась ему вся эта загадочная исторія: слишкомъ умны и образованы были люди, подозрѣваемые вождями возстанія, чтобы они могли отважиться на такую бессмысленную, рѣшительно ничего не обѣщавшую попытку. Правда, еще съ начала года ходили по Оренбургу темные слухи, что кто-то видѣлъ покойнаго цесаревича Константина Павловича; но слухи эти шли совсѣмъ не отъ поляковъ. Еще въ январѣ мѣсяцѣ этого же года жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Елшинъ, сообщилъ Перовскому изъ Казани, что по извѣстіямъ, полученнымъ изъ нѣкоторыхъ губерній, увольняемые изъ полковъ въ отставку и въ отпускъ нижніе чины, проходя черезъ селенія, сообщаютъ нелѣпые толки о правительствѣ, что нѣкоторые изъ нихъ уже схвачены и производится слѣдствіе.

Такъ рядовой Дранаевъ, возвращавшійся послѣ оставки на родину въ Буйскій желѣзный заводъ, Уржымскаго уѣзда, рассказывалъ въ слободѣ Кунарской, что онъ въ запрошедшее лѣто случайно встрѣтилъ цесаревича Константина Павловича, получилъ отъ него серебрянный рубль и приказаніе идти въ Вятскую губернію, гдѣ должны собраться всѣ отставные солдаты, которыхъ приказано будто бы обмундировывать и вновь принимать на службу. Дранаевъ говорилъ также, что при этой встрѣчѣ великій князь осмотрѣлъ паспортъ его и сказалъ: — «Вратъ мой даль тебѣ, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ и покой,—и ты живешь лучше меня». Рядовой Гаврило Калущкій, прибывшій въ тотъ же Уржымскій уѣздъ, рассказывалъ при чиновникѣ Юдниковѣ, что онъ въ Казани слышалъ, что, будто бы, всѣмъ выпедшимъ въ отставку солдатамъ

назначено собираться въ Симбирской губерніи для встрѣчи цесаревича Константина Павловича. Юдниковъ, полагая, что слухи эти не заслуживаютъ вниманія, не довелъ о нихъ до свѣдѣнія начальства. А такъ какъ рядовой Дранаевъ при допросѣ показалъ, что онъ проходилъ черезъ Казанскую губернію, то пришли къ заключенію, что онъ же и распустилъ эти нелѣпные слухи.

Разсказывали также, что гренадерскій корпусъ уже получилъ приказаніе выступить въ Ригу для защиты береговъ отъ англичанъ, съ которыми будетъ война, такъ какъ они поддерживаютъ цесаревича Константина Павловича.

Сопоставивъ теперь всѣ эти народные толки съ тѣми данными, которыя имѣлись въ рукахъ правительства относительно польскаго заговора, Перовскій пришелъ къ убѣжденію, что общаго между ними быть ничего не могло. Правда, онъ распорядился арестовать всѣхъ заподозрѣнныхъ въ заговорѣ и нарядилъ слѣдственную комиссію, но въ то же время, опасаясь слишкомъ одностороннихъ взглядовъ и увлеченій со стороны своихъ сотрудниковъ, самъ принялъ на себя роль предсѣдателя комиссіи. Разсказываютъ, что когда начальникъ штаба въ то же утро принесъ ему для подписи всеподданнѣйшее донесеніе о чрезвычайномъ происшествіи, онъ отложилъ его въ сторону и сказалъ: — «подождите, не будемъ поднимать изъ-за этого шума. Донесеніе свяжетъ намъ руки и можетъ быть напрасно обезпokoитъ государя».

Изъ всѣхъ арестованныхъ личностей, на которыхъ указывали, какъ на руководителей заговора, Занъ, Сузинъ и Виткевичъ возбуждали къ себѣ наибольшее сочувствіе общества. Занъ былъ изъ нихъ старѣйшимъ и по лѣтамъ, и по своему общественному положенію. Литовскій дворянинъ, древней, хорошей фамиліи, онъ получилъ воспитаніе въ знаменитомъ тогда Виленскомъ университетѣ и былъ удостоенъ ученой степени магистра философіи. Еще будучи студентомъ, Занъ образовалъ въ университетѣ тайное общество, извѣстное подъ именемъ «филаретовъ» (благотворителей). Цѣль этого общества была высоко нравственная, требовавшая въ высшей степени скромной жизни и заключающаяся, по словамъ польскаго писателя Махнацкаго, въ томъ, «чтобы разумомъ бѣдныхъ поддерживать богатыхъ, а имуществомъ богатыхъ поддерживать бѣдныхъ». Но это была только одна лицевая сторона медали, за которою неизбѣжно скрывались извѣстныя политическія тенденціи, въ концѣ концовъ и приведшія всѣхъ членовъ этого общества на скамью подсудимыхъ. Подробности объ этомъ можно найти въ «Русскомъ Архивѣ» въ воспоминаніяхъ о Новосильцевѣ, а потому мы скажемъ коротко, что общество найдено было преступнымъ и Занъ, занимавшій въ то время должность секретаря при инспекторѣ школъ Виленской, Могилевской и Витебской губерній, какъ главный основатель общества, заключенъ былъ въ крѣпость, вы-

сидѣлъ тамъ годъ и затѣмъ отправленъ на жительство въ Оренбургскую губернію.

Здѣсь онъ всецѣло предался научнымъ занятіямъ по части геогностическихъ розысканій въ Оренбургскомъ краѣ, и его капитальные труды скоро приобрѣли ему расположеніе и покровительство тогдашняго генераль-губернатора графа Сухтелена. Съ разрѣшенія послѣдняго, Занъ устроилъ въ Оренбургѣ музей минералогическихъ произведеній края, получилъ чинъ 14-го класса и былъ опредѣленъ на службу въ Неплюевскій кадетскій корпусъ, гдѣ завѣдывалъ всѣми кабинетами, музеями и коллекціями.

Тѣ, кто помнятъ Зана въ Оренбургѣ, отзываются о немъ съ большимъ уваженіемъ, хотя и не отрицаютъ въ немъ нѣкоторой доли странностей. Особенно сужденія его отличались иногда такою оригинальностью, которая невольно поражала слушателя своею неожиданностью и смѣлостію сопоставленія. Гуляя, однажды, напр., съ семействомъ генерала Цюлковскаго, онъ проходилъ мимо церкви, гдѣ совершалась всенощная. Одинъ изъ дѣтей генерала, умный и бойкій мальчикъ, отдавшійся впечатлѣнію прекраснаго лѣтнаго вечера, вдругъ запѣлъ какую-то пѣсню. Мать остановила его, замѣтивъ, что, проходя мимо церкви, надо читать молитву.

— Зачѣмъ вы останавливаете малютку? — быстро перебилъ ее Занъ:— для Бога равны и молитва и пѣсня, когда онѣ исходятъ изъ глубины ликующей, чистой души!..

Онъ съ увлеченіемъ сталъ говорить о красотахъ Божьяго міра, о восторженномъ чувствѣ, возрождающемся въ душѣ чловѣка при видѣ этихъ красотъ, и что въ этомъ случаѣ пѣсня, вырвавшаяся изъ глубины разстроганнаго сердца, служить тѣмъ же хвалебнымъ гимномъ Творцу, какъ и молитва... «При такихъ именно условіяхъ— заключилъ онъ:— Соломонъ писалъ свои вдохновенныя пѣсни-пѣсней!»

Радушно принятый въ лучшихъ домахъ Оренбурга, онъ до того полюбилъ этотъ городъ, что даже приглашалъ своего отца переселиться сюда на жительство. Ссылные поляки, въ большинствѣ простые, грубые солдаты, не могли находить въ немъ для себя со товарища, и потому совѣмъ не искали его знакомства. Они и по своему назначенію, и по воспитанію, и по роду жизни, не могли имѣть съ нимъ ничего общаго, ничего такого, чтобы давало поводъ къ какому-нибудь сближенію. «Невѣроятность возведеннаго на меня доноса,—говоритъ Занъ въ своемъ первоначальномъ показаніи:—можно видѣть изъ того, что они именуютъ меня главѣнымъ предводителемъ вооруженной силы, между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что я въ военномъ искусствѣ ровно ничего не знаю, не умѣю владѣть ни оружіемъ, ни лошадыю, никогда не упражнялся въ гимнастикѣ и не привыкъ переносить трудовъ и неудобствъ походной

жизни. Одинъ взглядъ на меня достаточень, чтобы снять съ меня подозрѣніе въ предводительствѣ».

Въ томъ же родѣ является личность другого обвиненнаго въ заговорѣ, Адама Доминиковича Сузина, служившаго бухгалтеромъ въ Оренбургской пограничной комиссіи. Онъ былъ другомъ и со-воспитанникомъ Зана по Виленскому университету, но только мо-ложе его выпускомъ, также принадлежалъ къ обществу филаре-товъ и пострадалъ наравнѣ съ другими. Отсидѣвъ полгода въ Оренбургской крѣпости, онъ, по ходатайству графа Сухтелена, высоко цѣнившаго его ученые труды, получилъ разрѣшеніе посту-пить на службу. Ученая степень кандидата философіи давала ему право на чинъ 10-го класса; объ этомъ настойчиво ходатайствовалъ и графъ Сухтеленъ, но злополучная судьба и тутъ преслѣдовала бѣднаго Сузина. Въ самомъ представленіи графа вкралась какая-то неточность въ исчисленіи лѣтъ Сузина, и покойный государь Николай Павловичъ положилъ на его прошеніи слѣдующую собст-венноручную резолюцію: — «производить Сузина на общемъ осно-ваніи, а не на студенческомъ правѣ, ибо 16-ти лѣтъ отъ роду онъ не могъ окончить университетскаго курса». Впослѣдствіи выясни-лось, что онъ поступилъ въ университетъ изъ Гродненской гим-назіи 19-ти лѣтъ и кончилъ курсъ, имѣя отъ роду 23 года, — и тѣмъ не менѣе простая, невыясненная въ-время ошибка лишила его служебныхъ преимуществъ и онъ опредѣленъ былъ въ погра-ничную комиссію съ чиномъ XIV класса.

Совсѣмъ иною, противоположною имъ личностью является третій товарищъ ихъ по заключенію, Иванъ Викторовичъ Виткевичъ, тогда еще подпрапорщикъ одного изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ. Не менѣе талантливый и даровитый, чѣмъ оба его сотоварища, онъ не обладалъ, подобно имъ, обширными научными познаніями по части естествознанія, но за то былъ превосходнымъ лингвистомъ и въ совершенствѣ зналъ почти всѣ европейскіе языки. Сынъ богатыхъ родителей, принадлежавшій къ одной изъ старыхъ дворянскихъ фамилій Шавельскаго уѣзда, Виткевичъ былъ отданъ въ Корумнскую классическую гимназію, и тамъ-то, увлекаясь общимъ настроеніемъ того времени, составилъ среди учениковъ тайное общество, подъ именемъ «Черныхъ Братьевъ». Существо-ваніе этого общества вскорѣ было открыто и Виткевичъ, предан-ный военному суду, какъ политическій преступникъ, былъ сосланъ, по конфирмаціи цесаревича Константина Павловича (28 февраля 1823 года), рядовымъ въ Отдѣльный Оренбургскій корпусъ, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства. Суровость тогдашнихъ нра-вовъ была такова, что Виткевича привели въ кандалахъ, и сняли ихъ только уже по зачисленіи его на дѣйствительную службу.

Брошенный, такимъ образомъ, въ край, сопредѣльный съ Азіей, на поприще, къ которому никогда не готовился, — Виткевичъ со

всею страстностью своей энергической природы продался изученію восточныхъ языковъ, чтобы стать человѣкомъ истинно полезнымъ для службы и края, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояли сношенія съ сосѣдными намъ азіатскими народами. Онъ хорошо понималъ, что это единственный путь, черезъ который судьба его только и могла уллучшиться. И не одни языки, но жизнь, обычаи, нравы и положеніе нашихъ зауральскихъ сосѣдей равно входили въ программу его серьезнаго изученія. Этотъ усидчивый трудъ молодого человѣка, специально подготовлявшаго себя къ путешествію по восточнымъ странамъ, не могъ не обратить на него вниманіе людей, преданныхъ труду и наукѣ. Въ то время въ Оренбургѣ жилъ нѣкто графъ Хоткевичъ, помѣщикъ Волынской губерніи, человѣкъ богатый, образованный и имѣвшій большія связи. Онъ тѣсно сблизился съ Виткевичемъ и просилъ, какъ графа Сухтелена, такъ и полковника Ганса, бывшаго въ то время предсѣдателемъ пограничной комиссіи, взять подъ свое покровительство талантливаго юношу, чтобы дать ему возможность развернуть исполнѣ свои дарованія. По мнѣнію Хоткевича лучшимъ средствомъ для этого было откомандированіе Виткевича на службу въ ставку одного изъ султановъ-правителей, гдѣ онъ могъ ближе изучить и Киргизскую степь и народы, въ ней обитающіе, и, такимъ образомъ, стать въ интересахъ истины лучшимъ посредникомъ между ними и оренбургскимъ начальствомъ. Но это была только одна сторона задачи. Извѣстно, что знаніе восточныхъ языковъ развиваетъ страсть къ путешествіямъ, и Хоткевичъ полагалъ, что его протеже можетъ оказать серьезныя услуги, именно на этомъ поприщѣ, подробно изучая прилегающія къ намъ Средне-азіатскія земли, путешествія по которымъ сопряжены были въ то время съ крайнею опасностью. Хоткевича озабочивало только отсутствіе въ Виткевичѣ солидной подготовки, и онъ просилъ Зана не оставлять его своимъ руководствомъ и быть ему наставникомъ въ точныхъ наукахъ физикѣ и математикѣ, которыя считалъ необходимыми для путешественника. Въ то же время онъ писалъ въ Москву, къ ученому Ежевскому, прося у него совѣтовъ и наставленій для Виткевича. Ежевскому трудно было дать заглазно какую-либо инструкцію и онъ въ письмѣ къ Зану ограничился только исчисленіемъ качествъ, потребныхъ для путешественника въ такихъ странахъ, какъ Бухара, Хива, Коканъ и другія, и къ этому прибавилъ еще указаніе, что прежде, нежели отважиться проникнуть въ глубь этихъ странъ, необходимо изучить всѣ лучшія сочиненія, касающіяся этого предмета, и что тогда Виткевичъ увидитъ уже самъ, что нужно ему дѣлать. Впослѣдствіи это-то письмо, найденное у Зана, послужило, какъ для него, такъ и для Ежевскаго, источникомъ большихъ непріятностей, ничѣмъ не окончившихся только благодаря безпристрастному отношенію къ дѣлу самого Перовскаго.

Старанія Хоткевича не пропали даромъ. Графъ Сухтеленъ, самъ человѣкъ весьма просвѣщенный, съ теплымъ, отзывчивымъ сердцемъ, принялъ живое участіе въ судьбѣ Виткевича и сталъ посылать его къ султанамъ-правителямъ, то въ Среднюю, то въ Малую Орду, давая съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе важныя порученія. Эти командировки служили Виткевичу отличною практическою школой, знакомя его съ Киргизскою степью,—съ этою окраиной тѣхъ чудныхъ азіатскихъ міровъ, которые такъ влекли и манили его къ себѣ своею загадочною далью. Не разъ, при этихъ поѣздкахъ, ему приходилось подвергаться серьезнымъ опасностямъ, но тутъ уже сказывалась общая наша широкая славянская натура,—и Виткевичъ самъ появлялся вездѣ, гдѣ только требовалось проявить отвагу или мужество. Такъ, будучи, однажды, посланъ въ степь съ какимъ-то порученіемъ (это было весною 1830 года), онъ добровольно проникнулъ въ глубь киргизскихъ кочевокъ и, рискуя жизнью, захватилъ скрывавшагося тамъ уже нѣсколько лѣтъ извѣстнаго мятежника султана Миндіара. За это его произвели въ унтеръ-офицеры. Въ слѣдующемъ году, 14 іюня, когда двухъ-тысячная шайка киргизовъ Джигалбайлинскаго рода намѣревалась напасть на ставку султана-правителя Юсуфа Нурамева, Виткевичъ съ 30—40 казаками выѣхалъ къ ней навстрѣчу и своими смѣлыми, благородными дѣйствіями заставилъ ее разсѣяться. Графъ Сухтеленъ благодарилъ его приказомъ по корпусу и произвелъ въ портупей-прапорщики, что возвращало ему дворянство и ставило его уже на прямую дорогу къ офицерскимъ званіямъ.

Прошелъ еще годъ, приближалось время производства Виткевича въ офицеры,—какъ вдругъ, 20 марта 1833 года, весь оренбургскій край былъ пораженъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ графа Сухтелена. Виткевичъ невольно призадумался надъ тѣмъ, что ожидаетъ его впереди, и не придется ли ему прежде, нежели достигнуть наконецъ желаемой пристани, снова пройти черезъ длинный рядъ испытаній. Занъ раздѣлялъ опасенія Виткевича.—«Кончина графа Сухтелена—говоритъ онъ:—этого благодѣтеля и утѣшителя несчастныхъ, открывшаго дорогу для всѣхъ поляковъ, желавшихъ служить Россіи честно и искренно,—унесла съ собою надежды многихъ истинно даровитыхъ и талантливыхъ людей. Съ кончиною графа Сухтелена, можно сказать, подобные люди осиротѣли»...

Но Занъ ошибался. Новый начальникъ края, Василій Алексѣевичъ Перовскій, явился тѣмъ же добрымъ геніемъ и покровителемъ для всѣхъ людей науки, какимъ былъ графъ Сухтеленъ, и съ особымъ уваженіемъ отнесся именно къ трудамъ Виткевича и Зана.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наступила роковая ночь съ 26 на 27 октября 1833 года,—и Занъ, и Виткевичъ, оба внезапно были арестованы.

Перовскій, какъ мы уже сказали, не вѣрилъ въ серьезность заговора со стороны поляковъ и не хотѣлъ придавать огласки этому дѣлу. Первые допросы, снятые комиссіею, уже показали ему всю неосновательность подозрѣнія,—но тутъ явилось новое лицо, полякъ Кживицкій, который добровольно вызвался открыть всѣ сокровенныя нити заговора и выдать въ руки правительства большую часть главныхъ заговорщиковъ. Нужно сказать, что Перовскій

И. В. Виткевичъ.

Съ портрета, рисованнаго съ натуры карандашомъ и находящагося у П. Я. Дашкова.

отнесся съ нескрываемымъ призрачнѣемъ къ поступку Кживицкаго, въ которомъ видѣлъ только позорное стремленіе выслужиться на счетъ своихъ соотечественниковъ; но тѣмъ не менѣе происшествіе это дало новую пищу городскимъ толкамъ, скоро разросшимся до размѣровъ чудовищныхъ; полетѣли письма въ Петербургъ,—и Перовскій нашелся вынужденнымъ измѣнить свое первоначальное

рѣшеніе. 14 ноября 1833 года онъ послалъ военному министру слѣдующее донесеніе:

«Рядовой 2-го линейнаго баталіона, изъ поляковъ, Мейеръ, заключенный въ тюремный замокъ за побѣгъ изъ службы, объявилъ содержащемуся вмѣстѣ съ нимъ мѣщанину Старикову, что польскіе нижныя чины Оренбургскаго корпуса имѣютъ намѣреніе сдѣлать возмущеніе, сперва въ Оренбургѣ, убійствомъ главныхъ начальствующихъ лицъ, разграбленіемъ казначейства и освобожденіемъ заключенныхъ, а затѣмъ распространить бунтъ по всей Оренбургской линіи посредствомъ поляковъ, служащихъ въ баталіонахъ. Мейеръ заявилъ при этомъ, что въ заговорѣ участвуютъ и русскіе нижныя чины, назвалъ поименно многихъ поляковъ и присовокупилъ, что замысль сей долженъ быть на дняхъ приведенъ въ исполненіе. Мѣщанинъ Стариковъ донесъ объ этомъ по начальству. Вслѣдствіе того, я допросилъ ихъ обоихъ и приказалъ немедленно арестовать всѣхъ поляковъ, названныхъ Мейеромъ, въ числѣ коихъ находятся и чиновники. Бумаги ихъ также захвачены, и я составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ комиссію для подробнаго розысканія показаній Мейера.

«Дѣйствія комиссіи продолжаются уже болѣе недѣли и хотя не приведены еще къ окончанію по не доставкѣ сюда нѣкоторыхъ оговоренныхъ поляковъ изъ самыхъ дальнихъ баталіоновъ, но уже при первыхъ допросахъ обнаружилось, что доносъ Мейера совершенно ложенъ,—никакихъ признаковъ заговора и равно ничегъ подозрительнаго въ бумагахъ не найдено.

«Усмотрѣвъ неосновательность вымысловъ Мейера, я намѣревался сдѣлать донесеніе вашему сіятельству лишь по окончаніи слѣдствія, но расчелъ, что не излишне будетъ увѣдомить васъ о семъ происшествіи предварительно, теперь же, дабы оно не дошло постороннимъ путемъ и, главное, въ не настоящемъ видѣ до высочайшаго свѣдѣнія».

«Его величество—отвѣчалъ на это графъ Чернышевъ:—вполнѣ полагается на благоразумныя дѣйствія вашего превосходительства и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ дальнѣйшихъ донесеній вашихъ по сему предмету».

Комиссія, о которой говоритъ Перовскій, назначена была, какъ мы уже сказали, подъ личнымъ его предсѣдательствомъ и состояла изъ Оренбургскаго коменданта Глазенапа, бригаднаго командира генераль-маіора Стеллиха, полковника Павлова, адъютанта Перовскаго ротмистра Геке и чиновника особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ—колежскаго асессора Даля¹⁾. Для производства

¹⁾ Владиміръ Ивановичъ Даль (извѣстный писатель) пріѣхалъ въ Оренбургъ вмѣстѣ съ Перовскимъ, и покинулъ край въ 41 году, когда на мѣсто Перовскаго прибылъ генераль Обручевъ.

дѣль назначенъ былъ аудиторъ Слапагузовъ. Комиссія начала свои дѣйствія немедленно, и должна была, по резолюціи Перовскаго, «заниматься ими ежедневно и утромъ и вечеромъ, пока будетъ предстоять въ этомъ надобность».

Первою, поступившею въ комиссію, бумагою былъ рапортъ начальника 28 пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Жемчужникова, который доставилъ цѣлую груду стиховъ, писемъ и прочихъ бумагъ, найденныхъ имъ при обыскѣ въ казармахъ 3-го Оренбургскаго линейнаго баталіона. Отъ Жемчужникова само собою разумѣется потребовали подробныхъ объясненій почему и какимъ образомъ въ казармахъ могли находиться подобныя бумаги; Жемчужниковъ отвѣчалъ, что подобныхъ бумагъ и прежде находили не мало,—но такъ какъ онѣ не заключали въ себѣ ничего преступнаго или предосудительнаго, то онѣ не придавалъ имъ никакого значенія. Бумаги, дѣйствительно, оказались самаго невиннаго свойства, но при этомъ, какъ всегда бываетъ, обнаружались нѣкоторые беспорядки въ самомъ баталіонѣ. Оказалось, что нижние чины изъ поляковъ вели между собою постоянную переписку не черезъ почту, а пользовались для этого разными случаями, чтобы передавать письма изъ рукъ въ руки. Послѣднее, какъ лишившее возможность имѣть за перепиской извѣстный контроль, было запрещено строжайшимъ образомъ,—и теперь бригадный и баталіонный командиръ получили служебный выговоръ.

По пересмотрѣ этихъ бумагъ, работы комиссіи сосредоточились уже исключительно на допросахъ различныхъ лицъ и самое слѣдственное производство было разбито на три отдѣльныя части: 1) по доносамъ Старикова и Мейера, 2) по доносу Кживицкаго, и 3) по перепискѣ, арестованной у Зана и Виткевича.

По первому изъ этихъ отдѣловъ оказалось слѣдующее:

И Мейеръ, и Стариковъ упорно стояли на своихъ показаніяхъ, а Мейеръ прибавилъ еще, что всѣ подробности о заговорѣ онъ знаетъ черезъ рассказы Яна Коландовскаго, который сообщилъ ему также о томъ, что вся преступная переписка Зана по линіи ведется черезъ Іосифа Косецкаго, служащаго рядовымъ въ 1-мъ линейномъ баталіонѣ. О томъ же, что цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ живъ, что въ Петербургѣ бунтъ, и что въ Варшавѣ убитъ намѣстникъ царства, фельдмаршалъ, онъ слышалъ, вмѣстѣ съ рядовымъ Подлесскимъ, отъ ходившихъ въ караулъ поляковъ, которые сообщали ему всѣ политическія новости. Лично онъ никого изъ этихъ поляковъ не знаетъ, но сколько ему кажется, то между ними находился одинъ, по имени Стефанъ Маркевичъ. Все, что заявлялъ Стариковъ относительно разговора, бывшаго у него съ Рахмангуловымъ, Мейеръ отвергъ категорически, прибавивъ, что самъ въ заговорѣ никогда не участвовалъ, а потому и слову «Бухара» не могъ придавать какого-либо таинственнаго или

загадочнаго значенія, а если и спросилъ Рахмангулова, то только изъ одного любопытства, такъ какъ о приготовленіяхъ къ этому походу давно уже слышалъ отъ родового Бернатскаго.

Спросили Бернатскаго, Маркевича, Подлесскаго, Косецкаго и, наконецъ, Коландовскаго; но всѣ они отвѣчали, что никогда и никакихъ разговоровъ съ Мейеромъ не имѣли, а Занъ, Виткевичъ и Сузинъ заявили рѣшительно, что въ первый разъ слышатъ о возводимыхъ на нихъ преступленіяхъ, что вся ихъ предшествовавшая жизнь, служба и дѣятельность въ Оренбургѣ могутъ служить доказательствомъ, что они трудились только на благо и къ пользѣ края. Дѣйствительно, ни Мейеръ, затѣявшій всю эту исторію, ни Стариковъ, легкомысленно повѣрившій ему, не могли представить ни одного, хотя сколько-нибудь осязательнаго факта для обличенія преступныхъ замысловъ, а такъ какъ однихъ голословныхъ показаній ихъ было не достаточно, то комиссія перешла къ другому доносу, сдѣланному полякомъ Кживицкимъ.

На другой день, послѣ того, какъ въ городѣ произведены были аресты, къ коменданту явился рядовой Кживицкій и доложилъ, что знаетъ много такого, что можетъ послужить правительству къ открытію всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большей части злоумышленниковъ, въ числѣ которыхъ главнымъ онъ считаетъ Виткевича. Его отправили въ слѣдственную комиссію, гдѣ онъ и сдѣлалъ слѣдующее показаніе:

Въ прошломъ 1832 году, когда Виткевичъ проѣздомъ былъ въ Таналыцкой крѣпости и встрѣтилъ проходившую черезъ нее партію ссыльныхъ поляковъ, онъ далъ Кживицкому 50 руб., прося его роздать эти деньги нуждавшимся своимъ соотечественникамъ. Затѣмъ гуляя съ нимъ по крѣпостному валу, онъ говорилъ ему о важномъ значеніи на Оренбургской линіи крѣпостей Кизильской и Орской, которыя по многочисленности своей артиллеріи могли бы служить хорошими опорными пунктами въ случаѣ какого-нибудь замѣшательства въ краѣ. «Впрочемъ—добавилъ Виткевичъ:— все дѣло въ людяхъ», и спросилъ: «есть ли въ этихъ крѣпостяхъ надежные поляки?» Кживицкій отвѣчалъ уклончиво, что онъ никого не знаетъ. Тогда Виткевичъ перемѣнилъ разговоръ на то, что полякамъ нѣтъ никакой надежды возвратиться на родину, а потому имъ необходимо сплотиться между собою и образовать дружное, крѣпкое общество. Онъ также совѣтовалъ жить мирно и съ киргизами, говоря, что въ недалекомъ будущемъ ихъ помощь можетъ очень пригодиться. «Въ этомъ случаѣ—добавилъ онъ—я могу быть полезенъ болѣе другихъ, такъ какъ имѣю много друзей между азіатцами». Изъ этого разговора Кживицкій тогда же заключилъ, что Виткевичъ замышляетъ что-то преступное, и если не донесетъ объ этомъ по начальству, только потому, что не имѣлъ свидѣтелей.

Вскорѣ послѣ этого Кживицкому случилось проѣзжать черезъ Орскъ и видѣться тамъ съ рядовыми Заватскимъ и Чепѣжинскимъ; оба они говорили ему о Виткевичѣ и о намѣреніи его поднять оренбургскую линію. То же самое, впослѣдствіи, ему приводилось слышать отъ многихъ и въ Красногорской крѣпости, гдѣ онъ нѣкоторое время жилъ на одной квартирѣ съ рядовымъ Домбровскимъ. Однажды, на Рождественскихъ праздникахъ, у Домбровскаго собралась компанія молодыхъ людей, изъ которыхъ онъ помнитъ Дорошевскаго, Бутковскаго, Высоцкаго и Шкупя. Самаго Кживицкаго въ это время не было дома; онъ былъ въ гостяхъ, но, возвратившись, онъ слышалъ въ прихожей, какъ Дорошевскій говорилъ товарищамъ: «Помните, господа, что Виткевичъ просилъ ничего не говорить объ этомъ Кживицкому, потому что онъ не надеженъ». При входѣ Кживицкаго разговоръ перервался; но Домбровскій сейчасъ же возобновилъ его, сказавъ; «Кживицкаго я знаю за хорошаго человѣка; онъ не обманетъ нашего довѣрія». Гости сидѣли до самаго разсвѣта, много пили водки, но тѣмъ не менѣе всѣ чувствовали себя въ присутствіи Кживицкаго какъ-то не ловко, и только когда прощались Дорошевскій сказалъ: «Виткевичъ отличный патріотъ; онъ имѣетъ большое значеніе и вѣсь у начальства и черезъ него можно добиться исполненія всѣхъ нашихъ желаній—нужны только вѣрность и согласіе».

Съ этого вечера Кживицкій начинаетъ тайно слѣдить уже за самимъ Домбровскимъ; онъ узнаетъ о письмахъ, которыя тотъ часто получалъ изъ Оренбурга и Звѣриноголовской крѣпости, и употребляетъ всѣ средства, чтобы ихъ перехватывать. Домбровскій, провѣдавшій объ этомъ, былъ возмущенъ такими поступками товарища, и разъ встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, громко сказалъ ему: «скоро, очень скоро такіе патріоты, какъ ты, будутъ висѣть на фонарныхъ столбахъ». Эта угроза и затѣмъ посылка Домбровскимъ двухъ казаковъ, братьевъ Тетюшкиныхъ, въ Оренбургъ съ какими-то бумагами, окончательно убѣдили Кживицкаго въ существованіи заговора; онъ доложилъ объ этомъ ротному командиру штабсъ-капитану Пелевину и просилъ его произвести обыскъ въ квартирѣ Домбровскаго. Обыскъ былъ сдѣланъ; но такъ какъ Пелевинъ, не знавшій польскаго языка, заставилъ читать и переводить бумаги самого же Домбровскаго, то изъ этого ничего и не вышло. Когда Кживицкій пріѣхалъ въ Оренбургъ, то Занъ и Сузинъ приняли его болѣе, чѣмъ холодно, а рядовой Крикштейнъ отвернулся отъ него съ презрѣніемъ и обозвалъ его шпегомъ (доносчикомъ). Все это усилило въ немъ подозрѣніе, а когда утромъ, 27 октября, рядовой Пацюкъ сказалъ ему, что въ 12-мъ баталіонѣ, на линіи, въ Звѣриноголовскѣ, вспыхнулъ бунтъ, и что въ самомъ городѣ произведены аресты, онъ не сталъ болѣе колебаться, а пошелъ къ коменданту и заявилъ ему все, что зналъ по долгу и присягѣ вѣрноподданнаго.

Эти показанія имѣли уже серьезный характеръ. Поэтому спрошены были рѣшительно всѣ нижніе чины, на которыхъ указывалъ Кживицкій, но ни одинъ изъ нихъ не подтвердилъ его словъ. Только Заватскій и Чепѣжинскій сказали, что когда Виткевичъ проѣзжалъ черезъ Орскъ, то они дѣйствительно приходили къ нему, какъ къ человѣку, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ и говорили съ нимъ о польской войнѣ, рассказывая подробности, гдѣ и какимъ образомъ были взяты въ плѣнъ. Штабсъ-капитанъ Пелевинъ также далъ показаніе, что по доносу Кживицкаго онъ отобралъ бумаги Домбровскаго и приказалъ Кживицкому прочесть ихъ, но такъ какъ Кживицкій не явился, сказавшись больнымъ, а другихъ, знающихъ попольски, при немъ не оказалось, то письма прочиталъ Домбровскій; ихъ было три: одно отъ доктора Дзитовецкаго, гдѣ говорилось объ охотничьемъ ружьѣ и печати, другое—отъ рядового Крикштейна, посылавшаго ему перчатки и кольца, и третье—отъ прапорщика Рафенятовскаго, напоминавшаго ему о денежномъ долгѣ, и такъ какъ во всѣхъ этихъ письмахъ ничего важнаго не было, то онъ, Пелевинъ, и оставилъ ихъ безъ вниманія. Самого Домбровскаго уже не было въ краѣ: за два мѣсяца до этой катастрофы онъ получилъ помилованіе и, какъ уроженецъ Галиціи, отправленъ былъ на родину; тѣмъ не менѣе письмо, отправленное имъ въ Оренбургъ черезъ Тетюшкиныхъ и возбудившее особое подозрѣніе Кживицкаго, было розыскано и прочтено въ комиссіи; но въ немъ говорилось только о семейныхъ дѣлахъ и не было ничего, чтобы бросало хоть тѣнь подозрѣнія. Наконецъ, что касается до происшествій, бывшихъ, будто бы, въ 12-мъ баталіонѣ, то ихъ передавалъ Кживицкому Янъ Германовскій только, какъ слухъ, ходившій по городу. А въ городѣ дѣйствительно говорили, что будто бы, взбунтовавшіеся солдаты перебили своихъ офицеровъ, овладѣли знаменемъ и вооруженною толпою пошли изъ крѣпости въ Киргизскую степь; рассказывали также, что казачья команда, посланная за ними въ погоню, настигла бѣглецовъ, но была разсѣяна ружейными выстрѣлами. Откуда пошли эти слухи Германовскій не зналъ и, передавая ихъ Кживицкому, прибавилъ, «что это, конечно, какая-нибудь новая сплетня».

Самъ Виткевичъ, спрошенный въ комиссіи, отвѣчалъ, что изъ всѣхъ показаній Кживицкаго онъ признаетъ справедливымъ только одно, относительно данныхъ имъ денегъ въ Таналыцкой крѣпости. Виткевичъ, дѣйствительно далъ тогда, но не 50, а 25 руб. и то самому Кживицкому; но еслибы онъ выдалъ деньги и для раздачи ссыльнымъ полякамъ, какъ утверждаетъ Кживицкій, то и здѣсь нѣтъ никакой причины для его обвиненій, такъ какъ частная благотворительность никому не воспрещается. Виткевичъ не отрицалъ, что онъ могъ говорить съ Кживицкимъ и о значеніи крѣпостей на Оренбургской линіи и о болѣе тѣсномъ сближеніи поляковъ между

собою, но въ этихъ разговорахъ не было и не могло быть ничего предосудительнаго. О значеніи крѣпостей ему, по желанію графа Сухтелена, не разъ приходилось писать цѣлые трактаты, а желаніе видѣть среди своихъ соотечественниковъ спокойствіе и дружбу, взаимнѣ вѣчной розни, интригъ и разныхъ дразгъ, компрометировавшихъ самихъ же поляковъ,—настолько естественно, что онъ считаетъ себя не вправѣ кривить душою и отказываться отъ того, что дѣйствительно было.

При этомъ Виткевичъ просилъ комиссію обратить вниманіе на склонность самого Кживицкаго къ различнаго рода вымысламъ и сплетнямъ, въ доказательство чего привелъ слѣдующій фактъ: однажды, когда онъ былъ въ Орскѣ, къ нему явился Кживицкій, до крайности встревоженный, и убѣдительно просилъ его подтвердить распущенный имъ слухъ, что будто бы всѣ оренбургскіе линейные баталіоны обращаются въ казачьи полки, и что бригаднымъ командиромъ къ нимъ будетъ назначенъ подполковникъ Лисовскій. «Просьба эта,—говоритъ Виткевичъ,—показалась мнѣ настолько странной, что я, разумѣется, отъ нея отказался». Призванный по этому поводу на очную ставку, Кживицкій, послѣ нѣсколькихъ весьма неловкихъ изворотовъ, долженъ былъ, наконецъ, сознаться, что слухъ дѣйствительно распущенъ былъ имъ по легкомыслію, и что, опасаясь за это отвѣтственности, онъ просилъ Виткевича принять его на себя.

Такимъ образомъ и показанія Кживицкаго не дали комиссіи ничего, на чемъ бы она могла основать обвиненіе. Оставалось послѣднее средство—пересмотръ бумагъ, захваченныхъ у арестованныхъ. Комиссія пересмотрѣла ихъ цѣлыя кипы и не нашла въ нихъ ничего предосудительнаго; однако же аудиторъ остановилъ ея вниманіе на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фразахъ, которые, будучи вырваны изъ писемъ, давали возможность придавать имъ какое угодно политическое значеніе. Вотъ эти фразы и отвѣты, данные на нихъ подсудимыми:

1) Письмо унтеръ-офицера Кованьскаго къ Зану отъ 5-го мая 1833 г., на которомъ Виткевичъ приписалъ собственноручно: «Дѣла доселѣ не въ лучшемъ положеніи».

На это Виткевичъ и Занъ отвѣчали согласно, что за этою фразою не скрывается ничего политическаго, что оба они подразумѣвали подъ ней просто стѣсненные денежные обстоятельства перваго изъ нихъ, такъ какъ Виткевичъ, долго не получая изъ дому денегъ, нуждался даже въ предметахъ первой необходимости.

2) Изъ письма Виткевича къ Зану, 7 мая 1833 года:

...«Стемпковскій еще доселѣ не отдавалъ моихъ писемъ, что весьма меня беспокоитъ. Всѣ наши планы лопнули; дай Богъ, чтобы все это кончилось безъ бѣды»...

На это отвѣчали: Занъ—что подъ словами «всѣ наши проекты

(а не планы) лопнули», онъ разумѣлъ неудачныя попытки Виткевича получить обратно имѣніе, которое находилось въ рукахъ его родственниковъ; а что касается до словъ «дай Богъ, чтобы все это кончилось безъ бѣды», — то они относятся къ тому, что еще недавно ходатайство подобнаго же рода надѣлало ему и другимъ большія неприятели. Виткевичъ—что онъ черезъ Стемшковскаго послалъ письмо къ графу Хоткевичу, котораго просилъ объ окончаніи дѣла по своему имѣнію. Безпокойство же по поводу не полученія писемъ выражалъ потому, что разъ уже имѣлъ большую неприятели за то, что далъ подобную довѣренность бывшему командиру 5-го линейнаго Оренбургскаго баталіона подполковнику Яновскому, ѣздившему въ отпускъ въ Виленскую губернію. Яновскій по поводу этого дѣла былъ преданъ суду и отставленъ отъ службы. Очень могло быть, что и новое стараніе его получить отъ родственниковъ имѣніе окончилось бы только новыми и еще болѣшими для него неприятели. Слова же: «всѣ проекты лопнули», онъ относилъ какъ къ этимъ обстоятельствамъ, такъ и къ воспоминаніямъ о той надеждѣ, которую онъ и Занъ имѣли при покойномъ графѣ Сухтеленѣ на скорое производство и перемѣну своего положенія.

3) Изъ письма Виткевича къ Зану, отъ неизвѣстнаго числа 1832 года:

...«Ѣздилъ я на недѣлю времени въ степь съ Генсомъ, ¹⁾ но нынѣшнее мое пребываніе тамъ не принесло никакой пользы»...

Занъ объяснилъ эту фразу тѣмъ, что самая кратковременность поѣздки помѣшала Виткевичу приобрести на этотъ разъ новыя свѣдѣнія о жизни киргизовъ, усовершенствоваться въ ихъ языкѣ, и наконецъ, собрать экземпляры растеній и минераловъ, о которыхъ Занъ просилъ его при отъѣздѣ.

4) Изъ письма Зана къ Виткевичу отъ неизвѣстнаго числа и года:

...«Въ нынѣшнемъ году думаю о способахъ и возможности осуществитъ то, о чемъ между нами было говорено, надобно бы было только найти какую-нибудь опорную точку»...

Виткевичъ отвѣчалъ, что «смыслъ этой фразы ясенъ. Когда кончина графа Сухтелена — общаго благодѣтеля несчастныхъ, унесла съ собою въ могилу всѣ надежды на улучшеніе нашей судьбы, Занъ думалъ о способахъ и возможности приобрести довѣріе новаго начальника, и въ этомъ случаѣ искалъ опорную точку именно въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Онъ хотѣлъ придать имъ особую существенную важность въ смыслѣ распространенія новыхъ научныхъ или полезныхъ познаній о краѣ».

¹⁾ Полковникъ Генсъ — въ то время представитель Оренбургской пограничной комиссіи.

5) Изъ письма Іосифа Ежевскаго къ Зану отъ неизвѣстнаго числа и года:

...«Хоткевичъ насказалъ мнѣ много хорошаго о Виткевичѣ. Если онъ здоровъ, смѣль, стоекъ и ловокъ, ежели хорошо знаетъ по-татарски, то пусть постарается узнать лучше, чѣмъ знаетъ теперь Бухарію и именно Узбековъ. Разумѣется, что надо напередъ ознакомиться съ лучшими сочиненіями по этой части; если онъ изучитъ край основательно, проникнетъ въ глубину его, если позволитъ и себя узнать, то тогда самъ увидитъ что надо дѣлать»...

«Графъ Хоткевичъ,—пишетъ Занъ въ своемъ показаніи,—другъ и благодѣтель Виткевича. Еще во время своего пріѣзда въ Оренбургъ онъ обратилъ на него вниманіе главнаго начальника края и просилъ его дать Виткевичу средства развернуть вполне свои таланты и способности, особенно по части нашихъ сношеній съ восточными народами. То же самое онъ говорилъ и въ Москвѣ, Ежевскому, старинному моему знакомому. Въ письмѣ ко мнѣ Ежевскій перечисляетъ тѣ качества, которыя необходимы для путешествія по Востоку, при чемъ совѣтуетъ изучить этотъ предметъ глубоко, а не пробѣгать его только поверхностно. Впрочемъ, для челоуѣка, который испытаетъ на себѣ, что значитъ путешествовать—совѣты будутъ не нужны, самъ увидитъ что надо дѣлать». По отношенію же словъ «позволить узнать и себя», нужно разумѣть, что Ежевскій желаетъ этимъ выразить, что путешественникъ обязывается нравственно обогатить науку своими открытіями, и этимъ способомъ заявить о себѣ ученому міру.

6) Изъ письма графа Хоткевича къ Виткевичу, отъ 28 марта 1833 года (переводъ съ французскаго):

...«Воротимся къ положительному. Я начинаю тѣмъ, что умоляю васъ, любезный Виткевичъ, по крайней мѣрѣ на этотъ годъ отказаться отъ изученія арабскаго языка: путь этотъ слишкомъ не вѣренъ, слишкомъ опасенъ; въ него слѣдуетъ броситься только тогда, когда всѣ надежды къ производству исчезнутъ. Прошу васъ, любезный, бросьте это столь ненадежное, столь опасное предпріятіе; откажитесь отъ него на одинъ только годъ; откажитесь если не по убѣжденію, то по крайней мѣрѣ изъ дружбы ко мнѣ. Это будетъ самое большое доказательство вашей пріязни; къ тому же, время, которое вы проведете въ Оренбургѣ, отнюдь не будетъ потеряно: вы посвятите его вполне наукамъ и тѣлеснымъ упражненіямъ»...

Виткевичъ отвѣчалъ, что въ предъявленномъ ему письмѣ нигдѣ не говорится объ изученіи имъ арабскаго языка. Здѣсь все недоразумѣніе переводчика происходитъ отъ ошибки въ словѣ: «course d'Arabe», вмѣсто «course d'Arabe»,—какъ графъ Хоткевичъ обыкновенно называетъ его поѣздки въ степь, отъ которыхъ всегда старался удерживать его, полагая, что онѣ сопряжены съ большою

опасностью для жизни. Письмо это служить отвѣтомъ на одно изъ писемъ Виткевича, въ которомъ онъ говоритъ о своихъ надеждахъ быть командированнымъ въ Бухарію, а можетъ быть и далѣе. Почему именно Хоткевичъ просилъ отложить поѣздку только на годъ, это объясняется тѣмъ, что черезъ годъ Виткевичъ выслуживалъ право на производство и, слѣдовательно, могъ получить офицерскій чинъ, не рискуя, почти навѣрное, жизнію или свободою.

Этимъ закончились допросы обвиняемыхъ. Затѣмъ слѣдственная комиссія, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, нашла, «что хотя мѣщанинъ Стариковъ и донесъ со словъ рядового Мейера о злоумышленномъ заговорѣ нѣкоторыхъ поляковъ, но такъ какъ они въ таковомъ не сознались, и по изслѣдованіи не открыто ничего, что бы могло послужить къ ихъ обвиненію, то комиссія опредѣлила: всѣхъ, содержащихся по настоящему дѣлу, кромѣ доносителя рядового Кживицкаго, изъ-подъ караула освободить и употребить попрежнему на службу.

Постановленіе Комиссіи подписано 26 ноября 1833 г.

Заключительнымъ актомъ этого дѣла служить слѣдующее донесеніе Перовскаго военному министру отъ 31 января 1834 года:

«Донось, сдѣланный мѣщаниномъ Стариковымъ и рядовымъ Мейеромъ,—ничѣмъ не подтвердился. По произведенному слѣдствію оказалось, что Стариковъ извѣтъ свой основалъ на объявленіи рядового Мейера, а Мейеръ объяснилъ, что свѣдѣнія о томъ получилъ отъ рядового Коландовскаго, который отъ всего отрекся, а Мейеръ на изобличеніе его никакихъ доказательствъ не представилъ. Кромѣ того, рядовой изъ поляковъ Бонифацій Кживицкій также сдѣлалъ доносъ, какъ кажется изъ личности, изъясняя подозрѣніе въ злоумышленность на портупей-прапорщика (нынѣ прапощика Виткевича ¹⁾), но показаній своихъ совершенно ничѣмъ не могъ подтвердить. При семъ открылось, что 4-го линейнаго баталіона штабъ-капитанъ Пелевинъ, распорядившись, по жалобѣ Кживицкаго, сдѣлать обыскъ въ квартирѣ рядового того же баталіона Домбровскаго, отобралъ у него всѣ письма на польскомъ языкѣ, но вмѣсто того, чтобы представить оныя ко мнѣ, поручилъ прочитывать ихъ самому же Домбровскому, послѣ чего возвратилъ ему всѣ бумаги, тогда какъ Кживицкій оговаривалъ Домбровскаго именно въ неблагонамѣренной перепискѣ съ поляками. По сему я опредѣлилъ: такъ какъ рядовой Мейеръ доноса своего ничѣмъ не подтвердилъ, то по нахожденіи его же подъ судомъ за побѣгъ въ киргизскую степь, препроводить выписку изъ слѣдственнаго дѣла для приобщенія къ военно-судному дѣлу о немъ. Рядового Кжи-

¹⁾ Во время самаго производства слѣдствія полученъ былъ высочайшій приказъ о производствѣ Виткевича въ прапорщики.

вицкаго за недоказаніе возведенныхъ имъ подозрѣній на прапорщика Виткевича хотя слѣдовало бы подвергнуть строгому розысканію, но въ уваженіе молодыхъ лѣтъ его и того, что доносъ сей онъ, можетъ быть, сдѣлалъ и съ добрымъ намѣреніемъ, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ во время слѣдствія, а штабсъ-капитану Пелевину за непредставленіе бумагъ, найденныхъ у Домбровскаго, сдѣлать строгій выговоръ».

Такъ кончилось дѣло, которое, если не приняло обширныхъ размѣровъ и не имѣло другихъ печальныхъ послѣдствій для всѣхъ его участниковъ, кромѣ короткаго ареста, то только благодаря сердечному отношенію къ людямъ самаго Перовскаго.

Со всѣмъ иначе разыгралась точно такая же исторія въ Астрахани, гдѣ губернаторствовалъ въ то время генералъ Вяткинъ.

Еще не улеглись въ Оренбургѣ волненія и толки по поводу бывшихъ событій, какъ 10 февраля 1834 года, къ Перовскому прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ отъ Вяткина, что въ Астрахани обнаруженъ громадный заговоръ ссылныхъ поляковъ, имѣвшихъ цѣлью произвести возстаніе по всему Поволжью и напасть на самый городъ вооруженною рукою. Въ числѣ главнѣйшихъ зачинщиковъ бунта Вяткинъ называлъ инженернаго прапорщика князя Урусова и канцеляриста изъ польскихъ дворянъ Адама Янишевскаго. Онъ писалъ, что съ своей стороны принялъ всѣ должныя мѣры къ безопасности города; но, опасаясь, чтобы мятежъ, возникшій на Волгѣ, не охватилъ собою киргизскую степь и черезъ Оренбургскую линію не достигъ бы самыхъ отдаленнѣйшихъ пунктовъ Сибири, онъ просилъ дѣятельнаго содѣйствія Перовскаго къ открытію—не существуетъ ли уже и теперь какихъ-либо тайныхъ сношеній и связей между поляками астраханскими и тѣми, которые служатъ въ оренбургскомъ корпусѣ.

Не довольствуясь этимъ, Вяткинъ, уже помимо Перовскаго, далъ знать атаману Уральскаго казачьяго войска, чтобы тотъ принялъ всѣ мѣры осторожности, такъ какъ по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что астраханскіе заговорщики имѣли сношенія съ киргизами, и что со стороны послѣднихъ нужно ожидать набѣговъ и грабежей по линіи. Атаманъ тотчасъ предписалъ начальнику Нижне-Уральской линіи, командиру Узенской дистанціи и управляющему Илецкими станицами усилить по кордонамъ бдительность; но въ то же время писалъ къ Перовскому, что онъ недоумѣваетъ, откуда могли пройти подобные слухи, что среди киргизовъ и внѣшней и внутренней орды не замѣчается никакихъ признаковъ волненій, повсюду спокойствіе и что онъ каждую недѣлю получаетъ о положеніи дѣлъ въ степи самыя удовлетворительныя извѣстія.

Перовскій былъ крайне не доволенъ вмѣшательствомъ Вяткина въ дѣла Оренбургской губерніи. Онъ принималъ съ особою благо-

дарностью его извѣщеніе объ астраханскихъ событіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ ему замѣтить, что въ Оренбургскомъ краѣ за поляками соблюдается постоянный надзоръ, и что подозрительнаго за ними ничего не замѣчено; онъ писалъ къ нему, что дворянинъ Янишевскій безъ сомнѣнія еще на родинѣ имѣлъ знакомство со многими поляками оренбургскаго корпуса, но что подобныя связи оренбургскихъ поляковъ съ астраханскими — буде онѣ существуютъ—удобнѣ всего могутъ быть открыты въ Астрахани пересмотромъ бумагъ у послѣднихъ. «Здѣсь же,—прибавляетъ Перовскій:—приступить къ сему безо всякой причины было бы съ моей стороны неумѣстно и бесполезно». Что же касается до предостереженія относительно киргизовъ, то Перовскій писалъ, что управленіе киргизами составляетъ обязанность оренбургской пограничной комиссіи, подъ личнымъ его наблюденіемъ, и состоитъ внѣ всякаго вліянія уральскаго атамана, а потому онъ проситъ извѣстить его, какія именно подозрѣнія имѣются на счетъ возмущенія киргизовъ и въ какой связи находится оно съ открытымъ между поляками заговоромъ. «На будущее же время—писалъ Перовскій,—не оставьте обо всемъ, что касается, сообщать уже прямо ко мнѣ, для подлежащихъ съ моей стороны распоряженій».

Никакихъ категорическихъ разъясненій и указаній Вяткинъ сдѣлать не могъ, и отвѣчалъ Перовскому, что свѣдѣнія относительно киргизовъ сообщены были имъ «только изъ единой предосторожности по начальнымъ, впрочемъ, не вѣрнымъ слухамъ, которые, по приведеніи въ ясность всѣхъ обстоятельствъ дѣла,—не подтвердились». Не подтвердились и опасенія Вяткина на счетъ грандіознаго плана заворщиковъ поднять мятежъ отъ Волги до Сибири. Никакихъ сношеній между астраханскими и оренбургскими ссыльными обнаружено не было, и дѣло сведено было просто «на вредные замыслы къ нарушенію общественной тишины и спокойствія въ городѣ Астрахани». Къ сожалѣнію, въ оренбургскихъ архивахъ нѣтъ никакихъ подробностей этого дѣла, и только изъ отношенія Вяткина къ В. А. Перовскому отъ 28 марта 1834 года видно, что всѣ виновные, обнаруженные слѣдствіемъ, были преданы въ Астрахани военному суду по полевому уголовному уложенію.

Прошло четыре года послѣ рассказанныхъ нами событій и снова передъ глазами смущенныхъ властей является грозный призракъ польскаго возстанія, и снова тѣнь на оренбургскихъ поляковъ набрасывается однимъ изъ ихъ же соотечественниковъ. Это былъ Константинъ Вольфздорфъ, рядовой тамбовскаго баталіона внутренней стражи, преданный суду за проступки, неимѣвшіе ничего общаго съ политическими. Онъ заявилъ военно-судной комиссіи, что имѣетъ переписку съ нѣкоторыми своими соотечественниками, сосланными въ Отдѣльный Оренбургскій корпусъ, и что отъ нихъ онъ знаетъ тайну о злонамѣренномъ обществѣ, кроющемся въ го-

сударствѣ, о коемъ, по важности обстоятельствъ, кромѣ самого государя, не только въ присутствіи комиссіи, но никому и изъ ближайшихъ начальниковъ ни теперь и никогда не обнаружить.

Встревоженные власти тотчасъ сообщили обо всемъ Перовскому для принятія съ его стороны энергическихъ мѣръ «къ спокойствію и безопасности государства», но Перовскій, разъ убѣдившійся въ лживости подобныхъ извѣтовъ, не придалъ ему никакого значенія и дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Существовали ли въ дѣйствительности подобные заговоры, или они были только плодомъ извѣстнаго настроенія тогдашнихъ административныхъ властей, придававшихъ государственную важность ничтожнымъ событіямъ, видѣвшихъ опасность тамъ, гдѣ ее вовсе не было,—мы рѣшать не беремся; мы только передаемъ содержаніе однихъ архивныхъ документовъ, ярко очерчивающихъ тѣмъ не менѣе личность Перовскаго, одного изъ приближеннѣйшихъ людей императора Николая Павловича, человѣка, какъ извѣстно, крутого и своенравнаго, но никогда не относившагося легко въ серьезномъ дѣлѣ, когда рѣшалась судьба человѣка.

Въ заключеніе намъ остается сказать только нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ главнѣйшихъ дѣятелей нашего разсказа, Зана, Сузина и Виткевича. Въ январѣ 1835 года и Зану, и Сузину, какъ бывшимъ кандидатамъ Виленскаго университета, по уваженію къ ученой дѣятельности ихъ, посвященной на пользу Оренбургскаго края, возвращены были чины, соотвѣтствовавшіе ученымъ ихъ степенямъ, но съ тѣмъ, чтобы оба они оставались на службѣ въ Оренбургѣ. Вскорѣ, однако же, по новому ходатайству Перовскаго, Занъ былъ переведенъ въ Петербургъ библіотекаремъ Горнаго корпуса; но здѣсь онъ скоро впалъ въ временное умопомѣшательство, объясняемое отчасти его грустнымъ и тяжелымъ прошедшимъ, а отчасти свойствами его характера, въ высшей степени склоннаго къ мистицизму. Больного отправили на родину, гдѣ подъ вліяніемъ климата Литвы и теплаго участія родныхъ, онъ скоро совершенно оправился.

Сузину также разрѣшенъ былъ временной отпускъ на родину, и тамъ онъ неожиданно получилъ извѣстіе о всемілостивѣйшемъ дарованіи ему полной свободы. Вотъ что писалъ онъ къ Перовскому изъ Кобрина отъ 29 іюня 1837 года:

«Получивъ столь неожиданную и великую Монаршую милость, по ходатайству Вашего Превосходительства, я священнѣйшимъ долгомъ считаю принести искреннюю благодарность моему благодѣтелю, но я не въ состояніи выразить чувствъ моихъ никакими словами.

«Ваше Превосходительство вывели меня изъ крайняго положенія. Прибывъ на родину въ отпускъ, я нашелъ престарѣлаго отца

своего больнымъ уже болѣе года, дѣла домашнія въ совершенномъ разстройствѣ, и все семейство въ очень трудномъ положеніи. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ необходимо было оставаться дома гораздо долѣе, нежели время моего отпуска, хотя и отсроченнаго Вами,—позволяло. Но я, столько уже получалъ милостей отъ Вашего Превосходительства, что не смѣлъ утруждать Васъ новыми просьбами, и уже собирался въ обратный путь, какъ получилъ милостивое Ваше увѣдомленіе о дарованіи мнѣ свободы. Благородное сердце Ваше вообразить легко всѣ чувства, какими благодареніе Ваше наполнило мою душу. Старый отецъ и вся моя родина съ благоговѣніемъ поминаетъ Ваше имя.

«Настоящее положеніе заставляетъ меня воспользоваться монаршею милостью и просить объ увольненіи меня отъ службы; но если Богъ позволитъ окончить дѣла домашнія и поправить очень разстроенное теперь здоровье, я бы счелъ величайшимъ для себя счастьемъ опять продолжать службу подъ начальствомъ Вашего Превосходительства, и быть подъ покровительствомъ Вашей великодушной справедливости».

Съ отъѣздомъ Зана и Сузина въ краѣ остался одинъ только Виткевичъ, назначенный вскорѣ послѣ своего производства въ офицеры адъютантомъ къ Василию Алексѣевичу Перовскому. Но о дальнѣйшей судьбѣ его мы расскажемъ впослѣдствіи.

В. Потто.

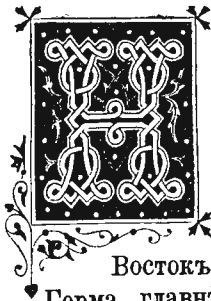

ПОЪЗДКА ВЪ САРДЫ.

(Изъ путевыхъ записокъ).

ВПРАВЛЯЮЩІЙСЯ изъ Смирны въ Сарды поѣздъ бѣжитъ сначала у подошвы Сипила, — на склонахъ котораго между нѣсколькими курганами виднѣтся могильный холмъ Тантала, — а затѣмъ, сквозь предмѣстье Корделио и многочисленные сады, окружающіе со всѣхъ сторонъ Смирну, несетя по берегу залива, поворачиваетъ потомъ на Востокъ и вотъ, обогнувъ еще одну гору, мы въ долину Герма, главнѣйшей части древняго лидійскаго царства.

Когда-то златоносный, Гермъ игралъ для всей орошаемой имъ долины роль Нила, оплодотворяя ее своими отложеніями послѣ весеннихъ наводненій. Древніе такъ благоговѣли передъ этимъ свойствомъ Герма, что выбивали монеты, на которыхъ означалось теченіе плодотворной рѣки съ изображеніемъ съ одной стороны дерева обремененнаго плодами, и съ другой рога изобилія.

Огромныя массы глины и песку, которыя Гермъ катитъ изъ горъ Тмола, образуютъ при устьи его обширные наносы, на части которыхъ помѣстился уже цѣлый городъ Менемень, и которые, все болѣе и болѣе врѣзываясь въ Смирнскій заливъ, въ видѣ желтоватыхъ отмелей, вынуждаютъ суда держаться все ближе къ южному берегу залива.

Долина Герма, шириною верстъ въ пятнадцать, иногда такъ суживается, что близъ русла рѣки еле остается достаточно мѣста для желѣзнодорожнаго полотна. До самой Магнези долины имѣеть цвѣтушій видъ: безчисленныя деревушки, хутора выглядываютъ

изъ-за плодовыхъ деревьевъ—абрикосовыхъ, гранатовыхъ и миндальныхъ, — на зеленыхъ поляхъ пасутся громадные стада барановъ, буйволовъ, козъ, съ ихъ чабанами (пастухами) въ живописныхъ одеждахъ. Между плантаціями хлопка, опиума и табаку поднимаются тѣ вѣковыя деревья, какія можно встрѣтить лишь въ Малой Азіи: каштаны съ своими лапчатыми листьями, сикоморы, гигантскіе платаны и, въ особенности, великолѣпныя дубы, горделиво протягиваютъ къ небу свои густолиственные кудрявыя головы.

Турки очень любятъ старыя деревья; около наиболѣе красивыхъ зачастую построена маленькая кофейня, гдѣ по пятницамъ (мусульманскимъ воскресеньямъ) вы постоянно увидите кучку народу: мужчины часами безмолвствуютъ, тянутъ свой наргилэ (кальянъ), женщины, пріѣхавшія въ таликѣ (родъ кареты старинной формы съ росписанными дверцами), запряженной лохматыми буйволами, которые теперь пасутся тутъ же, раскинули въ тѣни дерева ковры и здѣсь слышится непрерывное ихъ щебетаніе, прерываемое радостными вскрикиваніями дѣтей, валяющихся по травѣ, на которой ихъ ситцевыя, яркихъ цвѣтовъ одежды, представляются какими-то большими полевыми цвѣтами.

Страсть турокъ къ старымъ деревьямъ, кажется, общая всѣмъ народамъ Востока, съ глубокой древности. Эллианъ рассказываетъ, что когда Ксерксъ проходилъ чрезъ Лидію, онъ увидалъ платанъ такой чудной красоты, что, безъ всякой надобности, остановилъ движеніе своихъ войскъ, разбилъ кругомъ дерева свой станъ и провелъ здѣсь цѣлый день, украсивъ платанъ разными драгоценными вещами и повѣсивъ на его вѣтви золотыя ожерелья и браслеты. Уходя отсюда, Ксерксъ оставилъ одного изъ своихъ «безсмертныхъ», поручивъ ему наблюдать за сохранностью дерева.

Поѣздъ, между тѣмъ, хотя и тихо, все подвигается въ глубь долины Герма.

Справа отъ насъ, совсѣмъ въ близкомъ разстояніи, огромная, великолѣпная гора, съ черными обрывистыми скалами, подошва которой скатывается къ долинѣ зеленѣющими холмами, пріютившими въ себѣ довольно обширный городъ съ тамъ и сямъ поднимающимися минаретами. Городъ этотъ—Магнезія, гора — это знаменитый Сипиль, носящая на себѣ до сихъ поръ слѣды громовыхъ ударовъ, которыми прославилась она въ древности.

Съ горою этою соединяется воспоминаніе о древнемъ Фригійскомъ царѣ Танталѣ, который на туманной вершинѣ Сипила созывалъ боговъ на пиръ. Могущество Тантала и его быстрое паденіе издавна занимали фантазію грековъ: паденіе царя и висящій надъ его головою утесъ связаны съ представленіями, которыя возникли вслѣдствіе вулканическихъ изверженій въ долинѣ Герма и землетрясеній, колебавшихъ горныя хребты и мгновенно раззорявшихъ полнѣйшее человѣческое счастье. Самъ городъ Сипиль—столица

Тантала, исчезъ въ глубокой расщелинѣ; болотистое озеро указываетъ на прежнее его мѣсто.

Историки умалчиваютъ о томъ, кто былъ основателемъ Магнезіи: городъ этотъ приобретаетъ знаменитость лишь въ эпоху слѣдовавшую за смертью Александра Великаго. Здѣсь Люцій Сципіонъ въ 190 г. до Р. Х. сокрушилъ могущество селевкидовъ, разбивъ на прилегающей къ городу долинѣ сирійскаго царя Антиоха III, виновнаго въ глазахъ римлянъ тѣмъ, что далъ убѣжище побѣжденному Аннибалу. Антиохъ вынужденъ былъ очистить всю страну по сю сторону Тавра, которая и была присоединена къ владѣніямъ римлянъ. Сдавшаяся Сципіону, послѣ его побѣды, Магнезія жила съ этого времени тихою, незамѣтною въ политическомъ отношеніи жизнью, богатѣя лишь отъ все болѣе развивавшейся своей торговли; въ началѣ XIII вѣка она сдѣлалась, однако, столицею византийскаго имперіи.

Въ то время, когда латиняне завладѣли Константинополемъ, Иоаннъ Дука, преемникъ Θεодора Ласкариса, началъ въ Азіи успѣшную борьбу противъ католиковъ: онъ отнялъ у нихъ Лесбосъ и порты Эолиды, сдѣлалъ изъ Магнезіи центръ своихъ владѣній, что и продолжалось до 1255 года.

Императоръ Андроникъ II не могъ справиться съ постоянными нашествіями тюркскихъ племенъ и просилъ помощи у Сицилійскаго короля Фредерика. Тотъ выслалъ ему каталонскія войска подъ предводительствомъ извѣстнаго адмирала Рожера де-Флора. Нападеніе мусульманъ было отражено, но, затѣмъ, жители Магнезіи, возмущенные страшными безчинствами, которыя позволялъ себѣ каталонскій гарнизонъ, возстали и вырѣзали его. Де-Флоръ въ 1306 году, желая наказать жителей, осадилъ Магнезію, но всѣ его старанія были тщетны: сопротивленіе было такъ мужественно, что онъ былъ вынужденъ снять осаду и убраться восвояси.

Потомъ Магнезія дѣлается столицею могущественныхъ туркоманскихъ владѣтелей Лидіи—Сарухановъ, имя которыхъ сохранилось въ нынѣшнемъ названіи санджака (губерніи) — Саруханъ — центромъ котораго является Магнезія.

Въ Магнезіи были сложены сокровища, награбленные Тамерланомъ; въ 1419 г. близъ этого города былъ разбитъ Торлакъ, предводитель страшнаго возстанія дервишей, поднявшихся по наущеніямъ Бреддэддина.

Послѣ отреченія своего отъ престола, султанъ Мурадъ II удалился въ Магнезію и построилъ себѣ тамъ дворецъ: вообще султаны любили этотъ городъ и подолгу жилали въ немъ даже и тогда, когда Брусса уже сдѣлалась ихъ столицею. Воспоминаніемъ ихъ являются многочисленныя мечети, ханы, медресе и базары, которыми наполнена нынѣшняя Магнезія, турками называемая Манисса.

Магнезія сообщила свое названіе чудесному минералу притягивающему желѣзо, найденному въ Сипилѣ, который, говорятъ, и до сихъ поръ содержитъ въ себѣ образчики этого камня.

Жители прежней Магнезіи долго славились искусствомъ раскрашивать стекла и многіе превосходные образцы произведеній ихъ въ этомъ родѣ уцѣлѣли до нашего времени.

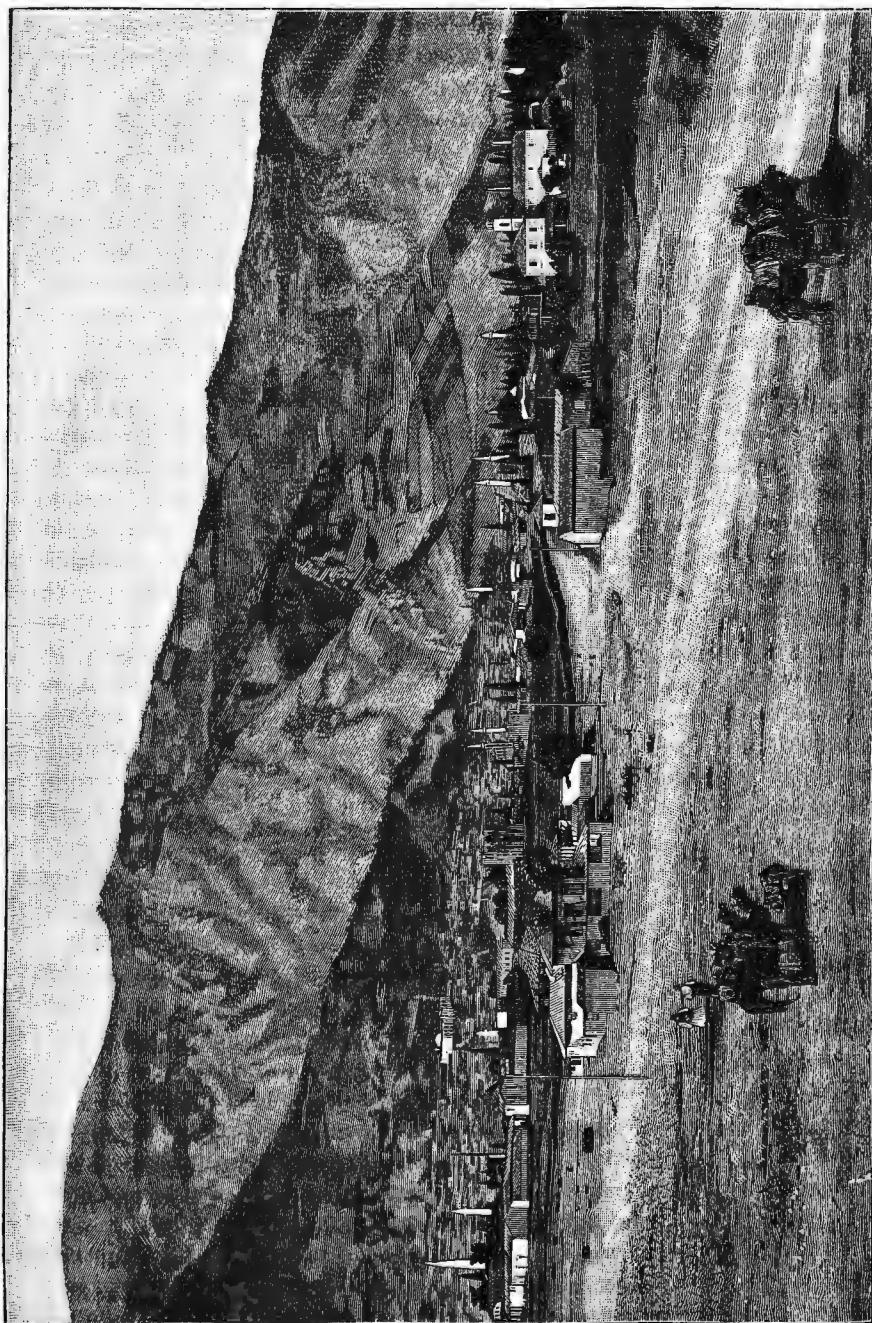
Нынѣшній городъ является однимъ изъ наиболѣе цвѣтущихъ малоазійскихъ городовъ, послѣднимъ убѣжищемъ древней турецкой аристократіи. Базары и ханы его биткомъ набиты народомъ, всюду видна усиленная торговая дѣятельность; жителей въ городѣ до 60,000 чел., изъ которыхъ 36 тысячъ турокъ, 13 тысячъ грековъ, 6 тысячъ армянъ и 3 тысячи евреевъ, — остальные иностранцы.

Внутренность Магнезіи поражаетъ своею необычною для турецкихъ городовъ чистотою: изъ остатковъ старины можно видѣть развалины дворца туркоманскихъ князей, которые, во главѣ своихъ сорока тысячъ отборныхъ всадниковъ, боролись съ византійскими императорами и флотъ которыхъ облагалъ данью генуэзцевъ Хюса, Метелина и Фокеи и принималъ сраженія противъ соединенныхъ эскадръ папы, Венеціи, Генуи, короля Кипрскаго и гроемейстера родосскихъ рыцарей.

Минутахъ въ двадцати отъ города помѣщается на одномъ изъ отвѣсовъ Сипила главнѣйшая достопримѣчательность Магнезіи — изваяніе Ніобеи.

Несчастливая дочь Тантаала, Ніобея, была замужемъ за Фиванскимъ царемъ Амфіономъ. Мать семи сыновей и семи дочерей она однажды имѣла неосторожность посмѣяться надъ Латоной, у которой было лишь двое дѣтей — Аполлонъ и Діана. Эти послѣдніе, чтобы отомстить за свою мать, перебили стрѣлами всѣхъ дѣтей Ніобеи. Десять дней лежали ихъ тѣла непогребенными и не пересыхали слезы убитой горемъ матери до тѣхъ поръ, пока боги не обратили ее въ утесъ. Окаменѣла Ніобея, холодная смерть объяла ее, но изъ глазъ все льются слезы, какъ-будто скорбь жива еще въ ея груди. И схваченъ былъ этотъ утесъ вихремъ и перенесенъ на родину Ніобеи: тамъ, на вершинѣ Сипила, стоитъ ея мраморный образъ и до сихъ поръ точить обильныя слезы.

Въ миеѣ этомъ старались видѣть дѣтей тумана, иными словами, облака, разгоняемыя лучами солнца, причемъ мать ихъ — богиня дождя проливаетъ слезы, обращающіяся на вершинахъ горъ въ ледъ. Другіе, продолжая считать Ніобею богинею дождя, въ дѣтяхъ ея видѣли зимніе мѣсяцы, убиваемые весною богомъ Солнца. Наконецъ, нѣкоторые видятъ въ Ніобеѣ — фригійскую горную мать, которая глядѣла, какъ играли вокругъ нея веселые дѣти ея — потоки, пока ихъ всѣхъ не похитилъ солнечный зной, послѣ чего она замерла въ одинокомъ горѣ и неустанно плакала.

Вахъ Магнелі.

Какъ бы то ни было, изваяніе Ніобеи извѣстно съ самой глубокой древности и всегда очень почиталось окрестнымъ населеніемъ. Павзаній считаетъ его изображеніемъ матери боговъ—Цибелы—изваяннымъ Бротеемъ, сыномъ Тантала.

Изображеніе Ніобеи, напоминающее одинъ изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ мѣстовъ, помѣщается на высотѣ сажень десяти отъ земли, нѣкотораго рода въ естественномъ гротѣ, вдающемся въ скалистую гору и представляетъ сидячую статую—сажени въ четыре вышиною—печально склонившейся женщины. Время и, въ особенности, постоянно струящаяся влага сильно испортили камень, поросшій мохомъ и разными горными растеніями, но все-таки легко можно рассмотретьъ, что это образъ женщины въ задумчивой позѣ.

За Магнезією мѣстность принимаетъ все болѣе и болѣе мертвенный характеръ; солнце печетъ невыносимо; выжженные зноемъ горы выставляютъ на показъ свои какъ бы обглоданныя ребра, по которымъ лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ растутъ сухія колючки какого-то ползучаго растенія. На смѣну Сипила является новая горная цѣпь; утесы ея сильно красноватаго оттѣнка, гребень же представляетъ поразительно изломанную линію; фантастическо-прихотливые контуры ея ярко вырѣзываются на синемъ небѣ Лидіи.

Разрѣзанныя размывами дождевыхъ водъ, изсѣченныя въ формѣ пирамидъ, обелисковъ, иногда какъ бы цѣлыхъ замковъ, горы эти имѣютъ причудливый и восхитительный видъ, благодаря контрасту зелени и красноватыхъ скалъ. Цѣпь эта — древній Тмоль, — (свое названіе получившій отъ погребеннаго въ немъ лидійскаго царя Тмола, мужа извѣстной Омфалы), — пересѣкающій всю Лидію и служащій водораздѣломъ двухъ бассейновъ—Герма и Кайстра; въ древности онъ славился чудными виноградниками, отъ которыхъ остались лишь слабые слѣды близъ турецкаго городка Баиндира. Страбонъ описываетъ Тмоль какъ горы, покрытыя дремучими лѣсами, отъ этихъ послѣднихъ не осталось нынѣ даже и воспоминаній. Изрѣдка выглянетъ между утесами глубокая поперечная долина, обыкновенно такая же дикая и обнаженная какъ и весь скатъ Тмола, обращенный къ Герму.

Вотъ проѣхали мы городъ Дургутли, извѣстный болѣе подъ именемъ Кассабы (мѣстечка), значительный центръ хлопчато-бумажной производительности, который славится также превосходнымъ качествомъ мѣстныхъ дынь—лучшихъ въ Малой Азіи и служащихъ предметомъ довольно крупнаго вывоза.

Торговая дѣятельность Кассабы зависѣла главнымъ образомъ отъ ея положенія относительно Смирны. Здѣсь проходитъ самая удобная дорога, ведущая изъ столицы Іоніи въ долину Герма, и, потому, до постройки желѣзной дороги, вся торговля направляющаяся изъ верхней долины къ морю, производилась черезъ этотъ

вырѣзъ горъ, переваль котораго имѣеть всего только 200 метровъ высоты.

За Кассабой, горы справа все болѣе и болѣе подступаютъ къ желѣзнодорожному пути. Наконецъ, поѣздъ кое-какъ дотащился до станціи Сартъ, нынѣшнее названіе когда-то знаменитыхъ Сардъ, столицы одного изъ древнѣйшихъ въ мірѣ царствъ.

Неизъяснимыя чувства охватываютъ путешественника, попирающаго землю, которая видала блескъ двора Кандавла, Алиата и неожиданно быстрое паденіе Креза и всего лидійскаго царства; просто не вѣрится, что столько великолѣпія, столько богатыхъ памятниковъ могло пропасть, исчезнуть безслѣдно и отъ всей былой роскоши осталась лишь эта печальная равнина съ кое-гдѣ торчащими изъ поверхности земли колоннами, остатками аркадъ и иногда просто безформенными грудями мусора. Передъ нами высятся двѣ горы; на одной изъ нихъ, съ черными, почти отвѣсными утесами, былъ расположенъ акрополь—цитадель древнихъ Сардъ. Сзади насъ горизонтъ замыкается рядомъ кургановъ—это некрополь лидійскихъ царей, эти холмы насыпаны надъ прахомъ Креза и его доблестныхъ предшественниковъ на лидійскомъ престолѣ.

Ручеекъ, который тихо змѣится по долинѣ, вотъ все, что осталось отъ рѣки, знаменитаго Пактола, катившаго свои золотоносныя волны по мраморному ложу, пересѣкавшему самую агору Сардъ. На заднемъ планѣ—обнаженныя вершины отдѣльныхъ горъ Тмола, но не видать на нихъ виноградниковъ насажденныхъ, по преданію, божественными руками младенца—Вакха. Нынѣ нѣтъ болѣе гроздій на холмахъ, ни жатвы на нивѣ, ни золота въ Пактолѣ, ни храмовъ, ни дворцовъ. Боги и цари превратились въ прахъ: природа поражена бесплодіемъ, искусство изгнано отсюда и жалкія стада съ трудомъ розыскиваютъ себѣ траву между обезображенными обломками мраморныхъ капителей и фронтоновъ.

На этихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда красовались въ цвѣтушіе вѣка лидійской цивилизаціи Сарды, теперь слѣдуетъ искать лишь уроковъ исторіи и поэзію контрастовъ. Здѣсь лицомъ къ лицу становишься съ фактомъ непрочности, тщеты всего существующаго и невольно примѣняешь къ судьбѣ Сардъ пророчество Исаіи, относившееся къ такой же величавой столицѣ богатаго царства—Вавилону: «и Вавилонъ, краса царствъ, слава величія Халдеевъ, будетъ какъ Содомъ и Гомора, разрушенные Богомъ. Онъ никогда не будетъ населенъ и не будетъ обитаемъ во вѣки: Аравитяне не поставятъ тамъ шатровъ своихъ и пастухи не будутъ покоиться тамъ, но степные звѣри будутъ обитать тамъ и дома ихъ будутъ наполнены куніцами и филинами и совы будутъ скакать тамъ и шакалы будутъ выть и перекликаться другъ съ другомъ въ опустошенныхъ чертогахъ его и змѣи въ увеселительныхъ дворцахъ его» (Исаія, гл. XIII).

Когда еракійскія племена переправились чрезъ Дарданеллы въ Азію, одно изъ этихъ племенъ, предводительствуемое Меономъ, осѣлось въ долину Герма и образовало народъ, сначала называвшійся меонцами, а потомъ лидійцами.

Меонъ установилъ почитаніе матери боговъ Цибелы, уже издавна бывшей предметомъ культа у фригійцевъ, и былъ прадѣдомъ Атиса, родоначальника первой лидійской династіи Атіадовъ, уступившей свое мѣсто династіи Гераклидовъ, съ воцареніемъ которой въ 1292 г. до Р. Х. совпало усиленіе ассирійскаго могущества.

Лидійскіе цари, чтобы успѣшнѣе бороться съ ассиріанами, а также желая имѣть надежныхъ тѣлохранителей, стали призывать на свою службу грековъ, жившихъ по малоазійскому побережью, и карійцевъ.

При послѣднемъ царѣ изъ династіи Гераклидовъ, Кандавлѣ, царствовавшемъ отъ 735 до 708 г. до Р. Х., вліяніе карійцевъ особенно усилилось и любимецъ царя, карійскій искатель приключеній Гигесъ, начальствовалъ надъ отборными войсками Лидіи. Платонъ въ своей «Республикѣ» рассказываетъ, что Гигесъ былъ сначала простымъ пастухомъ и возвысился благодаря случайно найденному имъ перстню, имѣвшему свойство дѣлать невидимкою того, кто имъ обладалъ. Благодаря своему перстню, Гигесъ соблазнилъ царицу Нисиду и, затѣмъ, съ помощью ея, низвергъ съ престола ея мужа, убилъ его и самъ сдѣлался царемъ, начавъ собою послѣднюю лидійскую династію Мермнадовъ, по имени отца Гигесова, Мермнаса.

Исторія Лидіи, представляющая до воцаренія Гигеса сплетеніе смутныхъ преданій, въ которыхъ почти невозможно отдѣлить дѣйствительность отъ басенъ, со времени Гигеса, царствовавшего отъ 708 до 670 г. до Р. Х., приобретаетъ характеръ большей достоверности, а самая страна, благодаря воинственности своей новой династіи, приходитъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ греками.

Съ самаго основанія въ плодородной долину Герма Меонійскаго царства, лидійцы отличались торговымъ и промышленнымъ духомъ.

Усиленно занимаясь караванною торговлею съ Востокомъ, лидійцы мало обращали вниманія на свою отпускную торговлю съ Западомъ, производившуюся чрезъ посредство иностранцевъ-финикіанъ и грековъ, извлекавшихъ изъ того значительные для себя барыши. Вообще, страны, лежавшія къ Западу отъ Лидіи, сначала мало привлекали къ себѣ вниманія со стороны царей этой послѣдней. Но подобный взглядъ подвергся коренному измѣненію съ воцареніемъ карійской династіи Мермнадовъ, для которой ближайшею политическою цѣлью явился захватъ Іоніи.

Удача во всемъ благопріятствовала Гигесу: Милеть и Смирна видѣли его побѣдоносное оружіе, Колофонъ палъ предъ нимъ и вся Троада признала надъ собою его власть, но счастье измѣнило ему лишь въ борьбѣ съ Ассирією и на этой самой долину, которая

стелется у подножія Тмола, Гигесъ, съ горечью въ сердцѣ, видѣлъ какъ его храбрые отряды были раздавлены тяжелыми латниками нинивійскаго царя Асурбаналы.

Послѣ этого Лидія сдѣлалась какъ бы вассаломъ ассирійскаго царства, сохранивъ подобныя отношенія до самаго почти паденія нинивійской монархіи. Вслѣдствіе того, съ VIII по VI вѣкъ до Р. Х., Лидія, чрезъ посредство іонійскихъ городовъ, съ которыми ее соединяли столь тѣсныя отношенія, была какъ бы большою рѣкою изливавшею въ Грецію вліяніе ассирійскаго искусства и промышленности до тѣхъ поръ, пока эллины не освободились совершенно отъ восточныхъ образцовъ и не извлекли свое собственное искусство изъ тѣхъ данныхъ, которыя они получили изъ Азіи.

Преемники Гигеса продолжали его политику и прѣдѣлы ихъ владѣній все болѣе и болѣе расширялись.

Предпослѣдній лидійскій царь, Алиатъ, умеръ послѣ пятидесяти семилѣтняго царствованія, оставивъ сыну своему, Крезу, цвѣтущее царство, богатствомъ своимъ превосходившее всѣ сосѣднія государства.

Завоеванія, сдѣланныя Крезомъ въ началѣ своего царствованія, были блистательны: Геродотъ перечисляетъ покоренные имъ народы, это были фригійцы, мизяне, маріандины, халивы, пафлагоняне, еракійцы, какъ еиискіе, такъ и вионискіе, карійцы, іонійцы, дорійцы, эолийцы и памфилійцы. Эфесъ и всѣ остальные іонійскіе города одинъ за другимъ подпали его власти. Далекій отъ мысли давать чувствовать покореннымъ странамъ тяжесть наложеннаго на нихъ ярма, лидійскій царь управлялъ ими съ особенною мягкостью и прилагалъ всѣ усилія, чтобы ослабить старинную вражду между разными народностями, входившими въ составъ его обширнаго царства.

Время царствованія Креза было наиболѣе блестящимъ періодомъ Малой Азіи: Крезъ, повелитель всей страны по сю сторону Галиса (нынѣ р. Кызыль-Ирмакъ) создалъ царство болѣе обширное, болѣе славное, чѣмъ Пріамово.

Отуманенный своими успѣхами и своимъ богатствомъ, которое въ изобиліи доставляли ему струи Пактола и рудники Тмола и Астиры, Крезъ помыслилъ завоевать не только Каппадокію, находившуюся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Персіи, но и самую Персію. Желаніе это, въ связи съ свойственною его характеру нерѣшительностью, и погубило его. Заключивъ союзъ съ вавилонянами и египтянами, Крезъ двинулся на встрѣчу Кира. Обѣ арміи сошлись въ окрестностяхъ Птеріума. Сраженіе было кровопролитное, но не рѣшительное, такъ что обѣ воюющія стороны развили свои войска по ихъ зимнимъ квартирамъ. Крезъ вернулся въ Сарды, распустилъ войска и собирался просить помощи и подкрѣпленій у своихъ союзниковъ на будущую кампанію. Между тѣмъ, Киръ

быстрымъ движеніемъ вторично ввелъ свои войска въ Лидію и угрожалъ самой столицѣ. Вынужденный отражать нападеніе однѣми собственными силами, Крезъ двинулся противъ персовъ и снова сшиблись обѣ арміи на обширной долинѣ Герма, близъ небольшого городка Тимбрея.

Не взирая на бѣшеную храбрость и геройскіе подвиги лидійцевъ, сраженіе было ими проиграно и самъ Крезъ съ остатками своей арміи былъ загнанъ въ Сарды, которыя и были обложены Киромъ. На четырнадцатый день осады, открывъ случайно тайный ходъ, персы ворвались въ Сарды, предавая все мечу, пламени и грабежу.

Крезъ, распространившій предѣлы своего царства отъ Чернаго моря до Средиземнаго, ослѣпльвшій весь древній міръ своею неслыханною пышностью, попалъ въ плѣнъ и царство лидійское рушилось въ 547 г. до Р. Х. послѣ одного проиграннаго сраженія: ни одинъ изъ народовъ входившихъ въ него не попытался даже сопротивляться персидскому господству. Царство Мермадовъ держалось только своею династією: оно пало какъ и всѣ восточныя государства сразу и тѣмъ внезапно, что, съ самаго начала, династія эта основала свое могущество въ собственной странѣ на силѣ оружія. Царь былъ въ плѣну, войско распалось, Лидія перестала существовать.

Съ прекращеніемъ самобытнаго существованія Лидія входитъ въ составъ второй сатрапіи, центромъ которой и дѣлаются Сарды.

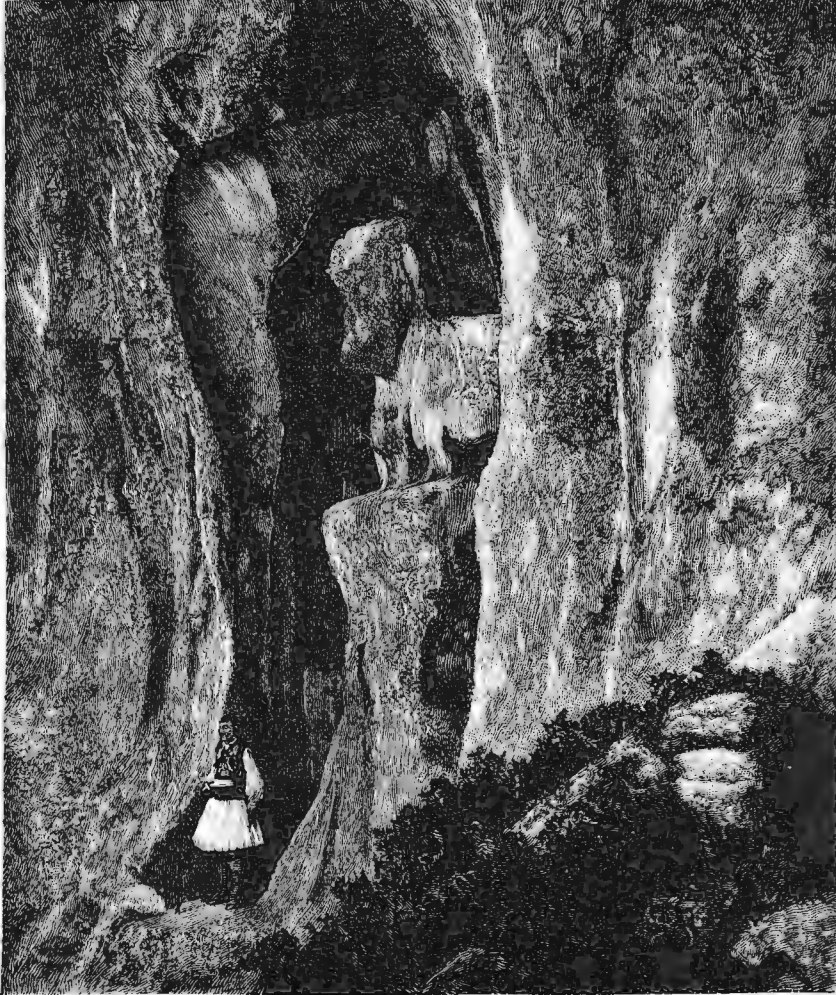
Сожженіе Сардъ возмущившимися іонійцами было поводомъ къ персидскимъ войнамъ, такъ возвеличившимъ Аѳины и доказавшимъ, что сильный подъемъ народнаго духа можетъ доставить побѣду надъ врагомъ несравненно болѣе многочисленнымъ, но не оживленнымъ одною общею идеею, однимъ порывомъ общаго одушевленія, заставляющимъ всѣ силы свои, жизнь свою отдать на пользу своей отчизны.

Лидія и Сарды раздѣляли участь Персіи до битвы при Граникѣ, когда городъ открылъ свои ворота предъ юнымъ побѣдителемъ. По смерти Александра Лидія досталась Антигону, затѣмъ, перешла къ селевкидамъ, а отъ нихъ къ Пергамскимъ царямъ и къ наслѣдникамъ ихъ—римлянамъ.

Подъ властью римлянъ Сарды, благодаря своей торговлѣ и промышленности своихъ жителей, достигаютъ своего высшаго развитія: это былъ послѣдній и самый цвѣтущій періодъ ихъ богатства и величія и Флоръ называлъ этотъ городъ «вторымъ Римомъ». Затѣмъ наступилъ ужъ окончательный упадокъ и полное разрушеніе.

Зарождавшееся христіанство сообщило на нѣкоторое время Сардамъ нравственное вліяніе: они съ жаромъ принимаютъ новое ученіе и здѣсь образуется одна изъ семи азіатскихъ церквей. Впро-

чемъ, не всегда отличались жители Сардъ ревностью къ христіанству и городъ ихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ св. Іоаннъ упрекаетъ въ уклоненіи отъ вѣры и увѣщаетъ возвратиться къ ней. Суровыя слова влагаетъ онъ въ уста обращающа-

Изображеніе Ніобей.

гося къ Ангелу Сардійской церкви: «знаю твои дѣла, ты носишь имя будто живъ, но ты мертвъ... вспомни, что ты принялъ и слышалъ и храни и покайся... если же не будешь бодрствовать, то я найду на тебя какъ тать и ты не узнаешь, въ который часъ найду на тебя» (Апокалипсисъ III).

Жители Сардъ не послушали увѣщанія: при императорѣ Юліанѣ Отступникѣ здѣсь быстрѣе, нежели гдѣ-нибудь возстановилось идолопоклонство.

Опустошенныя въ 400 г. по Р. Х. готами, Сарды впослѣдствіи много страдали отъ набѣговъ тюркскихъ племенъ; въ XI ст. онѣ окончательно подпали подъ власть мусульманъ. Жители ихъ, не имѣя покоя, начали выселяться, ища себѣ спасенія въ горахъ. Наконецъ, въ средніе вѣка, въ 1402 г. Тамерланъ овладѣлъ этимъ несчастнымъ городомъ, предалъ его сначала пламени, а затѣмъ разрушилъ до основанія, не оставивъ камня на камнѣ — послѣ этой катастрофы Сарды никогда уже болѣе не возрождались, оставшись навсегда пустынею.

Хотя, благодаря рекомендаціи начальника желѣзной дороги, вся Сардская станція была отдана въ мое распоряженіе, тѣмъ не менѣе я предпочелъ провести ночь въ палаткахъ, любезно предложенныхъ мнѣ лицами производившими тогда раскопки въ столицѣ лидійскихъ царей. Молодые люди, одичавшіе отъ одиночества и скуки, были видимо рады моему пріѣзду и съ нескрываемымъ удовольствіемъ сопровождали меня во время осмотра мною остатковъ древней и знаменитой столицы.

Отъ памятниковъ временъ лидійскихъ царей не осталось и слѣдовъ: все что еще сохранилось и что привлекаетъ къ себѣ взоръ путника, блуждающаго по этой грустной равнинѣ, выдавшей лучшіе дни — все это гораздо позднѣйшаго происхожденія.

При этомъ нелишне замѣтить, что если исчезновеніе древнихъ памятниковъ отчасти объясняется ожесточенными и почти непрерывными войнами разыгрывавшимися въ теченіе вѣковъ въ лидійской равнинѣ, то съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что несмотря на могущество и богатство лидійскихъ царей, Лидія была бѣдна монументальными сооружеженіями, въ особенности по сравненію съ ея сосѣдкой — Іоніей. Самое устройство почвы, представлявшей широкія долины, обрамленныя горами гранитнаго строенія, не могло способствовать къ возведенію въ Лидіи обширныхъ архитектурныхъ произведеній: повидимому, само народное творчество, артистическая фантазія лидійцевъ чуждались зодчества и были направлены главнымъ образомъ на предметы обрабатывающей промышленности: выдѣлку тканей и производство художественныхъ предметовъ изъ драгоценныхъ металловъ, и всѣ эти великолѣпныя золотыя чаши, дорогая мебель и прочіе предметы роскоши хранились въ скромныхъ, простыхъ жилищахъ, крытыхъ камышемъ: даже самый дворецъ Креза былъ построенъ изъ кирпича и лишь облицованъ мраморными досками.

Равнина, гдѣ нѣкогда были Сарды, развертывается предъ нами ровною, унылою скатертью; нигдѣ ни малѣйшаго пригорка или

углубленія почвы, все положительно однообразно; лишь изрѣдка, то тутъ, то тамъ робко приподнимаются изъ земли остатки колоннъ, истерзанныя стѣны—бока бывшихъ общественныхъ зданій или укрѣпленій города, слываго царицею Азіи. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и, быть можетъ, пропадутъ и эти немногіе остатки, землетрясеніе повергнетъ ихъ ницъ, плющъ и тернія примутъ ихъ въ свои зеленыя объятія, а потомъ, и вихрь—свободно разгуливающей теперь по широкому раздолю опустошеннаго города,—навѣтъ, накрутитъ цѣлыя песчаные могильные курганы, подъ которыми найдутъ, наконецъ, послѣднее мирное успокоеніе обломки многострадальной столицы Креза.

Сердце невольно сжимается при видѣ этого зрѣлища—лучшаго доказательства преходящести всего земного: вѣдь эти жалкія развалины, съ каждымъ годомъ все болѣе разсыпающіяся въ прахъ, вѣдь это все, что осталось отъ знаменитаго города, прошлое котораго теряется въ сѣдой старинѣ, неразрывно связанное съ древнѣйшими мѣстами, —города бывшаго мѣстопробываніемъ царей, въ теченіе пятнадцати вѣковъ державшихъ бразды правленія надъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и храбрѣйшихъ народовъ, исторія котораго окутана еще въ глубокой мракъ.

При видѣ этого разрушенія, происхожденіемъ своимъ обязаннаго не столько вліянію времени, какъ дѣлу рукъ человѣческихъ, въ умѣ упорно гнѣздится мысль о тѣхъ суровыхъ завоевателяхъ, бичахъ Божіихъ, которыхъ воздвигалъ изъ себя Востокъ въ былое время и которымъ казалось недостаточнымъ сломить вооруженное сопротивленіе, а необходимо было, взявъ городъ, уничтожить его, сравнять его съ землею, чтобы самое имя его исчезло навсегда: эта слѣпая ненависть къ неодушевленнымъ предметамъ, переставшимъ уже быть опасными сами по себѣ,—право непостижима. Возникая на поприщѣ исторіи также внезапно, какъ молнія въ небесныхъ пространствахъ, эти бичи Божіи, подобно громовому удару, коверкали, уничтожали все къ чему прикасались, и также быстро пропадали, нагромоздивъ за собою окровавленныя груды развалинъ, дымящіяся пожарища и пирамиды изъ человѣческихъ череповъ.

Велика заслуга предъ человѣчествомъ тѣхъ народовъ, которые приняли на себя первые удары азіатскихъ завоевателей: о нихъ иступились мечи Ксерксовъ, Чингизовъ, Тамерлановъ; нѣкоторые изъ нихъ истекли кровью, другіе вынесли свой крестъ и потомъ воспрянули съ новыми, болѣе сильными: но все-таки перенесенныя ими страданія спасли другихъ, спасли Западъ, народы котораго могли отразить нашествіе уже ослабленныхъ варварскихъ полчищъ.

Святая Русь и въ этомъ случаѣ исполнила свой долгъ безшумно, какъ это подобаетъ всякому великому подвигу. Она безъ словъ, безъ ропота вынесла свою горькую долю, но объ нее раз-

билась монгольская волна; до Запада долетѣли лишь незначительныя брызги этой послѣдней, а Русь, сама заплативъ за то двухсотлѣтнимъ мученичествомъ, воскресла къ новой жизни и съ обновленными силами пошла по своему народному пути: выдержавъ уже великія испытанія, она закалилась и будущее ей не страшно. Временно могутъ быть задержки на ея пути, но это все преходяще и безсильно окончательно помѣшать ей достигнуть того, что ей предназначено Богомъ и завѣтами всего историческаго ея прошлаго. Порукой въ томъ служатъ самыя свойства русской народности: истинная религіозность, братолюбіе, широта взгляда, свобода отъ всякой исключительности, мягкость и подвижность народнаго характера, воспримчивость и терпимость русскаго чувства. Да растеть же и крѣпнетъ наша Русь, выбравшая себѣ задачею служеніе одной правдѣ, чуждая насилія, составляющаго всю основу западноевропейскихъ отношеній, такъ какъ торжество ея будетъ знаменовать освобожденіе всѣхъ доселѣ обиженныхъ судьбою и побѣду идеи справедливости надъ представителями силы грубой, матеріальной, девизомъ которыхъ служить одна насильственность.

У Россіи есть всѣ данныя для достиженія подобнаго результата, потому что несокрушимъ народъ слишкомъ стомилліонный—изъ которыхъ 80 милліоновъ одного происхожденія, одной вѣры, одного языка,—слѣпо и по совѣсти повинующійся одному Повелителю, умѣющей переносить лишенія и жертвовать своею жизнью изъ-за чисто идеальныхъ побужденій.

Могучъ и великъ народъ русскій и завидна будетъ его будущность, если онъ съумѣетъ въ чистотѣ сохранить и качества своего національнаго характера и весь славянскій строй своей государственной жизни.

Но если азіатскіе хищники на примѣрѣ Сардъ показали намъ апоѳеозъ матеріальнаго разрушенія, тѣмъ не менѣе народная память пережила уничтоженные вещественныя остатки былого могущества и покуда будетъ стоять міръ, не забудутся народныя преданія о лидійскомъ царствѣ и еще величавѣе будутъ представляться грядущимъ поколѣніямъ образы лидійскихъ повелителей сквозь фантастическую, таинственную дымку, выброшенную на нихъ поэтическимъ творчествомъ народа.

Изъ немногихъ оставшихся памятниковъ древности видны теперь развалины театра, длиною болѣе 110 метровъ, съ совершенно разрушенною сценою, и стадія, тянущаяся параллельно съ горою и сѣверная часть которой поддерживается арками римской постройки. Слабые остатки цитадели разбросаны по горѣ, разсѣвшейся, подъ вліяніемъ землетрясенія, надвое, что производитъ довольно своеобразное впечатлѣніе.

Между театромъ и храмомъ Цибелы расположено четырехугольное зданіе наиболѣе сохранившееся изъ всего, что напоми-

Сарды.

наеть о Сардахъ. Зданіе это считалось прежде дворцомъ Креза, но такъ какъ стѣны его сложены изъ кирпичей, между которыми введены обломки мрамора, то, по мнѣнію археологовъ, зданіе это не старше IV вѣка. Быть можетъ это была гимназія; состоитъ оно изъ двухъ огромныхъ залъ, почти безъ всякихъ украшеній: наибольшая изъ нихъ заканчивается съ двухъ сторонъ полукружіями. По бокамъ этихъ залъ, по верху которыхъ виднѣются обломки сводовъ, есть еще маленькія комнаты, гдѣ на нѣкоторыхъ стѣнахъ можно разсмотрѣть остатки фресокъ.

Немного далѣе предполагаемаго дворца Креза ютится древняя церковь временъ св. Іоанна Богослова, теперь заброшенная, а между тѣмъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ ней совершалось богослуженіе.

Очень красивый видъ представляютъ двѣ громадныя іоническія колонны, которыя, вмѣстѣ съ четырьмя такими же колоннами, лежащими тутъ же на землѣ, составляютъ единственные остатки отъ нѣкогда знаменитаго храма Цибелы.

Первоначальный храмъ Цибелы былъ построенъ изъ бѣлаго мрамора и былъ сожженъ іонійцами въ началѣ персидскихъ войнъ: въ отмщеніе за то персы предали пламени храмы, встрѣчавшіяся имъ въ послѣдствіи, во время похода по Греціи. Возстановленіе храма Цибелы относится ко времени Александра Македонскаго, но постройка эта не была доведена до конца. Повидимому, зданіе это предполагалось возвести въ величественныхъ размѣрахъ: о немъ даютъ понятіе сохранившіяся до нашего времени колонны, вышина которыхъ около восьми сажень. Обѣ колонны, указывающія въ настоящее время мѣстонахожденіе древняго храма, скрыты частью въ землѣ, засыпанныя пескомъ и разнымъ мусоромъ: надъ поверхностью земли видна лишь верхняя часть колоннъ, размѣромъ сажень въ пять, увѣнчанная іонійскими капителями. Колонны носятъ на себѣ печать недодѣланности: продольныя бороздки по нимъ не закончены; поверхность колоннъ испещрена именами путешественниковъ, посѣтившихъ эти развалины: одно изъ нихъ, изсѣченное въ камнѣ какимъ-то датскимъ художникомъ, въ особенности бросается въ глаза своими гигантскими буквами.

Во время путешествія Чисгулля въ 1699 г. существовалъ еще порталъ храма Цибелы, съ находившимися предъ нимъ шестью колоннами съ ихъ архитравами; въ концѣ прошлаго столѣтія на мѣстѣ храма поднималось шесть колоннъ, теперь же осталось всего двѣ, да и Богъ знаетъ на долго ли: онѣ ужъ видимо распатаны, одна изъ капителей нѣсколько свернута въ сторону, такъ что еще, можетъ быть, одно землетрясеніе и обѣ онѣ лягутъ рядомъ съ своими поверженными на землю сестрами.

Туземное божество Лидіи—Цибела или Ма олицетворяло собою природу-производительницу—отсюда вытекалъ сладострастный ха-

ракетеръ ея культа: въ рощахъ, окружавшихъ храмъ, лидійскія дѣвушки, въ честь богини, предавались разврату и копили себѣ приданое. Такимъ же характеромъ отличался культъ и другой лидійской богини—Анитисъ—тамошней Венеры, праздника которой сопровождалась самымъ безстыднымъ распутствомъ.

Символами божества въ лидійскихъ храмахъ были кеглеобразныя, фаллическіе камни, напоминавшіе о «великой матери», производительницѣ всего существующаго. Цибелѣ были посвящены рыбы и вблизи ея храмовъ были устраиваемы бассейны, въ которыхъ жили эти животныя—украшенныя золотыми кольцами—и пользовались самымъ заботливымъ уходомъ.

Жрецы Цибелы назывались корибантами; во время богослуженія, совершающагося постоянно съ большимъ шумомъ, они били въ барабаны, ударяли копьями о свои щиты, оглашали воздухъ своими воплями, плясали и метались какъ люди дошедшіе до полнаго изступленія. Корибанты были, по большей части, евнухами. Верховный жрецъ носилъ на себѣ особое грудное украшеніе называвшееся простиендіонъ: уборъ этотъ состоялъ изъ золотыхъ пластинокъ, горизонтальныхъ полосокъ и разнообразныхъ знаковъ и прикрѣплялся застежками къ обоимъ плечамъ. Отличительный знакъ верховнаго жреца былъ однимъ словомъ похожъ на то украшеніе, которое носили на груди еврейскіе первосвященники.

Храмъ Цибелы былъ помѣщенъ на вершинѣ холма, подножіе котораго оmyвается знаменитымъ Пактоломъ. По преданіямъ, рѣка эта составила источникъ богатства Креза, съумѣвшаго извлекать изъ воды ея золото, находившееся тамъ по слѣдующему случаю.

Мидасъ былъ царемъ той части Фригіи, гдѣ течетъ Пактоль; гостеприимно принявъ въ своихъ владѣніяхъ Вакха, онъ заслужилъ благословеніе этого послѣдняго, который и обѣщалъ даровать Мидасу все, чего только онъ ни пожелаетъ. Царь попросилъ предоставить ему свойство обращать въ золото все, къ чему онъ прикоснется. Желаніе его было исполнено, но скоро Мидасъ въ немъ раскаялся, когда увидѣлъ, что и самыя кушанья, которыя онъ подносилъ ко рту, обращались немедленно же въ куски золота.

Перспектива неминуемой голодной смерти утравила Мидаса; снова взмолился онъ, и Вакхъ избавилъ его отъ роковаго дара, заставивъ выкупаться въ струяхъ Пактола, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ золотоноснымъ.!

Мѣсто, гдѣ промывали золото, было расположено вблизи храма Цибелы. Уже во время римлянъ Пактоль утратилъ свои древнія, драгоценныя качества. Нынѣ же рѣка эта, берущая начало въ горахъ Тмола (турецкаго Берки)—ничтожный потокъ, лѣниво текущій по песчаному руслу и почти пересыхающій лѣтомъ, хотя, впрочемъ, вода его чиста и прозрачна. Нынѣшній видъ Пактола грустенъ и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ запустѣніемъ.

которымъ дышетъ мѣсто, бывшее средоточіемъ сказочнаго богатства Креза.

Вопросъ почему Пактоль, несшій прежде золото, теперь его не доставляетъ, объясняютъ двумя обстоятельствами. Либо Пактоль перемѣнилъ свой источникъ подъ вліяніемъ вулканическихъ или иныхъ какихъ-либо причинъ, либо золотоносная руда отъ времени истощилась сама собою.

Въ окрестностяхъ храма Цибелы мнѣ впервые пришлось увидѣть юруковъ, т. е. кочевниковъ мелкихъ тюркскихъ племенъ.

Никѣмъ не считанные, никѣмъ не стѣсняемые, переносятъ они съ мѣста на мѣсто свои дырявыя, закоптѣлыя палатки. Податей они не платятъ никакихъ, кромѣ пошлыны за право пастбища. Занятіе скотоводствомъ плохо прокармливаетъ юруковъ и, чтобы пополнить дефицитъ въ своихъ хозяйствахъ, они грабятъ осѣдлыхъ жителей и являются настоящими бичами мирнаго земледѣльческаго населенія.

Одинъ французскій путешественникъ, Charles Roland, говоря о турецкихъ номадахъ, утверждаетъ, что между ними юруки представляютъ доброе, а цыгане—злое начало, что эти послѣдніе, мусульмане по наружности, но язычники въ душѣ, всѣ безъ исключенія воры, пронырливые и злые, тогда какъ юруки искренно набожные, вполне отдають себѣ отчетъ въ разницѣ существующей между понятіями о моемъ и твоёмъ и уважають чужую собственность—плодъ личнаго труда—и вообще всякую движимость.

Мнѣ кажется, что почтенный путешественникъ нѣсколько увлекся юруками въ ущербъ цыганамъ: оба эти бродячія племена, боящіяся строить себѣ хижины, какъ будто подобное обстоятельство могло бы стѣснить ихъ права на бродяжничество,—оба они въ одинаковой степени являются представителями злого начала и всю свою жизнь странствуютъ отъ горъ къ равнинамъ и обратно, раскидывая свои палатки вездѣ, гдѣ они могутъ рассчитывать на жизнь легкую, безработную и гдѣ они тотчасъ же начинаютъ примѣнять по отношенію къ сосѣдямъ—осѣдымъ жителямъ, начала практическаго коммунизма, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Изъ юруковъ мнѣ привелось видѣть болѣе женщинъ: мужчины все слоняются гдѣ-нибудь. Женщины эти очень недурны собою и, что всего замѣчательнѣе, это что одѣваются онѣ относительно очень богато. Къ иностранцамъ онѣ относятся крайне радушно и угощаютъ ихъ айраномъ (прокисшимъ молокомъ)—отвратительнымъ, но очень освѣжающимъ напиткомъ.

Въ палаткахъ юруковъ впервые увидѣлъ я, какъ свирѣпствуетъ въ долинѣ Герма лихорадка и въ какомъ положеніи бывають ея жертвы.

Болѣзнь эта схватываетъ припадками: вполне здоровый, пови-

димому, человекъ въ извѣстный часъ дня дѣлается совершенно ни на что негоднымъ. Все населеніе лежитъ тогда подъ палатками, блѣдное, почти умирающее, безсильное поднять даже руку до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ припадокъ.

Не замѣчательное ли, въ самомъ дѣлѣ, обстоятельство, что обитаніе во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ бывшее время существовали города нынѣ уже разрушенные, сопряжено съ величайшими опасностями для здоровья. Повсюду смерть какъ бы отстаиваетъ ревниво свое право исключительнаго, безраздѣльнаго господствованія надъ мѣстностями, которыхъ коснулось ея черное крыло.

Въ тотъ часъ, когда я былъ близъ развалинъ храма Цибелы, солнце уже спускалось къ горизонту: гармонія очертаній окрестной страны, жгучій туманъ, окутывавшій даль, гаснущее освѣщеніе этого таинственнаго часа, раскрашивавшее въ самые прихотливые оттѣнки и горы, и серебристыя струи Пактола, и жалкіе обломки царственныхъ Сардъ,—все это составляло общую картину, запечатлѣнную безысходною грустью, трогательную своею унылою пустынною.

Невольно думалось о другомъ времени, увы, безвозвратно прошедшемъ... Давно миновали красные дни гордаго города, царицы Азіи, когда среди стѣнъ его царило веселье и дотолѣ невиданная роскошь.

Совсѣмъ другую картину представляла мѣстность эта двадцать пять вѣковъ тому назадъ въ тотъ день, когда Сарды встрѣчали своего юнаго еще царя, возвращавшагося изъ побѣдоноснаго похода на іонійцевъ, послѣ покоренія имъ гордаго Эфеса.

Съ самаго утра, городскіе стогны кипѣли народомъ, нетерпѣливо рвавшимся на встрѣчу своихъ родныхъ воиновъ, пережившихъ опасности войны и возвращавшихся нынѣ къ своимъ очагамъ, но съ челомъ увитымъ уже лаврами побѣды.

Лидійская толпа блестѣла пестрымъ разнообразіемъ своихъ одеждъ. Кромѣ одноцвѣтныхъ, пурпуровыхъ одѣяній, которыя во времена Креза носили знатнѣйшіе изъ лидійцевъ, очень любимы были одежды разноцвѣтныя. Изъ подражанія еракійскимъ и понтійскимъ народамъ многіе лидійцы были въ одеждахъ сдѣланныхъ изъ клѣтчатыхъ тканей: вообще же платье было украшено вытканными или просто нашитыми золотыми фигурами. У нѣкоторыхъ на одеждѣ были нашиты разной величины и формы золотыя бляшки, чаще всего имѣвшія видъ звѣзды; иныя бляшки были съ вычеканенными на нихъ выпуклыми изображеніями. Особенно богато были одѣланы швы и края одеждъ.

Самою оригинальною частью лидійскаго костюма была фригійская шапка. Она имѣла видъ колпака съ перегнутою напередъ верхушкой и съ тремя или четырьмя широкими лопастями, которыя

спускались на затылокъ и вдоль щекъ, оставляя открытою только переднюю часть лица.

Въ толпѣ виднѣлось также и много женщинъ: нарядъ ихъ состоялъ изъ широкой и длинной рубашки, подпоясанной у талии, а иногда, еще разъ подъ грудью. На рубашку, по случаю выхода изъ дому, были надѣты длинныя, довольно узкія верхнія одежды, зашнурованныя сверху до низу и закрывавшія всю руку до кисти. Поверхъ ихъ накинутъ былъ широкій плащъ. Замужнихъ женщинъ легко было различить по поясу и покрывалу, составлявшимъ необходимую принадлежность наряда женщины вышедшей замужъ, тогда какъ дѣвушки ходили иногда безъ пояса. На головѣ у женщинъ были шапки различной формы, повязки, золотыя и серебряныя діадемы, украшенныя драгоценными камнями, а иногда просто ленты съ прикрѣпленными къ нимъ цвѣтами. Обувь у иныхъ состояла изъ сандалій, а у иныхъ изъ легкихъ полусапожекъ.

Еще болѣшій блескъ лидійской толпѣ придавалъ обычай, общій обоимъ поламъ, украшать себя драгоценностями: какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ на рукахъ были надѣты браслеты, въ ушахъ — серьги и на шеѣ ожерелья съ длинными, спускавшимися на грудь золотыми цѣпями.

Ко всему этому разнообразію примѣшивались еще пестрыя одѣянія иноземныхъ купцовъ, ассирійскихъ, вавилонскихъ и разныхъ восточныхъ народовъ, съ которыми лидійцы поддерживали постоянно самыя оживленныя торговыя сношенія и которые подолгу проживали въ самыхъ Сардахъ: привлеченные торжествомъ и они бросили свои жилища и толкались по улицамъ въ ожиданіи прибытія царя, присматриваясь тѣмъ временемъ къ многочисленнымъ куртизанкамъ, набѣленнымъ, нарумяненнымъ и украшеннымъ гирляндами зелени и цвѣтовъ. Смѣло очищали себѣ эти послѣднія мѣста въ толпѣ, бросая по сторонамъ вызывающіе взгляды и оглашая воздухъ своими вольными шутками, своимъ громкимъ, привлекающимъ общее вниманіе хохотомъ.

Чтобы сократить часы томительнаго ожиданія, нѣкоторые молодые люди играли тутъ же на открытомъ воздухѣ въ шары, въ кости. Другіе обступили слѣпного пѣвца, который, усѣвшись подъ тѣнью развѣсистаго платана, пѣлъ заунывную пѣсню про подвиги древнихъ царей, древнихъ героевъ, аккомпанируя себѣ на магадисъ-лютнѣ о двадцати струнахъ, бывшей въ употребленіи въ этихъ странахъ.

Наибольшая давка, конечно, была близъ храма Цибелы, куда, какъ всѣ знали, Крезъ долженъ былъ направиться тотчасъ же по прибытіи въ Сарды; отсюда же открывалась вся панорама чуднаго города: на высококомъ утесѣ сверкали на солнцѣ бѣломраморныя зданія акрополя, господствовавшего надъ сѣтью безчисленныхъ улицъ и переулковъ, пересѣкавшихъ по всѣмъ направленіямъ не-

обозримое пространство, занятое столицею лидійскихъ царей. Южный скатъ холма, на которомъ была построена цитадель, былъ менѣе крутъ и потому наиболѣе застроенъ. Къ сѣверу отъ холма, ближе къ Пактолу, поднимался дворецъ—великолѣпная резиденція Креза. Самый Пактоль пересѣкалъ главную городскую площадь,

Колонны храма Цибелы.

Агору, выдѣлявшуюся своимъ сѣрымъ пятномъ изъ зелени окружающихъ садовъ и затѣмъ направлялся узкою лощиною на западъ, омывая своими золотonosными струями подножіе великаго храма Цибелы. Къ югу стлались непрерывными, изумрудными пространствами громадные сады, въ центрѣ которыхъ блистало, какъ зер-

кало, озеро Гигея. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ озера вырисовывались на небѣ ряды кургановъ—могилы славныхъ предковъ чествуемаго царя, и между ними три кургана выдѣлялись предъ всѣми остальными своею шириною и вышиною.

Лидійцы вообще были склонны къ удовольствіямъ, къ зрѣлищамъ, а потому неудивительно, что, помимо родныхъ, встрѣчавшихъ своихъ возвращавшихся съ войны мужей, братьевъ, сыновей, и весь городъ высыпалъ въ тотъ день на улицу: путь ведущій къ храму былъ запруженъ пестрою толпою и по немъ отъ тѣсноты какъ бы перекатывались живыя волны—то народъ уступалъ на нѣкоторое время напору вновь прибывающихъ, а потомъ снова, въ свою очередь, оттѣснялъ ихъ назадъ. Стонъ стоялъ надъ городомъ. Общее нетерпѣніе достигло, повидимому, своего предѣла. Но вотъ донесшіеся издали звуки военной музыки возвѣстили столь желанное приближеніе царя и войска.

Ближе и ближе звучать трубы и, наконецъ, показывается самая процессія, извивающаяся по улицамъ Сардъ какъ гигантская металлическая змѣя. Проходятъ пѣхотинцы въ богато-чеканенныхъ шлемахъ, проходитъ лидійская конница, лучшая въ тогдашнемъ свѣтѣ, а вотъ и самъ повелитель всего этого войска, сіяющій радостью и сознаниемъ важности одержанныхъ побѣдъ. Крезъ сидитъ на бѣломъ прекрасномъ конѣ, въ рукѣ у него главный атрибутъ царскаго сана въ Лидіи—двойная сѣкира (*labrys*). За Крезомъ слѣдуетъ блестящій рой его приближенныхъ, а затѣмъ везутъ и богатые трофеи, обильную артистическую жатву, собранную въ видѣ добычи съ богатой талантами Іоніи.

Народъ восторженно привѣтствуетъ побѣдителя, радостные клики и рукоплесканія не умолкаютъ ни на минуту.

Шествіе достигаетъ храма, на площадкѣ котораго уже ждутъ Креза женщины царскаго рода,—ихъ можно отличить, не говоря уже про богатство всевозможныхъ украшеній, по золотымъ кованымъ поясамъ, которые были носимы ими однѣми. Тутъ же встрѣчаютъ царя корибанты и вводятъ его во храмъ, откуда доносятся уже могучіе аккорды побѣднаго гимна.

Гдѣ все это теперь?

Груды песку занесли древніе стогны Сардъ, сухой ковыль растетъ теперь на мѣстѣ бывшихъ дворцовъ, одинъ лишь вѣтеръ поетъ свою вѣковѣчную пѣснь, пробираясь узкими лопинами Тмола, да изрѣдка вторитъ ему плачущій вой шакала тѣтно ищущаго себѣ добычу.

Ночь проведенную мною въ Сардахъ, я не могу назвать вполне пріятною: вина за то во многомъ падаетъ на моихъ хозяевъ, которые цѣлый вечеръ рассказывали мнѣ настоящіе ужасы о здѣшнихъ гадахъ, расплзающихся по сардской равнинѣ именно

ночью. Подъ впечатлѣніемъ такихъ разсказовъ, дѣйствительно, мнѣ повсюду стали чудиться гигантскіе скорпіоны, мохматые тарантулы, тысячеожки и тому подобныя страсти. Раздѣваться пришлось мнѣ въ темнотѣ, такъ какъ меня весьма обязательно предупредили, что малѣйшій свѣтъ собралъ бы ко мнѣ міриады насекомыхъ и змѣй. Впрочемъ, открытые бока палатки давали полную свободу этимъ послѣднимъ сдѣлать мнѣ визитъ, когда имъ вздумается. Полы палатки поднимаются на ночь кверху нарочно, чтобы скорпіоны и имъ подобныя прелести не могли всползти по внутренней поверхности палатки и, затѣмъ, свалиться сверху прямо на постель. По низу, на кровать эти гады не могутъ пробраться, такъ какъ по полу разостланы овечьи шкуры, шерсть которыхъ такъ неприятна нѣжному брюшку скорпіоновъ.

Не смотря на мою усталость, мнѣ не спалось, впечатлѣнія всего видѣннаго были слишкомъ живы, вся эта мѣстность возбуждала столько великихъ воспоминаній, что сонъ долго бѣжалъ отъ меня тѣмъ болѣе, что чрезъ поднятые бока палатки я продолжалъ имѣть предъ глазами развалины столицы Креза.

Громадная, совершенно красная луна медленно поднималась надъ горизонтомъ, багровые лучи ея обливали окрестность какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ,—освѣщеніе вполне гармонирующее съ окружающими насъ остатками несчастнаго города, столько переиспытавшаго въ теченіе своего долгаго, многовѣкового существованія. Холмъ акрополя казался еще мрачнѣе, еще таинственнѣе: многочисленныя впадины и трещины его были погружены въ полную тьму. Воображенію представлялись рѣющія около него тоскующія, скорбныя тѣни Гигеса и Алиата, не могущія скрыть своей печали при видѣ любимаго ихъ города, поверженнаго въ ничтожество. По склону холма какъ бы пробирается еще трепещущій Ахей—противникъ Антіоха Великаго—ищущій спасенія въ бѣгствѣ и внимательно взглядывающійся въ мглу, густою пеленою окутавшую спускающуюся предъ нимъ тропинку, на концѣ которой его поджидаетъ измѣна и, затѣмъ, безславная смерть.

Въ три часа мы были уже на ногахъ. Высоко поднявшаяся, теперь уже молочно-бѣлая, полная луна затопила своимъ мягкимъ свѣтомъ всю историческую равнину и тамъ и сямъ разбросанныя развалины. Усѣянный какъ божія риза алмазами, небесный куполь мигаль и сверкаль, какъ въ какомъ-то фантастическомъ сновидѣніи. На всемъ лежалъ покровъ тишины и могильнаго покоя, все говорило здѣсь, что тутъ погребенъ, когда-то шумный и богатый городъ.

Скоро лошади были готовы и мы отправились въ путь. Цѣлью нашей поѣздки было посѣщеніе мѣстности турками называемой

Бинъ-тепе (тысяча холмовъ), по причинѣ покрывающихъ ее во множествѣ погребальныхъ кургановъ, насыпанныхъ надъ прахомъ лидійскихъ вѣнценосцевъ.

Бѣхали мы около четырехъ часовъ, причемъ на полъ-дорогѣ пришлось переходить Гермъ довольно труднымъ бродомъ.

Берега Герма низменны, песчаны: весною, во время таянія снѣга въ Фригійскихъ горахъ, рѣка эта дѣлается многоводною, выходитъ изъ береговъ и затопляетъ большія пространства лидійской долины. Сильно страдавшіе отъ наводненій лидійцы выкопали глубокій бассейнъ, извѣстный подъ именемъ озера Гигейскаго, куда, посредствомъ особаго канала, и отводили избытокъ водъ Герма. Смотри на нынѣшній видъ этой рѣченки, право и въ голову не придетъ, что для ея водъ понадобилось нѣкогда выкопать искусственный бассейнъ.

По переходѣ чрезъ Гермъ, дорога направляется къ сѣверовостоку по равнинѣ нѣсколько волнистой, весною покрытой густою зеленью, среди которой раскидываются палатки юруковъ.

Обширный некрополь лидійскихъ царей, расположенный на плоской возвышенности, господствующей надъ всею окрестностью, производитъ сильное впечатлѣніе.

Погребальные курганы, которыхъ, по счету бывшаго австрійскаго посла въ Константинополь и извѣстнаго археолога, барона Прокешъ-Остена, находится здѣсь до сотни, расположены правильными рядами и представляютъ изъ себя громадныя земляныя конусы—иногда съ фаллическими колоннами на вершинѣ,—отъ времени нѣсколько пострадавшіе и, тѣмъ не менѣе, достигающіе отъ 50 до 90 сажень вышины. Нѣкоторые изъ кургановъ болѣе скромны по размѣрамъ и представляютъ изъ себя возвышенности, поросшія дерномъ.

Самымъ огромнымъ курганомъ является холмъ Алиата, отца Креза. Еще по словамъ Геродота (кн. I), гробница Алиата была колоссальнѣйшимъ сооруженіемъ въ свѣтѣ послѣ египетскихъ и вавилонскихъ зданій.

Курганъ этотъ, подобно всѣмъ остальнымъ, состоитъ изъ круглаго основанія, сложеннаго изъ большихъ камней, и изъ насыпанной на него конусомъ земли: по измѣреніямъ Прокеша холмъ этотъ имѣетъ 3,400 футовъ окружности при своемъ основаніи и 650 футовъ высоты.

По Геродоту, курганъ Алиата сработали торговые люди, ремесленники и дѣвицы предосудительнаго поведенія. На верху памятника находилось пять каменныхъ граней, на которыхъ вырѣзаны были надписи, означавшія, что каждымъ было сдѣлано и часть работы исполненная дѣвушками была, по измѣренію, всѣхъ болѣе, что въ свою очередь, лишь подтверждаетъ установившееся мнѣніе о крайней распущенности молодыхъ лидіекъ.

Курганъ Алиата былъ раскопанъ и когда добрались до погребальныхъ комнатъ, то убѣдились, что онѣ были ограблены уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ. По всей вѣроятности, эти первоначальныя раскопки были сдѣланы либо непріятельскою арміею, одержавшею побѣду надъ лидійскимъ войскомъ, либо какимъ-нибудь бродячимъ племенемъ, причемъ и тѣ и другіе были привлечены къ могилѣ противника Кіаксара надеждою найти въ ней сокровища лидійскихъ царей, о которыхъ стоустая молва разнесла по всему тогдашнему свѣту самыя фантастическія подробности. Остатки гробницы Алиата были изслѣдованы, въ пятидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Шпигенталемъ, прусскимъ консуломъ въ Смирнѣ.

Внутри одного изъ кургановъ была найдена продолговатая комната, продольныя стѣны которой были вверху сведены вмѣстѣ и обтесаны на подобіе острудужнаго свода.

Разрытіе кургана требуетъ много времени и большихъ издержекъ, тогда какъ результаты часто не соотвѣтствуютъ затраченнымъ деньгамъ. До сихъ поръ, нашли въ Бинъ-тепе нѣсколько сосудовъ, саркофаговъ и колець. Choisy нашелъ остатки каменныхъ кроватей, удивительно изящной работы, служившихъ, по всей вѣроятности погребальными ложами для царственныхъ покойниковъ.

Во время моего посѣщенія Бинъ-тепе, занимавшіеся тамъ раскопками, усиленно искали могилу Гигеса въ надеждѣ найти въ ней перстень основателя династіи Мермнадовъ. Перстень этотъ, на которомъ изображенъ былъ медвѣдь, обладалъ, по преданію, какъ сказано выше, магическими свойствами; по словамъ производившихъ раскопки, англичане сильно желаютъ его найти и будто бы даже предлагаютъ за него 15,000 фунтовъ стерлинговъ.

Затрудненіе заключается, между прочимъ, также и въ томъ, что почти нѣтъ указаній, который изъ кургановъ служилъ могилою Гигеса. Вслѣдствіе того, старанія искавшихъ перстень оставались пока безъ успѣха. Предъ самымъ моимъ пріѣздомъ начали раскапывать огромный курганъ, гдѣ, по нѣкоторымъ признакамъ, рассчитывали найти саркофагъ Гигеса, но такъ какъ съ тѣхъ поръ что-то не было слышно объ интересныхъ находкахъ въ лидійскомъ некрополѣ, то надо думать, что и въ этомъ случаѣ ожиданія искателей были обмануты.

Во всякомъ случаѣ, видъ этой массы кургановъ, обступившихъ почтительною толпою громадный конусъ холма Алиата, крайне величественъ, несмотря на вообще печальный характеръ совершенно выжженной солнцемъ окрестной мѣстности,—и производимое этимъ царственнымъ кладбищемъ впечатлѣніе вполне соотвѣтствуетъ представленію о могуществѣ древнихъ лидійскихъ царей.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Бинъ-тепе, голубою скатертью раз-

стиается бывшее известным уже Гомеру Гигейское озеро, ныне называемое турками — Мермере-Гель. Озеро это, по измерениям барона Прокеша, имѣющее двѣнадцать верстъ длины и четыре ширины, постоянно многоводно и обильно рыбою: отъ Сарды отстоитъ оно въ верстахъ въ семнадцать.

Страбонъ рассказываетъ (кн. XIII, 626), что, по преданію, Гигейское озеро, называвшееся впоследствии Колозъ, было выкопано руками людей для того, чтобы вмѣщать въ себя избытокъ водъ Герма, рассказъ этотъ какъ бы находить себѣ подтвержденіе въ томъ, что вокругъ всего озера идетъ родъ непрерывнаго вала, по видимому, образовавшагося изъ земли, которую отбрасывали при копаніи бассейна.

Близъ озера виднѣются развалины храма Діаны.

Древняя Филадельфія, ныне Ала-шехръ (бѣлый городъ) стоитъ на нѣсколькихъ холмахъ. Внизу стелется чрезвычайно богатая и прекрасно обработанная покатость, по ней сбѣгаютъ сады и виноградники, а за ними зеленѣетъ одна изъ тѣхъ плодородныхъ равнинъ, которыми такъ гордится Малая Азія.

Городъ окруженъ стѣною, имѣющею видъ почти правильнаго прямоугольника. Стѣна сохранилась довольно хорошо; только съ сѣверной стороны зияетъ большая брешь, которая и служитъ входомъ въ городъ. Древніе ворота всѣ въ полномъ разрушеніи. Въ былое время стѣну защищали круглыя башни, находящіяся въ разстояніи саженъ восьми, десяти одна отъ другой.

Расположенная на восточной оконечности Лидіи, Филадельфія была основана Пергамскимъ царемъ Атталомъ II Филадельфомъ, давшимъ городу свое имя.

Занимая очень важное стратегическое положеніе, Филадельфія была тѣмъ самымъ осуждена выдерживать постоянныя осады. Съ другой стороны, она подвержена была и другому бичу, такъ какъ находилась въ мѣстности болѣе всѣхъ другихъ испытываемой землетрясеніями.

Въ виду этихъ причинъ условія ея существованія были настолько тяжелы, что Страбонъ и другіе писатели не скрываютъ своего удивленія, какимъ образомъ жители Филадельфіи могутъ упорствовать въ своемъ желаніи продолжать обитать въ подобномъ опасномъ городѣ; и, тѣмъ не менѣе, Филадельфія была «маленькими Аѣнами» по своимъ памятникамъ и празднествамъ.

Филадельфія была однимъ изъ тѣхъ городовъ, которые успѣли принять христіанство и удостоилась, потому, быть въ числѣ Семи Великихъ Азійскихъ Церквей. Св. Апостоль Іоаннъ Богословъ самъ проповѣдывалъ здѣсь Слово Божіе. Въ Апокалипсисѣ, св. Іоаннъ произноситъ Филадельфійской Церкви похвалы: «яко

малу имаше силу и соблюлъ еси мое слово и не отвергся еси имени моего».

Исторія Филадельфіи, начиная съ XI вѣка въ полномъ смыслѣ слова плачевна. Съ самаго перваго появленія мусульманскихъ шаекъ въ Малой Азіи, она дѣлается цѣлью ихъ самыхъ бѣшеныхъ нападений. Взятая сельджуками, она переходитъ, затѣмъ, къ латинянамъ. Отобранная снова иконійскимъ султаномъ Алаэддиномъ, спустя нѣкоторое время, Филадельфія подпадаетъ подъ власть герцога Рожера-де-Флора, который въ 1304 г. присоединяетъ ее къ Пергамскому княжеству, управляемому Іоанномъ Ватацесомъ.

Наконецъ, въ 1391 г. Филадельфія была завоевана турками Османскими.

Султанъ Баязидъ Ильдирымъ рѣшилъ подчинить себѣ послѣдній византійскій городъ, остававшійся въ Азіи.

Осажденные нисколько не страшились Баязида, такъ какъ одно древнее преданіе утверждало, что никогда христіанская Филадельфія не будетъ захвачена турками. Начальникъ крѣпостнаго гарнизона съ гордостью отклонилъ предложенія Баязида сдать городъ. Тогда турки пошли на приступъ, городъ былъ взятъ, причемъ къ вящему стыду христіанъ, первыми взошедшими на валы были союзники турокъ, греческія войска, находившіяся подъ командою Мануила, сына императора Іоанна, свергнутаго съ престола Андроникомъ и нашедшаго себѣ, вмѣстѣ съ сыномъ, убѣжище у султана Баязида.

Памятникомъ этого штурма до самаго послѣдняго времени была стоявшая близъ города стѣна изъ костей человѣческихъ, соединенныхъ вмѣстѣ известкою, свидѣтельствовавшая о страшномъ рядѣ убійствъ, совершенныхъ при взятіи города. Баязидъ воздвигъ эту стѣну въ устрашеніе тѣмъ городамъ, которые добровольно не соглашались признать надъ собою власть султана, и чтобы показать какіе ужасы влечетъ за собою сопротивленіе его требованіямъ.

Нынѣшній городъ Ала-шехръ, число жителей котораго доходитъ до шести тысячъ, имѣетъ, съ своими пустынными и пыльными улицами, вполне восточный видъ. Къ нему можно примѣнить выраженіе Екатерины II: «сей городъ ситуаціей прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ: все либо на боку лежитъ, либо близко того». Дома построены частью изъ дерева, частью изъ грязи. Впрочемъ, несмотря на внѣшнюю бѣдность города, жители его дѣятельны и зажиточны. Источниками ихъ богатства служатъ — удивительное плодородіе почвы, многочисленныя стада рогатаго скота и сильно развитое здѣсь занятіе ткачествомъ.

Одно изъ завидныхъ преимуществъ Ала-шехра, это красота мѣстныхъ уроженокъ.

Обратный поѣздъ желѣзной дороги понесъ меня въ Смирну; замелькали мимо меня знакомыя мѣстности, по своимъ воспоминаніямъ сдѣлавшіяся близкими моему сердцу. Унылыя развалины Сардъ, гробницы царей, плачущая Ніобея какъ бы послали мнѣ послѣднее прости, и вотъ я снова на пароходѣ отправляющемся въ Константинополь.

Быстрою чайкою несетя «Александръ»; какъ движущаяся декорация смѣняется по сторонамъ насъ одинъ видъ за другимъ, гдѣ все напоминаетъ о быломъ благополучіи, богатствѣ бывшихъ здѣсь нѣкогда городовъ.

Миновавъ Фокею и оставивъ за собою Смирнскій заливъ, пароходъ нашъ гордо разсѣкаетъ своею могучею грудью лазоревую поверхность Эгейскаго моря; кругомъ рѣзвятся и кувыркаются стада дельфиновъ.

Плаваніе было великолѣпное, но, подъѣзжая къ Дарданелламъ стали показываться кое-какіе признаки наступающей бури, на краю горизонта появились подозрительныя облака съ желтоватымъ оттѣнкомъ; чайки, альціоны-буревѣстники носились въ воздухѣ съ какими-то встревоженными, жалобными вскрикиваніями и, дѣйствительно, гроза разразилась ночью, когда мы были уже въ Мраморномъ морѣ.

Застоналъ, заскрипѣлъ корпусъ нашего парохода; вѣтеръ, пробираясь между снастями, то пронзительно свиститъ, то какъ бы заливається горькими рыданіями. Со всѣхъ сторонъ слышится глухой ропотъ моря, заглушаемый иногда стукомъ машины, иногда же мѣрными всплесками волнъ, когда пароходъ, приподнятый девятымъ валомъ, низвергается въ пучину, чтобы тотчасъ же снова вынырнуть изъ нея.

Какъ отчаянные дикіе борцы со страшнымъ шумомъ и ревомъ идутъ валы одинъ за другимъ, ихъ бѣлые гребни выставляются иногда изъ темноты какъ уродливыя привидѣнія. Иногда, ослѣпительно яркая змѣйка молніи какъ бы разорветъ темную ночь; темное небо и освѣтитъ клокочущее море и черныя скалы острововъ Проконеса, остающіяся у насъ справа.

Пассажиры почти всѣ попрятались по каютамъ, на палубѣ была лишь команда сосредоточенно занимавшаяся своимъ дѣломъ, да на мостикѣ капитанъ парохода зорко всматривался въ лежавшую предъ нами тьму; что касается меня, то, кажется, я былъ единственнымъ пассажиромъ, который остался наверху и любовался зрѣлищемъ бури. Сколько въ немъ наслажденія, сколько чувствъ оно возбуждаетъ! чего стоитъ одно сознаніе, что со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ опасность, что отъ смерти отдѣляетъ насъ лишь нѣсколько досокъ да желѣзная обшивка, и что все-таки произведеніе рукъ человѣка борется съ разъяренною стихіею и, въ концѣ концовъ, побѣдитъ ее. Волны точно сердятся, что я смотрю на нихъ такъ

спокойно, имъ точно хочется заключить меня въ свои холодныя объятія, онѣ бросаются со всей силы, но напрасно—высокіе, крутые бока парохода отражаютъ ихъ и онѣ могутъ лишь осѣпать меня милліонами своихъ свѣтлыхъ, серебряныхъ брызгъ.

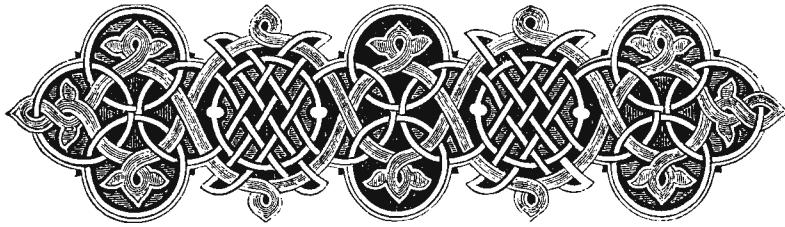
А какъ хорошо въ такую погоду ночью всматриваться въ даль, какіе причудливые образы создаетъ тогда воображеніе, какіе страшные призраки чудятся во мракѣ...

Такъ и въ ту ночь предо мною проходила вереница воспоминаній о столькихъ историческихъ мѣстностяхъ, видѣнныхъ мною незадолго передъ тѣмъ и на которыхъ разыгралось столько кровавыхъ трагедій, гдѣ жизнь была прежде ключемъ и гдѣ теперь все сошло въ небытіе. И чудилось мнѣ, что вся окружающая меня тьма наполнена тѣнями тѣхъ людей, которые въ посѣщенныхъ мною царствахъ дѣйствовали, любили, мучились, наслаждались, совершали ужасныя злодѣйства и не менѣе знаменитыя дѣла, заслуживали отъ современниковъ названіе «великихъ» и кончили забвеніемъ, которое окутало густымъ покровомъ не только ихъ подвиги, но и самыя ихъ имена.

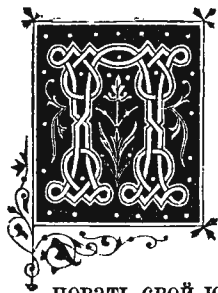
Прошла ночь, вѣтеръ разогналъ тучи и когда мы утромъ подошли къ Босфору и первые лучи солнца разогнали розовую пену тумана, предъ нами, какъ волшебный чертогъ, поднявшійся изъ жемчужныхъ волнъ, стоялъ чудный городъ и съ новымъ упоеніемъ взоръ отдыхалъ на вѣчно новой, сказочной красотѣ общей картины Царьграда.

В. Тепловъ.

ПЯТИСОТЛѢТІЕ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

ПЯТИСОТЛѢТНІЙ юбилей существованія нашей артиллеріи былъ торжественно отпразднованъ 8-го ноября нынѣшняго года. Юбилейное торжество было «приурочено» ко дню тезоименитства августѣйшаго генерала-фельдцейхмейстера, которому принадлежитъ выдающаяся по своему значенію роль въ исторіи нашей артиллеріи. Собственно же говоря, артиллерія наша смѣло могла бы праздновать свой юбилей на полгода ранѣе, такъ какъ, по замѣчанію почтеннаго историка нашей артиллеріи, Н. Е. Бранденбурга, первыя орудія явились у насъ, вѣроятно, весною 1389 года: упоминаніе о ввозѣ въ древнюю Русь первыхъ орудій относится къ послѣднимъ мѣсяцамъ княженія Дмитрія Донского.

Не вдаваясь въ подробности, доступныя специалисту-археологу, бросимъ бѣглый взглядъ на важнѣйшія эпохи, пережитыя нашею артиллеріею, какъ самостоятельную часть русскаго войска вообще, и на тѣ успѣхи, какіе въ теченіе долгаго, 500-лѣтняго періода были сдѣланы у насъ артиллерійскимъ искусствомъ, которое стоитъ въ тѣсной связи не только съ развитіемъ техники вообще, но и съ нѣкоторыми типическими свойствами націи.

Вмѣстѣ съ первыми орудіями прибыли къ намъ съ Запада и мастера пушечные, и люди, способные научить обращенію съ орудіями. Но такъ какъ древнѣйшія орудія были желѣзныя, а желѣзное производство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ древней Руси было сильно развитымъ мѣстнымъ промысломъ, то «артиллерійское дѣло на Руси привилось сразу и пошло въ ходъ непосредственно съ начала XV вѣка, что видно изъ самаго хода военныхъ

событій того времени, въ которыхъ безпрестанно замѣшивается участіе артиллеріи»¹⁾). Это важное условіе побуждаетъ специалиста-археолога предположить, что «въ XV вѣкѣ въ Россіи орудій было достаточно», и что «часть нашей древней артиллеріи изготовлялась въ предѣлахъ тогдашней Россіи». Открытыя изъ земли въ Устюжнѣ Желѣзнопольской (въ 1852 г.) желѣзныя кованныя орудія, несомнѣнно принадлежащія XV вѣку, «заставляютъ относиться съ полнымъ уваженіемъ къ искусству нашихъ древнихъ ковачей, умѣвшихъ ручнымъ способомъ обрабатывать часто даже весьма значительныя массы желѣза»... «Отдѣлка нѣкоторыхъ изъ этихъ орудій могла бы сдѣлать честь даже нынѣшнему состоянію желѣзнаго производства»,—говоритъ г. Бранденбургъ—«а между тѣмъ орудія изготовлены нашими мастерами... безъ помощи всѣхъ средствъ и пособій, выработанныхъ новѣйшей наукой».

Только уже въ концѣ XV вѣка, когда на Русь дошли слухи объ успѣхахъ литейнаго искусства на Западѣ, въ примѣненіи къ отливкѣ артиллерійскихъ орудій изъ мѣди,—для установки у насъ новаго дѣла потребовались опять иноземные учителя. Выѣхавшій въ Россію при Іоаннѣ III знаменитый зодчій и литейщикъ Аристотель Фіоравенти, и долженъ быть признанъ отцомъ пушечно-литейнаго дѣла на Руси.

При упоминаніи о пожарѣ 1488 г. лѣтописи упоминаютъ и о погорѣвшей у Фроловскаго моста пушечной избѣ, т. е. первоначальной пушечной литейной мастерской; но есть полное основаніе предполагать, что пушечная литейная существовала въ Москвѣ и значительно ранѣе этого времени, потому что въ нашемъ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ сохранилась мѣдная, литая пищаль, съ подробною надписью и датою 1485 г., а на стѣнахъ Смоленска въ 1667 г. еще существовала пушка, отлитая двумя годами ранѣе, въ 1483 г.²⁾

Но и заведенное у насъ въ концѣ XV вѣка пушечно-литейное дѣло принялось на столько быстро и прочно, что уже съ начала XVI вѣка, рядомъ съ именами иностранныхъ литейщиковъ, приглашенныхъ въ Москву съ Запада, видимъ цѣлый рядъ именъ русскихъ мастеровъ, а въ 1586 г. извѣстный русскій мастеръ Андрей Чеховъ отливаетъ уже чудовищную московскую царь-пушку, вѣсомъ въ 2,400 пудовъ.

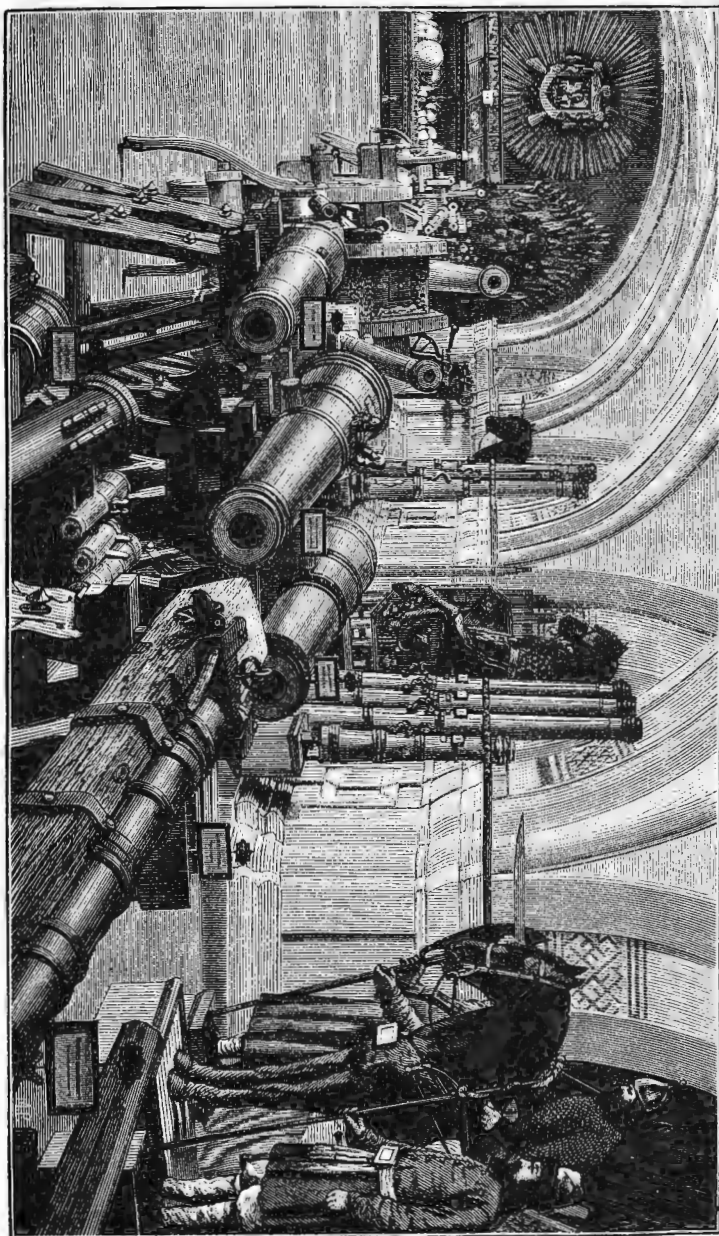
По извѣстіямъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Московію въ концѣ XVI в., Московскіе государи обладали «въ изобиліи запасами ору-

---

¹⁾ Н. Е. Бранденбургъ. «Историч. каталогъ Спб. Артиллерійскаго Музея», стр. 47 и слѣд.

²⁾ Рисунокъ, представляющій старый отдѣлъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея, изображаетъ намъ, на первомъ планѣ, наиболѣе интересныя и важныя диковинки этого прекраснаго собранія: желѣзныя, кованныя орудія, заряжающіяся съ казенной части (XV в.) и мѣдныя начала XVII вѣка.

Отдѣлъ древнѣйшихъ орудій въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музее.

жія всякаго рода и такимъ огнестрѣльнымъ снарядомъ, что кто не видалъ его — не повѣрилъ бы описанію». Очевидецъ Казанской осады, князь Курбскій, рассказываетъ, что Іоаннъ подвозилъ къ стѣнамъ Казани огромный запасъ орудій—около 150 большихъ осадныхъ пушекъ, кромѣ мортиръ и множества полевыхъ пушекъ. И не смотря на то, что Смутное время привело всю русскую артиллерію въ великое разстройство и раззореніе, изъ описей, составленныхъ во второй половинѣ XVII вѣка, мы узнаемъ, что въ русскихъ городахъ, обителяхъ и другихъ укрѣпленныхъ пунктахъ того времени находилось на лицо до 2,700 орудій. Цифра весьма почтенная для того времени...

При такомъ развитіи артиллерійскаго дѣла, конечно, при орудіяхъ должно было явиться и весьма многочисленное сословіе людей, специально-подготовленныхъ къ обращенію съ орудіями и порохомъ, искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ орудій всякими снарядами: каменными ядрами, желѣзными, свинцовыми и чугунными... Дѣйствительно, въ XVI в. уже видимъ особое сословіе пушкарей, которое получаетъ опредѣленное жалованье, пользуется опредѣленными правами и несетъ на себѣ опредѣленныя обязанности. Нѣкоторые выдающіеся факты изъ быта и исторіи нашихъ пушкарей указываютъ явно на то, что они уже умѣли самоотверженно относиться къ исполненію своихъ обязанностей, умѣли любить свое дѣло и даже обладали извѣстнаго рода сословною гордостью. Эта гордость основывалась на сознаніи важности той роли, которую артиллерія призвана была играть во всѣхъ войнахъ, во всѣхъ осадахъ и защитахъ городовъ и крѣпостей. Одинъ изъ нашихъ рисунковъ представляетъ древняго пушкаря въ присвоенномъ ему служебномъ (форменномъ) одѣяніи; въ рукахъ у него жагра—нѣчто въ родѣ крюка съ желѣзнымъ рогатымъ наконечникомъ, на которомъ держится привязанный къ нему фитиль.

Несмотря на то, что русская артиллерія была очень значительна въ XVI вѣкѣ, несмотря на то, что она составляла довольно грозную силу, научная, теоретическая сторона дѣла находилась еще въ первобытномъ состояніи и притомъ все артиллерійское вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ такъ называемый Пушкарскій Приказъ, видимо страдало, если не полнымъ отсутствіемъ, то весьма значительными недостатками и пробѣлами организаціи. Организаторомъ и устроителемъ нашей артиллеріи явился уже только Петръ Великій, который не только сумѣлъ цѣлымъ рядомъ строго-проведенныхъ разумныхъ мѣръ и реформъ поставить нашу артиллерію на одинъ уровень съ артиллеріею европейскихъ державъ, но даже, во многихъ частностяхъ, пошелъ и далѣе Европы. Усерднымъ и разумнымъ помощникомъ его въ этомъ трудномъ дѣлѣ явился ученый Брюсъ—первый генераль-фельдцейхмейстеръ.

По смерти Петра Великаго, при ближайшихъ его преемникахъ, артиллерія наша приходитъ въ сильный упадокъ, который въ значительной степени происходитъ отъ того, что во главѣ артиллеріи явились нѣмцы, равнодушные къ пользѣ и выгодамъ Россіи, неумѣвшіе даже подписать по-русски свою фамилію, и положительно незнакомые съ условіями нашего военного быта. «Бомбардиръ», вооруженный ручною мортирою, изображенный рядомъ съ «пуш-

Пушкарь XVII столѣтія.

каремъ» на другомъ нашемъ рисункѣ, отчасти даетъ намъ понятіе объ этомъ періодѣ застоя и забвенія въ исторіи нашей артиллеріи... Только со вступленіемъ на престолъ «Петровой дщери», которая вновь воскресила духъ мужества бодрости въ русскихъ людяхъ, отдаливъ отъ престола и управленія всѣхъ иноземцевъ, завѣдываніе нашею артиллеріею попало снова въ руки талантливаго, умнаго и энергичнаго русскаго фельдцейхмейстера—графа П. И. Шувалова. Еще не будучи фельдцейхмейстеромъ П. И. Шу-

валовъ уже занимался разнаго рода «инвенціями» на пользу нашей артиллеріи, по любви къ дѣлу, и затѣмъ, явившись начальникомъ всей артиллеріи, со страстью принялся за улучшенія и реформы по своему вѣдомству. По отзыву специалистовъ, его «инвенціи» были далеко не такъ ничтожны и бесполезны, какъ о нихъ думаетъ Болотовъ, осмѣивающій «Шуваловскія секретныя гаубицы»; а одинъ изъ введенныхъ Шуваловымъ видовъ артил-

Бомбардиръ начала XVIII столѣтія.

лерійскихъ орудій (единороги) оказался даже весьма полезнымъ въ боевой нашей практикѣ, и удержался въ ней до послѣдняго времени. Многими изъ наиболѣе громкихъ нашихъ побѣдъ, одержанныхъ въ Семилѣтнюю войну, мы были прямо обязаны тому, что артиллерія наша была прекрасно устроена, обладала большою подвижностью и была способна оказать энергическую поддержку дѣйствіямъ остальныхъ частей войска.

«Истор. вѣсти», декабрь, 1889 г. т. XXXVIII.

Во второй половинѣ XVIII вѣка наша артиллерія не двинулась ни на шагъ впередъ и непрерывныя войны Екатерининскаго царствованія не только не способствовали улучшенію этого рода оружія, но даже наоборотъ — какъ бы препятствовали возможности обратить серьезное вниманіе на недостатки нашей артиллеріи. Только тогда, когда управленіе артиллеріею попало въ руки пунктуального педанта Аракчеева — наступилъ новый періодъ весьма полезныхъ для нашей артиллеріи преобразованій и всестороннихъ улучшеній. По общему признанію всѣхъ специалистовъ, труды Аракчеева въ этой области были въ такой степени полезны и важны, что не могутъ быть забыты историкомъ нашей артиллеріи. Особенно важною заслугою Аракчеева слѣдуетъ, конечно, считать то, что онъ значительно поднялъ образовательный цензъ въ средѣ молодежи, поступавшей на артиллерійскую службу и положилъ начало всѣмъ тѣмъ формамъ артиллерійскаго управленія, которыя были необходимы для дальнѣйшаго правильнаго развитія у насъ артиллерійскаго дѣла и его сложной организаціи.

Не заглядывая въ блестящую лѣтопись геройскихъ подвиговъ нашей артиллеріи (въ особенности конной), которыми переполнена исторія нашихъ войнъ съ Наполеономъ и нашей борьбы противъ него за освобожденіе Европы отъ его ига; не касаясь ни изумительной Севастопольской обороны, въ которой главная роль выпала на долю нашей артиллеріи, ни событій послѣдней нашей Турецкой войны, въ которой зимній переходъ артиллеріи черезъ Балканы представляетъ самъ по себѣ одинъ изъ наиболѣе-изумительныхъ эпизодовъ,—мы укажемъ только на то, что въ концѣ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія наша артиллерія вступила на новый и весьма трудный путь. Громадные успѣхи техники на Западѣ привели къ быстрымъ успѣхамъ артиллеріи и къ такимъ результатамъ, о которыхъ 20—30 лѣтъ тому назадъ нельзя было даже и мечтать... Завязалась извѣстная (и до настоящаго времени еще не оконченная) борьба между броней и снарядомъ, которая уже привела къ созданію артиллерійскихъ орудій-чудовищъ въ 5,200 пудовъ вѣсомъ, и вѣроятно еще не остановится на нихъ... Въ то же самое время цѣлый рядъ быстро-появившихся новыхъ изобрѣтеній и усовершенствованій въ области собственно-артиллерійской техники, послѣдовательно вынудили и нашу артиллерію къ полному перерожденію, къ переходу отъ орудій, заряжающихся съ дула къ орудіямъ, заряжающимся съ казенной части, отъ орудій мѣдныхъ — къ стальнымъ и т. п. Всѣ эти быстрые и трудные переходы и переустройства въ составѣ артиллеріи, приводящія и къ весьма важнымъ измѣненіямъ въ направленіи и характерѣ дѣйствій самой артиллеріи, были съ успѣхомъ произведены подъ непосредственнымъ и постояннымъ наблюденіемъ Августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера, которому наша артиллерія въ значительной степени

обязана своимъ выдающимся положеніемъ, въ ряду другихъ европейскихъ артиллерій. При томъ, высокій уровень, на которомъ въ настоящее время стоитъ у насъ въ Россіи артиллерійское дѣло уже не зависитъ ни отъ какихъ случайностей, ни отъ какихъ переменъ въ личномъ составѣ артиллерійскаго вѣдомства: онъ стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ поступательнымъ развитіемъ артиллерійскаго искусства, которое твердо основалось на прекрасной научной подготовкѣ молодыхъ людей, посвящающихъ себя изученію различныхъ отраслей весьма сложной артиллерійской специальности. Результаты, достигнутые Россіей въ этомъ направленіи въ теченіе только послѣднихъ 35 лѣтъ ясно указываютъ намъ, что 500 лѣтъ, пережиты нашей артиллеріей, пережиты не даромъ, и что мы можемъ смѣло смотрѣть въ будущее нашей артиллеріи, которой предстоитъ играть выдающуюся (во многихъ отношеніяхъ, даже рѣшающую) роль въ грядущихъ войнахъ, висящихъ у насъ надъ головою.

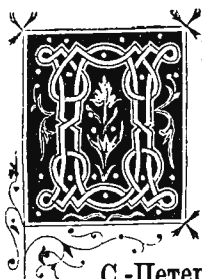
П. П.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

ОКТАБРЯ 17-го, въ Саратовѣ, скончался извѣстный писатель Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Онъ родился 1828 года, въ Саратовѣ, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ и жилъ съ своею семьею безбѣдно. Сыну своему онъ далъ первоначальное образованіе въ духовной семинаріи, а затѣмъ Николай Гавриловичъ поступилъ, въ 1846 году, въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и кончилъ въ 1851 году курсъ кандидатомъ по философскому факультету, переименованному теперь въ историко-филологическій факультетъ. Историко-филологическія познанія Чернышевскаго были настолько основательны, что составленный имъ словарь къ древней Новгородской лѣтописи, напечатанный Академіею Наукъ, до сихъ поръ составляетъ цѣнное пособие для правильнаго пониманія именъ и предметовъ, встрѣчаемыхъ при изученіи нашихъ лѣтописей. Но кромѣ исторической филологіи и славяновѣдѣнія, Чернышевскій основательно зналъ древніе языки и могъ даже на латинскомъ языкѣ переписываться по разнымъ вопросамъ внутренней жизни Россіи. Не ограничиваясь языками, Чернышевскій изучалъ соціальныя, историческія, экономическія, а также и естественныя науки. Этимъ объясняется, почему педагогическая дѣятельность его въ саратовской гимназіи и въ одномъ изъ здѣшнихъ кадетскихъ корпусовъ, продолжавшаяся не болѣе 3—5 лѣтъ, неудовлетворяла его и онъ скоро посвятилъ себя литературной и учено-публицистической дѣятельности. Хотя въ 1855 г. онъ написалъ и защищалъ диссертацию на степень магистра: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», но эта магистерская диссертация, одобренная университетскимъ совѣтомъ, не понравилась тогдашнему министру

народнаго просвѣщенія, графу С. С. Уварову, и такимъ образомъ Чернышевскому не улыбнулась въ будущемъ профессура. Явившись въ литературу во всеоруженіи современнаго ему знанія, отличающагося тонкой діалектикой, полемически-живымъ языкомъ и тою логичностью, которую, по словамъ «Новаго Времени», можно было только встрѣтить «въ корифеяхъ революціоннаго движенія во Франціи конца прошлаго столѣтія», Чернышевскій пріобрѣлъ сильное вліяніе на тогдашнее молодое поколѣніе. Редактируемый имъ «Современникъ» сдѣлался любимымъ журналомъ молодежи, увлекавшей его радикальнымъ и непривычнымъ для русскаго общества направлениемъ. Какъ литературный критикъ, Чернышевскій выразилъ свои художественные идеалы въ упомянутой нами диссертаци, изданной впоследствии отдѣльной книжкой г. Пыпинымъ, а также въ статьяхъ «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», «Лессингъ и его дѣятельность» и т. п. Этими работами онъ содѣйствовалъ тому направленію русской критики, которое цѣнитъ въ художественныхъ произведеніяхъ не только изящество и форму, «единство идеи и образа», но главнымъ образомъ содержаніе и просвѣщенное міросозерцаніе авторовъ: «умѣнье воспроизвести драгоцѣнную дѣйствительность и ко благу человѣка объяснить ее». Важно не только какъ, но и что изображено художникомъ, и для чего.

Какъ публицистъ и журналистъ, онъ написалъ по крестьянскому вопросу статьи: «О поземельной собственности», «О главныхъ условіяхъ сельскаго быта», «Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ», «Экономическая дѣятельность и законодательство», «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія» и т. д. Во всѣхъ этихъ статьяхъ, равно какъ и въ историческихъ: «Разказы изъ исторіи Англіи», «Кавеньякъ», «Борьба партій во Франціи», «Тюрго», «Іюльская монархія», «О причинахъ паденія Рима» и «Письма безъ адреса», изданныя за-границей въ 1874 г., но написанныя въ 1862 г.,—Чернышевскій въ вопросахъ экономическихъ проводилъ корпоративные принципы, отстаивая сельскую общину и освобожденіе крестьянъ съ землею, а въ политическихъ—демократическіе, не чуждаясь, впрочемъ, и конституціонализма («Письма безъ адреса»). Въ статьѣ: «Антропологическій принципъ въ философіи» онъ популяризировалъ раціонализмъ Бюхнера, Молешота, Фейербаха и др.

Какъ ученый, Чернышевскій извѣстенъ своими трудами по политической экономіи. Въ этой области онъ написалъ статью: «Капиталъ и трудъ»; перевелъ «Политическую Экономію» Д. С. Милля, снабдивъ ее своими обширными примѣчаніями. Хотя въ этихъ трудахъ онъ является сторонникомъ демократическаго социализма, представителемъ котораго въ то время былъ Луи-Бланъ, а позднѣе—Лассаль, но это касается только ихъ общихъ практическихъ

взглядовъ, тогда какъ теоретическая и научная основы трудовъ Чернышевскаго настолько отличаются проникательностью и ясностью пониманія экономическихъ процессовъ, что даже Карлъ Марксъ, неудостоивавшій никого изъ ученыхъ лестнаго отзыва, для Чернышевскаго дѣлаетъ исключеніе въ своемъ трудѣ «Das Kapital». Точно также Чернышевскому принадлежитъ переводъ съ примѣчаніями «Исторіи XVIII вѣка» Шлоссера и редація перевода первыхъ томовъ «Всемирной Исторіи» того же автора.

Какъ беллетристъ, Чернышевскій не обладалъ для этого необходимымъ талантомъ и творчествомъ, но во время своего заключенія въ Петропавловской крѣпости воспользовался формою романа для проведенія въ общество своихъ идей и написалъ извѣстное произведеніе подъ заглавіемъ: «Что дѣлать?» Въ этомъ романѣ въ значительной степени отразились: въ артельныхъ мастерскихъ Вѣры Павловны—идеи англійскаго филантропа Роберта Оуэна; а въ ея фантастическихъ сновидѣніяхъ—ученіе Шарля Фурье о фаланстеріяхъ. За-границей напечатанъ еще другой романъ Чернышевскаго: «Прологъ къ прологу», въ которомъ изображены нѣкоторыя лица административныхъ сферъ, довольно извѣстныхъ Петербургу.

Въ 1862 г. 7-го іюля Чернышевскій былъ арестованъ и, обвиненный въ политическомъ преступленіи, сосланъ 13-го іюня 1864 г. въ Нерчинскіе заводы въ каторжныя работы на семь лѣтъ. По окончаніи срока, онъ былъ поселенъ въ г. Вилюйскѣ, въ 450 верстахъ отъ Якутска. Но и въ этомъ положеніи имя Чернышевскаго продолжало волновать умы нѣкоторой части русскаго общества и находились лица, пытавшіяся освободить его изъ ссылки и увезти за-границу. Одна изъ такихъ попытокъ едва не увѣнчалась успѣхомъ. Въ 1875 г., 12-го іюля, къ Вилюйскому исправнику явился въ мундирѣ жандармскаго офицера нѣкто Мещериновъ съ формальными предписаніями отъ генераль-губернатора Восточной Сибири и Иркутскаго жандармскаго управленія о передачѣ ему Чернышевскаго для перевода послѣдняго изъ Вилюйска въ Благовѣщенскъ. Случайность обнаружила обманъ: офицеръ, назвавшійся Мещериновымъ и такъ формально обставившій все предпріятіе, надѣлъ аксельбантъ не на ту сторону мундира, гдѣ ему быть надлежало,—чѣмъ и возбудилъ подозрѣніе исправника. Оказалось, что Мещериновъ былъ никто иной, какъ политическій преступникъ Ипполитъ Мышкинъ, осужденный потомъ въ 1878 г. на каторгу по процессу 193-хъ. Только въ 1883 году, т. е. черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ осужденія, Чернышевскій получилъ разрѣшеніе поселиться въ городѣ Астрахани, а въ 1889 году лѣтомъ переѣхать въ родной городъ Саратовъ, гдѣ и скончался отъ мозгового удара на 61-мъ году жизни. Въ послѣднее время, онъ, подъ псевдонимомъ Андреева, переводилъ съ своими примѣчаніями и до-

полненіями «Всемирную Исторію» Вебера, написавъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» статью подъ заглавіемъ: «Характеръ человѣческаго знанія» по вопросу о доступности человѣку познанія вещей самихъ по себѣ, и въ журналѣ «Русская Мысль» статьи: «Матеріалы для біографіи Добролюбова» и «Происхожденіе теории благотворительности борьбы за жизнь» (1888 г. № 9), въ которой доказываетъ политическое происхожденіе дарвинизма и считаетъ не благотворной, а вредной «борьбу за существованіе», если исключительно ею обуславливать прогрессъ какъ простыхъ организмовъ, такъ и социальныхъ.

Въ одномъ изъ некрологовъ о Чернышевскомъ, о частной его жизни говорится слѣдующее:

«Чернышевскій жилъ замкнуто и чуждался публичности. Одинъ лишь разъ выступилъ онъ на эстраду съ извѣстными воспоминаніями о Добролюбовѣ и не удовлетворилъ общимъ ожиданіямъ своей внѣшностью и угловатою манерою держать себя. Дѣйствительно, въ жизни этотъ человѣкъ отличался не только скромностью, но даже застѣнчивостью. Ни что въ его фигурѣ и въ его привычкахъ не напоминало его радикальныхъ воззрѣній. Онъ, какъ личность, своей скромностью составлялъ совершенную противоположность своимъ политическимъ стремленіямъ. Человѣкъ кабинетнаго труда, не знавшій почти отдыха, не знавшій что такое развлеченіе, общество женщинъ, онъ можно сказать жилъ умомъ и сердцемъ только въ области тѣхъ теорій, которыя неустанно проповѣдовалъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ».

Приводимъ списокъ сочиненій Чернышевскаго по 1863 г., не ручаясь за его полноту.

- «О сродствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ», соч. Гильфердинга.—«Отеч. Зап.», 1853 г., № 7. Библиогр. хроника.
- «Федонъ или о безсмертіи души», соч. Мендельсона.—«Отеч. Зап.», 1854 г., № 5. Библиогр. хроника.
- «Справочный Энциклопедическій словарь», изд. подъ редакціей А. Старчевскаго.—«Отеч. Зап.», 1854 г., № 6. Библиогр. хроника.
- «О повѣи», соч. Аристотеля.—«Отеч. Зап.», 1854 г., № 9. Критика.
- «Справочный Энциклопедическій словарь», изд. подъ редакціей А. Старчевскаго.—«Отеч. Зап.», 1854 г., № 11. Библиогр. хроника.
- «Пѣсни равныхъ народовъ», пер. Н. Бергъ.—«Отеч. Зап.», 1854 г., № 12. Библиогр. хроника.
- Переводъ романа Чарльза Ливера: «Семейство Доддовъ за-границей».—«Отеч. Зап.», 1854 г., № 12.
- «Романы и повѣсти Авдѣва».—«Соврем.», 1854 г., № 2. Библиографія.
- «Бѣдность—не порокъ», ком. Островскаго.—«Соврем.», 1854 г., № 5. Библиографія.
- «О землѣ, какъ элементѣ богатства» А. Львова.—«Соврем.», 1854 г., № 6. Библиографія.
- «Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича», соч. Медовикова.—«Соврем.», 1854 г., № 10. Библиографія.

- «Пѣсни разныхъ народовъ», Н. Берга.—«Соврем.», 1854 г., № 11. Критика.
- «Учебникъ русской словесности», соч. Охотина.—«Соврем.», 1854 г., № 12. Библиографія.
- «Временникъ Импер. Московск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» книги 16, 17, 18 и 19 за 1853—1854 гг.—«Соврем.», 1854 г., № 12. Критика.
- «Путешествія А. Норова».—«Отеч. Зап.», 1855 г., № 1. Критика.
- «Осада или взятіе Византіи турками», соч. Стасюлевача.—«Отеч. Зап.», 1855 г. № 3. Библиогр. хроника.
- Переводъ съ англійскаго романа Чарльза Ливера: «Семейство Доддовъ за-границей».—«Отеч. Зап.», 1855 г., №№ 1, 2, 3.
- «Московская самоварница», соч. П. Мед...а.—«Соврем.», № 1. Библиографія.
- «Осада Рима», соч. Богоявленскаго.—«Соврем.», 1855 г., № 2. Библиографія.
- «Осада и взятіе Византіи», соч. Стасюлевича.—Тамъ же.
- «Сочиненія Пушкина».—«Соврем.», 1855 г., №№ 2, 3, 7 и 8. Критика.
- «Россійская родословная книга», изд. П. Долгорукова.—«Соврем.», 1855 г., № 3 Библиографія.
- «Русская геральдика», Лакіера.—«Соврем.», 1855 г., № 3. Библиографія.
- Новыя повѣсти.—Тамъ же.
- «О правахъ иностранцевъ въ Россіи», соч. Андреевскаго.—«Соврем.», 1855 г., № 4. Библиографія.
- «Грамматическія замѣтки» Классовскаго.—«Соврем.», 1855 г., № 4. Библиографія.
- «Пропаи». Сборникъ статей по классической древности, изд. П. Леонтьевымъ.—«Соврем.», 1855 г., №№ 4 и 5. Критика.
- «О древне-русскихъ училищахъ». Разсужденіе Н. Лавровскаго.—«Соврем.», 1855 г. № 5. Библиографія.
- «Высшій курсъ русской грамматики», соч. Стоюнина.—«Соврем.», 1855 г., № 5. Библиографія.
- «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи», сост. Я. Соловьевъ.—«Соврем.», 1855 г., № 11. Библиографія.
- «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы».—«Соврем.», 1855 г., № 12. Критика.
- «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы».—«Соврем.», 1856 г., №№ 1 2, 4, 7, 9, 10, 11, 12. Критика.
- «Хроника современныхъ военныхъ событій».—«Соврем.», 1856 г., №№ 1, 2, 5.
- «Стихотворенія гр. Ростопчиной».—«Соврем.», 1856 г., № 3. Библиографія.
- «Стихотворенія И. Никитина».—Тамъ же.
- «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1856 г., № 3.
- «Стихотворенія Кольцова».—«Соврем.», 1856 г., № 6. Библиографія.
- «Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы», рѣчь Булича.—Тамъ же.
- «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1856 г., № 6.
- «Понятіе Гошкянса о народномъ хозяйствѣ».—«Соврем.», 1856 г., № 7.
- «Статистическое описаніе Кіевской губерніи», изд. Фундуклея.—Тамъ же.
- «О волотѣ и серебрѣ», соч. Тарасенко-Отрѣшкова.—Тамъ же.
- «Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ», соч. Стасюлевича.—Тамъ же.
- Заграничныя извѣстія.—«Соврем.», 1856 г., № 7.
- «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1856 г., № 7.
- «Статистическое описаніе Кіевской губерніи».—«Соврем.», 1856 г., № 8. Критика.
- «Рѣчь Бакста о народномъ капиталѣ».—«Соврем.», 1856 г., № 8. Библиографія.

- Заграничныя извѣстія.—«Соврем.», 1856 г., № 8.
 Вся библиографія, кромѣ рецензіи о Кротковѣ.—«Соврем.», 1856 г., № 9.
 «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1856 г., № 9.
 «Записки Сибирскаго отдѣла имп. русск. геогр. Общ.»—«Соврем.», 1856 г., № 10.
 Библиографія.
 «Римскія женщины по Тациту», соч. Кудрявцева.—Тамъ же.
 «Стихотворенія Бенедиктова».—Тамъ же.
 «Стихотворенія гр. Ростопчиной».—Тамъ же.
 «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1856 г., № 10.
 «Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность».—«Соврем.», 1856 г., №№ 10, 11, 12. Критика.
 «Замѣтки о журналахъ» до стр. 171-й.—«Соврем.», 1856 г., № 11.
 «Дѣтство, отрочество и военные рассказы Л. Толстого».—«Соврем.», 1856 г., № 12.
 Критика.
 «О золотѣ и серебрѣ», соч. Тарасенко-Отрѣшкова.—«Соврем.», 1856 г., № 12.
 Библиографія.
 «Шиллеръ», изд. Гербеля.—«Соврем.», 1857 г., № 1. Библиографія.
 «Чародѣй», соч. Вельтмана.—Тамъ же.
 «Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность».—«Соврем.», 1857 г., №№ 1, 3, 4, 6. Критика.
 «Письма объ Испаніи», соч. Боткина.—«Соврем.», 1857 г., № 2. Критика.
 Вся библиографія.—«Соврем.», 1857 г., № 2.
 «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1857 г., № 2.
 «Собраніе писемъ Алексѣя Михайловича», изд. Бартевымъ.—«Соврем.», 1857 г.
 № 3.
 Вся библиографія.—«Соврем.», 1857 г., № 3.
 «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1857 г., № 3.
 Библиографія.—«Соврем.», 1857 г., № 4.
 «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1857 г., № 4.
 «Соч. Жуковскаго».—«Соврем.», 1857 г., № 5. Библиографія.
 «Отчетъ Правленія Одесскаго женск. благотвор. Общ.».—Тамъ же.
 «Статистическіе труды Штукенберга».—Тамъ же.
 «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1857 г., № 5.
 «Хлопчато-бумажная промышленность».—«Соврем.», 1857 г., № 6.
 «Путешествіе по Восточной Сибири».—Тамъ же.
 «Статистическіе труды Штукенберга».—Тамъ же.
 «Замѣтки о журналахъ».—«Соврем.», 1857 г., № 6.
 «Studien Гакстаузена».—«Соврем.», 1857 г., № 7.
 «Замѣтки о журналахъ».—Тамъ же.
 «Сочиненія Гоголя».—«Соврем.», 1857 г., № 8. Критика.
 Вся библиографія.—«Соврем.», 1857 г., № 8.
 «О поземельной собственности».—«Соврем.», 1857 г., №№ 9, 11. Критика.
 «Рѣчь Бабста о нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала».—«Соврем.», 1857 г., № 10. Критика.
 «Разказы изъ исторіи Англіи по Маклею».—«Соврем.», №№ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.
 «Русскій человѣкъ на rendez-vous».—«Атеней», 1858 г., № 17. Критика.
 «Кавеньякъ».—«Соврем.», 1858 г., №№ 1 и 3.
 «О главныхъ условіяхъ сельскаго быта».—«Соврем.», 1858 г., №№ 2 и 4.

- «Отвѣтъ на замѣчанія провинціала».—«Соврем.», 1858 г., № 3.
 «Борьба партій во Франціи».—«Соврем.», 1858 г., №№ 8, 9.
 «Тюрго», соч. Муравьева.—«Соврем.», 1858 г., № 9. Критика.
 «О необходимости держаться возможно умѣренной цифры при опредѣленіи величины выкупа усадебъ».—«Соврем.», 1858 г., № 11.
 «Критика философскихъ предубѣждений противъ общиннаго землевладѣнія».—«Соврем.», 1858 г., № 12.
 «Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ». «Вредная добродѣтель».—«Соврем.», 1859 г., № 1 (въ Свисткѣ).
 «Экономическая дѣятельность и законодательство».—«Соврем.», 1859 г., № 2.
 «Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ».—Тамъ же.
 «Чичеринъ, какъ публицистъ».—«Соврем.», 1859 г., № 5.
 «Вульвичскій арсеналъ и пушка Армстронга».—«Соврем.», 1859 г., № 6.
 «Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ».—«Соврем.», 1859 г., № 7.
 «Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ».—«Соврем.», 1859 г., № 10.
 «Суевѣріе и правила логики».—«Соврем.», 1859 г., № 10.
 «Вопросъ о свободѣ журналистики во Франціи».—«Соврем.», 1859 г., № 10.
 Политика,—во всѣхъ №№ «Современника» за 1859 г.
 «Юльская Монархія».—«Современникъ», 1860 г., №№ 1 и 2.
 «Капиталъ и трудъ».—«Соврем.», 1860 г., № 1.
 «Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» въ 1859 г.».—«Соврем.», 1860 г., № 1.
 «Антропологическій принципъ въ философіи».—«Соврем.», 1860 г., №№ 4, 5.
 «Замѣчанія на «послѣднее слово г. Погодину» г. Костомарова».—«Современ.», 1860 г., № 5.
 «Постепенное развитіе философскихъ ученій».—«Соврем.», 1860 г., № 6.
 «Собраніе чудесъ», Готторна.—«Соврем.», 1860 г., № 6.
 «Историческая бібліотека».—Тамъ же.
 «Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной».—Тамъ же.
 «Прадѣдовскіе нравы».—«Соврем.», 1860 г., №№ 7, 8. Критика.
 «Воспоминанія Смирнова».—«Соврем.», 1860 г., № 7. Библіографія.
 «Изъ-за Украйны», Данилевскаго.—Тамъ же.
 «Исторія Лоренца».—«Соврем.», 1860 г., № 8.
 «Записки Энгельгардта».—«Соврем.», 1860 г., № 10. Библіографія.
 «Предложеніе Закревскаго относительно виннаго акциза».—«Соврем.», 1860 г., № 12.
 «Нынѣшніе англійскіе виги».—«Соврем.», 1860 г., № 12.
 «Матеріалы для исторіи и статистики Россіи».—«Соврем.», 1860 г., № 12.
 «Промышленныя предпріятія».—Тамъ же.
 «О государствѣ Бентама».—Тамъ же.
 «Основанія политической экономіи по Миллю».—«Соврем.», 1860 г., №№ 2, 3, 4, 5, 7, 8, 11.
 Политика, во всѣхъ №№ «Современника» за 1860 г.
 «Политико-экономическія письма Кари».—«Соврем.», 1861 г., № 1. Библіографія.
 «О бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи».—Тамъ же.
 «Кредитныя дѣла».—«Соврем.», 1861 г., № 1.
 «Новыя періодическія изданія—«Основа», «Время».—«Соврем.», 1861 г., № 1.
 «Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г.».—«Современ.», 1861 г., № 1.
 «Предисловіе къ нынѣшнимъ австрійскимъ дѣламъ».—«Соврем.», 1861 г., № 2.

- «Что слѣдуетъ дѣлать «Русскому Обществу пароходства и торговли».—«Соврем.», 1861 г., № 2.
- «Стихотворенія Плещеева».—«Соврем.», 1861 г., № 3. Библиографія.
- «Начала народнаго хозяйства», Рошера.—«Соврем.», 1861 г., № 4. Библиографія.
- «О рекрутской повинности».—«Соврем.», 1861 г., № 5.
- «О причинахъ паденія Рима».—«Соврем.», 1861 г., № 5. Критика.
- «Русская и всеобщая исторія», Тимаева.—«Соврем.», 1861 г., № 5. Библиографія.
- «Письма русскихъ государей».—Тамъ же.
- «Опытъ историческаго оправданія Петра I».—Тамъ же.
- «Непочтительность къ авторитетамъ».—«Соврем.», 1861 г., № 6. Критика.
- «Полемическія красоты».—«Соврем.», 1861 г., № 6. Критика.
- «Полемическія красоты».—«Соврем.», 1861 г., № 7. Критика.
- «Русскій реформаторъ».—«Соврем.», 1861 г., № 10. Критика.
- «Народная безтолковость».—«Соврем.», 1861 г., № 10.
- «Не начало ли перемѣны?»—«Соврем.», 1861 г., № 11. Критика.
- «Воронежскій литературный сборникъ» и «Воронежская Вѣсѣда».—«Современн.», 1861 г., № 12. Библиографія.
- «Записки энтомологическаго Общества въ С.-Петербургѣ».—«Соврем.», 1861 г., № 12. Библиографія.
- «Характеристика изъ землеописанія Пютца».—Тамъ же.
- «Извлеченіе изъ постановленій о вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости».—«Соврем.», 1861 г., №№ 3, 4.
- «Основанія политической экономіи по Миллю».—«Соврем.», 1861 г., №№ 6, 7, 8, 9, 10, 12.
- Полятика во всѣхъ №№ «Современника» за 1861 г.
- «Матеріалы для біографіи Добролюбова».—«Соврем.», 1862 г., № 1.
- «Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» въ 1861 г.».—«Современн.», 1862 г., № 1.
- «Объ открытіяхъ магистра де-Безобразова».—«Современникъ», 1862 г., № 1 (въ «Свистѣ»).
- «О росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ».—«Соврем.», 1862 г., № 2.
- «Въ изъявленіе признательности».—«Соврем.», 1862 г., № 2.
- «Руководство къ сравнительной статистикѣ», Кольба.—«Соврем.», 1862 г., № 2. Библиографія.
- «Самозванные старѣйшины».—«Соврем.», 1862 г., № 3.
- «Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія».—«Соврем.», 1862 г., № 3.
- «Ясная Поляна».—«Соврем.», 1862 г., № 3. Библиографія.
- «Научились ли?».—«Соврем.», 1862 г., № 4. Критика.
- Полятика во всѣхъ №№ «Современника» за 1862 г.
- «Письма безъ адреса» написаны въ 1862 г., но изданы за границей въ 1874 г.
- «Что дѣлать?» романъ.—«Соврем.», 1863 г., №№ 3, 4, 5.
- «Вопросъ о поземельномъ устройствѣ у алжирскихъ арабовъ».—«Современникъ», 1863 г., № 4.

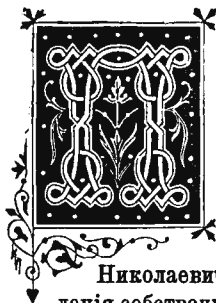
Заканчивая некрологъ Чернышевскаго перечнемъ его трудовъ по 1863 годъ, надо прибавить, что покойный въ послѣднее время хотѣлъ предпринять изданіе давно задуманнаго имъ энциклопедическаго словаря, въ которомъ такъ нуждается русское общество.

А. Фаресовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Два выпуска подъ редакцію Н. Дубровина. Спб. 1876—1889.

НЕРЕДЪ НАМИ лежитъ драгоцѣнный сырой матеріалъ для исторіи Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ рукахъ опытнаго историка, этотъ матеріалъ даетъ полную возможность ознакомиться съ дѣйствительно совершившимися фактами, даетъ возможность правильно освѣтить всѣ подробности происшедшаго и, такимъ образомъ, возсоздать извѣстную эпоху вполне согласно истинѣ. Появился этотъ сборникъ по волѣ императора Александра Николаевича, выразившаго желаніе, чтобы изъ архива перваго отдѣленія Собственной Его канцеляріи были извлечены, исключительно въ видахъ обогащенія исторической литературы, нѣкоторые наиболѣе соответствующіе этой цѣли документы, принадлежащіе ко времени, предшествующему воцаренію императора Николая Павловича. Желая соблюсти извѣстный порядокъ при распредѣленіи архивныхъ документовъ въ сборникѣ, редакторъ отдѣлялъ прежде всего бумаги, составляющіе совершенно самостоятельную категорію документовъ, отъ бумагъ, которыя, по разнородности и по нѣкоторой случайности своего содержанія, не могутъ быть къ нимъ приурочены. Вслѣдствіе этого образовались сами собою два отдѣла: къ первому изъ нихъ отнесены высочайшіе указы, рескрипты и повелѣнія, состоявшіе по канцеляріи съ 21-го іюня по 31-е августа 1812 года. Ко второму же: два рескрипта императрицы Екатерины Великой; матеріалы къ исторіи Отечественной войны; разнаго рода донесенія, доклады, отчеты, мнѣнія и тому подобныя бумаги до 1825 года; потомъ бумаги относящіяся къ служебной дѣятельности графа М. М. Сперанскаго; наконецъ, официальная и частная переписка графа А. А. Аракчеева. Все это помѣщено въ первомъ выпускѣ, а во второмъ сначала идетъ продолженіе высочайшихъ указовъ и рескриптовъ съ 30 іюля по 31-е декабря 1816 года и высочайшихъ повелѣній за тотъ же годъ, объ-

явленныхъ графомъ Аракчеевымъ: во второмъ отдѣлѣ: рапорты сенатора Алексѣева; письма генераль-губернатора сибирскаго Пестеля, генерала Ермолова, генерала Ушакова и министра финансовъ Гурьева; переписка объ аэростатѣ Липпиха съ 1812 по 1816 годъ и переписка В. Н. Каразина по филотехническому обществу съ 1814 по 1818 годъ; наконецъ, рапортъ и записка князя Рѣпина и письмо государю барона Кампенауэна 7-го апрѣля 1818 года. Въ концѣ каждаго выпуска помѣщенъ алфавитный указатель собственныхъ именъ. Остановимъ наше вниманіе на матеріалахъ для исторіи Отечественной войны. 1) Записка малороссійскаго генераль-губернатора князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе Малороссіи въ лѣто 1812 года», изъ которой, между прочимъ, видно съ какою готовностью Малороссія откликнулась на призывъ Александра Павловича объ ополченіи, выставивъ 42,182 человекъ и 6,500 конницы. Кромѣ того, казачество дало пятнадцать полковъ, то-есть 18,000 человекъ; обращая на это особое вниманіе, князь Лобановъ пишетъ: «При обстоятельствахъ же, въ коихъ государство находилось, колкое число было здѣсь политическихъ причинъ къ сему новому образованію приступить, того упоминать было бѣ пространно, а довольно будетъ сообразить только число мелкопомѣстныхъ здѣсь владѣльцевъ и, вѣдавъ, въ какомъ они съ крестьянами своими другъ къ другу отношеніи, заключить, что не они бы огонь тушить помогли, а казаки, коимъ за достиженіемъ уже цѣли своей не чѣмъ было бы соблазниться». 2) Секретное донесеніе псковскаго губернатора, князя Шаховскаго, которому было поручено собирать свѣдѣнія о ходѣ военныхъ операцій корпуса графа Витгенштейна. 3) Собственноручное письмо князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго, главнокомандующаго резервною арміею, графу Аракчееву (14-го марта 1814 года); письмо начинается такъ: «Дѣла по герцогству варшавскому обращаются къ вашему сіятельству. Хотя у меня съ нимъ никакихъ и нѣтъ, позвольте мнѣ для пользы общей тутъ же молвить слово. Истинно стыдно явное и, такъ сказать, подобострастное во всякомъ случаѣ угожденіе полякамъ; добродушіе сверхъ мѣры здѣшняго генераль-губернатора (Василья Сергѣевича Ланскаго) воспрещаетъ ему даже подлежація возраженія». Не желая исполнять законныя требованія князя Лобанова, польскіе и преимущественно варшавскіе чиновники создавали клязумы и жалобами своими на мнимое своевольство солдатъ создавали длинныя переписки, а В. С. Ланской не имѣлъ присутствія духа заставить молчать «образованную націю». 4) Много любопытнаго представляетъ секретная записка о положеніи русскихъ финансовъ въ 1813 году и объ изысканіи средствъ къ продолженію военныхъ дѣйствій въ чужихъ краяхъ; былъ образованъ для этой цѣли секретный комитетъ, членами котораго были: С. К. Вязмитиновъ, князь П. В. Лопухинъ и министръ финансовъ Д. А. Гурьевъ, собирались они подъ предѣлательствомъ фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова. Весь расходъ на военныя надобности исчислялся въ 28,308,785 руб. ассиг., считая четыре рубля въ одномъ рублѣ серебра, но за вычетомъ мѣстныхъ по военному министерству расходовъ оставалось изыскать источники на покрытіе январской трети въ суммѣ до 15,500,000 руб. ассиг. Въ запискѣ Д. А. Гурьева сказано между прочимъ: «Министръ финансовъ, съ своей стороны, какъ для подкрѣпленія государственнаго казначейства въ оборотахъ его, затрудняемыхъ медленнымъ и неисправнымъ вступленіемъ доходовъ, такъ и на случай чрезвычайныхъ нуждъ, во избѣжаніе единственнаго остаю-

щасягося способа заимствовать суммы изъ ассигнаціоннаго банка, представлялъ объ учрежденіи государственныхъ обязательствъ на 30.000.000 р. и заграничныхъ кредитныхъ бумагъ на иностранную монету для чрезвычайныхъ расходовъ арміи, съ тѣмъ, чтобы платежъ или выпускъ сихъ бумагъ отложить до окончанія войны на извѣстныхъ и удобныхъ правилахъ, подѣ выскимъ ручательствомъ его императорскаго величества». Проектъ этотъ не осуществился, въ виду введенія курса на серебро и общаго экономическаго недомоганія имперіи послѣ вторженія Наполеона I; тогда Д. А. Гурьевъ предложилъ: снять военное положеніе съ губерній, отдаленныхъ отъ границы и бесполезно обремененныхъ военнымъ режимомъ, упорядочить положеніе дѣлъ въ западно-русскихъ губерніяхъ и уничтожить учрежденія, вызванныя потребностями войны; энергично взыскать недоимки по питейному сбору, достигшія 29,000,000 руб., а также видоизмѣнить самую систему откуповъ дающую широкій просторъ произволу и злоупотребленіямъ; принять неотложныя мѣры къ уничтоженію заразительныхъ болѣзней въ Новороссіи; и измѣнить правила внѣшней торговли, чтобы купечество знало, чѣмъ руководиться въ виду измѣненія торговыхъ отношеній послѣ войны 1812 года. И эти предложенія подвергались измѣненіямъ и поправкамъ, озабочивая собою все высшее управленіе, передъ которымъ постоянно стояла страшная цифра недоимокъ къ 1-му мая 1813 года: 180 милліоновъ рублей. 5) Затрудненія были преодолены, русскія войска побѣдоносно прошли отъ Нѣмана до Сены и императоръ Александръ Павловичъ торжественно вступилъ въ Парижъ, избавивъ не Европу, а, строго говоря, одну Германію, отъ ига бывшаго корсиканскаго поручика артиллеріи. Тогда зашла въ Петербургѣ рѣчь о поднесеніи императору титула «Благословенный». Въ общемъ засѣданіи государственныхъ сословій постановленіе объ этомъ и другихъ знакахъ всеобщей радости было написано Юріемъ Александровичемъ Мелединскимъ-Мелецкимъ и отправлено на утвержденіе въ Парижъ при донесеніи фельд-маршала графа Н. И. Салтыкова 28 го апрѣля 1814 года.—Изъ другихъ историческихъ документовъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: 1) проектъ сенатора Попухина относительно перемѣны управленія въ Крыму (въ январѣ 1803 года), гдѣ волненія жителей-мухаммеданъ, и тяготѣніе ихъ къ Турціи много вредили благосостоянію полуострова. 2) Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей былъ первымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (съ 8-го сентября 1802 года до конца 1807 года); покидая свой постъ, онъ нашелъ полезнымъ къ обычному годовому отчету приложить записку съ очеркомъ пятилѣтней дѣятельности новоучрежденнаго министерства, его полезныя стороны и тѣ неудобства, которыя слѣдовало уничтожить или преобразовать. Записка пространныя и детально останавливается на всѣхъ отдѣлахъ, входящихъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. 3) Рапорты сенатора Алексѣева отъ 5-го и 28-го декабря 1807 года относительно переселенія евреевъ изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки, а также относительно почтъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши; въ обоихъ рапортахъ приведена масса любопытныхъ свѣдѣній этнографическихъ и бытовыхъ того времени; писалъ ихъ, очевидно, человекъ, хорошо и внимательно изучившій край, въ которомъ многое сохранилось безъ измѣненій до настоящаго времени. 4) Два письма начальника штаба первой западной арміи, генераль-маіора Ермолова, отъ 1-го и 10-го августа 1812 года, на имя императора Александра Павловича, въ самый разгаръ Отечественной

войны. 6) Письмо генераль-адъютанта Уварова государю отъ 18-го октября 1812 года, вскорѣ послѣ выступленія Наполеона I изъ Москвы; въ письмѣ указано, что Наполеонъ ввезъ въ Россію фальшивыхъ ассигнацій всего на 400.000,000 рублей. 7) Наконецъ, письмо государю барона Кампенгаузена отъ 7-го апрѣля 1818 года, въ которомъ представленъ критическій очеркъ дѣятельности нашихъ администраторовъ; письмо написано остроумно, съ пониманіемъ дѣла и большинство замѣчаній барона могутъ быть повторены въ настоящее время безъ всякихъ измѣненій.

А. Б—въ.

Е. Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ. (Опытъ историко-библиографическаго обзора). Спб. 1889.

Наша русская историческая наука по нѣкоторымъ вопросамъ разрослась уже до такой степени, что является необходимость, прежде дальнѣйшей ихъ разработки, подвести итогъ всему, что сдѣлано уже до сихъ поръ. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, это имѣетъ мѣсто по отношенію къ эпохѣ Петра Великаго, эпохѣ, которая привлекала на себя вниманіе всѣхъ почти выдающихся русскихъ историковъ и по поводу которой высказывались самыя разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія. Различіе нашихъ общественныхъ и литературныхъ партій, нашихъ историческихъ школъ, въ теченіе долгаго времени основывалось на ихъ отношеніи къ этой эпохѣ. Въ результатѣ явилось то, что въ русской исторіи нѣтъ, можетъ быть, другого вопроса, который въ такой мѣрѣ привлекалъ бы къ себѣ вниманіе общества и послужилъ бы предметомъ столькихъ литературныхъ произведеній и историческихъ трудовъ, какъ реформа Петра. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю массу написаннаго по этому вопросу, онъ далеко не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ; еще многія стороны реформы ждутъ своего изслѣдователя и даже самая личность преобразователя не представлена еще въ надлежащей полнотѣ и ясности. Но наряду съ изученіемъ мало или совсѣмъ еще не затронутыхъ сторонъ вопроса, въ виду значительнаго уже накопленія трудовъ по нему, должно идти систематизированіе и изученіе высказанныхъ въ послѣднихъ взглядахъ. Первую попытку такого труда по вопросу о личности Петра и общемъ значеніи его реформы и даетъ г. Шмурло въ своей новой книгѣ. Въ ней авторъ поставилъ себѣ задачей не обстоятельное изученіе взглядовъ на реформу, а лишь ознакомленіе читателя съ ними въ ихъ послѣдовательной преемственности, желая дать, какъ онъ говоритъ, лишь «одинъ внѣшній набросокъ смѣнявшихся воззрѣній въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ». Въ первой главѣ своей книги онъ и даетъ живо и интересно составленный очеркъ различныхъ воззрѣній на Петра и его реформу, въ разное время господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ и нашедшихъ себѣ отраженіе въ литературѣ. То двойственное отношеніе, которое встрѣтила реформа Петра у его современниковъ,—полное преклоненіе и преданность у однихъ и ожесточенная вражда у другихъ,—при его преемникахъ обратилось въ восторженное, хотя и не лишнее значительной примѣси реторики, отношеніе какъ къ дѣлу реформатора, такъ и къ его личности, достигшее своего апогея при Елисаветѣ, когда оно доходило чуть ли не до обоготворенія Петра. При Екатеринѣ II проявляется уже болѣе спокойная, болѣе критическая оцѣнка дѣятельности Петра, переходящая у иныхъ даже въ противоположную край-

ность—въ отрицательное отношеніе къ реформѣ и идеализацію XVII вѣка и наряду съ этимъ появляется — въ лицѣ Радищева и Щербатова — первая попытка научно отнестись къ личности и дѣятельности Петра. Новыя точки зрѣнія на Петровскую эпоху были выставлены уже въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія, во время спора славянофиловъ съ западниками, въ теченіе котораго обѣ стороны накладывали, правда, слишкомъ густыя и одностороннія краски какъ на личность, такъ и на реформу Петра, но который тѣмъ не менѣе много содѣйствовалъ уясненію вопроса. Въ это время впервые была высказана мысль, развитая затѣмъ уже вполне научно С. М. Соловьевымъ и легшая въ основаніи всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по эпохѣ Петра, мысль о назрѣваніи преобразованія уже въ XVII вѣкѣ и полной естественности его осуществленія въ XVIII-мъ. Обзоромъ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ позднѣйшихъ мнѣній и указаніемъ на отсутствіе еще окончательнаго рѣшенія вопроса, несмотря на то, что изученіе его находится уже на вѣрномъ пути, и аканчиваетъ авторъ эту главу. Вторая глава его очерка заключаетъ въ себѣ обзоръ историческаго изученія Петровской эпохи, начиная съ трудовъ Гюйсена и Шафирова и кончая сочиненіемъ проф. Брикнера «Исторія Петра Великаго» и книгой Скайлера «Peter the Great». По обилію и точности библиографическихъ указаній эта глава составитъ цѣнное и необходимое пособіе для всякаго занимающагося Петровской эпохой. Можно только пожалѣть, что авторъ, отводя въ своемъ трудѣ довольно много мѣста библиографическимъ подробностямъ и изысканіямъ, въ то же время ограничивается лишь краткимъ изложеніемъ взглядовъ приводимыхъ имъ авторовъ, не указывая тѣхъ основаній, на которыхъ покоились ихъ воззрѣнія. Въ виду этого особенно бросаются въ глаза нѣкоторыя, неизбѣжныя при принятомъ авторомъ распредѣленіи матеріала, повторенія сравнительно съ первой главой, гдѣ онъ разбираетъ тѣхъ же самыхъ историковъ, какъ выразителей общественнаго мнѣнія. Излишнее стремленіе автора къ краткости, приводитъ пороку къ тому, что изложеніе его обращается въ простой перечень различныхъ изданий матеріаловъ, статей и сочиненій, что, само собою, нѣсколько уменьшаетъ и интересъ книги. Что касается первой главы, то относительно ея также можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Важнѣйшимъ изъ нихъ является, по нашему мнѣнію, то, что авторъ, давая довольно подробное сравнительно изложеніе произведеній панегиристической литературы середины и конца XVIII вѣка, чрезвычайно мало говоритъ о литературѣ раскольничьей и лишь мелькомъ упоминаетъ о народныхъ пѣсняхъ о Петрѣ Великомъ. Не говоря уже о народныхъ пѣсняхъ, значеніе которыхъ ясно для всякаго, и въ раскольничьей литературѣ можно было найти много цѣннаго, такъ какъ въ ней выражаются взгляды значительной части русскаго народа на личность царя-преобразователя и смыслъ его дѣятельности, высказывавшіеся притомъ безъ всякаго стѣсненія и безъ постороннихъ побужденій, которыя могли играть, а иногда безъ сомнѣнія и играли, значительную роль въ официальной литературѣ. Въ виду этого пробѣла народный взглядъ на Петра въ книгѣ г. Шмурло почти отсутствуетъ, о чемъ нельзя не пожалѣть. Въ связи съ этимъ недостаткомъ мы бы поставили другой, болѣе частный: это—недостаточная характеристика Посошкова, который какъ бы заносится въ число исключительныхъ панегиристовъ Петра. Наконецъ, мы могли бы повторить и сдѣланный уже автору въ другомъ мѣстѣ упрекъ въ несоразмѣрности отдѣльныхъ частей его труда; писателю совершенно посредственному, онъ отво-

дять подчасъ слишкомъ много мѣста, а мнѣніе болѣе выдающагося дѣятеля характеризуетъ слишкомъ кратко, что имѣло мѣсто напримѣръ и по отношенію къ Посошкову. Но, указывая эти недостатки труда г. Шмурло, мы вовсе не хотимъ этимъ умалять его достоинствъ. Въ немъ заключается масса библиографическаго матеріала, тщательно собраннаго и въ большинствѣ случаевъ удачно освѣщеннаго авторомъ, и онъ имѣетъ не малое значеніе, какъ въ качествѣ этюда изъ нашей исторіографіи, такъ и въ качествѣ библиографическаго пособія. Не мѣшаетъ прибавить, что къ достоинствамъ книги относится и ея языкъ, живой и гладкій, повременамъ даже блестящій.

В. М.

К. Ю. Цируль. Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. Спб. 1889.

Въ теоріи давно уже сдѣлалось трюизмомъ, что воспитаніе не должно ограничиваться развитіемъ одной психической стороны ребенка, игнорируя физическую сторону его существа. Еще Рабелъ, Монтанъ, Амось Коменскій, Локкъ и Руссо, горячо возставали противъ такой односторонности школьнаго образованія и указывали на необходимость укрѣпленія организма учащагося посредствомъ здороваго физическаго труда. Но отъ слова часто бываетъ очень далеко до дѣла; мысль, общепризнанная среди теоретиковъ, иногда долго не находитъ практическаго осуществленія. Такъ и идея ручнаго труда, какъ предмета школьнаго образованія, начинаетъ переходить въ жизнь только во второй половинѣ настоящаго столѣтія, если не считать, конечно, нѣкоторыя единичныя попытки прежняго времени, напр., Песталоцци и Фребеля. Инициатива въ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежитъ Финляндіи. Честью этой инициативы она обязана Уно Цигнеусу, отцу ея новѣйшей школы. Въ 1857 году финляндскій сенатъ поручилъ ему реорганизацію школъ. Побывавъ во всѣхъ почти государствахъ Европы, съ цѣлью изученія школьнаго дѣла и его состоянія, онъ замѣтилъ въ современной школѣ отсутствіе ручнаго труда. Послѣдователь идей Песталоцци и Фребеля, онъ проектировалъ для всѣхъ народныхъ школъ своей родины обязательное преподаваніе ручныхъ занятій, высказывая при этомъ мысль, что цѣлью этихъ занятій должно быть не обученіе ремеслу, а только сообщеніе дѣтямъ нѣкоторыхъ ручныхъ навыковъ, общихъ всѣмъ ремесламъ и развивающихся въ нихъ привычку и любовь къ труду вообще. Изданный въ 1866 году школьный законъ, которымъ ручной трудъ вводился во всѣ финляндскія начальныя учительскія семинаріи, въ качествѣ обязательнаго предмета преподаванія, является первымъ всеобщимъ школьнымъ закономъ, требующимъ включенія въ программу училищъ техническихъ ручныхъ занятій. Какое значеніе Цигнеусъ имѣетъ для Финляндіи, такое же Клаусонъ-Клаасъ имѣетъ для Даніи, Германіи, отчасти для Швеціи и для нащрго Прибалтійскаго края. Первенство въ дѣлѣ развитія и разработкѣ на практикѣ вопроса о ручномъ трудѣ, какъ предметѣ необходимомъ въ школѣ общеобразовательной, безспорно, принадлежитъ современной Швеціи. Здѣсь замѣчается два направленія—практическое и педагогическое. Школы перваго направленія ставятъ своей главной цѣлью выдѣлку извѣстныхъ предметовъ и поднятіе производства. Школы же втораго направленія (которое въ послѣднее время вытѣсняетъ собою практическую постановку вопроса), смотря на ручныя заня-

тія прежде всего какъ на полезную педагогическую мѣру: такова, напр., знаменитая Нэсская семинарія. Послѣдняя находится недалеко отъ гор. Готенбурга и основана однимъ изъ богатыхъ шведскихъ землевладѣльцевъ, г. Абрагамсономъ. Руководителемъ семинаріи состоятъ племянникъ Абрагамсова, Отто Саломонъ. Изучивъ основательно сочиненія извѣстѣйшихъ педагоговъ, а также и идеи лучшихъ знатоковъ ручного труда, положивъ самъ не мало труда и силъ въ разработку различныхъ вопросовъ практической педагогіи, Саломонъ создалъ особую «шведскую систему», которая извѣстна также подъ названіемъ «нэской» или же «системы Саломона». Эта система, отличающаяся полнотою, ясностію и глубиною, пользуется большою извѣстностію въ Европѣ. Цѣлью обученія ручному труду она ставитъ; 1) будить охоту и любовь къ труду; 2) сообщать общіе ручныя навыки; 3) укрѣплять привычку къ самостоятельности; 4) приучать порядку и точности; 5) развивать внимательность, прилежаніе и настойчивость.

Съ тою же Нэскою семинаріей связано и начало обученія ручному труду въ Россіи. Теперешній министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, находясь лѣтомъ 1884 года въ Швеціи, для ознакомленія со школьнымъ дѣломъ этого государства, посѣтилъ между прочимъ и Нэскую семинарію. Простое, но серьезное веденіе обученія ручному труду, какъ учителей народныхъ школъ, такъ и учениковъ образцовой народной школы при семинаріи, прекрасныя результаты отъ занятій этимъ предметомъ и въ другихъ школахъ, произвели на него самое отрадное впечатлѣніе и съ этого времени онъ сдѣлался не только горячимъ сторонникомъ его, но и самымъ усерднымъ распространителемъ въ Россіи. Благодаря его настоянію, министерство Народнаго Просвѣщенія командировало въ Швецію, для знакомства съ теоріей и практикой преподаванія ручного труда, двухъ учителей изъ окончившихъ курсъ въ здѣшнемъ учительскомъ институтѣ. Одинъ изъ командированныхъ былъ авторъ этой брошюры.

Онъ такъ описываетъ настоящее положеніе у насъ даннаго дѣла: «Директору института К. К. Сентъ-Илеру было дано (министерствомъ) порученіе ознакомиться на мѣстѣ съ состояніемъ этого новаго школьнаго предмета. Благодаря горячему отношенію этого послѣдняго къ дѣлу, преподаваніе ручного труда въ с.-петербургскомъ учительскомъ институтѣ получило надлежащее направленіе, которое постепенно распространяется и на тѣ школы, преподавателями которыхъ являются оканчивающіе курсъ въ институтѣ. Съ октябрия мѣсяца 1887 года я началъ въ институтѣ преподаваніе ручного труда, въ качествѣ предмета необязательнаго. При началѣ дѣла число учащихся было невелико, и надежды на успѣхъ довольно робки. Однако, вопреки ожиданіямъ, число занимающихся не уменьшалось, а напротивъ, возросло съ каждымъ годомъ. Большинство изъ нихъ воспитанники института (50), остальные ученики (20), образцоваго при институтѣ городского училища, мальчики 11—15 лѣтъ и нѣсколько частныхъ лицъ, между которыми большинство учителей и учительницъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ помѣщенія и средствъ мѣшаетъ дальнѣйшему возрастанію числа учащихся. Работающіе дѣлятся на 4 группы по 15—20 человекъ въ каждой. Каждая группа занимается 3 раза въ недѣлю, по 2 часа въ день. Что же касается цѣлей, которыя преслѣдуются въ классѣ ручного труда, то въ общемъ онѣ слѣдуютъ направленію, установленному Саломономъ».

Тѣмъ изъ читателей «Историческаго Вѣстника», которые интересуются

дѣломъ обученія ручному труду, смѣло рекомендуемъ прекрасно написанную брошюру г. Цируля. Они найдутъ въ ней какъ подробныя свѣдѣнія о состоянїи этого предмета въ разныхъ странахъ Европы, такъ и всестороннее изложенеіе системы Саломона. Кромѣ того, авторъ говоритъ о сущности и пользѣ ручного труда и о взглядахъ на него наиболѣе выдающихся педагоговъ, дѣлаетъ нѣсколько практическихъ замѣчаній объ устройствѣ класса ручного труда и, наконецъ, представляетъ указатель литературы предмета и пособій.

С.

Лѣтопись Московской Троицкой, «что въ Поляхъ», церкви. Съ двумя фасадами церковей: Троицкой и Успенской и съ двумя планами; составлена священникомъ оной церкви Николаемъ Соловьевымъ. Москва. 1889.

Трудъ очень скромный по замыслу и плану — и весьма почтенный по исполненію. Авторъ, задумавъ написать краткую и тѣсно-ограниченную «лѣтопись» Троицкой церкви на основаніи только тѣхъ матеріаловъ, какіе могли отыскаться въ архивѣ Московской Духовной Консисторїи,—увлекся своей задачей и не устоялъ противъ соблазна: онъ не ограничился матеріалами консисторскихъ архивовъ и перебралъ постепенно массу всякаго историческаго матеріала, и извлекъ изъ этого матеріала уже не только исторію Троицкой церкви, а цѣлую исторію всего ея прихода. Извѣстный всей Москвѣ знатокъ книжной старины, книгопродавецъ А. А. Астаповъ, далъ автору возможность напечатать его сочиненіе, «поставивъ при этомъ непремѣнное условіе, чтобы лѣтопись была напечатана сполна, безъ всякихъ измѣненій и сокращеній» — и этимъ оказалъ не малую услугу приходу, въ которомъ онъ уже 25 лѣтъ ведетъ торговлю книгами. Въ томъ видѣ, въ какомъ книга напечатана, она представляетъ весьма полезный указатель къ мѣстной исторїи того уголка старой Москвы, въ которомъ находится Троицкій приходъ. Дѣйствительно, кромѣ подробной исторїи храма, начиная съ его первоначальнаго устройства до нынѣшнихъ въ немъ перестроекъ, мы находимъ въ книгѣ Н. А. Соловьева подробныя свѣдѣнія о святыхъ храма, его библиотекѣ, его землѣ, доходахъ и причтѣ; и, сверхъ того — о населенїи прихода, о причисленныхъ и упраздненныхъ церквахъ и о церквахъ домовыхъ, числящихся въ его же приходѣ. Попутно, авторъ даетъ намъ очень много любопытныхъ подробностей и объясненій, выказывающихъ въ немъ и любовь къ дѣлу, и умѣнье осторожнаго изслѣдователя. Такимъ образомъ, авторъ доставляетъ намъ возможность заглянуть въ отдаленное прошлое церкви, когда около нея (въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI в.) происходили «поля» (судебные поединки), и даетъ полную картину всѣхъ перемѣвъ, какія происходили въ разное время съ церковью, не сохранившею въ настоящее время никакихъ слѣдовъ старины, такъ какъ существующее зданіе относится къ 1825—34 гг., а послѣднее внутреннее его украшеніе къ 70-мъ годамъ нынѣшняго вѣка. Вообще говоря, желательно было бы, чтобы добрый примѣръ почтеннаго Н. А. Соловьева нашелъ себѣ побольше подражателей въ средѣ московскаго духовенства и побудилъ бы многихъ приходскихъ священниковъ къ описанію московскихъ храмовъ и къ составленію ихъ документальной исторїи. Въ настоящее время, какъ мы слышали, Н. А. Соловьевъ занятъ приготовленіемъ къ печати лѣтопи-

сей Крушицкой епархіи, заключающей въ себѣ весьма любопытные матеріалы по исторіи московскаго духовенства. Надѣмся, что и этотъ полезный трудъ почтеннаго автора найдетъ себѣ издателя, который не пожалѣетъ на него затратить.

П. П.

Курсъ церковнаго права. Томъ первый. Н. Суворовъ. Ярославль. 1889.

Авторъ настоящей книги, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго лица, является однимъ изъ плодовитыхъ писателей по церковному праву. Но до послѣдняго времени ему принадлежали труды, касавшіеся отдѣльныхъ вопросовъ. Только теперь литературная дѣятельность г. Суворова проявилась въ болѣе систематическомъ трудѣ, который и нельзя не привѣтствовать.

Г. Суворовъ предположилъ было первоначально издать краткій учебникъ, въ которомъ бы съ возможною сжатостью «были изложены элементы науки». Въ такомъ сочиненіи, дѣйствительно, и чувствуется особенная нужда, авторъ же могъ бы выполнить задачу съ полнымъ успѣхомъ постаравшись избѣгнуть нѣкоторой сухости. Но г. Суворовъ оставилъ это намѣреніе, исходя изъ тѣхъ соображеній, что съ одной стороны, «наука церковнаго права есть одна изъ самыхъ неразработанныхъ», съ другой же стороны, «по массѣ вопросовъ, составляющихъ содержаніе этой науки, въ нашемъ обществѣ, существуютъ настолько сбивчивыя и неопредѣленныя понятія, что всякое научное положеніе, поставленное съ полною опредѣленностью и въ то же время не обставленное сполна тѣми основаніями, на которыхъ оно утверждается, могло бы возбуждать недовѣріе, вмѣсто того что бы убѣждать». Надлежало, такимъ образомъ, выпустить нѣчто болѣе обширное, чѣмъ краткій учебникъ. Настоящимъ томомъ г. Суворовъ и осуществляетъ свое новое предположеніе. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ введеніе; часть первую: историческій очеркъ развитія церковнаго устройства и часть вторую: историческій очеркъ развитія источниковъ церковнаго права. Слѣдующій томъ будетъ начать догматическимъ изложеніемъ церковнаго устройства.

Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы авторъ не оставилъ совсѣмъ мысль и о краткомъ учебникѣ, чтобы настоящій почтенный трудъ не замѣнилъ собою совершенно первоначальнаго предположенія. И учебникъ, и настоящій курсъ, могли бы существовать одновременно, не мѣшая другъ другу. Они одинаково необходимы. Положенія учебника не опирались бы на подробныя доказательства въ немъ самомъ и учебникъ могъ бы предпосылать къ курсу читателя глубже интересующагося предметомъ. Но несомнѣнно, что для весьма обширнаго круга лицъ было бы совершенно достаточно краткаго учебника и наоборотъ, слишкомъ много для нихъ подробнаго курса. При наличности же только послѣдняго, наука осталась бы достояніемъ весьма ограниченнаго меньшинства, тогда какъ авторъ признаетъ, повидимому, необходимость болѣе или менѣе широкаго распространенія въ обществѣ научныхъ понятій по церковному праву.

Весьма большой принципиальный интересъ представляетъ собою заключительная часть разсматриваемой книги, получившая полемицескій характеръ вслѣдствіе того, что, по словамъ г. Суворова, «въ духовной литературѣ

развивается обыкновенно взглядъ, что вообще императорскіе законы по дѣламъ церковнымъ, суть законы государственные, а не церковные, что не можетъ быть такого императорскаго закона, который былъ бы церковнымъ, а не государственнымъ закономъ и что церковные законы издаются церковною властію, подъ которою долженъ быть понимаемъ духовно-іерархическій элементъ въ церкви, между тѣмъ какъ императору, который есть власть на церковная, а государственная, принадлежитъ только *placet*, т. е. право разрѣшенія публикаціи изданнаго церковною властію закона, что, наконецъ, если императоръ издаетъ законъ относительно церкви и именно относительно внутренняго ея порядка, то этотъ законъ становится обязательнымъ не прежде, какъ церковь одобритъ его, сдѣлавъ его «*lex canonica*»... (стр. 358).

Въ заключеніе, какъ пришлось намъ сказать въ № 6 «Историческаго Вѣстника», по поводу книги г. Лашкарева «Церковное право въ его основахъ, видахъ и источникахъ», такъ нужно сказать и по поводу книги г. Суворова, хотя и дающей довольно подробныя свѣдѣнія объ источникахъ, что она также обнаруживаетъ необходимость кодификаціи церковнаго права, что приведеніе въ порядокъ позднѣйшихъ источниковъ русскаго церковнаго права много поспособствовало бы и развитію науки церковнаго права.

Н. Др.

Сенатскій Архивъ. Томъ второй. Журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената. Спб. 1889.

Въ первомъ томѣ этого изданія были помѣщены «Именные Указы Императора Павла I». Въ томѣ вышедшемъ вторымъ, напечатаны «лишь нѣкоторые журналы и опредѣленія Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг., потому что другихъ за эти годы, а равно и за предшествующее имъ время нѣтъ въ Спб. Сенатскомъ Архивѣ». Эти «нѣкоторые журналы и опредѣленія», напечатанные съ весьма разумною экономіею и безъ всякихъ повтореній и лишннихъ формальностей, отчасти вскрываютъ для специалистовъ тотъ громадный юридическій и бытовой матеріалъ, который хранится на полкахъ Сенатскаго Архива. Хотя собранные здѣсь «журналы» и «опредѣленія» и относятся именно къ тому періоду, когда значеніе Сената было ослаблено сначала верховниками, а потомъ бироновщиной — однакоже множество дѣлъ, тяжбъ, челобитныхъ и доношеній, помѣщенныхъ въ толстомъ второмъ томѣ (650 страницъ) дополняютъ весьма яркими красками исторію нашего общества XVIII вѣка. Пользованіе матеріалами, помѣщенными во второмъ томѣ, значительно облегчается указателемъ, въ которомъ, при именахъ и фамиліяхъ, очень кстати, вставлены краткія упоминанія о содержаніи документовъ.

Послѣдующіе томы «Сенатскаго Архива» обѣщаютъ быть еще болѣе любопытными и важными, такъ какъ, съ 1740 г., число документовъ, хранящихся въ Архивѣ, считается уже весьма значительнымъ, да и самый Сенатъ, какъ извѣстно, съ началомъ царствованія Елисаветы Петровны вступаетъ въ новый періодъ своей исторіи — возвращается къ тому значенію, которое онъ имѣлъ въ началѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Петра Великаго. Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ послѣдующихъ томовъ этого полезнаго и важнаго изданія.

П. П.

**Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ,
составилъ Г. С. Лыткинъ. Спб. 1889.**

«*Vae victis!*» сказалъ какой-то галльскій брень, взявъ съ Рима дань, какъ о томъ разсказываетъ легенда. Смыслъ этого восклицанія имѣетъ глубокое значеніе и рельефно выступаетъ въ исторіи, когда изучаютъ прошлую жизнь людей. «Горе побѣжденнымъ!» Это воскличаніе примѣнялось безопадно во всѣ вѣка и на практикѣ выражалось тѣмъ, что побѣдитель тщательно старался истребить побѣжденный народъ и истребить даже память о немъ, о его прошломъ. Такъ было за нѣсколько тысячелѣтій до Рождества Христова, когда древніе египтяне покорили аму-казаковъ и руадитаевъ, такъ дѣлается и въ настоящее время, когда европейцы истребили маорисовъ и истребляютъ павнисовъ и оссинобойновъ. Безопадно въ этомъ отношеніи были изъ европейскихъ народовъ испанцы, бессмысленно истребившіе не только цѣлый народъ на Канарскихъ островахъ, но и самые ничтожныя памятники прошлой исторической жизни; тевтовы, не смотря на всѣ усилія, не сѣмъли сдѣлать того же со славянами прибалтійскими и полабскими. Съ своей стороны, русскіе, не смотря на всю мягкость своего характера, въ силу одной исторической необходимости, поступаютъ точно также съ покоренными и покорившимися народами; они не истребляютъ ихъ, но и не заботятся о сохраненіи памяти прошлаго; инородцы ассимилируются, превращаются черезъ нѣсколько поколѣній въ русскихъ и съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ всего, что можетъ напомнить имъ ихъ происхожденіе, бывшую религію, нравы, обычаи, исторію. Благодаря этому, въ исторической наукѣ появляются пробѣлы и этнографическія загадки, напрасно ожидающія своего Эдипа. Разсказать хотя въ общихъ чертахъ судьбу галимдовъ, разяснить происхожденіе и причину исчезновенія буртасовъ,—въ настоящее время никто не можетъ. Но величайшая живая загадка моволить еще сейчасъ глаза изслѣдователей и они почти равнодушно проходятъ мимо, не задаваясь серьезно вопросомъ о происхожденіи финновъ и всѣхъ ихъ разнообразныхъ вѣтвей, раскинувшихся отъ Балтійскаго моря вглубь Азіи. Удовольствуясь близорукко выдуманнымъ терминомъ «урало-алтайскіе народы», ученые нѣмецкой школы не замѣчаютъ страшной этнографической путаницы и съ легкимъ сердцемъ распредѣляютъ такъ называемыхъ финновъ по заранѣ назначеннымъ клѣточкамъ, не заботясь вовсе о единственно разумномъ исходѣ: старательно и заботливо изучить, безъ всякой тенденціозности и предвзятости, всѣ тѣ народы, которые носятъ общее названіе финновъ или урало-алтайскихъ народовъ. вмѣсто подобнаго изученія, мы встрѣчаемъ отрывочныя свѣдѣнія о финскихъ народахъ съ того момента, когда эти народы начинаютъ терять свою обособленную фисіономію. Очевидно, при подобномъ отношеніи къ дѣлу историко-этнографическія изысканія далеко не уйдутъ и наука, конечно, многое потеряетъ. Подтверженіе нашихъ словъ мы находимъ въ книгѣ г. Лыткина, преподавателя спб. шестой гимназіи, конечно, въ его историческомъ отдѣлѣ, такъ какъ филологическій отдѣлъ не представляетъ интереса для читателей «Историческаго Вѣстника». Много труда и стараній потрачено г. Лыткинымъ на объясненіе названій «пермь» и «зыряне», которыхъ до сихъ поръ не понимаютъ русскіе академики, вѣрные хранители традицій своихъ учителей—нѣмцевъ (временъ Петра Великаго и его преемниковъ). Затѣмъ г. Лыткинъ останавливается

на біографіи еп. пермскаго св. Стефана и на его преемниках; этимъ исчерпывается его историческая задача. Собственно о народѣ, о его прошломъ, о его отличительныхъ качествахъ и особенностяхъ, у автора ничего нѣтъ; онъ повторяетъ ошибку своихъ предшественниковъ и считаетъ началомъ исторіи зырянъ моментъ просвѣщенія ихъ свѣтомъ христіанства, забывая, что зыряне существовали задолго до начала русскаго государства и быть можетъ они окажутся въ спискахъ Геродота и Птоломея. Что касается его изслѣдованій относительно «перми» и «зырянъ», то слѣдуетъ признать ихъ филологически совершенно правильными, хотя дальше филологическаго объясненія г. Лыткинъ не пошелъ и кто такіе на самомъ дѣлѣ эти зыряне, насколько близки къ нимъ по происхожденію вилежане, вычегда, вымь, вишера, удора, имфа, и другіе народы, населявшіе древнюю Пермь вычегодскую или Біармію, авторъ не объясняетъ. Мало того, онъ оставляетъ безъ вниманія, что вишера жила когда-то въ Новгородской губерніи, гдѣ ея названіе сохранилось до сихъ поръ; что разъ признано чисто русское происхожденіе слова «зырянъ» (отъ серень-гололедица), то очевидно, что его слѣдуетъ приравнять къ тѣмъ названіямъ, которыя русскіе давали иноземцамъ (чудь, ляхи, нѣмцы) и слѣдовательно необходимо держаться настоящаго названія народа: сысола или сыктыль. Кромѣ того, названіе Біармія (очевидно испорченная сысольская парма), встрѣчается въ скандинавскихъ сагахъ, откуда легко заключить, что скандинавы тѣмъ или другимъ способомъ вступали въ сношенія съ сысолами, знали ея мѣстожителство и осмысленно примѣнили названіе Біармія для обозначенія сильнаго, многочисленнаго народа, обладавшаго развитымъ религіознымъ культомъ и ведущаго дѣятельныя торговыя сношенія съ югомъ по Волгѣ. Не даромъ саги сохранили разсказъ, какъ какой-то конунгъ забрался въ Біармію и хотѣлъ ограбить главнаго идола Югумалу, но жрецы собственными силами отбили налетъ дерзкаго конунга и спасли сокровища, прельстившіе скандинавовъ. Все это показываетъ, что въ отдаленную эпоху сысола были на довольно высокой степени культурнаго развитія; тогда становится понятнымъ предположеніе, что тѣсными кѣмъ-то, сысола спустились на Каму и положили начало волжскимъ болгарамъ, которые, такимъ образомъ, оказываются тѣми же сысолами, но принявшими мусульманство и слившимися съ «волгарями», то есть новгородскими ушкуйниками. Ничего подобнаго не упоминаетъ г. Лыткинъ, всецѣло слившій исторію сысоловъ съ біографіями пермскихъ епископовъ. Трудъ его заслуживаетъ полнаго вниманія, авторъ достоинъ благодарности за стремленіе къ правильной постановкѣ вопросовъ (насколько онъ ими занялся), но, тѣмъ не менѣе, самъ по происхожденію сысоль, г. Лыткинъ могъ бы, по случаю 500 лѣтія пермской каведры, дать болѣе обстоятельную монографію о своихъ единоплеменникахъ. Очевидно, сысола должны еще подождать своего историка, которому предстоитъ благодарный трудъ возстановить былую картину сѣверной Россіи въ ея настоящемъ видѣ. А. Б.—въ.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1888—1889. Т. VII). Изданіе пятое, дополненное, въ семи томахъ, съ портретомъ автора.

Успѣхъ книги, быстрая ея распродажа и появленіе новаго изданія въ короткій, сравнительно, періодъ времени, еще не всегда могутъ служить вѣрными ручательствами за достоинство и значеніе книги. Успѣхъ бываетъ

случайный, подготовленный, раздутый хвалебными отзывами досужих пріятелей-рецензентовъ. Но если успѣхъ прочный, настоящій, заправскій выпадаетъ на долю «полнаго собранія сочиненій» того или другого автора, если это полное собраніе, въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, выдерживаетъ пять изданій — мы невольно вынуждены сознаться, что этотъ успѣхъ заслуженъ авторомъ, что онъ основанъ на положительныхъ достоинствахъ его произведеній.

Этотъ отзывъ, всецѣло, относится къ сочиненіямъ нашего талантливаго писателя Г. П. Данилевскаго, который пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью, какъ историческій романистъ. Эта извѣстность ни мало не поколеблена тѣмъ, что въ послѣднее десятилѣтіе у насъ явилось очень много писателей, посвящающихъ свои досуги тому же, весьма трудному литературному роду. Родъ труденъ, разработка его требуетъ не только таланта и легкости изложенія, но и знаній, и большого, многосторонняго изученія эпохи,—а между тѣмъ многіе берутся за этотъ родъ безъ всякой подготовки и даютъ громкое названіе историческаго романа всякому произведенію, пересыпанному историческими именами. Не такъ смотритъ на свое дѣло Г. П. Данилевскій. Онъ долго, подробно и внимательно изучаетъ сначала эпоху, избранную имъ канвою для романа, знакомится съ нею до мелочей, исчерпываетъ документальные источники, частныя письма, семейныя преданія — и только тогда уже берется писать романъ изъ той или другой эпохи. Можно сказать, что, по отношенію къ изученію эпохи, онъ является самымъ добросовѣстнымъ изъ нашихъ историческихъ романистовъ. Мы готовы, пожалуй, признаться, что отдѣльные образы его героевъ, отдѣльные характеры, выступающіе въ его произведеніяхъ, не всегда бывають яркими и рельефными, не всегда ему удаются; но эпоха историческая всегда представляется въ романахъ Г. П. Данилевскаго въ видѣ широкой, мастерски написанной картины, которая легко усваивается воображеніемъ читателя и остается на долго въ его памяти. Все сказанное здѣсь, кажется, можетъ быть примѣнено и къ седьмому тому полнаго собранія сочиненій Г. П. Данилевскаго, въ которомъ помѣщено одно изъ послѣднихъ его произведеній «Черный годъ». Давно уже не приводилось намъ имѣть болѣе потрясающаго, болѣе вѣрнаго описанія грозной и безобразной Пугачевщины! И въ этой картинѣ, въ этомъ морѣ зла и крови, какъ былинки гибнуть и исчезаютъ личности дѣйствующихъ лицъ, выведенныхъ романистомъ. Но за то впечатлѣніе ужаса и ужаса настоящаго, безпощаднаго, ничѣмъ не смягчаемаго, вѣтъ страшною историческою правдою съ каждой страницы «Чернаго года». Читая «Черный годъ», понимаешь, что подобныя романы, такъ живо и образно знакомящіе насъ съ нашимъ недавнимъ прошлымъ — должны имѣть успѣхъ, и успѣхъ прочный. Отъ души желаемъ его почтенному автору и ждемъ отъ него новыхъ романовъ. П. П.

Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи, соч. И. Я. Сырцова. Тобольскъ. 1889.

Новая печальная страничка изъ исторіи Сибири развертывается передъ нами: преслѣдованіе старообрядцевъ властями духовными и свѣтскими вслѣдствіе чего преслѣдуемые сжигали себя, не желая отказываться отъ двупер-

стнаго креста и не желая терять царства небеснаго, становясь «слугами антихриста». Идея самосожиганія впервые была примѣнена практически въ 1667 году учениками извѣстнаго расколоучителя протопопа Аввакума Петровича, отличавшагося суровымъ аскетизмомъ и подпалившаго собственную руку на огнѣ въ минуту непосильной борьбы плоти съ духомъ. Заточенный въ Пустозерскъ, Аввакумъ поддерживалъ сношенія съ послѣдователями своихъ идей въ Нижегородской области и съ восторгомъ привѣтствовалъ первое «огненное крещеніе» людей, которые «недождався еретическаго осужденія, сами во огонь дерзнувшіе, да цѣло и непорочно соблюдутъ благовѣріе, и сожечше своя тѣлеса, душа же въ руци Божіи предавше, ликовствуютъ со Христомъ во вѣки вѣкомъ, самовольные мученики, Христовы рабы». Съ легкой руки нижегородскихъ изуверовъ, самосожиганіе стало повторяться, какъ въ европейской Россіи, такъ и въ Сибири, куда было занесено бѣжавшими отъ преслѣдованій центральныхъ властей раскольниками. По официальнымъ свѣдѣніямъ до начала нынѣшняго столѣтія сторгѣло добровольно 17,400 человекъ, изъ которыхъ на Сибирь приходится съ небольшимъ 5,000 человекъ. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «самоубійства и убійства старообрядцевъ легче и ближе будетъ къ истинѣ объяснять стремленіемъ къ приобрѣтенію мученическихъ вѣнцовъ», тѣмъ болѣе въ «Исторіи Выговской пустыни, И. Филипова», рассказывается съ восторгомъ о соловецкихъ старцахъ Игнатіи, Гермогенѣ и другихъ, сжегшихъ въ Бѣломорскомъ краѣ тысячи послѣдователей, рассказывается какъ о великихъ чудотворцахъ и страстотерпцахъ, стараясь особенно выставить на видъ ихъ подвиги склоненія другихъ къ самоубійствамъ и самосожиганію. Въ Сибири первымъ поборникомъ «крещенія огнемъ» былъ сосланный монахъ Іосифъ Истоминъ, родомъ армянинъ-несторіанецъ, не признававшій съ дѣтства трехперстнаго креста. Лично разстригъ Истому не удалось устроить «гари», но его пылкая, страстная проповѣдь нашла многочисленныхъ послѣдователей, и въ ночь на 6-е января 1679 года бывшій тюменскій попь Дометіанъ, въ присутствіи мучителей, слугъ антихристовыхъ, произвелъ самосожженіе 2,400 человекъ за одинъ разъ. Съ легкой руки Дометіана пошли зажигаться срубы, въ которыхъ запирались старообрядцы, по всей Сибири, хотя число самоубійцъ нигдѣ не достигало крупныхъ размѣровъ, нигдѣ не превышало 350 человекъ. Продолжалось такое дикое изуверство до 28 февраля 1762 года, когда сенатъ, по волѣ императора Петра III, указомъ предписалъ распустить всѣхъ раскольниковъ изъ остроговъ и дѣла о нихъ производствомъ прекратить. Кончились преслѣдованія, не стало и самосожженій. Знакома читателей съ печальною стороною сибирской жизни, г. Сырцовъ дѣлаетъ полезный вкладъ въ историческую науку, собирая разбросанные и почти затерянные матеріалы, способствующие къ уясненію тѣхъ отношеній, какія существовали между сибирскою администраціею и нелегальными колонистами-старообрядцами, бѣжавшими за Уралъ, чтобы избавиться отъ безвыходнаго положенія, въ которое они ставились въ родныхъ мѣстахъ, гдѣ имъ предлагалось на выборъ: или оставить свои вѣрованія, убѣжденія и привязанности, или идти въ тюрьму, подъ пытки, а подчасъ даже и на костеръ. Глубокое значеніе въ исторіи Россіи имѣетъ, поэтому, сенатскій указъ 28 февраля 1762 г.

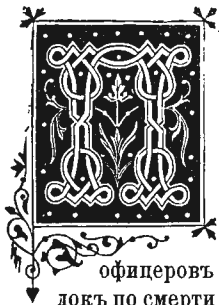
А. Б—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Новооткрытыя письма Кантемира и документы его посольства въ Лондонъ.— Запорожскіе казаки въ депешахъ англійскаго посла.— Александровская тюрьма.— Петръ I и его первая жена.— Брошюра балтійскихъ нѣмцевъ.— Община въ Болгаріи.— Книга Фрейтага о Фридрихѣ III.—Первобытные обитатели Европы.— Откуда произошло названіе Америки.— Венеціанскія догарессы.

ПРОФЕССОРЪ международного права въ Варшавѣ Александренко отыскалъ въ Британскомъ музеѣ нѣсколько неизданныхъ документовъ, относящихся къ посольству въ Англію князя Антиоха Кантемира въ 1732—1738 гг. Два письма нашего посланника и нѣсколько бумагъ изъ архивовъ музея профессоръ напечаталъ въ двухъ нумерахъ журнала «Academy». Кантемиру было поручено пригласить нѣсколько способныхъ англійскихъ офицеровъ для реорганизациі русскаго флота, пришедшаго въ упадокъ по смерти Петра Великаго. Войдя въ сношенія по этому предмету съ капитаномъ Метьюсомъ, онъ обратился въ маѣ 1735 года къ герцогу Ньюкестль, съ просьбой объ исходатайствованіи королевскаго разрѣшенія капитану вступить въ русскую службу. Въ письмѣ къ герцогу, на французскомъ языкѣ, Кантемиръ говоритъ, что онъ получилъ отъ Георга II позволеніе пригласить на службу двухъ офицеровъ и капитанъ Метьюсъ просилъ разрѣшенія ѣхать въ Петербургъ у лорда Гаррингтона, но не получилъ отъ него отвѣта, вѣроятно, по случаю отъѣзда его съ королею въ Ганноверъ. Поэтому посоль просилъ, чтобы позволеніе это дала королева. Оно вѣроятно и было дано, судя по второму письму Кантемира. Англійскій посоль въ Константинополь лордъ Ринноуль старался всѣми силами номѣшать доброму согласію Англій и Россіи и интриговалъ противъ послѣдней державы, вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ до того, что герцогъ Ньюкестль писалъ ему: «мнѣ очень непріятно сообщать вамъ, что его величество получилъ за послѣднее время

жалобы отъ русскаго императорскаго и голандскаго резидентовъ, что вашъ образъ дѣйствій отличается крайнимъ пристрастіемъ къ Франціи и послѣдствія этого приносятъ большой вредъ интересамъ русскаго двора». Англійскіе резиденты, дѣйствующіе при иностранныхъ дворахъ въ разрывѣ съ политикою своей страны, были не рѣдки и въ прошломъ столѣтіи, но этотъ выговоръ герцога сообщилъ, вѣроятно, Кантемиру, такъ какъ князь благодарилъ его за сообщеніе королевскаго приказанія, посланнаго лорду Ринноулю. «Я отправилъ, пишетъ Кантемиръ, приказаніе это къ моему двору, который, конечно, увидитъ въ немъ новое доказательство искренней дружбы короля къ императрицѣ, моей государынѣ. Смѣю увѣрить заранѣе, что ея императорское величество выразитъ королю свою благодарность и готовность оказать подобныя же услуги его британскому величеству». Письма Кантемира вообще доказываютъ существованіе весьма пріянныхъ отношеній между двумя дворами въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Во время своего пребыванія въ Лондонѣ русскій резидентъ вошелъ въ дружескія сношенія со многими лицами. Въ Водлейанской бібліотекѣ сохранилась его переписка съ Замбони, резидентомъ герцога Дармштатскаго. Въ домѣ Кантемира, говоритъ аббатъ Гуаско, собирались ученые и писатели, и первый русскій сатирикъ несомнѣнно написалъ въ Лондонѣ нѣкоторыя изъ своихъ сатиръ. Здѣсь же онъ выучился итальянскому языку и издалъ сочиненіе своего отца «Исторія развитія и паденія Оттоманской имперіи». Не безъ пользы провелъ шесть лѣтъ въ Англіи человекъ, еще въ 1724 году просившій Петра I объ отпускѣ за границу для пріобрѣтенія познаній. Въ 1738 г. англійскій резидентъ въ Петербургѣ увѣдомилъ лорда Гаррингтона, что Кантемиръ отзывается и назначается полномочнымъ министромъ при французскомъ дворѣ. Анна Иоанновна сообщила объ этомъ отозваніи Георгу II, на русскомъ языкѣ за своею подписью, на золотобрѣзной бумагѣ. Письмо было контрсигнировано вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ. Король отвѣчалъ довольно длиннымъ посланіемъ «высочайшей, могущественнѣйшей, знаменитѣйшей принцессѣ, возлюбленнѣйшей сестрѣ, великой царицѣ и великой герцогинѣ Аннѣ» и пр. (to the most high, most potent and most illustrious princess, our most dear sister, the great lady Czarina and great duchess Anne). Георгъ очень хвалилъ посла, вполне достойнаго довѣрія ея царскаго величества, «всегда поддерживавшаго счастливый союзъ, существующій между ними, полное согласіе и дружбу». Какія причины заставили императрицу отозвать Кантемира изъ Лондона и отправить его въ Парижъ — это не достаточно разъяснено. Благодаря стараніямъ Кантемира, сношенія Россіи съ Франціей въ 1738 году значительно улучшились. Леди Рондо передаетъ въ своихъ мемуарахъ мнѣніе Остермана, что Кантемиръ былъ посланъ въ Парижъ съ цѣлью показать Швеціи, что если она будетъ питать враждебные замыслы противъ Россіи, то не должна надѣяться на помощь французскаго короля, съ которымъ императрица въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ, что отправила къ нему полномочнаго министра. Въ Парижѣ Кантемиръ прожилъ также шесть лѣтъ и умеръ въ 1744 году, оплакиваемый своими друзьями. Одному изъ нихъ, аббату Гуаско, знаменитый Монтескье писалъ: «вы еще можете найти друзей, которые замѣнятъ вамъ погибшаго, но Россія не такъ легко замѣститъ такого достойнаго посла, какъ Кантемиръ».

— Профессоръ Александренко помѣстилъ въ томъ же журналѣ статью «Запорожскіе казаки, описанные англійскимъ посланникомъ въ Россіи въ

1736 году» (The sarogogue cossacks as described by an english ambassador in Russia in 1736). Описание это помѣщено въ депешѣ Клавдія Рондо къ лорду Гаррингтону и относится къ походу на Азовъ, откуда начались военныя дѣйствія противъ турокъ. Вотъ что говоритъ англійскій резидентъ объ этомъ «сильномъ и неутомимомъ народѣ, населяющемъ островки въ устьяхъ Днѣпра и приносящемъ такую пользу Россіи въ войнахъ съ турками». Ихъ начальникъ, кошевой, живетъ отдѣльно въ комнатѣ, занимающей не болѣе десяти квадратныхъ футовъ, но казаки помѣщаются въ куреняхъ, по 600—700 человекъ, куда каждый можетъ придти ѣсть, пить и спать никому не кланяясь и никого не благодаря за угощеніе. Вся эта нація—чрезвычайный народъ, болѣе привыкшій жить на открытомъ воздухѣ, чѣмъ въ куреняхъ, поэтому до пятисотъ человекъ всегда ночуютъ на дворѣ. Запорожцы не допускаютъ къ себѣ женщинъ, а если найдутъ, что кто-нибудь изъ нихъ живетъ съ женщиной, похищаютъ его до смерти камнями. У нихъ нѣтъ писанныхъ законовъ и всѣ дѣла судятъ шесть или семь человекъ, выбранныхъ съ этой цѣлью, но ни одинъ судебный приговоръ не исполняется оезъ подтвержденія его всѣмъ обществомъ. Если между ними совершается кража и воръ пойманъ—его немедленно вѣшаютъ за ребра. Если случается убойство, вырываютъ яму, кладутъ убойцу на убитаго и зарываютъ ихъ въ землю. Они исповѣдуютъ греческую религію и получали прежде своихъ поповъ отъ константинопольскаго патріарха, но въ послѣдніе два года, находясь подъ покровительствомъ царицы, имъ высылаетъ поповъ киевскій архіепископъ. Цоны не смѣютъ заниматься никакими мірскими дѣлами и принимаютъ только публичныя покаянія въ церкви да могутъ ходатайствовать за виновныхъ въ легкихъ проступкахъ. Въ свое общество запорожцы принимаютъ всякаго, кто переходитъ въ греческую вѣру и выдерживаетъ семилѣтній искусъ для поступления въ казаки. Оставлять общество никому не запрещается, но такому уже не принимаютъ вторично, считая его недостойнымъ быть казакомъ. Богатство ихъ заключается преимущественно въ лошадяхъ, которыхъ у иного казака бываетъ до сотни, а по десяти-двадцати у многихъ. О конокрадствѣ у нихъ не слышно. Хлѣба они не съютъ, во время войны грабятъ съѣстные припасы, гдѣ могутъ, во время мира ведутъ мѣновую торговлю лошадьми и рыбой, проорывая за нихъ провизію всякаго рода. Они ловятъ много рыбы въ днѣпрѣ, особенно осетровъ. На своихъ конскихъ заводахъ держатъ турецкихъ и черкесскихъ жеребцовъ. Оружіе свое—саоли и винтовки выдѣлываютъ сами. Только сильные и здоровые люди принимаются въ казаки, но всякій можетъ поступить въ холопы къ нимъ и у каждаго казака по два—по три холопа (слопорры). Точное число казаковъ неизвѣстно, такъ какъ оно ежедневно мѣняется, но считаютъ не болѣе двадцати тысячъ. Большею частью казаки родомъ изъ Украины, холопы — изъ польши. Куреней 50 и въ каждомъ свои атаманъ, подчиняющіеся кошевому, выбираемому всѣмъ обществомъ. Если онъ не нравится — смѣняютъ его и выбираютъ другого. Нынѣшніи кошевой былъ уже разъ смѣненъ, а теперь выбранъ вторично по смерти своего предшественника. Умирая, запорожець оставляетъ свое имущество кому хочетъ, большею частью—церкви и оно идетъ на содержаніе поповъ. Такова жизнь этой воинственной общины, которую г. Александренко сравниваетъ съ жизнью германскихъ племенъ, описанныхъ Цезаремъ, тогда какъ вѣрнѣе было бы вспомнить скивовъ Геродота, обитателей днѣпровскихъ острововъ.

— Эдгаръ Буланжье помѣстилъ въ «Nouvelle Revue» описаніе «центральной тюрьмы въ Александровскѣ» (La prison centrale d'Alexandrovsk) изъ воспоминаній о своемъ путешествіи въ Сибирь, въ августѣ прошлаго года. Туристъ начинается съ разсказа о поѣздкѣ изъ Усоляя, гдѣ добывается лучшая соль въ Сибири. Оттуда до Александровска всего 15 верстъ, но надо переѣзжать три рукава Ангары, и переѣздъ совершается на старомъ, подусгнившемъ суднѣ, каждую минуту угрожающемъ развалиться. Авторъ вспоминаетъ о недавнемъ подобномъ случаѣ съ адъютантомъ графа Игнатьева, капитаномъ Медемомъ и его четырьмя товарищами. И теперь судно, скрипѣвшее подъ тяжестью тарантаса, запряженнаго четверкой лошадей, немного заставляеть опасаться катастрофы, но перевозчики спокойно говорятъ: «пѣтсѣво» и судно пристаетъ къ другому берегу, а тарантасъ продолжаетъ катиться по дорогѣ, оставленной на милость Божью и потому отличной, какъ замѣчаетъ ямщикъ. Въ центральной тюрьмѣ села Александровска можетъ помѣститься 1800 арестантовъ. Одноэтажное зданіе передѣлано изъ винокуреннаго завода и вполнѣ приспособлено къ своему новому назначенію. За кирпичною оградой въ 4 аршина вышиною помѣщается обширный дворъ, на которомъ заключенные могутъ гулять во всякое время, не исключая и закованныхъ въ ножны кандалы. На гауптвахтѣ дежурятъ всего 17 солдатъ. 50 спальныхъ комнатъ чисты, свѣтлы и хорошо провѣтрены. Въ тюрьмѣ своя пекарня, гдѣ арестанты сами пекутъ себѣ вкусный хлѣбъ: его полагается по три фунта въ день на каждого человѣка. Жены и дѣти, послѣдовавшія за арестантами, живутъ неподалеку въ деревнѣ и навѣщаютъ мужей и отцовъ раза два-три въ недѣлю. Кушанье также заключенные сами себѣ готовятъ. У нихъ есть и своя мельница, вымалывающая до 21,000 пудовъ муки въ годъ, что почти достаточно для тюремнаго продовольствія. Чай у нихъ свой. Работа въ тюрьмѣ обязательная: столярная, сапожная, слесарная, кузнечная; плетутъ веревки и ковры, выдѣлываютъ деревянныя трубки для бурятъ съ прекрасною рѣзбою и инкрустаціей. Тюремная больница почти всегда пуста. До трехсотъ арестантовъ отпускаютъ на частныя работы въ окрестности: изъ нихъ въ теченіе года бѣжалъ только одинъ. Жиды содержатся отдѣльно. Писать позволяется, но читать—только духовныя книги, чѣмъ недовольны только преступники привилегированныхъ классовъ и политическіе. Послѣдніе только временно остаются въ Александровскѣ до отправленія ихъ въ Забайкалье, на Акатуйскіе и Алгачинскіе рудники, или въ Кафу, на верхнемъ Амурѣ. Авторъ приводитъ за послѣдніе два года статистическія цифры заключенныхъ по разрядамъ преступлений, возрасту, вѣроисповѣданію и пр. Болѣе всего сидятъ въ тюрьмѣ за побѣги, кражу, буйство и поджоги. Сибирскія тюрьмы вообще не заслуживаютъ упрековъ, встрѣчающихся въ печати: съ заключенными не обращаются ни жестоко, ни даже слишкомъ строго. Изъ поляковъ, сосланныхъ въ 1863 году, многіе, отбывшіе срокъ наказанія или прощенные, остались въ Иркутской губерніи и пользуются тамъ всѣми гражданскими правами. Бунты въ тюрьмахъ рѣдки—и возникаютъ чаще всего тамъ, гдѣ воры—смотрители морятъ голодомъ арестантовъ, кормя ихъ гнилою провизіей. Драки нерѣдко кровавыя между арестантами случаются, когда они перепьются. Водка дѣлаетъ ихъ звѣрями, и они находятъ средства добыть ее. Авторъ говоритъ, что ее приносятъ даже часовые въ стволахъ своихъ ружей.

— Въ томъ же журналѣ, г. Славскій, конечно псевдонимъ, помѣстилъ

историческій очеркъ «Разведенная царица: первая жена Петра Великаго» (*Une czarine divorcée: la première femme de Pierre le Grand*). Статья написана живымъ языкомъ и интересна для французовъ, мало знакомыхъ съ нашей исторіей: для насъ въ ней нѣтъ ничего новаго. Изъ исторіи Евдокіи Лопухиной авторъ выводитъ заключеніе, что въ Петръ, какъ въ человекѣ были инстинкты жестокости и звѣрства, рѣдкія даже для его родины и для его эпохи. Если и согласиться съ этимъ, то остается непонятнымъ и страннымъ утверженіе автора, что главныя реформы петровскаго царствованія были внушены Лейбницемъ. Отнимая у Петра славу реформатора, авторъ ссылается на бумаги и записки Лейбница: онѣ изданы нашей академіей къ двухсотлѣтней годовщинѣ рожденія Петра, но изъ нихъ же видно, что нѣмецкій философъ далеко не былъ внушителемъ всѣхъ петровскихъ реформъ. Лейбницъ могъ писать ганноверской электоршѣ, что онъ «долженъ быть въ нѣкоторой степени Солономъ Россіи». Но дѣло въ томъ, что изъ проектовъ этого Солона принимались немногіе, да и тѣ подвергались нерѣдко кореннымъ измѣненіямъ. Авторъ называетъ сомнительною даже военную славу Петра и признаетъ за нимъ только дикую энергію. Но съ одной энергіей новыхъ царствъ не создаютъ.

— Реформы въ Балтійскомъ краѣ возбуждаютъ въ нашихъ сосѣдяхъ выходки злобы и ненависти, но они все-таки не унываютъ и все надѣются что берлинскія и другія свиданія повернуть все на старую дорогу. Въ Лейпцигѣ вышла брошюра «Знаменіе времени» (*Ein Zeichen der Zeit*) написанная будто бы балтійскимъ сепаратистомъ и подтверждающая, что они никогда не примирятся съ правительственными мѣрами, предпринятыми для уничтоженія сепаратизма въ краѣ. Авторъ проситъ балтійскихъ нѣмцевъ не падать духомъ. «И въ прежнія времена были катастрофы, вызванныя фанатическою злобой и варварскою грубостью», но эти катастрофы были пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится переносить балтамъ въ настоящее время. Въ такое трудное время балты должны себѣ прежде всего выяснитъ характеръ врага — (этимъ словомъ во всей брошюрѣ называется русское правительство). Реформы, вводимыя врагомъ, вызываются не государственными интересами (*Staatsraison*), а единственно «злобой». Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ бессмысленныхъ выходокъ противъ введенія русскаго языка. Авторъ брошюры высказываетъ свое «безграничное» негодованіе на то, что правительство «рѣзко» отклонило всѣ предложенія «представителей страны» и городскихъ сословій, такъ что въ настоящее время «германскому духу поставлено на выборъ: или погибнуть въ невѣжествѣ, или отдать себя въ общественныхъ школахъ подъ гидравлической прессы руссификаціи» Упорную, непримиримую оппозицію правительственнымъ реформамъ авторъ брошюры считаетъ «нашимъ (балтійскимъ) священнымъ правомъ», такъ какъ балтійское чувство говоритъ противъ того, «чтобы мы повиновались правительству и содѣйствовали руссификаціи». Такъ какъ «внѣшней земной помощи», т. е. вмѣшательства Германіи, ожидать нельзя, то балтамъ нужно ограничиться тѣмъ, что «они молча будутъ отказывать правительству въ своемъ содѣйствіи»... «Всегда слѣдуетъ внимательно слѣдить за тѣмъ, чего отъ насъ ожидаетъ врагъ (то-есть правительство); дѣйствовать какъ разъ противно этому ожиданію будетъ нашею обязанностью». Объ этой брошюрѣ говорятъ «Московскія Вѣдомости», указавъ на сходство въ дѣйствіяхъ балтійскаго ржонда съ польскимъ ржондомъ начала 60-хъ гг. и заканчивая слѣдующими словами: «казалось бы

давно пора имъ сказать себѣ, что такой путь ведетъ къ революціи, къ открытому мятежу. Надежды на обычную въ прежнее время неустойчивость русской политики лишены нынѣ всякаго основанія, и коноводамъ слѣдовало бы понять, какой громадный вредъ приносятъ они краю своею опасною политикой. Въ своемъ, поистинѣ замѣчательномъ долготерпѣннѣ, правительство надѣялось и надѣется, что благоразуміе въ концѣ концовъ возьметъ верхъ въ затуманенныхъ головахъ балтовъ. Но вѣдь никакое долготерпѣніе не можетъ простираться до безконечности».

— Извѣстный знатокъ славянства В. Р. Морфиль разбираетъ въ журналѣ «Academy» сочиненіе болгарскаго экономиста Гешова о болгарскихъ общинахъ и кооперативныхъ обществахъ (*The house-communities and cooperative unions of Bulgaria*). Предметъ этотъ уже изслѣдованъ профессоромъ Божишичемъ и западная Европа давно знакома съ сербскими «задругами». Болгарскія задруги описаны Эмилемъ Лавеле и Каницемъ, хотя это слово принадлежитъ сербскому и хорватскому народу и неизвѣстно въ Болгаріи, но его употребляетъ и Гешовъ какъ знакомое уже на западѣ. Такія общества болгары называютъ «купштана» — слово однозначущее съ сербскою «скупщиною», чисто славянскаго корня, тогда какъ слово «задруга» византийскаго происхожденія и въ формѣ «δρουγος» упоминается въ сочиненіяхъ Михайла Акомината. Глава болгарской общины носитъ названіе «домакинъ», а не старшина, какъ у сербовъ. Онъ представитель своей общины во всѣхъ житейскихъ случаяхъ. «Домакинами» бывали и женщины, хоть и не часто. Глава такой задруги отвѣчаетъ за все передъ закономъ, всѣ покупки и продажи совершаются черезъ его посредство и вся община обязана ему почтеніемъ и уваженіемъ. Каждый членъ его долженъ трудиться для нея по мѣрѣ своихъ способностей. Недовольный порядками общины можетъ оставить ее во всякое время, но взять изъ нея можетъ только свое носильное платье. Дѣвушка, выходящая за члена другой общины, исключается изъ первой, но если выберетъ чужого человѣка вдова съ дѣтьми, то они остаются въ прежней общинѣ. Такія задруги разсѣяны по всей Болгаріи отъ Лесковоца до Македоніи. Самая обширная задруга въ Горной Банѣ, близъ Софіи; глава ея — священникъ Тодоринъ; въ ней 35 человѣкъ; у Тодорина пять братьевъ: земледѣлецъ, пастухъ, мельникъ, трактирщикъ и портной. Лично ни у кого нѣтъ никакой собственности, кромѣ носимаго платья. Всѣ работаютъ на общину; даже попъ, получающій плату за церковныя требы, обязанъ внести ее въ общую кассу. Жена Тодорина назначаетъ кому изъ женщинъ каждый день стирать, кому стирать. По освобожденіи Болгаріи, существованіе общины не утверждено никакимъ закономъ, но она твердо вкоренилась въ народной жизни. Недавно членъ одной задруги приобрѣлъ на сторонѣ участокъ земли, утвержденный за нимъ закономъ, но община потребовала уступки земли въ свою собственность и членъ общины долженъ былъ покориться этому требованію. Реклю говоритъ, что въ Сербіи задруги уменьшаются, а въ Хорватіи законъ 1874 года, формально запрещаетъ учрежденіе новыхъ задругъ. Кооперативные союзы въ Болгаріи составлены по образцу русскихъ артелей. Болѣе другихъ процвѣтаетъ союзъ садовниковъ, имъ завѣдуетъ «хорбаджа», а договоры заключаетъ «продавачъ», распределяющій потомъ заработанную прибыль между членами, смотря по работѣ каждого. Подобныя же союзы существуютъ между пастухами, каменщиками, мѣдн-

ками, жнецами, горшечниками, пекарями. Закомство съ уставами этихъ союзовъ объясняетъ многія стороны соціального положенія страны.

— Извѣстный романистъ и публицистъ Густавъ Фрейтагъ издалъ книгу, которая произвела сильное впечатлѣніе въ Германіи. «Наслѣдный принцъ и германская императорская корона» (*Der Kronprinz und die deutsche Kaiserkrone*). Это не памфлетъ и не апологія, а безпристрастная оцѣнка дѣятельности, характера и способностей императора Фридриха III, котораго писатель близко зналъ еще кронпринцемъ. Фрейтагъ состоялъ при немъ во все время франкопрусской войны и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Писатель подтверждаетъ, что мысль о необходимости принятія прусскимъ королемъ титула германскаго императора принадлежитъ кронпринцу, а не Бисмарку и не Вильгельму I, долго и упорно отстаивавшему свое желаніе остаться прусскимъ королемъ и быть только главнокомандующимъ конфедераліи. Послѣ сраженія при Вертѣ, кронпринцъ говорилъ писателю: «я чувствую отвращеніе къ этому кровопролитію. Меня никогда не увлекали военныя почести и я безъ малѣйшаго сожалѣнія охотно предоставилъ бы другимъ эту славу, хотя судьба ведетъ меня отъ войны къ войнѣ, отъ сраженія къ сраженію. Миѣ суждено пробраться къ трону моихъ предковъ черезъ потоки крови—это тяжелая участь». Фридрихъ былъ глубоко оскорбленъ, когда послѣ войны его совершенно отстранили отъ участія въ организаціи германской имперіи, а потомъ и вовсе отъ всякой административной дѣятельности. Недовольство его усиливалось еще больше матеріальной зависимостью отъ отца такъ какъ у кронпринца не было никакихъ собственныхъ средствъ; энергія его воскресла только въ 1878 году, когда онъ принялъ управленіе дѣлами во время болѣзни Вильгельма I, равненнаго Нобилингомъ. Но совершенно устранный отъ всякаго участія въ правленіи тотчасъ по выздоровленіи императора онъ впалъ въ прежнюю апатію. Это былъ человекъ вполне искренній, добрый и честный, серьезно относившійся ко всему хорошему, симпатизирующій всякому страданію, питавшій сильнѣйшую антипатію къ фанатикамъ клерикализма. Въ политикѣ онъ былъ врагъ полицейскаго режима, сторонникъ широкаго самоуправленія и полной свободы, всѣхъ проявленій разумной дѣятельности. Но какъ человекъ, онъ былъ слабого характера и безусловно подчинялся вліянію кронпринцессы. Разоблаченіемъ этой стороны его характера особенно недовольны прогрессисты, такъ какъ дочь королевы Викторіи всегда оставалась англичанкою и дѣйствовала въ интересахъ англійской политики. Во время войны съ Франціею кронпринцъ не рѣдко откладывалъ часть, назначенный для выступленія его главной квартиры въ походъ, для того чтобы написать длинное письмо кронпринцессѣ, жившей въ Гамбургѣ. Такія письма онъ отправлялъ ежедневно, сообщая въ нихъ подробности, которыя должны оставаться тайною въ военное время. Отчего развились и сформировались три такихъ противоположныхъ характера, какъ дѣдъ, сынъ и внукъ — этого не объяснить ни психологія, ни исторія.

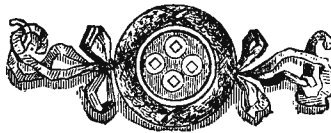
— Вышло любопытное изслѣдованіе первобытныхъ обитателей Европы (Н. D'Arbois de Jubainville: *Les premiers habitans de l'Europe*) рѣшающее этотъ спорный этнографическій вопросъ на основаніи послѣднихъ изысканій. Первыми жителями нашей части свѣта были «пещерные люди», малочисленная, едва имѣвшая человѣческой образъ раса дикарей, о которыхъ преданія сохранились въ циклопахъ Гомера. Авторъ объ нихъ не распространяется, не входя въ область доисторической этнографіи. За

2500 лѣтъ до Р. Х. появляются двѣ высшія расы завоевателей: на востокъ—иберы, на западѣ—пеласги или тирренцы (у Пиндара—турсань) азиатскаго происхожденія. Центромъ иберійской расы была Испанія, преимущественно долина Эбро, но иберы занимали и Галлію до Роны и Британію и западные острова Средиземнаго моря: Корсику, Сардинію, Сицилію, даже сѣверную Африку. Сиканы, завоеватели Италіи, были иберами. Центромъ владычества пеласговъ былъ бассейнъ Эгейскаго моря, азиатское побережье и острова архипелага. Тевкры, мизійцы, пеоняне — принадлежать къ расѣ пеласговъ, два раза колонизовавшихъ Италію: въ 2000 году до Р. Х. подъ именемъ внотрійцевъ и тысячу лѣтъ потомъ—подъ именемъ этрусковъ. Царство послѣднихъ процвѣтало въ VI и V вѣкѣ до Р. Х. За 2000 лѣтъ появились также въ Европѣ первыя колонны индоевропейскихъ переселенцевъ. Еще въ мѣстѣ ихъ происхожденія—въ центральной Азіи они раздѣлились на двѣ вѣтви: собственно азиатскую или арійскую (индѣйцы, персы, мидяне, скиѣ) и евро-скую: еракійцы, греки, италійцы, кельты, германцы и славяне. Въ Европѣ единственными представителями арійской расы были скиѣ и ихъ преемники сарматы. Прибывъ въ Европу около 1500 года, скиѣ выгнали изъ южной Россіи киммерійцевъ, переселившихся въ Малую Азію и основали между Днѣпромъ и Дунаемъ царство, занявшее въ VII вѣкѣ побережья Чернаго моря. Авангардомъ европейской расы явились еракійцы и соплеменные имъ—иллирійцы и лигуры. Еракійцы заняли Балканскій полуостровъ и ввели въ немъ земледѣліе и винодѣліе, незнакомые пеласагамъ. Колоніи ихъ явились и въ Азіи (фригійцы, вионцы). Оттѣсненные вполсѣдствіи эллинами, они удержались въ сѣверныхъ частяхъ полуострова и въ свою очередь оттѣснили за Дунай скиѣвъ, но въ IV вѣкѣ были поглощены кельтами. Иллирійцы заняли оба берега Адриатики и колонизовали потомъ Паннонію. Лигуры вытѣснили иберовъ изъ большей части западной Европы, заняли Италію, но уступая натиску этрусковъ, перешли въ Сицилію съ именемъ сиколовъ. Оттуда ихъ вытѣснили потомъ греки, изъ Галліи кельты и во власти ихъ осталась только узкая, гористая полоса по берегу Средиземнаго моря, сохранившая ихъ имя до нашего времени. Этими изслѣдованіями оканчивается первый томъ сочиненія Жюбенвиля; остается еще исторія переселенія кельтовъ, греко-италійцевъ, славянъ и германцевъ.

— По поводу приготовленій къ празднованію черезъ два года четырехсотлѣтней годовщины открытія Америки, Жюль Марку издалъ брошюру «Новыя изслѣдованія о происхожденіи названія Америки» (Jules Marco: *Nouvelles recherches sur l'origine du nom d'Amérique*). Гумбольдтъ въ своемъ «Критическомъ обзорѣ географіи Новаго Свѣта» установилъ мнѣніе, что названіе новооткрытой странѣ дала въ маленькомъ городкѣ Сен-Дье группа лотарингцевъ и эльзасцевъ, занимавшихся тамъ научными изслѣдованіями подъ покровительствомъ герцога лотарингскаго Рене II. Веспучій написалъ къ нему письмо, въ которомъ рассказывалъ о своихъ четырехъ путешествіяхъ въ новую часть свѣта. Вальдземюллеръ напечаталъ это письмо въ 1507 году, предпославъ ему маленькій трактатъ, подъ названіемъ «*Cosmographiae instructio*». Въ этомъ трактатѣ авторъ его, не зная о путешествіи Колумба или не приписывая ему открытія новаго материка, предлагаетъ назвать новую страну Америкою и придаетъ Веспучію прозвище Americus. Теперь Жюль Марку возстаетъ противъ этого общепринятаго мнѣнія и говоритъ, что слово «Америка» или «Амерриска»—

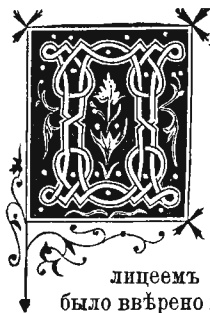
индѣйское названіе горъ между провинціей Никарагуа и берегомъ Москитосовъ, куда первоначально прибылъ Веспучій. Въ итальянскомъ разсказѣ о его путешествіи, онъ названъ Америго Веспуччи, хотя первоначально его звали Альберикомъ. Получилъ ли онъ это прозваніе по образцу Сципіона Африканскаго—это еще слѣдуетъ доказать. Современники Веспучія называютъ его разныи Альпериго и Аймерикъ и Мерико и даже Арменико. Самъ онъ подписывается въ 1508 году: «Amerrigo Vesprucci, Piloto mayor».

— Историкъ венеціанскаго искусства Мольменти издалъ изслѣдованіе о венеціанскихъ догарессахъ. (*La dogaressa di Venezia*). Въ своемъ любопытномъ трудѣ авторъ говоритъ обо всѣхъ женахъ дожей, которыя оставили свое имя въ исторіи, начиная съ Теодоры, дочери византійскаго императора Константина Дуки и жены дожа Сальво, внесшей въ грубую жизнь адриатическихъ моряковъ XI вѣка восточную роскошь и извѣженность,—и оканчивая Елизаветою Манини, женою послѣдняго дожа, не захотѣвшею раздѣлить съ своимъ мужемъ торжество его избранія въ дожи венеціанской республики, вскорѣ же потомъ задавленной австрійцами. Въ биографіи догарессъ сохранено много чертъ важныхъ для исторіи Венеціи. По поводу жены Марино Фаліеро, авторъ возстановляетъ историческія подробности о его заговорѣ и казни, разрушающія господствующую легенду. Книга Мольменти представляетъ полную монографію венеціанской женщины и служитъ дополненіемъ къ его прекрасному сочиненію о частной жизни въ Венеціи. Авторъ много говоритъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ объ этой частной жизни, такъ какъ политическая жизнь догарессъ была очень ограничена и онѣ не искали вліянія на дѣла республики. Венеціанцы и вообще не допускали вмѣшательства женщинъ ни въ общественныя, ни въ коммерческія дѣла и предоставляли женамъ только господство въ домашней жизни. Въ такихъ рамкахъ семейныхъ отношеній венеціанки играли значительную роль и ихъ чистой репутаціи не коснулась распущенная нравственность публичной жизни XVI столѣтія.

СМѢСЬ.

ОТКРЫТІЕ памятника Александру I въ лицейскомъ саду. 19-го октября, Александровскій лицей праздновалъ семьдесятъ восьмую годовщину своего основанія и вмѣстѣ съ тѣмъ освященіе памятника его основателю, императору Александру I. Мысль о сооружеіи передъ зданіемъ лицея памятника возникла въ средѣ воспитанниковъ лицея при празднованіи семидесятипятилѣтней его годовщины, 19-го октября 1886 года. Сумма для сооружеіи памятника была собрана исключительно между лицами, связанными съ лицеемъ по воспитанію или службѣ. Дѣло сооружеіи памятника было ввѣрено комитету, подѣ председательствомъ члена государственнаго совѣта Саломона, изъ питомцевъ лицей, директора и инспектора, воспитанниковъ лицея. Составленіе проекта памятника было поручено комитетомъ академику П. П. Забѣлло. Представленный имъ проектъ, нарисованный академикомъ Н. А. Любимовымъ, по измѣненіи его въ нѣкоторыхъ частяхъ, согласно указаніямъ комитета, былъ высочайше одобренъ. Работы по сооружеію памятника со всѣми принадлежностями сданы г. Забѣлло за 10,000 р. Памятникъ состоитъ изъ бронзоваго бюста Александра I, въ генеральской формѣ начала XIX вѣка, въ 1½ аршина вышины, на пьедесталѣ сизъ сердобольскаго сѣраго гранита, утвержденномъ на двухъ ступеняхъ изъ лютерлакского краснаго гранита, вышиною 4½ аршина. На пьедесталѣ, на лицевой сторонѣ, на верхней части, надпись (подустипіе Пушкина) «Онъ создалъ нашъ лицей», а на нижней части — изображеніе герба лицея съ девизомъ «Для общей пользы». На противоположной сторонѣ нижней части пьедестала надпись: «19 октября 1811 года» (день открытія лицея). На боковыхъ сторонахъ нижней части пьедестала и на подножіи бюста гирлянды изъ бронзы. Бронзовый бюстъ Александра I отлить по модели г. Забѣлло на заводѣ Морана, которымъ приготовлены и бронзовыя украшенія памятника; гранитный же пьедесталъ исполненъ въ мастерской скульптора Ботта. Весною будущаго года памятникъ будетъ окруженъ гранитными тумбами, съ подвѣсными цѣпями. Остатокъ собранныхъ суммъ на памятникъ, въ размѣрѣ 406 р., предназначенъ на распланированіе мѣстности и др. сопряжен-

ные съ открытіемъ памятника расходы. Самое празднованіе началось литургіей въ лицейской церкви, затѣмъ молебствіемъ, по окончаніи котораго въ скверѣ состоялось освященіе памятника. Въ числѣ бывшихъ лицейство́въ присутствовали: министръ иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретарь Н. К. Гирсъ, статсъ-секретарь К. К. Гротъ, вице-президентъ Академіи Наукъ Я. К. Гротъ, бывший директоръ лицея генераль отъ-инфантеріи Миллеръ, статсъ-секретарь Е. А. Перетцъ, генераль-лейтенантъ баронъ Врангель, сенаторы: Шульцъ, Саломонъ, Г. А. Тройницкій, директоръ департамента окладныхъ сборовъ Д. Ѳ. Кобеко и другіе бывшіе воспитанники, занимающіе въ настоящее время выдающееся общественное положеніе. Литургію служилъ законоучитель лицея протоіерей Іоаннъ Смирновъ, пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ воспитанниковъ лицея. Послѣ запричастнаго стиха о. Смирновъ произнесъ слово, въ которомъ очертилъ значеніе открытія памятника и годовщины основанія лицея. Затѣмъ началось молебствіе, по окончаніи котораго духовенство и всѣ приглашенныя лица прошли въ лицейскій садъ. У памятника, покрытаго полотномъ, стоялъ аналой для духовенства, а по правую сторону раскинутъ шатеръ для всѣхъ властей. Послѣ литіи и возглашенія вѣчной памяти императору Александру Первому, покрывало было снято и предъ глазами присутствовавшихъ предсталъ бронзовый бюстъ основателя лицея. Приглашенныя лица осматривали памятникъ и затѣмъ направились въ актовъй залъ, гдѣ былъ сервированъ завтракъ на 200 слишкомъ кувертовъ. Первый тостъ за Государя Императора, встрѣченный громкимъ «ура», былъ провозглашенъ статсъ-секретаремъ К. К. Гротомъ. Во время трапезы произносились тосты, рѣчи и стихотворенія. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ лицея г. Кирѣевскій прочиталъ стихотвореніе бывшаго воспитанника лицея Владиміра Черника. Торжество имѣло чисто семейный характеръ, такъ какъ на праздникъ приглашены по преимуществу бывшіе лицеисты. На лицейскомъ же торжествѣ не были забыты и потери, которыя понесла въ періодъ 1888—89 гг. семья лицейство́въ; вотъ перечень скончавшихся: графъ Д. А. Толстой, Н. Е. Андреевскій, М. Е. Салтыковъ, В. П. Безобразовъ, Б. В. Струве, А. С. Энгельгардъ, К. Н. Пономаревъ, А. Н. Юрьевъ, Н. С. Струговщиковъ и баронъ А. О. Розенъ. Достаточно этого перечня именъ, чтобы признать громадное значеніе потерь, понесенныхъ семьею лицейство́въ за истекшій періодъ. Въ тотъ же день исполнилось десятилѣтіе существованія пушкинской бібліотеки. Собраніе, состоявшее 19-го октября 1879 г. всего только изъ трехъ изданій сочиненій Пушкина, въ десятилѣтній періодъ возросло до 1,675 нумеровъ, не только книгъ, но и различныхъ предметовъ, принадлежащихъ Пушкину, картинъ, портретовъ, гравюръ, фотографій и проч. Истекшій десятый годъ ознаменовался постановкой въ лицейскомъ саду модели одесскаго памятника Пушкину и изданіемъ, на средства лицея, портрета Пушкина въ лицейскомъ мундирѣ, отпечатаннаго фотогеліотипомъ, съ акварели, принадлежавшей Е. Д. Куломзиной. Кромѣ того, отъ С. И. Полупкина полученъ въ даръ фотографическій снимокъ открытія памятника Пушкину въ Одессѣ. Количество книгъ бібліотеки также пополнилось покупкою вновь выходявшихъ, преимущественно московскихъ, изданій, многими весьма цѣнными вкладами Д. Ѳ. Кобеко, Я. К. Грота и А. Е. Пальчикова. Бібліотека Гусеана также обогатилась новыми вкладами и приношеніями.

Во время завтрака среди присутствовавшихъ раздавался листокъ за подписью многихъ бывшихъ воспитанниковъ. Въ листкѣ этомъ было приглашеніе бывшихъ воспитанниковъ лицея, въ ознаменованіе праздника 19-го октября, соединиться для организаціи дѣятельной и правительной помощи нуждающимся товарищамъ и ихъ семействамъ. Съ этою цѣлью предлагается учредить при лицей кассу для выдачи денежныхъ пособій. Желающіе принять участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ не должны стѣсняться размѣромъ взноса. Если число изъявившихъ согласіе быть вкладчиками окажется достаточнымъ,

то будетъ созвано общее собраніе. Вечеромъ во многихъ ресторанахъ состоялись товарищескіе обѣды лицействоѣ.

Пятидесятилѣтіе рисовальной школы общества поощренія художествъ. 31-го октября школа эта праздновала свой полулѣтній юбилей. Открытая на Васильевскомъ островѣ въ 1839 году, по инициативѣ министра финансовъ Канкринъ, подъ названіемъ «рисовальной школы для вольноприходящихъ», школа имѣла небольшую программу съ цѣлью дать желающимъ начальное художественное образованіе. Въ 1842 г. при школѣ были открыты два особыхъ отдѣленія: «гальванопластическое» и «женское». Покровительницею послѣдняго состояла великая княгиня Марія Николаевна. Когда въ 1857 г. попечителемъ школы сдѣлался Ѳ. Ѳ. Львовъ, задачи школы измѣнились и она перешла изъ министерства финансовъ въ вѣдѣніе Общества поощренія художниковъ, сдѣлавшись подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ къ Академіи Художествъ. Коренное преобразованіе школы произошло въ 1865 г. Школа прежній, зависимый отъ Академіи Художествъ, характеръ измѣнила на самостоятельный и поставила своею цѣлью образованіе изъ учащихся рисовальщиковъ по всѣмъ родамъ рисованія фигуръ и орнаментовъ и ознакомить учащихся съ приложеніемъ художествъ къ ремесламъ при помощи лучшихъ техническихъ приемовъ. Расширена программа занятій, введена скульптура, рѣзба по дереву, гравированіе, живопись по фарфору и эмалью и сочиненіе рисунковъ предметовъ художественно-промышленнаго производства. Кромѣ того, въ курсъ рисованія, ограниченнаго при Ѳ. Ѳ. Львовѣ рисованіемъ съ оригиналовъ и съ фигурныхъ моделей, было введено рисованіе симметричныхъ тѣлъ. Въ настоящее время школа состоитъ изъ пяти общерисовальныхъ классовъ, классовъ дополнительныхъ (черченіе рейсфедеромъ, черченіе и рисованіе перомъ, акварель съ оригиналовъ и природы) и классовъ специальныхъ (лѣпленіе изъ глины и воску, рѣзба изъ дерева, гравированіе, живопись по фарфору, фаянсу и живопись эмалью, тисненіе по кожѣ, декоративная живопись масляными и клеевыми красками, сочиненіе рисунковъ по всѣмъ родамъ художественно-промышленнаго производства). Въ старшемъ общерисовальномъ классѣ учащіеся обучаются рисованію карандашемъ и этюдамъ масляными красками съ живыхъ моделей (натуральный классъ). Школа находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора и Императрицы. Дѣятельное участіе въ судьбахъ школы принимаетъ почетная предсѣдательница Общества, принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская.

Ихъ Императорскія Величества прибыли изъ Гатчины и прямо съ вокзала Варшавской желѣзной дороги прослѣдовали въ зданіе Общества Поощренія Художествъ. У подъѣзда Августѣйшіе посѣтители были встрѣчены предсѣдательницею Общества и всѣмъ составомъ комитета. Нѣсколько раньше Ихъ Величествъ въ школу прибыли великій князь Сергій Александровичъ съ супругою, великій князь Константинъ Константиновичъ, а еще раньше, вмѣстѣ съ принцессою Ольденбургскою, пріѣхалъ и принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Ко времени пріѣзда Государя и Государыни въ зданіи школы собрались многія высокопоставленныя лица. Ихъ Величества направились по главной и затѣмъ по узкой витой лѣстницѣ въ третій этажъ, въ помѣщеніе школы. Въ первой комнатѣ собрались всѣ ученики и ученицы школы. Двѣ изъ ученицъ — г-жи Шпакъ и Машукова поднесли Государыни Императрицѣ роскошный букетъ изъ бѣлыхъ розъ съ лентами цвѣта кремъ. На одной изъ лентъ была нарисована гвашью школа общества въ такомъ видѣ, въ какомъ она существовала пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, на другой — вестибюль и лѣстница школы въ настоящемъ видѣ. На первой лентѣ былъ написанъ 1839 годъ, на второй — 1889 годъ. Затѣмъ Государь и Государыня въ сопровожденіи великихъ князей, августѣйшихъ особъ и прочихъ лицъ, прослѣдовали въ сосѣдній съ актовымъ залъ, гдѣ были встрѣчены духовенствомъ

Когда молебствіе окончилось, Государь Императоръ, Государыня и августѣйшія особы осматривали всѣ работы учащихся, останавливаясь предъ многими изъ нихъ. Разъясненія дѣлалъ директоръ школы Е. А. Сабанѣевъ. Болѣе получаса Ихъ Величества и ихъ высочества провели въ залахъ школы и затѣмъ, милостиво простившись съ присутствовавшими, направились обратно. Между тѣмъ подлѣ лѣстницы собрались всѣ ученики и ученицы школы. Какъ только Государь и Государыня дошли до лѣстницы, раздалось восторженное «ура» сотни молодыхъ голосовъ. Возгласы эти подхватили всѣ находившіеся въ школѣ. Внизу расположился оркестръ, составленный изъ учениковъ пріюта принца Ольденбургскаго. Оттуда послышались звуки народнаго гимна и все это слилось въ радостную овацію. Провожаемые членами комитета, учениками, ученицами и всѣми гостями, Ихъ Величества сѣли въ экипажъ и, при общихъ возгласахъ «ура» находившихся въ здании Общества и собравшагося на улицѣ народа, отбыли на Варшавскій вокзалъ, а оттуда въ Гатчину.

Затѣмъ министръ финансовъ прочелъ высочайшую грамоту Обществу, которою назначалось Обществу художествъ сто тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства «для расширенія и приспособленія школы сообразно съ развивающеюся подлѣ вліяніемъ ея потребностью въ художественно-промышленномъ образованіи». Далѣе слѣдовало чтеніе поздравительныхъ телеграммъ, приемъ депутацій и пр. Въ 7 часовъ во дворцѣ принцессы Ольденбургской былъ парадный обѣдъ, а на другой день, въ помѣщеніи школы—вечеръ съ танцами.

Археологическое Общество. Въ первое въ наступившемъ сезонѣ засѣданіе восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества, подлѣ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, С. Ф. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе «о предполагаемомъ источникѣ сказокъ 1001 ночи». Въ своемъ сообщеніи референтъ, представивъ разборъ затрогивающей этотъ вопросъ недавно вышедшей работы берлинскаго профессора А. Вебера, указалъ на необходимость болѣе глубокихъ и шире поставленныхъ изслѣдованій, которыя привели бы къ выясненію путей, какими составилъ извѣстный всему міру арабскій сборникъ сказокъ, несомнѣнно исходящій отъ персидскихъ текстовъ, содержаніе которыхъ, въ свою очередь, было почерпнуто изъ индійскихъ сказаній. Въ томъ же засѣданіи баронъ В. Р. Розенъ представилъ разборъ новаго изданія арабскаго автора IX столѣтія (нашей эры) Ибн-Хордад-бега, вышедшаго въ Лейденѣ подлѣ редакціей одного изъ первыхъ арабистовъ нашего времени, голландскаго ученаго де-Гуйе. Сочиненіе Ибн-Хордад-бега, изданное голландскимъ арабистомъ по вновь найденной рукописи, имѣетъ существенное значеніе для нашей отечественной исторіографіи, заключаая въ себѣ описаніе торговыхъ путей купцовъ еврейскихъ (такъ называвшихся раданитовъ) и купцовъ русскихъ. Новое изданіе арабскаго географа, уже извѣстнаго въ русской исторіи по предшествующему изданію Барбье де-Мейнара, имѣетъ тѣ преимущества, что издаваемый теперь текстъ, хотя и представляетъ одну изъ повидѣйшихъ редакцій, но все-таки даетъ возможность придти къ весьма достовернымъ соображеніямъ относительно времени написанія этого сочиненія, явившагося, какъ это теперь выясняется, не раньше 846 и не позже 885 года; кромѣ того, ново-открытая редакція арабскаго географа заключаетъ доселѣ неизвѣстныя или невѣрно читавшіяся мѣста, особенно для насъ интересныя, а именно — здѣсь говорится про купцовъ русскихъ, рода славенскаго, которые вели съ Багдадомъ торгъ бобровыми шкурами, лисьими мѣхами и мечами. При этомъ арабскій географъ, говоря о пути ихъ слѣдованія, сообщаетъ, что «они спускаются въ корабляхъ по рѣкѣ славянской Тагансу и проходятъ мимо Халимджа, столицы хозаръ». Переправившись черезъ Черное море, эти славянскіе купцы, какъ говоритъ тотъ же Ибн-Хордад-бегъ, перевозили свой товаръ на верблюдахъ въ Багдадъ, гдѣ пере-

водчиками для нихъ являлись служившіе здѣсь евнухами славяне. Достоинно замѣчанія при этомъ сообщеніе арабскаго географа, что эти славянскіе кушцы въ Багдадѣ объявляли себя христіанами, за что и платили подушный налогъ.

Древній замокъ и городище. Въ засѣданіи кievскаго церковнаго археологическаго общества, г. Гопкевичъ прочиталъ рефератъ объ открытіи имъ остатковъ замка князя Симеона Олельковича, правившаго Кіевомъ во второй половинѣ XV вѣка. Замокъ этотъ находился на лѣвомъ берегу рѣчки Гнилуши, одного изъ притоковъ Чертороя, противъ Кіева, у села Вигуровщины. Указанія на существованіе тамъ замка г. Гопкевичъ нашелъ во многихъ неизданныхъ документахъ, принадлежащихъ кievской духовной академіи, отъ начала XVI вѣка, т. е. почти отъ времени самого князя Симеона Олельковича, до конца прошлаго столѣтія. 13-го сентября остатки этого стариннаго замка были осмотрѣны г. Гопкевичемъ вмѣстѣ съ доцентомъ академіи г. Завитневичемъ. Оказалось, что отъ замка развалинъ не сохранилось, уцѣлѣли только высокіе валы городища, на которыхъ онъ стоялъ. Подковообразный валъ этотъ длиною въ 130 сажень, отверстіемъ обращенъ къ р. Гнилушѣ. На поверхности городища валяется множество черепковъ отъ древнихъ сосудовъ; запущенный въ землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала щупъ ударяется о что-то твердое, повидимому о каменный фундаментъ. Валъ со стороны рѣчки во многихъ мѣстахъ обвалился и въ обрушившихся частяхъ его замѣченъ толстый слой угля и человѣческіе скелеты. Обращая вниманіе на этотъ фактъ, референтъ высказалъ мнѣніе, что слой угля представляетъ остатки еще болѣе древняго поселенія, чѣмъ замокъ князя Олельковича. По его словамъ, это древнее поселеніе и есть тотъ «городокъ», о которомъ нѣсколько разъ упоминаетъ начальная лѣтопись. Въ этомъ городкѣ заключенъ былъ въ 1026 г. мирный договоръ между Ярославомъ и Мстиславомъ, сыновьями св. Владиміра, по которому русская земля раздѣлена была между ними по Днѣпру. Здѣсь собрались на совѣтъ русскіе князья въ 1097 г. послѣ ослѣпленія Василька. Въ 1135 г. городокъ этотъ былъ сожженъ половцами. Выслушавъ докладъ, собраніе постановило принять мѣры для сохраненія этого памятника отечественной старины отъ розысковъ кладочислателей съ будущей весны, когда общество произведетъ тамъ правильныя раскопки.

Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства за 1888 годъ. Въ центральномъ Управленіи Братства, въ Петербургѣ, были произведены выборы для замѣщенія выбывавшихъ на 1888 годъ, по старшинству избранія, шести членовъ Совѣта Братства, а также кандидатовъ къ нимъ и членовъ Ревизіонной комиссіи, и при этомъ оказались избранными: членами Совѣта, на трехлѣтіе 1888—1890 гг., прежде бывшіе: Л. А. Артамоновъ, И. А. Воронцовъ, М. Н. Галкинъ-Врасскій, В. А. Евреиновъ, А. И. Ульябинъ и А. И. Щербаковъ. Кандидатами въ члены Совѣта: А. А. Краевскій, Н. С. Шафрановъ, А. А. Гедехенъ, Е. А. Курошъ, А. И. Максимовъ и протоіерей Н. И. Розановъ; и членами Ревизіонной комиссіи, прежде бывшіе: Н. А. Константиновъ, Н. Н. Лещовъ, И. А. Маевъ, В. В. Поповъ и И. С. Стручковъ. По единогласному избранію, въ засѣданіи Совѣта, обязанности председателя Совѣта, дѣлопроизводителя и казначея, приняли на себя тѣ же лица, которыя состояли въ этихъ должностяхъ и въ 1887 г., на мѣсто же товарища председателя избранъ В. А. Евреиновъ, взамѣнъ занимавшаго эту должность Н. Н. Колесова, и затѣмъ личный составъ Совѣта образовался на отчетный годъ изъ 18 лицъ. Въ теченіе года состоялось три общихъ собранія на которыхъ доложено председателемъ о ходѣ болѣе важныхъ дѣлъ Братства, а именно: о постройкѣ Якобштадтскаго Свято-Духовскаго храма, освещенія домовою церкви, устроенной при училищѣ, открытомъ попеченіемъ Іеввенскаго отдѣленія Братства въ 1887 г., въ м. Іевве, Эстляндской губер-

ни, и о ходѣ работъ по устройству въ Ревелѣ, на Русскомъ Рынкѣ, каменной часовни для Иорданскаго водосвѣтія, на что Совѣтомъ Братства было ассигновано, изъ особаго спеціального капитала, 3,500 рублей, дополнительно къ собраннымъ мѣстнымъ строительнымъ комитетомъ; объ открытіи Іеввенской лечебницы для приходящихъ; о принятомъ Братствомъ участіи въ торжествѣ 900-лѣтія крещенія Руси, посредствомъ раздачи въ прибалтійскихъ губерніяхъ листовъ, съ описаніемъ этого торжества, крестиковъ и образковъ, и объ учрежденіи, въ память событія, Совѣтомъ Братства, въ женской монастырской школѣ при Иллуктскомъ монастырѣ, стипендіи для дѣвочекъ, дочерей бѣднѣйшихъ священно и церковно служителей прибалтійскихъ губерній; наконецъ, — объ окончаніи и о предстоящемъ освященіи часовни на Русскомъ Рынкѣ въ Ревелѣ. Въ качествѣ мѣстныхъ органовъ Братства въ отчетномъ году было 7 отдѣленій, 1) Эстляндское—въ г. Ревелѣ. 2) Гривское—въ м. Грива, Иллуктскаго уѣзда, Курляндской губерніи. 3) Гольдингенское—въ г. Гольдингенѣ, Курляндской губерніи. 4) Феллинское—въ г. Феллинѣ, Лифляндской губерніи, 5) Іеввенское—въ м. Іевве, Эстляндской губерніи, открытое въ предшествующемъ отчетномъ году, 6) Вольмарское-Сергіевское—въ г. Вольмарѣ, Лифляндской губ. и 7) Вольмарское—въ г. Валкѣ, завѣдывающее райономъ Вольмарскаго благочинія. Рядомъ съ отдѣленіями Братства, въ отчетномъ году попрежнему проявляли свою дѣятельность въ Прибалтійскомъ краѣ и давно существующія тамъ и преслѣдующія однородныя цѣли самостоятельныя Братства: Рижское—Петропавловское, Эвельское—Свято-Николаевское, Венденское—Спасо-Преображенское, Либавское—Николаевское, и Тукуммо-Тальсенское—Свято-Николаевское, съ которыми Совѣтъ Прибалтійскаго Православнаго Братства, въ предѣлахъ потребности, поддерживаетъ сношенія. Въ 1887 г. окончены были всѣ строительныя работы по Свято-Духовскому храму, и на долю отчетнаго года осталась только детальная отдѣлка и внутреннее устройство церкви, постановка иконостаса и снабженіе храма всеми необходимыми церковно-богослужебными принадлежностями и иконами. Общая стоимость постройки храма достигла цифры въ 55,717 руб. 85 коп. Въѣстимость церкви, при длинѣ 68 фут. и ширинѣ 60 ф., рассчитана на 650 человекъ. Въ Гольдингенскомъ двухклассномъ училищѣ съ приготовительнымъ классомъ къ 1-му января 1888 г. состояло 136 учениковъ (120 мальчиковъ и 16 дѣвочекъ), въ томъ числѣ 31 православныхъ. Плата за обученіе взимается съ иновѣрцевъ по 6 руб. въ годъ. Въ вспомогательной Евгеніевской школѣ ученики лютеранскаго исповѣданія платятъ по 3 руб. Учащихся къ 1-му января 1888 г. было 31 (18 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ), изъ которыхъ 21 православныхъ. Въ Пильтенскомъ приходскомъ училищѣ въ первой половинѣ 1888—89 учебнаго года состояло 70 учениковъ (61 мальчикъ и 9 дѣвочекъ), въ числѣ которыхъ было 29 православныхъ. На плату за ученіе относятся расходы на покупку учебниковъ и письменныхъ матеріаловъ, а также на отопленіе и освѣщеніе зданій. Въ приходскомъ Фрауенбургскомъ училищѣ въ 1888 г. обучались 51 ученикъ (42 мальчика и 9 дѣвочекъ), изъ коихъ 24 православныхъ. Въ отчетномъ году нельзя не отмѣтить крайнюю скудость случайныхъ денежныхъ поступленій по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ. Къ 1-му января 1888 г. въ братской кассѣ состояло въ остаткѣ 230,443 р. 73 к., изъ коихъ 133,863 р. 39 к. общаго неприкосновеннаго капитала, 59,468 р. 1 к. спеціальныхъ неприкосновенныхъ суммъ и 37,112 р. 33 к. капитала расходнаго. Къ этимъ средствамъ въ отчетномъ году поступило на приходъ 21,787 р. 6½ коп., израсходовано же изъ нихъ 35,002 руб. 81 коп., что даетъ къ 1-му января настоящаго года общее уменьшеніе денежныхъ средствъ противъ наличности къ началу 1888 года—на 13,215 руб. 74½ коп. Это обстоятельство объясняется расходами, произведенными на постройку Іакобштадтскаго храма, на счетъ поступленій спеціального сбора на этотъ предметъ пред-

шествовавшихъ лѣтъ, въ связи съ незначительностью этихъ поступленій въ отчетномъ году, вслѣдствіе окончанія этой постройки.

† 29-го сентября, заслуженный ординарный профессоръ анатоміи въ военно-медицинской академіи **Федоръ Павловичъ Ландцеръ**. Онъ родился 23-го марта 1833 г. въ мѣстечкѣ Вѣлоостровѣ, Петербургской губерніи, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Послѣ смерти отца, въ 1837 г., Ландцеръ вмѣстѣ съ семьєю переселился въ Петербургъ. Окончивъ въ 1850 г. курсъ въ Петропавловскомъ училищѣ, Ландцеръ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Умѣнье рисовать сблизило его съ проф. Груберомъ и результатомъ этого сближенія явилась горячая привязанность молодого студента къ занятіямъ анатоміею. Уже на третьемъ курсѣ Ландцеръ демонстрировалъ студентамъ анатомическіе препараты трудно-усвоенныхъ областей тѣла. Студентомъ, онъ преподавалъ анатомію учителямъ гимнастики въ гимнастическомъ заведеніи де-Роона. Степень лекаря Ландцеръ получилъ въ 1855 г. и началъ службу врачомъ при рижскомъ госпиталѣ. Въ 1860 году Академія пригласила Ландцера читать лекціи описательной анатоміи, вмѣстѣ съ Н. А. Нарановича. Въ это же время Ландцеръ сталъ читать по вечерамъ безвозмездно для студентовъ лекціи хирургической анатоміи. На этихъ лекціяхъ всегда была масса слушателей и Ландцеръ приобрѣлъ славу хорошаго лектора. Въ 1868 г. Ландцеръ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ, а въ 1873 г.—ученымъ секретаремъ академіи. Когда, въ 1860 г., открылись высшіе женскіе курсы при Маріинской гимназіи, Ландцеръ сталъ читать ихъ слушательницамъ анатомію. Анатомію, физиологію и гигиену Ландцеръ читалъ и на Фребелевскихъ курсахъ; встрѣтили въ немъ большое сочувствіе къ себѣ также высшіе женскіе учебныя курсы, на которыхъ онъ читалъ анатомію и состоялъ ихъ ученымъ секретаремъ. Съ 1878 г. Ландцеръ читалъ анатомію и въ училищѣ фельдшерницъ при Рождественской больницѣ. Приобрѣтя извѣстность, какъ профессоръ и хорошій лекторъ, Ландцеръ былъ извѣстенъ и своими многочисленными учеными трудами, среди которыхъ выдается «Курсъ нормальной анатоміи человѣка», въ 4-хъ частяхъ.

† 21-го октября въ Москвѣ окончилъ свою жизнь самоубійствомъ извѣстный народный писатель **Николай Васильевичъ Успенскій**. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ тульской духовной семинаріи, откуда въ 1856 г. поступилъ въ студенты петербургской медико-хирургической академіи, а затѣмъ перешелъ въ петербургскій университетъ. Уволившись изъ числа студентовъ, онъ выдержалъ въ 1861 году экзаменъ при петербургскомъ же университетѣ на званіе учителя русскаго языка уѣзднаго училища. Съ тѣхъ поръ до 1866 г. Н. В. занималъ должность учителя русскаго языка въ Черномъ, Тульской губ., уѣздномъ училищѣ, а въ 1868 г. состоялъ учителемъ того же предмета въ Болховскомъ уѣздномъ училищѣ, въ Орловской губ. По выдержаніи въ началѣ 1869 г. испытанія при петербургскомъ университетѣ на званіе учителя русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства императрицы Маріи, покойный занималъ должности учителя сначала въ дѣтскомъ приютѣ принца Ольденбургскаго, затѣмъ въ оренбургской неплюевской военной гимназіи и, наконецъ, въ 1-й московской военной гимназіи, откуда уволился по прошенію въ концѣ 1874 года. Литературная дѣятельность Н. В. началась въ концѣ 50-хъ годовъ, когда онъ былъ еще студентомъ. Разказы его печатались преимущественно въ «Современникѣ» до закрытія этого журнала въ 1866 г. а затѣмъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ недавнее время сочиненія его вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Среди беллетристовъ онъ очень скоро и выгодно выдвинулся. Но таланта у покойнаго только и хватило на нѣсколько разказовъ. Въ послѣднее время онъ изрѣдка помѣщалъ свои произведенія въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Года два тому назадъ онъ началъ печатать въ незначительномъ московскомъ изданіи свои воспо-

минанія о корифеяхъ нашей литературы, большею частію уже умершихъ. Воспоминанія были переполнены сообщеніями о разныхъ некрасивыхъ поступкахъ корифеевъ. Не всегда правдивыя, они произвели на читателей непріятное впечатлѣніе. Онъ умеръ 52-хъ лѣтъ въ крайней нищетѣ: предаваясь пьянству, онъ зарѣзался подъ заборомъ въ глухомъ переулкѣ.

† въ Ораніенбаумѣ, 26-го октября, скоропостижно, мѣстный комендантъ, свиты генераль-маіоръ **Владиміръ Александровичъ Вилламовъ**, 52 хъ лѣтъ. Воспитанникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ (теперь Николаевского кавалерійскаго училища), онъ былъ выпущенъ офицеромъ въ Семеновскій полкъ, гдѣ прослужилъ вплоть до послѣдней войны; въ концѣ военныхъ дѣйствій онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и получилъ въ командованіе полкъ. Вскорѣ онъ былъ переведенъ комендантомъ въ Ораніенбаумъ, назначенъ начальникомъ офицерской стрѣлковой школы и членомъ артиллерійскаго ученаго комитета. Онъ былъ хотя не видный, но хорошо извѣстный въ военномъ кругу поэтъ. Какъ человекъ даровитый, остроумный, любившій литературу и воспитанный въ то время, когда громаднымъ значеніемъ пользовались въ дѣлѣ воспитанія изученіе иностранныхъ литературъ и знаніе европейскихъ языковъ, онъ еще въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ сталъ импровизировать и пописывать стишки, звучные по формѣ, веселые по содержанию. Писаніе стиховъ онъ не оставлялъ всю жизнь и въ прошломъ году выпустилъ томикъ стихотвореній, скрывъ свое имя подъ псевдонимомъ Владиміра Сулковскаго. Извѣстны его поэмы «Женитьба Брокорова» и «Монахъ». Вилламовъ-поэтъ былъ и отличнымъ музыкантомъ, въ исполненіи, часто конкурировавшимъ съ своимъ братомъ, извѣстнымъ авторомъ романсовъ. Но и этимъ не исчерпывались дарованія Вилламова—онъ былъ хорошимъ художникомъ; къ этому присоединилась его любовь къ садоводству. Онъ былъ извѣстенъ въ Обществѣ садоводства, какъ замѣчательно умѣлый въ дѣлѣ культуры растений. Погребенъ В. А., 30-го октября, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

† въ концѣ октября въ Петербургѣ **Николай Федоровичъ Мещерскій**, на 63 году. Получивъ юридическое образованіе въ военно-аудиторскомъ училищѣ, преобразованномъ впоследствии въ Юридическую академію, покойный всю жизнь посвятилъ военно-судебному вѣдомству, въ которомъ былъ виднымъ и полезнымъ дѣятелемъ, проходя съ 1845 г. разнообразныя судебныя должности, первоначально въ Финляндскомъ полку, потомъ въ штабѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и въ варшавскомъ военномъ отрядѣ во время польскаго возстанія въ 1863 году. Съ преобразованиемъ въ 1867 г. военно-судебной части, Н. Ф. назначенъ былъ военнымъ судебнымъ слѣдователемъ виленаго военного округа, а затѣмъ продолжалъ службу въ главномъ военно-судномъ управленіи и штабѣ мѣстныхъ войскъ петербургскаго военного округа; въ послѣднее время, до дня выхода въ 1883 году въ отставку, онъ служилъ смотрителемъ петербургскаго Семеновскаго военного госпиталя. Разстроивъ здоровье, Н. Ф. вынужденъ былъ оставить службу, имѣя главною цѣлью посвятить свободное время на приготовленія къ изданію составленнаго имъ обширнаго историческаго труда «О возникновеніи и развитіи въ Россіи военно-судебныхъ учрежденій». Покойный помѣстилъ нѣсколько статей, преимущественно юридическаго содержанія и отчасти публицистическаго и беллетристическаго, въ періодическихъ изданіяхъ. Изъ оставшихся послѣ него рукописей, приготовленныхъ имъ къ печати, имѣются статьи о польскомъ возстаніи 1863 г., также автобіографическія записки покойнаго о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ теченіе сорокалѣтней общественной дѣятельности.

† въ Тамбовѣ, губернаторъ, баронъ **Александръ Александровичъ Фредериксъ**. Онъ родился 10-го февраля 1835 г. въ Варшавѣ. Отецъ его былъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи. Въ августѣ 1847 г. онъ поступилъ въ Па-

жескій корпусъ, гдѣ имя Фредерикса, «какъ не имѣвшаго никого изъ товарищей себя выше въ поведеніи и въ наукахъ», записано на мраморную доску. Въ 1855 г., былъ командированъ въ Крымъ и находился на позиціи при рѣкѣ Качъ, близъ Бахчисарая и на сѣверной сторонѣ Севастополя. Въ 1861 г. онъ былъ мировымъ посредникомъ по Псковскому уѣзду: въ 1863 г. уволенъ изъ военной службы. Затѣмъ былъ Псковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, членомъ губернской земской управы, почетнымъ мировымъ судьей, директоромъ губернскаго тюремнаго комитета, попечителемъ арестантской роты гражданскаго вѣдомства и въ 1868 году назначенъ Нижегородскимъ вице-губернаторомъ; въ 1878 году назначенъ Плоцкимъ губернаторомъ, а 23-го февраля 1879 г.—Тамбовскимъ губернаторомъ. Онъ много заботился о благосостояніи губерніи. Его энергіи историко-археологическій музей въ Тамбовѣ обязанъ своимъ существованіемъ, какъ свидѣтельствуетъ Н. В. Калачовъ, сообщившій, что на открытіе музея, баронъ Фредериксъ собралъ 3,500 рублей. Онъ сдѣлалъ также много для общества: математическаго, медицинскаго и музыкальнаго. Въ петербургскіе журналы онъ не разъ присылалъ сообщенія по исторіи и археологіи Тамбовскаго края.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еще объ отношеніяхъ Гоголя къ матери.

(По поводу статьи А. М. Черницкой).

Въ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», появился еще одинъ очеркъ, посвященный отношеніямъ Гоголя къ матери и принадлежащій перу г-жи Черницкой. Свой трудъ г-жа Черницкая начинаетъ указаніемъ предшествующихъ статей по тому же предмету, которыя представляются ей болѣе или менѣе односторонними. Съ своей стороны она задается цѣлью исправить допущенныя въ нихъ неточности и дополнить пробѣлы. И дѣйствительно, ея добросовѣстный и самостоятельный очеркъ является далеко не лишнимъ. Главная заслуга статьи именно въ желаніи и умѣнii подойти къ вопросу безъ предвзятыхъ взглядовъ, которые такъ много вредятъ дѣлу исслѣдованія. Но, по нашему мнѣнію, г-жа Черницкая не совсѣмъ права единственно въ томъ, что, возражая противъ выводовъ г-жи Вѣлозерской, она остается на той же почвѣ суда надъ сыномъ и матерью, и энергически поднимая одну чашку вѣсовъ, естественно столь же сильно опускаетъ другую. Впечатлѣніе отъ чтенія сряду обѣихъ статей получилось бы приблизительно такое, какъ при слуханіи рѣчей прокурора и защитника, разсматривающихъ на судѣ права противныхъ сторонъ¹⁾. Читатель неожиданно оказывается въ роли присяжнаго. Но показанія слишкомъ противорѣчивы, и потому мнѣ кажется нелишнимъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ моей статьѣ

¹⁾ Ни сынъ, ни мать, (ни оставшіеся въ живыхъ ихъ родственники), конечно, не ожидали, что въ литературѣ впоследствии возникнетъ изъ-за нихъ тяжба, о которой они сами никогда не думали.

«Родители Гоголя», напечатанной въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», чтобы разъяснить несогласія и исчерпать все относящееся къ данному вопросу.

Г-жа Черницкая чрезвычайно удачно группируетъ и разъясняетъ факты, касающіяся отношеній Гоголя къ матери. Припоминая свидѣтельства лицъ, знавшихъ семейную жизнь Маріи Ивановны, я могъ бы только подтвердить во многомъ согласіе ихъ съ ея статьей. Но необходимо показать, какія именно данныя должны были привести обѣихъ изслѣдовательницъ къ противоположнымъ выводамъ.

Припомнимъ, какія стороны характера Марьи Ивановны указаны г-жей Бѣлозерской на основаніи тщательнаго изученія ея переписки съ сыномъ и нѣкоторыми родственниками. Во-первыхъ, необычайная доброта Маріи Ивановны, ея готовность помогать близкимъ людямъ до самопожертвованія и въ высшей степени привлекательный и симпатичный характеръ; во-вторыхъ, ея страстная любовь къ сыну. Все это какъ нельзя больше подтверждается воспоминаніями лицъ, коротко знавшихъ Марію Ивановну, и не только подтверждается, но представляется даже въ гораздо бѣльшихъ размѣрахъ. Приведу нѣсколько отзывовъ. «Взглянувъ на Марью Ивановну и поговоривъ съ нею нѣсколько минутъ»,— пишетъ С. Т. Аксаковъ, «можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, любящее, нѣжное существо, полное эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора»¹⁾. Г. Трофимовскій приводит трогательныя доказательства этой доброты²⁾. Такою же безпредѣльно доброй изображаетъ ее г. Кулишъ въ письмахъ къ Н. А. Бѣлозерской³⁾, такъ же по личнымъ воспоминаніямъ. Покойный А. С. Данилевскій, ближайшій другъ Гоголя, и его семья, много рассказывали мнѣ о добротѣ Марьи Ивановны, какъ о фактѣ не подлежащемъ никакому спору или сомнѣніямъ. Однимъ словомъ, одинаково симпатичной является Марья Ивановна во всѣхъ безъ исключенія личныхъ воспоминаніяхъ и во всѣхъ статьяхъ, гдѣ сколько-нибудь ея касалась рѣчь. Даже случайно встрѣченный мною года четыре назадъ бывшій ея крѣпостной вспомнилъ о ней со слезами на глазахъ: «добрая была барыня,— что и говорить! Ее всѣ любили. Такихъ ужъ теперь нѣтъ. Жить у нихъ намъ было хорошо, не такъ, какъ прочимъ крѣпостнымъ! И теперь ее жалко». Случалось, и не рѣдко, что добротой Марьи Ивановны злоупотребляли, но она принадлежала къ числу тѣхъ личностей, которыхъ въ этомъ отношеніи никогда никакой опытъ не научаетъ, и всегда оставалась доброй, радушной и гостепріимной помѣщицей, какой ее рисуютъ воспоминанія Кулиша, Трофимовскаго и Данилевскихъ.

Спрашивается: могла ли Марья Ивановна быть невнимательной и безучастной къ тому самому единственному сыну, котораго, по общимъ отзывамъ, «любила до обожанія? Ея любовь къ Никошѣ, была любовь страстная, пламенная и, пожалуй, безумная. Однажды, по поводу моего вопроса о письмѣ, въ которомъ Гоголь безъ стѣсненія выражаетъ досаду на мать за споры съ сосѣдями о его литературномъ значеніи, А. С. Данилевскій между прочимъ замѣтилъ: «Да вѣдь надо знать, какъ она всегда говорила о сынѣ. Она говорила о немъ съ гордостью любящей и счастливой матери, съ восторгомъ,

¹⁾ «Русь», 1880, № 6, стр. 16.

²⁾ «Русская Старина», 1888, VII, 34—35.

³⁾ «Русская Старина», 1887, 3, 707—709.

со страстью, и, при всей безпредѣльной добротѣ, готова была за малѣйшее слово о немъ поспорить съ каждымъ». Въ обожаніи сына Марья Ивановна положительно доходила до Геркулесовыхъ столповъ, приписывая ему всѣ новѣйшія изобрѣтенія (пароходы, желѣзныя дороги) и, къ величайшей досадѣ сына, рассказывая объ этомъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Разубѣдить ее не могли бы никакія силы...

Посмотримъ теперь, какъ, по устраненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, неизбежныхъ при сужденіи о вопросѣ по отрывочнымъ даннымъ, могутъ быть, согласно съ другими показаніями, примирены противоречивыя заключенія г-жи Черницкой и г-жи Бѣлозерской.

Г-жа Черницкая, вѣроятно, согласится съ нами, что если Марья Ивановна не выслала сыну денегъ на книги, когда онъ былъ гимназистомъ, то это всего убѣдительнѣе объясняется степенью ея образованія: въ вопросѣ о необходимости или пользѣ выписываемыхъ сыномъ книгъ она судьей быть не могла; но намъ извѣстенъ ея взглядъ, что любовь къ книгамъ хотя и похвальна, можетъ быть вредна, когда обратится въ страсть; что обязанность хорошей матери за это сдѣлать «репримандъ». Вѣдь это такое же проявленіе добродушной наивности, какъ и въ другихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, она считала необходимымъ воспитательнымъ приѣмомъ «писать Николенкѣ по нѣскольку листовъ морали»¹⁾, или упрасивала А. А. Тропинскаго удостоить съ своей стороны Николу строгихъ поученій, потому что они вмѣстѣ съ ея собственными «моральми» долженствовали сдѣлать изъ Гоголя «истиннаго христіанина и добраго гражданина»²⁾. Г-жа Черницкая выражаетъ недоумѣніе, почему въ статьѣ г. Трофимовскаго не разъяснено, что побуждало Марью Ивановну такъ мало помогать сыну деньгами; но у нея ихъ не было, и притомъ Марья Ивановна весь вѣкъ прожила почти безвыѣздно въ деревнѣ, вслѣдствіе чего имѣла самое смутное представленіе о трудностяхъ городской жизни вообще, не говоря уже о перебургской или, напр., заграничной. Даже то, что Марья Ивановна повѣрила первому сплетнику относительно мнимаго мотовства сына, принимавшаго у себя товарищей-нѣжинцевъ, у которыхъ онъ и самъ часто бывалъ, вполне объясняется ея подозрительностью; но что расходы сына могли ей вообще представляться огромными, согласится каждый житель столицы, которому случалось встрѣчать въ провинціяхъ непобѣдимое недовѣріе къ факту столичной дороговизны. Наоборотъ, г-жа Бѣлозерская особенно настаиваетъ на готовности Марьи Ивановны приносить для сына жертвы. Причиной такого взгляда служить, конечно, частыя выраженія благодарности Гоголя матери за все, что она для него дѣлала. И такъ готовность Марьи Ивановны приносить жертвы для сына не подлежитъ сомнѣнію; но могла ли она приносить ихъ одну за другой—большой вопросъ. Въ дѣйствительности она ихъ не могла приносить, какъ убѣдительно разъяснилъ г. Трофимовскій, и по самой простой и очевидной прозаичной причинѣ: наличныя деньги рѣдко водились у Марьи Ивановны. Именно этому обстоятельству, думается намъ, мало придано значенія какъ г-жей Бѣлозерской, такъ и г-жей Черницкой, а между тѣмъ оно-то намъ все и разъясняетъ. Затрата нѣсколькихъ тысячъ на постройку церкви этому нисколько не противорѣчитъ: постройка была гораздо раньше, при

¹⁾ «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд. стр. 77.

²⁾ «Русская Старина», 1882, № 6.

жизни ея мужа, да на это богоугодное дѣло она могла бы, не противорѣча себѣ, не пожалѣть денегъ, если бы онѣ были даже нужны сыну. Что она при случаѣ щедро раздавала деньги роднымъ и знакомымъ, опять легко объясняется и при любви ея къ нуждающемуся сыну и при собственной нуждѣ; да кто же не знаетъ людей съ подобными ей натурами, которые потому и бѣдны, что при ихъ добротѣ копѣйка не можетъ у нихъ удержаться.

Но всего важнѣе то, что г-жѣ Бѣлозерской по отрывкамъ изъ переписки не могли быть извѣстны болѣзненная мечтательность и подозрительность Марьи Ивановны. Судя о ней, какъ о часто встрѣчающемся типѣ, она не имѣла даже данныхъ для предположенія, что въ характерѣ ея героини крылись весьма крупныя и оригинальныя особенности. Объ этомъ тѣмъ менѣе возможно было догадаться по письмамъ, что въ нихъ, повидимому, совершенно ясно раскрывается ея душа, что и въ самомъ дѣлѣ справедливо. И вѣдь указанныя нами особенности ея характера отразились въ перепискѣ; но, какъ нарочно, въ изданіи г. Кулиша письма Гоголя къ матери напечатаны съ пропусками, а пропущены именно тѣ мѣста, въ которыхъ эта черта выступаетъ ярче, пропущены по самой понятной и уважительной, при жизни Марьи Ивановны, причинѣ ¹⁾. Наконецъ безъ сравненія съ отзывами людей, лично знавшихъ Марью Ивановну, черты эти весьма легко могли ускользнуть отъ вниманія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ сохраняла напечатанная переписка. Въ брошюрѣ «Ученическіе годы Гоголя» я отчасти отмѣтилъ подозрительность Марьи Ивановны, но я далеко не угадывалъ тѣхъ размѣровъ ея, о которыхъ мнѣ пришлось послѣ неоднократно слышать. Наконецъ, мы узнаемъ весьма важное свѣдѣніе въ статьѣ г. Трофимовскаго, — что въ минуты грусти Марья Ивановна склонна была страшно преувеличивать нужду, бѣдность, горе, предаваться мрачнымъ мыслямъ. Мнѣ кажется, что все это совершенно необходимо имѣть въ виду при оцѣнѣ взаимныхъ отношеній Гоголя и его матери.

Остановлюсь еще на двухъ-трехъ частностяхъ. Не зная причудливаго характера Марьи Ивановны, г-жа Бѣлозерская придала черезчуръ большое значаніе такимъ ея выраженіямъ, какъ напр., что Гоголь «себя возвысилъ, а ее унижилъ». — «Однимъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ», — говоритъ г-жа Бѣлозерская, — «онъ настолько задѣлъ ее (мать), что она увидѣла въ его словахъ незаслуженные упреки себѣ и дала ему это почувствовать» ²⁾. Но перечитывая предшествующее письмо ³⁾, можно легко убѣдиться, что въ немъ-то именно Гоголь высказалъ недовольство по поводу споровъ Марьи Ивановны за его литературную репутацію, и это, по нашему мнѣнію, были упреки вполне заслуженные. Притомъ выраженіе «дала ему почувствовать» невѣрно характеризуетъ Марью Ивановну женщиной долго сдерживавшей себя и, наконецъ, тонко и деликатно высказавшейся. До насъ не дошло это письмо Марьи Ивановны, но обыкновенно она была куда далека отъ политики и дипломатіи; каждая строчка ея письма и все ею писанное взятое вмѣстѣ, вполне убѣждаютъ, что она всегда говорила просто, что было

¹⁾ Каждый можетъ въ этомъ легко убѣдиться по отрывкамъ и письмамъ, приведеннымъ мною въ статьѣ «Родители Гоголя» въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

²⁾ «Русская Старина», 1887, 3, 695, примѣч. 3-е.

³⁾ Соч. Гог. изд. Кул., т. V, стр. 350.

на душѣ, а если на душѣ было тяжело, то многое и преувеличивала. Говоря о недостаточныхъ успѣхахъ Гоголя въ гимназіи, г-жа Бѣлозерская съ излишней суровостью замѣчаетъ, что онъ «не хотѣлъ оставить матери и того утѣшенія, что сдѣланныя ею непосильныя (?) затраты для его содержанія въ гимназіи принесли дѣйствительную пользу»¹⁾; также покойный О. Э. Миллеръ иронически называетъ «реторикой въ трагическомъ вкусѣ» тѣ строки, въ которыхъ Гоголь оправдываетъ себя въ дѣлности, передъ матерью. Но это слишкомъ строго: неужели естественное и простительное желаніе школьника оправдаться, есть уже позорное лицемѣріе сознательнаго плута! Мы, конечно, не повѣримъ Гоголю-юношѣ, какъ вѣрила его мать, что онъ не получилъ при выходѣ изъ гимназіи 12 класса будто бы потому, что «не хотѣлъ ласкаться къ наставникамъ» — это ужъ вполне типическая школьная жалоба на «несправедливость людскую» — но жестоко тутъ было бы видѣть испорченность и злое лицемѣріе.

Возвращаемся еще разъ къ статьѣ г-жи Черницкой, чтобы прибавить, что она чрезвычайно полезна и поучительна, показывая наглядно, какъ односторонни ходячія предубѣжденія противъ великаго писателя и какъ часто дѣлаются не заслуженные и жестокіе упреки людямъ, память которыхъ должна быть особенно дорога. Съ печатнымъ укоромъ и обвиненіемъ слѣдовало бы вообще быть гораздо осмотрительнѣе. Напротивъ, особеннаго сочувствія заслуживаетъ умѣніе отнестись къ дѣлу просто и правдиво, безъ всякаго предубѣжденія, какъ съумѣла совершенно вскользь, мимоходомъ, отнестись къ самому больному пункту въ біографіи Гоголя г-жа Черницкая: «Прибѣгая съ готовностью на помощь другимъ», — говоритъ она, — «самъ Николай Васильевичъ часто бѣдствовалъ. Его существованіе было весьма неопредѣленно, такъ какъ онъ жилъ исключительно на деньги, выручаемыя отъ продажи сочиненій. Служебнаго мѣста, о которомъ онъ мечталъ, Гоголь не добился, а къ педагогической дѣятельности, за которую брался, былъ совсѣмъ неспособенъ»²⁾. Эти слова, очевидно, сказаны отнюдь не въ упрекъ Гоголю, но и чужды панегирическаго отношенія къ дѣлу; въ нихъ выражается просто искреннее, человѣческое участіе къ «неопредѣленному положенію» писателя, которое дѣйствительно было главнымъ несчастіемъ его жизни и не разъ давало поводъ къ ядовитымъ, но несправедливымъ и поверхностнымъ обвиненіямъ Гоголя. Надо помнить, что строгіе судьи иногда слишкомъ скоро готовы все опорочить, но жестоко и невеликодушно безъ самыхъ вѣскихъ причинъ отягощать память умершихъ. Пусть біографическіе вопросы обсуждаются свободно съ разныхъ сторонъ; пусть даже они будутъ иной разъ разбираться строго и ошибочно. Чѣмъ больше безпристрастныхъ обсужденій, тѣмъ полнѣе и легче раскроется истина. Не въ этомъ слѣдуетъ видѣть оскорбленіе памяти писателя. Маскировать имена, откладывая разъясненія, бояться критики не слѣдуетъ. Но нельзя судить дѣятелей прошлаго съ суровостью яко бы безупречнаго пушкинскаго Анджело. Иначе гениальный писатель или другой историческій дѣятель, не смотря на воздвигаемый ему памятникъ, оказывается по недоразумѣнію въ положеніи привязаннаго къ позорному столбу преступника, надъ которымъ торжественно совершается публичная казнь. Такое отношеніе имѣло въ свое время raison

¹⁾ «Русская Старина» 1887, 3, 680.

²⁾ «Историч. Вѣстникъ», 1889; 6; 678.

d'être; но теперь, кажется, пора отрѣшиться отъ крайностей и не отказывать людямъ, составляющимъ гордость страны въ той справедливости, въ которой никто не рѣшится отказать на судѣ въ качествѣ присяжнаго самому злему преступнику.

В. Шенрокъ.

II.

А. Я. Рудзевичъ.

(Историческая справка).

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщенъ интересный очеркъ Д. Д. Рябинина, посвященный поэту А. А. Шишкову 2-му. Отмѣтивъ, между прочимъ, что Шишковъ состоялъ въ данную минуту адъютантомъ при одномъ изъ крупныхъ полководцевъ александровской и начала николаевской эпохъ, генераль-отъ-инфантеріи Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ, почтенный авторъ коснулся мимоходомъ этого послѣдняго, именно (примѣчаніе къ стр. 56—57)—изложилъ вкратцѣ его службу (не упоминая, впрочемъ, объ его блестящей роли въ 1813—1814 годахъ), затѣмъ отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ:—«Рудзевичъ слылъ въ арміи большимъ интриганомъ и между прочимъ питалъ непріязнь и къ П. Д. Киселеву, и къ принцу Евгенію Виртембергскому, и къ самому главнокомандующему Дибичу, который въ свою очередь невыгодно аттестовалъ его передъ императоромъ Николаемъ, обвиняя въ медленности и неуспѣшности, что было незадолго до смерти стараго генерала».

Что Дибичъ, воровавшій Турецкою кампаніею, въ 1828 году—въ качествѣ начальника главнаго штаба Его Величества, а съ 9 февраля 1829 г.—въ званіи и официалнаго главнокомандующаго, вмѣсто престарѣлаго Витгенштейна; что Дибичъ, «любя себя, а не службу»¹⁾, былъ не расположенъ къ Рудзевичу (къ одному ли Рудзевичу!²⁾—этому можно найти подтвержденія: и семейное преданіе именно сознанію Рудзевичемъ холодности Дибича къ его военнымъ дарованіямъ—холодности, переходившей въ недоброжелательство со всѣми его служебными послѣдствіями—приписываетъ внезапную преждевременную кончину далеко не стараго еще война (р. въ 1776, умеръ въ Фокшанахъ 23 марта 1829). Что Рудзевичъ, «страстно любившій военное искусство», распорядительный, «неустрасимый», «въ сраженіяхъ хладнокровный и смѣливый, съ вѣрнымъ взглядомъ на дѣло»³⁾, что Рудзевичъ, державшій свои войска въ порядкѣ и всегда удостоиваемый за смотры Высочайшаго благоволенія⁴⁾, но генералъ преимущественно боевой, не раздѣляя фронтových увлеченій своихъ строевыхъ товарищей (между прочимъ и П. Д. Киселева, фронтových заботы котораго не одобрялись даже ближай-

¹⁾ Выраженіе Закревскаго, въ письмѣ къ П. Д. Киселеву. См. А. Б. Заблоцкій-Десятовскій, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» (Спб. 1882. 8°) 1. 129.

²⁾ См. Записки принца Виртембергскаго въ «Русской Старинѣ», июль 1880, напримѣръ, стр. 433, 438, 448.

³⁾ «Александръ I и его сподвижники», въ біографіи А. Я. Рудзевича, стр. 11, столб. 2.

⁴⁾ Высочайшіе приказы 23 апрѣля и 1 мая 1818, 3 января 1822, 3 и 6 октября 1823, 6 октября 1827. 22 мая 1828.

шими друзьями ¹⁾—подчасъ пылко и открыто фрондировать противъ несогласныхъ съ его взглядомъ распоряженій въ этомъ отношеніи даже высшаго начальства, объ этомъ сохранились свѣдѣнія. «Обращусь къ приказу», доводилось увѣщевать его по поводу той или другой порицаемой имъ мѣры:— «я не знаю, полезно или бесполезно, но если высшее начальство находитъ нужнымъ, то я право не вижу, почему распоряженіе могло вамъ не нравиться... — Нѣтъ, Александръ Яковлевичъ, не вѣрю я, чтобы вы повторили слова письма вашего, и чтобы не сознались или въ неблаговоленіи вашемъ ко всему, что дѣлается, или въ дурномъ душевномъ расположеніи вашемъ, при каковомъ писали ²⁾»).

Но чтобы Рудзевичъ «питалъ» къ тому или другому изъ сослуживцевъ личную «непріязнь» и «слылъ въ арміи интриганомъ»—такое истолкованіе его характера едва ли подкрѣпляется фактами и, вѣроятно, составляетъ плодъ лишь недоразумѣнія. Уцѣлѣла объемистая связка неизданныхъ писемъ къ Рудзевичу его соратниковъ, отъ Дениса Давыдова и Сабанѣева до Ланжерона и Витгенштейна (между прочимъ и П. Д. Киселева); его писемъ къ женѣ (между прочимъ и въ тяжкій для него, роковой 1828—1829 годъ), нѣкоторыхъ другихъ бумагъ: ключевой родникъ подлинныхъ ретроспективныхъ справокъ, переданный послѣднимъ изъ оставшихся еще въ живыхъ сыновей Александра Яковлевича, усопшимъ въ августѣ этого года генералъ-лейтенантомъ Николаемъ Александровичемъ Рудзевичемъ ³⁾, въ мое распоряженіе, какъ существенное пособіе для этюда о воинѣ, до сихъ поръ не имѣющемъ о себѣ обстоятельной монографіи, которой заслуживалъ бы умѣлый и предприимчивый кавказецъ, находчивый и стойкій вождь 1813—1814 годовъ, прорицатель и вчинатель Лейпцигскаго боя, покоритель Парижа, штурмомъ овладѣвшій Монмартрскими высотами, соколъ съ подрѣзанными крыльями Турецкой кампаніи, «совершившій» въ теченіе своего боевого поприща «безчисленный рядъ подвиговъ», «стоявшій въ числѣ избранныхъ, могущихъ предводить арміей» ⁴⁾—и не допущенный судьбою до полного проявленія своихъ дарованій на самостоятельномъ посту главнокомандующаго. — Помянутые документы далеко не лишены обще-историческаго значенія, почему желательный съ этой стороны ихъ содержанія выходъ ихъ въ свѣтъ и послѣдуетъ по снабженіи документальнаго текста доступными въ Парижѣ библиотечными и архивными подробностями и дополненіями относительно 1813—1814 годовъ и Турецкой кампаніи. Но кромѣ общаго въ нихъ имѣется также и частное, и во многихъ изъ нихъ выражено мнѣніе о Рудзевичѣ современныхъ ему выдающихся представителей арміи—едва ли

¹⁾ Письмо Закревскаго къ П. Д. Киселеву, у Заблоцкаго-Десятовскаго I. 134.

²⁾ Неизданное письмо П. Д. Киселева, тогда начальника штаба 2 арміи, изъ Тульчина, 9 августа 1819, Рудзевичу, командовавшему 7 корпусомъ.

³⁾ За смертью Николая Александровича Рудзевича, въ настоящую минуту прямыми потомками Александра Яковлевича, въ мужской линіи, являются его внуки, дѣти Николая Александровича и супруги его Елисаветы Михайловны: сыновья—Николай Николаевичъ, начальникъ отдѣленія въ канцеляріи Комитета Министровъ и Михайлъ Николаевичъ, служащій на родинѣ своего дѣда, въ Крыму, по вѣдомству министерства финансовъ; и дочь, Марія Николаевна, замужемъ за сыномъ кавказскаго боевого генерала въ отставкѣ, Михаила Осиповича Фьерковскаго.

⁴⁾ Александръ I и его содвиглики, Л. С. стр. 11, столб. 2.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1889 г., т. XXXVIII.

согласимое съ вызвавшимъ эту статейку заключеніемъ... Оно даетъ, напротивъ, о нравственныхъ свойствахъ Александра Яковлевича представленіе, устраняющее сужденія въ смыслѣ приведенныхъ выше строкъ... Нѣтъ матеріальной возможности втиснуть въ бѣглую замѣтку всѣ напрашивающіяся на цитированіе выдержки, которыя сами собою вложились бы въ ея рамку, еслибы размѣры этой послѣдней могли быть шире.

Ограничусь извлеченіями изъ писемъ—хоть одного, именно П. Д. Киселева.

Послѣ первыхъ же служебныхъ встрѣчъ, онъ писалъ Рудзевичу:—«Москва, 19-го декабря 1817 г. Государю угодно было принять сестру мою во фрейлины и облагодѣтельствовать все мое семейство всемилостивѣйшимъ и непрерывно лестнымъ обращеніемъ своимъ—вотъ награды, которыя превышаютъ все: а къ вамъ о томъ пишу, зная, что по дружбѣ вашей ко мнѣ во всемъ для меня пріятномъ примете настоящее участіе».—«Владимиръ (Волыскій), 10-го мая 1818 г. Пріймите, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, изъявленіе благодарности за все дружеское, вами мнѣ оказанное... Для себя искренно желаю продолженія дружбы вашей».

Между тѣмъ Рудзевичъ, бывшій съ мая 1816 г. начальникомъ штаба 2 арміи и постоянно желавшій освобожденія отъ административныхъ обязанностей, мало соответствовавшихъ, въ мирное время, его полевымъ наклонностямъ, но съ трудомъ увольняемый даже въ непродолжительный отпускъ, такъ какъ «государь, не имѣя въ виду другого столь достойнаго генерала къ заступленію его должности, весьма много затруднялся исполненіемъ его желанія» ¹⁾,—Рудзевичъ получилъ, 22-го февраля 1819 г., седьмой пѣхотный корпусъ, а П. Д. Киселевъ былъ назначенъ на его мѣсто начальникомъ штаба 2 арміи. Это послѣднее назначеніе (о которомъ въ письмѣ къ Рудзевичу изъ Петербурга отъ 27-го февраля 1819 г. П. Д. Киселевъ выразился: «вамъ государь отдать должно, мнѣ оказалъ милость неожиданную и которую считаю задаткомъ на будущую службу мою»), назначеніе это, послѣдовавшее безъ предварительнаго соглашенія съ главнокомандующимъ 2 арміи, графомъ Витгенштейномъ, какъ извѣстно, показалось ему признакомъ утраты монаршаго довѣрія и побудило его просить объ отставкѣ. Удержанный милостивымъ рескриптомъ государя, Витгенштейнъ успокоился ²⁾, и принялъ присланнаго ему начальника штаба ласково. Извѣщая, что «встрѣча ему сдѣлана неожиданная», т. е. радушная, вотъ что писалъ Рудзевичу очутившійся тѣмъ не менѣе въ щекотливомъ положеніи П. Д. Киселевъ, изъ Тульчина, 24-го мая 1819 г.:—«Надѣюсь на содѣйствіе всѣхъ, пользу службы желающихъ и лично тѣхъ, коихъ уважая характеръ, на дружбу считать могу: вы можете по сему представить, сколько на опытность и чистосердечіе ваше, Александръ Яковлевичъ, я считаю и сколько увѣренъ что всякое съ моей стороны по службѣ упущеніе исправлено будетъ не въ видѣ опрометчивости начальника штаба, но какъ неопытность пріятели Киселева».

Убѣжденіе въ чистосердечіи и дружбѣ Рудзевича сохранилось и въ продолженіе совмѣстнаго служенія. И въ дальнѣйшихъ письмахъ читаемъ:—«Тульчинъ, 9-го августа 1819 г. Начну принесеніемъ совершенной моей благодарности какъ за откровенность вашу, такъ и за пріятное для меня

¹⁾ Отношеніе начальника Главнаго Штаба Е. В. отъ 15 іюля 1818, № 1.575.

²⁾ Заблоцкій-Десятовскій, I. 60—65.

увѣреніе дружбы вашей; въ томъ и другомъ сомнѣваться нисколько не могу, и надѣюсь, что касательно всегдашнихъ моихъ къ вамъ чувствъ вы въ томъ же увѣрены». — «Тульчинъ, 7-го октября 1819 г. Я привыкъ уважать васъ и полагать, что уничтожить наши пятнадцатилѣтнія сношенія не зависить отъ общихъ намъ не доброжелателей и еще менѣе отъ насъ самихъ, тѣмъ болѣе, что причинъ къ тому не должно быть и не было. Прошу васъ, и точно отъ искренняго сердца, видѣть во мнѣ Киселева 16 17 и 18 годовъ, который ни правилъ, ни чувствъ своихъ перемѣнить не умѣетъ, который сознаться готовъ въ слабостяхъ своихъ. Вотъ исповѣдь моя; а ватѣмъ все прежнее предать забвенію—я къ сему васъ дружественно приглашаю. Всѣ беспорядки или неправильность мои и моихъ прошу убѣдительно отъ меня не скрывать, и тѣмъ доказать дружеское ко мнѣ расположеніе».

Пропускаю слѣдующій годъ, повторяющій подобныя же заявленія и прибавляющій къ нимъ засвидѣтельствованіе также и «строгой справедливости любезнѣйшаго Александра Яковлевича». Беру корреспонденцію 1821 г. «1 февраля, Херсонъ.—Я столько пишу несноснѣйшихъ бумагъ и столько вижу несноснѣйшихъ лицъ, что праздникомъ считаю минуты, которыя могу посвятить пріятному для меня разговору»... (Пропускается постороннее для темы этой замятки). «Вы меня извините, Александръ Яковлевичъ, что письмо составилось самымъ безалабернымъ образомъ; порядка въ откровенности не знаю, почему кончаю простыми словами: скажу вамъ, что почитаю васъ и преданъ отъ всей души и отъ всего сердца».

Въ 1822 году.—«1 генваря, Одесса.—Я не получалъ еще отвѣта на семи-офіціальное письмо мое... По сему предмету требованія содѣлываются настоятельныя. Видно намъ услуживаютъ. А впрочемъ могутъ быть шалуны, коихъ забавы не опасны, коль скоро начальникамъ будутъ извѣстны. По сему предмету я желалъ бы съ вами видѣться и можетъ быть къ вамъ пріѣду. — (Такой-то) имяннымъ указомъ откомандированъ къ... для особыхъ порученій. Гусь порядочный, и который не даромъ...—Не взыщите за беспорядокъ письма моего. По мѣрѣ скопленія мыслей къ вамъ пишу. Вы симъ убѣдитесь, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, въ истинной дружбѣ моей. Надоумьте, если что забылъ. Я на васъ надѣюсь какъ на стараго пріятели. Жена у меня не очень здорова, хотъ и надѣется, что съ беременностью ея уменьшатся нервическіе ея припадки,—видно не миновать цѣлебныхъ водъ, къ которымъ неотмѣнно поѣду, если война не препятствуетъ». — «14 февраля, Одесса. Я живу посреди чрезмѣрно непріятныхъ хлопотъ. Завтра ѣду въ Кишиневъ. Тамъ (то-то и то-то). Все сіе пусть останется между нами». — «7 марта, Одесса. Мнѣ прислана записка, у сего прилагаемая. Она еще у насъ офіціальности не имѣетъ, но я къ вамъ ее препровождаю, и прошу сказать ваше мнѣніе. Кажется мнѣ (то-то), но желалъ бы весьма просвѣтитесь вашимъ совѣтомъ». — «21 марта, Тульчинъ. Надъ (такимъ-то) судъ долженъ учредиться (тамъ-то и такъ-то). Скромность сего суда необходима, а посему сдѣлайте дружбу, сообщите мнѣ ваше по сему дѣлу мнѣніе, дабы при исполненіи распоряженій не впасть въ ошибку». — «7 мая, Тульчинъ. Прошу васъ письма мои принимать какъ сокровенный между нами разговоръ». — «16 сентября, Тульчинъ. Получилъ письмо отъ графини Потockой (теща П. Д. Киселева), которымъ необходимо требуетъ пріѣзда нашего въ Берлинъ, гдѣ

она нынѣ находится въ безнадежномъ состояніи. Вотъ неожиданное мною, ибо полагалъ будущимъ лѣтомъ совершить путешествіе, которое теперь крайне меня разстраиваетъ.—Неисправность министерства въ отношенія къ высылкѣ назначаемой смѣты превосходить всякую мѣру. Безъ денегъ и самъ Гурьевъ, и т. д.—Новая тревога даетъ мнѣ много хлопотъ, и потому не продолжаю нынѣшнее письмо мое».

Въ 1823 г. — «29 генваря, Тульчинъ. Послѣ тягостнаго путешествія, я возвратился наконецъ на жительство свое, и первое мое письмо пишу къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ. Вы изъ сего убѣдитесь, сколько я цѣню дружбу вашу... — Мнѣ желалось бы съ вами видѣться. Если экономія ваша или дѣла не позволяютъ вамъ пріѣхать въ Подольскую губернію, то я готовъ въ половинѣ февраля пріѣхать къ вамъ, либо въ Одессу, гдѣ можетъ быть вы намѣреваетесь быть сами. Сынъ мой, совершивъ путешествіе, вчера занемогъ. Болѣзнь его крѣпко беспокоитъ меня. Богъ одинъ спасти его можетъ, и на помощь сію уповаю».

И такъ далѣе.

Цитованныя письма ни разу не подписаны казенными формулами условной почтительности; всѣ ихъ заключительныя привѣтствія — задушевные, въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «прошу васъ любить искренно вамъ и душою преданнаго». Въ текстѣ ихъ, П. Д. Киселевъ (начальникъ штаба арміи), вовсе не подчиненный Рудевицу (корпусному командиру этой арміи), нерѣдко называетъ его «любезнѣйшій начальникъ», «почтеннѣйшій командиръ», какъ бы подчеркивая такимъ величаніемъ уваженіе именно къ его нравственнымъ качествамъ.

И сами присоединенныя выдержки не суть ли засвидѣтельствованіе этихъ послѣднихъ? Простая вѣжливость не дѣлится своими успѣхами съ человекомъ «непріязненнымъ» и «слывущимъ интриганомъ», и не довѣряетъ ему своихъ служебныхъ безпокойствъ; не освѣдомляетъ его о своихъ домашнихъ дѣлахъ и не обращается къ нему съ просьбою «надоумить» по деликатнымъ дѣламъ службы: не считаетъ разговоръ съ нимъ «праздникомъ», не ведетъ съ нимъ разговоровъ «сокровенныхъ», не вдается въ перепискѣ съ нимъ въ «откровенность», и притомъ «по мѣрѣ скопленія мыслей», даже о неисправностяхъ министерства и о «гусяхъ», назначенныхъ имянными указами; не ищетъ вѣдѣльничества съ нимъ свиданій и не спѣшитъ лично бесѣдою съ нимъ, ощущая потребность въ ней даже у постели больного сына. Обстоятельствами поставленная въ сношенія съ «непріязненнымъ» человекомъ, «слывущимъ интриганомъ» — простая вѣжливость выражается, и подписывается, нѣсколько иначе. Такъ откровенно и тепло, какъ въ приведенныхъ извлеченіяхъ, обращаются лишь къ лицу сочувственному, въ расположеніи и прямоутѣ котораго убѣждены, въ которое вѣрятъ: ибо искусственно маскировать довѣріемъ иныя чувства — было бы лицемеріемъ, несовмѣстимымъ съ репутаціею высокихъ душевныхъ качествъ П. Д. Киселева, да къ какому не было и надобности прибѣгать Киселеву, пріятелю князя Меншикова, другу «на ты» дежурнаго генерала Закревскаго и А. Θ. Орлова, «regnum grata» начальника штаба Его Величества князя П. М. Волконскаго и его преемника Дибича, любимцу Александра I, съ 1812 года пользовавшемуся его неизмѣнною благосклонностью, съ 1815 г. приближенному и великаго князя Николая Павловича, — относительно Рудевица, выдвинутаго боевыми заслугами и не имѣвшаго ни сильныхъ связей, ни могущественной

протекціи, которыя объясняли бы напускное любезничанье съ нимъ заискиваніемъ во «вліятельной особѣ»...

Киселеву не для чего было заискивать въ Рудзевичѣ, Киселевъ не нуждался въ покровительствѣ Рудзевича, и Рудзевичъ не былъ «вліятельной особой», которой расточаются вынужденные комплименты для обезпеченія себѣ покровительства...

Слѣдовательно, искренность водила перомъ П. Д. Киселева, и Рудзевичъ «слылъ въ арміи» не интриганомъ, котораго нужно остерегаться, а напротивъ если и горячимъ темпераментомъ («грозный Александръ Яковлевичъ», называетъ его П. Д. Киселевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ), за то и надежнымъ товарищемъ, естественно возбуждающимъ къ себѣ влеченіе.

Этимъ выводомъ да будетъ помянуто исполнившееся уже шестидесятилѣтіе грустной кончины русскаго солдата съ Георгіемъ второй степени, «карьеря» котораго охарактеризована императоромъ Николаемъ, въ рескриптѣ къ его вдовѣ, словами: «знаменитое служеніе на полѣ чести»...

Н. Щербань.

III.

Отвѣтъ г. Теплову.

Въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» я прочелъ, къ удивленію моему, возраженіе г. Теплова на мою рецензію (въ октябрьской книжкѣ) о его книгѣ «Греко-болгарскій церковный вопросъ». Неудачную попытку оправдать себя отъ обвиненія въ эллинофильствѣ можно было бы оставить безъ вниманія, если бы г. Тепловъ не позволилъ себѣ неумѣстнаго замѣчанія, что я намѣренно извращаю историческіе факты въ угоду болгарскимъ притязаніямъ (стр. 462 «Истор. Вѣст.» № 11); другими словами, прямо обвинилъ меня въ недобросовѣстности. Вслѣдствіе этого я вынужденъ посвятить нѣсколько строкъ г. Теплову и его возраженію.

Въ своей книгѣ (стр. 3) г. Тепловъ говоритъ: «Съ самаго водворенія болгаръ въ Мизіи, начался рядъ опустошительныхъ войнъ между новыми пришельцами и греческими императорами, причемъ христіанская Византія въ жестокостяхъ, сопровождавшихъ эти войны, не уступала нисколько своимъ языческимъ противникамъ. Мало-по-малу болгарскій народъ собирается въ сильное царство, которое выставляетъ себя уже открытымъ соперникомъ Византіи на владѣніе полуостровомъ». Между тѣмъ, въ своемъ возраженіи (стр. 461) онъ говоритъ: «Какъ только сложилось у балканскихъ славянъ первое крупное политическое тѣло — болгарское царство, — то немедленно же оно вошло въ столкновеніе съ Византіею, конечно, изъ-за преобладанія». По первой выдержкѣ всякій пойметъ, что болгары стали воевать съ греками съ первой же встрѣчи, а по второй выходитъ, что болгары сидѣли смирно и стали нападать на грековъ только тогда, когда образовалось у нихъ болгарское царство. Одно уже такое противорѣчіе свидѣтельствуеетъ, что г. Тепловъ недостаточно знакомъ съ предметомъ, о которомъ пишетъ. Судя по книгѣ, г. Теплову, хотя приблизительно, извѣстно, когда появились болгары на полуостровѣ, тѣмъ болѣе что онъ самъ говоритъ (стр. 1): «Позтому-то для большаго уясненія внутренняго смысла происходящихъ на глазахъ нашихъ явленій, намъ необходимо обратиться къ исторіи, которая, какъ яркій свѣточъ, освѣтитъ намъ мракъ давно минувшихъ лѣтъ и помо-

жетъ разсмотрѣть тотъ путь, по которому долженъ будетъ направиться разбираемый нами вопросъ въ будущемъ». Не сдержавъ обѣщанія, г. Тепловъ переходитъ прямо къ христіанской Болгаріи, а потому оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи о причинахъ стародавней вражды грековъ съ болгарами.

Затѣмъ г. Тепловъ дѣлаетъ въ своемъ возраженіи прямо передержку. Онъ говоритъ: «Начну съ того, что г. Б—въ находитъ очевиднымъ недостатокъ логики въ моемъ предположеніи, что греко-болгарская церковная распря является отголоскомъ стародавнихъ препирательствъ грековъ съ болгарами» (стр. 461). Между тѣмъ, въ моей рецензіи ясно указано, что недостатокъ логики я нахожу въ предположеніи, будто борьба началась съ перваго столкновенія болгаръ съ византійскими императорами, тѣмъ болѣе, что присутствіе болгаръ на полуостровѣ ранѣе императоровъ несомнѣнно, какъ и сказано у меня въ рецензіи о книгѣ г. Верковича (стр. 203 «Истор. Вѣсти.» № 10); предположеніе же, что церковная распря есть отголосокъ старой племенной вражды, я нахожу вполне логичнымъ и исторически правильнымъ, а по этой-то причинѣ и недоумѣваю, зачѣмъ г. Тепловъ рѣзко подчеркнулъ слова «церковный вопросъ» въ заглавіи книги.

Пойдемъ дальше. Г. Тепловъ впадаетъ въ шуточный тонъ и собирается «изумить меня, повѣдавъ», что курбаны совершаются даже сейчасъ среди помаковъ, что помаки—это болгары, принявшіе мусульманство, что курбаны представляютъ изъ себя религіозную обязанность, налагаемую мусульманскою религіею. Этими шуточными разъясненіями г. Тепловъ поставилъ себя въ крайне неловкое положеніе, потому что обнаружилъ прискорбное незнаніе того, о чемъ онъ говоритъ. Дѣйствительно, помаки—это мусульманскіе болгары, отрекшіеся отъ христіанства лишь изъ-за того, чтобы не подчиняться фанариотскому духовенству; очевидно, они были плохіе христіане и остались плохими мусульманами, такъ какъ ими руководило не внутреннее убѣжденіе, а въ первомъ случаѣ воля единоплеменнаго правителя, во второмъ же ненависть къ грекамъ. Что касается курбановъ, то я «изумлю» г. Теплова еще болѣе, «повѣдавъ» ему то, чего онъ не знаетъ, не смотря на 11 лѣтъ (съ 1870 по 1881 г.) пребываніе въ Константинополь. Среди помаковъ слово «курбанъ» примѣняется безразлично и къ официальному мусульманскому обряду и къ тайному, совершаемому вдали отъ непосвященныхъ обряду, несомнѣнно языческаго происхожденія; иногда они замѣняютъ слово «курбанъ» словомъ «жертва», прямо указывая этимъ, что въ ритуаль курбана входитъ жертвоприношеніе. Тотъ курбанъ, о которомъ я говорилъ въ рецензіи, дѣйствительно прекратился съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, такъ какъ мусульманское духовенство съ того времени стало больше заботиться о иноплеменной паствѣ, курбанъ же официальный совершается до сихъ поръ, и не одними помаками, но и всѣми вообще мусульманами. Эти «изумительныя» вещи могъ бы разсказать или «повѣдать» г. Теплову любой помакъ, если бы г. Тепловъ вздумалъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ хотя одинъ разъ съѣздить къ помакамъ и пожить у нихъ нѣкоторое время.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ Охридской архіепископіи. Противъ этой автокефаліи г. Тепловъ попрежнему стоитъ враждебно и подтверждаетъ свои нападки ссылками на разсужденія гг. Филиппова и Матвѣева; чтобы разъяснить г. Теплову справедливость моего обвиненія въ партійности

и односторонности, я сошлюсь не на разсужденія того или другого писателя, а на несомнѣнные историческіе документы, которые, если г. Тепловъ знакомъ съ ними, должны стоять гораздо выше разглагольствованій, суть которыхъ почерпнута изъ фанаріотскаго источника. Исторія Охридской архіепископіи начинается съ конца X вѣка, когда Охрида сдѣлалась столицей Болгарскаго царства при царѣ Самуилѣ и архіепископѣ Филиппѣ, какъ о томъ говоритъ самъ г. Тепловъ (стр. 5); что было раньше этого времени, имѣла ли право Охрида называться архіепископіею Первой Юстиніаны (измышленіе досужихъ грамотѣевъ, похожее на сказку о происхожденіи дворянъ Кобылиныхъ отъ литовскаго принца Кабилы), — мы касаться не будемъ по той простой причинѣ, что важнѣе для нашего дѣла позднѣйшія событія, подтверждаемые документами. Пало Болгарское царство подъ ударами Василья II Византійскаго, но архіепископія была оставлена автокефальною; возникло новое Болгарское царство при Асѣнѣ II, но автокефалія осталась неприкосновенною и равноправною даже Тырновскому патріархату. Такъ продолжалось до покоренія самой Византіи турками, которые также не препятствовали существованію автокефаліи, единственному учрежденію національно болгарскому, уцѣлѣвшему послѣ паденія Болгарскаго царства при Иванѣ V Тырновскомъ. Однако греки, въ лицѣ своей интеллигентной части, не забывали традицій Василья II и, даже будучи подвластными туркамъ, стремились уничтожить церковную независимость болгаръ, какъ Василій II уничтожилъ политическую. Долгое время ихъ усилія были тщетны. долго фанаріотское духовенство не находило способовъ заставить турокъ исполнить ихъ желаніе, пока патріархъ константинопольскій Самуилъ и первый драгоманъ Порты Ипсиланти не выдумали обвиненія въ политической неблагонадежности. Пророки названныхъ лицъ увѣнчались успѣхомъ въ 1767 году: Охридская архіепископія, просуществовавъ самостоятельно около 800 лѣтъ, была уничтожена султанскимъ бератомъ для цѣлей греческой гетеріи, то есть для «огреченія славянъ и для совокупнаго сверженія турецкаго ига», другими словами: для возстановленія Восточной Греческой имперіи руками славянъ. Любопытныя подробности о роковомъ для Охриды 1767 годѣ г. Тепловъ найдетъ въ книгѣ г. Филимона, исторіографа гетеристовъ. Доказательствъ автокефальности Охридской архіепископіи съ 981 г. до 1767 г. очень достаточно, но я думаю, что г. Тепловъ удовлетворится, прочитавъ посланіе константинопольскаго патріарха Филоея къ охридскому архіепископу въ 1369 году, въ которомъ онъ приглашаетъ его на помѣстный соборъ. Посланіе это можно найти въ сочиненіи проф. Григоровича «Сербія и ея отношенія къ сосѣднимъ державамъ въ XIV и XV столѣтіяхъ» (Казань. 1859). Кромѣ того, несомнѣнно, что до XVII вѣка охридскій архіепископъ самостоятельно ставилъ митрополитовъ угровлахійскихъ и молдовлахійскихъ; митрополитъ «всѣхъ православныхъ христіанъ въ Италіи» постоянно назывался экзархомъ охридскаго архіепископа, что подтверждается хранящимися въ аеонскомъ монастырѣ Зографосѣ грамотами архіепископа Паисія, писанными въ 1566 году зелеными чернилами; въ соборной грамотѣ 1561 года, въ которой духовнымъ соборомъ Константинопольскаго патріархата утверждается за Иваномъ IV Грознымъ титулъ царя, подписались всѣ митрополиты, но въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, подчиненнаго охридской автокефаліи. Эту грамоту г. Тепловъ найдетъ въ особомъ изданіи директора московскаго архива иностранныхъ дѣлъ князя М. Обо-

ленскаго (Москва, 1850). Въ параллель съ этою граматою укажу на грамату архіепископа Авраамія въ 1634 году, поданную царю Алексѣю Михайловичу и подъ которою подписались всѣ митрополиты и епископы охридской автокефаліи. Эту грамату можно прочесть въ книгѣ А. Н. Муравьева «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ» (Спб., 1858).

Поддавшись вліянію фанаріотовъ и филлелиновъ, г. Тепловъ съ увѣренностью говоритъ въ своемъ возраженіи: «Что касается до самого г. Б—ва, упрекающаго меня въ пристрастіи, то его собственныя разсужденія, напримѣръ, въ вопросѣ объ Охридской архіепископіи, нельзя не признать противорѣчащими историческимъ фактамъ, которые онъ намѣренно извращаетъ въ угоду болгарскимъ притязаніямъ». Это безцеремонное обвиненіе онъ основываетъ на сочиненіи хіосскаго митрополита Григорія, извратившаго сознательно смыслъ дѣйствительныхъ событій; г. Тепловъ даже не подумалъ провѣрить справедливости словъ Григорія, хотя обязанность историка заключается въ томъ, чтобы не полагаться на показанія одной стороны, а безпристрастно прослѣдить всѣ объясненія другой стороны. Не сдѣлавъ этого, г. Тепловъ маскируетъ себя, обвиняя меня въ пристрастіи, забывая совершенно, что отзывъ о его книгѣ данъ мною на ряду съ отзывами о другихъ книгахъ и мнѣ нѣтъ надобности нападать именно на него, на г. Теплова; до присылки мнѣ редакціей «Историч. Вѣст.» «Церковнаго вопроса», сознаюсь откровенно, я даже не слыхалъ фамиліи г. Теплова,

Указавъ на мое несогласіе съ его проектомъ подчиненія *de facto* и *de jure* болгаръ константинопольскому патриархату, г. Тепловъ добавляетъ, что я стою за автокефалію болгарской церкви, и при этомъ дипломатично говоритъ: «Смѣю думать, что въ средѣ русскихъ читателей найдется много сторонниковъ такого крайняго, чтобы не сказать болѣе, мнѣнія и что большинство отдастъ предпочтеніе тѣмъ проектамъ, которые для рѣшенія занимающаго насъ вопроса не будутъ отрицаться отъ святыхъ канонѣвъ, безъ соблюденія коихъ не можетъ ни быть основана, ни существовать ни одна христіанская церковь» (стр. 463). Всякій, прочитавшій мою рецензію, убѣдится, что я и не думалъ возставать противъ каноническихъ правилъ, но высказалъ убѣжденіе, что болгарская церковь можетъ благополучно существовать безъ опеки фанаріотовъ, тѣмъ болѣе что святѣйшіе синоды въ Россіи, Греціи и Румыніи, дѣйствуютъ независимо отъ патриархата въ Константинополѣ и никто не имѣетъ права упрекнуть ихъ въ неканоническихъ дѣянiяхъ. Отчего же болгарская церковь не можетъ существовать на такихъ же условіяхъ? крайностей въ этомъ нѣтъ, но тотъ или тѣ, которые будутъ содѣйствовать этому, заслужатъ благодарность всѣхъ православныхъ болгаръ.

Въ заключеніе замѣчу г. Теплову, что помаковъ на полуостровѣ не 50,000 душъ, какъ онъ говоритъ, а 144,000 душъ, и это въ одной только Македоніи.

А. Б—въ.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1889 г.¹⁾

А.

Абамеликовъ, князь, армянинъ, т. XXXV, 454.

Абдурахманъ, ханъ авганскій, т. XXXVII 116, 117.

Абрамовъ, артиллерійскій штабсъ-капитанъ, участникъ покоренія Ташкента, т. XXXVI, 566, 567.

Августъ II, Фридрихъ, электропъ саксонскій и король польскій, т. XXXV, 73.

Аданъ, Жюльета. *Замѣтка* о предисловіи ея къ книгѣ „Разоблаченный князь Бисмаркъ“. Т. XXXVII, 206.

Адлербергъ, графъ, т. XXXVIII, 311, 312.

Адно, актеръ московской французской труппы, т. XXXV, 641, 642.

Азаревичъ, Марія Аполлонов., по мужу Вологовъ-кал, артистка. *Некрологъ ея*. Т. XXXV, 259.

Айвазовскій, еоодосійскій армянскій епископъ, т. XXXV, 458.

Айналовъ, Дм. Власьев. *Библиографическія замѣтки его*: Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга вторая. Т. XXXVII, 196, 197. Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Соч. Николая Астафьева. Т. XXXVII, 423,

424. Владиміръ Святой, какъ политическій дѣягель. Пислѣдованіе Завитневича. Т. XXXVII, 425, 426. Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси. Сочиненіе Владиміра Сахарова. Т. XXXVII, 434, 435.

Аксаковы:

— Ив. Серг., т. XXXV, 322; т. XXXVII, 362.

— Констант. Сергѣев., писатель, т. XXXV, 301.

— Марья Сергѣев., т. XXXV, 301—303.

Алачевы, Михаилъ и Лобанъ, остяцкіе князья, т. XXXVIII, 137, 138.

Алгирь, остяцкій князь, т. XXXVIII, 148.

Алекинъ, актеръ, т. XXXV, 366, 367.

Александренно, варшавскій профессоръ. *Замѣтки* о найденныхъ имъ въ Бриганскомъ музеѣ документахъ и о статьѣ его: Запорожскіе казавки, описанныя англійскимъ посланникомъ въ Россіи въ 1876 году. Т. XXXVIII, 666—668.

Александрова (Дурова), Надежда Андреев., по мужу Чернова, дѣвица-кавалеристъ, т. XXXV, 292, 293; т. XXXVIII, 582.

¹⁾ Въ „Указатель“ не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и въ приложеніяхъ къ „Историческому Вѣстнику“.

- Александръ**, новгородскій архіепископъ XVI вѣка, т. XXXV, 579.
- Александръ I Павловичъ**, императоръ. Высшая полиція при немъ. Т. XXXV, 165—179. Открытіе памятника ему въ лицейскомъ саду. Т. XXXVIII, 675—677. *Упомин.* т. XXXV, 79, 80, 162—164; т. XXXVII, 55, 148—160, 571; т. XXXVIII, 504.
- Александръ II Николаевичъ**, императоръ. *Замѣтки* о памятникахъ: въ Ченстоховѣ, т. XXXVI, 741—743; въ Самарѣ, т. XXXVIII, 232, 233. *Упомин.* т. XXXVI, 699, 700; т. XXXVII, 360, 361; т. XXXVIII, 571.
- Алексій** (Ржаницынъ), архіепископъ рязанскій, т. XXXVII, 447.
- Аленстывы:**
- В. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Библиотека греческихъ и латинскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III. М. Тулліи Циперонъ. Выпускъ первый. Рѣчи противъ Катилины. Т. XXXVI, 431—435.
  - Г. П. *Сообщилъ* эпизодъ изъ жизни князя Потемкина. Т. XXXVII, 683, 684.
  - Дм. Иллар., екатеринославскій губ. предводитель дворянства., т. XXXVII, 683, 684.
- Аленскій Михайловичъ**, царь московскій, т. XXXV, 71.
- Алтанаевъ**, сибирскій царевичъ, т. XXXVIII, 121.
- Алферьевъ**, Романъ, русскій печатникъ, посолъ къ Стефану Баторію, т. XXXV, 591.
- Альбертъ**, гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена, т. XXXV, 69.
- Альфтонъ**, А. *Сообщилъ* замѣтку: Сдача Свеаборга въ 1808 году. Т. XXXVIII, 453.
- Анатолій** (Августинъ Мартыновскій), архіепископъ могилевскій. *Библиографическая замѣтка* о вышедшемъ объ немъ сочиненіи М. Едлинскаго. Т. XXXVIII, 201, 202.
- Андреевичъ**, В. К. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Сибирь въ XIX столѣтіи. Часть I. Періодъ отъ смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. Т. XXXVI, 668, 669.
- Андреевскій**, кавказскій докторъ, т. XXXV, 456, 457.
- Андреевы:**
- Евг. Никол., генеральный комиссаръ на парижской выставкѣ. *Некрологъ* его. Т. XXXVII, 694.
  - К. П., лейтенантъ, начальникъ полярной экспедиціи, т. XXXVI, 149.
- Переводчикъ Всеобщей исторіи Георга Вебера. *Библиографическая замѣтка* объ этомъ переводѣ (томы X и XI). Т. XXXV, 748—752; т. XXXVII, 185—187.
- Андріанова**, танцовщица, т. XXXV, 42, 43, 63, 64; т. XXXVI, 694.
- Андроциій**, ксендзъ м. Роси, Гроднен. губерніи, т. XXXVII, 65.
- Анна**, жена польскаго короля Стефана Баторія, т. XXXV, 340.
- Анна Ивановна** (супруга Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндскаго), императрица, т. XXXVIII, 667.
- Анненковы:**
- Генераль, с.-петербургскій обер-полицеймейстеръ, т. XXXV, 104, 105.
  - Никол. Ив., географъ. *Некрологъ* его. Т. XXXVIII, 239.
  - П. В., литераторъ, т. XXXV, 568; т. XXXVI, 50, 51, 531—533, 535—540; т. XXXVII, 34, 35, 249, 250; т. XXXVIII, 280.
- Аносовъ**, горный инженеръ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.
- Антипенно**, поручикъ корпуса морской артиллеріи, т. XXXVI, 648.
- Антоній** (Зубко), архіепископъ мѣнскій, *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ воспоминаніяхъ его. Т. XXXVII, 187, 188.
- Анфельтъ**, Арвельдъ. *Замѣтка* о его обзорѣнн шведской литературы въ „Атенуемъ“. Т. XXXVIII, 227, 228.
- Анфимъ:**
- (Афанасій Михайловичъ), видинскій митрополитъ, первый болгарскій экзархъ. *Статья* объ немъ. Т. XXXV, 701—719.
  - VI (Кутуліаносъ), константинопольскій патриархъ, т. XXXV, 709, 710, 712—714.
- Апухтинъ**, поэтъ, т. XXXVI, 49.
- Арайа**, итальянскій капельмейстеръ въ Петербургѣ, т. XXXVI, 599.
- Аракчеевъ** гр. Алексій Андреев., генераль-отъ-кавалеріи, военный министръ, т. XXXV, 173, 174; т. XXXVIII, 642.
- Аргутинская-Долгорукова**, княжна. См. гр. Лорисъ-Меликова.
- Армфельдъ**, Ольга Александр. См. Федченко.
- Арсеньевъ**, Алекс. Вас., камеръ-юнкеръ, членъ репертуарной части, т. XXXV, 351—354, 633, 634, 637, 641; т. XXXVIII, 342, 344—346.
- Архангельскій**, Александръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: „Мухамеданская космогонія (разборъ турец-

каго сочиненія „Кыркъ - сояль“). Т. XXXVIII, 216—218.

Асенъкова, актриса, т. XXXV, 51.

Астафьевъ, Никол. Александр, профессоръ Историко-филологическаго института, предсѣдатель Общества распространенія св. Писанія въ Россіи. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Т. XXXVII, 423, 424.

Атнисонъ, библиотекарь Публичной библиотеки, т. XXXVIII, 74.

Ахвердовы:

— Никол. Исаев, архангельскій губернаторъ, т. XXXVIII, 450.

— Няна Никол. См. Шмитъ.

Ахлымовъ, крестьянинъ, капитанъ школы промышленника Бѣлоусова, т. XXXVI, 117—151.

Б.

Баби, мусульманскій фанатикъ-соціалистъ, т. XXXV, 189, 207.

Бакунинъ, русскій эмигрантъ, т. XXXV, 311, 554—558, 761, 762.

Бакшеевъ, подпоручикъ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.

Бальзанъ, французскій писатель, т. XXXVII, 651, 652.

Барановы:

— Н. М., генераль-маіоръ, архангельскій, а потомъ нижегородскій губернаторъ, т. XXXVI, 117.

— Прапорщикъ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643, 647—652.

— Платонъ Ив., начальникъ сенатскаго архива. *Библиографическая замѣтка* о Біографическихъ очеркахъ сенаторовъ по собраннымъ имъ матеріаламъ. Т. XXXVIII, 438, 439.

Баръ-Петровскій, Серг. Ив., генераль-маіоръ. *Откликъ* его на воспоминанія Б. А. Милютина. Т. XXXVI, 473—477.

Барро, Фердинандъ, французскій министръ внутр. дѣлъ, т. XXXVIII, 182.

Барсовъ, Ник. Ив., профессоръ Петербургской духов. академіи. *Замѣтки его:* О портретахъ М. С. Щепкина. Т. XXXV, 264. О сочиненіяхъ протоіерея В. Я. Гречулевича. Т. XXXV, 264.

Барсуновъ, Никол. Плат. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XXXVI, 220, 221.

Бартоломей, генераль, т. XXXV, 457.

Барятинскій, кн. Александр. Ив., генераль-фельдмаршалъ, намѣстникъ кавказскій. *Библиографическая замѣтка* о вы-

шедшемъ сочиненіи объ немъ. Т. XXXVI, 728—731. *Упомин.* т. XXXV, 456—458; т. XXXVI, 697, 698.

Баторій:

— Андрей, польскій полководецъ, т. XXXV, 578.

— Король Польскій. См. Стефанъ.

Батушновы:

— Конст. Никол., поэтъ, т. XXXVII, 145.

— Помпей Никол., дѣйствит. тайн. совѣтникъ, почетный опекунъ, т. XXXV, 698, 699; т. XXXVIII, 125—131.

Баходдинъ, Акиндинъ, боярскій сынъ, свидѣтель мученической кончины мученика-миссіонера Мисаила, т. XXXVIII, 116—118.

Бахтеяровъ-Ростовскій, кн. Влад. Ив., полководецъ, т. XXXV, 579.

Бахтуринъ, поэтъ и драматургъ т. XXXV, 291, 292; т. XXXVI, 690, 691.

Башуцій, литераторъ, т. XXXV, 319.

Безобразовы:

— Андрей Ил., стольникъ, т. XXXVI, 702—713.

— Владим. Павл., академикъ, сенаторъ, писатель. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 238.

— Московскій губернаторъ, т. XXXV, 666, 667.

— Пав. В. *Статья его:* Византійскій царь на московскомъ престолѣ. Т. XXXVI, 305—321.

Бенешъ, Гавриилъ, храбрый венгерскій воевода, т. XXXV, 584.

Бенлемишевъ, членъ совѣта главн. управленія Восточн. Сибири, т. XXXVI, 256.

Бельциновскій, Адамъ. *Замѣтка* о его обзорѣни польской литературы въ „Атенеймѣ“. Т. XXXVIII, 224, 225.

Бенардани, коммерсантъ, т. XXXVI, 675, 676.

Бенкендорфъ, гр. Александр. Христофоров., генераль-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ письмахъ его. Т. XXXVIII, 422—424.

Бергъ, библиотекарь Императорскаго ботаническаго сада, т. XXXVIII, 305.

Берхольцъ, Е. Е., библиотекарь Рижской городской библиотеки, т. XXXVIII, 304—307.

Бернардъ, Матв. Ив., пианистъ, основатель журнала „Нувелистъ“. *Замѣтка* по поводу пятидесятилѣтія этого изданія. т. XXXV, 256—258.

Бертранъ, Шерь. *Замѣтка* объ из-

- анныхъ имъ письмахъ Талейрана къ Наполеону. Т. XXXVII, 208.
- Бестужевъ** (Марлинскій), Александръ, штабсъ-капитанъ, писатель, декабристъ, т. XXXV, 672; т. XXXVII, 310—314.
- Бестужевъ-Рюминъ**, гр. Алексѣй Петр., генераль-фельдмаршалъ, государственный канцлеръ, т. XXXV, 72.
- Бетина**, благотворительница, другъ Гёте, т. XXXV, 552, 553.
- Бильбасовъ**, В. А., профессоръ. *Статьи его*: Международныя сношенія Россіи съ германскими государствами. Т. XXXV, 67—85. Забытый Панинъ. Т. XXXV, 645—660. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Les publications de la société impériale historique russe de Saint-Petersbourg. Т. XXXV, 227—229. *Упомин.* т. XXXVIII, 366.
- фонъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ**, Отто, прусскій государственный канцлеръ. *Автографъ его*. Т. XXXVI, 456—458. *Замѣтки* о книгахъ: „Интимный Бисмаркъ“. Т. XXXVI, 735, 736. „Старый Бисмаркъ“. Т. XXXVI, 736, 737. *Упомин.* т. XXXVI, 384—398.
- Благовѣщенскій**, Никол. Александр., писатель и журналистъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 694, 695.
- Бланъ**, Шарль, французскій писатель, т. XXXVIII, 176, 177.
- Блудовъ**, гр. Дмит. Никол., дѣйстви. совѣтникъ, статсъ-секретарь, президентъ Академіи Наукъ и предсѣдатель госуд. совѣта, т. XXXVIII, 123.
- Бобровскіе**:
— Мих. Кирил., протоіерей, ученый славистъ - ориенталистъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданной биографіи его. Т. XXXVIII, 439, 440.
— П. О. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій (1785—1848), ученый славистъ-ориенталистъ, съ портретомъ, автографомъ, собственноручными списками и снимками древнѣйшихъ славянскихъ рукописей и факсимиле знаменитой Супуральской рукописи. Историко-биографическій очеркъ, т. XXXVIII, 439, 440.
- Бобчевъ**, С. С. *Статья его*: Первый эзархъ новой болгарской церкви, т. XXXV, 701—709.
- Бобылевы**:
— Фёдоръ Фёдор., редакторъ газеты „Кавказъ“, т. XXXVI, 698.
— Фёдоръ, нижегородскій коноваль, ворожей, т. XXXVI, 704, 710—712.
- Богдановичъ**, учитель словесности театральн. школы, т. XXXVI, 108, 111
- Боденштедтъ**, Фридрихъ, нѣмецкій поэтъ. *Замѣтки* о соч. его: Замѣтки о церковныхъ, государственныхъ и правовыхъ постановленіяхъ въ Россіи. Т. XXXV, 236, 237. О мемуарахъ его. Т. XXXVIII, 448, 449.
- Бозио**, итальянская пѣвица въ Петербургѣ, т. XXXV, 544, 545.
- Бокова**, русскій докторъ-окулистъ въ Лондонѣ, т. XXXVIII, 28.
- Бокъ**, В. Ю. *Замѣтка* о его коллекціяхъ древнихъ тканей. Т. XXXVII, 687, 688.
- Болина**, актриса, т. XXXVI, 96.
- Болховитиновъ**, Евѣимій. См. Евгеній.
- Бонги**, итальянскій писатель. *Замѣтка* о его обзорн. ит. итальянской литературы въ „Атенеумѣ“. Т. XXXVIII, 225, 226.
- Бонфонъ Жанъ**. *Замѣтка* о соч. его: Drame impérial. Т. XXXV, 764, 765.
- Бордановъ**, Воляпаль, острякъ, т. XXXVIII, 146.
- Борещій**:
— Андрей. *Челобитная его* о пособіи на свадьбу, 1631 года. Т. XXXVII, 212.
— Актеръ, т. XXXV, 33.
- Борисовъ**, Иванъ, архіепископъ. См. Иннокентій.
- Борисъ Константиновичъ**, нижегородскій князь, т. XXXVII, 599.
- Борисъ Фёдоровичъ Годуновъ**, царь московскій, т. XXXV, 605.
- Бородуличева**, помѣщица Рославльскаго у., Смолен. губ., т. XXXVIII, 565, 566.
- Бороздинъ**, К. А. *Статьи его*: Воспоминаніе о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. Т. XXXV, 451—460. Изъ моихъ воспоминаній. Т. XXXVI, 690—700. *Библиографическая замѣтка его*: Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. 1815—1879. А. Л. Зиссермана. Т. XXXVI, 728—731. *Поправка* къ его статьѣ: „Три столѣтнихъ старца“. Т. XXXV, 781—783.
- Ботмины**:
— Вас. Петр., т. XXXV, 322—324, 542, 543, 546; т. XXXVI, 278, 280—282, 303; т. XXXVII, 484—489.
— Никол. Петр., т. XXXVI, 303, 304; т. XXXVII, 31, 32.
- Боусъ**, Іеронимъ, англійскій посолъ къ Ивану Грозному, т. XXXV, 604.
- Боцяновскій**, Вл. *Замѣтка его*: Нѣсколько словъ о происхожденіи названія „Вольны“. Т. XXXVI, 469—472. *Библиографическая замѣтка его*: Краткое описаніе города Житомира. Составилъ Т.

- И. Вербицкий. 2-е издание. Т. XXXVIII, 215, 216.
- Брайсъ**, членъ англійскаго парламента. *Замѣтка* о сочиненіи его объ американской республикѣ. Т. XXXVI, 738.
- Брандесъ**, Георгъ. *Замѣтка* о соч. его: „Впечатлѣнія изъ Польши“ и „Впечатлѣнія изъ Россіи“. Т. XXXVII, 675.
- Бриннеръ**, Алекс. Густавов., дѣйств. стат. совѣтникъ, профессоръ Дерптскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Европеизація Россіи. Страна и народъ; т. XXXV, 335, 336. *Упомин.* Т. XXXV, 652—660.
- фонъ-Бринненъ**, подковникъ, т. XXXV, 92, 520.
- Броганъ**, Сюзана, Огюстина и Мадлена, артистическое французское семейство, т. XXXVIII, 174—176.
- Броневскіе**:
— Богданъ, совѣтникъ Тверскаго губ. правленія, т. XXXVIII, 501.
— Семень Богд., сибирскій генералъ губернаторъ, вполнѣд. сенаторъ. Огрывки изъ записокъ его. Т. XXXVIII, 500—512.
- Бругшъ**, путешественникъ, египтологъ, т. XXXVIII, 89—91.
- Брусловъ**, Н., членъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, т. XXXVII, 144.
- Брюсъ**, гр. Яковъ Вилим., генералъ-фельдцейхмейстеръ, ген.-фельдмаршалъ, сенаторъ, т. XXXVIII, 639.
- Брянскіе**:
— А. Я. См. Головачева
— Анна Яков. См. Краевскіе.
— Яковъ Григ., актеръ, т. XXXV, 31—33, 35—40, 43, 45; т. XXXVI, 255.
— Супруга предыдущаго, т. XXXV, 32, 33, 36, 39—41.
- Брянцевъ**, П. Д. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXXVII, 415—417.
- Буатель**, префектъ парижскій полиціи, т. XXXVIII, 186.
- Бубновъ**, Никол. Демент., лейбъ-медикъ. *Некроль* его. Т. XXXVII, 695.
- Бузановскіе**, братья, распространители газетной „авизіи“, т. XXXVII, 583, 584.
- Буланье**, Эдгаръ. *Замѣтка* о его описаніи центральной тюрьмы въ Александровскѣ. Т. XXXVIII, 669.
- Булатовъ**, И. А., актеръ, т. XXXV, 350; т. XXXVII, 296—306.
- Булгановы**:
— Иеродіаконъ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря. См. Юсифъ.
— Конст. Александр., офицеръ - комикъ, т. XXXV, 317—319; т. XXXVI, 691—695.
— Мих. Петр. См. Макарій.
— Пав. Александр., кавказскій офицеръ, т. XXXVI, 694, 695, 698.
— Ф. И., писатель. *Библиографическая замѣтка* о его сборникѣ: Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго—двадцатипятилѣтіе его художественной дѣятельности. Т. XXXV, 225, 226.
- Булгаринъ**, Фадей Венедик., писатель и журналистъ, т. XXXV, 329; т. XXXVIII, 359, 360, 372.
- Буренинъ**, В. П. *Библиографическая замѣтка* о второмъ изданіи стихотвореній его: Стрѣлы. Т. XXXVIII, 424—426.
- Бурлѣй**, Агафья, жена переяславскаго судьи, распространительница газетной „авизіи“, т. XXXVII, 581, 582.
- Буслаевъ**, Федоръ, профессоръ Московскаго университета, т. XXXVIII, 431.
- Буташевичъ-Петрашевскій**, М. В., политическій ссыльный, т. XXXVI, 276, 279.
- Бутеневъ**, А., статья-секретаръ, т. XXXVIII, 123.
- Буцинскій**, П. Н. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Т. XXXVIII, 208—210.
- Бучневичъ**, В. Е. *Сообщилъ* замѣтку о пребываніи шведскаго короля Карла XII въ г. Ромнахъ. Т. XXXVIII, 230, 231.
- Быковскій**, Юрій, польскій посолъ въ Москву, т. XXXV, 335, 336.
- Быковъ** А. А. *Библиографическія замѣтки* его: Тѣма египетская, романъ Вс. Вл. Крестовскаго. Т. XXXVII, 191, 192. Опытъ медицинскій географіи и статистики Туркестана, диссертація на степень доктора медицины И. Яворскаго. Часть I. Т. XXXVII, 426—428. Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе императора Александра III, произвелъ ген.-майоръ И. Стрѣльбицкій. Т. XXXVII, 431, 432. Сибирь въ XIX столѣтіи. Часть I: Періодъ отъ смерти императрицы Екарины II до 1806 г. Сост. В. К. Андреевичъ. Т. XXXVII, 668, 669. Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теплова. Т. XXXVIII, 199—201. Типографическо-этнографическій очеркъ Македоніи, составилъ С. И. Верковичъ. Т. XXXVIII, 203—205. Заселеніе Сибири и бытъ пер-

выхъ ея насельниковъ. Изслѣдованіе П. Н. Будинскаго. Т. XXXVIII, 208—210.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Вып. первый. Т. XXXVIII, 212—215.

Мухаммеданская космогонія (разборъ турецкаго сочиненія „Кыркъ-сужаль“), соч. Александра Архангельскаго. Т. XXXVIII, 216—218.

Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи, сост. Н. Зезюлинскій. Выпускъ I. Т. XXXVIII, 219, 220. Исторія города Ярославля; сост. К. Д. Головщиковъ. Изданіе Л. Н. Пастухова. Т. XXXVIII, 428, 429. Историческій очеркъ Пензенской первой гимназіи съ 1804 по 1871 г. Сост. П. П. Зеленецкій. Т. XXXVIII, 431, 432. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, составилъ Н. И. Гродековъ. Томъ первый. Юридическій бытъ. Т. XXXVIII, 434—436. Биографическіе очерки сенаторовъ по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ, сост. П. Н. Семеновъ. Т. XXXVIII, 438, 439. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Два выпуска подъ редакціей Н. Дубровина. Т. XXXVIII, 652—655. Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ, составилъ Г. С. Лыткинъ. Т. XXXVIII, 662, 663. Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи, соч. И. Я. Сырцова. Т. XXXVIII, 664, 665. *Возраженіе* противъ его библиографической замѣтки о книгѣ „Греко-болгарскій церковный вопросъ“. Теплова. Т. XXXVIII, 461—463. *Отвѣтъ* на это возраженіе. Т. XXXVIII, 693—696.

Бутурлины:

— Адъютантъ л.-гв. кавалергардскаго полка, т. XXXVII, 81.

— Графъ, предсѣдатель цензурнаго комитета, т. XXXVI, 52.

— Д. П., директоръ Публичной бібліотеки, т. XXXVIII, 82—88.

Бѣгичевы:

— Александръ Вас., рожд. Давыдова, т. XXXV, 665, 670.

— Дм. Никит., воронежскій губернаторъ, авторъ „Семейства Холмскихъ“. *Воспоминанія объ немъ*. Т. XXXV, 661—678.

— Е. Н. См. Яблочкова.

— Степ. Никит., пріятель А. С. Грибоѣдова, т. XXXV, 661, 672.

Бѣлецкая, Анна Фѣдор., писательница

(Фѣдоренко-Янусъ). *Некрологъ ея*. Т. XXXVI, 467.

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григ., критикъ, т. XXXV, 300, 301, 311, 312, 315, 316, 321—329, 543, 545—551, 557, 558, 567—576, 757, 758; т. XXXVI, 35—44, 47, 48, 51, 53—55, 276, 295, 296, 478, 536; т. XXXVII, 35, 48, 49, 262, 517, 518, 526; т. XXXVIII, 272, 273, 368—370, 431.

Бѣлоградская, первая русская оперная prima donna, т. XXXVI, 599.

Бѣлозерская, Надежд. Александр., писательница, т. XXXVIII, 683—687.

Бѣломѣстновъ, офицеръ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 633.

Бѣлоусовъ, Алексѣй, кемскій мѣщанинъ, сѣверный промышленникъ, т. XXXVI, 117—151.

Бѣльскіе:

— Богданъ Яков., воспитатель Дмитрія царевича, т. XXXV, 605.

— Давидъ, русскій перебѣжчикъ въ Польшу, т. XXXV, 596.

Бѣльцовъ, театральннй смотритель, т. XXXV, 370, 371.

Бѣхтѣевъ, И. П., воронежскій помѣщикъ, т. XXXV, 663.

Бѣшенцовъ, актеръ, т. XXXV, 367.

В.

Вадковскій, камергеръ, т. XXXVI, 602.

Валаде, совѣтникъ французскаго консульства въ Петербургѣ, т. XXXV, 374, 377.

Валевскій, графъ, французскій министръ, т. XXXVIII, 190, 191.

Ванъ-Кампенъ. *Замѣтка* о его обзорѣ нн голандской литературы въ „Атенеумѣ“. Т. XXXVIII, 229.

Варгунинъ, И. П. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ имъ Полномъ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова. Т. XXXVIII, 419—422.

Варламовъ, композиторъ романсовъ, т. XXXV, 331.

Василевскій, Степ. Вас., бібліотекаръ и казначей Публичной бібліотеки, т. XXXVIII, 75.

Василевъ, И. И. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Историко-статистическій указатель города Пскова. Т. XXXVIII, 432.

Василій, чернышевскій архимандритъ-миссіонеръ, т. XXXVIII, 116.

Василій Ивановичъ Шуйскій, царь московскій, т. XXXV, 69, 70, 579.

- Васильевы:**
 — Александр. Вас., докторъ медицины, врачъ 1 армейскаго корпуса. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 238, 239.
 — Владим. Ив., артистъ русской оперы, т. XXXVII, 540—545.
 — Ник. Евгр. *Библиографическая записка* о переводѣ его: Балканскій полуостровъ, Эмиля-де-Лавелз. Т. XXXVII, 658—661.
 — Н. Н. *Библиографическая записка* объ историческомъ очеркѣ его: Древній Свято-Духовскій храмъ въ городѣ Якобштадтѣ. Т. XXXVII, 429, 430.
 Ватацій, Конст., надв. сов., управляющій письмоводствомъ театралной конторы, т. XXXVII, 296—304.
 Веберъ, Георгъ, историкъ. *Библиографическая записка* о соч. его: Всеобщая Исторія. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Тома десятый и одиннадцатый; перевелъ Андреевъ. Т. XXXV, 748—752; т. XXXVII, 185—187.
 Веглеръ, Абель. *Записка* о его вступлѣ о русской арміи. Т. XXXVI, 452, 453.
 фонъ-Вейсбахъ, кievскій генералъ-губернаторъ, т. XXXVII, 585, 587.
 Величинъ, комическій актеръ, т. XXXV, 35.
 Веллингтонъ, Артуръ Веллеслей, герцогъ, князь Ватерлооскій, англійскій главнокомандующій. *Записка* о соч. объ немъ Стангона и Фразера. Т. XXXVIII, 447, 448.
 Венгеровъ, авторъ книги: А. О. Писемскій, критико-биографическій очеркъ, т. XXXVIII, 277—279; 281, 282.
 Вербезанскій, Василій, распространитель газетной „авизіи“, т. XXXVII, 584, 585, 587.
 Вержибицкій, Т. І. *Библиографическая записка* о соч. его: Краткое описаніе города Житомира. 2-е изданіе. Т. XXXVIII, 215, 216.
 Верновичъ, Стеф. Ильичъ, боснякъ-археологъ. *Библиографическая записка* о соч. его: Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи. Т. XXXVIII, 203—205.
 Верстовскій, А. Н., композиторъ, директоръ Московскаго театра, т. XXXV, 293, 672.
 Веселитскій, генералъ, т. XXXV, 93, 94.
 Веселовскіе:
 — Алексій Никол., профессоръ, т. XXXVII, 661.
 — Констант. Степ., непрѣмѣнный секретарь Академіи Наукъ. *Записка* по поводу юбилея его. Т. XXXV, 249, 250.
 — Н. И. *Библиографическая записка* его: Султаны Кеписара и Садикъ. Биографическіе очерки султана Ахмета Кеписарина. Обработано для печати и снабжено примѣчаніями Е. Т. Смирновымъ. Т. XXXVIII, 206—208.
 Весеньевъ, псевдонимъ. См. С. Д. Хвоцинская.
 Винулинъ, Семенъ Алексѣев., воронежскій губ. предводитель дворянства, т. XXXV, 663.
 Виладельъ, Владим. Александр., генералъ-майоръ, ораніенбаумскій комендантъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 682.
 Вильбоа, Конст. Петр., русскій композиторъ, т. XXXVII, 534—538.
 Вильде, Мих. Густавов., журналистъ и театралный рецензентъ. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 516, 517.
 Винклеръ, управляющій вотчиной шаккой помѣщицы Дубасовой, т. XXXVII, 333.
 Виталій (Гречулевичъ), епископъ, т. XXXV, 264.
 Витевскій, В. Н. *Библиографическая записка* о соч. его: И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. первый. Т. XXXVIII, 212—215.
 Витневичъ, Ив. Викторов., ссыльный полякъ, вполѣд. адъютантъ В. А. Перовскаго, т. XXXVIII, 584—588, 590—592, 596—598, 600—603, 605, 606.
 Вихиревъ, Алексій Ив., священникъ с. Николаевской Тумы, Рязан. губ., т. XXXVII, 445, 446.
 Вишневская, Авдотья Поликарп., жена переяславскаго подполковника, распространительница газетной „авизіи“, т. XXXVII, 577—586.
 Виардо, Полина, рожд. Гарсія, французская пѣвица, т. XXXV, 542—544.
 Віельгорскіе, графы:
 — Любимецъ Александры Θεодоровны, т. XXXV, 317.
 — Мих. Юрьев., членъ театралнаго комитета, т. XXXVI, 111—115.
 Владиміръ Андреевичъ, князь, двоюродный братъ Ивана Грознаго, т. XXXVI, 314, 315.
 Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кievскій, т. XXXVI, 307—309.
 Владиминъ, театралный чиновникъ, т. XXXV, 352, 355.
 Власовъ, Анникита Семен., директоръ 2-й Петербургской гимназіи, т. XXXV, 428, 431.
 де-Вогюзъ, Мельхіоръ, виконтъ. За-

мытка о соч. его: Крѣпостное право. Т. XXXVI, 287.

Волковы:

— Дѣйств. стат. совѣтникъ, членъ репертуарной части, т. XXXVI, 352—355.

— Федоръ Григ., основатель русскаго театра, т. XXXVI, 603.

Волноскій, кн. Петръ Мих., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, министръ двора, т. XXXV, 61, 372, 374; т. XXXVI, 113--115, 614.

Воловичъ, графъ, польскій помѣщикъ, устроитель демонстрацій, т. XXXVII, 66.

Волотовская, Марія Анолдон. См. Азаревичъ.

Вольтеръ:

— Франсуа-Мари, французскій писатель и энциклопедистъ. *Замѣтки* объ изданной перепискѣ его съ маркиграфиней Байрейтской. Т. XXXVI, 738, 739. О книгѣ Могра: Герцогиня де-Шуазель и Фернейскій патриархъ. Т. XXXVI, 739, 740.

— Э. А., магистръ, членъ-сотрудникъ Географическаго общества. *Замѣтка* о найденныхъ имъ древностяхъ въ Западной краѣ. Т. XXXV, 512.

Вольфздорфъ, Константинъ, рядовой, сдѣлавшій доносъ на ссыльныхъ поляковъ, т. XXXVIII, 604.

Вольфъ, М. О., товарищество по изданію и продажѣ книгъ, т. XXXVIII, 277, 278.

Воробьевы:

— Пѣвица, въ замуж. Петрова, т. XXXV, 65, 66, 294.

— Яковъ Степ., комическій актеръ, т. XXXV, 460.

Воронецъ, Е. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Русскимъ ли правительствомъ узаконено иноземное идолопоклонническое ламство въ православной Россіи. По поводу ожидаемыхъ церковно-государственныхъ преобразованій въ Сибири. Ламскій вопросъ. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. Т. XXXVI, 226—230.

Воронцовы:

— Княжескій родъ, т. XXXV, 653.

— Гр. Семень Романъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, т. XXXV, 647.

— Мих. Семенъ, свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ, кавказскій намѣстникъ, т. XXXV, 455; т. XXXVI, 631, 634, 635, 695, 696, 698; т. XXXVIII, 422—424.

Воротниковъ, актеръ, т. XXXV, 54, 55; т. XXXVIII, 534, 535.

Востоновъ (Остензкъ), Александръ Христофоровъ, филологъ, членъ Академіи Наукъ, т. XXXV, 424—426; т. XXXVII, 145, 146; т. XXXVIII, 74, 75, 80.

Всеволожскій, адмиралъ, губернаторъ Сятхи, т. XXXVI, 651.

Вульффертъ, ротмистръ, участникъ штурма г. Ташкента, т. XXXVI, 566.

Вышегорскій, А. Н., изслѣдователь киргизовъ и каракиргизовъ Сыръ-Дарьинской области, т. XXXVIII, 434.

Вышеградскій, Ив. Алексѣевъ, министръ финансовъ, членъ госуд. совѣта, т. XXXVIII, 658.

Вяземскій, кн. Пав. Петр., гофмейстеръ, писатель. Чествованіе памяти его въ Обществѣ любителей древней письменности; т. XXXV, 510, 511.

Вятининъ, оренбургскій губернаторъ, т. XXXVIII, 603, 604.

Г.

Гавриилъ (Городковъ), архіепископъ рязанскій, т. XXXVII, 446.

Гагарины, князья:

— Екатер. Семен. См. Семенова.

— С. С., директоръ театровъ, т. XXXV, 363—365.

Гаймъ, Р. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Гердлеръ, его жизнь и сочиненія, въ переводѣ В. Н. Невѣдомскаго. Т. II, т. XXXV, 480—488.

Галеви, французскій академикъ. *Замѣтка* о соч. его: Notes et souvenirs. Т. XXXVII, 444.

Гамазовъ, М. *Сообщилъ* поправку къ воспоминаніямъ А. Я. Головачевой. Т. XXXVI, 255, 256.

Гамбуровъ, Козьма, актеръ, т. XXXV, 640.

Ганнибалъ, Абрамъ Петр., арапъ Петра Великаго, предокъ Пушкина, т. XXXV, 690, 691.

Гарабурда, Михайлъ, секретарь великаго княжества Литовскаго, т. XXXV, 591.

Гарибальди, Джузеппо, освободитель Италіи, т. XXXV, 555.

Гарсія, Полина, пѣвица. См. Віардо. фонъ-Гартманнъ, Эдуардъ. По поводу книги его: Zwie Jahrzehnte Deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage. Т. XXXVI, 384—398.

Гаршины:

— В. М., писатель. *Замѣтка* объ изданіи его разсказовъ на французскомъ языкѣ. Т. XXXVII, 437—439.

- Евг. Мих. *Статья его*: Королева Христина шведская. Т. XXXVII, 372—386. *Библиографическія замѣтки его*: Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ дѣтницы Кіево-Софійскаго собора. Т. XXXVI, 231, 232. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ седьмой. Т. XXXVII, 432, 433. Полное собраніе сочиненій А. С. Грѣбовдова, подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина; изданіе И. П. Варгунина. 2 т. Т. XXXVIII, 419—422.
- Гастеръ, Моисей.** *Замѣтка* о его лекціяхъ о греко-славянскій литературѣ и отношеніи ея къ народнымъ легендамъ Европы въ средніе вѣка. Т. XXXVI, 734, 735.
- Гастингсъ, Марія, графиня, невѣста** Ивана Грознаго, т. XXXV, 603, 604.
- Гатчунъ, Александръ.** *Замѣтка* о переводѣ его „Въ чемъ моя жизнь“; гр. Л. Н. Толстого. Т. XXXV, 502, 503.
- Гедооновъ, Алексан. Мих., директоръ** театровъ, т. XXXV, 31, 41—44, 51, 52, 54, 56, 61, 63—66; т. XXXVIII, 549, 550.
- Гедройць, князь, крестьянинъ-самозванецъ,** организаторъ движенія противъ польскихъ помѣщиковъ, т. XXXVII, 63, 64, 273.
- Геенъ, Никол. Карлов., инспекторъ** Петербургскаго училища св. Елены. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 223.
- Геланъ-Нанъ, Фердинандъ,** тираспольскій р.-кат. епископъ, т. XXXVIII, 125, 128, 131.
- Гемникъ, членъ** театральной конторы, т. XXXV, 373.
- Гемонъ, Феликсъ,** французскій критикъ. *Отзывъ его* о соч. Шервольфа: Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи; т. XXXV, 502.
- Геннель, Вас. Егор.,** бывшій русскій книгопродавецъ-издатель. *Замѣтка* о переносахъ его произведеній русскихъ писателей. Т. XXXVI, 235, 236.
- Генрихъ, Валуа,** король польскій, т. XXXV, 339.
- Георгій (Яцуржинскій), архангельскій** епископъ, т. XXXVI, 183—188.
- Георгій Всеволодовичъ святой, великій** князь. *Замѣтка* о 700-лѣтней годовщинѣ его. Т. XXXVI, 459, 460.
- Гербель, писатель,** т. XXXVI, 294; т. XXXVIII, 101.
- Гердеръ, Иоганъ-Готфридъ, сунеръ-ин-**тендентъ въ Бюккебургѣ и президентъ высшей консисторіи, писатель и философъ. *Библиографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи объ немъ Р. Гайма въ переводѣ В. Н. Невѣдомскаго, т. II. Т. XXXV, 480—488.
- Гердъ, Алексан. Яков., педагогъ,** дѣятель по устройству исправительныхъ земледѣльческихъ колоній. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 778, 779.
- Германовскій, Янъ, ссыльный полякъ,** т. XXXVIII, 598.
- Герсень, Александр. Максимов.,** литераторъ - юмористъ. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 259.
- Герценъ:**
— Алексан. Ив., русскій эмигрантъ, писатель, т. XXXV, 559—563, 569, 574; т. XXXVI, 47—49; т. XXXVII, 481.
— Александръ Александр., профессоръ Болонскаго университета, сынъ предыдущаго. *Замѣтка* о соч. его: Les ouvriers en Russie. Т. XXXVII, 201—203; т. XXXVIII, 441—443.
- Гидъ-де-Нивилль, баронъ.** *Замѣтка* объ изданныхъ мемуарахъ и воспоминаніяхъ его. Т. XXXVI, 454, 455.
- Гильденштубе, Петръ Ив.,** отставной поручикъ Тульскаго полка, инспекторъ театральной школы, т. XXXVI, 106—116.
- Гинцъ, смотритель** малаго театра, т. XXXVI, 614.
- Глазенапъ, Гр. Ив.,** командующій войсками на Кавказѣ, т. XXXVIII, 506, 508.
- Глардонъ, Огюстъ.** *Замѣтка* о соч. его Les pausans russes. Т. XXXVII, 200, 201, 202.
- Гленъ Н. А.,** участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 642—652.
- Глинна:**
— Мих. Ив., композиторъ, т. XXXV, 294—298.
— Фодоръ Никол., полковникъ, т. XXXV, 172.
- Глинскій, Борисъ Борис.** *Статьи его*: Владиміръ Яковлевичъ Стоянинъ. Т. XXXV, 413—444. Орестъ Федоровичъ Миллеръ. Т. XXXVII, 340—364. *Замѣтка* его къ портрету И. А. Крылова. Т. XXXVI, 480. *Библиографическія замѣтки его*: Историческая записка о Ставропольской гимназіи. Составилъ преподаватель М. Красновъ. Т. XXXV, 232, 233. Опытъ обработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Разсужденіе, представленное для полученія степени доктора медицины лекаремъ Николаемъ Эккомъ. Т. XXXV, 284. Жизнь

и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга вторая. Т. XXXVI, 220, 221. Д. Л. Мордовцевъ. Историческія прописки. 2 тома. Т. XXXVI, 223—225. О Франціи. Статьи проф. В. И. Модестова. Т. XXXVI, 439, 440. А. И. Кирпичниковъ. Очеркъ исторіи книги. Публичныя лекціи. Т. XXXVI, 727, 728. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 5-й. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. Т. XXXVI, 731, 732. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранныя Черняговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Томъ XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ съ четырьмя литографированными картами и приложеніемъ переписи 1883 г. и Румянцовской переписи 1767 г. Составилъ заведывающій статистическими работами Черняговскаго земства П. П. Червинскій. Т. XXXVII, 197, 198, Г. И. Успенскій. Опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій, Ореста Миллера. Т. XXXVII, 199, 200. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Н. П. Семенова. Т. XXXVII, 413—415. Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни. Т. XXXVII, 666, 667. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. IV. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. В. Мякотина. Т. XXXVIII, 410—413. Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій (1785—1848) ученый славистъ-ориенталистъ, съ портретомъ, автографомъ, собственноручными списками и снимками древнѣйшихъ славянскихъ рукописей и факсимиле знаменитой Супральной рукописи. Историко-біографическій очеркъ П. О. Бобровскаго. Т. XXXVIII, 439, 440.

Глѣбовъ, Іоаннъ, священникъ с. Барсенева, Рязан. губ., т. XXXVII, 446, 447.

Гоголи:

— Аванас. Демьян., дѣдъ писателя, т. XXXV, 120, 121, 391.

— Вас. Аван., отецъ писателя, т. XXXV, 119—140, 380—394.

— Марья Ів., рожд. Косляровская, мать писателя, т. XXXV, 119—140, 380—394; т. XXXVI, 660—678; т. XXXVIII, 683—688.

— Никол. Вас., писатель. *Статья* о его родителяхъ. Т. XXXV, 119—140, 380—394. *Отношенія* его къ матери. Т. XXXVI, 660—678; т. XXXVIII, 683—688. *Упомян.* т. XXXV, 237, 302; т. XXXVI, 54, 55, 298, 299, 477, 478.

— Татьяна Семен., рожд. Лизогубъ,

бабка писателя, т. XXXV, 121, 135, 391, 392.

Гогоций, Сильвестръ Сильвестр., докторъ философіи и древней филологіи, профессоръ Кіевскаго университета. *Некрологъ* его. Т. XXXVII, 456.

Годумовъ, театральнй воспитанникъ, мужъ танцовщицы Истоминой, т. XXXV, 43, 44.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, Мих. Лар., свѣтлѣйшій князь, генераль-фельдмаршалъ, генераль-отъ-инфантеріи, т. XXXVIII, 458, 459.

Голицыны, князья:

— А. Н., министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, т. XXXV, 168, 169, 172, 174, 175, 179.

— Андрей Бор., флигель-адъютантъ, т. XXXV, 172.

— Вас. Вас., т. XXXVI, 714, 715.

— Н. Н. *Библиографическая замѣтка* о его Библиографическомъ словарѣ русскихъ писательницъ. Т. XXXVII, 417, 418.

Головачева (Панаева), А. Я., рожд. Брянская. *Воспоминанія* ея. Т. XXXV, 30—66, 291—333, 505—576; т. XXXVI, 34—55, 276—304, 531—561; т. XXXVII, 26—52, 246—270, 475—498; т. XXXVIII, 22—41, 263—275. *Поправки* къ ея воспоминаніямъ. Т. XXXVI, 255, 256, 477, 478.

Головины:

— Марья Вас., сестра М. В. Ломоносова, т. XXXVIII, 450—452.

— Министръ народнаго просвѣщенія, т. XXXVII, 46.

Головинъ, А. В., министръ народнаго просвѣщенія, т. XXXVIII, 364.

Головщиковъ, К. Д. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Исторія города Ярославля*, изданіе Л. Н. Пастухова. Т. XXXVIII, 428, 429.

Голынский, И. М., генераль-лейтенантъ. *Разсказъ* его: *Пожаръ Апраксина толкучаго рынка*. Т. XXXV, 96—101.

Гольдгоеръ, дивизионный генераль, т. XXXVII, 67, 68.

Гончаровъ, Иванъ Александр., писатель, т. XXXVI, 49, 284; т. XXXVII, 47.

Горбуновы:

— Ів. Ѳед., актеръ, т. XXXVI, 540.

— Конст. Павлов. *Очеркъ* его: *Черемисская Офелія*. Т. XXXV, 106—118. *Замѣтка* его: *По поводу Сторіи о Господѣ и землѣ*. Т. XXXV, 261, 262.

Городецкіе:

— Митроф. Ів. *Статьи* его: *Полувѣковой юбилей воссоединенія западно-рус-*

- скихъ униатовъ съ православною церквою. Т. XXXV, 693—700. Къ исторіи римскаго католицизма въ Россіи. Тираспольская или Саратовская латинская епархія. Т. XXXVIII, 123—134. *Библиографическія замѣтки его*: Холмскій народный календарь на 1889 годъ. Изданіе Холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства. Годъ пятый. Т. XXXV, 231, 232. Витебская Старина. Томъ V. Матеріалы для исторіи Полодской епархіи. Часть I. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Т. XXXV, 754—756. Униатскіе церковные соборы съ конца XVI вѣка до воссоединенія униатовъ съ православною церквою. Составилъ Иванъ Стрѣльбицкій. Т. XXXV, 759. Виленскій Свято-Духовскій монастырь. Историческое описаніе съ тремя рисунками. Сост. Флегонтомъ Смирновымъ. Т. XXXVI, 232, 233. Монографія городовъ Сувалской губерніи, со свѣдѣніями о посадахъ Олита и Кибарты. Соч. И. И. Соневицкаго. Т. XXXVI, 446, 447. Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церквою западно-русскихъ униатовъ. Обзоръ событій воссоединенія въ царствованіе императора Николая I. И. Чистовича. Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церквою западно-русскихъ униатовъ. Сборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 году. Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церквою западно-русскихъ униатовъ. Историческій очеркъ протоіерея Іоанна Наумовича. Семь проповѣдей синодальнаго члена, митрополита литовскаго и виленскаго Іосифа, говоренныя при важнѣйшихъ случаяхъ служенія, и о греко-униатской церкви въ Западномъ краѣ Россіи,—воспоминанія архіепископа Антонія. Т. XXXVII, 187, 188.
- Никод. Ивановъ, митрополитъ. См. Платонъ.
- Городиновъ, архіепископъ рязанскій. См. Гавріиль.
- Горчаковы:
- Кн. Мих. Дмитр., генераль-отъ-артиллеріи, варшавскій намѣстникъ, т. XXXV, 92, 95, 96.
- Помощникъ смотрителя московскихъ театровъ, т. XXXV, 351—353, 633, 634.
- Готье:
- Ипполитъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: „1789-й годъ“. Т. XXXV, 504, 505.
- Теофиль, французскій писатель, т. XXXVII, 638—640.
- Гохшмльдъ, баронъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Дезире, королева Швеціи и Норвегіи. Т. XXXV, 506—508.
- Гошневичъ, открывшій остатки замка Симеова Олельковича, т. XXXVIII, 679.
- Грановскіе:
- Тимошей Никол., профессоръ Московскаго университета, т. XXXV, 559—561, 562—568, 574—576; т. XXXVI, 277, 289—291; т. XXXVII, 254, 255.
- Елизавета Богд., жена предидущаго, т. XXXV, 559, 560, 566; т. XXXVI, 289—291.
- Гречулевичи:
- Василій Яков., протоіерей. *Замѣтка* о сочин. его. Т. XXXV, 264.
- Виталий. См. Виталий.
- Гречъ, Никол. Пав., писатель, т. XXXV, 172; т. XXXVIII, 66, 360, 372.
- Грибоѣдовы:
- Александръ Сергѣевъ, писатель и дипломатъ. *Библиографическая замѣтка* о полномъ собраніи сочиненій его. Т. XXXVIII, 419—422.
- Елизав. Алексѣевъ. См. Паскевичъ.
- Григорій:
- Патриархъ константинопольскій, т. XXXV, 706, 708.
- XIII, римскій папа, т. XXXV, 589, 601; т. XXXVI, 317, 318.
- Григоровичъ, Дмитр. Вас., писатель, т. XXXV, 568, 570.
- Григорьевъ, Аполлонъ Александръ, критикъ. *Замѣтка* о воспоминаніи 25-ти лѣтней годовщины его. Т. XXXVIII, 459. *Упомин.* т. XXXV, 330.
- Гризы, Джулія, пѣвица, т. XXXVII, 654.
- Гроденовъ, Н. И., генераль. *Библиографическія замѣтки* о соч. его: Хивинскій походъ 1873 года. Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Изданіе второе. Т. XXXV, 495, 496. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Томъ первый. Юридическій бытъ. Т. XXXVIII, 435, 436.
- Гротусы, наследственные президенты Грубешовскаго земледѣльческаго общества, т. XXXVII, 175—181.
- Губе, сенаторъ, т. XXXVIII, 123.
- Губерти, Н. В., авторъ матеріаловъ для русской библиографіи, т. XXXVIII, 457.
- Гудзевичъ, рядовой л.-гв. Гренадерскаго полка, убійца Маркова и Калтычанова. Казнь его. Т. XXXV, 101—105.
- Гудовичъ, графъ, кавказскій главнокомандующій, т. XXXVIII, 509.

Гурієли, княжескій родъ Батумской области, т. XXXVIII, 380, 381.

Гурьевы:

— Гр. Дмит. Александр., министр финансовъ, т. XXXV, 170.

— Д., чиновникъ особыхъ порученій при главн. управ. Восточи. Сибири. *Собщилъ* дополнение къ воспоминаніямъ Б. А. Мялютина. Т. XXXVI, 256.

Гусейнъ-Нулиханъ, властитель Дагестана, т. XXXVIII, 506—508.

Гуссе:

— Арсень. *Извлеченіе* изъ его воспоминаній 1830—1880 гг. Т. XXXVII, 628—657; т. XXXVIII, 168—193.

— Генри. *Замѣтка* о соч. его: „1814-й годъ“. Т. XXXV, 505, 506.

Густавъ-Адольфъ, шведскій король, т. XXXVII, 372, 373.

Гусятниковъ, театраль, поклонникъ Саудуновой, т. XXXVII, 569.

Гьельтъ. *Замѣтка* о соч. его: Положеніе Швеціи по отношенію къ иностраннымъ дворамъ вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ 1772 года. Т. XXXV, 508.

Гюго, Викторъ - Мари, французскій поэтъ, т. XXXVII, 636, 637.

Д.

Давыдовы:

— Александра Вас. См. Бѣгичева.

— Денисъ Вас., партизанъ, т. XXXV, 672.

Даль, Владим. Ив. (казакъ Луганскій), писатель, лексикографъ, т. XXXVIII, 694.

Данилевскіе:

— Григ. Петр., писатель. *Библиографическая замѣтка* о VII томѣ его сочиненій, т. XXXVIII, 663, 664.

— Иванъ, распространитель газетной «авизинъ», т. XXXVII, 584.

Даниловъ, А. *Статья* его: Первый урскій походъ Н. Н. Муравьева. Т. XXXVI, 642—652.

Даргомыжскій, А. С., композиторъ, т. XXXVII, 528, 529, 532, 533, 549.

Дебу, оренбургскій гражд. губернаторъ, впоследствии сенаторъ, т. XXXVIII, 585.

Дезире, Клары, королева Швеціи и Норвегіи. *Библиографическая замѣтка* о вышедшей биографіи ея. Т. XXXV, 506—508.

Делинь, Мишель. *Замѣтка* о книгѣ его: Великія задачи исторіи. Власть и свобода, графа Толстого, Т. XXXVII, 439, 440.

Деляновъ, гр. Ив. Дав., министръ народнаго просвѣщенія. По поводу юбилея его. Т. XXXV, 250, 251.

Дельсаль, Александр. Никол., директоръ Немировской гимназіи. *Замѣтка* объ немъ. Т. XXXVI, 478—480.

Демиховъ, помощникъ театральнаго машиниста, т. XXXV, 362.

Дерели, Викторъ. *Библиографическая замѣтка* о ст. его: Реализмъ въ русскомъ театрѣ. Т. XXXV, 503, 504.

Джаншиевъ. Гр. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-биографическій эскизъ. Т. XXXVII, 430, 431.

Джуліани, италіанецъ, учитель пѣнія, т. XXXVII, 541—543.

Дидло, балетмейстеръ петербургскаго театра, т. XXXV, 40.

Диттель, профессоръ Петербургскаго университета, т. XXXV, 413.

Діонисій, московскій митрополитъ, т. XXXV, 605.

Дмитріевъ, Ив. Ив., дѣйств. тайн. совѣтникъ, министръ юстиціи, поэтъ, т. XXXVII, 213.

Добровольскій, Алексѣй, лейтенантъ гвардейскаго экипажа, т. XXXVII, 81.

Добролюбовъ, Н. А., критикъ, т. XXXVII, 34—39, 41—44, 47—52, 246—253, 255—270, 346, 347, 478, 483; т. XXXVIII, 369.

Добромисловъ, Н. Ѳ., священникъ с. Николаевской Тумы, Рязанской губ., т. XXXVII, 447.

Добротворскій, Н. А. *Статья* его: Николай Ивановичъ Хмельницкій. Т. XXXVIII, 559—583.

Донучаевъ, епископъ. См. Неофитъ.

Долгоруковъ, кн. Вас. Вас., завѣдывавшій французскимъ театромъ, т. XXXV, 370, 371, 373—378; т. XXXVI, 116.

Долоткозинъ, князь Ибрагимъ, мурза, предсказавшій Петру I единоцарствіе, т. XXXVI, 713.

Домбровскій, ссыльный полякъ, т. XXXVIII, 597, 598, 602.

Доргомыжскій, коллежскій совѣтникъ, т. XXXVI, 115.

Дорошевскій, ссыльный полякъ, т. XXXVIII, 597.

Дороевъ, нижегородскій коноваль, ворожей, т. XXXVI, 703—705, 709—712.

Достоевскій, Федоръ Мих., писатель. *Замѣтка* по поводу биографіи его въ журналахъ: „Westermanns illustrierte Monatshefte“. Т. XXXVI, 449, 450. „Dsutsche Rundschau“. Т. XXXVII, 204. *Упомин.* т. XXXV, 570—573; т. XXXVI, 236, 276, 278, 279; т. XXXVII, 361.

Дранаевъ, рядовой, распространитель ложныхъ слуховъ о Константинѣ Павловичѣ, т. XXXVIII, 687.

Дрееръ, кавказскій полковникъ, т. XXXVI, 696, 697.

Дрейфусъ, Маврикій. *Замѣтка* о его исторіи „Трехъ Карно“. Т. XXXV, 767, 768.

Дреняничъ, Александръ Максимовъ, генераль-майоръ, гродненскій губернаторъ, т. XXXVII, 68, 69.

Дружинины:

— А. В., писатель, т. XXXVI, 284, 285; т. XXXVII, 34, 35, 484—486.

— В. Г. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Т. XXXVI, 723—725.

— Никол. Петр. *Библиографическія замѣтки его*: Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга пятая. Т. XXXV, 497, 498. Журналы комитета министровъ. Царствование императора Александра I. 1802—1826 гг. Т. I. 1802—1810 гг. Т. XXXVI, 443, 444. Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву П. Лашкарева. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Т. XXXVII, 189, 190. Юридическая энциклопедія. Н. К. Ренненкампа, профессора университета св. Владиміра. Т. XXXVII, 199. С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Гр. Жаншіева. Т. XXXVII, 430, 431. Курсъ церковнаго права. Томъ первый. Н. Суворова. Т. XXXVIII, 660, 661. *Статья его*: Памяти графа М. М. Сперанскаго. Т. XXXV, 141—164.

Дубасовы:

— И. И. *Статьи его*: Тамбовскіе перелеты. Т. XXXVII, 331—339. Рязанскій архіепископъ Мисаилъ. Т. XXXVIII, 109—121. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 5. Т. XXXVI, 731, 732.

— Шацкая помѣщица, т. XXXVII, 333.

Дубельтъ, Леонтій Вас., генераль-отъ-кавалеріи, управляющій III-мъ Отдѣленіемъ, т. XXXVIII, 369.

Дубровинъ, Н. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Т. XXXVIII, 652—655.

Дурова, Над. Андр., по мужу Чернова, дѣвица-кавалеристъ. См. Александрова.

Дюдефанъ, Аврора, баронесса, рожд. Дюень, французская писательница. См. Зандъ, Жоржъ.

Дюковъ, Петръ Андреевъ, докторъ-психіатръ. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 221.

Дюма, Александръ, французскій романистъ, т. XXXVI, 546—552; т. XXXVII, 36, 637.

Дюпарэ, актеръ московской французской труппы, т. XXXV, 641.

Дюлесси, Марія, парижская камелия-благодѣтельница, т. XXXVII, 655.

Дюранъ Гревиль. *Замѣтка* о соч. его: Chefs d'oeuvre dramatiques d'Ostrowsky. Т. XXXVII, 203, 204.

Дюръ:

— Комическій актеръ, т. XXXV, 47, 48; т. XXXVII, 83.

— Танцовщица, рожд. Новицкая, т. XXXV, 47—49.

Дюфуръ, петербургскій актеръ французской труппы, т. XXXV, 368—371.

Е.

Евгеній:

— (Евѣмій Болховитиновъ), кievскій митрополитъ. *Библиографическая замѣтка* о сочиненіи объ немъ Е. Шмурло. Т. XXXV, 222, 223. *Упомян.* т. XXXVII, 215.

— (Казанцевъ), архіепископъ рязанскій, вполѣд. ярославскій, т. XXXVII, 445, 446.

Евгенія Максимиліановна, принцесса Ольденбургская, т. XXXVIII, 677.

Евгенія-Марія де-Гусмаъ, (донна де-Монтихо), императрица французская, т. XXXVIII, 185—188.

Евневичъ, В. *Библиографическая замѣтка его*: С.-Петербургская духовная академія за послѣдніа 30 лѣтъ (1858—1888 гг.) И. Чистовича. Т. XXXVIII, 413—416.

Евфимія Владиміровна, княжна, т. XXXV, 337.

Едлиньскій, М. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Анаголіи Мартиновскій, архіепископъ могилевскій и его литературные труды. Т. XXXVIII, 201, 202.

Еневскій, Іосифъ, полякъ, т. XXXVIII, 591, 601.

Екатерина II Алексѣевна, императрица. *Замѣтка* о сооруженіи памятника въ Москвѣ. Т. XXXVII, 686. *Упомян.* т.

XXXV, 76—78, 500—502, 658, 691; т. XXXVI, 429—431; т. XXXVII, 205, 557—560; т. XXXVIII, 454, 455, 502, 561, 568, 569.

Енимовичъ, Захаръ, студентъ Киевской дух. академіи, распространитель газетной „авизіи“, т. XXXVII, 582.

Елена, герцогиня шлезвиг-голштейнская. *Замѣтка* объ изданной ею перепискѣ маркиграфини Байрейтской съ Вольгеромъ. Т. XXXVI, 738, 739.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлота-Марія, принцесса виртембергская, супруга великаго князя Михаила Павловича, т. XXXVII, 33.

Елецкій, князь Дмитрій, посоль къ Стефану Баторію, т. XXXV, 591.

Елизавета, англійская королева, т. XXXV, 604.

Елисовъ, А. В., докторъ, путешественникъ, т. XXXVI, 246, 247.

Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибири. *Замѣтка* о возстановленіи имени его. Т. XXXV, 253. *Упомят.* т. XXXV, 601.

Ермиловъ, Ник. Евграф. *Статья* его: Исторія сооруженія памятника Ломоносову въ Архангельскѣ. Т. XXXVI, 174—189. *Замѣтки* его: Результаты конкурса на составленіе исторіи Архангельска, на премію М. К. Сидорова. Т. XXXV, 262—264. Ближайшіе родственники М. В. Ломоносова. Т. XXXV, 450—452.

Ершовъ, Левъ Петр., театральнй инспекторъ музыки, т. XXXVI, 611—613, 616.

Есиповъ, Павелъ, основатель Казанскаго театра, т. XXXVIII, 55—557.

Ефремовъ, Петръ Александр. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей собраніи стихотвореній Полежаева. Т. XXXVI, 435—437.

Ж.

Жемчужниковы:

— Подполковникъ, участникъ покоренія Ташкента, т. XXXVI, 567.

— Генераль-лейтенантъ, начальникъ 28 пѣхот. дивизіи, т. XXXVIII, 595.

Жиниленко, Александр. Ив., врачъ и художникъ. *Некрологъ* его. Т. XXXV, 779, 780.

Жолтвѣснй, Станиславъ, польскій гетманъ, т. XXXV, 592.

Жомини, Александр. Генрихов., баронъ, статсъ-секретарь, старшій совѣтникъ ми-

нистерства иностр. дѣлъ. *Некрологъ* его; т. XXXV, 260, 261.

Жумовскій, Вас. Андреев., поэтъ, т. XXXV, 686—689, 692, т. XXXVII, 215.

З.

Завадскій-Краснопольскій, Андрей Кирил., педагогъ и археологъ. *Некрологъ* его. Т. XXXVI, 436, 467.

Завитневичъ, В. З., доцентъ Киевской духовной академіи. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Владимиръ Святой, какъ политическій дѣятель. Т. XXXVII, 425, 426.

Загуляевъ, М. А., публицистъ, т. XXXVIII, 366, 367.

Заочковскіе:

— Докторъ, ссыльный полякъ, т. XXXVIII, 102.

— Писательница (В. Крестовскій). См. Хвощинская.

Закревскіе: графы:

— Арсеній Андреев., министръ внутр. дѣлъ, т. XXXV, 666, 667.

— Людія Арсен. См. Нессельроде.

Замойскій, Янъ, великій гетманъ польскій, т. XXXV, 577, 578, 580, 582, 587, 592, 594.

Зандъ, Жоржъ, псевдонимъ французской писательницы Людефанъ, рожд. Авроры Дюпенъ, т. XXXVII, 639.

Занъ, ссыльный полякъ, одинъ изъ основателей общества „Филаретовъ“, впоследствии бібліотекаръ Горнаго Корпуса, т. XXXVIII, 584—592, 595—597, 599—601, 605.

Зарудный, С. И., сенаторъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. Джаншіева: С. И. Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. Т. XXXVII, 430, 431.

Захеръ-Мазохъ, писатель. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Le congrès panslaviste à Prague. Т. XXXV, 760—762.

Збаражскій, Янушъ, воевода брацлавскій, т. XXXV, 591, 592, 595.

Зезюлинскій, Н. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Выпускъ I. Т. XXXVIII, 219, 220.

Зеленецкій, П. П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Историческій очеркъ Пензенской первой гимназіи съ 1804 по 1871 г. Т. XXXVIII, 431, 432.

Зеленый, Никандръ Ильичъ, генераль-майоръ, редакторъ „Морскаго Сборника“. *Некрологъ* его. Т. XXXV, 778.

Зиссерманъ, А. Л. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. 1815—1879. Т. XXXVI, 728—731.

Зоричъ, Сем. Гавр., генераль-лейтенантъ, фаворитъ Екатерины II, т. XXXVIII, 502, 503.

Зотовъ, Владим. Раф., писатель. *Статьи его:* Общественная жизнь въ Англіи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Т. XXXV, 723—747; т. XXXVI, 190—210, 399—418. Франція послѣдняго пятидесятилѣтія. (По мемуарамъ Арсена Гуссе). Т. XXXVII, 628—657; т. XXXVIII, 168, 193. Надежда Дмитріевна Хвоцинская. Т. XXXVIII, 93—108. Несторъ русской журналистики. Т. XXXVIII, 356—374. *Библиографическія замѣтки его:* Les publications de la société impériale historique russe de Saint-Petersbourg, par V. de Bilbassow. Paris. Т. XXXV, 227—229. Биографія. Собралъ и дополнилъ А. Ѳ. Селивановъ. Т. XXXVI, 437—439. Императоръ Николай и иностраные дворы. Историческіе очерки С. С. Татищева. Т. XXXVI, 725—727. Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Исслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Т. XXXVII, 194—196. Библиографическій словарь русскихъ писателей. Князя Н. Н. Голицына. Т. XXXVII, 417, 418. Древній Святодуховскій храмъ въ городѣ Якобштадтѣ (Курляндской губерніи). Историческій очеркъ Н. Н. Васильева. Т. XXXVII, 429, 430. Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXIII. Т. XXXVII, 661—663. *Заграничныя историческія новости:* т. XXXV, 235—243, 500—508, 760—768; т. XXXVI, 234—242, 448—455, 733—740; т. XXXVII, 201—209, 437—444, 674—682; т. XXXVIII, 221—229, 441—449, 666—674. *Мелкія замѣтки его* въ отдѣлѣ „Смѣсь“: т. XXXV, 248—261, 509—517, 769—781; т. XXXVI, 243—254, 459—469, 741—752; т. XXXVII, 216—224, 449—456, 685—696; т. XXXVIII, 454—461, 675—683.

Зубно, архіепископъ. См. Антоній.

Зубовъ, П. А. гр. *Сообщилъ замѣтку:* Зубовскій карликъ. *Поправка* къ ст. „Три столѣтнихъ старца“. Т. XXXV, 781—783.

И.

Ивановы:

— А. А., художникъ, т. XXXVI, 303, 304, 675.

— С. А., архитекторъ, т. XXXVI, 303, 304.

— Интендантскій полковникъ, произведенный закупки въ Воронежѣ въ 1831 году, т. XXXV, 669, 670.

— М. М., музыкальный критикъ. *Замѣтка* о его Историческомъ очеркѣ пятидесятилѣтней дѣятельности музыкальнаго журнала „Нувеллистъ“. Т. XXXV, 256—258.

Иванъ Васильевичъ IV Грозный, царь московскій. См. статьи: Иванъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію. Т. XXXV, 334—347, 577—606. Византийскій царь на московскомъ престолѣ. Т. XXXVI, 305—321. *Упомян.* т. XXXV, 70, 72; т. XXXVIII, 282.

Иванъ Ивановичъ, царевичъ, сынъ Ивана Грознаго, т. XXXV, 602, 603.

Измайловъ, А. Е., членъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, т. XXXVII, 143, 144.

Ионининъ, Василій, ворожей, т. XXXVI, 714, 715.

Иларіонъ:

— Болгарскій епископъ 1865 г., т. XXXV, 703.

— Могленскій епископъ, принявшій съ папвою исламъ, т. XXXVIII, 205.

Иловайскій, Дмитр. Ив., дѣйств. стат. совѣтникъ, профессоръ, историкъ. *Статья его:* Иванъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію. Т. XXXV, 334—347, 577—606.

Имбергъ, сотникъ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.

Иннокентій (Иванъ Борисовъ), архіепископъ херсонскій и тавричскій, краснорѣчивый витія, т. XXXVII, 588—590.

Иринархъ (Поповъ), архіепископъ яранскій, т. XXXVII, 447.

Ириарте, Шарль. *Замѣтка* о соч. его: Цезарь Борджіа; его жизнь, плѣвъ и смерть. Т. XXXVI, 241, 242.

Исаанъ Номинъ, византийскій императоръ, т. XXXVI, 317.

Истома-Шевригинъ, посолъ къ германскому императору и римскому папѣ, т. XXXV, 588, 589.

Истомина (Годунова), танцовщица, т. XXXV, 43.

К.

Кегеръ, Генрихъ. *Замѣтка* о его обзорѣ норвежской литературы въ „Атенеумѣ“. Т. XXXVIII, 228.

Керемія (Иродіонъ Соловьевъ), нижегородскій епископъ. *Биографія его.* Т. XXXVII, 588—601.

Юаннимъ, патриархъ константинопольскій, т. XXXV, 703—705.

Юанниъ:

— Архиепископъ сербскій, болгарскій и западныхъ прибрежныхъ странъ патриархъ. *Письмо его* къ герцогу савойскому Карлу-Эмануилу I. Т. XXXV, 180—182.

— Герцогъ финляндскій, вносльд. король шведскій, т. XXXV, 336.

Юсифъ:

— (Булгаковъ), іеродиаконъ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря, т. XXXVII, 600, 601.

— (Съмашко), литовскій митрополитъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданіяхъ семи проповѣдяхъ его. Т. XXXVIII, 187, 188. *Упомян.* т. XXXV, 693—700.

К.

Кавелинъ, Конст. Дмитр., профессоръ Петербургскаго университета, т. XXXV, 562; т. XXXVII, 33, 34.

Кавось, капелмейстеръ и композиторъ, т. XXXV, 65; т. XXXVI, 600, 616.

Казаневичъ, капитанъ-лейтенантъ, завѣдывавшій постройкой парохода „Аргуны“, т. XXXVI, 642.

Казанъ, экономъ театральнаго училища, т. XXXVI, 109, 110, 113—115.

Казанцевъ, архіепископъ. См. Евгеній.

Казасси:

— Реквизиторъ Большаго театра, т. XXXVIII, 532—536.

— Старшая надзирательница театральнаго школы, т. XXXVI, 98, 108.

Казелла, италіанецъ, учитель пѣнія, т. XXXVII, 543, 544.

Казинъ, Алек. Степ., орловскій и тульскій помѣщикъ, т. XXXVIII, 505.

Каймананъ, персидскій поэтъ и государств. человекъ, т. XXXV, 188.

Калининъ, актеръ, т. XXXV, 34.

Калиновскій, повстанецъ „диктаторъ“ Лтвы. т. XXXVII, 64.

Калтычановъ, сторожъ часовни при домикѣ Петра Великаго, убитый Гудзевичемъ, т. XXXV, 101—103.

Калуцкій, Гаврило, рядовой, распространитель ложныхъ слуховъ о Константинѣ Павловичѣ, т. XXXVIII, 587.

Каменогорскій, актеръ, т. XXXVII, 83.

Каминскій, Гальперинъ. *Замѣтка* о его переводахъ на французскій языкъ стихотвореній Некрасова и разказовъ Гаршина. Т. XXXVII, 437—439.

Кандинскій, докторъ медицины, психіатръ. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 240.

Кантемиръ, кн. Антиохъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, сатирикъ, т. XXXVIII, 666, 667.

Капнисть, Вас. Вас., писатель, т. XXXVII, 214, 215.

Капустинъ, С. *Библиографическая замѣтка его*: Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономической программой. Г. П. Сазонова. Т. XXXVIII, 194—199.

Каранозовъ, Дмитрій, государственный преступникъ, т. XXXVIII, 432.

Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ, т. XXXV, 160; т. XXXVII, 213, 214, 309.

Каратыгинъ, Вас. Андр., трагикъ, т. XXXV, 34—36, 39, 43; т. XXXVI, 255.

Карбасниковъ, Никол. Пав. *Замѣтка* объ открытіи при его книжномъ магазинѣ библиографическаго бюро. Т. XXXVIII, 459, 460.

Каргановы:

— Генераль, т. XXXV, 457.

— Уѣздный начальникъ на Кавказѣ, т. XXXV, 455.

Карелинъ. Сила Дементьевъ, капелмейстеръ, т. XXXVI, 602.

Карль:

— X, Густавъ, шведскій король, т. XXXV, 71.

— XII, шведскій король. *Замѣтка* о пребываніи его въ г. Ромнахъ. Т. XXXVIII, 230, 231.

Карль Ульрихъ, герцогъ голштейн-готтонскій, супругъ Анны Петровны, т. XXXVI, 601.

Карль-Эмануилъ I, герцогъ савойскій. Попытка его вѣнчаться королемъ Болгаріи, Сербіи, Герцеговины, Босніи и Македоніи. Т. XXXV, 180—185.

Карновичъ, Б. Г., воронежскій вице-губернаторъ. *Библиографическая замѣтка* о его исторической запискѣ о нищенствѣ. Т. XXXVII, 436.

Карышевъ, Д. А. *Разказъ его*: Драма на Волховѣ. Т. XXXVIII, 316—341.

Картевъ, Н., профессоръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Паденіе Польши въ исторической лигературѣ. Историческій очеркъ польскаго сейма. Т. XXXVIII, 416—419.

Катновъ, Мих. Никиф., редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, т. XXXV, 313, 314.

Наченовскій, Мих. Трофим., профессоръ Московскаго Университета, т. XXXVII, 315, 504.

Маширинъ, Сергѣй, ротный командиръ, погибшій при штурмѣ Силистріи, т. XXXVIII, 431.

Меммель, Отто. *Замѣтка* объ изслѣдованіи его: Левъ Толстой, какъ военный писатель въ романѣ „Война и миръ“. Т. XXXV, 502, 503.

Кенисара, султанъ. *Библиографическая замѣтка* о биографическомъ очеркѣ объ немъ. Т. XXXVIII, 206—208.

Кенисаринъ, Ахметъ. *Библиографическая замѣтка* о составленномъ имъ жизнеописаніи султановъ Кенисара и Садька. Т. XXXVIII, 206—208.

Нерсовскій, подьякъ-помѣщикъ, предсѣдатель Гродненской казенной палаты, т. XXXVI, 67.

Нерцелли, Иванъ, капельмейстеръ и композиторъ, т. XXXVI, 606.

Нетлеръ:

— Вильгельмъ Карловъ, директоръ Школовскаго кадетскаго корпуса, т. XXXVIII, 503—505.

— Герцогъ курляндскій, т. XXXV, 337.

Нетчеръ, переводчикъ Шекспира, т. XXXV, 562, 566—568, 575; т. XXXVI, 289, 290.

Нивинцкій, Бонифацій, ссыльный полякъ, т. XXXVIII, 593, 596—599, 602.

Никинъ, Петръ Андреевъ, статсъ-секретарь, т. XXXV, 174.

Ниприяновъ, Вас. Александръ, дѣятель инженернаго искусства и науки. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 779.

Нирмаль, патриархъ іерусалимскій, т. XXXV, 713.

Кирпичниковъ, Александръ Ив., докторъ всеобщей литературы, профессоръ Одесскаго университета. *Статья его*: Одесса и Пушкинъ. Т. XXXVII, 624—641. *Библиографическія замѣтки его*: Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Т. II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. XXXV, 480—488. Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ десятый; перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторіи Георга Вебера. Составилъ И. Короленко. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. XXXV, 748—752. Библіотека греческихъ и латинскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III. М. Тулій Цицеронъ. Выпускъ первый. Рѣчи противъ

Катилины. Перевелъ съ латинскаго. В. Алексѣевъ. Т. XXXVI, 431—435. Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ одиннадцатый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. XXXVII, 185—187. Д. Г. Льюисъ. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей В. Чуйко. Т. XXXVII, 411—413. Эмиль де Лавеле. Балканскій полуостровъ. Переводъ съ французскаго, съ приложениями и дополненіями Н. Е. Васильева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Часть I. Прибрежья Дуная, Вѣна, Кроація, Боснія и Сербія. Часть 2. Балканскій полуостровъ: Сербія, Болгарія, Румелия, Турція и Румынія. Приложенія и дополненія. Т. XXXVII, 658—661. Исторія среднихъ вѣковъ. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осокина. Томъ второй. 2 части (XIII столѣтіе). Т. XXXVIII, 408—410. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Очеркъ исторіи книги. Публичныя лекціи. Т. XXXVI, 727, 728. *Упомян.* т. XXXVII, 662.

Ниселевы:

— Гр. Пав. Дм., генераль-адъютантъ, министръ госуд. имуществъ, т. XXXVIII, 690—693.

— Дм. Ив., дѣйств. ст. совѣтникъ, т. XXXVI, 606.

Клементина, внучка Яна Собѣскаго, жена Якова Стюарта. *Статья объ ней*. Т. 386—402.

Новалевскіе:

— В. О., естествоиспытатель, т. XXXVIII, 28.

— Женщина-профессоръ Стокгольмскаго университета, т. XXXVIII, 28.

— Министръ народнаго просвѣщенія. т. XXXVIII, 37.

— Пав. Мих., поэтъ и художественный критикъ, т. XXXVII, 27.

Новаленинъ, Петръ и Харитина, распространители газетной „авизія“, т. XXXVII, 581, 582.

Нодоралей, татаринъ-гадальщикъ, т. XXXVI, 713.

Козловы:

— Никол. Илар., главный медицинскій инспекторъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 460, 461.

— П. А. *Библиографическая замѣтка*

о переводѣ его Донъ-Жуана, Байрона, Т. XXXVII, 192, 193.

Мозодавлевъ, Осипъ Петр., министръ внутр. дѣлъ, писатель, т. XXXV, 170, 171.

Мокоревъ, Вас. Александр., коммерціи совѣтникъ, основатель многихъ банковъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 749.

Моландовскій, Янъ, сѣмьный полякъ, т. XXXVIII, 595, 602.

Мологрововъ, Андрей Семен., генераль-аншефъ, т. XXXV, 664.

Моломинъ, А. П. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Альбомъ русской живописи. Картины Б. Д. Орловскаго — двадцатипятилѣтіе его художественной дѣятельности. Т. XXXVI, 225, 226.

Мольцовъ, А. В., поэтъ, т. XXXV, 312.

Молюбинъ, М. П., кавказскій полковникъ, т. XXXVI, 696, 697.

Мондаковы:

— Актеръ, т. XXXVIII, 342.

— Н. П., профессоръ Петербургскаго университета. *Библиографическія замѣтки* о соч. его: О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Т. XXXVI, 231, 232. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Изданіе второе. Выпускъ второй. Древности Скіфо-Сарматскія, т. XXXVIII, 404—407.

Моневаловъ, Мойсей, крестьянинъ-матросъ, пробывшій годъ на Новой Землѣ, т. XXXVI, 117—151.

Константинъ Константиновичъ, великій князь, президентъ Академіи Наукъ, т. XXXVII, 216, 217.

Константинъ Мономахъ, византийскій императоръ, т. XXXVI, 307—309, 317.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, т. XXXVIII, 587, 588, 595.

Констанъ, Бенжаменъ. *Замѣтка* о его „Письмахъ къ семейству“. Т. XXXVI, 242.

Коппель, Эрнстъ, нѣмецкій ученый. *Библиографическая замѣтка* о его изслѣдованіи: Екатерина II, какъ писательница. Т. XXXV, 500—502.

Корейша, Мих. Ив., смоленскій юрдавий, т. XXXVIII, 572, 573.

Коржевскій, Александр. Осипов., управляющій хоромъ церкви Александровской больницы, композиторъ, т. XXXVII, 534, 535, 538, 539.

Корнеттъ, Эмма, французская актриса, т. XXXV, 367—379.

Корниловъ, Владим. Алексѣев., генераль-адъютантъ, адмиралъ. *Замѣтка* о комнатѣ, въ которой онъ скончался. Т. XXXVII, 636, 687.

Короленко, И. *Библиографическая замѣтка* о его Указателѣ къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторіи Георга Вебера. Т. XXXV, 748—752.

Корсановы:

— Дм. Александр., докторъ русской исторіи, профессоръ Казанскаго университета. *Библиографическая замѣтка* его: И. П. Сениговъ. Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской Исторіи В. Н. Татищева. Т. XXXVI, 716—721.

— Маіоръ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.

Корфъ, баронъ, Модестъ Андреев., директоръ Императорской Публичной бібліотеки, т. XXXVIII, 70, 92, 296—315.

Коршъ, Е. Ѳ., писатель, т. XXXV, 562, 563, 575.

Косинскій, Владим. Яков., генераль-лейтенантъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 254.

Костомаровъ, Никол. Ив., профессоръ, историкъ, т. XXXVI, 557—560.

Костырио, Зах. Георг. Сообщенія имъ свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя; т. XXXV, 390—394.

Косыровскіе:

— Анна Матв. См. Троцинская.

— Ив. Матв., дѣдъ Н. В. Гоголя. Т. XXXV, 123, 124.

— Марья Ив., мать Н. В. Гоголя. См. Гоголь.

— Марья Ильин. Шостакъ, бабка Н. В. Гоголя, т. XXXV, 123, 124.

Котляревскіе:

— А. А., профессоръ Кіевскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о сочиненіяхъ его. Томъ I. Т. XXXVII, 175—181.

— Издатель „Атеней“, т. XXXVII, 346, 347.

Кохъ, театральная воспитанница, похищенная княземъ В., т. XXXV, 44.

Коцюба-Янушинскій, литовскій шляхтичъ, основатель сел. Коцюбей, воеводъ Хаджибей, нынѣ Одесса, т. XXXVIII, 427.

Кочубей, гр. Викт. Пав., государственный канцлеръ, т. XXXV, 174.

Кочубинскій, А. А., профессоръ, т. XXXVIII, 456.

Краевские:

— Андрей Александр., редактор-издатель газеты „Голосъ“ и журнала „Отечественныя записки“. *Биографія его*: Несторъ русской журналистики. Т. XXXVIII, 356—374. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 695, 696. *Упомян.* Т. XXXVI, 36, 286, 287; т. XXXVIII, 93.

— Анна Яков., рожд. Брянская, супруга журналиста, т. XXXVIII, 358.

— Евгений Андреев., сынъ журналиста, т. XXXVIII, 366.

Красновъ, М. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Историческая записка о Ставропольской гимназiи. Т. XXXV, 232, 233.

Красовскій, Алексан. Ив., цензоръ, т. XXXV, 314; т. XXXVIII, 77, 78.

Красовъ, Ив. Ив., директоръ Псковской гимназiи, писатель. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 780, 781.

Кремль, Валерiанъ Александр., артиллерійскій офицеръ, основатель журнала „Разсвѣтъ“. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 254.

Крестовские:

— Вс. Вл. *Библиографическая замѣтка* о романѣ его: Тьма египетская. Т. XXXVII, 191, 192.

— В., псевдонимъ писательницы. См. Н. Д. Хвоцинская.

Кронстедтъ, генералъ, сдавшій Свеаборгъ, т. XXXVIII, 453.

де ла-Ируза, майоръ, участникъ покоренiя Ташкента, т. XXXVI, 567.

Крузе, Елертъ, ливонскій плѣнный дворянинъ, т. XXXV, 337.

Крупицкiй (или Кругицкiй), театральнiй писецъ, т. XXXV, 31, 59.

Крыжановскiй, архiепископъ. См. Смаградъ.

Крыловы:

— Ив. Андреев., баснописецъ. *Столѣтiе* журнальной дѣятельности его. Т. XXXVI, 365—383. *Замѣтка* къ его портрету, писанному А. О. Орловъ-внучкѣ. Т. XXXVI, 480. *Упомян.* т. XXXVIII, 76, 82.

— Никита Ив., профессоръ Московскаго университета, т. XXXV, 565.

— Цензоръ, т. XXXVI, 282.

Крюднеръ, баронесса, Юліана, рожд. фонъ-Фитингофъ, т. XXXV, 174.

Кузнецовы:

— А. Г. *Библиографическая замѣтка* объ изданiи его: Кунгурскiе акты XVII вѣка (1668—1699 гг.). Т. XXXVII, 428, 429.

— С. К., библиотекарь Томскаго университета. *Замѣтка* о его раскопкахъ. Т. XXXVII, 688.

Куколевскiй, Ник. Серг., артистъ. См. Стружнинъ.

Кукольниковъ, Несторъ Вас., писатель, т. XXXV, 292.

Куликовъ, актеръ, т. XXXV, 38.

Кушъ, Александр. Людвигов., помощникъ попечителя Виленск. учебн. округа. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 258, 259.

Купреяновъ, Вас. Андреев., редакторъ журнала „Морской Сборникъ“. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 260.

Куприяновъ, канцеляринеръ малаго театра, т. XXXVII, 81, 82.

Куракины, князья:

— Алексѣй Борис., министръ внутр. дѣлъ. *Циркуляръ его* о нелѣпныхъ толкахъ. Т. XXXV, 246, 247. *Упомян.* т. XXXVIII, 451, 452.

— Федоръ Алексѣев., издатель „Архива князя Куракина“, т. XXXV, 652.

Курбскiй, кн. Андрей Мих. русскiй эмигрантъ XVI в., т. XXXV, 335, 342, 345.

Кутейниковъ, Никол. Степ. *Библиографическiя замѣтки его*: Викторъ Пругавинъ. Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей. Т. XXXV, 225—227. Н. В. Стороженко. Западнорусскiе провинциальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Изслѣтованiе по архивному матеріалу. Т. XXXVI, 721, 722. Н. Карѣевъ. Паденiе Польши въ исторической литературѣ. Историческiй очеркъ польскаго сейма. Т. XXXVIII, 416—419.

Кутузовъ, сенаторъ, т. XXXV, 178.

Кушелевъ-Безбородко, Александр. Андреев., свѣтлѣйшiй князь, дѣйств. тайн. совѣтъ., государственный канцлеръ, т. XXXVII, 557—560.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, поэтъ, декабристъ, т. XXXV, 672, 673.

Л.

Лабзинъ, дѣйств. ст. совѣтникъ, т. XXXV, 178.

де-Лавеле, Эмиль. *Библиографическая замѣтка* о русскомъ переводѣ сочиненiя его: Балканскiй полуостровъ. Т. XXXVII, 658—661. *Упомян.* т. XXXVII, 674.

Ламочниковъ, Ив. Ив., романистъ, т. XXXV, 326.

Лазаревъ „абиссинскiй маэстро“, т. XXXVII, 531—534.

Лайрдъ. *Библиографическая записка* о соч. его: Старинная приключения въ Персіи, Сузіанѣ и Вавлоніи, со включеніемъ пребыванія между бахтиарами и другими дикими племенами, до открытія Ниневіи. Т. XXXV, 243.

де-Ламартинъ, Альфонсъ Пра, французскій поэтъ и государственный чело-вѣкъ, т. XXXVII, 634—636.

Ламбросъ, Спирядіонъ. *Записка* о его обзорѣ греческой литературы въ „Атенеумѣ“. Т. XXXVIII, 228, 229.

Ламбруссини, кардиналъ, т. XXXVIII, 123.

Ландцертъ, Ѳеодоръ Пав., заслуженный ординарный профессоръ военно-медицинской академіи. *Некрологъ* его. Т. XXXVIII, 681.

Ланжеронъ, гр. Александръ Ѳеодор., генераль-отъ-инфантерія, новороссійскій генераль-губернаторъ, т. XXXVI, 630.

Ланской, С. С., статсъ-секретарь, министръ внутр. дѣлъ, т. XXXVIII, 130.

Лапоть, І. П., Членъ Общества любителей словестности, наукъ и художествъ, т. XXXVI, 145, 146.

Лапунъ, подпоручикъ, участникъ штурма г. Ташкента, т. XXXVI, 566.

Ларошманленъ, маркиза. *Записка* объ изданныхъ мемуарахъ ея. Т. XXXVII, 208, 209.

Латышева, Александръ Львов., артистка русской оперы, т. XXXVII, 545—547, 549.

фонъ-Лау, Карлъ, капельмейстеръ графа Разумовскаго, XXXVI, 602.

Лашкаревъ, П. *Библиографическая записка* о соч. его: Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву. 2-е исправленное и пополненное изданіе. Т. XXXVII, 189, 190.

Лашчевскій, смотритель театра, т. XXXV, 362.

Лебедевы:

— Актеръ и режиссеръ. Поѣздка его за артистами, Т. XXXV, 364—367.

— М. Н., генераль-майоръ, т. XXXVIII, 456.

Лебель, пріоръ монастыря тринитаріевъ въ Фонтенебло, т. XXXVII, 380, 381.

Лебонъ. *Записка* о соч. его: Первые цивилизаціи—Египетъ, Ассирія, Іудея, Финикія, Персія. Т. XXXVI, 241, 242.

Лемъ, Луи. Отзывъ его о книгѣ Модестова „О Германіи“. Т. XXXV, 762.

Леонть, Жюль, французъ, авантюристъ, т. XXXVII, 653, 654.

Леонидовъ, Леонидъ Львов., артистъ

драматической группы. *Некрологъ* его Т. XXXVIII, 240.

Леонтьевъ, Конст., писатель. *Записка* о вышедшемъ объ немъ сочиненіи на французскомъ языкѣ. Т. XXXVII, 440, 441.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ. *Записка* объ открытіи памятника ему въ Пятигорскѣ. Т. XXXVIII, 233—235. *Упомин.* т. XXXV, 313.

Лизертъ, главная надзирательница театрального училища, т. XXXVI, 102.

Лизогубы:

— Семень, бунчуковый товарищъ, т. XXXV, 392.

— Татьяна Сем., бабка Н. В. Гоголя. См. Гоголь.

Линская, актриса, т. XXXV, 59.

Линьновъ, слѣдственный приставъ, т. XXXVII, 302.

Лихачевъ, Н. П. *Библиографическая записка* о соч. его: Разрядные дѣлки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. XXXVI, 214—220.

Лобановъ, Мих. Евстаф., бібліотекаръ Публич. бібліотеки и членъ Россійской Академіи Наукъ, т. XXXVIII, 75, 76.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Вас. Мих., московскій полководецъ, т. XXXV, 579.

Ломанинъ, Гавр. Авиомов., козопиторъ, т. XXXVII, 539, 540.

Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ, писатель. *Исторія* сооруженія памятника ему въ Архангельскѣ. Т. XXXVI, 174—189. *Записка* о ближайшихъ родственникахъ его. Т. XXXVIII, 450—452.

Лонгиновъ. нач. гл. упр. по дѣламъ печати, т. XXXVI, 281, 291, 292; т. XXXVII, 486.

Лопесь, Марія, испанка, французская актриса, т. XXXVIII, 176—178.

Лопухинъ, князь, генераль-прокуроръ, т. XXXV, 157, 159.

Лорисъ-Меликовы:

— Гр. Мих. Таріелов., генераль-адъют., генераль-отъ-кавалеріи. *Воспоминаніе* о немъ. Т. XXXV, 451—460. *Некрологъ* его. Т. XXXV, 515, 516.

— Супруга предыдущаго, рожд. княж. Аргутинская-Долгорукова, т. XXXV, 456.

— Вас. Таріелов., т. XXXV, 452.

— Таріелъ, армянскій купецъ, т. XXXV, 452.

Лоскутовъ, сибирскій исправникъ, т. XXXV, 146, 147.

Луи-Филиппъ, французскій король, т. XXXVII, 646—649.

Лукашевичъ, театральнй портной, т. XXXVI, 98—100.

Луцицкій, И. В. проф. *Статья* его: Секрет-

ное дѣло объ одной газетной „авизин“. Т. XXXVII, 577—587.

Лытинъ, Г. С. *Библиографическая записка* о соч. его: Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ. Т. XXXVIII, 662, 663.

Львовъ, Ф. Ф., попечитель рисовальной школы, т. XXXVIII, 677.

Льюисъ, Джорджъ-Генри. *Библиографическая записка* о соч. его: История философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, съ указателемъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей В. Чуйко. Т. XXXVII, 411—413.

Льсковъ, Никол. Семен., писатель, т. XXXVI, 236.

Лядовъ, Констант. Никол., капельмейстеръ русской оперы, т. XXXVII, 547—549.

М.

Магаффи. *Библиографическая записка* о соч. его: Греческая жизнь и мысль отъ времени Александра до римскаго завоеванія. Т. XXXV, 241, 242.

Магнусъ, владѣтель Эзеля, ливонскій король, т. XXXV, 337, 341, 342.

Маевскій, гродненскій ксендзъ, польскій патриотъ, т. XXXVII, 66.

Майновы:

— Аполлонъ Александр., камергеръ, директоръ театровъ, т. XXXV, 357, 633—638; т. XXXVI, 344—350, 352, 354, 355, 608.

— Вас. Ив., писатель, т. XXXV, 754.

— Леон. Никол., писатель. *Библиографическая записка* о соч. его: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Т. XXXV, 752—754.

Манарій:

— (Мих. Петр. Булгаковъ), московскій митрополитъ, церковный историкъ, т. XXXV, 698.

— (Писемскій), святой уженскій, т. XXXVIII, 283.

Манаровы:

— Инженеръ-поручикъ, участникъ покоренія Ташкента, т. XXXVI, 566.

— Писатель, т. XXXVII, 309.

Максимиланъ:

— Римскій король, т. XXXV, 69.

— II, римскій императоръ, т. XXXV, 70.

— II, германскій императоръ, т. XXXV, 338, 340.

Максимовичъ, Пав. Петр., педагогъ, пи-

сатель. *Некрологъ его.* Т. XXXV, 777, 778.

Максимовы:

— А. М., актеръ, т. XXXV, 45.

— Сергій Вас., писатель. *Записка* по поводу 35 лѣтняго юбилея его. Т. XXXV, 248, 249.

Малевинъ, режиссеръ французскаго театра въ Петербургѣ, т. XXXV, 373.

Маловы:

— А. Е., протоіерей, участникъ штурма г. Ташкента, т. XXXVI, 567.

— Протоіерей Исаакіевскаго собора, знаменитый проповѣдникъ, т. XXXVI, 691, 692.

Мальшинскій, Арк. Пав. *Статья его.* Высшая полиція при императорѣ Александрѣ I. Т. XXXV, 165—179.

Манцини, лекторъ Петербургскаго университета, т. XXXV, 419.

Маршъ, изобрѣтатель роговой музыки, т. XXXVI, 602.

Маринъ, С. Н. *Библиографическая записка* объ изданныхъ его письмахъ. Т. XXXVIII, 422—424.

Марія, грузинская царица. *Записка* объ ней. Т. XXXVII, 448.

Марія Владиміровна, русская княжна, супруга Магнуса, т. XXXV, 338.

Марія - Луиза, вторая супруга Наполеона I, правительница Пармы, Пиаченцы и Гвасталы, т. XXXVII, 653, 654.

Марія Николаевна, великая княгиня, т. XXXVIII, 677.

Марія-Элеонора, королева шведская, т. XXXVII, 373.

Маріо-ди-Нандія, графъ, пѣвецъ, т. XXXVII, 654.

Марневичъ, Болеславъ Мих., писатель, т. XXXV, 324, 325.

Марновъ, сторожъ часовни при домикѣ Петра Великаго, убитый Гудзевичемъ, т. XXXV, 101—103.

Марксъ, А. Ф., издатель журнала „Нива“. *Библиографическая записка* о его изданіи: Фаустъ, Геге. Объ части, въ переводѣ А. Фета, съ гравюрами и астампами Энгельберта Зейбертца. Т. XXXV, 229, 230.

Марну, Жюль. *Записка* о соч. его: Новыя изслѣдованія о происхожденіи названія Америки. Т. XXXVIII, 673, 674.

Марлинскій, псевдонимъ писателя А. А. Бестужева. См. Бестужевъ.

Марье, Ксавье. *Историческій рассказъ его:* Эрикъ XIV. Т. XXXVII, 602—627; т. XXXVIII, 150—167.

Маронети, театральнй докторъ, т. XXXV, 30. 31.

- Мартенсъ, Ф.**, профессоръ; по поводу изданія его: „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами“; т. XXXV, 67—85.
- Мартосъ, Ив. Петр.**, профессоръ скульптуры, ректоръ Академіи Художествъ, т. XXXVI, 176—179, 188.
- Мартыновскій, Августинъ**, архіепископъ. См. Анатолій.
- Мартыновъ, Александръ Евстаф.**, актеръ-комикъ, т. XXXV, 53—59.
- Матвѣевъ, Аргомонъ Серг.**, бояринъ, т. XXXVI, 601.
- Матеосъ, армянскій патриархъ**, т. XXXV 458.
- Матильда Бонапартъ, принцесса**, т. XXXVIII, 188.
- Медвѣдевы:**
— Капитанъ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.
— Сильвестръ, ученый монахъ, т. XXXVI, 714, 715.
- Медонсъ, антрепренеръ московскаго театра**, т. XXXVII, 552, 554, 560, 564.
- Межевичъ, редакторъ „Полицейской Газеты“**, т. XXXV, 329, 331—333.
- Межовъ, библиографъ**, т. XXXVIII, 305.
- Межьеръ, управляющій французскою трушней въ Петербургѣ**, т. XXXV, 369—371, 374, 377.
- Мей, Софья Григор.**, рожд. Полянская, по второму мужу Рехневская, писательница, редакторъ-издательница журнала „Модный Магазинъ“. *Некрологъ ея*. Т. XXXVI, 253.
- Мейеръ, Людвигъ**, ссыльный полякъ, т. XXXVIII, 585, 594—596, 602.
- Мелетій, епископъ селенгинскій, викарій Иркутской епархіи**. *Замѣтка* объ открытомъ имъ имени Ермака. Т. XXXV, 253.
- Мериме, Просперъ**, французскій писатель, т. XXXVIII, 185.
- Мерзляковъ, писатель**, т. XXXVII, 309, 310.
- Мери, французскій романистъ и поэтъ**, т. XXXVII, 652, 653.
- Меттернихъ, кн. Клеменсъ-Венцель-Непомукъ-Лотаръ**, герцогъ Портелла, австрійскій дипломатъ, т. XXXV, 80—83.
- Мещерскіе:**
— Кн. Марья Александр., собирательница семейнаго архива гр. Паниныхъ, т. XXXV, 652.
— Никол. Ѳеодор., дѣятель военно-судебнаго вѣдомства. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 682.
- Минлашевскій, Петръ Ив.**, горный инженеръ, знатокъ минералогіи. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 221, 222.
- Миля, французская актриса**, т. XXXV, 64, 65.
- Миллеры:**
— Евагер. Никол., рожд. Чирикова, т. XXXVII, 340—343, 359, 362.
— Ив. Петр., членъ совѣта государственнаго контроля, т. XXXVII, 340—343, 359.
— Орестъ Ѳеодоров., профессоръ Петербургскаго университета, писатель. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Г. И. Успенскій. Опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій. Т. XXXVII, 199, 200. *Биографія его*. Т. XXXVII, 340—364. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 223, 224.
- Милорадовичъ, гр. Мих. Андреев.**, генераль-отъ-инфантеріи, петерб. военный генераль-губернаторъ, т. XXXV, 32, 33, 171; т. XXXVI, 352; т. XXXVII, 297—306; т. XXXVIII, 537.
- Милуковъ, Павелъ**. *Замѣтка* о его обзорѣ русской литературы въ „Атенеумѣ“. Т. XXXVIII, 221—224.
- Милутины:**
— Борисъ Алексѣев., тайн. сов., товарищъ главы военнаго прокурора. *Дополненія и поправки* къ его воспоминаніямъ. Т. XXXVI, 256, 473—477.
— Никол. Алексѣев., статсъ-секретарь, т. XXXVI, 299; т. XXXVII, 33.
- Минаевъ, Дм. Дм.**, писатель. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 692, 693.
- Миндیارъ, султанъ, матажникъ**, т. XXVIII, 592.
- Миницій, Степ. Ив.**, адмиралъ, архангельскій генераль-губернаторъ, т. XXXVI, 175, 177, 179, 180.
- Миняги, Іосифъ**, начальникъ нотной театральнаго конторы, т. XXXVI, 613.
- Мирза-Тобчибашевъ**, преподаватель персидскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, т. XXXV, 419.
- Мисаиль, рязанскій архіепископъ — миссіонеръ**. *Статья объ немъ*. Т. XXXVIII, 109—121.
- Митрофанъ, воронежскій епископъ, святой**, т. XXXV, 668.
- Михайловы:**
— А. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Революціонный анабаптизмъ. Т. XXXV, 217, 218.
— М. И., писатель, т. XXXVI, 294, 295; т. XXXVII, 489, 490.
Михаиль Нируларій, патриархъ царградскій, т. XXXVI, 317.

- Михаилъ Павловичъ**, великій князь, т. XXXV, 317—319, 454; т. XXXVI, 691—694.
- Михаилъ Ѳеодоровичъ**, царь московскій. *Грамота его* объ алмазѣ, испорченномъ философскою наукою, 1636 года. Т. XXXVII, 210, 211.
- Мичурина**, Вѣра Вас., актриса. См. Самойлова.
- Могра**, Гастонъ. *Замѣтка* о книгѣ его: Герцогиня де Шуазель и Фернейскій патріархъ. Т. XXXVI, 739, 740.
- Модестовъ**, В. И. профессоръ. *Отзывъ* Луи Леже о его книгѣ „О Германіи“. Т. XXXV, 762. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: О Франціи. Т. XXXVI, 439, 440.
- Мозеръ**, Гансъ. *Замѣтка* о переводѣ его „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго. Т. XXXVI, 236.
- Молвятиновъ**, Яковъ, московскій гонецъ къ римскому папѣ, т. XXXV, 601.
- Молчановы:**
— Александръ Никол. *Статьи и очерки его*: Современная Персія; т. XXXV, 186—214, 461—479. Польская утопія XIX вѣка. Очеркъ изъ современной исторіи. Т. XXXVII, 168—181.
— Вас. Фрол. *Целобитная* его 1637 года о возвратѣ изъ ссылки за падучую болѣзнь. Т. XXXVII, 212.
- Мольменти**. *Замѣтка* о изслѣдованіи его о венеціанскихъ догарессахъ. Т. XXXVIII, 674.
- Мональдески**, итальянскій марьяизъ, фаворитъ Христіны шведской, т. XXXVII, 380—382.
- Монастыревъ**, поручикъ, участника амурскаго похода, т. XXXVI, 648.
- Мордовцевъ**, Дан. Лук., писатель. *Библиографическая замѣтка* о его Историческихъ пропискахъ. Т. XXXVI, 223—225.
- Морель**, Шарль. *Замѣтки* о его статьяхъ: „Разоблаченный Бисмаркъ“. Т. XXXVII, 206. „Господа англичане, помните первое“. Т. XXXVII, 441, 442.
- Морни**, гр. Шарль-Огюстъ-Луи-Жозефъ, французскій сенаторъ, посланникъ въ Петербургъ, т. XXXVIII, 189.
- Морфиль**, В. Р. *Замѣтка* о его разборѣ соч. болгарскаго экономиста Гершова. Т. XXXVIII, 671, 672.
- Мочаловъ**, Стенанъ, отецъ трагика, т. XXXVI, 606.
- Мочульскій**, В., авторъ изслѣдованія: Стихъ о голубиной книгѣ, т. XXXVIII, 457.
- Мравинскій**, военный инженеръ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.
- Мстиславскіе:**
— Ив. Ѳеодор., московскій бояринъ, т. XXXV, 604.
— Купчикъ-театраль, т. XXXV, 39, 40.
- Муравьевъ**, гр. Мих. Никол., виленскій генераль-губернаторъ, т. XXXV, 697; т. XXXVII, 285—288, 290, 292, 293.
- Муравьевъ-Амурскій**, гр. Никол. Никол., ген.-адъютантъ, ген.-губернаторъ Восточной Сибири, впослѣд. членъ государств. совѣта. Первый амурскій походъ его. Т. XXXVI, 642—652. *Упомян.* т. XXXVI, 473—477.
- Муравьевъ-Апостоль**, Ив. Мих., дитераторъ, т. XXXV, 647.
- Муравьевъ - Нарскій**, Никол. Никол., генераль-адъютантъ, кавказскій наместникъ, т. XXXV, 456; т. XXXVI, 697.
- Муромцовы:**
— Тимоѳей Фроловъ, литавристъ при московскомъ театрѣ. Похожденія его. Т. XXXV, 633—638.
— Фролъ, актеръ домашняго театра Д. Е. Столыпина, т. XXXV, 635, 637.
- Мусинъ-Пушкины:**
— Графъ, масонъ, т. XXXV, 178, 179.
— М. Н., попечитель Петербургскаго учебнаго округа, т. XXXV, 417, 418, 423.
- Мухлинскій**, профессоръ Петербургскаго университета, т. XXXV, 419.
- Мышинъ**, Ипполитъ, политическій преступникъ, покушавшійся на освобожденіе Чернышевскаго, т. XXXVIII, 646.
- Мякотинъ**, В. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. IV. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Т. XXXVIII, 410—413. Е. Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ (Опытъ историко-библиографическаго обзора). Т. XXXVIII, 655—657.
- Масоѣдовъ**, стрѣлечкій голова, т. XXXV, 587.
- Мякинъ**, Иванъ, крестьянинъ-матросъ, пробывшій годъ на Новой Землѣ, т. XXXVI, 117—151.
- де - **Мюссе**, Альфредъ, французскій поэтъ т. XXXVII, 639.

Н.

Нагая, Марія Ѳеодоровна, пятая супруга Ивана Грознаго, т. XXXV, 603, 604.

Надеждины:

— Иванъ, священникъ с. Нижняго-Бѣломуга, Рязан. губ., отецъ писателя, т. XXXVIII, 314.

- Никол. Ив., профессоръ, критикъ, предшественникъ и учитель Бѣлинскаго. *Статья объ немъ*. Т. XXXVII, 307—330, 499—527.
- Наибъ-Султанъ** (Амир-и-Рабира), сынъ персидскаго шаха Насръ-Эдина, т. XXXV, 200, 201.
- Наполеонъ:**
- I французскій императоръ, т. XXXV, 79—82.
- III, французскій императоръ. *Замѣтка* о книгѣ: Секретъ императора, Луи Тувенеля. Т. XXXVI, 737, 738. *Упомин.* т. XXXVIII, 169, 170, 178—185, 191.
- Французскій принцъ, т. XXXVIII, 188, 189.
- Нарышкинъ, А. Л.**, главный директоръ театровъ, т. XXXV, 353—355; т. XXXVI, 96, 100; т. XXXVIII, 344—347.
- Насръ-Эдинъ**, шахъ персидскій, т. XXXV, 186—203, 208.
- Наталья Алексѣевна**, царица, т. XXXVI, 601.
- Наумовичъ, Іоаннъ**, протоіерей. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковію западно-русскихъ униатовъ. Историческій очеркъ. Т. XXXVII, 187, 188.
- Нащокинъ, Пав. Войновъ**, т. XXXVI, 675.
- Неваховичъ:**
- Издатель карикатурнаго листка „Ералашъ“, т. XXXV, 42, 43.
- Танцовщица. См. Смирнова.
- Театральный чиновникъ, т. XXXV, 42, 43.
- Невельскій**, капитанъ 1 ранга, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 644—647.
- Невѣдомскій, В. Н.** *Библиографическая замѣтка* о переводѣ его: Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма, т. II. Т. XXXV, 480—488.
- Невѣтровъ, Яннуарій Мих.**, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, т. XXXVI, 159.
- Незеленовъ, А. И.**, профессоръ. *Статья* его: Новые отрывки и варианты сочиненій Пушкина. Т. XXXV, 674—692. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Т. XXXVI, 429—431.
- Ней, Наполеонъ.** *Замѣтка* о соч. его: *Asie centrale, à la vapeur*. Т. XXXVI, 453.
- Неплюдовъ**, чиновникъ особ. поруч. при главн. управленія Вост. Сибири, т. XXXVI, 256.
- Непрасовъ, Никол. Алексѣевъ**, поэтъ. *Замѣтка* объ изданіи его стихотвореній на французскомъ языкѣ. Т. XXXVII, 437, 438. *Упомин.* т. XXXV, 322—324, 568—570, 572, 576; т. XXXVI, 35—42, 48—54, 255, 276—279, 282, 285—289, 291—301, 536—538, 540, 543, 552—559; т. XXXVII, 26—32, 35—45, 48, 247—257, 260—263, 265, 478, 481—489, 495—498; т. XXXVIII, 264—266.
- Неофитъ** (Докучаевъ), архангельскій и холмогорскій епископъ, т. XXXVI, 174, 175.
- Неплюевъ, Ив. Ив.**, командиръ Оренбургской экспедиціи. *Библиографическая замѣтка* о соч. Витевскаго: И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. первый. Т. XXXVIII, 212—215.
- Нероновъ, Никол. Ив.**, педагогъ, библиографъ. *Некрологъ* его. Т. XXXVI, 749.
- Нессельроде**, гр. Людв. Арс., рожд. гр. Закраевская, т. XXXV, 454.
- Нечаевъ, Юрій**, охранявшій Псково-Печерскій монастырь отъ поляковъ, т. XXXV, 587.
- Никаноръ**, архіепископъ херсонскій и одесскій, т. XXXVIII, 428.
- Никитенно, Александръ Вас.**, профессоръ Петербургскаго университета, т. XXXV, 419, 420; т. XXXVI, 41; т. XXXVII, 344, 345.
- Николай Николаевичъ Старшій**, великій князь, т. XXXVI, 363, 364.
- Николай I Павловичъ**, императоръ. *Статьи*: Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. Т. XXXVI, 152—159. Воспоминаніе объ немъ Д. А. Роштейна. Т. XXXVI, 356—364. *Упомин.* т. XXXV, 47, 51, 52, 54, 55, 72, 87, 96—101, 164, 237, 663, 692; т. XXXVI, 543, 725—727, 747; т. XXXVIII, 81, 123, 125, 359, 510—512, 550, 568, 570, 573, 574, 590.
- Новицкая, танцовщица.** См. Дюръ.

О.

- Оболенскій**, князь, лейтенантъ фрегата Діана, т. XXXVI, 648, 649.
- Оболянинновъ, Петръ Хрисанфовъ**, жоковскій губернский предводитель дворянства, т. XXXV, 666, 667.
- О-въ, С. И.** *Сообщилъ* Воспоминанія объ архіерейскихъ посѣщеніяхъ села Николаевской Тумы, Рязанской губерніи. Т. XXXVII, 445—448.
- Огаревы:**
- Русскій эмигрантъ, т. XXXV, 546, 552, 554, 575, т. XXXVII, 253—257.

-- Жена предыдущаго, т. XXXV, 313, 314, 552, 553; т. XXXVII, 253—255.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья его:* Остатки „знамена“ XVII вѣка. Т. XXXVIII, 135—149. *Сообщилъ:* Царскую грамоту объ алмазѣ, испорченномъ философскою наукою, 1636 г., и челобитная доктора Венделина Иванова Сибилиста, 1641 г., Авдрея Борецкаго, 1631 года, и Василия Фролова Молчанова, 1637 года. Т. XXXVII, 210—212.

Одоевскіе, князья:

— А. И., писатель, т. XXXVIII, 358, 359.

— Вл. Фед., сенаторъ, писатель, т. XXXV, 312, 569, 574, 672; т. XXXVI, 284; т. XXXVIII, 298—301.

Олеарій, Адамъ (Эльшлегеръ), математикъ герцога голштейнъ-готторпскаго, посолъ въ Россію, т. XXXV, 75, 76.

Оленинъ, Алексій Никол., директоръ Публичной бібліотеки и президентъ Академіи Художествъ, т. XXXVIII, 78.

Олсуфьевы:

— А. В., предсѣдатель театральнаго комитета, т. XXXVII, 555.

— Вас. Дмитр., гофмаршалъ, т. XXXV, 91.

Опочининъ, Евг. Никол. *Статья его:* За кулисами стараго театра. Т. XXXV, 348—379, 633—644; т. XXXVI, 92—116, 340—355, 597—623; т. XXXVII, 80—84, 296—306; т. XXXVIII, 533—558.

Ординъ, гофмейстеръ, т. XXXVIII, 456.

Орловскіе:

— Александр. Осип., живописецъ, т. XXXVI, 480.

— В. Д., художникъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ въ честь его двадцатипятилѣтней дѣятельности альбомѣ его картинъ. Т. XXXVI, 225, 226.

Орловы:

— Александр. Петр., директоръ Казанскаго реальнаго училища, дѣятель науки. *Некрологъ его.* Т. XXXVI, 752.

— Кп. Алексій Федор., генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ, т. XXXV, 93; т. XXXVI, 279.

Осоининъ, Н. А., профессоръ Казанскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Исторія среднихъ вѣковъ.* Университетскія чтенія. Томъ второй. 2 части (XIII столѣтіе). Т. XXXVIII, 408—410.

Островскій, Александр. Никол., драматургъ. *Замѣтка* о книгѣ Дюранъ Гревилля: *Chefs d'oeuvre dramatiques*

d'Ostrowsky. Т. XXXVII, 203, 204. *Упомян.* т. XXXV, 58; т. XXXVI, 540—543; т. XXXVII, 46.

Остроменцій, полякъ, устроитель демонстрацій, т. XXXVII, 66.

Остроумовъ, І. А., священникъ Рязанской епархіи, т. XXXVII, 447.

Очеретькова, Ел. Мех. *Замѣтка* о найденной на ея землѣ скифской жертвенной чашѣ. Т. XXXV, 720—722.

Очинъ-Плещеевъ, Никита Ив., полководецъ, т. XXXV, 579.

II.

Павелъ І Петровичъ, императоръ, т. XXXV, 649—652; т. XXXVIII, 452, 504.

Павленковъ, Л. Н. *Статья его:* Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1888 году. Т. XXXVI, 481—512.

Павлова, Каролина Павлов., т. XXXV, 561, 565.

Павловскій, Аркадій Ильичъ, преподаватель Смольнаго Александровскаго института. *Некрологъ его.* Т. XXXVIII, 460.

Пажесь, Эмиль. *Замѣтка* о переводѣ его „Въ чемъ моя жизнь“. гр. Л. Н. Толстого. Т. XXXV, 502, 503.

Паисій (Самоковскій), монахъ, авторъ книги: *Исторія славяно-болгарска о народахъ и о царѣхъ и о святыхъ болгарскихъ,* т. XXXV, 702.

Палень, гр., военный губернаторъ, т. XXXV, 649, 650.

Палень, Г. *Замѣтка* о соч. его: *Посольство Талейрана въ Лондонъ въ 1792 году.* Т. XXXVII, 207, 208.

Пальниковъ, старшій надзиратель театральнаго училища, т. XXXVI, 110.

Панаевы:

— А. Я., рожд. Брянская. См. Головачева.

— Владим. Ив., директоръ канцеляріи министерства двора, писатель, т. XXXV, 304; т. XXXVI, 41, 42; т. XXXVIII, 369.

— Ив. Ив., писатель. *Статья* по поводу полнаго собранія сочиненій его: *Фельетонный беллетристъ.* Т. XXXVI, 160—173. *Упомян.* т. XXXV, 58, 293—295, 300—304, 306—313, 320, 322, 327, 332, 542, 545—549, 553—553, 560, 563, 564, 566, 568, 569, 573—575; т. XXXVI, 35—41, 43—45, 47—55, 255, 256, 276, 279, 281, 282, 286, 288, 291, 292, 294, 295, 298—300, 532, 537, 541, 544—548, 552—561; т. XXXVII, 33, 35, 37, 38,

43—47, 249, 250, 252—259, 265, 270, 323—325, 475—478, 486; т. XXXVIII, 101, 273, 369.

— Исполнять, т. XXXVI, 278.

Панины:

— Гр. Викторъ Никит., статсъ-секретарь, министр юстиціи, управляющій II отдѣленіемъ собств. Е. И. В. канцелярїи, т. XXXV, 645.

— Гр. Никита Петр., дѣйств. тайн. совѣтникъ, сенаторъ, дѣйствительный камергеръ. *Статья объ немъ.* Т. XXXV, 645—660.

— Ив. Ив., думный дворянинъ, нижегородскій воевода, т. XXXVI, 705.

— Полковникъ († 1768 г.). *Замѣтка* о перенесеніи праха его изъ Кракова въ Россію. Т. XXXVI, 466.

Паниратьевъ, воспитанникъ театральнаго училища, т. XXXVI, 101.

Пасковичъ:

— Елизав. Алексѣев., рожд. Грибоѣдова, т. XXXV, 297, 298.

— Свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, Ив. Фодор., генераль-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. XXXV, 92, 95, 696.

Пассеиъ:

— Вас. Богданов., вице-консулъ въ Рагузѣ. *Некрологъ его.* Т. XXXV, 780.

— Татьяна Петр., писательница и издательница журнала „Игрушечка“. *Некрологъ ея.* Т. XXXVI, 468, 469.

Пастуховъ, Л. Н. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: *Исторія города Ярославля*, сост. К. Д. Головщиковъ. Т. XXXVIII, 428, 429.

Патановъ, Кероузъ Петр., профессоръ Петербургскаго университета. *Некрологъ его.* Т. XXXVI, 748.

Паулуччи, Филиппъ, Маркизь, лифляндскій и курляндскій генераль-губернаторъ, т. XXXV, 176.

Пахманъ, С. В., сенаторъ. *Замѣтка* о дѣятельности состоящей подъ его предѣдательствомъ комиссіи собиранія народныхъ обычаевъ. Т. XXXVI, 746.

Пашкевичъ, Григорій, распространитель газетной „авизіи“, т. XXXVII, 582.

Пашовы:

— Исполнять Александр., сотрудникъ многихъ повременныхъ изданій. *Некрологъ его.* Т. XXXVIII, 460.

— Московскій домовладѣлецъ, основатель частнаго театра, т. XXXVI, 605.

— Алексѣй, актеръ, т. XXXVIII, 547, 548.

Пелевинъ, штабсъ-капитанъ, ротный

командиръ оренбургскихъ войскъ, т. XXXVIII, 597, 598, 602, 603.

Первольфъ, профессоръ Варшавскаго университета. Огъвъ французской критики о соч. его: *Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи.* Т. XXXV, 502.

Перепелицынъ, П. Д. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней.* Т. XXXVI, 440—443.

Перовскій, Вас. Алексѣев., генераль-адъютантъ, оренбургскій ген.-губернаторъ, т. XXXVIII, 587, 588, 591—595, 602—606.

Персидскій, Петръ, онъ же Цыганъ, дворовый чловѣкъ А. И. Безобразова, извѣтчикъ XVI вѣка, т. XXXVI, 702, 703.

Персини, Жанъ Жильбертъ-Викторъ Фіалевъ, герцогъ, французскій министръ внутр. дѣлъ, послѣд. посланикъ въ Лондонъ, т. XXXVIII, 190.

Песоцкій, И. П., издатель „Литературной Газеты“, т. XXXV, 330; т. XXXVIII, 93.

Петерсенъ, Владим. Карл. *Библиографическія замѣтки его:* Н. И. Гродековъ. *Хивинскій походъ 1873 года.* Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Изданіе второе. Т. XXXV, 495, 496. Развитие постоянныхъ регулярныхъ арій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго. Генеральнаго штаба генераль-майора Пузыревскаго. Т. XXXVII, 193, 194. Кубанское казачье войско. 1696—1888 года. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ. Ф. А. Щербина, подъ редакцію Е. Д. Фелицына. Т. XXXVII, 433, 434.

Петровский - Ситняновичъ (Полоцкій), іеромонахъ. См. Симеонъ Полоцкій.

Петровы:

— А. *Замѣтка* о корреспонденціи его о гр. Д. А. Толстомъ. Т. XXXVII, 206.

— М. *Замѣтка* о ст. его: *Настоящее положеніе инцидента въ Сагалло и отвѣтственность за него.* Т. XXXVI, 452.

— Никол. Ив., профессоръ Кіевской духовной академіи. *Библиографическія замѣтки его:* *Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ.* Сочиненіе П. Д. Брянцева. Т. XXXVII, 415—417. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды, съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями. М. Едлинскаго. Т. XXXVIII, 201, 202. Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795. Къ столбѣію завоеванія Хаджибея. Составилъ В. А. Яковлевъ. Т. XXXVIII, 426—428.

- Н. П., генераль-лейтенантъ, профессоръ, т. XXXVIII, 455, 456.
- Осипъ Аванас., пѣвецъ-актеръ, т. XXXV, 46, 366, 367.
- Петръ I Алексѣевичъ**, императоръ. *Замѣтка* о сочиненіи Е. Шмурло: Петръ Великій въ русской литературѣ. Т. XXXVIII, 655—657. *Упомян.* т. XXXV, 71, 73, 74, 76—78; т. XXXVI, 598, 599, 601, 713; т. XXXVII, 335—337; т. XXXVIII, 639.
- Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій**, принцъ. *Замѣтка* объ открытіи памятника ему въ Петербургѣ. Т. XXXVII, 450, 451.
- Пешель**, генеральская дочь. пионерка театральнаго партера, т. XXXV, 504, 505.
- Пивовъ**, русскій посолъ въ Польшу, т. XXXV, 316.
- Пилавскій**, ссыльный полякъ, т. XXXVIII, 585.
- Пироговъ**, Никол. Ив., тайн. сов., профессоръ медико-хирург. академіи, вице-слѣд. попечитель Кіевского учебнаго округа, т. XXXV, 431, 432.
- Писаревъ**, А. А., членъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, т. XXXVII, 144, 146, 147.
- Писемскіе:**
- Алексій Теофилакт., писатель. *Биографія* его. Т. XXXVIII, 276—295. *Отзывъ* о сочин. Виктора Дереля: „Le réalisme dans le théâtre russe, Alexis Pissanski“. Т. XXXV, 503, 504. *Упомян.* т. XXXVI, 45—47.
- Дьякъ, посолъ въ Лондонъ, т. XXXVIII, 282.
- Екат. Павл., супруга писателя, т. XXXVIII, 287.
- Мать писателя, рожд. Шипова, т. XXXVIII, 284, 286.
- Посолъ въ Польшу, т. XXXV, 346.
- Святой уженскій. См. Макарій.
- Федоръ, т. XXXV, 603, 604.
- Теофилактъ Гавр., ветлужскій городничій, т. XXXVIII, 283, 284, 286.
- Пій IX**, римскій папа, т. XXXVIII, 123, 124.
- Петровскій**, сотрудникъ „Современника“, т. XXXVII, 40, 41.
- Платоновъ**, авторъ соч. Литературные памятники смутнаго времени, т. XXXVIII, 457.
- Платонъ** (Никол. Ив. Горолепскій), митрополитъ кievскій, т. XXXVII, 342, 343.
- Плево**, Адамъ Граг., наставникъ О. О. Миллера и А. О. Гильфердинга, т. XXXVII, 343.
- Плетневъ**, профессоръ Петербургскаго университета, писатель, т. XXXV, 419, 420; т. XXXVIII, 360, 369.
- Плещеевъ**, писатель. т. XXXVI, 279.
- Пнинъ**, Иванъ Петр., писатель. *Статья* объ немъ. Т. XXXVI, 140—160.
- Погодинъ**, Мих. Петр., историкъ, профессоръ Московскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи о его жизни и трудахъ, Николая Барсукова. Книга вторая. Т. XXXVI, 220, 221. *Упомян.* т. XXXVII, 55.
- Позень**, Л. В. *Замѣтка* о выставленномъ имъ на XVII передвижной выставкѣ скульптурномъ произведеніи. Т. XXXVI, 419—426.
- Полевые:**
- Ксенофонтъ Алексѣев., писатель, т. XXXV, 661, 664—668, 671; т. XXXVII, 504, 505, 508.
- Никол. Алексѣев., писатель и журналистъ, т. XXXV, 662, 663, 667, 668, 671; т. XXXVII, 310—314, 322, 505, 506.
- Петръ Никол. *Историческіе рассказы* его: Типы смутнаго времени. I. Божій воинъ. Т. XXXV, 395—412. II. Рязный итмичинъ. Т. XXXVI, 322—339. III. Поль-богатырь. Т. XXXVIII, 512—532. *Статьи* его: Убѣгающій князь. Скульптура Л. В. Позена. По поводу историческаго жанра на XVII передвижной выставкѣ. Т. XXXVI, 419—426. А. О. Писемскій, по его собственнымъ автобиографическимъ замѣткамъ. Т. XXXVIII, 276—295. Ляписолѣтніе русской артиллеріи. Т. XXXVIII, 636—643. *Библиографическія замѣтки* его: Митрополитъ Евгений, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Е. Шмурло. Т. XXXV, 222, 223. Сургбій Атава (С. Н. Терпигоревъ). Потревоженные тѣни. Т. XXXV, 230, 231. Соморохи на Руси. Исслѣдованіе А. С. Фаминцина. Т. XXXV, 499. С. С. Трубочевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820—1880. Т. XXXV, 756—758. Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. XXXVI, 214—220. Очерки по исторіи древнерусскаго зодчества. Академика архитектуры В. В. Сулова. Съ 16-ю таблицами и 21 рис. въ текстѣ. Материалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. В. В. Сулова. Съ 4 таблицами. Т. XXXVII, 403—411. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ мини-

- стерства юстиціи. Книга шестая. Т. XXXVII, 418—420. Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Съ 145-ю рисунками въ текстъ. (Изданіе второе). Русскія древности въ памятникахъ искусства и т. д. Выпускъ второй. Древности Скифо-Сарматскія. Съ 147-ю рисунками въ текстъ. Т. XXXVIII, 404—407. Лѣтопись Московской Троицкой, „что въ Поляхъ“ церкви. Съ двумя фасадами церквей: Троицкой и Успенской и съ двумя планами; составленныя священникомъ оной церкви Николаемъ Соловьевымъ. Т. XXXVIII, 659, 660. Сенатскій архивъ. Томъ второй. Журналы и опредѣленія Правительствующаго сената. Т. XXXVIII, 661. Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1888—1889). Т. VII. Изданіе пятое, дополненное, въ семи томахъ, съ портретомъ автора. Т. XXXVIII, 663—664.
- Полежаевъ, А. И.**, поэтъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ собраніи стихотвореній его. Т. XXXVI, 435—437.
- Полторацкій, Владим. Алексѣев.**, генераль-майоръ. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 239, 240.
- Поль, Александр. Никол.**, собиратель вѣжно-русскихъ древностей, т. XXXV, 720—722.
- Полянский:**
— Актриса, т. XXXVII, 562.
— Софья Григ., по второму мужу Рехневская. См. Мей.
- Померанцева, актриса**, т. XXXVII, 566.
- Поповы:**
— А. Н. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Первая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназій. Севастополь и его окрестности—Инкерманъ, Херсонесъ, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Малаховъ курганъ, Братское кладбище. Т. XXXVIII, 433, 434.
— Архіепископъ рязанскій. См. Ирнархъ.
— Д. П., библиотекарь Публичной библиотеки, т. XXXVIII, 296.
— О. Ив., ориенталистъ, т. XXXVIII, 304.
- Попугаевъ, В. В.**, членъ общества любителей словесности, наукъ и художествъ, т. XXXVII, 142.
- Посевинъ, Антоній**, иезуитъ, папскій посолъ въ Москву, т. XXXV, 589—592, 594, 595, 597—601; т. XXXVI, 317, 318.
- Постниковъ, Н. М.**, московскій купецъ. *Библиографическая замѣтка* о его каталогѣ христіанскихъ древностей. Т. XXXV, 233, 234.
- Потемкинъ - Таврическій**, свѣтлѣйшій князь Григ. Александр., генераль-фельдмаршалъ, новороссійскій генераль-губернаторъ. *Эпизодъ* изъ его жизни. Т. XXXVII, 633, 684. *Уломи*. т. XXXVII, 272; т. XXXVIII, 502.
- Потто, Вас. Александр.** *Статья его*: Сельные поляки въ Оренбургѣ. Т. XXXVIII, 584—606.
- Праць**, петербургскій типографъ, т. XXXVI, 288, 289.
- Пржевальскій, Никол. Мих.**, знаменитый русскій путешественникъ. *Замѣтка* о памятникѣ на его могилѣ. Т. XXXV, 772, 773. *Уломи*. т. XXXV, 509; т. XXXVII, 218, 219.
- Прозоровскій**, кн. Д. А., курскій губернаторъ, т. XXXVII, 448.
- Протопоповъ, Алексѣй Егор.**, подбиблиотекарь Публичной библиотеки. т. XXXVIII, 77.
- Пругавинъ, Викторъ.** *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей. Т. XXXV, 225—227.
- Прусовъ, Емельянъ**, театральнй пѣвецъ, т. XXXVI, 619, 621—623.
- Пугачевъ, Емельянъ**, бунтовщикъ, Лже-Петръ III. О поясъ его; т. XXXV, 253.
- Пузыревскій, А. К.**, генеральнаго штаба генераль-майоръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго. Т. XXXVII, 193, 194.
- Пургасъ**, мордовскій князь, т. XXXVII, 598.
- Пустошкинъ-Борцкій, И.**, актеръ, т. XXXVIII, 544—546.
- Пучковъ**, офицеръ Карабинернаго полка, т. XXXVI, 101, 102.
- Пушкины:**
— Александръ Серг., поэтъ. *Новые отрывки* и варианты его сочиненій. Т. XXXV, 674—692. *Речь*, читанная А. И. Кирпичниковымъ при открытіи памятника въ Одесѣ. Т. XXXVI, 624—641. *Замѣтка* о памятникѣ въ Одесѣ. Т. XXXVI, 743—745. *Библиографическая замѣтка*: Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820—1880. Т. XXXV, 756—758. *Уломи*. т. XXXV, 45; т. XXXVI, 236, 536—540; т. XXXVII, 215, 501—505, 519, 520, 522—524; т. XXXVIII, 48, 50, 60—62, 65—67, 363, 567.

- Евстафій Мих., посоль въ Польшу, т. XXXV, 346.
- Нат. Някол., рожд. Гончарова, супруга поэта, по второму браку Ланская, т. XXXVI, 539.
- Пыляевъ, М. И., писатель. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Т. XXXVIII, 430, 431.
- Пѣтуховъ, Евг. Вячесл. *Статья* его: Иванъ Петровичъ Пнинъ и его „Вопль невинности, отвергаемой законами“. Т. XXXVIII, 140—160. *Библиографическія замѣтки* его: Каталогъ христіанскихъ древностей, собранныхъ московскимъ купцомъ Н. М. Постниковымъ. Съ 45-ю рисунками-фотогравюрами. Т. XXXV, 233. 234. Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. О. И. Роговой. Съ девятью хромофотографіями и съ другими рисунками по акварелямъ академика М. О. Микѣшина. Т. XXXV, 491, 492. Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Т. XXXV, 752—754. А. Незденевъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Т. XXXVI, 429—431. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. I. Т. XXXVII, 182—185. *Сообщилъ* замѣтку: изъ исторіи одного литературнаго общества. Т. XXXVII, 213—215.
- Пятибиковъ, Іоаннъ, священникъ Могилевскаго полка. *Подвигъ* его. Т. XXXV, 87—92, 520.
- Пятновскій, А. П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографія и критическія статьи. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Т. XXXVI, 221—223.
- Пятницкій, Някол. Мих., писатель. *Некрологъ* его. Т. XXXVI, 467.
- Радивиль:**
- Альбрехтъ, надворный литовскій маршалокъ, т. XXXV, 591.
- Кристофъ, польскій полководецъ, т. XXXV, 587.
- Радищевъ, Александръ Някол., писатель. *Къ биографіи* его. Т. XXXV, 244—246.
- Раевская, Софья Алексѣев., жена герцога 1812 года, т. XXXVI, 179, 180.
- Разградскій, мячманъ, участникъ амурской экспедиціи, т. XXXVI, 646, 647.
- Разумовскіе:**
- Дмитр. Вячеславов., протоіерей, профессоръ Московской консерваторіи. *Некрологъ* его. Т. XXXV, 778.
- Русскій графскій родъ, т. XXXV, 654.
- Рашбо, *Библиографическая замѣтка* о соч. его: „Французы и русскіе. Москва и Севастополь“. Т. XXXV, 238, 239.
- Рахмановъ, актеръ, инспекторъ театральной школы, т. XXXVI, 103—105.
- Рашель, Элиза-Феликсъ, французская трагическая актриса, т. XXXVIII, 172—174, 191.
- Реадъ, Няк. Андр., генераль-отъ-кавалеріи, начальникъ Кавказскаго корпуса, т. XXXVI, 696.
- Рейнахъ, Іосифъ. *Замѣтка* о его обзорѣ историческихъ сочиненій и монографій. Т. XXXVII, 675, 676.
- Рейнбогъ, Федоръ Антонов., чиновникъ особыхъ поруч. при министрѣ финансовъ, писатель въ области техники. *Некрологъ* его. Т. XXXVI, 252.
- Рейнъ, военный инженеръ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.
- Рейхель, бутофоръ, т. XXXVII, 83.
- Ренанъ, Эрнестъ-Жозефъ, французскій филологъ и историкъ. *Замѣтка* о его Исторіи израильскаго народа, т. второй. Т. XXXV, 766, 767.
- Ренненшампфъ:**
- Н. К., профессоръ университета св. Владиміра. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Юридическая энциклопедія. Т. XXXVII, 199.
- Пав. Яковлев., баронъ, т. XXXVIII, 54.
- Репнины, князья:**
- Няк. Вас., генераль-фельдмаршалъ, русскій посоль въ Варшавѣ, а потомъ Берлинѣ, т. XXXV, 659, т. XXXVII, 141.
- Петръ Ів., т. XXXVII, 141.
- Реутъ, генераль, управлявшій гражданскою частію на Кавказѣ, т. XXXVI, 696.
- Рехневская, Софья Григ., рожд. Полянская. См. Мей.
- Ржаницынъ, архіепископъ рязанскій. См. Алексій.
- Ризеншампфъ, Астафій Григ., дѣйствит. ст. сов., управляющій нѣмецкимъ театромъ, т. XXXVIII, 543.
- Ришелье, Арманъ-Эмануель, герцогъ, одесскій генераль-губернаторъ, вnosлѣд. французскій министръ и перъ, т. XXXVI, 629, 630.
- Ріаньо. *Замѣтка* о его обзорѣ испанской литературы въ „Атенеумѣ“. Т. XXXVII, 226, 227.
- Робертъ-Яновъ (Романъ Елизаровичъ), врачъ-англичанинъ въ Москвѣ, т. XXXV, 603, 604.

- Робинсонъ, Мери** (Дармстегеръ), английская поэтесса. *Замѣтка* о соч. ея: Конецъ среднихъ вѣковъ. Т. XXXVIII, 446.
- Робушъ, Мих. Соломон.** *Статья* его: Годъ на Новой Землѣ. Т. XXXVI, 117—151.
- Ровинскій, Дмитр. Александр.,** тайный совѣтникъ, сенаторъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Т. XXXVI, 210—214.
- Рогова, О. И.** *Библиографическая замѣтка* о соч. ея: Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. Т. XXXV, 491, 492.
- Розенгеймъ, М. П.,** генераль-маіоръ, поэтъ. *Библиографическая замѣтка* о первомъ посмертномъ изданіи стихотвореній его. Т. XXXV, 496, 497.
- Розз,** актеръ французской труппы въ Москвѣ, т. XXXV, 642, 643.
- Ропита, Иванъ,** чехъ, священникъ секты чешскихъ братьевъ, т. XXXV, 598.
- Роллеръ,** декораторъ петербургскихъ театровъ, т. XXXV, 60, 61.
- Романовъ-Юрѣвъ, Никита Ив.,** бояринъ, т. XXXVI, 601.
- Ромеръ, Северинъ,** польскій повстанецъ, т. XXXVII, 64.
- Рославецъ,** смоленскій губернаторъ, т. XXXVIII, 572.
- Ростиславовъ, Іоаннъ Март.,** священникъ села Николаевской Тумы, Рязанской губ., т. XXXVII, 445, 446.
- Ростопчинъ, гр. Ѳеодоръ Вас.,** московскій генераль-губернаторъ. *Библиографическая замѣтка* о новомъ, библиографическомъ изданіи его афишъ 1812 года; т. XXXV, 215—217, 648, 649.
- Ротъ,** генераль, комендантъ Гифлиса, т. XXXVI, 696.
- Роштейнъ:**
— Аполлонъ А, т. XXXVI, 357—364.
— Д. А. *Воспоминаніе* его объ императорѣ Николаѣ I. Т. XXXVI, 356—364.
- Рудзевичъ, Александръ Яков.,** генераль-отъ-инфантеріи. *Историческая справка* о немъ. Т. XXXVIII, 683—693. *Упомянутъ*. Т. XXXVIII, 56, 57.
- Рудольфъ II,** германскій императоръ, т. XXXV, 588, 589.
- Рузъ,** французскій министръ, т. XXXVIII, 191.
- Рылева, жена генераль-маіора,** растовщица, т. XXXV, 373, 374, 377, 378.
- Рѣдникъ, Пегръ Григ.,** профессоръ Московскаго, а потомъ Петербургскаго университета. *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ лекціяхъ его по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. XXXVIII, 436—438. *Упомянутъ*. т. XXXV, 562, 565.
- Рѣпина,** артистка московскаго театра, т. XXXV, 293.
- Рѣпининъ,** смоленскій генераль-губернаторъ, т. XXXVIII, 569.
- Рѣшетниковъ,** писатель, т. XXXVIII, 263—272.
- Рюбль, баронъ.** *Замѣтка* по поводу статьи его о договорѣ въ Като-Камбрези, 1559 года. Т. XXXVIII, 446, 447.
- Рябининъ, Д. Д.** *Статья* его: Александръ Ардаліоновичъ Шишковъ 2-й. Т. XXXVIII, 42—69.
- Рязанцевъ, В. И.,** комикъ, т. XXXVII, 574, 575.

С.

Сабурова, Евдокія, первая супруга паревича Ивана Ивановича, т. XXXV, 602.

Савельевы:

— А. И. *Замѣтка* его: Нѣсколько неразрѣшенныхъ историко-географическихъ вопросовъ. Т. XXXVII, 161—167.

— Конст. Яков., кавалеристъ, т. XXXV, 453, 454.

Садовъ, А. И. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Религіозный скептицизмъ въ Римѣ передъ Рождествомъ Христовымъ. Т. XXXVII, 421—422.

Садынь, султанъ. *Библиографическая замѣтка* о біографическомъ очеркѣ объ немъ. Т. XXXVIII, 206, 208.

Сазоновы:

— Г. П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственнo-экономической программой. Т. XXXVIII, 194—201.

— Русскій помѣщикъ въ Парижѣ, т. XXXV, 555.

Саліась-де-Турнемиръ, гр. Ев. Андреев. *Историческій романъ* его: Аракчевскій подкидышъ. Т. XXXV, 7—29, 265—290, 521—504; т. XXXVI, 5—33, 257—275, 513—530; т. XXXVII, 5—25, 225—245, 457—474; т. XXXVIII, 5—21, 243—262.

Салтыковы:

— Кн. Вѣра Ѳеодоровъ, т. XXXVI, 617.

— Кн. Петръ Дмитр., штабсъ-ротмистръ, т. XXXVI, 617.

— (Щедринъ), Мих. Евгр., писатель. *Некрологъ* его. Т. XXXVI, 741, 752.

Статья о литературной дѣятельности его. Т. XXXVII, 119—133. *Отзывъ* „Атенеума“ о его произведеніяхъ. Т.

XXXVIII, 221, 222. *Упомят.* т. XXXVIII, 272—275.

Самаринъ, Северьянъ, музыкантъ московскаго театра, т. XXXVI, 608—610.

Самборовичъ, Иванъ, распространитель газетной „авизин“, т. XXXVII, 584.

Самойловы:

— Вас. Вас., актеръ, т. XXXV, 50.

— Вас. Мих., пѣвецъ, т. XXXV, 53.

— Вѣра Вас., актриса, т. XXXV, 51, 52.

— Данилъ, послѣдній пугачевецъ. *Замѣтка* объ немъ. Т. XXXVII, 688, 689.

— Марья Вас., актриса, т. XXXV, 51.

— Надеж. Вас., актриса, т. XXXV, 51.

Самонвасовъ, профессоръ Варшавскаго университета. *Замѣтка* о произведенныхъ имъ раскопкахъ близъ г. Роменъ. Т. XXXV, 512, 513.

Самдуновы:

— Елизав. Семен., рожд. Ѳеодорова, переименованная въ Уранову, артистка. *Биографія* ея. Т. XXXVII, 556—576; т. XXXVIII, 342—355.

— Никол. Моисеев., грузинскій помещикъ, т. XXXVII, 550.

— Никол. Никол., профессоръ Московскаго университета, т. XXXVII, 550, 576.

— Сила Никол., актеръ. *Биографія* его. Т. XXXVII, 550—576; т. XXXVIII, 342—355.

Салуновъ, Алексѣй Порфирьев. *Библиографическая замѣтка* о его Витебской Старинѣ; томъ V; матеріалы для исторіи Полоцкій епархіи; часть I. Т. XXXV, 754—756.

Сахаровъ, Владиміръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси. Т. XXXVII, 434, 435.

Свербѣевъ, чиновникъ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.

Свиньинъ, издатель, т. XXXVIII, 368, 369.

Свистовскій, учитель театральной школы, т. XXXVI, 111.

Сгибневъ, мичманъ, завѣдывавшій постройкой парохода „Аргунь“, т. XXXV, 642, 644.

Сиддурханъ, касимовскій царевичъ, т. XXXVIII, 121.

Селивановъ, А. Ѳ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Биографіи. Т. XXXVI, 437—439.

Сельванъ, генералъ, т. XXXV, 92—96.

Сельдерещій, псевдонимъ генерала Э.,

напечатавшаго за границей обличительную брошюру, т. XXXV, 459.

Семевскій, В. И., докторъ исторіи, т. XXXVIII, 457.

Семеновы:

— Екатер. Семен., (княг. Гагарина), трагическая актриса, т. XXXV, 34, 35; т. XXXVIII, 352.

— Нимфодора Семен., актриса, т. XXXV, 35; т. XXXVIII, 352, 353.

— Никол. Петр., тайн. совѣт., сенаторъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Т. XXXVII, 413—415.

— П. Н. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его, составленной по матеріаламъ И. И. Баранова: *Биографическіе очерки сенаторовъ*. Т. XXXVIII, 438, 439.

Сениговъ, І. П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева. Т. XXXVI, 716—721.

Сенновскій, Осипъ Ів., профессоръ Петербургскаго университета, писатель и критикъ (баронъ Брайбеусъ), т. XXXVIII, 360, 372.

Сентинелли, графъ, фаворитъ Христины шведской, т. XXXVII, 380—382.

Сентсбери. *Библиографическая замѣтка* о соч. его. Исторія литературы временъ Елисаветы. Т. XXXV, 242, 243.

Сервиловъ, Григорій, копіистъ нотной канторы, т. XXXVI, 613, 614.

Серчевскій, Е. Н., педагогъ и писатель, т. XXXVI, 690, 691.

Сибилістъ, Венделенъ Ивановъ, докторъ. *Челобитная* его 1641 года. Т. XXXVII, 211.

Сигизмундъ II Августъ, король польскій, т. XXXV, 334—336.

Силинъ, Дмитрій, польскій выходецъ, ворожей, т. XXXVI, 714, 715.

Симашно, Юліанъ Ів., педагогъ и писатель. *Замѣтка* о 50-лѣтніи его дѣятельности. Т. XXXV, 513, 514.

Симеонъ Полоцкій (Петровскій Ситяновичъ, іеромонахъ), просвѣщенный дѣятель XVII вѣка, т. XXXV, 752, 753.

Сиротининъ, А. Н. *Статья* его: Самдуновы, очеркъ изъ исторіи русскаго театра. Т. XXXVII, 550—576. *Библиографическая замѣтка* его: Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Д. Перепелицына. Т. XXXVI. 440—443.

Сицкій, князь, русскій посолъ въ Польшу, т. XXXV, 346.

- Сиворцовъ, Ив. Никол.**, гродненскій губернаторъ, т. XXXVII, 290.
- Снобелевъ, Мих. Дмитр.**, генераль-ахьюгантъ, генераль-отъ-кавалеріи, т. XXXVII, 95, 96.
- Снопинъ-Шуйскій, кн. Вас. Ѳеодор.**, воевода, т. XXXV, 579.
- Сноробогатовы:**
— Кирилъ, отставной фигурантъ, т. XXXVIII, 541, 542.
— Павелъ, воспитанникъ театрального училища, т. XXXVIII, 538—542.
- Славскій. Замѣтка** его о романѣ: Разведенная царица: первая жена Петра Великаго. Т. XXXVIII, 670.
- Славутинскій, С. Т. Статья** его: Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣдняго польскаго мѣтежа. Отрывокъ изъ воспоминаній. Т. XXXVII, 53—79, 271—295.
- Слонимскій, Л. И. Библиографическая замѣтка** о соч. его: Основные вопросы политики. Т. XXXVII, 671—673.
- Слѣпцовъ В. А.**, писатель, т. XXXVIII, 22—41.
- Смайльсъ, Самуэль. Библиографическая замѣтка** о соч. его: Жизнь и трудъ или характеристика людей промышленности. Т. XXXV, 242.
- Смарагдъ, (Крыжановскій), архіепископъ рязанскій**, т. XXXVII, 446, 447.
- Смирдинъ, Александръ. Филипов.**, книгопродавецъ-издатель, т. XXXVI, 539.
- Смирновы:**
— Е. Т. *Библиографическая замѣтка* о его изданіи: Султаны Кенисара и Садыкъ. Біографическіе очерки султана Ахмета Кенисарина. Т. XXXVIII, 206—208.
— (Неваховичъ), танцовщица, т. XXXV, 42, 43.
— Сергій Конст., протоіерей, ректоръ Московской духовн. академіи. *Некрологъ* его. Т. XXXVI, 252. *Учено-литературные труды* его. Т. XXXVII, 365—371.
— Флегонтъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историческое описаніе съ тремя рисунками. Т. XXXVI, 232, 233.
- Собольщниковъ, Вас. Ив.**, старшій бібліотекаръ и архитекторъ Императорской Публичной бібліотеки. *Воспоминанія* его. Т. XXXVIII, 70—92, 296—315.
- Собѣсскіе, потомки польскаго короля Яна III**, т. XXXVII, 386—402.
- Созоновичъ, И. Библиографическія замѣтки** о соч. его: Изученіе ново-греческой народнои поэзіи. Т. XXXVII, 198.
199. Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. Т. XXXVIII, 210—212.
- Сойаръ, доминиканскій монахъ, проповѣдникъ въ Петербургѣ**, т. XXXVIII, 414.
- Соймоновъ, директоръ театра**, т. XXXVII, 557, 558.
- Соновнина, Е. П. Статья** ея: Воспоминанія о Д. Н. Бѣгичевѣ. Т. XXXV, 661—673.
- Соколовы:**
— В. Т. композиторъ, учитель пѣнія. *Воспоминанія* его. Т. XXXVII, 528—549.
— Якозь Яковл., московскій актеръ, пѣвецъ, т. XXXV, 350—355.
- Солдатенновъ, К. Т. Библиографическія замѣтки** объ изданіяхъ его: Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Т. II; т. XXXV, 480—488. Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ Андрея со второго изданія; томы десятый и одиннадцатый. Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторіи Георга Вебера. Составилъ И. Короленко. Т. XXXV, 748—752; т. XXXVII, 185—187. Эмиль де-Лавелъ. Балканскій полуостровъ. Переводъ Н. Е. Васильева. Части I и 2. Т. XXXVII, 658—661.
- Соловая, Параскева**, вторая супруга царевича Ивана Ивановича, т. XXXV, 602.
- Соловьевы:**
— Владим. Серг., писатель, т. XXXVIII, 223.
— Иродіонъ, епископъ. См. Іеремія.
— Николай, священникъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Лѣтопись Московской Троицкой, „что въ Поляхъ“, церкви. Т. XXXVIII, 659, 660.
- Сологубы: графы:**
— Владим. Александр., писатель, т. XXXV, 316, 319—321, 569, 574; т. XXXVI, 695—700.
— Полковникъ владѣлецъ Горьгорѣцкаго имѣнія, т. XXXVI, 614.
- Соневицкій, И. И. Библиографическая замѣтка** о соч. его: Монографія городовъ Сувалкской губерніи, съ свѣдѣніями о посадахъ Олита и Кибарты. Т. XXXVI, 446, 447.
- Сорокины:**
— Г. И., священникъ. *Сообщилъ замѣтку:* Къ исторіи побратимства. Т. XXXV, 783, 784.

- Н. В., профессоръ Казанскаго университета. *Статья о: Природа и человекъ въ Средней Азии*. Т. XXXVI, 562—596; т. XXXVII, 85—118.
- Сосницкій, И. И., актеръ**, т. XXXVIII, 543—546.
- Сперанскій, гр. Мих. Мих.**, государственный секретарь. *Статья объ немъ*. Т. XXXV, 141—164. *Упомят.* т. XXXV, 176.
- Спѣшныя:**
— Н. Н. *Очеркъ его: Батумъ*. Т. XXXVIII, 375—393.
- Писатель, т. XXXVI, 279.
- Срезневскій, Измаилъ Ив.**, тайн. сов., заслуженный профессоръ, академикъ, деканъ и ординарный профессоръ Петербургскаго университета, т. XXXVII, 325.
- Стангопъ, графъ.** *Замѣтка о соч. его: Воспоминанія о бесѣдахъ съ герцогомъ Веллингтономъ въ 1831—1851 гг.*, т. XXXVIII, 447—448.
- Старинскій, Викторъ**, польскій графъ, повстанецъ, т. XXXVII, 64, 68.
- Стариновъ, оренбургскій мѣщанинъ**, сдѣлавшій доносъ на ссыльныхъ поляковъ, т. XXXVIII, 585, 594—596, 602.
- Старчевскій, Альбертъ Викент.**, писатель и журналистъ, т. XXXVIII, 372.
- Стасовы:**
— Вас. Петр., т. XXXVIII, 70.
— Владим. Вас., тайн. совѣт., библиотечаръ Императорской Публичной библиотеки, писатель. *Объясненіе его къ воспоминаніямъ В. И. Соболевскаго*. Т. XXXVIII, 70—73. *Упомят.* т. XXXVII, 351; т. XXXVIII, 307.
- Стащицъ, Станиславъ**, польскій помѣщикъ, педагогъ, ученый и писатель. *Статья объ учрежденномъ имъ Грубешовскомъ Земледѣльческомъ Обществѣ*. Т. XXXVII, 168—181.
- Стедъ, Вильямъ**, редакторъ газеты „Pall Mall“. *Замѣтка о соч. его: Правда о Россіи*. Т. XXXVI, 234, 235.
- Степанова, пѣвица**, т. XXXV, 65, 66.
- Стефанъ Баторій**, король польскій. См. статью: *Иоаннъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію*, т. XXXV, 334—347, 577—606.
- Столыпинъ, Д. Е.**, театраль, т. XXXVI, 605, 609.
- Стороженко, Н. В.** *Библиографическая замѣтка о соч. его: Западно-русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Исслѣдованіе по архивному матеріалу*. Т. XXXVI, 721, 722.
- Стоюнины:**
— Владим. Яков., педагогъ и писатель. *Биографія его*. Т. XXXV, 413—444. *Библиографическій обзоръ трудовъ его*. Т. XXXV, 445—450.
- Марья Никол., рожд. Тихменева, начальница частной гимназіи, т. XXXV, 440, 444.
- Стояновъ, А.** *Замѣтка о: А. Н. Дельсаль*. Т. XXXVI, 478—480.
- Строгоновъ, гр. А. Г.**, новороссійскій генераль-губернаторъ, т. XXXVIII, 130, 131.
- Строевъ, Сергѣй Мих.**, писатель, т. XXXV, 330.
- Стронинъ, Александръ Ив.**, членъ совѣта министра путей сообщенія, писатель. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 252, 253.
- Струмининъ (Куколевскій), Никол. Сергѣев.**, артистъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 467.
- Стрѣльбицыя:**
— Генераль-майоръ. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Исчисленіе поверхности Россійской имперіи въ общемъ ея составѣ въ царствованіе императора Александра II*. Т. XXXVII, 431, 432.
- Иванъ. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Уніатскіе церковныя соборы съ конца XVI вѣка до воссоединенія уніатовъ съ православною церковью*. Т. XXXV, 759.
- Стрѣльцовъ, Алексѣй**, приватъ-доцентъ Московскаго университета. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Врачи у древнихъ римлянъ*. Т. XXXV, 218—222.
- Стюарты**, королевскій домъ въ Англіи, т. XXXVII, 386—402.
- Суворинъ, Алексѣй Серг.** *Библиографическія замѣтки о его изданіяхъ: Ростовчинскія афиши 1812 года*. Т. XXXV, 215—217. *Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова*. Т. XXXV, 223—225. *Стихотворенія А. И. Полежаева съ биографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей, подъ редакціей П. А. Ефремова*. Т. XXXVI, 435—437.
- Суворовъ, Н.**, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Курсъ церковнаго права. Томъ первый*. Т. XXXVIII, 660, 661.
- Сузинъ, Адамъ Доминиковъ**, ссыльный полякъ, т. XXXVIII, 584—588, 590, 596, 597, 605, 606.
- Сумароновъ, Александръ Петр.**, писатель, т. XXXVI, 599; т. XXXVII, 308, 309.
- Суперанскій, В. Ф.** *Библиографическія замѣтки его: Церковная сторона болгарскаго вопроса. Рѣчь И. Е. Троицкаго*. Т.

XXXV, 492—494. Русским ли правительством узаконено иноземное идолопоклонническое ламство въ православной Россіи. Е. Воронца. По поводу ожидаемыхъ церковно-государственныхъ преобразованийъ въ Сибири. Его же. Ламскій вопросъ. Его же. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. Его же. Т. XXXVI, 226—230. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. Дружинина. Т. XXXVI, 723—725. П. Сазоновичъ. Изученіе новогреческой народной поэзіи. Т. XXXVII, 197, 199. А. И. Садовъ. Религіозный скептицизмъ въ Римѣ передъ Рождествомъ Христовымъ. Т. XXXVII, 421, 422. Ѳ. Троицкій. Забытыя и заброшенныя, но крайне необходимыя книги нашей школы, особенно духовной. Т. XXXVII, 669—671. И. Сазоновичъ. Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Пибелунгахъ. Т. XXXVIII, 210—212. Д. О. Шенплингъ. Дохристіанское воззрѣніе человѣка на смерть и загробную жизнь. Т. XXXVIII, 218, 219. Первая учебная экскурсія Симферопольской мужской гимназіи. Севастополь и его окрестности—Инкерманъ, Херсонесъ, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Малаховъ курганъ, Братское кладбище. Отчетъ составилъ по порученію педагогическаго совѣта инспекторъ А. Н. Поповъ, а приложенія рисоваль преподаватель А. А. Архиповъ. Т. XXXVIII, 433, 434. К. Ю. Цируль. Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. Т. XXXVIII, 657—659.

Сусловы:

— В. В., академикъ архитектуры. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: „Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества“ и „Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры“. Т. XXXVII, 403—411.

— Женщина-докторъ, по мужу Эрисманъ, т. XXXVIII, 27.

Сухомлиновъ, Мих. Ів., академикъ, заслуженный профессоръ Петербургскаго университета. *Сообщилъ* замѣтку: Къ біографіи А. Н. Радищева. Т. XXXV, 244—246. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Томъ первый. Т. XXXV, 223—225. Томъ второй. Т. XXXVI, 427—429.

Сухопрудскій, А., стат. совѣтникъ, помощникъ управ. москов. театра по хозяйств. части, т. XXXV, 633—638, 641; т. XXXVIII, 342—346.

Сухтеленъ, графъ, оренбургскій гене-

раль-губернаторъ, т. XXXVIII, 589, 590, 592, 599, 600.

Сырцовъ, И. Я. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи. Т. XXXVIII, 664, 665.

Сычевскій, чиновникъ, участникъ амурскаго похода, т. XXXVI, 643.

Сѣмашко, митрополитъ литовскій. См. Иосифъ.

Сѣровъ, Александръ. Пикол., композиторъ, т. XXXVII, 530—533.

Сѣ—скій, офицеръ генеральнаго штаба, полякъ, повстанецъ, т. XXXVII, 489, 490.

Т.

де-Талейранъ, Шарль-Морисъ, гр. Перигоръ, кн. Дино, отенскій епископъ, французскій министръ иностр. дѣлъ. *Замѣтки*: о соч. Паллена: Посольство Талейрана въ Лондонъ въ 1792 году. Т. XXXVII, 207, 208. О его письмахъ къ Наполеону. Т. XXXVII, 208.

Таліони, Марія, танцовщица, т. XXXV, 62.

Танновъ, А. А. *Замѣтки* его: Нелѣпные толки. Т. XXXV, 246, 247. Грузинская царица и мѣдныя деньги. Т. XXXVII, 448.

Тарасовъ, кавказскій штабъ-офицеръ, т. XXXVIII, 507.

Татищевы:

— Вас. Никит., историкъ, т. XXXVI, 716—721.

— С. С. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Императоръ Николай и иностранные дворы. Историческіе очерки. Т. XXXVI, 725—727.

Таубе, Іоганъ, ливонскій плѣнный дворянинъ, т. XXXV, 337.

Твардовская, Екатерина. См. Шяшкова. Теленіусъ, титул. сов., театральннй приказно-служитель, т. XXXVII, 298, 299, 302.

Теофилъ, петербургскій актеръ французской труппы, т. XXXV, 368—371, 373.

Тепловы:

— В. А. *Изъ путевыхъ записокъ* его: Побѣда въ Сарды. Т. XXXVIII, 607—635. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Т. XXXVIII, 199—201. *Возраженіе* его рецензенту. Т. XXXVIII, 451—463. *Отвѣтъ* на это возраженіе. Т. XXXVIII, 693—696.

Теребеневъ, Иванъ, членъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, т. XXXVII, 146, 147.

Терновскій, Андрей, распространитель газетной „авизин“, т. XXXVII, 582, 583.

Терпигоревъ, Сергѣй Никол. (Сергѣй Атава). *Статья его*: Потревоженные тѣни, изъ одной семейной хроникки. Т. XXXV, 607—632; т. XXXVI, 56—91; т. XXXVIII, 467—499. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Потревоженные тѣни. Т. XXXV, 230, 231.

Тилло, Эдуардъ Ив., инженеръ-генералъ, председатель морскаго строят. комитета. По поводу 50 лѣтняго юбилея его. Т. XXXV, 251, 252.

Тимозевъ, Сергѣй Пав. *Статья его*: Столѣтіе журнальной дѣятельности Крылова. Т. XXXVI, 365—383.

Тистровъ, театральн. машинистъ, т. XXXV, 360, 361.

Титовы:

— Андрей Александр. *Статья его*: Нижегородскій епископъ Иереміа. Т. XXXVII, 588—601. *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ подъ его редакціей Кунгурскихъ актахъ XVII вѣка (1668—1699 г.). Т. XXXVII, 428, 429.

— Никол. Алексѣевъ, композиторъ, т. XXXVII, 528—530.

Титусъ, танцмейстеръ, т. XXXV, 61—63.

Тихменова, Марья Никол. См. Стоюнина.

Тицъ, П., писатель (Незвановъ), т. XXXV, 435, 436.

Тишина-Васильевъ, подьячій, гонецъ къ римскому папѣ, т. XXXV, 601.

Токмановъ, И. Ѳ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Краткій обзоръ матеріаловъ по исторіи пчеловодства по документамъ московскихъ архивовъ, съ приложеніемъ литературы по пчеловодству съ 1741—1888 г. Т. XXXVII, 663—665.

Толстые, графы:

— Алексѣй Констант., писатель. *Замѣтки*: о переводѣ трилогіи его на французскій языкъ. С. XXXVI, 735. О мнѣніи его сочиненія „Власть и свобода“. Т. XXXVII, 439, 440.

— Дмитр. Андреев., президентъ Академіи Наукъ, министръ внутр. дѣлъ. *Ученые труды его*. Т. XXXVI, 653—659. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 750, 751. *Упомин.* т. XXXVII, 206; т. XXXVIII, 130, 131.

— Ив. Ив. *Библиографическая замѣтка* о его изданіяхъ: Русскія древ-

ности въ памятникахъ искусства. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Изданіе второе. Выпускъ второй. Древности Скифо-Сарматскія. Т. XXXVIII, 404—407.

— Левъ Никол., писатель. *Отзывы* французской, нѣмецкой и англійской печати о его сочиненіяхъ. Т. XXXV, 502, 503, 763, 764; т. XXXVI, 235, 236, 733, 734. *Упомин.* т. XXXVI, 299, 560, 561.

— Ѳ. П., т. XXXV, 172.

Толь, писатель, т. XXXVI, 279.

Траугутъ, начальникъ варшавскаго польскаго жюда, т. XXXVII, 64.

Трауфеттеръ, Рудольфъ Эрнстов., директоръ ботаническаго сада въ Петербургѣ, писатель. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 253, 254.

Трачевскій, Александр. Семенов., докторъ всеобщей исторіи, профессоръ Новороссійскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Учебникъ исторіи. Новая исторія, ч. I. (1500—1750). Т. XXXV, 488—490.

Трегубовъ, Никол. Андреев., офицеръ Егерскаго полка, т. XXXVII, 453.

Троцкіе:

— Вѣра, псевдонимъ писательницы. См. Шмигъ.

— И. Е., профессоръ Петербургскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о его рѣчи: Церковная сторона болгарскаго вопроса. Т. XXXV, 492—494.

— Чиновникъ м. вн. дѣлъ. цензоръ, т. XXXVII, 33.

— Ѳ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Забытыя и заброшенныя, но крайне необходимыя книги нашей школы, особенно духовной. Т. XXXVII, 669—671.

Троцкинскіе:

— Анна Матв., рожд. Косляровская, бабка Н. В. Гоголя, т. XXXV, 124.

— Дмитр. Прокоф., министръ юстиціи вполнѣд. полтавскій губернскій маршалъ, дѣдъ Н. В. Гоголя, т. XXXV, 126—132, 159; т. XXXVI, 662—677.

Трубачевъ, Серг. Семен. *Статьи его*: Фельетонный беллетристъ. По поводу полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева. Т. XXXVI, 160—173. Литературная дѣятельность М. Е. Салтыкова (Щедрина). Т. XXXVII, 119—139. Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго. Т. XXXVII, 307—330, 499—527. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820—1880. Т. XXXV, 756—758. *Библиографическая замѣтка его*: Ростопчинскія афиши 1812 года.

- Библиографическое издание въ 300 экземплярахъ. Изданіе С. А. Суворина. Т. XXXV, 215—217. Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова. Томъ первый. Т. XXXV, 223—225. Томъ второй. Т. XXXVI, 423—429. М. П. Розенгеймъ. Стихотворенія. Изданіе четвертое, дополненное (первое посмертное). Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Въ двухъ томахъ. Т. XXXV, 496, 497. Изъ истории нашего литературнаго общественнаго развитія. Монографія и критическія статьи А. П. Пятковского. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненіе изданіе. Т. XXXVI, 221—223. Стихотворенія А. И. Полежаева съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изданіе А. С. Суворина, подъ редакціей П. А. Ефремова. Т. XXXVI, 435—437. Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1886 годъ. Т. XXXVI, 444—446. Донъ-Жуанъ Байрона. Переводъ П. А. Козлова. Въ двухъ томахъ. Т. XXXVII, 192, 193. М. М. Филипповъ. Осажденный Севастополь. Историческій романъ съ рисунками К. О. Брожа. Т. XXXVII, 422, 423. Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать пятая. Письма графа А. Х. Бенкендорфа и С. Н. Марина. Т. XXXVIII, 422—424. Стрѣлы. Стихотворенія В. П. Буренина. Изданіе второе, дополненное новыми стихотвореніями. Т. XXXVIII, 424—426. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. М. И. Пылева. Т. XXXVIII, 430—431. Историко-статистическій указатель города Пскова. Составлялъ И. И. Васильевъ. Изданіе Псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Т. XXXVIII, 432. Изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Два тома. Т. XXXVIII, 436—438. *Возраженіе его рецензенту на его книгу: Пушкинъ въ русской критикѣ.* Т. XXXVIII, 463, 464.
- Труворовъ**, Аскалонъ Никол. *Статья его: Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII вѣка.* Т. XXXVI, 701—715.
- Трушковскій**, И. П., племянникъ Н. В. Гоголя, т. XXXV, 388.
- Тувень**, Луи. *Замѣтка о книгѣ его: Секретъ императора.* Т. XXXVI, 737, 738.
- Тургеневъ**, Ив. Серг., писатель, т. XXXV, 320—322, 542—544, 547—549, 569—573; т. XXXVI, 43, 45—50, 254—288, 291—295, 298—300, 531—537, 540—543, 560, 561; т. XXXVII, 27—31, 33—35, 43—45, 48—50, 246—253, 479—489.
- Турнеръ**, Чарльсъ, лекторъ Петербургскаго университета. *Замѣтка о соч. его: Графъ Толстой какъ новеллистъ и мыслитель.* Т. XXXV, 502, 503.
- Тызенгаузъ**, гр. Антоизъ, подскарбій литовскій, т. XXXVII, 60—62.
- Тюанъ**. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Джентиле Беллини и Магометъ II.* Т. XXXV, 243.
- Тюра**, искусный бильярдный игрокъ, т. XXXV, 37, 38.
- Тютчевъ**, Никол. Никол., литераторъ, т. XXXVI, 531—535.
- Тюфинимъ**, кн. П. И., гофмейстеръ, директоръ театровъ, т. XXXV, 57; т. XXXVI, 340—346, 349—352, 354, 608; т. XXXVII, 296, 297, 300—306; т. XXXVIII, 350—354.
- Тяжельниковъ**, И. И., генералъ-лейтенантъ. *Сообщилъ поправку къ воспоминаніямъ Харламова.* Т. XXXV, 520.

У.

- Уваровъ**, гр. Сергій Семен., дѣйств. тайн. совѣтникъ, членъ госуд. совѣта, министръ народн. просвѣщенія, т. XXXVIII, 645.
- Угровецкій**, Юрій, начальникъ польской артиллеріи, т. XXXV, 682.
- Урасовъ**, Андрей, актеръ у инспектора Московскаго театральнаго училища, т. XXXV, 636.
- Ульрихъ**, *Замѣтка о соч. его: Recherches historiques sur l'etymologie du titre imperial russe de tsar.* Т. XXXVII, 204, 205.
- Умный-Колычевъ**, Ѳедоръ Ив., бояринъ, т. XXXV, 335, 336.
- Унтермаршъ**, И. Н., антрепренеръ русскихъ рожечниковъ, т. XXXVI, 617, 618.
- Уранова**, Елизаб. Семен., рожд. Ѳедорова, артистка. См. Сандунова.
- Урусовъ**, князь, инженерный прапорщикъ, заговорщикъ, т. XXXVIII, 603.
- Успеніе:**
— Г. И. *Библиографическая замѣтка объ изданномъ опытѣ объяснительнаго изложенія его сочиненій, Ореста Миллера.* Т. XXXVII, 199, 200. *Отзывъ „Атенеума“ о его произведеніяхъ Т., XXXVIII, 222.*
— Никол. Вас., писатель. *Некрологъ его.* Т. XXXVIII, 681, 682.
- Устряловъ**, Никол. Герас., профессоръ историкъ, т. XXXV, 419.
- Ушановы:**
— Андрей Ив., генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, начальникъ

тайной розыскной канцелярии, т. XXXVII, 337, 579.

— Генералъ-лейтенантъ, командующій отрядомъ въ Измаилѣ, т. XXXV, 87, 89, 90.

— Капитанъ-лейтенантъ гвардейскаго экипажа, т. XXXVII, 81.

Ф.

Фалейцкій, Аркадій Никол., полковникъ генеральнаго штаба, сотрудникъ „Военнаго Сборника“ и „Русскаго Инвалида“. *Некрологъ его*. Т. XXXVI, 748.

Фамининъ, А. С. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Скоморохи на Руси. Т. XXXV, 499.

Фаренсбахъ, датчанинъ, полковникъ сначала московской, а потомъ польской службы, т. XXXV, 577, 578.

Фаресовъ, А. И. *Статья его*: Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Т. XXXVIII, 644—651. *Библиографическая замѣтка его*: Революціонный анабаптизмъ. А. Михайлова. Т. XXXV, 217, 218.

Фаустъ, храбрый охотникъ при штурмѣ г. Ташкента, т. XXXVI, 567.

Федоровъ, И. Ф. *Статья его*: Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. Т. XXXVI, 152—159.

Федченко, Ольга Александр., рожд. Армфельдъ, писательница и путешественница. *Замѣтка* о 25 лѣтней ученой дѣятельности ея. Т. XXXV, 771, 772.

Фелицынъ, Е. Д. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей сборникѣ: Кубанское казачье войско. 1696—1888 г. Т. XXXVII, 433, 434.

Фетъ (Шеншинъ), Аван., Аван., поэтъ. *Замѣтка* по поводу 50-лѣтней дѣятельности его. Т. XXXV, 770, 771. *Упомянутъ*. Т. XXXVI, 293, 294; т. XXXVII, 27.

Физилье, „профессоръ французской грамматики“, повѣренный актрисы Эммы Корнеттъ, т. XXXV, 374—377.

Филаретъ (Вас. Мих. Дроздовъ), митрополитъ московскій и коломенскій, т. XXXV, 702, 703, т. XXXVIII, 414.

Филипповы:

— Авторъ статьи: „La réconciliation polono-russe“. *Замѣтка* объ этомъ сочиненіи. Т. XXXVIII, 444, 445.

— М. М. *Статья его*: Лейбъ-философъ князя Бисмарка. По поводу книги Эдуарда фонъ-Гартманна: Zwei Jahrzehnte Deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage. Т. XXXVI, 384—398. *Библиографическая замѣтка его*:

Учебникъ исторіи проф. А. Трачевскаго. Новая исторія, ч. I. (1500—1750). Т. XXXV, 488—490. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Осажденный Севастополь. Историческій романъ съ рисунками К. О. Брожа. Т. XXXVII, 422, 423.

Филиппъ:

— (Колчезъ), московскій митрополитъ, т. XXXVI, 315, 316.

— Актеръ московской французской труппы, т. XXXV, 642, 643.

Филиппевъ, Вас. Лук., педагогъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 695.

Филисъ-Андріе, французская актриса, т. XXXVII, 569, 570.

Фирсовъ, Никол. Никол. *Замѣтка его*: Попытка герцога Савойскаго вѣнчаться королемъ Болгаріи, Сербіи, Герцоговины, Босніи и Македоніи. Т. XXXV, 180—185.

фонъ-Фитингофъ, Юліанна. См. Крюднеръ. Фюравенти, Аристокель знаменитый зодчій и литейщикъ, т. XXXVIII, 637.

Флоринскій, Т. Д., профессоръ, т. XXXVIII, 456.

Фогель, начальникъ секретной полиціи въ Петербургѣ, т. XXXV, 172.

Фонвизинъ Денисъ Ив., писатель. *Замѣтка* объ изданныхъ письмахъ его къ сестрѣ въ переводѣ на французскій языкъ. Т. XXXVII, 204.

Фразеръ, Вильямъ. *Замѣтка* о соч. его: Нѣсколько словъ о Веллингтонѣ. Т. XXXVIII, 447, 448.

Фредеринсъ, баронъ Александр., Александров., плоцкій, а потомъ тамбовскій губернаторъ. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 682, 683.

Фрейгангъ, Андрей Ив., цензоръ т. XXXVIII, 98.

Фрейтагъ, Густавъ, романистъ и публицистъ. *Замѣтка* о соч. его: Наслѣдникъ принца и германская императорская корона. Т. XXXVIII, 672.

Френкель, Артуръ. *Замѣтка* о его книгѣ Восточный сосѣдъ. Т. XXXVI, 735.

Фридрихъ III, германскій императоръ, т. XXXVIII, 672.

Фридрихъ-Вильгельмъ:

— II, прусскій король, т. XXXV, 74.

— III, бранденбургскій курфюрстъ, т. XXXV, 71, 73.

Фриеръ, французъ, ростовщикъ, г. XXXV, 373, 378.

Фурьеръ, Абабъ. *Замѣтка* о соч. его: Заимствованія Гомера изъ книги Юдиновъ. Т. XXXVIII, 445, 446.

Хаджи Муратъ, аварскій хавъ, т. XXXV, 455.

- Харламовъ, Александръ Семен. Отрывки изъ воспоминаній его.** Т. XXXV, 86—105. *Поправка* къ нимъ. Т. XXXV, 520.
- Хворостининъ, кн. Андрей Ив.,** окольный и воевода, т. XXXV, 579, 582.
- Хвостовы:**
— Гр. Д. И., поэтъ, т. XXXVI, 180—182.
— Никита, московскій воинъ XVI в., т. XXXV, 586.
- Хвоцинскіе:**
— Дмитрій Кесаревичъ, отецъ писательницы, т. XXXVIII, 99.
— Надежда Дмитр., по мужу Заіончковская, писательница (В. Крестовскій). *Некрологъ ея.* Т. XXXVII, 455. *Воспоминанія объ ней.* Т. XXXVIII, 93—108.
— Кесарь Дмитр., братъ писательницы, т. XXXVIII, 99.
— Софья Дмитр., писательница (Весењевъ), т. XXXVIII, 102.
- Хенеръ, Помпейо,** испанскій писатель. *Мягкіе его* о произведеніяхъ русскихъ писателей. Т. XXXVI, 237, 238.
- Херасковъ, Мих. Матв.,** дѣйств. тайн. совѣтникъ, кураторъ Московскаго университета, поэтъ, мистикъ и масонъ, т. XXXVII, 213.
- Хлоповъ, канцеляристъ,** переряженный театральнѣй портной, т. XXXVI, 98—101.
- Хмельницкіе:**
— Богданъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ, т. XXXVII, 451.
— Ив. Парѣнов., докторъ философіи, т. XXXVIII, 561.
— Никол. Ив., смоленскій, а потомъ архангельскій губернаторъ, драматическій писатель. *Биографія его.* Т. XXXVIII, 559—583.
- Хмыровъ, Мих. Дмитр.,** писатель, т. XXXVIII, 371.
- Ховгордъ, А.,** лейтенантъ датскаго королевскаго флота, командиръ „Димфна“, т. XXXVI, 147.
- Ходзьно, кавказскій полковникъ,** т. XXXVI, 696, 697.
- Ходневичи:**
— Гетманъ литовскій, т. XXXV, 336.
— Графъ, воляндскій помѣщикъ, ссыльный полякъ въ Оренбургъ, т. XXXVIII, 591, 592, 601, 602.
- Хомяковъ, А. С.,** писатель, славянофилъ, т. XXXV, 574.
- Храповичій, директоръ** російской труппы, т. XXXV, 360; т. XXXVII, 557, 558.
- Христина, королева шведская. Статья** объ ней. Т. XXXVII, 372—385.
- Хрущовы:**
— Александръ, русскій болгарскій сынъ XVI вѣка, т. XXXV, 594.
— Д. П., директоръ департамента духов. дѣлъ иностр. исповѣданій, впоследствии товарищъ министра госуд. имуществъ, т. XXXVIII, 131.
- Цабель, Евгений. Замѣтка** о составленной имъ біографіи Ф. М. Достоевскаго. Т. XXXVII, 204.
- Цвѣтаевъ, Ив. Владим. Библиографическая замѣтка** его: Врачи у древнихъ римлянъ. Эпиграфическіе очерки Алексѣя Стрѣльцова, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. Т. XXXV, 218—222.
- Циммерманъ, Робертъ. Замѣтка** о его обзорѣ германской литературы. Т. XXXVII, 679, 680.
- Циціановъ, князь, Пав. Дм.,** генералъ-отъ инфантерій, т. XXXVIII, 506—508.
- Цируль, К. Ю. Библиографическая замѣтка** о соч. его: Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. Т. XXXVIII, 657—659.
- Чайчиковъ, Павелъ,** воспитанникъ театрального училища, т. XXXVIII, 537, 538.
- Ч—въ, убійца Н—ва и А. А. Шишкова,** т. XXXVIII, 64, 65.
- Чепцовъ, Якимъ,** дворовый человѣкъ А. И. Безобразова, извѣтчикъ XVI вѣка, т. XXXVI, 702, 703.
- Червинскій, П. П.,** завѣдующій статистическими работами Черниговскаго земства. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Томъ XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ, съ четырьмя литографированными картами и приложеніемъ переписи 1883 г. и Румянцевской переписи 1767 г. Т. XXXVII, 197, 198.
- Черниковъ, Андрей,** театральнѣй музыкантъ, т. XXXVI, 619—621; т. XXXVIII, 534—536.
- Черницкая, А. М. Статья** ея: Отношенія Гоголя къ матери. Т. XXXVI, 660—678. *Замѣтка* В. И. Шенрока по поводу этой статьи. Т. XXXVIII, 683—688.
- Черновы:**
— А., сотрудникъ „Nouvelle Revue“. *Замѣтки* о его статьяхъ и изданіяхъ: „Русская идея и панславизмъ“ и „Солидарность франко-русскихъ интересовъ на крайнемъ востоку“. Т. XXXVI, 451, 452. „Политическая роль литературы въ Россіи“. Т. XXXVII, 205, 206. „Русскій литературный портретъ, г. Констан-

- тинъ Леонтьевъ⁴. Т. XXXVII, 440, 441.
- Объ университетскомъ преподаваніи въ Россіи⁴. Т. XXXVIII, 443, 444.
- (Дурова), Надежда Андреев. См. Александрова.
- Чернышевскій**, Никол. Гавр., писатель. *Некрологъ его*. Т. XXXVIII, 644—651.
- Чернышовецъ**, графъ:
- Военный мѣнѣистръ, т. XXXVIII, 509, 510.
- Дѣйств. тайн. совѣтникъ, оберъ-шенкъ, т. XXXVI, 610.
- Чеховъ**, Андрей, дятейщикъ, творецъ царь-пушки, т. XXXVIII, 637.
- Чирикова**, Екатер. Никол. См. Миллеръ.
- Чистовичъ**, Иллр. Алексѣев., тайн. совѣтникъ, членъ совѣта мин. народн. просвѣщенія, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ. *Библиографическія замѣтки* о соч. его: Пятидесятилѣтіе (1839—1889) воссоединенія съ православною церковію западно-русскихъ униатовъ. Обзоръ событій воссоединенія въ царствованіе Николая I. Т. XXXVII, 187, 188. С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.). Т. XXXVIII, 413—416.
- Чуйно**, В. В. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей переводѣ Исторіи философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени, Д. Г. Льюиса. Т. XXXVII, 411—413.
- Чюминъ**, Константинъ, березовскій служилый человекъ, проявившій „сыскъ“ въ 1640 году, т. XXXVIII, 138—147.
- Шайнока**, славистъ, писатель. *Очеркъ его*: Внука Яна Собѣскаго. Т. XXXVII, 386—402.
- Шанловитый**, Фодоръ, окольный, начальникъ Стрѣлецкаго приказа, т. XXXVI, 701, 702, 713, 714.
- Шариновъ**, Ив. Селиновъ, театральн. музыкантъ, т. XXXVI, 614.
- Шатилловъ**, т. XXXV, 664.
- де-Шатобрианъ**, Францъ-Огюстъ, виконтъ, французскій писатель, т. XXXVII, 633, 634.
- Шаховской**, кн. Александръ Александр., директоръ театровъ, писатель, томъ XXXV, 34; т. XXXVI, 352.
- Шейхъ-Недчинъ-Эдъ-Эдинъ-Аббуль-Гасемъ-Дняферъ-Ибнъ-Али-Ягуа**, составитель персидскаго кодекса, т. XXXV, 212.
- Шелеховъ**, танцоръ, т. XXXV, 60.
- Шельтингъ**, Дарья Алексѣев. См. Пашкова.
- Шемаевъ**, актеръ, т. XXXVII, 83.
- Шенрокъ**, Владим. Ив. *Статья его*: Родители Гоголя. Т. XXXV, 119—140, 380—394. *Замѣтки его*: Къ воспоминаніямъ А. Я. Головачевой. Т. XXXVI, 477, 478. Еще объ оглошняхъ Гоголя къ матеря (по поводу статьи А. М. Черяницкой). Т. XXXVIII, 683—688.
- Шеншинъ**, Аван. Аван., поэтъ. См. Фетъ.
- Шеллингъ**, Д. О. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Дохристіанское возрѣніе человека на смерть и загробную жизнь. Т. XXXVIII, 218, 219.
- Шервашадзе**, кн. Михаилъ, генераль-адъютантъ, т. XXXV, 457.
- Шереметевы**:
- Русскій графскій родъ, т. XXXV, 654.
- Елена Ивановна, третья супруга царевича Ивана Ивановича, впослѣд. внокиня Леонида, т. XXXV, 602, 603.
- Киевскій губернаторъ, т. XXXVII, 579.
- Шериданъ**, генераль. *Замѣтка* о его мемуарахъ. Т. XXXVI, 240.
- Шестаковъ**, Ив. Алексѣев., адмираль, ген.-адъют., управляющій морск. министерствомъ. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 259, 260.
- Шешновскій**, Степ. Ив., начальникъ тайной экспедиціи. *Замѣтка* къ портрету его. Т. XXXVI, 256.
- Шипова**, мать А. Ф. Писемскаго. См. Писемскіе.
- Ширяевъ**, книгопродавецъ и типографчикъ, т. XXXV, 663.
- Шишковы**:
- Александръ Ардаліонов., писатель. *Биографія его*. Т. XXXVIII, 42—69.
- Александръ Семен., адмираль, министръ народн. просвѣщ., членъ госуд. совѣта, т. XXXVIII, 44—48, 50, 51, 60.
- Владим. Ардаліонов., т. XXXVIII, 44, 59, 60.
- Дарья Алексѣев., рожд. Шельтингъ, супруга А. С. Пашкова, т. XXXVIII, 46, 46, 50, 62.
- Екатерина, рожд. Твардовская, т. XXXVIII, 55, 65, 66, 67.
- Шлиппенбахъ**, генераль-лейтенантъ, директоръ Перваго кадетскаго корпуса, т. XXXVI, 362, 363, 692.
- Шлякинъ**, И. А., приватъ-доцентъ Петербургскаго университета. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей полномъ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова. Т. XXXVIII, 419—422.
- Шмитъ**, Пина Никол., рожд. Ахвердова, писательница (Вѣра Троицкая). *Некрологъ ея*. Т. XXXVII, 456.
- Шмурло**, Е. *Библиографическія за-*

- мѣтки* о соч. его: Митрополитъ Евгений, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804; т. XXXV, 222, 223. Петръ Великій въ русской литературѣ. Опытъ историко-библиографическаго обзора. Т. XXXVIII, 655 — 657. *Упомян.* Т. XXXVIII, 457.
- Шнейдеръ:**
— Опереточная пѣвица, т. XXXV, 197.
— Писатель. *Замѣтка* о соч. его, объ императорѣ Вильгельмѣ I. Т. XXXV, 765, 766.
- Шодорди**, графъ. *Замѣтка* о его книгѣ: Франція въ 1889 году. Т. XXXVI, 454.
- Шольцъ**, Августъ. *Библиографическая замѣтка* о составленной ямъ биографіи Ѳ. М. Достоевскаго. Т. XXXVI, 449, 450.
- Шороховъ**, подпоручикъ, участникъ штурма г. Ташкента, т. XXXVI, 566, 567.
- Шостанъ**, Марья Ильин. См. Косыровская.
- Шотенъ**, начальникъ отдѣленія театральной конторы, т. XXXVI, 111, 112, 114.
- Шпейеръ**, Ив. Абрамовъ, гродненскій губернаторъ, т. XXXVII, 65—68.
- Штанельбергъ**, графъ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ, т. XXXV, 80, 81.
де-Шуазель, Луиза-Онорина Кроза дю Шатель, герцогиня. *Замѣтка* о вышедшей объ ней книгѣ. Т. XXXVI, 739, 740.
- Шубинскій**, Серг. Никол., редакторъ „Историческаго Вѣстника“. *Библиографическая замѣтка* его: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. Ровинскій. Т. XXXVI, 210—214.
- Шуваловы**, графы:
— И. И., генераль-фельдцейхмейстеръ, т. XXXVIII, 640, 641.
— Пав. Андреев., посолъ въ Вѣнѣ, т. XXXV, 80.
— Петръ Андреев., шефъ жандармовъ, воеводѣ, посолъ въ Лондонѣ. *Некрологъ* его. Т. XXXVI, 467, 468.
- Шуйскіе**, князья:
— Вас. Ив. См. Василій Ивановичъ.
— Ив. Петр., воевода, защитникъ Пскова, т. XXXV, 579, 582, 583, 591, 592, 594, 604.
- Шумскій**, артистъ, т. XXXV, 299.
- Шушеринъ**, актеръ, т. XXXVII, 552.
- Щедрины:**
— А. Ѳ., архитекторъ, т. XXXVIII, 85.
— Псевдонимъ писателя. См. Салтыковъ.
- Щелкаловы**, Андрей и Василій, думные дьяки, т. XXXV, 605.
- Щепининъ**, Мих. Семен., артистъ московской драматической труппы. *Замѣтка* о его портретахъ. Т. XXXV, 264, 299, 300, 310, 575; т. XXXVI, 35, 39. *Упомян.* Т. XXXVI, 542; т. XXXVIII, 548, 549.
- Щербановъ**, театральннй канцеляристъ, т. XXXVIII, 534—536.
- Щербанъ**, Н. *Сообщилъ* историческую справку: А. Я. Рудзевичъ. Т. XXXVIII, 688—693.
- Щербатовъ**, кн., попечитель Петербургскаго учебнаго округа, т. XXXVII, 47.
- Щербачовъ**, Иванъ, ворожей, т. XXXVI, 703, 708—713.
- Щербина:**
— Никол. Ѳедор., поэтъ, т. XXXVI, 44, 45.
— Ф. А. *Библиографическая замѣтка* о его сборникѣ: Кубанское казачье войско. 1696—1888 г. Т. XXXVII, 433.
- Эварницкій**, Д. И., археологъ. *Замѣтки* его: Скифская жертвенная чаша. Т. XXXV, 720—722. О раскопкахъ его въ м. Котовкѣ, Екатеринослав. губ. Т. XXXVIII, 239. Гдѣ дѣвались заповоржскіе войсковые клейноды. Т. XXXVIII, 394—403.
- Энкъ**, Ник. Влад. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Опытъ обработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Разсужденіе, представленное для полученія степени доктора медицины. Т. XXXV, 234.
- Эльменрейхъ**, Іоганъ, инспекторъ нѣмецкой труппы въ Петербургѣ, т. XXXVIII, 542.
- Эминъ**, Ѳедоръ, издатель „Адской Почты“, т. XXXVI, 367.
- Эминъ-Довлетъ** (Зиль—Султанъ), сынъ персидскаго шаха Насръ-Эдина, т. XXXV, 198—200, 202, 205.
- Энгельгардтъ**, А. П., смоленскій городской голова, т. XXXVIII, 567.
- Эрдель**, Карлъ Карловъ, директоръ гимназіи и коммерческаго училища Видемана. *Некрологъ* его. Т. XXXV, 259.
- Эрнстъ XIV**, шведскій король. *Историческій разсказъ* объ немъ. Т. XXXVII, 602—627; т. XXXVIII, 150—167. *Упомян.* т. XXXV, 336.
- Эрисманъ**, женщина-докторъ. См. Сулова.
- Эрстовъ**, князь, полковникъ, т. XXXVIII, 507, 508.
- Эрнстъ Нобургскій**, герцогъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ ме мунарахъ его. Т. XXXV, 239—241.

Югаровъ, Иванъ Степанъ, крестьянинъ-матросъ, пробывшій годъ на Новой Землѣ. *Изъ дневника его*: „Журналъ для Новой Земли (климату) на 1881 г. и на 1882 г.“ Т. XXXVI, 117—151.

Юзюфовичъ, Мих. Владим., дѣйствит. тайн. совѣтникъ, предсѣдатель Кіевской археографической комиссіи. *Некрологъ его*. Т. XXXVII, 222, 223.

Юрьевъ-Захарычъ, Никита Романовъ, новгородскій намѣстникъ, т. XXXV, 597.

Юрьевы:

— **Никита Романовъ**, зять Ивана Грознаго, т. XXXV, 604.

— **Сергій Андреевъ**, литераторъ. *Некрологъ его*. Т. XXXV, 518—520.

Юсуповъ, кн. Н. В., директоръ театровъ, т. XXXV, 640, 653.

Я.

Яблочковы:

— **Е. Н.**, рожд. Бѣгичева, т. XXXV 661.

— **Пав. Мих.**, откупщикъ, т. XXXV, 669—671.

Яворскій, И. Л. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, диссертация на степень доктора медицины И. Яворскаго. Часть 1. Т. XXXVII, 426—428.

Языковы:

— **Дмитр. Дмитріевъ.** *Библиографическіе обзоры* учено-литературныхъ трудовъ: В. Я. Стожанина; т. XXXV, 445—450; С. К. Смирнова; т. XXXVII, 365—371.

— **Д. И.**, секретарь Общества любите-

лей словесности, наукъ и художествъ, т. XXXVII, 142.

— **Мих. Александръ**, писатель, т. XXXVI, 295, 296, 531—533; т. XXXVIII, 273.

Яковлевъ, В. А. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795. Къ столѣтію завоеванія Хаджибея. Т. XXXVIII, 426—428.

Яновъ Стюартъ, претендентъ на англійскій престолъ, т. XXXVII, 387—402.

Якубовичъ, Александръ, штабъ-ротмистръ Нижегород. драгун. полка, декабристъ, т. XXXV, 32, 33.

Якубовскій, Ив. Андреевъ, карликъ гр. Н. А. Зубова. *Замѣтка* объ немъ. Т. XXXV, 781—783.

Янишевскій, Янъ, канцеляристъ, заговорщикъ, т. XXXVIII, 603, 604.

Янкевичъ, Казиміръ, театральнѣй механикъ, т. XXXV, 356—359.

Яновскій, К. П., попечитель Кавказскаго учебнаго округа, т. XXXVII, 432.

Ясинскій, Михаилъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Т. XXXVII, 194—196.

Яцуржинскій, епископъ. См. Георгій.

Ө.

Өедоровы:

— **Елилавъ Семенъ**, переименованная въ Уранову. См. Сандунова.

— **П. С.**, водевилецъ, театральнѣй чиновникъ, т. XXXV, 31, 44.

Өедоръ Ивановичъ, царь московскій, т. XXXV, 338, 602, 604.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВИЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1889 г.

Портреты.

- Витковичъ, Ив. Викентьевъ**, ссыльный полякъ, впослед. адъютантъ В. А. Перовскаго, т. XXXVIII, 593.
- Гоголь, Марья Ив.**, рожд. Косляровская, мать писателя (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXV, 6.
- Иванъ IV Васильевичъ Грозный**, царь московскій, томъ XXXV:
— съ гравюры того времени, сдѣланной въ Нюренбергѣ, 581.
— съ единственнаго известнаго экземпляра гравюры, находящейся въ Вѣнской публичной библиотекѣ (по снимку Д. А. Ровинскаго), 593.
- Иеремія (Иродіонъ Соловьевъ)**, нижегородскій епископъ (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXVII, 457.
- Иосифъ Сѣмашко**, литовскій греко-уніатскій епископъ, впослед. литовскій православный митрополитъ (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXV, 521.
- Наталани, Анджелика**, пѣвица, т. XXXVI, 403.
- Краевскій, Андрей Александр.**, редакторъ-издатель газеты „Голось“ и журнала „Отечественныя Записки“, т. XXXVIII, 361.
- Крестовскій, В.**, писательница. См. Хвощинская.
- Крыловъ, Ив. Андреев.**, баснописецъ. Съ портрета, рисованнаго въ 1812 году А. О. Орловскимъ (*на отдельномъ листѣ*). Т. XXXVI, 257.
- Муравьевъ-Амурскій, гр. Никол. Никол.**, генераль-адъютантъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXVI, 513.
- Надендинъ, Никол. Ив.**, профессоръ, критикъ (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXVII, 225.
- Насръ-Эддинъ**, шахъ персидскій (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXV, 192.
- Панаевъ, Ив. Ив.**, писатель, т. XXXVI, 169.
- Персидскій наслѣдный принцъ**, т. XXXV, 201.
- Писемскій, Алексѣй Теофіл.**, писатель (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXVIII, 288.
- Сандуновы:**
— Елизавет. Семен., рожд. Федорова, переименованная въ Уранову, артистка, т. XXXVII, 565.
— Сила Никол., актеръ, т. XXXVII, 553.
- Собольщичновъ, Вас. Ив.**, библиотекарь Спб. Императорской Публичной Библиотеки (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXIII, 241.
- Стефанъ Баторій**, король польскій, съ гравированнаго портрета того времени, т. XXXV, 585.
- Стоюнинъ, Владим. Яков.**, педагогъ и писатель (*на отдельномъ листѣ*), т. XXXV, 265.

- Хвощинская, Над. Дм., по мужу Заюнчковская, писательница (В. Крестовскій), *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXVIII, 5.
 Хмельницкій, Никол. Ив., смоленскій, а потомъ архангельскій губернаторъ, драматическій писатель, *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXVIII, 467.
 Христина, королева шведская, съ портрета, гравированнаго Фальсомъ, т. XXXVII, 377.
 Шешновскій, Степ. Ив., начальникъ тайной экспедиціи, съ миниатюры, принадлежащей Митусову *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXVI, 5.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

- Батумъ**, городъ Кутаисской губерніи, томъ XXXVIII:
 — Видъ Батума, 377.
 — Замокъ Тамары, 381.
 — Турецкая баня, 383.
Персія, томъ XXXV:
 — Тегеранскій дворецъ: Аудиенцъ-зала, 189.
 — Лѣтній дворецъ шаха въ Энзели, 191.
 — Горный южный видъ, 195.
 — Горная тропа, 207.
 — Персидскій мостъ, 209.
 — Правительственный театр въ Тегеранѣ, 211.
 — Дача близъ Тегерана, 471.
Петербургскій артиллерійскій музей, отдѣлъ древнѣйшихъ орудіи, т. XXXVIII, 638.
Сарды, главный городъ Лидійскаго царства въ Малой Азіи, томъ XXXVIII:
 — Видъ Магнезіи, 611.
 — Изображеніе Ниобеи, 617.
 — Сарды, 621.
 — Колонны храма Цибелы, 627.
Памятники:
 — Ломоносову въ Архангельскѣ, т. XXXVI, 177.
 — Пушкину въ Одессѣ, т. XXXVI, 633.

Бытовья и другія гравюры.

- Артиллеристы**, томъ XXXVIII:
 — Пушкарь XVII столѣтія, 640.
 — Бомбардиръ XVIII столѣтія, 641.
Англія въ первое десятилѣтіе XIX вѣка:
 Томъ XXXV:
 — Уличныя сцены въ Сити, 727.
 — Возвращеніе съ парада, 729.
 — Расправа съ перекупщиками хлѣба, 731.
 — Парламентъ въ 1803 году, 735.
 — Надзоръ за уплатою налога въ кухнѣ, 739.
 — Смерть Нельсона, 741.
 — Новосты съ театра войны, 743.
 Томъ XXXVI:
 — Почтовая карета 1804 года, 191.
 — Почтовая фура, 192.
 — Членъ клуба Four-in-hand 1809 года, 193.
 — Лондонскіе перевозчики, 194.
 — Масляный уличный фонарь 1805 года, 195.
 — Дѣйствіе газоваго освѣщенія, 196.
 — Продащица салата, 197.
 — „Горячіе пироги! сладкіе пироги!“ 198.
 — Продажа толченаго квирича, 199.
 — „Кому мышеловокъ?“ 200.
 — „Гуси! жирныя гуси!“ 200.
 — Почтальонъ, 201.

- Жанъ де-Бри, 202.
- Эксцентрическіе туалеты (карикатура 1806 года), 203.
- Моды 1803 года, 204.
- Моды 1810 года, 205.
- Чтеніе моднаго романа, 206.
- Костюмы „невидимок“, 207.
- Бракъ въ Грента-Гринѣ, 208.
- Вечеръ охотничьяго дня, 401.
- Карриатура на Каталани, 403.
- Вокзалъ 1808 года, 405.
- Домашній концертъ, 407.
- Вальсъ 1810 года, 409.
- На выставкѣ картинъ Морлянда, 411.
- Мистрисъ Кларкъ, принимающая высшихъ военныхъ и духовныхъ сановниковъ, 412.
- Кающійся герцогъ, 413.
- Констебли, 415.
- Позорный столбъ, 417.
- Батумскіе типы, т. XXXVIII, 387.**
- Вальсъ, сочиненный А. С. Грибоѣдовымъ въ 1823 году (на отдѣльномъ листѣ), т. XXXV, 672.**
- Запорожскій корабль, изображенный на знамени, т. XXXVIII, 397.**
- Запорожскіе типы, изображенные на знамени, т. XXXVIII, 399.**
- Знамена остяцкія, 83 рисунка, т. XXXVIII, 139—148.**
- Карриатура на Ивана Грознаго (современная), изъ книги Іоганна Гоффа „Tuganpeu Iwan Wasilowitz“, изданной въ 1581 году, т. XXXV, 599.**
- Персія, т. XXXV:**
  - Кондитерская на базарѣ, 463.
  - Кузнецъ, 465.
  - Персидскіе типы, 467.
  - Водоносъ, 469.
  - Образчики персидской пластики, 473.
  - Цирульникъ, 477.
- Снесная жертвенная чаша (изъ собранія А. Н. Поля), т. XXXV, 721.**
- Скульптурныя древности, выставленныя Л. В. Позеномъ на XVII передвижной выставкѣ, т. XXXVI, 421, 423—425.**

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- *) Аблесимовъ. Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комическая опера въ 3-хъ дѣйств. Изд. 2-е. Ц. 8 к., въ папкѣ 28 к.
- Альбрехтъ, В. Практическое руководство къ изученію шахматной игры. Выпускъ II. Новгородъ. 1889 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Альмедингенъ, А. Настольная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уважныхъ членовъ окружныхъ судовъ. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.
- Андріевичъ, Ф. Исторія Сибири. Часть II. Періодъ съ 660 г. до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны. Составлена по даннымъ, представляемымъ Полн. Собраніемъ законовъ, и актамъ Петровскаго царствованія. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.
- А. С. Борьба Москвы съ Лодзью. Историко-экономическій очеркъ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Аттая, М. О. и М. В. Рябининъ. Сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Вядпал. Переводъ съ арабскаго. Съ введеніемъ, примѣчаніями и прибавленіями къ тексту. М. 1889 г. Ц. 3 р.
- Ашкаренко, Г. А. Конотопська видьма. Хвѣнтастычна кумедія у 5-ти дѣяхъ и 8-ми одминахъ. Кременчугъ. 1889 г. Ц. 40 к.
- Багалъи, Д. И. Колонизація Новоросскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ. 1889 г. Ц. 80 к.
- Брайцевъ, Я. Богачи. Повѣсть изъ бѣлорусской простонародной жизни. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Байронъ. Донъ-Жуанъ. Перев. П. Козлова. Изд. 2-е. Съ предисловіемъ В. Бунина и примѣчаніями П. Вейберга. 2 т. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.
- Банкальскій, П. Исторія происхожденія неба, земли и трехъ царствъ природы: минеральнаго, растительнаго и животнаго. По откровенію Свящ. Писанія и по научнымъ изслѣдованіямъ. Нижній-Новгородъ. 1889 г. Ц. 2 р.
- Богдановъ, С. М. Земледѣліе на парижской всемірной выставкѣ. 1889 г. Спб. Ц. 40 к.
- Болюнскій, Д. Разказы. М. Ц. 75 к.
- Брандтъ, В. Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Кіевъ. 1889 г. Ц. 2 р.
- *) Бэръ, Мих. Струанзе. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ и прозѣ. Перев. съ нѣмецкаго А. Плещеева. Спб. Ц. 1 р.
- Валицій, М. Счетоводство золотопромышленное. Спб. 1889 г. Ц. 5 р.
- Варинардъ, А. Графологія (опредѣленіе характера по почерку). Курсъ въ семи урокахъ. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р.
- Варпаховскій, Н. Опредѣлитель рыбъ бассейна рѣки Волги. (Описаніе рыбъ Нижегородской губ.). Съ 71 рисун. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Васильевъ, М. Въ лѣсу и въ полѣ. Разказы для дѣтей. Спб. 1889 г. Ц. 25 к.
- Венгеровъ, С. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 20-й и 21-й (конецъ I т.). Спб. Ц. каждаго выпуска 35 к.
- Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. I. А. Спб. 1889 г. Ц. 5 р. 25 к.
- Вѣтшняя торговля по Европейской границѣ. 1889 г. Августъ. Ц. 50 к.
- Военныя сообщенія съ переложеніемъ сраженій на шахматную доску. М. Г. Вильна. 1889 г. Ц. 60 к.
- Волчокъ, Ярославъ. Исторія славяцкой литературы. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Вопросы философіи и психологіи, подъ редак. проф. Н. Я. Грота. Книга I. М. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

- Ворисгаферъ, С.** Приключенія контрабандиста. Съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ пакѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р. 25 к.
- В. С.** Диагнозъ и диететика (пассивное леченіе, безъ лекарствъ, для общедоступнаго руководства). Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- В. Щ.** Дѣтскій театръ. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Ганъ, И. К.** Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Издан. 4-е, исправлен. Вильна. 1889 г. Ц. 30 к.
- Гаршинъ, Ев.** Новгородскія древности Археологической эскизъ. Съ рисунками. Издан. 3-е, исправл. и дополн. Спб. Ц. 25 к.
- Гейбноръ, О. Д-ръ.** Скарлатинная дифтерія и ея леченіе. (Лекціи соврем. нѣм. клиницистовъ). М. 1889 г. Ц. 30 к.
- Германскій уставъ полевой службы.** Пер. съ нѣмец. генер. штаба полковника Н. фонъ-Фохтъ. Съ чертежами, таблицами и планомъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гинтеръ, Ф.** Руководство къ основательному изученію упражненій въ переводахъ съ русскаго на греческій и съ греческаго на русскій. Часть I-я. М. 1889 г. Ц. 60 к.
- Гинтеръ, Ф.** Руководство къ основательному изученію упражненій въ переводахъ съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій. Часть I. М. 1889 г. Ц. 80 к.
- Гольдсмитъ, Ол.** Векфильскій священникъ. Съ картинками. М. Ц. 75 к.
- Гордѣнко, Я.** Курсъ желѣзныхъ дорогъ. По программѣ утвержд. г. министромъ пут. сообщ. 4-го апр. 1888 г. для экзамена на знаніе техника путей сообщенія. Съ альбомомъ чертежей. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.
- Гоше, Н.** Руководство къ плодководству для практиковъ. Перев. съ нѣмец., съ измѣненіями дополненіями относительно Россіи. Съ 600 полит., нѣсколькими чертежами и картою. Выпускъ VI. Ц. на полное сочиненіе по подпискѣ 10 р.
- Григоровичъ, Д. В.** Полное собраніе сочиненій въ десяти томахъ. Спб. Ц. за 10 т. 15 р. Вышла III, IV, V, VI, VIII, IX и X тт.
- Грахъ Грей, Ж. Ж.** Руссо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. Пер. съ англійскаго. М. Ц. 1 р.
- Гусевъ, А. Н.** Сводъ основныхъ государственныхъ законовъ съ разъясненіями. Харьковъ. Ц. 1 р.
- Гусевъ, А. Н.** Уставъ о гербовомъ сборѣ. Издан. 4-е. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Даниловскій, Г.** Сочиненія. Изд. 6-е, дополненное, въ 8-ми томахъ. Съ пор-
- третомъ автора. Ц. до 1-го января 90 г. 8 р., послѣ 1-го января 90 г. 10 р.
- Деревицкій, А.** Гомерическіе гимны. Анализъ памятника въ связи съ исторіей его изученія. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Джаниш, Гр. А.** Дорожная бібліотека. Развлеченіе и польза. Вып. I. М. Ц. 1 р.
- Динкенсъ, Оливеръ Твистъ.** Переводъ съ сокращеніями для дѣтей средняго возраста. Архангельской. Изд. 2-е. М. 1889 г. Ц. 65 к.
- Ерановъ, Л. А.** проф. Сборникъ статей и записокъ по разнымъ техническимъ вопросамъ. Посмертное изданіе съ портретомъ автора. Спб. 1889 г. Ц. 5 р.
- Желѣзнодорожный календарь на 1890 годъ.** Е. А. Могилевскаго. Съ приложеніемъ карты рос. жел. дорогъ. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Желѣзнодорожный календарь и записная книжка на 1890 годъ.** Съ картою рос. жел. дорогъ и пароходныхъ сообщеній. Спб. Ц. съ техническимъ приложеніемъ 1 р. 50 к.
- Заблоцкій, Ар.** Практическая геометрія съ примѣненіемъ къ черченію и землѣмѣрью. Спб. Ц. 60 к.
- *) **Записки** княгини Наталіи Борисовны Долгорукой. Съ портретами и рисунками. (Дешевая бібліотека). Ц. 20 к., въ пакѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- Захарьинъ, Г.** проф. Каломель при гипертрофическомъ циррозѣ печени и вообще въ терапіи. Изд. 3-е. М. 1889 г. Ц. 40 к.
- Землинскій, В.** Справочникъ по русскому правописанію въ приложен. полного списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква „Ъ“. Изд. 4-е. М. Ц. 50 к.
- Извѣстія** Таврической ученой архивной комиссіи. № 5. Симферополь. 1888 г. Ц. 75 к. № 6. 1888 г. Ц. 75 к. № 7. 1889 г. Ц. 1 р. № 8. 1889 г. Ц. 1 р.
- *) **Историческая** портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г. Съ краткими біографіями. Фотогипи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXX. Ц. 2 р.
- Карповъ, И. И.** Руководство къ изученію практической фотографіи для начинающихъ и любителей. Издан. 2-е, переработ. и дополн. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Карышевъ, Н.** Экономическія бесѣды. 2-е исправлен. изданіе. Москва. 1890 г. Ц. 60 к.
- Карѣвъ, Н.** Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

- Спб. 1890 г. Томъ I, съ подписк. на II. Ц. 4 р.
- Кони, А. Ф.** Судебныя рѣчи (1868—1888). (Обвинительныя рѣчи.—Руководяція напутствія присяжнымъ.—Кассационныя заключенія). Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Кратчъ.** Сказаніе о жизни преподоби. отца нашего Сергія, игумена радонежскаго. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Кулешовъ, П.** Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. Съ таблицей фототипюръ. М. Ц. 2 р.
- Курдюмовъ, В. И.** Краткій курсъ основаній и фундаментовъ, съ приложеніемъ статьи: свайныя работы. По программамъ, утвержд. г. м-мъ Пут. Сообщ. для испытанія на знаніи техника пут. сообщ. Спб. 1889 г. Ц. съ атласомъ чертежей 5 р.
- Ламе-Флери.** Исторія открытія Америки. Изд. 2-е, пересмотр. и въ первый разъ иллюстриров. Спб. Ц. 75 к., въ накль 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.
- Ландцертъ, В. П.** Спутникъ по Россіи. Зимнее движеніе 1889—90 г. Спб. Ц. 60 к.
- Лашинъ, Ф.** Охрана Крыма во вторую Турецкую войну 1787—1791 г. Симферополь. 1889 г. Ц. 40 к.
- Левуца, Эд.** Основы улучшающаго землю хозяйства. Перев. съ 4-го франц. издан. подъ редакцію А. Н. Энгельгардта. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Любимыя рассказы Вѣруни Чернышевой.** Записаны для дѣтей ея отцомъ. М. Ц. 60 к.
- Лѣсковъ, Н. С.** Собраніе сочиненій въ десяти томахъ. Т. VII. Спб. 1889 г. Ц. по подпискѣ 20 р.
- *) **Лѣсная волшебница.** (The Lady of the forest). Повѣсть для юношества. Пер. съ англійскаго. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.
- Мантегацца, П.** Экстазы человѣка. Пер. съ 5-го итальян. изданія. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мантегацца, П.** Нервный вѣкъ. Издан. 2-е, дополи. Одесса. 1889 г. Ц. 50 к.
- Масальскій, В. И.** Кни. Производство хлопка въ Россіи и попытки введенія культуры хлопчатника въ южн. губерніи и въ Предкавказьѣ. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.
- Матисенъ, А. А., и П. И. Троицкій.** Руководство къ винокурению по Меркери и приготовленіе сухихъ дрожжей. Ч. II. Кіевъ. Ц. 4 р.
- Морокинъ, А.** Сборникъ статей. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Мочутковскій, О. О. Д-ръ.** Объ истерическихъ формахъ гипноза. Одесса. 1888 г. Ц. 2 р.
- *) **Нартынный.** Бурсакъ. Романъ. Изд. 3-е (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 35 к., въ накль 43 к.
- Наша періодическая печать въ 1890 г.** Алфавитный и предметный перечень по-временныхъ изданій, выходящихъ въ Россіи. Спб. Ц. 10 к.
- Н. Г. Сивѣгурочка.** Кое-что о малюткахъ въ стихахъ и шуткахъ. Спб. Ц. 90 к.
- Острогорскій, В.** Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Съ портретами. (Для чтенія юношества). Спб. 1890 г. Ц. 50 к.
- Острогорскій, М.** Юридическій календарь на 1890 г. Спб. Ц. 1 р.
- Острогорскій, В.** Этюды о русскихъ писателяхъ. П. Н. Г. Помяловскій. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Памятная книжка Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ за 1886—87 и 1887—88 учебн. годы.** Сост. подъ ред. директ. института д-ра М. Зѣнца. Варшава. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Первый баснописецъ.** Разсказъ для дѣтей старшаго возраста. Спб. 1890 г. Ц. 8 к.
- Побѣда шахматиста надъ Мефистофельмъ** (легенда, заимствованная по переводу съ англійскаго). М. Г. Вильна. 1889 года. Ц. 30 к.
- Полный карманный путеводитель по Россіи.** Зима и весна 1889—90 г. Спб. Ц. 50 к.
- Поповъ, Н.** Около трона. Романъ изъ жизни современныхъ нѣмецкихъ аристократовъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.
- Правила, программы и учебн. планы классическихъ гимназій и прогимназій вѣд. мин. нар. проsv.** Москва. 1890 г. Ц. 40 к.
- Правила и программы для поступленія въ женскія учебныя заведенія.** Съ присовокупленіемъ правилъ и программъ спеціальныхъ испытаній по всѣмъ вѣдомствамъ. Составилъ Д. Влахопуловъ. М. 1890 г. Ц. 75 к.
- Правила о порядкѣ производства взысканій съ неисправныхъ заемщиковъ Госуд. Дворянскаго Земельнаго Банка.** Харьковъ. 1889 г. Ц. 15 к.
- Путиловъ, Н.** 1866 годъ. Австрія и ея союзники въ войнѣ противъ Пруссіи и Италіи. Книга I. Спб. 1889 г. Ц. 4 р. 75 к.
- Пыпинъ, А.** Историческіе очерки. Характеристики литературныхъ мѣнъ отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Изд. 2-е съ исправленіями и дополненіями. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ремезовъ, Н.** Очерки изъ жизни дикои Башкиріи. Переселенческая эпопея. М. 1890 г. Ц. 1 р. 30 к.

- Римскіе классики.** II. Текстъ для учащихся, проверенный русскими филологами, подъ главной редакц. В. М. Краузе. Энеида Вергилия VII—XII. Спб. Ц. 25 к.
- Родные звуки.** Сборникъ стихотвореній писателей-самоучекъ. Вып. I. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Рождественскій, А.** Южно-русскій штундизмъ. Исслѣдованіе. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссянъ, I. П.** Теорія двойного счета имущества. Одесса. 1889 г. Ц. 50 к.
- Русская военная сила.** Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Составленъ обществомъ офицеровъ генерал. штаба въ Москвѣ. Съ рисунками, картами, планами. Вып. I. До монгольской періодъ.— Вып. II. Періодъ монгольского ига.— Вып. III. Царскій періодъ: Царствованіе Іоанна IV и Ѳедора Іоанновича.— Вып. VIII. Періодъ царствованія Павла I и Александра I до нач. Отеч. войны.— Вып. IX. Періодъ царствованія Александра I до начала Отечественной войны. Цѣна каждому выпуску 60 к.
- Саввантскій, Н.** Исходъ израильтянъ изъ Египта. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Саліась, Е. графъ.** Фрейлиня Марія Лещинской. Повѣсть. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ).** Сочиненія въ девяти томахъ. Т. VII. Спб. 1889 г. Ц. по подпискѣ на 9 т. 15 р.
- Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествія Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Съ биографіей автора и примѣчаніями Д. Ф. Уоллера. Съ рисунками. Ч. II. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Свѣдѣнія** о вѣншней торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е октября 1889 г. Спб. Ц. 50 к.
- Святловскій, В. В.** Фабричный рабочій. Исслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Варшава. 1889 г. Ц. 3 р.
- Северинъ (Н. Мердъръ).** Любовь. Романъ въ 3 част. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сенатскій архивъ.** Томъ II. Журналы и опредѣленія Пр. Сената. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Смирновъ, В. Д.** Крымское ханство подъ верховенствомъ Османской Порты въ XVIII стол. Одесса. 1888. Ц. 1 р. 50 к.
- Снѣжный король.** Сцены изъ тридцатилѣтней войны; по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Соколовскій, Н.** Сборникъ постановленій по воинской повинности. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Соколовскій, С. и Ге.** Теченіе всемірной исторіи. Карта-діограмма. Ц. 3 р.
- Соколовскій, С.** Очеркъ древнѣйшаго происхожденія народовъ. Составлено по отечественнымъ иностран. источникамъ. Николаевъ. 1889 г. Ц. 25 к.
- Старчевскій, А.** Проводникъ и переводчикъ по отдаленнѣйш. окр. Россіи. Заключ. въ себѣ 44 яз. Составл. по методу Мелцофанты. Т. II. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Старья студентскіи пѣсни.** Текстъ съ нотами и переводомъ. Ц. 25 к.
- Судъ и расправа.** Полное собраніе новыхъ законоположеній по крестьянскимъ дѣламъ и мир. суд. учрежденіямъ (Высочайше утвержд. 12-го іюля 1889 г.). Съ приложеніемъ „Положенія о сельскомъ состояніи“. М. 1890 г. Ц. за 2 части 2 р.
- Тавилдаровъ, Н.** Химическая технология сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Вышелъ томъ II, съ 36-ю таблицами подтипаж. (I. Пивоваренное производство.— II. Винокуренное производство и очищеніе сырого спирта). Спб. 1889 г. Ц. за 2 тома съ атласомъ 8 р.
- Таганцевъ, Н.** Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Издан. 6-е, пересмотр. и дополн. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Таранскій, М.** Золотое сердце. Романъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Тимаевъ, Н.** Посохъ христіанина. Краткое изъясненіе православнаго богослуженія церковнаго. Новгородъ. 1889 г. Ц. 2 р.
- Труды Московскаго Психологическаго Общества.** Вып. III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Труды Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, издаваемые комитетомъ Общества.** Записки V отдѣленія по кустарной и ремесленной промышленности 1887—88 гг. Спб. Ц. 75 к.
- Тысяча и одна ночь.** Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Дощельмайеръ. Т. II. Вып. IV—V. М. 1889. Ц. 60 к.
- Фельднеръ, И.** Общедоступный спутникъ механика-строителя. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Кіевъ. Ц. 2 р. 25 к.
- Царь-Колоколъ.** Иллюстрированный календарь-альманахъ на 1890 г. Ц. 60 к.
- Цвѣтавъ, Дм.** Первая нѣмецкія школы въ Москвѣ и основаніе придворнаго нѣмецкаго театра. Варшава. 1889 г. Ц. 35 к.
- Шведовъ, Н.** Чудесное спасеніе Ихъ Имп. Величества и Ихъ Августѣйшихъ Дѣтей 17-го окт. 1888 года. Чтеніе для войскъ и народа. Съ картинами. Издан. 3-е. Ц. 15 к.

*) Изд. А. С. Суворина.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

	СТР.
Аракчеевскій подкидышъ. Историческій романъ. Гл. XLIII—	
II. (Окончаніе). Графа Е. А. Салиаса	5, 243
Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой). Гл. XVII—	
XVIII. (Окончаніе).	22, 263
Александръ Ардаліоновичъ Шишковъ 2-й (1799—1833). Д. Д.	
Рябиніна.	42
Воспоминанія стараго бібліотекаря. В. И. Собољщикова. 70, 296	
Надежда Дмитріевна Хвощинская. (Изъ воспоминаній стараго журналиста). В. Р. Зотова.	93
Рязанскій архіепископъ Мисаилъ. И. И. Дубасова.	109
Къ исторіи Римскаго католицизма въ Россіи. (Тираспольская или Саратовская латинская епархія). М. И. Городецкаго.	122
Остяцкія «знамена» XVII вѣка. (Съ 83 рисунками-изображеніями «знаменъ»). Н. Н. Оглоблина.	135
Эрикъ XIV. Историческій разсказъ. Гл. VIII—X. (Окончаніе). Ксавье Мармье.	150
Франція послѣдняго пятидесятилѣтія. (По мемуарамъ Арсена Гуссе). Гл. III и IV. (Окончаніе). В—а.	168
А. Ѳ. Писемскій, по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ. П. Н. Полевого.	276
Иллюстрація: Портретъ Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго.	
Драма на Волховѣ. Д. А. Карышева.	316
Къ біографіи Сандуновыхъ. Е. Н. Опочинина.	342
Несторъ русской журналистики. В. Р. Зотова.	356
Иллюстрація: Портретъ Андрея Александровича Краевскаго.	
Батумъ. (Путевые очерки). Н. Н. Спѣшнева.	375
Иллюстрація: Видъ Батума.—Замокъ Тамары близъ Батума.—Турецкая баня въ Батумѣ.—Батумскіе тины.	

	стр.
Гдѣ дѣвались запорожскіе войсковые клейноды. Д. И. Эварницкаго.	394
<i>Иллюстраціи:</i> Запорожскій корабль, изображенный на знамени.—Типы запорожцевъ, изображенные на знамени.	
Десятилѣтіе «Историческаго Вѣстника».	I—xvi
Потревоженныя тѣни. Тетенька Клавдія Васильевна. С. Н. Терпигорева.	467
Отрывки изъ записокъ С. Б. Броневскаго.	500
Типы смутнаго времени. III. Попъ-богатырь. П. Н. Полевого.	513
За кулисами стараго театра. XIV. Театральные преступники.—XV. Жалоба Эльменрейха.—XVI. Актеръ Сосницкій и костюмъ Фальстафа.—XVII. Мелочи и курьезы. (Окончаніе). Е. Н. Опочинина.	533
Николай Ивановичъ Хмельницкій. (1789—1846). Н. А. Добротворскаго.	559
Ссылные поляки въ Оренбургѣ. В. А. Потто.	584
<i>Иллюстрація:</i> Портретъ И. В. Виткевича. (Съ портрета, рисованнаго съ натуры карандашомъ и находящагося у П. Я. Дашкова).	
Поѣздка въ Сарды. (Изъ путевыхъ записокъ). В. А. Теплова.	607
<i>Иллюстраціи:</i> Видъ Магнези. —Изображеніе Ніобеи.—Сарды.—Колонны храма Цибелы.	
Пятисотлѣтіе русской артиллеріи. П. П.	636
<i>Иллюстраціи:</i> Отдѣлъ древнѣйшихъ орудій въ Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музеѣ.—Пушкарь XVII столѣтія.—Бомбардиръ начала XVIII столѣтія.	
Николай Гавриловичъ Чернышевскій. (Некрологъ). А. И. Фаресова.	644

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономической программой. **Г. П. Сазонова.** Спб. 1889. **С. И.**—Греко-болгарскій вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе **В. Теплова.** Спб. 1889. **А. Б—ва.**—Анатолій Мартыновскій, архіепископъ Могилевскій, и его литературные труды, съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями. **М. Едлинскаго.** Кіевъ. 1889. **И. П.**—Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи, составилъ **С. И. Верковичъ.** Спб. 1889. **А. Б—ва.**—Султаны Кенисара и Садыкъ. Біографическіе очерки султана Ахмета Кенисарипа. Обработано для печати и снабжено примѣчаніями **Е. Т. Смирновымъ.** Съ портретомъ Садыка, 5 рисунками и 9 политипажами. Ташкентъ. 1889. **Н. Веселовскаго.**—Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Изслѣдованіе **П. Н. Буцинскаго.** Харьковъ. 1889. **А. Б—ва.**—**И. Сазоновичъ.** Очеркъ средневѣковой пѣмечкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. Варшава. 1889. **С.—И. И. Неплюевъ** и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1738 г. Историческая монографія **В. В. Витевскаго.** Вып. первый. Казань. 1889. **А. Б—ва.**—Краткое описаніе города Житомира. Составилъ **Т. І. Вержбицкій.** 2-е изданіе. Житомиръ. 1889. **Вл. Б—скаго.**—Мухаммеданская космогонія (разборъ турецкаго сочиненія «Кыркъ сюаль»), соч. Александра

Архангельскаго. Казань. 1889. А. Б—ва. — Д. О. Шеншигъ. До-христианское возрѣніе челоѣка на смерть и загробную жизнь. Москва. 1889. С.—Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Составилъ Н. Зезолинскій. Выпускъ I. Спб. 1889. А. Б—ва. Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кандаковымъ. Выпускъ первый. Классическія древности Южной Россіи. Съ 145-ю рисунками въ текстѣ. (Изданіе второе). Спб. 1889. Русскія древности въ памятникахъ искусства и т. д. Выпускъ второй. Древности Склео-Сарматскія. Съ 147-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1889. П. Палеолого. —Исторія среднихъ вѣковъ. Университетскія чтенія профессора Н. А. Осокина. Томъ второй. 2 части (XIII столѣтіе). Казань. 1889. А. К.—Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. IV. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. В. Мякотина. Спб. 1889. Б. Г—снаго.—С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 гг.). И. Чистовича. Спб. 1889. В. Е—вича.—Н. Карѣевъ. Паденіе Польши въ исторической литературѣ.—Историческій очеркъ польскаго сейма. Спб. 1889. И. С. И.—Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина; изданіе И. П. Варгунина. 2 т. Спб. 1889. Е. Г.—Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать пятая. Письма графа А. Х. Бенкендорфа и С. Н. Марина. Москва. 1889. С. Тр.—Стрѣлы. Стихотворенія В. П. Буренина. Изданіе второе, дополненное новыми стихотвореніями. Спб. 1889. С. Тр—чева.—Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795. Къ столѣтію завоеванія Хаджибея. Составилъ В. А. Яковлевъ. Одесса. 1889. И. П—ова.—Исторія города Ярославля; сост. К. Д. Головщиковъ. Изданіе Л. М. Пастухова. Ярославль. 1889. А. Б—ва.—Забытое прошлое окрестностей Петербурга. М. И. Пыляева. Съ 104 гравюрами. Спб. 1889. С. Тр—чева.—Историческій очеркъ Пензенской первой гимназіи съ 1804 по 1871 г. Сост. П. П. Зеленецкій. Пенза. 1889. А. Б—ва.—Историко-статистическій указатель города Пскова. Составилъ И. И. Васильевъ. Изданіе псковскаго губернскаго статистическаго комитета. Псковъ. 1889. С. Тр—ва.—Первая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи. Севастополь и его окрестности — Инкерманъ, Херсонесъ, Балаклава, Георгіевскій монастырь, Малаховъ курганъ, Братское кладбище. Отчетъ составилъ по порученію педагогическаго совѣта инспекторъ А. Н. Поповъ, а приложенія рисовалъ преподаватель А. А. Архиповъ. Симферополь. 1889. С.—Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, составилъ Н. И. Гродековъ. Томъ первый. Юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889. А. Б—ва.—Изъ лекцій заслуженнаго профессора, доктора правъ П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Два тома. Спб. 1889. С. Т—чева.—Биографическіе очерки сенаторовъ по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ, сост. П. Н. Семеновъ. Москва. 1889. А. Б—ва.—Михайлъ Кирилловичъ Бобровскій (1785—1848) ученый славистъ-ориенталистъ, съ портретомъ автографомъ, собственноручными списками и снимками древнѣйшихъ славянскихъ рукописей и факсимиле знаменитой Супральской рукописи. Историко-біографическій очеркъ П. О. Бобровскаго. Спб. 1889. Б. Г.—Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Два выпуска подъ редакцію Н. Дубровина. Спб. 1876—1889. А. Б—ва.—Е. Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ (Опытъ историко-библиографическаго обзора). Спб. 1889. В. М.—К. Ю. Цируль. Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. Спб. 1889. С.—Лѣтопись Московской Троицкой, «что въ Поляхъ», церкви, съ двумя фасадами церквей: Троицкой и Успенской и съ двумя планами; состав. священникомъ

оной церкви Николаемъ Соловьевымъ. Москва. 1889. П. П.—Курсъ церковнаго права. Томъ первый. Н. Суворовъ. Ярославль. 1889. И. Др.—Сенатскій архивъ. Томъ второй. Журналы и опредѣленія Правительствующаго Сената. Спб. 1889. П. П.—Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и зырянскій языкъ, составилъ Г. С. Лыткинъ. Спб. 1889. А. Б—ва.—Сочиненія Г. П. Данилевскаго (1888—1889). Т. VII. Изданіе пятое, дополненное въ семи томахъ, съ портретомъ автора. П. П.—Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіи, соч. И. Я. Сырцова. Тобольскъ. 1889. А. Б—ва. 194, 404, 652

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. . . . 221, 441, 666

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Пребываніе шведскаго короля Карла XII-го въ г. Ромнахъ. Сообщено В. Е. Бучновичемъ.—Ближайшіе родственники М. В. Ломоносова. Сообщено Н. Ермиловымъ.—Сдача Свеаборга въ 1808 г. Сообщено А. Альфтономъ. 230, 450

СМѢСЬ:

Открытіе памятника Александру II въ Самарѣ.—Открытіе памятника Лермонтову.—Столѣтіе Владимірскаго собора.—Археологическія раскопки въ Херсонѣ.—Находки въ Екатеринославской губерніи.—Древнія типографіи въ Волыни.—Столѣтній юбилей Одессы.—Присужденіе премій Митрополита Макарія.—Присужденіе премій графа Уварова.—Конкурсъ Славянскаго Общества.—Московская выставка предметовъ древности.—Празднество подъ Москвой.—Чествованіе 25-тилѣтней годовщины смерти А. А. Григорьева.—Библиографическое бюро.—Открытіе памятника Александру I въ лицейскомъ саду.—Пятидесятилѣтіе рисовальной школы Общества поощренія Художествъ.—Археологическое Общество.—Древній замокъ и городище.—Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства за 1885 г.—Некрологи: В. П. Безобразова, А. В. Васильева, Н. И. Анненкова, В. А. Полтарацкаго, Л. Л. Леонидова, Кавдинскаго, И. А. Пашкова, А. И. Павловскаго, Н. И. Козлова, Ф. П. Ландцерта, Н. В. Успенскаго, В. А. Вилламова, Н. Ф. Мещерскаго, А. А. Фредерикса. 232, 454, 675

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

I. По поводу замѣтки Г. Б—ва о книгѣ «Грекоболгарскій церковный вопросъ». В. Теплова.—II. По поводу одной рецензіи. С. Трубачева.—III. Еще объ отношеніяхъ Гоголя къ матери. (По поводу статьи А. М. Черницкой). В. Шенрона.—IV. А. Я. Рудзевичъ. (Историческая справка). Н. Щербаня.—V. Отвѣтъ г. Теплому. А. Б—ва. 461, 683

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. Д. Хвоцинской. 2) Портретъ В. И. Собољщикова. 3) Портретъ Н. И. Хмельницкаго. 4) Король шутовъ. (Le prince des sots). Жерара де Нерваля. (Съ французскаго). Гл. V—XXX. (Окончаніе). Переводъ Е. М. Гаршина. 5) Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Д. Д. Языкова. Выпускъ шестой. Русскіе писатели, умершіе въ 1886 году. 6). Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1889 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный художественно-литературный иллюстрир. журналъ
для семейнаго чтенія

1890 г. „НИВА“ 1890 г.

(двадцать первый годъ изданія)

Въ теченіе года въ „НИВЪ“ и ея приложеніяхъ будетъ помѣщено болѣе 1,500 ПРЕВОСХОДНО ВЫПОЛНЕННЫХЪ ГРАВЮРЪ, РИСУНКОВЪ И ПОР-ТРЕТОВЪ общ. дѣятелей, 1,800 СТОЛБЦОВЪ РАЗНООБРАЗНАГО ТЕКСТА, состоящаго изъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, биографій общ. дѣятелей, научныхъ статей (по всѣмъ отраслямъ знанія)—въ популярномъ изложеніи, политическаго обзорѣнія, разныхъ извѣстій, смѣси, хозяйствен. совѣтовъ, задачъ, ребусовъ, объявленій и проч., и проч.

Для напечатанія въ „НИВЪ“ 1890 года Редакціею приобрѣтены, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ писателей: Н. Д. Ахшарумова, професс. А. Ф. Брандта, князя М. Н. Волконскаго, П. И. Вейнберга, А. Н. Майкова, А. Я. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, П. Н. Полевого, Я. П. Полонскаго, графа Е. А. Салиаса, К. Тхоржевскаго, князя Д. Н. Цертелева, Г. Г. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго) и мн. др.

Затѣмъ при „НИВЪ“ ежемѣсячно прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№ въ годъ, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и проч.—словомъ: „полный журналъ модъ и рукодѣлій“.

Кромѣ выдаваемыхъ время отъ времени разныхъ бесплатныхъ художественныхъ приложеній, состоящихъ изъ гравюръ и рисунковъ, печатанныхъ красками, на отдѣльныхъ листахъ лучшей слоновой бумаги, и СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ на 1890 г., исполненнаго восемью красками, въ 1890 г. „НИВА“ дастъ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ,

а именно: Двѣ большія олеографическія картины, печатанныя масляными красками, съ оригиналовъ проф. Императорской Академіи Художествъ Ив. Ив. Шишкина:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“.

2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“

(размѣръ картинъ одинаковъ; по 16 верш. выш. и 12 верш. шир.).

3) БОЛЬШОЙ ТОМЪ „Сборникъ повѣстей и разсказовъ“, содержащій въ себѣ нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ лучшихъ современныхъ беллетристовъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе «НИВЫ»:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.. 5 р.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.. 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской). 8 р.

Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи.. 7 р.

ЗА ГРАНИЦУ ..... 8 р.

БЕЗЪ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. Марксу), Невскій, № 6.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1890 ГОДЪ.

ВЪ МОСКВѢ

		СЪ ДОСТАВКОЙ:	
На 12 мѣсяцевъ	10	р.	— к.
” 6 ”	5	”	50 ”
” 3 ”	3	”	— ”
” 1 ”	1	”	30 ”

НА ГОРОДА

		СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:	
На 12 мѣсяцевъ	11	р.	— к.
” 6 ”	6	”	— ”
” 3 ”	3	”	50 ”
” 1 ”	1	”	50 ”

ЗА ГРАНИЦУ

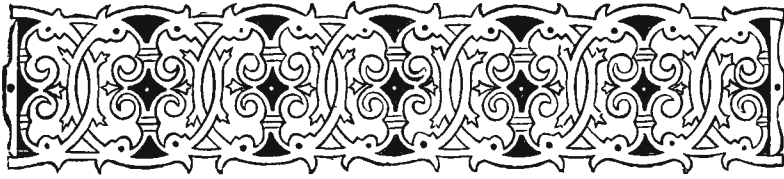
На 12 мѣсяцевъ	18	р.	— к.
” 6 ”	9	”	— ”
” 3 ”	4	”	80 ”
” 1 ”	1	”	90 ”

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Чернышевскій пер., близъ Никитской, домъ № 7.

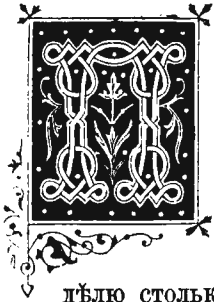

XIX.

Лобное мѣсто.

«Онъ тихо мнѣ сказалъ: иди, свободенъ ты!
«Порвалась цѣпь твоя, окончились страданья,
«Ты долго мести ждалъ, сбылись твои желанья,
«Погибъ развратный принцъ, сбылись твои мечты».

О УХОДѢ Рибле, въ лавкѣ цирюльника оставалось еще трое кліентовъ. Это были зажиточные буржуа: мѣтръ Геренъ Буасо, чеботарь, торговавшій на Мельничьемъ мосту (Pont aux meuniers), мѣтръ Лескалопье—шاپочникъ изъ улицы Турнель, и мѣтръ Бурнишонъ, чулочникъ съ площади Моберъ. Всѣ они жили не слишкомъ близко отъ Рынка, но приходили сюда два раза въ недѣлю столько же ради бритья, сколько и затѣмъ, чтобы потолковать между собою.

Цирюльникъ кликнулъ Жакоба, который уже помогаль ему. Тотъ пришелъ и скорчилъ недовольную мину: ему было неприятно, что его потревожили ради такихъ неважныхъ посѣтителей.

На долю мальчика пришлось прежде всего брить Герена Буасо: старику Демеру нужно было идти на сборъ милиціи, и потому онъ не спѣша чистилъ и полировалъ свою амуницію, разговаривая въ то же время съ пріятелями, которые также не очень торопились уходить.

— Это ужъ чуть ли не во второй разъ,—говорилъ мѣтръ Бурнишонъ, ожидая своей очереди и сидя рядомъ съ Лескалопье, который тоже ждалъ,— да, именно во второй разъ въ теченіе двухъ лѣтъ, что герцоги между собою мирятся.

— Да и не въ послѣдній,—разсудительно замѣтилъ Лескалопье.
— Гм... Гм...—произнесъ цирюльникъ, вытирая свою кирасу.

Геренъ Буасо, пользуясь передышкой, благодаря тому, что Жакобъ провелъ нѣсколько разъ бритвой по своему рукаву, тоже вмѣшался въ разговоръ.

— Это примиреніе не предвѣщаетъ ничего добраго; во Франціи никогда не будетъ спокойствія, пока во главѣ власти стоитъ Людовикъ Орлеанскій и вмѣстѣ съ королевой грабитъ народъ и расхищаетъ общественное имущество.

Матрѣ Геренъ прервалъ свою рѣчь, вскрикнувъ: Жакобъ въ это время опять принялся за него.

— Что съ вами?—спросилъ цирюльникъ.

— Мальчикъ вашъ обрѣзалъ меня.

— А вы зачѣмъ разговариваете?—поспѣшилъ возразить Жакобъ, не переносившій, когда говорили дурно о герцогѣ Орлеанскомъ.

— Будь осторожнѣе, сынокъ,—кратко замѣтилъ цирюльникъ.

— Дѣдушка, да что же мнѣ дѣлать, если поминутно открываютъ и закрываютъ ротъ...

— Надо предупредить, а потомъ уже пускать въ ходъ бритву.

— Ну, да ничего, не бѣда,—сказалъ Лескалопье.

— Здѣсь вѣдь не то,—продолжалъ Геренъ Буасо,—какъ было въ лавкѣ вашего собрата въ Сите,—того хирурга, что перерѣзывалъ шеи своимъ посѣтителемъ, а затѣмъ отдавалъ ихъ на начинку своему сосѣду пирожнику. Это было года два тому назадъ...

— Да,—перебилъ шапочникъ,—было это, но вѣдь это онъ продѣлывалъ съ богачами, у которыхъ было что стащить, а что возьмешь съ насъ, бѣдныхъ торгашей, разоренныхъ налогами, оцѣнками, штравами и долгами знатныхъ господъ. Ахъ, матрѣ Жеанъ, вѣдь это камнямъ впору заплакать, какъ посмотрѣть, что въ этомъ году терпитъ бѣдный народъ, по милости тѣхъ, кто нами управляетъ.

— Кому вы говорите? Мнѣ ли не знать, когда теперь изъ десяти человѣкъ пятеро не брѣютъ бороды ради экономіи!

И Жеанъ съ еще большимъ ожесточеніемъ принялся тереть свою каску.

— Всему злу причиной Орлеанскій,—продолжалъ Геренъ Буасо, отстраняя бритву.—Эхъ, какъ бы на его мѣстѣ былъ герцогъ Бургундскій! все бы пошло иначе. Что за славный вельможа, простой, добрый,—съ нимъ можно на улицѣ говорить, будто съ своимъ братомъ.

— Если вы будете разговаривать, то я никогда не кончу,—замѣтилъ Жакобъ.

— Правда, малый, правда.

Усѣвшись спокойно, чтобы дать свободу бритвѣ, матрѣ Геренъ предоставилъ реплику Лескалопье, который сказалъ:

— Знаемъ мы, почему боленъ король! Это все наущенія да колдовство королевы и герцога, чтобы поддерживать его безуміе.

— Да,—сказаль серьезно Жеанъ,—и знаете ли, кто главный колдунъ у королевы. Мнѣ это навѣрно передавали Безшабашные, которые у меня брѣются...

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросили сразу всѣ три собесѣдника,—ну, такъ какъ же они это дѣлають?

— Они дѣлають изъ воску фигурки короля, которыя потомъ прокалываютъ заколдованными иглками, да къ тому же еще составляютъ любовные напитки...

— А-а! Это все пустые слухи, которые нарочно распускаются,—сказаль Лескалопье.

— Пустые слухи? а это тоже пустые слухи, что нашего несчастнаго короля Карла VI держать запертымъ въ низенькой комнатѣ въ отелѣ Сень-Поль, въ грязи, въ рублищѣ, часто даже забываютъ давать ему хлѣба, между тѣмъ какъ въ большихъ залахъ королева и Орлеанскій, окруженные своими любимцами сидятъ за столомъ, уставленнымъ дорогими яствами и превосходными винами! Народу все это извѣстно и онъ когда-нибудь прикончитъ всѣ эти пиршества и освободитъ короля!

Цирюльникъ едва окончилъ свою рѣчь, какъ послышался страшный шумъ на Рынкѣ. Жеанъ вышелъ на порогъ посмотрѣть и вернулся со словами:

— Это начальникъ полиціи (le roi des ribaunds) ведетъ осужденныхъ на Лобное мѣсто.

Чеботарь, наконецъ, выбритый сыномъ Колины Демерь, теперь причесывавшимъ его волосы гребнемъ, вскричалъ со вздохомъ:

— Навѣрное банкроты! Ихъ теперь каждый день водятъ. Просто конца этому невидно—до такой нищеты доведена буржуазія. Какъ тутъ прикажете торговать, платить свои долги, когда знатные господа ихъ не платятъ? Знаете ли вы сколько кредиторовъ у герцога Орлеанскаго?.. Восемьсотъ человѣкъ!

— Какъ мнѣ не знать: я самъ два года поставлялъ ему въ отель сукна и шапки и не получилъ ни гроша.

— А у меня онъ взялъ шестьсотъ паръ чулокъ.

— А у меня шестьсотъ паръ башмаковъ жеребичей кожи для своихъ людей; и каждый разъ, какъ онъ, ѣдучи къ королевѣ, проѣзжаетъ съ своей свитой, я говорю самъ себѣ: если бы все мое добро вернулось ко мнѣ на полки, такъ эти господа остались бы босикомъ.

— Разъ онъ собралъ всѣхъ своихъ кредиторовъ,—продолжалъ Бурнишонъ,—но только затѣмъ, чтобы заплатить имъ палочными ударами.

— Это большая честь,—сказаль, смѣясь, Жакобъ,—вѣдь у него въ гербѣ суковатая палка.

Герцогъ Орлеанскій, дѣйствительно, взялъ себѣ за эмблему суковатую палку съ девизомъ: «Je l'ennuie» (Я навожу скуку?)

Герцогъ Бургундскій выбралъ себѣ стругъ, съ девизомъ: «Держу его» (Je le tiens).

— Да,—перебилъ цирюльникъ,—но берегись онъ струга!

— Стругъ скоблить не будетъ,—сказалъ юноша,—а вотъ палка такъ вздуетъ собакъ, которыя стануть лаять.

— Онъ говоритъ точно дворянскій сынокъ, этотъ негодяй!—сказалъ Геренъ Буасо.—И какъ вы это позволяете, Жеанъ?

— Если ты не замолчишь,—сказалъ цирюльникъ Жакобу,—я тебя выпорю розгами.

— Ну, во второй разъ не подымете на меня руку!—возразилъ Жакобъ, гордо поднявъ голову.

Демеръ поникъ головою. Онъ по опыту зналъ, что внукъ способенъ уйти отъ него, не заботясь о послѣдствіяхъ.

Между тѣмъ какъ Жакобъ оканчивалъ бритье Лескалопье, чернь на Рынкѣ громко кричала.

Начиналась выставка осужденныхъ. Но это были не банкроты; одинъ изъ осужденныхъ былъ совсѣмъ юноша.

Прежде всего взошелъ на помость начальникъ полиціи; у него была длинная борода и одѣтъ онъ былъ въ длинную черную шерстяную одежду.

Это былъ кузень мэтра Гонена, знаменитый жонглеръ, получившій должность въ награду за хорошую службу. Этьенъ Мюсто держалъ въ рукѣ пергаментъ, съ важнымъ видомъ развернулъ его и прочелъ громовымъ голосомъ:

— Слушайте, рыцари, оруженосцы и всякаго званія люди! Именемъ Карла VI короля Франціи, старшина города Парижа повелѣлъ выставить на Лобномъ мѣстѣ, на рынкѣ св. Евстафія, Николая Малье, уличеннаго въ произнесеніи на улицѣ возмутительныхъ рѣчей о томъ, что монеты, выбитыя въ настоящее царствованіе, не имѣютъ должнаго вѣса и цѣнности; за каковое преступленіе осужденный выставляется на два часа, послѣ чего ему будетъ дано двадцать ударовъ плетью по обнаженной спинѣ безъ перерыва.

Если бы аллебарды королевскихъ стрѣлковъ не сдерживали народъ въ извѣстномъ почтеніи, то въ Мюсто полетѣли бы комья грязи, съ камнями въ придачу.

Онъ продолжалъ:

«Во-вторыхъ, старшина города Парижа осудилъ на такую выставку Ришара Карпалена, уличеннаго въ оскорбленіи и угрозы на словахъ его высочества Людовика Французскаго, герцога Орлеанскаго, брата его величества короля. За каковое преступленіе, послѣ двухъ-часовой позорной выставки, присуждается онъ къ наказанію сорока ударами плетью по голой спинѣ, безъ перерыва».

Такъ какъ ропотъ слышался все сильнѣе и все грознѣе, то Мюсто поспѣшилъ сдѣлать обычное предостереженіе:

— Я, Этьенъ Мюсто, напоминаю присутствующимъ, что запре-

щается кидать въ осужденныхъ камнями или сырыми яблоками, подъ страхомъ тюремнаго заключенія... дозволяется одна грязь. Я сказалъ.

Затѣмъ онъ всадилъ головы и руки осужденныхъ въ отверстія подвижнаго колеса, которое оборачивалось въ теченіе получаса.

Толпа, разбившись на группы, дѣлала замѣчанія, болѣе или менѣе враждебныя.

— Чортовъ ты пособникъ! Тебя съ радостью закидали грязью!— говорилъ сквозь зубы одинъ изъ зрителей, въ словахъ котораго казалось резюмировалось общественное мнѣніе.

Трое торговцевъ, выйдя изъ лавочки цирюльника, составили отдѣльную группу и каждый высказывалъ свои чувства.

Они разговаривали о Карпаленѣ.

— Должно быть,—говорилъ Герень Буасо,—это одинъ изъ кредиторовъ герцога Орлеанскаго, выведенный изъ терпѣнія.

— Эхъ, туда бы слѣдовало самого герцога,—вздыхалъ Бурнишонъ.

— А я,—говорилъ Лескалопье,—я вашей ненависти къ нему не раздѣляю. Герцогъ Орлеанскій очень любезный принцъ. Если не платитъ долговъ деньгами, такъ хоть красивой наружностью. Ужъ не то, что герцогъ Бургундскій. Ахъ, онъ, правда, не расточителенъ, но за то ужъ что за фигура! Точно будто это одинъ изъ тѣхъ королей братствъ, которыхъ водятъ въ большіе праздники по улицамъ, въ богатыхъ одеждахъ, которыя затѣмъ вечеромъ отбираютъ у нихъ.

— Какъ это хорошо сказано!—вскричалъ юный Жакобъ, подошедшій въ эту минуту.

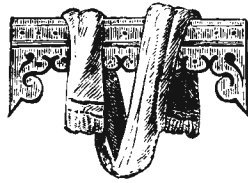
— А ты чего мѣшаешься, молокососъ?—отрѣзалъ ему Герень Буасо, и затѣмъ прибавилъ, обращаясь къ Лескалопье:—я, братъ, ни во что ставлю красивую внѣшность. Я предпочитаю всему, если человѣкъ ведетъ себя честно. Я стою за герцога Бургундскаго: онъ любитъ народъ, и если бы онъ былъ правителемъ, то не угнеталъ бы его ради своихъ удовольствій.

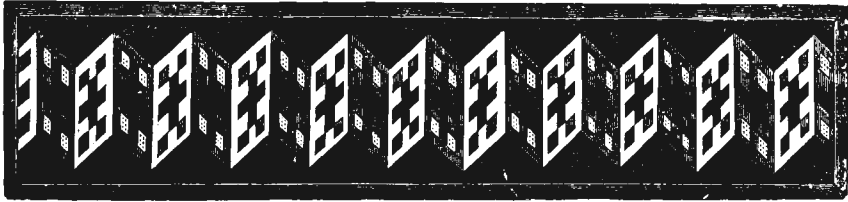
Жакобъ готовъ былъ возражать, но въ эту минуту пришелъ Жеанъ Демеръ въ своемъ блестящемъ вооруженіи. Онъ тоже пришелъ поглазѣть.

Вниманіе купцовъ обратилось теперь на монаха-францисканца съ котомкой за плечами. Лицо у него было все въ морщинахъ и длинная бѣлая борода, но милостыню онъ просилъ съ такой миной, что встрѣться онъ въ лѣсу, его можно было испугаться. Онъ подошелъ къ позорищу и, поднявъ глаза на двигавшееся въ эту минуту колесо, не могъ скрыть удовольствія, произведеннаго на него этимъ зрѣлищемъ. Вся его сторбленная фигура выпрямилась, глаза загорѣлись зло раднымъ огнемъ. Но онъ успѣшно скрылъ свою

радость, опустилъ голову и снова сталъ нищимъ; онъ сильно стиснулъ руки и зашевелилъ губами, прикрытыми длинной бородой, но движеніе которыхъ замѣтно было по расширенію щекъ. Въ такомъ положеніи онъ подошелъ къ лавкѣ цирюльника.

— Святой старецъ!—проговорила съ сердечнымъ сокрушеніемъ селечница, —онъ молится за осужденныхъ.

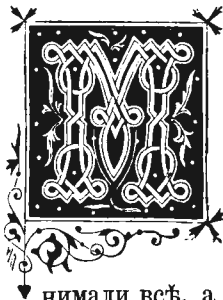

XX.

Жанъ Малый.

«Нѣтъ имени ему на языкѣ людей;
«Потупить взоры онъ—его не замѣчаютъ;
«Но вдругъ въ глазахъ его огонь страстей сверкаетъ;
«Какъ демонъ страшенъ онъ, и въ ярости своей
«Онъ мраченъ, словно ночь... не даромъ всѣ считаютъ
«Его избранникомъ...»

ОНАХЪ этотъ, принадлежавшій къ монастырю францисканцевъ (des Cordeliers) и носившій имя брата Жана Малаго, былъ не простой нищенствующій монахъ. Онъ былъ также извѣстнѣйшій проповѣдникъ. Кетифъ, въ своей «Книгѣ о проповѣдникахъ», говоритъ о немъ: *Eloquentes sed ventosus*. т. е. краснорѣчивъ какъ буря. Онъ проповѣдывалъ такъ, чтобы его понимали всѣ, а въ особенности простой народъ. Въ то время какъ Герсонъ рекомендовалъ послушаніе, Малый проповѣдывалъ уничтоженіе тирановъ, убійства. Какихъ тирановъ? Одинъ лишь имѣлся въ виду: герцогъ Орлеанскій. Всѣ спрашивали другъ у друга, за что онъ такъ ненавидитъ принца, но никто не могъ угадать его тайны.

Постоявъ около позорища, Жанъ Малый снова принялся за сборъ; когда онъ взошелъ къ цирюльнику, тотъ только-что вернулся къ себѣ, такъ какъ его ждалъ клиентъ, а Жакобъ вошелъ еще раньше.

— Братіе,—сказалъ монахъ,—помогите бѣднымъ членамъ общества Иисуса Христа, совершенно оскудѣвшимъ.

— Да,—сказалъ мѣховщикъ, котораго сейчасъ собирався брить

Жакобъ,—если и другіе монахи такіе же сухопарые, какъ этотъ, такъ они, лѣтомъ, въ своемъ жиру не кипятъ.

Онъ подалъ ему совершенно стертую монету, какъ старый льяръ и той же цѣнности.

— А я,—сказалъ Демеръ,—подаю милостыню натурой. Вотъ вамъ фунтъ хорошаго мыла, чтобы вамъ содержать свое тѣло въ чистотѣ.

— Да возрадъ вамъ св. Францискъ!—отвѣчалъ Жанъ Малый и пошелъ въ слѣдующую лавку.

Когда послѣдній кліентъ вышелъ изъ лавки, цирюльникъ сказалъ внуку:

— Теперь можно запирать, никто больше не прійдетъ. Всѣ пойдутъ смотрѣть на церемонію, поищи себѣ хорошенкаго мѣстечка, чтобы видѣть кортежъ. Я иду на свой постъ, въ улицу Монконсейль, а ты ступай на ступеньки церкви св. Евстафія, тебѣ отлично будетъ видно... Ахъ! постой, вотъ тебѣ денежка на ѣду.

— Благодарю, дѣдушка.

— Я и безъ ѣды обойдусь,—сказалъ про себя мальчикъ.—У меня уже два денежки отложено, а вотъ съ этимъ я куплю себѣ славный ножъ и привѣшу его къ поясу, какъ у дворянъ.

— Но только,—продолжалъ цирюльникъ, одѣвавшій въ это время мундиръ городской милиціи,—пособи мнѣ застегнуть поясъ, да подай мой шишакъ.

Когда все было исполнено, онъ вышелъ съ гордымъ видомъ, постукивая аллебардой по плитамъ.

Онъ улыбнулся, увидя, что монахъ-францисканецъ остановился у театра Безшабашныхъ, впереди котораго одинъ изъ актеровъ, Кокиляръ, глоталъ воздухъ, чтобы набрать силъ для краснорѣчія.

— Братъ! пособиите бѣднымъ членамъ Иисуса Христа.

— Вотъ еще!—сказалъ Кокиляръ,—прилично ли дьяволу подавать милостыню Богу?

— Братъ мой, вы клеветаете на себя.

— Совсе нѣтъ! Вѣдь вы въ своихъ проповѣдяхъ такъ честите насъ?

— Это только притчи, но, главное, я говорю противъ того, что вы даете свои представленія слишкомъ близко отъ дома Божія. Отойдите подальше, собратъ. Но я хотѣлъ бы сказать словечко вашему начальнику, королю шутовъ, гдѣ же онъ?

— Да вотъ онъ кстати и идетъ.

Гонень хотѣлъ взойти на ступеньки эстрады, когда монахъ остановилъ его своимъ всегдашнимъ возгласомъ.

— Ну что,—спросилъ король шутовъ,—хорошъ ли сегодня сборъ? Котомка-то, кажется, полна, но каково въ кошнѣ, а?

— Увы, въ ней ничего, кромѣ нѣсколькихъ стертыхъ денежекъ.

Намъ почти не подаютъ деньгами. Купцы даютъ своимъ товаромъ, а отсюда выходитъ то, что носить тяжело, а пользы мало.

— Такъ, понимаю. Булочникъ, значить, подаетъ хлѣбъ, суконщикъ—сукна, чеботарь—обувь, а цирюльникъ брѣшетъ даромъ.

— О, это было бы нарушеніемъ нашихъ правилъ! Цирюльникъ даетъ кусокъ мыла.

— Ну, такъ и я поступлю по примѣру этихъ добрыхъ христіанъ. Я преподнесу вамъ въ даръ изъ моего ремесла; предоставляю вамъ на выборъ.

— Что такое? объяснитесь.

— Чтò вы желаете, отецъ мой? Гримасу или же фокусъ?

— Вы смѣтаетесь!

— Такое ужъ мое дѣло! Ну, пусть будетъ фокусъ!

Гоненъ охватилъ монаха своими ловкими руками, немножко потискалъ его, точно будто щупалъ чтò у него подъ платьемъ, потомъ, окончивъ эту эволюцію, сказалъ:

— Протяните теперь руку, отецъ мой.

— Ого!—сказалъ монахъ,—цѣлый парижскій су!

— Это еще не все: держите еще руку.

— Гм... Гм... Четыре экю съ дикобразомъ, и не обрѣзанныя!

— Ну, еще держите.

— Три франка съ конемъ! Ахъ! вотъ ужъ за это отпустится вамъ много грѣховъ!

— Прошлыхъ и будущихъ?.. Ну, такъ берите же безъ счета, ибо у меня много ихъ на совѣсти, да и еще будутъ.

Монахъ, не будучи въ состояніи удержать все въ рукахъ, приподнялъ полу своего платья, чтобы забрать щедроты короля шутовъ; но когда онъ вздумалъ переложить все въ кошелекъ, ея не оказалось.

— Я вижу чего вамъ не хватаетъ,—сказалъ Гоненъ,—и не хочу дѣлать ничего на половину. Вотъ ваша кошелекъ.

— Ахъ, вы, плутъ этакій, вы обошли меня.

— Я же васъ предупреждалъ, отецъ мой.

— За подобныя дѣла прямехонько попадете вотъ въ это зданіе.

— Что жъ, это тоже своего рода театръ, великолѣпнѣйшая рама для гримасъ, какую только можно выдумать. Выглядывающія головы—преуморительны. Наши архитекторы отсюда позаимствовали свои маскароны. Но моя голова туда никогда не попадетъ.

— Corbleu!—крикнулъ монахъ, но сейчасъ же опомнился, что такое ругательство можетъ выдать въ немъ бывшего вояку.—Клянусь Богомъ! вы давно заслужили эту раму, но покровительство королевы замедляетъ вашъ послѣдній скачекъ—на висѣлицу.

— Ну ужъ, актеру, да сдѣлаться кривлякой—это значить опуститься.

— Э, если ужъ умирать, то не все ли равно умирать въ перпендикулярномъ или въ горизонтальномъ положеніи?

— У васъ, отецъ мой, философскій взглядъ на вещи, а это все не монашеское дѣло; какъ ваше имя?

— Монашеское?

— Да, театральное.

— Братъ Саше, ордена капуциновъ.

— А вотъ я, король шутовъ, называюсь Гоненъ; а вы какъ?

— Жанъ Малый.

— Жанъ Малый! Я такъ и думалъ. Свирѣпый на каедрѣ, въ сущности ораторъ умный. Почему вы такой свирѣпый?

— Потому что я живу ради ненависти и хочу ненависть эту внушить своимъ слушателямъ.

Жанъ Малый отбросилъ назадъ свой капюшонъ и показалъ измученное лицо, въ которомъ свѣтились сверкающіе глаза.

— Да, да, я знаю, вы глубоко ненавидите Орлеанскаго,—сказалъ Гоненъ. А про себя онъ добавилъ:

— «Вотъ кого удачно загримировала природа. Какъ отлично подошла бы эта маска для одной изъ нашихъ мистерій».

Гоненъ въ нѣкоторыхъ мистеріяхъ по четыре раза мѣнялъ маску; отсюда и пошла поговорка: *le diable à quatre*.

— Прощайте, отецъ мой,—продолжалъ онъ громко,—я долженъ оставить васъ, чтобы приготовиться къ вечернему представленію.

— Но я-то не могу оставить васъ, братъ мой,—возразилъ монахъ, подымаясь по лѣстницѣ за Гоненомъ,—мнѣ еще нужно переговорить съ вами.

Когда францисканецъ и король шутовъ очутились лицомъ къ лицу на театрѣ, глаза пытаемыхъ на колесѣ вытаращились отъ изумленія при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ; колесо какъ разъ было въ эту минуту въ движеніи.

— Слушайте, братъ, вскиньте глаза въ ту сторону,—сказалъ монахъ.—Посмотрите на эту бѣлокурую голову, надъ которой прибита надпись Ришаръ Карпаленъ.

— Вижу,—отвѣтилъ Гоненъ.—Карпаленъ! Я что-то помню это имя. Не сынъ ли это того смѣшного человѣка, который съ большимъ успѣхомъ могъ бы подвизаться на моемъ театрѣ и у котораго герцогъ Орлеанскій укралъ жену? Славно же пристроили отродье бывшаго сира де-Коні! Вѣдь этому мальчику должно быть не больше пятнадцати лѣтъ. Кто привелъ его сюда?

— Мать!—сказалъ монахъ глухимъ голосомъ.—Тотъ Карпаленъ, котораго вы знали—умеръ. Жену у него отняли во второй разъ. Онъ хотѣлъ прогнать ее за то, что она родила сына, который не могъ быть его сыномъ, но раздумалъ; и этотъ простой человѣкъ, вдохновляемый духомъ мщенія, воспиталъ ребенка, батарда герцога Орлеанскаго, въ чувствахъ глубокой ненависти къ нему...

Не правда ли, король шутовъ, какая славная комедія! Сынъ вооруженъ противъ отца! Мальчику дѣйствительно не болѣе пятнадцати лѣтъ; но онъ получилъ суровое воспитаніе и стѣдитъ взрослому мужчине по силѣ и рѣшимости. Только онъ не умѣлъ сдерживать себя... Короче: онъ осужденъ за оскорбленіе королевскаго брата...

— Отецъ мой, я понимаю, что вамъ очень тяжело видѣть столь строгое наказаніе за такую пустую вину; но не понимаю, чего вы можете требовать отъ меня.

— Вотъ въ чемъ дѣло: я очень хорошо знаю, что вы имѣете огромное вліяніе на королеву и на герцога Бургундскаго. Это кажется несомнѣемымъ, а между тѣмъ оно такъ. Такъ вотъ нужно въ этотъ самый часъ при покровительствѣ королевы, извлечь этого юношу изъ рукъ мессира старшины, для того, чтобы онъ могъ выполнить священный долгъ, завѣщанный ему отцомъ... тѣмъ, кого онъ считаетъ своимъ отцомъ.

— Но вѣдь вы предлагаете мнѣ сдѣлку съ дьяволомъ, такъ какъ я же дьяволъ...

— Знаю.

— Мнѣ нужны души, какъ и ему.

— И это знаю,—энергично заявилъ монахъ.

— Будь по вашему! Я послужу вамъ, отецъ мой. Только можетъ быть приказъ королевы опоздаетъ къ началу экзекуціи ремнями.

— О, раньше и не нужно! Плеть чудесное возбуждательное средство.

— Вотъ истинно христіанское милосердіе!

— Такъ я могу на васъ рассчитывать, король шутовъ?

— Конечно, да, потому что вы мнѣ понадобятся.

— Отлично, прощайте, братъ мой.

— Прощайте, кумъ!

Гонень пошелъ за свои перегородки, а монахъ спустился по ступенькамъ. Закрывшись капюшономъ, онъ прошелъ мимо массы любопытныхъ, которые всѣ покинули позорное мѣсто для подмостковъ и для того, чтобы насладиться зрѣлищемъ такого необычайнаго пролога, какъ разговоръ францисканца съ королемъ шутовъ на сценѣ театра Безшабашныхъ.

Шутъ Кокильяръ, скромно усѣвшійся въ сторонкѣ, теперь всталъ съ мѣста и началъ съ того, что запѣлъ слѣдующую пѣсню:

«Когда съ пирушки холостой

«Я возвращаюся домой,

«О, если бы вы знали

«() чемъ я думаю тогда!

«Я часто вижу, господа,

«Чего вы не видали.

«Парижъ, съ его домами въ рядъ,

«Мнѣ стадомъ кажется ягнать,

«А башни — пастухами.
 «Ягнята рѣзвые бѣгутъ
 «Къ рѣкѣ, за ними вслѣдъ идутъ
 «И пастухи съ бичами.
 «Увы! опасенъ водопой!
 «Засѣли волки надъ водой
 «И стадо поджидаютъ.
 «На островѣ стоитъ Пале...
 «На берегахъ же два Шатле
 «И пасти разѣваютъ».

— Славная пѣсенка!—сказалъ Геренъ Буасо, бывшій въ числѣ зѣвакъ передъ подмостками.

— Знаемъ мы, что это значитъ!—прибавилъ Бурнишонъ.

— А я такъ думаю, что эта пѣсня про васъ двоихъ!—сказалъ Лескалопье.

Одинъ изъ присутствующихъ, повидимому, провинціалъ, робко пробормоталъ:

— Я не понимаю, что онъ хотѣлъ сказать своей пѣснью.

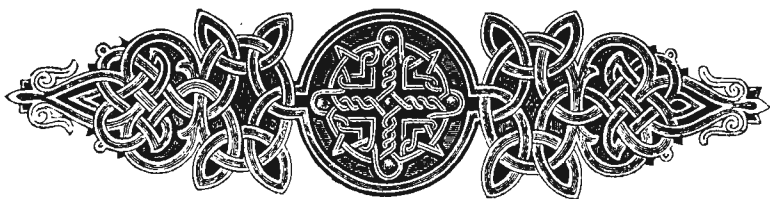
— Да то, что ты дуракъ!—пропищаль какой-то мальчишка.

Толпа захохотала. Глупая выходка вызвала шумное одобреніе.

— Молчать!—вдругъ крикнулъ Кокиляръ.—Сейчасъ начнетъ говорить самъ король шутовъ.

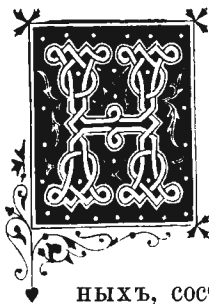
Въ самомъ дѣлѣ шутъ народа, а не короля, собирался сказать рѣчь.

XXI.

Бургундія и Орлеанъ.

АСТУШИЛО глубокое молчаніе: каждый боялся проронить слово мэтра Гонена, который очень рѣдко удостоивалъ публику своихъ рѣчей съ высокой эстрады.

— Люди парижскіе и иные, если таковые здѣсь находятся,—загремѣлъ онъ тѣмъ могучимъ голосомъ, который когда-то раздавался въ громадной залѣ замка де-Боте,—труппа Безшабашныхъ, составленная мною, королею шутовъ, съ разрѣшенія короля, нашего повелителя, для представленія фарсовъ, соти (sotie), чертовщины и нравоченій, на рынкахъ добраго города Парижа, дасть вамъ сегодня, въ три часа по полудни, представленіе: Мученія св. Евстафія, въ которомъ Богъ-Отецъ появится въ новомъ костюмѣ. Жеромъ Кокильяръ, здѣсь присутствующій, замѣнитъ меня въ роли Люцифера, такъ какъ я сегодня долженъ быть на обѣдѣ въ отелѣ Сень-Поль.

Въ эту минуту раздалась оглушительная музыка цимбаловъ, барабановъ и колокольчиковъ.

Когда гвалтъ нѣсколько поутихъ, Гоненъ докончилъ анонсъ:

— За этой пьесой послѣдуетъ представленіе Притворный миръ или примиреніе Людовика, дворянина Орлеанскаго, съ Жанно, дворянчикомъ изъ Бургундіи; подъ видомъ причастія они раздѣляютъ между собою... вафлю.

Снова раздалась музыка, заглушившая хохотъ народа.

— Я надѣюсь, что подобная дерзость не пройдетъ даромъ, — сказала Лескалонье своимъ обоимъ пріятелямъ.—До чего мы дойдемъ, если допустить такое неуваженіе къ принцамъ!

— А я стою за то, что не мѣшаетъ дать хорошенькій урокъ Орлеанскому,—сказаль Бурнишонъ.

— Да и я тоже,—прибавиль Геренъ Буасо.

Король шутить еще не все сказалъ.

— Между мистеріей и соти, — продолжалъ онъ, — исполнена будетъ пляска скомороховъ; потомъ Жеромъ Кокильяръ прочтетъ стихи (un lai) моего сочиненія касательно дѣлъ храбраго стрѣлка, именуемаго Вильгельмомъ Телемъ, который ровно сто лѣтъ тому назадъ убилъ тирана Геслера. Въ заключеніе, люди парижскіе и иные, если таковыя найдутся, прошу васъ не стрѣлять горохомъ изъ сарбакановъ въ Бога-отца и его товарищей. Это мѣшаетъ ихъ игрѣ. Будьте же поскупиѣ на... горохъ.

Новый взрывъ хохота опять заглушенный тяжелой и безпощадной музыкой.

— Это что еще за Геслеръ?—спросиль Бурнишонъ у Герена Буасо.

— Должно быть что-нибудь въ родѣ нашего герцога Орлеанскаго,—отвѣчалъ послѣдній.

— Это былъ, — объяснилъ Лескалопье, — такой человекъ, который сбиваль яблоки стрѣлами изъ лука, и никогда не даваль промаху.

Во время этихъ переговоровъ, метръ Гоненъ, сойдя съ эстрады, пошелъ къ Этьену Мюсто, находившемуся у мѣста казни.

— Кузенъ,—сказаль онъ,—я хотѣлъ бы освободить вотъ этого юнца, что тамъ вертится.

— А онъ развѣ изъ твоихъ,—спросиль Мюсто.

— Потомъ будетъ мой.

— Такъ тебѣ хочется спасти его отъ плетей?

— Именно.

— Невозможно! Вся эта чернь, которую ты привлекъ своимъ анонсомъ и которая теперь опять хлынула къ моему театру, чуть не закидала меня камнями, когда я сцапаль Карпалена; но она же зареветъ какъ легионъ ословъ, если я лишу ея удовольствія присутствовать при обѣщанныхъ сорока плетяхъ.

— Что за славный народъ! А я все-таки долженъ отнять у него эту добычу.

— Какимъ образомъ?

— Я нашель средство; вѣдь герцогъ Бургундскій можетъ спасти осужденнаго? не правда ли?

— Конечно, можетъ.

— Ну, такъ онъ сейчасъ будетъ проѣзжать здѣсь на церемонію. Дѣло мое въ шляпѣ.

— Сколько еще у насъ времени впереди?

— Полчаса.

— Этого довольно, тѣмъ болѣе, что я уже слышу вдали крикъ: «да здравствуетъ Бургундія!»

Дѣйствительно подъѣзжалъ герцогъ. Онъ только-что выѣхалъ изъ отеля своего въ улицѣ Pavée-Saint-Sauveur (въ настоящее время улица Petit-Lion). Отель этотъ былъ настоящая крѣпость, отъ которой осталась теперь лишь одна толстая четырехугольная башня, гдѣ въ стрѣльчатомъ тимпанѣ одного изъ наружныхъ углубленій, еще замѣтны два струта и проволока, выгбпленные посреди готическихкихъ узоровъ.

И такъ герцогъ Бургундскій ѣхалъ нѣсколько впереди своей свиты. На немъ былъ строгій костюмъ безъ всякой золотой или серебряной вышивки. Это былъ черный всадникъ на ворономъ конѣ. Когда онъ остановился неподвижно, то казалось недоставало только пьедестала для этой конной статуи. Народъ любовался его плотной фигурой и широкими плечами.

— Ноё! Да здравствуетъ Бургундія! — кричала толпа.

Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что казалось толпа опрокинетъ герцога. Онъ радовался своей популярности; онъ часто говаривалъ своимъ приближеннымъ:

— Эти любезности тѣ же фонды; онѣ стоятъ капитала.

Увидя подошедшаго къ нему Гонена, онъ сказалъ:

— А-а! Вотъ и нашъ весельчакъ, король шутовъ! Ну что, какъ идетъ вашъ театръ?

— Плохо, ваша свѣтлость. Самый забавникъ нашей труппы попалъ на пытку. Вотъ посмотрите, какую онъ корчитъ фізіономію.

— Что же онъ сдѣлалъ?—спросилъ герцогъ.

— Онъ позволилъ себѣ нѣкоторыя выходки противъ герцога Орлеанскаго.

— Напрасно. Значить онъ виновать.

— Очень виновать, конечно; но, ваше высочество, въ такой торжественный день всякая вина отпускается, и вы знаете обычай: когда король проѣзжаетъ мимо лобнаго мѣста, онъ милуетъ осужденнаго. Такъ какъ король нашъ боленъ, то ваше высочество, пользуясь одной изъ прерогативъ власти, могли бы воспользоваться ею въ дѣлѣ помилованія.

— Славно сказано, шутъ, и я такъ и сдѣлаю.

Онъ тутъ же приказалъ двоимъ изъ своихъ офицеровъ, Монтодуну и Рауле д'Актонвилю освободить осужденныхъ.

Офицеры немедленно привели ихъ.

— Моего весельчака зовутъ Ришаромъ Карпаленомъ,—сказалъ Гонень, представляя его герцогу.

— А другого я какъ будто видалъ гдѣ-то,—перебилъ герцогъ, указывая на того, кто порицалъ монету.

— Это водоносъ Николай Малъе. Онъ стоитъ около отеля вашего высочества,—объяснилъ Рауле д'Актонвиль.

— Ну, и пусть онъ вернется къ своимъ ведрамъ¹⁾, а ты тоже ступай къ своимъ шутамъ,—прибавилъ герцогъ, довольный своей шуткой.

Чернь привѣтствовала его новыми криками, всякому хотѣлось прикоснуться къ рукѣ его.

Послѣ этой оваціи, Іоаннъ Безстрашный, какъ его называли тогда, продолжалъ свой путь, однако не безъ труда,—толпа тѣснила его со всѣхъ сторонъ. Стрѣлки вынуждены были расчищать дорогу.

Едва онъ отъѣхалъ, какъ послышалась труба со стороны Люксамбургскаго дворца.

Герцогъ Орлеанскій, узнавъ о томъ, что произошло здѣсь, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ церковь, рѣшилъ сдѣлать крюкъ, чтобы испытать расположеніе черни, или, лучше сказать, подразнить ее, такъ какъ ему слишкомъ хорошо было извѣстно, что его ненавидятъ.

---

¹⁾ Непереводимая игра словъ: seau—ведро и sot—дуракъ, шутъ.

XXII.

Парижскій народъ и герцогъ Орлеанскій.

«Уздой позорною стѣсняемый народъ
«Грызеть ее порой и тягостно вздыхаетъ,
«Когда жъ очнется онъ и свой позоръ пойметъ—
«Ужасенъ въ гнѣвѣ онъ, пощады онъ не знаетъ».

ОГДА ГЕРЦОГЪ Орлеанскій проѣзжалъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ Рынковъ, Мюсто привелъ къ своему кузену Ришара Карпалена.

Дорогою сынъ Маріеты д'Ангіенъ, тѣснымъ толпою, толкнулъ другого юношу, сына Колины Демеръ: молодые люди схватили другъ друга за горло.

— Батардъ!—сказалъ Ришаръ Карпаленъ.

— Самъ ты батардъ!—отвѣтилъ противникъ, угрожая ему ножомъ.

Они и не знали, что были такъ близки къ истинѣ.

Гоненъ съ хохотомъ развелъ ихъ. Жакобъ Демеръ ушелъ, ругаясь.

— Поблагодари мэтра Гонена,—сказалъ Мюсто Ришару,—герцогъ Бургунскій помиловалъ тебя по его просьбѣ.

— Благодарю васъ, мэтръ,—вскрикнулъ Ришаръ Карпаленъ,—и вѣрьте моей вѣчной признательности.

— Э! что такое признательность? дымъ одинъ.

— Приказывайте: вы увидите мои дѣла, а не слова.

— Что жъ, посмотримъ.

— Но только...

— Что такое?

— Съ однимъ условіемъ, что вы не станете препятствовать мнѣ совершить одно дѣло мести; въ этомъ я далъ клятву.

— Напротивъ! Но, скажи мнѣ, другъ мой, ты еще слишкомъ молодъ, чтобы носить въ головѣ планы мщенія.

— У меня въ головѣ сидитъ это слово съ тѣхъ поръ, какъ я началъ понимать слова!

— Отецъ тебѣ внушилъ?

— Да.

— А мать?

— Мать я мало зналъ.

— Ну, на первый разъ довольно. Ступай за мною.

Гоненъ вошелъ къ себѣ въ театръ, куда Ришаръ Карпаленъ хотѣлъ за нимъ послѣдовать, но въ эту минуту послышался рѣзкій звукъ трубъ и крики: «да здравствуетъ Орлеанскій!»

Въ ту же минуту молодого человѣка увлекла толпа; сдавленный со всѣхъ сторонъ, бросаемый взадъ и впередъ, онъ не устоялъ и упалъ какъ-разъ подъ ноги лошадей отряда стрѣлковъ, которыми командовалъ Рибле, напрасно старавшійся расчистить путь, крича:

— Назадъ, мужичье!

Стрѣлковъ окружила куча ребятъ, слѣдовавшая за ними отъ самаго дворца и съ увлеченіемъ, видимо подогрѣтымъ до-бѣла, орала:

— Да здравствуетъ Орлеанскій!

Герцогъ былъ ослѣпительнъ. На немъ былъ голубой бархатный плащъ, отороченный золотымъ галуномъ и вышитый серебряными линиями; шляпа гранатоваго цвѣта бархата, съ которой каскадами ниспадали страусовыя перья бѣлыя, блѣдно-розовыя и свѣтло-зеленыя и мѣшались съ длинными вьющимися волосами, обрамлявшими шею, бѣлую, какъ у женщины. Вокругъ этой шеи, какъ змѣя, извивалось ожерелье изъ крупнаго жемчуга. Прибавьте къ этому природную красоту, освѣщенную теперь радостнымъ настроеніемъ. Его большіе глаза горѣли пламенемъ, зажженнымъ какою-нибудь новой любовной интрижкой. Среди враждебно-настроенной толпы, онъ дышалъ спокойствіемъ беззаботности.

Сеньоры его свиты также сверкали золотомъ и серебромъ.

— Если къ нему нельзя добиться ходу у него во дворцѣ,—сказалъ Бурнишонъ Герену Буасо,—такъ я здѣсь поговорю съ нимъ.

— А я поддержу васъ, кумъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Что вы еще выдумали?—возразилъ Лескалопье.—Что значать ваши мизерныя дѣла, когда здѣсь дѣло идетъ о вопросахъ государственныхъ.

Но не смотря на всѣ его возраженія, Бурнишонъ выступилъ впередъ, а за нимъ и Геренъ Буасо.

— Ваша свѣтлость,—крикнулъ онъ,—ваши офицеры разоряютъ насъ... и отказываются потомъ платить деньги... вы тоже не платите намъ долговъ...

— Что онъ тамъ поетъ, этотъ негодяй?—спросилъ Орлеанскій.

— А вотъ и другой негодяй запоетъ вамъ ту же пѣсню,—въ свою очередь крикнулъ Геренъ Буасо,—а вотъ и третій,—указалъ онъ на Лескалопье, который поспѣшилъ скрыться въ толпѣ.

Но въ замѣнъ его выступили другіе кредиторы, ободренные рѣшимостью первыхъ. Поднялся гвалтъ невообразимый.

— Гола! Рибле! сюда, сержантъ! бейте эту сволочь,—кричалъ Орлеанскій,—а вы, Савуази, посылайте вашихъ пажей за подмогой.

— Увы!—вздохнулъ шамбеланъ,—со времени парламентскаго указа, у меня больше нѣтъ пажей.

Но грозныя требованія не прекращались.

— Ну, будетъ, смирно!—насмѣшливо сказалъ герцогъ.—Я объ васъ позаботился. Всѣ вы значите въ моемъ духовномъ завѣщаніи.

— Ну такъ, значить, намъ всѣмъ скорѣ заплатятъ!—проревѣлъ какой-то Голіаѳъ въ одеждѣ мясника.

Схвативъ подъ уздцы лошадь герцога, онъ замахнулся на него широкимъ ножомъ, но въ эту самую минуту кто-то хватилъ его самого ножомъ въ животъ и онъ грузно рухнулъ на землю.

Ударилъ мясника никто иной, какъ Жакобъ; но пока онъ съ торжествующимъ видомъ размахивалъ ножомъ, другой юноша кинулся на него, чтобы отнять у него оружіе и поразить имъ герцога. Это былъ Ришаръ Карпалень.

Жакобъ старался вырваться, но противнику удалось выхватить у него оружіе. Не удалось только прорваться сквозь окружавшую его тѣсную кучку.

— Ахъ, Господи Боже мой!—промолвилъ герцогъ Орлеанскій,—еслибы не этотъ мальчикъ, я былъ бы убитъ. Посади его къ себѣ на лошадь, Рибле, и потомъ представь его мнѣ, когда мы вернемся въ отель.

— Слушаю, ваше высочество!—и Рибле сталъ подсаживать мальчика.

— Э, да это Жакобъ!—крикнулъ онъ.

— Ты его знаешь?—спросилъ герцогъ.

— Это сынъ Колины Демеръ, ваше высочество.

Орлеанскій вздрогнулъ и задумчиво прибавилъ:

— Поручаю его твоей особенной заботливости, Рибле.

Толпа продолжала кричать и волноваться, но такъ какъ уже слышались вдали крики приближавшагося подкрѣпленія, то Орлеанскій храбро противостоялъ грозѣ.

— Разступись, сволочь!—гаркнулъ онъ,—или я съ своими людьми всѣхъ васъ передавлю!

Народная масса отхлынула на обѣ стороны, чтобы пропустить герцога и его свиту.

Вдругъ Орлеанскій замѣтилъ молодого человѣка, который стоя

на эстрадѣ мэтра Гонена размахивалъ кинжаломъ и бросалъ на герцога дерзкіе и вызывающіе взгляды.

— Что это еще за бѣшеный чертенокъ?—спросилъ онъ.

— Это тотъ самый, что вырвалъ у меня ножъ, которымъ хотѣлъ убить васъ,—сказалъ Жакобъ.

— Эй ты! маленькій убійца! Кто ты такой?—спросилъ, возвысивъ голосъ, герцогъ Орлеанскій.

— Я сынъ Маріеты д'Ангиенъ,—громовымъ голосомъ крикнулъ Ришаръ Карпаленъ.

Герцогъ запатался; поводья выскользнули у него изъ рукъ, но онъ быстро схватилъ ихъ.

— Оба мои батарды!—прошепталъ онъ.—Одинъ хочетъ убить меня, другой защищаетъ... Чтобы сказали ихъ матери?..

Потомъ, повелительно махнувъ рукою:

— Ъдемте, господа, пора!—сказалъ онъ.

Дѣйствительно, на церкви св. Евстафія било двѣнадцать часовъ, а церемонія была назначена ровно въ полдень.

Затѣмъ, прямо уже обращаясь къ тому, о комъ шла рѣчь, онъ сказалъ:

— Мой юный другъ, ты пониже надвинь свою шляпу, хотя я лъщу себя надеждою, что заgrimировалъ тебя такъ превосходно, что никто не узнаетъ въ тебѣ Ришара Карпалена съ лобнаго мѣста. Но все-таки не слѣдуетъ пренебрегать никакой предосторожностью.

— Хозяинъ, буду ли я пѣть?—прервалъ теноръ труппы Безшабашныхъ.

— Можетъ быть; но ты дождись, пока тебя попросятъ и тогда спой что-нибудь изъ сочиненій Людовика Орлеанскаго; это выйдетъ очень хорошо. Теперь ступайте всѣ на эстраду, чтобы быть готовымъ по первому сигналу.

Ришаръ пошелъ было за другими, но Гоненъ остановилъ его.

— Садись-ка возлѣ меня, да потолкуемъ, пока пожалуютъ принцы. Прежде всего, не подумай, что если я помогаю тебѣ въ томъ, что ты считаешь своей миссией, то, значить, одобряю ее. Она только вполнѣ входитъ въ составленный мною планъ. И такъ, по знаку моему ты подойдешь къ герцогу Бургундскому и скажешь ему то, о чемъ мы условились. А теперь, вернемся къ твоей исторіи. Ты говоришь, что отецъ твой поселился въ Кутра въ Аквитаніи, такъ, кажется?

— Такъ, хозяинъ; и тамъ онъ жилъ перепискою рукописей.

— И оттуда-то герцогъ Орлеанскій и увезъ твою мать? Это для него было легче сдѣлать, чѣмъ взять Бордо!

— Оттуда. Отецъ мой, котораго я не видѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, послѣдно выписалъ меня изъ Монпелье, гдѣ я учился и заставилъ меня дать клятву отомстить поруганную честь семьи кровью похитителя. «Я бы не возлагалъ на тебя этой обязанности, сказалъ онъ, но нужда и страданія отняли у меня всѣ силы; черезъ нѣсколько дней меня не станетъ. Полагаюсь на тебя». Я хотѣлъ броситься въ его объятія, но онъ остановилъ меня жестомъ.

— Странно! А до отъезда твоего въ Монпелье, показывалъ онъ тебѣ хоть какое-нибудь расположеніе?

— Ни малѣйшаго.

— Однако, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ тебя ученаго.

— Это не онъ, а моя мать. Она думала, по окончаніи моего ученья, послать меня въ Парижъ, гдѣ навѣрное, я могъ чего-нибудь достигнуть.

— Гм! одного знанія мало. Оно не въ цѣнѣ. Тутъ нужно другое происхожденіе... ну хотя бы, на примѣръ, еслибы ты былъ баттардомъ какого-нибудь сеньора.

Гоненъ произнесъ слово баттардъ безъ всякаго, повидимому, намека.

Ришаръ не обратилъ на это вниманія.

— Такъ, значить, для меня нѣтъ никакой надежды чего-нибудь достигнуть?

— Если бы у тебя были деньги, ты могъ бы достигнуть богатства.. Есть они у тебя?

— Нѣтъ.

— Значить ты долженъ выбирать одно изъ двухъ: или церковь, или скоморошество. Быть или монахомъ, или плутомъ, выбирай! Кто знаетъ? можетъ быть тебѣ и достанется первый призъ. Вѣдь было же недавно, что чеботарь изъ Троя попалъ въ Римъ папой, а въ настоящее время, король воровъ никто иной, какъ калѣка (le roi de l'argot est un cul-de-jatte).

— О, хозяинъ, какое сопоставленіе!

— Другъ мой, я предупредилъ тебя, что поступая къ намъ, ты долженъ поочистить свой мозгъ, оставить у нашихъ дверей, на порогѣ, всѣ ложныя идеи, всѣ глупыя предрасудки твоего воспитанія. Послѣ этой очистки, умъ твой прояснится и глаза будутъ смотрѣть прямо. Со сцены, на которой ты будешь, и гдѣ зрители станутъ для тебя зрѣлицемъ, ты откроешь суть вещей, увидишь, какъ движутся всѣ пружины, которыя какъ говорилъ грекъ Лукіанъ, одушевляли статую того самаго Юпитера Громовержца, которому поклонялся народъ. Ты будешь присутствовать при исполненіи длиннаго фарса, имѣющаго разыгратъ передъ тобой и который современемъ станетъ исторіей.. Я объясню тебѣ его, какъ вѣрный прологъ.

Едва замолкли эти слова, какъ раздалась трубы; послышался большой шумъ на дворѣ отеля Сень-Поль: здѣсь смѣшивались звонъ колокольчиковъ, бряцанье оружія, лошадиный топотъ, голоса слугъ и пажей, лай собакъ и крики черни. Весь этотъ гамъ возбѣждалъ возвращеніе принцевъ съ церемоніи примиренія.

Гонень и Ришаръ успѣли взойти на эстраду; а музыканты встрѣтили симфоніей появленіе двухъ примирившихся, которые вошли, держась за руки. За ними шли три герцога—дяди, въ сопровожденіи дворянства и всѣхъ тѣхъ честныхъ людей, которые настаивали на примиреніи, имѣя въ виду прекращеніе той розни, которой воспользовались англичане, для расширенія своихъ завоеваній.

Простой народъ и буржуазія не только заставили умолкнуть свою ненависть, но даже кричали отъ восторга, видя что два врага, сдѣлавшіеся друзьями, проѣхали разстояніе отъ церкви до отеля Сень-Поль, сидя на одной лошади, поддерживая другъ друга рукою и попеременно пересаживаясь на лошади, чтобы каждому изъ нихъ удобнѣе было при остановкахъ обращаться съ рѣчью къ народу. Толпа во все горло не переставала кричать: «да здравствуетъ Жанно! Да здравствуетъ Людовикъ!» повторяя тѣ же названія, какія употребилъ въ своей пьесѣ король шутовъ, но кричала

это съ искреннимъ увлеченіемъ, а не съ ироніей мэтра Гонена. Между тѣмъ какъ принцы смѣялись, слыша это безцеремонное выраженіе симпатіи и когда смѣхъ этотъ сообщился всей свитѣ, начиная съ самаго знатнаго вельможи и кончая сержантомъ Рибле и жандармами, юный Жакобъ, все еще сидя за спиной у Рибле, раскланивался съ толпою съ гордымъ видомъ заправскаго принца.

Съ наступленіемъ ночи, по распоряженію Парижскаго старшины, по всему городу зажглась иллюминація. При свѣтѣ свѣчей, зажженныхъ на каждомъ окнѣ, народъ толпами плясалъ и пѣлъ до разсвѣта; не обходилось и безъ выпивки. Сначала чокались стаканами, а потомъ перешли къ толчкамъ, къ пинкамъ, къ потасовкѣ. У многихъ остались тяжелыя воспоминанія объ этой ночи.

Герцоги Бургундскій и Орлеанскій, утомленные странствованіемъ чрезъ весь городъ, да еще вдвоемъ на одной лошади, почти упали въ два готическія кресла, гдѣ за минуту до того сидѣли мэтръ Гоненъ и Ришаръ.

Они были въ особенности измучены удушающей жарой съ тучами пыли на прибавку. Поэтому они сдѣлали честь рогамъ душистаго, ипокраса, поданвымъ слугами на серебряныхъ подносахъ.

Пока все это совершалось, музыканты короля шутовъ исполняли симфонію.

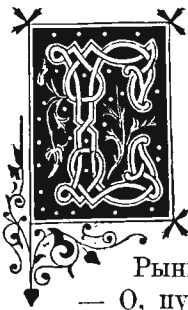

XXIV.

П а ж ъ.

«Дитя, цвѣтущее здоровьемъ и красою,
«Съ надеждами на жизнь, безъ страха предъ судьбою,—
«Мечтаетъ по утру о счастьѣ безъ заботы.
«Но вечеръ свѣтлыя мечтанья разобьетъ!»

ЦЕНА, О КОТОРОЙ впередъ говорилъ Рипару мэтръ Гоненъ, не замедлила разыгратъся.

— Кузень, — сказалъ черный принцъ другому принцу, раззолоченному и разукрашенному какъ икона св. мученика Георгія Побѣдоносца, — я слышала къ величайшему сожалѣнью, о томъ, что случилось съ вами при проѣздѣ вашемъ черезъ

Рынки.

— О, пустяки! — отвѣчалъ Орлеанскій, — купцы пристали ко мнѣ: мои офицеры забыли уплатить имъ долги.

— Эти бѣдняки должны бы кажется ужъ привыкнуть къ подобнымъ фактамъ... обычай становится правомъ, правда, такого права нѣтъ въ Капитуларіяхъ Карла Великаго: при тогдашнемъ дворѣ были другіе нравы!

— А вы это навѣрно знаете, кузень?

— Нитардъ — одинъ изъ современниковъ, и даже болѣе — родной внукъ Карла Великаго, сынъ его дочери Берты, тайно обвиненной съ Ангельбертомъ, — такъ вотъ этотъ Нитардъ рассказываетъ будто двѣ дочери этого государя, т. е. тетки Нитарда, принявъ санъ монахинь, своимъ непристойнымъ поведеніемъ скандализировали весь дворъ. Я бы могъ привести вамъ еще свидѣтельство историка Эмуана (Aimoin).

— О, я не сомнѣваюсь въ вашей глубокой учености... Я допускаю все, что вы говорите о прошломъ; но вернемся къ тому, что касается васъ,—вамъ дѣйствительно грозила опасность.

— Оставимъ это, племянникъ,—вмѣшался герцогъ Беррійскій.—Ничего тамъ особеннаго не случилось; доказательствомъ служатъ тѣ радостные крики, которыми сейчасъ чернь привѣтствовала обоихъ васъ.

— Однако,—настаивалъ Іоаннъ Бургундскій,—говорятъ, если бы не мальчикъ...

— Кстати,—сказалъ Орлеанскій,—шамбеланъ Савуази! Несмотря на указъ, я требую, чтобы этотъ мальчикъ состоялъ при мнѣ въ качествѣ пажа.

— Это уже сдѣлано, ваше высочество.

И онъ пошелъ за Жакобомъ, который въ костюмѣ пажа стоялъ въ глубинѣ залы.

— Право,—продолжалъ Орлеанскій, взглянувъ на него,—можно подумать, что онъ всегда былъ пажемъ. Какой хорошенькій, ловкій.

Онъ потрепалъ его ладонью по щекѣ, онъ бы обнялъ и расцѣловалъ его, если бы его не окружали свидѣтели, уже начинавшіе чесать зубы. Въ числѣ такихъ былъ Гюгъ де-Гизей, напомнившій ближайшему сосѣду о появленіи Колины Демеръ на Судѣ Любви.

— Ты всегда будешь при мнѣ, пажикъ, будешь служить мнѣ за столомъ.

— О! какое для меня счастье,—отвѣчалъ восторженно Жакобъ.

— Этотъ юноша,—продолжалъ Іоаннъ,—дастъ себя убить за васъ, если представится случай, а сегодняшнее происшествіе, кузень, можетъ повториться.

Орлеанскій, видимо, задѣтый такой настойчивостью, возразилъ очень громко:

— Признаюсь, я ничего не дѣлаю для того, чтобы нравиться этой сволочи; я никогда не стану брататься съ ними и здороваться за руку съ мясниками и кожевниками или подставлять щеку для поцѣлуя рыночнымъ дамамъ, отъ которыхъ несетъ чеснокомъ. Пфу!.. Вотъ источникъ нахальства черни и всѣхъ бунтовъ. На этотъ сюжетъ я сочинилъ фаблію, надъ которымъ вы подумайте. Содержаніе этого фаблію такое: рыцарь подаетъ руку мужику; мужикъ сначала цѣлуетъ ее, потомъ жметъ въ своей рукѣ, потомъ сильно тянетъ ее и въ концѣ концовъ стаскиваетъ рыцаря на-земь.

— Превосходный сюжетъ для фаблію,—сказалъ Гюгъ де-Гизей.

— Я тебя сброшу когда-нибудь этой мужичьей рукой, которую ты такъ презираешь,—проворчалъ герцогъ Бургундскій.

Герцоги Анжуйскій, Беррійскій и Бурбонскій, желая положить конецъ разговору, который могъ принять дурной оборотъ, поднялись съ мѣстъ, говоря, что имъ хочется ѣсть.

Орлеанскій подалъ знакъ, по которому занавѣсъ въ глубинѣ

залы поднялась и присутствующіе увидѣли совсѣмъ накрытый столъ, на которомъ возвышались цѣлые причудливые монументы пирожныхъ и всякихъ сластей, окруженныхъ цвѣтами. Пятеро герцоговъ усѣлись за этотъ столъ, а за каждымъ сталъ одинъ изъ дворянъ, состоявшихъ при нихъ: Рауле д'Актонвиль помѣстился за герцогомъ Бургундскимъ, за Анжуйскимъ, Беррійскимъ и Бурбонскимъ стали Сурди, Монтодуенъ и Тюльеръ; что же касается до Орлеанскаго, то за нимъ, по его приказанію, сталъ Жакобъ.

Распорядителемъ пира былъ шамбеланъ короля Карлъ Савуази.

Загремѣли трубы, множество слугъ разносили вокругъ стола серебряные кувшины и блюда; трубные звуки, раздававшіеся съ перерывами, покрывали нескончаемую симфонію, которая опять началась.

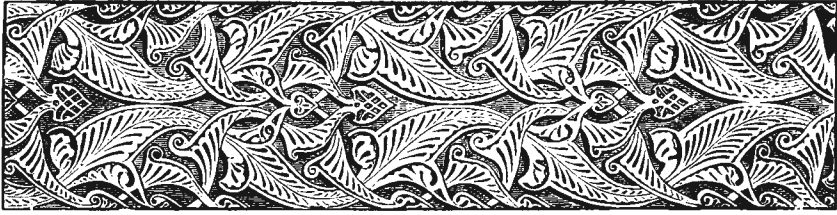
Бургундскій и Орлеанскій, сидя рядомъ, оказывали другъ другу придворныя любезности, отказывались брать кушанья одинъ раньше другого, многіе изъ ихъ сторонниковъ остались этимъ очень довольны; но были и такіе, которыхъ эта игра не обманывала.

— Гм!—говорилъ Гизей на ухо Тюльеру, который, какъ ему было извѣстно, былъ приверженцемъ королевскаго брата,—я надѣюсь, что герцогъ Орлеанскій не поймается на удочку, сколько ни гримасничай этотъ Жанно!

— Можете быть въ этомъ увѣрены, сирь Гюгъ; онъ послѣ ужина, непременно вымоетъ себѣ духами руки, чтобы очиститься отъ подлога прикосненія руки, запятнанной чернью.

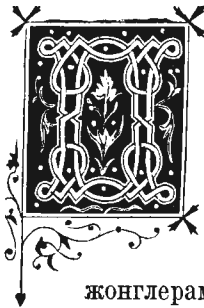
— Ахъ, когда же прійдетъ часъ возмездія за наглость его и всей его свиты!—прошепталъ Рауле д'Актонвиль, не проронившій ни одного слова изъ отвѣта Тюльера.

XXV.

Баллада.

ПЛЕАНСКІЙ, чувствительный какъ женщина и поэтъ по темпераменту, находился подъ обаяніемъ аромата цвѣтовъ, которыми покрытъ былъ столъ, но частыя возліянія вывели его наконецъ изъ мечтательности.

— Шамбеланъ,—сказалъ онъ,—король шутовъ теперь здѣсь или нѣтъ?

— Онъ, ваше высочество, на эстрадѣ съ своими жонглерами.

— Позовите его, пожалуйста.

По знаку шамбелана, Гонень предсталъ передъ герцогомъ, смущенный непритворно. Онъ помнилъ сцену въ замкѣ де-Боте, и, съ того самаго дня, постоянно боялся, что его узнаютъ, хотя и былъ тогда отлично загримированъ.

— Мнѣ очень странно,—началъ герцогъ,—что ты позволяешь себѣ аллегоріи, направленныя противъ насъ...

— Э, кузень,—послѣшилъ вмѣшаться герцогъ Бургундскій, желая казаться добрякомъ,—простите ужъ ему за то, что онъ очень остроуменъ.

— Я прощу, но только съ условіемъ.

— Съ какимъ, ваше высочество,—спросилъ Гонень.

— А такимъ, что ты долженъ дать мнѣ возможность оцѣнить красоту самой прелестной изъ твоихъ шутихъ. Говорятъ — это цвѣтъ красоты.

— Можно сказать почти розовый бутонъ.

— Только «почти?»

— У нея на это есть достаточное оправданіе: на ея родинѣ слишкомъ жарко.

— Это гдѣ же?

— Въ Андалузїи, ваше высочество.—Про себя Гонень добавилъ: — «Андалузьянка изъ улицы Глатаньи!» Нужно сказать, что одинъ старинный и наивный хроникеръ обозначилъ улицу Глатаньи такими словами: «rue où est des fillettes».

— Хорошо,—прибавилъ Орлеанскій,—мы объ этомъ поговоримъ еще. А теперь, послѣ шутихи, перейдемъ къ шутамъ. Завтрашній день ты, король шутовъ, предоставишь ихъ въ распоряженіе господина шамбелана, который произведетъ имъ смотръ. Понимаете ли, Савуази?

— Отлично понимаю, ваше высочество.

— Но я не понимаю,—сказалъ Гонень.

— Тебѣ вовсе не нужно понимать.

— Можетъ быть даже лучше, чтобы я не понималъ.

— Ты слишкомъ много разсуждаешь, король шутовъ; довольно, даже слишкомъ довольно.

Гонень раскланялся и вернулся на эстраду.

— Кузень Бургундскій,—снова заговорилъ Орлеанскій,—вотъ уже много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ герцогиня Маргарита не была въ Парижѣ... а, между тѣмъ, красота и умъ ея составляли украшеніе двора, пока вы воевали съ невѣрными.

— Она предпочитаетъ уединеніе и чувствуетъ себя лучше въ своемъ герцогствѣ,—отвѣтилъ, едва сдерживаясь, Іоаннь.

— Странно; въ ней не замѣтно было такой антипатїи къ Парижу въ то время, когда вы были въ плѣну у турокъ.

Іоаннь готовъ былъ вспыхнуть, но вмѣшался герцогъ Беррійскій.

— Дорогіе племянники, вы не кушаете, а между тѣмъ вотъ превосходныя ржанки.

Пока тотъ и другой брали предложеннаго блюда, онъ наклонился къ своимъ братьямъ Анжуйскому и Бурбонскому и сказалъ вполголоса:

— Если мы не вмѣшаемся въ разговоръ, то они не долго останутся въ миру.

Затѣмъ прибавилъ громко:

— Правда ли, герцогъ Іоаннь, что турки употребляютъ нѣкое черное, какъ чернило, питье, которое называютъ кофе?

— А правда ли,—спросилъ съ своей стороны герцогъ Бурбонскій,—что они брѣютъ головы и оставляютъ только одинъ клокъ волосъ, за который ангелъ смерти долженъ тащить ихъ въ рай Магомета?

— А то правда,—сказалъ еще Анжуйскій,—что они совсѣмъ не пьютъ вина?

На два первые вопроса Бургундскій только утвердительно кивнулъ головой, на послѣдній онъ отвѣтилъ:

— Никогда; они въ этомъ случаѣ умнѣе насъ.

— Умнѣе? — вскричалъ съ ироніей Орлеанскій, — а въ этомъ умнѣе, что набираютъ себѣ кучу женъ и запираютъ ихъ въ особомъ зданіи, именуемомъ сераль?

— Не вамъ бы бросать камнемъ въ ихъ сераль; вамъ тоже можно поставить на видъ вапъ «Val d'Amour».

— Это выдумка, кузень, сплетни вашихъ пріятелей-мясниковъ и кожевниковъ... этими расказнями тѣшатся простофили у цирюльниковъ.

— А ваши смѣлыя любовныя похождения тоже сказки? Или приписываемыя вамъ побѣды возмущаютъ вашу скромность?

— Нисколько, кузень Жанно, какъ называетъ васъ король шутовъ. Вашъ кузень Людовикъ встрѣтилъ въ жизни весьма немногихъ дамъ, отказавшихъ ему въ любви; но онъ ни мало этимъ не тщеславится, памятуя поговорку изъ стариннаго фэбліо:

«Vous l'êtes, serez ou fûtes, de fait ou de volonté».

— Кузень Людовикъ, вы очень жестоки къ слабому полу и, прибавлю, несправедливо жестоки. Согласенъ, что добродѣтель по улицамъ не бѣгаетъ, но все-таки есть множество примѣровъ...

— Гм... гм... тоже самое рассказываетъ и мѣтръ Гоненъ у себя на эстрадѣ. Только онъ прибавляетъ... извините, кузень, что это мнѣніе нищихъ духомъ, которыхъ тоже весьма много.

— Мѣтръ Гоненъ ничто иное какъ фигляръ. Для васъ въ данномъ случаѣ, онъ только потому можетъ служить авторитетомъ, что вы взяли себѣ за правило судить о женщинахъ только по оригиналамъ тѣхъ портретовъ, которые, въ хронологическомъ порядкѣ стоятъ въ галлерей вашего Брегенскаго отеля. Для большей точности нужно прибавить, что всѣ эти портреты въ костюмахъ земного рая. Когда вы намъ покажете эту галлерей, кузень?

— А когда луна закроетъ солнце.

— Зачѣмъ же такая таинственность?

— А затѣмъ, что я боюсь нѣкоторыхъ заинтересованныхъ глазъ.

— Но мои, надѣюсь, не въ числѣ такихъ?

— Прекрасный кузень, неужели вы всегда будете стоять за исключенія?

— Подлецъ! — проворчалъ Бургундскій, раздавивъ отъ ярости ручку своей шпаги.

— Пусть подають пряности и нектаръ! — закричалъ Беррійскій, чтобы положить конецъ этой сценѣ.

Тогда всѣ, пажы и слуги, заторопились подавать гостямъ сладкіе пирожки съ анисомъ и флаконы наполненные розоватымъ виномъ, которое получалось изъ провинціи Шампаньи, присоединенной къ французскому королевству черезъ бракъ Филиппа Красиваго съ

Жанной Наварской. Это вино сверкало и пѣнилось въ стаканахъ и развязывало языки даже самымъ угрюмымъ людямъ.

Даже на герцога Бургундскаго подѣйствовали нѣсколько стакановъ, выпитыхъ по приглашенію дядей короля.

Увѣнчанный цвѣтами, какъ афинянинъ времянь Анакреона или римлянинъ эпохи упадка, герцогъ Орлеанскій вдругъ всталъ съ мѣста, осушилъ свою золотую чашу и весело воскликнулъ:

— Этотъ пиръ восхитителенъ! Но ему недостаетъ того, что составляетъ душу пира: трувера.

— Пиръ этотъ—вполнѣ пиръ,—возразилъ сеньоръ де-Буабурдонъ.— Въ немъ участвуетъ глава труверовъ.

— Лъстецъ!

— Лъстить, значить, и общественное мнѣніе, которое на сто голосовъ прославилъ вашъ поэтической талантъ. Ахъ, если бы только я смѣлъ, ваше высочество...

— Что бы вы сдѣлали?

— Я бы позволилъ себѣ беспокоить васъ просьбой, къ которой, конечно, присоединились бы всѣ здѣсь находящіеся сеньоры.

— Какая просьба?

— Я бы умолялъ ваше высочество продекламировать намъ одну изъ вашихъ рюмованныхъ пьесъ, которыя вы сочиняете и читаете съ такимъ совершенствомъ.

— Хорошо, добрый принцъ, я готовъ исполнить роль трувера; но прежде,—слушай, пажъ, пойдн и принеси изъ сосѣдней комнаты шкатулку, которую я, предвидя возможность такой просьбы, нарочно велѣлъ принести сюда.

Жакобъ успѣшилъ исполнить приказаніе, и Орлеанскій вынулъ изъ шкатулки листы бумаги, исписанные его почеркомъ. Онъ выбралъ одинъ листокъ и показалъ Карлу де-Савуази, который вполголоса просилъ его не читать этого.

— Ба!—отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Орлеанскій,—у него слишкомъ дубовая голова, чтобы догадаться. Ваше высочество,—сказалъ онъ громко,— я вамъ прочту балладу объ одной очень высокопоставленной дамѣ, объ имени которой умолчу, но чтобы эта баллада была оцѣнена по достоинству, къ ней нуженъ аккомпаниментъ. Савуази, позовите Гонена.

Король шутовъ немедленно явился. Орлеанскій спросилъ у него, знаетъ ли онъ его балладу, начинающуюся такими словами:

«Молва стоустая идетъ»...

— Отлично знаю,—отвѣтилъ Гоненъ,—и не только знаю, но даже положилъ ее на музыку, какъ и всѣ произведенія вашего высочества.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я готовъ сейчасъ доказать вамъ...

— Я тебѣ сейчасъ представлю случай къ тому.

Потомъ съ улыбкою тихо сказалъ Гонену:

— Не забудь также серьезнаго дѣла, о которомъ ты мнѣ говорилъ.

— Какое дѣло? ваша свѣтлость.

— А насчетъ хорошенькой шутихи, что ты долженъ мнѣ представить.

— Когда и гдѣ прикажете?

— Завтра, около полудня, у меня въ замкѣ де-Боте. Ты знаешь гдѣ онъ?

— Нѣтъ, не знаю, — смѣло отвѣтилъ Гонень.

— Между Венсенскимъ лѣсомъ и Ножаномъ; ну, теперь за музыку.

Пока король шутковъ возвращался къ себѣ на эстраду, у него въ умѣ пронесли философія размышленія.

— Все въ этомъ мірѣ одна комедія; только-что мнѣ пришлось играть мою роль съ монахомъ, теперь приходится съ сыномъ короля. Только одна театральная шумиха не фальшива; призываю въ томъ свидѣтелями Аристофана и Плавта! Фарсъ достойный презрѣнія—это исторія!

Отгнавъ отъ себя лирическую мечтательность, Гонень приказалъ музыкантамъ приготовиться сыграть знаменитую балладу. Послѣдніе настроили инструменты и, по знаку своего главы, заиграли морсо. Орлеанскій на лету подхватилъ тонъ и началъ съ первой строфы:

«Молва стоустая идетъ,
 «Что хороша моя подруга,
 «Подъ именемъ цвѣтка слыветъ
 «Она у недруга и друга.
 «Она богата и знатна,
 «Барона гордаго жена,
 «Который ѣздилъ въ Палестину
 «И храбро дрался съ Сарациномъ».

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ, друзья принца-поэта смѣялись подъ шумокъ или же содрогались отъ мысли—сколько ненависти собираетъ онъ на свою голову. Дяди были въ отчаяніи отъ этой безумной выходки. Что же касается до герцога Бургундскаго, то Рауле д'Актонвиль, страшась съ его стороны взрыва, всячески старался успокоить его и удержать его руку.

Орлеанскій съ увлеченіемъ поэта продолжалъ безумствовать:

«Увы! Мнѣ жаль тебя, баронъ!
 «Бѣдняга, и не знаетъ онъ,
 «Что безъ него она внимала
 «Моимъ восторженнымъ рѣчамъ
 «И, снисходя къ моимъ мольбамъ.

«Мнѣ постепенно уступала.
«И разъ, въ глубокой часъ ночной,
«Рукой отъ страсти неумѣлой,
«Я косу ей расплечь не смѣло
«И поясъ развязалъ златой»...

Всякому понятно, какія разнообразныя чувства волновали присутствующихъ.

— Это вашего сочиненія стихи? — спросилъ глухимъ голосомъ Іоаннъ Безстрашный.

— Мои, герцогъ, и это еще не конецъ.

— А, ну посмотримъ!—прибавилъ Бургундскій, весь дрожа.

— Потомъ онъ сказалъ на ухо Рауле д'Актонвиллю, который, одною рукой дѣлалъ ему знаки, чтобы онъ имѣлъ терпѣніе, а другою сжималъ рукоять кинжала.

— Я устрою судьбу твою, если...

— Она устроена, ваша свѣтлость.

Орлеанскій закончилъ, не моргнувъ бровью:

«О, мой цвѣтокъ!.. Я такъ страдаю,
«Но тщетно я тебя молю,
«И лишь одну отраду знаю,
«Когда на твой портретъ смотрю!»

— И этотъ портретъ фигурируетъ въ секретномъ кабинетѣ отеля де Брегенъ?—спросилъ Бургундскій съ налитыми кровью глазами.

— Да, герцогъ, и притомъ онъ также прекрасенъ, какъ и стихи, которые вы только-что прослушали; скромность есть качество безсильныхъ.

— Точно такъ какъ терпѣніе—качество ословъ,—проворчалъ Іоаннъ Безстрашный, вставая, чтобы поразить Орлеанскаго; но въ эту самую минуту раздирающій крикъ, крикъ дикаго звѣря, выходящій изъ-за одной перегородки, поразилъ ужасомъ и оцѣпенѣніемъ всѣхъ присутствующихъ.

Король вырвался изъ своей тюрьмы и, преслѣдуемый сторожами, рычалъ и ревъѣлъ, какъ настоящій звѣрь; онъ остановился на порогѣ какъ призракъ нищеты и голода.

XXVI.

Долина любви (Le val d'Amour).

«Я родился въ Эдемѣ на ложѣ изъ розъ,
«Жизнь мнѣ далъ поцѣлуй первой брачной четы,
«Сладкій мой голосокъ поражаетъ до слезъ,
«Пробуждаетъ въ душѣ золотыя мечты».

ИДАЛИ ЛИ вы когда-нибудь картину Гольбейна, на которой грубо изображено нагое тѣло, лежащее на камнѣ, сухое, неподвижное, съ рѣдкими прямыми волосами, со втянутымъ животомъ и зеленоватой кожей—картина ужасающая по своей правдѣ. Но то, что предстало внезапно передъ пирующими и что называлось Карломъ VI было еще ужаснѣе.

Этотъ трупъ стоялъ, и ходилъ, и рычалъ.

Наконецъ, несчастный безумецъ немного успокоился, лучъ разума проникъ въ его голову.

— Сколько свѣта!—вздыхнулъ онъ, изнемогая отъ истощенія.— Какой обильный столъ! Отчего же вы не позвали меня, когда я умираю отъ голода.

И схвативъ со стола нетронутую курицу, онъ убѣжалъ въ уголь и сталъ ѣсть ее какъ звѣрь.

— Герцогъ Орлеанскій!—сказалъ Иоаннъ Безстрашный,—вотъ дѣло рукъ вашихъ! О, когда-нибудь вамъ придется отдать за это страшный отчетъ!

— Если кому слѣдуетъ отдавать отчетъ за печальное положеніе короля, то развѣ одному Богу. Пусть Онъ вернетъ ему здорově, разумъ, которые Самъ же отнялъ, и тогда не будетъ надобности обращаться съ нимъ какъ съ существомъ близкимъ къ животному. Этого мало еще что онъ безумецъ, но онъ бѣшенный.

— Что это за измѣнникъ говоритъ такія рѣчи?—вскричалъ Карль, вскочивъ какъ ужаленный.—Сумашедшій? да, это отъ судьбы! но бѣшенный?... Почему я бѣшенный? потому что меня довели до бѣшенства тѣ муки, которыя я терпѣлъ.

— Что я говорилъ?—повторилъ Бургундскій, обращаясь къ Орлеанскому.

Потомъ, повернувшись къ Карлу VI, онъ сказалъ:

— Ваше величество, придите въ себя и положитесь на вѣрныхъ слугъ, въ которыхъ у васъ не будетъ недостатка.

— Король!... кто говоритъ, что я король? Надо чтобы всѣ это знали и заявили объ этомъ! Въ этомъ дворцѣ еще есть честные люди. Да, я король. Пусть вездѣ воздаютъ мнѣ должное почтеніе. Ахъ! я помню: я былъ страшно боленъ. Я потерялъ разсудокъ; но теперь онъ вернулся ко мнѣ, несмотря на то, что меня держали въ тюрьмѣ, въ заперти. Теперь кончено!

— Вы слышите?—замѣтилъ Бургундскій Орлеанскому.

Но послѣдній отвѣтилъ прямо королю:

— Братъ мой,—вскрикнулъ онъ съ выраженіемъ искренности,—какая радость для всѣхъ, а въ особенности для того, кто къ вамъ такъ близокъ! Я сейчасъ же отправлюсь возблагодарить св. Діонисія.

— Мы тоже пойдемъ!—воскликнули три герцога.

— Лишь бы только,—прибавилъ Беррійскій,—этотъ проблескъ разума опять не угасъ.

— Но прежде всего,—сказалъ Бургундскій,—пусть снимутъ съ короля это грязное, изорванное рубище; а потомъ уже мы постараемся сохранить разумъ. Матръ Жеанъ Кокерель говорилъ мнѣ объ одной молодой дѣвушкѣ Одеттѣ, которая превосходно ходитъ за больными. Ей бы можно было поручить короля, если бы къ нему опять вернулась меланхолія.

— Это вы отлично придумали,—сказалъ Беррійскій.

— Кромѣ того, есть еще интересная игра въ карты, которую изобрѣлъ нѣкто Пьеръ Гринжонеръ; она очень развлекаетъ больныхъ.

— Благодарю васъ, Иоаннъ Бургундскій,—сказалъ Карль,—видите, я васъ узналъ. Что же до васъ касается, моего брата, какъ вы говорите, то я очень хорошо помню, какъ вы злоупотребляли моею болѣзнью!

— Вы напрасно обвиняете меня, братъ мой. Я долгое время былъ въ отсутствіи по военнымъ дѣламъ, и ваша достойная супруга...

— Достойная моя супруга?.. Ахъ, да, Изабелла, но гдѣ же она?

— Королева,—сказалъ герцогъ Беррійскій,—еще не оправилась послѣ родовъ.

— Какъ! родила! Я объ этомъ ничего не зналъ. Могу я узнать, кто былъ этому причиной и какой у меня ребенокъ родился?

— Сынъ.

— Гдѣ же отецъ его?

Герцогъ Бургундскій закусилъ себѣ губы, чтобы не назвать Орлеанскаго.

— Я хочу видѣть этого сына,—сказалъ король,—я узнаю.

— Государь, онъ умеръ!

— Ну, и хорошо сдѣлалъ! Но, однако, пусть меня одѣнуть. Господа, займитесь дѣлами государства.

Говоря это, Карлъ VI, о которомъ говорили, что онъ самый умный человекъ въ королевствѣ въ то время, когда не бываетъ самымъ глупымъ, принялъ королевскую осанку и направился ко внутреннимъ комнатамъ, въ сопровожденіи герцоговъ Анжуйскаго и Бурбонскаго, а также дворянъ своей свиты.

Въ залѣ остались герцоги Беррійскій, Орлеанскій, Бургундскій, Рауле, д'Актонвиль и Жакобъ, не считая Гонена и Рипара Карпалена, которые отпраздновали всѣхъ жонглеровъ, а сами забились въ самый темный уголокъ эстрады, чтобы присутствовать при дальнѣйшей игрѣ этой комедіи или, иначе, этой исторической драмы.

— Увы!—вздыхалъ Беррійскій,—я очень боюсь, что это не надолго!

— Я однако очень бы желалъ, чтобы онъ принялъ на себя бремя власти,—сказалъ Орлеанскій.

— Королю будетъ весьма трудно устроить финансы,—проворчалъ Бургундскій.

— Вы все видите въ черномъ свѣтѣ, кузень... Послушайте, не хотите ли перебить ваше мрачное настроеніе, сыгравъ партію въ кости?

— Я боюсь, что если я у васъ выиграю, то меня обвинять въ расхищеніи государственной казны.

— Гм... Послѣ битвы при Никополѣ турокъ Баязеть прозвалъ васъ быкомъ. Вы не жалѣете для меня ударовъ рогами.

При этомъ грубомъ оскорбленіи, Иоаннъ Бургундскій опять кинулся было на Орлеанскаго, но Беррійскій опять вмѣшался.

— Если мой племянникъ не желаетъ играть въ кости,—сказалъ онъ,—то пусть онъ полюбуется на миниатюры Жана изъ Брюге къ роману Рено де Монтобанъ. Вотъ онъ здѣсь, на столѣ.

И онъ увлекъ Орлеанскаго въ сосѣднюю залу, устроенную для игры, но Орлеанскій съ Жакобомъ улизнулъ въ боковую дверь и, спрятавъ въ шкафъ свои стихотворенія, вышелъ подземнымъ ходомъ, который шелъ въ отель де Брегень, гдѣ и находилась долина любви (le val d'Amour). Онъ дошелъ до маленькой и кокетливо убранной комнаты, которую все еще занимала Мариета д'Ангіенъ. Прежде чѣмъ переступить святилище, гдѣ лежала на ложѣ изъ бархата, кружевъ и шолка единственная женщина, которую онъ когда-нибудь любилъ, принцъ приказалъ пажу смотрѣть за тѣмъ,

чтобы никто не пробрался въ val d'Amour черезъ дверь, которая вела въ его собственныя комнаты; онъ надѣлъ пажу на шею серебряную цѣпочку, на которой висѣлъ серебряный же свистокъ.

Жакобъ уже нѣсколько минутъ прохаживался по галлерей, когда вдругъ ему пришло въ голову какъ всякому любопытному ребенку одно желаніе. Идя за принцемъ, онъ замѣтилъ, при мерцающемъ свѣтѣ никогда не гасимаго огонька, писанныхъ красавицъ, которыя привлекли его юную душу. Мальчики того времени были такіе-же какъ и нынѣшніе. Всякій разъ какъ, ходя взадъ и впередъ онъ подходилъ къ долинѣ любви, онъ заходилъ все дальше, томимый желаніемъ увидѣть все. Наконецъ, онъ не выдержалъ, перешелъ заповѣдную черту. Онъ вошелъ, и всѣ эти красавицы, болѣе или менѣе прикрытыя, стали пристально смотрѣть на него, точно говоря: «Здравствуй, мой маленькій дружокъ, иди, я поцѣлую твои свѣжія розовыя губки». И онъ подошелъ, и сталъ цѣловать въ губы тѣ портреты, которые особенно влекли его къ себѣ. Но какое-то особенное чувство тянуло его къ портрету, съ котораго глядѣло невыразимой кротости личико, будто стыдившееся за свое присутствіе въ этомъ потайномъ музеѣ. Точно что-то освѣтило мальчика онъ приглядѣлся ближе и прочелъ на верхней части рамы имя Колины Демеръ.

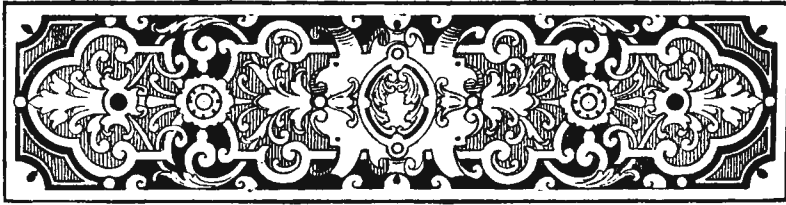
— О, вскричалъ онъ, такъ это правда!

Волненіе его было такъ сильно, что онъ не устоялъ: колѣна у него подогнулись и онъ безъ чувствъ упалъ на паркетъ.

Онъ очнулся на постели, около которой стояла женщина, все еще прекрасная. Мариета д'Ангіенъ оказала ему помощь, какъ мать сыну.

Не пришло ли ей въ голову, что это ея сынъ?

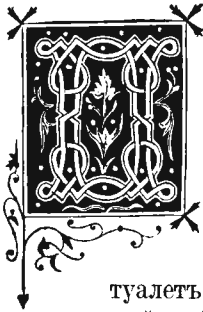

XXVII.

Батардъ.

«Если злоба въ душѣ чловѣка царить,
«Днемъ и ночью она безпрестанно твердитъ:
«Изъ двухъ золь выбирай, двѣ дороги лишь есть,—
«Иль въ отчаянье впасть, иль позоръ перенести.
«Два исхода тебѣ остались. выбирай:
«Преступленье сверши, иль себя убивай!..»

ОРЛЕАНСКІЙ въ короткихъ словахъ передалъ Маріетѣ д'Ангіенъ о томъ, что сынъ ея въ Парижѣ и о своей встрѣчѣ съ нимъ, которая могла окончиться для него печально. Онъ успокоилъ ее относительно этого неудавшагося покушенія и обѣщаль возратить ей сына. Отсюда-то и произошла ея ошибка.

Между тѣмъ, пока Карлъ VI оканчивалъ свой туалетъ, чтобы во всемъ блескѣ идти со всѣмъ дворомъ въ залу засѣданій Государственнаго Совѣта, Гоненъ, въ темномъ углу эстрады указывалъ Ришару на герцога Бургундскаго, неподвижнаго и безмолвнаго, и говорилъ ему на ухо:

— Ты видишь этого чловѣка. Нѣсколько часовъ тому назадъ это былъ самый счастливый, самый торжествующій изъ сеньеровъ міра христіанскаго. Его лелѣяли золотые сны при радостныхъ восклицаніяхъ народа, между тѣмъ какъ Орлеанскій слышалъ на пути своемъ только ропотъ и даже оскорбленія. И вотъ этотъ послѣдній проронилъ съ устъ своихъ нѣсколько словъ, измѣнившихъ все. Его тоже восторженно привѣтствовали, и этотъ поворотъ только

усилилъ ненависть, которую Бургундскій питаетъ къ Орлеанскому, а извѣстная баллада прибавила ко всему еще мѣки ревности. Вотъ по этому-то больному мѣсту и нужно ударить... Слѣдуй моимъ инструкціямъ, ступай прямо къ герцогу и найди предлогъ заговорить съ нимъ о Долинѣ любви.

— Почему же вы сами не сдѣлаете этого?—спросилъ Ришаръ.

— Потому что я только шутъ и имѣю право только смѣшить. Ты ненавидишь того, какъ и онъ, слейте вашу обоюдную ненависть во-едино.

Гоненъ такъ настоятельно требоваль, что Ришаръ сошелъ съ эстрады и не обращая вниманія на Рауле д'Актонвиля, неотходявшаго отъ герцога и неспускавшаго съ него глазъ, онъ медленно подошелъ къ герцогу, который теперь походилъ на каменнаго рыцаря, какіе ставились на могилахъ и который теперь, сбросивъ съ себя оцѣпенѣніе, нѣсколько разъ повторилъ:

«И лишь одну отраду знаю,
«Когда на твой портретъ смотрю».

Потомъ, въ необыкновенномъ возбужденіи, Бургундскій сжалъ кулаки и прошепталъ:—«Подлецъ!» Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ Ришара.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ юноша сильно взволнованный.

— Кто ты такой?

— Человѣкъ, котораго вы сегодня освободили отъ казни.

— Чего же тебѣ нужно?

— Помощи противъ высокаго и могущественнаго сеньера.

— Противъ кого?

— Противъ герцога Орлеанскаго.

— Что можетъ быть общаго между имъ и тобой?

— Мать моя.

— Объяснись.

Ришаръ разсказалъ ему о бѣгствѣ отца, то-есть того, кого онъ считалъ отцомъ, о похищеніи своей матери и задержаніи ея. Онъ, Ришаръ, самъ ходилъ въ отель де-Брегень, чтобы требовать мать свою отъ самого герцога, и его вытолкали за дверь, сказавъ ему, что отель де-Брегень не то что отель д'Артоа, куда можетъ войти всякій мужланъ, а такъ какъ Ришаръ кричалъ, отбивался и носилъ герцога всяческими словами, какъ онъ того заслуживалъ, то его связали и представили парижскому старшинѣ.

— Стало-быть ты не знаешь, гдѣ заперта твоя мать?

— Мэтръ Гоненъ, знающій если не все, то почти все, утверждаетъ, что она должна быть непремѣнно около того мѣста, что называется долиной...

— Долина Люви! и ты хотѣлъ бы туда пробраться?

— Да, герцогъ.

— Какимъ образомъ?

— Благоволите, ваша свѣтлость, выразить желаніе, чтобы на праздникѣ, который въ честь вашу дастъ герцогъ Орлеанскій былъ и мѣтръ Гоненъ съ своей трупой, а такъ какъ я теперь состою въ трупѣ...

— Такъ, но это еще не все; что же ты сдѣлаешь потомъ?

— Мѣтръ Гоненъ пособить. Во-первыхъ, въ отелѣ де-Брегень обыкновенно отдается въ распоряженіе короля шутовъ и его трупы, для приготовленій къ представленію часть галлерей, прилегающей къ «Val d'Amour»; кромѣ того, я ужъ не знаю какимъ образомъ,— но у мѣтра Гонена есть ключъ отъ потайного отдѣленія отеля.

— Хорошо, мы вмѣстѣ войдемъ въ этотъ вертепъ, въ эту долину любви; ты пойдешь, куда укажетъ тебѣ долгъ сына... я же— хочу удовлетворить свое любопытство.

— Но, ваша свѣтлость, я очень боюсь, что вашъ уходъ можетъ возбудить вниманіе, особенно, если вы встанете и пойдете не обычнымъ путемъ.

— Не бойся ничего,— сказала Рауле д'Актонвиль. — Я заведу ссору между нашими людьми и людьми герцога Орлеанскаго и въ суматохѣ можно будетъ сдѣлать, что угодно.

— Ну, да будетъ такъ,— сказалъ Бургундскій, вставая съ мѣста.

Герцогъ направился въ игорную залу: тамъ шелъ споръ, дѣло доходило до драки.

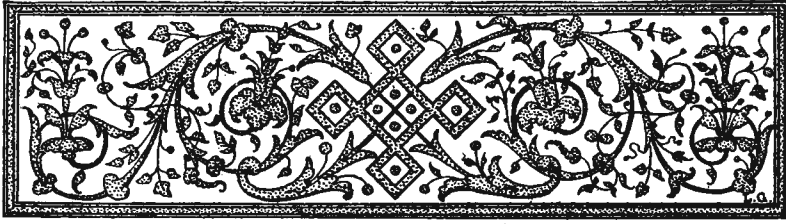
Въ ту минуту какъ Ришаръ шелъ къ Гонену, Рауле говорилъ своему господину:

— Я этого мальчика не спущу съ глазъ. Дѣло ему найдено, показаніе будетъ полное.

Іоаннъ Безстрашный ничего не отвѣтилъ и вошелъ въ игорную залу, гдѣ шумъ какъ-будто сталъ потише.

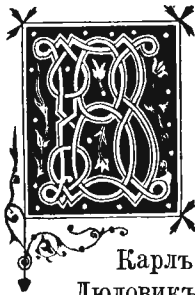

XXVIII.

Карты.

«Онъ умеръ въ нищетѣ, безъ гроша за душой,
«Терять во всемъ было его обыкновеньемъ,
«И если обрѣтеть на небѣ онъ покой,
«То будетъ счастьемъ, достойнымъ удивленья».

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНІЯ игры въ кости неизвѣстно; она существовала съ незапамятныхъ временъ, и до царствованія Карла VI никакой другой игры во Франціи не знали. Рассказываютъ, что братъ Людовика Святого былъ отчаянный игрокъ. Дюгескленъ проигралъ въ кости все свое имущество и умеръ бы съ голода, если бы ему не помогаль

Карль V.

Людовикъ Орлеанскій любилъ игру такъ же страстно, какъ и женщинъ. До сумашествія Карла VI, братья часто играли вмѣстѣ и обыгрывали другъ друга дѣ-чиста.

Когда для развлеченія больного короля выдуманы были карты, то они замѣнили игру въ кости. Карты вошли въ моду и производили фуроръ. Отель де-Нель, обращенный въ игорный домъ, часто бывалъ свидѣтелемъ кровопролитныхъ стычекъ.

То же самое, какъ мы видѣли сейчасъ, чуть-чуть не произошло во дворцѣ короля. Вмѣшательство дядей короля прекратило скандалъ.

Иоаннъ Безстрашный только прошелъ черезъ залу, простился съ игроками и вышелъ.

Въ сосѣдней комнатѣ Карль VI, уже одѣтый въ роскошное платье, вѣроятно подѣ влияніемъ насыщенія послѣ мучительнаго голода, уснулъ въ креслахъ, служившихъ ему трономъ.

Этотъ благодѣтельный сонъ продолжался до утра.

Проснувшись, Карль VI почувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ. Разсудокъ вернулся къ нему вполне. Онъ собирался засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ, между тѣмъ, какъ братъ его думалъ только о томъ, какъ бы уѣхать въ замокъ де-Боте, чтобы принять изъ рукъ Гонена молодую дѣвушку, которую герцогъ приказалъ ему привести. Но еще ранѣе, ему нужно было навѣстить королеву. Онъ отозвалъ Жакоба съ дежурства въ галереѣ, и тотъ, конечно, не сказалъ ему о причинѣ своего обморока, но сѣлъ на лошадь и поѣхалъ вслѣдъ за принцемъ, съ истинно сыновней привязанностью.

Орлеанскій уже не думалъ о братѣ, у котораго въ теченіе нѣсколькихъ минутъ видѣлъ проблески разума, на которые, по его мнѣнію, не стоило и обращать вниманія.

XXIX.

Король.

АРЛЬ VI, одѣтый во все королевскія регалии, вступилъ въ залу Государственнаго Совѣта съ величіемъ, совершенно не согласовавшимся съ его вчерашнимъ ужасающимъ видомъ. Королева, едва оправившись послѣ родовъ, поспѣшила одѣться и пришла туда же. Она сѣла рядомъ съ супругомъ на стулъ, который былъ ниже королевскаго. За нею стали двѣ статсъ-дамы. Позади нихъ размѣстились на табуретахъ другія придворныя дамы.

За огромнымъ овальнымъ столомъ, послѣ короля, размѣстились герцоги Беррійскій, Анжуйскій и Бурбонскій, затѣмъ герцогъ Бургундскій; оставалось одно пустое мѣсто—мѣсто герцога Орлеанскаго; группа сеньеровъ обѣихъ партій дополняла собраніе.

— Миръ и спасеніе всемъ, — проговорилъ Карлъ VI, съ легкимъ наклоненіемъ головы, — садитесь и расскажите намъ, въ какомъ положеніи дѣла государства.

— Сиръ, — сказалъ герцогъ Беррійскій, — въ королевствѣ все спокойно. Нѣтъ болѣе мятежей, нѣтъ войнъ. Англичане уходятъ, оживляется торговля; только денегъ мало попрежнему.

— Какимъ же образомъ мало денегъ, если торговля оживляется? И какъ это англичане уходятъ, а между тѣмъ занимаютъ прежнія мѣста. Вы какъ объ этомъ думаете, кузенъ мой, герцогъ Бургундскій?

— Сиръ, — отвѣчалъ послѣдній, — вотъ что я думаю о положеніи государства: представьте себѣ человѣка, котораго сбросили съ башни св. Іакова. На лету, онъ говоритъ самъ себѣ: — «Пока все еще идетъ не дурно, но бѣда какъ упаду!»

— Что значитъ эта аллегорія?

— Это значить, что французское королевство свержено въ бездну, на днѣ которой оно погибнетъ, если его не спасутъ на лету.

— Объяснитесь.

— Все идетъ хуже и хуже съ тѣхъ поръ какъ рука ваша перестала держать бразды правленія: расточительность королевы и герцога Орлеанскаго заставляютъ Жана Малаго проповѣдывать съ кафедръ, что они одѣваются кровью народа, питаются его слезами, не смотря на ваши указы, восстановлено право реквизицій; налоги удвоены, таксы увеличены до безконечности, судебныя и другія мѣста продаются чуть не съ аукціона...

— Дорогой племянникъ,—сказалъ Беррійскій,—вы забываете, что только-что примирились съ своимъ кузеномъ герцогомъ Орлеанскимъ и поклялись избѣгать всякаго новаго повода къ раздорамъ. При томъ, все можно поправить. Племянникъ нашъ герцогъ Орлеанскій намѣренъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ государства, употребивъ на то сборъ ежегодной таксы.

— Это будетъ уже второй сборъ въ этомъ году.

— Куда же пошли деньги перваго сбора?—спросилъ король.

— Все истрачено, сундуки совершенно пусты,—отвѣтила королева, смотря съ вызывающимъ видомъ на герцога Бургундскаго.

— На что же потрачены деньги? Или мы вели какую-нибудь разорительную войну?

— Нѣтъ, ваше величество; война противъ англичанъ идетъ изъ замка въ замокъ; одни только сеньоры несутъ ея тяготы.

— Въ такомъ случаѣ, королева, все это золото издержано безумнымъ образомъ?

— Государь, вы несправедливо оскорбляете вашего брата и меня. Все тратилось на произведенія изящныхъ искусствъ, на устройство празднествъ и турнировъ для увеселенія черни.

— Да,—грубо прервалъ Бургундскій,—и все это вызвало возмущеніе мальотинцевъ, которое поколебало престолъ еще сильнѣе, чѣмъ англичане.

— Согласенъ,—сказалъ Беррійскій, которому вторили его братья,—но зачѣмъ бросать камень въ прошлое? Будемъ заботиться какъ бы устроить будущее. Для этого есть средство: нужно перечеканить монету.

— Перечеканить монету!—вскричалъ Иоаннъ Безстрашный.—Да что вы? Или вы хотите, чтобы парижское населеніе взялось за пики да построило бы баррикады? Да они сожгутъ насъ, какъ жидовъ и фальшивыхъ монетчиковъ!

— Пустое!—перебила Изабелла,—денегъ нужно достать во что бы то ни стало.

— Для новыхъ безумныхъ тратъ?

— Это ужъ слишкомъ, герцогъ Бургундскій, вы нарушаете уваженіе къ королю, если не уважаете королеву.

Изабелла сдѣлала видъ, что хочетъ уйти.

— Остановитесь, королева, — сказалъ Карль VI. — Мы собрали Государственный Совѣтъ для того, чтобы все обсудить и доискаться истины, хотя бы она была кому-нибудь изъ присутствующихъ здѣсь и неприятна. Ахъ, зачѣмъ ко мнѣ вернулся разумъ! Настоящее печалитъ меня; будущее пугаетъ. Я не говорю о прошедшемъ, то есть о времени моего несовершеннолѣтія. То было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано во время моей болѣзни. Кому довѣриться? Что дѣлать?

— Есть только одно средство, государь, — выговорилъ Бургундскій, — созвать генеральные штаты.

— Генеральные штаты! — пробормотали сеньоры партіи Орлеанскаго.

— Да, генеральные штаты, — подтвердилъ Іоаннь Безстрашный.

И, обратившись къ королю, онъ продолжалъ:

— Такое уваженіе къ подданнымъ со стороны вашего величества, государь, успокоитъ умы и приведетъ къ добровольному согласію на новыя субсидіи, которыя на этотъ разъ употреблены будутъ на дѣйствительныя нужды государства.

— Генеральные штаты, — продолжалъ герцогъ Беррійскій, — что означаетъ это установленіе, какъ не униженіе королевской власти? Король зависитъ только отъ Бога. Въ трудныя времена онъ можетъ обратиться за совѣтомъ къ своему дворянству; но спуститься ниже — никогда!

Пока противныя партіи выражали то или другое мнѣніе, Изабелла все думала, куда могъ дѣваться герцогъ Орлеанскій и рѣшила, что его навѣрное задержало какое-нибудь новое любовное похиженіе.

— Кузень Бургундскій, — сказалъ король послѣ нѣкотораго размышленія, — мы вамъ очень благодарны за то, что вы такъ смѣло высказались противъ дѣйствій правительства и расточенія финансовъ за послѣдніе годы. Но берегитесь! вы съ такимъ жаромъ принимаете сторону черни, что васъ могутъ заподозрить въ какихъ-нибудь честолюбивыхъ замыслахъ.

— Ловко хватилъ! — пробормоталъ Беррійскій своимъ братьямъ. Потомъ прибавилъ громко:

— Вы удивительно изволите разсуждать, государь!

— Герцогъ Беррійскій, — перебилъ его король, — мы не станемъ скрывать отъ васъ, что собранія, исключительно составленныя изъ пэровъ и бароновъ, также не внушаютъ намъ особаго довѣрія. Подобное собраніе тотчасъ бы избрало на мое мѣсто принца, всегда оказывавшаго покровительство дворянству. Слѣдовательно, или Бургундскій, или Орлеанскій! Если бы братъ мой былъ здѣсь, я сказалъ бы ему: «Я прощаю вамъ все сдѣланное вами, но не хочу дать вамъ возможности и впередъ дѣлать то же самое». Здѣсь не

обо мнѣ лично идетъ дѣло, но о благѣ общемъ. Ахъ! прошли времена Карла Великаго, когда были только дворяне и крестьяне. Крестьяне мало-по-малу выкупились; образовались общины; буржуазія прибрѣла вольности и богатства; она стремится перевѣсить дворянство. Нужно подумать, какъ бы установить равновѣсіе. Но прежде всего, нашимъ первымъ рѣшеніемъ будетъ уничтоженіе указа, вынужденнаго у меня въ январѣ 1406 года, въ силу котораго братъ мой получилъ верховное право распоряжаться финансами, а королева—предсѣдательствовать въ совѣтѣ.

— Но, государь, я не заслужила,—проговорила королева.

— Не прерывайте меня. Я поступлю такъ, такова моя твердая воля. Я хочу, чтобы вы больше не принимали участія въ дѣлахъ общественныхъ. Что касается моего брата, то онъ тоже лишится возможности удовлетворять своей неумѣренной страсти къ роскоши и празднествамъ, въ ущербъ государственной казны. Нашему кузену, герцогу Бургундскому, я поручаю финансы. Такая должность влечетъ за собою народную ненависть къ лицу, занимающему ее. Желая отъ души, чтобы популярность его не пострадала отъ этого слишкомъ скоро. Управление же государствомъ раздѣлено будетъ между герцогами Орлеанскимъ и Бургундскимъ. Каждый указъ долженъ быть подписанъ ими обоими, иначе онъ не будетъ имѣть силы.

— Но если произойдетъ разногласіе во мнѣніяхъ?—спросилъ Беррійскій.

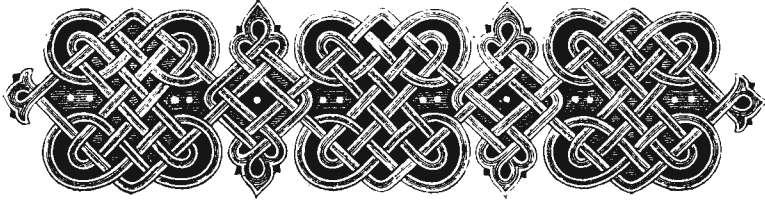
— Въ такомъ случаѣ должны быть созваны генеральные штаты, и оба герцога лишатся власти. При такихъ условіяхъ, надѣюсь, они придутъ къ соглашенію. Я сказала.

Онъ сдѣлалъ знакъ, что распускаетъ собраніе.

Изабелла и герцогъ Бургундскій были разбиты; остальные всѣ говорили другъ другу слова, сохранившіяся въ хроникѣ:

— Когда Карлъ VI не бываетъ самымъ безумнымъ, то онъ самый умный человекъ въ королевствѣ.

XXX.

Андалузянка.

АРЛЪ VI, — говорится въ одной старинной хроникѣ, былъ въ свое время государь жалостливый, кроткій и добродушный къ народу, усердный служитель Богу и щедрый на милостыню. Лицо у него было совсѣмъ блѣдное и глаза полузакрыты. Казалось, что онъ спитъ, надѣвъ на голову шапочку съ небольшими уголками; послѣ засѣданій Государственнаго Совѣта онъ прохаживался по заламъ отеля Сень-Поль цѣлый часъ, смотря туда, сюда, разглядывая перемѣны, произведенныя въ сказанномъ отелѣ, какъ челоуѣкъ долго бывший въ отсутствіи и припоминающій, все ли на своемъ мѣстѣ».

Дѣйствительно, казалось къ королю окончательно вернулся разсудокъ и онъ навсегда зажилъ нормальной жизнью. Онъ все ходилъ по отелю, какъ будто узнавая его.

Во всемъ Парижѣ только и было разговоровъ, что о происшедшей съ нимъ перемѣнѣ и о его твердости, выказанной въ засѣданіи совѣта. Въ церквяхъ служили благодарственные молебны за возвращеніе ему разсудка, заказывались большія и малыя мессы объ окончательномъ его выздоровленіи.

Королева злилась на себя за то, что допустила это пробужденіе. Съ другой стороны она старалась забыть невѣрности королевскаго брата въ обществѣ сеньора Буабурдона, прекраснаго кавалера, состоявшаго при ея особѣ.

Пока все это совершалось, Маргарита де-Гено, супруга Іоанна Безстрашнаго, переодѣтая въ мужское платье, пробралась въ отель де-Брегень, въ ту самую минуту, какъ Мариета д'Ангіенъ, въ такомъ же мужскомъ костюмѣ выходила оттуда, чтобы у короля шутить

розыскать своего сына. Но за нимъ уже приходилъ Рауле д'Актонвиль, чтобы указать ему вѣрнѣйшій путь освободить мать свою изъ рукъ герцога Орлеанскаго.

Идя по направленію къ отелю д'Артуа (дворецъ герцога Бургундскаго) они повстрѣчали брата Саше, продолжающаго свой уличный сборъ. Ришаръ подошелъ къ нему, какъ къ лицу духовному и попросилъ у него благословенія на совершеніе дѣла, завѣщаннаго ему отцомъ.

Жанъ Малый ограничился только словами: *Fiat voluntas Dei*, но съ такимъ страшнымъ выраженіемъ, что Ришаръ содрогнулся отъ ужаса.

Бѣдный мальчикъ точно окаменѣлъ. Рауле д'Актонвиль увелъ его и минуту спустя, въ домѣ, близъ воротъ Барбетъ, передъ отелемъ маршала д'Эврѣ и по близости отеля д'Артуа, Евстафій Малые, водоносъ, котораго мы видѣли на лобномъ мѣстѣ, и Ришаръ Карпаленъ сидѣли за столомъ, лицомъ къ лицу, какъ тогда, и дѣлились другъ съ другомъ своими тогдашними ощущеніями и своею ненавистью.

Что же дѣлалъ герцогъ Орлеанскій въ своемъ замкѣ де-Боте. Онъ былъ подъ обаяніемъ прекрасной андалузянки, которую Гоненъ прислалъ ему съ цѣлой свитой другихъ фиглярокъ.

Рита отличалась тѣмъ сложнымъ типомъ, въ которомъ замѣтно сліяніе мавританской крови съ кровью старой Испаніи. Не много орлиный носъ, тонкія губы, густыя брови дугой, голубые блестящіе глаза, осѣненные длинными, шелковистыми рѣсницами, матовый цвѣтъ лица, изрѣдка слегка розоватый. Маленькая и миниатюрная, она отличалась необыкновенной гибкостью. Когда она плясала свой національный танецъ, она была восхитительна съ черной распущенной косой, доходившей до колѣнъ и роскошнымъ горломъ, на которомъ, какъ у древней Мессалины, была надѣта только простая золотая лента. Вокругъ нея безумно кружились вакханки, набранныя королемъ шутовъ на дворѣ Чудесъ, по ремеслу уличныя танцовщицы съ кастаньетами; пока молоды онѣ танцовали, а подѣ старость занимались гаданьемъ.

Людовикъ совершенно забылся въ этомъ подготовленномъ упоеніи, не думая ни о чемъ. Государство, брата, врага своего—онъ все забылъ.

Надо было, однако, подумать объ отѣздѣ. Когда сенешаль увидѣлъ, что наступила минута пресыщенія, онъ сказалъ Жакобу:

— Ну, милый пажъ, вели осѣдлатъ герцогскаго мула. Лошадиная рысь не такъ спокойна. А мулъ идетъ ровно и правильно.

Жакобъ тотчасъ распорядился. Герцогъ лѣниво сѣлъ на мула и поѣхалъ потихоньку, за нимъ на лошади ѣхалъ пажъ.

Пока они подвигались къ Венсенскому лѣсу, Карлъ VI совершилъ крайне рѣшительный поступокъ. Расхаживая по отелю, онъ

добрель до апартаментовъ королевы и, войдя къ ней, засталъ Буабордона у ногъ ея. Несчастнаго поклонника, по приказанію короля немедленно схватили, зашили въ мѣшокъ и бросили въ Сену; что же касается до Изабеллы, то ее тоже арестовали и отвезли въ замокъ Амбуазъ, гдѣ она должна была содержаться какъ преступница, въ ожиданіи приговора, или къ смертной казни, или къ пожизненному заключенію въ монастырь.

Король въ данномъ случаѣ выказалъ рѣшительность, приводившую всѣхъ въ изумленіе. Каждый спрашивалъ другого—вернулся ли разумъ къ нему окончательно, или же ему грозитъ опять потрясеніе.

— Я думаю что такъ!—говорилъ самъ себѣ Бургундскій.

Вдругъ съ улицы послышались какіе-то крики, заставившіе Карла VI вздрогнуть.

— Что тамъ такое?—спросилъ онъ.

Савуази, выскочившій на балконъ, закричалъ оттуда:

— А герцогъ Орлеанскій!

Онъ не смѣлъ докончить.

— Ну, что же такое?—Что съ моимъ братомъ?

— Увы, государь,—онъ убитъ!

— Убитъ!—повторилъ король, опускаясь въ кресла, вокругъ котораго столпились всѣ сеньоры, кромѣ герцога Бургундскаго, который воспользовался общимъ смятеніемъ, чтобы исчезнуть.

— Рауле д'Актонвиль исполнилъ все съ точностью,—говорилъ онъ самъ себѣ.—А теперь остается только выждать. Король не поправится... и предо мной останется только преступная женщина, которую парламентъ ужъ, конечно, не пощадить.

Затѣмъ, Іоаннъ Безстрашный вышелъ черезъ потайную дверь, быстро достигъ своего отеля, выбралъ лучшаго скакуна и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ слугъ, поскакалъ по дорогѣ къ Сень-Максану, велѣлъ изрубить за собою мосты и остановился въ Реймсѣ, откуда рѣшился наблюдать за дальнѣйшимъ.

Едва онъ выбрался изъ отеля С. Поль, какъ показались носилки. На носилкахъ лежалъ умирающій герцогъ Орлеанскій. Его не только ударили кинжаломъ, но еще и отрубили правую руку. Своей лѣвой рукой онъ прижималъ къ груди тѣло убитаго Жакоба.

Рауле д'Актонвиль догналъ своего господина, увезя съ собою отрубленную руку, которую бросилъ къ ногамъ герцога, со словами:

.....«Рукой отъ страсти неумѣлой
«Я косу ей расплелъ несмѣло
«И поясъ развязалъ златой».

Когда носилки внесены были въ залу, гдѣ находился король, при первомъ извѣстіи объ убійствѣ упавшій въ обморокъ, то онъ все еще былъ безъ чувствъ.

Огромная толпа народа сопровождала носилки, гдѣ лежали мертвый и умирающій. Сзади всѣхъ шли Жанъ Малый и Гонень.

За ними слѣдовалъ Рибле, таща за воротъ Ришара Карпалена, который искалъ глазами герцога Бургундскаго, чтобы найти у него защиту.

— Вотъ одинъ изъ убійць!—сказалъ Рибле.

Герцогъ Орлеанскій поднялъ въ послѣдній разъ глаза на убійцу и прошепталъ:

— Мой сынъ! сынъ Мариеты д'Ангіенъ, а вотъ этотъ бѣдный мальчикъ (онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы поцѣловать въ губы Жакоба) тоже мой сынъ, сынъ Колины Демеръ. Ришаръ, ты убилъ своего отца и брата.

Затѣмъ голова герцога поникла: онъ умеръ.

— Это правда?—спросилъ растерянный Ришаръ.

— Правда,—отвѣчалъ Гонень.

— Правда!—прибавилъ Жанъ Малый.

— О, я несчастный!—крикнулъ Ришаръ.

Онъ быстро вырвался изъ рукъ Рибле, побѣжалъ къ балкону и однимъ скачкомъ очутился на немъ.

Послышался глухой стукъ: Ришаръ ринулся оттуда и упалъ на свою мать, возвращавшуюся изъ театра Гонена. Оба были мертвы.

Тогда Жанъ Малый схватилъ за руку Гонена и потащилъ его въ уголъ залы. Здѣсь онъ поднялъ свой капюшонъ.

— Узнаешь ли ты меня теперь?—спросилъ онъ.

Свирѣпая радость свѣтилась на этомъ страшномъ лицѣ, которое Гонень сразу узналъ.

— Оберъ-ле Фламень!—прошепталъ онъ, пораженный.

— Въ монашествѣ Жанъ Малый.

Король очнулся только поздно ночью. Онъ сохранилъ достаточно сознанія, чтобы приказать арестовать герцога Бургундскаго, котораго уже не нашли.

Впослѣдствіи, благодаря сумасшествію короля, возвращенію убійцы и Изабеллы Баварской,—благодаря апологіямъ убійства въ устахъ Жана Малаго, смерть Орлеанскаго стала считаться какъ бы подвигомъ добродѣтели!

Маргарита Гено удалась въ свое Бургундское герцогство, гдѣ суровый супругъ ея, считавшій ее оклеветанной, оставилъ ее въ покоѣ. Жанъ Малый остался въ лѣтописяхъ исторіи какъ грозный ораторъ.

Что же касается короля шутовъ, то будучи предтечею Мольера въ комедіи, онъ и кончилъ точно также, какъ впослѣдствіи Мольеръ: Гонень умеръ на сценѣ, играя свою любимую роль—роль Сатаны.

КОНЕЦЪ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВЪ, ХАРЬКОВЪ И ОДЕССЪ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

МАЗАНІЕЛЛО.

Историческій романъ изъ эпохи XVII столѣтія

Адольфа Глазера.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Съ 30 гравюрами.

С.-Петербургъ. 1889. Цѣна 1 р. 50 к.

КОРОЛЬ ШУТОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Жерара де Нерваля.

Переводъ съ французскаго Е. М. Гаршина.

С.-Петербургъ. 1890. Цѣна 1 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

